

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ Р. С. БЕЛКИНА

Материалы Международной
научно-практической конференции
«К 95-летию со дня рождения
ученого, педагога, публициста»

г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ Р. С. БЕЛКИНА

Материалы Международной
научно-практической конференции
«К 95-летию со дня рождения
ученого, педагога, публициста»

г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

• ПРОСПЕКТ •

Москва
2018

УДК 343.98
ББК 67.52
М34

Электронные версии книг
на сайте www.prospekt.org

Редакция сборника: профессор Е. Р. Россинская, доцент Л. И. Слепнёва, кандидат юридических наук Н. С. Нергина.

М34 Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.). — Москва : РГ-Пресс, 2018. — 1040 с.

ISBN 978-5-9988-0709-1

22–23 ноября 2017 г. в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) состоялась Международная научно-практическая конференция «Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина. К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». Инициаторами и организаторами конференции выступили Институт судебных экспертиз Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) совместно с Академией управления МВД России, РФПСЭ при Минюсте России и Автономная некоммерческая организация «Солужество экспертов МГЮА имени О. Е. Кутафина».

В сборник вошли представленные участниками конференции материалы, в которых освещается научное наследие профессора Р. С. Белкина, рассматриваются проблемы теории судебной экспертизы, процессуальной регламентации и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, подготовки и переподготовки экспертных кадров.

Тезисы выступлений и статьи печатаются в авторской редакции в алфавитном порядке по фамилиям авторов. Мнение автора не всегда совпадает с точкой зрения редакции.

В работе использованы законодательные акты на июнь 2017 г.

Для научных работников, студентов, аспирантов и преподавателей вузов, практикующих юристов, а также широкого круга читателей, проявляющих интерес к судебным экспертам.

УДК 343.98
ББК 67.52

Сборник подготовлен с использованием СПС «КонсультантПлюс».

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ Р. С. БЕЛКИНА

Материалы международной научно-практической конференции
«К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста»
(г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.)

Подписано в печать 20.03.2018. Формат 60×90 1/16.

Печать цифровая. Печ. л. 65,0. Тираж 250 экз. Заказ № 953.

Отпечатано с предоставленных готовых файлов в полиграфическом центре
ФГУП Издательство «Известия»
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 6, телефон: (495) 650-38-80, izv-udprf.ru

ISBN 978-5-9988-0709-1

© Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2018

Абдурагимова Т. И.

Некоторые проблемные вопросы системы следственных действий в УПК РФ и их решение как реализация идей Р. С. Белкина

Российское государство на современном этапе развития испытывает острую потребность в решении общегосударственных задач по укреплению правопорядка и борьбы с преступностью. В современных условиях актуальными остаются вопросы применения комплексных эффективных мер упреждающего антикриминогенного характера.

Следственные действия в уголовном судопроизводстве России прошли долгий исторический период формирования и имели циклический характер развития (подъем, застой, спад, оживление), а также перехода в определенные периоды на качественно новый уровень. Развитие системы следственных действий в России имеет глубокие исторические традиции, заложенные еще Петром I, нашедшие отражение в судебной реформе 1864 г., которая стала основой института следственных действий, которые получили правовое закрепление и остались неизменными практически до настоящего времени¹.

Различным аспектам определения понятия следственного действия и их классификации посвящали свои научные изыскания многие ученые криминалисты, в том числе И. Ф. Герасимов, И. Е. Быховский, А. И. Михайлов, С. А. Шейфер, А. А. Протасевич и многие другие. Пристальное внимание уделил этому вопросу Рафаил Самуилович Белкин в своей работе «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики»².

Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство и на сегодняшний день не содержит ни четкой системы следственных действий, ни самого понятия «следственного действия». Следовательно,

¹ *Пигорев О. И.* Развитие института следственных действий в российском уголовно-процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 78.

² *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. С. 234. М.: Инфра-М-НОРМА, 2001. 240 с.

по-прежнему остается предметом научных дискуссий отнесение некоторых процессуальных действий к следственным действиям¹.

Так, в науке не сформировано единой точки зрения относительно правовой природы таких действий, как эксгумация трупа и получение образцов для сравнительного исследования. Одни ученые считают такие действия следственными в силу их познавательного характера², другие — только средствами получения данных для дальнейшего производства следственных действий³. Последователи второй точки зрения обращают внимание на то, что непосредственно в ходе эксгумации и получения образцов для сравнительного исследования доказательств не собираются, а как указывал Р. С. Белкин, следственными именуются только те процессуальные действия, целью которых служит собрание, исследование, оценка и использование доказательств. В то же время очевидно, что именно в результате указанных действий в распоряжении следователя на законных основаниях оказываются источники доказательственной информации (труп и соответствующие образцы), которая исследуется и анализируется в ходе проведения последующих следственных действий (прежде всего — судебных экспертиз).

Соответствующие следственные действия просто невозможно было бы произвести без эксгумации и получения образцов для сравнительного исследования, поэтому в этом смысле данные действия обладают познавательным характером, присущим следственным действиям. Наконец, эксгумация и получение образцов для сравнительного исследования предусмотрены и с различной степенью конкретности регламентированы уголовно-процессуальным законом. В силу указанных факторов эксгумацию и получение образцов для сравнительного исследования целесообразно отнести к вспомогательным следственным действиям, которые, с одной стороны, обладают всеми признаками следственных действий, а с другой стороны, их результаты используются не непосредственным образом в процессе доказывания, а для производства других следственных действий.

Некоторые ученые относят к следственным действиям задержание лица по подозрению в совершении преступления⁴, отмечая, что факт нахождения лица на месте совершения преступления или обнаружение

¹ См., напр.: *Комиссаренко Е. С.* Следственные действия в уголовном процессе России: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2005. 25 с.

² *Быков В. М., Жмурова Е. С.* Эксгумация трупа как самостоятельное следственное действие // *Вестник Саратовской государственной академии права.* 2003. № 2. С. 61.

³ *Алиев М. А., Шахбанова Х. М.* Система следственных действий в уголовном процессе // *Актуальные проблемы права и управления глазами молодежи. Материалы международной научной студенческой конференции.* Под общ. ред. И. Б. Богородицкого. Тула, 2014. С. 14–15.

⁴ *Ефимичев П. С., Ефимичев С. П.* Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. М., 2009. С. 114.

на нем или его одежде, при нем или в его жилище явных следов преступления доказывает причастность лица к данному деянию. Однако очевидно, что задержание представляет собой меру процессуального принуждения для предотвращения возможного негативного поведения подозреваемого¹. Само задержание как таковое доказательственной информации не содержит, поэтому относить его к следственным действиям неверно.

Не меняет природы задержания и тот факт, что в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно, а также то обстоятельство, что в ряде случаев составной частью задержания является личный обыск задержанного, в ходе которого могут быть изъяты предметы, имеющие доказательственное значение. Скорее, следует признать неудачной конструкцию соответствующей нормы УПК РФ, довольно эклектически объединившей воедино разные по своей правовой природе действия.

Подтверждением этому является тот факт, что личный обыск при оформлении процессуального задержания производится очень редко, в подавляющем же большинстве случаев соответствующие действия осуществляются сразу же после физического задержания лица или после его доставления в правоохранительный орган в рамках личного досмотра. Очевидно, что в противном случае ситуация приобретет характер замкнутого круга: физическое задержание очень часто производится для изъятия у лица предметов, свидетельствующих о его причастности к совершению преступления, и без их изъятия невозможно принять решение о процессуальном задержании. Соответственно, откладывание изъятия данных предметов до процессуального задержания лица и проведения после этого его личного обыска обесмысливает всю данную процедуру.

К сожалению, в последнее время законодатель использует явно некорректные формулировки, формально дающие основание относить к следственным некоторые действия, которые, однако, таковыми явно не являются. Так, в ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ установлены правила проведения судебного заседания по рассмотрению ходатайства «о производстве следственных действий, касающихся реализации или уничтожения вещественных доказательств», хотя не вызывает сомнений что уничтожение или реализация вещественных доказательств следственным действием не является, на что справедливо обращено внимание в научной литературе².

¹ Баранов А. М., Супрун С. В. Задержание подозреваемого: процессуальное обоснование законности // Уголовный процесс. 2008. № 1 (37). С. 14–16.

² Меремьянина О. В. «Новос» в системе следственных действий // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 4. С. 31.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время в уголовно-процессуальном законе отсутствует отдельная норма, содержащая систематизированный перечень следственных действий, однако все они указаны в различных нормах УПК РФ. В то же время следственные действия являются важнейшим средством доказывания в уголовном судопроизводстве, и как абсолютно справедливо отмечал Рафаил Самуилович Белкин: «очевидна необходимость комплексного изучения системы следственных действий криминалистами, процессуалистами, психологами, специалистами в области научной организации труда следователя. Его результатами должны быть общепонятные рекомендации о том, как следует подготовить и провести то или иное следственное действие, как избежать ошибок и получить достоверные результаты и как правильно и полно оценить эти результаты в аспекте процесса установления истины по делу»¹.

Представляется, что все следственные действия должны быть прямо закреплены в уголовно-процессуальном законе.

По нашему мнению, определение следственного действия может быть следующим: это вид процессуальных действий, проводимых при расследовании преступлений с целью собирания и проверки доказательств, для которых установлены особые режим, правила и условия производства.

Акопджанова М. О.

Значение судебно-экологической экспертизы для защиты биосферы и научное наследие профессора Р. С. Белкина

Защита окружающей природной среды является важнейшей задачей мирового сообщества, стремящегося к экологическому благополучию как настоящего, так и будущих поколений. С целью обеспечения экологической безопасности планеты мировое сообщество разработало ряд международных документов², закрепляющих принципы проведения различных экологических программ, основные положения которых нашли отражение в конституциях и внутреннем законодательстве большинства стран мира.

Конституция Российской Федерации 1993 г. (ст. 42) также закрепила соответствующие положения об охране окружающей среды. Согласно Конституции России, каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. С. 235. М.: Инфра-М-НОРМА, 2001. 240 с.

² Декларация Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде 1972 г., Декларация Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро 1992 г., Декларация Конференции в Иоганнесбурге 2002 г. и др.

ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Конкретизация конституционно-правовых норм о защите экологии нашла последующее отражение в нормах отраслевого законодательства, регламентирующего порядок обеспечения данного конституционного права (Закон об охране окружающей среды, иные федеральные законы и подзаконные нормативно-правовые акты), а также устанавливающего юридическую (гражданско-правовую, административно-правовую, уголовно-правовую) ответственность за его нарушение. Наиболее опасные посягательства на окружающую природную среду запрещены уголовным законодательством России под угрозой применения мер уголовной ответственности.

Действующее уголовное законодательство (глава 26 УК РФ) предусматривает уголовную ответственность за такие общественно опасные деяния против экологического благополучия, как нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ; нарушение правил обращения экологически опасных веществ, отходов; нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими, другими биологическими агентами, токсинами; нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений; загрязнение вод; загрязнение атмосферы; загрязнение морской среды; нарушение законодательства России о континентальном шельфе, об исключительной экономической зоне; порча земли; нарушение правил охраны и использования недр; незаконная добыча (вылов), нарушение правил охраны водных биологических ресурсов; незаконная охота; незаконные добыча, оборот особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, охраняемым международными договорами Российской Федерации; уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации; незаконная рубка, уничтожение, повреждение лесных насаждений; нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов¹.

Как показывает анализ судебно-следственной практики, зачастую расследование и судебное разбирательство по уголовным делам об экологических преступлениях производится при обязательном рассмотрении результатов экологической экспертизы, поскольку заключение эксперта как лица, компетентного в установлении фактических обстоятельств по делу, способствует выявлению и раскрытию юридически значимой информации, составляющей основу доказательственной базы. Одним из первых исследователей, доказавших важность для все-

¹ См.: Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

стороннего рассмотрения дела и судебного разбирательства экспертизы в целом, экологической экспертизы в частности, являлся выдающийся ученый-криминалист, основатель крупной научной школы, насчитывающей более сотни учеников, профессор Рафаил Самуилович Белкин. Он является автором таких выдающихся научных произведений, как «Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике», «Криминалистика и доказывание. Методологические проблемы», «Теория и практика следственного эксперимента», «Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы», «Курс советской криминалистики», «Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы», «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики»¹ и многих других. Профессор Белкин выявил и исследовал законы развития криминалистики сквозь призму общих законов развития научного знания, выдвинул и обосновал идею о сущности криминалистики не только как юридической науки, но и как синтетической науки, неразрывно связанной со многими естественно-научными дисциплинами.

В современном мире идеи профессора Белкина стали основой для формирования законодательств многих государств мира о криминалистических тактиках расследования преступлений, собирании и использовании доказательств, экспертных оценках. Особое значение в связи с высокой актуальностью для общественного развития и благополучия международного сообщества имеют при этом основы экспертной деятельности, заложенные в современные доктрины формирования судебно-экологической экспертизы, осуществление которой призвано способствовать выявлению и последующему устранению причин и условий причинения вреда окружающей природной среде, эффективному противодействию экологической преступности.

Криминалистическая характеристика экологических преступлений включает систему элементов, структурно связанных с соответствующими элементами составов экологических преступлений (субъектом преступления, обстановкой, предметом посягательства, преступным поведением, механизмом слеодообразования, последствиями преступления) и конкретизирующих их криминалистическими типовыми признаками. При этом для формирования методического обеспечения

¹ *Белкин Р. С.* Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М.: Юридическая литература, 1964. 230 с.; *Белкин Р. С.* Теория и практика следственного эксперимента / под общ. ред. А. И. Винберг. М.: Издательство ВШ МВД СССР, 1959. 171 с.; *Белкин Р. С.* Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: Наука, 1966. 295 с.; *Белкин Р. С., Винберг А. И.* Криминалистика и доказывание. Методологические проблемы. М.: Юридическая литература, 1969. 216 с.; *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. М.: РИО Акад. МВД СССР, 1977. 339 с.; *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Юридическая литература, 1987. 272 с.; *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Инфра-М-НОРМА, 2011. 240 с.; и др.

судебно-экологических экспертных исследований первостепенное значение принадлежит именно механизму следообразования.

Применительно к уголовному судопроизводству по делам об экологических преступлениях специальными знаниями являются знания в сфере экологического, биологического, почвенно-агрохимического, геологического, географического или технического высшего образования по специальностям, сопряженным с оценкой экологического состояния окружающей среды и имеющим специализацию в области исследования различных ее компонентов. Криминалистическая характеристика следов экологических преступлений включает характеристику следов совершения преступления, следов непосредственных последствий, следов отдаленных («вторичных») последствий. Специфика каждого из следов зависит от вида экологического преступления, которое было совершено: загрязнение воздуха, водоемов, земли, морского шельфа материалами, веществами, превышающими допустимые нормы; занятие незаконными промыслами, охотой¹; порча, уничтожение посевов (погрова), порубка деревьев, разрушение природных объектов; незаконное приобретение, хранение, использование, сбыт или иные незаконные действия в отношении радиоактивных материалов, взрывчатых, ядовитых веществ, иные преступления против экологии могут оставлять конкретные следы, позволяющие идентифицировать вид нарушения, характер и степень его общественной опасности. В качестве следов преступной деятельности в данном случае могут выступать очевидные изменения, вызванных преступными действиями, в виде явных следов на поверхности грунта, растительности, в ряде случаев — на поверхности акватории, в воздушном пространстве; в виде последствий (гибель птиц, рыбы) при наличии фактов отравления вредными веществами — отходами производства определенного объекта. К числу материальных последствий экологических преступлений относятся: следы в документах (в том числе письменных, включая схемы, чертежи, графики, фото-, кино-, видеодокументах, фонодокументах и пр.); следы в технологическом процессе, на механизмах и оборудовании (изменения конструкции, некачественный ремонт, отступления от технико-экологических норм и т. д.); следы человека (рук, ног), предметов одежды, обуви; следы орудий преступления, в том числе огнестрельного оружия, орудий лова (снасти, капканы и др.), следы инструментов, взрывных устройств, самострелов, средств упаковки, обработки, переработки, транспортировки; следы веществ, материалов, предметов, хранения, переработки, использование которых специально регламентируется экологическим законодательством (радиоактивные, взрывчатые,

¹ Рузметов С. А. К вопросу о судебной экспертизе при расследовании незаконной охоты: сборник статей. Калининград: КЮИ МВД России. 2001. Вып. № 6. Ч. 2. С. 4—6.

ядовитые, сильнодействующие вещества¹); следы в виде радиоактивных излучений, абсорбированных воздушной средой; следы на теле человека, в его организме как последствия негативного воздействия на окружающую среду; следы на объектах растительного и животного мира, природных объектах, в атмосферном воздухе, водоемах, почвах, грунтах, объектах сельскохозяйственного производства.

Характерной особенностью в местах незаконной добычи полезных ископаемых являются нарушения геологической структуры, образования разработок, карьеров, шурфов. К данной группе относятся следы от применения орудий добычи полезных ископаемых как находящихся в недрах, так и выступающих на поверхность (гранит, мрамор). Значение этих следов определяется возможностью идентификации слеодообразующих орудий (маркшейдерские, шанцевые, каменотесные, буровые, специальные добывающие устройства, драги и т. д.)².

В случае с незаконной охотой, совершенной с применением огнестрельного оружия, в результате выстрела образуются следы на гильзе и снаряде (пуле, дроби, картечи), на пораженном объекте и находящихся на пути предметах (деревьях)³. В случае незаконного промысла (рыбного и пр.) образуются следы применения различных орудий лова.

Признаки причинения значительного вреда здоровью людей в результате экологического преступления, выразившегося в загрязнении водоемов, атмосферного воздуха, устанавливаются заключением медицинских учреждений посредством проведения судебно-медицинской экспертизы живых лиц и пострадавших с летальным исходом. Значительный вред как следствие экологического преступления устанавливается путем учета признаков, позволяющего определить тяжесть заболевания и решить вопрос о наличии либо отсутствии инвалидности. В данных случаях учитываются признаки, указывающие на присутствие в организме определенных вредных веществ в той или иной дозе, попавших в него через дыхательный орган, пищеварительный тракт, кожные покровы.

Негативные изменения объектов растительного, животного мира и среды их непосредственного обитания приводят к тому, что растения не только погибают, но и вырождаются либо изменяют свои качества, создавая предпосылки для мутации и развития растений, причиняющих вред полезным сельскохозяйственным культурам. Это приводит к разрушению природных объектов, нарушению экологического баланса в пораженных местностях. Механизм эколо-

¹ См.: Селиванов Н. А., Скоромников К. С. Расследование преступных загрязнений природной среды: учебное пособие. М.: МНЭПУ, 2012. 348 с.

² См.: Черных Н. А., Усов А. И., Омелянчик Г. Г. Судебно-экологическая экспертиза: учебное пособие. М.: РУДН, 2008. 260 с.

³ См.: Пиндюр И. И. Организация и методика расследования незаконной охоты: учебное пособие. Караганда: Высшая школа МВД СССР, 1985. С. 50–53.

гических преступлений и слепообразования, как показывает анализ следственной практики, носит как локальный, так и значительный по размерам участка местности характер. Это говорит о высокой общественной опасности экологических преступлений, поскольку экологическая безопасность, обеспечить которую призвано все человеческое сообщество, имеет главное значение для существования жизни на земле как таковой.

Алимова Э. А.

Правовой статус специалиста-криминалиста по уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан

Развитие криминалистической техники, открытие новых приемов исследования вещественных доказательств и успешная разработка соответствующих методик значительно расширили круг вопросов, которые могут быть теперь решены криминалистическими исследованиями. На этой базе специалисты-криминалисты оказывают неоценимую помощь органу досудебного расследования в раскрытии и расследовании преступлений, выполняя свои процессуальные функции.

Рассматривая правовой статус специалиста-криминалиста в уголовном процессе, полагаем, что наиболее целесообразно проводить его анализ через характеристику процессуальных прав и обязанностей. Несмотря на то, что субъективные права и обязанности являются относительно самостоятельными институтами, они не могут быть охарактеризованы вне связи друг с другом, поскольку это парные, взаимосвязанные понятия. Такая взаимозависимость вытекает из нормативной основы правоотношений, поскольку любая правовая норма устанавливает не только возможную, но и должную меру поведения субъектов в различных ситуациях.

При решении вопроса выбора и установления оптимальной модели взаимоотношений определенного субъекта с другими участниками уголовного процесса оптимальность должна выражаться в сбалансированной системе взаимоотношений, при которой, с одной стороны, субъекту доступны все способы выражения своего потенциала, а с другой — обеспечена должная реализация общих целей и задач уголовного процесса. Достижение подобного баланса возможно посредством признания, нормативного закрепления прав и обязанностей субъектов уголовно-процессуальных правоотношений.

УПК Республики Казахстан 2014 года, рассматривая участников уголовного судопроизводства, включает в их число эксперта (статья 79), специалиста, педагога, психолога, сотрудника уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан (статья 80). Эти процессуальные фигуры

объединяет одно присущее им качество — обладание специальными знаниями.

При рассмотрении и разграничении полномочий этих процессуальных фигур особое внимание привлекает специалист, каковым является также сотрудник уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан. Примечателен тот факт, что сотрудник уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан «с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, вправе проводить сравнительные исследования, приводящие к частичному уничтожению объектов в объеме, не исключающем проведение по этим объектам судебно-экспертного исследования...»¹, а также вести переговоры с участниками процесса, самостоятельно собирать материалы исследования, в то время, как иные специалисты таким правом не обладают.

Такие особенности полномочий сотрудника уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан ставят под сомнение вопрос о его правовом положении. Как отмечает А. В. Кудрявцева, представленные УПК Республики Казахстан полномочия специалисту уполномоченного органа позволяют утверждать, что по своему процессуальному статусу специалист-криминалист представляет собой определенный симбиоз специалиста и следователя — субъекта доказывания.²

При этом надо также учитывать, что неопределенно широким является само понятие «специалист уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан». В такой формулировке к таким специалистам могут быть отнесены не только квалифицированные кадры, получившие образование со специализацией «криминалистическая деятельность» либо сдавшие квалификационные экзамены на право проведения тех или иных криминалистических исследований. Специалистом уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан может быть взрывотехник, переговорщик, полиграфолог и т. д.

УПК Республики Казахстан особенности правового статуса специалиста уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан нормативно определяет лишь через возможность проведения сложных исследований, приводящих к частичному уничтожению объектов. Фактически

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231 // Каз. правда. 10.07.2014. № 133 (27754).

² Кудрявцева А. В. Является ли эксперт субъектом доказывания // Российский судья. 2005. № 6. С. 26.

такие исследования проводят лишь специалисты-криминалисты. Именно они осуществляют сложнейшие исследования, фактически являющиеся формами использования не просто специальных, а *специальных научных* знаний.

Тот факт, что специальные научные знания априори являются более глубокими по сравнению со специальными знаниями, не оспаривается ни одним исследователем.

Как указывает О. Г. Кузнецов, «специальные научные знания — это система взаимосвязанных положений и утверждений из различных областей научного знания, обеспечивающая средства для стандартного и систематического описания исследуемых объектов и процессов, позволяющая на основе исследования объяснять и прогнозировать те или иные явления, события, факты и зависимости при решении различных задач судопроизводства».¹

Такое определение специальных научных знаний, на наш взгляд, полностью применимо по отношению к специалисту-криминалисту, являющемуся сотрудником уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан и проводящему сложные криминалистические исследования

В структуре МВД Республики Казахстан на базе Оперативно-криминалистического департамента осуществляется процесс подготовки специалистов-криминалистов всех региональных департаментов внутренних дел (ДВД). Здесь они получают теоретические знания и практические навыки по осмотру мест происшествий, проведению различных видов криминалистических исследований (дактилоскопических, трасологических, баллистических, технико-криминалистического исследования документов и исследования холодного оружия и т.д.) Также отрабатываются навыки формирования, ведения и использования автоматизированных криминалистических учетов, использование криминалистической техники.²

В 2012 году между МВД и Министерством юстиции Республики Казахстан был заключен специальный меморандум о сотрудничестве в области научно-методического обеспечения судебных экспертиз и криминалистических исследований. Предметом данного Меморандума стало сотрудничество указанных министерств в области научно-методического обеспечения судебных экспертиз и криминалистических исследований, использования имеющихся у сторон информационных, правовых, научно-методических и организационных ресурсов, включая доступ к разработанным, апробированным, внедренным методикам

¹ Кузнецов О. Г. О регулировании деятельности негосударственных судебных экспертов. Режим доступа: URL: <http://www.zakon.kz/4831815-o-regulirovanii-deyatelnosti.html>.

² Деятельность Оперативно-криминалистического департамента МВД Республики Казахстан. Режим доступа: URL: <http://mvd.gov.kz>.

криминалистических исследований, материалам по обобщению опыта практической деятельности и методикам судебных экспертиз, сведения о которых включены в Государственный реестр методик судебно-экспертных исследований РК, совместная разработка новых методов криминалистических исследований и судебных экспертиз, подготовка и повышение квалификации кадров.

Несмотря на то, что Меморандум оказался закреплен лишь на уровне межведомственного соглашения, Оперативно-криминалистический департамент МВД (ОКД МВД) и Центр судебных экспертиз Министерства юстиции достаточно продуктивно и успешно сотрудничают при проведении различных исследований, разработке и внедрении новых экспертно-криминалистических методик.

В Оперативно-криминалистическом департаменте МВД Республики Казахстан накоплен большой опыт успешной работы лабораторий, проводящих физико-химические, одорологические, баллистические, геномные и другие исследования. Квалифицированные специалисты-криминалисты МВД Республики Казахстан, подтверждая высокий уровень своих специальных знаний на квалификационных экзаменах, получают право на проведение таких сложнейших исследований. Это право подтверждается квалификационным свидетельством, выдаваемым Криминалистической квалификационной комиссией при ОКД МВД Республики Казахстан.

Статус специалиста-криминалиста по уровню решаемых задач, глубине используемых специальных знаний фактически приближен к уровню эксперта.

Полагаем, что статус специалиста-криминалиста, имеющего право на проведение сложнейших криминалистических исследований, должен быть закреплен и подробно описан в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан. В частности, считаем, что закрепление перечня исследований, по которым специалисты-криминалисты ОВД проводят криминалистическую идентификацию, позволило бы сэкономить сроки уголовного судопроизводства, а также уменьшить процессуальные издержки за счет исключения необходимости проведения по данным вопросам судебной экспертизы.

Таким образом, нуждается в уточнении введенный в УПК Республики Казахстан 2014 года термин «специалист — сотрудник уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан», поскольку он охватывает как специалистов, способных проводить сложные криминалистические исследования, так и не являющихся таковыми. Закрепление термина «специалист-криминалист» позволит закрепить на законодательном уровне общие правила его деятельности, регламентированные в настоящее время, ведомственными приказами, предназначенными лишь для служебного пользования.

Закрепление в УПК Республики Казахстан права специалистов-криминалистов на использование в своей деятельности сложных экспертных методик исследования позволит достойно оценить уровень знаний данных сотрудников правоохранительных органов. Мы считаем достаточно несправедливой ситуацию, когда специалисты-криминалисты проводят сложные исследования, сами разрабатывают новые научные методы идентификации объектов, экспертные методики, совершенствуют процесс раскрытия преступлений, но де-юре проводимые ими исследования оказываются ниже уровня судебной экспертизы. Полагаем, что специалист-криминалист, получивший право на проведение сложного криминалистического исследования, сдав необходимый квалификационный экзамен не должен быть ограничен п. 6 ч. 3 ст. 80 УПК РК: «Специалист уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, вправе проводить сравнительные исследования, приводящие к частичному уничтожению объектов в объеме, не исключающем проведение по этим объектам судебно-экспертного исследования...».¹

Таким образом, мы предлагаем изложить ч. 2 ст. 80 УПК Республики Казахстан в следующей редакции: «2. В качестве судебного специалиста для проведения исследования и дачи заключения может быть привлечен сотрудник уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан, в том числе специалист-криминалист, обладающий специальными знаниями и необходимым уровнем квалификации в сфере криминалистической деятельности».

Также мы считаем необходимым дополнить п. 6 ч. 3 ст. 80 УПК Республики Казахстан предложением следующего содержания: «Специалист-криминалист по назначению лица, ведущего уголовный процесс, может проводить криминалистическое исследование объектов с использованием судебно-экспертных методик, право на использование которых подтверждается наличием квалификационного свидетельства».

Аминев Ф. Г.

Рафаил Самуилович Белкин и современный понятийный аппарат судебно-экспертной деятельности

Современный понятийный аппарат судебно-экспертной деятельности достаточно серьезно разрабатывается в течение двух последних

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231 // Каз. правда. 10.07.2014. № 133 (27754).

десятилетий известными учеными: Т. В. Аверьяновой¹, С. Ф. Бычковой², Е. И. Галяшиной³, А. М. Зининым⁴, Ю. Г. Коруховым⁵, Н. П. Майлис⁶, Е. Р. Россинской⁷, С. А. Смирновой⁸ и другими. В условиях интенсивно развивающейся науки о судебной экспертизе (название которой продолжает оставаться предметом дискуссий: общая теория судебной экспертизы или судебная экспертология), также подвергается серьезным изменениям и понятийный аппарат судебно-экспертной деятельности⁹. Вместе с тем, остаются незыблемыми основные теоретические положения этой науки, заложенные профессором Рафаилом Самуиловичем Белкиным.

Р. С. Белкин, являясь основоположником концептуальных основ методологии отечественной криминалистики, и объединивший в «Курсе советской криминалистики» (1977–1979 гг.) общую теорию криминалистики, криминалистическую технику, криминалистическую тактику и криминалистическую методiku, и сформировав основные положения частных криминалистических теорий (теорию причинности, розыска, механизма преступления, криминалистической регистрации, временных связей, криминалистического прогнозирования, учения о методах, систематике и языке криминалистики и т. д.), не оставил без внимания и вопросы зарождавшейся в конце XX века науки о судебной экспертизе. Обладая пытливым умом, не поддающийся консерватизму, великий ученый выдвинул ряд научных положений, которые получили развитие в дальнейших исследованиях его учеников и последователей и являются основой для новых изысканий. В первую очередь это коснулось понятий, используемых в судебно-экспертной деятельности.

¹ *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории: монография. М.: Норма, 2006.

² *Бычкова С. Ф., Бычкова Е. С., Калимова А. С.* // Судебная экспертология. Курс лекций: учебное пособие. Алматы, 2005.

³ *Галяшина Е. И.* Судебная фоноскопическая экспертиза // Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика: научно-практическое пособие / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Юрайт, 2011. С. 223–267.

⁴ *Зинин А. М.* Судебная экспертиза: учебник / А. М. Зинин, Н. П. Майлис. М.: Право и закон, 2002.

⁵ *Корухов Ю. Г.* Словарь основных терминов судебных экспертиз. М.: СУДЭКС, 2014.

⁶ *Майлис Н. П.* Введение в судебную экспертизу: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012.

⁷ *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2008; *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М.* Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.

⁸ *Смирнова С. А.* Судебная экспертиза на рубеже XXI века. Состояние, развитие, проблемы. СПб.: Питер, 2004.

⁹ *Аминев Ф. Г.* О некоторых проблемах интеграции научно-методического и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Юристы-Правоведы. 2016. № 2. С. 5–12; *Нестеров А. В.* Экспертика: общая теория экспертизы. М.: Тип. НИУ ВШЭ, 2014; *Седнев В. В.* Очерки теории судебной экспертизы: монография. М.: Юрлитинформ, 2015 и т. д.

Так, в судебно-экспертной деятельности одним из системообразующих понятий является «специальные знания». Имеется много определений этого понятия. Так, Е. П. Ищенко считает, что «специальными будут систематизированные научные знания, умения и навыки, полученные в результате целенаправленной профессиональной подготовки и опыта работы, которые используются в целях собирания и исследования фактических данных о преступном деянии»¹. Имеется еще более широкое толкование О. В. Евстигнеевой: «специальные познания, используемые в уголовном судопроизводстве, — это приобретенные в рамках специального образования глубокие профессиональные знания в конкретной области человеческой деятельности, а также практические навыки по их применению»². В основу двух вышеизложенных определений положены более обобщенные определения тех четырех областей человеческой деятельности (науки, техники, искусства, ремесла), которые в одном случае объединены словосочетанием «систематизированные научные знания, умения и навыки, полученные в результате целенаправленной профессиональной подготовки и опыта работы», а в другом — «приобретенные в рамках специального образования глубокие профессиональные знания в конкретной области человеческой деятельности, а также практические навыки по их применению».

Мы придерживаемся позиции определения специальных знаний в человеческой деятельности, изначально принятой школой профессора Р. С. Белкина, согласно которой специальные знания определены как «профессиональные знания и умения в области науки, техники, искусства или ремесла, необходимые для решения вопросов, возникших при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел»³. Полагаем, что дифференциация знаний, усилившаяся в последние годы (кстати, идущая параллельно растущей интеграции знаний) и выразившаяся в разделении отраслей знаний на более узкие подотрасли, привела к необходимости внесения определенных коррективов в данное определение (например, в настоящее время лицо, закончившее физико-технический институт университета по специальности «геофизика» и обладающее знаниями технологий геологоразведки, будет обладать более предпочтительными специальными знаниями в исследовании разработок месторождений нефти и газа по сравнению с выпускником того же физико-технического института, но специализировавшегося на кафедре «технологии наноматериалов»).

¹ Ищенко Е. П., Егоров Н. Н. Криминалистика для следователей и дознавателей: научно-практическое пособие. М., 2010. С. 402.

² Евстигнеева О. В. Использование специальных познаний в доказывании на предварительном следствии в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.09. Саратов, 1998. С. 37.

³ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: БЕК, 1997. С. 217.

Поэтому на основании развития научной мысли и согласуясь с последними изменениями в процессуальном законодательстве Российской Федерации, мы продолжим основную идею Р. С. Белкина и предлагаем следующее определение: специальные знания — система знаний в узкопрофильной области науки, техники, искусства, ремесла, полученных в результате соответствующего специального образования и профессионального опыта работы, необходимых для решения вопросов, возникших в ходе судопроизводства, а также при проверке сообщения о преступлении.

Совершенно точно отмечено Р. С. Белкиным исследовательское начало в определении понятия «судебная экспертиза»: «Судебная экспертиза — родовое понятие исследований, проводимых в соответствии с уголовно-процессуальным, гражданско-процессуальным, административным законодательством лицом, обладающим специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле (сведущим лицом), в целях установления обстоятельств (фактических данных), имеющих значение для дела»¹. Поэтому, поясняя, что производство судебной экспертизы — это научное исследование лица, обладающего специальными знаниями, предлагаем следующее определение: судебная экспертиза — это исследование, проводимое лицом, обладающим специальными знаниями, для решения вопросов, поставленных органом или лицом с соответствующими процессуальными полномочиями в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, а также при проверке сообщения о преступлении.

Еще об одном новшестве, которое, по мнению Р. С. Белкина необходимо внести в процессуальное законодательство — «защитнику должно быть предоставлено право назначать и дополнительную, и повторную экспертизы и в тех случаях, когда экспертиза назначена органом расследования»². В этой связи, учитывая часто вносимые изменения в процессуальное законодательство, которые могут привести и к изменению перечня лиц, имеющих право назначать судебные экспертизы, вплоть до предоставления такого права стороне защиты, мы предлагаем исключить из определения задачи судебно-экспертной деятельности ограниченный перечень субъектов назначения судебной экспертизы, и вместо этого поставить более емкое словосочетание: «органы или лица, имеющие право назначать судебные экспертизы». Соответственно, основной задачей судебно-экспертной деятельности будет являться способствование органам или лицам, имеющим право назначать судебную экспертизу, установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, а также в проверке сообщения

¹ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 265.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2001. С. 619.

о преступлении путем решения вопросов, требующих использования специальных знаний, в виде проведения судебной экспертизы в целях соблюдения интересов граждан и государства.

В продолжение развития идеи Р. С. Белкина относительно структуры судебной экспертологии (или общей теории судебной экспертизы¹) мы определяем частную теорию судебно-экспертной деятельности, положив в основу определения термин «отрасль научного знания», включающую в себя целостную систему истинного знания, которая имеет сложную структуру: и исходные основания — фундаментальные понятия, принципы, законы; и идеализированный объект с его существенными свойствами и связями; и совокупность утверждений, положений, выводов, как следствие реализации принципов теории и т. д. И основной целью частной теории судебно-экспертной деятельности мы определяем конкретные рекомендации различных направлений судебно-экспертной деятельности. В то же время деятельность в обыденном понимании — это занятия, труд (например, научная деятельность) или работа каких-нибудь органов². А действие — это проявление какой-нибудь энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность, функционирование чего-нибудь³. Поэтому мы считаем, что частная теория о судебно-экспертной деятельности — это отрасль научного знания, разрабатывающая систему действий руководителя государственной или негосударственной судебно-экспертной организации, экспертов, входящих в ее состав, а также иных лиц, привлеченных в качестве экспертов, по организации, производству, научно-методическому и информационному обеспечению судебных экспертиз, выполняемых по поручению уполномоченного лица или органа, их назначившего, и экспертной профилактики.

Требуют разработки высказывания Р. С. Белкина относительно внутреннего убеждения эксперта, которое понималось им как «категория субъективная, имеющая прочные объективные обоснования»⁴. Современным научным сообществом внутреннее убеждение понимается, как субъективно-объективная категория, заключающееся в психологическом состоянии эксперта, возникающем при доказанности какого-то положения в результате достижения предельно возможного уровня решения поставленной перед ним экспертной задачи.

По нашему мнению, внутреннее убеждение будет иметь гораздо более объективные основания, если судебным экспертом в ходе исследования будет включен механизм здорового экспертного скептицизма. Полагаем, что на основании аналитического исследования объектов

¹ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 455.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 159.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 153.

⁴ Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2001. С. 469.

и сравнения с известным багажом знаний самого исследователя у судебного эксперта, столкнувшегося со сложной экспертной задачей, зарождается сомнение в возможности достижения положительного результата исследования — скептицизм (от греч. *skeptomai* — взвешиваю, обдумываю, сомневаюсь) — 1) выражающее сомнение в возможности достоверного познания объективного мира; 2) стремление все подвергать сомнению; критически-недоверчивое отношение к чему-либо¹.

Но этот скептицизм при правильно организованном, соответствующем научно обоснованной методике экспертном исследовании должен в ходе исследовательской работы перейти в другое качество — оптимистичное отношение к полученному результату по достижению цели судебной экспертизы.

Из вышеизложенного следует, что вначале при проведении судебной экспертизы у эксперта должно быть разумно-критическое отношение к своим знаниям, их достаточности как отражению общего экспертного опыта — так называемый здоровый экспертный скептицизм.

Чувство надежности выводов формируется постепенно, в соответствии с решением поэтапных задач и формированием внутреннего убеждения — психического состояния убежденности в истинности или ложности полученных результатов экспертного исследования, констатирующего решение поставленной задачи. Такое моральное удовлетворение судебного эксперта результатом исследования при профессиональном отношении к своей деятельности не оставляет места для неуверенности и низкой мотивации исследования.

Можно продолжить перечисление многих других направлений той части многогранной творческой деятельности Р. С. Белкина, касающейся современного понятийного аппарата судебно-экспертной деятельности. Его идеи и концепции сегодня находятся на вооружении ученых и практиков — судебных экспертов, следователей, судей, и будут развиваться в дальнейшем, что является залогом совершенствования судебно-экспертной деятельности.

Ангелески Методия

Криминалистические лаборатории (краткое историческое развитие)

1. Криминалистические лаборатории в мире

Криминалистическая практика показывает, что чрезвычайно важно находить видимые или скрытые материальные объекты (следы и объекты преступления) на месте преступного события (то есть, *locus operandi*)

¹ Локшина С. М. Краткий словарь иностранных слов / С. М. Локшина. М.: Рус. яз., 1979. С. 261.

в самом широком криминальном смысле этого слова), потому что в противном случае ничто не сможет анализировать (и, таким образом, приходят к вещественным доказательствам) и лучшие криминалисты, работающие в криминалистических лабораториях.

Недостаточно, чтобы лаборатории поставлялись с самым современным оборудованием, включая компьютерные приборы и различные наборы данных. Научные сотрудники из разных дисциплин должны также использоваться в таких лабораториях. Универсального ученого больше не существует, даже в полицейских лабораториях.¹

Криминалистически-технические свидетельства (или судебные или научные данные, на которых говорят на языке западных и некоторых других криминалистов), научно «упакованные» в криминалистических лабораториях и в научных институтах со второй половины прошлого века, таким образом, обеспечивают постепенное обогащение борьбы с преступностью с самыми современными преступными инструментами. По словам швейцарского криминалиста Жака Матье (Jacques Mathyer), директора Института уголовного правосудия и криминологии в Лозанне, должен быть «постоянный диалог между детективом и лабораторным криминалистом»². Что касается их сотрудничества более твердо, тем вероятнее, что материальные следы будут найдены незамедлительно и после их изучения, будут использованы в качестве существенных доказательств в уголовном процессе.

Применение научных методов, возникающих из-за гряды криминальной техники, невозможно представить, если в криминалистических лабораториях или других научных институтах не существует организованной работы кримино-технических экспертов (например, судебных экспертов). Неопровержимым фактом является то, что на донаучной стадии криминалистики использовались первоначальные, ранее криминализованные, непроверенные, естественно-научные методы борьбы с преступностью.

Изобретения и проникновение естественных и технических наук, а также неизбежные процессы дифференциации и интеграции наук способствуют научной орбите криминалистики как новой науки, которая со своей стороны в отношении естественнонаучного измерения прокладывает путь в поиске после соответствующих научных данных, полученных в результате анализа материального субстрата преступной тайны. Этот путь научного познания преступной тайны прослеживается в криминалистических лабораториях или научных институтах, которые установление преступных святынь для обнаружения и понимания этой преступной тайны.

¹ Mathyer J. *Najmodernije znanstvene metode u policijskim istragama*, Izbor, Zagreb, 3/1981, P. 317.

² Там же. С. 311.

С введением не только антропометрического, фотографического и дактилоскопического метода, но и других более современных уголовно-технических средств и методов, можно увидеть создание лабораторий или других уголовных учреждений. Темпы создания таких криминальных институтов усиливаются, особенно в период после окончания Второй мировой войны, но некоторые из них функционируют с тех пор. Криминалистические лаборатории и институты вносят значительный вклад в утверждение и развитие криминалистической практики и теории, так что без них невозможно представить себе борьбу с преступностью.

До сих пор историческое развитие криминологии показывает, что такие судебные учреждения работают в министерствах внутренних дел и юстиции, в рамках университета или независимо друг от друга.

В некоторых европейских странах фотолaborатории были созданы в последние десятилетия 19-го века (например, в 1888 году была основана служба судебной фотографии в Франции). Эти первые лаборатории фактически являются предшественниками других институтов. Все они в начале и совсем недавно в некоторых европейских странах (особенно на английском и французском языках) назывались лабораториями для научной и технической полиции.

В последнее время в криминалистических лабораториях самые современные эксперименты проводятся на биологическом или другом материале, который до недавнего времени не мог быть представлен. Так обстоит дело с анализом ДНК как примерный метод, который в США криминальная практика была впервые введена в кульминации прошлого века, а затем найдена в других странах мира.

Среди наиболее важных криминалистических лабораторий — тот, что знаменитый французский криминалист и теоретик Эдмонд Локар сформировал в городе Лионе в 1910 году. Локар позже основал Институт криминологии в Лионе, который вскоре стал международным центром исследований и исследований в области криминалистики.

После окончания Первой мировой войны криминалистические лаборатории были созданы в Австрии, Германии, Швеции, Финляндии, Нидерландах и т. д.

Первым криминалистическим учреждением в России считается судебно-фотографическая лаборатория, созданная в 1889 г. Е. Ф. Буринским.¹ Ей на смену пришла в 1892 г. организованная по представлению Министерства юстиции судебно-фотографическая лаборатория при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты.²

¹ Ищенко Е. П., Егоров Н. Н. (2010). Криминалистика для следователей и дознавателей, 28.

² Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Росинская Е. Р. (2004), Криминалистика, 30.

В России обширные практические и научно-исследовательские работы разработали научно-технический отдел Центрального управления уголовного розыска (который был создан в 1922 году). «В 1923 году были организованы кабинеты, а затем — научно-исследовательские институты для судебной экспертизы в Харькове, Киеве и Одессе, а в 1929 году начал действовать институт криминалистики в Белорусии».¹

С. М. Потапов в 1935 году организовал криминалистическую лабораторию, которая работала в Институте по изучению преступности и преступника. «В 1938 г. эта лаборатория была переведена в Институт права Академии наук СССР, куда переходит и С. М. Потапов. В 1951 г. он вместе с лабораторией переходит в Институт криминалистики Прокуратуры СССР.»²

Сразу после Второй мировой войны в Советском Союзе начали работать криминалистические лаборатории и институты, занимающиеся практическими и теоретическими проблемами в области криминалистической техники и криминалистики вообще. Однако следует отметить, что во всех криминалистических учреждениях, созданных после Первой и после Второй мировой войны (а также в первых монографических достижениях и статьях, которые появляются на начальном этапе развития криминалистики в странах российского лингвистического региона), наиболее часто обсуждаемые вопросы из области криминалистической техники.³

С 1944 по 1946 год в тогдашнем Советском Союзе были сформированы: криминалистический отдел в Центральной судебно-медицинской лаборатории Советской Армии; Центральная криминалистическая лаборатория Министерства юстиции СССР; и Научно-исследовательский институт криминалистики Главного управления милиции, впоследствии переименованный в НИИ милиции, то есть в Министерство внутренних дел СССР.

В 1948–1951 г. были созданы научно-исследовательские криминалистические лаборатории Минюста в Ленинграде, Ростове-на-Дону, Хабаровске, Саратове, Свердловске, Новосибирске, Минске. В 1962 г. открылся Центральный НИИ судебных экспертиз.⁴

Криминалистически-техническая (т. е. судебная, говоря с американской криминалистической терминологией) практическая и научно-исследовательская работа очень развита в Соединенных Штатах. Первая криминалистическая лаборатория была создана в 1923 году Августом Вальмером, заведующий полицией в городе Беркли, штат Калифорния. Несколько лет позднее, Фольмер основал первый американский инсти-

¹ Белкин Р. С., Жарский В. Е., Лузгин И. М., Макаров И. В., Пересункин А. Ю., Сова Ф. П., Хилобук М. П. (1976), Криминалистика, 23.

² Аверянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. То же самое. С. 23.

³ Белкин Р. С. и др. Там же, 26.

⁴ Ищенко Е. П., Егоров Н. Н. Там же, 31.

тут криминологии и криминалистики в Калифорнийском университете в Беркли (известный криминалист США Пол Кирк возглавлял отдел криминалистики). После этого многочисленные криминалистические лаборатории постепенно «выскакивают» почти по всей территории Соединенных Штатов. Однако лаборатория Федерального бюро исследований (ФБР), принадлежащая Министерству юстиции, считается крупнейшей криминалистической лабораторией (и с момента ее создания в 1932 году). Эта лаборатория (созданная Эдгаром Гувером, давним директором ФБР) расположена в современном заведении ФБР, расположенном в городе Квантико в Вирджинии.

Сегодня лаборатория ФБР является крупнейшей судебной лабораторией, которая ежегодно проводит более миллиона испытаний. Ее достижения позволили стать всемирно известным, а его структура и организация служила моделью для создания лабораторий судебной экспертизы всех государственных и местных уровней в США и других странах. Кроме того, с открытием Центра по обучению и исследованиям в 1981 году США впервые приобрели способность исследовать и разрабатывать новые и надежные научные методы могут быть применены к экспертной науке. Этот потенциал также используется для обучения сотрудников криминалистической лаборатории новейшим экспертным техникам и методам.¹

Развитие криминалистических лабораторий в Соединенных Штатах характеризуется быстрым ростом, за которым следует отсутствие национального и регионального плана и координации. Сейчас существует около 350 криминалистических лабораторий на разных уровнях — федеральных, государственных и муниципальных — и это число лабораторий, которое в три раза больше, чем в 1966 году. При таком масштабе и разнообразии невозможно выбрать модель, которая лучше всего описала бы типичную уголовную лабораторию. Хотя большинство из них функционируют как неотъемлемая часть полиции, некоторые работают под контролем прокурора или муниципального прокурора; другие работают в качестве лабораторий медицинских исследователей или экспертов суда. Очень немногие из них — университетские подразделения или государственные учреждения. Количество сотрудников в лабораториях колеблется от одного до более ста.²

В некоторых странах Соединенных Штатов на государственном уровне функционирует централизованная система региональных лабораторий, которые отвечают за предоставление судебных услуг в определенных областях на родине. «Концепция региональной лаборатории, которая функционирует как часть единой государственной системы, обеспечивает более легкий доступ к местным правоохранительным ор-

¹ *Saferstein R.* (2007), *Op. cit.*, 8.

² *Saferstein R.*, *Ibidem*, 10.

ганам в криминалистическую лабораторию, что уменьшает количество услуг и обеспечивает максимальное сотрудничество между лабораториями с обменом знаниями и оборудованием».¹ Местные лаборатории предлагают услуги муниципальным учреждениям. Они работают в основном независимо от государственной преступной лаборатории, и они финансируют местное самоуправление. В некоторых областях, которые объединяют источники, в нем созданы межмуниципальные лаборатории, предоставляющие услуги в пределах своей юрисдикции. Большинство крупных городов в Соединенных Штатах имеют свои собственные криминализованные лаборатории, находящиеся под контролем местной полиции.²

В Великобритании существует интегрированная национальная система региональных криминалистических лабораторий, находящихся под юрисдикцией британского МВД. В начале 1920-х годов лаборатории были объединены в отделе судебно-медицинской экспертизы. С тех пор была реализована концепция «членского взноса», то есть членский взнос был введен полицией и оплачен полицией за предоставленные услуги. Эта концепция способствовала созданию многих частных лабораторий для форензических услуг. В противном случае первая криминалистическая лаборатория на территории Англии была создана в 1935 году в столичной полиции Лондона. Криминалистические институты судебной медицины и практики в Канаде находятся под государственной «крышкой».

В этой североамериканской стране есть три типа объектов: региональные лаборатории канадской полиции; Центр судебных наук в Торонто; и Институт судебной медицины и полицейских наук в Монреале.

2. Развитие криминалистических лабораторий и криминалистической техники в Республике Македония

Первые задокументированные начала введения криминалистическо-технических методов в работе полиции в Македонии датируются концом тридцатых годов XX века. А именно, с того времени сохранились отпечатка пальца карты, сделанная в то время Технической полицией в Скопье. Затем процесс постепенного введения криминалистическо-технических методов ускоряется с приобретением государственности Македонии в тогдашней (СФР) Югославии в 1945 году.

Начало было скромным. В первые годы после окончания Второй мировой войны тогдашнее республиканское министерство внутренних дел впервые создало криминалистическо-технический отдел, в котором началось профессиональное удостоверение личности. Речь шла о восстановлении и систематизации начальных судимостей. Сначала они

¹ Там же, 12.

² Там же.

были организованы и подготовлены односторонние и десятискоростные дактилоскопические коллекции, а также коллекции сигнальных фотографий, которые постепенно дополнялись.

Среди первых шагов были закупка необходимого оборудования (первые фотографические камеры, а затем камеры, аксессуары для снятия отпечатков пальцев, устройства для поиска, фиксации и фиксации следов с места преступления, нечувствительности для проницательности и т. д.), и параллельно это имело место и уполномочить первых криминалистических кадров выполнять кримино-технические задачи.

Одной из наиболее сложных задач было укрепление крим-технической службы с отделом уголовного розыска. Этот отдел отстает от объективных трудностей, связанных с поиском высокопрофессиональных кадров в области естественных наук, а также из-за отсутствия необходимой инструментальной техники. В этих целях криминалистические лаборатории постепенно создаются и оборудуются при использовании современных компьютерных технологий ради проведения различных криминалистических экспертиз с применением биологических, физических, химических, физико-химических и других научных методов.

В настоящее время в полиции Македонии находятся эти криминальные лаборатории: биологическая лаборатория; лаборатория механоскопии и баллистики; химическая лаборатория; лаборатория для изучения спорных документов; лаборатория для тестирования метаболитов наркотических средств; лаборатория по уголовной идентификации; лаборатория судебной информационной технологии; и лабораторию для обработки аудио и видеоматериалов (на этапе формирования).

В 1999 году были приобретены две относительно современные приборы (газовый хроматограф с Head Space (головным пространством) и газовый хроматограф), после чего полиция постепенно поставлялась с другим современным оборудованием. Значительный шаг вперед был сделан путем предоставления сложного оборудования для анализа ДНК в биологической лаборатории (образованной в 1976 году).

Ручной сравнительный микроскоп Leica GMS используется в лаборатории для механоскопии и баллистики. Возможно, что сравнительный анализ может быть документирован с помощью видеокамеры. Полиция Македонии имеет компьютерную систему автоматической обработки следов огнестрельного оружия (IBIS).

В химической лаборатории анализируются изъятые лекарственные препараты с помощью инструментальной техники (GC — FID, IR, TLC), которые позволяют идентифицировать препараты путем ручного сравнения с существующей базой эталонных веществ.

В тестовых лабораториях оспариваемые документы, все виды подделки обнаруживаются, регистрируются и документируются. Для этой цели используется следующее устройство: DUCOBOX PROJEKTINA

(который служит для регистрации подлога); и стереомикроскоп (в сочетании с цветной камерой и видеокамерой), который используется для документирования подделок.

Начиная с 1997 года, работа лаборатории уголовной идентификации была повышена до гораздо более высокого уровня с внедрением автоматизированной системы обработки отпечатков пальцев (MORPHO AFIS), которая увеличила количество идентификаций, выполняемых много раз.

Важным генератором развития криминальной науки и судебной медицины в Республике Македонии является деятельность Института судебной медицины и криминологии, который с момента его создания в 1952 году функционировал на медицинском факультете Университета «Кирилл и Мефодий» в Скопье. Институт имеет более специализированные отделения для: судебной вскрытии, судебной гистопатологии и гистохимии, судебной криминологии, судебной токсикологии, алкоголя, биологического полиморфизма, судебно-генетического анализа, идентификации, судебной медицины, документации.

Криминалистическая техника как преподавательская дисциплина в высшем криминалистическом образовании в Республике Македония начала развиваться с 1977 года, то есть от создания государственного факультета безопасности в Скопье. Позже (начиная с 2005 года) начальные высшие учебные заведения для уголовного образования также являются другими частными факультетами, на которых также изучается методика криминалистики как отдельный предмет обучения.

Криминалистическая техника как предмет преподавания также присутствует в аспирантуре, начало которой начинается с 1982/83 учебного года, когда на Факультете безопасности в Скопье впервые в Македонии началось обучение на двухгодичных аспирантурах по криминологии.

Страницы македонской криминальной литературы «скорбятся» за бумаги с крим-техническими вопросами. Помимо незначительного количества статей, опубликованных в профессиональном периодическом издании, монографии и учебники по-прежнему ожидаются в бедной македонской криминальной теории. До настоящего времени была опубликована только одна брошюра и один университетский учебник.

Антилевская Ю. А.

О некоторых вопросах создания и деятельности технических комитетов по стандартизации в сфере судебно-экспертной деятельности

Судебная экспертиза прошла долгий путь развития и стала самостоятельным динамично развивающимся научно-практическим на-

правлением в общей системе познания, в чем состоит огромная заслуга российских ученых Аверьяновой Т. В., Белкина Р. С., Винберга А. И., Зинина А. Н., Малаховской Н. Т., Смирновой С. А., Россинской Е. Р. по теоретическому оформлению научной отрасли «Судебная экспертиза».

Сегодня экспертным сообществом широко обсуждаются вопросы внедрения инновационных подходов в сферу судебно-экспертной деятельности (СЭД). Судебные эксперты во всем мире признали актуальными проблемы стандартизации, аккредитации, валидации и верификации методического обеспечения СЭД.

В настоящее время в различных сферах деятельности актуальным является решение вопросов интеграции правовых подходов, конструктивного обмена опытом в рамках национального и международного сотрудничества, выработки единых универсальных подходов в решении проблем, разработки и подписания совместных правовых актов (соглашений, договоров, стандартов).

В 80-х гг. прошлого века государства ЕС осознали, что различия в европейских стандартах на товары и услуги являются серьезным техническим барьером на пути европейской интеграции, и между ними была достигнута договоренность о гармонизации национальных стандартов стран-членов ЕС на основе общеевропейских правил, которые нашли свое отражение в директивах.

В целях ликвидации технических барьеров между государствами ЕврАзЭС 18 ноября 2010 г. в Санкт-Петербурге состоялось подписание «Соглашения о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации», что привело к созданию более гибких условий для производителей товаров и услуг.

С течением времени стала намечаться тенденция преобразования общей структуры законодательства, что сопровождается постепенным переходом от национальной системы регулирования к межгосударственной и международной. Наиболее характерна указанная тенденция для законодательства в области технического нормирования и стандартизации. Так, в 2017 году принята новая версия стандарта ISO/IEC 17025, которая будет введена в действие на территории нескольких государств межгосударственным стандартом в течение установленного трехгодичного переходного периода.

Внедряя процессы стандартизации в сферу СЭД необходимо, т. к. она способна создать правовой механизм, который поможет выработать доверие заинтересованных субъектов в правильности выводов и результатов экспертного заключения, позволит снижать зависимость эксперта от интересов инициатора назначения экспертизы, исключать возможность возникновения рисков, способствует качественному проведению исследования и пр.

Обеспечение процессов стандартизации должно реализовываться через специальные рабочие органы, создаваемые для координации и проведения работ в различных сферах деятельности (медицине, образовании, промышленности, СЭД и др.), где внедряются указанные процессы.

Вступивший в силу Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 436-3 «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О техническом нормировании и стандартизации»» (Закон № 436-3) существенным образом изменил существующие подходы в сфере технического нормирования и стандартизации. В большей степени данные изменения были связаны с приведением белорусского законодательства в соответствие с Договором о Евразийском экономическом союзе, совершенствованием норм с учетом правоприменительной практики, а также в связи с переходом законодательства в сфере технического нормирования и стандартизации к комплексному и системному регулированию.

Одним из субъектов технического нормирования и стандартизации, является технический комитет по стандартизации (ТК). Именно качественная работа этого специального субъекта предоставит возможность усовершенствовать форму и содержание деятельности (выполнения работ, оказания услуг, испытаний, систем управления, процессов, измерений, исследований и др.) посредством внедрения в сферу процессов стандартизации.

С новой редакцией Закона № 436-3 также связано уточнение общих подходов к правовому статусу ТК. В настоящее время ТК создаются в качестве рабочих органов на принципах представительства и добровольности участия заинтересованных, и не являются юридическими лицами. ТК — значимый субъект национальной системы стандартизации, на который возложены серьезные функции по разработке государственных и межгосударственных стандартов, а также создания условий для участия в процессе стандартизации субъектов технического нормирования (ст. 12 Закона № 436-3).

Аналогичный перечень функций ТК определен в ст. 11 Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» (Федеральный закон № 162-ФЗ).

Более детально порядок создания (прекращения деятельности) ТК в Республике Беларусь, выполнения работ и принятия решений установлены постановлением Госстандарта от 06.05.2017 № 34 «Об утверждении Положения о порядке создания и деятельности технических комитетов по стандартизации» (постановление № 34). Для сравнения приказ Росстандарта от 23.05.2016 № 588 «Об утверждении Порядка создания, деятельности и ликвидации технических комитетов по стандартизации» описывает лишь процедуру создания ТК и некоторые обязанности председателя и секретаря, что свидетельствует об отсутствии

строгой регламентации правового статуса ТК в национальной системе стандартизации Российской Федерации.

На всем постсоветском пространстве существует одинаковая структура ТК, которую образуют председатель, секретариат, ответственный секретарь и члены ТК. Кроме того, могут создаваться подкомитеты и рабочие группы для проведения части работ по отдельным областям деятельности ТК.

Согласно Положению, утвержденному постановлением № 34, основными функциями ТК являются рассмотрение предложений по разработке, внесению изменений и отмене стандартов; подготовка предложений по введению межгосударственных стандартов на территории страны и отмене действующих; содействие применению международных, региональных и национальных стандартов других государств; подготовка аналитических материалов о состоянии стандартизации; участие в работе ТК международных организаций.

Важную роль в данном процессе выполняет председатель ТК, основными функциями которого являются организация и руководство работой ТК; определение технической политики деятельности ТК; представление ТК в государственных и общественных организациях и др. Председатель ТК несет ответственность за качество и своевременность выполнения работ ТК.

Главным исполнителем в деятельности ТК выступает ответственный секретарь, на которого возлагаются полномочия по подготовке и обеспечению проведения заседаний ТК; координации работы подкомитетов и рабочих групп; контролю за выполнением программ; организации разработки проектов стандартов; оформлению решений; подготовке отчета о работе ТК и др.

Тем не менее, не смотря на особую важность ТК в сфере стандартизации, в настоящее время их правовой статус в некоторых сферах деятельности определен исключительно *de jure, de facto* — многие из них не выполняют закрепленные за ними функции, не представляют отчеты о проделанной работе, что существенным образом тормозит процесс внедрения и развития стандартизации в соответствующей сфере деятельности.

Во избежание грубых нарушений законодательства в новых сферах деятельности (для новых объектов стандартизации), а также с целью предварительной оценки функционирования и для осознания необходимости внедрения в соответствующую сферу процессов стандартизации, предлагается перенять положительный опыт РФ, связанный с возможностью создания проектного ТК на временной основе (ст. 12 Федерального закона № 162-ФЗ).

В мае 2015 г. в Беларуси создан национальный ТК по стандартизации «Судебно-экспертная деятельность и криминалистическая техника» (ТК ВУ 34). Членами ТК ВУ 34 могут быть органы и учреждения Государственного комитета судебных экспертиз, Следственного комитета,

МВД, КГБ, МЧС, Минюста, Государственного таможенного комитета, Государственного пограничного комитета, Генпрокуратуры, юридические лица, индивидуальные предприниматели, которые осуществляют деятельность в сфере СЭД, либо являются разработчиками (производителями) криминалистической.

Секретариат ТК ВУ 34 работает на базе Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Областью его деятельности является стандартизация и техническое нормирование в области СЭД. ТК ВУ 34 сформирован для проведения работ по стандартизации. Основная его задача — разработка проектов ТНПА для обеспечения СЭД, а также для разработки и испытаний криминалистической техники, включая специальное программное обеспечение.

В настоящее время в Беларуси остаются неразрешенными вопросы, связанные с возможностью применения Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 года «Об оценке соответствия техническим требованиям и аккредитации органов по оценке соответствия», Закона № 436-З при решении задач по оценке соответствия и стандартизации в сфере СЭД. В частности, вопросы, касающиеся сферы действия указанных НПА, их распространения на отношения в сфере СЭД, а также рассмотрения экспертной деятельности в качестве объекта оценки соответствия и др. Указанная проблематика указывает на неопределенность правового статуса ТК ВУ 34.

Аналогичные ТК создаются в других странах СНГ и Европейского Союза. Так, приказом Росстандарта от 13.05.2015 № 561 в РФ создан ТК 134 «Судебная экспертиза», за которым в соответствии с приказом Росстандарта от 11.01.2016 № 4 закреплена тематика международного ИСО/ТК 272 «Forensic Science».

Согласно п. 1.1. Положения о техническом комитете по стандартизации «Судебная экспертиза» (ТК 134), утвержденного приказом Росстандарта от 19.05.2017 № 1026, ТК является «формой сотрудничества» заинтересованных представителей. Такое определение не согласуется с возложенными на ТК задачами по формированию программы национальной стандартизации, контролю за ее реализацией, рассмотрению предложений по применению международных и региональных стандартов на национальном и межгосударственном уровнях, проведению экспертизы проектов стандартов, участию в работе межгосударственных ТК, постоянному мониторингу действующих стандартов с целью их обновления или отмены и др.

При реализации указанных задач ТК 134 выполняет роль специализированного рабочего органа в сфере технического нормирования и стандартизации СЭД с четко регламентированной структурой и конкретными направлениями деятельности. Трактовать ТК как «форму сотрудничества» некорректно, т. к. указанный субъект по итогам своей деятельности принимает ряд юридически значимых решений, подлежащих исполнению

членами ТК. В свою очередь, возникает неопределенность юридической силы актов, изданных в результате реализации такой «формы сотрудничества», и, как следствие, юридической значимости принятых решений.

Предполагается, что национальные ТК в сфере СЭД должны планировать свою деятельность путем разработок перспективных программ развития, в которые включаются: разработка национальных стандартов по различным видам экспертиз, создание механизма оценки неопределенности измерений, выработка критериев качества проведения экспертных исследований, продвижение инициативы участия экспертных подразделений в проверках квалификации и др. Кроме того, ТК в сфере СЭД должны заниматься разработкой стандартов экспертной организации, стандартных операционных процедур по применению методического обеспечения, быть органом по стандартизации, и полноценно заниматься вопросами стандартизации СЭД. Например, секретариат ТК ВУ 34 должен быть ответственным за проведение всех работ по стандартизации в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь исходя из возложенных на него целей, задач и функций.

В соответствии с п. 8 приказа Росстандарта № 1026 на ТК 134 возложены функции постоянно действующего национального рабочего органа межгосударственного ТК по стандартизации «Судебная экспертиза» (МТК 545). При этом в законодательстве отсутствует официальное положение о создании, деятельности и механизме принятия решений МТК 545, что не согласуется с порядком представительства в нем других государств-участниц согласно их национальному законодательству и реалиям практической деятельности. Так, согласно постановлению № 34, при представлении Беларуси в МТК (в случае, если его секретариат ведет другое государство, как, например, МТК 545) ТК руководствуется положением о данном МТК. Описанная ситуация является существенным недостатком в регулировании рассматриваемых процессов из-за нелегитимности унифицированных подходов, разрабатываемых в рамках МТК.

Неурегулированность правового статуса ТК (МТК) приводит к неразрешенности вопросов правовой природы и юридической силы принимаемых ими правовых актов, обязанности соблюдения предписаний, указанных в протоколах заседаний ТК (МТК) и т. п., что существенным образом снижает эффективность деятельности по стандартизации, не позволяет гармонизировать законодательство и устранить технические барьеры.

Республика Беларусь с 1993 года является полноправным членом ISO. Сегодня необходимо подтверждение, что ТК ВУ 34 является зеркальным ИСО/ТК 272 «Forensic Science» ISO. Реализация указанного механизма представляется возможной путем издания приказа Госстандарта, в котором будет закреплена тематика международного комитета ИСО/ТК 272.

Внедрение инноваций в сферу СЭД обусловлено потребностями, которые ранее не принимались во внимание при проведении экспертизы, однако способствовали объективизации процесса получения качественного доказательства. Реализация описанных в статье предложений способствует повышению эффективности деятельности по стандартизации в сфере СЭД.

Антонов О. Ю.

Современное развитие категорий «криминалистическая характеристика преступлений» и «механизм преступления» как реализация идей Р. С. Белкина

Среди научного наследия профессора Рафаила Самуиловича Белкина можно выделить подробный анализ криминалистических категорий «криминалистическая характеристика преступлений» и «механизм преступления». Его представления о сущности и значении данных понятий в настоящее время используются большинством ученых-криминалистов, хотя дискуссия о сущности и значении криминалистической характеристики преступлений продолжается до настоящего времени, даже разработана ее частная теория¹, а дефиниция «механизм преступления» более детально проработана учеником Р. С. Белкина — профессором А. М. Кустовым².

Чтобы разобраться в существующем разнообразии мнений о категориях «криминалистическая характеристика преступлений» и «механизм преступления» можно воспользоваться подходом В. В. Седнева о современном использовании в криминалистической науке метода моделирования. В комплексном типе моделей в криминалистике он выделил два подтипа: модели-описания и модели гносеологические. Первый описывает некое обобщение, в том числе криминалистическую характеристику преступлений, в качестве метода научного познания. Второй подтип характеризует конкретный уровень познания, методiku исследования уникального и индивидуального путем эвристического мысленного моделирования³, к которому можно отнести традиционное понимание механизма преступления.

¹ Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.

² Кустов А. М. Криминалистическое учение о механизме преступления. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

³ Седнев В. В. Модели в криминалистике: типология и познавательная ценность // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция Кутафинские чтения): материалы конференции: в 4 ч. Ч. 3. М.: Проспект, 2016. С. 472–476.

По сути аналогичного мнения придерживаются многие ученые-криминалисты. Например, в 4-м издании учебника по криминалистике, посвященном памяти Р. С. Белкина, криминалистическая характеристика преступлений представляется как информационная модель типичного преступления конкретного вида или рода и играет роль своеобразной матрицы: «накладывается» на конкретный случай и позволяет построить его вероятностную модель¹ и фактически познать механизм конкретного преступления.

Проведенный анализ имеющихся точек зрения на сущность, содержание и значение категорий «криминалистическая характеристика преступлений» и «механизм преступления» в ретроспективе взглядов профессора Р. С. Белкина с учетом использования деятельностного (системно-деятельностного) подхода в криминалистике позволил сделать следующие выводы.

Учитывая указанный взгляд В. В. Седнева, криминалистическое изучение преступления необходимо осуществлять с точки зрения термина «механизм преступления», представляющего собой модель-описание конкретного преступления. Изучение механизмов нескольких преступлений одного вида позволяет выявить их типичные признаки и корреляционные связи, то есть составить криминалистическую характеристику преступлений (или типовой механизм преступлений), являющуюся моделью-описанием вида преступлений. Использование категории «механизм преступлений» в качестве гносеологической модели в целях раскрытия нового преступления невозможно без выявления его типичных признаков, характеризующих как отдельные элементы, так и их корреляционные связи и соответствует конкретному уровню познания как способу исследования уникального и индивидуального путем эвристического мысленного моделирования.

Таким образом, значение категории «криминалистическая характеристика преступлений» фактически дублирует «типовой механизм преступлений».

Замена дефиниции «механизм преступления» категориями «информационная модель» или «криминалистическая модель» преступления (преступной деятельности), по нашему мнению, не совсем соответствует основной цели использования данных категорий. Задачей такого мысленного моделирования является построение не модели конкретного преступления, а установление объективной истины о произошедшем событии, описываемом в криминалистической науке именно через призму механизма преступления.

Типизирование криминалистически значимых признаков преступлений в рамках динамической системы «механизм преступления»

¹ Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 670–671.

позволяет выявить их корреляционные связи в динамике функционирования (возникновения, развития и воспроизводства) преступной деятельности и устранить основной недостаток в разработке криминалистических характеристик преступлений (отсутствие таких связей), отмеченный еще Р. С. Белкиным.

Таким образом, представляется целесообразным вместо понятия «криминалистическая характеристика преступлений» использовать предложенную А. М. Кустовым категорию «типичный механизм преступлений определенного (отдельного) вида».

Применение деятельностного подхода, изучающего единичные преступления в качестве составного элемента преступной деятельности, направленной на достижение более глобального преступного результата, требует трансформации рассматриваемых категорий. В этих целях можно использовать подход В. Б. Шабанова и В. Ф. Ермоловича к построению криминалистических структур отдельных видов преступлений¹ именно в рамках изучения преступной деятельности, носящей многоэтапный и многоуровневый (многоэпизодный) характер.

При построении таких структур представляется необходимым учитывать еще три обстоятельства. Во-первых, место и значение определенного преступления в преступной деятельности лица. Например, в рамках порно-сексуальной преступной деятельности изготовление и распространение в информационно-телекоммуникационных сетях порнографических материалов может быть, как способом совершения преступлений против общественной нравственности, так и способом подготовки преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также сопряжено с нарушением неприкосновенности частной жизни.

Во-вторых, в ходе осуществления отдельных видов преступной деятельности лицом могут параллельно осуществляться различные действия на различных этапах преступного воздействия на несколько потенциальных жертв. Например, воспроизводство развратной преступной деятельности, совершаемой в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, связано не столько с применением субъектом преступления нового способа развратных действий (например, после переписки на сексуальную тему потерпевшей (ему) направляется порнографический материал), как с его воздействием аналогичным или иным способом на новую жертву. При этом, поскольку такое воздействие не всегда или не сразу приводит к достижению нужного преступнику результата, выбор

¹ Шабанов В. Б., Ермолович В. Ф. Соотношение криминалистической характеристики преступлений со следственными ситуациями, предметом доказывания, версиями и задачами расследования преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1. С. 81.

новой жертвы и воздействие на нее обычно осуществляется параллельно первоначальным.

В-третьих, определенное преступление может повлечь возникновение новой преступной деятельности иного лица. Например, экстремистская деятельность, которая достигает своей основной цели — воздействие на лиц с целью возбуждения ненависти или вражды — может состоять из двух и более этапов, как цепная реакция.

Таким образом, следует определять не только криминалистическую структуру преступлений определенного вида, но и возможные взаимосвязи среди элементов данной структуры.

Развивая подход М. К. Каминского, механизм преступления необходимо рассматривать системно на четырех уровнях его разработки:

- при изучении его элементного состава и корреляционных связей и зависимостей;
- при исследовании его функционирования и развития (фазовый анализ);
- при определении его места (уровня) в структуре преступной деятельности, направленной на достижение единого результата либо находящейся на конкретной стадии ее воспроизводства;
- при исследовании информационных процессов взаимодействия преступной деятельности, действий жертвы и других участников преступления, технологического механизма, а также возникающих при этом следов и их криминалистического значения¹.

На первом уровне разработки в качестве элементов механизма преступления представляется целесообразным использовать его структуру, предложенную А. М. Кустовым: а) деятельность (реже — отдельные действия и движения) субъекта преступного события (преступника, преступной группы, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, преступного сообщества с учетом свойств, навыков и умений их членов); б) комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений жертвы преступления (с учетом ее свойств и признаков); в) комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений лиц, оказавшихся косвенно связанными с преступным событием; г) отдельные элементы обстановки, используемые участниками преступного события, и предмет преступного посягательства².

Представляется, что первоначально должны исследоваться все уровни субъектных блока механизма преступлений, а также обстановка

¹ Данный уровень разработки механизма преступления — информационный — исследован многими учеными-криминалистами, в том числе и профессором Р. С. Белкиным в рамках второго традиционного элемента предмета криминалистики (закономерности отражения информации о преступлении и его участниках) и не требует отдельного пояснения.

² Кустов А. М. Современный подход к понятию «механизм преступления» // КриминалистЪ. 2010. № 1 (6). С. 72–76.

преступления в целях определения естественно-технических причин процессов и явлений объективной действительности, связанных с событием преступления либо наступлением его последствий, имеющих уголовно-правовое значение.

При изучении отдельных видов преступлений техногенного характера и неосторожных преступлений, кроме деятельности указанных трех категорий субъектов необходимо выделять в качестве дополнительного элемента технологический механизм взаимодействия отдельных элементов обстановки (процессы, явления объективной действительности, связанные с событием преступления, преступной деятельностью или ее результатом). Необходимость изучения технологического механизма обусловлена следственной практикой возбуждения и расследования уголовных дел при наличии по сути единственного признака преступления — наступления тяжких последствий при авиакатастрофах, взрывах, пожарах и дорожно-транспортных происшествиях, повлекших гибель людей.

Дополнительно, учитывая позицию Р. С. Белкина, при описании указанных элементов следует выявлять и отражать корреляционные связи и зависимости между ними.

На втором уровне — фазовый подход при изучении преступной деятельности, предложенный М. К. Каминским и А. Ф. Лубиным¹, позволяет модернизировать традиционное криминалистическое понятие «способ совершения преступления», но требует расширенного применения при исследовании делящихся и продолжаемых преступлений, а также интегрирования в соответствующий уровень (структуру) преступной деятельности.

На третьем уровне разработки механизма преступлений, используя вышеуказанное мнение В. Б. Шабанова и В. Ф. Ермоловича, можно выделить следующие виды уровней преступной деятельности:

- однородные — совершаемые типичным способом (например, серия квартирных краж из квартир, расположенных на первых этажах, путем проникновения через форточку или окно);
- трансформируемые, как правило, по возрастанию степени тяжести преступления: совершение последовательно одним лицом (далее — группой лиц) единичного факта нанесения побоев из хулиганских побуждений, потом уличного грабежа, серии одиночных либо групповых грабежей, первоначально без насилия,

¹ См.: Каминский М. К., Горшенина Т. В. Методологическая парадигма современной криминалистики // Вестник Удмуртского университета. 1997. № 1. С. 67–77; Лубин А. Ф. Основные концептуальные положения кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России: научный аспект // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы методологии и практики расследования экономических и иных преступлений: Материалы межрегиональной научно-практической интернет-конференции / под ред. проф. А. Ф. Лубина. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 16–18.

- потом — с угрозой и реальным его применением, разбойного нападения, потом — серия разбойных нападений группой лиц по предварительному сговору либо бандитизма, убийства, далее — серии убийств группой лиц либо организованной группой;
- объединенные — общим умыслом на достижение единого преступного результата (например, избрания (поражения) кандидата на выборах в рамках электоральной преступной деятельности);
 - взаимосвязанные — различные действия в ходе осуществления и/или воспроизводства преступлений определенного вида (например, в рамках указанной нами выше порно-сексуальной преступной деятельности);
 - возникающие — вследствие «цепной реакции» (например, распространение экстремистских материалов, изготовленных одним лицом, новым субъектом).

Естественно, что сделанные нами выводы требуют научного об-суждения и терминологической корректировки. На наш взгляд, пред-ложенный вариант развития рассмотренных традиционных кримина-листических категорий может способствовать дальнейшему развитию научных взглядов выдающегося советского и российского ученого-криминалиста, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Рафаила Самуиловича Белкина в год 95-летия со дня его рождения.

Архипова И. А.

Р. С. Белкин: О предмете криминалистики

Криминалистика возникла и развивается как наука, способствующая своими положениями деятельности правоприменительных органов по установлению истины в судопроизводстве, отправлению правосудия и предупреждению преступлений. Соответственно этому криминали-стика изучает именно те закономерности действительности, которые проявляются в сфере деятельности дознавателя, следователя, суда, эксперта-криминалиста по установлению истины в судопроизводстве, т. е. в судебном исследовании, под которым понимается деятельность компетентных органов по раскрытию и расследованию преступлений, судебному разбирательству уголовных дел, а также решению граждан-ско-правовых споров.

В настоящее время применительно к изучаемым наукой кримина-листикой объективным закономерностям многие авторы (Р. С. Белкин, А. М. Кустов, Н. П. Яблоков и другие) выделяют закономерности ме-ханизма преступления, из числа которых к предмету криминалистики относятся:

- закономерности формирования, выбора и реализации способа подготовки, совершения и сокрытия преступления;
- закономерности возникновения и развития связей между элементами механизма преступления;
- закономерности возникновения и развития явлений, связанных с преступлением, как до, так во время и после его совершения, имеющих значение для судопроизводства по делу.

Криминалистика как наука изучает, прежде всего, те предметы и явления материального мира, которые составляют содержание механизма преступления, являются его элементами, а из всех объектов — прежде всего те, которые запечатлели следы действия этого механизма. Данные следы впоследствии могут стать в установленном законом порядке источниками доказательств, а содержащаяся в них информация — доказательствами по делу. «Процесс собирания, исследования, оценки и использования информации о преступлении и его участниках в целях установления истины также испытывает воздействие определенных закономерностей, входящих в предмет криминалистической науки»¹

Среди областей научного знания, овладение основами которых является необходимым условием подготовки органов дознания, предварительного следствия, суда, экспертных учреждений, важное место занимает криминалистика — наука, изучающая и обобщающая опыт борьбы с преступностью, разрабатывающая средства и методы раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Предметом любой науки служат закономерности объективной действительности, обуславливающие возникновение, состояние, тенденции развития определенной группы явлений, фактов, отношений, процессов. Предмет криминалистики также составляет определенная группа специфических закономерностей реального мира, определенных областей человеческой деятельности, которые изучаются ею для использования в борьбе с преступностью.

В период с середины 30-х до начала 70-х гг. прошлого столетия благодаря исследованиям С. А. Голунского, Р. С. Белкина, А. И. Винберга, С. П. Митричева были заложены научные предпосылки общей теории советской криминалистики, которые впоследствии сыграли решающую роль в ее формировании.

Криминалистика возникла и развивается как наука, способствующая своими положениями деятельности правоприменительных органов по установлению истины в судопроизводстве, отправлению правосудия и предупреждению преступлений. Соответственно этому криминалистика изучает именно те закономерности действительности, которые проявляются в сфере деятельности дознавателя, следователя, суда,

¹ Криминалистика. Т. 1. История, общая и частные теории. Под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузина. Академия МВД РФ. М., 1995. С. 25.

эксперта-криминалиста по установлению истины в судопроизводстве, т. е. в судебном исследовании, под которым понимается деятельность компетентных органов по раскрытию и расследованию преступлений, судебному разбирательству уголовных дел, а также решению гражданско-правовых споров.

Организации процесса расследования, его логическим основам, оценке доказательств различных видов посвятил свои многочисленные работы Рафаил Самуилович Белкин.

Р. С. Белкин в своих работах неоднократно подчеркивал, что:

1) В предмет криминалистики включаются закономерности механизма преступления, то есть закономерности подготовки к его осуществлению, выбора и формирования способа совершения и сокрытия преступления и осуществления преступного замысла.

2) В предмет науки включается термин «информация» как совокупность сведений о механизме преступления и его участниках, содержащихся в отражении комплекса элементов события.

3) Указание на специальный, то есть криминалистический, характер средств и методов судебного исследования и предотвращения преступлений отграничивает эти средства и методы от средств и методов, составляющих предмет социальной науки¹.

В настоящее время применительно к изучаемым наукой криминалистикой объективным закономерностям многие авторы (А. М. Кустов, Н. П. Яблоков и другие) также выделяют закономерности механизма преступления, из числа которых к предмету криминалистики относятся:

- закономерности формирования, выбора и реализации способа подготовки, совершения и сокрытия преступления;
- закономерности возникновения и развития связей между элементами механизма преступления;
- закономерности возникновения и развития явлений, связанных с преступлением, как до, так во время и после его совершения, имеющих значение для судопроизводства по делу.

Криминалистика как наука изучает, прежде всего, те предметы и явления материального мира, которые составляют содержание механизма преступления, являются его элементами, а из всех объектов — лишь те, которые запечатлели следы действия этого механизма. Данные следы впоследствии могут стать в установленном законом порядке источниками доказательств, а содержащаяся в них информация — доказательствами по делу.

¹ Белкин Р. С. Общая теория советской криминалистики. Саратов, 1986; Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987; Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина и др. Учебник для вузов МВД. М., 1995. Т. 1.; Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997.

Процесс собирания, исследования, оценки и использования информации о преступлении и его участниках в целях установления истины также испытывает воздействие определенных закономерностей, входящих в предмет криминалистической науки.

Изучение названных объективных закономерностей, их познание необходимо в целях содействия практике борьбы с преступностью. На базе познания этих закономерностей криминалистикой осуществляется разработка технико-криминалистических средств, тактических приемов и методических рекомендаций по работе с доказательствами, по организации и планированию предварительного расследования.

Р. С. Белкин отмечал, что определение всегда отражает сущность предмета познания, но, как правило, не может содержать его развернутой характеристики. Поэтому рассмотрение вопроса о предмете криминалистики требует анализа его элементов — закономерностей объективной действительности, изучаемых криминалистикой, и криминалистических средств и методов судебного исследования и предотвращения преступлений.¹

Современные взгляды на предмет науки криминалистики не претерпели значительных изменений. Сейчас еще более очевидна заслуга Рафаила Самуиловича Белкина, в честь которого проводится сегодня научно-практическая конференция.

Аубакирова А. А.

Применение фотографирования и видеозаписи в досудебном производстве

Наглядно-образная форма фиксации в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений позволяет запечатлеть чувственно воспринимаемый образ объекта либо его признаки и свойства, включая и недоступные для обычного непосредственного восприятия. Основной признак этой формы фиксации информации — наглядность результатов фиксации. В философии под наглядностью понимают «свойство отражения действительности в форме чувственно-конкретных образов»², причем считается, что «наглядными являются не только зрительные, но и любые другие чувственные восприятия материальных объектов»³.

Философское понимание наглядности включает в себя и более узкое толкование этого термина, когда он связывается лишь с визуальным (зрительным) восприятием объекта. Именно в этом смысле мы говорим

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юрист, 1997. С. 115.

² Штофф В. А. О роли моделей в квантовой механике // Вопросы философии. 1958. № 2. С. 73.

³ Штофф В. А. Роль моделей в познании. Л., 1963. С. 64.

о наглядности применительно к рассматриваемой форме фиксации информации. Все приемы наглядно-образной формы фиксации обеспечивают наглядность, позволяя запечатлеть либо то, что было доступно для субъекта фиксации при непосредственном визуальном восприятии объекта в природе, либо те его признаки и свойства, которые стали доступны для такого восприятия после применения соответствующих средств фиксации. Наиболее распространенными приемами наглядно-образной фиксации являются фотографирование и видеозапись. Незря законодатель отводит данной форме фиксации особое место. По требованиям уголовно-процессуального кодекса РК ст. 123 УПК РК «для закрепления доказательств наряду с составлением протоколов, могут применяться звуко-, видеозапись». Более того, «технические средства фиксации (видеозапись) выполняют ту же удостоверительную функцию, что и понятие»¹ Кроме того, УПК РК регламентирует применение видеозаписи при проведении всех следственных действий.

Фотосъемка в настоящее время — наиболее распространенный прием наглядно-образной формы фиксации информации. Это объясняется большей по сравнению с другими приемами доступностью, простотой и относительно малозатратностью фотографических процессов и аппаратуры, практической достаточностью в большинстве случаев применения фотосъемки для достижения целей фиксации. К тому же оно не влияет на сохранность и состояние фиксируемого объекта. Именно поэтому фотосъемка предшествует любому другому способу фиксации, применение которого может изменить или разрушить объект.

Фотоснимки, видеозапись изготовленные с соблюдением определенных правил и требований УПК, успешно используются в целях идентификации.

Преимущества фотосъемки были оценены криминалистами: чуть ли не с момента изобретения фотографии (вскоре после появления дагерротипии) делались попытки применить ее для борьбы с преступностью. Еще А.Шауэнштейн настоятельно рекомендовал использовать фотографию как средство фиксации. Он писал: «... этим средством не следовало бы пренебрегать ни в одном из тех случаев, в которых покажется сколь-нибудь важно познакомить судей с местом преступления и с первоначальным видом всего, что найдено было там во время предварительного осмотра»².

Дальнейшее совершенствование фотографических методов, применяемых полицией, происходило параллельно с развитием общей фотографии, однако уже на этом этапе судебно-оперативная фотография начала разрабатывать и использовать свои специфические приемы, виды

¹ Белицкий В. Ю. Применение технических средств как альтернатива участию понятых // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2015. С. 11–15.

² Шауэнштейн А. Руководство к изучению судебной медицины. М., 1865. С. 443.

и способы съемки, например, сигналетическую (опознавательную), масштабную, панорамную и т.д. Судебная фотография стала одним из важнейших разделов криминалистической техники, чему немало способствовали такие криминалисты, как С. В. Познышев, Е. Ф. Буринский, Р. С. Белкин, Е. Р. Россинская, которые подчеркивали значение судебной фотографии, раскрыли ее сущность и систему.

Как известно, объем информации об объекте, запечатленном фотографическим путем, ограничен тем обстоятельством, что отдельные фотоснимки не позволяют получить полное представление о динамике того или иного события либо действия. В этом случае на помощь субъекту деятельности по выявлению и раскрытию преступлений пришла видеозапись. Использование в противодействии преступности указанных технических средств фиксации динамической картины события явилось естественным следствием дальнейшего развития криминалистической техники.

Криминалистическая видеозапись представляет собой систему научных положений и разработанных на их основе видов и приемов видеофиксации применительно к задачам деятельности по выявлению и расследованию преступлений.

Видеозапись открыла в криминалистике принципиально новые возможности фиксации доказательственной информации. Криминалистическая видеозапись представляет собой систему научных положений и разработанных на их основе видов и приемов видеофиксации применительно к задачам деятельности по выявлению и раскрытию преступлений. Использование видеозаписи позволяет решать следующие практические задачи:

1. С документальной точностью фиксировать и исследовать факты, события, явления в динамике при расследовании преступлений;
2. Сохранять зафиксированную информацию о динамических свойствах, признаках объекта, воспроизводить ее для оценки в любое время в досудебном производстве и в суде;
3. Изучить недоступные человеческому восприятию быстротекающие события;
4. Фиксировать события, явления не только в динамике, но и во времени.

Оперативность получения видеоизображения и объективность фиксации с использованием видеозаписи позволит в ближайшее время упростить процесс собирания доказательственной информации и представления ее предварительному следствию и суду.

Вместе с тем видеозапись, как всякое средство фиксации, обладает не только суммой положительных качеств, названных выше, но и рядом недостатков. К ним можно отнести следующие:

1. Цифровое видеоизображение на носителе невидимо, поэтому приложенная к протоколу следственного действия видеозапись не

обладает свойством непосредственной наглядности, в отличие от фотоснимка, на которых невооруженным глазом видно изображение. Для восприятия видеоизображения необходима специальная техника: монитор (телевизор), воспроизводящее устройство;

2. Видеоизображение по разрешающей способности несколько уступает фотоизображению;

3. Цифровое видеоизображение на магнитном носителе недостаточно стойкое. Его легко повредить либо уничтожить, например, действием магнитного поля, высокочастотным излучением.

Учет этих недостатков необходим для правильного применения видеозаписи и дальнейшего совершенствования ее средств.

Несмотря на прямое указание законодателя об использовании технических средств фиксации доказательств, правоприменительная практика показывает, что фото- и видеозапись используются не всегда. На основе полученных данных выявлены следующие основные негативные тенденции:

1. при производстве неотложных следственных действий не всегда используются научно-технические средства, когда их применение целесообразно или даже необходимо;

2. не во всех случаях использования технических средств фиксации в уголовных делах содержатся материалы, полученные в результате их применения;

3. нередко случаи нарушения уголовно-процессуальных норм и криминалистических рекомендаций, касающихся использования технических средств фиксации и приобщения к уголовным делам полученных материалов.

Основная причина отмеченных недостатков заключается в недооценке доказательственного значения фотоснимков, и видеogramм.

Обобщая изложенное, следует отметить очень важные для практики положения, выражающиеся в том, что ни одна из форм фиксации доказательственной информации не может иметь преимущественного значения. Следует вести речь о взаимосвязи этих форм, комплексном их использовании, так как только такой подход позволяет эффективно применять основные положения криминалистического учения о фиксации доказательственной информации для формирования аргументов при доказывании.

Ахундов Мурад Вагиф оглы

Криминалистическая характеристика должностных преступлений в таможенных органах

Научные исследования, практика работы органов предварительного расследования показывают, что в основе методики расследования пре-

ступлений, в том числе и в сфере таможи, лежат криминалистические характеристики конкретных преступлений.

Криминалистическая характеристика помогает определить, где и какие следы, типичные для данной группы, вида и конкретного преступления, могут быть обнаружены, какие действия и какими способами мог совершить преступник и, соответственно, какими действиями и средствами, в какой последовательности они могут быть обнаружены.

Знание криминалистической характеристики, ее структуры и элементов способствует более правильному уяснению обстановки и движению необходимых для проверки версий, построению на основе анализа данных модели преступления, помогает планированию расследования.

Однако среди ученых-криминалистов не сложилось единого мнения относительно самого понятия «криминалистическая характеристика преступлений». Впервые выражение «криминалистическая характеристика преступлений» было предложено А. Н. Колесниченко. К числу наиболее существенных положений, общих для всех частных методик, писал А. Н. Колесниченко, относится «общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений». Далее он отмечает, что «преступления имеют и общие черты криминалистического характера» [6, с. 16]. И предлагает включить в структуру криминалистической характеристики преступления подразделение данного вида преступлений на разновидности и группы, а также типичные следственные ситуации и соответствующие им основные направления расследования, возможные пути установления преступников и задачи повышения эффективности следственной работы [6, с. 20–21].

По мнению Н. П. Яблокова, в содержании криминалистической характеристики преступления следует рассматривать три элемента: криминалистические черты способа совершения преступлений, типичные следственные ситуации, характер информации, подлежащей выяснению [8, с. 38].

С. Г. Еремин считает, что к элементам криминалистической характеристики преступления относятся такие, которые в связи между собой наиболее полно раскрывают сущность криминалистических данных, характеризующих:

- 1) организованную преступную группу;
- 2) личность преступника;
- 3) предмет преступного посягательства;
- 4) способ подготовки и сокрытия преступления;
- 5) место, время, обстановку, орудия и средства совершения преступления;
- 6) типичные следы и вероятные места их обнаружения [5, с. 44–45].

На наш взгляд, криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере таможенной деятельности, конкретизируя по-

ложения общей характеристики преступлений, содержит в себе упорядоченную систему данных: о наиболее распространенных способах его совершения; о типичной обстановке (месте, времени и условиях совершения этих преступлений); о личности преступника (преступников); последствий совершения преступления, взаимодействие которых оказывают решающее влияние на формирование доказательственной информации.

Следственная ситуация складывающаяся на первоначальном этапе, строго индивидуальна при совершении того или иного преступления, напрямую связана с особенностями личности подозреваемого и способа преступления. В зависимости от способа совершения преступления ситуация также может отражать признаки того или иного вида преступления т. е. следственная ситуация взаимосвязана и взаимообусловлена со всеми элементами криминалистической характеристики преступления, отражает в себе признаки этих элементов, их воздействия на ситуацию. Ситуация потому и обозначена как типичная, поскольку характерна для того или иного вида преступления.

Еще один из основателей криминалистики Г. Гросс уделял существенное внимание способам совершения преступления и роли сведений о нем в его раскрытии [4, с. 356]. И. Ф. Пантелеев включает в криминалистическую характеристику преступления, наряду с перечисленными выше элементами, типичные криминальные ситуации, а также сведения о наиболее распространенных технических средствах и источниках их получения, о методах и приемах вовлечения соучастников, о наиболее распространенных мотивах и целях совершения преступлений и их типичных последствиях, а также типичные виктимологические аспекты криминальной ситуации и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления [10, с. 18; с. 43].

Эта позиция в современных условиях представляется более предпочтительной. Но и она не бесспорна. Во-первых, в определении нет указания о типичных признаках, что весьма существенно для криминалистической характеристики. Во-вторых, авторы ведут речь и об отдельном преступлении.

По нашему мнению, такая структура складывается из следующих основных компонентов (элементов):

1) типичные устремления организаторов совершения различных преступных действий (при проведении перемещения через таможенную границу АР товаров и транспортных средств; нарушении таможенного режима; при осуществлении таможенных платежей и оформлении; во время реализации таможенного и валютного контроля);

2) типичные свойства личности преступников (преступления подобного рода совершаются, как правило, организованными преступными группировками, задействованными в различных сферах хозяйственно-

экономической деятельности, специализирующиеся на профессиональной преступности и т. д.) и мотивы их действий;

3) наиболее распространенные способы и средства подготовки и совершения рассматриваемых преступлений;

4) типичные приемы маскировки (конспирации), применяемые преступниками при подготовке и совершении преступлений;

5) типичные условия (обстановка), в которых готовятся и совершаются преступления в таможенной сфере;

6) специфические следы субъектов преступной деятельности.

Представляется, что при разработке криминалистической характеристики преступления необходимо опираться на понятие «человеческая деятельность». Исходя из этой посылки, криминалистическая характеристика — это научно разработанная система типичных признаков преступлений определенной категории (вида, группы), отображающихся в объективной действительности в виде специфических следов и способствующих быстрому и полному раскрытию очередного аналогичного преступления.

Впервые особенности криминалистической характеристики преступлений, совершаемых должностными лицами таможенных органов, непосредственно была дана Ю. П. Гармаевым [3, с. 175]. Следует отметить, что специфика должностных преступлений, совершаемых должностными лицами таможенных органов имеет многоуровневый характер и включает в себя различные компоненты экономической деятельности (банковской, налоговой, транспортной, системы санитарного контроля, пограничной службы, бизнеса и т. д.). Исходя из этого, представляется, в целом принимая за основу позицию Ю. П. Гармаева по данному вопросу, необходимо с учетом специфики исследуемых преступлений, дополнить его следующими составными элементами криминалистической характеристики преступлений, совершаемых должностными лицами таможенных органов:

- механизм преступлений;
- условия места и времени совершения преступлений;
- средства, используемые при совершении преступлений;
- обстоятельства и условия, способствующих совершению преступлений;
- личности преступника, в интересах которого совершается должностное преступления со стороны представителя таможенных органов;

Преступления, совершаемые в сфере таможенной деятельности, различны, квалифицируются в соответствии с различными статьями Уголовного кодекса АР, совершаются различными способами. (11. 1 часть) Однако все они характеризуются типичными особенностями, которые во многом определяют содержание криминалистической характеристики и состоят в следующем:

- деятельность в таможенной сфере регламентируется нормативно-правовыми актами и должна оформляться соответствующими учетными документами;
- должностные преступления совершаются как умышленно, так и по неосторожности, как правило, путем нарушения по различным мотивам определенных правовых требований, правил, положений, инструкций, в том числе порядка, установленного в данном предприятии, организации;
- преступления совершаются как должностными лицами, так и не должностными, рядовыми работниками, физическими и представителями юридических лиц, а также иными лицами причастных к рассматриваемому виду преступления;
- преступления совершаются в большинстве случаев в процессе выполнения тех или иных таможенных операций;
- преступные действия, как правило, фиксируются в таможенных, банковских, транспортно-сопроводительных, пограничных, международно-транзитных и иных учетных документах, т.е. оставляют определенные следы, реже они частично не отражаются в учете, что само по себе также свидетельствует о преступном умысле.

1. нарушения сроков представления отчетной и учетной документации;

2. преступления носят длящийся характер, осуществляются систематически и, как правило, в рамках легальной внешнеэкономической деятельности;

3. преступные действия связаны с деятельностью других предприятий и организаций, том числе и зарубежных, и оставляют определенные следы в их деятельности, операциях, документах, в памяти лиц, работающих в этих организациях;

4. преступная деятельность осуществляется в рамках обычной деятельности, конкретных операций, в определенных условиях, которые в той или иной степени находятся под ведомственным, вневедомственным, государственным контролем; результаты проверок органов государственного контроля документально оформляются и при этом, несомненно, формируются определенные следы;

5. в результате преступной деятельности предприятию, организации причиняется определенный вред, ущерб, который отражается на финансовом и экономическом состоянии и также формирует определенные следы, а поскольку преступные действия в сфере внешнеэкономической неизбежно связаны с правомерной деятельностью, то следы преступлений не могут не проявиться в имеющихся связях с контрагентами.

Понимая криминалистическую характеристику преступления как совокупность следов преступления, т.е. фактов-последствий,

мы рассматриваем их как криминалистические признаки преступления. К таким признакам в сфере таможенного дела относятся, в частности:

- нарушения законодательных, нормативных требований деятельности предприятия, организации, как регулируемых государством, так и установленных учредительными и нормативными актами данной структуры;
- применяет незаконные средства таможенного регулирования торгово-экономических отношений нарушения;
- содействуют уклонению от взимания таможенных пошлин, налогов и иных таможенных платежей;
- недостачи, сомнительные, не предусмотренные выплаты, наличие неучтенных ценностей и т. п.;
- негативные или криминальные явления на смежных, связанных производственным процессом и коммерческой деятельностью предприятиях и организациях, особенно по операциям, которые предусмотрены контрагентскими соглашениями;
- неправомерное поведение, незаконные или криминальные действия тех или иных работников, связанные с хозяйственной деятельностью, нереагирование на них соответствующих руководителей и должностных лиц;
- сомнительный образ жизни, в частности расходы не по доходам, приобретение конкретными лицами за счет организации (предприятия) дорогостоящего имущества и др.
- нарушают правила перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу АР;
- способствуют и совершают преступления в области таможенного дела, а также нарушения таможенных правил и налогового законодательства, не пресекают незаконное перемещение через таможенную границу Азербайджанской Республики наркотических средств, оружия, предметов художественного, исторического и археологического достояния азербайджанского народа и народов зарубежных стран, объектов интеллектуальной собственности, видов животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения, других товаров; не оказывают содействие в борьбе с международным терроризмом и пресечению незаконного вмешательства в деятельность международной гражданской авиации в аэропортах АР;
- умышленно нарушают таможенный контроль — совокупность мер, осуществляемых должностными лицами таможенного органа в целях обеспечения соблюдения законодательства АР о таможенном деле и таможенное оформление, чинят препятствия ускоренному товарообороту через таможенную границу Азербайджанской Республики;

- своими действиями и бездействиями искажают таможенную статистику внешнеэкономической деятельности и специальную таможенную статистику Азербайджанской Республики;
- искажают отчетность о товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности;
- препятствуют развитию внешнеэкономических связей предприятий, учреждений, организаций и физических лиц;
- причиняют ущерб государственной безопасности, общественному порядку, нравственности населения, жизни «и здоровья людей, охране животных и растений, окружающей среды, защите интересов азербайджанских потребителей ввозимых товаров;
- нарушают правила осуществления валютного контроля;
- препятствуют, а порою срывают выполнение международных обязательств Азербайджанской Республики в части, касающейся таможенного дела, международных договоров Азербайджанской Республики, связанных с таможенным делом; (13, с. 244)
- создают преграды для сотрудничества с таможенными и иными компетентными органами иностранных государств, международными организациями, занимающимися вопросами таможенного дела;
- оказывают отрицательное влияние на морально-профессиональные качества сотрудников; (13, с. 244)

Перечисленные признаки могут свидетельствовать о должностных злоупотреблениях в таможенном деле, связанных с внешнеэкономической деятельностью, незаконным оборотом наркотиков, оружия, финансирования терроризма и др., поэтому их следует учитывать при оценке информации, анализе других элементов криминалистической характеристики, в частности обстановки совершения должностных преступлений. Они помогают выявить способы совершения и сокрытия преступления, а также причастных к совершению преступления лиц.

В общей системе мер по борьбе с должностными преступлениями в сфере таможенных отношений важнейшая роль принадлежит криминалистическим методам, приемам и средствам ее обеспечения. Поскольку таможенная сфера является объектом особо повышенной заинтересованности организованных преступных групп, расследование преступлений в данной сфере, представляют значительную сложность. В силу этого оперативные работники и следователи Государственного таможенного комитета АР, а также других правоохранительных органов, должны, прежде всего, представлять сущность таких преступлений, их криминалистическую характеристику, построенную на основе анализа и обобщения закономерностей подготовки, совершения и сокрытия исследуемых преступлений.

Багмет А. М.

Труды Белкина Рафаила Самуиловича как основной источник знаний в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

В текущем году юридическая общественность России отметила 95-летие со дня рождения выдающегося ученого в области криминалистики — профессора Рафаила Самуиловича Белкина.

Хотя криминалистика как наука существенно шагнула вперед по сравнению с прошлыми десятилетиями, основные ее положения, заложенные Р. С. Белкиным, являются фундаментом для дальнейших научных исследований, развития теории и практики криминалистики, а многие его научные идеи остаются актуальными и в наши дни.

Возьмем хотя бы только один и теоретический, и сугубо практический вопрос — развитие учения о следственном эксперименте. Так, в своей монографии «Теория и практика следственного эксперимента» (1959) Р. С. Белкин фактически предвосхитил появление нового следственного действия, годом позже узаконенного новым УПК РСФСР (1960), и исследовал его с криминалистических позиций. Далее в монографии «Эксперимент в следственной судебной и экспертной практике» (1964) он исследовал эту тему с позиций общей теории познания, особое внимание уделив вопросам доказывания. УПК РФ 2001 г. в ст. 181, определяя цель и задачи, а также процессуальные особенности данного следственного действия во многом воспринял идеи Р. С. Белкина. Хотя в наши дни при проведении следственного эксперимента применяются новые технические средства (особенно это необходимо при расследовании крупных аварий, например, на авиационном и железнодорожном транспорте), основные процессуальные и гносеологические особенности следственного эксперимента, разработанные Р. С. Белкиным, не утратили своего значения.

Так, в ходе расследования столкновения в воздухе вертолета Robinson R-44 с гидросамолетом Cessna 206F, произошедшего 8 августа 2015 г. над Истринским водохранилищем Московской области (в результате которого погибли пилоты данных воздушных судов, а также семь пассажиров) был проведен следственный эксперимент с участием свидетеля Л. с использованием вертолета Robinson R-44, в ходе которого зафиксированы направление полета вертолета и точка столкновения с гидросамолетом (при этом для фиксации хода и результатов следственного эксперимента применялась видео и фотосъемка). С помощью следственного эксперимента и заключением лётно-технической экспертизы были установлены многочисленные нарушения, допущенные пилотом гидроплана, которые в конечном итоге привели к данной авиационной катастрофе.

В своих работах профессор Р. С. Белкин уделял значительное внимание применению криминалистической техники, ориентировал следственных работников на овладение умениями и навыками работы с ней.

Продолжая традиции обучения криминалистики, заложенные метром, в Московской академии Следственного комитета России создана уникальная база криминалистической техники, которой без преувеличения могут позавидовать ведущие юридические высшие учебные заведения России.

В криминалистической лаборатории Академии представлены последние образцы поисковой техники, функционирующей посредством геолокации, металлодетекции, световой и нелинейной локации. Указанные приборы предназначены для поиска захороненных трупов, металлических объектов, средств мобильной связи их частей, а также средств скрытой видео и аудио фиксации. Лаборатория оснащена всеми необходимыми современными криминалистическими научно-техническими средствами криминалистики. Имеются три учебных полигона: «Квартира», «Офис», «Банк» — с соответствующей обстановкой для отработки практических навыков и тактических приемов проведения следственных действий в формате интерактивных занятий со студентами и слушателями; фотолаборатория. Ряд занятий проводится с использованием специализированных компьютерных программ: «Виртуальный обыск», «Виртуальный осмотр места происшествия».

Свое становление указанная обучающая деятельность профессорско-преподавательского состава начала еще в Институте повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, осуществлявшем повышение квалификации и профессиональную переподготовку сотрудников системы СК России в интересах получения ими профессиональных знаний и навыков в сфере передовой отечественной и зарубежной следственной практики. Именно он стал базой для создания в 2014 г. Академии Следственного комитета Российской Федерации, а с января 1917 г. — Московской академии Следственного комитета.

За время существования Академии и Института свою квалификацию повысили более чем 10 тыс. слушателей различных категорий: следователи, старшие следователи, руководители следственных отделов, руководители следственных управлений по субъектам Российской Федерации, следователи-криминалисты, старшие следователи-криминалисты, руководители подразделений криминалистики, помощники следователей, инспектора процессуального контроля и другие.

В настоящее время структура Академии представлена тремя институтами:

- Юридический институт;
- Институт повышения квалификации;
- Научно-исследовательский институт криминалистики.

Создание НИИ криминалистики было обусловлено потребностями следственной практики, необходимостью совершенствования криминалистического обеспечения следственных органов СК России, как один из шагов реализации концепции развития криминалистической службы и криминалистики в Следственном комитете. Научные исследования в НИИ криминалистики проводятся по нескольким направлениям: разработка общих и частных методик расследования преступлений различных видов; технико-криминалистическое и экспертное сопровождение следствия; тактические разработки по осуществлению процесса расследования и отдельных следственных действий. Ряд исследовательских работ посвящен прикладным вопросам судебных экспертиз. Но жизнь не стоит на месте, возможно, что в Следственном комитете и в академии появятся и иные структуры, задачами которых будут изучение научных и прикладных аспектов криминалистической деятельности.

Фундаментальные основы криминалистики, заложенные профессором Белкиным, разработанные им методические рекомендации по практическому применению криминалистических знаний актуальны и в наши дни.

Несомненно, изменился уровень технического оснащения следствия, возможности в проведении процессуальных действий, связанные с применением передовых технических средств и методов.

Например, при осмотре места крушения самолета Боинг 737–505 в г. Перми для ориентирующей и обзорной съемки применялись аэростат и радиоуправляемый беспилотный самолет.

В ходе осмотра места падения самолета АН-2 под Серовым был применен новый метод судебной фотографии — компьютерная сферическая панорама (КСП), основанная на сочетании цифровой фотографии с компьютерными 3D технологиями, использование которой обеспечивает: демонстрацию фотографий места происшествия в трехмерном изображении с целью упрощения восприятия обстановки места происшествия; возможность виртуального перемещения по месту происшествия; возможность виртуального обнаружения и детального осмотра обнаруженных следов и объектов-носителей этих следов; реконструкцию обстановки места происшествия).

Но понимание значения криминалистики в повседневной деятельности следователя, в решении общей задачи правоохранительных органов — борьбе с преступными проявлениями различного характера и профилактике преступлений — не изменилось. Идеи Р. С. Белкина нашли свое продолжение в трудах его учеников и последователей.

В целях сохранения и приумножения лучших традиций следствия и криминалистических учений, в Академии создан музей следствия, в котором имеются фотографии, учебники, монографии, документы Р. С. Белкина.

В юридическом институте Академии создан и успешно работает научный кружок «Следователь-криминалист», где обучающимися проводятся научно-исследовательские работы по различным направлениям криминалистики: трасология; дактилоскопия; оружиеведение; почерковедение и технико-криминалистическое исследование документов; криминалистическая фотография и видеосъемка; криминалистическая габитология; криминалистическое исследование материалов, вещей и изделий; цифровая криминалистика. Известно, что многие труды Р. С. Белкина были обращены к юным криминалистам: начинающим следопытам и молодым следователям; они интересны и в наше время.

В Академии делается многое для того, чтобы приобщить подрастающее поколение следователей к лучшим традициям следствия, побудить их помнить и чтить настоящих профессионалов следствия, выдающихся криминалистов — и ученых, и практиков, которым, безусловно, был и остался в нашей памяти Рафаил Самуилович Белкин.

Баев М. О.

Отдельные проблемы участия адвоката-защитника в производстве следственных действий

Основные тактические средства адвокатом-защитником реализуются при его участии в производстве следственных действий. Комплексный подход к формулированию тактических особенностей наиболее сложной части всей деятельности защитника в уголовном судопроизводстве позволяет рассмотреть их, по вполне допустимой и теоретически корректной аналогии с тактикой следственных действий, применительно к подготовительному, рабочему и заключительному этапам следственного действия.

Учитывая, что защитник не производит, а именно участвует в следственном действии: инициатива его проведения исходит, как правило, от следователя (исключая ситуации, когда следственное действие осуществляется во исполнение ходатайства адвоката). Тем не менее, многие из приведенных элементов следственной тактики в соответствующей интерпретации являются составляющими тактики подготовительного этапа участия защитника в следственных действиях.

С одной стороны, в настоящее время срок, в течение которого следователь обязан ждать явки приглашенного подозреваемым (обвиняемым) адвоката или уже участвующего в деле защитника для производства конкретного процессуального действия, ограничен 5 сутками (ч. 3 ст. 50 УПК). С другой — следующая же часть этой статьи устанавливает возможность производства следственных

действий с участием подозреваемого (обвиняемого) без участия защитника (за исключением случаев, предусмотренных п. 2–8 ч. 1 ст. 51 УПК). Очевидно, что наиболее часто в этот срок проводится такое следственное действие, как допрос подозреваемого (обвиняемого). А в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства в отсутствие защитника (независимо от причин этого) и не подтвержденные им в суде, являются недопустимыми доказательствами. Гордиев уzel данной проблемы законодатель «разрубил», внося изменения в ст. 52 УПК РФ¹ и указав, то, что отказ подозреваемого (обвиняемого) от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. Нам такое решение этой коллизии не представляется полностью удовлетворительным (что будет обосновано ниже).

Реалии таковы, что адвокат в намечаемый следователем день и час может оказаться занятым по другому из имеющихся в его производстве дел. Следователь же работает по собственному плану. Кроме того, проведение отдельных следственных действий, запланированных с участием адвоката, требует предварительных, иногда достаточно сложных организационных мероприятий. В ситуации, когда защитник не имеет возможности в намеченное следователем время принять участие в запланированном действии, а последний — возможности (или желания) удовлетворить просьбу адвоката о переносе его производства, последний может предпринять следующие действия:

а) предложить своему подзащитному согласиться на проведение намеченного действия без его, защитника, участия. При этом адвокат должен объяснить подзащитному причины, по которым он не может участвовать в действии, а также на что подзащитному следует обратить внимание при его производстве;

б) если подзащитный не соглашается на проведение действия без участия адвоката, защитник должен путем заявления соответствующего ходатайства требовать переноса проведения запланированного действия на другое время. Для того чтобы такое требование было обоснованным и не выглядело как «прихоть» адвоката, к заявлению следует приложить документы, подтверждающие занятость последнего в намеченное следователем время: справку суда о том, что данный адвокат в это время занят в судебном процессе; справку соответствующего органа о ранее уже назначенном на это же время проведение каких-либо действий с участием данного защитника по другому делу, и т.п. Заметим, что и Кодекс профессиональной этики адвоката содержит аналогичные требования в ч. 1 ст. 14. Кстати, и своему подзащитному адвокат может продемонстрировать документы, подтверждающие отсутствие у него объективной возможности принять участие в том или ином действии,

¹ См.: Федеральный закон от 08.12.2003 № 161-ФЗ.

дабы не нарушить установившиеся между ними доверительные отношения.

Однако принимая подобное решение, адвокат должен иметь в виду, что подобная «нестыковка» планов работы следователя и защитника чревата серьезными осложнениями и может повлечь обвинение последнего следователем в умышленном затягивании расследования (особенно, когда истекают сроки содержания обвиняемого под стражей) и даже перерасти в личностные конфликты между ними, которые, говоря словами П. Сергеевича могут сказаться, как говорил, «на шкуре подсудимого»¹.

Оптимальной является ситуация, когда одного подозреваемого (обвиняемого) защищают несколько адвокатов. Тогда, как показывает практика, хотя бы один из них будет иметь возможность принять участие в производстве запланированного следователем действия в назначенное им время.

Следующее, что должен решить для себя защитник на подготовительном этапе следственного действия, — это вопрос о необходимости и целесообразности своего в нем участия. Участие адвоката в том или ином действии — это не обязанность, а право, которое он должен использовать в интересах своего подзащитного (кроме случаев, когда участие в следственном действии является обязательным в рамках положений ст. 51 УПК РФ).

Нет сомнений, что в большинстве ситуаций участие защитника в следственных действиях позитивно скажется на обеспечении прав и интересов обвиняемого и, зачастую, на выявлении при их производстве обстоятельств, оправдывающих подзащитного или смягчающих его ответственность. И потому совершенно верно поступают адвокаты, которые по вступлении в дело в первой же беседе с подзащитным предупреждают о том, чтобы он не соглашался на производство каких-либо действий без участия в нем защитника.

С другой стороны, участие в следственном действии защитника психологически как бы презюмирует объективность получаемой в процессе этого действия информации. Вот почему, решая вопрос о необходимости своего участия в том или ином конкретном следственном действии, защитник должен представить себе его возможную цель и реальность ее достижения следователем. Сделать это адвокат может на основании соответствующей оценки имеющейся в его распоряжении информации, ее рефлексивного анализа, использования других известных методик и процедур индуктивного и дедуктивного мышления и, конечно же, своих криминалистических познаний и опыта.

¹ Сергеев П. Уголовная защита. Практические заметки. СПб., 1913. С. 9.

В ряде случаев такой анализ может привести адвоката к выводу о нецелесообразности его участия в предполагаемом действии по одной из следующих причин:

а) будет презюмировать безусловно объективность полученной в результате действия информации;

б) может затруднить подзащитному возможность в дальнейшем, если он того пожелает, изменить позицию, которую он предполагает занять при производстве данного действия;

в) затруднит возможность для защитника в дальнейшем критически оценить с позиции соответствия закону и криминалистическим рекомендациям ход и результаты данного следственного действия и поставить под сомнение их доказательственное значение в случае нарушений закона и ошибок, которые, возможно, допустит в процессе действия следователь (участвуя в следственном действии, защитник, как представляется, не имеет права оставлять таковые без немедленного своего на них реагирования).

Несомненно, вопрос о целесообразности своего участия в запланированном действии адвокат до принятия решения обязан обсудить со своим подзащитным. Он должен разъяснить клиенту причины, по которым он не считает рациональным свое участие в данном действии, учесть его мнение, поскольку окончательное решение по вопросу об участии защитника в следственном действии принимает не адвокат, а подзащитный. И если он настаивает на присутствии защитника при проведении намечаемого действия, последний обязан принять в нем участие.

На подготовительном этапе защитнику необходимо особое внимание уделить планированию своего участия в предстоящем действии. Адвокат должен планировать то, какие обстоятельства, оправдывающие подзащитного или смягчающие его ответственность, и какими, способами он может выяснить в процессе производства предстоящего действия; какая негативная для интересов подзащитного информация может проявиться и какими законными и допустимыми средствами следует ее нейтрализовать.

Рабочий этап тактики участия защитника в отдельных следственных действиях представляет собой реализацию адвокатом намеченных на предыдущем этапе планов выявления обстоятельств, смягчающих или исключających ответственность подзащитного, а также всемерное обеспечение интересов и процессуальных прав последнего. Он продолжается вплоть до начала следующего — заключительного этапа действия (подписания протокола следственного действия, просмотра изготовленного в процессе его видеопленки и т. п.). Любое подобное действие — процесс весьма динамичный, зачастую неуправляемый и непредсказуемый. Появляющаяся в ходе него информация нередко (особенно на первоначальном этапе расследования) бывает неожидан-

ной для адвоката и требует своевременной и адекватной реакции с его стороны: незамедлительного соответствующего изменения тактического рисунка его участия в данном действии в целом или по отдельным узловым моментам в направлении возможной нейтрализации возникшей отягчающей ответственность подзащитного информации или, напротив, усиления тактического и доказательственного эффекта также неожиданно выявившихся благоприятных для защиты обстоятельств.

По окончании следственного действия адвокат, ознакомившись с протоколом, может корректировать неточности путем постановки уточняющих вопросов или соответствующих заявлений, подлежащих внесению следователем в этот документ.

Сказанным, однако, далеко не исчерпывается деятельность защитника на рабочем этапе следственного действия. На всем его протяжении адвокат должен непрерывно анализировать соблюдение следователем уголовно-процессуального порядка производства соответствующего действия, допустимость используемых следователем тактических приемов с целью незамедлительного реагирования на нарушения первого и несоблюдения вторых, если таковые влияют или могут повлиять на результаты действия в негативном для защиты направлении. Если уголовно-процессуальный порядок действия, в котором принимает участие защитник, нарушается и это ставит под сомнение допустимость и достоверность полученной в результате обвиняющей подзащитного информации, мы полагаем целесообразной следующую линию поведения адвоката. Перед окончанием действия защитник должен сделать заявление о том, какие именно нарушения УПК следователем или судом допущены, в чем значимость таковых и потребовать занесения своего заявления в протокол следственного действия. Цель такого заявления — обратить внимание следователя, руководящего уголовным преследованием, руководителя следственного органа на юридическую, доказательственную ничтожность обвиняющей подзащитного информации.

Когда следователь использует недопустимые, на взгляд защитника, тактические приемы защитник не вправе, «молча негодуя», следить, как к его клиенту применяют психическое насилие (скажем, угрожают арестом, если допрашиваемый не даст устраивающие следователя показания, и т. п.), унижают в процессе производимого действия его честь и достоинство либо иным недопустимым образом пытаются получить информацию, и только впоследствии жаловаться на то вышестоящему руководителю. Что касается возникновения в этой связи конфликтов между следователем и адвокатом, то подобные коллизии (или возможность их возникновения) заложены в подобных взаимодействиях изначально, предопределены различием процессуальных функций сторон и способов их реализации, а зачастую и личными качествами субъектов этого взаимодействия.

По нашему убеждению, адвокат обязан незамедлительно реагировать на подобную тактику следователя, делать заявления о недопустимости его поведения или используемых им приемов. Если таковые не оказали на следователя должного воздействия, адвокат, на наш взгляд, вправе рекомендовать подзащитному отказаться от ответов на вопросы следователя, требовать прекращения или приостановления производства следственного либо процессуального действия и занесения своего мотивированного о том ходатайства в протокол. Последнее не только не исключает, а, напротив, предполагает принесение позднее соответствующих жалоб, более того, при необходимости — заявление отвода следователю в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 61 УПК РФ.

Суть деятельности адвоката на заключительном этапе состоит в тщательнейшей и детальной проверке соответствия подготовленного следователем протокола следственного действия процессу его производства, отражения в нем полученных результатов. Такая проверка может привести защитника к одному из следующих выводов:

а) протокол полностью отражает ход и результаты проведенного следственного действия. В этом случае обвиняемый и его адвокат удостоверяют новые обстоятельства своими подписями;

б) протокол, по мнению обвиняемого и (или) адвоката, искажает существенные с позиции защиты обстоятельства проведения действия и его результаты. В этой ситуации защитник должен требовать внесения следователем в подготовленный им протокол необходимых поправок либо предоставления возможности обвиняемому собственноручно внести таковые в этот документ;

в) в протоколе упущены существенные для защиты моменты, выявленные при производстве следственного действия. В таком случае защитник может либо избрать указанный выше способ устранения неполноты протокола, либо восполнить имеющиеся, на его взгляд, пробелы путем постановки дополнительных или контрольных вопросов участникам действия.

Последний способ может быть использован защитником и в такой разновидности этой ситуации, когда при ознакомлении с протоколом он приходит к выводу, что в процессе действия не следователь, а он, адвокат, что-то пропустил, своевременно не отреагировал на те или иные моменты, выяснение которых служит интересам его подзащитного. Если следователь не возражает против таких усовершенствований, то после внесения соответствующих изменений, поправок и дополнений обвиняемый и его защитник удостоверяют протокол в целом своими подписями. В противном случае они, подписывая протокол, должны использовать свое право на внесение в него заявлений и ходатайств по существу оставшихся не устраненными недостатков.

Балко В. И.

Система направлений дактилоскопической «технологической цепочки» криминалистического аспекта процесса доказывания

В современных условиях становления рыночной экономики правоохранительные функции государств СНГ значительно возросли. Криминалистика своими методами и средствами активно способствует раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Одним из наиболее эффективных научных методов раскрытия и расследования преступлений является дактилоскопия, что объясняется особенностями строения и свойствами кожного покрова ладонной поверхности рук, которые изымаются в половине случаев от всех видов следов, обнаруженных при осмотре места происшествия (далее — ОМП).

Общеизвестно, что сущность процесса доказывания заключается в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств, а в деятельностном аспекте она представляет собой единство познавательного и удостоверительного моментов.

Рассматривая дактилоскопическую «технологическую цепочку» в виде системы направлений (ранее рассматривалась в виде системы 7 фаз¹, когда преобладала «бумажная» дактилоскопическая информация (далее — ДИ) над электронной ДИ, а в настоящее время в связи с преобладанием электронной ДИ — над «бумажной» ДИ), например, до ОМП, когда уже идут приготовления к будущему процессу доказывания и сама подготовка к ОМП, при этом непосредственно процесс доказывания начинается с ОМП, где деятельность следователя состоит из четырех элементов: познавательного, организаторского, поискового и удостоверительного, необходимо проанализировать все действия следователя и криминалиста до и после ОМП.

Деятельностная сторона процесса доказывания заключается в работе с доказательствами: их собирании, исследовании, оценке и использовании (само понятие использования доказательств как стадии процесса доказывания было предложено Р. С. Белкиным в 1960-х гг.²), но подготовительные и организационные действия субъекта доказывания практически начинаются и идут до и после ОМП. Вашему вниманию предлагается дактилоскопическая «технологическая цепочка» криминалистического аспекта процесса доказывания, с содержательной частью, состоящая из 12 направлений. Как известно, теорию доказывания из-

¹ Балко В. И. К понятию полной дактилоскопической «технологической цепочки»: ее криминалистического аспекта процесса доказывания / Вестник СамГУ. 2014. № 11/2 (122) С. 232.

² Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 112.

учают процессуалисты, но в последнее время как криминалисты, «так и представители иных смежных наук — каждые в своих специфических аспектах и своими методами и средствами», утверждает Белкин А. Р.¹

1. **Направление** — это допрофессиональная подготовка будущего сотрудника, его морально-нравственная, физическая и первоначально правовая подготовки.

2. **Направление** — это профессиональная подготовка, самоподготовка и переподготовка следователя и криминалиста.

3. **Направление, связанное до осмотра места происшествия** — это подготовка проверка и подготовка технико-криминалистических средств; психологическая подготовка следователя и криминалиста; получение информации о преступлении, сотруднику ОВД следует обратить внимание на профилактику сохранности следов до приезда следственной группы.

4. **Направление, связанное с осмотром места происшествия** — это собирание папиллярных следов человека (далее — ПСЧ): поиск ПСЧ, предохранение ПСЧ во время осмотра, обнаружение ПСЧ, выявление ПСЧ, отбор ПСЧ, предварительное изучение ДИ человека, протоколирование ПСЧ, фотографирование ПСЧ, изъятие ПСЧ, откопирование ПСЧ, иная техническая фиксация ПСЧ. Собирание папиллярных следов связано с поиском следов и начинается определением границ ОМП и перемещения преступников для выдвижения рабочей версии специалиста о возможном расположении папиллярных следов. Использование полного набора научно-технических средств и тактическое последовательное применение адекватных следовывяляющих веществ для выявления папиллярных следов. Надлежащая процессуальная и техническая фиксация отобранных папиллярных следов человека с их изъятием. Соблюдать требования к предварительной подготовке поверхности предмет — носителя папиллярных следов, особенно зимой. Не забывать главное «золотое» правило изъятия — стараться изымать папиллярные следы вместе с предметом-носителем.

5. **Направление** начинается с получения первичной сравнительной ДИ — сравнительных образцов отображений папиллярных узоров человека на ОМП или отдельного следственного действия. Часть ДИ используем из дактомассива или с базы данных автоматической дактилоскопической информационной системы (далее — БД АДИС), куда ДИ поступает путем электронного сканирования рук и дактилоскопических карт. Получение качественных сравнительных образцов папиллярных отображений человека традиционным

¹ Белкин А. Р. Теория доказывания: Криминалистический и оперативно-розыскной аспекты. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2000. URL: <http://www.dissertat.com/content/teoriya-dokazyvaniya-kriminalisticheskii-i-operativno-rozysknoi-aspekty> (Дата обращения: 15.09.2017).

способом иногда является определенной проблемой в рамках ОМП или отдельного следственного действия. Идет первичный учет (сбор) дактилоскопической информации.

6. Направление — *сохранение папиллярных следов человека* — это надлежащая упаковка папиллярных следов человека, транспортировка папиллярных следов человека, хранение папиллярных следов человека, дактилоскопическая регистрация. Она уже начинается с предохранения следов во время осмотра, упаковки предмета с папиллярными следами человека, его транспортировки для подготовки к дактилоскопической экспертизе. А также криминалистические рекомендации по условию стационарного хранения папиллярных следов человека.

7. Направление — *обработка ДИ* — это действия, направленные на накопление электронной ДИ, ее переработку (классификация, систематизация, кодирование), применение (изменение, дополнение, использование, распространение, выдачу и блокирование ДИ). Действия, направленные на сохранение ДИ в надлежащем виде для обеспечения целостности, конфиденциальности и доступности в электронной и в бумажной форме, осуществляются уполномоченными лицами государственных органов.

8. Направление — *экспертное исследование* — это подготовка и назначение дактилоскопической экспертизы, производство (стадии) дактилоскопической экспертизы, пороскопическая и эджеоскопическая экспертизы, комплексная дактилоскопическая экспертиза). Данное направление начинается с качества подготовки, назначения и проведения дактилоскопической экспертизы. Уделяется внимание сбору необходимых материалов, формулировки вопросов с учетом возможностей эксперта. Надлежащая проработка производства всех стадий дактилоскопической экспертизы с учетом внутреннего убеждения эксперта, в правильности и единственности сделанных им выводов. При дактилоскопической экспертизе выводы криминалиста о наличии или отсутствии тождества конкретного лица основывается на оценке совпадающих признаков и различий, выявленных им при сравнительном исследовании кожных узоров, отображенных в следе и в образце. При проведении пороскопических или эджеоскопических исследований необходимо, прежде всего, определить не только руку или палец, но конкретный участок кожного покрова, образовавший изучаемый след. Учитывать объем отображения информации непапиллярной поверхности кожи, сопряженный с папиллярным следом. Проведение комплексных дактилоскопических экспертиз приводит к уменьшению условно-пригодных и непригодных папиллярных следов для идентификации.

Дактилоскопическая экспертиза решает основную идентификационную задачу, а также диагностическую, ситуационную и очень

редкокласификационную задачи. Эксперт соблюдает определенный алгоритм производства (стадийность) дактилоскопической экспертизы.

9. **Направление — оценка дактилоскопической экспертизы** — это оценка заключения дактилоскопической экспертизы экспертом; оценка заключения дактилоскопической экспертизы дознавателем, следователем и судом, и другими лицами). Оценка доказательств в узком смысле — это оценка самого заключения эксперта, как самим экспертом, так и иным уполномоченным лицом. А оценка доказательств в широком смысле — это оценка их с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и согласуемости доказательств, а всех собранных доказательств в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела. При оценке заключения важным является определение полноты проведенного экспертом исследования, отсутствие противоречий и насколько четки и корректны выводы. Она определяется применением всех доступных эксперту приемов и методов проведения экспертизы в данном конкретном случае, например, полное описание, наглядность и убедительность иллюстрации к заключению. Оценка фактических данных, установленных экспертом, должна найти правильное и полное отражение в процессе доказывания и зависит от его компетенции.

10. **Направление — использование ДИ** — это право и порядок получения, передачи ДИ, использования (применения) данных ДИ). Происходит дальнейшая обработка ДИ. Внедрение БД АДИС позволяет повысить точность и уменьшить время поиска необходимой ДИ, а значит, и увеличить эффективность. Повышение уровня этих условий определяется уровнем взаимодействия между подразделением, обслуживающим АИПС, и подразделениями криминальной полиции, дознания и следствия. Поэтому важно добиться такого положения, когда дактилоскопический учет станет действующим в реальном времени для этих подразделений, что в свою очередь станет стимулом постоянного обращения к нему и активного формирования качественного массива бумажных и электронных дактилоскопических карт лиц, подлежащих учету, регистрации и обработке.

11. **Направление — защита ДИ** — это профилактика несанкционированного доступа к ДИ, ответственность уполномоченного органа (лица) за надлежащее хранение и за незаконное распространение ДИ, передача ДИ, порядок уничтожения ДИ в правовом поле.

«Качественная защита ДИ в отдельной стране СНГ способствует более раннему появлению всеобщей государственной регистрации в этой стране» [5, с. 127].

12. **Направление — научно-практическая, научно-исследовательская работа** — это активное участие сотрудников в научно-практической и научно-исследовательской работе. На создание

ведомственного сборника в формате журнала простых практических предложений, новаций, тезисов, статей, появления проблем, практических рациональных предложений и изобретений специалистов, экспертов и следователей по традиционным криминалистическим исследованиям, а также специальным исследованиям, прямо или косвенно связанным с исследованием идентификационных полей папиллярного узора человека. Данный сборник сблизит теорию и практику и повысит ее взаимную отдачу. Это условно связано с локальной территориальной «ведомственной разобщенностью» криминалистических подразделений.

Подводя итог изложенной статьи, необходимо отметить, что использование папиллярных следов для решения идентификационных и других задач позволяет получить важную доказательную и ориентирующую информацию. Это позволяет:

- осуществлять криминалистическую идентификацию личности по следам пальцев рук, обнаруженных на ОМП;
- устанавливать преступников, ранее зарегистрированных как судимых; провести идентификацию лиц, потерявших память или неопознанных трупов; проводить розыск лиц, пропавших без вести;
- устанавливать факт совершения нескольких преступлений одним лицом или одного преступления несколькими лицами при помощи БД АДИС и других важных обстоятельств для следствия, например, механизм следообразования следов рук.

Сейчас общий объем накопленных в БД АДИС данных в странах СНГ составляет сотни миллионов электронных дактилоскопических карт. Сотрудники органов внутренних дел, уполномоченные на работу с ДИ, имеют возможность в установленном порядке обратиться с запросом к любой БД АДИС. В первую очередь, использование ДИ необходимо при расследовании преступлений, носящих серийный и межрегиональный характер и по «горячим» следам. Необходимо создание и внедрение централизованной интегрированной автоматизированной информационной дактилоскопической системы (ЦИАДИС-МВД) в ЕврАзЭС, а затем в СНГ. Это позволит вывести БД АДИС на более качественный уровень и повысить оперативность формирования и достоверность сведений. За счет гарантированного обмена данными между комплексами ЦИАДИС-МВД в режиме реального времени сократятся сроки сбора и обработки дактилоскопической информации. Повышая качество каждого звена (направления и его действий) дактилоскопической «технологической цепочки» в целом, при наличии постоянно используемой БД АДИС, происходит повышение качества дактилоскопических экспертных исследований при надлежащем алгоритме взаимодействия заинтересованных субъектов исследования и доказывания.

Бардаченко А. Н., Смольяков П. П.

Актуальные вопросы теории криминалистической идентификации и криминалистической диагностики

Во втором томе «Курса криминалистики» Рафаил Самуилович Белкин большое внимание уделяет рассмотрению проблемных вопросов теории криминалистической идентификации и криминалистической диагностики. Вот некоторые из них: «Равнозначны ли по своему содержанию понятия групповой (видовой, родовой) идентификации и установления групповой (видовой, родовой) принадлежности в том смысле, в каком они используются в криминалистике? Корректны ли термины «групповая (видовая, родовая) идентификация», «видовое (родовое) тождество?»¹.

Полагаем, что и на сегодняшний день эти вопросы не потеряли своего значения. Попытаемся рассмотреть их применительно к экспертному исследованию следов орудий взлома. В ходе такого исследования решается целый ряд идентификационных и диагностических задач. Анализ заключений экспертов подтверждает данные об их количественном соотношении, приводимые в криминалистической литературе: менее 20% — идентификационные задачи и более 80% — диагностические². Эти задачи могут решаться по отдельности, чередоваться, сочетаться как отдельные части или стадии единого процесса. Для того чтобы проследить взаимосвязь идентификации и диагностики в процессе экспертного исследования следов орудий взлома, необходимо раскрыть общие черты и различия этих двух процессов.

Сущность криминалистической идентификации в трасологии, как справедливо отмечает Ю. Г. Корухов, заключается в установлении факта тождества путем сопоставления объекта и его отображения. Тогда как криминалистическая диагностика представляет собой процесс (и цель) научного познания, позволяющий получать представление о механизме преступного действия на основе его отражения в объектах материального мира³.

Общими чертами экспертной идентификации и диагностики выступают, во-первых, использование одинаковых общенаучных методов (наблюдение, описание, измерение, моделирование, эксперимент и другие). Особое место в этом ряду принадлежит методу сравнения.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики: Частные криминалистические теории. В 3 томах. Т. 2. М.: Юристъ, 1997. С. 254–255.

² Были проанализированы свыше 250 копий заключений экспертов по исследованию следов орудий взлома в ЭКЦ ГУ МВД по Волгоградской, Воронежской, Самарской областях, Ставропольского, Краснодарского края, МВД по Республике Калмыкия, Марий Эл, Дагестан и ряда других регионов.

³ Трасология и трасологическая экспертиза. Учебник / Кантор И. В., Ярмак В. А., Жигалов Н. Ю., Смольяков П. П. М.: ВА ИМЦ ГУК МВД России, 2002. С. 31, 45.

Во-вторых, ряд положений теории идентификации был заимствован и приспособлен к потребностям диагностики. В качестве примера, диагностический признак (в теории идентификации — идентификационный); диагностирующий и диагностируемый объекты (в теории идентификации — идентифицирующий и идентифицируемый).

Криминалистическая идентификация и криминалистическая диагностика различаются как по предмету познания, так и по характеру связи объектов между собой и с событием преступления. Криминалистическая идентификация имеет своим предметом установление тождества путем сравнения объектов, каждый из которых находится в установленной или предполагаемой связи общего происхождения между собой, с событием преступления; криминалистическая диагностика имеет своим предметом установление сущности (природы, свойств, состояния) связанного с событием преступления объекта путем его сравнения с объектами или их отображениями, заведомо не связанными с ним общностью происхождения, а также с событием преступления, представляющими классы, роды, виды и другие звенья известных классификаций¹.

В процессе экспертизы следов орудий взлома могут проводиться идентификационные, диагностические и классификационные исследования. Определенный интерес при этом вызывает вопрос установления групповой принадлежности. Отсутствие достаточного количества частных признаков, способных индивидуализировать объект, или отсутствие отображения таких признаков в следе не позволяют эксперту прийти к выводу об индивидуальном тождестве. В этом случае эксперт ограничивается установление групповой принадлежности. Таким образом, если для индивидуализации оказывается недостаточно частных признаков, то решение идентификационной задачи завершается установлением групповой принадлежности объекта, т.е. установлением принадлежности объекта к некоторому множеству (группе) однородных объектов, осуществляемым на основе изучения свойственных всем объектам данной группы общих признаков².

Установление групповой принадлежности может как иметь самостоятельное идентификационное значение, так и служить начальной стадией процесса индивидуального отождествления³.

Мы солидарны с мнением В. А. Снеткова, который полагает, что при определении групповой принадлежности в процессе идентификации

¹ Снетков В. А. Криминалистическая диагностика в деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России по применению экспертно-криминалистических методов и средств: Учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1998. С. 13.

² См.: Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. С. 25.

³ См.: Майлис Н. П. Руководство по трасологической экспертизе. М.: Щит-М, 2010. С. 11.

обязательно наличие установленной или предполагаемой связи каждого из сравниваемых объектов с событием преступления. Наряду с этим установление групповой принадлежности может быть диагностическим процессом в случае, если имеет своим предметом и содержанием установление сущности (природы, состояния) изучаемого объекта путем сравнения с объектами (или их отображениями), заведомо не связанными с изучаемым объектом, событием преступления¹.

То есть, если экспертизой требуется установить вид примененного для взлома оборудования термической резки по следам на преграде, это будет диагностическая задача. Если же при осмотрах мест двух разных происшествий изъяты следы термической резки на преградах и перед экспертом стоит вопрос: не одним ли видом (типом) оборудования образованы эти следы; либо, если у подозреваемого изъят аппарат термической резки, и стоит вопрос: не данным ли аппаратом образованы следы, изъятые при осмотре места происшествия, то в данных случаях мы будем иметь дело с решением идентификационной задачи.

Следует коснуться и классификационных исследований. Мы придерживаемся позиции Ю. Г. Корухова, и задачу по определению модели аппарата, примененного для взлома преграды и обнаруженного на месте происшествия или изъятого у подозреваемого, относим к классификационной. Объясняется это тем, что в данной ситуации исследуется объект, но не его отображение, и в задачу исследования входит определить, к какому стандартизированному классу (определенному ГОСТом или иной системой стандартизации) он относится².

В заключение следует констатировать, что в процессе экспертного исследования решение диагностических задач преобладает над задачами идентификационного характера. В тоже время не стоит их противопоставлять, т.к. они находятся в неразрывной связи, предваряют и дополняют друг друга.

Баянов А. И.

Интегративный подход при определении степени риска при принятии решений, направленных на выбор криминалистических средств допроса

Научное наследие Р. С. Белкина многогранно и неисчерпаемо. Трудно назвать области криминалистики, которых не коснулась мысль талантливого ученого. Р. С. Белкин стоял у истоков различных научных направлений и криминалистических теорий. К числу последних отно-

¹ См.: *Снетков В. А.* Указ. соч. С. 14.

² См.: *Корухов Ю. Г.* Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: науч.-практ. пособие. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998. С. 68.

сится теория принятия тактических решений. Рассматривая отдельные ее аспекты, Р. С. Белкин выделял вопрос, связанный с принятием решений в условиях тактического риска. Как указывает Е. Р. Россинская, впервые проблема тактического риска была поставлена Р. С. Белкиным в 1974 году¹. В последующих работах Р. С. Белкин рассматривал тактический риск как постоянный элемент процесса принятия тактического решения. «Стремление вообще избежать риска нереально: задача заключается в том, чтобы избрать стратегию наименьшего тактического риска, предвидеть возможные последствия своего решения и заранее продумать меры по ликвидации или ослаблению этих последствий, что, в конечном счете, и приведет к максимально возможному в данных условиях положительному результату»².

Стратегия избрания наименьшего тактического риска, обеспечивающая положительный результат в процессе предварительного расследования преступлений, в том числе и при поведении одного из самых распространенных следственных действий, которым является допрос, предполагает определение степени риска.

Понятие риска, степени риска неразрывно связано с деятельностью человека. Риск — неотъемлемая черта человеческой деятельности, решающий фактор процесса принятия решения³.

Поскольку процесс принятия решения происходит в сфере мышления, риск является субъективным представлением лица, принимающего решение относительно меры возможного наступления последствий, которые будут препятствовать достижению поставленных целей, в том числе и решению отдельных задач. Несмотря на субъективный характер, риск имеет объективные предпосылки. Они заключаются в многофакторности фактического основания принятия решения, неопределенности и недостаточности информации, необходимости прогнозировать перспективы изменений в текущем состоянии отдельных факторов, влияющих на решение задач и достижение цели допроса.

Цель допроса заключается в получении полных и правдивых показаний. Уголовно-процессуальный кодекс РФ устанавливает правила и порядок проведения допроса. В отдельных нормах УПК РФ регламентируются процессуальные приемы, направленные на обеспечение порядка подготовки и проведения допроса. Значительная часть средств подготовки и проведения допроса рекомендуется криминалистикой. К их числу относятся: линия допроса, тактическая комбинация и тактический прием допроса. Применению криминалистических средств до-

¹ *Россинская Е. Р.* К 95-летию со дня рождения Р. С. Белкина — ученого и педагога // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 5. С. 18.

² *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М.: Юрид. лит. 1988. С. 133.

³ *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений / под ред. Б. В. Биюкова. М.: Прогресс, 1979. С. 194.

проса предшествует процесс их выбора из тех, которые рекомендуются наукой и эффективность которых подтверждается практикой.

На принятие решения о выборе криминалистических средств допроса влияют различные факторы: а) стоящая перед допрашивающим лицом задача допроса; б) общий характер ситуации допроса и отдельных составляющих ее элементов (компонентов); в) процессуальный статус допрашиваемого лица, особенности его личности; г) коммуникативные возможности допрашивающего лица; д) психологические закономерности переработки информации человеком, включающие восприятие, осмысление, запоминание, забывание и воспроизведение.

Указанные факторы подробно исследуются в психологической и криминалистической теориях допроса. При этом выделяются отдельные составляющие компоненты и определяется их влияние на выбор средств допроса. В качестве примера можно рассмотреть основные компоненты, которые составляют ситуацию допроса. Общий характер ситуации допроса складывается из следующих компонентов: а) установка допрашиваемого лица по отношению к предмету допроса и к личности следователя; б) линия поведения допрашиваемого лица до начала и в процессе допроса; в) уровень информационной осведомленности допрашивающего лица в обстоятельствах расследуемого события, относящихся к предмету допроса; г) уровень информационной осведомленности допрашивающего лица относительно установки и личностных особенностей допрашиваемого; д) промежуток времени между восприятием обстоятельств расследуемого события, его окончанием и началом допроса; ж) наличие или отсутствие у допрашивающего лица временных, организационных и информационных ресурсов для повышения уровня своей осведомленности; з) особенности внешних условий, психофизиологическое состояние допрашиваемого лица во время восприятия события; и) изменения, произошедшие в сознании допрашиваемого лица после восприятия события до начала допроса.

Каждый из приведенных выше компонентов ситуации допроса с учетом решаемой задачи и цели допроса может иметь благоприятный (позитивный) или неблагоприятный (негативный) характер.

Негативный характер отдельных компонентов является препятствием для решения задач и достижения цели допроса. Позитивный препятствий не создает. Отдельные компоненты могут быть отнесены к группе нейтральных, т. е. таких, которые не имеют четко выраженного характера. Они не относятся ни к позитивным, ни к негативным. Негативный характер отдельных компонентов ситуации допроса служит объективным основанием возникновения риска в процессе принятия решения. Аналогично следует относиться и к остальным факторам, которые помимо ситуации допроса влияют на процесс принятия решения. Наличие значительного числа негативных факторов повышает степень риска и, наоборот, степень риска уменьшается при условии, что число

позитивных факторов превышает число негативных. Мера соотношения негативных и позитивных факторов свидетельствует о применении количественного подхода к определению степени риска. Количественный подход предопределяет использование математических средств при определении степени риска каждого из факторов, влияющих на принятие решения, и может выражаться от 0% до 1% или от 0% до 100%.

Очевидно, что природа факторов, которые влияют на принятие решений при проведении допроса, не позволяет математически определить меру риска отдельно для каждого из факторов и рассчитать общую суммарную степень риска принимаемого решения. Поэтому количественный подход к определению степени риска при расследовании преступлений и проведении допроса применяться не может.

В общественных сферах человеческой деятельности помимо количественного подхода используется также и интегративный, состоящий из количественной, качественной и аксиологической сторон¹. Данный подход может быть использован при определении степени риска при принятии решений в процессе выбора криминалистических средств допроса. Интегративный подход начинается с количественной оценки меры соотношения между позитивными и негативными факторами, влияющими на определение степени риска принимаемого решения. Количественная оценка меры соотношения позитивных и негативных факторов носит первоначальный, но необходимый характер. Она дает возможность выделить все факторы, потенциально влияющие на процесс принятия решения, определить их характер (позитивный, негативный) и создать основания для дальнейшей качественной оценки.

Аналогичный подход к определению степени риска при принятии решения при проведении очной ставки использует Р. С. Белкин. При этом он акцентирует внимание на том обстоятельстве, что степень тактического риска зависит не только и не столько от числа вариантов отрицательных последствий и его отношения к числу возможных вариантов последствий вообще. Развивая данную мысль, Р. С. Белкин пишет: «Здесь пришлось бы сделать многочисленные поправки, вызванные необходимостью учитывать такое количество субъективных и объективных факторов, которые делают такой учет возможным лишь в сугубо вероятностной форме и только на основе опыта и интуиции следователя»².

Необходимость учета значительного количества факторов при оценке их влияния на степень риска в процессе принятия решения вызывает потребность применения качественной стороны интегративного подхода, которая основывается не на мере соотношения между позитивными

¹ *Альгин А. П.* Риск и его роль в общественной жизни. М.: Мысль, 1989. С. 32.

² *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 132.

и негативными факторами, а предполагает учет их влияния на решение отдельных задач и достижение цели допроса.

При качественной оценке отдельных факторов следует учитывать, во-первых, установлен ли фактор на уровне достоверного (фактического) или вероятностного знания; во-вторых, достаточно ли провести оценку только текущего состояния фактора, или необходима оценка перспектив изменения фактора; в-третьих, из совокупности факторов, влияющих на принятие решения, следует выделить факторы, имеющие существенное значение для решения поставленной задачи и достижения цели допроса.

Вероятностный характер факторов усиливает степень риска принимаемых решений. И наоборот, «чем шире исходная фактическая база принимаемых решений, тем более обоснованы и надежны сами принимаемые решения»¹. При этом степень риска в ходе принятия таких решений понижается и может быть сведена к минимальному значению.

Оценка отдельных факторов может проходить как на уровне их текущего, так и текуще-перспективного состояния. На уровне текущего состояния при определении степени риска подлежат оценке относительно устойчивые и постоянные факторы. Эти факторы в процессе допроса не меняют или почти не меняют своего содержания. В качестве примера постоянных факторов можно указать на процессуальный статус допрашиваемого, его личностные особенности; коммуникативные особенности допрашивающего лица; общие закономерности переработки информации человеком и т. п.

Другие факторы имеют подвижный, динамический характер и могут меняться в процессе допроса. К числу таких факторов прежде всего относятся компоненты ситуации допроса: установка допрашиваемого лица, линия его поведения, уровень осведомленности следователя и т. п. Оценка отдельных компонентов (и в целом ситуации допроса) с учетом динамического характера последних, должна проводиться не только на основе их текущего состояния, но также учитывать возможные варианты изменений и их влияние на степень риска. На такой подход к оценке компонентов ситуации обратил внимание И. А. Копытов².

Качественная сторона при оценке влияния отдельных факторов на степень риска принимаемых решений завершается разделением последних на существенные (основные) и несущественные (второстепенные). При принятии решения учитываются только существенные факторы. Остальные в расчет не принимаются. Указанный подход реализуется в различных сферах общественной деятельности, в том числе и при расследовании преступлений. Так, в криминалистических источниках

¹ Колдин В. Я. Версионный анализ. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 37.

² Копытов И. А. Следственная ситуация и тактическое решение: учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1998. С. 15.

можно встретить предложение о разделении факторов на «определяющие» и «иные» с учетом их влияния на принятие решения¹.

К существенным факторам следует относить такие, которые с учетом методики допроса, персонального опыта допрашивающего лица имеют наибольшее (решающее) значение для решения задачи достижения цели допроса. Данные факторы будут основой определения степени риска принимаемого решения. Существенные факторы могут иметь как позитивный, так и негативный характер. При этом позитивные факторы уменьшают степень риска, а негативные соответственно ее увеличивают. Несущественные факторы (позитивные и негативные) не учитываются при определении степени риска. Такой подход может спровоцировать появление новых, неучтенных рисков, т. е. факторы, которые были отнесены к несущественным, могут в дальнейшем изменить свою характеристику.

Применительно к процессу допроса априорно можно назвать ряд факторов, которые в большинстве случаев считаются существенными при определении степени риска принимаемого решения. К ним можно отнести: а) наличие (отсутствие) личного интереса у допрашиваемого лица; б) особенности личности допрашиваемого, его социальная установка; в) уровень информационной осведомленности следователя. Данный перечень является условным. В каждом конкретном случае допроса список существенных факторов, влияющих на степень риска принимаемых решений, будет зависеть от их индивидуальных характеристик. В некоторых случаях и внешний облик допрашиваемого лица, и его профессиональный опыт могут рассматриваться основаниями уменьшения или повышения степени риска при выборе средств допроса.

Качественная сторона при определении степени риска принимаемых решений в процессе допроса направлена на выбор эффективных решений, обеспечивающих целенаправленность следственного действия при минимальном значении риска.

Цель допроса является частной целью процесса предварительного расследования и уголовного судопроизводства. Риски, заложенные в процессе допроса, будут препятствовать достижению целей более высокого уровня не только правового, но и социально-значимого уровня. Не каждое эффективное, целенаправленное решение в процессе допроса может соответствовать аксиологической стороне интегративного подхода к определению степени риска. Например, целый ряд приемов допроса, предполагающих воздействие на эмоциональную сферу допрашиваемого лица, являются эффективным в достижении цели допроса в тактическом отношении. Однако в стратегическом отношении решение об их применении связано с повышением степени риска, поскольку данные приемы (лобовой допрос, демонстрация предметов-аналогов,

¹ Копытов И. А. Указ. соч. С. 16.

постановка внезапных вопросов и т. д.) очевидно обладают повышенной степенью риска. Их применение может приводить к потере доверия и уважения со стороны допрашиваемого лиц не только к конкретному следователю, но и к правоохранительной системе в целом. Очевидно, такой результат не будет соответствовать вышестоящим социальным целям, предполагающим нравственное воспитание человека, формирование доверия и уважения к институтам власти.

На основе интегративного подхода к определению степени риска принимаемых решений в процессе допроса можно указать на требования, которым должны отвечать выбираемые криминалистические средства. Выбираемые криминалистические средства допроса должны обеспечивать максимальный положительный результат при незначительной степени риска и приводить к минимальным издержкам при высокой степени риска в том случае, когда избежать негативных тенденций в изменении существенных факторов не представляется возможным по объективным причинам. Такого рода решения относятся к оптимальным. Основная задача принятия оптимальных решений заключается в минимизации степени риска при выборе криминалистических средств.

Бекишев А. К.

Криминалистическая характеристика укрытия уголовных правонарушений

Успешное раскрытие и расследование уголовных правонарушений обусловлено, как правило, двумя факторами: профессионализмом и мастерством следователя, а также наличием разработанной частной методики расследования конкретного уголовного правонарушения. Раскрытие и расследование укрытия уголовных правонарушений не является исключением и напрямую зависит от вышеуказанных условий. Вместе с тем, анализ юридической литературы свидетельствует об отсутствии разработанной методики расследования укрытия уголовных правонарушений, в том числе и специальных научных исследований, посвященных данной теме.

Об острой необходимости разработки такой методики свидетельствуют результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих расследование и профилактику укрытия уголовных правонарушений, а также служебные (дисциплинарные) расследования фактов укрытия уголовных правонарушений. Так, подавляющее большинство, опрошенных в ходе анкетирования следователей подразделений собственной безопасности (98%) и офицеров антикоррупционной службы (80%) констатировали факт отсутствия методики расследования укрытия уголовных правонарушений, и высказались о необходимости разработки такой методики.

Важной составляющей методики расследования преступлений является криминалистическая характеристика уголовных правонарушений. Именно разработка криминалистической характеристики является обязательным условием разработки эффективной методики расследования уголовных правонарушений, методических и практических рекомендаций по раскрытию и профилактики уголовного правонарушения, правильного выбора направления расследования, а также противодействия преступности в целом.

Введение термина «криминалистическая характеристика» в научный оборот было использовано Л. А. Сергеевым в работе «Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых при производстве строительных работ», которая была опубликована в 1966 году. Рассматривая особенности отдельных видов преступлений, Л. А. Сергеев отмечал, что характерные им особенности в совокупности составляют криминалистические характеристики отдельных видов преступлений.¹

Еще одним ученым, стоявшим у истоков исследования криминалистической характеристики и создания учения о ней, был А. Н. Колесниченко, который в своих работах отмечал, что к числу наиболее значимых положений, характерных для всех частных методик расследования преступлений, необходимо относить общую криминалистическую характеристика отдельного вида преступления, поскольку практически всем преступления присущи общие черты криминалистического характера.²

Рассматривая структуру криминалистической характеристики укрытия уголовного правонарушения, стоит отметить, что она должна, на наш взгляд, включать такие элементы, как данные о предмете преступления, способе, сокрытии, его обстановке, отдельных чертах личности преступников и потерпевших и других данных. Рассмотрим каждый из них.

Предмет преступного посягательства. Предметом укрытия уголовного правонарушения выступают заявление или сообщение о достоверно готовящемся или совершенном уголовном правонарушении.

Способ совершения и сокрытия уголовного правонарушения. Способ совершения уголовного правонарушения играет определяющую роль в формировании информации о содеянном уголовном правонарушении, лице, его совершившем, а также других обстоятельствах, имеющих значение для раскрытия и расследования уголовного правонарушения. В этой связи, познание способа совершения уголовного правонарушения можно квалифицировать как метод практической деятельности

¹ Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых при производстве строительных работ. М., 1966. С. 4–5.

² Колесниченко А. Н., Коновалова В. Е. Криминалистическая характеристика преступлений. Харьков: Изд-во Харьковского юридического института. 1985. С. 61.

органов расследования и суда, один из путей установления истины по схеме — «от способа совершения преступления к его раскрытию».¹

Изучение судебно-следственной практики, интервьюирование и анкетирование сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих профилактику, раскрытие и расследование укрытия уголовных правонарушений, позволило нам сделать следующие наблюдения:

Особенности предмета уголовного правонарушения (заявления, протокола и другие документы) во многом предопределяют и способы укрытия уголовного правонарушения. Указанное влияние обычно проявляется в том, что, поскольку обращение заявителей носило письменный характер, то действия преступников были направлены на максимальное сокрытие следов преступления, посредством необоснованного списания информации об уголовном правонарушении в НД, служебного подлога, фальсификации доказательств и т. п.

Способы укрытия уголовных правонарушений в определенной мере определяются и личными качествами преступников. Об этом свидетельствуют различия в способах укрытия (например, использования самого простого способа укрытия — не регистрации информации об уголовном правонарушении в КУИ, либо использования целого комплекса действий (фальсификации доказательств, подлога документов), направленных не только скрыть уголовное правонарушение, но и сокрыть следы данного преступления).

Практически все способы укрытия уголовных правонарушений осуществляются посредством действий (необоснованное списание информации об уголовном правонарушении в НД; необоснованное привлечение к дисциплинарной либо административной ответственности при наличии признаков уголовного правонарушения; умышленное занижение квалификации уголовного правонарушения и др.) и только некоторые способы связаны с бездействием (не регистрация информации об уголовном правонарушении в КУИ; не выделение в отдельное производство материала, имеющего признаки другого уголовного правонарушения).

Большинство способов укрытия уголовного правонарушения сочетают в себе и способ совершения и способ сокрытия преступления (необоснованное списание информации об уголовном правонарушении в НД; необоснованное направление материала, содержащего информацию об уголовном правонарушении, в суд по делам частного обвинения и др.).

Для выявления и компетентного расследования укрытия уголовного правонарушения, а также привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, от следователя требуется и умение выявлять способы сокрытия рассматриваемого преступления. К сожалению, анализ ста-

¹ Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: курс лекций. М.: Изд-во ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. С. 28.

тистики, результаты анкетирования и интервьюирования сотрудников правоохранительных органов, а также следственно-судебной практики свидетельствует о достаточно невысоком качестве расследования.

Рассматривая способы сокрытия такого преступления как укрытие уголовных правонарушений, еще раз отметим, что большинство способов укрытия уголовного правонарушения сочетают в себе и способ совершения и способ сокрытия преступления.

Еще одной характерной чертой укрытия уголовного правонарушения, связанного с сокрытием данного преступления, является отсутствие подготовки к совершению укрытия уголовного правонарушения. Это обусловлено специфичностью способов укрытия уголовного правонарушения. Как правило, умысел и возможность в укрытии уголовного правонарушения возникает у должностного лица непосредственно лишь после обращения заявителя об уголовном правонарушении. Что практически исключает возможность в осуществлении подготовительных действий, направленных на сокрытие преступления. Исключение составляют случаи, связанные с непосредственным обнаружением должностным лицом признаков состава уголовного правонарушения либо при выделении материалов уголовного дела в отдельное производство.

Следственно-судебная практика показывает, что наиболее распространенным способом сокрытия укрытия уголовного правонарушения является дача преступником ложных показаний. Как правило, преступники редко дают правдивые и исчерпывающие показания, пока не убедятся, что следователь располагает достаточными доказательствами для привлечения его к уголовной ответственности. В 98% изученных нами обвинительных приговорах виновные лица в своих первоначальных показаниях отрицали причастность к укрытию уголовного правонарушения и вводили в заблуждение органы расследования и суд. В последующем только 65% признавали свою вину только при наличии, имеющихся в деле других доказательств, свидетельствующих в виновности обвиняемого.

Нередко должностное лицо, совершившее укрытие уголовного правонарушения с целью сокрытия своего преступления, производит подлог в служебных документах либо фальсифицирует проверочные документы или материалы уголовного дела. Помимо вышеназванного способа сокрытия преступления преступники активно используют обман или уговор лиц, обратившихся с заявлением об уголовном правонарушении, для отказа последних от обращения в органы уголовного преследования. Нередко должностные лица, преследующие цель скрыть факт преступления, пользуются незнанием заявителей элементарных основ законодательства, а в некоторых случаях и их криминальное прошлое.

Примером может служить следующий случай. 19.03.2011 года около 24.00 часов гр. Т., находился со своими братьями Н. и М. в районе кафе

«Самал», расположенное в г. Сарыагаш. В это время на них напали 5–6 неизвестных мужчин. Данные мужчины стреляли им в спину и одна пуля попала в гр. Т. Находясь в больнице к гр. Т. приехал сотрудник полиции К., который уговорил отказаться от заявления, ссылаясь на возможное возникновение подозрения в совершении преступлений к его братьям Н. и М. К. уговорил написать объяснительную о том, что якобы гр. Т. нашел патроны на улице и кинул их в горящий огонь, после чего одна из пуль ранила его в спину.¹

Обстановка совершения уголовного правонарушения. Исходя из специфики способов совершения укрывтия уголовных правонарушений, преступниками предварительно не изучается обстановка, не выбирается место и время для совершения таких преступлений. Учитывая специфичность способов укрывтия уголовного правонарушения, местами совершения данного преступления выступают: служебные помещения правоохранительных органов, места оказания скорой медицинской помощи, места совершения уголовных правонарушений, места проживания заявителей. Также, для обстановки укрывтия уголовного правонарушения характерно наличие свидетелей и очевидцев факта обращения заявителя об уголовном правонарушении. Как правило, ими выступают соседи заявителя, сотрудники, оказывавшие первичную медицинскую помощь, сотрудники правоохранительного органа, первыми прибывшими на место происшествия и получившие первичную информацию об уголовном правонарушении.

Данные о личности преступника и потерпевшего. Разработка наиболее эффективных средств профилактики, раскрытия и расследования укрывтия уголовного правонарушения невозможна также и без должного криминалистического изучения личности преступников. Данные о личности преступника оказывают большое влияние на результативность выявления и расследования укрывтия уголовного правонарушения. В этой связи, знания о личности преступника позволяет следователю уже на первоначальном этапе расследования правильно определить тактику проведения следственных действий.

Специфической особенностью укрывтия уголовного правонарушения является достаточная простота в установлении ответственного должностного лица, в обязанности которого входило принятие мер по регистрации уголовного правонарушения. Для этого, достаточно проанализировать документы первичного учета информации о происшествии, графики дежурств и нарядов и т. п., и выяснить какое именно должностное лицо выезжало на место происшествия и оформляло первичные документы.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что укрывтия уголовных правонарушений совершают преимущественно

¹ Уголовное дело № 1–12/2012 (2012 г.). Архив Сарыагашского районного суда ЮКО.

лица мужского пола. Представляется, что это связано с тем фактом, что в большей мере на вышеуказанных должностях работают преимущественно сотрудники мужского пола. Если рассматривать возраст преступников, то можно отметить, что укрытие уголовных правонарушений совершаются, как правило, лицами в возрасте от 23 до 45 лет, что связано с особенностями прохождения службы в правоохранительных органах.

Стоит отметить, что личность преступника по рассматриваемому составу преступления существенно отличается от других категорий лиц, совершивших уголовное правонарушение, поскольку уголовная ответственность наступает за совершение противоправных действий в том случае, когда их совершает специальный субъект преступления. В качестве такого субъекта следует рассматривать должностное лицо, уполномоченное рассматривать информацию об уголовных правонарушениях.

Как показывает судебно-следственная практика все лица, осужденные за укрытие уголовного правонарушения, обладали высшим образованием, что обусловлено требованиями к кандидатам на соответствующие должности правоохранительных органов. Кроме того, указанные лица, не привлекались ранее к уголовной ответственности, имели положительные характеристики по месту работы и в быту.

Таким образом, проведенный нами анализ основных элементов криминалистической характеристики укрытия уголовного правонарушения, на наш взгляд, позволит разработать наиболее эффективную методику расследования укрытия уголовных правонарушений в органах внутренних дел.

Белкин А. Р.

Процессуальные и криминалистические проблемы использования доказательств

Статья 85 УПК РФ перечисляет этапы процесса доказывания¹, однако список их неполон и не совсем точен. Не совсем точен сам термин *проверка доказательств* — уже не раз отмечалось, что точнее было бы, следуя мысли Р. С. Белкина², говорить об *исследовании* доказательств, сущность которого заключается в том, что познается их содержание, проверяется его достоверность и устанавливается согласуемость до-

¹ Мы не раз отмечали, что термин *этапы процесса доказывания* не совсем точен, поскольку они протекают вовсе не обязательно последовательно, так что точнее было бы называть их *фазами процесса доказывания*, подчеркивая их тесное переплетение и взаимообусловленность, возможную одновременность и сосуществование, а также комплексность, многоаспектность самого процесса (см.: Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. С. 77).

² См.: Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966.

казательств по одному делу между собой. Использование термина «исследование доказательств» косвенно оправдано и тем, что именно *исследованием* доказательств в силу ст. 274 и 291 УПК РФ обязан заниматься суд в ходе судебного следствия.

Далее, целесообразно упомянуть и о такой стадии (фазе) доказывания, как *использование* доказательств в уголовном судопроизводстве¹. Под использованием доказательств следует понимать оперирование ими в целях доказывания — оперирование доказательствами и есть, в сущности, само доказывание.

Говоря об использовании доказательств, подчеркнем, что мы не видим необходимости в перечислении в тексте УПК всех возможностей использования доказательств (обоснование или опровержение обвинения, выдвижение и проверка следственных версий, получение новых доказательств, а равно подтверждение или опровержение уже имеющихся в деле и пр.) — тем более что составить такой исчерпывающий перечень не представляется возможным. По нашему мнению, неоднократного напоминания в УПК о возможности осуществлять лишь те действия, которые прямо разрешены (или прямо не запрещены) законом, — вполне достаточно.

Однако именно здесь имеет смысл оговорить ограничения на использование информации, полученной непроцессуальным путем (либо на основе процессуальных норм иного вида). Так, в ходе административно-юрисдикционной деятельности могут обнаружиться признаки правонарушения, за совершение которого установлена уже не административная, но уголовная ответственность. Подобное возможно, если выясняется, что правонарушение, первоначально квалифицируемое как носящее административно-правовой характер, в действительности содержит в себе признаки преступления². В подобных случаях возникает проблема перехода от административного к уголовно-процессуальному производству и признания доказательств, полученных в ходе процесса иного вида. УПК конкретных рекомендаций на сей счет не содержит.

Важная для уголовного дела информация может быть получена и закреплена и в ходе гражданского или арбитражного процесса — в таком случае доказательства, признанные гражданским или арбитражным судом, могут обладать для уголовного дела преюдициальным значени-

¹ Термин также был предложен Р. С. Белкиным еще в 1967 г. См.: *Белкин Р. С.* Предмет, задачи и система советской криминалистики // Криминалистика. М., 1967. С. 5.

² Например, мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ) отличается от кражи (ст. 158 УК РФ) лишь стоимостью похищенного, которая не всегда может быть исчислена адекватно с самого начала; подделка подписей избирателей единолично лицом, осуществившим сбор подписей (ст. 5.46 КоАП РФ), трудно дифференцируема от того же деяния, совершенного группой лиц (ст. 142 УК РФ); незаконное приобретение, хранение, перевозка наркотических средств в зависимости от их объема подпадает под ст. 6.8 КоАП РФ либо под ст. 228 УК РФ и т. п.

ем. Наконец, доказательственная информация может быть получена и закреплена в ходе нотариального процесса. Вопрос о нотариальном обеспечении доказательств по уголовному делу заслуживает отдельного изучения и регламентации в УПК.

Для использования в качестве доказательств по уголовному делу данных, полученных в ходе ОРД, ключевым является применение только предусмотренных УПК способов получения доказательств. Так, ст. 11 Закона «Об ОРД» подчеркивает, что *результаты оперативно-розыскной деятельности могут... использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств*. Аналогичную норму до недавнего времени можно было обнаружить и в ст. 392 Таможенного кодекса РФ: *результаты проведения таможенного контроля... могут быть признаны в качестве доказательств по уголовным делам <...> наряду с другими доказательствами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством РФ*.

Как отмечает Е. А. Доля, «в основе широко распространенных в теории и на практике концепций легализации, трансформации, преобразования, интерпретации результатов ОРД в доказательства лежит их отождествление с доказательствами... при этом роль уголовно-процессуальной формы сводится к приданию оперативным данным формы доказательств», однако «результаты ОРД имеют свою оперативно-розыскную форму и свое... содержание, сформированное под воздействием присущей им оперативно-розыскной формы. Изменить форму результатов ОРД на уголовно-процессуальную форму невозможно в принципе». И далее: «Результаты опроса — это оперативные данные, а сведения, полученные на допросе, — это доказательства. О том, что результаты ОРД не образуют содержания доказательств, свидетельствует и то обстоятельство, что на допросе у свидетеля выясняется виденное и услышанное им, а не те сведения, которые он сообщил оперативному работнику в ходе опроса»¹.

На важность строгой регламентации использования доказательств, полученных в ходе ОРД, указывал и Ю. В. Астафьев, справедливо обеспокоенный тревожной тенденцией скрытого приравнивания результатов ОРД к доказательствам, примерами чего могут быть предложения по введению результатов ОРД в уголовный процесс в качестве «иных документов»² и утверждения, что фонограммы и бумажные носители записи телефонных переговоров, полученные в результате ОРД, пере-

¹ Доля Е. А. Уголовно-процессуальный закон нуждается в более глубоком теоретическом обосновании // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики. Матер. межд. научно-практ. конф. М.: РАП, 2011. С. 34–36.

² Бьков В. М., Березина Л. В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ. Казань, 2006. С. 38.

даются следователю «для приобщения к уголовному делу в качестве доказательств»¹. По мнению Ю. В. Астафьева, оперативно-розыскная информация «должна признаваться основой для доказательственной деятельности, в определенных случаях — даже ее базой, но ни в коей мере не источником доказательств»². Разделяя обеспокоенность данного автора, мы полагаем, однако, последнее утверждение чересчур категоричным; но строгая регламентация использования результатов ОРД в доказывании, безусловно, необходима.

Расширенная редакция ст. 89 УПК может быть представлена в виде:

Статья 89. Использование доказательств

1. В доказывании по уголовному делу могут быть использованы любые доказательства, собранные и исследованные в порядке статей 86 и 87 настоящего Кодекса, кроме тех, которые были исключены как недопустимые в порядке статьи 75 настоящего Кодекса.

2. Информация, полученная в результате оперативно-розыскной деятельности либо в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, может быть признана доказательством и использована в доказывании лишь в том случае, если она получена с соблюдением требований, предъявляемых к доказательствам настоящим Кодексом.

Такая редакция ст. 89, кроме всего прочего, хорошо коррелирует с понятием преюдиции, которому посвящена заключительная статья главы 12 УПК.

Однако текущая редакция самой ст. 90, заметно измененной Федеральным законом от 29.12.2009 № 383-ФЗ, вызывает немало вопросов. Предыдущая редакция ст. 90 УПК предусматривала, что *обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом... без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда*. Тем самым норма закрепляла внутриотраслевую опровержимую преюдицию.

Если ранее суд, прокурор, следователь, дознаватель могли при наличии сомнений перепроверить обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, то теперь введены два существенных изменения:

суд, прокурор, следователь, дознаватель не вправе дополнительно проверять обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда;

¹ Гармаев Ю. П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков. Иркутск, 2004. С. 11.

² Астафьев Ю. В. Практические и методологические подходы к оценке результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Актуальные проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства России в современных условиях: материалы Всеросс. научно-практ. конф. Тула: ТФ МосУ МВД РФ, 2008. С. 76.

норма о преюдициальности распространяется не только на приговоры (т.е. решения уголовных судов), но и на решения иного суда, принятые в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства.

Таким образом, преюдиция теперь понимается как межотраслевая и непроверяемая. Однако, строго говоря, коль скоро указанное решение принято не по тем правилам, которые предусмотрены УПК, оно даже не может считаться допустимым доказательством по уголовному делу.

Принципы организации арбитражного судопроизводства существенно отличаются от принципов организации уголовного процесса. Если база первых — диспозитивность, то основа уголовного процесса — стремление к материальной истине. Поэтому неудивительно, что факт, установленный судом за пределами уголовного процесса, отнюдь не всегда равнозначен фактам, выявленным по уголовному делу. В первом случае он отражает позицию сторон по определенной проблеме, во втором — должен все же соответствовать реальности. Признание в уголовном судопроизводстве в качестве непреложно истинных фактов, установленных актами арбитражного судопроизводства, означало бы, что те из них, которые явились результатом компромисса, недостаточной технической и процессуальной обеспеченности субъектов доказывания, предопределяли бы исход рассмотрения уголовных дел, в которых главным является публичный интерес, а не частный.

В свете этого понятно, что автоматическое появление знака равенства между решением арбитражного суда и приговором недопустимо¹. Как правильно указывает И. С. Дикарев, недостатком новой законодательной регламентации является «отсутствие в законе оговорки о том, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, могут признаваться судом только при условии, что они не вызывают у него сомнения... Суд должен иметь возможность принимать решение о новом исследовании обстоятельств, ранее установленных вступившим в законную силу судебным актом, как по собственной инициативе, так и по ходатайству сторон»².

Отметим кстати, что аналогичная статья 69 АПК РФ, посвященная основаниям освобождения от доказывания, предусматривает не преюдицию, но лишь презумпцию истинности фактов, установленных вступившим в законную силу судебным актом, и эта презумпция вполне опровержима, просто бремя приведения доказательств, оспаривающих данную презумпцию, лежит на заинтересованной стороне³.

¹ См. также: *Заржицкая Л. С.* Институт преюдиции в современном уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 90–91.

² *Дикарев И. С.* Отмена (изменение) преюдициального судебного акта как новое обстоятельство в уголовном процессе // *Власть*. 2011. № 12. С. 139–142.

³ См.: *Султанов А. Р.* Вопросы межотраслевой преюдиции // *Адвокат*. 2011. № 6.

Последствия поспешно встроеной в российский уголовный процесс межотраслевой преюдиции остро критикует Л. В. Головки: «Вынесенное в рамках гражданского или арбитражного процесса, где нет ни участия защитника, ни презумпции невиновности, ни ограничения заочного производства и т. д., решение полностью освободит... обвинителя от бремени доказывания в уголовном процессе, тем более что обвиняемый не будет в такой ситуации в числе лиц, «не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле» (он в нем, естественно, участвовал и участвует)»¹. Далее в той же работе следует и вполне логичная рекомендация: «Мы должны, наконец, вернуть институт преюдиции на его изначальное место, которое весьма скромно в процессуальной системе».

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства в его взаимосвязи с иными отраслями процессуального права позволяет прийти к выводу о том, что в настоящее время отсутствует эффективный механизм инициирования процедуры отмены судебных решений, принятых в рамках гражданского или административного судопроизводства и основанных на недостоверных фактических данных, которые опровергаются доказательствами, собранными по уголовному делу. Закон должен предусматривать процедуру, позволяющую следователю (дознавателю, суду), в производстве которого находится уголовное дело, при наличии совокупности проверенных доказательств, опровергающих обстоятельства, установленные судебным решением, на основании мотивированного процессуального решения преодолеть преюдицию и продолжить уголовное судопроизводство. Представляется целесообразным отменить поправки, введенные Федеральным законом от 29.12.2009 № 383-ФЗ, и провести широкое обсуждение альтернативных вариантов регламентации института преюдиции в уголовном процессе с последующим принятием новой редакции ст. 90 УПК РФ.

Имеет смысл задаться еще одним важным вопросом: а о решениях *какого* суда, собственно говоря, в ней идет речь? Распространяется ли соответствующая норма также и на решения *иностранного* суда? Судя по всему, этого законодатель в виду все же не имел; но тогда такое ограничение целесообразно явно указать в тексте ст. 90 УПК, чтобы впредь таких вопросов не возникало.

Вопрос о признании доказательств, полученных за пределами России в соответствии с нормами, отличными от российских процессуальных норм, заслуживает отдельного рассмотрения и имеет не только преюдициальные аспекты. УПК РФ содержит специальную статью 455, согласно которой *доказательства, полученные на территории иностранного государства его должностными лицами, <...> заверенные и переданные*

¹ Головки Л. В. Три аксиомы применения института преюдиции в уголовном процессе // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: матер. межд. научно-практ. конф. памяти проф. П. А. Лупинской. М.: Элит, 2011. С. 48–58.

в установленном порядке, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории Российской Федерации в полном соответствии с требованиями настоящего Кодекса; однако эта статья содержит важную оговорку, ограничивая круг таких доказательств лишь теми, которые получены *в ходе исполнения поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам или направлены в Российскую Федерацию в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования.*

В то же время для доказывания по уголовному делу весьма важной может оказаться информация, исходящая из иностранных источников и имеющая столь же официальный характер, но полученная вне обычной процедуры оказания правовой помощи по уголовным делам.

Мы полагаем, что, в отличие от доказательств, полученных в порядке ст. 455 УПК РФ, такие сведения, полученные официально и представляемые сторонами, *могут* быть признаны доказательствами; однако императивного требования, подобного требованию ст. 455 УПК, в данном случае быть не должно. В свете этого целесообразно дополнить гипотезу и диспозицию ст. 455 УПК, а саму дополненную статью перенести в Общую часть УПК РФ, дав ей № 90¹:

Статья 90¹. Доказательства, официально полученные от иностранных органов

1. Доказательства, официально полученные и заверенные в соответствии с законами иностранного государства на его территории его должностными лицами в ходе исполнения ими поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам или направленные в РФ в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования в соответствии с международными договорами РФ, международными соглашениями или на основе принципа взаимности, переданные в установленном порядке, имеют такую же юридическую силу, как если бы они были получены на территории РФ в полном соответствии с требованиями настоящего Кодекса.

2. Сведения, официально полученные и заверенные в соответствии с законами иностранного государства на его территории его должностными лицами вне рамок поручений, указанных в части первой настоящей статьи, могут быть признаны дознавателем, следователем, судом доказательствами и приобщены к уголовному делу в порядке статьи 86 настоящего Кодекса.

Беляев М. В., Четвергов М. А.

Электронный блок управления транспортного средства как источник криминалистически значимой информации

Современные автомобили — это высоко технологичные механические устройства, дальнейшее развитие которых идет по пути развития

систем электронного оборудования и безопасности. К таким системам относятся: тормоза, трансмиссия, климат-контроль, электронные системы управления двигателем, системы навигации, бортовые компьютеры, системы охраны и безопасности и т. д.

Одним из наиболее значимых оборудований в современном автомобиле является электронный блок управления¹ (ЭБУ) или ECU (англ.).

ECU — это Electronic Control Unit. В современном автомобиле установлено множество разнообразных ECU. Наиболее значимым ЭБУ является блок управления двигателем. В различных источниках он может называться как ECU, так и DME (Digital Motor Electronics), ECM (Engine Control Module), PCM (Powertrain Control Module) и др. Будем придерживаться общепринятого термина ECU как «электронный блок управления», дополняя его указанием принадлежности к той или системе.

Существуют различные Электронные блоки управления по своему внешнему виду и конфигурации:

Основные места установки ECU в современном автомобиле (на примере Audi A6)²:

1. Блок управления автономного отопителя;
2. Блок управления АБС тормозов с EDS;
3. Блок управления системы поддержания безопасной дистанции;
4. Передатчик системы контроля давления в шинах, передний левый;
5. Блок управления бортовой сетью;
6. Блок управления в двери водителя;
7. Блок управления доступом и старта;
8. Блок управления в комбинации приборов;
9. Блок управления электронными приборами на рулевой колонке;
10. Блок управления телефоном, системой телематик; приемно-передатчик для телефона;
11. Блок управления двигателем;
12. Блок управления Climatronic;
13. Блок управления регулировкой сиденья с запоминающим устройством и регулировкой рулевой колонки;
14. Блок управления регулировкой дорожного просвета; блок управления корректором фар;
15. Блок управления системой контроля давления в шинах; блок управления 2 бортовой сетью;
16. Блок управления MMI передней информационно-командной панели; диагностический интерфейс для шин данных; приемно-считывающий модуль системы антенн для доступа без ключа;

¹ ЭБУ — далее по тексту.

² <https://subscribe.ru/archive/tech.auto.autodiagnos/200902/09112908.html> (дата последнего обращения 13.11.2017).

17. CD-чейнджер; CD-ROM-дисковод;
18. Блок управления в задней левой двери;
19. Блок управления системой Air-Bag;
20. Датчик скорости вращения транспортного средства вокруг вертикальной оси;
21. Блок управления в двери переднего пассажира;
22. Блок управления регулировкой сиденья переднего пассажира с запоминающим устройством;
23. Блок управления в задней правой двери;
24. Передатчик системы контроля давления в шинах, задний левый;
25. Радиоприемник стояночного отопителя;
26. Блок управления системой навигации с CD-дисководом; блок управления голосовым вводом; блок управления цифровой звуковой системой; радиомодуль; TV-тюнер; цифровое радио;
27. Передатчик системы контроля давления в шинах, задний правый;
28. Блок управления системой облегчения парковки;
29. Центральный блок управления системой комфорта;
30. Блок управления электрическим стояночным «ручным» тормозом;
31. Блок управления энергоснабжением (менеджер батареи).

Работа всех блоков управления построена по единому принципу: датчики состояния — командный компьютер ЭБУ — исполнительные механизмы изменения состояния. Исходя из приведенного алгоритма, можно сделать вывод о том, что главная роль принадлежит ЭБУ — «мозги» транспортного средства, с точки зрения хранения и обработки информации, в том числе информации об идентификационной маркировке.

Все ЭБУ транспортного средства по своим функциям, взаимодействием между собой и по способам обмена информацией практически одинаковые, различия могут по внешнему виду и компоновке. Поэтому и диагностика различных ЭБУ аналогична друг другу. Таким образом, последовательность действий эксперта при исследовании ЭБУ применима к любым автомобильным системам управления.¹

ЭБУ — это электронная плата с микропроцессором и запоминающим устройством, заключенная в пластиковый или металлический корпус с соответствующими разъемами для подключения к автомобилю и сканирующему устройству. Запоминающее устройство ЭБУ состоит из нескольких типов памяти:

¹ Беляев М. В., Четвергов М. А. О некоторых аспектах преподавания дисциплины «Исследование маркировочных обозначений». Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2016. № 1. С. 8–12.

ППЗУ — программируемое постоянное запоминающее устройство — здесь содержатся основные программы и параметры работы двигателя;

ОЗУ — оперативная память, используется для обработки всего массива данных, сохранения промежуточных результатов;

ЭРПЗУ — электрически репрограммируемое запоминающее устройство — применяется для хранения различной временной информации: коды доступа и блокировки, информация о пробеге, времени работы двигателя, расходе топлива и т. п.

Именно эта информация и будет являться объектом исследования в экспертизе измененных маркировочных обозначений транспортных средств.

Информация, находящаяся в памяти электронных блоков управления, может быть визуализирована посредством использования диагностического оборудования: персональный компьютер с установленным на него специализированным программным обеспечением, различные диагностические сканеры и адаптеры.

В некоторых источниках специальной литературы высказывается мнение, что использование диагностического оборудования для выявления первичной маркировки транспортного средства (VIN-номера) малоэффективно или вообще не дает результата¹.

Проведенные нами исследования, а так же следственная и экспертная практика назначения и производства данного вида экспертизы, назначение исследований сотрудниками МРЭО ГИБДД г. Москвы и Московской области, показывают, что использование различного диагностического оборудования для исследования ЭБУ позволяет получить криминалистически значимую информацию.

Данное диагностическое оборудование даже при «поверхностном» осмотре транспортного средства позволяет установить несоответствие программного обеспечения отдельных модулей, а так же несоответствие маркировочных обозначений ЭБУ с маркировкой на кузове (двигателе, раме и т. д.). Статистика показывает, что одним из оснований для назначения исследования измененных маркировочных обозначений транспортных средств являются факты инструментальной диагностики при постановке на регистрационный учет или проверке на постах ГИБДД по базам данных угнанных или находящихся в розыске транспортных средств.

В заключении необходимо отметить, что в экспертной практике существует потребность в разработке методических рекомендаций

¹ Денисов В. В., Гольчевский В. Ф. Исследование информации идентификационного характера, содержащейся в электронных блоках управления автомобилей. Производство судебных автотехнических экспертиз. Материалы Всероссийской научно-практической конференции: Иркутск, 2017. С. 55.

по оценке определения оригинальности оборудования исследуемого ЭБУ и его установочных данных. По нашему мнению, при исследовании транспортного средства на предмет изменения и установления первоначального содержания маркировочных обозначений необходимо привлечение экспертов разных специальностей, например, трасологической и компьютерной экспертизы. Представляется, что эксперт-трасолог может провести исследование мест крепления корпуса ЭБУ, оценить состояние контрольных меток выполняемых производителем (дистрибьютером) и прочие аспекты, эксперт в области электронного оборудования транспортных средств установить факт изменения первоначальной «прошивки» и параметров идентификационной маркировки.

Таким образом, информацию, полученную с ЭБУ транспортного средства, как объекта криминалистического исследования, нужно рассматривать в комплексе средств и методов с применением современных экспертных методик.

Белякова И. М., Ложкова И. А.

Использование специальных знаний при расследовании правонарушений как реализация идей профессора Р. С. Белкина

Невозможно переоценить значение работ профессора Р. С. Белкина для отечественной криминалистики. Им заложен теоретический фундамент науки. Он — автор первой Криминалистической энциклопедии, первого трехтомного курса криминалистики. В его трудах отражены проблемы науки, которые являются актуальными и в настоящее время.

Р. С. Белкин придавал большое значение «коллективным усилиям в деле раскрытия преступления, когда каждый из участников этого коллектива — следователь, оперативный работник, специалист, эксперт — делает свое дело, предписанное ему законом... Объединение усилий для достижения общей цели является общепризнанным принципом организации и осуществления борьбы с преступностью, как в целом, так и в рамках конкретного акта расследования»¹.

Социально-экономические преобразования в нашей стране сопровождаются ростом и видоизменением преступности. По данным Росстата в 2016 году зафиксировано 73323 преступления, совершенных в сфере экономики². За этот же период по оконченным уголовным делам 76%

¹ Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., Юрид. лит. 1973. С. 66.

² Федеральная служба государственной статистики. Число преступлений, совершенных в сфере экономики: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi?pl=2318045> (Дата обращения 06.10.2017).

всего причиненного вреда пришлось на финансовые преступления. При этом год от года растут и их объем, и доля в совокупном ущербе.¹

Своевременное и качественное расследование преступлений в сфере экономики возможно только на основе взаимодействия органов расследования, сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих борьбу с экономическими преступлениями со специалистами, обладающими специальными знаниями в финансово-экономической и других сферах.

Р. С. Белкин определяет специалиста как «сведущее лицо, привлекаемое следователем (судом) для участия в следственных (судебных) действиях для содействия в собирании, исследовании оценке и использовании доказательств».²

Под термином специальные знания в юридической науке традиционно понимают систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного или гражданского судопроизводства.³

Современное состояние экономической преступности характеризуется ростом числа преступлений, относящихся к категории латентных. Большая часть таких преступлений совершаются профессионалами, обладающими специальными знаниями в области финансов и экономики. Преступления тщательно планируются, технически оснащены. Сеть Интернет, компьютерные средства и системы, современные технологии, современные электронные системы связи, современные виртуальные платежные системы, электронные денежные средства широко используются при совершении таких преступлений. Преступники разрабатывают различные варианты сокрытия следов преступления, оказывают противодействие расследованию, изыскивают возможности направления следствия по ложному пути, маскируют свои действия под гражданско-правовую деятельность.

Необходимость активного использования специальных знаний, и в первую очередь знаний — финансовых, экономических, является особенностью расследования преступлений и административных правонарушений в сфере экономики.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает, что в случаях, если после выявления административного правонарушения осуществляются экспертиза или иные

¹ Локшина Ю. Мошенники подняли процент. Доля ущерба от финансовых преступлений обновила рекорд [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.kommersant.ru/doc/3269397> (Дата обращения 06.10.2017).

² Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 215.

³ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. 656 с. С. 7.

процессуальные действия, требующие значительных временных затрат проводится административное расследование.¹ В числе таких правонарушений, перечисленных в ч. 1 ст. 28.7, правонарушения антимонопольного законодательства, законодательства о естественных монополиях, о рекламе, об акционерных обществах, о рынке ценных бумаг и об инвестиционных фондах, законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, законодательства о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, валютного законодательства Российской Федерации, о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров, в области бюджетного законодательства Российской Федерации и нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения; законодательства в области налогов и сборов, таможенного дела, экспортного контроля, государственного регулирования цен (тарифов) на товары (услуги), несостоятельности (банкротства), законодательства Российской Федерации в сфере государственного оборонного заказа, о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в сфере закупок товаров, работ.

Специальные знания используются как в процессуальной форме, например при производстве различных видов судебных экспертиз, так и не в процессуальной форме, в виде консультативно-справочной деятельности, производстве ревизий и аудиторских проверок, участия специалиста в проведении оперативно-розыскных мероприятий, в производстве предварительного исследования материальных объектов, оказании технической помощи следователям или оперативным работникам.

Как уже отмечалось, при совершении преступлений в сфере экономики используются новейшие достижения науки и техники и в частности, компьютерные технологии. Увеличивается количество преступлений в отношении компьютерной информации или с использованием компьютерной информации. Документооборот на бумажных носителях меняется на электронный документооборот, существуют различные базы данных государственных и негосударственных организаций. В связи с этим традиционные материальные следы экономических правонарушений — документы меняются на следы виртуальные. Соответственно увеличивается удельный вес электронных доказательств по уголовным делам. Электронные доказательства неосязаемы, легко могут быть подвергнуты изменениям и уничтожены. Поэтому их своевременная и правильная фиксация очень важна.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) ст. 28.7. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

Закон прямо предусматривает обязательное участие специалиста в изъятии электронных носителей информации. Так, «при производстве обыска электронные носители информации изымаются с участием специалиста. По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации специалистом, участвующим в обыске, в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации осуществляется копирование информации»¹. «При производстве выемки изъятие электронных носителей информации производится с участием специалиста»².

Статья 81.1 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики предоставила возможность законному владельцу документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовному делу снять за свой счет копии с изъятых документов, в т. ч. с помощью технических средств³. Для оказания технической помощи в копировании документов и обеспечения их сохранности следователь, дознаватель к участию в копировании могут привлечь специалиста⁴.

В соответствии со ст. 144 УПК РФ до возбуждения уголовного дела, при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, привлекать к участию в этих действиях специалистов.⁵

При расследовании преступлений в сфере экономической деятельности проводятся различные виды судебных экспертиз, таких как: судебно-техническая экспертиза документов; судебно-экономическая экспертиза; судебно-строительно-техническая экспертиза; судебно-бухгалтерская экспертиза; судебная финансово-аналитическая; финансово-кредитная; бюджетная; экспертиза по объему выполненных работ; компьютерно-техническая экспертиза; судебно-товароведческие

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017). Ст. 182. Ч. 9.1. Доступ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.10.17).

² Там же. Ст. 183. Ч. 3.1.

³ Там же. Ст. 81.1.

⁴ Постановление Правительства РФ от 22.04.2017 № 482 «Об утверждении Положения о порядке снятия копий с документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики». Доступ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.10.17).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017). Ст. 182. Ч. 9.1. Доступ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.10.17). Ст. 144.

экспертизы; судебные инженерно-экономические экспертизы и другие виды.

Особенностью расследования преступлений в сфере экономической деятельности является необходимость активного использования следствием специальных знаний. Каждое уголовное дело по расследованию таких преступных деяний отличается индивидуальным подходом в их применении.

Но необходимые специальные знания в области экономической деятельности у лиц осуществляющих расследование, как правило, отсутствуют. В связи с этим для качественного расследования таких преступлений необходимо активное взаимодействие органов следствия со специалистами, экспертами — экономистами, финансистами, повышение их профессионального уровня, обмен знаниями.

Как показывает практика, не во всех территориальных органах имеются специалисты в области компьютерной информации, а приглашение их из центральных аппаратов требует дополнительного времени. Представляется целесообразным введение таких специалистов в штат оперативно-розыскных или следственных подразделений и создание организационных условий для их участия в работе, связанной со своевременным и полным изъятием электронных документов.

Проблема заключается и в недостаточном количестве квалифицированных специалистов, которые могли бы проводить судебные экспертизы по таким делам. Закон предоставил возможность проводить судебные экспертизы до возбуждения уголовного дела. Но по делам о преступлениях в сфере экономики объемные, их производство занимает длительное время, уложиться в отведенные законом сроки нереально. Поэтому деятельность специалиста — бухгалтера, экономиста, финансиста на стадии возбуждения уголовного дела, как правило, сводится к производству документальных проверок, ревизий, оказании консультативной помощи при исследовании документов.

Возникают на практике и проблемы с оценкой компетентности специалиста. С. П. Жданов отмечает, что в действующем законодательстве не содержится ответа на основной практический вопрос: кто определяет, является ли данное лицо специалистом или нет. Следовательно, определить является ли данное лицо специалистом вправе руководитель государственного судебно-экспертного учреждения или профильного высшего учебного заведения, где он состоит в трудовых отношениях¹.

¹ Жданов С. П. Понятие специалиста в криминалистическом сопровождении. Криминалистическое сопровождение расследования преступлений: проблемы и пути решения: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Крылова Ивана Филипповича (Москва, 19 февраля 2016 г.). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. С. 192.

А если приглашается в качестве специалиста лицо, не работающее в государственном экспертном учреждении или учебном заведении?

Уголовно-процессуальное законодательство РФ допускает в качестве доказательств заключение эксперта и заключение специалиста. В то же время установлена форма заключения эксперта и не установлена форма заключения специалиста¹. Заключение специалиста декларируется как — представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами.² В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях такое понятие как заключение специалиста отсутствует.

За дачу заведомо ложного заключения эксперт несет уголовную ответственность в соответствии со ст. 307 УК РФ (ч. 5 ст. 57 УПК РФ) Такая ответственность для специалиста не установлена. Согласно Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за заведомо ложные пояснение специалиста и заведомо ложное заключение эксперта при производстве по делу об административном правонарушении они несут лишь административную ответственность в виде административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей³. На наш же взгляд процессуальная значимость эксперта и специалиста при расследовании административных правонарушений ничуть не меньше, чем при расследовании уголовных преступлений. Решение обозначенных вопросов способствовало бы повышению эффективности расследования преступлений.

Бертовский Л. В., Кучерков И. А., Лисовецкий А. Л.

Криминалистический рендеринг как технология виртуальной визуализации материальной обстановки

Криминалистика стремится к творческому использованию достижений научно-технического прогресса.⁴ В этом отношении криминалистический рендеринг видится перспективным направлением в области криминалистической техники, объединяя ряд технологий визуализации, применяемых в криминалистике. **Криминалистический рендеринг** (далее — КР), который можно определить как *технология визуализации, выражающуюся в создании виртуальных моделей и/или виртуальном отображении с помощью цифровой техники криминалистически*

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017). Ст. 74. Доступ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.10.17). Ст. 204.

² Там же. Ст. 80.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017). Ст. 17.9. Доступ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.10.17). Ст. 204.

⁴ *Белкин Р. С.* Избранные сочинения. М.: Норма, 2009. С. 412.

значимых объектов и явлений различной природы и сложности, направлен на повышение эффективности, информативности и наглядности результатов фиксации и анализа криминалистически значимой информации, а также на оптимизацию ее сбора и систематизации.

Основной и наиболее перспективной формой применения КР является его использование для виртуальной визуализации сложных, комплексных объектов (например, места происшествия, места обыска и прилегающих к ним территорий и т. д.), включая их составляющие, и невидимых процессов, проходящих в области указанных объектов, с возможностью последующей виртуальной реконструкции механизма происшествия. Так, осуществляется построение виртуальных моделей на основе результатов применения 3D-сканеров, фото-/видеосъемки (в т. ч. с применением различных подсветок и фильтров), планов, схем, анимации, прочих средств визуализации (например, систем термовидения¹; систем, определяющих уровень радиации, уровень концентрации испарений; компьютерной томографии²; различных невидимых лучей³ и т. д.) и иной информации, которая может быть визуализирована. Далее осуществляется виртуальная систематизация данной криминалистически значимой информации, а также может осуществляться анимационная реконструкция происшествия. Т. е. КР позволяет объединить указанную информацию в единую систему, доступную для визуального восприятия и наделенную соответствующим интерфейсом, позволяющим фиксировать пояснения в вербальной форме (например, характеристики объектов по результатам проведенных в отношении них исследований/экспертиз) и сопровождать объекты обстановки дополнительными изображениями.

Таким образом, *рассматриваемый вариант КР* как средства визуализации *позволяет*:

- обобщать относящиеся к материальной обстановке как видимые невооруженным глазом, так и невидимые или слабо видимые объекты, явления, процессы в единую систему,
- фиксировать различные характеристики объектов/явлений/процессов, систематизировать их в рамках интерактивной схемы;
- воссоздавать, реконструировать материальную обстановку⁴, а также событие на основе имеющейся в той или иной форме информации (преимущественно визуального характера).

¹ Колецки Х. Применение термовидения THV (техники AGA Thermovision) в криминалистической практике // Сибирский юридический вестник. 2007. № 2 (37). С. 98–103.

² Дадабаев В. К., Колкутин В. В., Стрелков А. А. «Виртуальная аутопсия»: перспективы ее развития в Российской Федерации // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 2. С. 14.

³ Криминалистика: информационные технологии доказывания. Учебник для вузов / под ред. В. Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007. С. 138–142.

⁴ Леви А. А. Избранные научные труды. М.: РУДН, 2012. С. 385.

КР может применяться при производстве следственных (осмотр места происшествия, обыск, предъявление для опознания, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, назначение экспертиз) и оперативно-розыскных мероприятий, а также на стадии подготовки к данным мероприятиям и при обобщении имеющейся информации посредством ее визуализации. КР, в частности, применим, когда имеют место катастрофы, несчастные случаи (взрывы, пожары, обрушения, крушения транспортных средств, ДТП, боевые действия), случаи смерти (причинения смерти другому человеку, самоубийства, несчастные случаи), однако его применение возможно и при расследовании преступлений иного рода (например, преступлений в сфере экономической деятельности).

За рубежом существует множество технологий, родственных КР. В особенности достаточно распространено применение 3D-сканеров и технология криминалистической анимации (forensic animation)¹. На сегодняшний день в России наибольшую популярность из таковых приобрела 3D-фотосъемка.² КР способен объединить в себе преимущества различных средств визуализации, что разрешит проблему разобщенности результатов применения данных средств посредством выстраивания их в единую систему.

Возможно, что для полноценного внедрения рассматриваемой технологии в судопроизводство потребуются внести некоторые поправки в уголовно-процессуальное законодательство (например, вопросы введения реконструкции как следственного действия обсуждались достаточно давно³, и имеющиеся наработки можно взять за основу, учитывая состояние развития криминалистической техники и технологий). В то же время представляется, что технический прогресс рано или поздно вынудит законодателя к пересмотру роли и места технических средств в уголовном процессе. На данный момент применение КР в наиболее оптимальной форме видится в форме заключения специалиста, составленного на основе имеющихся материалов дела.

Однако реализация рассмотренного варианта КР прежде всего требует творческого взаимодействия юристов-криминалистов с представителями технических наук,⁴ что является объективной необходимостью для проведения высокотехнологических разработок в области криминалистической техники. Важной здесь видится разработка единой,

¹ Forensic Animation | Forensic Computer Animation. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tmba.tv/trial-graphics/forensic-animation/> (Дата обращения 01.11.2017).

² Техничко-криминалистическое сопровождение расследования преступлений: учеб. пособие / под ред. А. М. Багмета. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 40–57; *Топорков А. А.* Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. С. 65.

³ *Быховский И. Е., Лузгин И. М.* Реконструкция как самостоятельное следственное действие // Правоведение. 1971. № 3. С. 134–135.

⁴ *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 406, 408.

унифицированной технической базы, позволяющих выполнить визуализацию, а также теоретической, методической базы, чтобы уменьшить количество негативных воздействий (преимущественно субъективных) при обработке подлежащей визуализации информации. Важную роль здесь играет изучение зарубежного опыта — более масштабного в области применения подобных технологий.

В заключение следует с оптимизмом отметить, что идея применения КР как средства фиксации криминалистически значимой информации уже начинает получать признание среди отечественных криминалистов, видящих большой потенциал в данной технологии.¹

Бессонов А. А.

Криминалистическая характеристика преступлений в трудах Рафаила Самуиловича Белкина

В отечественной криминалистике уже почти век существует научная категория, история развития которой уникальна и порой противоречива. Она по сей день является почвой для постоянных дискуссий. Речь идет о криминалистической характеристике преступлений. С одной стороны, рядом ученых от нее предложено отказаться как от некоего «фантома», «иллюзии», с другой стороны — практически все диссертации, учебники, да и любой научный труд по методике расследования преступлений по-прежнему начинается именно с нее. Более того, анализ касающихся ее научных публикаций свидетельствует о том, что к настоящему моменту интерес к ней явно не ослабел, и большинство ученых-криминалистов поддерживают ее насущную необходимость (только за последние 5 лет непосредственно ей посвящено более сотни научных трудов).

Традиционно считается, что концепция криминалистической характеристики преступлений берет свое начало с работ А. Н. Колесниченко и Л. А. Сергеева конца 60-х и начала 70-х годов прошлого века. Однако, как указывает И. Ф. Крылов, впервые термин «криминалистическая характеристика» был упомянут П. И. Люблинским еще в 1927 году². Таким образом, эта криминалистическая категория в недалеком будущем отметит свое вековое существование.

В последующем, с начала 1970-х годов и до середины 1980-х, шло активное развитие научных положений, касающихся сущности, опре-

¹ Быстряков Е. Н., Усанов И. В. Соотношение визуализации с иными способами фиксации криминалистически значимой информации на месте происшествия // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. 2 (6). С. 43.

² Крылов И. Ф. Криминалистическая характеристика и ее место в системе науки криминалистики и в вузовской программе // Криминалистическая характеристика преступлений: Сборник научных трудов. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 32–33.

деления, структуры и значения криминалистической характеристики преступлений. Применительно к этому периоду времени Р. С. Белкин метко подметил, что «семя упало на благодатную почву: десятки авторов — от самых именитых до начинающих — стали разрабатывать эту идею»¹.

Поскольку Р. С. Белкин всегда уделял самое пристальное внимание всем актуальным проблемам криминалистики, не обошел он вниманием и криминалистическую характеристику преступлений. Именно он первый обстоятельно изложил историю ее возникновения и развития, обобщил все сложившиеся к середине 1990-х годов взгляды относительно нее².

Так, проанализировав сложившиеся представления о криминалистической характеристике преступлений, он пришел к выводу, что большинство авторов того времени указывали следующие элементы ее структуры: типичные следственные ситуации, под которыми понимается характер исходных данных; способ совершения преступления; способ сокрытия преступления, маскировка; типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения; характеристика личности преступника; обстановка преступления (место, время и др. обстоятельства)³.

Подвергнув частично критической оценке такой подход к структуре рассматриваемой теоретической категории, Р. С. Белкин указал, что, по его мнению, «криминалистическая характеристика отдельного вида преступлений должна включать характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка)»⁴.

Также он высказал представляющуюся крайне важной мысль о том, что криминалистические характеристики преступлений бывают родовыми и видовыми, а вот применительно к конкретному преступлению таковой не существует⁵.

Чуть ранее, в своей совместной статье с И. Е. Быховским и А. В. Дуловым им обращено внимание на такое важное свойство криминалистической характеристики преступлений как систем-

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: НОРМА-М, 2001. С. 223.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. С. 306–319.

³ Там же. С. 312.

⁴ Там же. С. 315–316.

⁵ Там же. С. 316–318.

ность, заключающуюся в корреляционных связях и зависимостях между ее элементами¹.

Однако уже в начале 2000-х годов криминалистическая характеристика преступлений подверглась жесткой критике со стороны Р. С. Белкина. По этому поводу он пишет, что она «не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом»².

В обоснование необходимости отказа от дальнейших исследований криминалистической характеристики преступлений он указал две основные причины:

- отсутствие в ней новых, значимых для криминалистики научных знаний при отсутствии установленных корреляционных связей и зависимостей, носящих закономерный характер;
- наличие в предлагаемой структуре в большей мере элементов уголовно-правового и криминологического характера, нежели криминалистического, каковым является лишь способ совершения и сокрытия преступления и оставляемые им следы³.

Как отмечает В. Ю. Толстолуцкий, именно прозвучавшая из уст авторитетного ученого указанная критика в адрес рассматриваемой научной категории, обусловила определенный спад интереса к ней, который наиболее четко прослеживается к 2010 году⁴.

В то же время, представляется, что, когда Р. С. Белкин назвал криминалистическую характеристику преступлений «фантомом», он вовсе разочаровался не в ней, а в том подходе к использованию ее прогнозируемого огромного потенциала, который сложился в определенный момент в криминалистическом научном сообществе. Выдвинув тезис о ненужности этой категории, он попытался тем самым подзадорить, подстегнуть ученых в наполнении ее действительно реальным криминалистически значимым содержанием. Подобную мысль по этому поводу ранее также высказал А. Ю. Головин⁵.

¹ Белкин Р. С., Быховский И. Е., Дулов А. В. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступлений) // Социалистическая законность. 1987. № 9. С. 56–58.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: НОРМА-М, 2001. С. 219–224; Белкин Р. С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Тула: ТГУ, 2000. С. 11–12.

³ Там же.

⁴ Толстолуцкий В. Ю. Жизненный цикл научного понятия «криминалистическая характеристика преступлений» по данным библиометрии // Приволжский научный вестник. 2015. № 6–3 (46). С. 55–60.

⁵ Головин А. Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3–2. С. 5.

Тем самым этот великий ученый задал всему отечественному криминалистическому сообществу задачу с непростым ответом и многими неизвестными, для решения которой требовалось, ни много ни мало, непрерывное изучение больших массивов актуального эмпирического материала с целью установления криминалистически значимой информации о преступлениях различных видов и творческий поиск закономерных связей между элементами, составляющими их систему. Соответственно на этой основе постоянно создавать новые и совершенствовать существующие криминалистические характеристики преступлений. Именно при таком подходе неизбежными стали бы ее общепринятые определение и структура, научные знания о закономерных связях между элементами ее системы и прочее.

В конечном итоге, она сама неизбежно эволюционировала бы в частную криминалистическую теорию, имеющую центральное значение в криминалистике. Но, к сожалению, до настоящего времени этого не случилось, несмотря на постоянно увеличивающееся количество публикаций, непосредственно ее касающихся (2012–2013 годы — 20, 2014–2015 годы — 53, 2016–2017 годы — 49). Криминалистическая характеристика преступлений как научная категория буквально погрязла в противоречиях. Даны десятки ее определений, ее структура у разных авторов содержит от 5 до 15 и более элементов. Многие такие характеристики базируются лишь на сотне-другой изученных преступлений, при том что их, например, даже за год тысячи и десятки тысяч.

Таким образом, признавая определенную достаточность разработки криминалистической характеристики различных видов, подвидов, групп преступлений, следует констатировать, что в таком виде она исчерпала возможности для дальнейшего своего развития. Зачастую она просто выполняет формальную роль первого элемента частных методик, не имея в своем содержании ценной криминалистически значимой информации и связи с криминалистическими рекомендациями, составляющими конкретную методику расследования.

Читая такие труды, следователи и дознаватели мало того, что действительно не понимают зачем нужна типовая криминалистическая характеристика преступлений, так они и в практической деятельности не могут из окружающей реальности извлечь нужную информацию о расследуемом преступлении, для чего собственно всегда традиционно в качестве информационно-поисковой системы она и использовалась.

В сложившейся ситуации получить импульс своего качественно нового развития криминалистическая характеристика преступлений может только как самостоятельная частная теория криминалистики, в рамках которой и удастся преодолеть все обозначенные проблемы и противоречия.

Опираясь на труды Р. С. Белкина, упомянутый труд В. Ю. Толстолупкого и собственное исследование¹, отметим следующие исторические этапы развития криминалистической характеристики преступлений:

- рождение данного научного понятия — конец 20-х годов XX века;
- начало развития понятия — 1960–70-е годы XX века;
- разработка понятия и расширение объема его содержания — 1970–80-е годы XX века;
- сужение объема содержания этого понятия — 1980–90-е годы XX века;
- уточнение содержания понятия: поиск криминалистически значимых признаков и корреляционных связей между элементами — конец XX–начало XXI века;
- развитие криминалистической характеристики преступлений как учения, а затем уже как теории — 2010-е годы–настоящее время.

Такой касающийся криминалистической характеристики преступлений анализ позволяет констатировать, что в ней кроется будущее российской криминалистики и огромный научный и практический потенциал, но при условии учета пожеланий великого ученого о направлении усилий исследователей прежде всего на наполнение ее криминалистически значимым содержанием.

В завершение следует отметить, что значение научного наследия патриарха отечественной криминалистики Рафаила Самуиловича Белкина сложно переоценить. Он всегда затрагивал самые актуальные проблемы, ставил вопросы, требующие приложения интеллектуальных сил и кропотливого труда, на много лет вперед определил дальнейшее развитие криминалистической науки. Ярким свидетельством этого, в том числе выступает и криминалистическая характеристика преступлений.

Бобовкин М. В., Ручкин В. А.

К вопросу о «несостоятельности» криминалистической характеристики преступлений

В этом году исполнилось 95 лет со дня рождения выдающегося ученого-криминалиста Рафаила Самуиловича Белкина, который в последние десятилетия в нашем научном сообществе являлся наиболее яркой личностью и по праву считался самым видным отечественным криминалистом. Будучи ученым-энциклопедистом, он прекрасно видел перспективы развития науки криминалистики, смело вскрывал

¹ Бессонов А. А. Исторические основы возникновения и развития института криминалистической характеристики преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11 (48). С. 2607–2611; Бессонов А. А. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании криминалистической характеристики преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 7–29.

ее «узкие» места, убедительно генерировал многие идеи, и по сей день лежащие в основе ее методологии. Профессор Белкин Р.С. не обошел своим вниманием практически ни одной серьезной проблемы криминалистики. В этой связи хотелось бы остановиться на одной из таких, обозначенных им на рубеже веков, проблем. Речь пойдет о криминалистической характеристике преступлений.

Пройдя достаточно длительный этап формирования и заняв прочное место в частных методиках расследования, криминалистическая характеристика преступлений как научная категория криминалистики, отражающая в обобщенном виде типичные признаки и особенности определенного вида или группы преступлений, казалось бы, не должна вызывать сомнений в «праве на жизнь». Однако криминалистическая практика борьбы с преступностью последних десятилетий показала, что разработка только теоретических аспектов этой категории без учета ее практической составляющей для практики раскрытия и расследования малоэффективна. В этой связи одними из первых высказали свои сомнения Р. С. Белкин и А. В. Дулов. Так, Р. С. Белкин отмечал: «Представляется, что криминалистическая характеристика как целое, как единый комплекс, имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимости между ее элементами, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях»¹.

Спустя несколько лет, он высказался еще более критично: «Среди понятий, занимающих незаслуженно значительное место в криминалистической теории и следственной практике, до сих пор в научной и методической литературе фигурирует криминалистическая характеристика преступления, как типовая абстрактная модель признаков конкретного вида преступной деятельности. С описания этой криминалистической характеристики обычно начинается изложение любой частной криминалистической методики, на все лады варьируется структура этой характеристики, некритически относя к ней вообще все, что имеет значение для расследования... Следует отказаться от термина и понятия «криминалистическая характеристика преступлений...»².

На наш взгляд, эти слова следует расценивать как «последний аргумент» Р. С. Белкина привлечь внимание криминалистического сообщества к одной из важнейших категорий криминалистики — криминалистической характеристике преступлений, к необходимости активной разработки ее практической составляющей.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 316.

² Белкин Р. С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (28–29 февраля). Тула, 2000. С. 11–12.

Анализ последовавших за этим критическим высказыванием публикаций, показал, что большинство ученых-криминалистов разделяет тревогу Р. С. Белкина, и, вместе с тем, считает, что имеющиеся недостатки в исследовании этой проблематики вовсе не свидетельствуют о необходимости прекращения ее изучения¹.

В наиболее концентрированном виде это мнение, с которым мы солидарны, изложил В. П. Бахин: «Поскольку функциональное назначение криминалистической характеристики преступлений — обеспечение раскрытия и расследования — не вызывает сомнений, а ее теоретические основы в целом разработаны, настала пора перейти к созданию ее практической части, так как криминалистическая характеристика станет рабочим инструментом расследования только тогда, когда предстанет в виде системного обобщения данных расследования значительного массива уголовных дел по каждой отдельной категории преступлений с установлением взаимосвязи всех криминалистически значимых признаков этих видов преступлений»².

Как известно, криминалистическая характеристика преступлений и ее основные элементы всегда имели важное значение для формирования частных методик расследования. Сначала становления такого раздела криминалистики, как криминалистическая методика, отечественные ученые-криминалисты в своих работах, посвященных расследованию отдельных видов преступлений, обращали самое пристальное внимание на некоторые их типичные признаки и, прежде всего, на способ совершения и сокрытия преступлений. Наряду с ним выделялись также данные о личности преступника, обстановке совершения преступления и др.

«Разумеется, на первом этапе развития криминалистической методики, — справедливо отмечал Р. С. Белкин, — эти данные приводились иногда не в систематизированном виде, круг их не был постоянен, в некоторых методиках часть их отсутствовала. Но тенденция к их использованию при построении частных криминалистических методик просматривается всегда, хотя в этом использовании отсутствовала системность»³.

В последующие годы разработка частных криминалистических методик продолжала осуществляться на основе и с учетом как уже названных,

¹ Гавло В. К. Типовая криминалистическая характеристика преступлений: изжила ли она себя // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всероссийский «круглый стол», 20–21 июня 2002 года. Сборник материалов. Ростов на Дону, 2002. С. 71–75; Корноухов В. Е. О структуре методик расследования преступлений // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 2 (10). М., 2004. С. 21–29; и др.

² Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 1. М., 2000. С. 21.

³ Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 311.

так и иных криминалистически значимых признаков преступлений. Со временем это привело к идее формирования криминалистической характеристики преступлений. В числе первых, кто обратился к ее понятию, следует назвать Л. А. Сергеева и А. Н. Колесниченко. Наряду с ними на этом этапе существенный вклад в разработку названной проблемы внесли Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. А. Возгрин, Л. Г. Видонов, В. А. Образцов, И. Ф. Пантелеев и др.

Идея о криминалистической характеристике преступлений как важнейшем составном элементе конкретных частных методик расследования криминалистическим сообществом была воспринята положительно и, по мнению Р. С. Белкина, в окончательно сформированном варианте, должна представлять собой «абстрактное научное понятие, результат научного анализа определенного вида преступной деятельности (вида или рода преступления), обобщения его типичных признаков и особенностей»¹.

В конце XX в. появился ряд новых работ, посвященных криминалистической характеристике преступлений, в которых излагался различный взгляд на понятие, сущность и содержание названной категории.

Так, в них под криминалистической характеристикой преступлений стали понимать: системное описание криминалистически значимых признаков вида (группы) преступлений, проводимое для обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений; совокупность обобщенных фактических данных, знание которых необходимо в целях организации раскрытия и расследования преступлений; систему особенностей вида преступлений, имеющих значение для расследования; идеальную модель типичных связей и источников доказательственной информации; вероятностную модель события.

Как видно из приведенных определений, в последние годы наметилась тенденция замены устоявшегося понятия «криминалистическая характеристика преступлений» на новые термины, в частности, рассмотрение названной категории в качестве модели события. Подобный подход вызвал у некоторых авторов неприятие. Так, по мнению О. П. Левченко, «следует отрицательно отнестись к увлечению «модными» терминами других наук (теории моделирования, вероятностей, информации и др.) применительно к общепринятому — «криминалистическая характеристика преступления»»².

На наш взгляд, О. П. Левченко излишне «драматизирует» указанную ситуацию. Здесь имеют место лишь попытки авторов дать более краткую формулировку рассматриваемой категории; они делают основной

¹ Там же. С. 317.

² Левченко О. П. Криминалистическая характеристика как структурный элемент частной методики расследования отдельных видов преступлений. М., 2005. С. 121.

акцент на информационный аспект, не меняя сущности устоявшегося понятия «криминалистической характеристики преступления».

«В той или иной степени, — правильно подчеркнул в этой связи В. П. Бахин, — во всех определениях криминалистической характеристики преступлений отмечаются: совокупность обобщенных данных о признаках определенного вида преступлений; установление и учет закономерных взаимосвязей между этими данными; предназначенность для использования в расследовании конкретных видов преступлений».¹

Таким образом, криминалистическая характеристика преступлений и сегодня продолжает рассматриваться в криминалистике как важнейшая категория общих положений методики расследования, призванная выполнять подсобную роль при расследовании отдельных видов и групп преступлений, выступая своеобразным информационным банком данных об их криминалистически значимых признаках, знание которых необходимо для организации эффективного расследования. В этом, на наш взгляд, и состоит назначение и сущность криминалистической характеристики преступлений. При этом, мы вполне разделяем озабоченность С. В. Лаврухина о том, что «и в начале XXI в. не только не выработана общепринятая концепция криминалистической характеристики преступлений (КХП), но и нет полной ясности по всему спектру ее проблем — понятию, элементам, видам и значению (функциям) КХП».²

Думается, что криминалистическая характеристика преступлений должна оставаться обязательным элементом в типовой структуре частных криминалистических методик. Аргументы противников такого традиционного в криминалистике подхода к структуре частной методики расследования представляются нам недостаточно убедительными. Так, Е. В. Шибанова приводит объективные и субъективные причины, по которым, на ее взгляд, криминалистическая характеристика представляется недостижимым в плане формирования и выполнения, возлагаемых на нее функций элементом. Например, в качестве субъективных причин она называет количественную недостаточность материалов практики расследования, обобщения уголовных дел из несхожих по криминальной, социальной обстановке областей России, недостаточную математическую обоснованность результатов анализа и т. д.³ При их ближайшем рассмотрении становится понятным, что это отнюдь не причины «несостоятельности» криминалистической характеристики преступлений, а упущения и недоработки отдельных исследователей,

¹ Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 1. М., 2000. С. 17.

² Лаврухин С. В. Проблемы криминалистического исследования преступления // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 2(4). М., 2002. С. 30.

³ Шибанова Е. В. Выявление и расследование преступлений, связанных с проститутцией: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 28–29.

разрабатывающих криминалистическую характеристику определенного вида или группы преступлений.

В заключение отметим, что криминалистическая характеристика преступлений как научная категория криминалистики, на наш взгляд, в настоящее время должна изучаться как единая система, комплекс криминалистически значимых, имеющих практическое значение и активно используемых в процессе расследования признаков, особенностей, черт и закономерностей преступной деятельности, между которыми установлены корреляционные связи и зависимости.

Бондаренко Р. В.

История возникновения и развития арабской письменности

Арабский язык занимает 5 место в мире по числу носителей языка, это официальный язык более 20 стран, в которых живет более 300 миллионов носителей этого языка. Они в основном сосредоточены на Ближнем Востоке, но есть также и группы по всему миру. Он также является официальным языком ООН, Лиги арабских государств, Организации Исламская конференция и Африканского союза.

В Западном мире наблюдается большой дефицит специалистов, владеющих арабским языком. Относительно немногие жители Запада вообще когда-либо пытались изучить арабский язык. Поэтому, вместе с растущей ролью Ближнего Востока в международных делах ощущается острая нехватка специалистов, кто бы знал арабский язык и культуру.

Арабоязычные народы внесли значительный вклад в развитие мировой цивилизации. Когда Европа переживала период интеллектуального застоя Средних веков, арабо-исламская цивилизация находилась в зените своей славы. Арабы внесли большой вклад в развитие науки, медицины и философии. Большое количество знаний, накопленных греками, римлянами и Византией дошли до человечества через арабские библиотеки. Арабы также внесли значительный вклад в таких сферах, как литература, математика, навигация, астрология и архитектура. Знание арабского языка позволяет исследовать этот пласт знаний на языке оригинала.

В правоохранительной практике специалистам часто приходится обращаться к архивным материалам, которые могут включать в себя оригинальные рукописные тексты исторических или художественных произведений, переписку, хроники, черновые записи авторов и др. В таких случаях обязательно возникает вопрос о полноте и достоверности того материала, с которым работаешь, а также о самом исполнителе. В современных условиях становится актуальными и значимыми исследования, связанные с изучением иноязычных древних рукописей.

В настоящее время уровень развития судебно-почерковедческой экспертизы позволяет объективно решать экспертные задачи по самым разнообразным почерковым объектам. За последнее время ученые почерковеды провели большое количество различного рода работ, посвященных изучению развития научных основ почерковедческой экспертизы. Однако современная наука до сих пор, не может до конца объективно и полно устанавливать исторические факты. Это связано с определенными трудностями, вызванными небольшой экспертной практикой в изучении иностранных исторических документов, малым количеством образцов для сравнения и индивидуальной спецификой написания каждой рукописи.

При исследовании внешних признаков рукописей, с целью их датировки и возможной идентификации, необходимо уделять внимание как материалу и инструменту письма, так и особенностям орнамента и др. Основным же при исследовании древних рукописей является анализ графики букв, характерной для каждого периода и каждой цивилизации.

Достаточно давно развивается такая вспомогательная историческая дисциплина, как палеография. Эта дисциплина изучает историю письма, выявляет и исследует закономерности развития графических форм.

Экспертная практика показала, что палеографический метод идентификации рукописей не столь совершенен, как хотелось бы. Знание же почерковедческих методик исследования рукописных текстов открывает для исследователей новые горизонты.

Говоря об истории развития и становления арабской письменности, нельзя не сказать об истории развития письма вообще. Значение письма в истории развития цивилизации трудно переоценить.

История письма — это, фактически, история человечества, есть даже специальная наука — грамотология, изучающая историю письма. Это интересно потому, что в процессе формирования письма каждый ребенок как бы повторяет историю человечества (от передачи мысли и отдельного слова при помощи графического изображения (рисунка) до сознательного выделения слов и звуков), но в сжатом виде. Возможности письма не ограничены ни временем, ни расстоянием. Но искусством письма люди владели не всегда. Это искусство развивалось долго, на протяжении многих тысячелетий¹.

Письмо — знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять ее во времени.

Возникновение и развитие письма неразделимо связано с историей народа, развитием языковой культуры. Чем выше уровень материальной и духовной культуры того или иного народа, тем совершеннее система его письма. Как отмечает Н. А. Павленко в своей книге «Краткий

¹ См.: Павленко Н. А. Краткий очерк истории письма. Мн., 1987. С. 5.

очерк истории письма»: «Письмо в отличие от звукового языка является продуктом сознательного творчества людей. Его реализация требует большой напряженности внимания и осознанных действий человека, что, естественно, предполагает высокий уровень развития мышления и, следовательно, языка».

На самых ранних этапах своего развития письмо носило изобразительный характер — это были рисунки, передающие информацию. Очень давно люди, желая передать информацию, свои мысли, записать их, высекали, вырезали свои письмена на камне, металле, глине, дереве. Письмо это называлось пиктографическим, его «возраст» 6–8 тысяч лет, но еще совсем недавно элементы пиктографического письма использовали некоторые народы Крайнего Севера. Затем письменные сообщения стали передаваться при помощи отдельных рисуночных знаков (символов-идеограмм), тех или иных слов. Фактически рисунок стал словом, и такое письмо называется идеографическим. Этот переход от графического к идеографическому письму был очень сложен, ведь нужно было, чтобы за определенным знаком (рисунком-символом) закрепилось значение — словесное или фразовое. Но таким письмом нельзя передать абстрактные понятия, оно очень конкретно. Собственно говоря, пиктографическое и идеографическое письмо не является письмом как таковым, так как в письме фиксируется не только общий смысл сообщения, но речь с ее грамматическими и словарными особенностями¹.

В то же время появляются и легкие материалы для письма: папирус, пергамент, полотно, бумага; новые орудия письма: тростниковая палочка, кисть, гусиное перо, стальное перо и, наконец, шариковая ручка.

Существует несколько разновидностей истинного письма: словесное (логографическое), слоговое (силлабическое, буквенное). Во всех письменностях имеются системы знаков — графемы, соответствующие единицы речи, которые записываются. В словесном письме — это слова, в слоговом — последовательность звучащих звуков (не обязательно слог), в буквенном значащий звук (фонема).

После появления пиктографического письма, идеографического и иероглифического возникло письмо звуковое. Звукобуквенное (алфавитное) письмо — исторически самый поздний и самый совершенный вид письма.

Арабское письмо — это система письма, применяемая арабами, а также мусульманскими народами (народы Ирана, Афганистана, Пакистана, уйгуры Синьцзяна и пр.). Арабским письмом пользовались до 1929 в Турции — турки; до конца 20 — начала 30-х гг. некоторые народы СССР (Средней Азии, Азербайджана, Дагестана и др.). Распространение арабской письменности было связано с арабскими завоеваниями и рас-

¹ См.: *Васин В. В.* Исторические аспекты возникновения письма. М., 1989.

пространением ислама. В современном арабском алфавите двадцать восемь букв (у других народов, применяющих арабское письмо, есть свои дополнительные буквы); буквы имеют от двух до четырех форм, применяемых в зависимости от того, пишется ли буква изолированно, в начале, в середине или в конце слова. В основном арабское письмо состоит из согласных. Долгие гласные обозначаются посредством букв «вав» (w), «йа» (j) и «алиф» (‘). Краткие гласные, обычно на письме не отмечаемые, могут передаваться особыми надстрочными и подстрочными знаками. Направление письма идет справа налево.

Эксперта — почерковед в большей степени интересуют закономерности развития и особенности признаков рукописных источников в их историческом развитии.

Огромный вклад в изучение и сохранение древних арабских рукописных памятников внес Жан-Жозеф Марсель (1776—1854 гг.), который был назначен директором типографии, отправившейся вместе с войсками Наполеона в Египет. Он положил начало систематическому изучению арабского письма по надписям и рукописям. В его библиотеке насчитывалось 3000 восточных рукописей, из которых в настоящее время не более сотни можно выявить в разных библиотеках Парижа, Мюнхена, Женевы. Единым комплексом сохранилось лишь собрание фрагментов Коранов VIII–XI веков, находящееся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге¹.

Священная книга мусульман написана на арабском языке и содержит 114 глав — сур, которые подразделяются на стихи — айаты. Коран сначала был явлен пророку Мухаммаду (571—632 гг.) в откровениях, передавался устно и был письменно зафиксирован его последователями в VII веке (I веке хиджры — мусульманского летосчисления). Окончательная кодификация Корана относится ко времени правления третьего халифа ‘Усмана (правил 644—656 гг.). От ранних веков хиджры дошли по большей части лишь фрагменты — отдельные листы или тетради из рукописей Корана. Но и они — бесценны. Даже крупные и известные музеи и библиотеки могут похвастать, как правило, лишь несколькими листами. Относительно большие собрания есть только в нескольких хранилищах в городах Ближнего Востока и Европы, например, в Стамбуле (Турция), в Сана (Йемен), в Тунисе, в Париже (Франция), в Готе (Германия). В этом ряду и Санкт-Петербург².

Собрание Марселя содержит около 2000 пергаменных листов, из которых сформированы 130 единиц хранения. Все они были приобретены Марселем в мечети ‘Амр ибн ал-’Ас в Старом Каире (Фустате), где «хра-

¹ См.: *Васильева О. В.* Из истории собрания Коранов Ж.-Ж. Марселя // Общущане с Изтока: Юбилеен сборник, посветен на 60-годишнината на Стоянка Кендеров. София, 2007. С. 442.

² См.: *Большаков О. Г.* Средневековый арабский город. Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 156–160.

нились» зарытыми в земле. Дело в том, что вышедшие из употребления по причине ветхости книги было принято хоронить. Естественно, что найденные в таких захоронениях листы не отличаются хорошим физическим состоянием: они запачканы, порваны, поедены грызунами, опалены огнем или покрыты пятнами от влаги.

На ранних Коранах каллиграфы не ставили года переписки, что очень затрудняет их датировку. Один фрагмент из собрания Марселя содержит вакфную (вкладную) запись, которая свидетельствует передачу Корана на благотворительные цели (вероятно, в мечеть ‘Амр ибн ал-‘Ас) Абу Мансуром [Мусой] ал-Фатхом ибн Буга ал-Кабир. Поскольку этот военачальник умер в 877 г., то коранический фрагмент можно датировать 3-й четвертью IX в.

Все рукописи собрания пергаменные, за исключением одной — бумажной. Пергамен (особо выделанная кожа) может быть разным: толстым и очень тонким, иногда даже полупрозрачным, хрупким и гибким, но почти всегда жестким; по цвету — от почти белого до почти желтого.

Чернила использовались от почти черных, вероятно, сажевых до коричневых — железо-галловых. Как правило, на волосистой стороне пергамена слой чернил сохраняется значительно лучше, чем на мездровой, где чернила осыпаются. Для написания заглавий сур используется также красная краска и золото.

Кораны написаны архаичными почерками — хиджазским, умай-йадским, куфи разных типов, «новым стилем». Часто название почерка куфи (от арабского города Куфа) распространяется и на название всех древних Коранов — куфические Кораны. Куфическое письмо может быть мелким убористым и крупным растянутым; буквы в длину могут достигать до 6-ти см.

Число строк варьируется от 25–27-ми до 5-ти на странице. Наиболее старые рукописи чаще имеют вертикальный формат и небольшие поля. Видимо, с IX века начинает преобладать горизонтальный формат, со временем все же уступающий место вертикальному. В наиболее изысканных рукописях текст может занимать площадь чуть ли не вдвое меньшую, чем площадь полей. Понятно, что при таком нерациональном использовании пергамена невозможно было вместить весь текст Корана в одну книгу. Коран делили на семь частей — суб или на тридцать частей — джуз, которые переплетали отдельно.

Кораны часто украшали, причем с применением золота и красок: красной, зеленой, синей. Наиболее заметным украшением являются заставки сур, к которым на полях примыкает медальон в виде стилизованного ветвистого дерева или пальмы. У некоторых рукописей сохранились фронтисписы — начальные страницы, украшенные геометрическим орнаментом. Редко орнаментировались и другие листы книги.

Украшением служат также разделители стихов — айатов, представляющие собой и простые маленькие розетки, и каплевидные медальоны,

и крупные круглые медальоны. В последние вписано или слово «пять», означающее конец пяти стихов, или число, кратное десяти, разделяющее текст по десять стихов. Иногда вместо слова пишется буква арабского алфавита, которой соответствует какое-либо число¹.

Таким образом, арабская письменность, как часть общемировой культуры, является важным фактором развития культуры многонациональной России

Арабское письмо — самая молодая ветвь семитского буквенного письма. По мнению большинства ученых, наиболее ранние арабские надписи датируются IV веком н.э.

Трудно определить количество почерков арабской графики. Некоторые источники полагают, что их около 100. Однако наиболее известные — это куфи, насх, сульс, рукаи, дивани, талик, рейхани, насталик и многочисленные модификации этих основных графических форм.

Арабская письменность в своем развитии, на основе 2-х первоначальных почерков, поражает своим разнообразием и неповторимостью вариантов написания, трансформации исходного знака.

Бондаренко Т. А.

Жертва своей неосведомленности в сделке с пороком воли (о возможностях судебно-психологической экспертизы)

Данная статья посвящена потерпевшему от противоправных действий — «жертве своей неосведомленности»². Несмотря на то, что в СМИ, по Интернету постоянно приводятся примеры жертв различных мошеннических схем, их меньше не становится. Так, в телепередачах «Осторожно, мошенники», «Не дай себя обмануть», «Мошенники», «Человек и Закон» приводятся мошеннические схемы брачных аферистов, черных риелторов, кредитных и страховых компаний, несуществующих интернет-магазинов и т. п. Например, в Москве в 2013 году задержали мошенников-парапсихологов, которые лечили все болезни с телеэкранов, заработав при этом 200 млн рублей. Телевизор смотрят многие, но поддаются суггестивному воздействию не все. Остановимся подробнее на той категории людей, которые в большей степени рискуют стать жертвой мошенничества, совершив сделку с пороком воли.

Чаще всего потерпевшими от мошенничества становится определенная категория людей, обладающая повышенной виктимностью («совокупностью характеристик субъективного и объективного плана, которая послужила причиной наступления неблагоприятных последствий пре-

¹ См.: *Густерин П. В.*, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН. 2010.

² *Бондаренко Т. А.* Юридическая психология для следователей: учебное пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2007. С. 115.

ступного события»¹). Мошенники, хорошо ориентируясь в личностных слабостях, оказывают суггестивное воздействие, которое, благодаря косвенным внушениям, выпадает из управления рассудком, уклоняется от сознательного контроля. Для этого используются манипулятивные уловки («приемы, с помощью которых хотят облегчить общение для себя или затруднить его для оппонента»²), затрагивающие смысловые установки человека, имеющие для него личностный смысл.

Суггерендами («объектами гетеросуггестии — воздействия со стороны»³) мошенников, как правило, становятся жертвы своей неосведомленности в определенных вопросах, не владеющих какой-либо информацией. Кроме того, данные люди могут отличаться наивностью, простодушием, доверчивостью, обостренным чувством сострадания к окружающим. К данной категории жертв могут относиться дееспособные граждане, характеризующиеся сформированной «выученной беспомощностью», которая «связана с пассивным, неадаптивным поведением человека»⁴. О наличии данного феномена могут свидетельствовать фразы человека «все бесполезно», «я неудачник», «я прошу вас помочь мне», «я на вас рассчитываю», «без вас я ни в чем не разберусь» и т. п.

Манипулятивные уловки, используемые мошенниками при совершении сделки, могут касаться:

- формирования чувства вины (например, при оформлении сделки купли-продажи квартиры фраза мошенника-риэлтора суггеренду, «как вам не стыдно, из-за вас женщина с маленьким ребенком может остаться на улице»);
- ограничения во времени для принятия решения (например, при оформлении сделки купли-продажи земельного участка мошенник-продавец, пользующийся поддельными документами, ограничивает суггеренда во времени, торопит его, ссылаясь на различные причины);
- учета и затрагивании личностных слабостей (например, играя на жалости суггеренда, мошенник-продавец при оформлении сделки купли-продажи квартиры, бывшей у него в собственности менее 3-х лет, просит указать в договоре сумму 1 000 000 рублей, чтобы избежать подоходного налога в размере 13%. Затем сделка купли-продажи квартиры расторгается и покупателю возвращается сумма, указанная в договоре);

¹ *Ахмедшин Р. Л.* Юридическая психология: курс лекций. Томск: Эль Контент, 2011. С. 87.

² *Козьяков Р. В.* Психология управления: учебное пособие. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2012. С. 112.

³ *Гуревич П. С.* Психологический словарь. М.: Олма Медиа Групп, 2007. С. 34.

⁴ *Гордеева Т. О.* Психология мотивации достижения: учебное пособие. М.: Смысл, 2006. С. 93.

- введения в заблуждение, выражающееся в смешивании истинных фактов с ложными, делающее невозможным или очень сложным отличить правду от обмана (например, при оформлении сделки купли-продажи автомобиля продавец, оформивший автокредит на подставное лицо, под любым предлогом суггеренду представляет не оригинал, а копию паспорта средства передвижения. При этом оригинал ПТС остается в банке и в дальнейшем банковские работники, не получая выплаты по кредиту, объявляют машину в розыск и накладывают на нее обременение);
- подачи в быстром темпе информации, не касающейся вопроса сделки. Как правило, данная манипулятивная уловка сопровождается на невербальном уровне необычным поведением мошенника — чрезмерной доброжелательностью, излишней возбужденностью.

Вышеперечисленные манипулятивные уловки приводят к временному замешательству, переключению и отвлечению внимания от самой сделки. В данном случае может идти речь о признании недействительной сделки с пороком воли, поскольку она «совершена под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение»¹.

Для доказательства факта совершения сделки с пороком воли суд может назначить «судебно-психологическую экспертизу»². Целью данной экспертизы является установление значимых для решения спорного правоотношения обстоятельств, способности субъекта сделки в полной мере свободно и осознанно определять цель и принимать решение по ее достижению на основе анализа материалов дела, психологического исследования подэкспертного. Критериями экспертной оценки будут являться: «неправильное отражение внешней действительности, связанной с представлением о цели; неадекватное представление о существенных элементах сделки; несоответствие цели подлинным интересам лица, мотивации; наличие факторов, нарушающих процесс формирования представления о сделке; наличие значимых индивидуально-психологических особенностей; неполное осознание (недопонимание) случившегося, несоответствие наступивших юридических последствий ожидаемым»³.

¹ Гражданский кодекс РФ. ФЗ РФ № 51 от 30.11.1994 (изм. Постановление Конституционного Суда РФ № 16-П от 22.06.2017).

² Приказ Министерства юстиции РФ № 237 от 27.12.2012 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России и перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (изм. Приказ Министерства юстиции РФ № 169 от 19.09.2017).

³ *Секераж Т. Н.* Теоретические и методические основы диагностики «порока воли» в судебной психологической экспертизе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 М., 2004.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить следующее. Манипулятивные уловки, используемые мошенником, могут привести к совершению суггерендом сделки с пороком воли. Экспертным путем может быть установлен психологический критерий порока воли.

Бордюгов Л. Г.

Концепция развития правового института судебной экспертизы в Донецкой Народной Республике

Судебная экспертиза, как сфера практической деятельности, представляет собой реализацию специальных знаний в судопроизводстве. Статья 6 Закона Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» определяет судебную экспертизу как «процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства и иных сферах деятельности, поставленных перед экспертом органом или лицом, имеющим право назначать судебную экспертизу, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу». Кроме того, в этой же статье указано, что специальные знания — это система не общеизвестных знаний, умений и практических навыков в области определенной науки, техники, искусства и иных сферах деятельности, приобретаемых путем специального обучения по той или иной специальности (профессии), кроме знаний в области права¹.

Вместе с тем, хоть законодатель Донецкой Народной Республики и дает определение понятия специальных знаний, приводя его непосредственно в Законе Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности», на практике понятно далеко не все. По этому поводу уместно вспомнить слова Р. С. Белкина, который отмечал, что термин «специальные знания» приобрел такое обыденное звучание, что и в теории, и в практике стал употребляться автоматически, аксиоматично, как нечто само собой разумеющееся. Между тем далеко не все бесспорно и ясно и в содержании этого понятия, и в практике его применения как критерия при решении вопроса о привлечении к участию в фиксации доказательств специалиста или о необходимости назначения судебной экспертизы².

Следует отметить, что Закон «О судебно-экспертной деятельности», принятый Народным Советом Донецкой Народной Республики

¹ Закон Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: http://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/Zakon_DNR_o_sudebno_ekspertnoy_deyatelnosti.pdf. (дата обращения 09.11.2017).

² Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юрист, 1997. С. 128.

20.02.2015 года, стал первым нормативным правовым актом, регулирующим судебно-экспертную деятельность в Донецкой Народной Республике, в частности он регулирует общий порядок и условия производства судебных экспертиз экспертами как государственных, так и негосударственных судебно-экспертных учреждениях, а также экспертами, не являющимися работниками этих учреждений. Однако, несмотря на то, что Закон Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» разработан на основании многолетней практики использования законодательства о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, в Казахстане, в Белоруссии и других республиках бывшего СССР, вопрос качественного нормативного правового регулирования отношений в сфере судебно-экспертной деятельности на сегодняшний день остается открытым.

В этой связи следует привести высказывание Е. Р. Россинской, касающееся Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», которое является актуальным и для Закона Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности»: «принятие этого Закона, хотя и является важным шагом вперед в области использования в судопроизводстве специальных знаний, не позволяет решить все проблемы, связанные с судебно-экспертной деятельностью»¹.

Одной из таких проблем является проблема независимости судебного эксперта. Осознание необходимости обеспечения независимости судебной экспертизы от органов дознания, предварительного и судебного следствия не только некоторыми учеными, но и законодателем, способствовало принятию отдельных нормативных правовых актов, декларирующих независимость судебного эксперта.

Однако немногочисленные исследователи именно темы независимости судебного эксперта, фактически сводят ее к самостоятельности судебного эксперта при выборе названным субъектом методов, методик экспертного исследования, а также к самостоятельности судения судебного эксперта о промежуточных и итоговых результатах проведенных им экспертных исследований². Таким образом, независимость судебного эксперта фактически трактуется как его самостоятельность лишь в отдельных направлениях осуществляемой деятельности³.

¹ *Россинская Е. Р.* Вопросы совершенствования законодательства о судебной экспертизе // Судебная экспертиза. Научно-практический журнал. Саратов: Изд-во Саратов. ин-та МВД России, 2004. № 1. С. 25.

² *Россинская Е. Р., Галашина Е. И., Зинин А. М.* Теория судебной экспертизы: Учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Норма, 2009. С. 152–153; *Сорокотягина Д. А., Сорокотягин И. Н.* Теория судебной экспертизы: Учебное пособие. Ростов-н/Д.: Феникс, 2009. С. 117–118.

³ *Карагодин В. Н., Вахмянина Н. Б., Казаков А. А.* Пределы независимости судебного эксперта в уголовном судопроизводстве // Эксперт-криминалист. М.: ИГ «Юрист», 2015. № 1. С. 16.

Следует отметить, что проблема независимости судебного эксперта тесно связана с проблемой объективности экспертных исследований, поскольку принцип объективности может нарушаться в государственных судебно-экспертных учреждениях, которые находятся в подчинении руководителей ведомств, осуществляющих выявление и расследование преступлений, то есть в данном случае нельзя исключить влияние на эксперта ведомственных интересов. Наличие таких государственных судебно-экспертных учреждений также нарушает один из основных принципов судебно-экспертной деятельности, принцип независимости, несмотря на то, что согласно части 4 статьи 7 Закона Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» одним из критериев независимости эксперта является наличие «судебно-экспертных учреждений, организаций, независимых от органов дознания, досудебного следствия и суда»¹.

Следует отметить, что вопрос об отделении судебно-экспертных учреждений от органов дознания, предварительного следствия и суда поднимается многими учеными².

Данный вопрос полностью был решен в СССР, поскольку судебные экспертизы, кроме судебно-медицинских и судебно-психиатрических, проводились только в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции. Позже, после распада СССР такие полномочия получили Министерство внутренних дел, Министерство обороны и некоторые другие ведомства. Хотя ученые, занимающиеся теорией судебной экспертизы, выступают против этого.

Третьей проблемой является вопрос об аттестации судебных экспертов ведомственными экспертно-квалификационными комиссиями, что может сказываться не только на качестве профессиональной подготовки судебных экспертов, но и в дальнейшем на качестве их судебно-экспертной деятельности. Решение данной проблемы видится в создании межведомственной экспертно-квалификационной комиссии, в состав которой для большей представительности и объективности необходимо включить и сотрудников министерств, к сфере управления которых относятся государственные судебно-экспертные учреждения Донецкой Народной Республики, научных работников, специализирующихся в соответствующих видах экспертиз, а также судебных экспертов, не

¹ Закон Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: http://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/Zakon_DNR_o_sudebno_ekspertnoy_deyatelnosti.pdf. (дата обращения 09.11.2017).

² *Росинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. С. 95.; *Лодыженская И. И.* К вопросу об участии «сведущих лиц» в современном судопроизводстве // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2011. № 1. С. 82.; *Лазарева Л. В.* Процессуальные ошибки судебной экспертизы: причины и пути устранения // Судебная экспертиза. Выпуск 1 (29) 2012: научно-практический журнал. Волгоград: ВА МВД России, 2012. С. 16.

являющихся сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений Донецкой Народной Республики.

Проблемными также являются вопросы, связанные с необходимостью расширения научно-методической базы судебно-экспертной деятельности, поскольку в части 2 статьи 43 Закона Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» указывается, что «разработка, апробирование и внедрение методик судебно-экспертных исследований осуществляются в порядке, установленном профильными министерствами Донецкой Народной Республики, к сфере управления которых относятся данные направления судебно-экспертной деятельности». Кроме того, в части 7 статьи 55 Закона Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» указано, что «методики проведения судебных экспертиз, существовавшие на момент вступления настоящего закона в силу, могут использоваться для проведения судебных экспертиз и подлежат внесению в реестры методик судебных экспертиз профильных министерств Донецкой Народной Республики, с информированием Министерства юстиции о данном факте»¹.

Однако разработка, апробирование и внедрение методик проведения судебных экспертиз должны осуществляться в едином порядке для всех государственных судебно-экспертных учреждений, независимо от того, к сфере управления каких министерств они относятся.

Также не вызывает сомнений и тот факт, что судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля должны иметь единый реестр методик проведения судебных экспертиз.

Разобщенность и различие в подходах к созданию и внедрению методик проведения судебных экспертиз снижает роль специальных знаний в расследовании преступлений, хотя усиление роли научно-технических методов в расследовании является залогом повышения его качества и сокращения его продолжительности².

Пробелы в правовом регулировании судебно-экспертной деятельности способствуют снижению качества судебных экспертиз, а значит и снижению качества предварительного расследования преступлений, создают условия для необоснованного уголовного преследования и т. п.

В связи с этим назрела необходимость в совершенствовании законодательства о судебно-экспертной деятельности, в частности необходимость внесения изменений в Закон Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности», над чем работает в настоящий момент экспертное сообщество нашей молодой Республики.

¹ Закон Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» [Электронный ресурс]. — URL: http://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/Zakon_DNR_o_sudebno_ekspertnoy_deyatelnosti.pdf. (дата обращения 09.11.2017).

² *Телегина Т. Д.* Использование специальных знаний в современной практике расследования преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2008. С. 3.

Эти изменения позволят усовершенствовать общие процедуры назначения и производства экспертиз для любых видов судопроизводства, единые основы судебно-экспертной деятельности: права, обязанности эксперта, требования к заключению эксперта как судебному доказательству. После внесения соответствующих изменений Закон Донецкой Народной Республики «О судебно-экспертной деятельности» должен послужить идейной базой для совершенствования уголовно-процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального законодательства, законодательства об административных правонарушениях Донецкой Народной Республики в части регламентации процедуры судебной экспертизы и статуса ее участников. Соответствующие кодексы должны реципировать нормы этого универсального закона, что обеспечит «сквозное» правовое регулирование нормами данного закона экспертно-процессуальных отношений, поднимет их на качественно новый уровень в условиях состязательного судопроизводства¹.

Боровских Р. Н.

Концепция базовых криминалистических методик как методологическая основа формирования методики расследования преступлений в сфере страхования

Р. С. Белкин обозначил два основных направления «комплексирования», как это обозначил ученый, частнометодических криминалистических рекомендаций: «1) разработка новых методик, обусловленных появлением новых составов преступлений, а также совершенствование существующих методик, связанное с появлением новых способов совершения преступлений, с изменением контингента субъектов преступных посягательств, изменением обстоятельств, способствующих совершению данного вида преступлений и т. п.; 2) создание методик *более высокого уровня обобщения* (курсив мой. — Р. Б.), охватывающих несколько видов и даже родов преступных посягательств, но совершаемых не вообще, а в специальных условиях места, времени либо лицами, характеризующимися общим для них отличительным признаком.

Такие комплексы, писал Р. С. Белкин, отличаются от традиционных частных методик своей структурой и содержанием. По сути, они должны состоять из характеристики основания формирования комплекса и раскрытия особенностей методики расследования, которые обусловлены данной характеристикой и в которых она проявляется»².

¹ *Зайцева Е. А.* Нормативная регламентация судебно-экспертной деятельности: реалии и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iuaj.net/node/1105> (дата обращения 12.11.2017).

² *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учебное пособие для вузов в 3 томах. Т. 3. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 247.

Полагаем, что вышеуказанным направлениям комплексирования должна соответствовать не любая вновь разрабатываемая методика расследования преступлений, как предлагают некоторые криминалисты¹, но только базовые (синонимично — родовые, групповые, общие) криминалистические методики, т. е. методики расследования групп (родов, видов) преступлений.

Так, создание новых частных методик по делам о преступлениях в сфере страхования обусловливается как появлением в УК РФ новых составов преступлений (ст. 159.5, 171.2 УК РФ и др.), не в полной мере охваченных соответствующими рекомендациями, так и потребностью в совершенствовании существующих методик, в связи с появлением новых способов преступлений (например, налоговых преступлений, совершаемых посредством мнимых договоров страхования, мошенничества, связанного с созданием страховых финансовых пирамид и др.). Вновь создаваемые частные рекомендации подлежат обобщению, интеграции в методиках, охватывающих не одно, а несколько видов и родов преступных посягательств.

Обратимся далее к позициям ученых относительно классификации методик по важному в контексте статьи основанию — степени общности рекомендаций.

В. Г. Танасевич говорил о трехуровневой конструкции заключительного раздела науки, в структуре которой выделял: 1) общие вопросы методики расследования преступлений; 2) общие вопросы методики расследования *укрупненных групп преступлений* (курсив мой. — Р. Б.); 3) конкретные частные методики расследования преступлений данного рода². Таким образом, как заключает А. В. Шмонин, «В. Г. Танасевич ввел новый классификационный вид — общие вопросы методики расследования укрупненных групп. Тем самым фактически он начал дискуссию о выделении не двух, а трех частей криминалистической методики расследования преступлений»³.

Аналогичным образом В. П. Бахин предложил следующую структуру раздела науки: основные (общие положения) методики; видовые и внутривидовые методики; вневидовые и групповые методики⁴.

В. А. Образцов по степени общности все методики разделил на общие и частные. По его мнению, общие методики должны состоять из двух подгрупп: «а) методики решения типичных задач для различных катего-

¹ См., напр.: *Гармаев Ю. П., Лубин А. Ф.* Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

² *Танасевич В. Г.* Проблемы методики раскрытия и расследования преступлений // Советская криминалистика: теоретические проблемы. М., 1978. С. 172–173.

³ *Шмонин А. В.* Методология криминалистической методики: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 119–120.

⁴ *Бахин В. П.* Криминалистическая методика: Лекция. Киев, 1999. С. 21–22.

рий преступлений (методика исследования алиби, методика расследования событий, связанных с ложью, методика выявления и разоблачения инсценировки и др.); б) методики расследования определенных групп криминалистически сходных видов преступлений (например, преступлений, совершаемых несовершеннолетними, осужденными во время отбытия наказания в ИТУ, преступлений в сфере экономики и др.)»¹. Выделение последней группы особенно интересно в контексте предлагаемой статьи.

В классификации методик по степени общности и уровню конкретизации Н. П. Яблоков выделил: 1) методики высокой степени общности, то есть, как уточняет автор, «большой группы разнородных преступлений» (здесь полагаем, что идет речь о той категории методик, которые мы, вслед за другими авторами, предлагаем называть укрупненными методиками — Р.Б.), например: связанных с ненадлежащим использованием профессиональных функций в сфере производства, преступлений, совершенных организованными преступными группами и др.; 2) меньшей степени общности, то есть группы однородных преступлений, например, преступлений против собственности; 3) еще меньшей степени общности, т. е. видовые, подвидовые методики, например, методики расследования мошенничества, краж и др.; 4) конкретные методики, посвященные расследованию отдельных видов и подвидов преступлений в различных типовых следственных ситуациях².

Наряду с этим, Н. П. Яблоков также дополнительно выделяет методики комплексного характера, например, по расследованию поджогов и преступных нарушений правил противопожарной безопасности³.

В. Е. Корноухов в своих достаточно оригинальных предложениях в основание классификации методик закладывает «закономерности познавательных процессов при расследовании преступлений». На этой основе автор выделил «классы методик». Эти классы, по мнению ученого, отличаются друг от друга закономерностями познавательных процессов и стратегическими задачами. Так, автором выделяются классы методик «пространственно-временных отношений», «хозяйственно-экономических отношений», «причинных отношений», «экологических отношений». Предлагаемый перечень классов методик В. Е. Корноухов предлагает считать открытым, зависящим от дальнейшей разработок, как методик, так и структуры раздела науки в целом⁴.

Каждый из выделенных автором классов методик, на основе общности объекта посягательства, то есть по степени общности, подразделяется на роды, а они, в свою очередь — на виды. Автор, вслед за

¹ Криминалистика / под ред. Образцова В. А. М., 1997. С. 494–495.

² Криминалистика: учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 2001. С. 494.

³ Там же.

⁴ Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В. Е. Корноухов. М., 2000. С. 200, 634–635.

Н. П. Яблоковым, считает необходимым выделять межродовые и межвидовые методики, например, методики расследования сексуально-садистских убийств. В. Е. Корноуховым выделяются также межклассовые методики, например, по расследованию контрабанды, поскольку она может быть связана с хищением нефтепродуктов, незаконным оборотом наркотических средств и т. д.¹

И. Ф. Герасимов по тому же критерию — степени общности, выделяет, прежде всего, видовые методики, то есть собственно базовые (укрупненные) (по принятой нами терминологии). Далее, в структуре видовых методик, автор выделяет внутривидовые, которые зависят от «характерных признаков» преступного деяния, таких, как способ преступления, объект посягательства и др. Далее автор выделяет также межвидовые классификации и «группировки», которые позволяли бы создавать методики для различных видов преступлений, имеющих какую-то важную черту².

И. А. Возгрин по уровню конкретизации (по степени общности — согласно принятой нами терминологии) методики расследования, делит на одноступенчатые, двухступенчатые и т. д., исходя из «ступеней» конкретизации. По приводимой им схеме можно судить, что, например: 1) одноступенчатой будет называться методика расследования краж в целом, данный уровень конкретизации автор называет общей методикой расследования краж; 2) двухступенчатой по отношению к упомянутой будет методика расследования краж личного имущества граждан (согласно УК РСФСР 1960 г.); 3) трехступенчатой — методика расследования квартирных краж; 4) четырехступенчатой — методика расследования квартирных краж по «горячим следам»³.

В дополнение к этому, И. А. Возгрин предлагает классификацию методик по охватываемым видам преступлений. Здесь он выделяет единичные и комплексные. К первым он относит методики расследования конкретных видов преступлений. Комплексными автор обозначает методики расследования двух и более преступлений⁴.

В последних своих работах И. А. Возгрин обобщил ряд классификаций и выделил несколько интересных классификационных групп. Так, «по предназначению» (речь идет о критерии — «степень общности», отмечено мной — Р.Б.) все частные методики автор подразделил на три группы: а) общая криминалистическая методика расследования преступлений как ее научно обоснованная теоретическая модель; б) групповые методики расследования преступлений; в) частные методики.

¹ Там же. С. 260.

² Герасимов, И. Ф. Теоретические проблемы раскрытия преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1979. С. 37.

³ Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Курс лекций. Ч. IV. СПб., 1993. С. 10–13.

⁴ Там же.

С. Ю. Косарев, развивая идеи И. А. Возгрина, все криминалистические методики дифференцировал на типичные и особенные. Под типичными им также предложено понимать методики, построенные по уголовно-правовому основанию, а под особенными — методики, построенные по другим основаниям¹. Далее все типичные методики автор делит на шесть парных (симметричных) подразделов. Одни из этих методик выделяются только по определенным уголовно-правовым основаниям, а другие по тем же уголовно-правовым критериям, а также дополнительно с учетом определенного криминалистического критерия. Не будем приводить позицию С. Ю. Косарева подробно. Отметим лишь, что, к примеру, первый подразряд образуют: 1) комплексные методики расследования групп преступлений, предусмотренных отдельными главами Особенной части УК; 2) комплексные методики расследования групп преступлений, предусмотренных отдельными главами Особенной части УК, выделенные по криминалистическому признаку. Далее, снижая уровень общности методик, выделяется второй подразряд: 1) комплексные методики расследования небольших однородных схожих групп преступлений, предусмотренных несколькими статьями отдельной главы Особенной части УК; 2) комплексные методики расследования небольших однородных схожих групп преступлений, предусмотренных несколькими статьями отдельной главы Особенной части УК, выделенные с учетом определенных криминалистических признаков. И далее подразряды выделяются автором по нисходящей степени общности².

О. В. Чельшева представила классификацию, соответствующую позиции И. А. Возгрина, предложив все криминалистические методики, выделяемые по одному из признаков, относить к методикам первой степени (или уровня), как наиболее общие, а методики, выделяемые на основании двух и более признаков — к методикам второго, третьего и т. д. уровня (более частные)³.

В одной из своих последних работ А. В. Шмонин подверг подробному анализу позиции ученых-предшественников по проблеме классификации методик по степени общности, и предложил авторскую классификационную систему. В кратком изложении ее можно представить следующим образом: все частные криминалистические методики автор предлагает разделить на две категории (группы) а именно: на простые

¹ Косарев С. Ю. Криминалистическая методика расследования преступлений (становление и перспективы развития). СПб., 2005. С. 179.

² Косарев С. Ю. Указ. соч. С. 179–197.

³ Чельшева О. В. К вопросу о систематизации частных методик расследования // Ученые записки юридического факультета Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Вып. 5. Актуальные проблемы юриспруденции в условиях становления правовой системы и гражданского общества в России. СПб., 2000. С. 91.

и комплексные¹. В контексте настоящего исследования интересна авторская классификация последних — комплексных. Они в свою очередь делятся автором на «монообъектные» (однообъектные) и «полиобъектные» (многообъектные). Однообъектные дифференцируются на: «монородовые», «моновидовые», «моносоставные». «Полиобъектные» — на «полиродовые» и «поливидовые». В то же время «простые» криминалистические методики также могут разделяться на: монородовые, моновидовые, моносоставные, в связи с чем, по мнению автора, классификационная система будет сходиться на общих разновидностях «простых» и «монообъектных» комплексных методиках².

М. В. Субботиной, вслед за некоторыми вышеупомянутыми авторами, в системе криминалистической методики, как раздела криминалистики, выделяется четыре уровня: а) общие положения; б) базовая методика расследования нескольких видов или групп преступлений; в) частная методика расследования отдельного вида или группы преступлений; г) частнометодические рекомендации по расследованию определенного «подвида» преступлений (автор приводит пример: расследование краж, совершенных несовершеннолетними).

Отметим, что М. В. Субботина, рассуждая о сущности базовых методик расследования, включает в них положения, содержащие информацию о том, «какие обстоятельства устанавливаются во всех случаях расследования тех видов деяний, которые входят в качестве элементов в соответствующую криминалистически сходную группу, как организуется и осуществляется работа по их выявлению и доказыванию, как надлежит действовать следователю в ситуациях, типичных для данной категории дел»³.

С. Г. Любичев также говорит о двух уровнях методик: видовые и внутривидовые. Отдельно, вслед за В. А. Образцовым, автором выделяются рекомендации по расследованию преступлений различных категорий: методики разрешения сложных тактических задач, характеризующих конкретный этап расследования: методики исследования алиби, выявления и разоблачения инсценировки, лжесвидетельства и самооговора⁴.

Ю. П. Гармаев и А. Ф. Лубин, рассматривая проблемы классификации криминалистических методик по степени общности, назвали эту классификацию «вертикальной» и выделили в ней общие и частные методики, составляющие первый классификационный уровень. При

¹ Шмонин А. В. Методология криминалистической методики: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 140–141.

² Шмонин А. В. Указ. соч.

³ Криминалистика: тактика, организация и методика расследования преступлений: Учебник / под ред. А. П. Резвана, М. В. Субботиной. Волгоград, 2001. С. 61.

⁴ Любичев С. Г. Общетеоретические положения криминалистической методики // Криминалистика: Учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2000. С. 441.

этом под общей методикой авторы понимают: «сформированный на основе базовой криминалистической модели комплекс научно обоснованных рекомендаций по расследованию группы (нескольких групп) преступлений, выделенных по уголовно-правовому или криминалистическому основанию, отражающий наиболее общие закономерности подготовки, совершения и сокрытия этих преступлений, средств и приемов их расследования и предотвращения, являющийся основой для разработки и применения методик меньшей степени общности — частных криминалистических методик»¹.

Обобщая проанализированные позиции авторов по рассматриваемому вопросу укажем, что обозначенное направление развития криминалистических методик, которое условно можно назвать как тенденция их «укрупнения», представляется нам крайне важным. Очевидные различия в подходах к укрупнению методик никем из авторов по существу не были проанализированы. Между тем, изложенные позиции, по своей сути, друг другу и не противоречат. В связи с этим, обозначим то общее, что выделяют авторы всех вышеприведенных научных работ.

1. Все приведенные мнения учитывают множественность классификаций методик расследования и предлагают разнообразные классификационные критерии. Хотя практически ни один ученый не сходитя полностью во мнении с другим по поводу терминологии, количества классификационных групп и т. п.

2. Большинство ученых развивает идею Р. С. Белкина о необходимости укрупнения методических рекомендаций путем создания методик большей степени общности или группировки однотипных методик. Все мнения учитывают, что методики расследования необходимо различать по степени общности разрабатываемых рекомендаций.

3. Большинство исследователей отмечают необходимость разработки комплексных (межклассовых, межродовых, межвидовых) методик как объединяющих в едином комплексе рекомендации по расследованию нескольких различных видов преступлений.

Наряду с известной степенью единства во взглядах авторов по приведенным вопросам, в литературе имеют место дискуссионные вопросы по проблемам классификации криминалистических методик по степени общности. Вместе с тем, несмотря на указанные проблемы, многие ученые видят возможности дальнейшего развития заключительного раздела криминалистической науки в разработке базовых методик расследования преступлений, к числу которой относится методика расследования такой широкой группы преступлений как преступные посяательства в сфере страхования.

¹ Гармаев Ю. П., Лубин А. Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 303.

Бочарова О. С.

Идентификация и приборный контроль подлинности документов со специальной защитой от подделки в Республике Беларусь

Анализ современных элементов и средств защиты от подделки различного рода защищенных документов доказывает, что производители защищенных документов, применяя самые изощренные и высокотехнологические подходы, не всегда в полной мере учитывают возможности экспертных служб, связанные с возможностью идентификации, в т. ч. и приборной отдельных средств защиты, особенно высокотехнологичных. После изготовления и выпуска в обращение защищенного документа может возникнуть необходимость в проведении специальных исследований на предмет его подлинности и изготовления его на конкретном предприятии, что требует проведения соответствующих экспертных исследований.

Наиболее типичными вопросами, ставящимися на разрешение судебно-технической экспертизы защищенных документов, являются:

- изготовлен ли представленный на исследование документ предприятием, осуществляющим выпуск такого рода документов;
- соответствует ли система его защиты системе защиты предусмотренной для данного документа;
- являются ли элементы и средства защиты данного документа теми элементами и средствами защиты, которые используются для защиты конкретного документа.

Все эти вопросы, помимо прочего, предполагают решение задач по идентификации не только элементов (средств) защиты, системы защиты в целом, включая и новые защитные технологии, но и идентификации специального оборудования и материалов, использованных предприятием-изготовителем для изготовления конкретного защищенного документа.

Известно, что криминалистическая идентификация, в том числе и современных защитных технологий и средств защиты документов в рамках судебно-экспертного исследования, есть процесс установления их тождества по совокупности общих и частных признаков. Тождество средств защиты исследуемого документа средствам защиты документа-образца устанавливается путем сравнения их общих и частных признаков. Процесс идентификации базируется на принципах индивидуальности объектов материального мира, их относительной неизменности, на возможности выделения характеризующих их общих и частных признаков, совокупность которых позволяет осуществить идентификацию объекта. В нашем случае

идентифицируемым объектом будет защищенный документ, фигурируемый в рамках уголовного дела в качестве вещественного доказательства, а идентифицирующим объектом будет выступать защищенный документ-образец, имеющийся как в коллекции, так и предоставленный органом, ведущим уголовный процесс. Идентифицирующие объекты в данном случае также являются образцами для сравнительного исследования, обладающие такими же качествами, как несомненность происхождения, наличие признаков, позволяющих сравнивать их с идентифицируемыми объектами. Также, в качестве идентифицирующего объекта, в случае объективного отсутствия образца (паспорт, денежный знак, иной защищенный документ иностранного государства) может выступать и подробное его текстовое описание с иллюстрациями и поэлементной раскладкой системы его защиты.

Известно, что в процессе идентификации сравнивается совокупность идентификационных признаков; на первой стадии процесса идентификации устанавливается по общим признакам принадлежность сравниваемых защищенных документов к одному виду, группе, т. е. их видовая (групповая) принадлежность; после проводится сравнение по частным (индивидуальным) признакам и достигается собственно цель идентификации защищенного документа по средствам и технологиям защиты, а именно отождествление конкретного объекта — защищенного документа с его образцом. В случае проведения идентификации защищенного документа и по средствам его защиты и по защитным технологиям могут присутствовать все известные формы идентификации: экспертная (по материально-фиксированным признакам или подробному иллюстративно-текстовому описанию), оперативно-следственная (отождествление объекта по описанию при осмотре, обыске или иных следственных действиях), учетно-регистрационная (по данным криминалистической регистрации в случае фиксации поддельного документа).

Поскольку структура всех защищенных документов строится на четырех уровнях защиты — материалов (технологическая защита), полиграфии (полиграфическая защита), физико-химическом (физико-химическая защита) и защита производителя (отдельные тонкости технологии изготовлен и специальные «ловушки» на всех первых трех уровнях защиты), то и процесс идентификации должен строиться относительно этих трех уровней.

В плане облегчения упомянутых исследований может быть использован опыт производства и выпуска в обращение документов со специальной защитой в Республике Беларусь. Так, с 1993 года в стране введена обязательная предварительная криминалистическая экспертиза защищенности от подделки и на соответствие требованиям, предъявляемым к уровню защищенности от подделки

документа, подлежащего выпуску^{1, 2}. После прохождения экспертизы эталонные образцы защищенных документов направлялись во все судебно-экспертные подразделения по исследованию документов для обеспечения возможности проведения в последующем идентификационных исследований³.

Кроме того, в Республике Беларусь функционирует автоматизированная система ведения электронного банка данных⁴ об изготовленных и реализованных бланках первичных учетных документов и документов с определенной степенью защиты, позволяющая обеспечить единую систему учета изготовленных и реализованных бланков первичных учетных документов, документов с определенной степенью защиты и контрольных знаков и предоставление оперативной, достоверной и полной информации государственным органам, организациям и физическим лицам. В целях упорядочения учета бланков защищенных документов, а также пресечения их незаконного изготовления и использования Департаментом государственных знаков при Министерстве финансов (Гознаком РБ) по поручению Правительства создан соответствующий Государственный реестр бланков ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты. Ведение данного реестра осуществляет Департамент государственных знаков.

Экспертные исследования современных защищенных документов, в том числе и идентификационные, требуют соответствующей приборной базы. Разработка новых средств защиты документов в Республике Беларусь влечет за собой и разработку специализированного приборного обеспечения их экспертного контроля подлинности. Помимо упомянутой выше предварительной экспертизы защищенности от подделки ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты, в Республике Беларусь проводится и специальная экспертиза приборов для экспертного контроля под-

¹ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22.12.2001 № 1846 «О некоторых вопросах изготовления и использования бланков строгой отчетности» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 2. 5/9648).

² Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 01.03.2002 № 4 «Об утверждении положения о проведении экспертизы бланков строгой отчетности на соответствие требованиям, предъявляемым к уровню их защищенности от подделки» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 8/7841).

³ В настоящее время собранная коллекция эталонных образцов находится в распоряжении специалистов НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз, как правопреемника НИИ судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь.

⁴ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 06.07.2011 № 912 «О вопросах создания и ведения электронного банка данных бланков документов и документов с определенной степенью защиты и печатной продукции» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 5/34122).

линности документов¹ и создан Государственный реестр² приборов для контроля подлинности ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь установлено, что документы с определенной степенью защиты подлежат контролю подлинности при помощи приборов для контроля подлинности документов с определенной степенью защиты, а названные приборы подлежат обязательной регистрации в соответствующем Государственном реестре. Министерство финансов осуществляет ведение данного Государственного реестра, организацию работ по изготовлению приборов для контроля подлинности документов с определенной степенью защиты, проведение экспертизы названных приборов (в РУП «Криптотех») и выдачу соответствующих заключений, передачу в установленном порядке данных приборов органам государственного управления для осуществления ими соответствующих функций. При этом под приборами контроля подлинности понимаются идентификаторы, определяющие наличие или отсутствие тех или иных средств защиты.

Основу реестра составляют специальные приборы и криминалистическое оборудование отечественного производства (ООО «Регула», ОАО «Пеленг», ЗАО «Голографическая индустрия», РУП «Криптотех», УП «А.Т. В. Лит», НПП «Актив БГУ», ОДО «НТС»). Отдельные из представленных предприятий специализируются на приборном обеспечении разрабатываемых ими же средств защиты: ЗАО «Голографическая индустрия» — идентификаторы голограмм и комбинированные идентификаторы, РУП «Криптотех», УП «А.Т. В. Лит» — специальные идентификаторы скрытых изображений, другие, такие как ООО «Регула» выпускают специализированные многофункциональные просмотровые, спектральные люминесцентные и видеоспектральные лупы, серии комплексных и компактных приборов контроля подлинности документов, автоматические считыватели документов, третьи — ОДО «НТС» специализируются только на детекторах валют.

За всю более чем 25-летнюю историю существования предварительной экспертизы документов защищенности от подделки в нашей стране не зафиксировано ни одного случая полной подделки защищенных документов Республике Беларусь. Такого рода положительный опыт

¹ Постановление Министерства финансов Республики Беларусь 20.03.2002 № 44 «Об утверждении инструкции о порядке проведения экспертизы приборов для контроля подлинности ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 8/7943).

² Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26.09.2001 № 1419 «О некоторых вопросах организации контроля подлинности ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты при помощи специальных приборов» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 5/9113).

может быть использован иными государствами при производстве защищенных документов в целях обеспечения последующей работы экспертов криминалистов.

Малинникова А. З., Ахрамович И. П., Будевич В. А., Кузменков Д. Е.

Криминалистическое исследование новых образцов естественно окрашенных хлопковых волокон

Введение. В настоящее время созданы сорта хлопка с естественно окрашенными волокнами, посевы которого постоянно увеличиваются. Повышение качества, прочности, урожайности цветного хлопчатника с целью применения в текстильной промышленности достигается селекционной деятельностью. Использование хлопковых волокон с природными пигментами в текстильных изделиях свидетельствует о потенциальной возможности поступления таких объектов в качестве вещественных доказательств на экспертизу, вследствие чего представляет интерес исследование присущих такому хлопку признаков, имеющих криминалистическую значимость.

Материалы и методы. В работе исследовались образцы естественно окрашенных хлопковых волокон сортов мраморно-розового Марона и зеленого линии Sfgr, представленные учеными отдела генетических ресурсов масличных и прядильных культур Государственного научного центра Российской Федерации Всероссийского научно-исследовательского института растениеводства имени Н. И. Вавилова. Морфологию образцов исследовали в поле зрения панкратического микроскопа, а интерференционную картину — в поле зрения микроскопа ПОЛАМ Р-211 (свет проходящий поляризованный, увеличение до 200х), для чего из волокон образцов готовили микропрепараты в водно-глицериновой смеси в отношении 1:1. Микрохимический анализ (действие кислот и щелочей, окислительно-восстановительные реакции, действие воды) проводили на единичных волокнах в поле зрения микроскопа МБС-2, увеличение 25х, свет отраженный. Исследование пигментов проводили с использованием тонкослойной хроматографии (ТСХ) на пластинках «Merck» с сорбентом 60F254. Исследование абсорбционных и люминесцентных характеристик природно окрашенных волокон хлопка проводили на микроспектрофотометре МСФУ-К в диапазоне 400–800 нм по точкам через 1 нм.

Результаты. Морфологические признаки хлопковых волокон с природными пигментами в поле зрения стереохимического и поляризационного микроскопов аналогичны обычным хлопковым волокнам. Также следует отметить, что окраска таких волокон, определяемая суммой растительных пигментов разного цвета, имеет очень слабую интенсивность, неравномерна по насыщенности и оттенку. При воздействии кислот

и щелочей на волокна мраморно-розового (Марон) и зеленого цветов (Sfgr), а также в процессе окислительно-восстановительных реакций, происходит изменение окраски исследуемых образцов. В соответствии с данными, полученными ранее селекционерами¹, установлено усиление насыщенности цвета хлопковых волокон с природными пигментами при нахождении в воде, на воздухе.

Для тонкослойной хроматографии (ТСХ) единичные естественно окрашенные волокна непригодны в силу низкой концентрации пигментов и слабой способности пигментов к удалению с волокна, т. к. они ковалентно связаны с целлюлозой и липофильными веществами (смолы, жирные масла, условно называемые «восками»). Для проведения анализа необходимо иметь пучок волокон длиной не менее 15–20 мм. Кроме того, следует отметить, что в силу слабой интенсивности пятен на пластинках, их необходимо проявлять в парах концентрированного аммиака в процессе хроматографического анализа. Подобраны смеси для элюирования пигментов и проведено ТСХ для полученных экстрактов.

В ходе анализа спектральных данных установлены максимумы поглощения и люминисценции, а также проведено исследование изменения интенсивности поглощения после нахождения образцов в воде (происходит усиление окраски, что может быть использовано для дифференциации искусственно-окрашенных и натуральных, а также между собой).

Полученные спектральные характеристики совместно с результатами микрохимических, восстановительно-окислительных реакций, хроматографической подвижностью и усилением насыщенности цвета при выдерживании в воде могут быть использованы для экспертной дифференциации таких волокон от окрашенных искусственными красителями, а также между собой. Совокупность перечисленных признаков, присущих каждому из 2-х исследованных сортов природно окрашенного хлопка, оценивается при экспертной дифференциации по маркам красителей как групповая.

Быков В. М.

О связях криминалистики с уголовным процессом

Р. С. Белкин в своем известном «Курсе криминалистики» справедливо писал: «Следует еще раз отметить бесплодность, и даже вредность стремления жестко, «намертво» отграничить криминалистику от уголовного процесса от уголовного процесса. Это не только противоречит

¹ Григорьев С. В. Селекция хлопчатника на улучшение качества окрашенного волокна / С. В. Григорьев, К. В. Илларионова // Сельскохозяйственная биология. 2009. № 3. С. 83–87.

принципам их взаимодействия и их служебным функциям по отношению к практике борьбы с преступностью, но и представляется совершенно невозможным в силу взаимного влияния и взаимопроникновения».¹

К сожалению, законодатель в настоящее время не всегда следует этой рекомендации известного ученого. Так, например, в ряде новых законов, которыми в уголовное судопроизводство вводятся новые нормы, законодатель совершенно не задумывается о том, а как эти нормы будут осуществляться на практике при расследовании преступлений или при рассмотрении уголовного дела в суде.

Так, например, новый Федеральный закон РФ от 17 апреля 2017 года № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» значительно расширил права адвоката в уголовном судопроизводстве.²

Этот новый закон ввел в УПК РФ новую ст. 450–1. Особенности производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката. В ч. 2 ст. 450–1 УПК РФ законодатель указывает, что «обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности), включая случаи, предусмотренные частью пятой статьи 165 настоящего кодекса, производятся только после возбуждения в отношении адвоката уголовного дела или привлечения его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, в порядке, установленном частью первой статьи 448 настоящего Кодекса».

Далее. В новом законе указывается, что «на основании постановления судьи о разрешении производства обыска, осмотра и (или) выемки и в присутствии обеспечивающего неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну, члена совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, на территории которого производятся указанные следственные действия, или иного представителя, уполномоченного президентом этой адвокатской конторы».

Анализируя эту часть нового закона, направленного в основном на защиту адвокатов от необоснованных обвинений, против чего никто возражать не будет, но, тем не менее, новый закон должен вместе с тем обеспечить законность и своевременность проведения следственных действий в отношении адвоката.

В связи с этим на практике возможны ситуации, когда член совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, на территории которого производятся указанные следственные действия, или иной представитель, уполномоченного президентом этой адвокатской

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., Юрист, 1997. С. 184.

² РГ. 19.04.2017.

конторы, своевременно или просто не явятся на место производства следственного действия.

Как быть в этих случаях следователю — отменять планируемое следственное действие? Ждать явки указанных в законе лиц от адвокатской конторы? Или все же проводить следственное действие, правовое значение которого в дальнейшем может быть признано судом ничтожным?

На наш взгляд, в новом законе должно быть дополнительно указано, что в этих случаях следователь должен иметь право пригласить на место производства следственного действия прокурора, который и должен присутствовать при производстве данного следственного действия, а затем и подписать протокол соответствующего следственного действия.

В ч. 2 ст. 450—1 УПК РФ указывается, что «в постановлении судьи о разрешении производства обыска, осмотра и (или) выемки в отношении адвоката указываются данные, служащие основанием для производства указанных следственных действий, а также конкретные отыскиваемые объекты».

В редакционном плане закон написан также не очень удачно. Так, например, в одном месте авторы нового закона пишут: «указываются данные, служащие основанием для производства указанных следственных действий». В одном предложении авторы закона используют дважды одно и то же слово: «указываются», «указанных». Не проще ли было в законе написать: «указываются основания для производства следственных действий»?

В связи с рассматриваемыми проблемами наше внимание привлек Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой за 2016 год, который представляет собой весьма глубокое исследование самых серьезных и болезненных социальных проблем жизни граждан Российской Федерации.¹

Автор обоснованно ставит ряд актуальных проблем в жизни российского общества, которые ждут своего неотложного решения законодателя. Следует отметить также высокий профессионализм команды специалистов, участвовавших в составлении этого Доклада: многие обоснованные предложения которых, как мы понимаем, были использованы автором при его составлении.

Наше внимание в Докладе особо привлекли проблемы уголовного судопроизводства, которые, так или иначе, рассматривает автор Доклада. Однако при общей положительной оценке этой части Доклада у нас возникли некоторые замечания, а отдельные его положения представляются нам весьма спорными.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова на основании поступивших и изученных массовых

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год // РГ. 17.05.2017.

жалоб пришла к выводу, что имеют место случаи нарушения прав заявителей, пострадавших от преступления на стадии возбуждения уголовного дела. В связи с этим в Докладе предлагается: «отменить вообще стадию возбуждения уголовного дела».

На наш взгляд, это предложение автора Доклада является недостаточно обоснованным. То обстоятельство, что на следственной практике имеют место нарушения закона при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, не может служить достаточным основанием для отказа от института возбуждения уголовного дела.

Дело в том, что в науке уголовного процесса давно идет активная дискуссия о том, нужна ли в российском уголовном судопроизводстве такая стадия как возбуждение уголовного дела. Некоторые авторы активно выступают за отмену стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе.¹

Стадия возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве России необходима. Именно в этой стадии следователь и органа дознания проводят проверку сообщения о преступлении, направленную на собирание, проверку и оценку доказательств в целях установления наличия или отсутствия повода и основания для возбуждения уголовного дела или для отказа в возбуждении уголовного дела.²

Эту нашу позицию поддерживают и другие авторы. Так, например, И. В. Овсянников в своей работе правильно пишет: «Суть и назначение проверки сообщения о преступлении заключается в оценке этого сообщения в совокупности с иными доказательствами, если они имеются в распоряжении субъекта оценки (следователя, дознавателя), по правилам уголовно-процессуального закона в целях установления наличия или отсутствия повода для возбуждения уголовного дела и признаков преступления».³

Уполномоченный по правам человека обращает внимание на такой важный вопрос, «как недостаточное регулирование уголовно-процессуальным законодательством права заявителей на ознакомление с материалами проверки по их сообщениям о преступлении».

В Докладе также справедливо указывается, что действующий УПК РФ (ч. 2 ст. 145 и ч. 4 ст. 148 УПК РФ) предусматривает лишь право

¹ *Гаврилов Б. Я.* Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. 2010. № 15. С. 17–20; *Кругликов А. П.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56–58; *Дикарев И. С.* Стадия возбуждения уголовного дела — причина неоправданных проблем расследования // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 38–40, и др.

² Подробнее см.: *Быков В. М.* Следователь в уголовном процессе России. Монография. М.: изд. «Юрлитинформ», 2014. С. 137–161.

³ *Овсянников И. В.* Рассмотрение сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические проблемы: науч.-практ. и учеб. пособие. М.: изд. «Юрлитинформ». 2010. С. 85.

заявителя о преступлении на уведомлении его о принятом решении с получением копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В связи с этим в Докладе обоснованно ставится вопрос о том, чтобы в УПК РФ было закреплено право заявителя на ознакомление с материалами проверки по его сообщению о преступлении.

Как указывается далее в Докладе: «Особую тревогу вызывает увеличение количества поступающих в адрес Уполномоченного обращений на ненадлежащее расследование органами дознания и предварительного следствия уголовных дел, а также их незаконное прекращение». При этом в Докладе, на наш взгляд, справедливо указывается, что одной из причин такого положения является ослабление прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием.

Как можно исправить такое сложившееся положение? На наш взгляд, законодательно следует принять меры к повышению ответственности надзирающих за предварительным следствием и дознанием прокуроров.

Бычков В. В.

Тактика допроса при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности

Советский и российский криминалист, доктор юридических наук, профессор Рафаил Самуилович Белкин уделял особенное внимание вопросам криминалистической тактики следственных действий, в частности, допроса. Теоретическая основа допроса, разработанная ученым-криминалистом, служит опорой современной тактики данного следственного действия. И особенно это проявляется при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности¹.

Осуществляя допрос по данной категории дел, следователь должен осуществлять тщательную подготовку к нему, которая включает в себя²:

- изучение личности допрашиваемого (как подозреваемого, так и потерпевшего и свидетеля);

¹ См. подробно: *Бычков В. В., Сабитов Р. А., Сабитов Т. Р.* Противодействие преступлениям экстремистской и террористической направленности: криминологические, уголовно-правовые и криминалистические аспекты: монография. М., 2013; *Бычков В. В.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: курс лекций. М., 2013; *Бычков В. В.* Динамика терроризма в Российской Федерации в XXI веке // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2017. № 3. С. 31–35.

² *Алгазин И. И.* Особенности допроса потерпевших по делам о причинении вреда здоровью по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы // *Правовые основы противодействия экстремистской деятельности: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.* (11.02.2011). Тюмень, 2011. С. 58.

- знание особенностей поведения лиц, совершающих преступления экстремистской и террористической направленности;
- знание субкультуры преступных групп экстремистской направленности.

В качестве свидетелей по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности могут быть допрошены:

1) очевидцы:

- совершения преступлений по экстремистскому мотиву;
- призывов к осуществлению экстремистской и террористической деятельности;
- возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства;
- применения насилия или высказывания угроз применения насилия при возбуждении ненависти либо вражды, унижении человеческого достоинства;

2) лица, имеющие информацию:

- о лицах публично призывавших к осуществлению экстремистской и террористической деятельности;
- о лицах публично возбуждающих ненависть либо вражду, унижающих человеческое достоинство;
- о лицах применявших насилие или высказывавших угрозы применения насилия при возбуждении ненависти либо вражды, унижении человеческого достоинства;
- о членах организованной группы, созданной для возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства, ее дислокации;
- о членах экстремистского и террористического сообщества, ее дислокации;
- о членах экстремистской и террористической организации, ее дислокации;
- о СМИ, пропагандирующих экстремистскую и террористическую деятельность;
- о месте подготовки, тиражирования, хранения и распространения экстремистских материалов;
- о лицах подготавливающих, тиражирующих, хранящих и распространяющих экстремистские материалы;
- о месте нахождения компьютерной техники, с помощью которой по Интернету распространяются призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждаются ненависть либо вражда, унижается человеческое достоинство по экстремистским мотивам.
- о лицах, распространяющих по Интернету призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждающих ненависть

либо вражду, унижающих человеческое достоинство по экстремистским мотивам;

3) представители органов власти (например, полицейские), участвующие в задержании экстремистов и террористов после совершения ими преступлений экстремистской и террористической направленности;

4) представители образовательных учреждений (например, непосредственно занимающихся обучением и воспитанием подростков);

5) медицинские работники, в том числе работники скорой медицинской помощи, оказывающие медицинскую помощь раненым;

6) родственники, знакомые, соседи, сослуживцы потерпевших;

7) родственники, знакомые, соседи подозреваемых в совершении преступлений экстремистской направленности.

В ходе допросов потерпевших и свидетелей необходимо получить информацию, раскрывающую обстоятельства¹:

— публичных призывов к осуществлению экстремистской и террористической деятельности, возбуждению ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства;

— применения насилия или высказывания угроз применения насилия при возбуждении ненависти либо вражды, унижении человеческого достоинства;

— создания организованной группы, для возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства, руководства ей и участия в ней;

— создания экстремистского и террористического сообщества, руководства им и участия в нем;

— деятельности экстремистской и террористической организации;

— подготовки, тиражирования, хранения и распространения экстремистских материалов;

— распространения по Интернету призывов к осуществлению экстремистской и террористической деятельности, возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства по экстремистским мотивам;

— совершения преступлений по экстремистским мотивам.

Показания свидетелей являются весомым средством доказывания при расследовании преступлений экстремистского и террористического характера. В этой связи любому субъекту доказывания следует предпринять все возможные способы для их отыскания. В рамках расследуемого дела свидетеля необходимо допрашивать о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего, взаимоотношениях свидетеля и обвиняемого, потер-

¹ См. подробно: *Бычков В. В.* Предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9). С. 138–145.

певшего, других свидетелей. Предметом его показаний могут быть не только обстоятельства, которые он воспринимал лично, но и любые другие сведения, ставшие ему известными со слов других лиц¹.

При допросах несовершеннолетних подозреваемых в совершении преступлений экстремистской и террористической направленности необходимо установить следующие обстоятельства²:

- образование, профессия, род занятий;
- характер, направленность личности, особенности воспитания в семье, школе, т. е. должны быть установлены истоки формирования личности;
- отношение к окружающим, в том числе по национальному, расовому признакам;
- не является ли он сторонником учения о разделении наций и рас на высшие, избранные и неполноценные;
- какую литературу имеет, читает, изучает, а какую отвергает, где приобретает указанную литературу, в том числе у кого берет для чтения;
- поддерживает ли контакты с лицами, занимающими нетерпимые позиции в национальном или расовом вопросах, если да, то с кем именно, в чем проявлялись эти контакты;
- уровень интеллекта, эрудиция, состояние психики;
- наличие увлечения (хобби);
- уровень материальной обеспеченности, источник и размер официальных и иных доходов;
- принимал ли ранее участие в каких-либо конфликтах, в том числе на национальной, расовой почве, если да, то в каких;
- привлекался ли ранее к уголовной ответственности за совершение преступлений на почве национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды;
- не является ли допрашиваемый членом какой-либо организации;
- если является, то когда и при каких обстоятельствах вступил, почему, от кого узнал о существовании (создании) соответствующей организации, кто давал рекомендации (если это предусмотрено порядком приема), что привлекло к участию в деятельности именно данной организации (цели, средства их достижения, лозунги, лидер, конкретная деятельность) и т. п.;
- если не является членом такой организации, то не принимает ли участие в ее деятельности — регулярно или в отдельных проводимых ею акциях (если да, то почему, как часто, кто привлек к такой деятельности и т. п.);

¹ Валиев А. Х., Самойлов А. Ю. Особенности расследования преступлений экстремистской направленности // ЕврАзЮж. 2012. № 9 (52).

² Алгазин И. И. Указ. соч. С. 60.

- как он оценивает ее цели, задачи, деятельность, лидеров; что считает необходимым оценить положительно, а что отрицательно, какие из известных ему взглядов разделяет;
- какова его национальность (по документам), какова его этническая самоидентификация (к какой национальности считает необходимым относить себя, почему);
- испытывает ли чувство вражды или ненависти к представителям иной расы или национальности, если да, то какой именно, почему и т. д.

Изучение всех приведенных выше вопросов следует проводить с максимальной осторожностью и деликатностью, поскольку они затрагивают конституционное право человека на свободу совести, а также могут оказаться связанными с жизненно важными для допрашиваемого интересами. Неумело поставленные вопросы могут вызвать ярко выраженную негативную реакцию, привести к утрате психологического контакта со следователем.

Формулировка вопросов, которые задаются допрашиваемому после свободного рассказа, не должна допускать различных толкований. Следует избегать идиоматических выражений, пословиц и поговорок, смысл которых недоступен допрашиваемому и не может быть точно разъяснен при переводе.

Анализ материалов уголовных дел об экстремистской и террористической деятельности показал, что практически абсолютное большинство обвиняемых в ходе допроса утверждают, что «целей оскорбления по национальному, иному признаку, возбуждения ненависти, вражды не преследовали, а просто высказывали свое мнение, делились своей точкой зрения» либо «реализовывали свое право на свободу выражения мнения»¹.

Так, несовершеннолетние Ж. и Д., вооружившись битами, с целью «проучить таджиков», пришли к дому потерпевших, вызвали их во двор, где нанесли им битами множественные удары, причинив вред здоровью средней тяжести. В ходе расследования уголовного дела Ж. заявил, что у него были личные неприязненные отношения к потерпевшему К., который когда-то на него «косо» посмотрел. Никакой расовой и национальной ненависти либо вражды к потерпевшим он не испытывал. Допрошенный Д. заявил, что пришел к дому потерпевших за компанию с Ж., не испытывая к потерпевшим никакой национальной ненависти или вражды. Органами предварительного следствия уголовное преследование Ж. и Д. по

¹ *Бешикова З. М.* Соотношение права на свободу выражения своего мнения с запретом на возбуждение вражды (по материалам Европейского суда по правам человека) // *Общество и право.* 2010. № 1. С. 268.

п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления¹.

Таким образом, при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности одним из основных следственных действий является допрос участников уголовного процесса: потерпевшего, свидетелей, подозреваемого. От качественных подготовительных мероприятий, верно определенных очередности и тактики допросов, профессионально проведенного следственного действия зависит эффективность производства других следственных действий и как результат — успешность расследования уголовного дела и привлечение к уголовной ответственности виновных.

Валов С. В.

Организация расследования преступлений: отражение в криминалистике и теории управления органами предварительного следствия

Содержание и объем каждого понятия, используемого в категориальном аппарате любой науки, находятся в обратно пропорциональном соотношении их количественных и качественных параметров: чем больше индивидуальных признаков включено в содержание понятия, тем меньше его объем, представленный совокупностью объектов, явлений и процессов реального мира, охватываемых указанным понятием; и наоборот: максимально полный набор существенных признаков, присущих совокупности объектов, явлений или процессов, обозначаемых понятием, позволяет отграничить их от объектов, явлений или процессов, в отношении которых данное понятие не распространяется.

Понятие «организация расследования преступлений» содержит в себе основной термин («организация») и два дополнительных, отличительных признака («расследование», «преступлений»). Рассматриваемое понятие образовано посредством выполнения логической операции ограничения, в результате которой дополнительные признаки сужают количество социальных объектов и процессов, в полной мере отвечающих всей совокупности признаков, включенных в состав рассматриваемого понятия.

Родовое понятие «организация» (от позднелат. «organiso») в науке используют для обозначения результата упорядочения, продуманного устройства, выступающего в виде механизма (относительно деятельности) или обособленного общественного объединения (учреждения)².

¹ Алгазин И. И. Указ. соч. С. 62.

² Философский энциклопедический словарь. М., 1997. С. 320–321; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 4-е изд., М., 1999. С. 458–459.

В социальных науках понятие «организация» как форма мышления используется, во-первых, для обозначения *качества*, характеристики степени упорядоченности внутренних элементов некоторого целого, во-вторых, для указания на *процесс* создания или совершенствования целого, в-третьих, для обозначения *объекта* социума¹. В первом смысловом значении понятие указывает на упорядоченность всех видов связей, существующих между единым целым. Во втором значении понятие обращает внимание на установление связей между частями целого, придание им порядка на начальной стадии возникновения социального объекта или в процессе его функционирования под воздействием внешних и внутренних разрушающих возмущений. Третий смысл является во многом синонимичным, указывающим на равнозначность понятий «организация» и «социальный объект». Все три смысла одного понятия находятся в состоянии соподчинения, поскольку указывают на разнопорядковые явления объективного мира: качество, процесс и результат.

Добавление к родовому понятию, имеющему тройственное значение, дополнительных признаков увеличивает возможные теоретические разночтения в толковании нового понятия «организация расследования преступлений». Поскольку в научный оборот и правовую культуру термин «расследование» вошел и под иным значением², полагаем возможным расширить перечень дополнительных признаков еще одним («предварительное»), позволяющим разграничить видовые понятия и определить сферы их применения.

Попробуем проанализировать все варианты, начав с *объекта*, посредством представления совокупности социальных образований, которые могут быть определены понятием «организация предварительного расследования преступлений». Полагаем, что к ним могут быть отнесены все социальные организации государственного типа, имеющие формальные иерархические структуры и уполномоченные УПК РФ на производство предварительного расследования в форме предварительного следствия и (или) дознания, а также неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ). На основе данного утверждения логичным выглядит умозаключение: «орган предварительного следствия — это социальная государственная организация, объединяющая в своем составе должностных лиц, уполномоченных государством на производство процессуальной деятельности в форме предварительного следствия». В таком варианте используемое понятие является видовым по отношению к понятию «субъекты предварительного расследования преступлений», поскольку ими могут быть не только организации, но

¹ Социология: учебник. М., 1995. С. 233–234; Шербина В. В. Социальные теории организации: словарь. М., 2000. С. 133–134.

² О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 27.12.2005 № 196-ФЗ. СЗ РФ. 2006. № 1. Ст. 7.

и отдельные должностные лица, а также и иные лица, уполномоченные УПК РФ на производство неотложных следственных действий (ч. 3 ст. 40 УПК РФ). Полагаем, что криминалистика рассматриваемым понятием только оперирует, не ставя перед собой цель раскрыть его содержание. Исследование закономерностей упорядоченности связей между статическими и динамическими элементами органов предварительного следствия — предмет теории управления такими органами. Выбор и обоснование правовых терминов для определения организационно-правовых форм данных органов или форм их процессуальной деятельности — задача соответственно административного и уголовно-процессуального права.

Применение термина «организация предварительного расследования преступлений» для обозначения *процесса* человеческой деятельности в определенной социальной сфере указывает на целенаправленные действия по упорядочению связей между частями одного из видов государственной властной деятельности (предварительного расследования преступлений), реализуемой в установленной процессуальной форме. Анализ УПК РФ убедительно доказывает, что данный вид государственной властной деятельности в сфере уголовного судопроизводства образован следственными и иными процессуальными действиями, розыскными мерами (действиями) и мерами процессуального принуждения. Следовательно, в данном аспекте понятие «организация предварительного расследования преступлений» применяется для обозначения процесса установления связей между вышеназванными частями данного вида государственной властной деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

Упорядоченность предварительного расследования преступлений, как *результат* правильного сочетания предписаний уголовно-процессуального закона и рекомендаций криминалистики, может быть достижима как за счет умственных и практических усилий ее непосредственного исполнителя (следователя, дознавателя), так и исполнения им указаний лица, непосредственно не участвующего в процессуальной деятельности по выполнению указаний (руководителя следственного органа, начальника органа (подразделения) дознания, прокурора).

Первая попытка выделить уровни организации расследования преступлений и представить их предметом исследования конкретной области знаний предпринята профессором Р. С. Белкиным¹. Следует заметить, что дальнейший сбор эмпирического материала позволил выделить и иные виды упорядоченности процессуальной деятельности следователей: 1) организация этапа следственного или иного процессуального действия; 2) организация расследования на определенных

¹ Белкин Р. С. О понятии организации расследования преступлений // Организация расследования преступлений органами внутренних дел: сб. статей. М., 1978. С. 26–31.

этапах; 3) организация расследования одним следователем или следственной группой; 4) организация расследования группы уголовных дел, находящихся в производстве конкретного следователя, 5) организация расследования следователем отдельных, закрепленных за ним категорий уголовных дел или видов преступлений; 6) организация работы следователей по территориальному (участковому и зональному), отраслевому (линейному) и функциональному принципам; 7) организация расследования уголовных дел сотрудниками нескольких ведомственно разобщенных органов предварительного следствия в составе одного организационного образования (следственной группы (бригады) и ряд других. Как видим, разнообразие дополнительных элементов и связей между ними дает различные системы, но для каждой из которых характерно одно и то же свойство — упорядоченность связей между статичными или динамическими элементами, которая обозначается понятием «организация» применительно к каждому из них.

В связи с этим для исключения двусмысленности и ограничения сферы применения терминов следует выполнить операцию ограничения понятия «организация предварительного расследования преступлений» посредством включения в его состав дополнительного признака, указывающего на субъекта деятельности. Полученный результат позволит понять разницу между «организацией следователем предварительного расследования преступлений» и «организацией руководителем следственного органа предварительного расследования следователем преступлений». В первом случае, в объем понятия включаются все факты, явления и процессы, характерные для упорядочивания субъектом уголовно-процессуальной деятельности *своих собственных* действий по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств, выполнению иных процессуальных действий, применению мер процессуального принуждения, входящих в содержание предварительного следствия. Второе понятие охватывает собой различные формы проявления деятельности начальника по формированию, оформлению и реализации управляющих *воздействий на волю и сознание* следователя в связи с необходимостью приведения его процессуальной деятельности по расследованию находящихся в его производстве уголовных дел в соответствие с требованиями УПК РФ, рекомендациями криминалистики и научной организации труда. Первый класс явлений входит в состав объекта криминалистики, а поиск закономерностей упорядочения субъектом уголовного судопроизводства своей процессуальной деятельности в форме предварительного расследования преступлений образует одну из составных частей предмета данной науки. Такие закономерности проявляются с этапа проведения отдельного следственного действия до уровня конкретного акта расследования преступления или их вида. Важной характеристикой такого рода закономерностей является период начала и окончания конкретного вида социальной практики (доказы-

вания по уголовным делам). Второй класс процессов и явлений входит в сферу внимания теории управления органами предварительного следствия, поскольку является формой общественных отношений, возникающих между субъектом и объектом управления.

Суждение о том, отвечает ли предварительное расследование преступлений в форме предварительного следствия *качеству* организации, упорядочены ли связи между его элементами в степени, достаточной для решения поставленных перед ним задач, может быть получено в результате сопоставления типовых моделей различной степени обязательности (норма права или криминалистическая рекомендация) и фактически производимого (проведенного) расследования или их совокупности. Именно после сопоставления «должного» и «сущего» появляются основания употреблять понятие «организация предварительного расследования преступлений» для обозначения *качественной составляющей*. В этой связи правильно вести речь не об организации, а об *организованности* (упорядоченности) процессуальной *деятельности* в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, рекомендациями криминалистики и научной организации труда. Умозаключения о наличии организованности (качественного признака) в рассматриваемом виде деятельности могут выполняться и в криминалистике, и в теории управления органами предварительного следствия. В первом случае, в зависимости от положительного или негативного утверждения могут следовать предложения об изменении существующих рекомендаций или форм и методов доведения результатов научных исследований до субъектов предварительного следствия. Во втором — существенно пересмотрены принципы распределения обязанностей между подчиненными следователями, формы и методы проведения занятий в системе служебной подготовке.

Достижение вышеназванного качественного состояния предварительного следствия во многом определяется организацией криминалистического обеспечения предварительного расследования преступлений, т. е. упорядоченностью связей между всеми его составляющими. Следовательно, криминалистическое обеспечение не является частью организации предварительного расследования преступлений, а выступает в качестве необходимого условия. Вместе с тем, оно как комплексное образование само нуждается в организации, упорядочении связей между составляющими его элементами. Единственное, с чем мы не можем согласиться в современной модели криминалистического обеспечения, это рассмотрение организационного обеспечения в качестве составной части такого обеспечения. Полагаем, что создание социальных организаций (или их составных частей), специализирующихся на криминалистическом обеспечении, и управление их повседневной деятельностью выходит за

пределы интересов криминалистики, выступает предметом теории управления правоохранительными органами.

Таким образом, при формировании понятия «организация расследования преступлений» должны соблюдаться законы и принципы формальной логики, согласно которым включение в состав того или иного понятия дополнительных признаков существенно ограничивает класс объектов, процессов и явлений, охватываемых понятием. Прибавление к основному термину в понятии дополнительных признаков обязывает раскрыть все получающиеся значения или оговорить сферу применения вновь полученного понятия. Оперирование понятием «организация предварительного расследования преступлений» требует при выполнении логической операции определения понятия раскрыть содержание основного термина «организация» во всех его значениях («качество», «процесс» и «социальный объект») во взаимосвязях с дополнительными терминами, используемыми в данной форме мышления. В целях исключения разночтений в языковых системах теории управления органами предварительного следствия и криминалистики предлагается в составе рассматриваемого понятия указывать субъекта, непосредственно осуществляющего действия по упорядочению связей между элементами государственной властной деятельности, осуществляемой уполномоченными лицами или органами в сфере уголовного судопроизводства.

Васильева М. А.

О природе криминалистики и криминалистика о природе

Аннотация: в статье анализируется природа криминалистики, автор приходит к выводу о том, что это динамично развивающаяся юридическая правовая наука, носящая прикладной характер, которая отвечает на современные криминальные угрозы, к числу которых можно отнести экологические преступления. Одновременно автор указывает на три основных значения термина «природа», используемых в криминалистической литературе, и их роли в решении криминалистических задач.

Ключевые слова: наука, Р. С. Белкин, криминалистика, природа, материальная среда, экологические преступления.

Современная криминалистика как наука, идя рука об руку с науками уголовно-правового цикла, благодаря стараниям ученых и практиков, позволяет успешно решать задачи борьбы с преступностью и восстановления социальной справедливости. Она не является «застывшей» наукой, из года в год выдающей одни и те же ответы, и закономерно динамично развивается сообразно меняющимся запросам общества и условиям его бытия.

Включение новой главы 26 «Экологические преступления» в состав Уголовного кодекса Российской Федерации, вступившего в действие с 1 января 1997 г., а также появление в 2017 г. Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года¹ являются отчетливыми индикаторами переосмысления населением нашей страны степени общественной опасности данных преступлений. Современный взгляд на значимость природных ресурсов, заключающийся в необходимости их полноценной защиты и охраны имеющимися, в том числе криминалистическими, правовыми средствами, актуализирует проблему повышения эффективности борьбы с преступностью в этой сфере. Благодаря накопленному многолетнему опыту наука криминалистика может предложить действенные пути выхода из этой ситуации, и уже появляются отдельные частные методики расследования экологических преступлений, требующие внедрения в правоприменительную практику.

Вместе с тем, стоит задуматься, насколько под влиянием условий существования общества, преобразования его воззрений изменяется сама криминалистика, меняет ли это ее природу, или влечет преобразования не столь значительные.

Рассматривая генезис понимания природы криминалистики на разных этапах научного знания, стоит обратиться к тезисам, сформулированным ранее учеными-криминалистами. Так, в 20-е годы XX века И. Н. Якимов полагал, что криминалистика не является самостоятельной наукой и может быть обозначена как прикладная; С. П. Митричев называл криминалистику вспомогательной наукой, при этом содержанием по сути имея вышеупомянутый термин «прикладная»². В решении вопроса, является ли криминалистика прикладной наукой, Р. С. Белкин, по нашему мнению и мнению многих ученых³, совершенно справедливо, приходит к однозначному утвердительному ответу, при этом поясняя, что такое отнесение ее возможно при делении наук на фундаментальные и прикладные и не влечет признание криминалистики не самостоятельной наукой или играющей только вспомогательную роль⁴.

С конца 1950-х годов научным сообществом была принята концепция признания правовой природы криминалистики. Р. С. Белкин

¹ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

² *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2001. С. 44.

³ *Савельева М. В., Симушкин А. Б.* Криминалистика. 2009. С. 3; Криминалистика учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 781 с. С. 21.

⁴ *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2001. С. 44.

в течение многих лет придерживался этой позиции, но в последних работах назвал природу криминалистики синтетической, представляющей собой глубокий синтез, сплав знаний в рамках предмета и содержания криминалистики¹. Не отрицая значимости и роста взаимного обогащения новыми методами и средствами криминалистики и других наук, полагаем, это не выводит ее из числа правовых. Закономерным является нахождение криминалистики в настоящее время в специальности 12.00.00 — юридические науки, согласно данным официального сайта высшей аттестационной комиссии, где она предстает наравне с уголовным правом, криминологией, уголовно-исполнительным правом (12.00.08), уголовным процессом (12.00.09), судебной деятельностью, прокурорской деятельностью, правозащитной и правоохранительной деятельностью (12.00.11) и др.

Некоторые авторы называют криминалистику специальной юридической наукой. При этом в этот термин вкладывается разный смысл: 1) ей не соответствует какая-либо определенная отрасль права или группа норм из различных отраслей права²; 2) преподается для сотрудников отдельных служб³. Вместе с тем, стоит ли выделять ее именно в качестве специальной, особенно в последней интерпретации, учитывая, что она преподается во всех юридических ВУЗах, все правоохранительные службы и ведомства используют в своей деятельности криминалистические знания, остается дискуссионным.

Таким образом, представление о природе криминалистики меняется. По нашему мнению, и мнению других авторов, криминалистика на настоящее время является правовой юридической наукой, носящей прикладной характер (ориентированной на практику).

Выше мы кратко рассмотрели не всегда единогласные мнения ученых на природу криминалистики.

Стоит определиться, что термин «природа» может быть использован в нескольких смыслах. В первом значении природа рассматривается как *сущность предмета или явления* (именно в этом значении мы применяли ее в тексте выше), во втором — как *материальная среда*, в которой совершается любое преступление (часть механизма преступления — обстановка преступления, следообразующая и следовоспринимающая среда), в третьем — как *специфический объект криминалистического исследования*, который анализируется с учетом его особенностей специфическими методами, например, проведением судебно-экологической, дендрохронологической, их-

¹ Международный симпозиум. Тезисы докладов и сообщений. М., 1994. С. 20.

² Савельева М. В., Симушкин А. Б. Криминалистика. 2009. С. 3; Криминалистика: учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 8.

³ Подшибякин А. С. Правовое и криминалистическое обеспечение. М.: Издательство АО «Центр ЮрИнфоР», 2011. 352 с.

тиологической и другими видами экспертиз и занимает важную роль в методике расследования экологических преступлений.

Все криминалисты едины во мнении, что криминалистика по своему содержанию и сущности изучаемых ею закономерностей самым тесным образом связана с природой теории отражения, через теорию отражения следов совершения преступления, теорию слеодообразования (являющихся одними из базовых позиций в криминалистике) связана с окружающей материальной обстановкой — средой.

Если рассматривать первое значение термина, то криминалистика не мало внимания уделяет природе различных предметов и явлений. Так, Р. С. Белкин в своем учебнике¹ упоминает о классификации микрообъектов по их природе, о криминалистической природе экспертиз в целом; о природе исходной информации; природе экспертных ошибок; тактической природе комбинации и пр.

Связь криминалистики через теорию отражения следов совершения любого преступления с окружающей материальной обстановкой описывается в учебной и научной литературе в виде закономерностей и общих правил, а также применительно к отдельным группам преступлений. Природе, как специфическому объекту криминалистического исследования, уделяется значительное внимание при расследовании отдельных групп преступлений, в особенности экологических, что также находит отражение в литературе. Одним из многочисленных вариантов рассмотрения природы в этом значении может послужить указанный в учебнике² пример совмещения трасс в следе разруба, оставленного топором на стволе кустарника и трасс экспериментального следа. Также наглядно демонстрирует указанную связь выдержка из текста учебника «При расследовании дел о пожарах, связанных с уничтожением лесов, интерес могут представлять следы стоянок туристов, заготовителей, грибников, рыбаков»³.

Таким образом, криминалистика, являясь динамично развивающейся юридической правовой наукой, носящей прикладной характер, отвечает на современные криминальные угрозы, к числу которых можно отнести экологические преступления, а также исследует и применяет данные о природе в трех основных значениях, когда природа рассматривается 1) как сущность предмета или явления; 2) как материальная среда, в которой совершается любое преступление; 3) как специфический объект криминалистического исследования.

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М.: Юрид, лит., 1988. 304 с.

² Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА-М), 2000. С. 247.

³ Там же. С. 831.

Вехов В. Б.

Становление криминалистического исследования компьютерной информации и средств ее обработки на основе научных воззрений Р. С. Белкина

Частные криминалистические теории (учения) являются одним из основных элементов общей теории криминалистики. Они представляют собой научные положения, отражающие результаты познания объективных закономерностей действительности, составляющих предмет криминалистики, и служащие научной базой для разработки криминалистических средств, приемов, методик и рекомендаций в целях их использования в практике борьбы с преступностью¹.

Однако, — как писал Р. С. Белкин, — частной криминалистической теорией не может быть всякая совокупность отдельных теоретических положений, пусть даже весьма значительных и относящихся целиком к предметной области криминалистической науки. Отдельные теоретические построения только тогда могут быть объединены в частную криминалистическую теорию, когда они относятся лишь к строго определенной совокупности явлений, связанных между собой органически².

Как справедливо замечает по этому поводу П. В. Копнин, «объединение знания в теорию производится, прежде всего, самим предметом, его закономерностями. Именно этим и определяется объективность связи отдельных суждений, понятий и умозаключений в теории»³. Кроме того, чтобы стать теорией, знание должно достичь в своем развитии зрелости: «... теория должна включать в себя не только описание известной совокупности фактов, но и объединение их, вскрытие закономерностей, которым они подчинены. ... В теорию входит ряд положений, выражающих закономерные связи. Причем эти положения объединены одним общим началом, отражающим фундаментальную закономерность данного предмета (или совокупность явлений). Если нет объединяющего общего начала, то никакая, как бы велика она ни была, совокупность научных положений, отражающих закономерные связи, не составит научной теории. Это начало и выполняет основную синтезирующую функцию в теории, оно связывает все входящие в нее положения в одно единое целое»⁴.

Вместе с тем при формировании частных криминалистических учений отдельное теоретическое положение может играть двоякую

¹ См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. проф. Р. С. Белкина. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. С. 42.

² См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. С. 17.

³ Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М.: Наука, 1973. С. 206.

⁴ Там же.

роль. «Во-первых, оно может стать элементом, «кирпичиком», в системе других теоретических положений, объединяемых в теорию, и в таком качестве — элементом частной криминалистической теории... Во-вторых, отдельное теоретическое положение может стать исходным для развертывания на ее основе системы теоретических положений, впоследствии превращающихся в развитую теорию... В рамках отдельных теоретических положений познание может прийти до знания отдельных закономерностей предмета; объективная же связь этих закономерностей, то есть знание закономерностей более глубокой сущности — это уже уровень частной криминалистической теории»¹.

По мнению Р. С. Белкина, изменение системы частных криминалистических теорий обуславливается:

- возникновением в практике борьбы с преступностью, в том числе с компьютерной, потребности в новых теоретических обобщениях и объяснениях тех или иных сторон объективной действительности, связанных с преступностью как социальным явлением, в новых средствах и методах борьбы с нею;
- развитием смежных областей знания, приводящим в результате интеграции знания к возникновению новых частных криминалистических теорий;
- развитием общей теории криминалистики как результатом дальнейшего проникновения в сущность предмета этой науки, что может повлечь за собой возникновение новых частных криминалистических теорий и пересмотр существующих;
- развитием самих частных криминалистических теорий, изменением связей и зависимостей между ними, их уровней и сферы практического применения².

Иными словами, как писал еще в 1984 г. В. А. Ледащев: «Формирование частной теории науки происходит, как правило, под влиянием двух причин:

- 1) задач, поставленных практикой перед наукой, возникающих в процессе общественного развития;
- 2) новых данных, накопленных внутри самой науки и не укладывающихся в существующую систему ее частных теорий.

Научная теория, таким образом, — осознанная потребность общественной практики с уже сформировавшимися исходными элементами объекта и метода научного познания на базе как основной науки, так и взаимосвязанных с ней наук»³.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юрист, 1997. С. 18–19.

² См.: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 27–28.

³ Ледащев В. А. О предмете криминалистической профилактики // Правоведение. 1984. № 6. С. 53.

Все это в совокупности как нельзя лучше отражает глубинные факторы появления теории криминалистического исследования компьютерной информации и средств ее обработки, под которой нами понимается система научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов, методик и рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации и средств ее обработки в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений¹.

Известно, что система частных криминалистических теорий, как любая система научного знания, находится в состоянии постоянного развития и изменения как количественного, так и качественного. Наиболее заметной в этой связи является тенденция пополнения данной системы за счет возникновения новых частных криминалистических теорий, поскольку в ней непосредственно отражается количественный рост криминалистических знаний, включение в сферу криминалистических научных исследований новых объектов и результатов их познания, расширяющих объем криминалистических знаний.

Однако, прежде чем констатировать пополнение системы криминалистики новым элементом — новой частной криминалистической теорией, — писал Р. С. Белкин, — необходимо оценить такое теоретическое построение с точки зрения наличия у него признаков теории: общего предмета, обладающего определенной целостностью, и обоснованности с научной точки зрения². При этом, как верно было им отмечено, предметом любой науки являются закономерности объективной действительности, обуславливающие возникновение, состояние и тенденции развития определенной группы явлений, фактов, отношений и процессов. Предмет криминалистики — это закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на знании этих закономерностей специальных средств и методов судебного исследования и предотвращения преступлений³.

С учетом изложенного, мы пришли к выводу о том, что предмет рассматриваемой концепции — это общие объективные закономерности собирания, исследования и использования компьютерной информации и средств ее обработки в целях создания технических средств, приемов, методик и рекомендаций, направленных на

¹ Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград: ВА МВД России, 2008. С. 17.

² См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. С. 29–30.

³ См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юрид. лит., 1987. С. 59.

оптимизацию деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений¹.

Известно, что криминалистике, ее предметным отраслям и направлениям свойственны две основные, взаимосвязанные функции: познавательная и конструктивная. В соответствии с этим подходом познавательной функцией названной криминалистической теории является компьютерная информация, ее материальные носители, источники их происхождения, обстоятельства и условия как вовлечения их в механизмы совершения и отражения (слепообразования) преступлений, так и применения в целях оптимизации выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступных деяний. Таким образом объектом конструктивной функции рассматриваемой частной криминалистической теории служат создаваемые и совершенствуемые на основе знания современных компьютерных технологий, электронного документооборота и их защиты средства, приемы, методики и рекомендации, предназначенные для оптимизации выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

На основании изложенного объект теории был определен как общественные отношения, возникающие в ходе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений при исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки².

Продолжая исследование, отметим, что содержание криминалистики как науки, составляющих ее общей и частных теорий, в том числе предлагаемого нами, нуждается в систематизации. При этом систематизация криминалистических научных знаний предполагает такое их упорядочение, которое соответствовало бы объективно существующим закономерным связям между элементами предмета научного познания, отражало бы эти связи. Такая систематизация базируется на другой логической операции — процедуре классификации.

Принципы систематизации и основные элементы криминалистических систем и классификаций рассматриваются криминалистической систематикой — специальным разделом общей теории криминалистики, основывающимся на положениях системно-структурного подхода к изучению явлений действительности.

Исходным принципом системного исследования в криминалистике, — писал Р. С. Белкин, — служит представление о целостности изучаемой системы. Каждая исследуемая система может расчленяться самыми различными способами, поэтому каждый ее элемент в соответствующих случаях рассматривается как нечто сложное, например как подсистема.

¹ Подробнее см.: *Вехов В. Б.* Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград: ВА МВД России, 2008. С. 37–39.

² Там же. С. 44.

В свою очередь система как нечто целое может рассматриваться как подсистема по отношению к системе более высокого уровня¹.

С помощью системного подхода формируется представление о системе криминалистической науки и ее структурных подсистем — общей теории, криминалистической техники, криминалистической тактики, криминалистической методики. Системный подход позволяет научно обоснованно осуществлять классификацию криминалистических объектов (в нашем случае — это компьютерная информация, ее материальные носители, средства обработки и защиты. — *В.В.*), являющуюся одним из необходимых условий использования практикой криминалистических рекомендаций, совершенствования этой практики и осуществления связей внутри самой науки².

Известно, что каждая частная криминалистическая теория есть интегративная система, состоящая из общей и особенной частей. Как правило, в общей части отражается характеристика всего класса изучаемых в данной теории объектов, а в особенной аккумулируются положения, характеризующие своеобразие отдельных родов и видов и разновидностей этих объектов. В ней также находят отражение разработанные с учетом специфики указанных объектов криминалистические средства, приемы, методики и рекомендации, предназначенные для их обнаружения, фиксации, предварительного исследования, изъятия, оценки и использования как доказательств.

С учетом этого в основу системы криминалистического учения о компьютерной информации и средствах ее обработки нами была положена двух уровневая структура:

1) общая теория, включающая понятие и предпосылки его возникновения, данные о его предмете, объекте, системе, задачах, методах, связях с другими частными криминалистическими теориями и месте в системе криминалистики;

2) особенная часть, представляющая собой комплекс частных взаимосвязанных учений об отдельных родах и видах компьютерной информации, ее материальных носителей, средств обработки и защиты, изучаемых в криминалистике как следы, а также как научно-технические средства работы с этими и иными следами³.

В заключении отметим, что в настоящее время активно развиваются методы криминалистического исследования компьютерной информации и средств ее обработки. Относительно чего Р. С. Белкин правильно подчеркивал, что метод есть система познавательных приемов, исполь-

¹ См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юрид. лит., 1987. С. 130.

² См.: там же.

³ Подробнее об этом см.: *Вехов В. Б.* Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград: ВА МВД России, 2008. С. 43–51.

зуемых как для формирования самого учения, так и для применения учения в практике познания его предметной области. Причем, она может включать в себя как все методы, известные общей теории криминалистики, так и только часть из них, если какие-то из специальных методов криминалистики в этом учении не находят своего применения¹.

Виницкий Л. В., Бурносова Ю. Л.

Научное наследие профессора Р. С. Белкина и современные проблемы доказывания

Рафаил Самойлович был образцом активного творческого поиска. Где он находил силы и время для регулярного написания и издания многочисленных статей, монографий, учебников и подготовки большого числа адъюнктов? Он обладал удивительной способностью творческого воздействия на окружающих. Его воспринимали как живого классика, научные идеи и советы которого использовались для научных разработок. Я долгое время работал в Казахстане и могу утверждать, что его идеи развивались в докторских диссертациях ряда казахстанских товарищей: А. Ф. Аубакирова, Е. Г. Джакишева, Б. М. Нурғалиева С. Е. Еркенова, Г. И. Поврезнюка, моей и др. Рафаил Самойлович своими советами и рекомендациями помог создать при Алма-Атинском институте судебных экспертиз совет по защите кандидатских диссертаций и сам согласился быть членом этого совета. Здесь было защищено большое количество талантливых работ. Можно с уверенностью сказать, что творческий потенциал казахстанских криминалистов заметно возрос благодаря активной роли Рафаила Самойловича Белкина. Я знаю, что число защитившихся под его руководством превышает 120 человек.

Удивляет широкий диапазон его научных интересов. Он охватывает все разделы криминалистики: теории, криминалистической техники, тактики и методики расследования отдельных видов преступлений.

Его интересовали и проблемы уголовного процесса. Он принял активное участие в написании капитального труда «Теория доказательств в советском уголовном процессе» (1973 год).

Определенное внимание Рафаил Самойлович уделил в своих работах проблемам доказывания. Это и «Собрание, исследование и оценка доказательств: сущность и методы» (1966 г.), где были заложены основы криминалистической методологии, позволяющие раскрыть закономерности установления истины по уголовному делу, и «Криминалистика и доказывание (методологические проблемы)» (1969 г.) и «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской кримина-

¹ См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юрист, 1997. С. 22.

листики» (1970 г.). Он пришел к убеждению, что невозможно глубоко исследовать проблемы доказательственного права только средствами науки уголовного процесса или криминалистики. Эти комплексные проблемы, сложные по своей структуре, могут быть правильно исследованы....только при использовании процессуальных и криминалистических методов¹; что познание истины в уголовном процессе есть частный случай познания объективной действительности...мы должны исходить из положения о всеобщности процесса познания, из того, что нет и не может быть специфически судебного познания истины.Специфический характер проявляется прежде всего в ограниченности предмета судебного исследования теми фактами, которые имеют существенное значение для дела, т. е. предметом доказывания².

Мыслительная деятельность следователя в процессе собирания, исследования и оценки доказательств протекает в соответствии с общими логическими законами рационального мышления. Его суждения и умозаключения в отношении отдельных обстоятельств расследуемого дела и всего дела в целом представляют такое же выводное знание, как и любые другие суждения и умозаключения, и отличаются только своим предметом — предметом судебного исследования.³

Общепризнано, что ни одна наука не имеет дела с застывшим, окостеневшим, неизменяемым объектом исследования. В 2002 году вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ, закрепивший в качестве важнейших принципов уголовно-процессуального закона верховенство права, приоритет прав, свобод и законных интересов личности, равноправие и состязательность сторон, независимость суда, презумпцию невиновности и ряд других фундаментальных положений, которые признаются на уровне международного права. В этой связи представляет определенный интерес рассмотреть развитие и современные взгляды на процесс доказывания и, в частности, проблемы исследования и оценки доказательств, ибо совершенствование криминалистических рекомендаций и тактических приемов, методики расследования должны строиться в строгом соответствии с нормами действующего УПК и международного права.

Анализируя понятие «справедливости судебного разбирательства» на основе исследования судебной практики и решений Европейского Суда по правам человека, Л. А. Воскобитова обоснованно пришла к выводу о необходимости формирования нового представления о *предмете судебного разбирательства*. «В теории российского уголовного судопроизводства, отмечает она, сформулировано и является общеиз-

¹ Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: НАУКА, 1966. С. 4.

² Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М., 1969. С. 9–10.

³ Белкин Р. С., Винберг А. И. Указ. соч. С. 17–18.

вестным только понятие «предмет доказывания» (ст. 73 УПК РФ). Из теории советского уголовного процесса сохраняется представление о том, что «движущей силой» уголовного процесса является обвинение, поэтому задачей суда является исследование предмета доказывания в рамках сформулированного и предъявленного подсудимому обвинения. Именно такое представление позволило и в УПК РФ сохранить старое представление о пределах судебного разбирательства, согласно которому «судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению» (ч. 1 ст. 252 УПК РФ). В современном процессе это приводит к явной недооценке с позиций процессуальной справедливости заявлений и аргументов стороны защиты. Справедливость судебного разбирательства предусматривает принципиально другой подход к определению объема судебного исследования: акцент делается не столько на оценку достаточности доказательств, подтверждающих обвинение, сколько на внимательное исследование и мотивируемую оценку возражений и доводов защиты. Наиболее четко такой подход был сформулирован ЕСПЧ еще в 1992 г. при рассмотрении жалобы Vidal — гр-на Бельгии.¹

Суд не вправе ориентироваться только на исследование предъявленного обвинения и, даже при его внешней убедительности, демонстрировать недоверие к заявлениям и аргументам стороны защиты. В подобных случаях неизбежно возникают сомнения в беспристрастности суда».²

С учетом введения в нашей стране состязательного судопроизводства, основанного, помимо прочих, на принципах устности и непосредственности, возросли требования к исследованию доказательств в ходе судебного следствия непосредственно судом. В этой связи довольно спорным оказался вопрос о возможности оглашать показания подсудимого, свидетеля или потерпевшего данные на предварительном следствии,

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не предусматривал в ходе судебного заседания возможности оглашать показания обвиняемого, данные на предварительном следствии, ибо считалось общепризнанным положение, согласно которому — *nemo tenetur seipsum accusare* — никто не обязан обвинять самого себя.³ В этом же ряду стоит положение ча-

¹ См. постановление ЕСПЧ по делу «Видаль (Vidal) против Бельгии» от 22.04.1992 № 12351/86, п. 18, 20.

² Допустимость доказательств в уголовном процессе: стандарты ЕСПЧ и судебная практика. Научно-практическое пособие. М.: Издательство «ПРАВО», 2016. С. 2004–2005, 2007.

³ Однако позднее Циркуляр Министра Юстиции от 14.04.1911 за № 20091 уже содержал указание не воспрещать прочтение на Суде показаний подсудимого, данные на предварительном следствии, при условиях, указанных в ст. 527 Устава. См.: Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям Н. Н. Розина ординарного профессора Императорского С.-Петербургского Университета. Второе издание, измененное и дополненное. СПб., 1914. С. 360.

сти 1 ст. 51 Конституции РФ, провозгласившей, что «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определен федеральным законом.»

Следует отметить, что УПК РФ в ст. 276 регламентирует возможные случаи оглашения показаний обвиняемого в суде. Они могут иметь место: при наличии существенных противоречий между показаниями, данными подсудимым в ходе предварительного расследования и в суде, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 1 части второй статьи 75 настоящего Кодекса; когда уголовное дело рассматривается в отсутствие подсудимого в соответствии с частями четвертой и пятой статьи 247 настоящего Кодекса; отказа от дачи показаний, если соблюдены требования пункта 3 части четвертой статьи 47 настоящего Кодекса.

Важно подчеркнуть, что в силу требований закона об устности и непосредственности, оглашение показаний подсудимого данных в ходе предварительного следствия может иметь место в суде только в целях выяснения причин противоречий с ранее полученными показаниями, уточнения иных вопросов, но не для обоснования итогового решения суда.

Примером незаконного использования судом информации, полученной в ходе оглашения показаний обвиняемого, данных на предварительном следствии, является постановление Европейского Суда по правам человека от 16.10.2014 г. «Мостипан против России». *Заявительница жаловалась в том числе на то, что уголовное судопроизводство в ее отношении было несправедливым, Она утверждала, что было нарушено ее право не давать показания против себя. 26.10.2009 г. она была приговорена к 16 годам лишения свободы.*

Европейский Суд установил, что «...признательные показания, сделанные заявительницей после ее задержания и помещения в отделение милиции, являлись частью доказательств, предъявленных против нее в ходе уголовного судопроизводства. Суд первой инстанции не признал эти показания неприемлемыми и сослался на них при признании заявительницы виновной при вынесении приговора. При таких обстоятельствах Суд не убеждает довод Властей о том, что признательные показания заявительницы следует рассматривать как сделанные добровольно. Он приходит к заключению о том, что независимо от того, какое воздействие оказали на исход уголовного судопроизводства признательные показания, полученные от нее под давлением, это доказательство сделало уголовное разбирательство несправедливым.»¹

В соответствии с позицией, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации (Определения от 6 февраля 2004 года

¹ Европейским Судом было установлено, что заявительница подвергалась обращению, противоречащему ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. См.: БВС РФ. 2016. № 4. С. 41–42.

№ 44-О, от 19 июня 2012 года № 1968-О), недопустимо воспроизведение в ходе судебного разбирательства содержания показаний подозреваемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденных им в суде, путем допроса в качестве свидетеля дознавателя или следователя, производивших дознание или следствие.

Запрет на аргументирование приговора суда данными, полученными при оглашении показаний обвиняемого, обеспечил бы вынесение судом более законных, обоснованных и справедливых приговоров. Ведь согласно ч. 2 ст. 77 УПК РФ, «Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств». Если имеется достаточная совокупность доказательств виновности подсудимого, то и нет необходимости дополнительно аргументировать приговор показаниями обвиняемого, данными в ходе предварительного расследования и не признающего себя виновным в суде. Если же их нет или недостаточно, то оглашение показаний, положение дела не спасает¹.

Статья 17 УПК Российской Федерации в качестве принципа оценки доказательств закрепляет адресованное судье, присяжным заседателям, прокурору, следователю и дознавателю требование не только исходить из своего внутреннего убеждения и совести, но и основываться на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие произвольных, необоснованных решений

Ситуация усугубляется, когда в ходе судебного следствия вместо допроса свидетеля, оглашается содержание его показаний, данных в ходе предварительного расследования. На данное обстоятельство указывает и Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ. В частности, указывается: несмотря на то, что в ст. 281 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень обстоятельств, при которых возможно оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, суд первой инстанции, невзирая на возражения подсудимого А., не принял надлежащих мер по вызову в судебное заседание и допросу свидетеля Н., вынес постановление об оглашении его показаний в судебном заседании, удовлетворив ходатайство государственного обвинителя.

При этом суд не принял необходимых мер по проверке данных о местонахождении свидетеля Н. и необоснованно расценил в качестве иного чрезвычайного обстоятельства, препятствующего явке свидетеля в суд, поступившее в суд заявление от указанного свидетеля, в котором

¹ В этом случае была бы снята такая острая и давняя проблема как незаконное воздействие на допрашиваемого подозреваемого (обвиняемого) в ходе предварительного расследования с целью получения показаний о совершении преступления.

он сообщал, что находится на лечении и по состоянию здоровья не может выехать для участия в суде, а также не может сообщить место нахождения лечения и диагноз «из морально-этических соображений по семейным обстоятельствам».

Данное нарушение уголовно-процессуального закона, допущенное судом, с учетом того факта, что на стадии предварительного расследования обвиняемому не была предоставлена возможность проведения очной ставки с ключевым свидетелем, в ходе которой он мог бы задать ему вопросы, свидетельствует об ограничении прав обвиняемого, гарантированных Уголовно-процессуальным кодексом РФ и нормами международного права, нарушении принципов состязательности и равноправия сторон и несоблюдения процедуры судопроизводства, что могло повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора.

Кроме того, в силу ст. 287 УПК РФ приговор должен быть основан лишь на тех доказательствах, которые в соответствии с ч. 3 ст. 240 УПК РФ были непосредственно исследованы в судебном заседании.

Так, суд как на доказательства вины А. сослался в приговоре на оглашенные в судебном заседании показания не явившихся в суд свидетелей М., Ц. и Р. Между тем в протоколе судебного заседания отсутствуют данные об оглашении показаний указанных свидетелей.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия приговор Верховного Суда Республики Северная Осетия — Алания от 22 марта 2013 г. в отношении А. отменила, уголовное дело направила на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии судебного разбирательства в ином составе суда.¹

На необходимость обращать особое внимание непосредственному восприятию доказательств в суде указывалось еще в дореволюционной процессуальной литературе. Вот что по этому поводу писал известный дореволюционный юрист В.Случевский. «Особенно ясно выражается высокое значение непосредственной оценки уголовных доказательств в форме, в которой она получает наибольшее выражение — в устном допросе свидетелей. Благодаря устному допросу, оказывается возможным извлечь суду из показаний свидетеля все то, что в состоянии только дать свидетель, выяснить значение обнаружившейся неясности или противоречия в его показании, а также определить, насколько личность его заслуживает доверия и, следовательно, какую степень достоверности и доказательной силы обладает его показание. Только при таком допросе оказывается, вместе с тем, возможность сопоставить

¹ См. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.06.2013 22-АПУ13–1. БВС РФ. 2014. № 2.

совокупность имеющихся по делу показаний и заложить в них основы к образованию внутреннего судейского убеждения».¹

Л. А. Воскобитова справедливо указывая на необходимость собственной познавательной активности суда, отмечает, что « Суд не должен быть пассивным и безразличным к результатам познания в судебном следствии, если он сталкивается с недобросовестным поведением сторон и представлением недопустимых, фальсифицированных или заведомо ложных доказательств; когда стороны утверждают о фактах, не представляя подтверждающих их доказательств; когда утверждения остаются голословными, когда имеющиеся в деле противоречия игнорируются стороной и т.п. Именно в силу легитимности подобное поведение суда может быть воспринято сторонами и иными лицами как равнодушие и безразличие легитимности, суд обязан проявлять максимум внимания к аргументам сторон, исследовать и проверять их достоверность, в том числе истребовать нужные для проверки доказательства по собственной инициативе, если у него остаются сомнения, не позволяющие принять правосудное решение.»²

Следует отметить, что закон не регламентирует, но практика пошла по пути, согласно которому, если потерпевший (свидетель) не отказывается от дачи показаний, но заявляет, что никаких показаний дать не может по причине того, что ничего не помнит, оглашать показания такого потерпевшего (свидетеля), данные на предварительном следствии, нельзя. В подобных случаях суд должен сначала проверить, являются ли показания потерпевшего (свидетеля) на предварительном следствии допустимыми доказательствами, затем таким лицам должна быть предоставлена возможность ознакомления со своими показаниями на предварительном следствии, после чего надо предоставить сторонам возможность произвести допрос, а при необходимости задать вопросы самому суду.³

На практике встречаются случаи, когда неполноту предварительного расследования и судебного разбирательства, вызванную упущениями со стороны суда либо лиц, осуществляющих предварительное расследование, пытаются исправить, рассчитывая рассмотреть это дело под видом возникновения по делу новых обстоятельств, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ.

В этой связи Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала: Проведение дополнительного расследования

¹ Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. В. Случевского, преподавателя уголовного судопроизводства в императорском училище правоведения, товарища обер-прокурора уголовно-кассационного департамента Сената. СПб., 1892. С. 43.

² *Воскобитова Л. А.* Теоретические основы судебной власти. Учебник. М.: НОРМА ИНФРА-М, 2017. С. 105.

³ Судебное производство в уголовном процессе РФ. Практическое пособие по применению УПК РФ / под общ. ред. А. И. Карпова. М., 2009. С. 226.

путем дополнительных допросов ранее допрошенных по делу лиц и назначения дополнительных экспертиз по уже исследованным экспертами материалам дела не свидетельствует о возникновении по делу новых обстоятельств предусмотренных пунктом 2 части 2 ст. 413 УПК РФ, поскольку такие новые обстоятельства не могут быть обусловлены неполнотой следствия и судебного разбирательства, вызванной упущениями со стороны суда либо лиц, осуществляющих предварительное расследование и поддержание обвинения в суде. Следственные действия, проведенные в ходе дополнительного расследования дела, не были ранее предметом исследования суда не в силу каких-либо объективных причин. Их проведение не было исключено в ходе производства по делу до вынесения окончательного решения, поскольку сторона обвинения не была ограничена в возможности представлять доказательства в подтверждение предъявленного Тимкову А. Н. обвинения.¹

В том случае, когда подсудимый жалуется, что в ходе предварительного расследования к нему применялись недозволенные методы, Европейский Суд обращает внимание на необходимость проведения эффективного официального расследования. Расследование должно быть тщательным и безотлагательным.

В качестве примера рассмотрим дело «Александр Новоселов против Российской Федерации». Заявитель жаловался на то, что он был подвергнут жестокому обращению со стороны сотрудников милиции во время оперативного эксперимента 27 апреля 2004 г. Он также утверждал, что власти не провели надлежащего расследования этого обстоятельства. Европейский Суд рассмотрит эту жалобу с точки зрения статьи 3 Конвенции, которая предусматривает: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Европейский Суд установил, что проверка обстоятельств, при которых заявитель мог получить травмы, была довольно ограниченной. Прокуратура опросила только одного из трех сотрудников милиции, против которых заявитель выдвинул жалобы. Тот факт, что этот сотрудник милиции явно имел интерес в исходе дела и оправдании себя, не принимался во внимание. Достоверность показаний этого сотрудника не ставилась под сомнение. Несмотря на то, что два других сотрудника были известны, власти их не опросили. Кроме того, обращение заявителя от 22 сентября 2004 г. по поводу проверки причастности сотрудников милиции к происшествию было проигнорировано.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.06.2013 № 22-АПУ13-1. ВС РФ. 2014. № 2.

Европейский Суд постановил: имело место нарушение статьи 3 Конвенции в материально-правовом аспекте; имело место нарушение статьи 3 Конвенции в процессуальном аспекте.¹

Мы остановились лишь на некоторых проблемных вопросах исследования и оценки доказательств, учет которых позволит правильно осуществлять разработку новых тактических приемов и криминалистических рекомендаций, что послужит развитию идей и светлой памяти профессора Р. С. Белкина.

Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н., Коршунов А. В.

О необходимости теоретического переосмысления предмета научного познания в криминалистической одорологии

Ранее мы уже формулировали обоснованное предложение о необходимости принципиального переосмысления предмета научного познания раздела криминалистики, именуемого «Криминалистической одорологией»². Однако ожидаемого отклика представителей научного и практического сообщества криминалистов не получили. Это настоятельно требует.

Отождествление таких понятий, как «Криминалистическая одорология» и «Судебная экспертиза запаховых следов человека», которая традиционно рассматривает вопросы установления тождества по запаху человека, уже нанесло существенный вред практике использования запаховых следов в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Так в учебнике «Криминалистика», 2-е издание, М. 2008, под редакцией А. Ф. Волынского и В. П. Лаврова идентификационные и диагностические возможности судебно-odoroлогической экспертизы применительно к исследованию запаховых следов человека достаточно полно раскрываются в главе, посвященной криминалистическому исследованию материалов, веществ и изделий. А вот применительно к криминалистической тактике и методике расследования в главах, посвященных тактике осмотра места происшествия и расследованию контрабанды применение служебно-розыскных собак (далее СРС) в целях розыска преступника, обнаружения наркотических, взрывчатых и иных подконтрольных веществ даже не упоминается. В параграфе 22.1 «Сущность и тактические приемы обыска» тактические рекомендации по этому вопросу отсутствуют. Лишь упоминается, что «В роли специ-

¹ См. дело Александр Новоселов (Aleksandr Novoselov) против Российской Федерации. 28.11.2013 жалоба № 33954/05.

² *Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н.* О криминалистическом обеспечении кинологической деятельности // Материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции 25 ноября 2016 года «Научное наследие ученых-криминалистов Санкт-Петербурга». СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. С. 8–14.

алиста кроме эксперта-криминалиста может выступать кинолог со служебной собакой, обученной обнаруживать наркотики, взрывчатые вещества и др.» (С. 416). Аналогичные «упоминания» имеются и в параграфах 32.1 «Расследование убийств» (С. 575), 34.1 «Расследование краж» (С. 623) и главе 42 «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков» (С. 785). Лишь в параграфе 47.2 «Особенности тактики отдельных следственных действий, проводимых по горячим следам» (С. 862) В. П. Лавровым раскрываются основные цели и задачи, стоящие перед специалистом-кинологом, даются тактические рекомендации по времени (на какой стадии) применения СРС, и некоторым особенностям выявления не только запаховых, но и иных следов преступника. Ранее эти тактические рекомендации были сформулированы им же в учебнике «Криминалистика», том 2, М. 1988, под ред. Р. С. Белкина, В. П. Лаврова и И. М. Лузгина так же применительно к раскрытию преступлений по горячим следам (С. 387). Тот факт, что В. П. Лавров продолжает оставаться последовательным продолжателем идей Р. С. Белкина, очевиден, как и то, что развитие этого направления в криминалистике практически остановилось.

Приблизительно ту же картину мы видим во многих аналогичных изданиях, за исключением специализированных работ по кинологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности, которые, к огромному сожалению, не всегда корреспондируются с основными положениями криминалистики.

С другой стороны, до сих пор во множестве публикаций встречаются доводы о неприемлемости использования криминалистической одорологии в качестве процессуального способа получения доказательств, которые несправедливо переносятся на современную экспертизу запаховых следов человека. В этой связи Старовойтов В.И. и Панфилов П.Б. отмечают, что критике подвергаются «в основном те противоречия, которые давно сняты в научно-методическом аппарате судебной экспертизы запаховых следов человека (достаточно привести наиболее частый вопрос о том, можно ли основывать результаты судебной экспертизы на «доверии» собаке).

Полагаем, что такая ситуация во многом обусловлена различными негативными процессами, происходящими в нашей стране (политическими, социальными и экономическими), а также кризисными явлениями, приведшими к нарушению преемственности между поколениями ведомственных профессиональных кинологов. Уникальный опыт, накопленный советскими специалистами по розыску, не был должным образом передан в руки современных кинологов. К тому же в последние годы основное внимание уделяется развитию спортивных направлений подготовки собак что приводит к смещению акцентов следовой подготовки с сугубо практических задач в сторону подготовки скорее демонстрационного или показательного характера. К числу существенных

негативных тенденций также следует отнести осуществление подготовки служебно-розыскных собак значительным числом специалистов-кинологов различных ведомств, такая подготовка практически на всех ее этапах стала носить строго схематичный характер, применяемые модели обучения, как правило, слишком далеко отстоят от реальных условий применения следовых собак на местах происшествий и др.¹

Подобные недоразумения во многом объясняются тем, криминалистической одорологии уделяется недостаточное внимание, а происходящие положительные изменения, произошедшие за последние 20—25 лет в данном направлении научного исследования, до сих пор остаются малоизвестными широкому кругу ученых и практиков, к тому же, значительный объем накопленной информации не систематизирован.

Представляется что «Криминалистическую одорологию» давно пора привести в содержательное соответствие с такими разделами, как «Дактилоскопия», «Трасология» и др., которые рассматривают вопросы не только соответствующих видов экспертиз (дактилоскопических, трасологических и т. п.), но и технико-криминалистические и тактико-криминалистические особенности обнаружения, выявления, фиксации и исследования следов рук (в том числе не заслуженно забытых ныне поро- и эджеоскопических), иных следов человека, транспорта, механизмов т.д. При этом криминалистическая одорология методологически должна охватывать не только запаховые следы человека, но весь спектр объектов, запаховые следы которых представляют криминалистический интерес (оружие и боеприпасы, наркотические средства и психотропные вещества, взрывчатые вещества, объекты СИТЕС² и т. д.). По справедливому и актуальному сегодня замечанию Р. С. Белкина: «Содержание криминалистики, как и любой другой области научного знания, нуждается в определенном упорядочении, распределении по тем или иным разделам, отраслям, т.е. в приведении в систему, в систематизации. ... Системный подход позволяет научно обоснованно осуществлять классификацию криминалистических объектов, являющуюся одним из необходимых условий использования практикой криминалистических рекомендаций, совершенствования этой практики и осуществления связей внутри самой науки»³.

¹ Кошечая Л. В. Анализ актуальных проблем подготовки следовых собак для работы в городских условиях // Материалы V международной научно-практической конференции «Проблемные вопросы служебной кинологии на современном этапе» (19 мая 2016 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: ФГКУ ДПО РШ СРС МВД России, 2016. С. 46.

² СИТЕС — перечень видов животных и растений, подпадающих под действие конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения.

³ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 1. Общая теория советской криминалистики. М.: РИО Акад. МВД СССР, 1977. С. 267, 269.

Если отдельные положения экспертизы запаховых следов человека и вопросы работы с запаховыми следами человека достаточно подробно освещены в научной и учебно-методической литературе, то особенности использования обоняния собак в прикладной криминалистической деятельности вне рамок судебной экспертизы, юридической наукой практически не разработаны и, следовательно, не представлены в литературных источниках.

Поэтому, в учебниках по криминалистике, учебно-методических пособиях по криминалистической тактике и методике расследования отдельных видов и групп однородных преступлений необходимо в обязательном порядке раскрывать следующие положения:

- в ходе каких следственных действий целесообразно и наиболее эффективно применение СРС;
- какие задачи по установлению тождества или групповой принадлежности должны ставиться перед специалистом-кинологом;
- права и обязанности специалиста-кинолога;
- мероприятия, направленные на сохранение запаховых следов и обстановки до прибытия специалиста-кинолога;
- особенности взаимодействия и согласованность действий кинолога со специалистом-криминалистом и другими участниками следственного действия в части обнаружения, выявления, фиксации и изъятия не только запаховых следов, но и иных следов и объектов-носителей следовой информации;
- на какой стадии следственного действия производятся те или иные действия специалистом-кинологом, в какой последовательности, направлении и каким способом;
- особенности поиска, обнаружения и обозначения собаками не только запаховых следов человека, но и взрывчатых веществ (далее — ВВ), наркотических средств и психотропных веществ (далее — НСПВ) и других видов объектов;
- виды сигнального поведения служебно-розыскной собаки и способы оповещения специалистом-кинологом о промежуточных и итоговых результатах применения СРС следователя, а при необходимости и других участников следственного действия;
- знания об ухищрениях, применяемых преступниками для сокрытия запаховых и иных следов преступления;
- порядок действий участников следственного действия, включая специалиста-кинолога и тактика применения собаки при задержании преступника по «горячим следам».

Рассмотрим эти положения применительно к производству осмотра места происшествия. В практике кинологических подразделений больше всего случаев результативного использования (применения)

служебных собак было на местах совершения краж (53,2%), грабежей (25,6%), убийств (10,3%), разбоев (7,7%). Также имеются случаи результативного использования собак на местах совершения изнасилований (1,3%), поджогов (0,7%), в случаях мошенничества (0,5%), угона авто (0,4%), поиска трупов и человеческих останков (0,1%)¹.

Наиболее эффективным является применение СРС в ходе осмотра места происшествия особенно, если это связано с раскрытием преступления по горячим следам.

Работа специалиста-кинолога должна быть направлена на обнаружение запаховых следов преступника с последующим применением СРС для его розыска и задержания. Кроме того, должны быть обнаружены объекты-носители криминалистически значимой информации по путям отхода (подхода) преступника.

Права и обязанности специалиста-кинолога должны в полной мере соответствовать требованиям ст. 58 УПК РФ «Специалист». Все свои действия он обязан согласовывать с руководителем следственного действия, а в части фиксации следовой обстановки со специалистом-криминалистом, судебным медиком, а при необходимости и с другими участниками следственного действия.

На стадии статического осмотра специалист-кинолог с использованием субъективного метода под руководством следователя моделирует возможные действия преступника и определяет места его пребывания, которые в дальнейшем без риска для вещной обстановки места происшествия могут быть использованы им в качестве начальных точек для проработки следа. Окончательный выбор такой точки он согласовывает со следователем. Если на стадии статического осмотра определить такие места не представляется возможным, то эта работа продолжается на стадии детального (динамического) осмотра до достижения результата. После этого, по согласованию со следователем, специалист-кинолог применяет СРС в целях преследования преступника по пути его отхода и последующего задержания. Поиск объектов-носителей следовой информации на этой стадии нецелесообразен, так как он замедлит движение по следу. В зависимости от результатов проработки следа следователь принимает решение о задержании предполагаемого преступника и расширении границ осмотра.

По окончании проработки следа по пути отхода преступника специалист-кинолог по согласованию со следователем приступает к поиску объектов-носителей следовой информации. Для этого он производит

¹ Диденко А. В., Марков Э. Ю., Яковенко А. А. Причины неэффективного использования служебных собак на местах происшествий и пути их устранения // Материалы V международной научно-практической конференции «Проблемные вопросы служебной кинологии на современном этапе» (19 мая 2016 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: ФГКУ ДПО РИШ СРС МВД России, 2016. С. 50.

обратную проработку следа по пути отхода, а также по пути подхода преступника. СРС в этом случае должна прорабатывать след нижним чутьем не срезая углов по ходу движения, то есть двигаться строго по следу. При обнаружении каких-либо следов или предметов специалист-кинолог обязан уведомить об этом следователя и совместно со специалистом-криминалистом определить дальнейший алгоритм их фиксации и изъятия.

В качестве другого типового алгоритма участия специалиста-кинолога в следственном действии рассмотрим обыск помещения с целью обнаружения наркотических средств.

В этом случае уже на подготовительной стадии следователь обязан выяснить у специалиста-кинолога на поиск каких видов НСПВ прошла подготовку его СРС и сопоставить эту информацию со сведениями, полученными из оперативных источников. При этом также полезно уточнить имела ли дело СРС ранее с натуральными НСПВ или дрессировалась исключительно на имитаторах запаха. Это позволит своевременно принять решение о замене СРС или о более критичной оценке ее поисковой деятельности.

Далее алгоритм деятельности специалиста-кинолога аналогичен ранее рассмотренному, но имеет некоторые особенности. На обзорной стадии обыска следователь уточняет способ поиска (последовательный, выборочный, концентрический, эксцентрический и т.д.) и вид сигнального поведения СРС. В том случае, если сигнальное поведение СРС носит контактный характер, следователь дает обязательные для кинолога указания о недопустимости нарушения следовой обстановки и о способах обозначения специалистом-кинологом промежуточных и итоговых результатов поиска.

Далее с учетом произведенных специалистом-кинологом обозначений производится выборочный и затем последовательный обыск.

По окончании обыска полезно осуществить контрольное применение СРС.

Здесь нами приведена достаточно развернутая информация, которая с методических позиций может и должна быть рассредоточена в различных разделах учебника по криминалистике. Более общая в разделе «Криминалистическая техника», специфическая применительно к отдельным следственным действиям в разделе «Криминалистическая тактика», раскрывающая особенности расследования в разделе «Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп однородных преступлений».

В заключение выражаем уверенность в том, что развитие отраслевых направлений в криминалистике это тот путь, о котором всегда с определенной уверенностью говорил Р. С. Белкин. Именно при этом условии криминалистика будет продолжать развиваться «...как на-

ука, способствующая раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений»¹.

Волчецкая Т. С.

Роль идей профессора Р. С. Белкина в развитии научной школы криминалистической ситуалогии

Научные школы ведут свою историю еще с древних времен. Имеются письменные свидетельства того, что такие школы активно развивались в Древней Греции при учебных заведениях или при библиотеках, формируясь вокруг того или иного выдающегося ученого². Наиболее известными были научные школы Аристотеля, Архимеда, Зенона, Сократа, Платона, Пифагора. Анализ деятельности таких школ показал их важную роль в научном познании, и весьма значительный вклад в развитие науки.

Интенсивное развитие современного общества также является предпосылкой к разработке особых подходов к организации научного исследования. В значительной мере это связано с необходимостью оперирования большими потоками информации, что современному исследователю делать единолично далеко не всегда оказывается под силу. Поэтому и возникают те или иные виды научных исследовательских коллективов, в числе которых приоритетную роль имеют именно научные школы.

Понятие научной школы можно трактовать в широком и узком смыслах.

В широком смысле, научная школа существует де факто, не являясь формально оформленным научным образованием. Однако сегодня к научным школам, как правило, предъявляется ряд формальных признаков, в числе которых можно назвать следующие.

Во-первых, в школе должно быть наличие лидера — ее идейного вдохновителя — ученого, чьи теории, концепции и научные идеи в дальнейшем активно разрабатываются учениками и последователями. У научной школы также должно быть четко сформированное научное направление, а также перспективный план научных исследований. В то же время на сегодняшний день в России не предусмотрена установленная государством процедура формальной регистрации научных школ, однако такая школа обязательно должна иметь признание на-

¹ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 1. Общая теория советской криминалистики. Пособие для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР. М.: РИО Акад. МВД СССР, 1977. С. 17.

² См. об этом подробнее: Л. Н. Панкратова, Н. А. Тихонов, В. В. Фролов. Научные школы от Древней Греции до Millennium // Успехи в химии и в химической технологии. Т. XXVIII. 2014. № 4.

учной общественности. Еще одним признаком научной школы можно назвать научные связи представителей школы с учеными, как внутри своей страны, так и за рубежом.

Полагаем, что всем обозначенным признакам соответствует школа криминалистической ситуалогии Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Президент Международного Конгресса Криминалистов доктор юридических наук, профессор В. Ю. Шепитько 2 ноября 2012 года вручил Т. С. Волчеккой за формирование научной криминалистической школы награду «Хрустальный Куб» (Crystal Cube Award)¹.

О научном признании школы криминалистической ситуалогии свидетельствует также и ряд публикаций о ней². Основным научным направлением школы является проблема ситуационного подхода в юридической науке и практике.

Обращаясь к истокам зарождения и становления ситуационного подхода в криминалистике, необходимо отметить то, что профессор Рафаил Самуилович Белкин уже в 1959 году одним поставил проблему необходимости научного исследования понятия следственной ситуации. Он отмечал, что это весьма перспективное для криминалистической науки направление, ученым необходимо не только определить понятие и сущность следственной ситуации, но также и установить ее значения в организации расследования, в криминалистической методике с целью повышения эффективности использования криминалистических рекомендаций³. Также профессор Р. С. Белкин особо выделил ситуационные особенности работы с доказательствами⁴.

В развитие этих идей, многие известные криминалисты, решая те или иные проблемы криминалистической тактики и методике, стали делать исследовать проблемы понятия, сущности и структуры следственной ситуации.

¹ См. Сайт научной школы криминалистической ситуалогии БФУ имени И. Канта // https://www.kantiana.ru/situology/public_recognition/

² См.: *Осипова Е. В.* Использование ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности: обзор международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии // Современное право. 2012. № 12. С. 162–164; *Холопова Е. Н., Ренер Н. А.* 15-летие научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта // Оперативник (ссылик). № 4 (49). 2016. С. 61–67; *Ренер Н. А.* О презентации достижений научных школ (на примере научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта) // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия Гуманитарные и общественные науки. Калининград: БФУ им. И. Канта. № 2. 2016. С. 105–109 и др.

³ *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юридическая литература, 1987.

⁴ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы, рекомендации. М.: Юрист, 1997. С. 92.

Одним из первых понятие «следственной ситуации» определил А. Н. Колесниченко, который увидел ее в ракурсе определенного положения, сложившегося в расследовании преступлений, характеризующего наличием доказательственного и иного информационного массива¹.

В дальнейшем многие известные криминалисты занимались разработкой вопросов понятия, структуры следственных ситуаций, их классификации. Среди них можно назвать профессоров Р. С. Белкина, О. Я. Баева, А. Н. Васильева, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимова, А. В. Дулова, В. В. Клочкова, И. М. Лузгина, В. А. Образцова, И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова, Д. А. Турчина, В. И. Шиканова, Н. П. Яблокова и многих других.

Глубокий анализ научных исследований по вопросам следственных ситуаций, а также сопутствующих научных дискуссий по этой проблематике блестяще был сделан Р. С. Белкиным в 3-м томе «Курса криминалистики»². В результате этого Рафаил Самуилович предложил уникальное определение следственной ситуации и весьма удачную ее структуру, отталкиваясь от которой, мы впоследствии разработали методику моделирования криминальных и следственных ситуаций³.

Нельзя не отметить также и того, что профессор Белкин сумел увидеть тесную связь следственной ситуации с другими категориями криминалистической тактики: тактического риска и тактического решения⁴. Это имело большое практическое значение, потому что без анализа категории «тактическое решение» говорить о следственной ситуации не имело бы смысла.

Анализируя научные работы, посвященные следственным ситуациям, Р. С. Белкин совершенно верно отметил, что в криминалистике утвердился «ситуационный подход к реализации в практике разрабатываемых ею рекомендаций. Это было положительной тенденцией, поскольку такой подход имеет ярко выраженное прикладное значение.

В дальнейшем на основании этого учеными — криминалистами, в их числе и представителями школы криминалистической ситуалогии, была разработана концепция ситуационного подхода. Полагаем, что ситуационный подход — можно определить как метод, применение которого дает возможность в конкретной ситуации увидеть черты аналогичной типовой ситуации, для которой криминалистической наукой уже пред-

¹ Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы, рекомендации. М.: Юрист. 1997. С. 99.

³ Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

⁴ Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы, рекомендации. М.: Юрист, 1997. С. 92–99.

ложен механизм ее разрешения¹. Сущность этого подхода заключается в том, что любое событие анализируется субъектом во взаимосвязи, а также в динамике составляющих его ситуаций. Учеными разрабатываются классификаторы типовых следственных ситуаций, возникающих в следственной, оперативно-розыскной и судебной практике и предлагаются соответствующие алгоритмы по их оптимальному разрешению.

В прикладном же смысле ситуационный подход — это не только некий набор научно-методических рекомендаций для практики, это, скорее, способ мышления об организационных проблемах и путях их оптимального решения. В этом плане профессор Н. П. Яблоков справедливо заметил, что ситуационный подход, по большому счету, это не столько алгоритмизированная методика, сколько одна из важных характеристик современного криминалистического мышления².

Субъекты уголовного судопроизводства, обладающие ситуационным мышлением, могут без труда определить, какие тактические, организационные или какие-то иные приемы следует применить для оптимального разрешения конкретной, значимой для производства по уголовному делу, ситуации. Что, в свою очередь, позволяет следователю не выступать пассивным участником ситуации, а даст возможность управлять ею, то есть своими волевыми решениями изменять ситуацию в ту или сторону.

В свое время нами была выдвинута идея о возможности дальнейшего расширения использования ситуационного подхода к анализу не только следственной, но и криминальной деятельности. В таком аспекте событие преступления было рассмотрено как совокупность динамично развивающихся криминальных ситуаций.

Исходя из этого нами³, а впоследствии и Г. А. Зорин⁴ была выдвинута идея о необходимости введения в криминалистику нового учения — криминалистической ситуалогии и ее дальнейшего развития.

Эта идея получила в дальнейшем свое мощное развитие в криминалистической науке во многом и благодаря поддержке Рафаила Самуиловича Белкина, который в своем последнем труде практически при-

¹ Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: современное состояние и перспективы // «Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития» материалы международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии. Под ред. Т. С. Волчецкой. С. 5.

² Яблоков Н. П. Некоторые проблемы современной криминалистики в свете сегодняшнего времени // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: материалы Международной науч.-практ. конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. Николая Павловича Яблокова (г. Москва, 22 декабря 2015 г.) / ред.-сост. М. А. Лушечкина. М.: МАКС Пресс, 2015. 511 с.

³ Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 24–36.

⁴ Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000.

знал криминалистическую ситуологию частной криминалистической теорией, конкретно указав, что «на этой почве возникла такая частная криминалистическая теория, как криминалистическая ситуология, в области которой особенно плодотворно работают Т. С. Волчечкая и Г. А. Зорин»¹.

Другие ученые обратили внимание на судебные ситуации (В. К. Гавло), оперативно-розыскные ситуации (С. И. Давыдов), экспертные ситуации (Е. Р. Россинская) Материалы этих исследований оказались полезными для практики и поэтому решение научных проблем, связанных в различными видами ситуаций было активно продолжено многими видными учеными и их учениками.

Если проанализировать пятнадцать лет развития теории криминалистической ситуологии, то можно сделать вывод о том, что к настоящему времени многие ее положения достигли определенной научной зрелости. И даже на правах априори признанного знания входят практически во все современные учебники по криминалистике. К настоящему времени ситуология уже признана одной из частных криминалистических теорий, поэтому ситуационный подход широко применяется Т.С. Волчечкой и ее учениками для разработки самых различных актуальных проблем криминалистической науки. Так, особенности ситуационного подхода в криминалистической технике исследовала И. Л. Ландау. Особенности применения ситуационного подхода в криминалистической тактике: при выдвижении версий, для преодоления следственных ошибок, для использования медиации и компромиссов в разрешении сложных следственных ситуаций посвятили свои исследования Я. Ю. Янина, В. В. Конин, В. П. Крамаренко, В. А. Шефер, А. Г. Бедризов, М. И. Грищенко, В. В. Омельченко. Целый ряд других учеников профессора Т. С. Волчечкой: Н. А. Ренер, Е. В. Осипова, К. А. Кочетов, М. В. Зюзина, А. Х. Пилтоян, Д. Н. Еремин, Д. Г. Киселев Е. А. Попов, М. В. Авакьян работали над проблемами применения положений криминалистической ситуологии в частных криминалистических методиках.

Более того, представители школы криминалистической ситуологии уже перешли и границы криминалистической науки и стали разрабатывать проблемы уголовно-процессуальной ситуологии (Ю.Панькина, В. В. Войников, В. И. Фалеев, О. Д. Кузнецова, И. В. Румянцева, И. В. Петров), ситуационного подхода в административном процессе (Н. А. Фоченкова, А. А. Голованов, М. П. Кисель).

Таким образом, Р. С. Белкин в свое время весьма мудро указал на огромный потенциал ситуационного подхода в криминалистической науке и практике, самые различные аспекты которого разработали

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Издательство НОРМА, 2001. С. 116.

и далее активно продолжают а исследовать представители научной школы криминалистической ситуалогии Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Волынский А. Ф.

Дифференциация криминалистических знаний и современные проблемы криминалистики

Криминалистика, по выражению Р. С. Белкина, своим рождением обязана криминалистической технике, призванной способствовать решению задач собирания, исследования и использования доказательств в целях раскрытия и расследования преступлений. Важнейшим элементом в ее системе изначально была криминалистическая экспертиза следов преступлений, которая получила признание в уголовном процессе, как известно, раньше, чем сама криминалистика [1].

В зависимости от социально-экономических условий жизни общества и господствовавших в нем идеолого-политических воззрений, в разных странах сформировались несколько различающиеся в организационном и правовом отношении модели криминалистики: австро-германская или немецкая (основоположник Г. Гросс), романская (А. Бертильон, А. Р. Рейс), англосаксонская. Последняя своеобразное развитие в форме полицейского расследования получила в США [2].

Российская модель криминалистики возникла и формировалась вначале с ориентацией в основном на немецкую, а в советское время, оказавшись под влиянием господствовавшей тогда идеологии, приобрела определенные особенности, суть которых заключалась в консервативно-бюрократических идеологизированных подходах к решению организационных и правовых проблем использования возможностей криминалистики в борьбе с преступностью. И это при том, что теоретические разработки методологически важных проблем криминалистики как отрасли научного знания (предмет, природа, система и т. п.) получили определенное развитие и, по крайней мере, заслуживают внимания, но не формального отрицания.

Между тем, в последние годы появился ряд публикаций, авторы которых по-революционному, бескомпромиссно ниспровергают, прежде всего, методологические основы отечественной криминалистики, обвиняя ее в излишней приверженности материалистической диалектике, в необоснованном использовании при формировании ее предмета такой философской категории, как теория отражения, в излишней затеоретизированности и догматизме, в иных «смертных грехах» и даже в «репрессивной сущности». И, наконец, делается вывод о кризисе отечественной криминалистики. Правда, при этом, после эмоционально-крикливой критики прошлого, своеобразного ответа на вопрос «кто

виноват?», нет четко выраженного ответа на вопрос «А что делать?», кроме общих ссылок на опыт западноевропейских стран [3, 4, 5].

При этом авторы таких публикаций не замечают прямой зависимости криминалистической науки и практики от медленно и противоречиво происходящих в нашей стране организационных и правовых реформ, в том числе в системе судопроизводства. Они видят первопричину современных проблем отечественной криминалистики в прошлом, во влиянии на ее развитие идеологических догм и тому подобных факторов, и меньше всего обращают внимание на современное состояние нашего общества, на искусственное ограничение возможностей криминалистики в системе средств доказывания по УПК РФ, на «суетливую» реорганизацию системы правоохранительных органов, наконец, на очевидное жесткое противоречие уровня развития техники собирания и исследования доказательств с исторически сформировавшимися столетие назад организационно-правовыми формами технико-криминалистической и судебно-экспертной видов деятельности в общей системе организации раскрытия и расследования преступлений. Но нельзя, невозможно критикой и огульным отрицанием прошлого добиться успеха в настоящем и обеспечить поступательное развитие в будущем.

Анализ таких публикаций и реальных современных проблем организации раскрытия и расследования преступлений приводит к выводу о наличии кризиса (если уместно о нем говорить), не криминалистики, а той системы организационного и правового обеспечения реализации ее возможностей в деятельности правоохранительных органов и судов, которая сложилась к настоящему времени, причем, в значительной мере стихийно. Этим в конечном итоге предопределено наличие ряда концептуально важных проблем так называемого криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений и явно актуализировавшуюся необходимость их решения. Обозначим лишь некоторые из них.

1. Организационно-научная проблема, явно обострившаяся в связи с отпочкованием судебной экспертизы от криминалистики. Дифференциация научного знания на определенном этапе развития любой науки — естественный процесс, закономерное явление. В данном случае это способствовало активизации научных исследований общей теории и таких методологически важных для судебной экспертизы понятий, как предмет, природа, задачи, методы, система и др. Это, безусловно, положительно сказалось на совершенствовании имеющихся и создании новых методик судебно-экспертных исследований, особенно в условиях появления новых видов судебных экспертиз, востребованных в современной практике раскрытия и расследования.

Однако отпочкование судебной экспертизы, особенно криминалистической, от материнской науки предопределило и негативные последствия для практики использования ее возможностей в раскры-

тии и расследовании преступлений. В области судебной экспертизы по-прежнему доминируют научные исследования, касающиеся ее общеметодологических проблем как отрасли научного знания, проблем самоутверждения, роста самосознания науки. Некоторые ученые до сих пор спорят по поводу ее названия («теория судебной экспертизы», «экспертология», «экспортика» и т. д.), не придавая значения тому, что любое название будет условным, и следовало бы просто договариваться или на очередной конференции проголосовать. Между тем, спор по этому поводу даже у сторонних наблюдателей вызывает вопрос: «Какая же это наука, если за 40 с лишним лет она не определилась даже со своим названием?».

Следует признать не снижающуюся активность научных разработок проблем методического обеспечения отдельных видов экспертиз. Но производство экспертиз не самоцель, а средство раскрытия и расследования преступлений, средство решения задач судопроизводства. Следовательно, и в научном плане, и на практике необходимо иметь ввиду проблемы организационного, правового обеспечения реализации их возможностей в указанных целях. Целенаправленно данная проблема может и должна решаться в форме криминалистического или научно-технического, в том числе судебно-экспертного обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Однако до сих пор формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов, средств, рекомендаций (криминалистическое обеспечение) нередко путается с их реализацией в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений (с криминалистическим сопровождением) [6].

2. Организационно-правовая проблема, в частности, касающаяся процессуальной независимости судебных экспертов. Особенно острые дискуссии по этому поводу проходили в 60-х годах прошлого века, которые были связаны с «критикой культа личности» и «преодолением его последствий». Именно тогда (1966 г.) было принято дополнение к статье 67 УПК РСФСР — п. 3 «а», которым запрещалось назначать экспертизы лицам, принимавшим участие в качестве специалиста при осмотре места происшествия по тому же делу. Наглядный пример, когда правовое решение было принято без учета организационных возможностей его реализации и реальных потребностей правоохранительных органов. Что из этого получилось, известно, но проблема по-прежнему остается и требует своего решения. Этого настойчиво добивается Генеральная прокуратура России, возражая при этом против расширения такой практики в условиях сформированной в нашей стране полисистемы правоохранительных органов, в частности, против производства судебных экспертиз в ЭКП СК России [7].

Выход из этого положения, как нам представляется, возможен на пути реформирования экспертно-криминалистических подразделений

(ЭКП) системы МВД России и других правоохранительных министерств и ведомств страны, создания на их основе единой межведомственной судебно-экспертной службы и одновременного укрепления системы научно-технических (техничко-криминалистических) подразделений, профильно специализирующихся в постоянном сопровождении деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

Такие подразделения, по примеру стран Евросоюза, следовало бы наделить правом производства «следственных экспертиз», иначе говоря, при определенных условиях доказательством результаты проводимых ими так называемых «специальных» и «предварительных» исследований следов преступлений. При этом, как вариант, не исключается возможность формирования, при определенных условиях единой государственной судебно-экспертной службы на базе существующей уже системы судебно-экспертных учреждений Минюста России.

В любом случае эти учреждения нуждаются в дальнейшем укреплении и развитии, что обусловлено существенным ростом по объему и значению гражданско-правовых отношений и связанной с ними судебной практикой, повлекшей значительный рост количества судебных экспертиз по гражданским и арбитражным делам. Следует учитывать и то, что в условиях глобализации экономических отношений, прежде всего, на систему этих учреждений ложится основная нагрузка в части международного сотрудничества в сфере судебно-экспертной деятельности [8].

Существенные резервы в совершенствовании судебно-экспертной деятельности кроются в расширении и укреплении системы частных судебно-экспертных лабораторий, институтов, в том числе, создаваемых при вузах страны.

3. Организационно-профессиональная проблема, связанная с необходимостью более основательной специализации и судебных экспертов и специалистов-криминалистов, более предметной криминалистической подготовки самих следователей. Судебно-экспертная и технико-криминалистическая совершенно разные по объему и содержанию виды деятельности, предполагающие различную профессиональную подготовку и специализацию выполняющих их сотрудников. Последняя требует универсальной, комплексной специализации в работе с самыми разнообразными по природе и механизму образования следами преступлений, в том числе, в полевых условиях, причем умения осуществлять не только их поиск, но и анализ их системы, взаимосвязей и последовательности их образования [9].

Следует учитывать также, что используемая при этом техника стала много сложнее конструктивно и значительно разнообразнее функционально. Ее содержание в состоянии готовности и применение требуют

определенных знаний и, самое важное, постоянного практического опыта.

4. Организационно-психологическая проблема, суть которой заключается в том, что сотрудники ЭКП правоохранительных органов, участвуя в собирании следов преступлений, фактически сами себе создают объем будущей экспертной нагрузки, связанной с исследованием таких следов. Более половины из них рассредоточены по территории разных ОВД (в одном из трех по одному). Очевидно, что совмещение ими функции эксперта и специалиста-криминалиста осуществляется не в интересах собирания следов преступлений (фактически объектов в основном ими же проводимых экспертных исследований). На уровне ЭКЦ МВД, ГУВД, регионов традиционно обеспечивается узкая экспертная специализация. И легко можно себе представить насколько профессионально выполняют функции специалиста-криминалиста эксперты-узкопредметники (бухгалтера, химики, физики, автотехники и т. п.), не имеющие системной юридической подготовки, но выезжающие по графику дежурств на осмотры мест происшествий. В этом кроется основная причина крайне низкой результативности их участия в этом следственном действии (в среднем с одного места происшествия изымается немногим более одного следа).

Попытки МВД РФ повысить эффективность деятельности экспертов ЭКП в качестве специалистов путем совершенствования (оптимизации) отчетов, базируются на тех же формальных учетах количества их участия в следственных действиях, потому не дали и не могут дать желаемых результатов [10]. Много важнее совершенствовать не отчеты специалистов, а организацию их деятельности.

5. Учебно-методическая проблема, касающаяся профессиональной криминалистической подготовки субъектов раскрытия и расследования преступлений, включая экспертов ЭКП ОВД и других правоохранительных органов. Такой подготовки, которая имеет своей целью формирование у обучающихся навыков и умений аналитического мышления в работе со следами преступлений как источниками розыскной и доказательственной информации. В настоящее время она осуществляется узкопредметно, разрозненно по отдельным видам учебных дисциплин, без четко выраженной практической ориентации на общий для них предмет деятельности, на ее конечный результат — на раскрытие и расследование преступлений.

Однако результаты узкопредметного и в основном теоретического освоения положений уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебно-экспертной деятельности и других профессионально ориентированных дисциплин, лишь слагаемые (части) того целого, что представляет собой организация раскрытия и расследования преступлений. А эту проблему, по нашему мнению, следует рассматривать не только на узкопредметном (единичном уровне), но

и на общем, то есть системно, в комплексе наук уголовно-правового цикла и, даже на всеобщем, т. е., касающемся правовой регламентации деятельности по названным направлениям ее организации как целого [11].

Смею предположить, что в перспективе при таком понимании данной проблемы, может быть сформирован самостоятельный учебный курс «Организация и методика раскрытия и расследования преступлений», который следовало бы преподавать на заключительном этапе обучения следователей (дознателей) и оперативных работников в вузах МВД России и других правоохранительных министерств и ведомств. Во всяком случае, такое решение просто необходимо, если иметь ввиду их специализацию по раскрытию и расследованию преступлений в сфере экономической деятельности. При этом организация и методика должны быть представлены в органическом единстве. Это «две стороны одной медали». Первая без второй беспельна, вторая без первой беспомощна.

б. Проблема изучения и внедрения в следственную практику зарубежного опыта, которая характеризуется формальным «бросанием» из крайности в крайность. Наиболее взвешенно и в разнообразных формах опыт зарубежных криминалистов, в основном западноевропейских стран, воспринимался в дореволюционной России. В советское время, по идеологическим соображениям, в криминалистике, как и в целом в науке, все зарубежное огульно отвергалось по принципу «не наше — значит не научно». В качестве примера уместно вспомнить критику «лжегенетики», «лжекибернетики» и т. п. факты, которые негативно отражались на развитии и отечественной криминалистике, побуждая ее представителей, в свою очередь, критиковать «реакционную сущность» буржуазной криминалистики.

Но вот парадокс, в условиях социально-экономических преобразований проявилась обратная крайность. Точно так же как раньше все зарубежное по формальным соображениям огульно отвергалось, в 90-е годы прошлого века стало безоглядно насаждаться под предлогом демократизации и либерализации системы судопроизводства нашей страны, причем без учета ее географических, исторических, демографических, экономических, геополитических и тому подобных особенностей. Более того, делалось это избирательно, поэтому вне внимания творцов действующего УПК РФ остались проблемы криминалистической практики, решение которых по примеру зарубежных стран, действительно могло бы способствовать укреплению правоохранительных органов в их деятельности по раскрытию и расследованию «рыночных преступлений». В известной мере это касается и оперативно-розыскной деятельности [12].

В условиях первоначального накопления капитала приоритетной оказалась задача обратного порядка — ослабления правоохранительных

органов. Этой цели послужило, в частности, создание по примеру США, полисистемы правоохранительных органов вместо ранее действовавшей моносистемы, без учета принципиальных различий правовых систем, и, соответственно, без предоставления вновь созданным министерствам и ведомствам равных организационных возможностей в использовании криминалистических и судебно-экспертных методов и средств.

В заключении заметим, что криминалистика и судебная экспертиза представляют собой органически взаимосвязанные каналы интеграции современных достижений научно-технического прогресса в следственную практику, однако их возможности реализуются пока малоэффективно и во многом остаются потенциальными. Причины такого положения кроются не в кризисе этих наук, а в несовершенстве организации и правового регулирования реализации их возможностей в раскрытии и расследовании преступлений, в их несоответствии современному уровню развития техники собирания и исследования следов преступлений — источников розыскной и доказательственной информации.

Попытки объяснить причины такого положения «советским прошлым», отмечаемые в литературе, неизбежно приводят к неконструктивным, а порой и к ошибочным оценкам ситуации, и как следствие, к несозидательным или даже к вредным предположениям по ее разрешению. Об этом свидетельствуют тезисно обозначенные выше проблемы отечественной криминалистики и судебной экспертизы, большинство из которых обусловлено просчетами в реформировании системы уголовного судопроизводства, правового и организационного обеспечения деятельности правоохранительных органов страны, формальным отношением при этом к многовековому опыту борьбы с «рыночной преступностью» в других странах. Такие проблемы решались и до сих пор решаются с позиций умозрительных представлений отдельных обладающих «административным ресурсом» лиц, а необходим комплекс целевых межнаучных исследований для обоснования с математической точностью выверенных предположений.

Воронков И. М., Деменчук А. В., Масько И. И., Сухов И. В.

Модульная платформа для автоматизации лингвистических, психолого-лингвистических и автороведческих исследований и экспертиз

Развитие информационных технологий в условиях современного информационного общества приводит к естественной автоматизации деятельности во всех сферах науки и техники, в том числе при проведении лингвистических, психолого-лингвистических и автороведческих исследований и экспертиз. Необходимо отметить, что полная автоматизация данной деятельности невозможна так как «методологическое

значение логики для криминалистики заключается вовсе не в механическом включении логических законов и понятий в теорию криминалистики, а в разработке на базе этих законов и понятий тех логических приемов работы с доказательствами, без которых невозможен процесс доказывания»¹. Со времени исследований Р. С. Белкина и А. И. Винберга изменились только форма распространения и вид информации, но осталась актуальность вопросов доказывания с точки зрения получения, накопления, хранения, передачи, переработки и использования доказательственной информации.

В процессе автоматизации деятельности экспертов предлагается использовать все современные технологии анализа, хранения и использования информации, при этом важным фактором остается участие эксперта в формировании заключения. В результате исследования объекта автоматизации определено, что подавляющее большинство поступающих на исследование материалов являются трудночитаемыми текстами, такими как, например:

- скриншоты веб-страниц;
- картинки с текстом;
- тексты, напечатанные на печатной машинке, и засветленные тексты;
- плохо читаемые книжные развороты;
- подписи, заметки, печати и грязь, наложенные на текст;
- текст, напечатанный полукругом;
- фотографии засветленных текстов.

Таким образом, процесс подготовки материалов исследования может включать в себя такие хорошо поддающиеся автоматизации процессы, как сканирование, предварительная обработка и распознавание изображений, а также индексирование материалов.

Несмотря на уникальность решаемых задач в рамках лингвистических, психолого-лингвистических и автороведческих исследований, действия, осуществляемые в процессе проведения работ по любому из данных направлений, являются максимально близкими. Приведем общую последовательность действий во время проведения исследования:

- получение исходных материалов, для которых необходимо провести исследование;
- поиск исследования, проведенного ранее по аналогичному тексту, если такое было;
- подбор литературы и методических материалов, которые будут использоваться в процессе исследования;
- аналитическое исследование, проводимое в соответствии с методическими рекомендациями;

¹ Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание: методологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1969.

— формирование заключения на основе полученных результатов.

Аналогично последовательности действий форма заключения, предоставляемого на выходе, также является, по большей части, единой для каждого направления исследования. Отличительной особенностью заключений для разных направлений является специфика вопросов, ставящихся перед экспертом.

Таким образом, учитывая небольшое количество структурных отличий форм заключений, при автоматизации процесса создания заключения существует возможность использования шаблонов. Надо также понимать, что создание заключения хоть и является основной целью проведения исследования, однако его составлению предшествует ряд действий, которые необходимо автоматизировать, например, перевод исходного исследуемого текста в электронный вид, осуществляемый в рамках процесса подготовки материалов для работы.

Этапы обработки исходной информации и формирования заключения естественным образом приводят к модульному принципу построения программного обеспечения, которое автоматизирует деятельность эксперта.

Первый этап работы — иницирующий, который заключается в получении исходных данных, перечня вопросов и сборе необходимых материалов для проведения исследования. Под получением исходных данных подразумевается документ, предписывающий провести исследование (экспертизу), и прилагаемая к нему исходная информация (материалы для исследования).

Второй этап работы — технологический. На данном этапе происходит перевод материалов в электронный вид и осуществляется поиск текста в уже произведенных исследованиях. Поиск текста в уже произведенных исследованиях организуется с целью проверки наличия проведенного аналогичного исследования и сокращения времени на проведение нового. Объектом автоматизации в данном случае будет являться предварительная проверка наличия аналогичного или тождественного текста перед началом исследования.

Третьим этапом проведения исследований и экспертиз является исследование. Аналитическое исследование (экспертиза) производится в соответствии с методическими рекомендациями.

Последний этап работы — формирование заключения. Формирование заключения происходит в несколько шагов, которые могут различаться в зависимости от типа заключения.

Таким образом, были сформированы и реализованы следующие модули платформы для автоматизации исследований и экспертиз:

- модуль ведения единого информационного фонда электронных документов;
- модуль ввода и распознавания текстовых документов;
- модуль индексации файлового архива электронных документов;

- модуль лингвистического анализа электронных документов;
- модуль автоматизированного поиска информации в едином информационном фонде электронных документов;
- модуль научно-методического и словарного обеспечения;
- модуль формирования заключений.

Необходимо отметить, что модульный принцип построения платформы для автоматизации допускает расширение функций отдельных модулей, за счет динамически подключаемых программных библиотек. Например, модуль распознавания текстовых документов расширяется с помощью различных фильтров для устранения дефектов и повышения качества изображения, в том числе реализована возможность создания цепочек фильтров с указанием типа фильтра и его параметров. Цепочки фильтров могут применяться в пакетном режиме ко множеству исходных изображений из которых формируется единый электронный документ. В основе модуля распознавания используются решения одного из лидеров¹ индустрии оптического распознавания: средства разработки ABBYY FineReader Engine.

Также необходимо отметить, что модульная платформа для автоматизации исследований и экспертиз в дальнейшем развитии может найти применение и в других направлениях экспертной деятельности. Кроме того, по мнению разработчиков, наличие и использование подобных решений позволяет повысить эффективность работы экспертов, что диктуется современным уровнем информационного общества.

Гаврилов Б. Я.

О вкладе профессора Р. С. Белкина в формирование в российском уголовно-процессуальном законодательстве следственных действий

Отмечая научные заслуги великого российского ученого Рафаила Самуиловича Белкина в развитие отечественной криминалистики профессор Т. В. Аверьянова², которая возглавила в Академии управления МВД России после него кафедру управления органами расследования преступлений, справедливо обращает внимание представителей научной общественности и практических сотрудников, расследующих конкретные уголовные дела, на то, что заслуга профессора Р. С. Белкина состоит не только в разработке научно-теоретических вопросов криминалистической тактики, но и в обобщении значительного теоретического и эмпирического материала по во-

¹ ABBYY FineReader 12 Professional Edition [Electronic resource] // официальный сайт компании ABBYY, URL: <http://www.abbyy.ru/finereader-professional/opportunities/>

² Аверьянова Т. В. Значение криминалистической теории для судебно-экспертной практики // Труды Академии управления МВД России, 2017. № 3. С. 9–13.

просам криминалистической техники и методики, формирования общих законов развития криминалистики и создания на этой основе общей теории криминалистики.

Именно обобщение Р. С. Белкиным на высочайшем профессиональном уровне значительного объема материалов конкретных уголовных дел, при расследовании которых органами предварительного следствия успешно разрешались нестандартные следственные ситуации, что стало возможным путем их воссоздания в ходе экспериментальных действий следователей и обеспечено тем самым успешное расследование этих уголовных дел.

Особенно наглядно это видно из содержания ряда работ Р. С. Белкина, включая монографию «Теория и практика следственного эксперимента» (1959 г.)¹ и его лекцию «Проверка и уточнение показаний на месте» (1961 г.)², которые и сегодня по своему теоретическому содержанию и прикладному значению являются руководством для теоретических исследований и правоприменительной практики.

В свою очередь, содержание монографии Р. С. Белкина «Ленинская теория отражения и методологические проблемы криминалистики» (1970 г.) способствовало формулированию идеи частной теории отражения в криминалистике³. А отдельные элементы философской теории отражения, по словам самого Р. С. Белкина, нашли свое выражение в различных частных криминалистических теориях⁴.

Вспоминая о Р. С. Белкине, профессор В. П. Лавров отмечает, что ему «очень повезло в течение сорока лет (с 1961 по 2001 г.) работать вместе с Рафаилом Самуиловичем Белкиным, выдающимся советским и российским ученым-криминалистом — моим научным руководителем по кандидатской диссертации и консультантом по докторскому исследованию»⁵.

Действительно, его заслуги перед государством и обществом трудно переоценить и вряд ли возможно оценить в полной мере даже в целой серии научных публикаций. Сегодня жизни и творчеству участника Великой Отечественной войны, капитана-фронтовика, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации генерал-майора милиции Р. С. Белкина

¹ Белкин Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. М.: Высшая школа МВД СССР, 1959. 171 с.

² Белкин Р. С. Проверка и уточнение показаний на месте. М.: Высшая школа МВД СССР, 1961. 27 с.

³ Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.

⁴ Аверьянова Т. В. Значение криминалистической теории для судебно-экспертной практики // Труды Академии управления МВД России, 2017. № 3. С. 10.

⁵ Лавров В. П. Светлой памяти Р. С. Белкина — Ученого, Учителя, Человка // Труды Академии управления МВД России, 2017. № 3. С. 19.

посвящено немало воспоминаний, сборников статей, материалов многих конференций¹.

В рамках своей публикации «Светлой памяти Р. С. Белкина — Ученого, Учителя, Человека» профессор В. П. Лавров выделяет основные, на его взгляд, научные заслуги Р. С. Белкина, отнеся к ним разработку «поистине революционной и подлинной научной концепции криминалистики (конец 60-х — 70-е гг. XX в.)», которую автор воплотил в 3-х томном «Курсе советской криминалистики» (1977–1979 гг.), получившем широкую известность не только в СССР, но и в зарубежной криминалистике. В настоящее время практически не встретишь ни одной научно-значимой публикации, включая кандидатские и тем более докторские диссертации по криминалистике, где бы не использовались данный Курс криминалистики и последующие работы Р. С. Белкина.

Хотелось бы привести и оценку еще одного из руководителей кафедры управления органами расследования преступлений профессора А. М. Кустова, который отмечает значительную роль Р. С. Белкина в истории становления, развития и формирования российской криминалистики². В частности, он обращается к творчеству Р. С. Белкина, рассматривавшего частные криминалистические теории, в т. ч. и учение о механизме преступления «в качестве необходимых составных частей общей теории криминалистики и методологической базы исследования и разработки средств, приемов, методов и методик выявления, раскрытия и расследования преступлений»³.

По согласованию с профессором Р. С. Белкиным в 1990 г. по предложению И. М. Лузгина была начата разработка вопросов и исследование отдельных проблем «механизма преступления», завершившаяся успешной защитой в 1997 г. А. М. Кустовым докторской диссертации на тему: «Криминалистическое учение о механизме преступления».

Отмечая роль профессора Р. С. Белкина как выдающегося ученого-криминалиста, одновременно необходимо отметить и его вклад в исследование проблем теории доказывания, а также отдельных вопросов уголовного процесса. Следует в этой связи отметить его монографию «Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность

¹ Рафаил Самуилович Белкин. Воспоминания друзей, учеников, коллег (к 90-летию со дня рождения) / авт.-сост. Е. Р. Россинская. М., 2012; Роль и значение деятельности профессора Р. С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики: матер. Междунар. науч. конф. (к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина). М., 2002; Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию со дня рождения Р. С. Белкина): матер. 53-х Криминалистических чтений. М., 2012. Ч. I, II; 50 лет в криминалистике (к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина). Воронеж, 2002.

² Кустов А. М. Проблемные вопросы предмета и объектов криминалистики (в память профессора Р. С. Белкина) // Труды Академии управления МВД России, 2017. № 3. С. 14–17.

³ Белкин Р. С. Курс криминалистики // Учебное пособие для вузов в 3 томах. 3-е изд., дополненное, 2001.

и методы»¹. Весьма наглядно профессор Р. С. Белкин проявил себя и в исследовании проблем доказывания в уголовном судопроизводстве, что проявилось в указанных выше его работах, посвященных:

Во-первых, дальнейшему развитию теории и практики такого следственного действия как «следственный эксперимент», которому еще в 1959 году была посвящена названная выше монография «Теория и практика следственного эксперимента», в которой Рафаил Самуилович фактически предсказал появление в УПК РСФСР нового следственного действия. Его актуальность профессор Р. С. Белкин наглядно подтверждает примерами успешного применения данного следственного действия при расследовании уголовных дел, о чем подробно изложено в указанной выше его работе.

Классическим примером использования в расследовании следственного эксперимента автор статьи считает результаты расследования уголовного дела о дорожно-транспортном происшествии, имевшем место летом 1979 г. на 109 км федеральной автодороги Москва-Ярославль-Вологда (Александровский район Владимирской области). В результате наезда автомобилем «Жук» погибли два велосипедиста, двигавшиеся по обочине в попутном с автомобилем направлении (из г. Ярославля в г. Москву). Водитель К. с места происшествия скрылся. В результате активных (на территории 8 приграничных областей) розыскных мероприятий подозреваемый в наезде автомобиль был установлен на одном из автопредприятий г. Москвы. Допрошенный в качестве свидетеля водитель К. подтвердил выезд в служебную командировку в г. Ярославль, однако факт наезда отрицал. Выезжавшая с ним в г. Ярославль женщина-экспедитор И. дорожно-транспортного происшествия не наблюдала (во время движения спала).

Для подтверждения причастности данного автомобиля к наезду на велосипедистов был проведен следственный эксперимент, в ходе которого с участием следователя изучены временные периоды маршрута движения водителя К. на автомобиле «Жук» с выездом с территории автопредприятия г. Москвы до конкретного промышленного предприятия г. Ярославля, где произведена погрузка, и водитель проследовал по обратному маршруту. При этом время прохождения водителем К. участка автодороги, где было совершено дорожно-транспортное происшествие, практически совпало (разница составляла в пределах 10–15 мин.) с временем наезда на велосипедистов. С учетом результатов следственного эксперимента и ряда имевшихся в уголовном деле косвенных доказательств водитель К. вынужден был признать факт наезда на велосипедистов. Приговором суда он признан виновным и осужден к лишению свободы.

¹ Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы: монография. М.; Норма, 1966. 295 с.

Во-вторых, такому, сегодня признанному как научной общественностью, так и, что более актуально, практикующими юристами следственному действию, как «проверка показаний на месте», что нашло отражение в его лекции «Проверка и уточнение показаний на месте», изданной еще в 1961 г. Данное следственное действие фактически, несмотря на его отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве, получило широкое применение. Следователи активно использовали его, особенно, при раскрытии таких особо тяжких преступлений как умышленные убийства. В ходе проверки и уточнения показаний на месте (по Р. С. Белкину) по преступлениям данного вида следователями обнаруживались орудия убийства, похищенное имущество и др. Однако в ряде случаев суды, включая суды уровня субъектов Российской Федерации, результаты данного следственного действия признавали недопустимыми доказательствами с вытекающими последствиями в виде вынесения оправдательного приговора или, в лучшем случае, возвращения уголовного дела для дополнительного расследования. Причина принятия судом столь негативного для следствия решения заключалась в отсутствии в УПК в перечне следственных действий — проверки и уточнения показаний на месте.

Несмотря на убедительность приведенных в лекции, как юридических аргументов, так и примеров из практики раскрытия и расследования преступлений, для введения данного следственного действия в российское уголовно-процессуальное законодательство потребовалось 40 лет.

Пять лет назад, в связи с 90-летием со дня рождения Р. С. Белкина один из его соратников профессор — Александр Георгиевич Филиппов сказал о нем прекрасные слова: «В нашей стране было и есть много замечательных криминалистов, но рядом с Р. С. Белкиным поставить было некого: по объему и значимости созданного за многие годы он стоял (безусловно стоит и сегодня — выделено Б.Г.) как бы отдельно, высоко над всеми остальными... За всем этим не только талант, но и труд, ежедневный, ежечасный, поистине титанический»¹.

И в заключение следует отметить, что научной общественностью в течение последнего десятилетия неоднократно высказывалось предложение об издании полного собрания сочинений Рафаила Самуиловича Белкина, которые в своей совокупности имеют важное значение не только для истории российской криминалистики, но и для современной криминалистической теории и практики деятельности правоохранительных органов. Взять на себя миссию по подготовке и изданию полного собрания сочинений могли бы Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Феде-

¹ Цит. по В. П. Лаврову. Светлой памяти Р. С. Белкина — Ученого, Учителя, Человека // Труды Академии управления МВД России, 2017. № 3. С. 21.

рации и Министерство образования и науки Российской Федерации, создав в этих целях совместную комиссию по подготовке такого собрания сочинений с участием ученых образовательных организаций и научных учреждений, в которых долгие годы трудился на благо Отечества этот замечательный человек. Выход в свет этой работы, как правильно сказал В. П. Лавров, стал бы хорошим подарком всем юристам, всем гражданам России, а также памятным свидетельством к будущему юбилею — 100-летию со дня рождения Р. С. Белкина.

Газизов В. А., Подволоцкий И. Н.

Современные подходы к описанию внешности человека

Изучая основы криминалистики следователи, дознаватели и эксперты-криминалисты знакомятся с научными основами прикладного теоретического учения о внешности человека (габитоскопии) в рамках которого постигают практические рекомендации по составлению розыскных ориентировок, субъективных портретов, словесных описаний внешности человека при проведении следственных действий и поисковых мероприятий. Среди основателей данного направления криминалистики следует назвать А. Бертильона, а его последователями являются, такие известные ученые, такие как Н. С. Бокариус, Н. В. Терзиев, А. А. Гусев, В. А. Снетков, А. М. Зинин, А. Ю. Пересункин и другие.¹

Разработанные ранее методы и прием описания внешней человека на современном этапе своего развития получают новый импульс, связанный с возможностью отождествления личности человека по биометрическим технологиям, в основе которых лежит метод антропометрической регистрации, созданный А. Бертильоном. Современные фото- и видеофиксирующие технологии, соединенные с аппаратно-программными комплексами, позволяют создавать базы данных размерных параметров внешности человека с последующей возможностью их сравнения и оформления результатов проведенного отождествления личности.

Привлечение компьютерных технологий в практику розыска людей позволяет решать традиционные и новые задачи криминали-

¹ См.: *Бокариус Н. С.* Первоначальный наружный осмотр трупа при медицинском и розыском дознании. Харьков, 1925; *Бертильон А.* Антропометрическое отождествление. Вена. 1893; *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908; *Гусев А. А.* Методика производства судебных экспертиз в целях установления личности по чертам внешности. М., 1960; *Зинин А. М., Винниченко И. Ф.* Типы и элементы внешности / пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1979; *Пересункин А. Ю.* Криминалистическое отождествление личности по внешним признакам (судебная габитология). В книге «Криминалистика». М., 1976; *Снетков В. А.* Габитоскопия / учебник. Волгоград. ВСШ МВД СССР. 1979; *Терзиев Н. В.* Уголовная регистрация // Советская криминалистика. М., 1958, и др.

стики на более высоком уровне, что требует изменения нормативного и терминологического регулирования. Традиционные криминалистические рекомендации по составлению субъективных портретов предусматривают очередность этапов составления описаний. Начальный этап свободного изложения свидетелем данных о внешности человека характерен тем, что очевидец, в зависимости от своего уровня образования и вида профессиональной деятельности, описывает облик подозреваемого лица теми или иными терминами, чаще всего «бытовыми». На следующих этапах оформления розыскных ориентировок, субъективных портретов, описаний внешности человека при проведении следственных действий, специалист особым языком трансформирует произвольное описание в криминалистическое, с терминами, однозначно понятными сотрудникам правоохранительных органов. Для изготовления «словесного портрета», еще со времен А. Бертильона, разработан специальный словарь для точного описания внешних форм человеческого тела, его одежды и параметров передвижений.¹

Разработчики биометрических программ установления личности человека обучаются в технических вузах, а свои знания и навыки применяют в незнакомой для них области — криминалистике. Подобный синтез знаний серьезно отражается на устоявшихся подходах к составлению криминалистических описаний, что имеет свои положительные и отрицательные стороны. Среди негативных обстоятельств следует выделить хаотичность используемых терминов в наименовании элементов внешности и их признаков. Так, в современной литературе, встречается использование понятий «внешний облик человека», «индивидуальный облик», «идентификационный портрет». Можно встретить и другие синонимы, к примеру, «черты внешности», «черты лица», «внешние признаки человека», «признаки словесного портрета», «приметы». Указанные термины имеют и различное толкование.

К отрицательным сторонам данных процессов следует отнести следующие обстоятельства: отсутствие единой терминологии, неоднозначность характеристик элементов внешности, отсутствие единой классификации элементов внешности, недостаточная дифференциация индивидуальных признаков, игнорирование процедур проверки достоверности отображения признаков и учета обстоятельств получения отображения внешности.

Среди положительных сторон слияния криминалистики и биометрии можно назвать оперативность и глобальность проводимых процессов, доступность широкого использования, наличие нормативного регулирования. Последнее особенно важно, т. к. позволяет сформировать общие подходы к ее применению.

¹ См: *Бертильон А.* Антропометрическое отождествление. Вена, 1893.

Разнообразие терминов и определений, характеризующих внешность человека, связано с многогранностью свойств, которыми обладает человек. Для правоохранительных органов, значимой следует считать информацию, указывающую на отдельные свойства человека. В. А. Снетков выделяет физиологические, психические и социальные свойства.¹ Представляется, что более актуальными для отождествления личности человека будут его «биологические» свойства, характеризующие человека не только по внешним признакам, но и по особенностям жизнедеятельности (двигательным характеристикам). Таким образом, предлагаем вместо термина «физиологические свойства человека» использовать термин «биологические свойства человека».

Отражение биологических свойств человека происходит за счет их проявления во вне, они воспринимаются визуально и определяются через систему анатомических признаков (внешняя анатомия), систему комплексных признаков, которая позволяет судить о принадлежности к какой-либо группе лиц (например, людям молодого возраста, лицам европеоидной антропологической группы), а также систему двигательных признаков человека (мимика, жестикуляция, походка и др.).

Изучение термина «признак» в значении характеристики внешности человека, позволяет сказать, что он давно и часто используется в криминалистике. Однако, можно встретить и его синонимы, к примеру, «черты внешности», «черты лица», «внешние признаки человека», «признаки словесного портрета», «приметы».² Различие терминологической сущности состоит в объеме информации, которую пользователи включают в данные термины. В отношении «внешних признаков» В. А. Снетковым справедливо подмечено, что «... такое расширительное толкование не вполне правомерно, так как не соответствует точному смыслу слова «внешность» («наружность»».³ Таким образом, употребление термина «признаки внешности» в криминалистике и судебной экспертизе наиболее приемлемо и характеризует только наружные данные внешности человека.

В рамках изучаемой темы следует обратить внимание на важность унификации признаков, имеющих высокую идентификационную

¹ См.: Снетков В. А. Габитоскопия / учебник. Волгоград. ВСШ МВД СССР. 1979.

² См.: Бокариус Н. С. Первоначальный наружный осмотр трупа при медицинском и розыском дознании. Харьков, 1925; Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908; Гусев А. А. Методика производства судебных экспертиз в целях установления личности по чертам внешности. М., 1960; Персункин А. Ю. Криминалистическое отождествление личности по внешним признакам (судебная габитология). В книге «Криминалистика». М., 1976.

³ См.: Снетков В. А. Габитоскопия / учебник. Волгоград. ВСШ МВД СССР. 1979.

значимость. Составить описание внешности человека можно с использованием различного объема признаков. Здесь прослеживается прямая зависимость в том, что большее количество указанных в описании признаков, в большей степени способствует установлению личности разыскиваемого человека. С помощью биометрических технологий в криминалистике, созданию развернутых описаний способствует заложенный в компьютерной программе алгоритм составления описания. В отличие от компьютерных описаний, словесные ориентировки страдают ограниченным объемом информации, снижающим возможность поиска человека. Однако, при использовании компьютеров, мы также можем столкнуться с отсутствием качества описаний внешности человека, но уже по другой причине, которая кроется в особенностях определения идентификационной значимости признаков, включенных в описание. Автоматическое описание признаков внешности человека составленное из характеристик, имеющих групповое значение, не позволяет установить единичное тождество, что приводит к отрицательным результатам установления личности человека.

В традиционную схему дифференциации значимых для отождествления личности признаков включаются особенности, особые приметы и броские признаки. Под «особенностями» понимаются любые отклонения от нормального строения анатомических элементов внешности человека, а также необычные проявления двигательных функций человека. К числу «особых примет» относят необычные, существенные особенности строения внешности человека в целом или отдельных его элементов. К «броским приметам» причисляются те же особые приметы, но находящиеся на открытых частях тела человека (лице, кистях рук). Значение «особых примет» для розыска переоценить невозможно, именно по ним можно выделить человека из группы похожих. Поэтому все ученые акцентируют внимание на необходимости их включения в розыскные ориентировки и иные субъективные портреты.

В заключении хотелось бы отметить прогрессивное влияние современных информационных технологий на отрасль криминалистики и портретной экспертизы, поскольку это позволяет быстро проводить установление личности при оперативно-розыскных мероприятиях, а при производстве портретных экспертиз, применить методы объективного математического контроля результатов сравнительного исследования. Представляется, что ближайшие годы наука и практика объединит свои усилия в целях унификации используемой терминологии при составлении описаний внешности, разработке процессов и алгоритмов производства сравнительных исследований, нормативной регламентации судебных экспертиз.

Галяшина Е. И.

Речевые следы как объекты судебных экспертиз (в свете идей Р. С. Белкина)

В условиях массового внедрения в информационное пространство современных компьютерно-опосредованных средств коммуникации речевые действия нередко служат источником или причиной документационных споров и информационных конфликтов, выделяются в особые группы совершения правонарушений по способу их совершения посредством *слова*¹ или по предмету преступного посягательства — в отношении слова как продукта словотворчества- речемыслительной и интеллектуальной деятельности². И в том и в другом случае для правоприменителя криминалистически значимым источником информации выступают *речевые следы* — *зафиксированные на материальном носителе* результаты речевой деятельности человека.

Как объект экспертного исследования результат речевой деятельности имеет двойственную природу: непосредственно материальный носитель и неотъемлемое от него словесное (вербальное) воплощение человеческой мысли. С точки зрения теории слеодообразования речевой след — это информация, запечатленная при помощи языка и посредством речевой деятельности в *слове*. Слеодообразующим объектом будет устный или письменный текст (речевое произведение) как результат речемыслительной деятельности человека. Следовоспринимающим — материальный носитель, на котором устный или письменный текст зафиксирован (фонограмма, электронный ресурс, холст, бумага, информационный носитель и т. д.). В данном случае речевой след будет являться следовым контактом, возникшим в результате соответствующего взаимодействия и между носителем информации и речепорождающим субъектом, и отражающим признаки слеодообразующего объекта — вербализованного продукта речемыслительной деятельности человека. Таким образом, исследованию судебного эксперта будут подвержены признаки следового контакта, характеризующие внешние характеристики результата речемыслительной деятельности человека в виде устной речи или письменного текста.

В статье 10 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ФЗ о ГСЭД) к объектам судебной экспертизы отнесены вещественные доказательства, документы, предметы, животные, трупы

¹ Макашова В. В. Речевое действие как правонарушение. М.: РИЦ МГУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 4.

² Пфейфер Е. Г. Судебные экспертизы результатов интеллектуальной деятельности: теория и практика назначения, проведения и оценки результатов исследования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, 2016. С. 10.

и их части, образцы для сравнительного исследования, материалы дела, а также живые лица. Кроме того, судебная экспертиза может быть произведена в отношении отображений людей и животных, предметов, механизмов и агрегатов, веществ, материалов и изделий, документов и полиграфической продукции, выделений человека, разнообразных объектов растительного и животного происхождения и иных объектов¹.

Для того, чтобы речевые следы могли быть использованы в доказывании, они должны быть отображены на материальном носителе.

В этой связи можно констатировать, что речевые следы как объекты судебных экспертиз могут быть представлены в качестве вещественных доказательств, документов, образцов для сравнительного исследования.

Р. С. Белкин, рассматривая проблемы взаимосвязи отражения и доказывания подчеркивал: «Содержание доказательства — это заключающаяся в нем как в информационном сигнале доказательственная информация. Эта информация дает ответ не только на вопрос, что устанавливается данным доказательством, но и позволяет выяснить, согласуется ли данное доказательство с другими доказательствами.... Для того чтобы доказательственная информация позволила судить об ее источнике, т. е. о том событии (преступлении), которое вызвало какие-то изменения, она (информация) должна иметь смысловой характер и выступать в форме сообщения. Как указывает Г. Клаус, «сообщения — это такие информации, которыми обмениваются носители сознания. Сообщение есть единство физического носителя (сигнал) и значения (семантика)»... В тех случаях, когда познание смыслового значения доказательственной информации и придания ей формы сообщения необходимо привлечение специальной информации их области естественных или иных наук, осуществляется экспертное исследование доказательств как особое средство познания их содержания»².

В этой связи особое значение приобретают специальные знания в области судебного речеведения как интегрированной области знаний о речевых следах как объектах судебно-экспертного исследования, осуществляемого в рамках различных экспертиз, входящих в класс речеведческих³.

В этот класс объединены роды судебных экспертиз, для которых речевая деятельность выступает в качестве общего объекта, и разрабо-

¹ *Россинская Е. Р., Галияшина Е. И.* Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. С. 24–25.

² *Белкин Р. С.* Отражение и доказывание. Глава из книги Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. С. 16–27. Цит. по Белкин Р. С. Избранные труды / Рафаил Самуилович Белкин. М.: Норма, 2008. С. 291–292.

³ *Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галияшиной.* М.: Проспект, 2017. С. 87–91.

таны частные экспертные теории, методики экспертного исследования продуктов речевой деятельности, экспертные технологии, определяющие общие, профессиональные и специальные профессиональные компетенции эксперта. В соответствии с этими требованиями определен перечень изучаемых дисциплин, необходимых для формирования компетенций, и разработаны специальные оценочные средства, позволяющие контролировать уровень их освоения. К числу речеведческих экспертиз относятся, в частности, судебная почерковедческая, автороведческая экспертиза и судебная лингвистическая экспертиза. Примыкает к речеведческим экспертизам криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей (фоноскопическая/фонографическая экспертиза звучащей речи). Речеведческие экспертизы объединяет общность исследуемых объектов — следов речевой деятельности с признаками правонарушений, а также разнообразных продуктов речевой деятельности, в отношении которых возникают споры и конфликты. Общим является и комплекс специальных речеведческих знаний, необходимых для производства экспертизы, детерминируемый перечнем решаемых задач и языковой природой исследуемых объектов. Накопленные в судебном речеведении знания позволяют с позиций судебной экспертологии в интеграции с теорией распознавания образов расширить существующие теории экспертной идентификации и диагностики личности по функционально-динамическим навыкам устной речи (в фоноскопической /фонографической экспертизе) и по признакам письменно-речевых навыков в автороведческой экспертизе. Особенно динамично развивается лингвистическая экспертиза, в рамках родовидовой классификации которой образуются новые виды и подвиды (нейминговая экспертиза, экспертизы результатов интеллектуальной деятельности, экспертиза рекламного текста, экспертизы материалов диффамационной, экстремистской направленности, агитационных и пропагандистских материалов, нормативных правовых актов и т. п.).

Помимо семиотической (знаковой) природы речевых следов, обуславливающей их дуализм, их специфика определяется также криминалистической сущностью речевых действий, квалифицируемых как правонарушений. К таковым относятся диффамационные, экстремистские, коррупционные, провокационные и т. п. речевые действия, где речевые следы выступают основным источником информации о событии преступления.

Р. С. Белкин справедливо подчеркивал, что «Информация как мера связи события и вызванных этим событием изменений в среде не может существовать без материальной основы или, как принято говорить, вне информационного сигнала, под которым понимают единство материального носителя и средства передачи информации. Таким образом, доказательство — это информационный сигнал, имеющий свое содержание — информацию и форму выражения — информационный

код. Информационным кодом служит и человеческая речь (словесный код)»¹.

Поскольку речевые следы по составам правонарушений, совершаемых посредством *слова* (например, распространение порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений (ст. 152 ГК РФ), клевета (ст. 128.1. УК РФ), клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298.1 УК РФ); оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ), оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ), неуважение к суду (ст. 297 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) и другие), — это особая категория текстов (высказываний), сущность и свойства которых неразрывно связаны и выражены через правовой статус (квалификацию деяния), то это предопределяет с одной стороны наличие у эксперта специальных юридических знаний, но с другой необходимости четкого разграничения вопросов факта и вопросов права при осуществлении судебно-экспертного исследования текстов как следов «речевых правонарушений».

Речевые следы как объект класса речеведческих экспертиз в совокупности представляют собой динамичную систему, которая в ходе развития научной мысли и самого общества в целом претерпевает логически последовательные изменения: возникают новые виды носителей речевой информации (например, цифровые фонограммы, цифровые видеофонограммы практически полностью вытеснили из экспертной практики аналоговые записи), новые способы коммуникации порождают новые продукты речевой деятельности (например, смешанная устно-письменная форма интернет-коммуникации, переписка в мессенджерах, смс-переписка и т. п.), новые компьютерные и информационно-телекоммуникационные системы порождают гипертексты и креолизованные тексты (например, тексты рекламы, товарные знаки, интернет-порталы, граффити и т. п.), в исследовании иных объектов отпадает необходимость (например, аналоговые фонограммы и видеофонограммы), а связи, возникающие между объектами «в форме возможностей экспертного исследования», могут иногда перекликаться между собой, что обусловлено возможностью исследования одного объекта при помощи разных видов экспертных исследований и при их комплексировании (например, фонограммы телефонных переговоров могут быть объектами как фоноскопической, так и лингвистической

¹ Белкин Р. С. Отражение и доказывание. Глава из книги Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. С. 8–15. Цит. по: Белкин Р. С. Избранные труды / Рафаил Самуилович Белкин. М.: Норма, 2008. С. 279.

экспертизы, а тексты, распространяемые средствами массовой коммуникации могут выступать объектами одновременно и автороведческой и лингвистической экспертизы).

Язык, на котором осуществляется речевое общение, также претерпевает изменения. Процессы, происходящие с русским языком на постсоветском пространстве, во многом затронули его статус в России и современном мире. Изменения затрагивают как сферу использования языка, снимая многие запреты и табу, существовавшие в сфере речевого этикета, так и саму систему языка, что также должно учитываться экспертами.

Основываясь на идеях, высказанных Р. С. Белкиным о доказательственной информации, черпаемой исследователем благодаря связи отражения и познания объектов материального мира как следов преступления, можно обозначить еще одну специфику речевых следов, как результатов речевых действий, совершаемых коммуникантами в структуре социального взаимодействия с учетом их ролевых предписаний. «Ролевые предписания, понимаемые как социальные нормы, которые рассматриваются «со стороны их функциональной значимости для личности», включают акт коммуникации в более широкие социальные системы. Коммуникация включена в социальные отношения общающихся — это две неразрывные стороны речевого взаимодействия»¹.

В завершении можно сказать, что специфическими свойствами речевых следов как объектов речеведческих экспертизы является их дуалистическая знаковая (информационно-материальная) природа, правовой аспект квалификации как правонарушений («речевые правонарушения») или правовой режим функционирования как объектов преступного посягательства, которым предоставлена охрана (результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации товаров и услуг, сведения, составляющие тайну и т. п.), включенность в социальную коммуникацию («речевое общение»).

Данный перечень, по видимому, не является исчерпывающим, «поскольку среда, в которой преступление вызывает изменение, это не нечто монолитное, не один объект, а комплекс объектов, процессов, явлений, постольку и отражение преступления, его «отпечаток» содержится не на одном отражающем объекте, а на их комплексе»².

¹ Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения / отв. ред. А. А. Леонтьев. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 54.

² Белкин Р. С. Отражение и доказывание. Глава из книги Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. С. 8–15. Цит. по: Белкин Р. С. Избранные труды / Рафаил Самуилович Белкин. М.: Норма, 2008. С. 280.

Гармаев Ю. П.

Инновации криминалистической методики в трудах профессора Р. С. Белкина: развитие идеи

Множество научных положений, сформулированных профессором Р. С. Белкиным в рамках заключительного раздела науки криминалистики можно назвать инновационными не только на момент издания соответствующих работ, но и в настоящее время. С учетом ограниченности объема выступления вспомним одно из них. В своем «Курсе криминалистики» Рафаил Самуилович сформулировал концепцию двух основных направлений дальнейшего «комплексирования» частнометодических криминалистических рекомендаций:

«1) разработка новых методик, обусловленных появлением новых составов преступлений, а также совершенствование существующих методик, связанное с появлением новых способов совершения преступлений, с изменением контингента субъектов преступных посягательств, изменением обстоятельств, способствующих совершению данного вида преступлений и т. п.;

2) создание методик *более высокого уровня обобщения* (курсив мой. — Ю. Г.), охватывающих несколько видов и даже родов преступных посягательств, но совершаемых не вообще, а в специальных условиях места, времени либо лицами, характеризующимися общим для них отличительным признаком.

Такие комплексы отличаются от традиционных частных методик своей структурой и содержанием. По сути, они должны состоять из характеристики основания формирования комплекса и раскрытия особенностей методики расследования, которые обусловлены данной характеристикой и в которых она проявляется¹. Концептуальные идеи о «методиках более высокого уровня обобщения» (синонимы: укрупненные, базовые методики), хотя в той или иной форме обсуждались научным сообществом тех лет, но в заданном контексте оказались ярким примером инновационного научного прогнозирования.

Процесс создания укрупненных криминалистических методик расследования последние четверть века идет постоянно и весьма активно. Их уже более двадцати трех. Так, Л. В. Бертовский в 2006 году провел краткий анализ уровня разработанности укрупненных методик. Автор выделил исследования Л. Л. Каневского, направленные на создание методики расследования преступлений несовершеннолетних; В. А. Образцова — методики расследования преступлений, связанных с профессиональной деятельностью; В. И. Рохлина — методики рас-

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов в 3 томах. Т. 3. 3 изд., дополненное. М., 2001. С. 247.

следования преступлений, связанных с хозяйственной деятельностью; Н. Г. Шурухнова — методики расследования преступлений в исправительно-трудовых учреждениях; В. М. Быкова — методики расследования преступлений, совершенных группой лиц; А. А. Протасевича — методики расследования серийных преступлений, сопряженных с насилием; А. А. Белякова — методики расследования преступлений, связанных со взрывами¹.

С учетом истекшего времени Р. Н. Боровских дополнил начатый автором открытый перечень²: Л. В. Бертовский — методики расследования преступного нарушения правил экономической деятельности³; А. А. Корчагин — методики расследования и судебного разбирательства по делам об убийствах (всех видов)⁴; Ю. В. Гаврилин — методики расследования преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики⁵; С. В. Зуев — методики расследования преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами: преступными организациями⁶; М. В. Субботина — методики расследования хищений чужого имущества⁷; О. Ю. Антонов — методики расследования электоральных преступлений⁸; В. В. Крылов — методики расследования преступлений в сфере информации⁹; В. А. Мещеряков — методики расследования преступлений в сфере компьютерной

¹ *Бертовский Л. В.* Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук по специальности 12.00.09. «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность». М., 2005. С. 28.

² *Гармаев Ю. П., Боровских Р. Н.* Основы концепции укрупненных (общих, базовых) криминалистических методик расследования преступлений // Уголовная юстиция. 2017. №9. С. 103–107.

³ Там же.

⁴ *Корчагин А. А.* Криминалистическая методика предварительного расследования и судебного разбирательства по делам об убийствах (проблемы теории и практики): монография / под науч. ред. д. ю. н., профессора В. К. Гавло. М.: Юрлитинформ, 2013. 512 с.

⁵ *Гаврилин Ю. В.* Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики: теоретические, организационно-тактические и методические основы: дис. ... д-ра юрид. наук по специальности 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; оперативно-розыскная деятельность». М., 2009. 404 с.

⁶ *Зуев С. В.* Уголовное судопроизводство по делам о преступлениях, совершаемых организованными преступными формированиями / С. В. Зуев. М.: Юрлитинформ, 2008. 336 с.

⁷ *Субботина М. В.* Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: дис. ... д-ра юрид. наук по специальности 12.00.09. «Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебная экспертиза». Волгоград, 2004. 421 с.

⁸ *Антонов О. Ю.* Теория и практика выявления и расследования электоральных преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук по специальности 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность». М., 2008. 500 с.

⁹ *Крылов В. В.* Расследование преступлений в сфере информации. М.: Издательство «Городец», 1998. 264 с.

информации¹; В. И. Брылев — методики расследования организованной преступной деятельности в сфере наркобизнеса²; В. Н. Григорьев — методики расследование преступлений в чрезвычайных условиях³; И. В. Александров — методики расследования налоговых преступлений⁴; О. С. Кучин — методики расследования незаконного оборота ценностей⁵; И. С. Федотов — насильственных преступлений, совершаемых в отношении малолетних⁶; Г. А. Дымов — методики расследования органами внутренних дел корыстно-насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними⁷; И. А. Попов — методики расследования преступлений, связанных с пожарами⁸; О. П. Грибунов — методики расследования преступлений против собственности, совершаемых на транспорте⁹.

Указанные Л. В. Бертовским работы, по его справедливому мнению, связаны с изучением различных групп сходных видов преступлений. Причем под понятием: «группа криминалистически сходных видов преступлений» автор охватывает различные по объему и содержанию подмножества преступных посягательств, в чей круг входят определенные криминалистически сходные уголовно-правовые рода пре-

¹ Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж: Из-во Воронежского гос. ун-та, 2002. 408 с.

² Брылев В. И. Проблемы раскрытия и расследования организованной преступной деятельности в сфере наркобизнеса: дис. ... д-ра юрид. наук по специальности 12.00.09. «Уголовный процесс, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности». Екатеринбург, 1999. 383 с.

³ Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: правовое обеспечение, организация, методика: дис. ... д-ра юрид. наук по специальности 12.00.09. «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза». М., 1993. 565 с.

⁴ Александров И. В. Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук по специальности 12.00.09. «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза». Екатеринбург, 2003. 431 с.

⁵ Кучин О. С. Криминалистическая теория и практика выявления и расследования незаконного оборота ценностей: дис. ... д-ра юрид. наук по специальности 12.00.09. «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность». М., 2011. 380 с.

⁶ Федотов И. С. Расследование насильственных преступлений, совершаемых в отношении малолетних: правовые, теоретические и организационные основы: дис. ... д-ра юрид. наук по специальности 12.00.09. «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность». Воронеж, 2009. 466 с.

⁷ Дымов Г. А. Правовые и организационно-тактические основы раскрытия и расследования органами внутренних дел корыстно-насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними: дис. ... д-ра юрид. наук по специальности 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность». Владимир, 2006. 321 с.

⁸ Попов И. А. Расследование преступлений, связанных с пожарами. М.: Издательская группа ИНФРА-М НОРМА, 2001. 167 с.

⁹ Грибунов О. П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: дис. ... д-ра юрид. наук по специальности 12.00.12. «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность». Ростов н/Д, 2016. 543 с.

ступлений (например, «воинские преступления»), отдельные группы криминалистически сходных видов преступлений, выделяемых «на основе криминалистической классификации уголовно-правовых родов, а также криминалистической классификации всей совокупности преступлений»¹.

Выдвинем и проверим научную гипотезу: на примере формирования каждой укрупненной методики расследования преступлений автор-исследователь должен разработать и представить процесс, а также результат создания общих положений, принципов создания данного типа методик. Иными словами, именно разработчикам следует создавать сценарии формирования методик, которых, вероятно, может, должно быть и несколько. И не столько научное сообщество, сколько практика — свидетель конкуренции сценариев и главный потребитель научных продуктов, должна решать вопрос о том, что ей нужно, полезно, эффективно, а что нет.

Проверка предложенной гипотезы — процесс не из легких. И не факт, что в рамках данной статьи задача будет решена. Но начать следует.

Итак, в научных публикациях имеется мнение о двух путях, направлениях формирования укрупненных криминалистических методик. Направление первое: «Создается методика расследования определенного вида преступления; по мере ее развития, с учетом комплекса уголовно-правовых норм, потребностей практики, «внутри» данной, теперь уже общей методики, разрабатываются рекомендации меньшей степени общности — частные методики». Направление второе: «Накапливается определенное количество частных методик расследования однородной по тем или иным критериям группы преступлений; становится очевидным, что имеющиеся частные методики содержат общие закономерности, которые позволяют объединить их в общую методику, создание и внедрение которой в практику само по себе предлагает новые средства борьбы с эволюционирующей преступностью»².

Данные идеи позднее получили свое развитие. Появилось предложение об одном из возможных алгоритмов создания укрупненных методик. На первом этапе могут быть сформированы основы укрупненной методики расследования; определен перечень частных методик, подлежащих включению в состав данной общей. На втором этапе необходимо провести анализ состояния разработанности криминалистических методик, подпадающих под признаки данной укрупненной методики, следует привести уже имеющиеся частные (менее общие) методики в соответствие с положениями укрупненной. На третьем этапе

¹ Бертовский Л. В. Указ. соч. С. 29.

² Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. по специальности 12.00.09. «Уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности». М., 2003. С. 175.

надлежит создать еще не разработанные частные методики расследования, с учетом имеющихся: пробелов в укрупненной, потребностей практики, содержания «смежных» частных и укрупненных методик и т. д. Завершающим этапом становится окончательная, системная доработка укрупненной методики, с учетом ее фактического наполнения менее общими, в том числе, разработка внутренней классификации, «путеводителя» по системе, общих алгоритмов и программ, унификация форм представления методик (письменная, визуальная, аудиовизуальная, компьютерная) и т. д.¹

Вместе с тем, приведенный алгоритм необходимо дополнить еще одним пунктом-этапом (вероятно, его последовательное расположение должно быть после пункта 2). Речь идет о необходимости анализа ранее изученных криминалистами-разработчиками смежных видов и групп преступлений и, соответственно, методик их расследования, в целях использования уже имеющихся научных положений и прикладных рекомендаций по принципу смежности.

Концептуально важные положения для рассматриваемой проблематики предложены М. В. Субботиной. Автором, в развитие положений своего диссертационного исследования², предложена концепция базовой методики расследования преступлений.

Итак, под базовой методикой автор понимает систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по раскрытию и расследованию нескольких видов преступлений, объединенных в единый предмет изучения на основе уголовно-правовых и криминалистических критериев³.

Следует также обратить внимание на то, что автор воспринимает базовую методику только в одном значении — как совокупность научных положений и прикладных рекомендаций, то есть только как конечный продукт науки, годный для применения на практике. Полагаем, что такой подход необоснованно сужает область применения и значение укрупненных криминалистических методик.

В одной из работ, посвященной криминалистической методике судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах⁴, авторы, рассматривая проблемы построения любых укрупненных методик,

¹ Гармаев Ю. П., Лубин А. Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 193.

² Субботина М. В. Там же.

³ Субботина М. В. Структура базовой методики расследования преступлений // Вестник криминалистики. Вып. 2 (18). 2006. С. 4–7.

⁴ Гармаев Ю. П., Кириллова А. А. Криминалистическая методика судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ): теоретические основы и прикладные рекомендации (монография+практическое пособие). М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2014. С. 36.

утверждают, что любую общую (укрупненную) методику необходимо рассматривать в трех значениях:

а) как самостоятельный комплекс рекомендаций, годных к непосредственному использованию в расследовании преступлений (например, всех видов убийств);

б) как систему входящих в нее менее общих или частных методик расследования (например, убийств меньшей степени общности (ч. 1 ст. 105 УК РФ, и т.п.);

в) в третьем — методологическом значении общую (укрупненную) методику можно рассматривать как некий инструмент, шаблон для криминалиста-разработчика, как теоретическую и методическую основу для разработки новых менее общих и частных методик расследования и судебного разбирательства по уголовным делам (например, об убийствах), подлежащих включению в структуру общей¹.

Мы дополним этот перечень еще одним — уже четвертым значением: крупную, базовую методику следует рассматривать еще и как научный продукт, призванный дополнить ряд уже имеющихся и планируемых к разработке методик, которые в заданном контексте можно назвать «смежными». Использование крупных методик не в одном — прикладном, а во всех четырех значениях, действительно может дать новый импульс к дальнейшему развитию заключительного раздела науки².

Итак, процесс создания базовых, крупных криминалистических методик расследования идет в науке постоянно. Данный процесс с необходимостью должен быть обеспечен жизнеспособной, эффективной методологией, научной технологией формирования соответствующего, весьма сложного и многозначного, многоцелового научного продукта. Вновь отметим, что значительная заслуга в развитии данного важного научного направления принадлежит профессору Р. С. Белкину с его идей о необходимости укрупнения методических рекомендаций путем создания методик большей степени общности или группировки однотипных методик³.

Голикова В. В.

Методическое обеспечение судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу на прибыль

В соответствии с общей теорией для исследования каждого вида объектов в судебной экспертизе разрабатывается методика судебно-

¹ Там же.

² Гармаев Ю. П., Боровских Р. Н. Там же.

³ Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов в 3 томах. Т. 3. 3-е изд., дополненное. М., 2001. С. 247.

экспертного исследования — это система категорических или альтернативных научно обоснованных предписаний по выбору и применению в определенной последовательности и в определенных существующих или создаваемых условиях методов, приемов и средств (приспособлений, приборов и аппаратуры) для решения экспертной задачи. Выделяют методики трех видов: родовая или видовая (совокупность средств и способов производства экспертиз данного рода или вида), типовая (решение типовых для данного рода или вида экспертизы задач) и частная (решение определенной экспертной задачи)¹.

Особенность судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу на прибыль, как и всего класса экономических экспертиз, заключается в том, что отсутствуют универсальные методики исследования. В отличие от различных родов (видов) криминалистических экспертиз, исследования по которым проводится на основании устоявшихся и стабильно применяемых «законов» точных наук (химии, физики, математики и др.), судебная налоговая экспертиза находится в прямой зависимости от динамично изменчивых внешних факторов. Под ними подразумеваются нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы налогообложения, подзаконные акты, разъяснения специализированных органов государственной власти, судебная практика, которые постоянно подвергаются изменениям и, разумеется, оказывают влияние на деятельность налогоплательщиков по учету хозяйственных операций, по порядку исчисления и уплаты налогов.

Учитывая многообразие общественных отношений, в которые вступают организации, различные отраслевые особенности предпринимательской деятельности, которые влияют на исчисление налога, некую свободу в выборе методов учета хозяйственных операций, которые должны быть закреплены в учетной политике, свободу в выборе контрагентов и форм договорных отношений, создать универсальные частные методики сложно, да и, скорее всего, нецелесообразно. В каждом конкретном случае эксперт будет исследовать специфичные объекты, которые невозможно заранее предусмотреть в полном объеме в методики исследования.

«Метод судебной налоговой экспертизы — это совокупность приемов, используемых экспертом при исследовании объектов для дачи полного и обоснованного заключения по поставленным перед ним вопросам»². Опираясь на общую теорию судебной экспертизы, мож-

¹ *Россинская Е. Р.* Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА М, 2016. С. 123–124.

² *Голикова В. В.* К вопросу о методическом обеспечении судебной налоговой экспертизы: Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 99–102. Научная электронная библиотека eLibrary.ru. (дата обращения 18.04.2017).

но выделить всеобщий диалектический метод, общенаучные методы, специальные методы¹.

Всеобщий метод — база любого процесса познания, включает в себя анализ, синтез, индукцию, дедукцию, конкретизацию. Среди общенаучных методов особое значение имеют описание, сравнение, эксперимент, математические методы (вычисление, математическое моделирование). Отдельного внимания среди данной группы заслуживает метод моделирования, который занимает центральное место при производстве налоговой экспертизы. При решении вопросов о правильности отражения в налоговом учете хозяйственных операций, о правильности определения налоговой базы по налогу на прибыль и др., эксперт на основании объектов исследования строит налоговую модель, характеризующую обязательства налогоплательщика, которую в дальнейшем сравнивает с фактически существующей ситуацией и определяет наличие нарушений налогового законодательства. Что касается специальных методов, то для целей судебной налоговой экспертизы применимы: расчетно-аналитические методы (экономический анализ, аналитические расчеты), документальные методы (проверка арифметических расчетов, проверка экономических расчетов, нормативная проверка, проверка правильности отражения хозяйственных операций, метод взаимного контроля, метод документальной проверки, встречная проверка, подтверждение)².

Нельзя не согласиться с Р. С. Белкиным, который отмечал, что «ни один из применяемых научных методов нельзя абсолютизировать, превращать в единственно возможный, универсальный. Метод, взятый изолировано от других, не может привести к успеху ни в научном исследовании, ни в практической деятельности. Практика показала, что только совокупность методов познания может обеспечить достижение истины»³.

Представляется, что методическое обеспечение судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу на прибыль должно базироваться на выборе правильного направления исследования и достаточности представленных на исследование документов. Достаточность объектов устанавливается на подготовительной стадии исследования, в случае если представленных документов будет недостаточно для ответа на поставленный вопрос, то эксперт не сможет перейти к стадии

¹ *Россинская Е. Р.* Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА М, 2016. С. 102.

² *Голикова В. В.* Судебная налоговая экспертиза: под редакцией Е. Р. Россинской; Некоммерческое партнерство «Палата судебных экспертиз». М.: Издательство «Пресс Бюро», 2012. С. 104–111.

³ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики в 3 томах. Т. 1. Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 336.

раздельного и сравнительного исследования. Особенность рассматриваемого вида экспертизы в том, что каждый вид дохода или расхода должен быть подтвержден определенным первичным документом, поэтому обозначить универсальный перечень объектов достаточных для производства судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу на прибыль не представляется возможным.

Важной частью методического обеспечения судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу на прибыль является информационное обеспечение. Эксперт при проведении исследования должен руководствоваться требованиями различных нормативно-правовых актов и владеть значительным объемом информации. Условно данные источники можно разделить на три группы:

- нормативные акты и документы, регламентирующие деятельность эксперта (инструкции и приказы Минюста РФ, МВД РФ);
- нормативные акты, судебная и правоприменительная практика, регламентирующие порядок исчисления и уплаты налога на прибыль;
- методические рекомендации, справочная информация, специальная литература, касающиеся производства судебной налоговой экспертизы.

Особым видом информационной базы судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу на прибыль является судебная и правоприменительная практика, регламентирующая порядок исчисления и уплаты налога на прибыль.

Несмотря на то, что разъяснения для налогоплательщиков не являются нормативными актами, они создаются для правоприменителя, поэтому эксперт при проведении исследования может использовать содержащиеся в них положения. Думается, что, на сегодняшний день разъяснения финансового и налогового органов, направленные на неопределенный круг лиц, *de facto* носят нормативный характер. Вопросы налогообложения охватывают огромный спектр общественных отношений и очевидно, что невозможно предусмотреть все тонкости принятия к учету различных доходов и расходов на законодательном уровне.

Вполне логично, что для единообразия применения норм налогового кодекса необходимы пояснения компетентных госорганов. Как, например, без разъяснений Минфина РФ понять, какой именно документ подтверждает какой-либо расход для принятия к налоговому учету, ведь в Налоговом кодексе РФ об этом ничего не говорится? Достаточно ли одного документа или необходим комплекс взаимосвязанных документов? Ответы на эти вопросы нужны не только налогоплательщику, но и эксперту.

Так вопрос юридической силы разъяснений рассматривался Президиумом ВАС РФ, по его мнению, «...разрешение вопроса

о том, носит ли тот или иной акт органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица нормативный характер, должно производиться независимо от его формы и других условий, например, государственной регистрации, опубликования в официальном издании. Суд должен выяснить, рассчитан ли оспариваемый акт на многократное применение, затрагивает ли он права налогоплательщиков, соответствует ли актам законодательства о налогах и сборах»¹.

Конституционным судом РФ был рассмотрен вопрос юридической силы разъяснений ФНС, обязательных для применения налоговыми органами. Суд указал, что «обязательность содержащихся в них разъяснений для налогоплательщиков нормативно не закреплена. Вместе с тем — поскольку в силу принципа ведомственной субординации территориальные налоговые органы обязаны в правоотношениях с налогоплательщиками руководствоваться исходящими от Федеральной налоговой службы разъяснениями норм налогового законодательства — такие акты опосредованно, через правоприменительную деятельность должностных лиц налоговых органов, приобретают, по сути, обязательный характер и для неопределенного круга налогоплательщиков»².

Можно прийти к выводу, что и разъяснения Минфина РФ по своей сути приобретают обязательный характер для налогоплательщиков, так как согласно пункту 1 статьи 34.2 НК РФ Минфин России дает письменные разъяснения налоговым органам по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, а на основании подпункта 5 пункта 1 статьи 32 НК РФ налоговые органы обязаны руководствоваться письменными разъяснениями Минфина России по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

Вопросы порядка учета определенных доходов или расходов для исчисления налога на прибыль также затрагиваются в решениях судов различных инстанциях. Необходимо отметить, что по мнению Минфина РФ «в случае, когда письменные разъяснения Минфина России (рекомендации, разъяснения ФНС России) по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 19.09.2006 № 13322/04 «Об оставлении без изменения определения Высшего Арбитражного Суда РФ от 03.04.2006 № 10539/04, которым было прекращено производство по заявлению о признании недействующим абзаца седьмого письма Министерства финансов Российской Федерации от 10.06.2004 № 03-02-05/2/35 «О налоговом учете лизинговых операций».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»».

и сборах не согласуются с решениями, постановлениями, информационными письмами Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также решениями, постановлениями, письмами Верховного Суда Российской Федерации, налоговые органы, при реализации своих полномочий руководствуются указанными актами и письмами судов»¹.

Таким образом, в информационное обеспечение судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу на прибыль, целесообразно включать приказы, письма Минфина РФ и ФНС, решения, постановления, информационные письма Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также решения, постановления, письма Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся порядка исчисления и уплаты налога на прибыль. Все указанные акты и письма направлены на формирования единой правоприменительной практики, и без них, учитывая обобщенный характер законодательного регулирования налога на прибыль, не представляется возможным провести достоверное и обоснованное исследование по поставленным вопросам.

Конечно, некоторым может показаться, что, применяя указанные акты и письма эксперт выходит за пределы своей компетенции, так как анализирует судебную и правоприменительную практику. Однако нельзя не согласиться с мнением Е. Р. Россинской, о том, что «быстрое развитие современного законодательства, принятие противоречащих друг другу законов и иных нормативных актов значительно усложняет работу правоприменителя. В этих сложных условиях в каждой из отраслей права можно условно очертить круг общеизвестных для практикующих юристов, наиболее часто востребуемых ими знаний, включая специальные. В то же время знание тонкостей современного законодательства во многих случаях крайне необходимо для полного, объективного и всестороннего установления истины по уголовному делу»². Судебная налоговая экспертиза проводится на основании не только глубоких знаний права, но и знаний бухгалтерского и налогового учета. Эти два направления находятся в тесной взаимосвязи, и являются неотделимыми частями комплекса специальных знаний данного рода экспертизы.

¹ Письмо ФНС России от 26.11.2013 № ГД-4-3/21097 «О направлении письма Минфина России» (вместе с <Письмом> Минфина России от 07.11.2013 № 03-01-13/01/47571 «О формировании единой правоприменительной практики»).

² *Россинская Е. Р.* Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы / Е. Р. Россинская // *Argumentum ad iudicium*. ВЮЗИ — МЮИ — МГЮ // Труды. М.: Изд-во МГЮА, 2006. Т. 2. С. 234—241. База данных Web Ирбис URL http://irbis.msal.ru:8080/cgi/irbis64r_81/cgiirbis_64.exe?C21COM=S&I21DBN=BOOK&P21DBN=BOOK&S21FMT=fullweb&S21ALL=%28%3C.%3EA%3D%D0%AD (дата обращения 24.04.2017).

Голикова В. В., Капоченя В. В.

Методическое обеспечение судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и заработной платы

Для производства судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и заработной платы эксперту необходимы знания в области бухгалтерского учета и трудового законодательства. Но помимо указанных знаний для полного и обоснованного исследования, эксперт на подготовительной стадии производства судебной бухгалтерской экспертизы должен правильно выбрать направление, заключающегося в выборе методов и методики исследования. Применяемые экспертом методы должны быть описаны в заключении подробно, чтобы при необходимости можно было проверить правильность выводов эксперта, повторив исследование¹. Одним словом, это означает, что из заключения эксперта должно быть понятно, как получены и на каких результатах исследования основываются сделанные экспертом выводы, во-вторых, примененная им методика, которая должна быть таковой, что, применив ее, любой другой эксперт получил бы те же результаты, которые указаны в заключении эксперта². Наше исследование показало, что при производстве экономических экспертиз, и в частности, судебной бухгалтерской экспертизы эти требования не соблюдаются и зачастую экспертами не указываются, какие методы использовались при производстве исследования, либо методы просто перечисляются без раскрытия их содержания.

В литературе можно встретить различные позиции авторов, касающиеся понятия метода исследования. Наиболее удачным представляется подход Р. С. Белкина, который определяет метод — в широком смысле — как способ познания действительности, изучения явлений природы или общественной жизни, способ достижения какой-либо цели, решения задачи. Р. С. Белкин, рассматривая проблематику методологии исследования, ввел понятие совокупности методов или элементов одного метода. Совокупность методов — это восприятие не просто суммы отдельных, изолированных друг от друга элементов или методов, а их множество, систематизированное определенным образом³.

Применение того или иного метода судебной бухгалтерской экспертизы обусловлено спецификой проводимого экспертом-бухгалтером исследования, а также объектами и поставленными задачами.

¹ Инструкция о производстве судебно-бухгалтерских экспертиз в экспертных учреждениях системы Министерства юстиции СССР, утв. Минюстом СССР 20.07.1987 № К-8-463.

² *Россинская Е. Р.* Теория судебной экспертизы: учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. М.: Норма, 2009.

³ *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика. Учебник для вузов / Р. С. Белкин. М., 2000. НОРМА. ИНФРА-М. С. 81–82.

Судебная бухгалтерская экспертиза операций по учету труда и заработной платы это типичная задача рода судебной бухгалтерской экспертизы, поэтому методическое обеспечение судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и заработной платы представляется возможным определить, как систему (совокупность) методов. Основоположниками экспертной методологии была предложена классификация методов судебных экспертиз:

1. Всеобщий (диалектический) метод;
2. Общенаучные (общие) методы;
3. Специальные (частные) методы¹.

В рамках судебной бухгалтерской экспертизы особое внимание следует уделять именно специальным методам. Судебная бухгалтерская экспертиза практически не имеет собственных разработанных для нее методов, поскольку во многом инструментарий заимствован из других научных дисциплин, а также прикладных отраслей деятельности.

Среди специальных методов целесообразно выделить:

- проверка соблюдения правил составления и оформления документов. Суть данного метода состоит в определении правильности составления документов, заполнения их реквизитов, документальной обоснованности бухгалтерских проводок, установления соответствия записей учетных регистров содержанию первичных документов;
- арифметическая проверка. Данный метод заключается в повторной математической обработке экономических показателей: суммировании, умножении, вычислении процентов. С ее помощью может устанавливаться правильность итоговых показателей в каком-либо документе, например, в ведомости на выдачу заработной платы и т. п.;
- проверка соответствия отраженных в документах операций установленным правилам. Дает возможность выяснить правомерность самых различных операций и выявить факты нарушения правил, например, нарушения трудового законодательства при производстве удержаний из заработной платы работника;
- встречная проверка. Заключается в сопоставлении разных экземпляров одного и того же документа, например трудовые договоры, дополнительные соглашения и т. п.;
- сопоставление документов, отражающих операции, с документами, обосновывающими их. Данный метод направлен на выявление противоречий между различными документами и операциями. В тех случаях, когда для совершения каких-либо действий требуется документальное обоснование, сопоставление

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия: 2-е изд. доп. / Р. С. Белкин. М.: Мегатрон XXI, 2001. Университетская библиотека ONLINE. С. 80.

документов, отражающих эти действия, с документами, обосновывающими их, дает определенную возможность проверить реальность действий и их соответствие содержанию основания. Например, при проверки правильности выплаты заработной платы по расчетно-платежным ведомостям производят сопоставление указанных в них сумм с суммами, значащимися в нарядах, трудовых соглашениях. Расхождение сумм может свидетельствовать о завышении зарплаты. Если же нарядов и других документов, обосновывающих выплату, не окажется вовсе, то под сомнение будет поставлена законность выплаты и реальность получения денег тем лицом, на которое они выписаны;

- сопоставление документов, отражающих взаимосвязанные операции. Например, правильность выплаты заработной платы, расхода материалов проверяется по документам, фиксирующим выполнение работ;
- сопоставление исполнительных и распорядительных документов. Распорядительными называют такие документы, которые содержат распоряжение управомоченных лиц на совершение каких-либо действий. Исполнительные документы удостоверяют совершение этих действий. Сопоставление первых со вторыми позволяет проверить, соответствуют ли совершенные действия содержанию распоряжения. Например, сравнивая данные, указанные в приказе на отпуск, с данными табеля учета рабочего времени и расчетной ведомости, можно обнаружить, что сумма отпускных рассчитана исходя из иного количества дней отпуска, или был произведен расчет отпуска без приказа.

На наш взгляд, создать универсальную методику судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и заработной платы невозможно, так как каждый хозяйствующий субъект имеет свои особенности и специфику в порядке начисления и выплаты заработной платы. В связи с этим нами разработан процесс производства судебной бухгалтерской экспертизы, основанный на стадиях экспертного диагностического исследования.

На *подготовительной стадии* эксперт судебной бухгалтерской экспертизы знакомится с постановлением (определением) о назначении экспертизы, уясняет диагностические задачи судебной бухгалтерской экспертизы, производит предварительный экспертный осмотр представленных на исследование объектов. Эксперт изучает перечень вопросов, поставленных на его решение. При изучении вопросов, эксперту необходимо уяснить соответствуют ли поставленные вопросы требованиям, предъявляемым к вопросам судебной бухгалтерской экспертизы. В первую очередь эксперт должен обратить на формулировку вопросов предлагаемых на его разрешение. Зачастую в постановлении о назначении экспертизы формулируются некорректные вопросы, а так-

же вопросы, выходящие за пределы компетенции эксперта, например «Имела ли место невыплата заработной платы генеральным директором ООО «Тандем» сотруднику (ФИО) свыше двух месяцев»? Вопрос носит правовой характер, т. к. направлен на установление субъекта преступления, а также субъективной стороны состава данного преступления, предусматривающего ответственность по ст. 145.1 УК РФ.

Методическое обеспечение судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и заработной платы должно базироваться на выборе правильного направления исследования и достаточности представленных на исследование документов. Достаточность объектов устанавливается на подготовительной стадии исследования, в случае если представленных документов будет недостаточно для ответа на поставленный вопрос, то эксперт не сможет перейти к стадии раздельного и сравнительного исследования.

Стадия раздельного исследования. На данной стадии эксперт изучает каждый представленный документ отдельно, обращая внимание на его форму, на наличие в документах всех обязательных реквизитов и правильность оформления документа.

На первом этапе этой стадии осуществляется изучение первичных документов кадрового и бухгалтерского учета во взаимосвязи со сводными учетными документами, регистрами учета и отчетностью. Для установления достоверности информации о хозяйственной операции, совершенной организацией, исследование должно основываться во взаимосвязи нескольких объектов: первичных документов бухгалтерского и кадрового учета с регистрами бухгалтерского учета, отчетностью при сопоставлении информации в них о финансово-хозяйственной операции. Любая совершенная организацией хозяйственная операция влечет за собой изменения, отражающиеся в нескольких документах, которые являются взаимоувязанными. Искажение информации о хозяйственной операции в одном документе влечет за собой искажение информации в других взаимоувязанных с ним документах или же неувязку информации в документах.

На втором этапе проведение диагностического сравнительного исследования основывается на выявлении нарушений требований трудового законодательства. Например, «В соответствии ли с правилами действующего трудового законодательства производились удержания из заработной платы сотрудника ООО «Старт» Павлова В.К. за период с «__» по «__»?». Это означает, что произведенные удержания из заработной платы должны соответствовать установленным трудовым законодательством нормам и правилам. В заключении эксперта судебной бухгалтерской экспертизы делаются ссылки на статьи и положения трудового законодательства.

Стадия обобщения, оценки результатов исследования и формулирование выводов. Необходимо отметить, что составление заключения эксперта

судебной бухгалтерской экспертизы производится на всех стадиях проведения судебной экспертизы.

Важной частью методического обеспечения судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и заработной платы является информационное обеспечение. Эксперт при проведении исследования должен руководствоваться требованиями различных нормативно-правовых актов и владеть значительным объемом информации (нормативно-правовые акты регламентирующие деятельность эксперта, бухгалтерское и трудовое законодательство, научная и методическая литература).

Головин А. Ю.

Криминалистика: идеи кризиса или развития?

Современный этап развития криминалистики характеризуется высоким уровнем ее теории и методологии, развитостью частных криминалистических теорий и учений, принципов и задач, наличием специальной системы понятий и терминов (языка криминалистики). На их основе происходит активное научное познание объекта и предмета криминалистической науки, а именно преступной деятельности и деятельности по ее раскрытию, расследованию и предупреждению, составляющих указанные виды деятельности и сопутствующих им специфических закономерностей. Результатами такого познания выступает постоянно обновляемая и актуализируемая система криминалистических знаний, а также разрабатываемые и совершенствуемые на их основе разнообразные средства, приемы, методы и рекомендации по осуществлению криминалистической деятельности.

Идеология науки представляет собой форму общественного самосознания научного сообщества, в которой выражаются общие взгляды ученых на общественную ценность их труда, роль науки в жизни общества, на сущее и должное во взаимоотношениях научных работников, представления об общезначимых для научного сообщества стандартах и нормах научной деятельности, о стратегических линиях (программах) развития науки, о взаимоотношении науки с государственными и другими институтами общества¹. Не исключением здесь является и криминалистика, современный идеологический вектор которой направлен на сохранение и дальнейшего позитивного развития криминалистики как юридической науки специального, прикладного характера, выполнение ею ключевых функций по обеспечению правоохранительной практики

¹ *Кравец А. С.* Идеология науки // *Общественные науки и современность.* 1992. № 6. С. 114.

отвечающими современным реалиям знаниями о различных видах и формах криминального поведения, средствами, методами и рекомендациями, повышающими эффективность работы правоохранительных органов в сфере расследования преступлений.

Такое развитие представляется невозможным без опоры на систему традиционных взглядов и теоретических положений, составляющих научную сущность криминалистики и обеспечивающих ее своеобразие и место в системе других наук. Очевидно, что отсутствие или разрушение базисных положений криминалистики, традиционно воспринимаемых и понимаемых как учеными-криминалистами, так и специалистами-практиками, не только приведет к появлению множества субъективно и абстрактно формулируемых суждений, но и может повлечь утрату доверия следственной практики к криминалистической науке.

Существование традиционных теоретических и методологических положений криминалистики, ее терминологии, принимаемых как криминалистическим научным сообществом, так и правоохранительной практикой, является, так сказать, системой скреп криминалистики, удерживающих ее от излишней затеоретизированности и размывания границ, разрушения системы и деградации результатов научных исследований.

В их основе — целостные концепции общей теории (теории и методологии) криминалистики, среди которых одно из центральных мест принадлежит системе идей выдающегося отечественного ученого-криминалиста Р. С. Белкина и основанной им криминалистической научной школы.

Именно поэтому многие идеи Р. С. Белкина, а также ученых-криминалистов, внесших вклад в их дальнейшее развитие, нередко используются как базисные положения в прикладных криминалистических исследованиях и воспринимаются как неотъемлемая часть современной традиционной криминалистики, элемент ее идеологии. Это, конечно, не значит, что положения криминалистической теории и методологии не могут быть объектами научных дискуссий и обсуждений. Более того, такие дискуссии ведутся постоянно, в том числе по концептуальным для криминалистики вопросам ее объекта и предмета, системы, методов и т.д. Результатами этих дискуссий становится либо подтверждение правильности сделанных ранее выводов, либо необходимость перехода на новый уровень развития криминалистических теорий и учений, сохраняющих, тем не менее, преемственность научным криминалистическим традициям.

Другое дело, что в последние годы в юридической литературе участились случаи появления различного рода критических суждений в адрес традиционной теории и методологии криминалистики. При этом основной вектор критики нацелен, как правило, на концепцию

общей теории криминалистики, сформулированную Р. С. Белкиным и положенную, хотя бы на идейном уровне, в основу работ других ученых-криминалистов, к которым в существенной степени я отношу и себя.

Все чаще в юридической литературе можно встретить утверждения о якобы присутствующих в криминалистике глобальных негативных явлениях, ее «деградации» и даже превращении в «туземную и маргинальную» науку. Во многом построенная на ошибочных и ложных посылах идея «кризиса в криминалистике» (далее — «идея кризиса») приводит к утверждениям о необходимости смены «криминалистической парадигмы», отхода от традиционной криминалистической теории и методологии, копирования разнообразных и неоднозначных идей, представленных в зарубежной литературе.

Ряд подобных утверждений, которые их авторы, видимо, считают проявлением плюрализма мнений, нередко по факту оказываются рассуждениями, состоящими из политизированных обвинений и околофилософской риторики, лозунгов о наступившем или грядущем вот-вот кризисе криминалистики.

«Идея кризиса» ее сторонниками нередко обосновывается тем, что общая теория криминалистики нуждается в концептуальном изменении, прежде всего, потому, что ее основа сформирована в советский период и продолжила свое развитие в постсоветский. Созданное в советский период, будь то представления о криминалистической теории отражения, предмете криминалистики, ее системе, методах или иных теоретических положениях, в понимании сторонников «идеи кризиса» плохо «по определению», поскольку это результат «тоталитарного мышления», средство «инквизиционного уголовного процесса», «обвинительного уклона» и пр.

Например, как об этом сообщает В. Ю. Сокол, посвятивший идеям кризиса в криминалистике 300-страничную монографию, «...советская криминалистика выполняла функцию теоретического и практического оправдания коммунистического режима, выступала инструментом практики карательно-репрессивных органов, умудряясь при этом «не замечать» чудовищные факты произвола, беззакония и бесправия граждан, политико-правовых феноменов «враг народа» и «член семьи врага народа», массовых репрессий и т. п.». Автор при этом полагает, что не просто «освободиться от застарелых стереотипов, действовавших в советской науке в течение многих десятилетий: идеологических штампов, принудительного единомыслия, комментирования авторитетов, самовосхваления, критиканства в отношении «западной» науки, политической сверхлояльности к властям и т. п.»¹.

¹ Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики. Краснодар, 2017. С. 122–123.

Как видим, тот факт, что с 1991 года уже прошло уже более четверти века, и, казалось бы, использование политической и идеологической аргументации в криминалистических научных дискуссиях — это явно ошибочный и неконструктивный путь, сторонниками «идеи кризиса» в расчет не принимается.

И ведь очевидно, что из всех юридических наук криминалистика, даже в советский период, была наименее политизирована и достаточно безболезненно избавилась от отдельных «рудиментов прошлого» (например, «принципа партийности») еще в начале 90-х годов XX столетия. С этого же времени в системе базовых принципов криминалистики ключевое место занял принцип объективности, прямо предполагающий деполитизацию, десубъективизацию криминалистической науки.

То обстоятельство, что базовые теоретические и методологические положения традиционной криминалистики во многом продолжают выполнять свою роль в развитии криминалистики в постсоветский период и в современных условиях скорее свидетельствует об их качестве и способности развития и адаптации к современным реалиям борьбы с преступностью. Более того, эти теоретические и методологические положения продолжают активно развиваться, оптимизироваться и вовсе не являются императивом, как это видится многим сторонникам «идеи кризиса». Но происходит это там, где вектор криминалистических научных исследований направлен на реализацию концепции объективного развития криминалистики, а не на ее дискредитацию, дезорганизацию либо искусственное приспособление под отдельные идеи, явно выходящие за объектно-предметную область криминалистической науки.

Сторонники «идеи кризиса», провозглашая необходимость смены криминалистической научной парадигмы, не сопровождают, как правило, свои призывы сколь-либо значимыми предложениями по решению декларируемой проблемы. А ведь, как было отмечено известным историком и философом науки Т. Куном, «парадигмы дают ученым не только план деятельности, но и указывают и некоторые направления, существенные для реализации плана. Осваивая парадигму, ученый овладевает сразу теорией, методами и стандартами, которые обычно самым теснейшим образом переплетаются между собой. Поэтому, когда парадигма изменяется, обычно происходят значительные изменения в критериях, определяющих правильность как выбора проблем, так и предлагаемых решений»¹. Иными словами, такое изменение предполагает появление новой научной парадигмы, которая будет выполнять познавательную и нормативную функции науки, определять выбор методов научного исследования.

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 148.

Однако ни в работах сторонников «идеи кризиса», ни других авторов концепция теории и методологии современной криминалистики, способная заменить существующую криминалистическую научную парадигму (включая так активно критикуемую ими систему идей научной школы Р. С. Белкина) и пригодная для системного научного анализа, не предлагается. В лучшем случае, можно ознакомиться с частной позицией по отдельным вопросам криминалистической теории (например, авторские дефиниции предмета криминалистики, взгляды на системное переустройство криминалистики, выводы о необходимости разработки новых криминалистических учений и пр.).

Вряд ли за новую криминалистическую парадигму можно считать и невнятные отсылки ряда современных авторов к различным философским источникам, неким достижениям «западной» криминалистики или других гуманитарных наук, а также некоторым авторским концепциям в науках уголовного права, уголовного процесса и криминологии.

Иными словами, «идеи кризиса» сами по себе нацелены в основном на разрушение традиционной системы криминалистических знаний, постановку под сомнение существования криминалистики как самостоятельной юридической науки, деформирование ее объектно-предметной сферы и задач и т.д. Последующего позитива для развития криминалистики от многочисленных рассуждений такого рода практически не наблюдается.

Вызывают недоумение и неприятие рассуждения сторонников «идеи кризиса» о том, что «виновником» многих современных проблем в криминалистике являются видные ученые-криминалисты. Даже предлагается термин «профессорская криминалистика», которой ставится в упрек и якобы слабая связь с правоохранительной практикой, и создание «принудительного единомыслия» в науке, и «размежевание с остальной криминалистической общественностью», и ряд других маловразумительных «претензий».

У некоторых сторонников «идеи кризиса» и вовсе стало обычной практикой переходить границы научной этики, а то и вовсе оскорблять ученых-криминалистов. Уже можно прочесть про сравнения криминалистов с «нулями», «паразитами», «приверженцами тоталитарной идеологии», «совками». Вести дискуссию с допускающими такие суждения «исследователями», упоминать подобные публикации в своих работах, полагаю вредным и бессмысленным.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что не «идеи кризиса», а идеи объективного и поступательного развития криминалистики с учетом сохранения и уважения традиций криминалистической науки и ученых-криминалистов, независимо от эпохи, в которую они творили, должны выступать основой идеологии криминалистического научного сообщества.

Головина Е. В.

Влияние взглядов Р. С. Белкина на систематизацию противодействия расследованию должностных преступлений

Осуществляемое с криминалистических позиций изучение противодействия расследованию отдельных групп и видов преступлений, разработка приемов и способов его выявления, преодоления и предупреждения предполагают систематизацию такого противодействия по различным критериям и основаниям.

Как справедливо отмечено в криминалистической литературе, систематизация, дополняемая классификацией, — выступает важным элементом теории преодоления противодействия расследованию¹.

Различные подходы к систематизации форм и видов противодействия расследованию преступлений были представлены В. Н. Карагодиным, В. П. Лавровым, А. Ф. Вольнским, Н. П. Яблоковым, Э. У. Бабаевой, И. В. Тишутиной, А. Ю. Головиным, Н. Е. Мерецким, В. В. Трухачевым, С. Ю. Журавлевым, В. Г. Рубцовым, О. Л. Стулиным и другими авторами. При этом один из универсальных подходов к систематизации и детальному описанию такого противодействия был сформулирован Р. С. Белкиным, предложившим дифференцировать противодействие предварительному расследованию на внутреннее и внешнее. Основанием такой систематизации выступил такой критерий, как причастность субъекта противодействия к проводимому предварительному расследованию.

Внутреннее противодействие, по мнению Р. С. Белкина, представляет собой противодействие, оказываемое теми или иными лицами, причастными в любой форме к расследованию, для которых характерно обладание какой-то информацией о событии и стремление скрыть, изменить или уничтожить эту информацию и (или) ее носителей. В их числе, подозреваемые, обвиняемые свидетели, потерпевшие, специалисты, эксперты, и другие участники предварительного расследования.

Внешнее противодействие было определено Р. С. Белкиным как противодействующая деятельность лиц, вообще не связанных с расследуемым событием и лицом, осуществляющим расследование, либо связанных со следователем процессуальными, служебными и иными властными отношениями или другими зависимостями².

¹ См.: *Тишутина И. В.* Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 60.

² См.: *Белкин Р. С.* Противодействие расследованию и пути его преодоления. // Криминалистика / под ред. А. Ф. Вольнского. М.: Закон и право, Юнити-Дана, 1999. С. 240.

Стоит отметить, что противодействие расследованию Р. С. Белкиным было определено как умышленная деятельность с целью воспрепятствовать расследованию и, в конечном счете, установлению истины по уголовному делу¹.

В этой связи вряд ли верно присутствующее в юридической литературе мнение, что Р. С. Белкин «противодействие расследованию рассматривал исключительно в форме сокрытия преступлений»². Очевидно, что приведенная выше дефиниция рассматриваемого понятия охватывает не только сокрытие преступлений, но и другие формы противодействия предварительному расследованию. На это обстоятельство обращал внимание и сам Р. С. Белкин, отметивший, в частности, что, «если раньше под противодействием расследованию понимали преимущественно различные формы и способы сокрытия преступлений, то теперь это понятие наполнилось более широким содержанием...»³.

Обоснованность такой точки зрения неоднократно была подтверждена другими учеными-криминалистами в многочисленных исследованиях различных аспектов противодействия предварительному расследованию.

Аналогичный вывод можно сделать и при характеристике противодействия расследованию преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (далее — должностные преступления). Изучение способов и приемов действий субъектов внутреннего и внешнего противодействия, умышленно реализуемых в целях затруднить или сделать невозможным выявление и расследование такого рода деяний, показывает, что их круг достаточно широк, обладает определенной спецификой и во многих случаях выходит за рамки только сокрытия преступлений.

На это обстоятельство указывают многие ученые-криминалисты, занимавшиеся методикой расследования должностных преступлений различных видов. Так, по мнению В. В. Крюкова, противодействие расследованию должностных преступлений коррупционной направленности включает следующие составляющие: воздействие на источники криминалистически значимой информации до выявления совершенного преступления и деятельность по воспрепятствованию в любой форме производству всестороннего, полного и объективного расследования⁴. В. Н. Гапонова, в свою очередь полагает, что противодействие рассле-

¹ Там же.

² Семенов В. В. Противодействие расследованию преступлений: виды, способы и этапы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №4. С. 280.

³ Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М.: НОРМА, 2001. С. 692.

⁴ См.: Крюков В. В. Методика расследования должностных преступлений коррупционной направленности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 13.

дованию рассматриваемых деяний может осуществляться в различных формах: подкуп свидетелей, уничтожение служебной информации, физическая расправа с лицами, изобличающими коррупционеров, сокрытие их за рубежом и др.¹

Более широко характеризует противодействие расследованию должностных преступлений коррупционной направленности С. С. Жуков, называя его отдельные способы и приемы, которые могут быть применены различными субъектами внутреннего и внешнего противодействия². Систематизация форм противодействия расследования таких деяний автором при этом, впрочем, четко не проведена. Кроме того, дискуссионно отнесение С. С. Жуковым к рассматриваемому противодействию действий, не характеризующихся умыслом на воспрепятствование достижению целей предварительному расследованию (к таким, например, по мнению автора, необходимо относить действия, связанные с добросовестным заблуждением, недобросовестным отношением к своим должностным обязанностям, небрежностью и др.), а также представляющих собой реализацию процессуальных прав участников предварительного расследования или функций защиты (например, подача ходатайств или жалоб).

Приведенные подходы в сочетании с результатами эмпирических исследований, тем не менее, подтверждают разнообразие форм и способов противодействия расследованию, которое может осуществляться в процессе расследования должностных преступлений. Однако их представление и криминалистическое описание не всегда основываются на единых критериях, не учитывают имеющиеся специфические особенности взаимоотношений и связей между субъектами противодействия расследованию должностных преступлений.

Например, определение круга потенциальных субъектов внутреннего и внешнего противодействия расследованию должностных преступлений должно учитывать не только родственные или другие личные связи между подозреваемым (обвиняемым) по данной категории дел и другими лицами, но и имевшие место (потенциально возможные) служебные и должностные отношения, как «горизонтального», так и «вертикального» уровней. Так, для рассматриваемого противодействия расследованию субъектом, находящимся с подозреваемым (обвиняемым) в служебных отношениях «горизонтального» уровня, мотивом может стать «корпоративная солидарность», нежелание нести какие-либо финансовые, организационные или временные издержки, в связи

¹ См.: Гапонова В. Н. Некоторые особенности расследования преступлений коррупционной направленности // Сборник научных трудов «Криминалистика: вчера, сегодня, завтра». Вып. 5. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2014. С. 17.

² См.: Жуков С. С. Нейтрализация противодействия при расследовании должностных преступлений коррупционной направленности // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 4 (7). С. 131–136.

с фактом уголовного преследования коллеги (например, лишение всех сотрудников органа власти, его подразделения или учреждения премиальных выплат, реорганизация такого органа или учреждения, и т. д.), возможность разглашения компрометирующих сведений, совершение противоправных действий, аналогичных расследуемому деянию и, как следствие, боязнь уголовной ответственности, и пр.

«Вертикальные» должностные связи представляют собой отношения между руководителями и сотрудниками (подчиненными), то есть это связи иерархического уровня. Таких иерархических уровней в системе должностных связей и отношений может быть несколько. Как специфическую разновидность «вертикальных» связей можно выделить так называемые «кураторские» отношения, когда определенное должностное лицо отвечает за реализацию конкретного проекта, достижения общих или отдельных показателей работы органа, учреждения или организации, структурного подразделения или иных вопросов. Как показывает изучение следственной практики, противодействие расследованию должностных преступлений может осуществляться:

1. Сотрудниками (подчиненными) в случае совершения должностного преступления руководителем более высокого уровня (уровней) или куратором. Такое противодействие может стать следствием как оказанного со стороны такого руководителя (куратора) воздействия на подчиненных, так и представлять собой необусловленные просьбами, подкупом или угрозами со стороны руководителя действия, имеющие цель воспрепятствовать проводимому расследованию. Мотивами последних могут стать, в частности:

- стремление «помочь в сложной ситуации» руководителю, ранее принимавшего решения или совершавшего какие-либо действия в пользу такого сотрудника либо находившемся с сотрудником в «неформальных» связях (например, о повышении по службе, поощрениям и иным кадровым и служебным вопросам, содействие в решении проблем личного характера, общие увлечения и пр.);
- нежелание смены руководства и наступления в связи с этим вероятных неблагоприятных последствий для конкретных лиц (снижение заработной платы и иного материального содержания, перемещение на другие должности или увеличение круга должностных обязанностей, возможное увольнение и пр.);
- опасение привлечения к уголовной ответственности в связи с выполнением различных поручений руководителя, имеющих отношение к ненадлежащему исполнению (неисполнению) должностных обязанностей, коррупционным действиям, по факту совершения которых возбуждено уголовное дело и т. д.

Рассматриваемое противодействие расследованию может вестись и путем ложных обвинений или предоставления недостоверной ин-

формации о причастности к совершению должностных преступлений конкретного руководителя. Мотивами таких действий могут стать неприязненные отношения, сложившиеся между руководителем и сотрудником в процессе совместной работы, вследствие принятых руководителем решений или участия в их принятии о привлечении подчиненного к дисциплинарной ответственности, депремированию, отказе в назначении или переводе на другую должность и пр. Также мотивом подобных действий может стать желание лица выгородить себя, переложить ответственность за свои действия на другое лицо (например, оправдывая свои действия выполнением приказа или поручения руководителя).

2. Руководителями при совершении должностных преступлений их подчиненными (сотрудниками возглавляемых органов, подразделений, учреждений и организаций). Мотивами «выгораживания» подчиненных, совершивших должностные преступления, создание препятствий их уголовному преследованию, помимо уже указанных выше побуждающих факторов, могут быть стремление избежать неблагоприятных последствий дисциплинарного или иного правового характера, вследствие недобросовестного отношения к собственным должностным обязанностям, непринятия должных мер по контролю за работой сотрудников, непроведению антикоррупционных и профилактических мероприятий.

Систематизация внутреннего и внешнего противодействия расследованию должностных преступлений с позиций служебных связей между подозреваемым (обвиняемым) и лицами, умышленно создающими препятствия деятельности органов следствия, - выступает одним из важных подходов к его познанию, раскрывает специфику механизма совершения должностных преступлений различных видов, а также посткриминального поведения различных лиц, в структуру которых входят действия, имеющие цель затруднить или сделать невозможным достижение целей досудебного производства и установление истины по уголовному делу. Использование таких знаний в процессе расследования должностных преступлений поможет следователю не только оценить весь спектр негативных для достижения расследования факторов, но и позволит своевременно выявить, преодолеть и спрофилировать рассматриваемое противодействие, а также использовать информацию о нем и субъектах, его осуществляющих, в установлении и доказывании различных обстоятельств по уголовному делу.

Представленный подход к систематизации внутреннего и внешнего противодействия расследованию должностных преступлений предполагает необходимость дальнейшего изучения форм, способов и приемов таких действий, выделяемых по различным критериям и основаниям. Проведение системных исследований рассматриваемого противодействия, криминалистического описания составляющих его элементов является важной основой для разработки системы криминалистических

средств и методов для его выявления, преодоления и предотвращения в ходе досудебного производства по уголовным делам.

Горский М. В.

Криминалистические знания в России XIX века: исторические штрихи

Традиционно моментом зарождения криминалистики в качестве самостоятельной науки считается конец XIX начало XX века. Связано это, во-первых, с появлением практических руководств по расследованию преступлений (содержащих не только комментарии законодательства, но и научные комплексы из разных отраслей специальных знаний). Данное направление научных исследований получает название криминалистика (термин, появившийся в работах Ганса Гросса) или научная полиция. Объясняя появление последнего, профессор Р. С. Белкин указывает, что «антропометрия, дактилоскопия, словестный портрет, сигналетическая и метрическая фотосъемка, альбомы фотографий разыскиваемых преступников и изучения способов совершения и сокрытия преступлений — все это и многое подобное «работало» в первую очередь на нужды полиции и уже потом на предварительное следствие. Поэтому и первым названием нарождающейся науки было «полицейская техника» или «научная полиция», причем это название в некоторых странах бытует и до сих пор, его не смог вытеснить из обихода термин «криминалистика»¹. Во-вторых, это связано с появлением в различных западно-европейских высших учебных заведениях специальных учебных дисциплин. Так известный профессор Лазаннского университета (Швейцария) Рудольф Арчибальд Рейс в 1902 г. вводит университетский курс «Судебная фотография», а в 1908 г. в университете создается институт «полицейских наук» (*Institut de police scientifique*), в связи с чем в Лазаннском университете начинают выдавать профильные дипломы «*Diplome de police scientifique*»².

Хотелось бы отметить, что в России с начала XIX века вопросам применения естественнонаучных знаний для целей расследования преступлений уделялось большое внимание. Вообще, XIX век был ознаменован развитием различных отраслей науки. С приходом к власти Александра I в России открываются новые университеты, научные центры. Зачастую именно практическая необходимость применения новых достижений естественных наук, в том числе и в сфере расследования преступлений, приводило к новым открытиям.

¹ Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999. С. 9–10.

² Энциклопедия криминалистики в лицах / под ред. проф. В. Ю. Шепитько. Х. 2014. С. 284–286.

Одним из важнейших направлений криминалистических знаний в XVIII–XIX веках были исследования в области судебной медицины и судебной химии. Еще в Воинском уставе 1716 года предусматривалась возможность проведения вскрытий для установления причин смерти, в том числе исследования на предмет отравления. Учение об отравлениях выделяется в отдельный раздел судебной медицины (или медицинской полиции). Впоследствии появились отдельные отрасли *судебная химия*, *полицейская химия* и *судебная токсикология*. Так, например, в 1818 г. в Санкт-Петербургской медицинской академии был издан книга доктора медицины и хирургии, профессора в Кенигсберском университете Вильгельма Геррманна Георга Ремера «Полицейская и судебная химия» (перевод выполнил С. Гаевский).

Огромное значение для развития судебной химии имели исследования Александра Петровича Нелюбина. Свой значительный опыт в этой области он обобщил в «Правилах для руководства судебного врача при исследовании отравлений» (опубликованы в Военно-медицинском журнале в 1824 г.).

Как отмечает известный советский ученый основоположник судебной химии в СССР А. В. Степанов: «Правила» А. П. Нелюбина в этом отношении имели большие преимущества перед книгой А. А. Иовского (1826) и особенно перед переводной книгой Ремера (1818). А. П. Нелюбин положил начало теоретическому обоснованию некоторых важнейших операций, производящихся при судебно-химическом исследовании. Обосновав необходимость разрушения органических веществ для открытия «металлических» ядов, Нелюбин предложил для разрушения нагревать объект с азотной кислотой. Это было опубликовано в 1824 г., а в 1839 г. французский токсиколог Orfila вновь предложил метод разрушения органических веществ азотной кислотой»¹.

В последствие в 1851–1852 годах А. П. Нелюбиным была опубликована книга «Общая и частная судебно-медицинская и медико-полицейская химия с присоединением общей и частной токсикологии или науки о ядах и противоядных средствах»².

Большое значение в развитии судебной химии имели исследования ученика Нелюбина Юлия Карловича Траппа. За свою продолжительную жизнь профессор Трапп провел большое количество судебно-химических анализов не только для определения отравлений³, но и по криминалистическому исследованию фальшивых подписей и подлогов

¹ Степанов А. В. Судебная химия (химико-токсикологический анализ) и определение профессиональных ядов, 4-е изд. 1951. С. 14.

² Нелюбин А. П. Общая и частная судебно-медицинская и медико-полицейская химия с присоединением общей и частной токсикологии или науки о ядах и противоядных средствах. СПб., 1851–1852.

³ В 1863 г. Ю. К. Трапп подготовил и издал книгу «Первые пособия при отравлениях и химическое исследование ядов».

документов, он исследовал чернильные пятна, обугленные ассигнации и проводил много других исследований¹.

Написанное Траппом в 1877 г. «Наставление к судебно-химическому исследованию» много лет было единственным руководством для воспитания русских фармацевтов.

В первой половине XIX века в России появляются научные исследования по производству судебно-медицинских исследований трупов, вещественных доказательств, следов («подозрительных» и кровавых пятен), а также работы по применению специальных научных методов при производстве следственных действий.

Одним из первых отечественных учебников по судебной медицине является работа В. Л. Тиле «Опыт руководства к судно-врачебной науке с соображением существующих по сему предмету российских узаконений и начальственных предписаний», изданная в 1826 году в Москве.

Особый интерес представляют диссертационные исследования на степень доктора медицины А. М. Белокрылина «О судебно-медицинском осмотре, его природе и применении» (М., 1826 г.) и Ган Ф. А. «О судебно-медицинском исследовании кровавых следов» (Харьков, 1866). Огромный вклад в развитие судебной медицины и токсикологии внесли работы Е. В. Пеликана (особенно работы об исследовании ядов, кровавых пятен).

Значительный вклад в развитие естественнонаучных методов исследования, имеющих значения для расследования преступлений внесли ученые Императорского Юрьевского (Дерптского) университета². Особо можно выделить исследования в области судебной медицины и судебной химии. Преподавание судебной врачебной науки (или медицинской полиции или государственного врачеведения) на медицинском факультете началось с момента основания самого университета. В начале существовала общая кафедра анатомии, физиологии и судебной врачебной науки, а также кафедра, на которой читались учение о лекарствах и диететика. Также с самого основания существовал анатомический театр.

Неоценимый вклад для научных исследований, проводимых в Императорском Юрьевском (Дерптском) университете, в области судебной медицины сделал известный русский хирург Николай Иванович Пирогов. За время работы в Дерптском университете профессор Н. И. Пирогов провел большое число исследований, в том числе имеющих большое

¹ Степанов А. В. Судебная химия (химико-токсикологический анализ) и определение профессиональных ядов, 4-е изд. 1951. С. 14.

² Императорский Юрьевский (Дерптский) университет — один из старейших университетов царской России, был учрежден в 1802 году императором Александром I. В 1918 году после оккупации Эстонии войсками кайзеровской Германии университет был эвакуирован в г. Воронеж, и на его базе был открыт Воронежский государственный университет.

значение для развития судебной медицины. В 1838 году была издана книга «Анналы хирургической клиники Дерптского университета» (в двух томах. В первом томе данной работы Н. И. Пироговым приводятся протоколы судебно-медицинских вскрытий, проведенных им лично¹. Кроме того за время пребывания профессора Н. И. Пирогова в Дерптском университете под его научным руководством было выполнено 14 докторских диссертаций (две из них были защищены уже после его перехода в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию), некоторые из которых были посвящены судебно-медицинским исследованиям: например, О ранах кишек; Об ушибах и ранах головы и др.

Особое значение имеют исследования Н. И. Пирогова по изучению огнестрельных повреждений, проведенных в ходе участия в боевых действиях на Кавказе и при обороне Севастополя. Так в «Отчете о путешествии по Кавказу» Н. И. Пирогов дает первое подробное описание признаков и свойств огнестрельных ран².

С момента основания в Императорском Юрьевском (Дерптском) университете для обучающихся проводился конкурс, на котором задавались темы исследований. В последствие победителям присуждались золотые и серебряные медали. Многие из них имели отношение к судебной медицине и судебной химии. Большинство работ произведены в лабораториях под руководством и при участии профессоров, давших тему с применением современных на тот период экспериментальных методов.

Со временем научная, научно-техническая база Императорского Юрьевского (Дерптского) университета расширялась и во многом опережала другие российские и европейские университеты. В 1843 г. создается отдельная кафедра фармации, которую возглавил профессор Карл Зиллер. 30 декабря 1946 г. на кафедру фармакологии избирают профессора Рудольфа Бухгейма, который в 1847 г. на собственные средства организовал первую экспериментально-фармакологическую лабораторию. «Его плодотворная профессорская деятельность, учреждение им образцового по тому времени института и постоянное стремление выделить фармакологию в самостоятельную отдельную от терапии науку, поставить ее на путь экспериментальных исследований, сделали ему столь громкую известность, что иностранные университеты, как Бреславский, Боннский и Гессенский старались привлечь его в свои ряды. Бухгейм был первый из ученых, поставивших фармакологию на прочные научные основания»³.

¹ *Баринев Е. Х., Пашинян Г. А., Ромодановский П. О.* Роль Н. И. Пирогова в развитии судебной медицины в России // Проблемы экспертизы в медицине. М., 2009. № 33–1. С. 36.

² *Пирогов Н. И.* Отчет о путешествии по Кавказу. СПб., 1849. С. 194–221.

³ *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования / под ред. Г. В. Левицкого. Т. 2. Юрьев, 1903. С. 188.*

Основным направлением научных исследований Р. Бухгейма, а также его ученика О. Шмидеберга (который считается основоположником экспериментальной фармакологии в Германии) были изучение фармакологических свойств наркотических веществ (морфий, датурин), снотворных (хлоралгидрат), мускарина и других алкалоидов. Именно О. Шмидеберг впервые в эксперименте на животном доказал, что действие мускарина аналогично раздражению блуждающего нерва. Кроме того, было доказано, что стрихнин и вератрин являются сильнейшими ядами. Это открытие повлекло за собой не только изъятие из лечебного арсенала врачей чемерицы и рвотного камня¹, но и сыграло важную роль в становлении еще одной медицинской дисциплины — экспериментальной токсикологии².

Практически после основания университета было построено отдельное здание анатомического театра, в центре которого располагалась аудитория для производства практических занятий по вскрытию трупов в виде амфитеатра, рассчитанная на 165 человек. Впоследствии, здание было перестроено, что позволило создать в 1888 г. судебно-медицинский институт, дополнительные музеи, лаборатории. После создания института увеличилось количество диссертаций в области судебной медицины, увеличилось количество занятий по судебной медицине и судебной химии (были введены отдельные лабораторные занятия по исследованию крови, волос, подозрительных пятен, по исследованию отравлений и др.). После того как в 1895 г. судебно-медицинский институт возглавил профессор А. С. Игнатовский произошло его техническое усовершенствование: расширена площадь института, устроена фотографическая комната, химическая лаборатория, увеличено количество микроскопов, приобретены спектроскопы и микротомы, в несколько раз увеличен музей судебно-медицинских препаратов, увеличен штат сотрудников³.

Следует отметить, что судебная медицина в Дерптском университете, ранее, чем во многих других университетах России, преподавалась также и для студентов юридического факультета, лекции для которых (под названием *Philosophisch-medicinische Jurisprudenz*) читал профессор кафедры специальной патологии и клиники Балк Даниил Георг. В 1803 году им была издана работа «*Versuch einiger Umrissse der*

¹ Сказанное говорит о необходимости появления уже в те годы такого направления экспертной деятельности, как экспертная профилактика.

² См.: *Сточик А. М., Затравкин С. Н.* Практическая медицина и ее реформирование в XVII—XIX веках. Сообщение 1. Классификационная медицина. Возникновение клинической идеи // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 1. С. 52.

³ См.: *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования / под ред. Г. В. Левичаго. Т. 2. Юрьев, 1903. С. 215.*

Philosophisch-medizinischen Jurisprudenz» в Alc Leitfaden zu Vorlesungen über dieselbe. Dorpat. 1803. XII. u. 230 S. Это обстоятельство свидетельствует о том, что уже в те годы понимали важность преподавания специальных знаний естественных наук для будущих следователей и других юристов-практиков.

Гребенкин П. И., Лысов Н. Н., Мешков В. М.

Становление и развитие Нижегородской школы криминалистов в идеях Р. С. Белкина

Авторы данной статьи являются учениками профессора Рафаила Самуиловича Белкина, под руководством которого были защищены докторские диссертации в Академии управления МВД России. Выражая свою бесконечную благодарность за помощь и научное консультирование при выполнении лично нами научных исследований, хотелось бы обратить внимание на такой аспект научной деятельности профессора Р. С. Белкина, который касается формирования научной школы криминалистики в отдельно взятом регионе — в Нижегородской области, которую более десяти лет курировал уважаемый профессор.

В 90-е годы XX века в Нижегородской высшей школе МВД России (ныне — Нижегородской академии МВД России), на кафедре криминалистики сформировался коллектив единомышленников, который фактически объединил Рафаил Самуилович, поскольку под его руководством были защищены диссертации большинства членов кафедры криминалисты. Это:

Каминский Марат Константинович (защитился под руководством Р. С. Белкина, номер 38).

Грабовский Владимир Дмитриевич (номер 60).

Дегтярев Сергей Валентинович (номер 79).

Бугай Василий Владимирович (номер 84).

Журавлев Сергей Юрьевич (номер 86).

Олейник Александр Николаевич (номер 91).

Аверьянова Татьяна Витальевна (номер 92).

Мешков Владимир Михайлович (номер 97).

Лысов Николай Николаевич (номер 100).

Помимо этого, Р. С. Белкин выступил в качестве официального оппонента и при защите кандидатской диссертации преподавателя кафедры Миловидовой Марины Александровны.

Полагаем, что столь впечатляющий список учеников уважаемого профессора не оставил у читателей никаких сомнений, что в формировании нижегородской школы криминалистов самое непосредственное участие принимал Р. С. Белкин.

Понятно, что защитами диссертаций деятельность учеников профессора Р. С. Белкина не завершилась. Они внесли значительный вклад в дальнейшее развитие криминалистики, и в результате их усилий количество криминалистов, успешно защитивших кандидатские и докторские диссертации, давно превысило 100 человек.

Казалось бы, все прекрасно. Нижегородская школа криминалистов продолжает действовать, хотя ее члены в силу жизненных обстоятельств уже не работают в Нижнем Новгороде, а разбехались по учебным заведениям всей России, внедряя свои достижения в научную и профессиональную среду. Большинство их достижений успешно используется и в теоретической, и в практической сфере. Но... сбилось опасение профессора Р. С. Белкина, высказанное в начале XXI века: «удручающе малое количество следователей» знакома с криминалистическими теориями, и «практика попросту игнорирует то, что предлагает ей наука» [1 с. 123].

Действительно, в настоящее время следователи как будто забыли, что расследовать необходимо не только сам факт преступления, но и его подготовку, начиная с момента зарождения преступного замысла, иными словами, необходимо устанавливая первопричину зарождения замысла на совершение преступления. Применительно к расследованию терроризма и экстремизма — это тот момент времени, когда у будущего террориста сформировался умысел на захват заложника, организацию взрыва и т.п. Данные обстоятельства не являются новыми в науке криминалистике. Они были обоснованы в криминалистической теории о временных связях и отношениях, инициатором формирования которой в 1990 году выступил именно профессор Р. С. Белкин. Одним из постулатов данной теории является рекомендация расследовать преступную деятельность в полном масштабе, от начала до конца, т.е. с момента зарождения умысла на совершение преступления, до анализа его последствий, что позволяет своевременно обнаруживать и пресекать совершение аналогичных деяний в будущем [4 с. 48–68], в частности, выявлять идеологов терроризма и экстремизма.

Учет и использование данной криминалистической рекомендации позволил бы избежать одной из грубейших и типичных ошибок, которую допускают современные следователи — «оставление за скобками», вне уголовного дела начального этапа формирования личности террориста, а именно: под влиянием кого из своего окружения он принял решение участвовать в преступной деятельности?

Анализ следственной практики как способа реагирования государства на преступления, связанные с экстремизмом, свидетельствует, что сотрудники правоохранительных органов зачастую ограничиваются раскрытием и расследованием лишь завершающего этапа таких преступлений, привлечением к уголовной ответственности только исполнителей уголовно-наказуемых деяний, не уделяя достаточного

внимания выявлению первопричины преступного поведения виновных, в частности, появлению организаторов и руководителей террористической и экстремистской деятельности. Типичный итог уголовного дела: исполнитель террористического акта убит, организатор неизвестен...

Подобных негативных последствий можно было бы избежать, если бы расследование осуществлялось в полном соответствии с криминалистическими рекомендациями, касающимися исследования жизнедеятельности всех криминально-активных членов, начиная именно с момента создания преступной группы, с того временного интервала, когда обсуждался криминальный замысел, когда появился инициатор зарождения криминальной активности в данном коллективе, населенном пункте или в сети Интернет. Кстати, как отмечается в криминалистической литературе, именно в Интернете отмечается усиление организованности криминальных структур, использующих возможности этой сети для осуществления преступной деятельности [3 с. 16].

Фактам игнорирования сотрудниками оперативных и следственных подразделений правоохранительных органов научных рекомендаций, их стремлению в кратчайшие сроки расследовать очередной взрыв или захват заложников, не исследуя первопричину преступных действий преступников, можно дать объяснение. Быстрое расследование таких преступлений позволяет создать иллюзию у населения региона о том, что действия правоохранительных органов достаточно эффективны. С одной стороны, это верно. Личность погибшего боевика установлена, и он никогда уже не сможет кого-то взорвать. Но, с другой стороны, вполне очевидно, что такое куцее расследование не позволит добиться коренного перелома в противостоянии терроризму и экстремизму, поскольку их лидеры без особых проблем восполнят число боевиков за счет молодежи. Перечисленные факторы верно оценил Д. Н. Еремин, который констатировал, что борьба в данной сфере ведется не с феноменом экстремизма, а с отдельными его проявлениями, представляющими отдельные составы преступлений [2 с. 3].

Можно коротко напомнить суть полноструктурного расследования преступлений. Криминалисты традиционно расчленяют преступную деятельность на три составляющие: подготовительный, рабочий и заключительный этапы, и рекомендуют следователю хронологически точно устанавливать все обстоятельства, начиная с момента зарождения преступного замысла. Совершенно понятно, что, не расследуя подготовительный этап совершения преступлений террористического или экстремистского характера, невозможно установить побудительные мотивы исполнителя, а также время, мотивы и истоки принятия им решения участвовать в незаконном вооруженном формировании, в захвате заложника, в организации взрыва и т.д. Следовательно, не зная перечисленные обстоятельства, затруднительно пресечь подобные деяния в будущем. Вне поля

зрения сотрудников правоохранительных органов зачастую остается тот этап жизнедеятельности «смертников», приводящих в действие взрывные устройства (создающих незаконные военные формирования или захватывающих заложников), который предшествует криминальному деянию. Речь идет о том временном интервале, в течение которого формируется умысел на участие в преступной деятельности, связанной с насильственным изменением основ конституционного строя государства. Кстати, криминалисты рекомендуют изучать поведение участников террористических и экстремистских преступлений и после вынесения приговора, поскольку именно в местах лишения свободы нередко формируются новые преступные сообщества, готовые к возобновлению преступной деятельности.

Помимо данного аспекта, подробно освещенном в криминалистической литературе и игнорируемого сотрудниками оперативных и следственных подразделений при расследовании преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом, следует отметить и еще один немало важный момент, на который длительное время не обращает российский законодатель, хотя именно он является существенным препятствием в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Речь идет о защите свидетеля, желающего принять участие в изобличении преступника. Принятые государством меры по организации защиты таких лиц [9], по непонятным причинам не доведены до конца. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ до сих пор действуют правила фиксации результатов допроса, изложенные в ч. 2 ст. 190 УПК РФ. Согласно данным правилам, следователь обязан записать показания допрашиваемого «от первого лица и по возможности дословно». Совершенно понятно, что, прочитав текст протокола допроса потерпевшего или свидетеля, записанные дословно, обвиняемый без особого труда узнает — КТО давал эти показания и в зависимости от ситуации окажет на него соответствующее давление. На данные обстоятельства криминалисты на протяжении уже нескольких лет пытаются обратить внимание законодателя, но до сих пор безуспешно [5]. Насколько нам представляется, такое безразличие самым негативным образом отражается на эффективности действий правоохранительных органов, поскольку вряд ли свидетель даст изобличающие преступника показания, зная, что уже на стадии судебного следствия о данном факте станет известно подсудимому. Скорее всего, и большинство жителей Северного Кавказа, которым что-то известно о готовящихся преступлениях террористической и экстремистской направленности, зная особенности защиты участников уголовного судопроизводства, не горит желанием сообщить об этом «под протокол» сотрудникам правоохранительных органов.

По нашему мнению, использование сотрудниками правоохранительных органов в своей практической деятельности криминалистических рекомендаций, позволило бы:

Исследовать не только «завершающий этап» преступной деятельности, связанной с терроризмом или экстремизмом (например, захват заложников, взрыв в общественном месте), но и установить ряд обстоятельств, связанных с зарождением умысла на осуществление преступного замысла. Иными словами, методика расследования преступлений, связанных с терроризмом или экстремизмом, должна начинаться с исследования момента зарождения замысла на осуществление преступной деятельности, охватывать обстоятельства самого преступления и продолжаться в виде накопления информации о поведении субъектов в местах лишения свободы, где зачастую формируются новые преступные группы.

С изучением «допреступного» поведения лица, привлекаемого за совершение преступления экстремистской направленности, непосредственно связана и возможность установления личности лидера преступной деятельности и доказывания его вины в подготовке и совершении преступления. Как нам представляется, вопрос установления лидера преступной деятельности при расследовании преступлений, связанных с терроризмом или экстремизмом — ключевой для методики расследования именно этих преступлений. При игнорировании данного обстоятельства, методика таких преступлений будет сводиться лишь к изобличению конкретного исполнителя, приведшего в действие взрывное устройство, захватившего заложника и пр. Оставшиеся на свободе лидеры достаточно быстро найдут и завербуют новых «смертников» для возобновления нового цикла преступной деятельности.

Таким образом, и теоретикам, и практикам, занимающимся проблемами борьбы с преступностью, необходимо время от времени возвращаться к богатому научному наследию, оставленному профессором Р. С. Белкиным, и использовать те положения и рекомендации, которые не потеряли актуальности и в наши дни. Многое из того, о чем говорил Рафаил Самуилович, не потеряло значение и для нынешних криминалистов, часть из которых начинает как бы забывать истоки формирования отечественной криминалистики.

Грибунов О. П.

Концептуальные идеи Р. С. Белкина в криминалистике

Роль и значение научных достижений уважаемого ученого заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Рафаила Самуиловича Белкина в становлении и развитии криминалистической науки не вызывает сомнений, так как их концептуальность очевидна и обоснована в многочисленных трудах как отечественных, так и зарубежных криминалистов. Каждый кто, так или иначе в научной сфере имеет отношение к наукам уголовно-правового

цикла не мог не пользоваться трудами Р. С. Белкина и прежде всего, это касается диссертационных исследований.

Для того, чтобы представить круг научных интересов и объем вопросов поднимаемых Р. С. Белкиным в своих работах стоит ознакомиться с книгой Е. Р. Россинской «Избранные труды / Рафаил Самуилович Белкин»¹, посвященной 85-летию великого ученого. Это и технико-криминалистическая экспертиза документов, тактика проведения отдельных следственных действий, таких как следственный эксперимент, проверка показаний на месте, тактические особенности собирания, исследования и оценки доказательств и их классификация. Позволим напомнить позицию профессора Р. С. Белкина об идеальных следах и том, что «они (идеальные следы) познаются с помощью материализации, которая осуществляется в показаниях о запечатленном, в рисунках, чертежах, в узнавании аналогичных объектов, в описаниях и т. п.», соответственно, идеальные следы запечатлеваются в памяти человека, и на их состояние существенное влияние оказывают психофизиологические особенности личности².

Отдельно заслуживают внимание вопросы общей теории криминалистики, прежде всего предмет и методология науки криминалистика. Следственная ситуация и ее тактическое значение, концепция «тактической комбинации», как более корректная дефиниции понятия «тактическая операция»³ и вопросы формирования частных криминалистических методик это направления, которые в дальнейшем стали предметом глубоких научных изысканий на уровне докторских диссертаций. И особо хотелось бы отметить стремление ученого сформулировать нравственные и этические аспекты судопроизводства, которые и в настоящее время актуальны как никогда.

В рамках данной статьи хотелось еще раз акцентировать внимание на некоторых идеях, точках зрения, позиции ученого имеющих концептуальное значение для развития криминалистики.

Важную теоретическую роль отводил Р. С. Белкин основам криминалистической классификации преступлений. В работе «Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике» он предметно провел обзор имеющихся на тот период времени точек зрения по

¹ Избранные труды // Рафаил Самуилович Белкин. М.: Норм, 2008.

² Россинская Е. Р. Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем как важнейший элемент криминалистического обеспечения расследования преступлений // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): сб. матер. междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2015. Ч. 2. С. 239.

³ Капун Д. Д. Соотношение понятий «Тактическая операция» и «Тактическая комбинация» в современной криминалистике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3–2 (29). С. 123.

вопросу криминалистической классификации преступлений и ее критериев. Так, в качестве критериев криминалистической классификации преступлений предлагал использовать признаки состава преступления: личность субъекта преступления, объект преступления, объективная сторона преступления, субъективная сторона преступного деяния¹, но при этом отмечал: «Слов нет, частная криминалистическая методика, построенная только на основе уголовно-правовой характеристики преступления, носит в значительной степени общий характер и требует для своего конкретного применения адаптации весьма высокой степени, поскольку учитывает опять-таки лишь самые общие особенности преступления»², т. е. вполне очевидно, что уголовно-правовая классификация преступлений не всегда в состоянии разрешить потребности криминалистики и правоприменительной деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений.

Р. С. Белкин по праву признан «патриархом» существующей концепции криминалистической методики, под которой ученый понимал систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений³. В качестве концептуального ориентира построения частных криминалистических методик, Р. С. Белкин сформулировал принципы их формирования указав, что «... при разработке методики расследования любого вида преступлений криминалистика исходит из требования строжайшего соблюдения законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия. Средства и методы, применяемые при расследовании преступлений, должны опираться на закон, не противоречить закону; при разработке частной криминалистической методики следует исходить из знания механизма преступления и его центрального элемента — способа подготовки, совершения и сокрытия преступления, условий, определяющих выбор способа и следов его применения; частная криминалистическая методика должна быть рассчитана на ее адаптацию применительно к конкретным условиям расследования; расследование преступлений должно преследовать цель не только изобличения виновных и привлечения их к уголовной ответственности, не только возмещения причиненного преступлением ущерба, но и выяснения и устранения обстоятельств, способствующих совершению и сокрытию преступлений данного вида; изыскание путей и форм координации и тесного взаимодействия в работе следователя и оперативных сотрудников, эффективное

¹ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. С. 198.

² *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 3. С. 325.

³ *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. Т. 2. М., 1979. С. 176.

использование специальных познаний, помощи средств массовой информации и населения; руководствуясь системным подходом к процессу расследования, частная криминалистическая методика должна отражать этапность этого процесса, те задачи, которые решаются на каждом его этапе, особенности этих этапов»¹. Безусловно, основополагающие начала способствовали формированию «ориентировочного перечня частных методик расследования...»². При этом под частной криминалистической методикой он понимал систему элементов, взаимозависящих и взаимоопределяющих, которая обладает определенной структурой, в соответствии с которой элементы системы распределяются в определенной последовательности, образуя подсистемы. К элементам системы, по мнению профессора, относятся не криминалистические приемы и средства, не следственные действия или иные мероприятия, а криминалистические рекомендации, т. е. научно обоснованные и апробированные практической советами, касающиеся организации расследования, выбора и применения с учетом определенных обстоятельств технико-криминалистических средств и криминалистических приемов³. В качестве структурных элементов частной криминалистической методики он выделял криминалистическую характеристику преступлений, определения и особенности планирования расследования, а также описание первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий⁴.

Безусловно, следует указать идею ученого о существовании общего (универсального) метода расследования преступлений или единой методики расследования отметив, что они (идеи) «не могли увенчаться успехом потому, что такая степень обобщения неминуемо превращала подобные рекомендации в абстракцию, бесполезную для практики»⁵, которая в дальнейшем вызвала много споров и дискуссий.

Сегодня всеми цитируются известная фраза Рафаила Самуиловича «Фантомы криминалистики». Вполне очевидно, что профессор хотел «взбудоражить, встряхнуть» представителей криминалистической науки, и это же был ориентир для научного осмысления в целях развития концептуальных устоявшихся криминалистических категорий в будущем. Одной из таких категорий является «кримина-

¹ *Белкин Р. С.* Принципы формирования частных криминалистических методик // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной полиции и органов предварительного расследования / под ред. проф. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1997. С. 201–203.

² *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 199–200.

³ *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. Т. 2. С. 180.

⁴ *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. Т. 2. С. 206.

⁵ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 1. С. 299.

листическая характеристика преступлений», исследовав ее с точки зрения «реальности или иллюзии?»¹. Именно структура криминалистической характеристики преступлений, как основополагающего и начального элемента частной методики расследования заслуживала особого внимания. Изучая различные теории о криминалистической характеристике, Р. С. Белкин находит первое упоминание «общая криминалистическая характеристика вида преступлений» еще в 1967 году в работе А. Н. Колесниченко² Однако, несмотря на это до настоящего времени нет единого мнения относительно понятия «криминалистической характеристики преступления», его содержания и структуры. Вполне вероятно, что предвидя это, Р. С. Белкин высказывался о нецелесообразности выделения в качестве основного элемента частной методики расследования криминалистической характеристики и о замене его на специфические особенности предмета доказывания по данной категории уголовных дел³: «... вернуться к старой практике указания в таких методиках специфических особенностей предмета доказывания»⁴. Высказывание профессора вызвало большое количество дискуссий в научных кругах, и по сей день споры на этот счет не утихают. Именно Р. С. Белкин указывал на то, что криминалистическая характеристика преступлений основывается на уголовно-правовой и криминалистической классификации преступлений с учетом криминологических классификаций преступлений и преступников⁵. Как справедливо указывает профессор А. Ю. Головин в своем исследовании проблем и путей совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений, критику Р. С. Белкина в отношении криминалистической характеристики преступлений следует понимать не как безоговорочное отрицание им научной категории, а как критику качества исследований ряда ученых в этой области при разработке ими частных методик расследования. Также отмечается, что «даже на сегодняшний день в конкретных научных исследованиях (как правило, диссертационных) «криминалистическая характеристика» того или иного вида преступления нередко представляет собой лишь поверхностное описание отдельных элементов преступной деятель-

¹ *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы криминалистики. М., 2001. С. 228.

² *Колесниченко А. Н.* Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. С. 10, 14.

³ *Головин А. Ю.* Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. Вып. 3–2. С. 4.

⁴ *Белкин Р. С.* Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Тула, 2000. С. 11–12.

⁵ *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. Т. 2. С. 203.

ности без системного раскрытия корреляционных связей и зависимостей между ними»¹. Согласно мнению Р. С. Белкина, именно трудоемкость процесса выявления корреляционных зависимостей между элементами и составляет основную проблему, которая ставит под сомнение криминалистическую характеристику в целом².

Не менее значимы исследования Р. С. Белкина о «внутреннем» противодействии, оказываемом теми или иными лицами, причастными в любой форме к расследованию и «внешнем» противодействии как деятельности лиц, вообще не связанных с расследуемым событием и лицом, осуществляющим расследование, либо связанных со следователем процессуальными, служебными и иными властными отношениями или другими зависимостями³, являющиеся теоретической основой для развития соответствующих научно-практических положений. Оптимальной и наиболее востребованной правоприменителями следует признать предложенную классификацию форм противодействия расследованию.

Относительно исследования понятий следственная ситуация и версия, то следует отметить, что ученым проведена тесная связь между ними. Так характеризуя следственную ситуацию как «...совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, т.е. та обстановка, в которой протекает процесс доказывания»⁴ констатировано, что «логически доказывание завершается утверждением одной версии, как единственно возможного в данной ситуации объяснения исследуемого события. Подтвердившаяся версия перестает в строгом смысле слова быть версией. Перерастая рамки предположения, она становится достоверным выводом о существенных обстоятельствах»⁵.

Заканчивая краткий обзор научных постулатов Рафаила Самуиловича следует остановиться на планировании как методе организации расследования, организующим началом, основой расследования⁶. Ученым достаточно подробно исследованы понятие, принципы, этапность, техника и условия планирования. Этапы планирования напрямую зависят от этапов процесса расследования, а именно «...первоначальный, последующий и заключительный этапы планирования»⁷.

¹ Головин А. Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений. С. 5.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы криминалистики. С. 221.

³ Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления // Криминалистика / под ред. А. Ф. Вольнского. М., 1999. С. 240–241.

⁴ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. С. 135.

⁵ Белкин Р. С. Версии в доказывании. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 329.

⁶ Белкин Р. С. Курс криминалистики: Т. 2. С. 376.

⁷ Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 2. С. 384.

Все это позволяет утверждать, что ученый внес существенный вклад в развитие и становление методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений.

Грибунов С. П.

Тактические особенности проведения допроса свидетелей при расследовании незаконного приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыт незаконно заготовленной древесины

Предварительное расследования уголовных дел предусмотренных ст. 191.1 УК РФ связанных с приобретением, хранением, переработкой в целях сбыта или сбыт заведомо незаконной заготовленной древесины проводится в форме предварительного следствия. Так, согласно статистическим данным ГУ МВД России по Иркутской области за 2016 год было возбуждено органами предварительного следствия 7 уголовных дел предусмотренных статьей 191. 1 УК РФ, а за III квартала 2017 года было возбуждено всего лишь 5 уголовных дел данной категории. Конечно, указанные цифры являются ничтожно малыми в борьбе с незаконными рубками деревьев на территории Иркутской области, число которых, за прошедшие годы, только увеличивается с большей прогрессией. Если в 2015 г. было зарегистрировано 2925 преступлений в лесной отрасли, то в 2016 г. уже 3113 преступлений. Однако за 9 месяцев 2017 г. число преступлений в лесной отрасли значительно уменьшилось и составляет 2490 преступлений¹.

В свою очередь стоит заметить, что в какой либо форме не расследовались бы данные уголовные дела, использование специальных знаний следователем, является просто необходимым и отчасти обязательными. Как правильно отметила С. В. Унжакова, что на стадии предварительного расследования преступлений связанных с незаконными рубками лесных насаждений можно выделить основные формы использования специальных знаний — при производстве допросов и экспертиз². Еще уважаемый Р. С. Белкин писал что допрос «самое сложное следственное действие»³. Особо следует отметить об использовании специальных знаний при производстве допроса, так как он является самым распространенным следственным действием, проводимым в отношении всех участников уголовного судопроизводства, относительно исследуемого вида

¹ <http://irkutskstat.gks.ru/>

² Унжакова С. В. Использование специальных знаний при расследовании незаконной рубки лесных насаждений: монография / Иркутск ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016. С. 50.

³ Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2013. С. 587.

противоправной деятельности. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 56 УПК РФ следователь вправе вызвать на допрос в качестве свидетеля любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний¹. Верно замечено С. Б. Россинским, что допрос имеет как самостоятельное процессуальное значение, так и обуславливает предпосылки для проведения последующих следственных действий: очная ставка, предъявлений для опознаний, проверок показаний на месте. Являясь сугубо вербальным познавательным приемом, не предполагая работы с материальными фрагментами объективной реальности, допрос, представляется простым в организационном плане и, таким образом, наиболее распространенный способ формирования доказательств². Таким образом, можно сделать вывод, что для следователя показания являются источником доказательств, а содержащиеся в них сведения будут являться доказательствами при производстве предварительного следствия. Так же не стоит забывать о такой норме права предусмотренной ст. 75 УПК РФ как «недопустимость доказательств»: показания подозреваемого, обвиняемого которые были получены в ходе досудебного разбирательства в отсутствие защитника, а так же показания свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, который не может указать на источник своей осведомленности.

При каждом допросе, будь то допрос свидетеля, потерпевшего, допрос подозреваемого, обвиняемого по преступлению связанного с приобретением, хранением, переработкой в целях сбыта или сбыт заведомо незаконной заготовленной древесины, включает в себя некоторые обязательные элементы допроса. Прежде всего этими элементами являются: подготовка к допросу, желательно с составлением плана, установление психологического контакта с предстоящим субъектом допроса, свободный рассказ, постановка интересующих дополнительных вопросов, ознакомление допрашиваемого с протоколом и фонограммой, которую следователь может применять в соответствии со ст. 189–190 УПК РФ.

Само производство допроса и использовании специальных знаний позволяет произвести его с профессиональной подготовленностью и получения желаемого результата. В этом случае и происходит участие и привлечение следователем специалиста согласно ст. 164, 168 УПК РФ. Перед тем как привлечь лицо в качестве специалиста по преступлениям связанных с переработкой, перевозкой, хранением древесины, а так же рубки деревьев, следователь обязан, удостовериться в его компетентности, а так же выяснить его отношение к подозреваемому или обвиняемому, разъяснить специалисту его права и ответственность, предусмотренные ст. 58 УПК РФ. Следует

¹ Уголовно процессуальный кодекс РФ. У 26. М.: Проспект, 2016. С. 42.

² *Россинский С. Б.* Следственные действия: монография. М.: Норма, 2018. С. 224–225.

согласится с Т. Д. Телегиной, которая указывает, «что основная задача специалиста при допросе заключается в оказании следователю помощи в выяснении и правильном использовании информации, относящейся к области его специальных знаний»¹. О роли специалиста точно отмечено и С. В. Унжаковой которая отмечает, что участие специалиста в допросе позволяет следователю грамотно и четко формулировать вопросы, давать правильную оценку показаниям и на основании полученной информации восстанавливать объективную картину расследуемого деяния².

При производстве допросов по делам связанных с приобретением, хранением, переработкой в целях сбыта или сбыт заведомо незаконной заготовленной древесины необходимо выделить такие допросы как: допрос свидетелей из числа работников лесничества, сотрудников полиции, осуществляющих оперативное сопровождение по уголовному делу, мастеров участков, пунктов приема, переработки и отгрузки древесины; допрос свидетелей и очевидцев, которые могут или обладают информацией имеющей значение по расследуемому уголовному делу водители автомобилей, перевозящие круглый лес и лесоматериалы, водители тракторов, осуществляющие отгрузку пиломатериалов и их сырье, рамщики и разнорабочие вышеуказанных пунктов и д.р.; допрос специалиста если была необходимость его применения; допрос подозреваемого и обвиняемого по уголовному делу. Как и при любом допросе, следователь должен подготовить очередность вызова на допрос лиц, которых необходимо допросить по существу, но перед этим имеется необходимость изучить материалы дела, касающиеся предмета допроса. В этом случае, как верно заметил С. Б. Россинский, законодатель предусматривает специальные правила вызова на допрос: повесткой, через законного представителя, через командира воинской части и т. д.³

По мнению Н. И. Порубова «сведения о которых может быть допрошен свидетель, — это все лично воспринятое им, все известное ему об обстоятельствах преступления. Но из этого не следует, что свидетель может повествовать только о том, что непосредственно воспринял: показания могут быть и производными»⁴. В таком случае необходимо выяснить первоисточник осведомленности свидетеля.

При допросе свидетелей из числа очевидцев, водителей автомобилей, следователю, либо лицу, действующему по поручению следователя на основании ст. 38 УПК РФ, необходимо выяснить следующие

¹ Телегина Т. Д. Использование специальных познаний в современной практике расследований: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 111.

² Унжакова С. В. Указ. соч. С. 52.

³ Россинский С. Б. Указ. соч. С. 226–227.

⁴ Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии: учебное пособие. М.: БЕК, 1998. С. 99.

обстоятельства: откуда перевозит круглый лес или пиломатериалы, имеются ли необходимые документы на перевозимый груз: договор купли продажи древесины, товара транспортная накладная (ТТН), договор между водителем и хозяином автомобиля, какое время находится в пути, установить место погрузки перевозимого груза, лиц и технику осуществлявших погрузку данного автомобиля, установить сколько и какие еще автомобили находились на месте погрузки, какой техникой осуществлялась погрузка, с одного ли места была погрузка, какой интервал движения между автомобилями, а так же их модели, номера, имена и фамилии водителей. Так же существенными доказательствами будет являться, установление номеров мобильных телефонов лиц, которым принадлежит груз автомобиля в виде круглого леса или пиломатериалов. В практической деятельности встречаются случаи, когда водитель, перевозящий круглый лес и лесоматериалы становится заложником ложных, поддельных, а порой и вообще отсутствия требуемых документов на древесину. В данных случаях, имеется необходимость изъятие его мобильного телефона, как правило водители могут иметь несколько средств связи в том числе и радиостанции. При производстве допросов мастеров пунктов приема, переработки и отгрузки древесины необходимо установить, прежде всего, владельца данного пункта, кто осуществляет и отвечает за прием круглого леса, кто ведет документацию, истребовать документацию, для большего числа свидетелей необходимо установить полные данные и количества лиц работающих на предприятии, в том числе и граждан КНР, если таковы имеются. Установить во сколько смен осуществляется работа на данном пункте, бригадиров рам, перерабатывающих древесину, трактористов, крановщиков осуществляющих погрузку в автомобили либо железнодорожные вагоны, так же выяснить имеется ли видео наблюдение на пункте приема древесины. Так же немаловажную информацию могут дать свидетельские показания лиц, проживающих вблизи пунктов приема, переработки и отгрузки древесины, которые зачастую регулярно невольно могут наблюдать, как происходит работа на данном объекте. При допросе вышеуказанных свидетелей, особое внимание необходимо уделить на установление истинного владельца указанного пункта по переработки и отгрузки древесины.

Таким образом, можно полагать, что при расследовании преступлений связанных с приобретением, хранением, переработкой в целях сбыта или сбыт заведомо незаконной заготовленной древесины одним из основных источников доказательств являются прежде всего показания свидетелей, очевидцев, подозреваемых и специалистов. И следовательно именно допрос является одним из первоначальных следственных действий, производимых на стадии предварительного расследования уголовного дела предусмотренного ст. 191.1 УК РФ.

Григорович В. Л.

Соотношение криминалистической фотографии и криминалистической голографии

Основным предназначением криминалистической фотографии и криминалистической голографии является фиксация изображений объектов, попавших в сферу общественно опасной деятельности, элементов обстановки места происшествия в целях дальнейшего их исследования и использования в процессе доказывания.

Криминалистическая фотография — устоявшаяся на сегодняшний день отрасль криминалистической техники, представляющая собой систему научных положений и основанных на них методов, приемов и видов фотосъемки, используемых при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

На смену традиционной фотографии (от греч. *photos* — свет и *grapho* — пишу) на галогенидо-серебряных материалах в конце XX в. пришла цифровая фотография, основанная на оптоэлектронном преобразовании изображения объекта съемки.

При применении цифровой фотографии трудоемкий классический фотографический процесс заменяется точным математическим расчетом, исключается лабораторная обработка с мокрым процессом, сокращается количество используемых расходных материалов. Полученные изображения можно легко и быстро редактировать, распечатывать в необходимом количестве экземпляров, пересылать по сетям цифровых коммуникаций. Иными словами, цифровая фотография имеет целый ряд неоспоримых и весьма важных преимуществ перед обычной классической фотографией.

Однако, несмотря на высокое развитие инструментальной оптики и фотографической техники, возможности фотографии в некоторых отношениях ограничены. Рассмотрим ограничения, присущие этому традиционному методу записи оптической информации.

1) Для получения изображения объекта на фоточувствительном материале необходима оптическая система.

2) Оптическая система формирует изображение трехмерного объекта на фоточувствительном материале, причем в оптимальных условиях, при которых на фотовоспринимающей поверхности отображаются только те точки изображения объекта, которые лежат в плоскостях, перпендикулярных к оптической оси системы, в определенной глубине резко изображенного пространства.

3) Полученное на фоточувствительном материале изображение не дает возможности обзирать объект с различных сторон, как это происходит при непосредственном его наблюдении.

4) На каждом участке поверхности фотопластинки фиксируется информация лишь об определенной детали объекта, поэтому с помощью части негатива нельзя наблюдать полное изображение предмета.

5) На одном негативе нецелесообразно фиксировать изображения нескольких объектов, если эти изображения перекрываются: информация об одном объекте помешает восприятию информации о другом объекте.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что методы и приемы фотографии позволяют получать высококачественные черно-белые и цветные изображения криминалистических объектов¹. Однако фиксируемые традиционными способами изображения отличаются существенным недостатком — запечатленное на них является плоской копией исходной трехмерной картины. Этот недостаток значительно снижает информативность изображений и возможность анализа зафиксированных данных.

Задачу более полного использования и записи информации, переносимой полем световых волн, отраженных объектом, решает появившаяся в 1947 г. отрасль оптики — голография. Это принятое повсеместно название нового направления оптики, означающее в русском переводе с греческого полную запись (светового поля), вполне соответствует той цели, которая была поставлена основоположником голографии английским ученым Д. Габором.

Голограмма представляет собой регистрацию интерференционной картины, возникающей при взаимодействии сложной волны, рассеянной запечатлеваемым объектом, с простой опорной волной. В отличие от обычной фотографии, фиксирующей информацию только об интенсивности освещенности объекта, голограмма регистрирует фазу объектной волны, записывает и воспроизводит спектральный состав образовавшего ее излучения. Она способна воспроизводить свыше миллиона оттенков яркости, в то время как для обычной фотографии этот показатель не превышает сотни.

Анализируя физическую литературу, мы пришли к выводу, что отличие голограммы от фотографии заключается в следующем:

1) В фотографии на светочувствительном материале регистрируется распределение яркости света, адекватное его распределению в плоскости объекта, удовлетворяющее формуле линзы. Остальные сечения объекта, перпендикулярные к оптической оси, не удовлетворяющие формуле линзы, получаются размытыми, т.е. мы регистрируем плоские изображения объекта. В голографии же на светочувствительном материале регистрируется интерференционная картина объектной и вспомогательной (опорной) волн. После

¹ Объектов, попавших в сферу криминальной деятельности (орудия преступления, предметы преступного посягательства, следы общественно опасного деяния и т. п.).

фотохимической обработки полученная интерференционная решетка освещается копией опорной волны, в результате дифракции которой на решетке в пространстве формируется волновой фронт, являющийся точной копией объектной волны по всем информативным характеристикам — амплитуде, фазе и (при использовании специальных материалов и излучения) поляризации¹;

2) В обычной фотографии объемность изображения теряется за счет того, что фотопленка (фотопластинка) не несет информации о фазе приходящей в данную точку электромагнитной волны или расстоянии до частей предмета. Применяя опорную волну в голографии, мы регистрируем информацию об амплитуде и фазе исходящей от объекта волны, используя определенную закономерность в расположении интерференционных полос. Извлекая в дальнейшем эту информацию, получаем объемные изображения голографируемых объектов;

3) Голограмма — это не изображение объекта, а зарегистрированное распределение интерференционной картины объектного и опорного волновых полей, для голографического метода не существует понятий «негатив», «позитив». Если с проявленной голограммы отпечатать позитив (например, контактным способом), то с него можно получить такое же изображение, как и с негатива. Объясняется это тем, что информация об объекте в голограмме заключена в интервале между полосами и контрастах между ними, а в позитиве и негативе эти параметры остаются неизменными;

4) Голограмма точно воспроизводит поле объектной волны лишь при строго определенных условиях, что позволяет на одну регистрационную среду последовательно записать, а затем воспроизвести несколько различных интерференционных картин. Число записанных на одну фотопластинку голограмм определяется свойствами регистрирующей среды и голографической схемой и может достигать нескольких сотен. Поэтому на одну голограмму, как впрочем, и на фотографию, может быть наложено несколько изображений, но если на фотографии все они сливаются в одной плоскости, то в голограмме они легко могут быть отделены в пространстве;

5) При записи голограммы каждая точка объекта рассеивает излучение практически на всю поверхность регистрирующей среды, поэтому в любой точке голограммы содержится информация обо всем объекте. Отсюда следует несколько особенностей голографического процесса. Во-первых, любой участок голограммы способен воспроизводить образ всего объекта. Уменьшение ее размера приводит лишь к некоторому ухудшению качества изображения. Во-вторых, отдельные дефекты голограммы (трещины и царапины на эмульсии), в отличие от фото-

¹ См.: *Островский Ю. И.* Голография и ее применение. Л.: Наука, 1973. С. 34–39.

негативов, практически не отражаются на качестве восстанавливаемого изображения¹;

6) В отличие от фотографии, голограмма формирует реальное объемное изображение. Реальность заключается в том, что голограмму можно видеть с разных точек, наблюдая части объекта или сены, которые были скрыты при наблюдении с другой точки. В этом смысле голографическое изображение ведет себя полностью как реальный объект;

7) Динамический диапазон яркости голограммы на несколько порядков выше, чем фотографии². На фотографии максимальная яркость — это просто яркость не закрашенного листа бумаги. На голографическом изображении такого ограничения нет, так как яркие места формируются за счет света, приходящего со всей поверхности голограммы. Если на бумажном изображении яркость формируется вычитанием из максимальной яркости, то на голограмме — перенаправлением света из темных участков на светлые. Именно этим объясняется реальность передачи прозрачных предметов, стекла, водных капель, то есть объектов, которые в действительности имеют очень большой динамический диапазон яркости. То, что фотографам дается с большим трудом, голограмма отображает автоматически предельно точно;

8) При любом фотографическом исполнении изображения невозможно полностью исключить влияние фактуры самого материала. Голографическое изображение не имеет материального носителя, так как формируется в свободном пространстве. Это и определяет точную передачу фактуры поверхности любого материала;

9) Цвет в голографии формируется совершенно иным образом, чем в фотографии, где он образуется специальными цветными красителями, которые недостаточно стойки и именно поэтому цветные фотографии не рекомендуются хранить на свету. В голограмме нет никаких красителей, так как ее изготавливают на обычной голографической черно-белой фотопластинке. Цвет формируется здесь за счет интерференции белого света на пространственной системе интерференционных полос и слоев, поэтому цветная голограмма не выцветает и теоретически не должна иметь ограничений по качеству цветопередачи³.

Криминалистика разрабатывает способы регистрации и хранения информации об объектах, попавших в сферу криминальной деятельности, и следах преступления для ее использования в противодействии преступности. Одна из задач криминалистики заключается в совершенствовании таких способов, и наиболее перспективным направлением

¹ См.: *Катыс Г. П.* Оптико-электронная обработка информации / под ред. академика Б. Н. Петрова. М.: Машиностроение, 1973. С. 328.

² См.: *Франсон М.* Голография: пер. с франц. М.: Мир, 1972. С. 78–80.

³ См.: *Гинзбург В. М., Степанов Б. М. и др.* Оптическая голография. Практические применения. М.: Сов. радио, 1978. С. 56–63.

ее решения является внедрение в криминалистическую практику достижений голографии.

Так, Р. С. Белкин в своих работах отмечал: «Ведутся перспективные исследования по использованию голографии в криминалистической регистрации и судебной экспертизе для распознавания образов, упрощения и повышения эффективности сравнительного исследования различных объектов»¹.

Мы поддерживаем точку зрения ученых-криминалистов Е. П. Ищенко, П. П. Ищенко, В. А. Андриановой, В. И. Гончаренко, В. А. Зотчева, Р. З. Камалова, Н. П. Майлис, Г. А. Соболева, А. А. Топоркова о том, что по сравнению с традиционной криминалистической фотографией методы голографии имеют значительные преимущества в фиксации криминалистических объектов. Кроме того, методы криминалистической голографии не могут быть использованы в судебной фотографии, поэтому нелогично их относить в этот раздел криминалистической техники.

Криминалистическая голография, хотя и зародилась в недрах фотографии, по своему содержанию существенно отличается от последней. Она не призвана заменить собою судебную фотографию, напротив, эти два раздела криминалистической техники гармонично дополняют друг друга, обеспечивая наиболее полное, всестороннее и объективное исследование доказательств и решение задач предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

Исходя из этого, криминалистическая голография — это развивающаяся отрасль криминалистической техники, представляющая собой систему научных положений и разработанных на их основе технических средств, методических и практических рекомендаций по получению объемного изображения объектов и следов преступления, их учету и исследованию, а также защите документов, товаров и платежных средств от подделки в целях предотвращения, раскрытия и расследования общественно опасных деяний.

Предметом криминалистической голографии являются закономерности механизма: отображения следов преступления, подлежащих голографированию; их объемной фиксации; получения голограмм объектов, попавших в сферу криминальной деятельности; использования этих голограмм в целях предотвращения, раскрытия и расследования общественно опасных деяний.

К объектам, попавшим в сферу криминальной деятельности, относятся, например, редкие драгоценные камни и изделия из них, древние украшения и предметы, представляющие большую историческую и культурную ценность, иконы, предметы общественно опасного по-

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 46.

сягательства и используемые в качестве орудий преступления, скоропортящиеся объекты-следоносители и др.

Таким образом, результат проведенного нами исследования показал, что голография в настоящее время представляет собой принципиально новый метод фиксации и исследования криминалистических объектов. При этом изучается не сам объект, а замещающая его модель — голограмма. Применение при расследовании преступных посягательств голографических средств расширяет возможности непосредственного познания фактов и обстоятельств происшедшего, способствует объективизации достигнутых результатов.

Григорьев В. Н.

О роли профессора Р. С. Белкина в современном становлении и развитии концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях

Есть все основания на конкретном примере становления и развития теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях утверждать о высокой гражданской и научной позиции профессора Р. С. Белкина. В начале 90-х годов прошлого века, к периоду которых относятся упоминаемые события, он в непростой социальной и организационно-кадровой ситуации сумел противостоять косности и конъюнктуре в науке, один из немногих сразу заметил новые вызовы современности и сумел искусно направить исследовательские усилия, обеспечив получение в итоге заметных научных результатов, прошедших испытание временем и востребованных в России и за рубежом.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации профессор Белкин Рафаил Самуилович осуществлял в 1991–1993 годах научное консультирование по моей докторской диссертации, посвященной проблемам расследования преступлений в чрезвычайных условиях¹. Тема животрепещущая, тогда она отражала один из основных криминальных вызовов современности, да и сегодня никак не утратит своей актуальности. В тот период я обучался в докторантуре Академии управления МВД России, ездил по учебным и научным учреждениям и следственным подразделениям правоохранительных органов, конкретным следственным группам, расследовавшим массовые беспорядки и другие чрезвычайные обстоятельства криминального характера. Было много встреч, переговоров, отзывов о следственной работе и ее результатах, в том числе и о находившейся уже в стадии завершения диссертации.

¹ Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика) [Текст]. Дис. ... д-ра юрид. наук. Специальность: 12.00.09 / В. Н. Григорьев // М.: Академия МВД Российской Федерации, 1993. 565 с.

Сказать, что отзывы были очень разные, это ничего не сказать. Восхищение многих обыкновенных следователей, которые впервые в жизни воочию увидели воплощение своей многотрудной деятельности в форме понятного им научного текста, сменялось радостью коллег-педагогов за очевидный успех, которая порой тут же соседствовала с ревнивыми попытками «перехватить» тему, застолбить ее, написав что-то про массовые беспорядки, которых эти ревнители в реальности никогда не видели. Были и серьезные попытки заблокировать работу над диссертацией. Так, один профессор в своем немногословном отрицательном отзыве на диссертацию написал, что в преддверии принятия нового УПК (это происходило за 10 лет до его принятия) защита докторских диссертаций неуместна. Другой, авторитетный доцент, возмущаясь употреблением в работе не понятной ему категории «чрезвычайное положение», в ответ на разъяснения закона о чрезвычайном положении и практики его применения в те дни заявил, что вот когда в Москве введут чрезвычайное положение, тогда пусть и приезжает со своей темой. Поясню, что это относится к периоду, когда, проходя службу в Ташкентской высшей школе МВД СССР, я предпринимал попытки поступить на обучение для завершения докторской диссертации в Академию управления МВД. К слову, прибыл я на обучение, поступив в докторантуру, именно 19 августа 1991 года, то есть в тот день, когда в Москве было введено чрезвычайное положение. Зловещее совпадение к удивлению того доцента. Был и такой случай: один, назовем его аккуратно — весьма высокопоставленный государственный чиновник, узнав о предмете моих научных изысканий, с видом оракула произнес: «Нам в демократической России все это не нужно. Не будет у нас никаких беспорядков и этих, как вы сказали, положений, тем более чрезвычайных».

Жизнь все расставила по местам. Прорицатели канули в лету, а научный продукт в виде концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях состоялся, получил признание научной общест-венности, прошел испытание временем и, в меру своей специфики, востребован в России и за рубежом¹. Сегодня это уже целое научное на-

¹ Антонов А. Н. Некоторые вопросы организации допросов свидетелей при расследовании преступлений в Косово // Современное право. 2008. №2 (1). С. 121–123; Григорьев В. Н. О роли Гейдара Алиева в формировании современной теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях [Текст] / В. Н. Григорьев // Материалы Международной конференции «Современные проблемы правовой науки и образования и пути их разрешения», посвященной дню рождения выдающегося политического деятеля современности Гейдара Алиева и 20-летию возобновления государственности Азербайджанской Республики. I часть. Баку: Институт философии, социологии и права НАНА, 2011. С. 72–77; Əliyev Adil Abiş oğlu. Kütləvi iğtişaş əməlləri ilə mübarizənin cinayəthüğü və kriminoloji problemləri. Bakı: «ADİLOĞLU» nəşriyyatı, 2012. 184 s.; Пепусевич М. Г. Порядок проведения тактической операции «Осмотр места происшествия» при расследовании массовых беспорядков // Вопросы криминологии, криминалистики

правление¹, имеющее современную историю становления и развития². И немалая заслуга в этом принадлежит лично Рафаилу Самуиловичу.

Особенно значимой его роль оказалась на первоначальном этапе, когда специалисты решали, дать ход такому исследованию или нет. Многие не видели никакой научной проблемы и не особо хотели вникать в суть, тем более участвовать в устройстве научной судьбы майора милиции из Ташкента. Были и активные конъюнктурные противники. На кафедре уголовного процесса и организации расследования преступлений, где предполагалось проводить исследования, тогда была откровенная неустроенность (как, впрочем, и во всей стране в начале 90-х), только что сменилось руководство, в весьма высококвалифицированном и душевном в большинстве своем коллективе лидером по сути оказался лаборант кафедры, чуткость и отзывчивость которого, к слову, до сих пор греют мне душу.

Возникли проблемы с тем, кто возьмется быть моим научным консультантом. Как выяснилось, на кафедре лишь один доктор наук, и тот в оппозиции ко всему свету. От предложенных услуг доцентов кафедры по понятным причинам пришлось отказаться. Мне порекомендовали обратиться к профессору Белкину, работавшему тогда на другой кафедре — организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Академии управления МВД России, где для группы ученых специально была создана секция криминалистики³.

— Вы его знаете? — предшествовал встрече с профессором вопрос принявшего искреннее участие в моей творческой судьбе Виктора Александровича Михайлова.

— Кто же не знает профессора Белкина!

— А он Вас знает?

— Конечно! Когда он был в Ташкенте на одной из защит [диссертации], я дарил ему свои книги.

Спустя несколько минут выяснилось, что ничего он про меня не знает, в Ташкенте был, но книг не помнит.

и судебной экспертизы: сборник научных трудов. Минск, 2015. С. 81–86; *Енгибарян В. Г.* Расследование массовых беспорядков: теоретические, организационные и методико-криминалистические основы (по материалам Республики Армения): дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2015. 422 с.; и др.

¹ См.: *Григорьев В. Н.* О теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях [Текст] / В. Н. Григорьев // Вопросы правоведения: Всероссийский научно-теоретический журнал. 2013. № 2. С. 344–361.

² См.: *Григорьев В. Н.* Возникновение и развитие концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях [Текст] / В. Н. Григорьев // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 106. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета «Социум», 2009.

³ См.: *Гаврилов Б. Я.* Академия управления МВД РФ. Кафедра криминалистики. История кафедры // <http://kriminalisty.ru/stati/kafedri/akademija-upravlenija-mvd-rg-kafedra-kri.html> [дата обращения — 21.10.2017].

Тем не менее разговор получился предельно деловой и очень краткий, в свойственной для Рафаила Самуиловича манере решать вопросы, а не забалтывать их. Конкретное содержание того разговора сейчас я вряд ли вспомню. Но решение было принято: у меня научный консультант профессор Белкин Р. С. Кроме личного восторга я ощутил и другое: освобождение от недоверия, приглядываний и переглядываний. Ситуация непонятности растаяла в момент. Всех очень устроило, что Р. С. Белкин взял на себя ответственность за всю эту «непонятку» с какими-то чрезвычайными делами.

Рафаил Самуилович принимал решение в обстановке напряженно-прохладного восприятия научной проблемы, с которой я приехал из Ташкента (в которой и проблему-то мало кто видел), работая в другом подразделении (со «своим» не сложились отношения — не случайно на другой кафедре для криминалистов была образована специальная секция), мало что зная лично о новоиспеченном докторанте. Отрицательное решение в этой ситуации было бы вполне естественным.

Но после краткого знакомства пошел разговор по существу научной проблемы. Разговор на одном языке, за которым с любопытством наблюдали некоторые присутствовавшие коллеги. Не уверен, что в полной мере понимавшие суть беседы. Однако на выходе оказался всем понятный результат — докторант пристроен, у него будет вполне легитимный научный консультант.

Рафаил Самойлович сходу рассмотрел в имеющемся материале частную криминалистическую методiku «большой степени общности»¹ и дал добро на продолжение исследований в этом направлении. Здесь следует добавить, что меньше всего он был склонен к популистским, сиюминутным, непродуманным или конъюнктурным решениям. Сейчас я знаю, что если он с чем-то был не согласен, он при всей своей интеллигентности довольно жестко отстаивал свою правоту. Стоит упомянуть хотя бы полемику о предмете криминалистики². И на модность, квазиновизну не был падок, о чем ярко свидетельствуют его рассуждения об иллюзорных криминалистических концепциях и теориях³. Однако тему с расследованием преступлений в чрезвычайных условиях он сразу понял и поддержал, несмотря на непростую социальную и организационно-кадровую ситуацию.

Единственное, что тогда на мой взгляд могло существенно осложнить положение дел, это если бы выяснилось, что, будучи «уроденным» процессуалистом, я собираюсь писать докторскую диссертацию по

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 199.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ—ДАНА, Закон и право, 2001. С. 46—66.

³ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Издательство НОРМА, 2001. С. 219—237.

криминалистике¹. Однако это обстоятельство тогда не было очевидным. Рафаил Самойлович о моем процессуальном происхождении очевидно мало что знал, он видел актуальную научную проблему и намеренного решить ее исследователя. Я же в тот момент как-то не очень озабочивался тем, что диссертация будет по криминалистике: я тоже видел научную проблему и был намерен ее решить. Очевидно, это совпадение взглядов и намерений и послужило основой для нашего последующего сотрудничества, переросшего в теплую крепкую дружбу.

Рафаил Самойлович очень быстро в свойственной ему тактичной манере перевел мое восторженное его восприятие в деловое русло, а вскоре наши отношения переросли в нечто большее, что связывает докторанта и научного консультанта — дружеские отношения Учителя и ученика. Кроме моего субъективного восприятия подтверждением тому есть немало личных свидетельств, документальных источников.

Работа над исследованием проблемы продвигалась быстро. И фактического материала было уже собрано достаточно, в том числе методом «включенного наблюдения». И круг интеллектуальной поддержки расширился, далеко выйдя за пределы сообщества следователей, с которыми не раз довелось побывать в «горячих точках», а в Москве — регулярно подпитываться идеями и материалами в специально созданном в то время под них оперативном отделе планирования специальных операций ГУБОП МВД России. И кафедра всячески поддерживала и помогала, и специальный УНК управления органами внутренних дел в особых условиях. В НИИ Генеральной прокуратуры РФ я оказался в составе авторского коллектива по профильной проблеме, немало времени в творческой полемике проводил в ВНИИ МВД России. Но каждую секунду я понимал, что крепкую почву для этого успешного творческого продвижения создает мой научный консультант профессор Р. С. Белкин, снискавший безоговорочное почтение всех моих друзей и коллег, излучавший мудрость, обстоятельность и надежность.

После успешной защиты диссертации наши отношения стали еще теплее. Рафаил Самуилович внимательно следил за моим карьерным ростом и всячески поддерживал вместе с моей концепцией. Каким наслаждением было слышать рассказы о ней на различных научных форумах из уст этого великого ученого, человека с большим сердцем и железной логикой. Он считал важным популяризировать и продвигать эти идеи.

Как показывает развитие событий, в обществе с объективной неизбежностью достаточно регулярно проявляются различные катаклизмы, происходят разного рода события из разряда чрезвычайных. Нет никаких гарантий, что через какое-то время они не проявятся вновь, причем

¹ См.: Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М.: Издательство НОРМА, 1999. С. 450–451.

в самых неожиданных, изощренных формах. Поэтому общество должно постоянно поддерживать оптимальный уровень готовности к самозащите в подобных ситуациях, содержать для этого специальную систему. Одним из элементов такой системы является разветвленная концепция расследования преступлений в чрезвычайных условиях, к современному становлению и развитию которой профессор Р. С. Белкин имеет самое непосредственное отношение.

В отличие от порой интеллектуально немощного или конъюнктурного окружения, разного ранга чиновников он со своим светлым умом очень хорошо понимал, что нам нужно в демократической России, какие вызовы нам грозят и как им противостоять с позиции ученого и гражданина.

Демин К. Е.

Нейтрализация противодействия расследованию преступлений как частная криминалистическая теория

В статье рассмотрены вопросы влияния идей Р. С. Белкина на развитие теории нейтрализации противодействия расследованию преступлений в современной теории криминалистики.

Труды великого советского и российского ученого энциклопедиста Рафаила Самуиловича Белкина имели, имеют и будут иметь огромное значение для развития криминалистической мысли, в своих многочисленных работах им были отражены самые актуальные темы исследований. Его неисчерпаемое по своей глубине наследие включает все разнообразие различных воззрений на наиболее востребованные практикой запросы времени, его пытливый ум всегда находился на пике научных направлений. Так, в начале и в середине двухтысячных профессор Р. С. Белкин обратил свое внимание на вновь возникшее негативное социальное явление как организованная преступность, одним из проявлением которой явилось усиленное воздействие на органы расследования.

Понятие и содержание противодействия криминальной среды мерам государства по ее нейтрализации длительное время находились в эмбриональном состоянии. Это, прежде всего, связано с влиянием идеологического фактора, отрицающего до недавних пор наличие организованной преступности в условиях развитого социализма. Однако, с изменением политического строя произошло качественное пересмысление понятия и содержания преступности как социального явления. Так, на фоне перехода экономики на рыночные отношения произошла так называемая «криминальная революция», прежде всего, проявившаяся в виде воспроизводства организованной преступности, осложнении криминогенной ситуации в начале 90-х и последующих

годов, процесса генезиса традиционных форм преступности в принципиально новые виды криминальной деятельности.

В криминалистической литературе до последнего времени противодействие расследованию рассматривалось преимущественно в аспекте различных форм и способов сокрытия преступлений. При этом под противодействием профессор Р. С. Белкин понимал «... деятельность (элемент преступной деятельности), направленную на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника, и их носителей¹». Данное определение дало толчок развитию данного направления, именно с таких позиций определялась природа противодействия расследованию, так по мнению Журавлева С.Ю. и Лубина А.Ф. она представляет «... систему действий (или бездействия), преследующих цель воспрепятствовать вовлечению следов преступления в сферу уголовного судопроизводства и последующего их использования в качестве судебных доказательств».² Данные авторы по существу рассматривали противодействие как сокрытие преступления, ограничивая его только воздействием на следовую картину места происшествия. Однако заметим, что непосредственным объектом противодействия в основном являются организационно-правовые отношения, складывающиеся в процессе расследования, в которых непосредственными объектами этого воздействия являются участники уголовного процесса, начиная со следователя и судьи и кончая потерпевшими и свидетелями. Далее В. М. Антонов, Ю. С. Астаханов, В. П. Кувалдин рассматривали противодействие как «...сложный комплекс разнообразных приемов, уловок, и хитростей преступников, препятствующих эффективному предупреждению, выявлению, раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению совершенных ими преступлений и способствующих максимальному смягчению заслуженного наказания».³ Указанная точка зрения, на взгляд автора, более точно отражает основное содержание признаков противодействия, хотя не была лишена некоторых недостатков, так в определении искусственно ограничивался круг субъектов противодействия, однако нельзя признать удачной и попытку дать исчерпывающий перечень применяемых криминальной средой приемов противодействия, а также ограничить их конечной целью смягчение наказания. Исходя из объектов и субъектов противодействия, В. Н. Карагодин с позиции предметного подхода предложил рассматривать его как «...умышленное действие (систему действий), направленное на вос-

¹ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 3. М., 1979. С. 234.

² Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики. Ниж. Новгород: Нижегородская ВШ МВД России, 1995. С. 345.

³ Антонов В. М., Астахов Ю. С., Кувалдин В. П. Противодействие преступных структур органам внутренних дел и меры по их нейтрализации. Лекция. М.: Московский юридический институт МВД РФ, 1994. С. 12.

препятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению объективной истины по уголовному делу»¹. Однако, ограничивая противодействие только предварительным следствием, автор, по существу, сужал его понятие. Поскольку сфера воздействия данного негативного явления распространяется как на предварительное следствие, так и на судебное разбирательство и доследственную проверку.

В своих последних работах профессор Р. С. Белкин, развивая свою идею о природе противодействия, предложил понимать ее как «...умышленную деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и, в конечном счете, установлению истины по уголовному делу»². По отношению к процессу расследования конкретного преступления он предложил различать «внутреннее» и «внешнее» противодействие. Под «внутренним» противодействием им понимается противодействие, оказываемое лицами, причастными в какой — либо форме к расследованию и обладающими какой-то информацией о событии и стремление скрыть, изменить или уничтожить эту информацию и (или) ее носителей. К этой группе относятся приемы сокрытия преступления такие, как утаивание, маскировка, фальсификация информации и (или) ее носителей, а также смешанные способы, под которыми понимаются различные формы инсценировок обстоятельств преступления. «Внешнее» противодействие — это деятельность должностных лиц предприятий, учреждений и организаций, где было совершено преступление, сотрудники органов исполнительной власти и представительных органов, контрольных, ревизионных органов и правоохранительных органов. Реализацию своих замыслов субъекты «внутреннего» противодействия реализуют преимущественно путем сокрытий преступлений, субъекты «внешнего» взаимодействия — влиянием, давлением на следователя, созданием условий для совершения им незаконных действий и т. п.³

Указанная точка зрения, на наш взгляд, целесообразна для систематизации форм противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Вместе с тем, «внешнее» противодействие следует дополнить таким явлением, как привлечение средств массовой информации в целях дискредитации органов следствия, дознания

¹ Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992. С. 18.

² Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления. В кн. Криминалистика: учебник для вузов; под ред. проф. А. Ф. Вольнского. М., 1999. С. 237.

³ Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами. В кн.: Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. Под ред. проф. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1997. С. 129–143.

и суда. Нередко нечистоплотные журналисты напрямую связаны с организованными преступными группировками, находятся на постоянном материальном их содержании. Не вполне оправдано, на наш взгляд, и жесткое разделение форм противодействия на «внешнее» и «внутреннее», так как приемы, используемые преступными организациями в ходе расследования конкретного преступления, могут иметь смешанные формы, включающие в себя приемы собственно сокрытия преступления и приемы, характерные для организованных преступных группировок.

С позиции системно-структурного подхода противодействие расследованию преступлений А. Ф. Вольнский и В. П. Лавров определяют, как «систему умышленных, противоправных действий (бездействия) лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по собиранию, исследованию и использованию розыскной и доказательственной информации в процессе возбуждения и расследования уголовного дела, а в итоге — на воспрепятствование правосудию».¹ При этом ими предлагается классифицировать виды противодействия установления истины на общие, встречающиеся в ходе проведения расследования отдельно взятого преступления, и специфические, типичные для деятельности организованных преступных формирований. К первым, по их мнению, необходимо относить дачу ложных показаний, сокрытие похищенного имущества, инсценировки, сокрытие в тайниках орудий совершения преступления, выдвигание ложного алиби, изменение преступником внешности перед совершением или после совершения преступления, уклонение от следствия, отказ от дачи показаний, обезображивание или расчленение трупа убитого и т. д. К специфическим приемам противодействия расследованию авторы относят жестокое психологическое, физическое воздействие на потерпевших и свидетелей в целях принуждения их к даче необходимых преступникам показаний, воздействие на сотрудников правоохранительных органов и судей (подкуп, шантаж, угрозы и другие действия, вплоть до убийства); похищения потерпевших, свидетелей или членов их семей, избивание, пытки захваченных; прикрытие нелегальной части организованной преступной деятельности легальными формами деятельности; приемы конспирации руководителей преступных формирований, неучастие их непосредственно в совершении преступлений; обеспечение перехода на нелегальное положение или убийство членов формирований, против которых в правоохранительных органах появились серьезные улики; выделение денег из «общей кассы» на подкуп работников правоохранительных или контролирующих органов; оказание помощи членов группы, отбывающих наказание; использование недобросовестных

¹ Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Вольнского и В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. С. 54.

адвокатов и т.д.¹ Данная точка зрения достаточно полно отражает современное состояние борьбы с организованной преступностью. Однако, на наш взгляд, она также нуждается в некотором дополнении. Так, анализ современного состояния преступности выявляет такой способ противодействия как проведение разведывательных операций со стороны преступных формирований в отношении, как потерпевших, так и сотрудников правоохранительных органов. Помимо этого, в современных условиях для организованной преступности присуще проникновение в правоохранительные органы своих членов в качестве различного рода информаторов, причем в ряде случаев, осуществляется внедрение в кадровый состав правоохранительных органов, в том числе и в их руководящие структуры². Кроме этого, противодействие, возникающее при расследовании конкретного преступления, как правило, является типичным элементом деятельности, характеризующим именно организованные преступные формирования.

Таким образом, противодействие можно характеризовать, как систему взаимосвязанных и взаимообуславливающих друг друга приемов, способов, имеющих своей целью воспрепятствовать установлению объективной истины по уголовному делу, а также направленных на нейтрализацию деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. При этом под способом противодействия расследованию следует понимать систему действий, детерминированной условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности действия преступника, объединенной единой целью на стадиях подготовки, совершения и сокрытия преступления. Под приемом противодействия — достаточно эффективный способ действия, а также жесткую линию поведения по отношению к расследуемому криминальному событию со стороны подозреваемых (обвиняемых, подсудимых).

В заключении хотелось бы отметить положительную роль исследований понятия криминалистической теории противодействия для практики раскрытия и расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами. Решение вопросов нейтрализации противоправного воспрепятствования расследованию позволило следователям, оперативным работникам адекватно оценить

¹ *Вольнский А. Ф., Лавров В. П.* Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики). В сб. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации; Материалы научно-практической конференции (29–30 октября 1996 года, г. Руза). М.: ЮИ МВД России, 1997. С. 94–95.

² *Корж В. П.* Формы и методы противодействия раскрытию и расследованию организованной преступной деятельности в сфере экономики. В сб. науч. статей Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений. М.: Академия управления МВД России, 2007. С. 95–98.

создавшуюся следственную ситуацию, обозначить круг используемых противоправных приемов воздействия на следствие, их последовательность, определить негативный результат осуществляемого противодействия в целом и поставить цели и задачи по их преодолению.

Дробинин Д. В.

Криминалистические критерии разграничения понятий «осмотр места происшествия» и «осмотр жилища»

Осмотр является одной из разновидностей следственных действий, в результате которого следователь (дознатель) собирает вещественные доказательства (объекты, на поверхности которых обнаружены материальные следы преступного события, объекты, используемые в качестве орудий совершения преступлений и др.), предметы, документы, получает исходную информацию для выдвижения версий, организации и планирования последующих следственных и оперативно-розыскных мероприятий. В то же время нельзя не отметить, что познавательное начало, составляющее суть любого следственного действия, тесно переплетается с комплексом правоограничительных и одновременно правообеспечительных операций (действий). При условии возможного ограничения базовых конституционных прав и свобод личности в ходе производства следственных действий судебный контроль за их законностью и обоснованностью становится достаточно эффективной процессуальной гарантией. Данным положением было обусловлено требование наличия обязательного разрешения, выдаваемого судом для производства таких следственных действий, как обыск и выемка в жилище, контроль и запись телефонных переговоров и иных сообщений и др.

Согласно концептуальному подходу к реформированию уголовного-процессуального законодательства (в том числе и в части последующих изменений) логичным представлялось появление в УПК РФ положений о том, что только суд в ходе досудебного производства вправе принимать решения о законности и обоснованности осмотра жилища при отсутствии согласия на это действие проживающих в нем лиц (п. 4 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Данное положение не может не вызвать вопрос о том, распространяется ли требование обязательного судебного контроля на осмотр места происшествия при условии, что местом происшествия будет выступать жилое помещение? Представляется, что ответ на этот вопрос будет отрицательным. Рассмотрим подробнее аргументы, которые позволяют сформулировать подобный вывод.

Лингвистический анализ ч. 1 ст. 176 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель, перечисляя разновидности осмотра, выделяет среди них осмотр места происшествия, жилища, иного помещения, не только как самостоятельные объекты осмотра, но и как

самостоятельные следственные действия. Это подтверждает и ч. 2 ст. 176 УПК РФ, из которой следует, что только осмотр места происшествия, документов и предметов (логически другие виды осмотра, в том числе и местности, жилища, иного помещения, здесь не названы) может быть произведен до возбуждения уголовного дела. Ч. 1 ст. 144 УПК РФ также не относит осмотр жилища к видам и средствам, входящих в комплекс мероприятий, направленных на проверку заявлений и сообщений о преступлениях. В тоже время структурно выделенная ч. 5 ст. 177 УПК РФ, предусматривающая дополнительные особенности осмотра жилища, помимо универсальных правил производства иных видов осмотра, также говорит о понимании законодателем осмотра жилища и осмотра места происшествия как индивидуально обособленных следственных действий.

Осмотр места происшествия относится к числу первоначальных, неотложных следственных действий. Это объясняется тем, что следовая картина происшествия, структурно расположенная в территориальных границах, диктует необходимость оперативного реагирования на это со стороны правоохранительных органов.

Не отрицая целесообразность судебного контроля, выраженную в проверке законности и обоснованности производства осмотра жилища, отметим, что перед началом производства осмотра места происшествия (жилища), следователь, как правило, не может представить суду каких-либо документально подтвержденных оснований, доказательств, диктующих необходимость его проведения. Нередко осмотр проводится после поступления оперативного сигнала (заявления, телефонного звонка) в дежурную часть РОВД. Каких-либо материалов уголовного дела к этому моменту еще не существует. Следовательно, суду при обращении к нему следователя рассматривать попросту нечего, что приводит к ситуации, когда суд вынужден доверять только словам следователя, принимая решения «в слепую». На наш взгляд законность и обоснованность действий и решений, осуществляемых следователем в процессе предварительной проверки заявлений и сообщений о совершении преступлений, в полной мере могут быть установлены судом в результате рассмотрения им заявления от заинтересованных лиц о законности и обоснованности принятого следователем постановления о возбуждении уголовного дела или отказа в нем в порядке ст. 125 УПК РФ.

К тому же, при проведении данного следственного действия следователь (дознатель) должен не только своевременно обнаружить, изъять, но и сохранить доказательственную ценность материальных источников информации, обеспечив их качественную упаковку и доставку в экспертное учреждение. Кроме того, именно по результатам проведенного осмотра картина произошедшего события приобретает некоторые очертания правовой определенности. Так, установленные признаки состава преступления (чаще всего в части объективной

стороны) требуют незамедлительного возбуждения уголовного дела, либо отказа в нем, если характер происшествия подразумевает административное правонарушение, либо действие, не повлекшее нарушение закона. Таким тактично-потенциальным «разнообразием» доказательственной информации осмотр жилища не отличается, что, на наш взгляд, и обуславливает возможность его производства только после возбуждения уголовного дела (ст. 144, 176, 177 УПК РФ).

Нельзя обойти вниманием и объективную сложность процедуры получения следователем (дознавателем) судебного разрешения на производство осмотра места происшествия, при условии, что территория места происшествия охватывает (включает в себя) жилое помещение. Согласно статистике, большинство умышленных преступлений носит ситуативный, «бытовой» характер, т. е. совершаются в жилых помещениях на фоне социальных конфликтов (в отдельные годы общая численность таких преступлений превышала 60% от общего числа зарегистрированных). Не трудно догадаться, что и активными участниками подобных преступлений являются сами жители — будущие подозреваемые, обвиняемые, которые не испытывают желания оказывать содействия расследованию (давать согласие на осмотр их жилища). Следовательно, при подобном подходе практически все виды производимых осмотров места происшествия (жилищ) требовали бы дополнительной процессуальной процедуры с участием суда. Это, в свою очередь, значительно увеличило бы нагрузку на судебский корпус. Здесь возможно возражение, что закон позволяет, в случаях, не терпящих отлагательств, производить следственные действия (в данном случае осмотр) без получения предварительного судебного разрешения, с последующим уведомлением суда и прокурора в срок не позднее 3-х суток с момента начала следственного действия для проверки законности решения о его производстве (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Однако, подобная практика заведомо бы отводила любому осмотру места происшествия (жилища) при условии, что он проводится до возбуждения уголовного дела, заранее исключительный характер (заведомый случай, не терпящий отлагательства), что вряд ли согласуется с правилами законодательной техники и нормотворчества. Проведенный нами опрос федеральных судей и работников прокуратуры (всего было опрошено 20 судей и 30 прокурорских работников) также подтверждает представленный тезис. В их профессиональной практике ни разу не встречался случай дачи судом разрешения на производство осмотра места происшествия — жилого помещения при отсутствии согласия проживающих в нем граждан.

Стремление отдельных авторов распространить правило осмотра жилища (в части получения судебной санкции) на осмотр места происшествия в пределах жилых территорий нередко объясняется тем, что практике мало известны случаи, примеры «чистого» осмотра жилища, как самостоятельного следственного действия. Действительно, зако-

нодательная история этого следственного действия не столь продолжительна. Положение об осмотре жилища, при отсутствии согласия, проживающих в нем лиц, на основе судебного решения вступило в действие с 1 июля 2002 года. Тем не менее, в криминалистике на основе обобщения следственной практики за более продолжительный период ее существования, известны случаи, примеры осмотра помещений (в том числе и жилых), когда данные объекты не охватывались понятием места происшествия, а, следовательно, и не являлись таковым.

Так, например, осмотр жилища, как самостоятельное следственное действие, может иметь место при расследовании мошенничества, где объектом хищения выступает жилой объект. Целью осмотра жилища в данном случае будет ознакомление следователя с помещением для выделения потребительских свойств жилища, квартиры, как объекта гражданско-правовой сделки (площадь, состояние стен, полов, оконных конструкций, систем отопления, вентиляции и т. д.).

В ходе производства по делам несовершеннолетних следователю необходимо выяснять дополнительные факторы, влияющие на формирование преступного умысла, к которым законодатель справедливо относит условия жизни и воспитания подростка-правонарушителя. В подобной ситуации осмотр следователем места проживания подростка, бытовых условий, в которых он находится, наряду с другими обстоятельствами позволяет сформировать следователю представление о данных условиях.

Для выяснения обстоятельств, создающих условия для совершения будущих преступлений, в целях их предотвращения, следователь может осматривать жилые помещения (квартиры). Данный осмотр может проводиться с целью проверки работы газового оборудования, пожарно-технической сигнализации, состояния электропроводки как потенциальных источников возникновения пожаров, обрушений, способных повлечь человеческие жертвы (ч. 2 ст. 173 УПК РФ).

Данные примеры говорят о том, что осмотр жилища может проводиться не только в связи с совершенным правонарушением, но и как самостоятельное следственное действие.

Нельзя обойти вниманием и отсутствие в законе процессуальной регламентации процедуры получения согласия проживающих в жилых помещениях граждан. Так, одни следователи считают, что это согласие должно оформляться письменным заявлением, удостоверенным подписями на имя следователя, другие, что согласие должно найти отражение в тексте вводной части протокола осмотра жилища. Не в полной мере ясен и процессуально-правовой статус проживающего в помещении лица; распространяется ли он на лиц, находящихся в помещении без официальной регистрации по месту жительства, отсутствие договора аренды, лиц, находящихся на момент начала осмотра в отъезде и т. д. В случае признания за ними статуса проживающих лиц возникают объ-

ективные затруднения в получении документально-подтвержденного согласия с их стороны. Разрешать подобные вопросы в условиях дефицита времени и сил в процессе осмотра места происшествия-жилища также было бы не целесообразно.

В развитие проблематики разграничения осмотра места происшествия и осмотра жилища нельзя не рассмотреть и вопрос о том, требуется ли согласие проживающих в помещении граждан на производство проверки и уточнения показаний на месте, если данное следственное действие осуществляется в жилых помещениях. Правовая природа проверки и уточнения показаний на месте представляет собой комплекс фрагментарно выраженных следственных действий, таких как, осмотр места происшествия, допрос, проверяемого лица (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого), опознание последним места события. При проведении подобных следственных действий, которые нередко проводятся в пределах границ ранее произведенного осмотра места происшествия (а если осмотр до этого не проводился, то как правило место, к которому приводят проверяемое лицо, является местом исполнения преступления, что в свою очередь вписывается в криминалистическое понятие места происшествия), действующее уголовно-процессуальное законодательство также не предусматривает судебное разрешение на его производство и согласие проживающих в жилище граждан, что, на наш взгляд, является обоснованным.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что понятие осмотра места происшествия (даже при условии, что в пределах его границ находится жилое помещение) не подменяет понятие осмотра жилища в процессуальном и криминалистическом контексте, а, следовательно, и не образует единообразную процессуальную процедуру, включая получение судебного решения на их производство.

Дульская Е. Г.

К вопросу о судебной финансово-экономической экспертизе по делам о преднамеренном банкротстве

При рассмотрении вопросов по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц, особо следует акцентировать внимание на определенных проблемных аспектах, возникающих в ходе проведения судебных финансово-экономических экспертиз по делам о преднамеренном банкротстве.

В настоящее время, несмотря на накопление опыта проведения арбитражными управляющими финансового анализа, имеет место тенденция снижения качества заключений арбитражных управляющих. Обоснованием данного тезиса является тенденция

к увеличению количества проводимых судебных экспертиз по оценке достоверности и обоснованности результатов финансового анализа.¹ Необходимо подчеркнуть, что методология проведения анализа бухгалтерской отчетности довольно подробно излагается в экономической литературе. При этом, методологические и теоретические аспекты проведения судебных финансово-экономических экспертиз в целях проведения анализа бухгалтерской отчетности в разрезе неплатежеспособности юридических лиц на современном этапе недостаточно проработаны и урегулированы.

В части назначения судебных экспертиз, обратим внимание на то, что назначение судебных финансово-экономических экспертиз по делам о преднамеренном банкротстве, в том числе и по своей инициативе, является правом, а не обязанностью суда.² При этом лица, участвующие в деле о банкротстве, наделены правом обращаться в арбитражный суд с ходатайством о назначении экспертизы в целях выявления признаков преднамеренного банкротства.³ Высказывается позиция о том, что проблемным моментом является «существенное ограничение права арбитражного суда на назначение финансово-экономической экспертизы, которая часто в данной категории дел является необходимой»⁴. Действительно, проведение судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве является целесообразным ввиду углубленного использования комплекса специальных знаний для правильного разрешения вопросов в рамках вышеуказанной экспертизы сведущим лицом, поскольку лица, участвующие в деле о банкротстве, не всегда обладают специальными знаниями в области бухгалтерского учета, финансового и налогового учета, экономики и управления производством, финансов и кредита, налогов и налогообложения, банковского дела, экономики труда, особенностей обращения и учета ценных бумаг, оценки недвижимости и производства, криминалистики, уголовного и гражданского, арбитражного процессов, а также судебной экспертологии. Обязательное назначение судебной экспертизы, как разъяснил Пленум Высшего Арбитражного Суда, возможно лишь

¹ Акулова Н. Г., Ряховский Д. И. Проблемы качества финансового анализа в процедурах, применяемых по делам о банкротстве. Эффективное антикризисное управление, 2014.

² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 50).

³ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 34).

⁴ Акулов А. Я. Роль финансово-экономической экспертизы в процессе доказывания в делах о банкротстве. [Электронный ресурс]: <http://www.icay.ru/nauka-v-icau/vestnik-icau/publikacii-zhurnala-vestnik-icau/vestnik-icau-2016.-n-12/akulov-a.-ya.-rol-finansovo-ekonomicheskoy-ekspertizy-v-processe-dokazyvaniya-v-delah-o-bankrotstve/> (дата обращения 10.10.2017).

в случаях предписанных законом или предусмотренных договором либо необходимо для проверки заявления о фальсификации представленного доказательства или проведения дополнительной либо повторной экспертизой со стороны должника. Таким образом, возможно злоупотребление сторонами ввиду отсутствия интереса к установлению действительного состояния финансово-хозяйственной деятельности должника, а также качественного финансового анализа, что приводит к снижению эффективности функционирования института банкротства.

Привлечение экспертов для проведения финансово-экономических экспертиз по делам о преднамеренном банкротстве обуславливается следующими факторами:

- лица, участвующие в делах о банкротстве, в своем большинстве имеют юридическое образование, в то время как для формирования необходимой доказательственной базы требуются глубокие финансово-экономические знания в области банкротства организаций;
- методическое обеспечение проведения финансового анализа арбитражными управляющими и проверка на наличие (отсутствие) признаков преднамеренного банкротства являются недостаточно совершенными;
- манипулирование должником бухгалтерской отчетностью с целью вывода активов организации;
- использование института банкротства в антиобщественных целях.

В рамках судебной финансово-экономической экспертизы по различным вопросам необходимо проведение финансового анализа, который необходим при рассмотрении преднамеренных банкротств. Учитывая процедуру, применяемую в деле о преднамеренном банкротстве юридических лиц, судебная экспертиза может быть проведена в ходе следующих процедур: наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство. Например, в ходе процедуры наблюдения перед судебным экспертом-экономистом допустима постановка вопросов на предмет установления возможности либо невозможности восстановления платежеспособности должника, а также целесообразности введения дальнейшей процедуры банкротства должника-юридического лица.

В судебной экспертологии существует также проблема, касающаяся вопроса об отнесении судебных экономических экспертиз по делам о преднамеренном банкротстве к различным видам судебных экономических экспертиз ввиду различных позиций ведомств, которые нашли отражение в соответствующих ведомственных актах. Ввиду того, что обязательным элементом банкротства является утрата платежеспособности, в ходе финансово-экономической

экспертизы разрешаются вопросы, связанные именно с этим элементом финансового состояния хозяйствующего субъекта. Наиболее проводимыми являются финансово-аналитические/финансово-экономические экспертизы, направленные на установление динамики платежеспособности предприятий реального сектора экономики и влияние конкретных финансово-хозяйственных операций на соответствующую динамику коэффициентных показателей.

В соответствии с Приказом Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 вышеназванные вопросы подпадают под требования судебной финансово-экономической экспертизы, назначаемой для решения задач, затрагивающих финансово-хозяйственную деятельность юридических лиц, соблюдение ими законодательных актов, регулирующих их финансовые отношения с государственным бюджетом, выполнение договорных обязательств, анализ финансовой кредитной деятельности банков, анализа фиктивных и преднамеренных банкротств, распределения и выплаты дивидендов, операций с ценными бумагами, инвестициями и пр. Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 устанавливает, что вопросы преднамеренного банкротства отнесены к финансово-аналитической экспертизе, заключающейся в исследовании финансового состояния юридического лица.

Финансово-экономическая экспертиза предполагает наличие многообразных методик, в том числе по исследованию вопросов, затрагивающих сферу преднамеренного банкротства. При этом, существует серьезная проблема, состоящая в том, что на сегодняшний день утвержденных сертифицированных экспертных методик проведения финансово-экономической экспертизы по вопросам банкротства в настоящее время нет. Однако, как показывает практика, при производстве судебной финансово-экономической экспертизы по вопросам, связанным с преднамеренным банкротством, судебные эксперты используют методики, опубликованные ведущими учеными-экономистами. К основным экспертным методикам судебной экономической экспертизы можно отнести методики финансового анализа, разработанные и опубликованные учеными-экономистами. Среди ведущих ученых-экономистов, являющихся авторами методик, следует отметить Л. В. Донцову, Н. А. Никифорову, С. В. Дыбаль, Г. В. Савицкую, А. Д. Шеремета, В. В. Ковалева и др. При этом, эти методики нельзя назвать однозначными, допустимой является вариантность выводов, а также то, что данные методики не сертифицированы соответствующими государственными экспертными учреждениями. Так, например, каждый из вышеуказанных экономистов, стремясь привнести элемент новизны в теорию и практику экономического анализа, допускает модификацию формул расчета актуальных экономических показателей и их нормативных значе-

ний и др., что может привести к различным выводам при ответе на один и тот же вопрос на основании единых объектов судебной экономической экспертизы¹. Кроме этого, различные выводы при исследовании одних и тех же объектов в расчетах могут быть связаны с различными научными взглядами отдельных ученых, отраслевой спецификой финансовых показателей, различной степенью адаптации зарубежных методик к российской экономике и др.

Подобные Методические рекомендации утверждены Приказом Министерства экономического развития РФ от 5 февраля 2009 г. № 35. Необходимо отметить, что данный документ не содержит именно экспертных методик в своем содержании и при проведении экспертного исследования не используется. Ввиду того, что данный документ является ведомственным актом, соответственно при его применении возможно злоупотребление со стороны обвинения в ходе проведения финансового анализа с целью трансформации реальной картины финансово-хозяйственной деятельности организации в выгодную для стороны обвинения.

Зачастую основным документом, используемым в ходе проведения экспертного исследования судебной финансово-аналитической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве являются Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855. Однако, использование указанных Временных правил при проведении экспертных исследований затруднительно назвать правильными, поскольку в них отсутствуют экспертные методики, и определен только порядок проведения арбитражным управляющим проверки наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, поэтому вопрос их использования при производстве судебной финансово-экономической экспертизы является дискуссионным.

Дьяконова О. Г.

Подходы к определению объекта и предмета науки «судебная экспертология»

Поднимая в очередной раз вопрос об объекте и предмете науки, именуемой нами «судебная экспертология», отметим, что Рафаил Самуилович Белкин — один из первых исследовал дискуссионные вопросы о возможности существования самостоятельной науки о судебной экспертизе, ее наименовании, объекте и предмете изучения, а также

¹ Савицкий А. А. Актуальные проблемы судебной экономической экспертизы. Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10.

возможных направлений развития¹. В период с середины XX века до настоящего времени многие ученые обращались к исследованию указанных вопросов и на данный момент дискуссия все еще не окончена. Тем более интересно предпринять попытку рассмотрения объекта и предмета судебной экспертологии в свете современных реалий, с учетом формирующейся классификации научного знания, отраженной практически в научных специальностях, утвержденных Министерством образования России, а также перспектив развития судебной экспертологии в зависимости от определения ее структуры.

Практически все ученые сходятся во мнении, что объектом судебной экспертологии является судебно-экспертная деятельность (СЭД), однако по-разному подходят к основаниям выделения данного понятия в качестве объекта науки. Мнения ученых о сущности объекта судебной экспертологии можно разделить на две группы, объединив их по признаку выделения в предмете правовых (в том числе процессуальных) и организационных основ либо отрицания возможности включения указанных основ в предмет судебной экспертологии. Исходя из этого, к первой группе соответственно можно отнести таких известных ученых, как А. Р. Шляхова, А. И. Винберга, Н. Т. Малаховскую, Ю. Г. Корухова, И. А. Алиева, Д. А. Сорокотягину, И. Н. Сорокотягина, К. Н. Шакирова, Т. С. Волчечкую, Е. Р. Россинскую и др. Вторую группу составляют не менее известные ученые: А. А. Эйсман, Р. С. Белкин, Ф. М. Джавадов, С. Ф. Бычкова, Т. В. Аверьянова, Е. А. Зайцева, В. А. Ручкин.

Полагаем, что объектом науки «судебная экспертология» является судебно-экспертная деятельность как совокупность (система) действий определенных субъектов (должностных лиц государственных органов, организаций, лиц, участвующих в судопроизводстве, и ином юрисдикционном процессе, экспертов, специалистов), направленных на назначение и производство судебной экспертизы в судопроизводстве или ином юрисдикционном процессе. Однако представляется, что помимо этого объектом судебной экспертологии в определенной мере выступает деятельность специалиста в судопроизводстве или ином юрисдикционном процессе, поскольку основы (сущность) данной деятельности, как формы использования специальных знаний, ее общие закономерности разрабатываются судебной экспертологией, как междисциплинарной наукой об использовании специальных знаний. Исходя из этого, можно выделить двойственный объект судебной экспертологии: 1) судебно-экспертная деятельность; 2) деятельность специалиста в судопроизводстве или ином юрисдикционном процессе.

Наибольшие споры среди ученых вызывает определение структуры науки «судебная экспертология», которая в полной мере отражает пред-

¹ См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: частные криминалистические теории. В 3 томах. Т. 2. М.: Юрист, 1997.

мет ее исследования, показывая при этом взаимосвязь с объектом. В настоящее время острая дискуссия развернулась по вопросу о возможности включения в предмет исследования судебной экспертологии правовых (процессуальных) и организационных основ использования специальных знаний. Р. С. Белкин отмечал, что один и тот же объект может изучаться разными науками, что как раз и подтверждается на примере с судебной экспертизой: правовые основы экспертизы формируются под воздействием закономерностей, составляющих предмет процессуальной науки; организационные основы судебной экспертизы — область науки управления и такого ее раздела, как научная организация труда (в данном случае — труда эксперта); история и тенденции развития судебной экспертизы как процессуального института относятся к истории процессуального права как элементу содержания исторической науки о праве и государстве, история развития научных представлений об экспертизе — к содержанию истории правовой науки; организация научных исследований по проблемам экспертизы, реализация научных исследований по проблемам экспертизы, реализация и внедрение в практику их результатов относятся к проблемам науковедения и отчасти науки управления¹. Соглашаясь с этим положением, Т. В. Аверьянова пишет, что «...никакое определение предмета общей теории судебной экспертизы не может жестко отграничить эту область научного знания от уголовного (гражданского, арбитражного и т. п.) процесса, науки управления, педагогики, ибо для них, как и для всех смежных наук, в наше время характерен процесс взаимопроникновения. Более того, судебно-экспертная деятельность теснейшим образом связана с вопросами правового, организационного и дидактического обеспечения экспертной практики, поскольку она не является творчеством, свободным от норм и правил, и достаточно жестко регулируется законом и другими подзаконными актами. Но объективные закономерности такого обеспечения являются закономерностями функционирования экспертной деятельности, а не самой этой деятельности»².

По мнению Р. С. Белкина, «разработка данной проблематики необходима, однако это не аргумент для включения этого комплекса вопросов «навечно» в теорию экспертизы, так как к предмету данной теории они не относятся. Их исследование, в принципе, должно вестись в рамках науки управления и в соответствии с ее предметом независимо от научной специальности исследователя»³. Тождественного мнения придерживается

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. С. 306.

² Аверьянова Т. В. Проблемы теории и практики судебной экспертизы // Информационный бюллетень: Вопросы экспертной практики. Специальный выпуск. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы», 26–27 октября 2017 г. М., 2017. С. 2.

³ Белкин Р. С. Курс криминалистики: частные криминалистические теории. В 3 томах. Т. 2. М.: Юрист, 1997. С. 297.

и Т. В. Аверьянова, отмечая, что «включение в предмет теории судебной экспертизы любых научных положений, используемых в судебно-экспертной деятельности, можно рассматривать как шаг назад в развитии этой области научного знания, ибо оно фактически лишает данную науку всяких границ»¹. В определенном смысле можно согласиться с данным утверждением в части необходимости определения границ научного познания, но заметим, что общность исследуемых объектов способствует интеграции научного знания, кроме того, взаимовлияние и взаимопроникновение достижений различных наук в отношении одного и того же предмета исследования заставляет двигаться вперед, отыскивая новые возможности и перспективы, совершенствуя научную мысль.

Т. Ф. Моисеева также поддерживает мнение о четком разделении предметов научного исследования, определяя процессуальные аспекты в качестве предмета процессуальной науки. При этом она полагает необходимым «...разделять научный и деятельностный аспекты судебной экспертизы, ...говорить о различии содержания понятия судебная экспертиза, рассматриваемого в разных аспектах. Несомненно, организационно-процессуальные аспекты должны входить в содержание учебной дисциплины «Судебная экспертиза» и в понятие «Судебно-экспертная деятельность». В то же время структура науки логично должна состоять из раздела общая теория и особенная часть, включающая частные теории родов и видов судебных экспертиз и судебно-экспертные технологии»². Учитывая, однако, что объектом науки «судебная экспертология» является СЭД, представляется не совсем последовательным размещать организационно-процессуальные аспекты в содержании понятия СЭД и одновременно отказывать им в исследовании в рамках судебной экспертологии. Кроме того, учебная дисциплина, являясь начальным уровнем познания предмета, базируется на науке.

Полагаем, пришло время поддержать несколько иную позицию, высказанную Е. Р. Россинской. Она справедливо полагает, что аргументы, определяющие принадлежность правовых основ судебной экспертизы к области процессуальных наук, а организационных основ — к области науки управления, уже не выступают в качестве таковых, не отвечают реалиям сегодняшнего дня, когда насущной стала задача унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности независимо от вида процесса³. Необходимость включе-

¹ Аверьянова Т. В. Указ. соч. С. 2–3.

² Моисеева Т. Ф. Наука о судебной экспертизе: дискуссионные вопросы // Информационный бюллетень: Вопросы экспертной практики. Специальный выпуск. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы», 26–27 октября 2017 г. М., 2017. С. 225.

³ Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М.: Проспект, 2017. С. 25.

ния правовых основ, по мнению Е. Р. Россинской, обосновывается важной задачей формирования унифицированного подхода к процессуальному статусу сведущих лиц и согласования его с подходами в науках процессуального права¹. Думается, что указанная задача может быть поставлена более широко, как необходимость формирования унифицированного подхода не только к процессуально-правовому статусу субъектов применения специальных знаний, но и субъектов доказывания при использовании специальных знаний, а также правового регулирования форм использования специальных знаний вне зависимости от вида процесса. Необходимо достичь единообразия правового и законодательного регулирования форм использования специальных знаний и статуса субъектов, вовлеченных в этот процесс, методологии и методического обеспечения, оформления результатов экспертного исследования. Первым шагом на пути к этому может стать формирование научного знания, которое в последующем будет положено в основу указанного регулирования.

Полагаем, что в настоящее время в рамках судебной экспертологии возможно и нужно исследовать как организационные, правовые, так и исторические основы. Последние с помощью сравнительно-исторического метода исследования способны проиллюстрировать зарождение, становление и развитие научного знания в области судебной экспертологии и наметить пути дальнейшего ее совершенствования, изучение же развития судебной экспертизы в отрыве от науки судебной экспертологии не позволит в полной мере провести анализ и оценку изучаемого предмета, а, следовательно, способно повлиять и на выводы.

Изучаемые судебной экспертологией объекты действительно являются объектами других отраслей научного знания, но это положительный момент, поскольку многосторонний подход в изучения способен сформировать целостную картину. Тенденция такова, что в каждой научной отрасли, где объектом изучения является определенный юрисдикционный процесс, в котором в форме экспертизы, участия специалиста или иной форме используются специальные знания, будут проводиться отдельные исследования, не учитывающие достижения судебной экспертологии и, несомненно, ущербные в силу «однобокости». Отрицание возможности изучения правовых и организационных основ в рамках судебной экспертологии уже приводит к появлению посвященных специальным знаниям научных исследований, не учитывающих теоретические разработки ученых в области судебной экспертологии, что не приносит, даже в процессуальную науку, ничего кроме противоречий. В этой связи возникает необходимость реформирования подхода

¹ Там же. С. 28.

к практике определения научных специальностей, с целью устранения противоречий в объектах исследования¹.

Междисциплинарный характер судебной экспертологии в настоящее время выражается в том, что посредством использования достижений различных отраслей наук можно получить многогранное представление об изучаемом объекте. Поэтому полагаем оправданным расширение объекта судебной экспертологии (СЭД и деятельность специалиста в судопроизводстве или ином юрисдикционном процессе) и предмета данной науки с включением в него правовых (процессуальных) и организационных основ.

Ерофеев А. В.

Электронная валюта: некоторые правовые аспекты при исследовании инцидентов в сфере компьютерных финансов

В сферу финансового оборота (пока что более неофициально) постепенно входит далеко не новое, но стремительно развивающееся явление — электронная валюта.

Электронной валютой в широком смысле называются единицы, которые используют в качестве различных дополнений к национальной валюте (в соответствии со ст. 75 Конституции РФ денежной единицей в Российской Федерации является рубль).² Следовательно, любая валюта может быть электронной валютой.

Создадим логические суждения:

Существует национальная валюта — рубль;

Существуют дополнения к национальной валюте — доллар США, евро, юань, йена (национальная валюта иных государств);

Национальная валюта, а также дополнения к национальной валюте могут быть в электронном виде.

Обратим внимание на Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»³. В данном законе закреплено понятие «электронные денежные средства»:

Электронные денежные средства — денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского

¹ См., напр., совпадающие по содержанию п. 1.8 Паспорта специальности 12.00.15 — Гражданский; арбитражный процесс и п. 2 Паспорта специальности 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. [Электронный ресурс]. URL: <http://vak.ed.gov.ru/316>. Дата обращения 06.11.2017.

² Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок на момент 01.11.2017).

³ Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», ред. от 18.07.2017.

счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа. При этом не являются электронными денежными средствами денежные средства, полученные организациями, осуществляющими профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, клиринговую деятельность и (или) деятельность по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами и осуществляющими учет информации о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета в соответствии с «законодательством», регулирующим деятельность указанных организаций.

Исходя из данного понятия, электронные денежные средства — некий эквивалент денежных средств (обязательство), которые одно лицо предоставило другому с целью выполнения своих обязательств распоряжением исключительно с использованием электронных средств платежа.

В Федеральном законе от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» в ст. 29 закреплено, что банкноты (банковские билеты) и монеты Банка России являются единственным законным средством наличного платежа на территории Российской Федерации. Статья 30 указанного закона содержит указание, что банкноты и монеты являются безусловными обязательствами Банка России и обязательны к приему по нарицательной стоимости при осуществлении всех видов платежей, для зачисления на счета, во вклады и для перевода на всей территории Российской Федерации.¹

Следовательно, единственным законным средством наличного платежа является национальная валюта — рубль, выпущенная Банком России. Данный выпущенный рубль может быть передан другому лицу, при этом осуществляется эквивалентный перевод денежных средств. То есть лицо, принявшее рубль (или обязательство), может разместить его у себя в любом виде (криптокод, конвертация в другую валюту, сохранение названия и т. д.), но размер предоставленных денежных средств будет всегда одинаковым, т. е. один рубль (или одно обязательство) при передаче лицу будет равен одному рублю (или одному обязательству) при уплате за услугу или работу.

Таким образом, любое обращение денежного средства или валюты в электронный вид предполагает, что на входе в электронную систему у вас рубль (обязательство), и на выходе — тот же самый рубль (обязательство).

¹ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», ред. 30.09.2017.

Следовательно, любые электронные деньги — это некая компьютерная информация, которая перед внесением в компьютерную сеть имела вид рубля, и на выходе из компьютерной сети будет иметь вид рубля. С юридической точки зрения¹, это некое обязательство, которое должно быть исполнено в традиционной валюте.

Возникает вопрос: чем электронные деньги отличаются от безналичных денег? Ответаем: безналичные деньги — это те же самые обязательства (рубли), которые представляют собой обязательства Банка России и имеют банковское обращение. Электронные деньги могут не быть обязательством какой-либо банковской структуры и иметь свое самостоятельное обращение. Тем не менее, электронные деньги могут иметь обращение как в государственных, так и в банковских платежных системах.

Перечислим некоторые популярные системы обращения электронных денег:

QIWI («Киви») — электронная платежная системы, использующая эквиваленты валюты российского рубля, доллара США, эквивалента Евро и казахского тенге.

Яндекс. Деньги — электронная платежная система, использующая эквивалент российского рубля;

WebMoney — неофициальная электронная платежная система, использующая в качестве электронной валюты т.н. «титულные символы» («титулные знаки»), эквивалентные различным национальным валютам — российскому рублю (WMR), евро (WME), доллару (WMZ), 1 грамму золота (WGM) и некоторым другим обязательствам.

PayPal — система расчетов, использующая эквиваленты порядка 20–25 национальных валют.

В последнее время зафиксирован рост использования данных систем обращения электронных денег в целях совершения различных противоправных действий. Основные сферы применения систем в противоправных целях:

Фрод — кражи и мошенничество денежных средств путем использования компьютерных технологий — кража данных персонифицированных карт (кардинг, скимминг), кража данных сетевых счетов (паролей, истории, самих средств);

Легализация денежных средств — перевод на анонимные счета с последующим обналчиванием; использование т.н. «мясорубки» конвертации, анонимизация денежных средств, вывод с помощью подставного лица или подставного счета (в том числе коррупционные схемы);

Финансирование экстремисткой и террористической деятельности;

¹ Electronic Money Definition of European Central Bank, url: http://www.ecb.europa.eu/stats/money_credit_banking/electronic_money/html/index.en.html, ex. 01.11.2017, 11:01

Покупка запрещенных к обороту предметов, работ, услуг, различных средств.

Анализ открытых источников, а также сопоставление данных позволяет сделать следующие выводы:

Увеличивается количество правонарушений, в которых фигурирует использование электронной валюты;

Качественно развивается использование данных электронных валют в целях сокрытия правонарушения и ухода от ответственности;

Значительное количество важной информации, способствующей раскрытию данных инцидентов и их пресечению, находится в открытом доступе и постоянно используется нарушителями;

Интеллектуальное развитие субъектов совершения действий.

Подводя итог данной короткой заметке, хочется отметить значение электронной валюты в системе денежного обращения как мирового, так и регионального значения, а также важность и своевременность изучения, развития данной темы, своевременное пресечение незаконных операций, наносящих ущерб интересам Российской Федерации.

Ефименко А. В., Четверкин П. А.

Методические особенности определения давности (хронологии) нанесения отпечатков удостоверительных печатных форм

К криминалистическому аспекту времени применительно к процессу доказывания Р. С. Белкин относит (в частности) определение очередности и последовательности действий по выявлению, исследованию и фиксации следов времени и содержащейся в них доказательственной информации¹.

К криминалистическому аспекту времени применительно к процессу доказывания Р. С. Белкин относит (в частности) определение очередности и последовательности действий по выявлению, исследованию и фиксации следов времени и содержащейся в них доказательственной информации².

Установление обстоятельств изготовления документов нередко связано с определением давности (времени) их составления, которую в технико-криминалистической экспертизе документов принято разделять на абсолютную и относительную.

Абсолютная давность изготовления документа — это его абсолютный возраст: точная дата изготовления либо определенный период (временной интервал) формирования (нанесения) его отдельных реквизитов,

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики: Частные криминалистические теории. В 3-х томах. Т. 2. — М.: Юристъ, 1997. С. 413–416.

² См.: там же.

выраженный в единицах исчисления времени (например, конкретный год или месяц(ы) года). Экспертным путем определяется исключительно редко и, как правило, комплексной судебной экспертизой документов¹. В настоящее время, распространение получили методики определения абсолютной давности выполнения документа на основании изучения временных изменений в составе и свойствах материалов письма, которыми выполнены реквизиты. Данный подход основан на знании закономерностей изменения состава и свойств материалов документов при их естественном старении².

Актуальность задачи, связанной с установлением давности выполнения реквизитов документов (текста, подписей, оттисков печатей и т. д.), обусловлена тем, что хотя порядок заполнения официальных документов в основном строго регламентирован, но на практике он нередко нарушается. Чаще всего это происходит при изготовлении поддельных документов или при внесении изменений в подлинный (легитимный) документ. Кроме того, у следствия (суда) могут возникнуть сомнения как в соответствии расположения отдельных фрагментов текста документа логике документа в целом, так и в последовательности (очередности) выполнения записей, подписей, оттисков удостоверительных печатных форм (далее — УПФ), если они различаются по ряду характеристик (расположению и взаиморасположению отдельных реквизитов, составу материалов письма и т. д.).

Методика установления давности нанесения УПФ в рамках технико-криминалистического исследования документов основывается на выявлении информативного комплекса хроно-динамических признаков эксплуатационного происхождения, характеризующих печать, штамп или факсимиле только в определенный временной период ее использования. С этой целью для решения вопроса о давности (периоде времени) нанесения исследуемых оттисков с использованием качественно-описательных и статистических методов исследования проводится изучение динамики и изменения проявления каждого отдельно взятого эксплуатационного признака дефекта печатной формы в комплексе с учетом его вариативности отображения.

Выделенная в процессе сравнительного исследования между собой совокупность идентификационных признаков оттисков УПФ, обусловленных эксплуатационными причинами, сравнивается с признаками оттисков, нанесенных в определенный период. Сравнительный анализ проводится с применением методов сопоставления, оптического на-

¹ Кримнавигатор: основные термины и понятия криминалистической техники и судебной экспертизы. Серия 5: Криминалистическое документоведение / авт.-сост.: К. С. Сапожников, А. А. Шнайдер. Волгоград: В—А МВД России, 2008. С. 86.

² *Торопова М. В.* Криминалистическая экспертиза установления относительной давности выполнения реквизитов документов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 88–91.

ложения¹. По этим причинам для решения вопросов по определению времени нанесения оттисков печатей и штампов необходимы образцы оттисков, относящихся к указанным периодам (документы, датированные максимально приближенным временем к дате изготовления проверяемого документа), а также несколько большим — за год-два-три до и после предполагаемого времени нанесения исследуемого оттиска. Отбираются несколько документов-образцов (содержащих соответствующие оттиски) за каждый месяц в течение соответствующего периода.

Образцы используются чаще всего свободные, однако могут быть и экспериментальные, если имеются печати (штампы), действующие (эксплуатируемые) в рассматриваемый период.

Прежде чем решать вопрос о времени, определяют: *«Не одной (неконкретной) ли печатью (штампом) нанесен исследуемый оттиск и образцы?»*. В случае положительного вывода о тождестве в исследуемом оттиске и образцах выявляют дефекты, связанные в основном с эксплуатацией печати (чаще всего — отображение в оттиске ее засоренности, отсутствие отображения печатающих элементов или их частей). При сравнении со свободными образцами устанавливают, в какой период времени появились эти дефекты. Если в образцах, помимо выявленных в исследуемом оттиске, был установлен новый признак, необходимо зафиксировать примерную дату его появления. Тогда границы периода нанесения исследуемого оттиска берутся в пределах времени проявления в образцах последнего дефекта, имеющегося и в исследуемом оттиске, и возникновением нового, которого нет в исследуемом оттиске.

Кроме того, при экспертном исследовании необходимо принимать во внимание особенности красящих веществ (штемпельных красок), материалов штемпельной подушки (на тканной или на полимерной основе) и подложки, которые проявляются в виде морфологических и субстанциональных признаков, и могут видоизменяться с течением времени по объективным причинам: замена или заправка штемпельной подушки, использование разных подложек и др.

Еще раз отметим, что задача идентификации (отождествления) оттисков решается на первом этапе, поскольку эксперту необходимо удостовериться в том, что все реквизиты (как проверяемый, так и сравнительные образцы) нанесены с помощью одной УПФ. При этом учитываются признаки, возникшие как при изготовлении печати, так и при ее эксплуатации.

¹ См.: Техничко-криминалистическое исследование оттисков печатей и штампов, изготовленных по новым технологиям: учебно-методическое пособие / А. А. Волков, А. В. Ефименко, В. Ф. Финогенов, О. А. Косыгин. Саратов: СЮИ МВД России, 2010; Ефименко А. В., Финогенов В. Ф. Актуальные вопросы исследования оттисков печатей и штампов, изготовленным по современным технологиям // Информационная безопасность регионов: научно-практический журнал. Саратов: СЮИ МВД РФ, 2010. № 2 (7). С. 121–125.

На втором этапе выделенная в процессе сравнительного исследования совокупность хроно-динамических признаков сравнивается с признаками соответствующих реквизитов из массива сравнительных (свободных) образцов за проверяемый период времени. Статистический анализ удобно проводить с применением координатно-графического метода.

Статистический анализ может показать, что выявленная совокупность эксплуатационных признаков в исследуемых реквизитах наиболее полно проявляется в том объеме, в каком она отражается, например, в реквизитах документов, датированных 1 января 2015 года. Такая задача по своей природе является диагностической, а эксплуатационные признаки используются для диагностирования относительного времени выполнения реквизита. Смешивать эти два этапа, на наш взгляд, методически неверно.

Жбанков В. А.

О роли профессора Р. С. Белкина в развитии общей теории криминалистики

Мы неоднократно отмечали, что роль профессора Р. С. Белкина в нашей науке сопоставима с ролью Ганса Гросса. Если Гансу Гроссу мы обязаны оформлением криминалистических знаний в самостоятельную юридическую науку, то Рафаилу Самуиловичу Белкину — формулированием ее предмета как системы определенных закономерностей и разработке на этой основе ее методологии, а именно — общей теории криминалистики. Определив общую теорию криминалистики как систему ее мировоззренческих принципов, теоретических концепций, категорий и понятий, методов и связей, определений и терминов, как научное отражение всего предмета криминалистики¹ Р. С. Белкин с одной стороны, содержание общей теории криминалистики соотнес с ее предметом, а с другой — разработал и обосновал ее систему².

Идеи профессора Р. С. Белкина, изложенные в его научных трудах, а их свыше трехсот, явились своеобразным катализатором для развития криминалистической науки и ознаменовали ее переход на новый качественный уровень. Профессор Ю. Г. Корухов совершенно справедливо заметил: «...можно с полным основанием говорить об эпохе Р. С. Белкина в криминалистике. Подобные утверждения вряд ли будет преувеличением. Эпоха — это продолжительный период времени, ха-

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: Закон и право, 2001. С. 21.

² Там же. С. 34–36.

рактизирующийся значительными событиями, явлениями, процессами, в том числе в науке, качественно новый период развития»¹.

При анализе работ профессора Р. С. Белкина поражает глубина и детальная проработка теоретических и практических проблем криминалистики, использование огромного числа литературных источников, обширных социологических и статистических данных, характеризующих состояние преступности и деятельность правоохранительных органов.

Рафаил Самуилович скончался 3 февраля 2001 года. И чем больше проходит времени со дня его смерти, тем рельефнее вырисовывается его роль и значение в криминалистике. Естественно ее развитие не приостановилось, о чем свидетельствуют острые дискуссии по важнейшим, кардинальным проблемам: предмету науки, системе, месте криминалистики в системе юридических наук и научного знания в целом и т. д.

В процессе дискуссий высказываются мнения об уточнении и расширении предмета криминалистики, пересмотре ее системы, места в системе юридических наук и т. д. При этом в ряде случаев производится своеобразная ревизия идей профессора Р. С. Белкина, вплоть до их отрицания. Свое отношение к подобным «новаторским» идеям мы высказали в ряде работ².

Положения, изложенные профессором Р. С. Белкиным выдержали испытание временем и их следует не ревизовать, а развивать. В частности, содержание элементов общей теории криминалистики, предложенное профессором Р. С. Белкиным, во многом определило направление разработки теоретических и практических проблем науки на современном этапе ее развития. В первую очередь это относится к разработке частных криминалистических теорий его учениками и соратниками. Так, защитили докторские диссертации: Г. Г. Зуйков «Криминалистическое учение о способе совершения преступления» (1970), А. А. Закатов «Криминалистическое учение о розыске» (1987), Л. Г. Горшенин, «Теория криминалистического прогнозирования» (1993), В. М. Мешков «Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений» (1995), Л. Н. Лысов «Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений» (1995), С. Н. Чурилов «Криминалистическое учение об общем методе расследования поступлений» (1995), А. М. Кустов «Криминалистическое учение о механизме преступления» (1997), С. А. Яльшев «Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы» (2000).

¹ *Корухов Ю. Г.* Значение творческого наследия Р. С. Белкина в развитии отечественной криминалистики // Вестник криминалистики. Вып. 1 (3). Спарк, 2002, С. 7.

² *Жбанков В. А.* Современную криминалистику невозможно представить без Р. С. Белкина // Воронежские криминалистические чтения, сборник научных трудов. Вып. 14. Воронеж: Изд. ВГУ, 2012, и др.

Нами в 1995 году защищена докторская диссертация «Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике», в сформулированы основные положения частной криминалистической теории по установлению лица, совершившего преступление. В дальнейшем отдельные положения теории были сформулированы в докторских диссертациях Р. Л. Ахмедшина, И. А. Макаренко, Н. А. Малыхиной, В. А. Мамуркова, Т. Ф. Моисеевой, Г. И. Поврезнюк, С. С. Самищенко, В. Н. Чулахова и более десяти кандидатских диссертаций и весьма значительном числе монографий, пособий.

В настоящее время криминалистическую теорию по установлению лица, совершившего преступление можно определить как систему научных положений о закономерностях отображения информационных свойств лица, совершившего преступление, закономерностях возникновения следов, содержащих информацию о нем, и закономерностей поисково-познавательной деятельности, направленной на установление лица, совершившего деяние.

Нам представляется, что дальнейшее развитие теории следует осуществлять в следующих направлениях:

совершенствовании ее понятийного аппарата. В первую очередь это относится к названию теории. Спектр названий весьма разнообразен: «криминалистическая теория изучения личности», «криминалистическая гомология», «криминалистическая антропология», «криминалистическое учение о личности (о человеке)», «криминалистическая теория о личности и защите ее прав», «криминалистическая теория о личностной информации», «криминалистическое учение о неизвестном преступнике» и т. д. Представляется, что название теории должно отражать суть разрабатываемых криминалистических рекомендаций по установлению лица, совершившего преступление. Поэтому наиболее оптимальным будет следующее название — «криминалистическая теория по установлению лица, совершившего преступление»;

уточнении места теории в системе частных криминалистических теорий и учений. При решении этого вопроса следует учитывать горизонтальный и вертикальный срезы. При вертикальном срезе теория является элементом более общей теории — теории об участниках криминального события, в то же время ее элементы могут входить в теории более низкого уровня. Здесь мы разделяем позицию Н. А. Малыхиной, разработавшей четырехуровневую систему об участниках криминального события: первый уровень — криминалистическое учение об участниках криминального события; второй уровень — о лице, совершившем преступление (неустановленном преступнике), свидетеле и т. д.; третий уровень — учения, разрабатываемые в рамках учений второго уровня, например, учение о личностной информации и т. д.; четвертый уровень — учения,

разрабатываемые в рамках учений третьего уровня, например, криминалистическое учение о навыках¹.

Что же касается горизонтального среза, то криминалистическое учение по установлению лица, совершившего преступление связано с криминалистическими теориями и учениями, разрабатывающими рекомендации в той или иной степени относящиеся к установлению преступника, например, с криминалистическим учением о способе совершения преступления, теорией криминалистической идентификации и т. д.;

отграничении криминалистического аспекта изучения личности преступника от его изучения в других науках уголовно-правового цикла: уголовном праве, уголовно-процессуальном праве, криминологии, теории оперативно-розыскной деятельности, пенитенциарном праве, судебной психологии, а также таких научных дисциплинах, как судебная медицина, судебная психиатрия и судебная этика.

И это понятно, потому что личность преступника является единым объектом исследования указанных выше наук и научных дисциплин. Но каждая из них изучает преступника в соответствии с закономерностями своего предмета исследования и, исходя из решаемых задач. Для криминалистики важен информационный аспект, включающий классификацию свойств лица, совершившего преступление, изучение особенностей механизма их отображения в материальной действительности при совершении деяния и возникающих при этом следов, определение иных источников, содержащих информацию о нем. Криминалистическое изучение свойств лица, совершившего преступление исходит из того, что в процессе расследования может быть использовано любое его свойство. В этой связи существенное значение приобретает классификация его свойств.

Однако по этому вопросу нет единой точки зрения. Так, выделяются следующие свойства: индивидуально-типические и возрастно-половые, которые проявляются в биологических (соматических) признаках; социально-демографические свойства, психологические качества и соматические (психологические) особенности; половозрастные, физические, психологические характеристики личности; врожденные, приобретенные свойства и признаки внешнего и внутреннего строения человеческого организма, физиологические, психические свойства человека, социальные характеристики личности; биологические, социально-демографические, психологические данные, отраженные в преступной деятельности и следах преступления; врожденные и приобретенные свойства и признаки внешнего и внутреннего строения человеческого организма, физиологические и психические свойства

¹ Малькина Н. А. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017, С. 25.

человека, социальные характеристики личности; антропологические характеристики человека, его нормальные анатомо-физиологические характеристики, патологические анатомо-физиологические характеристики и заболевания; социальные, биологические и психологические свойства; социальные, биологические, психологические и психофизиологические свойства.

Весьма значительный разброс в выделении и систематизации свойств лица, совершившего преступление, не способствует эффективной разработке рекомендаций по выявлению следов преступления и поиску информации о нем. Мы придерживаемся четырехчленной систематизации свойств личности, а именно: выделяем социальные, биологические, психологические и психофизиологические свойства, позволяющие: а) произвести их дальнейшую классификацию; б) установить систему взаимосвязей между ними как в пределах одного свойства, например, биологического, так и между всеми выделенными свойствами, а так же между свойствами личности и средой ее обитания и формирования; в) получить дополнительную информацию на основе взаимосвязей между свойствами личности, а также между свойствами личности и средой ее обитания и формирования использовать ее при установлении лица, совершившего преступление;

совершенствовании имеющихся и разработке новых криминалистических средств и методов собирания, исследования, оценке и использования информации о свойствах лица, совершившего преступление.

Жижина М. В.

Доказывание в уголовном и гражданском процессах и криминалистическая деятельность

Определение соотношения криминалистического и собственно доказательственного деятельностных компонентов в целостном процессе судебного доказывания имеет важное теоретическое и практическое значение.

Учеными — процессуалистами доказывание рассматривается как сложная многогранная деятельность, в которой могут быть выделены различные стороны: поисковая, познавательная (аналитическая), удостоверительная и другие. Ю. К. Орлов выделяет в качестве главных аспектов (уровней) доказывания: познание, удостоверение, обоснование¹. М. К. Треушников пишет о доказывании как о логико-правовой деятельности². А. Г. Коваленко справедливо считает, что доказатель-

¹ Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие / Ю. К. Орлов. М.: Проспект, 2000. С. 13.

² Треушников М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. М.: Городец, 1997. С. 33.

ственную деятельность вряд ли можно отделить от процесса познания и правомерно говорить о «познавательной-доказательственной деятельности»¹.

Несмотря на терминологические различия приведенных высказываний, общим для них является признание основным содержанием доказательственной деятельности правовой, познавательной и удостоверительной сторон, осуществляемых в рамках кодификационного отраслевого процессуального законодательства. Несомненно, доказывание, как вид особой профессиональной деятельности, является сложной функциональной системой, имеющей определенную организацию и включающей в себя различные виды деятельностного характера, находящиеся между собой в определенных структурных связях. Здесь речь может идти, по меньшей мере, о следующих трех видах функциональных процессов: правовом, гносеологическом и удостоверительном, каждый из которых существен для действенности всей системы в целом.

Каждый аспект несет свою функциональную нагрузку, но все они подчинены одной цели — определению и обоснованию юридической квалификации рассматриваемых спорных отношений между сторонами. Поэтому доказывание — целостный процесс, и только в методических целях можно разделить, с одной стороны, правовой, а с другой — гносеологический (познавательный) и удостоверительный аспекты доказательственной деятельности, т. к. существенные содержательные аспекты получения, исследования и оценки доказательств в силу их большой значимости для целей правосудия приобрели правовой характер.

Целостный процесс доказывания представляет собой определенную функциональную систему, и в качестве таковой имеет свои задачи (предмет), объект, элементы, и что особенно важно — особую структурную организацию.

Основным структурообразующим фактором в системе доказывания является его конечная цель, которая состоит в получении совокупности доказательств (доказательственной базы), соответствующей юридической квалификации спорных отношений как основы принятия решения по существу рассматриваемого дела. Именно этой цели подчинена его организация. В качестве элементов доказывания как системы должны рассматриваться судебные действия, направленные на получение сведений о фактических существенных для дела обстоятельствах. Источники (носители) доказательственной информации и судебные действия по ее получению определены законом.

Общая характеристика доказывания как функциональной системной категории универсальна для всех видов судопроизводства. Однако

¹ Коваленко А. Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве / А. Г. Коваленко. М.: Норма, 2002. С. 65–66.

в качестве процессуального института эта система функционирует в различных процессуальных рамках и условиях.

Криминалистическая деятельность представлена в науке как сложное и разностороннее понятие¹. К ней относят:

а) научные исследования закономерностей механизма уголовно-релевантных событий и праксеологические (научно-методические) разработки средств по расследованию и предупреждению преступлений;

б) практику расследования конкретных уголовных дел на основе разработанных технико-тактических и методических средств;

в) обучение специалистов в области применения разрабатываемых криминалистикой возможностей (дидактический элемент);

г) организационно-управленческое и материально-техническое обеспечение функционирования криминалистических служб и учреждений.

Криминалистическая деятельность как практическая реализация соответствующих знаний в процесс доказывания по уголовным делам органически вписывается в качестве подсистемы, для которой процессуальная составляющая имеет законодательно установленный рамочный характер. Криминалистическая деятельность также необходимо присутствует и в рамках гражданского процесса. Нами было предпринято специальное исследование, направленное на развитие ее составляющих и адаптации имеющихся возможностей в виде методологической и методической базы к условиям гражданского судопроизводства².

Как следует из вышеизложенного, доказывание и криминалистическая деятельность — особые самостоятельные и сложные виды профессиональной деятельности. Тем не менее, системный функциональный характер той и другой, подчиненность единой цели, неразрывно и органически связывают их в практически реализуемом едином доказательственном процессе.

Судебное доказывание — понятие всецело процессуальное. Процессуальное законодательство определяет: субъектов доказывания, руководящую роль суда, процедурные формы и источники доказательств. Закон содержит ту процедурную обязательную модель, которой всегда нужно руководствоваться в процессе разбирательства дела, прежде чем вынести по нему решение.

В отличие от доказывания как процессуальной категории, практическая криминалистическая деятельность по своей природе процессуальной не является. Однако одной из основных ее задач является способствование доказыванию в уголовном процессе, обеспечение его

¹ См., напр.: *Зубенко С. В.* К вопросу о природе криминалистического знания // Криминалистика в системе правоприменения. Материалы конференции. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. 27–28 октября 2008 г. М., 2008. С. 34–35.

² *Жижина М. В.* Теория и практика применения современной криминалистики в гражданском процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.

оптимальности и эффективности. Аналогичная роль этой деятельности отводится и в гражданском процессе при условии адаптации, разработки и продуктивного использования криминалистических методов и средств именно в этом виде судопроизводства. Для нее процессуальная модель также является «рамочной», обязательно соблюдаемой; внутри свободная часть рамки этой модели заполняется криминалистическим содержанием, повышающим ее эффективность. Важно не только выполнить определенное предусмотренное законом действие, но и то — как выполнить. Поэтому объект применения криминалистических знаний — это системная организация доказательственного процесса, различные структурные элементы которого и весь процесс в целом могут быть оптимизированы при использовании новых для них научных подходов, методов и способов работы с доказательствами.

Субъекты криминалистической деятельности в рассматриваемой ситуации различны: субъекты разработки, адаптации криминалистических средств — профессионалы — криминалисты, а субъекты применения — суд, субъекты доказывания, привлекаемые в необходимых случаях эксперты (специалисты).

Таким образом, доказывание и применение криминалистических средств в доказывании — разные виды деятельности, которые находятся в определенном отношении между собой и объединяются в одну систему. Криминалистическая деятельность при этом — основная подсистема процесса доказывания как целостной правовой и гносеологической системы.

В принципе, представить себе доказывание без применения криминалистических средств возможно. Однако в чисто правовом варианте практическое доказывание может существовать только теоретически. При осуществлении действий по доказыванию все равно будет использоваться накопленный практический багаж, здравый смысл и положительный житейский опыт судьи с элементами научного подхода. Криминалистические же возможности включаются в доказательственный процесс в качестве новых для него средств, не нарушая его целостности, придают этой деятельности научно-криминалистический смысл и характер. М. А. Фокина, предложившая концепцию современного понимания механизма доказывания в гражданском судопроизводстве определяет это понятие следующим образом: «Механизм доказывания по гражданским делам реально функционирующая система правовых средств и действий субъектов доказывания, включающая как регулирующее воздействие норм доказательственного права на общественные отношения, так и практическую деятельность субъектов доказывания по установлению фактических обстоятельств дела на основе предусмотренных законом доказательств с применением специальных средств и способов доказывания в целях обеспечения доказывания обстоятельств дела, имеющих значение для правильного и своевременного

рассмотрения и разрешения дела»¹. Под специальными средствами имеются в виду научные методы не правовой природы и, в первую очередь, криминалистические.

Разделить рассмотренные виды деятельности возможно и целесообразно только в научных и дидактических целях, т. к. процесс доказывания, включающий или не включающий криминалистическую составляющую, всегда остается единым целостным сложным системным понятием. Поэтому обращение к методологическим основам использования криминалистических средств в доказывании требует рассмотрения его содержания.

Содержание этой деятельности, по общему мнению ученых-процессуалистов и криминалистов, составляют выстраивающиеся в последовательный ряд ее элементы — сбор, проверка (исследование) и оценка доказательств. В этом содержании просматривается определенная стадийность: прежде, чем исследовать доказательства, нужно их получить, а прежде, чем оценивать — исследовать и проверить. Эта стадийность имеет гносеологическую природу, и она определенным образом соотносится с процессуальной последовательностью судопроизводства.

Каждый компонент имеет свои задачи и несет свою функциональную нагрузку, которой соответствует определенное деятельностное содержание. Так, сбор и получение доказательств характеризует поисковая направленность, исследование и проверку доказательств — познавательно-аналитическая, а оценку — удостоверительная. Указанные компоненты выстроены в определенный последовательный ряд и в целом образуют своеобразную методическую систему для осуществления процесса доказывания по конкретному делу, обеспечивая конечный результат — принятие судебного решения. Эта же методическая схема реализуется и при решении промежуточных задач судебного процесса доказывания, а также при работе с отдельными видами доказательств.

В законодательстве и процессуальной литературе много внимания уделяется познавательной и оценочной деятельности в доказывании. Законодатель неразрывно связывает судебную оценку доказательств с их исследованием; прежде чем оценить доказательство, его необходимо исследовать. Вместе с тем, законодатель не ставит знак равенства между рассматриваемыми понятиями. Исследование предшествует оценке, является ее необходимым условием, подчинено ее целям. В отрыве от оценки доказательств их исследование теряет всякий смысл. В то же время оценить возможно лишь то, что изучено и понято.

В качестве основных принципов исследования доказательств, на которых основывается их оценка, законодатель называет всесторон-

¹ Фокина М. А. Механизм доказывания по гражданским делам. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 7.

ность, полноту, объективность и непосредственность исследования. В качестве средств доказывания рассматриваются судебные действия, с помощью которых реализуются рассмотренные компоненты. Судебные действия, определенные процессуальным законодательством, выступают одновременно как носители или источники доказательственной информации и их виды (осмотр, допрос и т.д.). Однако каждый из такого рода средств, со своей стороны представляет собой сложную деятельностную структуру, содержание которой не может быть исчерпано процессуальной регламентацией и требует криминалистических подходов к ее раскрытию.

Таким образом, правовая сторона доказывания определяет основные принципы, основное содержание и обязательные условия осуществления доказательственной деятельности, имеющей поисковый, исследовательский и удостоверительный характер. Процедура получения и исследования доказательств в кодифицированном процессуальном законодательстве рассмотрена достаточно подробно. Содержательная (деятельностная) сторона работы с доказательствами (их получение, исследование и оценка), в части не охватываемой процессуальной регламентацией, раскрывается с помощью криминалистических средств и методов, и находит свое отражение в теории и практике криминалистики.

Источником оптимизации доказательственной деятельности является криминалистическая составляющая, которая включается во все компоненты рамочной процессуальной доказательственной структуры. В методологическом аспекте процесс этого включения может использовать все возможности криминалистики: общей теории, методологии и составляющих ее частей — техники, тактики и частной методики.

Под криминалистическими источниками оптимизации в данном случае следует понимать тактические, технические и методические приемы, средства и способы, созданные и разрабатываемые криминалистикой, используемые при совершении судебных действий в процессе доказывания в виде допроса, осмотра письменных и вещественных доказательств, предъявления лиц и предметов для опознания, назначения экспертизы и привлечения специалиста и пр.

Жукова О. В.

Влияние изменения земельного законодательства на деятельность эксперта-землеустроителя

Землеустройство не является наукой, это совокупность мероприятий, упорядочивающих землепользование. Как и любая практическая деятельность, подвержено постоянному влиянию научного прогресса,

как в части освоения новых правил проведения работ, так и в части используемого оборудования при его проведении.

Землеустройство приобрело большую значимость при проведении земельной реформы, вовлекшей земельный участок в хозяйственный оборот. Граждане и юридические лица получили возможность оформить земельные участки в собственность, земельный участок стал самостоятельным объектом правоотношений.

Законодательная основа проведения землеустройства за прошедшие 20 лет претерпела существенные изменения. На смену Земельному кодексу РСФСР, 1991 года, определившему землеустройство, как систему мероприятий, направленных на осуществление земельного законодательства, решений Советов народных депутатов по организации использования и охраны земель, создание благоприятной экологической среды и улучшение природных ландшафтов, пришел Земельный кодекс РФ 2001 года, давший землеустройству иное определение, предав ему другие функции.

В настоящее время землеустройство определяется как мероприятия по изучению состояния земель, планированию и организации рационального использования земель и их охраны, описанию местоположения и (или) установлению на местности границ объектов землеустройства, организации рационального использования гражданами и юридическими лицами земельных участков для осуществления сельскохозяйственного производства, а также по организации территорий, используемых общинами коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Существенное различие подходов заключается в следующем: Кодекс 1991 года фактически возлагал на этот вид деятельности задачи обоснования законотворческих и управленческих решений.

Отсюда и содержание землеустройства, регламентированное ст. 113 ЗК РСФСР:

1) разработка прогнозов, республиканских и региональных программ, схем использования и охраны земельных ресурсов и схем землеустройства;

2) установление на местности границ административно — территориальных образований;

3) составление проектов образований новых и упорядочения существующих землевладений и землепользований с устранением неудобств в расположении земель, отвод земельных участков в натуре, подготовку документов, удостоверяющих право владения и пользования землей;

4) разработка проектов внутрихозяйственного землеустройства и других проектов, связанных с использованием и охраной земель;

5) разработка рабочих проектов по рекультивации нарушенных земель, защите почв от эрозии, селей, оползней, подтопления и засоления, улучшению сельскохозяйственных угодий, освоению новых земель;

6) обоснование размещения и установление границ территорий с особыми природоохранными, рекреационными и заповедными режимами;

7) установление и изменение городской черты, поселковой черты и черты сельских населенных пунктов;

8) проведение топографо — геодезических, картографических, почвенных, агрохимических, геоботанических и других обследовательских и изыскательских работ.

Землеустроительный процесс состоял из подготовительных работ, разработки прогнозов, схем, проектов землеустройства, рассмотрения и утверждения проектной документации, перенесения проектов в натуру (на местность), оформления и выдачи землеустроительных материалов и документов, осуществления авторского надзора за выполнением проектов землеустройства собственниками земли, землевладельцами, землепользователями и арендаторами.

Землеустройство проводилось по решениям Советов народных депутатов, по инициативе Государственного комитета РСФСР по земельной реформе и его органов на местах или по ходатайству заинтересованных собственников земли, землевладельцев, землепользователей, арендаторов и осуществлялось государственными проектными организациями по землеустройству за счет средств государственного бюджета. Разработка землеустроительных проектов, связанных с устройством территории, коренным улучшением и охраной земельных участков от селей, оползней, подтопления и засоления, могло проводиться также по инициативе собственников земли, землевладельцев, землепользователей и арендаторов за их счет и другими землеустроительными организациями.

Землеустроительные проекты составлялись при участии заинтересованных собственников земли, землевладельцев, землепользователей, арендаторов и после утверждения переносились в натуру (на местность) с обозначением границ земельных участков и полей севооборотов межевыми знаками установленного образца.

Задачи землеустройства в современной России существенным образом отличаются от ранее существовавших задач, и фактически сводятся в систематизации существующих землепользований, контроль за соблюдением установленных земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах принципов, ограничений.

В настоящее время землеустройство проводится по инициативе уполномоченных исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления, собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев или по решению суда. Сведения о землеустройстве носят открытый характер, за исключением сведений,

составляющих государственную тайну, и сведений, относящихся к личности собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев или арендаторов земельных участков. Порядок проведения землеустройства устанавливается федеральными законами, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, субъектом проведения таких работ выступает юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель. Землеустройство создает основу для проведения государственного кадастрового учета земельных участков.

В соответствии с действующими нормативно- правовыми актами процесс землеустройства в отношении землевладений, предоставляемых в частную собственность, заключается в следующем:

- земельный участок (объект уже существующих правоотношений либо правоотношений, который могут возникнуть в будущем) проходит процедуру выборки и межевания,
- описание объекта вносится в единую информационную базу.

Дальнейший процесс оформления правоотношений относится исключительно к области права, и завершает единый процесс пополнения государственного информационного ресурса (реестра), признания права со стороны государства.

При разрешении спорных правовых ситуаций по вопросам формирования земельных участков и внесения в единый информационный ресурс проведение землеустроительных исследований (землеустроительной экспертизы) необходимо.

Конкретная задача таких исследований определяется судом при назначении экспертизы. Общая задача экспертных исследований определяется, как и задача землеустройства, Земельным кодексом РФ и принятыми в развитии отдельных его положений законами: земельный участок должен приобрести пространственные и качественные характеристики, соотнесен с существующими в пространстве и признанными государством объектами, проверен на предмет возможности включения его в хозяйственный оборот. Ранее задача соотнесения объекта с юридически оформленными объектами не ставилась, и эксперты не исследовали такие вопросы.

Наполнение понятия «землеустройство» новым содержанием повлекло изменение объекта исследования: землеустроительная экспертиза в настоящее время не только исследует земельный участок, но процедуру его формирования. В землеустроительном экспертном исследовании происходит сближение вопросов землеустройства с правовыми вопросами. Ввиду этого часто в заключениях встречаются такие формулировки: «можно сделать вывод о том, что сведения и земельном участке с кадастровым номером ... были внесены в ЕГРН с ошибкой в местоположении границ», «эксперт на усмотрение суда представляет варианты пересчета координат границ земельного

участка, внесенные в Реестр с ошибкой», «сведения о границах земельного участка внесены в Реестр неверно, ввиду несоблюдения процедуры его формирования».

Не выходит ли эксперт при этом за рамки своей компетенции?

Полагаю, нет. Задачами любой экспертизы является оказание содействия в разрешении той либо иной правовой ситуации. От полноты, обоснованности и ясности заключения зависит насколько мотивированным и исполнимым будет судебный акт.

Такая особенность присуща и иным экспертизам, объектом исследования которых является деятельность, к примеру, бухгалтерской, строительно-технической, товароведческой. В любой из указанных экспертиз могут исследоваться вопросы соответствия проведенных работ законодательно установленным требованиям. Землеустроительная экспертиза стала исследовать такие вопросы в связи с изменением задач землеустройства.

Завьялова Д. В.

Порядок получения образцов для сравнительного исследования при отсутствии добровольного согласия лица на их предоставление

Производство предварительного расследования по большинству уголовных дел, как правило, не обходится без назначения и проведения различных видов идентификационных и диагностических исследований, для производства которых необходимо наличие отождествляющих (идентифицирующих, диагностических) объектов, в качестве которых выступают образцы.

Получение образцов для сравнительного исследования регламентируется ст. 202 УПК, которая закрепляет, что «Следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также в соответствии с частью первой статьи 144 настоящего Кодекса у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах, и составить протокол в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса, за исключением требования об участии понятых. Получение образцов для сравнительного исследования может быть произведено до возбуждения уголовного дела».

Как видно, положения приведенной нормы направлены на получение образцов для сравнительного исследования в так называемой бесконфликтной ситуации, когда соответствующие лица предоставляют требуемые образцы в добровольном порядке. Однако

нередкими являются ситуации, при которых заинтересованное лицо отказывается предоставить необходимые образцы по различным на то причинам¹.

В этой связи возникает вопрос о том, что делать следователю при категорическом отказе лица предоставить нужные экспериментальные образцы в добровольном порядке? По нашему мнению, есть несколько путей решения данной проблемы, в зависимости от вида требуемых образцов.

Так, образцы биологического характера допустимо, на наш взгляд, получать с применением принуждения. В тоже время, мы убеждены, что следователи не должны быть нацелены на возможность получения экспериментальных образцов только лишь посредством принуждения. Кроме того, сам порядок истребования образцов в таком случае должен подчиняться определенным правилам.

Так, после вынесения постановления о получении экспериментальных образцов, следователь доводит данное обстоятельство до сведения подозреваемого, обвиняемого, одновременно предлагая предоставить необходимые образцы добровольно. В случае отказа лица предоставить требуемые образцы следователь должен разъяснить последствия такого отказа и постараться нацелить его на предоставление образцов в свободном порядке. При повторном отказе лица об этом делается соответствующая отметка в постановлении.

После этого следователем должна быть проведена работа по поиску необходимых образцов иным способом, в случаях, если это возможно. В качестве таких способов могут рассматриваться выемка одежды со следами биологического происхождения, направления соответствующих запросов в поликлиники/больницы, где проходил лечение подозреваемый или обвиняемый и т. п. Иначе говоря, на втором этапе происходит поиск альтернативных способов получения экспериментальных образцов.

И только в том случае, если данные меры не привели к положительному результату, следователь направляет в суд ходатайство о получении необходимых образцов в принудительном порядке. Здесь следует заметить, что получение образцов биологического характера сопряжено с вмешательством в организм человека против его воли (т. е., существенным ограничением его конституционных прав). А потому такое вмешательство должно происходить по аналогии с производством ряда процессуальных, следственных действий (таких, например, как

¹ Например, следователь Хохольского Межрайонного следственного отдела СК РФ Следственного Управления Следственного Комитета по Воронежской области вынес постановление о получении образцов голоса подозреваемого. Однако тот отказался от предоставления требуемых образцов, сославшись на проблемы со здоровьем. Уг. дело № 14518004. Нередкими также являются случаи отказа предоставить образцы крови в связи с опасениями заразиться ВИЧ или другой болезнью.

обыск, контроль и запись телефонных переговоров) т.е. лишь после обязательного получения предварительного разрешения суда на производство указанных действий. При этом необходимо особо отметить то обстоятельство, что получение биологических образцов при отсутствии согласия лица на их добровольное предоставление должно производиться экспертом независимо от того, является ли получение образцов частью судебной экспертизы или нет.

В тоже время очевидно, что не все необходимые следователю образцы могут быть получены в принудительном порядке. В частности, получение образцов почерка, голоса при отсутствии добровольного согласия лица на их предоставление вызывает большие трудности, поскольку в данной ситуации лицо может не только умышленно исказить голос или почерк¹, но и вовсе отказаться от их предоставления.

Нам видится несколько способов решения данной проблемы.

Прежде всего, необходимо говорить о возможности получения экспериментальных образцов завуалированным способом. Иными словами, посредством сокрытия от заинтересованного лица подлинного значения, направленных на то действий. При этом, как обоснованно замечает М. П. Смирнов, зашифровываться может как цель мероприятия, так и причастность лица к правоохранительным органам².

Так, при расследовании уголовного дела, лицо отказалось предоставить требуемые следователем образцы почерка, выполненных печатными буквами (которыми был выполнен идентифицируемый документ) для проведения почерковедческой экспертизы. В связи с этим, следователь обратился в военкомат с просьбой обязать это лицо заполнить анкету — как то в таких случаях требовалось, печатными буквами. Ничего не заподозривший подозреваемый заполнил представленную анкету и таким образом, следователь получил необходимые образцы»³.

Вторым способом приобретения необходимых образцов является их получение посредством производства процессуальных, следственных действий, специально ненаправленных на получение экспериментальных образцов, однако, допускающих их получение исходя из характера этих действий. К примеру, Н. А. Моисеев предлагает в случае отказа лица добровольно предоставить необходимые образцы речи, получать

¹ К примеру, зам. главы Росимущества Евгений Семенов, в отношении которого было возбуждено уголовное дело, изменил стилистику фраз, наклон букв, тем самым полностью изменив свой почерк // Информация взята с сайта «Российская газета». URL: <http://rg.ru> (дата обращения 22.09.2017).

² Смирнов М. П. Комментарии законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и за рубежом: учебное пособие. 5-е издание, расширенное и переработанное // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Мастерство раскрытия преступлений (пособие) под ред. В. П. Бахина. Киев. 2014. С. 73.

их в рамках такого следственного действия, как «Контроль и запись переговоров»¹.

Имеются также примеры того, как образцы голоса приобретаются в ходе производства обыска в жилище. *Так, например, по одному из дел в целях обеспечения возможности производства судебно-фоноскопической экспертизы следователем было вынесено постановление о получении образцов голоса у подозреваемого А., который сославшись на ст. 51 Конституции РФ отказался от их добровольного предоставления. В результате следователем было вынесено постановление о производстве обыска в жилище подозреваемого в целях отыскания свободных образцов голоса, а также отыскания предметов, имеющих значение для данного уголовного дела*².

Кроме того, по нашему представлению, тактически верными будут действия следователя, который, предвидя в дальнейшем необходимость соотвествующей экспертизы, проводит следственные действия, фиксирующие какие-либо особенности лица, которые в дальнейшем могли бы стать объектом экспертного исследования, например, голос участника уголовного судопроизводства.

Так, при производстве по уголовному делу в отношении Маслакова и Ветлугаева, следователь в ходе допросов с участием указанных лиц неоднократно использовал видеозапись, на применение которой обвиняемые давали свое согласие. В дальнейшем, данные видеозаписи были использованы при производстве фоноскопической экспертизы. Защита обвиняемых просила признать результаты данной экспертизы незаконной, на том основании, что следователь скрыл истинную цель данной записи - использование ее в качестве сравнительных образцов, не предлагал обвиняемым предоставить образцы голоса добровольно и не спрашивал согласия на использование данной записи в качестве сравнительных образцов. Доводы защиты суд признал несостоятельными³.

Мы разделяем позицию суда, поскольку следователь действовал в рамках уголовно-процессуального закона, получил соответствующее разрешение заинтересованных лиц на производство следственного действия с использованием видеозаписи. В результате чего, представленные следователем образцы голосов обвиняемых можно отнести к категории условно-свободных.

¹ См.: Моисеев Н. А. Криминалистическое обеспечение предъявления личности для опознания по признакам голоса и речи / Проблемы правоохранительной деятельности. 2012. № 1. С. 20.

² Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Липецкого областного суда от 11.10.2011 по делу № 22-к-2234-2011 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Решение по уголовному делу № 22-1039/2016 // Архив Курганского областного суда / Информация взята с сайта «РосПравосудие». URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения 12.10.2017).

Наконец, сравнительные образцы могут отбираться в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Так, ст. 6 закона об ОРД в качестве оперативно-розыскного мероприятия называет сбор образцов для сравнительного исследования. Однако возможно получение свободных образцов и в ходе иных ОРМ.

Таким образом, с учетом сказанного, обоснованно, на наш взгляд, дополнение ст. 202 УПК РФ частью пятой, примерно следующего содержания:

«При отказе лица добровольно предоставить требуемые следователем образцы для сравнительного исследования, следователь вправе на основании решения суда поручить их получение в принудительном порядке эксперту либо органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность».

Зайцев Р. В., Зыков В. В.

Особенности осмотра места происшествия при электротравме

Рафаил Самуилович Белкин в 1954 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Осмотр места происшествия. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты». Актуальность этой темы трудно переоценить и в наши дни. Осмотр места происшествия является важным, неотложным следственным действием. Тщательность его проведения в соответствии с разработанными методическими рекомендациями служит залогом успешного расследования различных категорий уголовных дел.

Одним из редко встречающихся в следственной практике является осмотр места происшествия по фактам поражения человека электрическим током. В процессе его проведения необходимо задокументировать последствия нарушения правил охраны труда и безопасности при ведении различных работ, если таковые имелись, либо выявить признаки совершения других преступлений.

Для участия в осмотре места происшествия трупа или оставшегося в живых потерпевшего при поражении электричеством следователь обязательно привлекает специалиста-криминалиста, врача-специалиста в области судебной медицины и специалиста-инженера по электротехнике. Указанное следственное действие имеет особое значение при возникновении электротравмы на производстве. Участие специалиста-инженера необходимо как для разрешения специальных вопросов технического характера, так и для устранения источника тока с целью обеспечения безопасности участников осмотра места происшествия.

Осмотр трупа на месте его обнаружения при возникновении несчастных случаев на производстве имеет свою особенность, которая обусловлена необычными условиями, в которых осуществляется данное следственное действие. Например, они связаны со спецификой про-

изводственного цикла, необходимостью соблюдения специального режима и техники безопасности. В некоторых цехах и на участках производства во время осмотра нужно использовать специальную одежду и оборудование. Иногда специалистам приходится одновременно знакомиться с характером производственного процесса. Обстановка места происшествия может оказаться измененной в связи с проведением спасательных работ, невозможностью приостановить или прекратить технологический процесс.

По прибытии на место происшествия следует убедиться в том, что проводники и металлические конструкции, вблизи которых обнаружен труп или потерпевший, обесточены. Прежде всего необходимо принять меры по освобождению пострадавшего от соприкосновения с электрическим током, а затем оказание медицинской помощи. Освободить пострадавшего от тока, особенно высокого напряжения, можно или выключением рубильника, или вывертыванием предохранительной пробки. Это следует делать, по возможности, вдали от пострадавшего в наиболее безопасных местах сети. При токах невысокого напряжения (например, осветительной сети) можно перерезать или перерубить провод последовательно — сначала один, потом другой.

В тех случаях, когда приходится извлекать или оттащить пострадавшего от токоведущего провода, надо помнить, что пострадавший включен в цепь электрического тока и является проводником. Лучше всего освобождать его, берясь за сухие части одежды, надев на руки резиновые перчатки, на ноги — резиновую обувь, или встав на резиновый коврик. После освобождения пострадавшего от электрического тока надо немедленно приступать к оказанию медицинской помощи. Следует помнить о возможности нахождения пострадавшего в состоянии мнимой смерти и поэтому необходимо оказать срочную медицинскую помощь, прежде всего предприняв меры по оживлению. Врач-специалист в области судебной медицины, нередко оказываясь на месте происшествия до прибытия врача скорой помощи. Он должен уметь производить искусственное дыхание, непрямой массаж сердца и др. Опрос пострадавшего целесообразно проводить в процессе осмотра места происшествия. Если же он госпитализирован, то при удовлетворительном его состоянии следует его опросить сразу после окончания осмотра места происшествия.

При данных осмотрах следователь в присутствии специалистов выясняет следующие вопросы: какую именно, работу и как выполнял пострадавший. Непосредственно перед несчастным случаем; от кого, когда и в какой форме он получил задание на выполнение данной работы; имелись ли у него средства индивидуальной защиты, инструмент и приспособления, предусмотренные технологией работ и правилами техники безопасности, пользовался ли он ими при работе, и, если не пользовался, то почему; самочувствие перед электротравмой; кто при-

существовал в момент травмы? Естественно, что опрос пострадавшего может быть осуществлен только в случаях переживающей электротравмы и при удовлетворительном состоянии пострадавшего. Опрос очевидцев в присутствии судебно-медицинского эксперта следователь проводит на месте с тем, чтобы они могли показать, где находился пострадавший и рассказать о его действиях в момент травмы и после нее; что именно они видели и слышали в момент травмы; как вел себя пострадавший до, в момент и после травмы (был ли он чем-нибудь подавлен или возбужден, жаловался ли на недомогание, был ли трезв, звал ли на помощь, каким образом освободился от действия тока, терял ли сознание, и т. п.). Кроме очевидцев следователь опрашивает работников цеха, участка и др., где произошла производственная травма, с целью выяснения других обстоятельств, которые могли способствовать этому. Следует иметь в виду, что на производстве несомненную электротравму иногда могут умышленно скрывать заинтересованные лица, ответственные за технику безопасности.

Может иметь также место симуляции поражения электрическим током при убийстве каким-либо другим способом, например, путем отравления и т. д. При наступлении смерти неожиданно для окружающих в неясной обстановке всегда следует учитывать возможность электротравмы. В одних случаях указания на электротравму можно обнаружить уже при осмотре одежды, обуви и головного убора пострадавшего на месте происшествия; в других случаях поражение током может только предполагаться и, наконец, в третьих случаях никаких указаний на электротравму не удастся обнаружить не только при осмотре трупа, но и места происшествия. В таких сомнительных случаях решающее слово может остаться за специалистами-инженерами по электротехнике на основании исследования источников тока, проводников, состояния электроаппаратуры.

При осмотре места происшествия в случаях электротравмы особое значение, кроме трупа, имеет тщательный осмотр различных механизмов, станков, машин и др. окружающих предметов, на которых могут быть обнаружены остатки одежды или обгоревшие ее частицы, кровь, кусочки кожи, эпидермиса и т. д. Осмотром трупа нередко можно получить предварительные указания на поражение электрическим током в виде электрометок на коже. Следы действия высокой температуры иногда обнаруживают на одежде. Причем, верхняя одежда может оказаться целой, а ожоги обнаруживаются на белье и коже. В одежде, карманах, на отдельных предметах (пуговицы, пряжки и др.) оплавление металлических частей бесспорно указывает на действие тока. В протоколе осмотра места происшествия необходимо описать первоначальное (до перемещения в связи с оказанием медицинской помощи) место расположения тела и окружающие предметы. Если это положение трупа было изменено, то по сообщению очевидцев целесообразно воспроиз-

вести его и зафиксировать в протоколе. Необходимо тщательно осмотреть отдельные части трупa, места соприкосновения их с источниками тока, в особенности кистей рук, где нередко (при согнутом положении пальцев) обнаруживаются токоведущие предметы или причиненные ими повреждения. В случае обнаружения на месте происшествия на источниках тока или токоведущих проводниках различных наложений (поверхностные слои кожи, кровь, волосы и др.) специалист должен оказать содействие следователю в изъятии этих наложений, упаковке и направлении для проведения лабораторных исследований с целью определения их половой и групповой принадлежности, анатомической характеристики. При исследовании одежды необходимо выяснить и описать ее особенности (влажная, мокрая, вид ткани, ее толщина, повреждения и т. п.), которые могли способствовать проведению электрического тока. Описывают участки обгорания, обугливания ткани как следствие термического действия тока, а разрывы — как результат механического (динамического) действия последнего. При осмотре обуви обращают внимание на наличие на подошве оплавленных гвоздей и подковок, признаков обгорания. Следует помнить, что ограниченные знаки действия технического электричества (электрометки, ожоги вольтовой дугой и др.) на теле пострадавшего должны быть сфотографированы, описаны в протоколе осмотра трупa. Наиболее часто местами их расположения являются кисти и стопы, иногда межпальцевые промежутки. Могут также обнаруживаться нетипичные знаки тока в виде очаговых отслоений эпидермиса, небольших участков вдавления кожи, ссадин, ран, которые не всегда принимаются во внимание врачом-специалистом в области судебной медицины. Иногда в месте предполагаемого контакта тела пострадавшего с токоведущим проводником отмечается только опаление волос с их скручиванием, укорочением или изменением цвета, а также внутрикожные кровоизлияния, локализацию, форму и площадь которых указывают в протоколе.

Таким образом, особенности осмотра места происшествия при электротравме имеют первостепенное значение для выяснения обстоятельств произошедшего на первоначальном этапе расследования и требуют детального изучения следователями и специалистами.

Зиебоева М. Н.

Испытательный срок при отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет

Современный этап развития общества состоит из непрерывного процесса развития и возрастания роли и значения государства и права

в обеспечении и функционирования всех необходимых общественных институтов, а также различных общественных отношений.

Следует отметить, что для своевременного обеспечения применения отсрочки отбывания наказания в отношении категории беременных женщин и женщин имеющих детей в возрасте до восьми лет на наш взгляд недостаточно только ее формальное законодательное закрепление. Следовательно, появляется необходимость наличия существенных механизмов их реализации, в целях чего законодателем введен ряд правовых институтов. В уголовном праве среди механизмов обеспечения применения отсрочки отбывания наказания в отношении вышеназванной категории женщин по нашему мнению немаловажное значение имеет испытательный срок при отсрочке отбывания наказания.

Юридическая практика свидетельствует о нахождении разногласия в отношении исчисления испытательного срока при отсрочке отбывания наказания.

Немаловажное и первостепенное значение имеет определение исходного или изначального момента испытательного срока.

В теории уголовного права испытательным сроком следует считать срок с момента вступления в законную силу приговора¹. Или же, как правильно отмечает С. В. Дьяконова «характерной особенностью испытательного срока, назначаемого при применении к лицу условного осуждения, является то, что он свидетельствует об условном неприменении приговора, и, при правомерном поведении осужденного и успешном его прохождении, окончание испытательного срока означает окончание судимости»².

По мнению И. Н. Бурлаковой, началом испытательного срока следует считать момент провозглашения приговора³.

Данный автор «обосновывает свою позицию тем, что в связи с положением нормы ст. 311 УПК РФ правовые последствия для условно осужденного в виде освобождения из-под стражи наступают до вступления приговора в законную силу, а значит, требования, предъявляемые к такому осужденному, должны реализовываться сразу же после оглашения приговора, а не по вступлении его в законную силу»⁴.

¹ См.: напр.: *Якобашвили М. А.* Об условном осуждении по советскому уголовному законодательству // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 101; *Мондрусов Р. М.* Испытательный срок при условном осуждении // Советское государство и право. 1954. № 6. С. 91; *Кондалов А. Н.* Условное осуждение и механизмы его обеспечения: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. С. 144; *Виноградов А. Б.* Условное осуждение: законодательный, теоретический и правоприменительный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 113.

² См.: *Дьяконова С. В.* О проблеме исчисления испытательного срока при условном осуждении // Российская юстиция. 2009. № 1. С. 19–21.

³ См.: *Бурлакова И. А.* Условное осуждение: теоретико-правовые и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 101.

⁴ См.: *Дьяконова С. В.* Указ. соч.

Однако мы не сможем поддерживать такое мнение, так как нормы указанной статьи регулируют вопросы освобождения подсудимого из-под стражи, а не вопросы исполнения приговора.

Испытательный срок — это срок, назначенный судом при условном осуждении, в течение которого виновный считается судимым и не должен совершать однородное или не менее тяжкое преступление под угрозой отмены условного осуждения.

Вышеназванный срок назначается судом продолжительностью от одного года до пяти лет. Закон не устанавливает прямой зависимости между видом и размером назначенного наказания и продолжительностью испытательного срока, хотя, как правило, более суровой мере наказания должен соответствовать более продолжительный испытательный срок. Во время определения продолжительности испытательного срока суд руководствуется общими началами назначения наказания, т. е. современным правосознанием, и должен учитывать степень общественной опасности деяния и преступника, а также все обстоятельства дела.

Большое значение для определения продолжительности испытательного срока имеют сила, сплоченность, состояние воспитательной работы коллектива, который ходатайствует об условном осуждении и принимает на себя обязанность по исправлению и перевоспитанию осужденного. Чем большие возможности заложены в коллективе трудящихся или общественной организации для успешного решения задачи исправления и перевоспитания осужденного, тем меньший испытательный срок может назначить суд. Условно осужденные, не совершившие в течение испытательного срока нового преступления, признаются не имеющими судимости.

Таким образом, «исполнение же приговора об условном осуждении уголовно-исполнительными инспекциями начинает осуществляться после вступления приговора в законную силу, а не после провозглашения приговора и освобождения подсудимого из-под стражи. Только после получения направленного судом первой инстанции вступившего в законную силу приговора об условном осуждении уголовно-исполнительные инспекции приступают к персональному учету условно осужденных и контролю за их поведением и исполнением ими возложенных судом обязанностей»¹.

Поэтому в юридической литературе по данному вопросу высказываются различные мнения.

Так рассматривая данный вопрос В. Ф. Караулова, утверждает, что отсрочка отбывания наказания отменяется при совершении в период отсрочки только умышленного преступления².

¹ См.: Дьяконова С. В. Указ. соч.

² См.: Уголовное право РФ. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 457.

По мнению И. А. Юрченко, наоборот если в период отсрочки осужденная женщина совершила новое преступление умышленного характера или по неосторожности, то суд обязывается отменить отсрочку, и следовательно назначить ей наказание по совокупности приговоров¹.

И. А. Петрова сравнивая аналогичные основы отмены условного осуждения и условно-досрочного освобождения (ч. 4 ст. 74, ч. 7. ст. 79 УК РФ) с отсрочкой отбывания наказания справедливо отмечает, что законодатель беременную женщину или женщину, имеющую малолетних детей, во время отсрочки отбывания наказания ставит в более жесткие условия, чем условно-осужденных лиц и лиц условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, потому что в отличие от отсрочки отбывания наказания возможность отмены условного осуждения и условно-досрочного освобождения в случаях совершения преступления в период испытательного срока законодатель ставит в зависимость от формы вины и категории совершенного преступления. Несмотря на то что такое несоответствие не наблюдается в УК РТ мы тоже считаем, что было бы более верным в случае совершения осужденным в период отсрочки преступления по неосторожности вопрос об отмене отсрочки оставлять на усмотрение суда.

На наш взгляд, такая коллизия может устраниться путем введения нового дополнения в ст. 78 УК РТ в такой форме: «Если после вынесения судом приговора по делу с применением отсрочки отбывания наказания будет установлено, что осужденная женщина виновна еще и в другом преступлении, совершенном ею до вынесения приговора суда по первому делу, суд отменяет отсрочку отбывания наказания и назначает ей наказание по правилам ч. 5 ст. 67 УК РТ». Тем не менее, следует обратить внимание и на то, что в случае возникновения условия для применения отсрочки, то при таких обстоятельствах суд вправе предоставлять ее по своему второму приговору.

Наряду с единственным и обязательным основанием закон предусматривает и два факультативных основания отмены отсрочки отбывания наказания, и оба эти основания относятся к исполнению осужденной своих материнских обязанностей.

Первое из этих оснований заключается в злостном уклонении от воспитания ребенка. Закон не использует термина злостное уклонение, однако злостный его характер вытекает из смысла понятия «уклонение», вложенного в него законодателем.

Так, на основании п. 11 ст. 209 КИУН Республики Таджикистан если осужденная официально не отказалась от ребенка, и тем не менее оставляла его в родильном или в детском доме или же ведет противоправные и антиобщественные поведения, не занимается воспитанием ребенка,

¹ См.: Уголовное право РФ. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рапога, А. И. Чучаева. М., 2004. С. 495.

оставила ребенка своим родственникам, иным лицам без каких либо причин, либо скрывается от воспитания своего ребенка, которые могут свидетельствовать об ее уклонении воспитанию ребенка, то в данном случае она считается уклоняющейся от воспитания ребенка. Осужденной, допустившей нарушение общественного порядка или трудовой дисциплины, либо если она уклонялась от воспитания ребенка и ухода за ним, инспекция исправительных работ объявляет предупреждение (ч. 3 ст. 78 УК, ч. 9 ст. 209 КИУН РТ). И только уклонение от воспитания ребенка, продолжающееся после такого предупреждения, влечет уголовно-правовые последствия в виде отмены отсрочки отбывания наказания. Решение об отмене отсрочки судья принимает в тех случаях, когда иные средства воздействия на осужденную не могут обеспечить изменения поведения осужденной и выполнения ею материнских обязанностей.

Закон (ч. 9 ст. 209 КИУН РТ) предусматривает право инспекцию исправительных работ объявить осужденной предупреждение не только в связи с уклонением от воспитания ребенка, но и в связи с нарушением общественного порядка, повлекшим применение административного наказания, или нарушением трудовой дисциплины, повлекшим применение дисциплинарного взыскания. Видимо, с учетом этого некоторые ученые высказывают мнение, что повторное нарушение осужденной общественного порядка после объявления ей предупреждения также может служить основанием для отмены отсрочки¹. Однако с этим мнением нельзя согласиться, поскольку ни ст. 78 УК, ни ст. 209 КИУН не предусматривают возможности отмены отсрочки отбывания наказания по такому основанию.

Вторым факультативным основанием отмены для предоставления отсрочки к категории таких женщин, которые имеют малолетних детей, следует отнести их отказ от своего ребенка. Так, из сущности норм п. 11 ст. 209 КИУН Республики Таджикистан, следует сделать вывод о том, что существует официальный отказ матери от своих родительских прав и обязанностей. Как справедливо отмечается в литературе, «отказ матери от ребенка и передача его в детское учреждение... по закону является достаточным основанием отмены предоставленной отсрочки. На основании этого факта уголовно-исполнительная инспекция без каких-либо предварительных мер воспитательного характера вносит в суд представление об отмене отсрочки отбывания наказания, которое по общему правилу должно судом удовлетворяться»².

Действительно, следует обратить внимание на то, что законно оформленный отказ матери от ребенка — это полное и окончательное

¹ См.: Комментарий к УК РФ / отв. ред. И. И. Радченко. М., 1996 С. 132.

² См.: Российское уголовное право в двух томах. Т. I. Общая часть / под ред. А. И. Рагога. М., 2003. С. 516.

прекращение отношений между матери и ребенка, следовательно, это основание утраты для применения отсрочки отбывания наказания в ее отношении. В таких случаях, отмена отсрочки должна считаться обязательной, что следует данную норму четко указать в п. 3 ст. 78 УК, и в п. 11 ст. 209 КИУН Республики Таджикистан.

При этом по нашему мнению, следовало бы более четко закон должен учитывать характер, степень общественной опасности совершенных преступлений, ее поведение и отношение к воспитанию ребенка, а так же должно учитываться величина отбытого или наоборот не отбытого срока. Такое решение является неудовлетворительным, поскольку оно не учитывает, во-первых, возможного факта прерывания беременности после предоставления отсрочки, и во-вторых, причин наступления смерти ребенка. Между тем, в специальной литературе обращалось внимание на необходимость отмены отсрочки в связи с отпадением оснований ее предоставления. Так, И. П. Портнов достаточно категорично утверждал, что «отсрочка отменяется безусловно, если отпали основания, по которым она была предоставлена, в частности прерывание беременности или рождение мертвого ребенка, смерть ребенка, отказ матери от ребенка и передача его в детское учреждение или посторонним лицам и т. д.»¹.

Такой анализ обстоятельства при всей свое категоричности по нашему мнению заслуживает особого внимания.

Так, очевидным, следовало бы считать то, что искусственное прерывание беременности в целях уклонения от выполнения своих родительских и материнских обязанностей, которые приведут к смерти ребенка как результат ненадлежащего ее отношения к уходу за ребенком, должно рассматриваться как основанием для отказа в предоставлении отсрочки отбывания наказания. Более того, такое поведение такой категории женщин влечет за собой основу для их направления для отбывания наказания в соответствии с приговором. Вышеназванные поведения беременных женщин не может стать основой для освобождения их от наказания, или же для замены приговора на более мягкий вид.

Таким образом, представляем целесообразным внести дополнение в ст. 78 УК и в ст. 209 КИУН РТ в такой формулировке:

- В случае искусственного прерывания беременности со стороны осужденных женщин в целях уклонения от выполнения материнских обязанностей и невыполнения осужденной своих материнских обязанностей по уходу за ним, в результате которой наступает смерть ребенка, суд по представлению инспекции исправительных работ вправе отменять отсрочку отбывания

¹ См.: Практический комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. Х. Д. Аликперова. М.: Изд-во Норма, 2001. С. 202.

наказания и направлять осужденную для ее отбывания в соответствии с приговором.

Немаловажное практическое значение имеет вопрос соотношения периода отсрочки со сроками давности обвинительного приговора.

Так, рассматривая данный вопрос Ю. М. Ткачевский приводит, что «коллизия между установлением четырнадцатилетнего периода отсрочки и предусмотренными ст. 83 УК сроками давности обвинительного приговора должна разрешаться в пользу ст. 82 УК как более узкой нормой»¹. По его мнению, «указанные нормы не соотносятся как общая и специальная, поскольку они регламентируют самостоятельные виды освобождения от наказания, имеющие разные основания, цели, условия и порядок применения»².

Схожая позиция у Л. И. Парога, который отмечает: «Следует подчеркнуть, — пишет он, — что отмена отсрочки, а также исполнение наказания возможны лишь в пределах сроков давности обвинительного приговора, установленных ст. 83 УК. Следовательно, после истечения отсрочки отбывания наказания, назначенного за преступления небольшой и средней тяжести либо за тяжкое преступление, освобождение от наказания в соответствии в с п. «а», «б» и «в» ч. 1 ст. 83 УК является обязательным в силу давности обвинительного приговора, которая истекает раньше окончания срока отсрочки. Таким образом, ч. 3 ст. 82 УК имеет практическое значение только применительно к женщинам, осужденным за особо тяжкие преступления»³.

На этом основании, на наш взгляд более обоснованной следует считать позицию Л. В. Кладкова, где отмечает, что «При установлении основания, в соответствии с которым течение срока давности исполнения обвинительного приговора приостанавливается, отсрочка его исполнения не названа (ч. 2 ст. 83 УК). Исходя из этого, можно сделать вывод, что отсрочка исполнения приговора не приостанавливает течения этого срока. Следовательно, и длиться сама отсрочка может только в пределах этого срока. А истечение давности срока обвинительного приговора погашает и судимость (см. ч. 2 ст. 86 УК)»².

Зинин А. М.

Задачи, решаемые при установлении личности

В процессе расследования преступлений, в уголовном судопроизводстве установлению личности придается большое значение. Это связано с необходимостью определения субъекта преступления и потерпевшего. Традиционно при этом ставится вопрос о возможности отождествления

¹ См.: Курс уголовного права. Т. 2. Общая часть. Учение о наказании. М., 2002. С. 252.

² См. там же.

³ См.: Уголовное право РФ. Общая часть / под ред. А. И. Парога. М., 2002. С. 455.

человека по его анатомо-морфологическим признакам, биологическим маркерам — ДНК — идентификация.

Однако задача отождествления является конечной целью в процессе установления личности индивидуума. Данная задача, даже при благоприятной ситуации, когда имеются полноценные отождествляющие объекты, решается поэтапно. Сначала решается диагностическая задача — определяется половая и антропологическая принадлежность, затем происходит процесс узнавания объекта по комплексу его доминирующих признаков, как правило, в процессе предъявления лица для опознания по признакам его внешнего облика. И уже после этого решается задача отождествления по индивидуализирующему комплексу признаков. Решение этих задач может иметь как самостоятельный характер, так и поэтапный для достижения конечной цели — установления личности индивидуума.

В теории судебной экспертизы диагностика понимается как определение свойств действующих объектов, среди которых одно из важнейших мест занимают физические лица¹. В цитируемой работе не раскрываются особенности диагностики лиц, как объектов фото-портретной экспертизы.

Эта задача обозначается В. А. Снетковым, отмечая, что при производстве фотопортретных экспертиз по фотографическим изображениям диагностируются общефизические признаки изображенного лица². Он обращает внимание, что при решении диагностических задач могут определяться пол, возраст, телосложение, а также (в самом общем виде) расово-этнический тип.

Практика судопроизводства показала, что диагностирование этих признаков человека имеет место чаще всего на первоначальном этапе производства судебной портретной экспертизы.

Половая принадлежность определяется тогда, когда она не сообщается в постановлении о назначении экспертизы и при ознакомлении с изображением человека его половая принадлежность не очевидна. Эта диагностическая задача может возникнуть при поступлении на исследование изображений лиц с неявно выраженными признаками половой принадлежности, одетых в униформу или предметы одежды, в равной степени, носимых как мужчинами, так и женщинами, использующими одинаковый стиль в одежде и причёске. Эта задача решается путем изучения относительной величины элементов лица, строения некоторых из них, и в первую очередь, лобной части, а также носовой и подбородочной частей лица.

¹ Криминалистическая экспертная диагностика. Методическое пособие. Научный редактор д. ю. н., проф. Ю. Г. Корухов. М.: РФЦСЭ при МЮ РФ, 2003. С. 57.

² Снетков В. А. Криминалистическая диагностика в деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России по применению экспертно-криминалистических методов и средств. М.: ЭКЦ МВД России, 1998. С. 29.

Антропологический тип человека — сложный комплексный признак, включающий в себя систему морфологических элементов, признаки которых позволяют отнести человека к той или иной сравнительно однородной группе, характеризующихся локальной общностью признаков.

Определение антропологической принадлежности человека особенно необходимо для выявления наличия или отсутствия расовых диагностических признаков в тех ситуациях, когда изображенный человек не относится к одной из больших рас (европеоид, монголоид, негроид), а является представителем субрасы- расы второго порядка. Для таких представителей проявление наиболее характерных расовых признаков большой расы не является обязательным. Так, наличие эпикантуса у представителей киргизского населения не является обязательным признаком строения области глаз. В то время как данный признак считается неотъемлемым у монголоидов.

В последние годы при исследовании изображений человека наряду с традиционной идентификацией по признакам внешнего облика возникает новая задача, имеющая в определенной мере пересечение с идентификационной задачей, а именно, узнавание человека по его измененному изображению.

Эта задача, как представляется, имеет самостоятельный характер не только потому, что она ставится в такой редакции судом. Ее самостоятельность обусловлена тем, что условием ее решения является выделение во внешнем облике проверяемого лица доминирующих признаков. То-есть таких, которые преобладают в его внешнем облике и в своей совокупности дают возможность узнавать человека, несмотря на то, что его изображение претерпело целенаправленные изменения, например, использование фотоснимка конкретного человека в целях рекламы без его разрешения. Следует подчеркнуть, что речь идет не о каких-то отдельных признаках, а о комплексе признаков доминирующего характера во внешнем облике данного человека.

Возникает вопрос о соотношении этой задачи с задачей установления тождества объекта по его отображению. Отождествление человека возможно тогда, когда выявлен комплекс признаков, его индивидуализирующих. В этот комплекс входят и доминирующие признаки, т. е. признаки, наиболее наглядные во внешнем облике конкретного человека. Но в рассматриваемой ситуации отождествление в каноническом его виде невозможно при анализе измененного изображения, поскольку ряд признаков претерпели изменения, а другие — специально привнесены в изображение. Это делается для того, чтобы представить измененное изображение как самостоятельное, якобы не имеющее отношения к исходному.

Представляется, что задача узнавания объекта по его изображению не должна рассматриваться как диагностическая или идентификационная. Диагностическая задача имеет целью выявление определенных признаков общего характера (половая и антропологическая принадлежность, возрастная группа). Идентификационная задача имеет целью отождествление объекта, которое осуществляется по комплексу признаков, индивидуализирующих объект. В него должны входить признаки разного значения, как групповые, общие, так и частные, индивидуализирующие человека. В тоже время, выявляемые в ходе решения задачи узнавания признаки различия объясняются либо изменением собственных признаков, присущих объекту (как в процессе идентификации), так и не имеющих отношения к объекту, а вносимых специально с целью затруднить его отождествление в каноническом его понимании.

Считать задачу на узнавание объекта как вид классификационной, вряд ли правильно, поскольку процесс классификации имеет дело с признаками группового значения. В процесс узнавания вовлечены признаки, присущие данному индивидууму, имеющиеся в его внешнем облике, характеризующиеся доминирующим, преобладающим характером. Они присущи конкретному человеку и, будучи в комплексе, позволяют узнавать его.

Затем может решаться и задача выделения комплекса идентификационных признаков — индивидуальных особенностей в строении элементов лица. Выделение данного комплекса необходимо, чтобы обосновать вывод, что входящие в него признаки присущи конкретному человеку, и позволяют утверждать, что изображение данного конкретного человека, было использовано при подготовке трансформированного, якобы нового самостоятельного изображения.

Таким образом, при установлении личности могут решаться три вида экспертных задач — диагностирование, узнавание, отождествление. Они могут решаться либо поэтапно, либо самостоятельно в зависимости от возникшей ситуации исследования внешнего облика человека.

Зинкевич Е. И.

Ретроспективное исследование субъектов сферы раскрытия и расследования преступлений

Преступление как негативное социальное явление сопровождает человечество на всем пути его развития. В этом отношении следует согласиться с мнением Ю. М. Антоняна и О. Ю. Звизжовой, что «Совершенно очевидно, что преступность имеет историческое происхождение, будучи причинно связана с явлениями и процессами, происходящими в обществе. Ее уровень и характер в различных социально-экономиче-

ских системах и странах коррелирует с конкретными обстоятельствами жизнедеятельности человека»¹.

Отталкиваясь от указанного утверждения, закономерен вывод, что преступность в период ее зарождения всегда сопровождала сфера противодействия.

В целом официально закреплено, что системная государственная деятельность по пресечению преступности, появилась в 1829 году в Лондоне. Основателем ее считается премьер-министр Великобритании Р. Пиль, сформулировавший принципы, на которых базируется деятельность современной полиции во всех странах².

Вместе с тем, представляется невероятным, что до 19 века государство и общество обходилось без структур в функции которых входило борьба с преступностью.

Анализ различных периодов исторического процесса позволяет констатировать, что подобные структуры имели место, например, в 1571 году имеет место образование в российской истории Разбойного приказа. В его функции входили раскрытие и расследование преступлений, связанные с разбоями, грабежами и убийствами. В своем распоряжении, для того времени, указанное учреждение имело солидные силы и средства³.

Однако с учетом закономерностей развития человеческой цивилизации, по нашему мнению, истоки сферы раскрытия и расследования преступлений следует искать, еще в первобытнообщинном строе, где определенные способности позволили заложить основы такой науки как криминалистика.

К одному из значимых для криминалистики понятий относится след. Значимости указанной категории, отмечал в своем труде Р. С. Белкин, который писал: «Свойство отражения, лежащее, по выражению Ленина, в самой основе материи, стихийно использовалось с первых дней существования криминалистики как самостоятельной науки. Одно из ее центральных понятий — понятие следа — лежало в основе всех криминалистических рекомендаций по раскрытию преступлений. Изучались способы совершения преступлений как первопричины возникновения следов криминальных действий, обращалось внимание на относительную неизменяемость и индивидуальность различных видов следов, предпринимались попытки различных форм и способов классификации следов и их носителей в целях их использования в раскрытии

¹ Антоная Ю. М., Звизжова О. Ю. Преступность в истории человечества. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 5.

² Акт о столичной полиции (Metropolitan Police Act) 1829 г. <http://lady.webnice.ru/forum/viewtopic.php?t=7396&start=315>

³ Разбойный приказ — Википедия — https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B1%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7

и расследовании преступлений, идентификации следообразующих объектов и т. п.»¹

С подобным утверждение нельзя не согласится, особенно, учитывая то обстоятельство, что именно следы преступления лежат в основе процесса доказывания. Следы становятся источником возникновения информации о преступлении.

Значительный объем времени в ходе учебного курса криминалистики посвящен вопросам собирания, исследования, оценки и использования доказательств, то есть работа со следами.

К сожалению, не смотря на наличие методик обучения работы со следами, большого объема соответствующей литературы, множество примеров практической деятельности, специалистов по работе со следами не достаточное количество. Если же речь идет о подобной работе в условиях места происшествия, где преобладают следы трасологического характера, то практика редко знает таких специалистов.

Между тем, истоки изучения следов основаны на охотничьих традициях и составляют важную часть культуры человечества.

Изучение примеров исследования следов, позволяет провести определенную систематизацию информации извлечения из них, а именно:

- **следы как возможность добывания пищи.** Процесс, охоты, особенно на заре становления человеческого общества, становится основным источником пропитания. Охотники и собиратели — хозяйственно-культурный тип, характерный для народов, которые находятся на раннем уровне социально-экономического развития. Значительный объем источников посвящен именно охотничьим промыслам, где специалисты по следам-следопыты играли основную роль^[2];
- **следы как способ идентификации личности.** Среди охотников собирателей, вполне закономерным явлением становится умение узнавание личности по следам, о чем свидетельствует сведения предоставленные Ф.Робертсом: «Со следами моей жены я познакомился раньше, чем с ней самой. В селении, где я сейчас живу, мне удается различать следы не меньше пятидесяти человек»³;

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА • М), 2001. С. 31–32.

² См. Охотники и собиратели — Википедия — https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8_%D0%B8_%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8; Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII–XIX вв. — М.: Наука, 1970. — С. 29.; Арсеньев В. К. Лесные люди удэгейцы Владивосток: Книжное дело, 1926. — С. 23.

³ Локвуд Д. Я — абориген. М.: Наука, 1971. С. 70.

- **следы как механизм реконструкции события.** Информация, содержащаяся в следах в своей совокупности, позволяет специалисту с высокой степенью вероятности реконструировать прошедшее событие. Примером, подобной реконструкции служат сообщения В. К. Арсеньева в отношении следопыта гольда Попова¹;
- **следы как средство доказывания в ходе расследования преступления** и пр. Впервые научному осмыслению возможности получения информации о преступлениях посредством изучения следов на месте происшествия, посвятил Г. Гросс в своем фундаментальном труде, где привел свидетельства о существовании касты «кхойи».

«Кхойи» каста следопытов, члены которых используют методики, направленные на обучение и поиск предметов, вещей, людей посредством изучения следов.

В целом объективности ради следует отметить, что информация о кхойях отражена только в трудах Г. Гросса. Дополнительные усилия по обнаружению сведений указанной касты не принесли положительных успехов. Учитывая то обстоятельство, что Г. Гросс, опираясь на данные о кхойях на основании газетной заметки, можно прийти в ряду выводов, а именно:

- либо указанное сообщество не распространяет о себе каких-либо сведений, что вполне закономерно с учетом деятельности которую они осуществляют;
- либо указанная каста прекратила существование в современных условиях закономерного развития общества, где ее функции осуществляет полицейская система;
- либо, указанные члены влились в структуры, где данные способности востребованы (полиция, частные детективные структуры и пр.).

Между тем, сомневаться в данных представленных Г. Гроссом, нет никакой необходимости, так как автор, далее пишет, что: «...и среди наших обывателей, особенно в гористых местностях, между лесниками и их помощниками имеются лица, которые значительно более искусны в умении распознавать следы и вести по следам, нежели представители интеллигенции»².

К сожалению, в современных трудах криминалистической тематики, о данных лицах как правило вообще не указывается. Между тем, путешественники, географы, этнографы изучающие различные народности, находящиеся на первобытнообщинном уровне, отмечают несомненные успехи следопытов извлекать информацию об произошедшем событии.

¹ Арсеньев В. К. Встречи в тайге. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1966. С. 182–185.

² Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 623.

Вместе с тем необходимо сознавать, что способности следопытов — охотников, только первый начальный уровень, сферы противодействия преступности.

Другой момент связанный со сферой раскрытия и расследования преступлений сформировался также в первобытнообщинном строе и напрямую связан с религиозными представлениями, и лицами, осуществлявшими религиозные обряды. В данном случае речи идет о значительной группе лиц, которые в силу сложившихся религиозных представлений стали важным элементом общества того времени.

Изучение исторических, этнографических, географических и пр., источников позволяет констатировать, что такие лица назывались по-разному, но социальная их роль как в сфере раскрытия и расследования преступлений, так и обеспечения общественного порядка не вызывает сомнения. Речь идет о жрецах, шаманах, колдунах, знахарях и пр.

Учитывая, что к указанным лицам, в современном обществе не однозначное отношение, говорить об их роли в сфере раскрытия и расследования преступлений необходимо, по нашему мнению, на основе примеров истории.

Анализ исторических источников позволяет систематизировать формы участия указанных выше членов религиозного сообщества в следующих видах: а) заклания; б) предсказания либо прошедшего, либо будущего преступного события в результате гадания; в) установления виновника преступного события и пр.

Традиционно, что на первых этапах человеческой истории, религия служила базовым компонентом общества, религиозные учреждения имели мнение практически по каждому вопросу. Например, каста брахманов, отправлявшая жреческие функции, согласно «Атхарваведы» (около X века до н. э.), осуществляла ритуальные функции в виде заклинаний, в числе которых на наш взгляд представляют интерес следующие: Против злоумышленников, Против врагов и нечистой силы, Против врагов и их замыслов, Против диких зверей и воров, Против яда и пр.¹

Аналогичная ситуация имела место на территории Древней Месопотамии, где археологами из земли извлечены множество глиняных табличек с текстами заговоров, в том числе против врагов, и злых замыслов².

В данном случае указанные религиозные мероприятия необходимо рассматривать как архаичную форму профилактики преступлений и формирования негативных установок у общества к лицам их совершающим.

Но в данном случае мы имеем пассивную форму участия религиозных лиц в правоохранительной деятельности.

¹ Атхарваведа (Шаунака). Т. I: кн. I—VII. М.: Вост. лит., 2005. С. 106, 140, 173—174, 177—178.

² *Фоссе III*. Ассирийская магия. М.: Евразия, 2001. 336 с.

Конечно, необходимо сознавать, влияние религиозных воззрений на общественные отношения, выражающее в участии религиозных лиц в правоохранительную деятельность. Например, изучение деятельности судебных оракулов в Древнем Египте начала XI века до н. э. позволяет констатировать, что помимо вопросов политического, экономического характера оракулы прорицали по поводу краж имущества отдельных лиц¹. В целом можно отнести указанную деятельность к разряду усиления влияния жречества посредством «игры на публику», тем более что предсказания делались в ходе религиозных празднеств. Однако советы, например, Дельфийского оракула, касательно определенных событий, происходивших на территории Древней Греции, имело существенные вес, несмотря на то, что смысл этих предсказаний оставался не совсем ясным. Думается, что к Дельфийскому оракулу обращались не только за политическими советами, но и по вполне бытовым вопросам. Однако дошедшие до нас сообщения оракула позволяет констатировать его определенную осведомленность по заданному вопросу, что достигается, с учетом коммуникативных возможностей того времени, широкой сети информаторов и знаний психологии спрашивающего. В этом отношении мы солидарны с мнением ученого-этнолога Артемовой О. Ю. исследовавшая вопросы социальных норма в первобытной культуре Австралии. По поводу знахарей и колдунов она пишет, что они «...обладали выдающейся наблюдательностью, сознательно развивавшейся годами. В процессе обучения магическому искусству и в период практики они приобретали особую проницательность, понимание человеческой психики в целом и особенностей характеров своих соплеменников — в частности. Австралийским знахарям и колдунам был свойствен повышенный интерес к личной жизни окружающих, пристальное внимание к поведению отдельных людей. Все это помогало им в их колдовской и знахарской деятельности, порой позволяло с успехом выступать в роли предсказателей, провидцев»².

Таким образом итоги рассмотрения ретроспективы субъектов сферы раскрытия и расследования преступлений, позволяет констатировать о наличии предпосылок как индивидуального, так и организационных форм противодействия преступности. В основе данных форм лежали тренированные специализированные качества и созданная система получения социально значимой информации о членах общества, использование которых позволило противодействовать преступным намерениям.

¹ Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI—X вв. до н. э. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1960. С. 70, 75.

² Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным). М.: Наука, 1987. С. 144—145.

Иванова Е. В., Журавлева О. С.

Следы-вещества как источники криминалистически значимой и доказательственной информации

В русском языке существует несколько толкований слова след. Словарь Ожегова предлагает следующие значения:

- отпечаток чего-нибудь на какой-нибудь поверхности, а также полоса, оставшаяся после движения чего-нибудь;
- остаток или сохраняющийся признак чего-нибудь (следы преступления, следы болезни);
- нижняя часть ступни (разг.)¹.

Вопросам следов и следообразования в криминалистике уделяли внимание разные авторы. Эти вопросы рассматривались достаточно подробно и в трудах Р. С. Белкина.

В теории криминалистики предлагается различать следы в широком и узком смысле слова. Под первой группой следов (в широком смысле) имеют в виду любые материальные последствия, связанные с событием преступления. Это могут быть следы, образованные воздействием одного объекта на другой (например, от газового резака на дверце сейфа); предметы, забытые и утерянные преступником, части разрушенных объектов (например, осколки от разбитой фары), микроволокна тканей, кровь, поверхностные наслоения и др. К следам в узком смысле слова, изучаемым трасологией, относятся только следы-отображения². Разграничение следов в их широком и узком значениях было впервые предложено А. И. Винбергом³. Р. С. Белкин в этой связи отмечал, что «следы в широком смысле» и «следы в узком смысле» как ничего фактически не обозначающие и ненаполненные конкретным содержанием следует исключить из языка криминалистики⁴.

Среди следов авторы выделяют и следы-вещества, подчеркивая их значение с точки зрения состава. Впервые понятие вещество следа употребил Г. Л. Грановский, изучая процесс следообразования⁵. В учебнике криминалистики 1969 г. следы-вещества были включены в классификацию следов наряду со следами-предметами и следами-отображениями⁶.

Следами веществ обычно называют материальные образования в жидком, твердом (сыпучем) и газообразном состоянии, имеющие связь с преступлением и выявляемые на месте его совершения часто

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2012.

² Иценко Е. П. Криминалистика. М.: Юристъ, 2000. С. 152.

³ Шавер Б. М., Винберг А. И. Криминалистика. М., Госюриздат, 1945.

⁴ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М: Юрист, 1997. 464 с. С. 57.

⁵ Грановский Г. Л. Основы трасологии. М., 1965. С. 16.

⁶ Криминалистика: учебник. В 2 т. / под ред. Р. С. Белкина и Г. Г. Зуйкова. М., 1969. Т. 1. С. 213–215.

в виде микрообъектов. Следы-вещества классифицируют по разным основаниям: по природе происхождения и химическому составу; по состоянию и однородности; по степени видимости; по форме и количеству, размерам (макро- и микрообъекты: вещества, частицы); по признаку запаха¹.

И. Ф. Крылов отмечал, что микрообъекты (пыль, волокна и др.) дают возможность установить источник их происхождения, как и следы-отображения, помогают уяснить картину преступления и служат материалом для выдвигания версий об участниках события².

Достаточно близко по смыслу к следам-веществам относится понятие микрообъекта. Это объекты имеющие малые размеры и исследование которых, ввиду их малых размеров и массы, затруднительны и невозможны с помощью невооруженного зрения³. Наибольшее развитие в теории криминалистики понятие микрообъектов получило с развитием высокочувствительных методов анализа — электронной микроскопии, газовой, жидкостной хроматографии и др.).

По мнению большинства авторов, микрообъект — это объект экспертного исследования, находящийся в микроколичестве, что требует для его обнаружения и исследования применения современных методов микроанализа⁴. Таким образом, общей этимологической основой термина «микрообъекты» служит количественный признак. На это указывает и его происхождение от греческого «микрос» — малый, и семантический анализ слова «микроскопический», которым обозначают лишь объекты, видимые в микроскоп⁵. Микрообъекты принято делить на микрослед и микрочастицу.

Микрочастицами считают мелкие части, отделившиеся от твердых объектов, биологических организмов или веществ органического и неорганического происхождения (частицы стекла, металла и дерева (опилки), лакокрасочного покрытия, почвы и растений, крупинки пищевых продуктов, клетки живых тканей, мизерные пятна от брызг крови, фрагменты волос и текстильных волокон и др.). Микрочастицы могут иметь самостоятельное значение, как, например, отделившаяся частица лакокрасочного покрытия в результате дорожно-транспортного происшествия. С другой стороны микрочастицы тоже являются следами, поскольку отражают акт

¹ Андреев И. С., Грамович Г. И., Порубов Н. И. Криминалистика: учеб. пособие / под ред. Н. И. Порубова. Минск, 1997. С. 57–59.

² Криминалистика: учебник / под ред. И. Ф. Крылова. Л., 1978. С. 137.

³ Варенникова С. П. Теоретические и методические основы исследования механизма следообразования в криминалистических экспертизах материалов, веществ и изделий. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. С. 186.

⁴ Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской М.: Юристъ, 1999. 552 с. С. 228.

⁵ Иванова Е. В. Судебные экспертизы веществ и материалов. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. С. 99.

взаимодействия веществ или материалов. Чаще всего микроследами в криминалистике называют следы в виде наложений микрочастиц различных веществ: на орудиях преступления, одежде и теле человека и иных объектах материальной обстановки в результате контактного взаимодействия их между собой. Этот термин встречается в литературе по судебной медицине, где иногда происходит отождествление понятий «следы-наложения» и «микроследы»¹.

В трасологии следом принято считать отображение внешнего строения объекта. Причем это отображение вполне может сопровождаться наслоением вещества взаимодействовавшего объекта, повторяющего конфигурацию или особенности внешнего строения (так, потожировые следы пальцев рук являются и следами отображениями папиллярных узоров и следами-веществами, отражающими характерный состав потожирового вещества).

Своеобразное значение в расследовании преступлений имеют следы наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых и других контролируемых веществ. К таким следам относятся остатки веществ на предметах, используемых при изготовлении и употреблении наркотических средств, наслоения на руках подозреваемых, упаковочных материалах и др. Они встречаются в обстановке расследуемого события как следы взаимодействия между участниками преступного события.

С другой стороны, наркотические средства, ядовитые вещества, являющиеся предметом незаконных действий, ввиду их особенностей могут быть обнаружены в виде наслоений на предметах-носителях, что в теории криминалистики может считаться следом. Так, наслоения ЛСД на фрагментах бумаги являются следами воздействия на предмет веществом, содержащим наркотическое средство. В то же время предметы-носители с ЛСД являются предметом преступления, если передаются, перемещаются, продаются, употребляются и т. д., то есть подвергаются незаконному обороту в соответствии с УК РФ.

Отсутствие четкой дифференциации между следами — предметами преступлений и следами, возникшими в результате взаимодействия в процессе преступной деятельности, имеет следствием непонимание их значения как источников информации для раскрытия и расследования преступлений. Так, назначаются судебные экспертизы с целью установления размеров (количества) наркотических средств — следов взаимодействия между участниками сбыта (приобретения) наркотиков и самим наркотическим средством (например, количества наркотического средства на руках подозреваемого (обвиняемого) или на предметах его одежды).

¹ Шамонова Т. Н. Микрообъекты. Розыскное и доказательственное значение в расследовании преступлений / Гражданин и право. 2002. № 1.

Представляется, что следы-вещества являются источниками различной криминалистически значимой информации. Понятием «криминалистически значимая информация» по существу охватывается любая информация, используемая в целях решения криминалистических задач, вне зависимости от ее рода, вида и источников происхождения. Поэтому под криминалистически значимой информацией понимают полученную из различных источников и по всевозможным каналам информацию, могущую выступать в качестве доказательственной по уголовному делу или способствующую получению таковой, а также любую иную информацию, имеющую значение для достижения конечных целей деятельности по раскрытию и расследованию преступления¹.

Часть криминалистически значимой информации, полученной процессуальным путем, считают доказательственной информацией². Так, Р. С. Белкин и А. И. Винберг, исследуя понятие информации, отметили, что «изменения, связанные с событием, есть доказательства, а мера связи доказательств с событием, к которому они относятся, находящаяся в прямой зависимости от количественного и качественного содержания этих изменений, есть доказательственная информация³. Таким образом, фактические данные о следах-веществах, полученные в результате проведения судебной экспертизы, являются не только криминалистически значимой, но и доказательственной информацией. При этом полагаем, что доказательственное значение следов-веществ может серьезно различаться.

По нашему мнению в зависимости от информационного значения следы-вещества наркотически средств и других контролируемых веществ можно разделить на:

- следы, к которым относятся наслоения вещества (они включают, собственно, предметы преступления, т. е. конкретные наркотические средства, нанесенные на бумагу, фильтры сигарет и т. д.). Данные следы-вещества нанесены с определенной целью (сбыт, передача) и характеризуются с точки зрения качественного состава (например, наркотическое средство), а их количественная характеристика влияет на квалификацию преступления;
- следы, которые возникли в результате взаимодействия предмета преступления с обстановкой, в которой готовилось и совершалось преступление. Это следы на руках, предметах употребления (шприцы, трубки и др.). Наибольшее значение этих следов имеет их качественная характеристика. Причем криминалистическое

¹ *Натура Д. А.* К вопросу о классификации криминалистически значимой информации / Государство и право. 2013. № 5. С. 75–79.

² *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. 240 с.

³ *Белкин Р. С., Винберг А. И.* Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юридическая литература, 1969. 215 с.

значение имеют не только данные о веществе как о наркотическом средстве, но и иная информация о составе. Так, наличие частиц растения конопли в кармане подозреваемого позволяет в совокупности с иной информацией сделать вывод о том, что в кармане находилось наркотическое средство марихуана. Количественную характеристику таких следов определяют как «следовые количества», которые не имеют значения для квалификации преступления.

Представляется, что информация о факте взаимодействия между предметом и субъектом преступления имеет важное криминалистическое значение. Она может являться косвенным доказательством и в совокупности с другими доказательствами свидетельствовать о причастности того или иного лица к событию преступления. Однако если такая информация отсутствует, факт взаимодействия может быть установлен другими доказательствами.

Иное доказательственное значение имеет качественная и количественная характеристика предмета преступления, даже находящегося в микроколичестве или в виде вещества наслоения — следа. Эти данные входят в предмет доказывания по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом контролируемых веществ, и подлежат обязательному установлению. Таким образом, можно говорить о различном криминалистическом значении информации о следах — для отдельных следов-веществ она является незаменимой доказательственной информацией.

Игошин В. В.

Современные представления о природе науки криминалистики в свете концепции профессора Р. С. Белкина о ее синтетической сущности

С момента становления и на всех этапах развития науки криминалистики учеными поднимался вопрос о ее природе (сущности). Этот вопрос имеет не столько науковедческое, сколько методологическое значение для полного познания закономерностей, входящих в предметную область научных знаний криминалистики.

Природа науки определяется рядом факторов, в том числе источниками формирования научной информации. К таким источникам применительно к криминалистике относятся, во-первых, обобщения следственной, оперативно-розыскной, судебной и экспертной практики, а во-вторых, сведения о правилах, средствах и методах познания объектов и явлений, разработанных в различных областях научного знания.

Представления о природе науки криминалистики сложились в ряд концепций, которые исторически сменяли друг друга, а на определенном этапе ее развития и сосуществовали.

Первоначально данные о специальных возможностях обнаружения, фиксации и исследования информации о механизме совершения преступления и его участниках содержались в работах ученых-процессуалистов¹. В то же время, наличие в них значительного объема естественнонаучных и технических положений послужило основанием для отнесения криминалистики в разряд естественных либо естественно-технических наук и выделение криминалистических знаний из уголовно-процессуальной науки, «именно в рамках последней шел процесс накопления и консолидации тех средств, приемов и рекомендаций по работе с доказательствами, которые на определенном этапе составили ядро новой науки — криминалистики»². При этом некоторые ученые, например М. С. Строгович, ограничивали криминалистику рамками только криминалистической техники («уголовной техники»), а криминалистическую тактику и методику относили к науке уголовного процесса³.

Последующее формирование ядра криминалистики привело к появлению концепции ее двойственной природы, выделения в ней естественно-технической (криминалистическая техника, взаимодействие материальных объектов) и уголовно-правовой (криминалистическая тактика и методика, взаимодействия и отношения людей) сфер⁴, что, однако, необоснованно свидетельствовало об эклектичном характере ее структуры.

Вместе с тем, криминалистическая техника не ограничена взаимодействиями и взаимодействиями материальных объектов, поскольку наличие указанных явлений и процессов определено деятельностью человека (преступника и лица, выявляющего преступление). Тактическую область криминалистики не исчерпывают взаимодействия и отношения людей, что видно на примере не только проведения осмотра места происшествия, в ходе которого применяются технические средства работы со следовой информацией, но и тактики допроса, при котором используются технические средства фиксации сообщаемой информации. Сказанное справедливо и для криминалистической методи-

¹ См., напр.: *Баршев Я.* Основания уголовного судопроизводства. СПб., 1841; *Калайдович Н.* Указания для производства уголовных следствий. СПб., 1849; *Колоколов Е.* Правила и формы о производстве следствий. М., 1849; *Орлов Н.* Опыт краткого руководства для произведения следствий. М., 1883.

² *Белкин Р. С.* Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 10.

³ См.: *Строгович М. С.* Уголовный процесс. М., 1946. С. 26.

⁴ См.: *Тарасов-Родионов П. И.* Советская криминалистика // Соц. законность. 1951. № 7. С. 10, 11.

ки — области криминалистических научных данных, синтезирующей рекомендации криминалистической техники и криминалистической тактики применительно к выявлению и раскрытию отдельных видов и групп преступлений.

Тем не менее, концепция двойственной природы криминалистики позволила в рамках одной научной отрасли разрабатывать взаимосвязанные проблемы, относящиеся к технической и тактико-методической областям уголовного судопроизводства.

Противоположная концепция природы криминалистики сформировалась в 1950-х годах, криминалистику начали определять как юридическую науку, обосновывая эту позицию следующими аргументами: 1) объект изучения криминалистики составляют правовые явления (механизм преступления, собрание, исследование, оценка и использование доказательств); 2) служебная функция и решаемые задачи относятся к правовой сфере деятельности государственных органов (расследование, судебное разбирательство); 3) разрабатываемые в ней практические рекомендации носят правовой характер, основаны на законе; 4) наличие у криминалистики нормативно-юридической функции, под воздействием которой ее научные рекомендации вводятся в содержание правовых норм; 5) основной «питательной средой» для криминалистики является право, правовые науки, следственная и экспертная практика, связи с другими общественными и техническими науками носят преимущественно частный и локальный характер; 6) исторически криминалистика зародилась в рамках правовой (уголовно-процессуальной) науки¹. Указанный перечень оснований позволяет относить криминалистику к специальным юридическим наукам уголовно-правового цикла. Вместе с тем, отраслевой правовой наукой она не является. Приведенные аргументы правовой природы криминалистики с незначительными изменениями терминологического характера содержатся в научной и учебной литературе².

Концепция правовой природы науки неразрывно связана с требованием соблюдения законности в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, именно принцип законности лежит в основе этой концепции, ее сущность в конечном счете сводится к правовой сфере применения криминалистических научных рекомендаций.

Вместе с тем, криминалистика в наибольшей степени, нежели другие правовые науки, подвержена процессам интеграции естественнонаучного знания, поскольку использование данных естественных

¹ См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 161, 162.

² См., напр.: *Яблоков Н. П., Головин А. Ю.* Криминалистика: природа и система. М., 2005; *Ищенко Е. П., Топорков А. А.* Криминалистика: учебник. М., 2006; *Эксархонупло А. А.* Криминалистика. СПб., 2009; Криминалистика / под ред. Ищенко Е. П. Учебник для бакалавров. М., 2015.

и технических наук обуславливает ее развитие, создает новые возможности в разработке методов и средств борьбы с преступностью. Именно с интеграцией специальных научных данных стало возможным, накопив достаточный объем информации, дифференцировать из системы наук криминального цикла науку о «реальностях уголовного права»¹, или криминалистику.

В свою очередь было бы ошибкой определять криминалистику лишь как связующее звено между деятельностью правоохранительных органов, с одной стороны, и применением в этой деятельности достижений науки и техники, с другой стороны.

Использование данных специальных наук не превращает криминалистику в энциклопедию естественных, технических и иных наук, поскольку такие сведения преобразуются с учетом решения криминалистических задач и отличаются от исходных положений по содержанию и целям применения, соотносясь с предметом и методологией криминалистики.

В данном аспекте отечественная криминалистика кардинально отличается от состояния криминалистики за рубежом, где ей отводится роль именно «конгломерата» знаний и методов естественных и технических наук, собранных для целей раскрытия и предупреждения преступлений. Не случайно, что такая область научных знаний в ряде стран получила название «естественно-научная криминалистика»², которая по содержанию приблизительно соответствует криминалистической технике как разделу отечественной науки криминалистики. Зарубежная криминалистика, не имея собственных теоретико-методологических основ, как правило, не рассматривается как самостоятельная область научного знания.

Весь путь развития криминалистики явно свидетельствует о происходящих в ней интегративных процессах, которые ни при каких условиях нельзя рассматривать как самоцель. Интеграция научного знания — это необходимый и возможный путь решения теоретических и прикладных задач криминалистики, которые усложняются в условиях развития научно-технического знания, в том числе информационно-телекоммуникационных технологий, электронно-вычислительных систем, требуют новых способов их разрешения.

Анализ влияния интеграции научного знания на сущность криминалистической науки позволил профессору Р. С. Белкину пересмотреть концепцию правовой природы криминалистики и высказать идею интегральной, а впоследствии синтетической сущности науки кри-

¹ См.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908.

² См.: Поль К. Д. Естественно-научная криминалистика: (Опыт применения научно-технических средств при расследовании отдельных видов преступлений) / пер. с нем. М., 1985.

миналистики, которая осуществляет глубокий синтез широкого круга научных знаний в рамках своего предмета и содержания, отнесение ее к категории гибридных (синтетических) наук¹, возникающим на стыке нескольких областей знаний путем переноса методов одной науки в научную базу другой.

Современные представления о природе науки криминалистики и ее месте в системе научного знания основываются на указанной концепции профессора Р. С. Белкина и позволяют привести ее дополнительную аргументацию.

Синтетический характер природы науки криминалистики обусловлен не только тем, что криминалистика использует широкий спектр научных знаний, а, прежде всего, сущностью ее многогранного объекта, который является единой системой взаимодействия (взаимосвязи, взаимовлияния, взаимозависимости) преступной деятельности (ПД), то есть деятельности по замыслению, подготовке, выполнению преступления, его сокрытия и противоборствования, и деятельности по выявлению и раскрытию преступлений (ДВРП)², ее естественнонаучных (область природы) и идеальных (область человека) компонентов.

Взаимодействие указанных видов деятельности реализуется, с одной стороны, путем оставления следов субъектом ПД, а с другой — поиска и изучения следов, выявления и «прочтения» следовой информации субъектом ДВРП. Взаимодействие отражаемого и отражающего объектов осуществляется только через действие отражаемого и реакцию отражающего.

В связи с этим, познание объекта, связанного и с естественнонаучной сферой (процесс слеодообразования происходит по законам естественных наук), и общественнонаучной областью (процесс следовосприятия осуществляется в деятельности и мышлении), невозможно без привлечения данных различных видов и типов наук, включая их теории и методы, необходимые для решения криминалистической задач, порождаемых потребностью общества в выявлении и раскрытии преступлений. При этом исследование объективной действительности осуществляется с позиции и в пределах предмета науки криминалистики.

¹ См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика и теория судебной экспертизы: природа и связи // Актуальные проблемы криминалистических исследований и использование их результатов в практике борьбы с преступностью: Междунар. симпозиум: Тез. докл. и сообщ. М., 1994. С. 20; *Белкин Р. С.* О природе криминалистической науки // *Тр. Акад. МВД РФ.* М., 1996. С. 5–13; *Белкин Р. С.* Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 165–168; *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 36–43.

² См.: *Каминский М. К.* Системно-мыслетедеятельностная методология криминалистики и криминалистического образования // Курс лекций по криминалистике для бакалавров: учеб. пособие / под ред. М. К. Каминского, А. М. Каминского. М., Ижевск, 2015. С. 20–25.

Концепцию о синтетической природе науки криминалистики нельзя считать возвратом к теории двойственной природы, не позволяющей понимать криминалистику как целостную систему научного знания и отражающей специфику только одного ее раздела — криминалистической техники. Признание синтетической сущности криминалистики — это шаг к устранению барьеров в использовании достижений различных наук в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, толчок к поиску нового на стыках криминалистики с другими науками и переосмысливанию системы методологических основ криминалистики.

Ильин Н. Н.

О вероятных выводах эксперта при производстве судебных экспертиз

Как показывает практика, ни одно расследование преступления не обходится без назначения и производства той или иной судебной экспертизы.

Сама по себе экспертиза является применением специальных знаний из различных областей науки, техники, искусства или ремесла, и проводится в форме исследования, по результатам которого составляется заключение, являющееся одним из видов доказательств по уголовному делу согласно ч. 2 ст. 74 УПК России.

В каждом конкретном случае, по нашему мнению, необходимо проанализировать формулировку вывода и его обоснование. Здесь важно помнить, что заключение эксперта будь то в вероятной форме или категорической должно подлежать оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности в соответствии со ст. 88 УПК России.

О требованиях к заключению эксперта, чтобы оно стало одним из доказательств по уголовному делу, четко сформулировано Р. С. Белкиным, который утверждал, что «доказательственное значение экспертного заключения зависит от его истинности, внутренней непротиворечивости, точности и достоверности всех действий, оценок и выводов эксперта в ходе и по результатам процесса экспертного исследования»¹.

В теории судебной экспертизы экспертные выводы по степени определенности обычно делят на категорические и вероятные². И если в отношении категорических выводов у следователя и суда зачастую не возникает проблем, то вопрос о допустимости и доказательственном значении вероятных выводов в отечественном уголовном судопроизводстве до сих пор остается спорным. Принципиально важным, как

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3-х томах. Т. 1. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 470.

² Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2017. С. 253–256.

нам представляется, является вопрос о соотношении достоверных и вероятных выводов эксперта.

Так, еще А. И. Винберг говорил о том, что достоверность и вероятность в заключениях эксперта является одной из главных проблем криминалистической экспертизы¹. Интересные формулировки относительно рассматриваемых выводов выделялись В. Л. Поповым, который относил «недоказанную категоричность» и «необоснованную вероятность к частым и наиболее существенным недостаткам, имеющимся в выводах экспертов»².

Как верно заметил И. В. Овсянников, негативно относиться к заключениям эксперта в вероятной форме и смешивать их с предположениями стали еще во времена существования УПК РСФСР³. Так, в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 года «О судебной экспертизе по уголовным делам» было указано, что «вероятное заключение эксперта не может быть положено в основу приговора». При этом понятие «вероятное заключение» воспринималось синонимично наряду с понятием «предположительное заключение». Однако между данными понятиями все же имеются принципиальные различия.

Под «предположением» в толковом словаре С. И. Ожегова понимается догадка, предварительное соображение⁴. Для выдвижения предположения не нужно проводить каких-либо исследований в рамках производства судебной экспертизы, поскольку часто у следователя (суда) оно уже имеется. Следователь в постановлении о назначении экспертизы указывает обо всех предположениях, например: «... имеются сомнения о нанесении оттиска печати конкретной печатью, в связи с чем возникла необходимость в назначении технико-криминалистической экспертизы документов...».

Понятие «вероятный» означает «возможный, допустимый»⁵. В случае дачи экспертом вероятного вывода им допускается возможность установления какого-либо факта. Эксперт должен обосновать свой вывод и подтвердить результаты проведенного им исследования.

Соглашаясь с мнением И. В. Овсянникова, следует отметить, что сама по себе форма экспертного вывода не имеет решающего значения при оценке заключения эксперта с точки зрения достоверности, поскольку любое доказательство не имеет заранее установленного

¹ Винберг А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949. С. 57.

² Попов В. Л. Судебно-медицинская казуистика. Л.: Медицина, 1991. С. 20.

³ Овсянников И. В. К вопросу о вероятном заключении эксперта // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 56–59.

⁴ Толковый словарь С. И. Ожегова онлайн [Электронный ресурс]: URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 25.10.2017).

⁵ Там же.

приоритета и должно быть соответствующим образом оценено в соответствии со ст. 88 УПК России. Поэтому, если заключение эксперта содержит категорический вывод, но противоречит другим доказательствам, то следователь или суд может усомниться в достоверности такого заключения и назначить, например, повторную экспертизу. И наоборот, в случае дачи вероятного вывода, который будет согласовываться с другими доказательствами, такое экспертное заключение может быть признано достоверным¹.

В любом случае эксперт обязан провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам в соответствии со ст. 16, 25 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и п. 10 ч. 1 ст. 204 УПК России. В данном случае задача эксперта будет заключаться в оценке результатов проведенного исследования, обосновании причины и степени вероятности устанавливаемого факта.

Безусловно, в соответствии с ч. 4 ст. 14 УПК России обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет, что требование о недопустимости основывать обвинительный приговор на предположениях не тождественно запрету на использование в процессе доказывания отдельных доказательств, имеющих вероятностный характер². Так, в своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А. А. Дудченко, осужденный по приговору суда, просил признать не соответствующими определенным статьям Конституции Российской Федерации ст. 204 УПК России, которая, по его мнению, не позволяет использовать в качестве доказательства заключение эксперта, носящее предположительный характер. Конституционный Суд, изучив представленные материалы, не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению, поскольку в ст. 204 УПК России отсутствует регламентация использования вероятного заключения в качестве доказательства. Заключение эксперта, носящее вероятный характер, как и любое доказательство, подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности³.

¹ *Овсянников И. В.* Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России // Современное право. 2004. № 7. С. 35–41.

² *Овсянников И. В.* К вопросу о вероятном заключении эксперта. Указ. соч. С. 57.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 1682-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дудченко Александра Афанасьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 2 и 3 части первой статьи 81 и статьей 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]: URL: http://uristu.com/library/sud/konstitut_big_11415/ (дата обращения 26.10.2017).

При анализе постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» можно сделать вывод о том, что в нем отсутствует прямое указание на то, что вероятные заключения судебных экспертов не могут быть использованы в уголовном судопроизводстве для установления истины по делу, напротив, они даже могут быть положены в основу приговора. Так, в надзорной жалобе осужденный И. Н. Лимонтинов ставил вопрос об отмене приговора ввиду нарушения уголовно-процессуального закона и направлении дела на новое судебное рассмотрение, поскольку протокол обыска по месту его жительства является недопустимым доказательством, а заключение судебно-медицинской экспертизы трупа носит предположительный характер, которое не могло быть положено в основу приговора. Проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы надзорной жалобы, президиум областного суда сделал вывод о том, что заключение эксперта о причинах смерти потерпевшего обоснованно и оценено судом в совокупности с другими доказательствами. Совокупность этих и других доказательств, приведенных в приговоре, не смотря на доводы надзорной жалобы, позволили суду прийти к обоснованному выводу о доказанности вины Лимонтинова И. Н. в совершенном преступлении¹.

Выбор экспертом формы вывода при производстве судебной экспертизы зависит не только от степени обоснованности, но и от степени внутреннего убеждения эксперта в своем выводе, которое является сугубо индивидуальным и зачастую носит субъективный характер. Поэтому следователю и суду необходимо оценивать каждое заключение эксперта с учетом его содержания в целом.

Так, практика производства почерковедческих экспертиз подписей в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел свидетельствует о том, что причинами вероятных выводов являются следующие:

- простота строения сравниваемых подписей (например, средняя часть выполнена простыми дуговыми движениями) либо их краткость, ограничивающих объем содержащегося в них графического материала;
- высокая вариационность сравнительных образцов;
- недостаточное количество либо отсутствие свободных образцов (при формулировании отрицательного вывода);
- отсутствие некоторых сопоставимых букв в исследуемых подписях (когда подписи с буквенной или смешанной транскрипцией) и сравнительных образцах.

¹ Постановление суда надзорной инстанции г. Астрахани от 30.11.2010 [Электронный ресурс]: URL: <https://rospravosudie.com/court-astxanskij-oblastnoj-sud-astxanskaya-oblast-s/act-103759317/> (дата обращения 26.10.2017).

Вместе с тем экспертом может быть дан категорический вывод, когда следователь, например, предоставит дополнительные сравнительные образцы.

Таким образом, вероятный вывод, хотя и носит предположительный характер, пренебрегать им не следует, т. к. степень вероятности и причины, по которым такой вывод сделан, могут быть различными. Например, при производстве судебно-портретной экспертизы ввиду низкого качества видеogramмы были выявлены некоторые идентификационно-значимые признаки анатомических элементов внешности, а также некоторые групповые. Эксперт, уверенный в том, что на исследуемой видеозаписи и на сравнительном материале изображено одно и то же лицо, объясняет вероятную форму вывода именно влиянием технических характеристик видеокамеры на отображение выявленного количества признаков.

В этой связи все вероятные выводы предлагаем делить на две группы в зависимости от степени вероятности: с большой (высокой) и малой (низкой) степенью, которые, конечно, не могут быть непосредственно использованы при вынесении судом решений, однако в целом такие выводы способны помочь суду как в выявлении новых источников доказательств, так и в оценке полученных фактов.

Исаев А. В.

Особенности проведения судебных инженерно-технических экспертиз объектов железнодорожного транспорта

Судебные инженерно-технические экспертизы, связанные с событиями и происшествиями на железнодорожном транспорте, можно условно разделить на две группы:

- экспертизы, связанные с определением технической возможности остановки поезда для предотвращения наезда на человека;
- экспертизы, связанные с определением причины транспортного события или происшествия (как правило — схода подвижного состава).

Как в первом, так и во втором случаях у эксперта в процессе проведения экспертизы возникают сложности, связанные с тем, что:

исходные данные, содержащиеся в материалах дела, обычно не дают возможности проведения полноценного исследования;

современная нормативная база в области железнодорожного транспорта включает в себя множество действующих еще со времен СССР, но не отмененных инструкций и подзаконных актов, зачастую противоречащих нормативам, принятым в постсоветские годы.

Предоставление эксперту дополнительных материалов для производства экспертизы, как правило, также не увеличивает массив исходных

данных. Это происходит из-за того, что при проведении служебного расследования на объектах ж.д.транспорта многие обстоятельства, существенные для проведения экспертизы, не фиксируются или фиксируются неправильно.

Так, например, приказ Минтранса РФ № 344 от 18.12.2014 г. «Об утверждении положения о классификации, порядке расследования и учета транспортных происшествий и иных событий, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта» [1] содержит (гл. II, п. 9) перечень действий, которые должны происходить на месте транспортных происшествий и иных событий, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта. Одним из этих действий является изъятие скоростемерной ленты или накопителя информации систем регистрации параметров движения локомотива. Но если скоростемерная лента вполне доступна для расшифровки экспертом, имеющим специальные знания в этой области, то расшифровка накопителя информации невозможна без специального программного обеспечения, которое имеется лишь в эксплуатационных локомотивных депо ОАО «РЖД». По этой причине эксперту приходится довольствоваться выпиской из расшифровки данного устройства, которая заверяется, как правило, лишь техником-расшифровщиком депо и содержит лишь ту информацию, которую руководство предприятия считает возможным сообщить эксперту.

При определении тормозного пути поезда основным нормативами являются:

«Правила технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации — Утв. приказом Минтранса РФ № 286 от 21.12.2010 г. (в дальнейшем — «ПТЭ») [2];

Правила тяговых расчетов для поездной работы. — Утв. ЦЗ Ф. И. Шулешко 15.08.1980 г. (в дальнейшем — «ПТР-1980») [3];

Правила тяговых расчетов для поездной работы. — Утв. распоряжением ОАО «РЖД» № 867р от 12.05.2016 г. (в дальнейшем — «ПТР-2016») [4];

Правила технического обслуживания тормозного оборудования и управления тормозами железнодорожного подвижного состава. — Утв. приказом Минтранса РФ № 151 от 03.06.2014 г., согласованы комиссией Совета по ж.д. транспорту государств-участников Содружества (в дальнейшем — «Приказ 151») [5].

Интересно отметить, что в настоящее время действуют как *ПТР-1980*, так и *ПТР-2016*. Дело в том, что последний документ утвержден лишь распоряжением ОАО «РЖД» № 867р от 12.05.2016 г., но Минтрансом РФ не утвержден и комиссией Совета по ж.д. транспорту не согласован. Это обстоятельство позволяет считать *ПТР-2016* неким нормативным актом, действующим лишь в системе ОАО «РЖД».

В соответствии с ПТЭ тормозной путь определяется как расстояние, проходимое поездом за время от момента воздействия на приборы и устройства для управления тормозной системой, в т.ч. срабатывания крана экстренного торможения (стоп-крана), до полной остановки. В *Приказе 151* содержится схожее определение: «Путь тормозной: расстояние, проходимое поездом с момента перевода управляющего органа крана машиниста в тормозное положение...до полной остановки». Помимо этого, *Приказ 151* содержит определение экстренного торможения: «Торможение экстренное: торможение, применяемое в случаях, требующих немедленной остановки поезда, путем применения максимальной тормозной силы». Аналогичные определения содержат ПТР-1980 и ПТР-2016.

Определения «Остановочный путь» ни один из приведенных нормативов не содержит.

Вместе с тем, совершенно очевидно, что ручка крана машиниста оказывается в тормозном положении не сразу после обнаружения машинистом препятствия (или возникновения иной ситуации, при которой требуется немедленная остановка поезда), а спустя некоторое время. Это время можно назвать *временем восприятия*, а соответствующий этому времени путь, пройденный поездом — *путем восприятия*.

К сожалению, действующие в настоящее время на ж.д. транспорте нормативы не предусматривают расчет пути восприятия. Однако на необходимость его учета неоднократно обращали внимание такие уважаемые специалисты по безопасности движения, как Г. С. Афонин [6] и В. Г. Козубенко [7].

На наш взгляд, при расчете пути восприятия необходимо учитывать следующие факторы:

в течение восприятия машинистом опасной ситуации поезд следует в режиме тяги или выбега (в зависимости от конкретных условий ведения поезда);

время восприятия вполне может быть определено по нормативам, содержащимся в [7] и в [8].

Так, например, деятельность пилота по управлению воздушным судном [8] определяется как

$$T_{\text{общ}} = T_{\text{вос}} + T_{\text{обобщ}} + T_{\text{оцен}} + T_{\text{в. пр. реш.}} + T_{\text{действ}}$$

то есть перед собственно *действием* предусматривается время на восприятие, обобщение, оценку ситуации и принятие решений. К сожалению, ничего подобного железнодорожные нормативы не содержат.

Время восприятия показаний приборов [8] колеблется от 0,2 до 0,56 с., время обобщения — от 0,3 до 1,5 с. Значения времени оценки и принятия решения колеблются в пределах от одной до нескольких секунд, а ответная реакция — не более нескольких десятых долей се-

кунды. То есть общее время с момента обнаружения некой ситуации до собственно действия (в нашем случае — перемещения главной рукоятки контроллера в нулевое положение, а ручек тормозных кранов — в положение экстренного торможения) лежит в пределах от 2,5 до 3...5 с.

Эти данные хорошо согласуются с выводами В. Г. Козубенко: в сложной ситуации время реакции (под этим термином мы понимаем параметр, аналогичный $T_{\text{общ}}$) может достигать до 5 с. [7]. Причем в данной книге неоднократно подчеркивается, что на деятельность машиниста влияют многие факторы, в т.ч. семейные отношения и отношения с коллегами.

Анализ судебных материалов за последние годы подтверждает выводы В. Г. Козубенко и Г. С. Афонина и дает основания полагать, что в настоящее время, по-видимому, необходим пересмотр нормативов в области безопасности движения на ж.д. транспорте с целью введения терминов «Остановочный путь» и определения методики расчета времени восприятия машинистом опасной ситуации.

Исютин-Федотков Д. В.

Экспертное заключение как способ предотвращения хищений в государственных закупках

В настоящее время проведение экспертизы в государственных (муниципальных) закупках регламентируется Федеральным законом от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон №44-ФЗ). В соответствии с указанным законом для проверки предоставленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов, предусмотренных контрактом, в части их соответствия условиям контракта заказчик обязан провести экспертизу. Экспертиза результатов, предусмотренных контрактом, может проводиться заказчиком своими силами или к ее проведению могут привлекаться эксперты, экспертные организации на основании контрактов, заключенных в соответствии с Законом №44-ФЗ.

В октябре 2017 года Министерство юстиции Российской Федерации на своем официальном сайте объявило, что ведомством разрабатывается законопроект, в соответствии с которым предполагается в сфере государственных (муниципальных) закупок установить:

- единые требования к оформлению результатов экспертизы проводимой экспертом, экспертной организацией;
- требование о том, что экспертиза результатов, предусмотренных контрактом, проводимая заказчиком своими силами, подписывается уполномоченным лицом заказчика;

- правило о том, что экспертиза должна быть объективной, обоснованной и соответствовать законодательству Российской Федерации;
- введение уголовной и административной ответственности за заведомо ложное заключение экспертизы в сфере государственных (муниципальных) закупок.

По мнению Минюста, законопроект направлен на предотвращение хищений в сфере государственных (муниципальных) закупок¹. Действительно, в настоящее время в сфере публичных закупок совершается большое количество правонарушений², в том числе связанных с хищениями денежных средств.

Кроме того, что Минюст пытается предотвратить хищения в сфере государственных (муниципальных) закупок, правоприменительная практика нуждается в решении такой проблемы как одностороннее расторжение контрактов по инициативе заказчика, в том числе на основании экспертного заключения. На эту проблему указывает, например, Федеральная антимонопольная служба России³ (далее — ФАС России). Дело в том, что Закон № 44-ФЗ устанавливает право заказчика принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации для одностороннего отказа от исполнения отдельных видов обязательств, при условии, если это было предусмотрено контрактом (ч. 9 ст. 95 Закона № 44-ФЗ). При этом каждый заказчик вправе самостоятельно определить основания для одностороннего расторжения контракта, а также расторгнуть контракт на основании результатов проведенной экспертизы поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги. В случае одностороннего расторжения контракта, сведения о поставщике (подрядчике, исполнителе) подлежат включению в реестр недобросовестных поставщиков (далее — РНП).

В указанной проблеме заложен риск увеличения коррупции на стадии исполнения контракта. Это связано с тем, что у заказчика появля-

¹ Разрабатывается законопроект, направленный на предотвращение хищений при закупке товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд // Режим доступа: [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/ru/novosti/razrabatyvaetsya-zakonoproekt-napravlennyu-na-predotvrashchenie-hishcheniy-pri-zakupke> (дата обращения 04.10.2017).

² См., напр.: *Тухватуллин Т. А.* Нарушения Закона № 223-ФЗ. Что выявляют прокуратуры // Госзакупки.ру. 2016. № 4. С. 1; *Исютин-Федотков Д. В.* Об устранении причин и условий правонарушений в корпоративных закупках // Юрист. 2017. № 7. С. 34–37; и др.

³ Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016 год. Федеральная антимонопольная служба России // Режим доступа: [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/about/list-of-reports/report.html?id=1720> (дата обращения 04.10.2017). С. 26.

ется возможность оказывать давление на исполнителя по контракту посредством угрозы одностороннего расторжения контракта и включения сведений о нем в РНП. По мнению ФАС России, проблемная ситуация детерминирована тем, что Закон №44-ФЗ не содержит требований к лицам, отбираемым в качестве экспертов, экспертной организации. Кроме того, отбор экспертной организации осуществляется заказчиком по результатам конкурса с возможностью применения субъективных критериев оценки со значимостью до 70%. Прием и оплата услуг эксперта осуществляются заказчиком по общим правилам приема результатов исполненного контракта, а значит, принимается только «нужный» заказчику результат¹.

В этой связи, кроме проблем, обозначенных Минюстом, экспертная деятельность в сфере государственных (муниципальных) закупок, нуждается в совершенствовании также по другим направлениям. Очевидно, что такое совершенствование будет способствовать предотвращению хищений в рассматриваемой сфере. Для этого необходимо установить:

- требования к лицам, отбираемым в качестве экспертов (экспертной организации);
- прозрачный порядок отбора экспертных организаций заказчиками.

С нашей точки зрения, некоторые обозначенные проблемы экспертной деятельности в государственных (корпоративных) закупках решаются путем заимствования норм из сферы государственной судебно-экспертной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон № 73-ФЗ), например, в ст. 4–8 устанавливает принципы объективности, обоснованности и законности судебно-экспертной деятельности. Требования к оформлению результатов экспертизы проводимой экспертом, экспертной организацией установлены в ст. 25 Закона № 73-ФЗ. Законодательством установлены также требования к экспертам и экспертным учреждениям (ст. 11–13 Закона № 73-ФЗ).

Введение уголовной и административной ответственности за заведомо ложное заключение экспертизы в сфере государственных (муниципальных) закупок связано с тем, что в ч. 7 ст. 41 Закона № 44-ФЗ установлена ответственность эксперта, экспертной организации, должностных лиц экспертной организации за предоставление недостоверных результатов экспертизы, экспертного заключения или заведомо ложного экспертного заключения, а также за невыполнение экспертом, экспертной организацией требования о направлении уведомления о до-

¹ Там же. С. 26.

пустимости своего участия в проведении экспертизы. Но ст. 17.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают ответственность экспертов только при производстве по делу об административном правонарушении или в исполнительном производстве, а также при производстве предварительного расследования. То есть норма об ответственности эксперта в Законе № 44-ФЗ не получила дальнейшего развития в кодексах, предусматривающих санкции за определенные правонарушения.

В заключении необходимо отметить, что совершенствование норм законодательства о государственных (муниципальных) закупках в части экспертной деятельности должно способствовать предотвращению хищений. Нет сомнений, что экспертиза результатов, предусмотренных государственным (муниципальным) контрактом, при правильном законодательном оформлении этого института, будет эффективным механизмом формирования поведения должностных лиц, задействованных в публичных закупках. Можно говорить о том, что институт экспертизы результатов, предусмотренных государственным (муниципальным) контрактом, является одной из мер, проводимой в рамках общей и специальной превенции, называемой сейчас модным термином «комплаенс».

Ишигеев В. С.

Некоторые аспекты повышения эффективности методик расследования отдельных видов преступлений

Одной из главных задач правоохранительных органов является охрана прав и свобод граждан, их собственности, обеспечение безопасности и государства. Для выполнения поставленных задач необходима эффективная деятельность, в том числе и органов, осуществляющих предварительное расследование.

Немаловажная роль при этом принадлежит криминалистике, которая включает раздел методика расследования отдельных видов преступлений, призванная содействовать повышению эффективности процесса раскрытия и расследования отдельных видов преступлений.

В основе криминалистических методик по мнению Р. С. Белкина должна лежать уголовно-правовая квалификация преступлений¹, а также он считает, что в настоящее время необходимо создание комплексов частнометодических криминалистических рекомендаций большей степени общности, охватывающих несколько видов и даже родов пре-

¹ См.: *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. М.: Издательство Академии МВД СССР, 1973. Т. III. С. 197.

ступных посягательств, но совершаемых не вообще, а в специальных условиях места, времени либо лицами, характеризующимся тем или иным общим для них отличительным признаком¹

Методики расследования отдельных видов преступления должны удовлетворить потребностям современной следственной практики, но в настоящее время наблюдается разрыв между теорией и практикой. Так, профессор В. Я. Колдин отмечал, что большинство диссертационных работ по криминалистике не связаны с решением конкретных практических задач² и он не одинок в своих суждениях. С. Б. Россинский пишет, что «в реальности существующие методики сводятся к набору голословных тезисов самого общего содержания...»³.

Есть ли выход из создавшегося положения? Думается, что в настоящее время следует коренным образом пересмотреть существующие методики расследования отдельных видов преступлений с учетом изменений и дополнений в УК РФ, а также с учетом изменений в преступности (организованной, транснациональной, коррупционной и т. д.). совершенно справедливо Н. П. Яблоков указывает, что «общие методы расследования коррупционных преступлений строятся в основном на базе методов расследования взяточничества, то методы современных видов коррупции требует изучения и совершенства с учетом современных реалий...»⁴. При разработке современных методик расследования следует учесть все современные достижения науки и техники и в качестве рекомендаций указать особенности производства новых экспертиз, которых не было в 60–70 годы 20 века при создании существовавших методик расследования. Это такие виды, как судебно-психофизиологическая с использованием полиграфа, экспертиза ДНК (положительный опыт имеется, так в результате генетической экспертизы был задержан «ангарский маньяк» Попков Михаил).

При обновлении и разработке методик расследования отдельных видов преступления следует учесть такой структурный элемент любой частной методики расследования как криминалистическая характеристика преступлений, которое прочно заняло свою нишу в методиках расследования, в том числе и очевидных преступлений, типа методики расследования истязания или заражения ВИЧ инфекцией, хотя основатели данной категории отмечали ее необходимость в неочевидных преступлениях.

Никто из современных диссертантов и не пытался установить взаимозависимости между отдельными структурными элементами,

¹ Там же. С. 212.

² См.: Колдин В. Я. Служебная роль криминалистики // Криминалистика XXI века: материалы научно-практической конференции 25–29 сентября 2001 г. М., 2001. С. 20–23.

³ См.: Россинский С. Б. Следственные действия. М.: Норма, 2018. С. 81.

⁴ См.: Яблоков Н. П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы. М.: Норма, 2016. С. 176.

аналогично работе Л. Т. Видонова¹, который, не имея компьютерной техники попытался обобщить дела по убийствам.

В связи с тем, что в настоящее время данная категория стала объективной реальностью, несмотря на то что Р. С. Белкин в своей последней книге назвал ее «фантомом криминалистики»², необходимо проработать корреляционные связи между отдельными структурными элементами криминалистической характеристики в том числе с учетом компьютерных технологий.

Важным моментом в совершенствовании методик расследования отдельных видов преступлений, является разработка структурны частных методик расследования преступлений, так как во многих диссертационных исследованиях по проблемам методики, начинается с изложения криминалистической характеристики преступлений, а также с особенностей проведения следственных действий, и ни строчки о том, что есть такой раздел и структура, которая может быть различной.

Важным фактом в деле совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений является учет следственных ситуаций, так как они могут влиять как на общий ход расследования, так и выработать тактику отдельных видов следственных действий с учетом действия УПК РФ так как большая часть следственных ситуаций учитывалась в период действия УПК РСФСР, фактически другой страны.

В настоящее время необходимо вспомнить, что криминалистика является прикладной наукой в связи с чем все исследования должны быть посвящены вопросам раскрытия и расследования преступлений.

Кабирзода Г.К.

Методика расследования насилия в отношении женщин

В настоящее время, решающее значение приобретает повышение эффективности деятельности органов государства, широкое внедрение достижений научно-технического прогресса в различные сферы практической деятельности.

При этом наиболее типичным при совершении данных преступлений является применение подручные средства хозяйственно-бытового назначения.

Так, по полученным данным физического домашнего насилия совершается с помощью предметов случайно попавших под руку, в число которых входят: ножи, ножницы, бытовые предметы или без применения орудий.

¹ См.: Видонов Л. Т. Система типовых версий о лицах, совершивших убийство, Горький, 1977. С. 6.

² См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 218.

Больше преступлений совершались без применения орудий путем избивания руками и ногами.

Побои, рукоприкладство с нанесением телесных повреждений нередко являются средством разрешения бытовых конфликтов, своеобразным ответом на словесные обиды и оскорбления на «повышенный тон», «высокомерный взгляд», неправомерные действия потерпевшего и т. д.

Возможны и иные способы насильственных действий без применения орудий. Иные насильственные действия, причиняющие физическую боль, состоят в шипании, сечении, выкручивании рук, защемлении той или иной части тела потерпевшего при помощи каких-либо приспособлений.

Без применения орудий совершаются также угрозы и психическое насилие. Обязательным признаком угрозы является способ ее совершения, а именно угроза применения физического насилия по отношению к потерпевшей или к другим лицам (детям). При этом последними угроза потерпевшими должна восприниматься как реальность. Угроза может быть словесной, символической или обусловленной обстановкой совершения преступления¹.

Поскольку домашнее насилие является скрываемым от посторонних глаз фактом, то правоохрнительным органам чаще приходится сталкиваться с единовременным актом применения насилия в семье. Как правило, это случаи, когда применения насилия нельзя было скрыть от посторонних — наступление смерти как жертвы насилия, так и насильника в результате защиты жертвы, а также случаи, когда необходимо вмешательство врача при получении телесных повреждений различной степени тяжести.

При этом в непосредственной борьбе с преступными проявлениями немалое внимание уделяется совершенствованию деятельности милиции, прокуратуры, судов, которые стоят на страже законности, интересов общества и прав граждан.

Благодаря мероприятиям, проведенным за последние годы, деятельность этих органов улучшилась, однако ее эффективность должна быть значительно повышена.

На встрече с представителями правоохрнительных органов и военных структур Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон отметил, что серьезная задача по-прежнему остается борьба с преступностью, в связи с чем, необходимо и дальше укреплять законность, улучшать деятельность органов внутренних дел, прокуратуры и судов.²

¹ Януценкова И. В. Уголовно-правовая характеристика насильственных действий сексуального характера // Общество и право в новом тысячелетии: в 2 т. М., Тула, 2001. Т. 2. С. 283.

² См.: Эмомали Рахмон. Послание Президента Республики Таджикистан в Маджлиси Оли Республики Таджикистан 22.12.2016. № 51 (1083) // Народная газета.

В общем, комплексе мероприятий по борьбе с преступностью, осуществляемых правоохранительными органами, видное место занимает деятельность следователей. Именно следователи совместно с оперативно-розыскными органами первыми включаются в работу по раскрытию преступлений и затем осуществляют предварительное следствие по уголовным делам.

Предварительное расследование уголовных дел призвано обеспечить быстрое и полное раскрытие преступлений, привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших и создание необходимых условий для правильного и всестороннего рассмотрения и разрешения уголовного дела в суде. Помимо всей своей деятельности, следователи могут применять научно-технические средства в ходе расследования, что способствует повышению правосудия по уголовным делам.

Основным направлением выполнения этих задач является повышение эффективности деятельности следователей органов внутренних дел и прокуратуры. Современные научно-технические достижения находят все более широкое применение и в такой сфере государственной деятельности, как борьба с преступностью. В настоящее время без улучшения технической оснащенности, максимального и умелого использования научных методов и технических средств в повседневной работе органов, ведущих борьбу с преступностью, нельзя рассчитывать на успешное предупреждение, быстрое и полное раскрытие и расследование всех преступлений. Задачи дальнейшего улучшения качества предварительного следствия требуют все большего применения криминалистической техники, ее совершенствования и пополнения новыми техническими средствами.

Наступательный характер борьбы с преступностью может быть обеспечен только при широком использовании современных достижений науки и техники. Это объясняется тем, что укрепление правопорядка, совершенствование деятельности органов борьбы с преступностью, являясь важнейшими задачами, имеют и свою «технологию», свои технические средства и методы, обеспечивающие более широкие возможности соблюдения законности.

Применение научно-технических средств и методов активизируют работу по предупреждению и пресечению преступных проявлений, способствует собиранию и исследованию доказательств, установлению их достоверности, влечет за собой повышение культуры судебной деятельности.

Необходимость использования современных достижений науки и техники в практике борьбы с преступностью объясняется еще и тем, что достижения положительно влияя на развитие общества, вызывают и отдельные отрицательные явления. Так, при значительном расширении использования в промышленности, науке, административно-

управленческой деятельности, в повседневном обиходе людей самой разнообразной техники некоторые результаты ее применения иногда оказываются связанными с противоправными деяниями, расследование и судебное разбирательство которых в свою очередь требует применения различных технических средств.

В современной криминалистической технике появились методы исследования, значительно расширившие познавательные возможности человека.

Совершенствование уголовного судопроизводства на основе современных достижений науки и техники является задачей науки уголовного процесса и науки криминалистики, в первую очередь одной из ее составных частей — криминалистикой техники, создающей высокоэффективные научно-технические средства и методы расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, разрабатывающей меры предупреждения преступлений.¹

В современной криминалистической технике появились методы исследования, значительно расширившие познавательные возможности человека, В настоящей дипломной работе показано, что научно — технические средства и методы стали применяться не только для обнаружения, изъятия и исследования вещественных доказательств, но и для материально-фиксированного отображения хода и результатов проведения, следственных и судебных действий, усиления наглядности результатов фиксации, что способствует осуществлению принципа непосредственности в уголовном процессе.

Использование новых технических средств вызвало и некоторые новые тактические приемы, позволило улучшить методику расследования конкретных видов преступления.

Резкое увеличение роли криминалистической техники в собирании и обеспечении достоверности доказательств, в том числе прямое использование научно-технических средств, в ходе предварительного следствия, вызвало появление многих процессуальных, тактических и технических проблем, требующих детального изучения, разъяснения и ряде случаев разрешения.

Успешное решение задач, стоящих перед правоохранительных органами, требуют разработки научно-обоснованных предложений по дальнейшему совершенствованию законодательства и практики его применения.

Что же следует считать правовым основаниями использования научно-технических средств и методов?

¹ Приказ Генерального Прокурора Республики Таджикистан № 40 от 18.09.2004 «Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием» / В сб. приказы и указания Генерального Прокурора Республики Таджикистан. Душанбе, 2001. С. 379.

Р. С. Белкин отмечает, что «под правовыми основаниями технических средств и тактических приемов в уголовном судопроизводстве следует понимать систему установленных законом и подзаконными актами принципов и правил, определяющих условия допустимости, содержания, цели и порядок применения этих средств и приемов следователем, оперативными работниками и судом».¹

Уголовно-процессуальный закон (ч. 3 ст. 171, ч. 4 ст. 172 УПК РФ) перечисляет некоторые из допустимых при расследовании технических средств (фотографирование, киносъемка, звукозапись, изготовление слепков и оттисков следов).

Наличие определенного разрыва между возможностью установления для дела доказательств и обстоятельств, возникающих благодаря использованию новых видов научно-технических средств, и регламентацией правовых оснований их применения будут постоянно ощущаться в дальнейшем, так как законодательное закрепление, использование неизвестных средств может быть осуществлено только после того, как их значительная практическая ценность станет очевидной. Р. С. Белкин возведение криминалистического приема в правовое требование выражает отношение законодателя к такому приему, как наиболее эффективному средству достижения соответствующих целей.² В то же время он справедливо пишет, что «любая попытка привести в любой правовой форме или даже системе правовых норм исчерпывающий перечень технических средств и тактических приемов является попыткой обновить процесс развития, совершенствования и расширения научных основ раскрытия и расследования преступлений, повышения эффективности борьбы с преступностью».³

Поэтому вполне естественно, что при любом расширении сферы правового закрепления уголовно-процессуальными нормами использования научно-технических средств будут сохраняться и многочисленные случаи применения таких средств на основе положений научно-рекомендательного характера, вырабатываемых наукой криминалистикой с соблюдением общих принципов уголовно-процессуального законодательства и требование этичности применения научно-технических средств.

Деятельность органов, ведущих борьбу с преступностью, регламентируется нормами права, поэтому применение средств, криминалистической техники в области предотвращения, раскрытия и расследования преступлений, а также при судебном разбирательстве уголовных дел связано с практической реализацией правовых предписаний.

¹ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М., 1987. С. 218.

² См.: там же. С. 222.

³ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М., 1937. С. 235.

Использование новых технических средств значительно расширяет познавательные возможности органов, ведущих расследование преступлений. Это вызывает применение некоторых новых тактических приемов, позволяющие улучшить методику расследования отдельных видов преступления.

Обнаруженные следы на месте происшествия при умелом использовании их следователем могут сыграть важную роль в деле раскрытия преступления, розыска и изобличения преступника.

На месте происшествия необходимо правильно анализировать обнаруживаемые следы, вещественную обстановку преступления, владеть научно-техническими средствами обнаружения, фиксации и исследования следов и предметов, правильно строить свои отношения с другими участниками осмотра. Все, это, конечно, не приходит к следователю само собой, а является результатом систематической учебы, повышения профессионального мастерства.

Каминский М. К., Каминский А. М.

О синтетической природе криминалистики в свете идей профессора Р. С. Белкина

На протяжении нескольких последних лет жизни, ведя не прекращающиеся научные исследования, Р. С. Белкин все более убеждался, вернее, приходил к мысли о том, что криминалистика не вписывается в классический строй юридических наук, что главным отличием ее «природы» является ее синтетичность.

К сожалению, Рафаил Самуилович не оставил работы, в которой бы это утверждение не только постулировалось, но и раскрывались его содержание и сущность.

Эта недосказанность продолжает поддерживать противоречия в среде ученых — криминалистов в толковании и понимании термина «синтетичность», что, конечно же, не способствует развитию криминалистики, напротив — тормозит ее развитие. Представляется, что если вести дискуссию только вокруг термина, то она окажется бесконечной и, главное, бесплодной.

Сложившаяся ситуация настоятельно требует выйти из плоскости подобных обсуждений и провести анализ тех предпосылок, на базе которых Р. С. Белкин пришел к мысли о синтетической природе криминалистики.

Как известно, в своей работе «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня» Р. С. Белкин обосновывал наличие трех «китов», на которых стоит криминалистика: отражение, след, образ.

Составляющие этот ряд компоненты разделяются на две группы, каждая из которых несет свое содержание и сущность. Отражение

(в точном ленинском определении) выступает в качестве свойства всей материи. Именно благодаря ему, по Р. С. Белкину, приобретают смысл категории след и образ.

При этом Р. С. Белкин особо подчеркивает тот существенный, с его точки зрения факт, что образ по сути тот же след, но не материальный, а идеальный. «Образ — это тоже след, но след в сознании человека, мысленный «отпечаток» события в памяти людей. Как и материальный след, образ — результат взаимодействия, отражаемого и отражающего, первое — это событие преступления, действие и поведение связанных с ним людей, его обстановка и обстоятельства. Второе — сознание человека, его память, эмоции, органы чувств»¹.

При этом следует иметь в виду, что «преступление привлекает внимание криминалистов именно как противоправное деяние, как акт человеческого поведения в условиях определенного места, времени и материальной среды»².

Таким образом, по сути, вышеназванный ряд — это связка компонентов: «отражение-след». Представляется крайне важным еще раз подчеркнуть, что понятие «след преступления» и есть та криминалистическая «молекула», которая задает вектор любого криминалистического исследования, ориентируя мышление субъекта, выступая, по меткому выражению В. Г. Коломацкого в качестве «модуля» исследования³. «При этом след должен браться не в спекулятивно-эмпирическом содержании как оттиск, царапина, деформация и т. д. и т. п., а как единство двух противоречий: кодового преобразования информации, отражающей определенную сторону преступной деятельности (информации, существующей объективно, но в потенциальной форме), и обратного кодового преобразования, в результате которого возникает понимание механизма тех преобразований в преступной деятельности, которые и отразили первичную информацию»⁴.

Констатация этого факта порождает вопрос о природе связи ряда «отражение-след» и понятия синтетичности.

Необходимость решения данного вопроса Р. С. Белкин отчетливо видел. «Вообще следует заметить, что термин «наука двойственной (или множественной) природы» не выражает современной сути криминалистики. Ее природа — не комплекс каких-то составляющих частей, не механическое объединение данных различных наук, а глубокий синтез, сплав знаний в рамках предмета и содержания криминалистики,

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Норма, 2001. С. 64.

² Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. М., 1995. Т. 1. С. 81.

³ Криминалистика. С. 50.

⁴ Каминский М. К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Ижевск, 2001. Вып. 3. С. 11.

и в этом суть ответа на вопрос о природе криминалистики: криминалистика — наука синтетическая¹.

Таким образом, синтетичность — это сплав знаний. При таком подходе, естественно, возникает продолжение вопроса: «знаний о чем?». Более того «как возникают сплавленные знания?».

Такая полигамность вопросов заставляет думать, что термин «синтетичность» носит особую нагрузку, имеет особое содержание.

Этот смысл и его содержание проистекают из сути диалектико-материалистического взгляда на бытие, на утверждениях связи между действительностью, т. е. миром, созданным деятельностью и мышлением людей, и реальностью, т. е. материи, на которой действительность паразитирует.

Именно поэтому криминалистика «обречена» на синтетичность, т. к. в ходе взаимодействия преступной деятельности и деятельности по выявлению и раскрытию преступлений возникают как естественные объекты, так и объекты искусственные. Так при выстреле, например, воспламенение пороха, давление газов, деформация материала капсуля — естественный процесс, удержание пружины, его изготовление, приведение в действие стреляющего механизма — процесс искусственный.

Если при этом принять во внимание, что в поле изучения криминалистики возникают естественно-искусственные, искусственно-естественные и т. д. объекты, то станет совершенно ясным содержание и сущность ее синтетичности.

Таким образом, криминалистика, как наука, а поэтому и разрабатываемые ею практические методы раскрытия преступлений, ставят субъекта лицом к лицу с синтетическими объектами, с объектами, которые и представляют собою так называемые «кентавр-системы». Этот термин введен в научный лексикон Г. П. Щедровицким и, на наш взгляд, очень точно и емко характеризует эти объекты.

Иными словами, синтетическая природа криминалистики проистекает из необходимости и потребности объединения материального и идеального с деятельностью и мышлением человека и материальными процессами, на которых эта деятельность и мышление «паразитируют» (в терминологии Г. П. Щедровицкого).

Представим себе такую фабулу. На крыше дома специалист устанавливает антенну. Была гроза, разряд электричества (молния) поразил человека. Судебно-медицинская экспертиза установила причину смерти. Несчастный случай?

А вот с криминалистической точки зрения все не так очевидно. Дело в том, что электрический разряд, поразивший человека, при соблюдении техники безопасности, не должен был явиться причиной его смерти, если бы антенна была заземлена.

¹ Там же. С. 43.

Отсутствие заземления как раз и явилось причиной разряда на теле человека, вместо того, чтобы заряд ушел в землю.

Подобного рода примеров можно привести множество, но и этого достаточно для демонстрации синтетического подхода, а отсюда и синтетических знаний, на базе которых строится как криминалистическое научное исследование, так и методы, и средства решения задач практики по раскрытию преступлений.

Карепанов Н. В.

Философские категории в обозначении понятия следов как достойное наследие Р. С. Белкина

Представляется абсолютно верным, что следы любых проявлений действительности — это, прежде всего, результат отражения какого-либо явления или события (первый этап механизма следообразования): 1) отражение явления или события; 2) возникновение информации о явлении или событии; 3) обнаружение (выделение) значимых сведений в следах явлений или событий.

Как известно, под отражением понимается процесс и результат воздействия одной материальной системы на другую, который представляет собой воспроизведение в иной форме особенностей (черт, сторон, структуры) одной системы в особенностях (чертах, структуре) другой системы.¹

Отражение — это сложная категория, изучаемая различными науками, главным образом философией, психологией и психофизикой. Большинство ученых, исследуя сущность и природу информации, исходят из философской теории отражения.²

Р. С. Белкин отмечал, что процессы сближения философского и нефилософского знания как следствия влияния научно-технического прогресса проявились в конце 1960-х и 70-е годы. В самых разных сочетаниях, в самых разных аспектах криминалисты стали широко использовать термин «отражение». Сам Р. М. Белкин глубоко убежден, что концептуальная философская категория отражения составляет философский, теоретический и практический фундамент криминалистики, что эта категория охватывает фактически все направления криминалистической науки и многие другие философские категории, используемые в ней.

¹ Диалектический и исторический материализм / под общ. ред. А. П. Шептулина. М., 1985. С. 79.

² Урсул А. Д. Отражение и информация. М., 1973. С. 114; Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Изд-во Норма-ИНФА-М, 2001. С. 48–67.

В самом фундаменте материи лежит свойство, родственное ощущению — свойство отражения; отражение не существует без отражаемого; отражаемое богаче отражения.¹

В указанных работах очень хорошо показан естественный характер неразрывного взаимопроникновения понятия отражения в философском и криминалистическом смысле. В подтверждении этого тезиса приведем еще две цитаты.

«С позиции современной научной мысли философская категория отражения может трактоваться по-разному. Онтологически отражение представляет процесс взаимодействия объектов действительности. Гносеологически отражение — и начальный этап процесса познания, и его результат. Выступая как фундаментальное свойство материи, отражение носит всеобщий и закономерный характер: в мире не существует принципиально не отражаемых объектов, явлений, процессов».²

«Событие преступления есть один из материальных процессов действительности. Как таковой он находится в закономерной связи и взаимообусловленности с другими процессами, событиями и явлениями. Эти процессы и события составляют ту среду, в которой совершается преступление. Как всякий материальный процесс, преступление взаимодействует со средой, и одной из сторон такого взаимодействия служит отражение преступлений в окружающей среде, выражающееся в ее изменениях, адекватно отражающих процесс преступной деятельности. Способом переноса отображения в отображающее служат различные формы движения: физическая, химическая, биологическая, социальная (психическая) — в зависимости от особенностей оригинала и отображающего объекта».³

Механизм любого поведения человека представляет организационно сложную систему взаимодействия объектов, которые отражают на себе многочисленные следы. Объекты, задействованные в любом событии, имеют различное происхождение и структуру, и отражаются они по-разному (на материальных предметах и в сознании человека). Другими словами, механизм события является материальным процессом действительности, взаимосвязанным с другими процессами, событиями и явлениями, отражается в них и сам выступает отражением соответствующих процессов. Взаимодействуя с окружающей обстановкой, событие порождает как многообразные изменения материальных

¹ Белкин Р. С. Там же. С. 48–49; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистическое доказывание. М., 1969; Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Изд-во Норма-ИНФА-М, 2001. С. 50.

³ Там же. С. 52–53.

объектов и связей между ними, так и изменения в психике людей, воспринимавших это событие.

Кроме того, если выделить отдельно, как особые, идеальные изменения, то не следует их ограничивать сознанием и психикой только людей. Поведение других живых существ также основано на сознании и психике, хотя и иной, может быть более простой, системе. Тем не менее, живые существа способны по-своему воспринимать события, запоминать их, и воспроизводить. Их реакции поддаются дешифровке, следовательно, возможно получение информации о прошедшем событии и на этом уровне. Исходя из этих позиций, мы будем понимать под идеальными следами отражение событий в сознании живых существ.

В любом отражении главными элементами являются *отражаемые* и *отражающие объекты*. Отражаемые объекты — это источники информации. Отражающие объекты — это потребители информации. Поскольку отражение — это результат процесса взаимодействия нескольких объектов, все они одновременно являются и отражаемыми и отражающими.

Субъект (любое живое существо, обладающее сознанием) считающийся и использующий отраженную информацию является ее пользователем.

Так как, результатом отражения являются изменения в объектах, эти изменения и следует связывать со следами какого-либо события. Их и следует выявлять и выделять для того, чтобы узнать о прошедшем событии, для реконструкции его в существеннейших и необходимых чертах.

Вместе с тем, изменение как термин обозначает не материальный объект, а только процесс, в результате которого этот объект образовался. То есть не является неким конечным результатом преобразования. Поэтому, не верно, на наш взгляд определять понятие следов посредством термина — изменения, как иногда можно встретить в некоторых работах криминалистов.

В содержание следов, на наш взгляд, входят объекты существующей действительности (материальные тела и физические поля), измененные явлениями или событиями, происшедшими в результате движения, процессов и действий.

Обозначение понятие следов невозможно без использования философских теорий и категорий, не только отражения, но и бытия, существующей действительности, движения и многих других.

Философские и некоторые иные термины, как некое множество, составляющие основу исследуемого понятия можно сгруппировать определенным образом как обобщенные части целого.

Первая часть — это определение *действительности*, которую можно обозначить как условное начало любого движения, как некое чисто теоретическое абстрактное *состояние* покоя реальности на какой-то

миг времени. Хотя нужно понимать, что движение непрерывно и бесконечно. Практически круговорот. К этой части мы относим термины составляющие сущность объективной реальности, бытия, а именно, то из чего собственно наша действительность состоит, как совокупность природных и общественно — исторических явлений: *материя в виде тел и полей*. По существу это проявление действительности, поскольку реальность выражается собственно в изменении *материи*, которая нигде не исчезает. Считаем, что эти термины составляют основу исследуемого понятия.

Вторая часть представляет собой *средства проявления действительности*. Благодаря сущности этих терминов собственно и происходит *изменение состояния действительности*, образуется некий результат. Первичным термином, возможно, выступает здесь констатация *состояния* какого-то бытия на конкретный миг времени. Затем, в результате каких-то сил (внутренних или внешних), происходит *движение, развитие*, благодаря некому *процессу* или *действию*, при неких *обстоятельствах, условиях и ситуациях*, рождая *изменения* действительности, приводя бытие к новому *состоянию*.

Третья часть терминов в нашей классификации относится к форме самого *проявления действительности*, которая выступает как некое *явление* или *событие*.

Четвертая часть выделена нами как основная. Поскольку время скоротечно настолько, что настоящее в любой форме существует всего миг, а любое проявление действительности существует уже в виде каких-то последствий, то этот раздел определен нами и назван *остатком проявления действительности*. Главным термином этой части и являются собственно *следы*. Как производное от него видится понятие *доказательство* с его разновидностями: *уликами и алиби*.

Пятый раздел представляет собой собственно *содержанием этого остатка*. Так он и назван. В эту часть мы включили термины, посредством которых осуществляется восприятие и обработка сущности и содержания *следов*. Первичными понятиями, тут мы определяем термины, которые неотделимы от *следов*, составляют существо объекта: *информация, признаки*. Для получения, восприятия сущности *любого следа* необходимы способы получения *информации*, превращение их в *сведения, данные, знания, факты*.

Шестой раздел или часть составляют два термина, которые одновременно относятся непосредственно ко всем предыдущим. Они присущи для каждого из представленных разделов и ко всем вместе. Это термины: *источники и носители*. Раздел этот так и называется. Отличительная особенность этих терминов заключается в том, что как *источников*, так и *носителей* может для конкретных *материальных тел и полей* быть множество. И наоборот, один *источник*, а также, *носитель* может быть у многих материальных объектов.

Как видно из настоящего исследования философские теории и категории, являются необходимыми и неотъемлемыми основами криминалистики, как науки, великодушно открытыми для нас настоящим ученым Р. С. Белкиным.

Ким Д. В.

**Криминалистическое обеспечение
судебного разбирательства уголовных дел
как реализация идей Р. С. Белкина**

Развитие криминалистической науки заставляет исследователей переосмысливать прежние представления о ее предмете и сфере научного приложения. В связи с чем сегодня заслуживают особого внимания идеи Р. С. Белкина, полагавшего, что изучаемые наукой криминалистикой закономерности лежат в сфере судебного исследования, т.е. «совокупной деятельности органов дознания, следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины в процессе судопроизводства»¹. В таком понимании предмета криминалистики нас привлекает точность очерчивания границ научных и практических интересов криминалистики, а именно обеспечение не только досудебного, но и судебного производств. На этом поле, полагаем, складывается целостная информационно-познавательная система в деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству уголовных дел. В основе ее лежат знания о преступной деятельности лиц по совершению преступлений, с одной стороны, и о законной, правоохранительной деятельности соответствующих органов и должностных лиц — с другой.

Такие знания, как свидетельствует история развития науки криминалистики, обоснованно являются объектом и предметом ее исследования. Познавая их, криминалистика выполняет свою практическую задачу, разрабатывая рекомендации не только органам предварительного расследования в складывающихся следственных ситуациях, но и суду (судье), а также прокурору оптимальные рекомендации в складывающихся судебных ситуациях.

С учетом этого следует полностью поддержать Т. С. Волчецкую, утверждающую, что всесторонность, полнота и объективность судебного следствия обеспечиваются не только соблюдением требований уголовно-процессуального закона, но и грамотным применением рекомендаций криминалистики².

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юрид. лит., 1987. С. 47.

² Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. проф. Н. П. Яблокова. М., Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. С. 113.

Нельзя разрабатывать криминалистическую технику, тактику и методику для предварительного следствия без учета ситуаций судебного разбирательства (в первую очередь центральной его части — судебного следствия), как и криминалистическую технику, тактику и методику судебного разбирательства без учета ситуаций предварительного следствия и деятельности участников уголовного судопроизводства.

Именно в криминалистической методике расследования на этой основе возможны выделение и познание своеобразных закономерностей информационных структур, систем и процессов, разработка оптимальных вариантов (серий) правил и алгоритмов действий органу дознания, следователю, прокурору и суду в различных ситуациях возбуждения, расследования и разрешения дела по существу в соответствии с назначением уголовного судопроизводства. Традиционная структура криминалистической методики расследования, полагаем, должна быть перестроена, т. к. она не отвечает уровню нынешнего развития криминалистики и требованиям судебно-следственной практики.

Учитывая, что в методике расследования отдельных видов и групп преступлений в качестве ее первого структурного элемента выступает преступная деятельность лиц по совершению преступлений с ее криминалистической характеристикой преступления, а в качестве ее второго структурного элемента выступает предусмотренная законом деятельность правоохранительных органов и суда по предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовных дел, то логично в данной деятельности выделять следующие две взаимодействующие подсистемы методики:

- методику и ее криминалистическую характеристику предварительного расследования;
- методику и ее криминалистическую характеристику судебного рассмотрения уголовных дел.

Именно они есть результат познания закономерностей деятельности субъектов доказывания на стадии предварительного расследования и в суде. В связи с чем криминалистическая методика может выступать как полноструктурная криминалистическая методика — специфическая информационно-познавательная система в деятельности субъектов доказывания, рассчитанная на определенные криминалистические ситуации досудебного и судебного производств¹.

Что же касается самих криминалистических характеристик, то позиции ученых относительно этих категорий сегодня неоднозначны. Ситуацию «усугубило» высказывание Р. С. Белкина, который указал на

¹ См.: Гавло В. К. Криминалистическое обеспечение предварительного и судебного следствия как задача криминалистической методики // Криміналістика XXI століття: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 25–26 листоп. 2010 р. Харків: Право, 2010. С. 245–247; Ким Д. В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций: монография / под ред. проф. В. К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 79–190.

то, что «криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом»¹.

Полагаем, что данное высказывание спорно. Р. С. Белкин прав лишь в одном — большинство существующих криминалистических характеристик оказались малопригодными с практической стороны. Они чаще всего перегружены ненужной (частной) информацией, которая не позволяет выявить корреляционные связи между ее элементами, выявить и диагностировать типовые ситуации, складывающиеся в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступления, а самое главное — не позволяют создать ту информационную базу, которая бы позволила выдвинуть типовые версии и создать предпосылки для успешного расследования и судебного разбирательства уголовных дел той или иной категории. Именно эти обстоятельства повлияли на введение в категориальный аппарат криминалистики таких понятий, как «механизм преступной деятельности» и «криминалистическая характеристика преступной деятельности»². Однако кажущиеся, на первый взгляд, существенными отличия между ними и криминалистической характеристикой преступления приводят к одному и тому же выводу: все эти категории выступают в качестве информационного средства единой криминалистической методики.

Поэтому не случайно, развивая учение о криминалистической характеристике преступления как информационно-познавательной базе методики расследования, В. К. Гавло впервые пришел к выводу о том, что криминалистические характеристики преступления содержат понятия разной степени абстракции и, соответственно, имеют различные уровни содержания информационной модели, что должно найти наиболее полное отражение в методике расследования преступлений. По его мнению, рассматриваемое понятие соответствует трем уровням абстракции³. Это предложение поддержал Р. С. Белкин, но высказал сомнение по поводу выделения криминалистической характеристики конкретного преступления⁴.

Полагаем, что учет различных по содержанию уровней данного понятия позволяет в методике расследования более дифференцированно и точно классифицировать и изучать их главные свойства и признаки на

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма — Инфра-М, 2001. С. 223.

² Более подробно см.: Лубин А. Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород, 1997.

³ Гавло В. К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1980. С. 120–122.

⁴ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М., 1988. С. 181.

единичном, особенном и общем уровнях¹. По этому пути пошли также и другие ученые, достаточно убедительно отстаивая свою позицию².

В связи с чем мы убеждены в необходимости рассматриваемых криминалистических характеристик, что подтверждается фактическим становлением и развитием собственно методики расследования отдельных видов преступлений. И если о криминалистической характеристике преступлений и криминалистической характеристике их расследования можно говорить как о вполне устоявшихся категориях, то понятие «криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел» только начинает входить в категориальный аппарат науки.

Полагаем, что «криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел» должна отражать особенности методик по ведению судебных стадий уголовного процесса с позиции ситуационного подхода. Отражая закономерности механизма судебного рассмотрения отдельных видов и групп преступлений, она изучает систему сведений, во-первых, о криминалистических ситуациях, складывающихся в ходе судебного разбирательства уголовных дел с учетом его этапов и инстанций, во-вторых, о способах собирания, исследования и использования доказательств применительно к данным криминалистической характеристики преступлений и криминалистической характеристики предварительного расследования, а также судебным версиям в целях осуществления назначения уголовного судопроизводства.

Таким образом, криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел, отталкиваясь от криминалистической характеристики преступлений и криминалистической характеристики их предварительного расследования, в то же время ориентируется на них, на их информационную базу. Она имеет свою внутреннюю специфическую базу саморазвития, которая позволяет понять в генезисе специальный криминалистический (а не уголовно-процессуальный) ход, этапы и самое главное — поисковую сущность деятельности суда (судьи) криминалистическими средствами, тактическими приемами и методами с учетом складывающихся судебных ситуаций³.

¹ *Гавло В. К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 163–165.

² См., напр.: *Густов Г. А.* Криминалистическая характеристика преступлений // Курс криминалистики: в 3 т. / под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. Т. I. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика. С. 56–59; *Князьков А. С.* Тактико-криминалистические средства досудебного производства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д., 2014; *Боровских Р. Н.* Криминалистическая характеристика и принципы методики расследования преступлений в сфере страхования: монография / под науч. ред. д. ю. н., проф. Ю. П. Гармаева. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 31–123; и др.

³ См.: *Ким Д. В.* Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. С. 21–22, 29–33.

Поле криминалистической характеристики судебного рассмотрения уголовных дел, по нашему мнению, находится в плоскости, началом которой является момент поступления уголовного дела в суд и связанные с этим полномочия судьи, а окончанием — момент вынесения окончательного решения по делу, включая прохождение по некоторым делам исключительных стадий уголовного процесса (производство в надзорной инстанции и возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств).

Поскольку судебные ситуации не дублируют следственные ситуации, постольку в суде не может быть использована методика расследования, рассчитанная на предварительное следствие с его следственными ситуациями. Познание и использование этих ситуаций есть важнейшая задача науки криминалистики.

Все это, несомненно, влечет за собой тактические особенности проведения процессуальных действий в ходе судебного разбирательства, что также является прерогативой криминалистики. При этом для суда открывается творческий простор, рассчитанный на исследование конкретных ситуаций судебного следствия на основе ситуационного подхода, который позволяет разрабатывать конкретные методики по ведению судебного разбирательства именно с учетом складывающихся судебных ситуаций.

При таком подходе в науке криминалистике в полной мере будут учтены базовые основополагающие требования уголовно-процессуального закона по разработке технико-, тактико- и методико-криминалистических средств, приемов и методов в соответствии с назначением и принципами уголовного судопроизводства. Вместе с тем необходимо отчетливо видеть специфику возникновения и развития ситуаций в досудебном и судебном производстве по уголовному делу различными субъектами правоохранительной и правоприменительной деятельности (органом дознания, следователем, экспертом, прокурором, судом (судьей) и др.)¹, а в учебниках по криминалистике, полагаем, необходимо показывать особенности методики судебного следствия.

Это позволяет исследовать закономерности криминалистической методики как раздела науки криминалистики, относящиеся не только к предварительной проверке материалов по уголовному делу, предварительному расследованию, но и судебному разбирательству уголовных дел, на что совершенно правильно указал Р. С. Белкин².

¹ Драпкин Л. Я. Теория криминалистических ситуаций: этапы развития, структура, система // Бюллетень УрО МАСП. 2010. № 2. С. 24.

² Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М.: Норма, 1999. С. 199.

Кирвель В. К.

Проведение судебно-психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в Республике Беларусь: проблемы теории и практики

1. Актуальность, научная и практическая значимость

Актуальность проблемы применения инструментальных психофизиологических методов с использованием полиграфа в ходе предварительного расследования и судебного следствия обусловлена растущей общественной потребностью в создании эффективного механизма противодействия преступности, надлежащем обеспечении защиты личности, прав и свобод граждан, укреплении правопорядка, повышении доверия граждан к органам власти и управления.

Изучению проблемы применения полиграфа в расследовании преступлений были посвящены труды профессора Р. С. Белкина, который в учебнике для вузов «Криминалистика» (2002), рассматривая «Нетрадиционные средства получения значимой для расследования преступлений информации» в качестве второй проблемы ждущей своего решения и признания назвал — «использование инструментальных методов установления психофизиологического состояния подозреваемого лица, свидетельствующего о наличии значимой для расследования информации». Проблема применения полиграфа в уголовном процессе, по его мнению, имеет технический, тактический, этический и процессуальный аспекты. Применение полиграфа рассматривалось автором «допустимым в двух случаях: при производстве экспертизы и при участии специалиста-психолога в подготовке к производству следственного действия»¹.

Необходимо отметить, что проведенные за последние двадцать пять лет учеными и практиками из различных стран исследования в данной области не носят системного и завершающего характера, а касаются только постановки проблемы и отдельных вопросов применения полиграфа в ходе предварительного расследования и судебного следствия. В своем исследовании мы рассмотрим правовые и методические аспекты указанной проблемы, а также практику применения полиграфа при проведении судебно-психофизиологической экспертизы (далее — СПФиП) при расследовании уголовных дел о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в Республике Беларусь.

¹ См.: *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика: учебник для вузов. Под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. М.: Норма, 2002. С. 390–397.

2. Правоохранительная практика проведения судебно-психологической экспертизы с использованием полиграфа при расследовании уголовных дел о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в Республике Беларусь

Актуальность темы нашего исследования подтверждается вниманием со стороны государственных органов власти и правоохранительных органов к конституционным правам и свободам человека, гарантиям их реализации. Подтверждением выше изложенному является Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. ст. 166—170 УК)».

На основании данного Постановления Следственным комитетом (далее — СК) и Генеральной Прокуратурой (далее — ГП) Республики Беларусь в 2013—2014 гг. было проведено обобщение правоохранительной практики расследования уголовных дел о преступлениях против половой свободы или половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних лиц. В результате проведенного анализа СК и ГП был сделан вывод о наличии объективной необходимости в расширении круга средств доказывания вины субъектов, таких преступлений, в том числе, и в проведении СПФиП по данной категории уголовных дел.

По мнению СК и ГП Республики Беларусь актуальность внедрения нового вида судебной экспертизы именно в этой категории дел продиктована тем, что при насильственных действиях сексуального характера в отношении детей чаще всего отсутствуют свидетели преступления, следы физического насилия, и зачастую остаются лишь показания самого ребенка. СК и ГП Республики Беларусь был сделан вывод о том, что СПФЭиП в отношении подозреваемых (обвиняемых) в сексуальных преступлениях позволит получить следствию дополнительную объективную информацию.

С 1 декабря 2014 года в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь (далее — ГКСЭ) проводится новый вид судебных экспертиз — СПФЭиП при расследовании уголовных дел по преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

С 1 декабря 2014 года по 1 апреля 2016 года сотрудниками ГКСЭ было проведено 45 СПФЭиП, факты и обстоятельства, изложенные в них, были использованы в качестве доказательств судами (результаты 3 СПФЭиП (заключения эксперта) использованы судами в мотивировочной части приговора). «В четырех случаях заключение эксперта указывало на отсутствие поведения, направленного на сокрытие ин-

формации о расследуемых обстоятельствах исследуемым лицом, что послужило одним из оснований для прекращения уголовного дела в двух случаях, отказа в возбуждении уголовного дела — в двух других».¹

При этом необходимо отметить, что Методические рекомендации «Проведение судебно-психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений против несовершеннолетних» были одобрены и разрешены к применению при производстве судебных экспертиз и исследований в ГКСЭ Межведомственным научно-методическим советом в сфере судебно-экспертной деятельности только в июне 2016 г.

3. Методические аспекты проведения судебно-психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений против несовершеннолетних

Методические аспекты назначения и проведения СПФЭиП в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений против несовершеннолетних, изложены сотрудниками ГКСЭ в методических рекомендациях для сотрудников СК. Так, по мнению сотрудников ГКСЭ:

- «предметом СПФЭиП являются психофизиологические признаки поведения, направленного на сокрытие (охрану) своей осведомленности об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела;
- объектом СПФЭиП являются физические лица, являющиеся подозреваемыми или обвиняемыми в совершении преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, а также материалы и дела, по которым проводится судебно-психофизиологическая экспертиза;
- задачами СПФЭиП являются вынесение суждения о наличии (отсутствии) у исследуемого лица психофизиологических признаков поведения, направленного на сокрытие (охрану) своих лично значимых знаний об обстоятельствах, имеющих значение для дела, при наличии неустранимых противоречий между показаниями участников процесса либо между показаниями и другими доказательствами по делу.

Сотрудники ГКСЭ считают целесообразным проведение данного вида экспертиз в составе комплексной экспертизы вместе с судебно-

¹ См.: Полиграф в уголовном процессе — доказанная эффективность [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sudexpert.gov.by/ru/news.html?news_id=2266. Дата доступа 26.10.2017.

психиатрической, судебно-психологической и судебно-сексологической экспертизами».¹

Проведение СПФЭиП осуществляют государственные медицинские судебные эксперты-психологи, прошедшие профессиональную переподготовку по специальности «Проведение психофизиологических исследований с использованием полиграфа» в России.

«При производстве экспертных исследований на полиграфе используются две основные методики: методика выявления скрываемой информации (далее — МВСИ) и методика контрольных вопросов (далее — МКВ).

... Эксперты считают, что для того, чтобы недостатки, присущие тестам МКВ и тестам МВСИ взаимно компенсировали друг друга, необходимо использовать их только комплексно ...

... в тех случаях, когда по тем или иным причинам у экспертов нет возможности применения методики МВСИ, они не делают категоричных экспертных выводов и дают сообщение о невозможности дачи заключения».²

Нам представляется, что сотрудники правоохранительных органов, занимаясь проблемой расширения круга средств доказывания по уголовным делам указанной категории, не рассмотрели всесторонне перед научным сообществом ряд проблемных вопросов, которые возникают при назначении и проведении СПФЭиП. Полагаем обоснованным всесторонне рассмотреть методическую и вытекающую из нее правовую проблему применения полиграфа в ходе предварительного расследования и судебного следствия при назначении и проведении СПФЭиП.

Рассмотрим методическую проблему через призму научной обоснованности (валидности) и надежности инструментального психофизиологического метода при проведении СПФЭиП по уголовным делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних лиц. Необходимо отметить факт отсутствия в мировом научном сообществе консолидированного обоснования естественнонаучных основ инструментального психофизиологического метода с использованием полиграфа в виду низкой валидности и надежности метода, которая по разным оценкам находится в интервале от 0,7 до 0,95.

В англоязычной литературе понятию «научная обоснованность» соответствует термин «валидность» (validity). При этом различают

¹ См.: Судебно-психофизиологическая экспертиза [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sudexpert.gov.by/ru/psycho_fiz.html. Дата доступа 26.10.2017.

² Мун Л. Е. Особенности производства судебно-психофизиологических экспертиз в Республике Беларусь / Л. Е. Мун // Актуальные вопросы судебной психиатрии и судебной психологии: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 10–11 декабря 2015 г. / ред. совет: редкол.: А. И. Швед [и др.]; Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. Минск: Право и экономика, 2015. С. 29–30.

два ее уровня — теоретическую валидность (construct validity) и экспериментально-практическую валидность (criterion validity или external validity).

Прикладные научные методы, к которым относится и инструментальный психофизиологический метод с использованием полиграфа, одновременно характеризуются показателем надежности (reliability), под которым понимается уровень стандартизации процедуры и степень воспроизводимости результатов, получаемых с помощью конкретного метода.

В отличие от валидности метода, определяемой сущностью положенных в его основу научных принципов и закономерностей, надежность метода во многом зависит от конкретных условий его применения, воздействия неконтролируемых внешних факторов и, в том числе, от уровня компетентности специалистов, применяющих этот метод.

В рамках современной естественнонаучной парадигмы научное обоснование того и или иного прикладного метода представляет собой систему доказательств его валидности, то есть способности метода определять (измерять, диагностировать) именно то, что является целью его использования (целью диагностики).¹

Подавляющее число сторонников применения полиграфа в расследовании преступлений ссылаются на положительный опыт США, как мирового лидера в данной области, но делают это избирательно, не предлагают читателю всего спектра мнений. Полагаем целесообразным и обоснованным привести примеры из правоохранительной практики США и результаты научных исследований, которые восполняют имеющиеся пробелы.

В 2001 году при Национальной Академии наук США был образован Комитет по исследованию научной обоснованности полиграфа (далее — Комитет) в компетенцию которого входило проведение обзора прикладных и теоретических аспектов применения полиграфа в правоохранительной практике. Также большое внимание было уделено «теориям полиграфа» и исследованию современных взглядов на природу психологических и физиологических процессов в организме человека, которые являются фундаментом психофизиологического метода с использованием полиграфа.

В 2003 г. Комитет опубликовал результаты проведенного исследования. Так, валидность тестирования на полиграфе в полевых условиях колебалась от 0,81 до 0,91 (~0,86), в лабораторных условиях от 0,7 до 0,95 (~0,83).

¹ См.: *Пеленицын А. Б. О научной обоснованности применения полиграфа / А. Б. Пеленицын, А. П. Сошников // Эксперт-криминалист. М.: Юрист, 2011. № 2. С. 12–15.*

Комитет пришел также к следующим выводам, что «...теоретическое обоснование применения полиграфа является весьма слабым..., различные теории оправдывают свое существование в различных ситуациях..., ...а выводы полиграфологов ненадежны, ненаучны и предвзяты, так как значительное влияние на их объективность оказывает профессиональная подготовка экспертов...».¹

В 2011 году Американская Ассоциация Полиграфологов (далее — Ассоциация) провела исследования валидности (научной обоснованности) методов применяемых ее полиграфологами (Polygraph Validity Research, 2011).

Ассоциация пришла к следующим выводам. Сочетание всех проверенных методов позволило установить: 1) валидность применяемых методов на уровне 0,87, 2) доверительный интервал определен как [0,8 — 0,94], 3) ошибку метода в 0,13.

Таким образом, мы можем констатировать, что эти результаты коррелируются с выводами Комитета (2003) о научной обоснованности (валидности) полиграфа.²

Вопрос о конституционно-правовых аспектах применения полиграфа в качестве доказательства в уголовном процессе России рассматривался в Совете Федерации 29.03.2011 г. в рамках заседания Экспертно-консультационного совета (далее — ЭКС) при Комитете по конституционному законодательству Совета Федерации (Председатель ЭКС — доктор юридических наук, профессор Е. Г. Тарло). Повестка — «О конституционно-правовых аспектах применения полиграфа в качестве доказательства в уголовном процессе».

По результатам обсуждения вопроса ЭКС констатировал, что: 1) степень научной достоверности сведений, полученных с помощью полиграфа в уголовном процессе, однозначно не установлена; 2) качество подготовки специалистов-полиграфологов, научно-методологических, теоретических основ деятельности по применению полиграфа в уголовном процессе России имеют крайне низкий уровень; 3) согласие на применение полиграфа не является достаточной гарантией права не свидетельствовать против себя; 4) при оценке конституционности тех или иных явлений необходимо исходить не только из буквального смысла норм, но и из сложившейся правоприменительной практики;³ 5) обратить внимание на практику Европейского Суда по правам челове-

¹ NAS Report: «The Polygraph and Lie Detection» [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.nap.edu/openbook.php?isbn=0309084369>. Date of access 26.10.2017.

² Meta-Analytic Survey of Criterion Accuracy of Validated Polygraph Techniques [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.polygraph.org/polygraph-validity-research>. Date of access 26.10.2017.

³ См.: Кассационные определения Верховного Суда РФ от: 04.06.2008 № 74-О08—18, 26.05.2011 № 81-О11—49, 17.11.2011 № 203-О11—4, 11.09.2012 № 41-О12—57СП и др.

ка¹ и на опыт США²); 6) в настоящий момент обеспечение надлежащей защиты прав граждан при использовании полиграфа в качестве средства получения доказательств в уголовном процессе невозможно.³

Полагаем обоснованным также сослаться на определение Верховного Суда Литвы о том, что результаты применения полиграфа в уголовном процессе не могут влиять на внутреннее убеждение судьи при рассмотрении им уголовных дел.⁴

Таким образом, на основании выше изложенного по методической проблеме использования полиграфа при проведении СПФЭ, мы можем сделать следующие выводы о том, что применение при производстве СПФЭиП методик, методов и средств допускается, если они отвечают конституционным принципам законности, научно обоснованы, прошли валидацию (оценка пригодности) и сертификацию методического обеспечения судебной экспертизы, с указанием валидности метода, доверительного интервала и ошибки метода.

4. Правовая проблема проведения судебно-психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений против несовершеннолетних

На граждан Республики Беларусь, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения, в полной мере распространяются фундаментальные конституционные положения, гарантирующие нерушимость их прав и свобод, а именно: 1) доказательства, полученные с нарушением порядка, не имеют юридической силы и не могут являться основанием для привлечения в качестве обвиняемого и постановления приговора, 2) суд, орган уголовного преследования обязаны обеспечивать защиту прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе, создавать условия для ее осуществления, 3) никто не должен понуждаться к даче показаний и объяснений против себя, членов своей семьи, близких родственников, 4) никто из участвующих в уголовном процессе лиц не должен подвергаться насилию, 5) обвиняемый не обязан доказывать

¹ Европейский Суд по правам человека неоднократно указывал, что если в основу обвинения положено доказательство, которое вызывает сомнение, — это нарушение права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

² В США принят закон «О защите прав служащих в связи с тестированием на полиграфе» (Publik Low № 100–347 «Employee Polygraph Protection Act», 27.12.1988 г.), в котором четко определены границы применения полиграфа в государственной и коммерческих сферах, а также перечень ситуаций, когда применение полиграфа разрешено.

³ *Тарло Е.* К вопросу о полиграфологии / Е. Тарло [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://tarloeg.livejournal.com/8632.html>. Дата доступа 26.10.2017.

⁴ См.: Доклад судьи Верховного Суда Литвы Р. Ажубалите «Судебная практика Литвы» на Межд. науч.-практ.-конф. «Криминалистика и судебная экспертология: наука, обучение, практика», Паланга, Литва, 14–16 сент. 2017 г.

свою невиновность, орган уголовного преследования, суд не вправе перелгать обязанность доказывания на обвиняемого и др.¹

Таким образом, мы полагаем, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно приводить к нарушению и прав и свобод других лиц. В интересах защиты конституционных ценностей и соблюдения баланса между конституционными правами и свободами граждан и публичными интересами общества и государства в случае необходимости допускается соразмерное ограничение прав и свобод человека и гражданина. При этом ограничения должны устанавливаться не произвольно, а на основе Конституции и закрепленных в ней таких ценностей, как верховенство права, равенства и справедливости.

Необходимо отметить, что вопрос о применении полиграфа в ходе предварительного расследования в Республике Беларусь получил правовую оценку от заместителя председателя Верховного суда — председателя судебной коллегии по уголовным делам Руслана Анискевича.

31.03.2016 г. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь рассмотрел вопросы, связанные с выполнением судами Постановления Пленума Верховного Суда от 29.03.2001 № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам». По итогам пленарного заседания, в ходе пресс-конференции, отвечая на вопрос журналиста, Р. Анискевич заявил, что: «Полиграф в судебной практике в Беларуси не используется, и данные, полученные при помощи него, не считаются судами экспертизой». По его словам, использование «детектора лжи» является своеобразным исследованием доказательств, и для того, чтобы данные, полученные с помощью полиграфа, использовались в качестве доказательств в судах, «нужно развитие науки, психологии, техники». Также он отметил, что международная практика не использует данные «детектора лжи» в качестве основы для вынесения приговора, «и в Уголовно-процессуальном кодексе Беларуси нормы об использовании данных полиграфа в судах нет», но, «детектор лжи» используется в некоторых случаях следователями и оперативниками. Таким образом, использование судами при вынесении приговора данных, полученных при использовании так называемого «детектора лжи» или полиграфа, в Верховном Суде Республики Беларусь назвали далекой перспективой.²

¹ Эти конституционные нормы закреплены в ч. 2 и 3 ст. 8 «Законность в уголовном процессе», ч. 1 и 4 ст. 10 «Обеспечение защиты прав и свобод граждан», ч. 3 ст. 11 «Неприкосновенность личности», ч. 2 ст. 16 «Презумпция невиновности» УПК Республики Беларусь. Таким образом, важнейшим условием соблюдения законности и правопорядка в ходе уголовного процесса является строгое соблюдение конституционных норм, гарантирующих защиту личности, прав и свобод граждан.

² Белорусские суды не используют данные «детектора лжи». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sputnik.by/technology/20160331/1021380596.html>. Дата доступа 26.10.2017.

Таким образом, на основании выше изложенного по правовой проблеме использования полиграфа при проведении СПФЭ, мы можем сформулировать вопрос, который требует своего разрешения: «Как, каким образом реализуются конституционные права и свободы граждан, законность и правопорядок в ходе уголовного процесса, а также права подозреваемого и обвиняемого при назначении и проведении СПФЭиП, когда они из субъектов судебной экспертизы превращаются в объекты этой экспертизы (п. 5 ч. 1, ч. 5 и 6 ст. 229 УПК Республики Беларусь)¹?».

Выводы

Обобщая выше изложенное по проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что применение полиграфа при проведении СПФЭ в ходе расследования уголовных дел о преступлениях против половой свободы или половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних лиц:

1) оказалось вне поля зрения белорусских ученых и практиков в контексте теоретических и прикладных аспектов проблемы применения полиграфа в ходе предварительного расследования и судебного следствия;

2) является инициативой правоохранительных органов по расширению круга средств доказывания вины субъектов, таких преступлений;

3) рассматривается некоторыми районными судами как доказательство;

4) использование инструментального психофизиологического метода с применением полиграфа при проведении судебно-психофизиологической экспертизы для противодействия преступности имеет правовую и методическую проблему, которая не получила своего разрешения на данный момент и может привести к нарушению конституционных прав и свобод граждан Республики Беларусь, явиться причиной для несоблюдения законности и правопорядка в ходе осуществления уголовного процесса.

5) относится к недопустимым доказательствам, так как в мировом научном сообществе отсутствует консолидированное обоснование естественнонаучных основ инструментального психофизиологического метода с использованием полиграфа в виду низкой валидности и на-

¹ Часть 1. При назначении и проведении экспертизы подозреваемый, обвиняемый имеют право: 5) присутствовать с разрешения следователя, лица, производящего дознание, при проведении экспертизы, давать объяснения эксперту; ч. 5. Требования настоящей статьи распространяются также и на случаи назначения и проведения экспертиз до возбуждения уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 173 и 226 УПК Республики Беларусь; ч. 6. Права, указанные в части первой настоящей статьи, подозреваемый и обвиняемый имеют при назначении экспертиз, касающихся установления обстоятельств, имеющих значение для выдвинутого в отношении их подозрения или обвинения.

дежности метода, а уровень недостоверных результатов тестирования с использованием полиграфа находится в пределах от 5 до 30% (валидность от 0,7 до 0,95);

б) применение при производстве СПФЭиП методик, методов и средств допускается, если они отвечают конституционным принципам законности, научно обоснованы, прошли валидацию и сертификацию методического обеспечения судебной экспертизы, с указанием валидности метода, доверительного интервала и ошибки метода.

Тончева Росица, Кирков Александр

Преимущества и проблемы при управлении электронными доказательствами в судебном процессе

Введение

В уголовно-процессуальной теории все еще не хватает ясного определения электронным доказательствам. Не проводилось ни общего, ни детального сравнения и ограничения электронных фактических данных. Из-за динамики техники и информационных технологий, мы наблюдаем все более широко внедрение этого вида доказательств, что, несомненно, создает условия усовершенствовать доказательственный процесс не только в национальном масштабе, а на поле международных расследований, установление и доказывание трансграничной преступности. Достаточно упомянуть, что во многих областях физики, таких как астрономия, астрофизика и геофизика, уже десятилетия пользуются электронными доказательствами для описания процессов и явлений.

Что такое цифровизация вещественных доказательств и зачем это необходимо?

К примеру, можем взять съемку места преступления при высоком качестве и введении мер и перспектив при этом действии. Раз сделанная и примененная к расследованию, каждый из участвующих в досудебной и судебной фазе сможет сам просмотреть заснятый материал и оценить доказательственный материал и определить тактику, которую будет преследовать в уголовное судопроизводство.

Таким же образом к доказательственному материалу можно добавить заключения экспертов, описания и протоколы. Это определит и выведет доказательственную основу на качественно новый уровень, при этом с одной стороны это позволит надежность в экспертных исследованиях и с другой стороны, сведет к минимуму возможность допущения судебных ошибок. Так как мы считаем, что будущее в электронных доказательствах, и их нормативное урегулирование вопрос недалекого будущего.

Преимущества

Электронные и цифровые доказательства имеют несколько больших преимуществ перед используемыми до сих пор аналоговыми методами и тех в бумажном варианте, которые можно предоставить в синтезе следующим образом:

цифровые носители позволяют более детально и сохранение на большее количество информации, при этом фотографии более высокого качества и с большим количеством;

Цифровая информация не стареет, так как ее можно перебрасывать (копировать) без потери данных на другие носители.

Легко и быстро информацию можно переносить в другое учреждение или к другому вовлеченному в процесс лицу, путем компьютерных сетей.

Электронную информацию легко адресовать, позволяет быстро найти необходимую часть.

Сохранение электронной информации во много раз дешевле бумажной и аналоговой сохранение, и в будущем этот показатель будет повышаться.

Электронные данные, можно защищать разнообразными способами. Возможно, что различные части будут различным уровнем доступа, и тем самым гибко регулируется пользование источников согласно качествам субъекта (процессуального или внепроцессуального).

Отражение на судебный процесс

Болгарский уголовно-процессуальный кодекс предусматривает формальный (при этом и довольно усложненный) доказательственный процесс. Согласно законодательному определению доказательства — фактические данные, которые связаны с обстоятельствами по делу, содействуют для их выяснения и установлены в определенном процессуальном порядке. В процессе легитимируются через специально указанные доказательственные способы. Незаконосообразное пополнение дела с доказательствами, обосновывает их исключение из доказательственной массы, а это обязывает принимающий решение суд принять решение по внутреннему убеждению без того, чтобы основываться на них. И хотя и не очень часто, допускаемые ошибки со стороны органов по расследованию в доказательственном процессе, ведут к абсолютной невозможности собрать и проверить то или иное доказательство, при этом принятие и мотивация судебных решений затруднена. Даже можно сказать, что в некоторых случаях успешное раскрытие объективной истины исключается.

В процессуальной действительности можно наблюдать и гипотезы, при которых с течением времени, некоторые из доказательственных источников погибают или теряются. Невозможность их

восстановления тоже отражается на процессуальном познании, затрудняя и экспертные исследования наличных фактических материалов, соответственно препятствует проверке достоверности версий сторон в процессе.

Не следует пренебрегать и случаи, при которых дело доходит до возобновления уголовного производства после решения Европейского суда по правам человека из-за нарушения текстов со стороны ЕКЗПЧОС /Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод/. Хотя и случающиеся редко, существуют тематические исследования, при которых рядовая судебная фаза восстанавливается спустя десятилетие. Интересно в этом отношении привести в качестве примера Решение под № 173/2017 Первого уголовного отделения при ВКС /Высшим кассационном суде/, чей предмет является преступление грабежа в сопровождении убийства трех немецких граждан, совершенное в 1999 году. До возобновления судебного производства вопрос доходит в 2015 году после решения Европейского суда по правам человека из-за нарушения ст. 3 ЕКЗПЧ /Европейской конвенции о правах человека/. При новом рассмотрении дела стороны обосновали свои доказательственные требования, часть которых суд находит основательными. Суд назначил баллистическое и дактилоскопическое экспертное решение, требующих исследование вещественных доказательств, установленных и собранных в 1999 году. Прошедшее время между датой преступления и судебным процессом ставит две очень серьезные проблемы, а именно: каким сохранялись доказательства после вступления в силу приговора, и за какой период времени их носители могут позволить новое, надежное, экспертное исследование?

Указанный пример не является единичным, и в тоже время не является характерным только для болгарской национальной правовой системы. Скорее можем определить упомянутую судебную хронику в качестве отправной точки для рассуждения над необходимостью в электронных доказательствах.

Не смотря на то, что до сих пор обосновываемся на строго фиксированный нормативный регламент, тема об электронных доказательствах имеет и еще одну сторону со значением для национальных и интернациональных систем. Цена судебных процессов постоянно увеличивается. С одной стороны, дорожают судебные виды деятельности до степени затруднения доступа к суду лиц с невысоким имущественным статусом и с другой стороны, судебные бюджеты постоянно усугубляются повышением судебных расходов, в том числе для назначения разнородных экспертиз. Цифровизация доказательств, и дальше — электронизация судебных экспертиз с прямой возможностью повернуть очерченную тенденцию.

Проблемы и недостатки

В Болгарии, применение электронных или цифровых доказательств все еще не регламентировано фундаментально, из-за чего существует множество единичных и непоследовательных практик в досудебном и судебном производстве.

Следует упомянуть, что эта доказательственная группа предлагает и множество технических проблем, как одна из основных это сохранение электронных доказательств и информации о жизни их носителей.

Торговцы постоянно заливают нас маркетинговой информацией, которая не отвечает на реальности, например: практика, показывает, что технологический срок сохранения информации на обычных DVD носителях, купленных в магазине — 3–5 лет. Этот срок зависит от способа, которым хранятся диски, а не как указывают большинство реклам — вечно или хотя бы 30 лет. Есть случаи, при которых из-за температуры в помещении (при достижении 40–45 градусов), оптические носители теряют свои качества еще в первый год.

Вот почему нам нужны «гарантии», что носители информации, которые мы будем использовать при сохранении электронных доказательств, будут сохранять достаточно долго и надежно данные, которые нам необходимы.

Конечно же, крупные IT-компании занимаются производством специализированных ленточных устройств, чей срок «жизни» записанной информации может быть 30 и больше лет, но большим недостатком при этом является их малая совместимость между разными моделями и производителями.

Практика

Фокус настоящего изложения направлен на уголовный процесс. Известно, что это консервативная процессуальная стигма, где из-за чувствительности при затрагивании основных прав человека относительно трудно допускается вмешательство в утвердившийся регламент. Как было указано, тема об электронных доказательствах обсуждается очень воровато. Кроме их не очерченной процессуальной природы, правораздаточные органы в курсе с необходимостью в расписывании категорической нормативной процедуры на создание электронных доказательств, их сохранение, верификация в судебном процессе и т. д. Все это усложняет процесс их нормативной регламентации до сих пор, когда необходимость в современном доказательственном процессе наложит их процессуальную жизнь.

В отличии от уголовного процесса, гражданский, коммерческий и административный процессы уже используют электронные доказательства. В этой сфере наблюдается более смелая цифровизация фактических источников, как, по мнению авторов, это объясняется

исключительно принципом соревнования между сторонами. Хотя это допустимо для этой процессуальной области, процедура хранения и классификации электронных доказательств также не последовательно расписана. В поддержку выше изложенному, приводим следующие акты, регулирующие применение электронных или цифровизированных доказательств:

Постановление об общих требованиях к информационным системам, реестрах и электронных административных услуг.

Постановление № 6 от 3 августа 2017 г. о совершении процессуальных действий и удостоверительных изъятиях в электронной форме.

Постановление № 5 от 1 июня 2017 г. об организации и порядке проведения, сохранения и доступу к электронным делам и способу хранения доказательств и доказательственных средств по делам, как внутренний оборот и сохранение другой информации, обрабатываемой судебной администрацией.

Внутренние правила процедуры использования электронной подписи и электронной идентификации органами судебной власти.

Постановление № 4 от 16 марта 2017 г. о хранении, сохранении и доступу к реестру актов судов.

Содержание этих подвластных закону актов принимаем за определяющее по отношению к урегулированию доказательственной силы электронных доказательств через нормативные документы со стороны высшей степени.

Заключение

Использование электронных или цифровых доказательств приведет ко множеству преимуществ в досудебном и судебном процессах, среди которых: сокращение времени на просмотра, возможность рассмотрения доказательств большим количеством людей в одно и то же время одновременно, адресация определенных доказательств, долгий срок хранения, мобильность — более легкая передача доказательств другим институтам или участникам процесса, улучшенный способ ограничения доступа до них, повышение качества съемки материалов или звукозаписи, и не в последнюю очередь — сокращение расходов на инспекцию и хранение. Разумеется, использование электронных доказательств имеет и свои трудности, которые следует преодолеть, как в правовом, так и в техническом аспектах. Практика все же должна быть более активной к вызову законодательных изменений. Широкая дискуссия по отношению преимуществ и недостатков электронных доказательств требует разный вид опыта, который будет на пользу в процессе нормативного расписывания. Необходимость в модернизации доказывания в уголовном договор от модернизации доказательств в уголовном процессе является прямой производной из непрерывной

динамики в обновлении преступных способов и средств. Отказ был бы разрушительным. Регулирующие процедуры по эффективности оцифрованных доказательств, которые, хотя и из других процессуальных областей, могут быть опубликованы с целью оптимизации доказательств в уголовном процессе.

Клименко Н. И.

Светлой памяти патриарха криминалистики Р. С. Белкина

Следы исчезнут поколений, но жив талант, бессмертен гений.

Рафаил Самойлович Белкин — общепризнанный патриарх науки криминалистики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик РАН, настоящий ее генерал, глава известной в России и за рубежом научной школы криминалистики. После получения аттестата зрелости, он добровольцем ушел в армию и прошел свой боевой путь с 1941 по 1945 г., имеет многочисленные правительственные награды.

Когда закончилась война, молодой капитан, поклонник писателей Эдгара По, Герберта Честертона и Конан Дойля поступает в Военно-юридическую академию, где принимает решение, что криминалистика — это главное, и на всю жизнь.

В период учебы по-настоящему раскрывается талант Белкина как ученого и педагога. Более 20 лет он руководит разными кафедрами Академии, в том числе и кафедрой криминалистики.

История вузовского криминалистического образования, создание ведущих отечественных кафедр, жизнь и научная деятельность ведущих ученых-криминалистов СССР и СНГ, в том числе и Украины (проф. Гончаренка В. Г., Лисиченка В. К., Сегая М. Я., Бахина В. П., Богатырева М. Г. и многих других), описаны Белкиным Р. С. в его книге «История отечественной криминалистики» М: Норма, 1999, — 496 с.).

Весьма тепло и дружески он отзывается об украинских криминалистах и встречах с ними: В. К. Лисиченко, В. П. Бахине В. Г. Гончаренко, М. Я. Сегая, М. Г. Богатыреве, Н. И. Клименко (кафедра криминалистики Киевского университета); криминалистах В. П. Колмакове, А. Н. Колесниченко, В. Е. Коноваловой, В. Ю. Шепитько, Г. А. Матусовском, М. В. Салтевском (кафедра криминалистики Национального университета Харьковской юридической академии Ярослава Мудрого); И. В. Постике, В. В. Тищенко (Национальный университет Одесской юридической академии).

Идеи Р. С. Белкина нашли развитие в трудах его многочисленных учеников. Последняя его работа «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня стала программой-завещанием развития криминалистики

в ХХI веке. В этой книге и его 3 томном «Курсе криминалистики» отражены основные

проблемы развития науки криминалистики на современном этапе: один из первых отечественных ученых (в начале 70 годов), он создал концепцию общей теории криминалистики. На основе данного им определения характеристики предмета этой науки, разработал задачи, принципы, законы ее развития, показал понятие, тенденции развития языка криминалистики, развил учение о методах криминалистической науки и криминалистической систематике, создал учение о частных криминалистических теориях.

Сегодня школа Белкина — это большая армия криминалистов. Под его руководством защитили диссертации по специальности 12.00.09 — уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность более 120 докторов и кандидатов наук, в том числе из зарубежных государств. Никто из них не оставил науку с уходом учителя! Так в Украине, Р. С. Белкин руководил кандидатскими диссертациями Бондарь М. Е., Головченко Л. Н., из Киевского НИИСЕ Минюста Украины, Карпова Н. С. из Национальной академии МВД Украины. Он выступал оппонентом по кандидатским и докторским диссертациям в специализированных ученых советах по защите диссертаций юридических вузов РФ, Украины (в Киеве, Харькове, Одессе) и иных стран СНГ.

Р. С. Белкин охотно принимал участие в научно-практических международных конференциях, в частности тех, которые проходили в Украине. Харьковские и киевские криминалисты с удовольствием слушали его сообщения, посвященные насущным проблемам криминалистики и судебной экспертизы.

В Украине проводились криминалистические чтения, которые были впервые организованы в 1973 г. кафедрой криминалистики ВШ МВД СССР. Они посвящались значительным событиям и юбилеям ученых-криминалистов (годовщинам КНИИСЭ, юбилеям проф. Н. Н. Селиванова, И. Ф. Крылова, В. К. Лисиченко и прочие). Для многих учеников Р. С. Белкина они были стартовой площадкой в мир большой науки. Особенно памятной была встреча, которая проходила в городе Умань Черкасской области, где воевала дивизия, в которой служил проф. В. К. Лисиченко. В майском дендропарке летом (июнь) собрались преподаватели кафедры криминалистики КНУ имени Тараса Шевченка (В. К. Лисиченко, Н. И. Клименко, А. В. Ищенко, В. Г. Гончаренко), и известные ученые-криминалисты РФ и Республики Беларусь (Р. С. Белкин, А. В. Дулов, Т. В. Аверьянова и др.).

Криминалистические чтения посвятили юбилею кафедры криминалистики, созданной в КНУ имени Тараса Шевченка проф. Лисиченко В. К. Особенно интересным был доклад Р. С. Белкина о природе криминалистики, который активно обсуждали присутствующие ученые.

Р. С. Белкин был удивительным ученым, прекрасным оратором, вызывающим восхищение оригинальностью и своевременностью идей, диапазоном своего научного творчества.

За свою жизнь он написал более трехсот работ, в том числе два десятка монографий, 27 учебников (в соавторстве) для средних школ милиции и юридических вузов, в том числе и бывших социалистических стран. Его труды переведены на английский, немецкий и другие иностранные языки.

Светлой памяти Учителя криминалистики в последние годы посвящаются многочисленные научные конференции РФ и иных зарубежных стран. Вот и сегодня мы вспоминаем и чествуем его.

«Опыт учит, что ничто разумное в науке не пропадает бесследно. Следует только найти для него разумное место» (из последней книги профессора Р. С. Белкина «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня»).

Рафаил Самойлович очень любил жизнь и наиболее прекрасную часть человечества — женщин. К его семидесятилетию друзья-коллеги составили монтаж, где изобразили Белкина в виде некоего «пахана» (с юмором), сидящего в окружении его учениц.

Криминалистам, как правило, присуще чувство юмора, возможно, потому, что науку криминалистику долго не принимали всерьез и не признавали ее. Способность к самоиронии, подшучиванию друг над другом, — драгоценное качество, которое помогает не останавливаться на достигнутом и не падать духом от неудач.

Р. С. Белкин как-то в веселую минуту своей жизни, под настроение сочинил гимн криминалистов на мотив известной песни Б. Окуджавы «Кавалергарды».

Начальные слова этого гимна (1-й куплет):

«Криминалисты, час нам дорог,
ведь след не вечен под луной.
Не дремлет наш извечный ворог,
идет преступною тропой»,

стали как бы программой криминалистической деятельности.

Ковалев А. В., Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н., Романенко Г. Х.

Оптимизация правовых знаний судебного эксперта — основа объективизации судебно-экспертных исследований

Одним из ресурсов объективизации расследования преступлений является использование специальных знаний, которое реализуется в основном в форме производства различных видов судебных экспер-

тиз. Это обстоятельство определило возникновение и бурное развитие в последние десятилетия новой отрасли научного знания — судебной экспертологии. По мнению Р. С. Белкина, «...судебная экспертология (или общая теория судебной экспертизы — этот термин нам представляется более приемлемым) имеет все основания для конституирования в самостоятельную область научного знания ...»¹. Далее он подчеркивает, что «...по своему содержанию, направленности и социальному назначению общая теория судебной экспертизы должна быть отнесена к юридическим наукам»².

Однако, подчеркивая отсутствие различий в «...компетенции следователя (суда) и эксперта по решению вопроса о причинности ...», Р. С. Белкин отмечал, что «...пределы решения вопроса следователем и судом, с одной стороны, и экспертом, с другой, могут совпадать. Однако эксперт, разумеется, не касается юридических вопросов причинной связи и рассматривает ее только в том аспекте, который соответствует характеру его специальных познаний»³. Отсюда следует заключить, что базовыми специальными познаниями для судебного эксперта являются не юридические науки, а знания в той или иной отрасли естественных или технических наук. Юридические знания в этом случае носят факультативный, вспомогательный характер. Еще более определенно Р. С. Белкин говорил об этом, подчеркивая тот факт, что «...общая теория судебной экспертизы будет играть известную методологическую роль по отношению к теоретическим основам отдельных видов экспертиз, не лишая их в то же время самостоятельности и не отрывая от тех наук, в рамках которых они существуют и разрабатываются»⁴.

Таким образом, с одной стороны, общая теория судебной экспертизы наука юридическая, а с другой, юридические знания носят для судебного эксперта лишь вспомогательный характер, не входя в обладаемый им объем специальных познаний. В этих положениях нет никакой двойственности. Более того, их надо воспринимать как решение двуединой задачи, оптимизируя соотношение специальных и юридических знаний в учебном процессе.

Обширность и разноплановость используемых в различных видах судебных экспертиз научных знаний предопределяет различные подходы к профессиональной подготовке и переподготовке, повышению квалификации судебных экспертов разных специальностей. Контрастирующим исключением из этого являются эксперты-криминалисты, получающие подготовку в образовательных организа-

¹ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 2. М., 1978. С. 255.

² Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 2. М., 1978. С. 255.

³ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 2. М., 1978. С. 339.

⁴ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 2. М., 1978. С. 255.

циях МВД России не только по специализированным экспертным дисциплинам, но и по уголовному и гражданскому праву, уголовному и гражданскому процессу, криминалистике и оперативно-розыскной деятельности и т. п., что максимально адаптирует эту категорию судебных экспертов к процессу взаимодействия с оперативно-следственным составом, судом и другими участниками уголовно-процессуальной деятельности. При этом остается загадкой тот факт, что они не имеют высшего юридического образования. Однако для всех категорий судебных экспертов общим остается правовое поле, в котором осуществляется судебно-экспертная деятельность, основные организационно-тактические решения и формы подготовки материалов для производства судебных экспертиз, проведения экспертных исследований и оценки результатов судебной экспертизы в совокупности со всеми материалами дела.

Характеризуя представителей этой профессии, С. А. Смирнова отмечает, что «...это лица, обладающие специальными знаниями в очень узких областях. Например, физики, химики, биологи, инженеры, экономисты, получившие естественнонаучное или техническое образование, не знают основ материального и процессуального права, криминалистики и теории судебной экспертизы»¹. Развивая свою мысль, С. А. Смирнова указывает на объективные трудности в работе судебных экспертов различных специальностей, возникающие при «...оценке результатов экспертного исследования, а именно: при выявлении судебно-экспертно значимых признаков и свойств объектов, нестрогом соблюдении процессуальных требований обращения с доказательствами, незнание специфики судебной экспертизы в различных видах судопроизводства и т. д.»².

Следует признать, что действительно, в этой связи, в деятельности судебных экспертов возникает и развивается ряд фундаментальных проблем.

Во-первых, прежде всего, неумение наладить деловой контакт со следователем, оперативным работником; отсутствие навыков состязательности в судебном процессе, которые являются обязательным атрибутом судебного эксперта любого специально-научного направления.

Во-вторых, отсутствие достаточных знаний и навыков при использовании современных технико-криминалистических средств и методов, инновационных судебно-экспертных технологий. Незнание основ криминалистической тактики и методики расследования

¹ Смирнова С. А., Ястребов О. А. Прогрессивные модели образовательной деятельности — залог подготовки судебно-экспертных профессионалов нового поколения / Судебно-медицинская экспертиза, 2017. № 1 (60). С. 57–60.

² Смирнова С. А., Ястребов О. А. Прогрессивные модели образовательной деятельности — залог подготовки судебно-экспертных профессионалов нового поколения / Судебно-медицинская экспертиза, 2017. № 1 (60). С. 57–60.

не позволяет судебному эксперту правильно оценить свою роль и место в процессе построения системы доказательств, обеспечить соотносимость выдвигаемых экспертных, следственных и оперативнорозыскных версий.

В-третьих, недостаточная правовая культура создает предпосылки для формирования у судебного эксперта особого психологического состояния, именуемого в правоохранительной деятельности как «ложное понимание интересов службы», что крайне негативно сказывается на алгоритме познавательной и оценочной деятельности, что приводит, в конечном счете, к «запрограммированным» ошибкам, либо, как не печально, к даче заведомо ложных заключений.

Создание условий для оптимизации соотношения правовых и специальных знаний у судебных экспертов различных специальностей отдельные авторы видят во внедрении в учебный процесс новой «...модели подготовки судебных экспертов...». При этом делается вывод «...о возможности и достаточности реализации уровневой системы высшего профессионального образования — профильный «бакалавр» (физики, химии, экономики, филологии, психологии и т. д.) и «магистр права», при этом четко дифференцировав задачи дальнейшей профессиональной деятельности бакалавра и магистра»¹.

На наш взгляд, это предложение противоречит не только концептуальным положениям, сформулированным Р. С. Белкиным, но и требованиям законодательства. Очевидно, что эксперт-химик (физик, биолог и т. д.) должен иметь высокий уровень научных знаний именно в своей специфической сфере (химии, физике, биологии и т. д.) Именно этим он и представляет ценность для процесса расследования как «...лицо, обладающее специальными знаниями...» (ст. 57 УПК РФ)². Более того, регламентируя деятельность государственных судебных экспертов, законодатель прямо указывает, что «...должность эксперта ...может занимать гражданин..., имеющий высшее профессиональное образование и прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности...»³. Вместе с тем, в соответствии с положениями, выдвинутыми Р. С. Белкиным, как справедливо отмечает Е. Р. Россинская, лица, производящие судебные экспертизы, должны обладать «...помимо знаний в базовой науке, ... специфическими знаниями в области исследования вещественных доказательств, владеть сертифицированными

¹ Смирнова С. А., Ястребов О. А. Прогрессивные модели образовательной деятельности — залог подготовки судебно-экспертных профессионалов нового поколения / Судебно-медицинская экспертиза. С. 57—60.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017).

³ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Ст. 13.

и утвержденными методиками экспертного исследования, а кроме того — глубокими знаниями в области юридических наук»¹.

В этой связи, вполне оптимальной представляется организация обучения, профессиональной переподготовки и повышения квалификации, в том числе судебно-медицинских экспертов Министерства здравоохранения Российской Федерации, в рамках которой, согласно мнению А. Б. Шадымова, С. А. Фоминых, В. П. Дика (2017)², «...получить право осуществления самостоятельной трудовой деятельности по специальности «судебно-медицинская экспертиза» можно только после освоения программ высшего образования — подготовки кадров высшей квалификации (интернатура, ординатура) или профессиональной переподготовки с присвоением квалификации «врач судебно-медицинский эксперт». Такое обучение осуществляется, в основном, на профильных кафедрах судебной медицины и/или с курсом правоведения высших медицинских образовательных организаций, что и определяет профессиональную готовность к судебно-экспертной деятельности в области судебной медицины, сочетая в себе высокую профессиональную и оптимальную правовую, в том числе криминалистическую, подготовку»³.

В настоящее время продолжается работа по дальнейшему совершенствованию обучения судебно-медицинских экспертов вопросам юриспруденции. Так, в программах подготовки кадров высшей квалификации в ординатуре по специальности 31.08.10 Судебно-медицинская экспертиза и подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре по специальности 14.03.05 — Судебная медицина предполагается изучение теоретических основ использования специальных познаний в оперативно-розыскной деятельности в рамках Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон). Необходимость изучения этого закона обусловлена тем обстоятельством, что сотрудники судебно-медицинских экспертных учреждений в соответствии со ст. 6 и п. 4, ч. 2 ст. 7 этого Закона⁴ могут быть привлечены в качестве специалистов к проведению оперативно-

¹ Интервью с Е. Р. Россинской, директором Института судебных экспертиз, заведующей кафедрой судебных экспертиз Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина. Электронный ресурс <http://www.491602.pc-forums.ru/11657.html>.

² Шадымов А. Б., Фоминых С. А., Дик В. П. Профессиональные компетенции в дополнительных профессиональных программах по специальности «Судебно-медицинская экспертиза» (повышение квалификации и профессиональная переподготовка) / Судебно-медицинская экспертиза, 2017. № 1 (60). С. 60–65.

³ Ковалев А. В., Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н., Мартмянова А. А. Аспекты обеспечения законности и эффективности судебно-экспертной деятельности / Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: сборник научных трудов I Международного форума (7–8 июня 2017 г.): научное электронное издание (90,4 МБ). М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2017. 645 с. 1 электронный опт. диск (CD-R).

⁴ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Ст. 6, п. 4, ч. 2, ст. 7.

розыскных мероприятий в отношении лиц, без вести пропавших, и по фактам обнаружения неопознанных трупов.

Применительно к рассматриваемой теме следует отметить, что в практике работы органов правоохраны имеют место факты склонения или принуждения судебных экспертов к формированию ложной доказательной базы для восполнения острого дефицита доказательств или для их дезавуации.

Для обеспечения юридической состоятельности и психологической готовности противостоять этим криминальным процессам судебный эксперт должен быть хорошо знаком с положениями не только ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод», но и ст.ст. 295, 296, 302, 303, 309¹ и некоторых других, предусматривающих уголовную ответственность за деяния, посягающие прямо или косвенно на законность судебно-экспертной деятельности. Детальное изучение диспозиций этих статей и криминалистических характеристик, охватываемых ими преступлений, позволит судебным экспертам не только адекватно реагировать на подобные посягательства, но и профессионально документировать преступные действия недобросовестных участников судопроизводства².

В заключение хотелось бы отметить, что при всей незыблемости основных положений общей теории судебной экспертизы, сформулированных Р. С. Белкиным, необходимо вести планомерную работу по обеспечению их неразрывной связи с практической деятельностью, научно обоснованно корректируя содержательную их часть в соответствии с запросами практики.

Ковалев А. В., Владимиров В. Ю., Савчук С. А.

Криминалистическая характеристика преступления – эффективный инструмент ситуационного анализа многокомпонентных процессов в современном мире

Несмотря на неподдающееся оценке величине того вклада в становление и развитие отечественной криминалистики, который внес своими трудами и продолжает творить руками своих учеников и последователей Р. С. Белкин, его феномен, не только как ученого, но и как исторической личности, прежде всего, еще не достаточно изучен.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017).

² *Владимиров В. Ю., Ковалев А. В., Горбулинская И. Н., Мартымянова А. А.* Правовые и тактические аспекты обеспечения законности и эффективности судебно-экспертной деятельности // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее. Материалы международной научно-практической конференции (1–2 июня 2017 г.) / СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. 400 с.

По широте охвата его научных интересов, по методологической глубине их проработки, объему научных трудов, количеству и качеству учеников и последователей Р. С. Белкин давно и пока, на наш взгляд, неизбежно занимает ведущее место среди лучших представителей отечественной криминалистической науки.

Перечитывая очередной раз его труды, мы вновь и вновь обращаем внимание на то, с какой трогательной уважительностью к своим коллегам он препарирует те или иные положения, понятия и определения в криминалистике.

Так, например, раскрывая в своих трудах понятие криминалистической характеристики преступления¹, Р. С. Белкин весьма корректно и многогранно оценивает вклад каждого ученого-криминалиста в генезисе этой важнейшей криминалистической категории. При этом он всегда находит ту «изюминку», которая подчеркивает особую роль каждого из его коллег: «первое упоминание о криминалистической характеристике преступления мы встретили в работах А. Н. Колесниченко», «первое развернутое представление о криминалистической характеристике преступления дал Л. А. Сергеев», «позже... вновь лишь упомянул С. П. Митричев», «в учебном пособии И. Ф. Пантелеева и ... работах В. Г. Танасевича, В. А. Образцова и И. А. Возгина понятию и содержанию криминалистической характеристики преступления уделяется уже значительное внимание» и т. д.

Детально рассмотрев и проанализировав различные точки зрения на отдельные аспекты в рамках упомянутой темы, Р. С. Белкин синтезировал оптимальное определение криминалистической характеристики преступления, которое было принято всеми, ну, скажем, за основу. И это определение «живет» и работает и сегодня. При этом определение, как и внутреннее его содержание, не являются застывшими. Имея обусловленную своей природой внутреннюю стабильность, они варьируют с учетом меняющихся в обществе правоотношений в сфере уголовной и уголовно-процессуальной политики. Так, уже в 2000 году Р. С. Белкин, раскрывая понятие криминалистической характеристики преступления в своей работе «Криминалистическая энциклопедия» (2000)² включает в содержание этой криминалистической категории несколько дополнительных элементов (характеристику типичных версий и личности вероятного потерпевшего; описание типичных обстоятельств, способствующих совершению преступления), что в определенной степени расширяет научный потенциал и методические возможности этого криминалистического инструментария, акцентирует его на имеющие

¹ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1979, С. 183–193.

² Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 103.

существенное значение элементы правоотношений, возникающих в связи с совершением преступлений.

Говоря о той роли, которую играет криминалистическая характеристика преступления сегодня, следует обратиться к понятию предсказательной функции криминалистики¹, как основы для теории криминалистического прогнозирования. В более ранних своих трудах Рафаил Самуилович со ссылкой на Б. М. Шавера писал, что «в методике расследования преступления нельзя ограничиваться использованием только уже известных приемов совершения преступлений, ибо на основе изучения конкретных преступлений «можно определить еще не раскрытые, но возможные способы и приемы совершения преступлений»². Еще более определенно он сформулировал эту мысль, поддерживая О. М. Глотова в том, что «могут исчезнуть некоторые виды преступлений, однако, нельзя исключить и возможность появления новых видов преступлений. Например, преступления в области хранения и передачи информации ..., или в области использования современных достижений медицины и биологии ... Появление новых составов преступлений вызовет необходимость разработки новых разделов методики расследования ...»³.

К вопросу об исчезновении некоторых видов преступлений следует отметить, что в 1994 году в Российской Федерации «исчез» такой вид преступной деятельности как «Диверсия» (ст. 68 УК РСФСР)⁴. Этот состав был изъят из Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако, уже спустя два года законодатель вернул этот состав в УК РФ в виде ст. 281⁵, но в значительно купированном виде, изъяв из диспозиции массовые отравления людей, в том числе со смертельным исходом, распространение эпидемий и эпизоотий.

Причем тут криминалистическая характеристика преступлений? Да при том, что именно наложением матрицы криминалистической на известные события 2014 года, связанные с массовым отравлением людей, нам удалось, по нашему представлению, провести «ретроспективно-прогностическое» исследование сложившейся в тот период криминальной ситуации.

В сентябре-октябре 2014 года (в течение 20 дней) в ряде регионов России произошли массовые отравления (879 человек), в том числе со смертельным исходом (~3%). В подавляющем большинстве случаев

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 244.

² Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 2. Частные криминалистические теории. М., 1978. С. 345.

³ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 1. Общая теория советской криминалистики. М., 1977. С. 241.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. федеральных законов от 01.07.94 № 10-ФЗ, 13.12.94 № 59-ФЗ).

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

органами здравоохранения ставился предварительный диагноз — «отравление неизвестным ядом». Лавинообразное нарастание отравлений произошло с 23 по 26 сентября, когда ежедневно регистрировалось более 70 отравлений на территориях Кировской области и Ханты-Мансийского автономного округа. Причиной массовых отравлений явилось потребление психоактивных веществ (ПАВ) в виде курительных смесей¹.

В ходе проведения следственно-оперативных мероприятий было установлено, что в данных регионах произошел массовый сбыт новых ПАВ, не включенных в списки подконтрольных веществ, что значительно затрудняло привлечение виновных к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ (НСПВ), то есть являлось средством противодействия расследованию. Именно поэтому на первоначальном этапе проявления и развития этой токсической эпидемии должной реакции со стороны органов правоохраны не последовало. Лишь после того, как ситуация приобрела значительный общественный резонанс, органы наркоконтроля, МВД и СК России объединили свои усилия в разрешении этой нестандартной ситуации. Характер воздействия на организм человека свидетельствовал о наличии у нового ПАВ более выраженных токсических свойств, что не совсем характерно для наркобизнеса, т. к. способствует естественному вытеснению такого препарата с наркорынка другими НСПВ с более выраженным наркогенными свойствами и меньшей токсичностью. Исследование сбывавшегося наркодилерами в этих регионах нового ПАВ — «MDMB(N)-Bz-F» показало, что введение фтора в алкильный фрагмент этого каннабимиметика существенно повысило психомиметичность соединения, что обусловило наступление более тяжелых психозов, грубую дезорганизацию поведения и резкое возрастание вероятности смерти от внешних причин (утопление, падение с высоты, аспирация рвотными массами и т. д.)². Специфичность данного вещества, с учетом иных обстоятельств исследуемых событий, позволяет характеризовать его в соответствии с принятым в криминалистике определением оружия, как средство, специально предназначенное и технически пригодное для поражения живой цели, не имеющее прямого назначения в быту или производстве, и по своей токсичности представляющее такую же повышенную опасность, как иное отравляющее вещество аналогичного

¹ *Владимиров В. Ю., Грекова Е. В.* О необходимости активизации научных исследований в сфере обеспечения борьбы с транснациональным наркобизнесом / Сборник материалов международной научно-практ. конф. «Организационно-правовое регулирование безопасности жизнедеятельности в современном мире», 18–20 мая 2016 г. СПб., 2016. С. 18–22.

² *Васильев А. Б., Ризванова Л. Н., Булыгина И. Е. и соавт.* Опыт определения MDMB(N)-Bz-F в моче методами газовой хроматографии с моноквадрупольным масс-селективным детектированием и высокоэффективной жидкостной хроматографии с тандемным масс-селективным детектированием в случае массовых отравлений с гт. Сургут, Чебоксары, Киров // Наркология, 2014. № 12. С. 49–55.

действия. Сравнение же этого ПАВ с отравляющими веществами раздражающего действия (ОВРД) свидетельствует о его гораздо большей токсичности.

Субъективно действия наркосбытчиков были направлены на совершение преступлений, предусмотренных ст. 228–1 УК РФ¹ в отношении молодых людей, проживающих на урбанизированных территориях с повышенным уровнем наркотизации, что способствовало скоротечности массового сбыта и потребления. Однако фактически, за счет применения высокотоксичного ПАВ, в результате их действий был достигнут другой эффект — массовые отравления людей, в том числе со смертельным исходом, что охватывалось ранее диспозицией ст. 68 УК РСФСР «Совершение с целью ослабления ... государства ... иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений либо другого вреда их здоровью, ... а равно совершение в тех же целях массовых отравлений...»².

Обращает на себя внимание состав преступных групп, деятельность которых привела к массовым отравлениям людей. Более 2/3 из них являлись гражданами сопредельного государства, проводящего в отношении России недружественную политику. Более того, характер поступления ПАВ на территорию России, маршруты перемещения соучастников указывали, что преступниками применяются единообразные хорошо проработанные и отлаженные схемы конспиративного характера, с более высокой по сравнению с обычной степенью организованности при совершении аналогичных наркопреступлений.

К сожалению, отсутствие в новой редакции статьи «Диверсия» (ст. 281 УК РФ)³ действий, направленных на «... причинение телесных повреждений либо другого вреда их людям (здоровью), ...а равно совершение в тех же целях массовых отравлений...» не позволило в тот период предпринять адекватные меры к лицам, спланировавшим и реализовавшим в отношении значительной части населения Российской Федерации действия, направленные на причинение массового вреда здоровью, а, в конечном счете, на дестабилизацию общественных отношений в части регионов России.

Таким образом, криминалистическая характеристика преступления, разработанная нами для оценки криминальной сущности описываемых событий, на наш взгляд, довольно убедительно проиллюстрировала ту поспешность, с которой законодатель «оформил исчезновение» из уголовного закона такого состава как «Диверсия» в 1994 году и непро-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017).

² Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. федеральных законов от 01.07.94 № 10-ФЗ, 13.12.94 № 59-ФЗ).

³ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. федеральных законов от 01.07.94 № 10-ФЗ, 13.12.94 № 59-ФЗ).

думанность новой редакции этого состава преступления, возвращенного в уголовно-правовой инструментарий два года спустя, оставив без уголовно-правовой защиты от диверсионных посягательств жизнь и здоровье граждан.

В качестве практических рекомендаций полагаем целесообразным следственно-оперативному составу и судебно-экспертным учреждениям, специализирующимся на исследовании НСПВ, во всех случаях проведения судебно-экспертных исследований новых, а при необходимости и традиционных НСПВ, наряду с наркогенностью исследуемого вещества, определять и степень его токсичности с дифференциацией, как собственной токсичности, так и приобретенной за счет каких-либо примесей. Это позволит своевременно выявлять и оперативно купировать потенциальные угрозы в части нанесения вреда здоровью и жизни людей, а также массовые отравления с трудно прогнозируемыми последствиями.

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть социально-историческую значимость вклада Р. С. Белкина в развитие научно-практического потенциала криминалистики, общей теории судебной экспертизы, теории оперативно-розыскной деятельности и других смежных отраслей права и выразить надежду на то, что его научное наследие станет предметом широкого изучения не только в учебном процессе, но и на Международных научно-практических форумах на постоянной основе, а возможности их практического применения будут учитываться не только работниками следственных, судебных органов и судебно-экспертных учреждений, но и нашим российским законодателем.

Ковалева А. В.

О некоторых аспектах невербальной коммуникации

Деятельность по выявлению, расследованию, предупреждению преступлений представляет собой познание событий прошлого, которое в принципе невозможно без получения определенной информации, которая в рамках уголовно-процессуальной деятельности носит характер криминалистической информации. «Криминалистическая информация представляет собой гносеологическую деятельность по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению уголовно-наказуемых деяний, направленная на познание обстоятельств преступления, процессуальным и непроцессуальным путем выявления, фиксации, накопления, анализа и использования информации, отражающей стороны исследуемого события»¹.

¹ Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М., 1969. 216 с.; Белкин Р. С. Криминалистика: учебный словарь-справочник. М., 1999. 268 с.

Не любая информация, полученная в ходе расследования уголовного дела может являться доказательством в силу строгих требований уголовно-процессуального законодательства и законодательства, регулирующего оперативно-розыскную деятельность. Однако, учитывая всю сложность и ограниченность по времени деятельности по расследованию преступлений, следователь не может себе позволить «разбрасываться» полученными данными. Исходя из этого, всю криминалистическую информацию принято разделять на:

- доказательственную — информацию, которая находит свое процессуальное оформление в виде протоколов проведения следственных действий, вещественных доказательств, документов и так далее;
- ориентирующую, то есть ту, которая может поступать из разных источников, не предусмотренных в качестве источников получения доказательств, таких как, например, оперативные каналы, слухи, мнения, предположения.

Ориентирующая информация является неофициальной, не получает своего закрепления в процессуальных действиях и, в свою очередь, может быть разделена на:

- вербальную — речевую;
- невербальную — неречевую.

Невербальная информация может быть представлена как связь между внутренними особенностями, переживаниями человека и его внешними характеристиками, которая выражается в том, что «морфологические и функциональные особенности есть не что иное, как форма и содержание человеческого организма, которые отличаются количественно и качественно по своим биохимическим, физиологическим и психологическим реакциям»¹.

Особое значение невербальной коммуникации для получения информации выражается в том, что:

- язык невербального общения имеет интернациональный характер и основной набор внешних проявлений не зависит от национальной, религиозной, расовой принадлежности;
- мимика и жестикуляция в большинстве своем неподконтрольны сознанию человеку и несут в себе информацию, исходящую непосредственно из мозга.

Источниками невербальной информации помимо общеизвестных компонентов языка телодвижений, таких как мимика и жесты, также являются «степень ухоженности рук, татуировки, состояние при-

¹ *Скрытник А. И., Лаговский А. Ю., Бегунова Л. А.* Значение поведенческих реакций подготавливаемого для экспресс-оценки его психологических особенностей: методическое пособие. М., 1995. С. 3–4.

чески, запаховые следы, одежда человека, другие внешние признаки и аксессуары»¹.

На сознательном уровне большая роль в невербальном восприятии отводится внешнему виду человека. В этой связи одежда может поведать лицу, воспринимающему информацию, не только о материальном статусе человек, но также и о круге его общения, принадлежности к той или иной социальной группе, о круге интересов человека, его аккуратности, склонности к увлекательности и так далее. Вместе с этим велико значение цветовых предпочтений, которые связывают с проявлениями характера, психическом, психологическом и эмоциональном состоянии лица.

Не такой очевидной, но вместе с тем не менее важной областью получения невербальной информации являются запахи, сопутствующие человеку. Говоря о запахах, во внимание принимаются как естественные запаховые проявления человека, так и искусственные, сознательно используемые человеком.

Речь человека также является важным носителем информации, но не с точки зрения проговариваемой информации, а с точки зрения невербальных данных, которые можно получить при правильной трактовке, темпа речи, голоса, дикции, эмоциональности и так далее. Например, на практике выясняется, что произносимая ложная информация, как правило, менее эмоциональна из-за невозможности лицом пережить эмоции и внутренние ощущения, которые соответствовали бы сообщаемой информации. С другой стороны, о кропотливой подготовке колжи могут свидетельствовать чрезвычайно четкие, детальные воспоминания, которые не согласуются с общим уровнем речи человека.

Основным же источником невербальной информации остаются положения рук, головы, тела в целом, произвольные жесты. И если вышеупомянутые характеристики могут дать нам представление о свойствах присущих личности, то положения рук, головы, тела в целом, произвольные жесты могут указать на попытки человека скрыть информацию обмануть, его намерения, чувства.

Вместе с этим всю информацию, которую хочет получить следователь используя приемы и методы невербальной коммуникации можно свести к минимуму или даже ввести в заблуждение, если использовать натренированные заученные жесты. Выделяют три таких способа:

- «предъявление иной программы поведения через «вживание в образ» человека, испытывающего иные чувства;
- сознательное контролирование каждого своего поведенческого акта во время беседы;

¹ Протасевич А. А., Образцов В. А. Раскрытие убийств: нетрадиционные методы, приемы, рекомендации. Очерки теории и практики следственной работы. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. С. 91.

— формирование программы запретов на уровне подсознания»¹.

Однако такие приемы не только требуют долгой подготовки, на которую у лица, зачастую нет достаточного количества времени, но и не могут контролироваться долгое время, так как должны блокировать проявление бессознательных проявлений человека. «Проблема лжи заключается в том, что наше подсознание работает автоматически и независимо от нас, поэтому наш язык телодвижений выдает нас с головой»². Ложь человека сопровождается самопроизвольными мельчайшими движениями, спровоцированными нервными импульсами головного мозга, реагирующими на противоречие сознания (которое пытается солгать) и подсознания (которое «знает» правду).

Возможность ошибиться при трактовке невербальных проявлений может быть сведена к минимуму, если анализировать, во-первых, несколько источников (областей) получения такой информации, во-вторых, увеличением продолжительности наблюдения за невербальными проявлениями.

Как уже было упомянуто нами ранее, невербальная информация не является процессуальной информацией, следовательно, не может быть использована в качестве доказательств по уголовному делу, и тем более не может являться основанием для обвинения и даже оправдания лица. Однако ее использование призвано помочь следователю в выдвижении и проверке версий произошедшего, получении дополнительной информации, которая может стать основой получения новой процессуальной информации, что в конечном счете будет способствовать установлению всех обстоятельств произошедшего в том виде, в котором они имели место в прошлом, то есть достижению истины по делу, и вынесению законного и обоснованного итогового решения процессуальной деятельности, минуя различные уловки лиц, которыми они пытаются скрыть правду.

Рыжак Ю. Ф., Кожанова Б. К.

Проблемные вопросы контроля оборота синтетических наркотиков в Республике Казахстан

Наркотические средства были известны во всех мировых цивилизациях: в Древнем Египте, Древней Индии, в Древней Греции и многих других. Самой древней и популярной разновидностью наркотических

¹ *Панасюк А. Ю.* А что у него в подсознании? (12 уроков по психотехнологии проникновения в подсознание собеседника). М.: Дело, 1996. С. 46.

² *Луценко О. А.* Невербальные коммуникации при расследовании преступлений // Актуальные проблемы современной криминалистики // Материалы научно-практической конференции: в 2 ч. Симферополь — Алушта, 19–21 сентября 2002 г. Симферополь: Доля, 2002. С. 139.

средств являлись марихуана, гашиш, изготовленные из растения рода Конопли — *Cannabis sativa*, Измельченные верхушечные части Конопли использовали от нервных расстройств, подагры и ревматических болей.

В 1803 году впервые был получен морфий, а полвека спустя Шарль Пправз и Александр Вуд изобрели шприц, с помощью которого морфий стали вводить внутривенно. В это же время были синтезированы полусинтетические наркотики: кокаин и героин. Первоначально кокаин и героин активно рекламировались компаниями в качестве медицинских препаратов. Широкая рекламная акция привела к их быстрому и массовому распространению.

В середине 20 века употребление различных наркотических средств стало нормой для представителей творческих личностей (музыканты, художники, писатели, представителями высокой моды). К концу века распространение приобрело колоссальные масштабы и проблема наркомании превратилось в проблему мирового уровня.

Не обошла эта проблема и республики бывшего СССР. Конопля имела повсеместное распространение: в Европейской части СССР основным сырьем для получения наркотических веществ являлась посевная конопля, а в Казахстане и средней Азии — дикая. Проблема борьбы с наркоманией относилась к числу актуальных социальных проблем, на необходимость решения которых указывалось в программных документах партии и правительства. В целях усиления борьбы с наркоманией Совет Министров СССР принимал Указы и постановления, направленные на дальнейшее совершенствование законодательства в рассматриваемой области.

После распада СССР проблема усложнилась необходимостью каждой республике самостоятельно разрабатывать законодательные акты по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с учетом геополитического положения. Казахстан занимает особое геополитическое положение в Центральноазиатском регионе, за счет того, что граничит с Узбекистаном, Кыргызстаном, Туркменистаном, Китаем, Монголией и Россией. Часть границы Казахстана с Российской Федерацией приходится на Павлодарскую область.

Согласно практике экспертов Института судебной экспертизы по Павлодарской области ЦСЭ МЮ РК к концу 90-х годов 20 века самыми распространенными объектами, поступающими на экспертизу в области в огромном количестве, был опий и марихуана. И только в 1998 году на экспертное исследование впервые поступил героин.

Спустя несколько лет опия становилось все меньше, количество экспертиз по марихуане и героину возрастало. Согласно статистике по Павлодарской области с каждым годом количество экспертиз по наркотикам растительного и полусинтетического происхождения уменьшалось, но на смену им все чаще стали приходиться вещества неизвестного синтетического происхождения.

Сведения представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сведения об экспертизах за период с 2007 года по 2012 год

Вид наркотического средства \ Год	Опий	Наркотические средства из растения рода Конопля	Героин	Неизвестное
2007	265	701	306	5
2012	62	471	101	71
2015	13	443	52	109

Учитывая вышеизложенное, в 2015–2016 году в ИСЭ по Павлодарской области руководством Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан было принято решение о необходимости обеспечения данного подразделения новым оборудованием и стандартными образцами наркотических средств и психотропных веществ. Что позволило в свою очередь экспертам устанавливать природу неизвестных ранее синтетических наркотических средств и психотропных веществ и расширило возможности экспертных исследований.

Так, уже в 2016 году в ИСЭ по Павлодарской области на экспертное исследование были предоставлены более двухсот объектов таких синтетических наркотиков как α -PVP, 4MMK, 25I-NBOMe (легкая доза находится в границах между 200 — 600 μg^1 , что равно 0,0002 — 0,0006 г), синтетический каннабиноид AB-CHMINAKA, MAB-FUBINAKA, MDMB-CHMINAKA. Количество экспертиз по наркотикам синтетического происхождения возрастает.

Экспертная практика позволила экспертам разделить поступающие на исследования наркотические средства и психотропные вещества на три условные группы:

1 группа — наркотические средства и психотропные вещества, контролируемые Законом Республики Казахстан «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими»²;

2 группа — аналоги наркотических средств и психотропных веществ, контролируемых Законом Республики Казахстан «О наркотических

¹ 25I-NBOMe. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/25I-NBOMe#cite_note-erowid-dose-5 (дата обращения 01.11.2016).

² Закон Республики Казахстан «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими». № 2 79 от 10.07.1998. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000279_ (дата обращения 01.11.2016).

средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими»¹;

3 группа — наркотические средства и психотропные вещества синтетического происхождения, обладающие высоким наркогенным потенциалом, скорость развития зависимости и токсическое действие которых, делают эти вещества крайне опасными для здоровья населения², не контролируемые Законодательными актами и не являющиеся аналогами, контролируемых наркотических средств и психотропных веществ.

Попыткой пресечения распространения веществ 3 группы было внесение двадцати семи наименований синтетических наркотиков в Список, являющийся приложением к Закону Республики Казахстан «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими»³. Но данные меры не позволяют контролировать синтезируемые наркодельцами так называемые «новые наркотики», из-за быстрого изменения изначальной структуры контролируемых веществ.

Аналогичная проблема с контролем за наркоситуацией стоит не только перед Казахстаном. В мире каждая страна пытается найти выход для борьбы с распространением синтетических наркотиков по разному.

Например, в Российской Федерации Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащие контролю, утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации № 681 от 30 июня 1998 года⁴. Данный Перечень постоянно пополняется новыми названиями наркотических средств и психотропных веществ, что очень сокращает время внесения дополнений.

В Республике Беларусь Президент 28 декабря 2014 года подписал Декрет «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков»⁵.

¹ Закон Республики Казахстан «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими». № 279 от 10.07.1998. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000279> (дата обращения 01.11.2016).

² World Health Organization, Critical Review Report, Agenda item 4.19 Expert Committee on Drug Dependence. Thirty-sixth Meeting, Geneva, 16–20 June 2014.

³ Закон Республики Казахстан «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими». № 279 от 10.07.1998. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000279> (дата обращения 01.11.2016).

⁴ Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/12112176/#ixzz4OkT6wiPB> (дата обращения 01.11.2016).

⁵ О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-10535/ (дата обращения 01.11.2016).

В данном Декрете предусмотрены положения, в соответствие с которыми упрощается процедура отнесения новых психоактивных веществ к наркотикам и введения тем самым запрета на их незаконный оборот в Беларуси, кроме этого закрепляется механизм оперативного ограничения доступа пользователей интернет-услуг к интернет-ресурсам, содержащим материалы, направленные на незаконный оборот наркотиков. Решения о таком ограничении принимаются Мининформом на основании письменных уведомлений МВД и являются обязательными для исполнения всеми поставщиками интернет-услуг на территории Беларуси.

Очень интересно подошли к решению данной проблемы в Швеции. Там действует «Закон об уничтожении некоторых видов веществ, вредных для здоровья». Данный Закон позволяет прокурорам изымать из оборота и уничтожать ряд веществ, которые не использовались прежде в медицинских целях и в отношении которых в настоящее время проводятся исследования для определения их наркогенности.

В Финляндии в 2011 году на республиканском уровне была принята упрощенная система включения новых наркотических веществ в список запрещенных постановлением правительства.

В Латвии список наркотических веществ заменен списком основных формул химических групп психотропных веществ. Таким образом сходные по химической формуле с веществами, уже включенными в список запрещенных к обороту новые синтетические вещества способствует эффективному ограничению оборота дизайнерских наркотиков.

В Республике Казахстан, учитывая ассортимент и скорость распространения синтетических наркотиков, депутатом С. Акылбай было внесено предложение о необходимости упрощения процедуры отнесения вещества к наркотическим, а именно «утвердить постановлением правительства перечень новых потенциально опасных наркопсихоактивных веществ, запрещенных на территории РК. Таким образом, список всем известных запрещенных наркотиков естественного происхождения будет регулироваться законом, а перечень синтетических наркотиков из-за скорости их изменения — постановлением правительства»¹.

За счет резкого возрастания оборота наркотических средств, наркоситуация в Казахстане требует незамедлительного принятия кардинальных мер, так как данная проблема представляет огромную угрозу не только для здоровья и нравственности населения, но и политической стабильности государства, и национальной безопасности.

¹ Депутат озаботился скоростью появления новых синтетических наркотиков в РК. URL: <https://www.zakon.kz/4820077-deputat-ozabotilsja-skorostju.html> (дата обращения 01.11.2016).

Психологические аспекты расследования самоубийств

Процесс расследования самоубийств имеет свои психологические особенности, это и проблема доведения до самоубийства, а также убийства, замаскированного под самоубийство, в котором определяющим является анализ событий, предшествующих трагедии, так как решение добровольно уйти из жизни является завершающим этапом переживаемой индивидом фрустрации, обесценивающей смысл человеческого существования и толкающей его на совершение рокового шага.

Проблема суицида является многоаспектной. Она существовала на всем протяжении истории человечества и, как правило, принимала характер психологической эпидемии на определенных этапах его развития. Для построения криминалистической версии и планирования расследования преступления наряду с конкретными фактическими данными основаниями версии могут стать аналогия и интуиция, которые базируются на знании психологии человека выбравшего самоубийство в качестве завершающего жизненного шага. Повышение эффективности этого процесса обусловлено применением знаний различных научных направлений, к ним относятся, в частности, криминалистика, юридическая психология, взаимно дополняющие и обращающие друг друга. Как отмечал Р. С. Белкин: «Криминалистика далеко ушла в своем развитии. Ни на одну из наук, считающихся правовыми, не оказал такого влияния научно-технический прогресс и его последствия, как на криминалистику. Не говоря о том, что прямым следствием научно-технического прогресса стало формирование ее общей теории, все остальные разделы криминалистической науки буквально насыщены «инородными» знаниями, ставшими органическими составляющими криминалистики. Это уже зачастую не простая связь с другими областями знания, а проникновение последних в недра самой материи криминалистики. Следовательно, сейчас говорить о «частных и локальных» связях криминалистики с иными областями знания — значит просто игнорировать те изменения, которые произошли в природе этой науки»¹.

В научной и научно-популярной литературе неоднократно писалось о так называемом эффекте или синдроме Вертера — массовой волне подражательных самоубийств, которые совершаются после самоубийства, широко освещенного телевидением или другими СМИ, либо описанного в популярном произведении литературы или кинематографа. Термин был введен американским ученым Дэвидом Филлипсом, который иссле-

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма (Издательская группа НОРМА — ИНФРА • М), 2001. 240 с. [электронный ресурс] URL: <https://lektsii.org/7-81632.html> (дата обращения 12.11.2017).

довал волну подражающих самоубийств, прокатившуюся по всей Европе в конце XVIII века и спровоцированную распространением романа Гете «Страдания юного Вертера», отсюда и произошло название феномена.

Иоганн Вольфганг Гете был кумиром своего поколения и своего рода пророком. Его дом в Веймаре был центром культурной жизни Германии, к его мнению прислушивались его современники, ему внимали с восхищением, и все, что выходило из под его пера, воспринималось ими как нечто совершенное. Это и произошло после выхода уже упомянутого романа. Волна подражательных самоубийств прокатилась по Европе и во многих странах издание этого романа было запрещено.

Как известно, написанный в 1792 году роман Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» также спровоцировал подобную ситуацию. Волна самоубийств среди молодых девушек прекратилась после того, как власти, борющиеся с этим явлением, стали ставить около прудов и озер столбы со следующей надписью:

*«Здесь в воду кинулась Эратова невеста,
тонитесь, девушки, в пруду довольно места».*

Упомянутые факты говорят о том, что власти пытались противостоять суицидальным формам поведения.

Глубокий анализ того, что лишает человека смысла к существованию, процесс деградации определенной и весьма значительной части современного общества, нищету жизненных ценностей, потерю духовных ориентиров, экзистенциальный кризис человечества, утраты иммунитета к абсурду блестяще представлен в работе Е. П. Ищенко «О пророках и пророчествах», изданной в 2017 году. Автором рассматривается ряд законодательных актов, принятых в различных странах мира, многие из которых противоречат нормам морали и нравственности, а в определенных ситуациях обыкновенному здравому смыслу, не запрещающими педофилию, зоофилию и многое-многое другое, что однозначно не способствует нравственному совершенствованию и духовному росту индивида. Такая вседозволенность приводит человека к растерянности, непониманию происходящего, что провоцирует, в том числе, суицид. По оперативным данным Росстата за три квартала 2017 года 15,8 тысяч человек покончили самоубийством в России¹.

Хотелось бы остановиться еще и на таком явлении, название которому дал Френсис Бэкон — «легкая смерть» или эвтаназия, имеющая другое название ассистируемая смерть, но по сути являющаяся разновидностью самоубийства.

¹ Демография на 1 октября 2017 года // [Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстата)]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b17_00/IssWWW.exe/Stg/dk10/8-0.doc (дата обращения 10.11.2017).

Выделяются два основных вида эвтаназии: пассивная эвтаназия (намеренное прекращение медиками поддерживающей терапии) и активная эвтаназия (введение умирающему медицинских препаратов либо другие действия, которые влекут за собой быструю и безболезненную смерть). К активной эвтаназии часто относят и самоубийство с врачебной помощью (предоставление больному по его просьбе препаратов, сокращающих жизнь).

Помимо этого, необходимо различать добровольную и недобровольную эвтаназию. Добровольная эвтаназия осуществляется по просьбе больного или с предварительно высказанного согласия. Например, в США распространена практика заранее и в юридически достоверной форме выражать свою волю на случай необратимой комы. Недобровольная эвтаназия осуществляется без согласия больного, как правило, находящегося в бессознательном состоянии. Она производится на основании решения родственников, опекунов и т.п. Совет по этике и судебным делам Американской медицинской ассоциации допускает при этом, что эти решения могут быть «не обоснованными». Однако, в случае «компетентного решения», считается, что люди имеют право принимать решения, которые другие считают неразумными, поскольку их выбор проходит через компетентно обоснованный процесс и совместим с их личными ценностями.

Впервые эвтаназия была легализована в Нидерландах. В 1984 году Верховный суд страны признал добровольную эвтаназию приемлемой. 1 апреля 2002 года эвтаназия в Нидерландах стала легальной. Принятие какого-либо важного решения может иметь отдаленные последствия, свидетельствующие о том, насколько оно было разумным и полезным. Сейчас страна, которая первой законодательно легализовала эвтаназию переживает эпидемию асценированных самоубийств, заставляющих сомневаться в правильности принятого решения¹.

Заканчивая краткий обзор темы эвтаназии, необходимо упомянуть и о так называемых суицидальных турах в страны, где суицид законодательно разрешен, и которые становятся все более и более популярными. Стоит отметить, что в России проблема эвтаназии не урегулирована в законодательном порядке.

Таким образом, расследование самоубийств включает в себя анализ объективных и субъективных факторов в ситуации, в которой вторые формируются в большей степени под влиянием первых. В данной работе мы рассмотрели некоторые важные тенденции суицида. Знание этих тенденций дает возможность объективного проведения посмертной судебно-психологической экспертизы,

¹ Голландию охватила эпидемия эвтаназии // [Официальный сайт Телекомпании НТВ]. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1943784/> (дата обращения 19.10.2017).

которая заключается в «установлении наличия или отсутствия у лица в период, предшествовавший смерти, психического состояния, предрасполагавшего к самоубийству. Это требует проведения посмертной судебно-психологической экспертизы, которая может оказаться полезной, если следственные органы располагают сведениями о совершении определенными людьми действий, провоцирующих самоубийство (доведение до самоубийства), а также при возникновении предположения относительно инсценировки самоубийства»¹.

Подводя итог сказанному, рассматривая психологические проблемы суицида, мы должны понять, какую ответственность должны нести СМИ, провоцирующие подражательные самоубийства, осуществляющие негативную пропаганду вседозволенности, влекущую потерю смысла жизни и толкающими человека к роковому шагу — самоубийству, противоречащему основным инстинктам, лежащим в основе сохранения цивилизации, — инстинктов самосохранения и продолжения вида.

Для нейтрализации и устранения подобных негативных явлений пропаганда должна быть направлена на помощь потенциальным жертвам, учитывать уроки истории борьбы с данным явлением, давать надежду на лучшее и благоприятный выход из жизненного тупика. В уже цитируемом сочинении Е. П. Ищенко приводит мнение известного целителя и психолога Михаила Миллера, который считает, что «каждый человек может круто изменить свою судьбу. По его мнению, иной раз жизнь заставляет нас совершать, казалось бы, бессмысленные поступки. Однако это нужно для искупления ошибок, которые мы совершали в прошлых жизнях, и дальнейшего развития. Создавая человеку массу трудностей, окружающий мир заставляет его действовать. Ведь, положив руку на сердце, следует признать, что все мы очень ленивы. Пока гром не грянет, даже не перекрестимся. <...> для изменения своей судьбы следует сосредоточиться и представить себе во всех деталях желаемое событие с обязательной мотивировкой — зачем это нужно. Затем о заказе рекомендуется забыть. Через некоторое время желаемое обязательно свершится. Свои аргументы он подкрепляет известным постулатом Пифагора: «Космос гармоничен, и его гармонию можно выразить соотношением чисел — все есть число. Все оттенки смысла умное число передает. А жизнь есть единство противоположностей, четного и нечетного, двойки и единицы»².

¹ *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2006. 656 с.

² *Ищенко Е. П.* О пророках и пророчествах. М.: Проспект, 2017. С. 192.

Колесникова Н. С.

Вклад профессора Р. С. Белкина в профессиональную этику судебного эксперта

В структуре судебной экспертологии, разработанной профессором Е. Р. Россинской, в качестве одной из составляющих выделяется профессиональная этика судебного эксперта.

Следует признать, что весомый вклад в развитие этики судебного эксперта внесли выдающиеся криминалисты Р. С. Белкин и В. Д. Арсеньев. Под авторством ученых в 1968 г. на страницах Сборника научных трудов «Методология судебной экспертизы» была опубликована статья «Нравственные начала деятельности судебного эксперта». Ценность данного труда подтверждается не только значимыми для теории и практики судебной экспертизы разработанными положениями, но и самим фактом выбранной для исследования темы — темы нравственности судебного эксперта. Небезызвестно, что в судебной экспертологии данная проблема анализируется довольно редко. Это подчеркивают и сами исследователи: «Нравственные начала этики судебного эксперта мало изучены. Их рассмотрению посвящена лишь одна статья Л. Е. Ароцкера «Об этике судебного эксперта», представляющая несомненный интерес, хотя и содержащая некоторые спорные положения»¹.

Далее необходимо обратить внимание на ключевые идеи Рафаила Самуиловича и Виталия Дмитриевича. Авторы разделяют взгляды Л. В. Ароцкера о существовании в экспертной этике общих и особенных нравственных начал. К числу особенных, сугубо профессиональных (экспертных) начал, криминалисты относят нижеследующие положения.

Объективность и беспристрастность судебного эксперта. Это означает, что эксперт не должен в ходе экспертизы связывать себя ни версией обвинения, ни версией защиты, напротив — он должен искать истину, а в случае невозможности, — сообщить об этом. Кроме того, данные нравственные начала предполагают незаинтересованность эксперта в исходе дела, что означает пресечение всяческих неофициальных контактов с лицами, заинтересованными в исходе дела.

Принципиальная стойкость, которая по своей природе является особенностью характера, и самостоятельность в суждениях, что есть проявление компетентности судебного эксперта.

Самокритичность эксперта важна для признания собственных ошибок, возникших в производстве экспертизы и подготовке заключения.

¹ Арсеньев В. Д., Белкин Р. С. «Нравственные начала деятельности судебного эксперта» // Методология судебной экспертизы. Сборник научных трудов. М.: ВНИИСЭ, 1986. С. 83. 203 с.

Научная добросовестность означает то, что эксперт должен проводить полное, всестороннее исследование. В его деятельности должна отсутствовать спешка, поверхностность. Сюда же входит и экспертная инициатива. Добросовестность характеризуется еще и тем, что эксперт должен следить за развитием уровня науки и техники, быть осведомлен о появляющихся методах и методиках, заботиться о своей переподготовке и повышении квалификации.

Корректность поведения. Ученые обращают внимание на аспект уважительного отношения к коллегам вообще, а в особенности при производстве комиссионных и повторных экспертиз. Кроме того, эксперт должен вести себя сдержанно и в ходе выступления в суде.

К числу важнейших нравственных начал в деятельности судебного эксперта ученые также относят умение хранить тайну, а также соблюдение законности.

Надлежит обратить внимание, что в завершающей части статьи многоуважаемые ученые отмечают необходимость исследования темы профессиональной этики, что подтверждается следующим тезисом: «Нравственные основы судебно-экспертной деятельности заслуживают глубокого научного исследования. В настоящей статье лишь сделана попытка наметить некоторые проблемы такого исследования, назвать нравственные категории, особо значимые для деятельности судебного эксперта»¹.

Нравственные начала, описанные Р. С. Белкиным и В. Д. Арсеньевым в полной мере актуальны и на сегодняшний день. Более того, ученые одними из первых указали важнейшие нравственные принципы, которые признаются не только доктриной и практикой, но и действующим законодательством. В ст. 4 Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (далее — ФЗ ГСЭД) перечисляются принципы, на которых основывается судебно-экспертная деятельность в РФ. Таковыми являются принципы законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Таким образом, учеными-криминалистами еще 1968 году поддерживались принципы, которые легли в основу действующего законодательства о судебной экспертизе.

Исследователи, озаглавив статью «Нравственные начала деятельности судебного эксперта», затронули одну из вечных и важнейших тем. С нашей точки зрения, абсолютно точно, основные начала, содержащиеся в статье Р. С. Белкина и В. Д. Арсеньева, а впоследствии

¹ Арсеньев В. Д., Белкин Р. С. Нравственные начала деятельности судебного эксперта // Методология судебной экспертизы. Сборник научных трудов. М.: ВНИИСЭ, 1986. С. 92. 203 с.

нашедшие отражение в том или ином объеме в ФЗ ГСЭД являются по своему содержанию нравственно-этическими, поэтому в силу своего фундаментального значения требуют детального научного изучения и развития. Необходимость совершенствования принципов, закрепленных в ст. 4 ФЗ ГСЭД, еще подтверждается и тем, что на законодательном уровне они не раскрыты достаточно полно. Это можно проследить на примере принципа объективности. Так, согласно ст. 8 объективность означает то, что эксперт проводит исследования объективно. Думается, данное законодателем определение требует подробных разъяснений.

Что же следует понимать под объективностью судебного эксперта? В философской энциклопедии объективность трактуется как независимость суждений, мнений, представлений и т. п. от субъекта, его взглядов, интересов, вкусов, предпочтений и т. д. (противоположность — субъективность). Объективный судебный эксперт должен быть свободен от всяких стереотипов, шаблонов при проведении экспертизы, поскольку каждое исследование в какой бы то ни было степени индивидуально, оригинально. Разумеется, эксперт не должен быть заранее настроен на желаемый результат. Эксперт должен учитывать все значимые для проведения исследования факторы, а также использовать необходимые методы и методики. «При исследовании и оценке материалов, представленных на экспертизу, подготовке и формулировании выводов экспертного исследования эксперт должен исключить недобросовестность, предвзятость, тенденциозность»¹. Полученные выводы должны вытекать из проведенного исследования. Объективность предполагает проведение исследования на строго научной основе, включающей научно-обоснованную и практически апробированную методику. Недопустимо подменять исследование чем-либо другим (например, расчетами). Условием объективности считается проведение экспертизы в пределах соответствующих специальных познаний (то есть познаний «которыми профессионально владеет лишь узкий круг специалистов»²).

О принципе объективности судебного эксперта можно рассуждать еще более развернуто и детально, однако в рамках данной статьи следует ограничиться довольно краткой характеристикой.

Таким образом, приведенный пример показывает, что принципы экспертной деятельности, с одной стороны, в силу своего основополагающего характера, с другой стороны, ввиду недостаточной научной разработанности, требуют глубокого изучения и развития.

Возвращаясь к значимости статьи Рафаила Самуиловича и Виталия Дмитриевича, отметим, что ученые актуализировали в среде теоретиков и практиков экспертного сообщества важность не только темы нрав-

¹ *Кашенов В. П.* Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М., 2003. С. 11.

² *Эйсман А. А.* Заключение эксперта. М., 1967. С. 91.

ственных принципов судебного эксперта, но и темы нравственности и этики в целом.

В заключение важно сказать, что вопросы этики в судебно-экспертной деятельности имеют фундаментальное значение. Вместе с тем, здесь требуются глобальные научные разработки как отдельных этических проблем, так и комплексный анализ, а также обобщение имеющегося опыта с привнесением новых и актуальных идей. Более того, сфера научных разработок не должна замыкаться лишь на исследовании этики судебного эксперта, она должна обогащаться за счет исследованиями этики всех субъектов судебно-экспертной деятельности.

Колотов С. М., Савицкий А. А.

Актуальные проблемы проведения судебной финансово-экономической экспертизы операций с цифровыми активами, созданными на основе технологии blockchain

Судебная финансово-экономическая экспертиза является одним из самых распространенных видов экспертиз, однако, с развитием научно-технического прогресса и появлением новых видов активов даже в отношении этого вида экспертиз имеется неопределенность в отношении методик ее проведения.

В первую очередь необходимо отметить, что данная экспертиза имеет различные определения, в соответствии с классификацией различных судебно-экспертных учреждений. Так, в соответствии с Приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237¹ под финансово-экономической экспертизой понимается: *«исследование показателей финансового состояния и финансово-экономической деятельности хозяйствующего субъекта»*. При этом, другая классификация, изложенная в Приказе МВД России от 29.06.2005 № 511² иначе классифицирует данный род (вид) экспертиз. К экономическим экспертизам в соответствии с вышеупомянутым приказом МВД России, кроме судебно-бухгалтерской экспертизы, которая присутствует как в приказе Минюста России, так и в приказе МВД России, относятся:

- налоговая экспертиза (исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов);

¹ Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России».

² Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации».

- финансово-аналитическая (исследование финансового состояния);
- финансово-кредитная (исследование соблюдения принципов кредитования).

Исходя из вышеизложенного необходимо отметить, что исходя из определения финансово-экономической экспертизы при производстве данной экспертизы проводится *анализ показателей деятельности* хозяйствующего субъекта, а не только его финансового состояния, как в случае с финансово-аналитической экспертизой.

Р. С. Белкин писал в отношении развития судебной экспертизы в 70-х и 80-х годах следующее: «*под влиянием научнo-технического прогресса и таких тенденций, как интеграция и дифференциация научного знания, специализация и кооперация трудовых усилий, развитие новых технологий, в экспертной практике и специальной литературе обозначились проблемы, требующие своего законодательного решения*»¹. В современных условиях при производстве экономических экспертиз влияние данных тенденций только усиливается, поскольку развитие новых технологий и научно-технический прогресс приводят к возникновению активов и операций, обладающих новыми сочетаниями свойств. В частности, это относится к активам, в основе появления которых лежат компьютерные технологии, в особенности технология blockchain². Развитие данной технологии позволило создавать децентрализованные цифровые активы (часто некоторые их виды называют «криптовалютами»), решения в области обмена ценностями, аутентификации, обмена информацией, инвестирования и др.

Для проведения экономической экспертизы, в частности финансово-экономической экспертизы, необходимо доподлинно установить какие объекты должны быть исследованы. Данное условие требует также надлежащей классификации актива, операции с которым исследуются при проведении финансово-экономической экспертизы.

Действующее законодательство напрямую не устанавливает, к какой именно категории активов относятся цифровые активы, созданные на основе технологии blockchain, но на основании их основных признаков их можно отнести к финансовым активам на основании следующего.

Согласно действующему законодательству под активами понимаются, в частности (п. 2 ст. 5 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», п. 1.2 Методических указаний по инвентаризации, утвержденных Приказом Минфина РФ от 13.06.1995 № 49 «Об утверждении Методических указаний по инвентаризации имущества и финансовых обязательств»):

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 2001.

² Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin Is Changing Money, Business, and the World, ISBN 978–1101980132.

- основные средства;
- нематериальные активы;
- финансовые вложения;
- производственные запасы;
- готовая продукция;
- товары;
- прочие запасы;
- денежные средства и денежные эквиваленты;
- дебиторская задолженность;
- прочие финансовые активы.

Поскольку цифровые активы, созданные на основе технологии blockchain, не имеют материально-вещественной формы, то они не относятся к основным средствам или материально-производственным запасам. Также цифровые активы, созданные на основе технологии blockchain, не отражают возникновения дебиторской задолженности, поэтому отнесение их к этой группе активов не соответствует действующему законодательству.

Отражение актива в составе нематериальных активов требует в т. ч. соответствия условиям, перечисленным в п. 3 ПБУ 14/2007, утвержденного Приказом Минфина России от 27.12.2007 № 153н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов», в частности использования в производстве продукции, при выполнении работ или оказании услуг, для управленческих нужд организации либо для использования в деятельности, направленной на достижение целей создания некоммерческой организации (в том числе в предпринимательской деятельности, осуществляемой в соответствии с законодательством Российской Федерации). Указанные критерии для цифровых активов, созданных на основе технологии blockchain, не соблюдаются.

В отношении того, можно ли считать цифровые активы, созданные на основе технологии blockchain, денежными средствами или денежными эквивалентами, то при рассмотрении указанного вопроса нужно учитывать следующее. К денежным эквивалентам относятся высоколиквидные финансовые вложения, которые могут быть легко обращены в заранее известную сумму денежных средств и которые подвержены незначительному риску изменения стоимости. К денежным эквивалентам могут быть отнесены, например, открытые в кредитных организациях депозиты до востребования (п. 5 ПБУ 23/2011, утвержденного Приказом Минфина РФ от 02.02.2011 № 11н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Отчет о движении денежных средств»). Указанные критерии для цифровых активов, созданных на основе технологии blockchain, не соблюдаются, ввиду возможности существенного изменения их стоимости в течение короткого промежутка времени.

Согласно современной науке сущность денег определяется в качестве воспроизводственной экономической категории, внешне

выступающей как средство организации экономических отношений на микро- и макроуровне, как особый актив общества, которому присущи следующие специфические свойства: высочайшая ликвидность, фиксированная номинальная стоимость, всеобщность, стандартизированность, делимость. Под всеобщностью понимается свойство беспрепятственного исполнения обязательств по отношению ко всем субъектам, предлагающим товары и услуги на рынке. Таким образом, деньги должны иметь всеобщее признание. Всеобщность денег обеспечивается законодательно и доверием населения к деньгам¹. В качестве денежных средств цифровые активы, созданные на основе технологии blockchain, не могут рассматриваться ввиду того, что они не обладают указанным свойством всеобщности, в т. ч. подкрепленным законодательно, поскольку международным сообществом они не признаны в качестве денежных средств и на государственном уровне не обмениваются на денежные средства, обращающиеся официально. Также необходимо отметить, что на современном этапе развития ликвидность цифровых активов, созданных на основе технологии blockchain, ниже, чем у денежных средств, поскольку денежные средства безусловно принимаются для оплаты на определенной территории, а для цифровых активов, созданных на основе технологии blockchain, при совершении расчетов может потребоваться их конвертация в признанные денежные средства, хотя, необходимо отметить, что количество субъектов, признающих данные активы в качестве средства платежа неуклонно растет.

Если рассматривать цифровые активы, созданные на основе технологии blockchain, в качестве финансовых активов, то необходимо отметить, что по общему правилу для финансовых активов необходимо одновременное выполнение следующих условий (п. п. 2, 3 ПБУ 19/02, утвержденного Приказом Минфина России от 10.12.2002 № 126н):

- наличие надлежаще оформленных документов, подтверждающих существование права на финансовые активы и на получение денежных средств или других активов, вытекающее из этого права;
- переход к организации финансовых рисков, связанных с финансовыми активами (риск изменения цены, риск неплатежеспособности должника, риск ликвидности и др.);
- способность приносить организации экономические выгоды (доход) в будущем в форме процентов, дивидендов либо прироста их стоимости (в виде разницы между ценой продажи (погашения) финансового актива и его покупной стоимостью в результате его обмена, использования при погашении обязательств организации, увеличения текущей рыночной стоимости и т. п.).

¹ Деньги, кредит, банки: учебник / коллектив авторов; под ред. О. И. Лаврушина. 15-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2016.

Очевидно, что вышеуказанное первое условие, формально не выполняется, поскольку документального подтверждения формально нет, но если взглянуть на проблему с другой стороны, то в силу особенностей технологии blockchain информация обо всех транзакциях содержится у всех участников распределенной сети, в силу своей природы защищенной от несанкционированных изменений, что позволяет установить принадлежность актива конкретному владельцу. В этом смысле можно утверждать, что данная технология предоставляет достаточные условия для подтверждения как транзакций, так и наличия цифровых активов, созданных на основе технологии blockchain, у каждого владельца. Ввиду вышеизложенного данное формальное несоответствие не должно приниматься во внимание при отнесении цифровых активов, созданных на основе технологии blockchain, в т. ч. так называемых «криптовалют», к финансовым активам, поскольку необходимое подтверждение информации о владении и операциях с активами может быть получено в т. ч. путем проведения компьютерно-технической экспертизы. Таким образом, отнесение активов, созданных на основе технологии blockchain, в т. ч. так называемых «криптовалют», к финансовым активам является обоснованным; далее в отношении указанных активов применяется термин «цифровые децентрализованные финансовые активы» или сокращенно «ЦДФА». Также необходимо отметить, что ввиду высокой волатильности ЦДФА и возможности получения ежедневного курса обмена на независимых биржах, осуществляющих обменные операции, к ЦДФА целесообразно применять методы и методики аналогичные применяемым при производстве финансово-экономической экспертизы операций с финансовым активам, по которым определяется их текущая рыночная стоимость.

В данной статье рассматривается одна из задач, возникающая при производстве финансово-экономической экспертизы, — определение финансового результата от операций в отношении следующих операций с ЦДФА:

- приобретение и оценка ЦДФА;
- реализация или обмен ЦДФА, в т. ч. обмен ЦДФА одного вида на ЦДФА другого вида.

При определении финансового результата от операции по приобретению ЦДФА необходимо учитывать следующее. Приобретение ЦДФА предполагает переход права собственности на данный актив, что не может быть подтверждено без решения таких задач как подтверждение совершения сделки, т. е. установления факта смены владельца ЦДФА, а также установления соответствия между идентификатором участника распределенной сети и фактической личностью владельца (иначе — «деанонимизация»). Указанные задачи не относятся к задачам финансово-экономической экспертизы и должны решаться, в частности, путем производства компьютерно—технической экспертизы.

В случае решения вышеуказанных задач, при определении финансового результата от приобретения и оценки ЦДФА объектами финансово-экономической экспертизы являются документы, подтверждающие фактические затраты на приобретение ЦДФА, в частности, сумму денежных средств и стоимость иных активов, переданных при приобретении ЦДФА, а также величину иных затрат, понесенных для осуществления указанной операции (п. 9 Положения по бухгалтерскому учету «Учет финансовых вложений» ПБУ 19/02, утвержденного приказом Минфина России от 10.12.2002 № 126н). Также объектами исследования являются предложения по обмену ЦДФА на денежные средства, действующие на дату оценки на независимых биржах, осуществляющих обменные операции (рыночная информация). Исследование указанных объектов и определение рыночной стоимости приобретенных ЦДФА позволяют определить финансовый результат от проведения операций по их приобретению, с учетом рыночной стоимости ЦДФА на определенную дату.

При определении финансового результата от реализации или обмена ЦДФА, в т. ч. обмена ЦДФА одного вида на ЦДФА другого вида, объектами финансово-экономической экспертизы являются документы, подтверждающие фактические доходы от реализации ЦДФА, в частности, сумму денежных средств и стоимость иных активов, приобретенных при реализации ЦДФА, а также величину иных затрат, понесенных для осуществления указанной операции (п. 30 Положения по бухгалтерскому учету «Учет финансовых вложений» ПБУ 19/02, утвержденного приказом Минфина России от 10.12.2002 № 126н). Также объектами исследования являются предложения по обмену ЦДФА на денежные средства, действующие на определенную дату на независимых биржах, осуществляющих обменные операции. Исследование указанных объектов и определение рыночной стоимости приобретенных ЦДФА позволяют определить финансовый результат от проведения операций по их реализации или обмену на ЦДФА другого вида, с учетом рыночной стоимости ЦДФА. В состав прочих расходов включается стоимость реализуемых ЦДФА, определенная исходя из их последней оценки (п. 30 ПБУ 19/02, п. 11, 16 ПБУ 10/99).

Примерами типовых вопросов финансово-экономической экспертизы операций с цифровыми децентрализованными финансовыми активами являются:

- Каким образом на финансовое состояние организации А. повлияли операции по отчуждению ЦДФА (идентификационные признаки ЦДФА) путем обмена, осуществленные по договору ... (идентификационные признаки договора) с организацией Б.?
- Каким образом на финансовое состояние организации А. повлияли операции по приобретению ЦДФА (идентификационные признаки ЦДФА) путем обмена, осуществленные по договору ... (идентификационные признаки договора) с организацией Б.?

- Каким образом на финансовое состояние организации А. повлияли операции по отчуждению ЦДФА (идентификационные признаки ЦДФА) путем дарения, осуществленные по договору... (идентификационные признаки договора) с организацией Б.?
- Каким образом на финансовое состояние организации А. повлияли операции по приобретению ЦДФА (идентификационные признаки ЦДФА) путем дарения, осуществленные по договору ... (идентификационные признаки договора) с организацией Б.?
- Каким образом на финансовое состояние организации А. повлияли операции по реализации ЦДФА (идентификационные признаки ЦДФА), осуществленные по договору ... (идентификационные признаки договора) с организацией Б.?
- Каким образом на финансовое состояние организации А. повлияли операции по приобретению ЦДФА (идентификационные признаки ЦДФА), осуществленные по договору ... (идентификационные признаки договора) с организацией Б.?
- Каким образом на финансовое состояние организации А. повлияли операции по созданию ЦДФА (идентификационные признаки ЦДФА)?

Приведенные в данной статье подходы к производству финансово-экономической экспертизы в части определения финансового результата от операций с ЦДФА могут применяться к ограниченному перечню операций с указанными активами, ввиду наличия особенностей, рассмотреть которые в рамках одной статьи не представляется возможным. Резюмируя вышеизложенное необходимо отметить, что при производстве финансово-экономической экспертизы с ЦДФА являются важными возможность применения к ним методик оценки финансового результата, применяемых при производстве финансово-экономических экспертиз по операциям с иными финансовыми активами, по которым определяется их текущая рыночная стоимость, а также использование результатов компьютерно-технической экспертизы, на основании которой определяется факт перехода права собственности на цифровые децентрализованные финансовые активы.

Комаров И. М., Ян Е. И.

Заметки о ситуационном подходе в криминалистике

В научно-практический оборот понятие «следственная ситуация» было введено А. Н. Колесниченко¹, который понимал ее как положение

¹ Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1977. С. 10.

ние расследования, характеризуемое наличием доказательств и иного информационного материала.

В связи с научно-практической значимостью эта идея была положительно воспринята криминалистами как учеными, так и практиками. В настоящее время можно с полной ответственностью утверждать наличие в системе знания образующего общую теорию криминалистики сформировавшейся и гармонично развивающейся теории следственных ситуаций.

Основной функция науки — объяснять явления и процессы, которые требуют этого для целей научной и прикладной реализации в том или ином виде социальной деятельности людей.

Изучение криминалистами явления следственной ситуации способствовало тому, что в последние десятилетия прошедшего столетия возникла необходимость более детального научно-прикладного рассмотрения вопроса о ситуационном подходе в уголовном судопроизводстве¹, в первую очередь, в аспекте *метода познания* в процессе криминалистического мышления субъектов криминалистической деятельности.

Было предложено широко толковать это понятие относительно особенностей объекта криминалистики как науки, то есть распространить действие этого метода и на познание преступной деятельности, как части криминалистического объекта познания. Преступление, согласно этой позиции, следовало рассматривать как совокупность динамично развивающихся криминальных ситуаций².

Справедливости ради отметим, что не всеми криминалистами такое расширительное толкование ситуационного подхода было воспринято как безупречное. Так, например, Л. Я. Драпкин в этой связи отмечал, что распространение ситуационного подхода на «...группу криминальных ситуаций вызывает возражение, поскольку они носят самостоятельный антикриминалистический характер»³. Этот известный специалист полагал, что понятие криминальных ситуаций в основном совпадает с понятием криминалистической характеристики преступлений, которое

¹ Теория следственных ситуаций, по нашему мнению, имеет пределы своей практической реализации как на стадии досудебного производства по уголовному делу, так и его судебного разбирательства. Этот факт подтверждают достаточно исследований, фундаментальными из которых можно считать работы Драпкина Л. Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987 г.; и Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985.

² Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

³ Драпкин Л. Я. Ситуационный подход — локальная парадигма современной криминалистики. «Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности»: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности» / под ред. Т. С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 26–27.

имеет четкую структуру и более богатое содержание за счет конкретных структурных элементов.

По нашему мнению, для теории криминалистики и практики криминалистического правоприменения распространение действия ситуационного подхода на криминальные ситуации никак не мешает использовать данные криминалистической характеристики преступлений в качестве информационной базы для выдвижения типичных версий расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, так как другого назначения этой категории в методике расследования преступлений мы не видим.

Полагаем, что Т. С. Волчецкая, как автор идеи о распространения ситуационного подхода на криминальные ситуации, права в том, что «криминальные ситуации, составляющие криминальное событие, отражаются как в материальных следах, остающихся на месте происшествия, так и в следах идеальных — мысленных образах события преступления в сознании участников криминального события (подозреваемого, преступника, свидетелей-очевидцев)»¹.

Практика свидетельствует, что восприятие таких следов помогает провести мысленную реконструкцию этапов преступного события в процессе его расследования², то есть лучше понять криминальную ситуацию, а это первый шаг к оптимальной организации планирования расследования преступления и его практической реализации.

Методологическое значение широкого толкования ситуационного подхода основано на возможностях научной разработки различных криминалистических рекомендаций, связанных с особенностями расследования отдельных видов и групп преступлений, обусловленных единым объектом преступного посягательства.

Вместе с тем, криминалистическая методология оперирует определенными понятиями, которые способствуют правильному построению как научных теоретических криминалистических исследований, так и соответствующих практических рекомендаций.

На этом основании следует определиться с системой понятий ситуационного подхода.

Криминалисты, и это уже традиция, большей частью дают определения понятий основываясь на характеристике конкретного явления и спорят с оппонентами относительно объема того или иного определен-

¹ Волчецкая Т. С. Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуалогии на современном этапе / Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности»: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности» / под ред. Т. С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 16.

² Создать динамическую модель в виде развернутой во времени и в пространстве картины происшедшего события.

ного понятия. Этот стиль мышления принят и в определении понятия ситуационного подхода. Однако, как мы полагаем, более ценной в научно-практическом исследовании является методология определения сущности в понятии объекта познания и определения этого же объекта на уровне явления, то есть прикладном уровне.

Такой подход позволяет более точно с диалектических позиций познать и рассмотреть объект исследования, в данном контексте это ситуационный подход в расследовании преступления, для его теоретического криминалистического исследования и практического назначения в процессе уголовного судопроизводства. Здесь речь идет о языке криминалистики, который должен быть одинаково понятен и однозначно использован как учеными криминалистами, так и криминалистами практиками.

В основе реализации ситуационного подхода лежит криминалистическая деятельность дознавателя, следователя, оперативного сотрудника, государственного обвинителя, судьи, которая посредством анализа исследует познаваемое событие во взаимосвязи и динамике составляющих его криминальных ситуаций и ситуаций расследования. При чем в основе этого анализа лежит не только алгоритм познания, присущий любому методу, но и суть — криминалистическое мышление, то есть профессиональное владение указанными выше субъектами «навыками специфического поисково-познавательного мышления, которое обеспечивает тщательное, продуманное, осознанное и эффективное использование всех средств, приемов и знаний в процессе криминалистической деятельности по расследованию преступлений»¹.

Правильно подмечено, что «современное криминалистическое мышление должно обладать и свойствами прогностического характера, которое еще называют свойством «опережающего отражения» позволяющим предвидеть все возможные следственные действия, которые необходимо будет провести для закрепления могущих быть выявленными и установленными доказательными фактами»².

Одним из назначений ситуационного подхода³ в криминалистике является разработка алгоритмов решения сложных следственных ситуационных задач, которые могут быть связаны с проблемами органи-

¹ Яблоков Н. П. Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности / Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности» / под ред. Т. С. Волчечкой; БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 20.

² Сидоров А. В., Рубис А. С. Основы формирования криминалистической теории доказывания. Минск, 2005. С. 59.

³ Ситуационный подход как метод используется не только в криминалистике, но также в менеджменте, педагогике, психологии и других видах деятельности.

зационно-управленческого характера и основаны на ошибках в следственном планировании (принятие ошибочных решений, отсутствие контроля за их выполнением, нарушение связей в системе управления и пр.); проблемами тактико-психологического характера, обусловленными конфликтным взаимодействием участников уголовного процесса; трудностями поисково-познавательного характера, когда расследование не располагает данными об обстоятельствах, подлежащих доказыванию и источниках получения информации о них.

Это только некоторые направления криминалистической деятельности, где возможности ситуационного подхода могут принести искомый результат.

Не вызывает возражений мнение о том, что «криминалистика изучает не только закономерности, но и некоторые типовые и даже индивидуальные объекты»¹, так как это наука прикладного назначения и ее задача объяснение явления и обоснование рекомендаций для познавательной деятельности соответствующими субъектами. Приведенный выше тезис хорошо коррелирует с традиционными подходами к познанию того или иного явления на основе так называемой диалектической триады — общего, особенного и единичного, что отражается в каждом отдельном явлении. Фактически же элементы триады есть стороны отдельного и вне отдельных явлений реально не существуют. В этой связи уместно вспомнить мудрость Аристотеля. Отдельные явления он связывал с «первой сущностью», в связи с чем отмечал — «сущность есть первое со всех точек зрения — и по понятию, и по познанию, и по времени. Из всех других определений ни одно не может существовать отдельно: только она одна и способна на это»². Этот подход вполне можно эксплицировать на явления и объекты, изучаемые криминалистикой, более того каждое преступление можно рассматривать отдельным явлением для научного исследования и практического расследования. Его индивидуальность обусловлена структурно-единичными элементами, которые каждый раз реализуются в неповторимых ситуациях, что объясняет невозможность полной формализации сложных ситуаций и «разработке жестких алгоритмов их разрешения»³.

Между тем в криминалистике достаточно широко представлены практические рекомендации, в основе которых лежат обобщения эле-

¹ Селиванов Н. А., Танасевич В. Г., Эйман А. А. и др. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1978. С. 8–9.

² Аристотель. Метафизика. С.; Л., 1934. С. 113.

³ Дранкин Л. Я. Ситуационный подход — локальная парадигма современной криминалистики. «Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности»: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности» / под ред. Т. С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 28.

ментов общего и особенного отдельных видов, и групп преступлений, что позволяет на основе ситуационного подхода и общенаучного метода моделирования, в его криминалистической интерпретации, разрабатывать оригинальные научные рекомендации. В своем «научном завещании» Р. С. Белкин отмечал, что в криминалистике утвердился «ситуационный подход к реализации в практике разрабатываемых ею рекомендаций»¹. Фактически это означает — возможность «приложимости» сложной конкретной ситуации расследования и типовой сложной следственной ситуации, как теоретической модели, с целью организации и планирования расследования на основе известных типовых криминалистических рекомендаций, динамика совершенствования которых в практическом плане связана с ориентирующей криминалистически значимой информацией, поступающей к следователю по уголовному делу, а в научном плане к актуализации проблемы и ее теоретическому объяснению.

В современной криминалистике ситуационный подход можно считать ведущей методологической концепцией. Однако такого обоснования недостаточно для того чтобы предложить теоретическое определение понятия ситуационного подхода.

Обозначив ситуационный подход в качестве методологической концепции, с учетом того, что она «пронизывает» всю систему криминалистики и является на этом основании ведущей системообразующей концепцией, то есть парадигмой², мы считаем ее более адекватной в отражении реальностей по криминалистическому познанию преступной деятельности, планирования, организации, а, следовательно, и реализации криминалистических рекомендаций связанных с расследованием преступлений, в том числе и посредством комплексных криминалистических средств (тактические комбинации, тактические операции и пр.). Это обстоятельство ни коим образом не отрицает иные теоретические концепции, обоснованные в криминалистике и реализуемые посредством криминалистической деятельности.

На основе приведенного выше обоснования мы предлагаем следующее теоретическое определение ситуационного подхода, на наш взгляд, это *методологическая концепция, структура которой на основе интегрированных положений теорий вероятностей, ситуационного моделирования, версионного анализа, рефлексивного мышления, криминалистической диагностики и других форм синтезированного знания, обеспечивает разрешение стоящих перед криминалистикой теоретических и практических проблем, для целей эффективного правоприменения.*

Методологический смысл любого криминалистического понятия состоит в том, что оно является инструментом анализа преступной

¹ Белкин Р. С. Криминалистике: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 16.

² Кун Т. Структуры научных революций. М.: Прогресс, 1977. С. 11–19.

и криминалистической деятельности и используется «с целью выбора наиболее эффективных средств, приемов и методов расследования» эта мысль В. Я. Колдина хорошо подчеркивает назначение системы терминов и понятий криминалистики, что само по себе позволяет рассматривать прикладное назначение ситуационного подхода в качестве инструмента принятия решений, в первую очередь по планированию, в структуре криминалистической деятельности по расследованию преступлений и их судебному рассмотрению.

В практике расследования преступления (судебного рассмотрения) ситуационный подход реализуется тогда, когда процесс расследования требует принятия от следователя соответствующего решения, поэтому достаточно часто он связывается с тактическим решением¹, а оно должно быть реализовано посредством оптимальных средств в системе обобщенной плано-организационной деятельности соответствующих субъектов. Это положение хорошо интерпретируется следующим тезисом «ситуация — это критическая масса накопленной информации, не согласующаяся с программой, по которой осуществляется деятельность и требующая ее пересмотра (дополнения, корректировки, построения новой информационной модели)»².

На наш взгляд в современных условиях расследования преступлений, при известном нам уровне преступности, которая уже давно достигла критических значений актуальной становится разработка типовых ситуационно обусловленных алгоритмов следственной деятельности, относимой к расследованию отдельных видов и групп преступлений.

На этом основании вполне уместной становится возможность использования в практической реализации системного подхода, наряду с традиционными, рекомендаций логистики как «искусства рассуждения и выполнения расчетов, разумной организации, планирования четкой последовательности действий»³. Разумеется, все эти рекомендации должны быть интегрированы в предмет криминалистики и ее разделы, отвечающие за планирование и организацию расследования.

¹ См.: Макаров И. В. Теория выбора и принятия решений. М., 1982; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976; Волчецкая Т. С., Ермаков В. А., Исмаилов Л. Ю. и др. Особенности принятия тактических решений при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами / под ред. С. И. Цветкова. М., 1996; Копылов И. А. Следственная ситуация и тактическое решение. Волгоград, 1988.

² Колдин В. Я. К вопросу о методологической функции ситуационного подхода. «Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности»: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности» / под ред. Т. С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 31.

³ <http://www.fill2001.narod.ru/OpredLogist.htm>

Данные логистики в практике реализуются посредством *логистического анализа, принципы реализации которого близки криминалистическому анализу*, а именно: это научность, системный подход, динамичность, выделение приоритетных направлений, комплексность, полнота и достоверность информационной базы и т. п., однако отличаются от него структурой методологии. Эта структура предусматривает большую детализацию управленческих элементов анализа и своим содержанием может быть интегрирована в криминалистическое моделирование при реализации ситуационного подхода, что позволит получить более объективную и динамичную картину преступной деятельности, а на ее основе спланировать и организовать деятельность по расследованию преступления. О значении логистического анализа для расследования, например, мошенничеств и преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, отмечается «метод криминалистической логистики, привнеся понятие управления потоками, позволяет моделировать преступную деятельность, и как следствие деятельность по расследованию преступлений, в зависимости от факторов, воздействующих на систему в каждый момент ее существования, не теряя связи с ранее существовавшим ее состоянием и прогнозируя изменение и развитие системы в будущем»¹.

Очевидно некоторое преимущество метода криминалистической логистики перед другими криминалистическими методами планирования и организации расследования преступлений — это приоритет управлению информационными потоками, которые включают в свое содержание преимущественно сведения о материальных и идеальных следах преступления, на этой основе он выступает как интегральный метод управления расследованием тесно связанный с криминалистической ситуалогией, планированием, версионным анализом и другими положениями криминалистики.

В соответствии с тем, что теоретическое определение понятия ситуационного подхода является базовым для его прикладного определения, то, на наш взгляд, ситуационный подход в понимании следователей, оперативных сотрудников, государственных обвинителей, судей и других участников уголовного процесса, которые в силу своей заинтересованности могут воспользоваться им для реализации своих прав и выполнения обязанностей может быть определен в качестве *интегративного метода системы криминалистического мышления, реа-*

¹ *Веселков К. В.* Метод криминалистической логистики в правоприменительной деятельности как проявление ситуационного подхода / «Ситуационный подход в криминалистической науке и правоприменительной деятельности»: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности» / под ред. Т. С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 75.

лизация которого в правоприменительной криминалистической деятельности способствует корреляции криминальной ситуации к ситуациям расследования преступления с целью планирования и организации его расследования (судебного рассмотрения) на основе оптимально выбранных средств, способов и приемов, способных обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства.

Комиссаров В. И., Комиссарова Я. В.

О доказательственном значении выводов эксперта по уголовному делу

На первоначальном этапе расследования преступлений, собирая доказательства, следователь получает показания потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, свидетелей. Люди не всегда говорят правду. Лжесвидетельство — распространенное явление. Во всех странах мира следствие и суд сталкиваются с необходимостью проверки показаний участников судопроизводства. Руководствуясь ст. 87 УПК РФ, дознаватель, следователь, прокурор, суд стремятся получить новые доказательства, подтверждающие или опровергающие проверяемое доказательство, чтобы таким образом оценить достоверность информации, поступающей от лиц, участвующих в деле.

Из криминалистики и юридической психологии известно, что участник судопроизводства, может находиться в одном из четырех состояний:

- 1) обладает нужной следствию (суду) информацией, желает и может достаточно объективно и полно изложить ее;
- 2) обладает нужной информацией, желает ее сообщить, но в силу разных причин неумышленно искажает в ходе общения;
- 3) обладает информацией, может передать ее, но не желает этого делать;
- 4) информацией не обладает, однако следователь (судья) ошибочно полагают обратное, пытаясь добиться развернутых показаний¹.

Мы полагаем, что следователь в целях определения состояния, в котором находится участник судопроизводства (речь идет о позициях 2—4), может назначить ряд экспертиз. При этом следует разграничивать цель назначения экспертизы с позиции инициатора ее производства и задачи, решаемые экспертом в ходе познавательной деятельности в рамках проводимого исследования. Экспертной задачей в данном случае будет выявление совокупности признаков, характерных для определенного

¹ См., напр.: *Баев О. Я.* Тактика следственных действий: учебное пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. С. 93.

информационного состояния субъекта, — лингвистических¹, психологических², психофизиологических³ признаков.

Поясним изложенное на примере психофизиологической экспертизы с применением полиграфа (далее — СПФЭ).

Сначала полиграфолог актуализирует образы, хранящиеся в памяти участника процесса, прежде всего (но не только) за счет предъявления стимулов, в определенном порядке подобранных и систематизированных. Тестирования на полиграфе позволяет «визуализировать» некоторые физиологические корреляты протекания психических процессов, связанных с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением человеком информации о каком-либо событии, интересующем следствие и суд.

Затем изучаются выраженность, устойчивость, соотношение реакций на стимулы. Используя различные системы оценки зарегистрированных данных, полиграфолог может выделить совокупность стимулов, значимых для человека. В зависимости от того, что это будут за стимулы и какая методика использовалась в ходе тестирования на полиграфе, эксперт-полиграфолог может утвердительно или отрицательно ответить на вопрос: выявляются или нет в ходе исследования реакции, свидетельствующие о том, что субъект располагает информацией о каком-либо событии (его деталях)?

Таким образом, на основе анализа реакций на стимулы полиграфолог формулирует свою (экспертную) версию относительно информированности обследуемого лица о случившемся. Он также вправе высказать суждение о возможных обстоятельствах получения человеком информации о событии (вероятности ее получения непосредственно в момент события).

¹ См., напр.: *Почук О. М.* Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006; *Литвинова Т. А., Шевченко И. С., Литвинова О. А., Рыжкова Е. С.* Диагностирование истинности / ложности высказывания как одно из направлений моделирования личности автора письменного текста // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXIV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 119–125.

² См., напр.: *Скабелина Л. А.* К вопросу о возможности судебно-психологической экспертизы лжи // Адвокатура. Государство. Общество: сборник материалов X ежегодной научно-практической конференции. М.: Федеральная палата адвокатов, 2015. С. 284–292 // *Енгальцев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* О возможности производства судебной психологической экспертизы по выявлению признаков достоверности / недостоверности информации, получаемой от участников уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3 (32). С. 240–241.

³ См., напр.: *Семенов В. В., Иванов Л. Н.* Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 20–26; *Комиссарова Я. В.* Основы полиграфологии: учебник для магистров. М.: Проспект, 2016. С. 75–82.

Сообщая инициатору СПФЭ сведения о том, является или нет человек носителем информации о конкретном событии (его деталях), полиграфологи должны учитывать то, что в их распоряжении имеется ограниченный арсенал средств для проведения экспертного исследования. Современный уровень развития науки не позволяет путем регистрации и анализа психофизиологических реакций человека в ответ на предъявляемые стимулы конкретизировать информацию, которой он обладает. Механизмы памяти пока до конца не изучены.

С учетом особенностей решаемой задачи в контексте ситуации, в которой проводится исследование, определяемая с помощью полиграфа значимость конкретных стимулов может иметь разную природу. Она может свидетельствовать не только о лжи при ответах на соответствующие вопросы, но и об узнавании человеком отдельных деталей вне связи с событием преступления, о наличии у него какой-либо неудовлетворенной актуальной потребности и т. п.

Независимо от того — ложные или правдивые сведения участник судопроизводства сообщает по делу, его состояние непрерывно меняется под действием множества объективных и субъективных факторов. Посредством полиграфа регистрируются внешние признаки изменения психофизиологического состояния организма. Полиграфолог не может быть уверен в том, что всякий раз, предъявляя стимул, имеет дело с реакцией на него. При проведении СПФЭ значение имеет не вопрос сам по себе (и реакция при его предъявлении), а сложный комплекс «вопрос — ответ на него — общий контекст ситуации». В ходе тестирования на полиграфе на субъекта оказывает влияние широкий круг обстоятельств, так или иначе относящихся к процедуре.

В то же время, если эксперт-полиграфолог действовал в соответствии с имеющимися научно-методическими стандартами, ему не в чем себя упрекнуть. Отдельно взятый специалист не несет ответственность за те ограничения, что объективно связаны с использованием психофизиологического метода «детекции лжи». Он действует в пределах своей компетенции, опираясь на информацию (не всегда полную и достоверную), предоставленную следователем (судом) и участниками судопроизводства.

В науке принято разграничивать «истинность» и «достоверность» знаний и суждений на них основанных. Истинность характеризует отношение знания к отражаемому объекту, их соответствие друг другу, а достоверность — доказанность знания. Истинность гипотезы, соответствующей действительности, изначально не вызывает сомнений. Но чтобы стать достоверным знанием она должна быть доказана. Это касается не только философии, но и юриспруденции.

Знание, полученное в ходе расследования преступления, закрепленное в доказательствах, положенных в основу приговора, тоже можно

охарактеризовать с двух сторон. Во-первых, применительно к каждому из доказательств с точки зрения его обоснованности (в категориях «вероятность» и «достоверность»). Во-вторых, с точки зрения соответствия или несоответствия полученных доказательств действительности (в категориях «истинность» и «ложность»)¹.

Вероятность виновности обвиняемого может быть высока, хотя самом деле он не виновен. Вероятность виновности обвиняемого может быть крайне низка, а в действительности он виновен. Когда речь идет о действиях и фактах, имевших место в прошлом, вероятность самой высокой степени может быть так же далека от истины, как и вероятность самой низкой степени.

Подобные ситуации известны полиграфологам всех стран мира как ложноположительная и ложноотрицательная ошибки («ложная тревога» и «пропуск цели»). Однако не многие задумываются над вопросом: кто именно на практике совершает такого рода ошибки и несет за них ответственность.

Специалисты-полиграфологи США до сих пор формулируют выводы по результатам исследования в категориях «ложь обнаружена» или «ложь не обнаружена»². Таким образом они необоснованно принимают на себя риски, связанные с ложноположительными и ложноотрицательными ошибками, что не совсем верно.

Содержащиеся в заключении эксперта выводы — это умозаключения, сделанные им по итогам исследований на основе предоставленных или выявленных сведений об исследуемом объекте и общих научных положений соответствующей отрасли знаний³. Выбирая форму вывода (категорический положительный, категорический отрицательный, вероятный), эксперт с учетом качества и количества исходных данных на основе своих специальных знаний сам оценивает его обоснованность по результатам проведенного исследования. Поэтому для следователя и судьи заключение любого эксперта является лишь частной экспертной версией. Выводы эксперта — не более чем его субъективное мнение, которое может не совпасть с мнением коллег. При назначении повторной экспертизы они могут прийти к диаметрально противоположным выводам.

¹ *Овсянников И. В.* Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 91.

² *Комиссарова Я. В., Корочкин П. Б., Данилевич Н. К.* О некоторых особенностях подготовки заключения специалистом-полиграфологом по уголовному делу // Реальная практика полиграфологов VI: современный опыт проведения полиграфных обследований для судебной практики и работы кадровых служб: материалы Международной научно-практической конференции / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. Е. С. Иванова. Екатеринбург: [б.и.], 2017. С. 83–87.

³ Подробно см.: *Орлов Ю. К.* Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Институт повышения квалификации Российского федерального центра судебной экспертизы, 2005. С. 128–129.

От обоснованности заключения эксперта необходимо отличать его доказательственное значение. Оно определяется количеством и качеством информации, содержащейся в заключении. Заключение эксперта, как доказательство, подлежит независимой оценке, которую по УПК РФ осуществляют следствие и суд. Вне зависимости от степени обоснованности выводов эксперта, в силу разных причин, его заключение может быть признано недопустимым доказательством.

Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

В данном случае «достоверность» — это качество доказательства, характеризующее точность, правильность отражения обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Достоверность доказательства проверяется путем его сопоставления с другими доказательствами по делу. Обнаружение противоречивых, взаимоисключающих сведений говорит о недостоверности каких-либо доказательств.

Показания участника процесса, противоречащие установленным фактам, являются недостоверными, независимо от причин, по которым человек сообщил информацию, не соответствующую действительности.

Лжет человек умышленно или же добросовестно заблуждается, важно понять при квалификации некоторых преступлений. Характерный пример — преступления против правосудия (например, заведомо ложный донос).

В отличие от уголовного права, с точки зрения уголовно-процессуального права показания участника судопроизводства, содержащие недостоверную информацию, априори являются недопустимым доказательством. В этом случае выводы эксперта (полиграфолога, психолога, лингвиста), не выявившего «признаки лжи»¹ по итогам проверки искренне заблуждающегося участника процесса, не имеет никакого доказательственного значения.

Анализируя собранные по делу доказательства, следователь и суд в силу разных причин могут принять те из них, которые не отражают обстоятельства, имевшие место в действительности. Не полиграфологи, а судьи во всех странах мира при вынесении приговоров неизбежно совершают ложноположительные и ложноотрицательные ошибки. Все зависит от того, какие доказательства по делу удалось получить следствию и суду.

¹ Информационное состояние, указанное выше, когда человек обладает информацией, может передать ее, но не желает этого делать.

Конин В. В., Суханкина Л. И.

Криминалистическая характеристика ситуации противодействия в уголовном судопроизводстве: тезисы

Современное российское уголовное судопроизводство, основываясь на принципах равноправия сторон и состязательности, имеет в то же время и достаточной мере конфликтный характер, когда стороны осуществляют свою деятельность в условиях строгого соперничества. Именно принципы состязательности и равноправия сторон выступают в качестве правового обоснования конфликта сторон в уголовном судопроизводстве.

В настоящей статье мы не будем рассматривать те ситуации, когда конфликт в стадии предварительного расследования и в стадии судебного разбирательства отсутствует, поскольку лицо, виновное в совершении преступления, признает свою виновность, активно сотрудничает со следствием, и ходатайствует о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства.

Наш интерес вызывает ситуация, когда лицо, в отношении которого выдвинут обвинительный тезис, не признает свою виновность, и совместно с адвокатом-защитником активно защищается, опровергая доводы стороны обвинения, критикуя доказательства, собранные следователем, и приводя свои доводы о невиновности, либо меньшей виновности по сравнению с предъявленным обвинением, вынуждая тем самым следователя провести проверку доводов стороны защиты, либо отказаться от проверки. Именно эта ситуация и будет рассмотрена в виде тезисов.

Соответственно, в данном случае мы наблюдаем ситуацию конфликта, основанную на стремлении сторон к достижению запланированной цели: сторона обвинения стремится доказать виновность лица, в отношении которого выдвинут обвинительный тезис; сторона защиты стремится доказать невиновность лица, привлеченного к уголовной ответственности, либо меньшую виновность по сравнению с выдвинутым обвинительным тезисом, показывая слабость либо несостоятельность доводов стороны обвинения.

Выработке тактических приемов сторон предшествует определение стратегической цели обвинения и защиты. И только определившись со стратегической целью, стороны, как обвинения, так и защиты начинают вырабатывать тактические приемы, способствующие достижению поставленной цели.

В то же время, если представить ситуацию конфликта в виде системы, то составной ее частью (подсистемой) следует признать ситуацию противодействия, которая по своей сути является ее неотъемлемой частью, и складывается в результате действий участников уголовного

судопроизводства, таких как дознаватель, следователь, адвокат, прокурор, поскольку противодействие существует лишь только в условиях строгого соперничества (конфликта).

Особый интерес для криминалистики, в частности для криминалистической тактики представляет ситуация противодействия, складывающаяся на стадии предварительного расследования и в ходе судебного разбирательства.

На наш взгляд, ситуационный подход является наиболее предпочтительным, при исследовании ситуации конфликта и ситуации противодействия¹.

Слово «противодействие» означает действие, препятствующее другому действию, уже совершенному либо готовящемуся свершиться.

В то же время, любое противодействие, осуществляемое сторонами в ходе уголовного судопроизводства, не носит беспорядочный характер, а подчинено тактике, выработанной сторонами для достижения запланированной цели.

Как справедливо отметил Р. С. Белкин «... в условиях расследования о тактике в полном смысле следует говорить именно тогда, когда она служит средством преодоления оказываемого следователю противодействия»². В то же время полагаем, что вывод, сделанный Р. С. Белкиным в отношении следователя, можно распространить и на сторону защиты, поскольку ей также приходится преодолевать противодействие, исходящее от стороны обвинения.

Криминалистическая тактика достаточно полно разработала приемы и методы, адресованные следователю, дознавателю, а также государственному обвинителю по диагностике и преодолению противодействия расследованию преступления на досудебной стадии и поддержания государственного обвинения в суде³.

Точно также разработаны тактические рекомендации и для адвокатов, осуществляющих свою деятельность по защите прав и законных интересов своих доверителей⁴.

¹ Об этом также: *Волмецкая Т. С.* Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности. Калининград, 1999.

² *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 85.

³ *Баев О. Я.* Тактика следственных действий. Воронеж, 2001; *Зорин Г. А.* Руководство по тактике допроса. М., 2001; *Кириллова Н. П.* Поддержание государственного обвинения в суде. СПб., 2003; и др.

⁴ *Баев М. О., Баев О. Я.* Стратегические принципы тактики защиты по уголовным делам // Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам: Сб. статей. Екатеринбург, 2001. С. 16–17; *Жамиева Р., Каиржанов Е.* Тактика адвокатской защиты по уголовным делам. Алматы, 2000; *Конин В. В.* Тактика профессиональной защиты по уголовным делам в суде первой инстанции: монография. Орел, 2008; *Конин В. В.* Процессуальные и тактические аспекты деятельности защитника в состязательном процессе. М.: Юрлитинформ, 2009; и др.

Любое противодействие, осуществляемое в рамках уголовного судопроизводства его участниками, необходимо делить на две категории: законное и незаконное.

В чем, на наш взгляд, выражается законное противодействие, и кто выступает его субъектами?

Законное противодействие в уголовном судопроизводстве со стороны следователя либо дознавателя будет иметь место лишь только при непризнании подозреваемым (обвиняемым) своей виновности в инкриминируемом преступлении, и будет выражаться в совершении основанных на уголовно-процессуальном законодательстве действий, направленных на установление всех обстоятельств совершенного деяния, имеющего признаки преступления, сборе доказательств виновности лица, проверке и опровержении ложного алиби и иных недостоверных доказательств, посредством которых опровергается либо ставится под сомнение выдвинутый в отношении виновного лица обвинительный тезис.

Законное противодействие со стороны прокурора будет иметь место только в том случае, когда подсудимый не согласен с предъявленным обвинением, и предпринимает действия по его оспариванию, и выражается в поддержании государственного обвинения, предоставлении суду доказательств, собранных на предварительном следствии, отвечающих требованиям относимости, допустимости, достоверности, подтверждающих обоснованность выдвинутого в отношении подсудимого обвинительного тезиса.

Законное противодействие со стороны защиты будет заключаться в доказывании невиновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности в инкриминируемом ему деянии, а также в опровержении явно завышенного обвинительного тезиса, предоставлении достоверного алиби и доказательств, опровергающих виновность лица, либо свидетельствующих о виновности в меньшем объеме, чем указано в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Также законным противодействием со стороны защиты будет являться нежелание сотрудничать со следствием (в рамках тех прав, которые предоставлены УПК РФ субъектам со стороны защиты), выраженное в отказе от дачи показаний. Сюда же можно отнести и заявление стороной защиты ходатайств о производстве дополнительных следственных действий, назначении и производстве судебных экспертиз, при условии, что указанные следственные действия или судебные экспертизы будут направлены на улучшение положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности. К законному противодействию следует отнести и обжалование действий следователя или дознавателя в порядке, установленном ст.ст. 123 — 125 УПК РФ.

Соответственно, незаконным противодействием со стороны следователя и дознавателя будет являться отказ от изменения необосно-

ванного завышенного обвинения, отказ от производства следственных и процессуальных действий, которые могут подтвердить невиновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности, либо меньшую виновность по сравнению с предъявленным обвинением, отказ от принятия и приобщения к уголовному делу доказательств, свидетельствующих в пользу лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Незаконным противодействием со стороны прокурора в уголовном судопроизводстве будет являться отказ от предоставления суду доказательств, опровергающих выдвинутый в отношении подсудимого обвинительный тезис, либо свидетельствующих о меньшей виновности по сравнению с предъявленным обвинением, либо предоставление суду доказательств, обосновывающих виновность подсудимого, но не отвечающих требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Незаконным противодействием со стороны защиты будет являться представление ложного алиби, предоставление недостоверных доказательств, в том числе представлений для допроса в качестве свидетелей лиц, не являвшихся свидетелями, но готовых дать ложные показания о расследуемом событии (лже-свидетелей), оказание давления на свидетелей, потерпевшего с целью принудить отказаться от изобличения виновного в совершении преступления и даче ложных показаний, оказание давления на следователя, дознавателя, эксперта, прокурора, присяжного заседателя, суд.

Незаконное противодействие может иметь различные формы, и быть выражено в различных видах.

В криминалистике неоднократно поднимались и исследовались вопросы как незаконного противодействия лицам, осуществляющим деятельность по расследованию преступлений и рассмотрению уголовного дела по существу в суде, так и вопросы преодоления незаконного противодействия при осуществлении участниками уголовного судопроизводства своих обязанностей¹. Тем не менее, практика все время ставит новые задачи, требующие своего осмысления и разрешения.

В нашей работе мы кратко, в виде тезисов рассмотрели ситуацию противодействия расследованию и рассмотрению уголовного дела по существу в судебном разбирательстве, субъектами которой являются дознаватель, следователь, адвокат и прокурор, и которая на наш взгляд является составной частью (подсистемой) ситуации конфликта, с позиции ситуационного подхода, позволяющего вышеперечисленным участникам уголовного судопроизводства сформировать набор навы-

¹ Об этом также: *Смахтин Е. В.* Роль криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений: история и современное состояние // *Российский следователь.* 2013. № 11. С. 30–34.

ков выбора приемлемого варианта поведения с учетом ситуационного подхода

Коновалова З. А.

Экспертная деятельность в системе государственных закупок

Одним из важнейших моментов является профилактика преступлений. Множество преступлений в экономической сфере связаны с хищениями денежных средств, с халатностью, превышением служебных полномочий и так далее. Не является исключением сфера закупок. И в этой связи необходимо уделить внимание и профилактике, и предупреждению преступлений в закупочной деятельности.

В связи со вступлением в силу федерального закона от 05 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] (далее закон 44-ФЗ) возникла необходимость проведения различного рода экспертиз выполненных работ, оказанных услуг, приобретенных товаров, иными словами исполнения заключенного контракта. То есть, еще на стадии исполнения контракта поставщиком, возникает необходимость проведения экспертиз, что может существенно облегчить возбуждение и расследование уголовных дел, связанных с хищением денежных средств из бюджета и внебюджетных фондов.

Но, следует отметить, что при проведении данного рода экспертиз возникает ряд проблем правового характера.

В статье 3 установлено понятие эксперт, экспертная организация — то есть, обладающая специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки, техники, искусства или ремесла физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, либо юридическое лицо (работники юридического лица должны обладать специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки, техники, искусства или ремесла), которые осуществляют на основе договора деятельность по изучению и оценке предмета экспертизы, а также по подготовке экспертных заключений по поставленным заказчиком, участником закупки вопросам в случаях, предусмотренных законом 44-ФЗ. Но при этом не указывается, что следует понимать под понятиями «специальными познаниями, опытом или квалификацией в области науки, техники, искусства». То есть, не установлен понятийный аппарат.

2. Далее, в статье 41 закона 44-ФЗ установлены требования к экспертным и экспертным организациям. Среди них не могут быть допущены к экспертной деятельности:

- 1) физические лица:
 - являющиеся либо в течение менее чем двух лет, предшествующих дате проведения экспертизы, являвшиеся должностными лицами

или работниками заказчика, осуществляющего проведение экспертизы, либо поставщика (подрядчика, исполнителя);

- имеющие имущественные интересы в заключении контракта, в отношении которого проводится экспертиза;
- являющиеся близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами), усыновителями или усыновленными с руководителем заказчика, членами комиссии по осуществлению закупок, руководителем контрактной службы, контрактным управляющим, должностными лицами или работниками поставщика (подрядчика, исполнителя) либо состоящие с ними в браке;

2) юридические лица, в которых заказчик или поставщик (подрядчик, исполнитель) имеет право распоряжаться более чем двадцатью процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции, либо более чем двадцатью процентами вкладов, долей, составляющих уставный или складочный капитал юридических лиц;

3) физические лица или юридические лица в случае, если заказчик или поставщик (подрядчик, исполнитель) прямо и (или) косвенно (через третье лицо) может оказывать влияние на результат проводимой такими лицом или лицами экспертизы.

Все не поименованные в данном перечне юридические и физические лица могут быть экспертами в закупочной деятельности. То есть, не установлены прямые требования к экспертам и экспертным организациям. Тем самым, может возникнуть ситуация, при которой экспертиза может привести к различного рода негативным последствиям: будь то как сокрытие хищения или же наоборот.

3. Далее, эксперт, экспертная организация обязаны уведомить в письменной форме заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) о допустимости своего участия в проведении экспертизы. То есть, тот, кто проводит экспертизу решаем самостоятельно имеет он возможность провести экспертизу или нет. Отсутствует нормативное закрепление о допустимости проведения экспертизы.

4. Для проведения экспертизы в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, эксперты, экспертные организации имеют право запрашивать у заказчика, поставщика (подрядчика, исполнителя) дополнительные материалы, относящиеся к предмету экспертизы.

За предоставление недостоверных результатов экспертизы, экспертного заключения или заведомо ложного экспертного заключения, за невыполнение экспертом, экспертной организацией требования эксперт, экспертная организация, должностные лица экспертной организации несут ответственность в соответствии с законодательством

Российской Федерации. Экспертиза результатов, предусмотренных контрактом, может проводиться заказчиком своими силами или к ее проведению могут привлекаться эксперты, экспертные организации на основании контрактов, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом.

Но возникает ситуация, какую ответственность могут нести так называемые «эксперты», административную или уголовную? За что? За то, что высказали свое мнение, при этом устно?

5. Законодатель в законе 44-ФЗ не установил каким документом должны оформляться выводы экспертов, какие должны быть указаны в данном документе показатели, что должно быть там отражено.

Только в случае, если для проведения экспертизы необходимы осуществление исследований, испытаний, выполнение работ, оказание услуг и в отношении лиц, их осуществляющих, в соответствии с законодательством Российской Федерации установлены обязательные требования (обязательная аккредитация, лицензирование, членство в саморегулируемых организациях), отбор экспертов, экспертных организаций для проведения такой экспертизы должен осуществляться из числа лиц, соответствующих указанным требованиям.

6. Отсутствует полный перечень обязательного проведения экспертизы при проведении закупки путем конкурса, электронного аукциона, запроса котировок и запроса предложений.

7. Далее заказчик обязан привлекать экспертов, экспертные организации к проведению экспертизы поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги, если закупка осуществляется у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), в случаях:

1) поставка культурных ценностей, закупка произведений литературы и искусства, производство товаров, работ и услуг, производимых учреждениями и предприятиями уголовно-исправительной системы, заключение контракта на лечение гражданина РФ за пределами РФ. Перечень является закрытым.

2) осуществления закупок услуг экспертов, экспертных организаций;

3) проектная документация объекта капитального строительства и (или) результаты инженерных изысканий, прошедшие государственную или негосударственную экспертизу, проведение которой обязательно в соответствии с положениями законодательства Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации вправе определить иные случаи обязательного проведения экспертами, экспертными организациями экспертизы предусмотренных контрактом поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг. Однако до сегодняшнего дня иные случаи не установлены.

Таким образом, если закупка проведена не у единственного поставщика, а проведена путем конкурса или аукциона, запроса котировок или запроса предложений, экспертизу можно заказчику не проводить.

Для проведения экспертизы поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги эксперты, экспертные организации имеют право запрашивать у заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) дополнительные материалы, относящиеся к условиям исполнения контракта и отдельным этапам исполнения контракта. Результаты такой экспертизы оформляются в виде заключения, которое подписывается экспертом, уполномоченным представителем экспертной организации и должно быть объективным, обоснованным и соответствовать законодательству Российской Федерации. В случае, если по результатам такой экспертизы установлены нарушения требований контракта, не препятствующие приемке поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги, в заключении могут содержаться предложения об устранении данных нарушений, в том числе с указанием срока их устранения.

Закон 44-ФЗ действует уже несколько лет. Закон по проведению экспертизы не дает четких указаний, каким образом необходимо действовать в той или иной ситуации, при той или иной закупке.

На наш взгляд необходимо законодателю четко установить случаи проведения экспертизы не только в зависимости от способа закупки, виды закупки, но и в зависимости от цены заключаемого контракта.

Корж В. П.

Тактика судебного следствия: вопросы теории и практики

Теоретические положения, криминалистические рекомендации по методике судебного разбирательства и тактике судебного следствия изложены в научных трудах Л. Е. Аропкира, Р. С. Белкина, В. К. Гавло, А. Ю. Корчагина, Ю. В. Корневского, В. Г. Танасевича и других ученых. Следует согласиться с Р. С. Белкиным в том, что условия, в которых осуществляется исследование доказательств по уголовному делу в стадии судебного разбирательства, коренным образом отличаются от условий предварительного следствия, что диктует необходимость разработки специальных приемов судебного следствия — приемов криминалистических, а не процессуальных¹. Поэтому Р. С. Белкин рассматривает криминалистическую тактику как систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии

¹ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: общая теория советской криминалистики. Пособие для преподавателей, альфонктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР. Т. 1 / Белкин Р. С. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1977. С. 20.

поведения лиц, осуществляющих доказывание и приемов конкретных следственных и судебных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступлений.¹ Одним из важнейших условий, определяющих своеобразие применения положений криминалистической тактики в суде, является участие в исследовании доказательств, в производстве всех судебных действий наряду с судом, и представителей обвинения и защиты.²

Большинство криминалистов разработку «тактики судебного следствия» относят к современным тенденциям развития криминалистики, поскольку криминалистические рекомендации могут быть использованы как судьей в организации судебного процесса, исследовании доказательств, так и стороной обвинения, стороной защиты в решении тактических задач и достижения цели. Как правильно отмечает А. Ю. Корчагин — судебное разбирательство направлено на удовлетворение общественной потребности — разрешение правового конфликта. Деятельность носит познавательный характер. Это практическое познание, осуществляемое в строго установленной процессуальной форме. Как может суд в ходе судебного следствия исследовать информацию, принимать решения, не располагая знанием тактики и методики исследования доказательств³. На наш взгляд, разработка методики судебного разбирательства и тактики судебного следствия является актуальным для науки и практики криминалистики.

Специфика судебного следствия оказывает влияние на содержание и тактику судебных действий. Как правильно указано в криминалистической литературе тактика судебного следствия складывается из тактики стороны обвинения, тактики стороны защиты, тактики судьи. Следует отметить, что сторона обвинения и сторона защиты решают тактические задачи и достигают свои цели в судебном заседании путем убеждения суда в правильности своей процессуальной позиции по предъявленному на досудебном следствии обвинению. Тактика судебного следствия определяется процессуальной регламентацией данного этапа судебного разбирательства и конкретной судебной ситуацией. Так, Р. С. Белкин обращает внимание на, что конкретная судебная ситуация всегда индивидуальна, поэтому типизация судебных ситуаций во всей полноте их содержания невозможна. Столь же относительный характер имеет

¹ *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика: учебник для вузов. Под ред. заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р. С. Белкина. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 1999. С. 451.

² *Ароцкер Л. Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел / Ароцкер Л. Е. М.: Юрид. лит., 1964. С. 17–18.

³ *Корчагин А. Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 16.

и классификация судебных ситуаций, поскольку всякая классификация основывается на типизации (основание классификации есть нечто общее, что объединяет классифицируемые объекты)¹. Таким образом, сторона обвинения и сторона защиты, с учетом конкретной судебной ситуацией, планируют линию своего поведения в судебном заседании, тактику допроса потерпевшего, свидетелей, подсудимого. Решающим условием для выбора сторонами тех или иных тактических приемов является их убеждение в правильности избранной процессуальной позиции. К сожалению, не всегда в судебном разбирательстве сторона защиты выбирает законные тактические приемы. Одной из форм противодействия судебному следствию являются незаконные действия защитников, в частности при судебном рассмотрении экономических преступлений, совершаемых организованными группами. Защитники путем компрометации свидетелей, вещественных доказательств создают конфликтную или остроконфликтную ситуацию в судебном заседании. Таким образом, они « ищут свою» истину, а найдя, стремятся убедить, что это и есть то, что соответствует действительности, или, на худой конец, продемонстрировать бесплодность предпринятых поисков истины стороной обвинения.² Полагаем, что тактика защиты предполагает использование защитником эффективных способов и тактических приемов защиты прав и законных интересов подзащитного в судебном разбирательстве. Эти приемы должны быть правомерными, допустимыми, этичными и соответствовать закону, Кодексу профессиональной этики адвоката.

К сожалению, криминалистические рекомендации, тактические правила не могут быть реализованы в практической деятельности стороной обвинения, стороной защиты, судом в связи с не совершенствованием уголовно-процессуального кодекса Украины. Так, авторы УПК Украины автоматически скопировали англо-саксонскую процессуальную модель без учета сформировавшихся и проверенных практикой отечественных процессуальных институтов и традиций, что привело к юридическим коллизиям в правотворчестве и правоприменении. В частности, Раздел 4 УПК Украины (2012 г.) называется «Судебное производство в первой инстанции». Он предусматривает такие главы, как «Подготовительное производство», «Судебное рассмотрение» и «Судебные решения». В этом разделе отсутствует глава «Судебное следствие». Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства РФ, Грузии, Литвы, Молдовы и других стран постсоветского пространства свидетельствует о том, что новые уголовно- процессуальные кодексы в этих государствах

¹ *Белкин Р. С.* Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. проф. Т. В. Аверьянова и проф. Р. С. Бекина. М., 1997. С. 73.

² *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня (Злободневные вопросы российской криминалистики). М., 2001. С. 196.

предусматривают главу «Судебное следствие». Аналогично и в УПК Украины 1960 года были главы: «Судебное следствие», «Судебные прения и последнее слово подсудимого», «Постановление приговора». На наш взгляд «реформаторы» УПК Украины недооценивают судебное разбирательство как центральную часть уголовного судопроизводства, роль и значение судебного следствия в исследовании доказательств и постановлении законного, обоснованного и справедливого приговора. В этих условиях суд не может должным образом решить возложенные на него задачи по осуществлению правосудия. Процессуальные новации в УПК Украины не отвечают многолетней правоприменительной практике, отечественным процессуальным традициям, теоретическим положениям и криминалистическим рекомендациям по организации и планированию судебного следствия, использованию тактических приемов стороной обвинения, стороной защиты. Эти процессуальные ошибки не позволяют в должной мере обеспечить исследование доказательств, реализовать принцип состязательности в судебном разбирательстве. В сложившейся ситуации необходимо незамедлительно *Раздел 4 УПК дополнить новой главой: « Судебное следствие».*

Особая роль суда в правоприменительной деятельности обуславливает повышение требований к содержанию и профессиональному уровню судебного разбирательства, использование судьей криминалистических средств и методов в организации судебного процесса, исследовании доказательств. Следует согласиться с точкой зрения А. С. Кудрявицкого, Я. М. Мазунина о том, что существенное повышение качества рассмотрения судьями уголовных дел возможно при использовании ими рекомендаций криминалистической науки, среди которых одним из эффективных является ситуационный подход¹. Процессуальные предписания, в соответствии с которыми осуществляется судебное разбирательство, являются императивными, тогда как криминалистические средства и приемы, которые использует судья, прокурор, защитник в судебном следствии имеют подчиненное значение по отношению к процессуальным нормам. Они реально повышают эффективность проведения судебного следствия в условиях состязательного уголовного процесса. Полагая, что регламентация уголовно-процессуальных отношений абстрактными положениями снижает эффективность судебного разбирательства. Совершенствование норм УПК Украины является актуальным для дальнейшего развития тактики судебного следствия и практики применения тактических приемов стороной обвинения, стороной защиты.

¹ Кудрявицкий А. С., Мазунин Я. М. Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение судебного разбирательства дел о преступлениях, совершенных организованными преступными сообществами: монография / А. С. Кудрявицкий, Я. М. Мазунин. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 46.

Котяжов А. В.

Использование информационных систем государственных органов – операторов обработки персональных данных – в качестве средств розыскной деятельности следователя

Современный период информатизации российского общества характеризуется широким внедрением IT-технологий и методов распределенной обработки персональных (анкетно-биографических и биометрических) данных¹ и других сведений (адресов места жительства (проживания), работы, учебы, получения медицинских, страховых услуг; реквизитах эксплуатируемых транспортных средств, номеров телефонов и др.), имеющих значение для достижения цели розыска.

Вместе с тем, анализ данных ФКУ «ГИАЦ МВД России», являющихся индикаторами состояния розыскной деятельности показал наличие стойкой тенденции снижения количества лиц, розыск которых прекращен в связи с установлением разыскиваемых. Так, в период с 2010–2016 гг. несмотря на снижение нагрузки на розыскные подразделения, в связи с ежегодным уменьшением количества лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда с 177 254 до 114 891, число разысканных данной категории учета уменьшилось с 112 216 до 67 449 лиц. Эффективность розыска снизилась с 63,3% до 61,5%.

Также, наряду со снижением общего числа находящихся в розыске лиц, пропавших без вести с 115 037 до 88 751, уменьшилось и количество установленных разыскиваемых лиц данной категории учета с 64 678 до 42 937. Эффективность розыска снизилась с 56,2% до 48,4%. И это, несмотря на введение в эксплуатацию региональных лабораторий ДНК анализа, что позволило идентифицировать значительное число граждан, пропавших в прошлые годы по неопознанным трупам и прекратить значительное количество «старых» розыскных дел. В рассматриваемый период остаток дел по розыску лиц, пропавших без вести, уменьшился с 47 830 в 2010 году до 42 041 в 2016 году².

Систематизируя основы криминалистического учения о розыске Р. С. Белкин верно отмечал, что формирование организационно-технических основ розыскной деятельности следователя предполагает повышение уровня информационного обеспечения объекта розыска.

¹ Персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) // Ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

² Сводный отчет по России о розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Форма «3» (030), книга 8 (2010–2016 гг.). М.: ГИАЦ МВД России.

Это не только увеличение объема информации, предоставляемой в распоряжение субъекта розыска, но и возрастание эффективности функционирования самой системы сбора, хранения, поиска и передачи необходимой информации. По своему содержанию информация, служащая базой для организации и планирования розыска это информация о возможном местонахождении разыскиваемого лица, содержащаяся в нем самом или в других отпечатках события, а также информация, носителями которой являются иные объекты, как связанные, так и не связанные с событием преступления¹.

Разрабатываемая в рамках криминалистического учения о розыске классификация розыскных средств включает процессуальные и розыскные непроцессуальные в том числе организационные (организационно-технические) действия выполняемые следователем, чтобы получить розыскную и идентификационную информацию, необходимую для достижения цели розыска — обнаружения разыскиваемого лица (подозреваемого, обвиняемого, пропавшего без вести и др.).

В зависимости от этапа расследования и следственно-розыскной ситуации использование телекоммуникационных систем государственных органов способствует расширению круга участников розыска и получению исходной розыскной информации.

В связи с этим уже на первоначальном этапе расследования необходимо прогнозировать места, где возможно сокрытие и длительное нахождение разыскиваемого.

На основании вышеизложенного полагаем, что сегодня существует объективная необходимость совершенствования классификации розыскных средств следователя за счет включения в перечень розыскных непроцессуальных действий проверки разыскиваемого и лиц, проходящих в качестве его связей по учетам баз персональных данных государственных информационных систем.

Нормативное закрепление таких полномочий обеспечит оперативное получение информации о возможных местах нахождения разыскиваемого (подозреваемого, обвиняемого, пропавшего без вести) и иных связанных с ним лицах (родственниках, знакомых, коллегах и др.), которые могут обладать такими сведениями либо непосредственно скрывать разыскиваемого. Проверка указанной информации, в каждом конкретном случае, будет способствовать обнаружению местонахождения разыскиваемого лица.

Анализ деятельности государственных органов — операторов обработки персональных данных — показал, что имеющая значение для розыска информация, обрабатывается, в том числе в связи с:

- проведением всероссийской переписи населения;
- оказанием государственной социальной помощи;

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. С. 217–236.

- участием в деятельности общественной или религиозной организации;
- установлением или осуществлением прав субъекта персональных данных или третьих лиц, а равно и в связи с осуществлением правосудия;
- с законодательством об обязательных видах страхования, со страховым законодательством
- оказанием медицинских услуг и др.

Сегодня, в контексте отмены института прописки и нормативного закрепления уведомительного порядка регистрации по месту жительства (месту пребывания)¹, фактически отменен полицейский контроль за перемещением и выбором гражданами места жительства. Каждый гражданин России (в т. ч. и разыскиваемое лицо), независимо от места постоянной регистрации, может воспользоваться в любом регионе страны страховыми услугами, произвести техосмотр личного транспортного средства, сменить оператора телефонной связи и номер мобильного телефона, получить медпомощь по полису обязательного медицинского страхования (ОМС) и т. п.

Вместе с тем, мониторинг учетов государственных информационных систем² позволяет «выявить» факт предоставления разыскиваемому лицу государственной услуги и установить (по странице регистрации ГИС) адрес (район) его проживания (местонахождения), а нередко: время и место следующего обращения за подобной услугой.

Например, комплексная медицинская информационная система (КМИС) предназначенная для автоматизации медицинских организаций независимо от формы собственности (государственное, ведомственное или коммерческое), включает в свое содержание подсистемы регистратуры и управления лечебно-профилактическим учреждением. Указанные подсистемы содержат персональные данные о пациентах (адрес проживания лица в муниципальном образовании, где дислоцировано медицинское учреждение и др.). КМИС интегрирована с федеральным сервисом электронной медицинской карты (ИЭМК), пользователям которого доступны персональные данные конкретного лица, обратившегося за медицинскими услугами.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1998 № 4-П.

² См.: ст. 6 Федерального закона от 25.01.2002 № 8-ФЗ (ред. от 28.03.2017) «О Всероссийской переписи населения»; часть 2 ст. 25 Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»; ст. 5 Федерального закона от 01.07.2011 № 170-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; п. 9 ст. 14 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; и др.

Комплексный анализ таких данных, а также информации полученной в результате изучения:

- личных страниц разыскиваемого, размещенных в социальных сетях «Одноклассники», «ВКонтакте», Facebook, Twitter, Telegram, мессенджерах: WhatsApp, Instagram, Skype, Viber и т. п.;
- сведений операторов телефонной сотовой связи (факт заключения договора на обслуживание абонента, его позиционирование в районе базовых станций, соединения с другими абонентами);
- данных, полученных при анализе потоков соответственно людей аппаратно-программными комплексами биометрической идентификации и автотранспортных средств подсистемами федеральной специализированной территориально-распределенной информационной системы Госавтоинспекции (ФИС ГИБДД-М)¹, позволяет установить местонахождение и обнаружить разыскиваемое лицо.

В части отождествления лиц, по нашему мнению, наиболее эффективными являются аппаратно-программные комплексы биометрической идентификации, работающие в «3D» формате, которые, наряду с лицевой геометрией, при распознавании используют четыре основных алгоритма: векторного сравнения (VFA); сравнения иерархических графов лица (HGM); анализа локальных особенностей лица (LFA); анализа структуры кожного покрова лица (STA). В административных центрах субъектов Российской Федерации указанные системы используются в качестве элемента АПК «Безопасный город»², осуществляющего автоматическую регистрацию событий на базе системы видеонализа потока; аналитику видеопотока в режиме реального времени; идентификацию и распознавание лиц.

Считаем, что применительно к условиям мегаполисов (на примере г. Москвы) повышению эффективности таких систем будет способствовать их интеграция с ГИС «Единый центр хранения данных» (ЕЦХД) и АИС «Единое геоинформационное пространство». Это позволит посредством встроенной в ЕЦХД системы аналитической обработки изображений отслеживать, и с помощью общегородской системы видеонаблюдения обнаружить местонахождение разыскиваемого лица.

В случаях эксплуатации разыскиваемым автотранспорта, следует отметить положительный опыт создания и совершенствования

¹ Приказ МВД России от 03.12.2007 № 1144 «О системе информационного обеспечения подразделений Госавтоинспекции» (в ред. приказов МВД России от 29.05.2013 № 306, от 27.01.2014 № 49, от 06.08.2014 № 655).

² Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.12.2014 № 2446-р.

ния Единой информационно-технологической системы (ЕИТС) ГИБДД ГУВД г. Москвы, в рамках которой осуществлена интеграция различных служб госавтоинспекции, АПК и АИС в единое информационное пространство. Ввод в эксплуатацию новых комплексов видеофиксации, в свою очередь расширит количество зон видеоконтроля, вследствие чего появится возможность расширения случаев фиксации фактов прохождения транспортных средств, регистрационные знаки которых совпадают с разыскиваемыми через зоны видеоконтроля в режиме реального времени. База данных разыскиваемых знаков постоянно пополняется с использованием подсистемы «Оперативный розыск», работающей в режиме реального времени со службой «02» ГУ и дежурными частями УГИБДД и подразделений ДПС ГИБДД. Это дает возможность начать отслеживать перемещения автомобиля, в т. ч. управляемого разыскиваемым сразу, после получения сообщения о розыске и пересечения первой зоны видеоконтроля.

Считаем, что одним из условий повышения эффективности розыска лиц является создание единого информационного пространства для всех участников внутриведомственного и межведомственного информационного взаимодействия¹, в том числе единой розыскной автоматизированной системы органов внутренних дел Российской Федерации интегрированной с банками данных государственных органов (федеральных и субъектов Российской Федерации) — операторов обработки персональных данных.

В качестве условий мониторинга указанных информационных систем, прежде всего, необходимо превентивно обеспечить:

- создание правовой основы, предоставляющей полномочия субъектам розыска на указанную деятельность;
- доступ к информационным ресурсам только идентифицированным пользователей (конкретных следователей, следователей — криминалистов, оперативных сотрудников);
- повышение уровня профессиональной подготовки и контроля результатов работы указанных сотрудников;
- ориентированность программного обеспечения на зарегистрированных пользователей информационных массивов, что позволит реализовать своевременность, полноту и доступность информации, динамичное отображение данных для повышения оперативности решения розыскных задач.

¹ Решение коллегии МВД России от 05.12.2014 № 3 км/1 «Об основных направлениях развития информационного обеспечения деятельности МВД России». Приложение к приказу МВД России от 10.02.2015 № 248 «Об объявлении решения коллегии МВД России от 05.12.2014 № 3 км/1».

Крюкова Е. С.

Развитие идей профессора Р. С. Белкина об изучаемых криминалистической наукой закономерностях

Криминалистика как совокупность знаний, применяемых для установления виновного лица, возникла до нашей эры, однако как наука сформировалась намного позже. Истоки становления и формирования криминалистических представлений можно встретить еще в первобытности, отголоски криминалистики встречаются уже в древних памятниках письменного права, однако, безусловно, криминалистика того времени — это еще не наука, а скорее «преднаука», которая не выходила за рамки наличной практики. Факты и единичные «криминалистические» знания получались в основном через наблюдение и эксперимент. Становление криминалистики происходило интеграционно, ему предшествовал длительный период развития естественных наук (физики, химии, медицины), уголовного права, уголовного процесса и других. Некоторые криминалистические рекомендации можно обнаружить в процессуальной и медицинской литературе, фактически такие работы носили комплексный характер. Например, «Новоуказанные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах» 1669 г. отчасти содержат отголоски криминалистики¹. «Зерцало правосудия» (1805 г.) называло несколько направлений изобличения виновного: «от лица» (потерпевшего), «от причины», «от «дела» (т. е. происшествия), «от места», «от способа», «от орудий», «от времени» и пр.»².

Благодаря обобщениям следственного и экспертного опыта наукой были отмечены повторяющиеся сущностные явления, относящиеся как к совершению преступления, так и к его расследованию и раскрытию. Позднее часть таких «следственных находок» перешла в законодательство в виде императивных установлений (законов следственной и оперативно-розыскной работы), а часть так и осталась неформальными правилами, рекомендациями. Однако криминалистика как наука долгое время понималась узко и исключительно как наука о специальных

¹ «Если новых челобитчиков не будет с явными уликами, то, бив кнутом, отсечь два меньших пальца левой руки и освободить с порукой, что ему впредь не воровать...», о некоторых полицейских мерах и о порядке производства следствий: «Для великих дел и на станových разбойников предписывается ездить сыщикам в те города самим, собравшись со многими людьми, а брать им с собой тех городов дворян и детей боярских меньших статей и служек монастырских, и пушкарей, и затинщиков, и уездных людей и с теми людьми ходить на разбойничьи станы тайным обычаем, чтобы их всех изловить и, изловив, чинить по государеву указу, как предписано выше».

² Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник/ под ред. Е. П. Ищенко. М., Юрид. фирма «Контракт»: Инфра-М, 2007. С. 4.

средствах, приемах и методах обнаружения, собирания, фиксации и исследования доказательств, применяемых для раскрытия преступлений.¹

Пятьдесят лет назад профессор Р. С. Белкин и Ю. И. Краснобаев в совместной статье впервые высказались о необходимости нового подхода к определению криминалистики, т. к. предыдущие не отражали ее содержание, они писали: «Предметом советской криминалистики должны быть не приемы, методы и средства собирания, исследования и оценки судебных доказательств, а закономерности возникновения этих доказательств».² На этой основе Рафаил Самуилович сформулировал новое определение криминалистики, разрушившее устоявшуюся научную традицию: «криминалистика — наука о закономерностях осуществления судебного исследования, о средствах и приемах его проведения, о методах использования этих средств и приемов как в целях раскрытия, расследования преступлений и объективного судебного разбирательства, так и принятия мер к предотвращению преступлений».³ Он по-новому взглянул на криминалистику, однако его современный подход не сразу был принят научной общественностью и критиковался. Например, А. Н. Васильев не использовал понятие «закономерности» для объяснения криминалистики науки⁴, но в учебнике 1971 г. уже согласился с важностью изучения закономерностей, однако указывая, на необходимость отличия закономерностей криминалистики и уголовного процесса в части теории доказательств⁵. Возникшие дискуссионные споры коренным образом изменили состояние науки и положительно сказалась на концепции Р. С. Белкина. Он, прислушиваясь к взглядам своих коллег, несколько раз корректировал свое определение, в окончательной редакции стало выглядеть следующим образом: криминалистика — наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений.⁶

Подход Р. С. Белкина соответствовал духу времени и уровню развития прогресса, любую науку постепенно стали понимать не как

¹ См., напр.: *Винберг А. И.* Предмет и метод советской криминалистики. Криминалистика. Ч. I. М.: Юриздат, 1950. С. 4.

² *Белкин Р. С., Краснобаев Ю. И.* О предмете советской криминалистики. Правоведение. 1967. № 4. С. 94.

³ *Белкин Р. С.* Предмет, задачи и система советской криминалистики. Криминалистика. Учебник для специальных средних учебных заведений. М., 1967. С. 3.

⁴ *Васильев А. Н.* Советская криминалистика. М.: Знание, 1970. 47 с.

⁵ Криминалистика / отв. ред. А. Н. Васильев. М.: МГУ, 1971. С. 7.

⁶ *Белкин Р. С.* Общая теория советской криминалистики / Р. С. Белкин. Саратов, 1986; *Он же.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 112.

«скопище фактов, не свалку эмпирического материала»¹, а как сущностные явления, законы соответствующих явлений, закономерности объективной действительности. «Единая вещь... постигается при помощи законов, распространяющихся на всю систему, т.е. происходит дальнейшая конкретизация полученных знаний. Этот этап необходим для непосредственного выхода знаний в сферу практической деятельности».² Р. С. Белкин писал: «Предметом любой юридической науки, как и любой самостоятельной отрасли знаний, служат закономерности объективной действительности, обуславливающие возникновение, состояние, тенденции развития специфической группы явлений, фактов, отношений.... Криминалистика изучает именно те объективные закономерности, которые охватываются сферой деятельности следователя, прокурора, эксперта, суда по установлению истины в судопроизводстве, т.е. всей деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству уголовных дел, а также решению гражданско-правовых споров».³ Ключевым понятием нового подхода стала «закономерность» как объективная, устойчивая и повторяемая внутренняя, существенная связь и взаимозависимость явлений объективной действительности.⁴

Со временем подход Р. С. Белкина стал общепринятой парадигмой, определяющей сущностное криминалистическое знание, принимаемой и разделяемой научным сообществом. Наступила «эпоха Р. С. Белкина в криминалистике».⁵ Р. С. Белкин убедительно доказал теоретическую основу криминалистики, показал универсальность науки.

Большинство криминалистов после исследований Р. С. Белкина стали понимать под предметом криминалистики закономерности по возникновению, собиранию, исследованию и использованию криминалистической информации, используя различные термины, однако имея в виду единую сущность криминалистики и понимая ее как «науку о законах». Приведем лишь некоторые из них: «закономерностях возникновения судебных доказательств, а также общекриминалистических методах, технике, тактике, методике их собирания, исследования и использования в целях расследования и предупреждения преступлений»

¹ Кедров Б. М. История и социология. М.: Наука, 1964. С. 119.

² Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. М.: Мысль, 1967. С. 81; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юридическая литература. 1969. С. 9.

³ Криминалистика. Т. 1 / под ред. Р. С. Белкина, В. П. Лаврова, И. М. Лузгина. М., 1987. С. 5–6.

⁴ См., напр.: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: ООО Издательство АСТ: ООО Издательство Мир и образование, 2014. С. 321; Краткий философский словарь. Под ред. д. ф. н. Алексеева А. П. М.: Проспект. 1998. С. 98–99.

⁵ Корухов Ю. Г. Значение творческого наследия Р. С. Белкина в развитии отечественной криминалистики // Вестник криминалистики. 2002. Вып. 1 (3). С. 7.

(Н. А. Селиванов)¹, «закономерностях механизма слеодообразования в процессе совершения преступления, возникновения материальной и идеальной информации о нем и его участниках, закономерностях собирания, оценки, исследования, использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей средствах, приемах и методах расследования и предупреждения преступлений» (Е. П. Ищенко)², «закономерностях проявления механизма преступления, собирания, исследования, оценки и использования следов и иной информации и основанных на познании этих закономерностей средствах, приемах, методах, рекомендаций раскрытия, расследования, судебного разбирательства и предупреждения преступлений» (Н. Г. Шурухнов)³, «закономерностях протекания криминальной деятельности, получения информации о ней, а также о закономерностях деятельности субъекта расследования и основанных на них рекомендациях по использованию криминалистических средств, приемов и методов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» (Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В.)⁴, «закономерности механизма преступного деяния и оставления следов при совершении преступления, а также практическую деятельность следователя по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию следов преступления и разрабатывающую на основе изучения указанной деятельности научные рекомендации, новые средства, приемы и методы расследования преступлений» (Савельева М.В., Смушкин А.Б.)⁵, «закономерности преступных деяний, механизм их отражения в источниках информации, а также особенности деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и разрабатывающую на этой основе с использованием данных других юридических и иных наук средства и методы указанной деятельности с целью обеспечения надлежащего применения уголовно-процессуальных и уголовно-правовых норм» (Н. П. Яблоков)⁶ и др. Познание закономерностей криминалистики является одной из задач науки

¹ Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Издательство «Юридическая литература», 1982. С. 8.

² Криминалистика: учебник // под ред. Е. П. Ищенко, В. И. Комиссарова. М.: Юрист, 2007. С. 16.

³ Шурухнов Н. Г. Криминалистика: учебник / Н. Г. Шурухнов. 2-е изд., испр и доп. М.: Эксмо, 2008. С. 15.

⁴ Балашов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В. Криминалистика: учебник. 2-е изд. (дополненное и переработанное). М.: Инфра-М, 2009. С. 4. Балашов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В. Криминалистика: учебник. 3-е изд. (дополненное и переработанное). М., Инфра-М, 2014. С. 4.

⁵ Савельева М. В., Смушкин А. Б. Криминалистика: учебник. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. С. 15.

⁶ Яблоков Н. П. Криминалистика в вопросах и ответах: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2006. С. 42. В похожей редакции определение см.: Криминалистика: учебник / Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М: Норма, 2009. С. 16. Криминалистика: учебник для вузов / Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.:

и «позволяет всем частям криминалистики разрабатывать соответствующие технико-криминалистические средства, методы и тактические приемы расследования»¹, которые должны быть понятны практике расследования.²

Сегодня сложно представить иной подход к определению и пониманию криминалистики. Определение, данное профессором Р. С. Белкиным, актуально до сих пор и отвечает всем современным тенденциям, в нем отражены принципиальные позиции и установки науки криминалистики. Вместе с тем, требуется дальнейшее изучение теоретических основ криминалистики, познание закономерностей механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования информации, имеющей значение для дела.

Крюченко М. С.

Проблемные вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве

С конца 1970-х годов возрастает роль криминалистики как науки, призванной обеспечивать своей научной и прикладной «продукцией» деятельность правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. На сегодняшний день благодаря вкладу известных ученых достигнуты результаты, которые позволяют констатировать становление и дальнейшее поступательное развитие научных знаний о криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений.

Понятие «криминалистическое обеспечение» было введено в научный оборот в конце 70-х-начале 80-х годов XX века профессором В. В. Коломацким. Он понимал под криминалистическим обеспечением систему внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умениях работников органов внутренних дел использовать научные, методические и тактические рекомендации,

Издательство Юрайт, 2014. С. 16–17. Криминалистика: учебник. Т. 1 / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. С. 18.

¹ Яблоков Н. П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. С. 82.

² См.: Центров Е. Е. Особенности использования сведений о закономерностях, изучаемых криминалистикой, в процессе раскрытия и расследования преступлений // Вестник криминалистики. № 3. С. 13–21; Центров Е. Е. Расследование преступлений: учет и преодоление современных тенденций, присущих криминальной среде // Вестник МГУ. 2014. № 14. С. 70–77.

техничко-криминалистические средства и технологии их применения в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений¹.

Профессор Р. С. Белкин, поддерживая точку зрения В. Г. Коломацкого, определял криминалистическое обеспечение как систему криминалистических знаний и основанных на них навыках и умений их сотрудников использовать научные криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений². Анализ вышеуказанных определений свидетельствует, что Р. С. Белкин и В. Г. Коломацкий пытались определить сущность криминалистического обеспечения через систему криминалистических знаний и их реализацию на практике.

Несколько иной подход к определению криминалистического обеспечения, с акцентом на деятельность, был предложен профессорами А. Ф. Вольнским и В. П. Лавровым. По их мнению, под криминалистическим обеспечением понимается комплексная по своему содержанию деятельность, направленная на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений³.

Проблемы криминалистического обеспечения также широко представлены в исследованиях известных ученых (Р. Г. Аксенова и С. Р. Акимова, И. А. Возгриня, В. А. Вольнского, Э. К. Горячева, Л. Я. Драпкина, В. А. Образцова, В. Ю. Сокола, И. В. Тишутинной, А. С. Шаталова, А. В. Шмониная, А. Я. Эрекаева и других). Криминалистическое обеспечение как категориальный инструмент в современных условиях развития криминалистики, как справедливо отмечает И. П. Можяева, требует более глубокого познания в узком и широком смыслах преступлений⁴. В *узком значении* — это обеспечение научной и прикладной криминалистической продукцией путем применения приемов, методов, средств и рекомендаций при раскрытии и расследовании преступлений.

Применение криминалистической продукции, рассматриваемое как практическая деятельность определенных субъектов, помимо крими-

¹ Коломацкий В. Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений // Криминалистика. Академия МВД России. М., 1994. Т. 1. С. 62.

² Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997. С. 64.

³ Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Вольнского, В. П. Лаврова. М., 2008. С. 55.

⁴ Можяева И. П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014; Можяева И. П. Концептуальные основы криминалистического учения об организации расследования преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4 (40).

налистического обеспечения нуждается в организационных, материально-технических, правовых и других видах обеспечения. Это и есть понимание категории «криминалистическое обеспечение» в *широком аспекте*, который является основой для формирования самостоятельного направления в криминалистике. Определяя криминалистическое обеспечение в широком смысле необходимо учитывать взаимосвязь и взаимообусловленность целого ряда направлений, обеспечивающих различные виды деятельности.

В этой связи систему криминалистического обеспечения образуют: теоретические основы криминалистического обеспечения; технико-криминалистическое обеспечение; тактико-криминалистическое обеспечение и методико-криминалистическое обеспечение. Рассмотрим последние три составляющие данной системы применительно к расследованию преступлений в сфере долевого участия в строительстве и попытаемся выявить особенности, применительно к указанной категории преступлений.

1. Использование современных достижений науки и техники при расследовании преступлений в сфере долевого участия в строительстве не удостоивается положительной оценки. В большинстве случаев, следователи не используют имеющийся арсенал организационно-технических средств и методов для успешного расследования преступлений.

При расследовании преступлений в сфере долевого участия в строительстве, следователь постоянно сталкивается с применением специальных знаний. Одной из проблем применения специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономике является бланкетность уголовно-правовых норм, для раскрытия содержания которых следователю приходится использовать несколько десятков правовых норм гражданского, земельного, градостроительного и иного законодательства. Именно на экономические составы преступлений в общем и на преступления в сфере долевого участия в строительстве в частности, приходится существенная часть уголовных дел, которые «разваливаются» в суде либо возвращаются судом прокурору в соответствии со ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Решение данной проблемы видится в использовании специальных знаний опытных юристов в соответствующих областях гражданского и специального законодательства.

В своей статье, профессор Т. С. Волчецкая отмечает, что деятельность должностного лица, осуществляющего в пределах установленной законом компетенции предварительное следствие, не ограничивается выполнением процессуальных действий и использованием результатов оперативно-розыскных мероприятий¹. Мы согласны с данным мнением

¹ Волчецкая Т. С., Репан Е. В. Организационно-технические мероприятия в системе криминалистического обеспечения предварительного расследования.

и отметим, что значительную часть рабочего времени следователя занимает деятельность, направленная на обеспечение выполнения действий, предусмотренных законом, по получению информации, которая впоследствии может стать доказательством по уголовному делу. По своей сути это и является организационно-техническим обеспечением расследования преступлений.

Белкин Р.С. отмечал необходимость выделения таких мероприятий, определяя их как вспомогательные непроцессуальные действия подготовительного, обеспечивающего или организационного характера: проверка состояния технико-криминалистических средств, систематизация материалов дела, организация охраны места происшествия, подготовка информации для публикации в средствах массовой информации и т.д.¹.

Систематизация материалов уголовного дела по преступлениям в сфере долевого участия в строительстве при правильном применении позволит оптимизировать процесс расследования. Уяснение следователем следственной ситуации в определенный период расследования невозможно, если материалы уголовного дела не имеют системы, то есть определенного порядка расположения. Конечно, можно использовать системы материалов уголовного дела, установленной в ст. 74 УПК РФ. Однако поскольку каждое уголовное дело имеет свои особенности, то и систематизация материалов по каждому уголовному делу не может являться одинаковой.

Немаловажным организационно-техническим аспектом при расследовании преступлений в сфере долевого участия в строительстве является подготовка информации для публикации в средствах массовой информации. Неоднократно нами упоминалось, что в материалах следственной проверки отсутствуют сведения о количестве обманутых дольщиков и количестве внесенных в реестр. Следователю приходится тратить рабочее время на составлении запросов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а ответы по временным промежуткам могут затянуться от двух недель до нескольких месяцев. Это влечет последствия, связанные с нарушением сроков предварительного следствия и законных прав лиц, пострадавших от преступления.

Одним из наиболее эффективных способов получения информации о количестве обманутых дольщиков является публикация информации о совершенном преступлении в средствах массовой информации, в особенности на телевидении. Такая практика стала активно применяться органами предварительного следствия 2–3 года назад. Однако необходимо учитывать, что лица, пострадавшие от данного вида противоправных деяний, имеют возраст 27–47 лет, значит активно пользуются информационно-коммуникационной сетью Интернет. В подобных случаях целесообразно размещать информацию на сайтах популярных средств

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000.

массовой информации, а также на сайтах органов государственной власти субъекта Российской Федерации.

Профессор Волчецкая Т.С. относит к организационно-техническим мероприятиям, направленным на получение криминалистически значимой информации, предварительную беседу, предварительный осмотр объекта (ознакомление с ним)¹.

Данные организационно-технические мероприятия могут быть успешно применены при расследовании преступлений в сфере долевого участия в строительстве как при получении и анализе следователем информации о преступлении, планировании производства следственных действий и в целом расследования.

В ходе производства предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях в сфере долевого участия в строительстве следователь изымает большой объем правоустанавливающих, проектных, сметных документов. В ходе предварительного осмотра данных объектов может быть получена предварительная информация о местонахождении организаций (застройщиков, подрядчиков, субподрядчиков и т. д.), а также иные сведения позволяющие планировать проведения комплекса следственных действий.

2. Что касается организационно-тактических положений, то они направлены на создание оптимальной и эффективной структуры следственного действия и подготовку условий, обеспечивающих его эффективное производство. Организационно-тактические особенности при расследовании преступлений в сфере долевого участия в строительстве могут быть реализованы при проведении тактические комбинации, криминалистического решения, информационного обеспечения, планирования производства следственных действий, взаимодействия следователя с другими подразделениями органов внутренних дел, а также привлечение общественности. Остановимся на двух первых составляющих.

В криминалистике тактические комбинации принято делить на простые и сложные. Простые тактические комбинации, заключающиеся в сочетании приемов в рамках одного следственного действия (допроса, обыска, задержания и т. п.). Сложные тактические комбинации, представляют собой систему различных следственных действий, призванных решить конкретную промежуточную задачу расследования. В свою очередь, простые тактические комбинации в криминалистике принято подразделять в зависимости от цели их проведения на рефлексивные, цель которых — рефлексивное управление лицом, противодействующим следствию, а также обеспечивающие и контрольные, осуществляемые для проверки правильного хода расследования, хода отдельных следственных действий, направленности расследования и т. п.

¹ Волчецкая Т. С., Репан Е. В. Указ. соч.

Одной из совокупности тактических комбинаций, которая может успешно применяться в расследовании преступлений в сфере долевого участия в строительстве является тактическая комбинация «Документы». Профессора А. В. Тямкин и А. М. Годовникова подразделяют данную тактическую комбинацию на два подвида: тактическая комбинация «Документ»; тактическая комбинация «Электронный документ»¹. По нашему мнению, это деление справедливо, поскольку отражает сегодняшние отношения в сфере документооборота. В указанной статье приводится теоретическая модель тактической комбинации «Документы», которая сформулирована следующим образом: назначение и проведение ревизии контрольно-ревизионным управлением (далее — о КРУ) с целью обнаружения конкретных нарушений финансово-хозяйственной деятельности, отраженных в официальной бухгалтерской документации; возбуждение уголовного дела по результатам ревизии; проведение обыска с целью изъятия бухгалтерской документации и иных документов; осмотр изъятых документов, обеспечение их сохранности; допрос свидетелей, подозреваемых, обвиняемых с целью обнаружения документов, уточнение имеющихся в них сведений; назначение экспертиз и т. п.²

Конечно, данная теоретическая модель может изменяться в зависимости от категории преступлений и применительно к преступлениям в сфере долевого участия в строительстве целесообразно сформулировать теоретическую модель тактической комбинации «Документы»: назначение и проведение ревизии КРУ с целью обнаружения конкретных нарушений финансово-хозяйственной деятельности, отраженных в официальной бухгалтерской документации; назначение и проведение строительно-технического исследования с целью обнаружения нарушений норм строительного законодательства; возбуждение уголовного дела по результатам проведенных исследований; проведение обыска с целью изъятия бухгалтерской, проектно-сметной, строительной документации и иных документов; осмотр изъятых документов, обеспечение их сохранности; допрос свидетелей; назначение экспертиз; допрос подозреваемых, обвиняемых с целью обнаружения документов, уточнение имеющихся в них сведений.

Следователь должен организовать свою работу таким образом, чтобы приведенный перечень мероприятий был выполнен в возможно короткий срок. Выполнение же указанных мероприятий по истечению месяца с момента возбуждения уголовного дела представляется нецелесообразным.

¹ Тямкин А. В., Годовникова А. М. Роль и значение тактической комбинации «Документы» при раскрытии и расследовании преступлений в сфере экономике // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 2. С. 34.

² Указ. соч. С. 34.

3. Организационно-методические положения направлены на создание оптимальной структуры расследования преступления и подготовку условий, обеспечивающих его оптимизацию. По нашему мнению, в структуру организационно-методических положений должны входить информационные основы проведения криминалистической операции, информационные основы расследования конкретного преступления, а также прогнозирование его хода и результатов; взаимодействие между участниками следственно-оперативных групп и др.

Резюмируя изложенное важно отметить, что вышеуказанные тенденции предопределили необходимость повышения качества и результативности криминалистического обеспечения расследования преступлений, и как следствие — комплексное исследование и дальнейшая разработка теоретических положений и основанных на их познании рекомендаций по организации расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве. В целях повышения эффективности деятельности следователя требуется исследование особенностей организации расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве и выработка комплекса научно обоснованных криминалистических рекомендаций.

Кубитович С. Н.

К понятию образцов для сравнительного исследования, полученных оперативным путем

Впервые законодательно закрепленное определение понятия образцов для сравнительного исследования содержится в принятом 5 апреля 2001 года Федеральном законе РФ «О государственной судебной экспертной деятельности в Российской Федерации (вступившем в силу 31 мая 2001 года), который определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в различных формах судопроизводства. В законе в ст. 9 под образцами для сравнительного исследования признаются «объекты, отображающие свойства или особенности человека, животного, трупа, предмета, материала или вещества, а также другие образцы, необходимые эксперту для проведения исследований и дачи заключения».

Серьезный криминалистический анализ вопросов получения образцов для сравнительного исследования, содержится в работах А. М. Зинина, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинской и ряда других ученых.

В последнее время, как общие вопросы, так и отдельные положения получения образцов для сравнительного исследования рассматривались В. Н. Калинин, К. Э. Гаазе, В. А. Шурухновым

(2010)¹ и на монографическом уровне Д. В. Исютиным-Федотковым и Г. Н. Мухиным (2014)². Различным аспектам получения образцов посвящены также диссертации В. А. Гаврикова (2004), Д. В. Еремеева (2007), Ю. А. Кудрявцевой (2013)³.

Работы названных выше авторов, несомненно, внесли значительный научный и практический вклад в развитие юридической науки и дальнейшее формирование понятия образцов для сравнительного исследования. Несмотря на значительное число опубликованных работ по данному вопросу, не все проблемы получения образцов для сравнительного исследования получили освещение.

Так, практически все приведенные выше авторы рассматривают получение образцов для сравнительного исследования как процессуальное действие, проводимое в соответствии со ст. 202 УПК РФ «Получение образцов для сравнительного исследования» или как самостоятельную деятельность эксперта по получению экспериментальных образцов в ходе производства экспертизы. Вместе с тем, понятие образцов для сравнительного исследования встречается и в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». В ст. 6 данного Федерального закона (Оперативно-розыскные мероприятия) приводится перечень оперативно-розыскных мероприятий, одним из которых является «Сбор образцов для сравнительного исследования».

Из приведенных выше работ, только в учебно-практическом пособии В. Н. Калинина, К. Э. Гаазе, В. А. Шурухнова и диссертации Ю. А. Кудрявцевой получение образцов для сравнительного исследования, наряду с процессуальным действием, рассматривается и как оперативно-розыскное мероприятие. Однако основное внимание авторов уделено размышлениям о возможностях использования образцов для сравнительного исследования, полученных оперативно-розыскным путем, в процессе доказывания. Вместе с тем, остаются не изученными вопросы, связанные с понятием таких образцов их видах, правовых и криминалистических аспектах их получения.

Не вносит большей ясности и анализ специальной юридической литературы в сфере оперативно-розыскной деятельности. Нам не встретилось работ, непосредственно посвященных рассмотрению вопросов сбора образцов для сравнительного исследования, как оперативно-розыскного мероприятия. Отдельные аспекты сбора таких

¹ См.: Калинин В. Н., Гаазе К. Э., Шурухнов В. А. Получение образцов для сравнительного исследования. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: учебно-практическое пособие. М.: Шит-М, 2010. 192 с.

² См.: Исютин-Федотков Д. В., Мухин Г. Н. Получение образцов для сравнительного исследования: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 192 с.

³ См.: Кудрявцева Ю. А. Получение образцов для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве России (процессуальная природа, порядок, доказательственное значение): дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 214 с.

образцов затрагиваются в единичных публикациях периодических изданий при рассмотрении общих вопросов ОРД таких авторов как В. В. Абрамочкин¹, В. А. Азаров², В. Н. Исаенко³, А. В. Земскова⁴ и др. Так же, информация об оперативно-розыском мероприятии «Сбор образцов для сравнительного исследования» и общих правилах его производства приводится в отдельных главах учебников по основам оперативно-розыской деятельности К. К. Горяйнова⁵, С. И. Давыдова⁶, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова⁷, А. Ю. Шумилова⁸, А. Е. Четина⁹ и др. Известно, что целью написания учебника является изложение сжатой и доступной информации по определенной теме, а не обзор имеющихся точек зрения и рассмотрение спорных и проблемных вопросов.

Таким образом, на лицо объективная необходимость разработки проблемных вопросов производства сбора образцов для сравнительного исследования, получаемых в ходе оперативно-розыского мероприятия (ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыской деятельности»).

Сбор образцов для сравнительного исследования на законодательном уровне впервые определен в Законе об Оперативно-розыской деятельности в Российской Федерации (далее — ФЗ об ОРД) в п. 3 ч. 2 ст. 6. В настоящее время данное оперативно-розыское мероприятие предусмотрено п. 3 ч. 2 ст. 6 данного закона. Кроме того, отдельные его правила изложены в ст. 5, 7 и п. 8, п. 1 ч. 1 ст. 15, ч 1 ст. 17 ФЗ об ОРД, а также в закрытых ведомственных документах соответствующего оперативно-розыского мероприятия.

В учебном пособии коллектива авторов Саратовского социально-экономического института (филиала) РЭУ им. Г. В. Плеханова: образцы

¹ См.: Проблемы использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Уголовная юстиция: связь времен. СПб., 2010.

² См.: Уголовно-процессуальные и оперативно-розыские средства выполнения задачи раскрытия преступления // Вопросы применения закона «Об оперативно-розыской деятельности». Омск, 1998.

³ См.: О некоторых вопросах использования материалов оперативно-розыской деятельности в уголовно-процессуальном доказывании // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6.

⁴ См.: Земскова А. В. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыских мероприятий в уголовно-процессуальном доказывании. Волгоград, 2000. 36 с.

⁵ Оперативно-розыская деятельность: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К. К. Горяйнова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова, А. Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М, 2004. XIV. 848 с.

⁶ См.: Давыдов С. И., Кальницкий В. В., Кукарцев В. Н. и др. Основы оперативно-розыской деятельности: учеб. пособие. Барнаул, БЮИ МВД РФ, 2007. 246 с.

⁷ См.: Горяйнов К. К., Овчинский В. С., Сенилов Г. К. Теория оперативно-розыской деятельности. Учебник. -М., 2006. С. 268—269.

⁸ См.: Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыской деятельности: учебник для вузов. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2008. 391 с.

⁹ См.: Четин А. Е. Основы оперативно-розыской деятельности: учеб пособие. 3-е изд., доп. и перераб. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2007. 237 с.

определены как объекты, «являющиеся носителями оперативной информации и подлежащие последующему криминалистическому и иному специальному исследованию, в целях установления обстоятельств, имеющих значение для решения частных задач оперативно-розыскной деятельности». По мнению авторов к ним относятся: отпечатки пальцев рук, кровь, волосы, почерк, продукты питания, похищенное имущество, товары и иные материальные образования».¹

Похожее определение образцов для сравнительного исследования встречается в словаре оперативно-розыскной деятельности, автором которого является профессор А. Ю. Шумилов, где образцы для сравнительного исследования представлены как «материальные носители информации (предметы, вещества и пр.)» собираемые «с целью их сравнения с материалами, которыми уже располагает оперативное подразделение, либо с целью последующего обнаружения тождественных предметов...»².

Соглашаясь с мнением представителей школы оперативно-розыскной деятельности о «материальной» природе образцов для сравнительного исследования и, что в качестве образцов могут выступать разнообразные объекты (отпечатки пальцев рук, кровь, волосы, почерк, продукты питания, похищенное имущество, товары и иные материальные образования и др.), в то же время отмечаем, что приведенные формулировки не отражает особенности данной категории объектов, их существенные признаки и свойства, позволяющие им выступать в роли сравнительных образцов в ходе исследования.

В работе по основам оперативно-розыскной деятельности, авторского коллектива Краснодарского университета МВД России уточняется, что образцы для сравнительного исследования собираются для «сравнения с ранее добытыми аналогами (следами, предметами, в том числе запрещенными или изъятыми из оборота, а также текстами, фотоснимками, жидкостями, продуктами питания, сырьем и т. п.)». При получении образцов «лица, к ним причастные, дактилоскопируются, фотографируются; может проводиться аудио-, видеозапись»³. Разделяя выше обозначенную точку зрения

¹ Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» (специализация «Уголовно-правовая») и специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» (специализация «Административная деятельность») / В. Ю. Алферов, А. И. Гришин, Н. И. Ильин; под общ. ред. В. В. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 78–79.

² Словарь оперативно-розыскной деятельности / авт.- сост. проф. А. Ю. Шумилов. М.: Изд-ль Шумилова И. И., 2004. С. 125.

³ Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебник / под общ. ред. кандидата юридических наук, доктора философских наук, профессора

на понятие образцов для сравнительного исследования добытых оперативным путем, В. Н. Калинин, К. Э. Гаазе и В. А. Шурухнов также отмечают, что образцы — это объекты-носители юридически значимой информации необходимые для «сравнения с ранее добытыми аналогами»¹. Т.е., образцы для сравнительного исследования обладают признаками, аналогичными ранее добытым объектам или объектами, с которыми их предстоит сравнить.

По нашему мнению такое определение образцов для сравнительного исследования также не раскрывает их сущности, являясь очень широким, а следовательно, не позволяет принять верное решение при их отборе. К тому же, при проведении соответствующего оперативно-розыскного мероприятия, оперативный работник, зачастую, значительно ограничен во времени и своих действиях. Неверно принятое решение может повлечь риск быть раскрытым и поставить под угрозу срыва всей операции, что недопустимо.

В этой связи, представляется наиболее целесообразным вернуться к пониманию понятия образцов для сравнительного исследования, предложенному криминалистами. Приведем ряд определений как известных ученых, так и современных молодых исследователей, которые являются наиболее признанными в науке.

Так, В. А. Жбанковым под образцами для сравнительного исследования понимаются «различные материальные объекты, отражающие фиксированные признаки других объектов или же свои собственные, используемые для идентификации или установления родовой (групповой) принадлежности живых лиц, вещей, животных, а также выяснения иных обстоятельств ...»². П. П. Ищенко полагал, что образцами для сравнительного исследования являются материальные образования, передающие свойства и признаки идентифицируемого объекта, аналогичные тем, которые отразились в следах преступления, либо представляющие часть идентифицируемого объекта³. Придерживаясь позиции данных авторов, Н. И. Долженко определяет образец для сравнительного исследования как материальный объект, происходящий от другого объекта, являющийся его частью либо отражающий его признаки, получаемый для проведения специальных исследований в целях идентификации или установления родовой (групповой) принадлежности идентифицируемого объ-

Ю. А. Агафонова, доктора юридических наук, профессора Ю. Ф. Кваши. Краснодар: Кру МВД России, 2007. С. 325.

¹ Калинин В. Н., Гаазе К. Э., Шурухнов В. А. Указ. соч. С. 26.

² Жбанков В. А. Получение образцов для сравнительного исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. С. 4.

³ См.: Ищенко П. П. Образцы для сравнительного исследования и участие специалиста в их получении // Теория и практика использования специальных познаний при расследовании преступлений. Волгоград, 1989.

екта, а также для установления других обстоятельств расследуемого преступления¹.

Данный взгляд на понятие образцов для сравнительного исследования разделяется и нами. Представляется, что интерпретация образцов как объектов, передающих свойства и признаки идентифицируемого объекта (либо являющихся его частью), получаемых для проведения специальных исследований в целях идентификации или установления родовой (групповой) принадлежности идентифицируемого объекта, а также для установления других обстоятельств, будет справедливо и в отношении образцов для сравнительного исследования, получаемых в ходе соответствующего оперативно-розыскного мероприятия.

Что касается субъектов, осуществляющих сбор образцов для сравнительного исследования, то здесь ФЗ Об оперативно-розыскной деятельности однозначно решает данный вопрос. В соответствии с нормами данного закона, сбор образцов осуществляется:

- лично оперативным работником (должностным лицом оперативно-розыскного органа);
- другим сотрудником ОВД по поручению оперативного работника;
- по заданию оперативного работника отдельными гражданами, оказывающими содействие оперативным аппаратам на конфиденциальной основе.

Однако «обязанность обеспечить точность выбора образцов, их достоверность и сохранность возлагается исключительно на оперативного работника»².

Несомненно, специфичность субъектов такой познавательной деятельности, как сбор образцов для сравнительного исследования, осуществляемый в ходе оперативно-розыскного мероприятия, оказывает влияние на взаимоотношение «субъекта» и «объекта» данного процесса, однако, на наш взгляд, это влияние в большей степени связано с особенностями тактики получения таких образцов и их правовым статусом, нежели с его сущностью и смысловым содержанием.

В каждом из приведенных выше определений образцов для сравнительного исследования, получаемых как процессуальным, как и оперативным путем, образец, как материальный объект, наделен присущими ему признаками и свойствами.

Поскольку образцы для сравнительного исследования чаще всего служат для идентификации или для определения групповой принад-

¹ Долженко Н. И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов: учебно-практическое пособие / под ред. А. Г. Филиппова. М.: Юрлитинформ, 2003. С. 6.

² Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебник / под общ. ред. кандидата юридических наук, доктора философских наук, профессора Ю. А. Агафонова, доктора юридических наук, профессора Ю. Ф. Кваши. Краснодар: КРУ МВД России, 2007. С. 325.

лежности, то для исследователя важны идентификационные признаки сравниваемого объекта или признаки позволяющие определить групповую принадлежность.

Обращаясь к видам требований, которым должны отвечать образцы для сравнительного исследования и присущие им признаки в понимании ученых — представителей теории оперативно-розыскной деятельности, находим следующее: «отличительным признаком и требованием к изъятию образцов является несомненность их происхождения от конкретного проверяемого, исследуемого объекта; образцы должны выражать признаки другого объекта (отпечатки пальцев, стреляные гильзы) или содержать собственные признаки (кровь, почва и др.); изъятие образцов допускается в количестве, необходимом для сравнительного оперативно-розыскного исследования, чтобы можно было сделать вывод о закономерности или случайности признаков, их вариативности; образцы должны быть надлежащего качества, выражать необходимые для целей исследования признаки объекта, от которого они получены; в некоторых случаях для целей исследования условия получения образцов должны соответствовать условиям образования сравниваемого объекта, а изъятие образцов желательно на таком же материале, что и исследуемые, аналогичными орудиями и средствами»¹.

Таким образом, взгляды криминалистов и представителей науки оперативно-розыскной деятельности на понятие образцов для сравнительного исследования, значимые и присущие им признаки и качества, во многом совпадают.

И наконец, получение образцов для сравнительного исследования неразрывно связано с понятием допустимости таких образцов, что характеризует их с точки зрения законности получения и соблюдения при этом правового порядка проведения тех оперативно-розыскных мероприятий, в ходе которых собирают образцы для сравнительного исследования для решения задач оперативно-розыскной деятельности. Необходимо отметить, что правовой регламент проведения данного оперативно-розыскного мероприятия, представляющего аналог процессуального действия, именуемого сбор образцов для сравнительного исследования, имеет существенное отличие — «оно преследует цель обеспечения возможности непроцессуального исследования предметов и документов»², а также может иметь гласный и негласный характер.

Проведенный анализ различных взглядов процессуалистов, криминалистов и представителей науки оперативно-розыскной деятельности на понятие категории «образцы для сравнительного исследования», их

¹ Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 268–269.

² См.: Горяинов К. К., Овчинский В. С., Синилов Г. К. Указ. соч. С. 270.

признак и значимые качества, а также на правовой режим получения данных объектов, позволяет нам предложить следующее понятие образцов для сравнительного исследования, получаемых в процессе оперативно-розыскного мероприятия «Сбор образцов для сравнительного исследования».

Оперативные образцы для сравнительного исследования (образцы, получаемые оперативным путем) — это различные материальные объекты, происхождение которого известно и не вызывает сомнения, отражающие признаки идентифицируемого или диагностируемого объекта, являясь их производными или составной частью, получаемые уполномоченными субъектами оперативно-розыскных органов или по их поручению для проведения непроцессуальных исследований в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Кудряшов Д. А.

О концептуальных вопросах комплексной экспертизы в научных трудах Р. С. Белкина

Проблемы комплексности в теории судебной экспертизы (экспертологии) на протяжении долгого времени интересовали различных ученых, как криминалистов, так и процессуалистов. Будучи, относительно сформулированной, идея комплексности исследования объектов с использованием знаний нескольких наук стала активно развиваться в 60-х годах 20 столетия. Большое количество научных трудов по данной тематике послужило весомым вкладом в процесс становления и развития научных основ комплексной экспертизы.

С интенсивным развитием судебной экспертизы в советский период стало понятно, что впоследствии появления большого количества новых экспертных задач, вызванных значительным ростом и разнообразием преступных деяний, необходимо было создавать новые виды судебных экспертиз, к числу которых относится и комплексная экспертиза.

Понятие комплексной экспертизы родилось из потребностей практики производства отдельных видов моноэкспертиз. Проведение таких моноэкспертиз по различным уголовным делам уже не давало необходимого оперативного результата и в должной мере не способствовало процессу раскрытия и расследования преступлений.

Следовательно, существенный вклад в становление и развитие научных основ комплексной экспертизы был внесен не только учеными, но и непосредственно практиками-криминалистами.

Одним из таких практиков был выдающийся советский и российский ученый, криминалист Р. С. Белкин. Хотя Р. С. Белкин и не специали-

зировался на проблемах комплексности и комплексных исследований, нельзя недооценивать его роль в развитии комплексной судебной экспертизы.

В своих работах он отмечал: «Расширение возможностей судебной экспертизы прямо связано с повышением эффективности комплексного исследования объектов экспертизы. В этом проявляется влияние такого глобального процесса современности, как интеграция научного знания, взаимопроникновение научных методов познания»¹.

Р. С. Белкин одним из первых предложил концепцию, согласно которой комплексная экспертиза рассматривалась с позиции многоаспектного понятия, раскрывая ее сущность в гносеологическом и процессуальном аспекте.

Данная концепция является актуальной и на сегодняшний день. Большинство авторов, справедливо, придерживается ее. На наш взгляд комплексная судебная экспертиза представляет собой многоаспектное (или многосоставное) понятие. В его состав входят процессуальные, криминалистические, организационные, методические и гносеологические аспекты. С уверенностью определить, какие из них преобладают, практически невозможно. Все они находятся во взаимосвязи и дополняют друг друга.

Помимо выше обозначенной концепции Р. С. Белкин, на основе анализа экспертной практики того времени, выделяет основополагающие вопросы, требующие законодательного регулирования и на современном этапе развития комплексных экспертиз. Так, он подчеркивал², что насущные потребности экспертной практики настоятельно требуют законодательного решения таких вопросов, как:

1) Объем компетенции в смежных областях знания экспертов, участвующих в производстве комплексной экспертизы.

Данный вопрос, с точки зрения Р. С. Белкина, является одной из субъективных причин экспертных ошибок. В данном аспекте он подчеркивал, что профессиональная некомпетентность эксперта выражается в неправильной оценке результатов, полученных партнером по комплексной экспертизе.

Профессиональная некомпетентность эксперта может проявиться и при попытке решения им вопросов, относящихся к иной области специальных познаний, нежели те, которыми он обладает, то есть с процессуальной точки зрения, в выходе эксперта за пределы своей компетенции³.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Учебное пособие для вузов в 3 томах. Т. 3 / Р. С. Белкин. 3-е изд., дополненное. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. С. 82.

² Там же.

³ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Учебное пособие для вузов в 3 томах. Т. 2 / Р. С. Белкин. 3-е изд., дополненное. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. С. 223–224.

Вопрос объема компетенции в смежных областях знания экспертов, участвующих в производстве комплексной экспертизы, на уровне экспертного сообщества, в настоящее время, практически решен. Большинство экспертов и ученых придерживаются идеи о том, что объем компетенции в смежных областях знания ограничивается рамками экспертной специальности, тем самым они определяют качественный признак комплексной экспертизы. На сегодня под качественным признаком комплексной экспертизы, справедливо, понимается использование разных экспертных специальностей.

Однако, необходимо подчеркнуть, что правовое обеспечение комплексной экспертизы существенно отстает в данном вопросе. Так, под качественным признаком понимается:

- использование разных специальных знаний (ППВС РФ о СЭ по УД¹);
- использование разных специальностей (ФЗ о ГСЭД², УПК РФ³, АПК РФ⁴);
- использование различных областей знания или использование различных научных направлений в пределах одной области знания (ГПК РФ⁵);
- использование специальных познаний в различных областях знаний или использование познаний в различных научных направлениях в пределах одной области знаний (КАС РФ⁶).

С нашей точки зрения необходимо процессуальное единообразие, т. е. использование только одного термина — *экспертная специальность*.

2) Порядок формулирования выводов участников комплексной экспертизы.

Данный вопрос, на сегодняшний день, является актуальным лишь частично. Представляется логичным, что каждый из участников (экс-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (действующая редакция от 08.03.2015). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (действующая редакция от 29.07.2017). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (действующая редакция от 30.10.2017). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (действующая редакция от 29.07.2017). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

пертов) дает вывод(ы) в рамках своей части экспертного исследования. Формулирование данных выводов определяется методикой производства комплексной экспертизы. Такого мнения придерживается большинство авторов, в том числе и практика производства комплексных экспертиз подтверждает данную закономерность. Основные проблемы возникают при формулировании общего вывода.

В ст. 23 ФЗ о ГСЭД сказано: «Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода». Однако, необходимо подчеркнуть, что ни один процессуальный документ или нормативный акт не оговаривает критерии степени компетентности экспертов, которые могут формулировать общий вывод.

Представляется целесообразным привлекать к формулированию общего вывода либо всех экспертов, проводящих комплексную экспертизу, либо тех экспертов, чьи отдельные экспертные исследования имеют ключевое значение для решения комплексной интеграционной экспертной задачи.

3) Порядок производства межведомственных комплексных экспертиз, определение в этом случае ведущего судебно-экспертного учреждения (подразделения).

Данный вопрос не теряет своей актуальности и на современном этапе. На практике при производстве комплексных экспертиз довольно производство комплексной экспертизы поручается разным экспертным подразделениям (учреждениям). В этом случае органу (лицу) назначившему комплексную экспертизу целесообразно указать ведущее экспертное подразделение (учреждение). Сложившаяся экспертная практика основывается на принципе «кто первый указан, тот и главный», т.е. какое подразделение (учреждение) указано первым оно и является ведущим, а порядок производства межведомственных комплексных экспертиз, как правило, отдается на откуп данного подразделения (учреждения).

Такое положение дел свидетельствует о некомпетентности (незнание, непонимании сущности комплексной экспертизы) органа (лица), назначающего комплексную экспертизу. Решением проблемы может послужить проведение дополнительных занятий по теории и практике комплексных экспертиз или изучение в рамках повышения квалификации, в образовательных экспертных учреждениях спецкурса по комплексной экспертизе.

В связи со сказанным, мы считаем необходимым внести дополнение и закрепить в процессуальных (кодексных) актах, в соответствующих статьях и пунктах, положение, предусматривающие обязательное указывание в постановлении (определении) о назначении комплексной (межведомственной) экспертизы ведущего экспертного учреждения (подразделение). Однако, целесообразно, перед указанием ведущего уч-

реждения или подразделения проконсультироваться с компетентными лицами (экспертами, руководителями судебно-экспертных учреждений и их сотрудниками).

4) Правовой статус ведущего эксперта (эксперта-интегратора) как организатора и руководителя деятельностью комиссии экспертов, определение его функций, прав и обязанностей.

Р. С. Белкин рассматривал проблему такого вопроса в следующем: «потребности экспертной практики диктуют необходимость подобной процессуальной фигуры, о которой упоминается в ряде ведомственных актов; но законом она не предусмотрена, что порождает обоснованные сомнения в ее правомерности и, как следствие, разноречивой в практике»¹.

В последние годы данный вопрос получает большое развитие в связи со значительным ростом производства комплексных экспертиз во всех сферах судопроизводства. Последствием чего, стало закрепление правового статуса ведущего эксперта, в качестве эксперта-организатора, в ПФЗ о СЭД².

С нашей точки зрения данный правовой статус ведущего эксперта необходим, но этот статус должен охватывать не только организационные, но и другие вопросы, касающиеся непосредственного производства комплексной экспертизы. Например, при производстве комплексной экспертизы им единолично.

5) Возможность проведения комплексной экспертизы одним экспертом, профессионально владеющим знаниями в нескольких областях науки или техники.

Решение данного вопроса Р. С. Белкин видел в следующем: «В гносеологическом аспекте производство комплексной (в современном ее понимании) экспертизы одним экспертом возражений вызывать не может, поскольку процесс познания в принципе не связан с числом познающих субъектов; он детерминирован качеством субъекта познания и разрешающими возможностями средств познания»³. Мы присоединяемся к мнению Р.С. Белкина, что и с процессуальной точки зрения не должно быть ни каких возражений, так как любое экспертное заключение подлежит проверке субъектами, назначившими такую экспертизу.

«В процессуальном аспекте для подобного решения вопроса также не возникает никаких препятствий, поскольку любое заключение эксперта (экспертов) подлежит обязательной оценке следователем и судом

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Учебное пособие для вузов в 3 томах. Т. 3 / Р. С. Белкин. 3-е изд., дополненное. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. С. 82.

² Проект Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (редакция, внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.06.2013).

³ Белкин Р. С. Методологические проблемы комплексной экспертизы / в сб.: Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1985. С. 36–40.

и только они решают вопрос о его использовании по делу. Однако именно с точки зрения оценки заключения обычно и высказываются возражения против проведения комплексной экспертизы одним экспертом»¹.

Следовательно, мы не исключаем возможность производства комплексной экспертизы одним экспертом, обладающим несколькими экспертными специальностями, необходимыми для ее производства.

Существует и множество других вопросов, возникающих в практике производства комплексных экспертиз, требующих своего процессуального решения.

Все вышесказанное подчеркивает ту колоссальную роль, которую сыграл Р. С. Белкин в становлении и развитии научных основ комплексной экспертизы.

Кустов А. М.

Современное развитие частной теории механизма преступления

По мнению Р. С. Белкина, пути выхода или разрешение возникающих проблем криминалистики весьма разнообразны. Среди них он посчитал возможным выделить такие, которые способны в полной мере могли быть разрешены именно на современном этапе развития криминалистической науки:

- критическое отношение к известным в криминалистике решениям ранее поставленных проблем;
- применение получивших признание в криминалистике решений ранее поставленных проблем для объяснения новых фактов, новых явлений;
- применение известных решений научных проблем, сформировавшихся в других отраслях знаний, но еще не апробированных криминалистикой; обобщение известных криминалистических проблем или перенесение проблем из одной отрасли криминалистической науки в другую;
- обобщение практического опыта применения криминалистических средств, приемов и методов и выделение фактов, не имеющих объяснения или не вписывающихся в известные эмпирические и теоретические законы и принципы криминалистики и т. д.

Вопрос о необходимости научного исследования закономерностей механизма преступления, в связи с уточнением предмета криминалистики, был поставлен Р. С. Белкиным еще в 1987 г.

Возможностей для реализации этого предложения было, однако, недостаточно, но как постановка перспективной проблемы крими-

¹ Там же.

налистической науки данное предложение сыграло, безусловно, свою роль, положив начало интенсивной разработке отдельных вопросов механизма преступления.

Система знаний о закономерностях отражения процесса формирования механизма преступления в окружающей среде является составной частью криминалистического учения об обнаружении, фиксации и исследовании источников криминалистически значимой информации.

Исследуя деятельность преступных сообществ (преступных организаций) по совершению преступлений и противодействию расследованию, действия потерпевшего, лиц, случайно втянутых в преступное событие и другие вопросы, мы пришли к выводу о расширении круга объектов познания, системы научных положений и содержания учения о способе совершения преступления. Это позволило сформировать учение о механизме преступления.

Данное криминалистическое учение, как отмечает Р. С. Белкин, исследует природу, сущность и содержание функциональной стороны деятельности субъекта преступления и его соучастников; действий и поступков других — как прямых, так и косвенных — участников преступного события, включая потерпевшего; следов их отражения в окружающей данное событие среде; описывает, объясняет и предсказывает связанные с этим процессы и явления, а также их материальные последствия.

На основе системы теоретических положения и знаний о закономерностях механизма преступления наука разрабатывает применительно к отдельным видам или криминалистически схожим группам преступлений (учитывая типичные следственные ситуации и типовые версии) программы (алгоритмы) действий следователя в определенные периоды расследования преступного события.

Проведенные исследования следственной практики и сформированных научных положений позволили Р. С. Белкину и его ученикам определить:

- совокупность закономерностей объективной реальности (среди изучаемых криминалистикой в целом), которая является предметом данной частной теории;
- группу явлений, процессов и отношений, которые составляют содержание механизма преступления и являются объектами данной частной теории;
- группу познавательных приемов, которые используются для исследования проблем механизма преступления, построения самой частной теории, а также внедрения результатов этого исследования в практику, а в целом — предопределить теоретические основы для формирования криминалистического учения о механизме преступления.

С одной стороны по результатам комплексного исследования механизма преступления сегодня расширяется круг объектов научного познания, и с другой — формирование таких криминалистических учений, как учение о личности преступника, учение об обстановке преступления, учение о жертве преступления, учение об орудиях и средствах совершения преступлений и др., учение о механизме преступления развивается до частной теории.

Названные явления, процессы и отношения представляют собой часть предметной области криминалистики, а данная частная криминалистическая теория механизма преступления стала подсистемой общей теории криминалистики.

Следует полностью согласиться с Р. С. Белкиным, который рассматривает частные криминалистические теории, в том числе и теорию механизма преступления, в качестве необходимых составных частей общей теории криминалистики и методологической базы исследования и разработки средств, приемов и методик выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Любая частная криминалистическая теория — это целостная развивающаяся система истинного знания, которая имеет сложную структуру и выполняет ряд функций. Так, основными элементами структуры теории могут быть:

- понятия, принципы, законы, задачи и т. п. ;
- модель свойств и связей изучаемых объектов и т. п.;
- правила, приемы и способов формирования структуры и криминалистических знаний;
- факторы формирования частной теории;
- совокупность теоретически положений об объекте познания.

Система частных теорий формирует общую теорию криминалистики, методологическую основу науки.

Система частных криминалистических теорий, по мнению ученых-криминалистов, характеризуется следующими положениями.

I. Частные криминалистические теории в своей совокупности представляют теоретическую основу разработки и применения средств и методов расследования и предотвращения преступлений. Как таковые, они могут относиться к одному, двум или трем разделам криминалистики (речь идет о технике, тактике и методике). Сфера применения теории определяется ее содержанием, уровнем и местом в системе частных криминалистических теорий.

II. Система частных криминалистических теорий соответствует основным направлениям теоретической деятельности, потребность в которой испытывает практика борьбы с преступностью; эта теоретическая деятельность осуществляется комплексом наук, частные криминалистические теории выражают ее результаты в области криминалистики.

III. Изменение системы частных криминалистических теорий обусловливается:

а) возникновением в практике борьбы с преступностью потребности в новых теоретических обобщениях и объяснениях тех или иных сторон объективной действительности, связанных с преступностью как социальным явлением, в новых средствах и методах борьбы с нею;

б) развитием смежных областей знания, приводящим в результате интеграции знания к возникновению новых частных криминалистических теорий или в результате дифференциации знания — к отказу от разработки тех или иных проблем, «отошедших» от криминалистики к новым наукам;

в) развитием общей теории криминалистики как результатом дальнейшего проникновения в сущность предмета этой науки, что может повлечь за собой возникновение новых частных криминалистических теорий и пересмотр существующих;

г) развитием самих частных криминалистических теорий, изменением связей и зависимостей между ними, их уровней и сферы практического применения.

Перечисленные факторы определяют основные тенденции развития как системы частных криминалистических теорий, так и составляющих ее элементов.

IV. Для системы частных криминалистических теорий, объединенных в конечном счете единым предметом познания — предметом криминалистики, характерна комплексность в изучении одних и тех же объектов, явлений разными частными теориями, включение в содержание последних одних и тех же отдельных теоретических построений, рассматриваемых и используемых в различных аспектах применительно к направленности данной частной теории.

V. По степени разработанности, научной и практической значимости элементы рассматриваемой системы неоднородны. Наряду с развитыми частными криминалистическими теориями, такими, например, как теория криминалистической идентификации, учение о криминалистической версии, учение о механизмах слепообразования и др., система включает менее разработанные — криминалистическое учение о способах совершения и сокрытия преступлений, криминалистическое учение о навыках; практически еще только обозначенные — криминалистическую теорию причинности, теорию криминалистического прогнозирования и др.

К числу основных функций частной криминалистической теории ученые-криминалисты относят следующие:

1. Синтетическая функция — объединение отдельных достоверных знаний в единую, целостную систему.

2. **Объяснительная функция** — выявление причинных и иных зависимостей, многообразия связей данного явления, его существенных характеристик, законов его происхождения и развития, и т. п.

3. **Методологическая функция** — на базе теории формулируются многообразные методы, способы и приемы исследовательской деятельности.

4. **Предсказательная** — функция предвидения. На основании теоретических представлений о «наличном» состоянии известных явлений делаются выводы о существовании неизвестных ранее фактов, объектов или их свойств, связей между явлениями и т. д. Предсказание о будущем состоянии явлений (в отличие от тех, которые существуют, но пока не выявлены) называют научным предвидением.

5. **Практическая функция.** Конечное предназначение любой теории — быть воплощенной в практику, быть «руководством к действию» по изменению реальной действительности.

Лаверов В. П.

Р. С. Белкин о криминалистической характеристике и обстоятельствах, подлежащих доказыванию

Аннотация: статья посвящена роли Р. С. Белкина в развитии российской и мировой криминалистики как гражданина, ученого, педагога, воспитателя, популяризатора криминалистических знаний в России XX—XXI века. В статье кратко рассмотрено соотношение криминалистической характеристики и обстоятельств, подлежащих доказыванию. Дается оценка монографии В. Ю. Сокола о кризисе в современной криминалистике.

Ключевые слова: Р. С. Белкин, криминалистика, криминалистическая характеристика, обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Заслуги Р. С. Белкина перед государством настолько велики и разнообразны, что сказать о всех них в одной статье не представляется возможным. В связи с этим я, как ученик Р. С. Белкина, работавший с ним в течение 40 лет (1961—2001 гг.) плечом к плечу, хотел бы выделить лишь основные направления, которые, на мой взгляд, позволили ему войти в историю российской и мировой криминалистики:

1) профессор Р. С. Белкин — разработчик новой научной концепции криминалистики. Им был создан трехтомник «Курс советской криминалистики», в котором дано не только революционное определение предмета этой науки, но и широко освещены все четыре основных раздела предложенной им системы: общая теория криминалистики; криминалистическая техника, криминалистическая тактика и методика расследования отдельных видов преступлений. По этой системе

и сейчас изучается криминалистика в большинстве юридических ВУЗов Российской Федерации;

2) Белкин Р.С. широко известен своими трудами не только в области криминалистики, но и в области уголовного процесса, теории доказывания, гносеологии. Он стоял у истоков создания теории оперативно-розыскной деятельности, как специальной науки, юридической дисциплины, активно поддержал в этом отношении основоположников теории ОРД (Антон Григорьевича Лекаря, Дмитрия Владимировича Гребельского, Владимира Андреевича Лукашова и их сподвижников), ставших впоследствии докторами юридических наук. Под его научным руководством успешно защитили свои диссертации соискатели по кафедре ОРД Высшей школы Академии МВД СССР (Морохин Б. Г., Евстигнеев И. Р., Качур А. М.);

3) Р. С. Белкиным была создана и прекрасно работает на настоящее время крупнейшая научная школа в области криминалистики, включившая не только известных представителей ВУЗов МВД СССР и Российской Федерации, но и ряда других учебных заведений. Под его научным руководством успешно защитили свои кандидатские и докторские диссертации свыше 120 человек. Этот показатель является самым высоким среди известных нам криминалистов, в том числе Заслуженных деятелей науки Российской Федерации. О качестве подготовленных им специалистов высшей квалификации говорит тот факт, что многие из них стали начальниками (заведующими) кафедр криминалистики во многих городах нашей необъятной Родины: Т. В. Аверьянова, И. Л. Александрова, В. П. Бахин, Л. В. Винницкий, А. Ф. Вольнский, А. Я. Гинзбург, В. Д. Грабовский, В. А. Жбанков, М. К. Каминский, В. Г. Коломацкий, Е. И. Казаков-Турбовской, Е. Ф. Коновалов, Ю. И. Красобаев, А. М. Кустов, В. П. Лавров, Г. М. Меретуков, Н. Е. Мерецкий, Б. М. Нургалиев, А. Ф. Облаков, Г. И. Поврезнок, М. П. Хилобок, Н. Г. Шурухнов и др.

Школа Белкина Р.С. смогла своевременно решить многие сложные задачи:

- образован первый в стране факультет подготовки экспертов-криминалистов высшей квалификации для органов внутренних дел (срок обучения 4 года). Слушатели этого факультета были в короткий срок обеспечены подготовленной на высоком уровне серией учебных пособий под общим названием «Криминалистическая экспертиза» в 8 выпусках. Наличие этих пособий позволило безотлагательно начать подготовку экспертов-криминалистов в созданной тогда в Волгоградской высшей следственной школе МВД СССР;
- под общей редакцией Р. С. Белкина были подготовлены и выпущены в свет более 15 учебников по криминалистике для

высших учебных заведений, которые всегда были востребованы и используются в настоящее время, в том числе в странах СНГ;

4) благодаря исключительной эрудированности Р. С. Белкина и его обширным научным международным связям ему удалось оказать существенное влияние на развитие криминалистики не только во всех союзных республиках советского государства, но и в дружественных нам странах Европы и Азии: Болгарии, Венгрии, Вьетнаме, Германии, Монголии, Польше, Чехословакии и др.;

5) Р. С. Белкин, обладавший навыками журналиста, приобретенными еще во времена Великой Отечественной войны, был великолепным популяризатором криминалистики, не только среди сотрудников правоохранительных органов, но и во всем гражданском обществе. Его перу принадлежат такие популярные книги, предназначенные для широкого круга читателей как «Ведется расследование...» (1976 г.), «Не преступи черту» (1976 г.), «Скучная криминалистика» (1993 г.), «Репортаж из мастерской следователя» (1998 г.), «Профессия — следователь (Введение в юридическую специальность)» (1998 г.)

Также стоит отметить издание криминалистических энциклопедий (1993 г. и 1997 г.), последняя из которых была опубликована тиражом в 40 000 экземпляров.

Р. С. Белкин касался в своих трудах неоднократно междисциплинарных и межнаучных связей юридической науки, что было важно для создания и развития самой науки криминалистики, а также способствовало развитию уголовного процесса, уголовного права, теории ОРД, судебной медицины, судебной психиатрии, судебной психологии.

Одной из важнейших проблем, широко обсуждавшейся с подачи Р. С. Белкина, И. М. Лузгина, М. С. Строговича, В. Д. Арсеньева, было определение соотношения ряда основных положений уголовного процесса и связей уголовного процесса и криминалистики. Одной из таких проблем было и является сейчас соотношение между обстоятельствами, подлежащими доказыванию (термин из уголовного процесса), и криминалистической характеристикой (важнейшей категорией криминалистической науки с последних 60–70 лет).

Основные результаты глубокого научного исследования в этом направлении были изложены во многих научных работах, в том числе в двух исключительно важных для того времени монографиях, написанных Р. С. Белкиным с его учителем А. И. Винбергом: «Криминалистика и доказывание» (методологические проблемы)¹, «Криминалистика. Общетеоретические проблемы»². Он обратился к этой теме и в своей

¹ Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юридическая литература, 1969.

² Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1973.

последней крупной работе: «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики»¹.

Суть проблемы в том, что во всех учебниках по криминалистике до конца 60-х годов — начала 70-х годов базой для частных методик являлись обстоятельства, подлежащие доказыванию. Однако с развитием науки криминалистики, и особенно, с введением новой формулировки ее предмета, предложенной Р. С. Белкиным, обстоятельствам, подлежащим доказыванию, стало тесно в криминалистике. Р. С. Белкин предложил использовать вместо обстоятельств доказывания криминалистические характеристики преступлений отдельных видов. По внешней форме (по названию, терминам) некоторые из элементов прежней базы и новой повторялись. Например, способ совершения преступления, обстановка совершения преступления. По содержанию же они существенно отличаются, и соответственно по значению для решения задач уголовного судопроизводства и криминалистики, особенно в области криминалистической тактики и методики. Так, если рассмотреть способ совершения преступления в криминалистике, то он является ядром механизма преступления по любому уголовному делу. Данные о нем служат основанием для выдвижения версий по делу (в том числе в целях установления личности подозреваемого (обвиняемого), его особенности имеют значение для тактики производства осмотра места происшествия, допроса, проверки показаний на месте, следственного эксперимента, особенностей тактики всех других следственных действий применительно к конкретному виду преступлений и планированию расследования преступлений, их предупреждению по материалам расследования. В уголовном процессе способ совершения преступления имеет значение для квалификации преступления, установления отягчающих или смягчающих обстоятельств, установления меры наказания и пр.

Не могу не высказать свое мнение по поводу нашумевшей книги доцента В. Ю. Сокола, вышедшей в 2017 г.² Мы полагаем, что никакого кризиса в науке криминалистике сейчас нет. Это наука, бурно развивавшаяся в период деятельности Р. С. Белкина, и после его смерти на основе его трудов и трудов его учеников продолжает активно развиваться. Противоречия и расхождения в отдельных классификациях, категориях, определениях всегда были, есть и будут: истина, как известно, рождается в споре. Появление и разрешение противоречий является не кризисом, а наоборот движущей силой в развитии любой науки, в том числе и криминалистики. Об этом свидетельствуют вышедшие после смерти

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2001. 240 с.

² Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики: монография. Краснодар, 2017.

Р. С. Белкина многочисленные труды монографического характера его учеников и последователей: Т. В. Аверьяновой, А. Ф. Волынского, И. В. Тишутинной, Е. П. Ищенко, Н. П. Майлис, А. С. Подшибякина, А. В. Шмониной, Н. П. Яблокова, Е. Р. Россинской, Ю. П. Гармаева, О. А. Зайцева, А. Г. Филиппова и многих других.

Думается, что труды научной школы, созданной Р. С. Белкиным, еще долгие годы будут являться основой для дальнейшего развития криминалистических знаний в современной России.

Лазарева Л. В.

Взгляды Р. С. Белкина на институт судебной экспертизы и их реализация на современном этапе

Юбилей такого выдающегося ученого, как Р. С. Белкин, серьезный повод не только для того, чтобы отдать должное его памяти, а соответственно, творчеству, результатам научной деятельности, но и обсудить современные проблемы науки и практики. Тем более, что отличительной чертой его научного творчества было чувство нового, стремление познать неизвестное, заглянуть в будущее и поделиться результатами своих поисков с другими. Предметом научных изысканий Р. С. Белкина была не только криминалистика, но и судебная экспертиза, его взгляды в настоящее время являются актуальными и находят свое отражение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Кроме того, следует отметить, что вопросы института судебной экспертизы вызывают неподдельный интерес современного научного сообщества. Ежегодно по различным аспектам судебной экспертизы проводится значительное количество диссертационных и монографических исследований, издаются десятки научных статей. В результате чего, научно-теоретические аспекты института судебной экспертизы постепенно перемещаются из области научных дискуссий в практическую сферу уголовного процесса.

Изменения нормативно-правового регулирования деятельности, связанной с расследованием преступлений, произошедшие за последние годы, а также те дополнения, которые предлагается внести в действующее законодательство, требуют, безусловно, качественного анализа и осмысления, в том числе и с точки зрения истории отечественного уголовного судопроизводства.

В своем сочинении «Курс криминалистики» Р. С. Белкин, рассматривая вопрос о назначении судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, указывал на отсутствие серьезных препятствий для принятия законодателем соответствующего решения¹.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 106.

Вопрос о производстве судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела имеет многолетнюю историю развития, неразрывно связан с возникновением коллизии между процессуальной формой и криминалистическим содержанием данного следственного действия: процессуальный запрет на назначение экспертизы в начальной стадии уголовного судопроизводства, некогда зафиксированный в ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР, искусственно ограничивал это содержание и сдерживал его неизбежное развитие. Не случайно Р. С. Белкин подчеркивал, что «реализация возрастающих в условиях НТР возможностей судебной экспертизы в значительной степени зависит от ее правового статуса, от того, насколько регламентирующие ее назначение и производство нормы процессуального закона способствуют превращению этих возможностей в действительность»¹.

В настоящее время законодателем обеспечена возможность реального назначения и производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного. Однако после введения в действие законодательных новелл в УПК РФ достаточно быстро обозначились расхождения мнений правоприменителей об их проведении на данном этапе, отчасти их можно объяснить как определенным несовершенством некоторых положений УПК РФ, так и различными подходами к пониманию их содержания отдельными практическими работниками.

Рассматривая как позитивный шаг назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела, следует заметить, что законодатель сохранил возможность проведения предварительных исследований. Тем самым поставив правоприменителя перед выбором, назначить судебную экспертизу или провести предварительные исследования. Р. С. Белкин считал, что попытки подменить экспертизу некими «предварительными исследованиями», дабы хоть чем-то обосновать решение о возбуждении уголовного дела, не только не решают проблемы, но и наоборот, могут существенно осложнить ее решение, повлечь за собой прямые нарушения законности.²

По нашему мнению, предварительные исследования играют определенную роль при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, в выборе направления расследования, выявления источников доказательств и т. п., но не могут заменить полноценной судебной экспертизы, особенно в случаях, когда ее производство обязательно в силу прямого указания закона. В то же время исследование, проведенное специалистом, во многих случаях указывает на признаки преступления и может служить единственным основанием к возбуждению уголовного дела.

¹ Белкин Р. С. Судебная экспертиза: вопросы, требующие решения // Сов. юстиция. 1988. № 1. С. 21.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 105.

В то же время не каждая судебная экспертиза должна быть разрешена в стадии возбуждения уголовного дела. Производство судебной экспертизы должно быть допущено только в случаях, когда без экспертизы невозможно установить наличие оснований для возбуждения уголовного дела, а именно: до возбуждения уголовного дела должна быть разрешена судебная экспертиза по установлению причины смерти, характера и степени причиненного здоровью вреда, а также по исследованию свойств предмета преступления, прямо указанного в соответствующей статье УК РФ (наркотических средств, оружия и др.), если для этого требуются специальные знания. Во всех остальных случаях судебная экспертиза должна быть проведена только после возбуждения уголовного дела.

Производство судебной экспертизы (равно как и других следственных действий) до возбуждения уголовного дела допускается с единственной целью — установления наличия или отсутствия основания для возбуждения уголовного дела. Нередко установление признаков состава преступления зависит от результатов исследования свойств предмета преступления, поскольку достаточное количество норм УК РФ называет в качестве обязательного признака состава предмет преступления (наркотические средства, огнестрельное оружие, радиоактивные материалы и т. д.)¹. Материальная вещь внешнего мира может быть не только предметом преступления, но и использоваться при совершении конкретного преступного деяния. При этом факта обнаружения объекта материального мира, прямо указанного в соответствующей статье Особенной части УК РФ, его процессуального осмотра и изъятия в рамках допустимого в стадии возбуждения уголовного дела следственного действия — осмотра места происшествия, может оказаться недостаточным для установления признаков конкретного состава преступления. Поэтому требуется его экспертное исследование до возбуждения уголовного дела. Аналогичная практика складывается и за рубежом. Например, УПК Узбекистана, УПК Казахстана предусматривают производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, если это является необходимым и достаточным фактом для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

К сожалению, вынуждены признать, что пока отсутствует достаточная защита конституционных прав и свобод человека и гражданина на стадии возбуждения уголовного дела, а, следовательно, не могут быть назначены идентификационные экспертизы, для выполнения которых необходимо получение образцов для сравнительного исследования.

¹ Семенов В. А. Производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела // «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях»: материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 173.

Другая проблема связана с расширением круга субъектов назначения судебной экспертизы. Р. С. Белкин отмечал, что закон должен предоставить право защитнику обвиняемого по собственной инициативе или по желанию обвиняемого назначать судебную экспертизу, поручать ее производство выбранному также по собственному усмотрению эксперту, присутствовать при производстве экспертизы¹.

Несмотря на продекларированный в УПК РФ принцип состязательности и равноправия сторон, законодатель не дал защитнику право самостоятельно назначать экспертизу.

Полагаем, что необходимо защитнику предоставить право самостоятельно решать вопрос о необходимости проведения судебной экспертизы и дать возможность реализовать это право независимо от усмотрения следователя или суда. Решение вопроса путем заявления ходатайства стороной защиты о назначении экспертизы, представляемого следователю в общем порядке, на наш взгляд, является не вполне эффективным, поскольку в этом случае решение вопроса оставлено на усмотрение следователя, а это, в свою очередь, ставит обвиняемого и его защитника в полную зависимость от намерений и желаний следователя.

На наш взгляд, предоставление защите права назначения несудебной экспертизы могло бы быть обеспечено путем производства таких экспертиз в негосударственных судебно-экспертных учреждениях или частными экспертами.

В целях реализации данного права нам представляется такой порядок действий. Защитник в частном порядке на договорной основе обращается в негосударственное экспертное учреждение или иное учреждение либо к частному эксперту для производства экспертизы. Полученное заключение представляет следователю для приобщения в качестве доказательства к уголовному делу. Далее следователь вызывает лицо, проводившее экспертизу на допрос, в ходе которого устанавливает его компетентность, научную обоснованность примененной методики и выводов. Следователь предупреждает эксперта об уголовной ответственности и ему ставится вопрос о подтверждении им своего заключения. Если эксперт подтверждает свое заключение, оно подвергается оценке по существу. После этого данное заключение приобретает статус доказательства².

Естественно, право защитника на производство экспертизы не должно распространяться на случаи обязательного назначения экспертизы, не может быть связано с применением принуждения и не должно

¹ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 118.

² Лазарева Л. В. Возможности судебной экспертизы в защите по уголовным делам // Вестник Владим. юрид. ин-та ФСИН России. 2009. № 2. С. 115.

требовать представления вещественных доказательств и материалов уголовного дела.

Однако реализация такого механизма действий возможна только в случае внесения соответствующих дополнений и изменений в федеральные законы.

Лапина И. А.

Социологические методы в криминалистике и судебной экспертизе

Криминалистическая наука представляет собой достаточно «молодую» научную отрасль, имеющую ярко выраженную прикладную направленность. Еще в начале своего зарождения в качестве самостоятельной отрасли знаний большинство используемых в ней приемов и методов носили характер заимствования из других (по большей части — естественнонаучных) дисциплин. На их основе стали в последствие формироваться собственные теоретико-методологические категории, отделившие предмет криминалистической науки от предметов схожих уголовно-правовых и естественных наук. Благодаря социально-историческим (а, иногда, — и политическим) условиям формирования отечественных наук уголовно-процессуального цикла в отечественной криминалистике сформировалась достаточно объемная теоретическая часть, специфическая методология и специальный понятийно-категориальный аппарат.

Существование криминалистики именно в таком виде и статусе с позиций отечественной уголовно-правовой, процессуальной и законодательной практики вполне оправдано и объяснимо, оспаривать ее научно-отраслевую самостоятельность теперь бесперспективно и нецелесообразно. Кроме того, сформировавшийся институт судебно-экспертной деятельности, тесно связанный с криминалистической теорией, техникой и тактикой, предоставляет возможность говорить и о самостоятельной отрасли знания — судебной экспертизе в качестве совокупности специальных знаний и специфических действий уполномоченного лица (эксперта), направленных на проверку имеющихся и получение новых достоверных сведений о факте, явлении, процессе, имеющих значение для установления истины по делу (спору) в предварительном расследовании и судебном разбирательстве.

Одновременно следует отметить, современные тенденции сближения, интеграции научного знания заставляют по-новому взглянуть и на криминалистику и судебную экспертизу, используемые ими подходы и методы. В частности, среди используемых методов и приемов анализа и сбора информации об объекте в криминалистической науке и экспертной практике широко применяются методы, лежащие в основе

социологического инструментария, такие как наблюдение, измерение, эксперимент и моделирование.

В качестве примера наблюдения и его практической ценности для криминалистики и судебной экспертизы может служить следующее. Сущность наблюдения заключается в непосредственном восприятии внешних характеристик, параметров объекта. Таким образом, этот метод используется, во-первых, при проведении трасологических исследований, когда решается вопрос о механизмах слеодообразования, внешних характеристиках объекта, обладающих свойством отображения в окружающей действительности. Во-вторых, наблюдение может выступать в качестве тактической рекомендации при производстве отдельных следственных действий (наблюдение за поведением лица в процессе обыска с целью скорейшего обнаружения искомых предметов, наблюдение за участником проверки показаний на месте с целью уточнения обстоятельств произошедшего и исключения самооговора, например). По сути, вся следственная деятельность проходит в процессе включенного наблюдения за изменениями в поведении процессуальных участников и в связанных с ними качественно-количественных характеристиках объектов и предметов, представляющих интерес для следствия и экспертизы.

Измерение параметров объекта (сравнение измеряемого объекта с некоторым эталоном и получение числового выражения в определенном масштабе) является одним из условий правильной оценки полученной в ходе расследования информации, отнесения или не отнесения ее к категории криминалистически значимой, позволяющей оптимизировать следствие и гарантирующей объективность при даче заключения судебного эксперта.

Когда полученная информация и исследованные объекты квантифицированы, становится возможным провести ряд опытных действий, подтверждающих либо опровергающих часть выдвинутых вначале следственных версий. С одной стороны, это может произойти в ходе проведения эксперимента судебным экспертом (будет получено соответствующее заключение), с другой стороны — может стать итогом следственного эксперимента (что будет зафиксировано в протоколе).

Полученные результаты экспериментов будут служить основанием для построения ряда криминалистических моделей — материальной структуры преступления, механизма преступной деятельности с включенным в него способом совершения преступления, а также помогут восполнить следовую картину преступного деяния, за счет экспертного выявления дополнительных элементов и процессов слеодообразования. Наряду с процессуальными вопросами при таких подходах решаются вопросы и социального характера, связанные с получением верных социальных характеристик объекта, процесса, явления, что позволяет

вовремя сформировать, реализовать и, при необходимости — скорректировать, меры предупреждения. Все это в итоге приведет к закономерному результату — быстрому, полному и объективному расследованию преступления, созданию адекватной обстоятельствам системы профилактических мер.

Лебедева А. К.

К вопросу об установлении обличковых характеристик личности в судебной фоноскопической экспертизе

Фонограмма, как источник криминалистической информации, часто становится объектом судебно-экспертного исследования, соответственно возможности судебной фоноскопической экспертизы активно используются при расследовании и раскрытии преступлений различной направленности (коррупционной, террористической, экстремистской и т.д.). В большинстве случаев первостепенной задачей при назначении судебной фоноскопической экспертизы является идентификация диктора по фонограммам речи. Однако на практике далеко не всегда фонограмма является пригодной для идентификации, более того могут отсутствовать образцы для сравнительного исследования, что делает идентификацию диктора принципиально невозможной.

В подобных обстоятельствах правоприменителю следует обратить внимание на возможности диагностических задач судебной фоноскопической экспертизы, например, по определению обличковых характеристик диктора, которые позволяют установить взаимосвязь между характеристиками речи и признаками облика лица. При условии, что имеются перспективы для успешного решения данной диагностической задачи, появляется возможность получить ориентирующую информацию, необходимую для успешного розыска проверяемого лица. В судебной экспертологии данная задача рассматривается как один из примеров обратной диагностической задачи, решение которых представляет определенную сложность на практике, так как поиск решения идет не от причины к следствию, а, напротив, от следствия к причине. Таким образом, задача состоит в диагностике по имеющейся фонограмме с записью голоса неизвестного диктора определенных обличковых характеристик данного диктора в целях розыска лица, а впоследствии уже осуществления его идентификации.

Вопросы установления обличковых характеристик личности по фонограммам речи недостаточно освещены в специальной литературе. Упоминания о понятии «обличковые характеристики личности» в рамках фоноскопического исследования можно найти в работах некоторых экс-

петов и криминалистов, например, Галяшиной Е. И.¹, Ищенко Е. П.² Однако большинство работ представляют собой исследования филологов (например, Потаповой Р.К. и Потапова В.В³) без учета криминалистической природы данного исследования.

По результатам анализа данных о естественно-научных основах рассматриваемого исследований, рассмотрев имеющиеся работы в данной области, мы предлагаем систематизировать обличковые характеристики личности в частной теории судебной фоноскопической экспертизы следующим образом:

- половозрастные характеристики (пол, возраст);
- социо-биографические характеристики: степень владения языком (на котором диктор говорит на исследуемой фонограмме), этническая, территориальная принадлежность, регион длительного проживания и формирования языковых навыков, уровень образования и речевой культуры, социокультурный статус, профессия, род занятий;
- особенности физиологического состояния: наличие соматических заболеваний, дефекты органов дыхания и речевого аппарата;
- особенности психофизиологического состояния: эмоциональное состояние говорящего, отклонение от нормы (состояние эмоциональной напряженности или угнетенности, подавленности), состояние измененного сознания (опьянение, влияние иных медикаментозных средств и сбивающих факторов).

Формат данной статьи не позволяет нам рассмотреть все имеющиеся в данной области трудности, мы можем упомянуть только некоторые из них. Возможности судебно-экспертного исследования обличковых характеристик личности по фонограммам речи представляют интерес для правоохранительных органов, данное направление является перспективным и ему необходимо уделять должное внимание. К сожалению, в настоящее время методическое обеспечение судебной фоноскопической экспертизы обличковых характеристик личности недостаточно разработано, в нарушение требований законодательства о судебно-экспертной деятельности единый научно-методический подход не сформирован. Соответственно одним из основных направлений развития данного подвида судебной фоноскопической экспертизы являются выработка методических рекомендаций по производству данного исследования и создание

¹ *Златоустова Л. В., Галяшина Е. И.* Распознавание индивидуальных и групповых акустико-перцептивных характеристик говорящего по звучащей речи // Теория и практика речевых исследований: Материалы конференции. М., 1999.

² *Ищенко Е. П.* Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М.: Юристъ, 2000. 751 с.

³ *Потапова Р. К., Потапов В. В.* О некоторых аспектах перцептивно-слухового исследования «облик говорящего» // Речевые технологии. М., 2010. № 4. С. 50–57.

унифицированного понятийного-категориального аппарата судебной фоноскопической экспертизы.

Преодоление как указанных затруднений, так и некоторых других позволит оптимизировать работу экспертных лабораторий, направить внимание экспертов на развитие и создание новых методических подходов и рекомендаций к решению задачи по установлению обличковых характеристик личности в судебной фоноскопической экспертизе.

Лисовецкий А. Л.

К вопросу о формировании методики расследования смертельных случаев

Общепризнанным для отечественной криминалистики является абсолютно обоснованное понимание криминалистической методики как, прежде всего, методики *расследования преступлений*.¹ Однако представляется, что применительно к случаям смерти граждан предмет расследования должен быть расширен с преступления до случая смерти в целом, и преимущественно — смерти насильственной.

Анализ зарубежной (в частности, американской и немецкой) литературы показывает наличие комплексного подхода к расследованию случаев смерти. Так, частью методики расследования убийств (гомицидов)² в США является методика расследования самоубийств.³ В свою очередь, немецкая криминалистика изучает расследование смертельных случаев в целом, включая убийства, самоубийства, несчастные случаи.⁴

Аналогичный подход к расследованию смертельных случаев имел место еще на заре криминалистической науки,⁵ однако к настоящему моменту многое из данного подхода российской криминалистикой во многом утрачено.

¹ *Белкин Р. С.* Формирование частных криминалистических методик как комплексов криминалистических рекомендаций // *Избранные труды*. М.: Норма, 2009. С. 553.

² Отечественная криминалистическая методика является ближайшим аналогом теории расследования преступлений (США) и специальной криминалистики (Германия). Таким образом, указанные разделы для лучшего понимания русскоязычными читателями автором отнесены к криминалистической методике. Следует иметь в виду, что в криминалистике США следует отметить некоторое различие между теорией расследования гомицидов (случаев причинения смерти другим лицом), преимущественно предназначенной для агентов обвинительной власти, и теорией расследования случаев смерти, предназначенной для коронеров и медиков-дознавателей, выступающих нейтральными в процессуальном отношении лицами.

³ См., напр.: *Geberth V. J.* Practical homicide investigation: tactics, procedures, and forensic techniques. — 4th ed. — Boca Raton: CRC Press, 2006. P. 383–438.

⁴ *Сокол В. Ю.* Криминалистика в Германии: понятие, система, перспективы. Краснодар: Краснодарский университет МВД, 2010. С. 244, 256.

⁵ См., напр.: *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 757 и далее.

Внимание к случаям смерти, которые сами по себе не являются криминальными, либо не всегда могут являться таковыми (самоубийства, несчастные случаи), оправдано тем, что данные случаи способны выступать частью объективной стороны ряда преступлений. Кроме того, как отмечают немецкие криминалисты, методическое обеспечение расследования данных случаев связано с латентностью преступлений.¹ Под этим можно понимать, что методическое обеспечение расследования данных событий способствует криминалистически более корректному выявлению и исследованию криминальных обстоятельств, связанных с данными событиями, а то и криминальной сути последних (в частности убийств, сопряженных с инсценировками). Данный тезис отчасти находит подтверждение в отечественной судебно-следственной практике 1954–1962 гг., когда в случаях смерти с признаками самоубийства возбуждение уголовного дела являлось обязательным. Данный период характеризуется значительным количеством выявленных убийств, сопряженных с инсценировкой самоубийства, чем в годы после отмены соответствующего Указания.²

Особо важной составляющей методики расследования случаев смерти следует рассматривать распознавание смертельного случая,³ особенно важное на начальном этапе расследования, включая стадию возбуждения уголовного дела. При указанном распознавании происходит как выявление природы произошедшего события, так и наличия в обстоятельствах криминального компонента (по сути — выяснение рода смерти и выявление наиболее вероятного события/состава того или иного вида преступления), что предопределяет направление расследования на последующих этапах. Распознавание также во многом связано с уголовно-правовой квалификацией события, которое, в свою очередь, при наличии соответствующих признаков преступления может быть квалифицировано, в частности, как:

- убийство (ст.ст. 105–108 УК РФ);
- причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ);
- доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ);
- склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению, повлекшие самоубийство или покушение на таковое (ч.ч. 4–6 ст. 110 УК РФ);
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ);

¹ Сокол В. Ю. Указ. соч. С. 141.

² Ардашев Р. Г. Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2015. С. 27–28.

³ Корма В. Д., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологий. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 362–368.

- нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, повлекшее по неосторожности смерть человека/людей (ч.ч. 2, 3 ст. 143 УК РФ);
- нарушение лицом, управляющим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть (ч.ч. 3–6 ст. 264 УК РФ).

Разработка подобной методики могла бы также решить проблему различных частных криминалистических теорий, связанных со смертью человека. Например, криминалистическая кадаврология¹ («учение о трупе»), а, скорее, ее содержание могло бы во многом найти свое место в рассматриваемой методике, пусть, возможно, утратив свое название (включая спорное в данном случае слово «криминалистическая»²) за ненадобностью обособления данного учения.

Таким образом, следует предположить, что развитие методики расследования случаев смерти — перспективное направление криминалистической методики, способное увеличить как научный потенциал, так и практическую эффективность криминалистики.³ Аналогичный расширенный подход может быть применен к методике расследования и иных групп криминалистически релевантных событий.

Лисонь Мирослав, Вашко Адриан

Теории в системе наук о полиции.

Вклад профессора Р. С. Белкина

Криминалистика сделала важные шаги и создала качественные условия для дальнейшего развития теории изучения преступных деяний. Данная научная дисциплина создала, можно сказать, новую исходную точку для ориентации и для создания иных специальных дисциплин, особенно она имела влияние на создание и развитие полицейских наук, в особенности ее теории. Вклад профессора Р. С. Белкина остается бесспорным и в условиях Европейского союза.

¹ См., напр.: *Березутский Е. Ю.* Актуальные вопросы теории и практики исследования материальной обстановки места убийства: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2001. С. 72–73.

² *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2001. С. 235–236.

³ Там же. С. 17.

1. Науки о полиции

Существование наук о полиции объясняется их практической необходимостью в полицейской практике. Науки о полиции — это науки практические.

Необходимость изучения и объяснения полицейской практики возникает из самого философского понимания отношений между практикой и теорией. Подход к пониманию этих отношений зависит не только от философской школы или философского направления, в русле которого происходит эта интерпретация, но и от того, каким элементам и связям придается наибольшее значение. Если на первое место выходит практика, а теория стоит на втором месте, то необходимость научных знаний в сегодняшней полицейской практике будет определяться, диктоваться и ограничиваться самой полицейской практикой.¹

Источником развития знаний в полицейской практике и развития полицейской теории является постоянное решение философского дилеммы между полицейской теорией и практикой, причем полицейская практика — определяющая сторона в этом споре. Таким образом, все процессы развития науки о полиции, в конечном счете, определяется полицейской практикой.

Цель научного осмысления современной полицейской практики состоит в том, чтобы обслуживаться ее нужды и помогать ей. И поскольку научное осмысление призвано выполнять настоящую задачу, то оно должно решительно противостоять всем элементам догматизма и практицизма, все еще появляющимся у некоторых так называемых «специалистов» от полиции. Практицизм и догматизм деформируют динамические связи между научным осмыслением и практикой и объективно мешают не только теории, но и самой практике.

В связи с развитием наук о полиции необходимо упомянуть, что часто обсуждаемым вопросом является само определение предмета их исследования. Судя по оживленной дискуссии по этому вопросу, становится ясно, что определение этого основного атрибута наук о полиции является на сегодняшний день сложной теоретической и практической проблемой. Прежде всего, потому, что специалисты не могут договориться о теоретических и практических нуждах работы полиции.

В понятие «работа полиции» можно включить весь комплекс действий полиции и ее органов². В него входит вся исполнительная, организационная, управленческая и прочая деятельность, имеющая характер служебных мероприятий, актов и тому подобных мер. Они производятся согласно действующим законодательным нормам и принятым этичес-

¹ Erneker J. — *Porada V.a kol. Poznávání potřeb a transfer vědeckých poznatků do policejní praxe*. Praha, 2006. S. 15.

² Holomek J. — *Šimanovská T. Úvod do metodologie praktických věd: Policajné vedy ako vedy praktické*. Bratislava, 2002. S. 86.

ским принципам демократического гражданского общества, а также с использованием разрешенных профилактических, а в случае необходимости, и репрессивных методов работы. Их целью является охрана основных прав граждан и защита общества от преступной и прочей антиобщественной деятельности.

Что касается определения, то деятельность полиции можно понимать как комплекс отдельных специфических мер, направленных на достижение целей, вытекающих из задач и функций полиции, например, криминально-полицейская деятельность, которая понимается отдельно от сопроводительной и вспомогательной деятельности, имеющей не-полицейский характер.

Мы разделяем данную точку зрения и при этом выражаем мнение, что в настоящее время **науки о полиции** обобщают всю **систему научных знаний о существующей полицейской реальности**¹.

Полицейская реальность — это объективно возникающая ситуация в человеческом обществе, в которой реализуются процессы полицейской деятельности, создаются и функционируют их элементы.

Точно так же можно утверждать, что объектом изучения наук о полиции является деятельность полиции. А предметом — полицейская реальность.

Бесспорно, при изучении, объяснении и планировании деятельности полиции, а также для верного понимания самого предмета, т. е. полицейской реальности можно использовать различные аргументы. В этом отношении решающим фактором является взаимодействие полицейской теории с полицейской практикой, которая с помощью системного изучения должна улучшаться, развиваться, обновляться и т. п. Если бы теория не способствовала улучшению полицейской практики, то она не имела бы права на существование. Таким образом, полицейская реальность должна пониматься как система, структуру которой составляют процессы, детерминанты и конструкты конкретно реализуемой целенаправленной деятельности, применяемой в полицейской практике.

На основе результатов уже проведенных исследований можно утверждать, что в настоящее время понятие «полицейская практика» является неким заклинанием, которое дает право на существование полицейской теории как таковой.

Понятие полицейской практики настолько часто используется, что почти никогда никто не задается вопросом: «Что же вообще такое полицейская практика?» В общем и целом предполагается, что полицейская практика — это то, чем занимаются органы полиции и охраны правопорядка (далее, если не оговаривается особо — «органы полиции»)

¹ Термин «реальность» как научная категория используется довольно часто. См., например, в педагогике: *Průcha J., 1997* — «образовательная реальность»; в социологии — *Machonin, Tužeka kol., 1996* — «социальная реальность» и др.

при выполнении своих служебных обязанностей, и эта деятельность противопоставляется теории.

Полицейская практика — это все процессы деятельности полиции в целом. Это комплекс целенаправленной деятельности всех ее структур, призванный выполнять задачи, определяемые законом как основные задачи полиции в обществе.

В процессе полицейской деятельности создаются ситуации, в которых с определенными целями используются различные методы и средства.

Также в процессе полицейской деятельности создаются общие научные основы в форме правовых норм, стратегий, тактик, методик, систем организации труда и управления, профессиональной подготовки участников этой деятельности...

Однако, несмотря на все вышесказанное, задачей наук о полиции является не только поддержка полицейской практики, но и глубокое изучение и объяснение полицейской реальности.

Науки о полиции представляют собой систему знаний о полицейской деятельности, причем эта система знаний складывается и развивается согласно общественным запросам и целям, отражая и проецируя существующую полицейскую реальность.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что в науках о полиции еще имеются определенные резервы. Однако это никоим образом не снижает их значения и той пользы, которую они приносят, удовлетворяя практические и теоретические потребности. Ожидаемый положительный результат заключается в том, что науки о полиции (на современном этапе их развития) выполняют важные практические и теоретические функции. Это подтверждается повышением уровня действенности и эффективности процессов полицейской деятельности.

2. Функции теории в системе полицейских наук

Теория представляет собой попытку объяснения причин существующего положения вещей и происходящих изменений изучаемого явления, процесса или события. В этом контексте полицейскую теорию необходимо понимать в связи с конкретной целенаправленной деятельностью в системе деятельности полиции (деятельности по охране правопорядка, криминально-полицейской деятельности и т. д.)

Основной функцией теории (или теорий) в науках о полиции является создание таких систем знаний о полицейской деятельности, которые позволят узнавать, объяснять и управлять явлениями, процессами и событиями, в них происходящими. Говоря конкретно, это следующие функции:

- описание и классификация явлений, процессов и событий в полицейской деятельности;

- создание новых явлений, процессов и событий в изучаемой сфере деятельности;
- понимание сущности и основных детерминант изучаемых феноменов;
- управление явлениями, процессами и событиями в полицейской деятельности.¹

Особенно это отражается на целенаправленном системном членении наук о полиции на основании функциональных сфер полицейской реальности, прежде всего, **общественной** (*регулирующей, охранной, принуждающей, исправительной, обучающей и т. п.*), **познавательной** и **организационно-управленческой**. Это связано с тем, что данные функции можно при необходимости системно использовать в разработке теории научных дисциплин в системе наук о полиции.²

Позитивным фактором является то, что все вышеуказанное время от времени присутствует в полицейской практике, которая использует систематически обработанные теоретические знания наук о полиции. По результатам проведенных исследований мы можем утверждать, что **науки о полиции в настоящее время построены в соответствии с существующими запросами общества и полиции** (*практическими и теоретическими*). **А через теорию о специфических деятельности в полицейской практике (в их основе лежит изучение) они находятся в прямой и непосредственной связи с практикой.**

Науки о полиции связаны с полицейской практикой, которую представляет полицейская деятельность. Задачей наук о полиции является не только научная поддержка полицейской практики, но и глубокое изучение системы деятельности, которую составляют целенаправленно реализуемые действия полиции. Их многообразие и разнородность можно считать основным детерминантным условием для создания и диверсификации **полицейских теорий, являющихся неотделимой частью научных дисциплин**. В системе наук о полиции они являются отражением спектрального подхода при изучении полицейской реальности. Поэтому от этих теорий по праву ожидается практическая польза и конкретное историческое содержание (*это же является аргументом для обоснования использования формы множественного числа в выражении «науки о полиции»*).

¹ Porada V. — Holer K. a kol. Policejní vědy. Plzeň, 2011. S. 159.

² <http://slovník.azet.sk/synonyma/> Научная специальность или научная дисциплина — это теоретически и практически обоснованная, исторически возникшая, относительно постоянная структурная единица науки. Она является частью науки в общем смысле слова, характеризуется специфическим предметом и методом изучения. Научная специальность — это развивающаяся система научных знаний об определенной области жизни и одновременно основная форма организации научной работы. В научной специальности формируется предметное и методологическое единство изучения в данной области научного исследования.

Прочие аргументы в пользу создания полицейских теорий можно объективизировать при помощи анализа самих подходов, используемых при создании и проектировании системы полицейской реальности. При этой специфической научной деятельности исходят из того факта, что особенности системы как некоего целого не определяются лишь суперпозицией особенностей, создающих подсистемы. В процессе изучения отношений, эффектов, существующих в полицейской реальности, обнаруживаются и другие относительные, качественно новые особенности всей ее системы. Это подтверждается тем, что сложность, разнообразие полицейской реальности, которую должны изучать науки о полиции, невозможно охарактеризовать лишь с помощью простого анализа связей между целым и его частями. Для настоящего развития этих наук требуется большее. Необходимо перейти на качественно новую основу. Перенести фокус с простого изучения отдельных элементов и возможных отношений между ними на изучение структуры системы полицейской реальности и функционирования ее комплексов в полицейской практике и теории.

Из проведенного нами исследования видно, что полицейскую реальность нельзя изучать в статическом режиме, то есть изолированно, а напротив — динамически, в ее конкретном практическом и теоретическом системном проявлении. При создании теории в системе наук о полиции эти проверенные принципы и подходы должны учитываться. Целенаправленная диверсификация теории наук о полиции в спектральном проявлении полицейской реальности создает благоприятные условия для реализации, в первую очередь, внутри- и междисциплинарного анализа в теории (*научных дисциплинах*). Цели такой диверсификации необходимо связывать с пониманием сути, с правильной интерпретацией и оценкой теорий (*научных специальностей*) в процессе их создания.

То же касается и криминально-полицейской теории, которая, помимо уже указанных функций (описание, классификация и т. д.), предсказывает будущее развитие изучаемых явлений, процессов и событий.

Теория криминально-полицейского познания на современном этапе развития разрабатывает структурированную систему с адресным руководством. Система теории криминально-полицейского познания является и должна быть частью всей системы наук о полиции. Конкретные отношения, которые существуют как общие и специфические особенности системы полицейской реальности, характеризуют ее относительную самостоятельность.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно утверждать, что в системном понимании теория криминально-полицейского познания (*далее — «теория»*) в соответствии с запросами общества изучает и объясняет цели, задачи, методы, содержание и условия системно-реализуемой разведывательной, оперативно-розыскной и следственной деятельности при

расследовании преступлений и на основе определенных функциональных закономерностей и полученного опыта создает условия для их проектирования и дальнейшего развития.

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, очевидно, что процесс становления наук о полиции еще не завершен. На это есть целый ряд доводов. Например, из опыта в нашей стране следует, что научная сфера консервативна, особенно если это касается восприятия новых теорий, наук и научных специальностей.

Согласно нашему мнению, наукам о полиции еще необходимо утвердиться, найти свое место в системе наук. Развитие ситуации с необходимостью обеспечения безопасности является тем фактором, который будет определяющим в данном процессе.

Лужинская Е. Л.

Классификация цифровых средств фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы

В последние годы и в Республике Беларусь наблюдается интенсивное внедрение перспективных информационных технологий и современных технических средств во все сферы социально-технологической жизни. Данное воздействие проявляется в непрерывном привлечении и приспособлении, в том числе и для нужд судебной экспертизы, современных и более совершенных приборов, устройств и применении новых способов исследования. Необходимость постоянного внедрения новых средств для фиксации и обработки криминалистической информации подтверждена судебной практикой не только нашей, но и других стран¹.

Также в современном мире при высоком уровне преступности, терроризме, неконтролируемых миграционных процессах особенно актуально стало внедрение компьютерных программно-аппаратных комплексов, современной видеозаписывающей и видеовоспроизводящей аппаратуры, появление новых цифровых биометрических технологий обработки информации, позволяющих производить быстрое отождествление человека по изображению его лица.

Анализ практики проведения портретных экспертиз в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь (далее — Государственный комитет) свидетельствует о постоянном росте поступления в качестве объектов портретной экспертизы, изображений лиц, полученных при помощи различных цифровых средств фото — и видеофик-

¹ *Треушников М. К.* Судебные доказательства / М. К. Треушников. 3-е изд., испр. и доп. М.: Городец, 2004. 268 с.

сации. Так, за период март 2016 — февраль 2017 года территориальными органами Государственного комитета было проведено 76 портретных экспертиз. Объектами 34 из них являлись видеозаписи, либо кадры (скриншоты) видеозаписей, полученные при помощи цифровых камер видеонаблюдения, установленных над банкоматами, а также в местах максимального скопления людей (метро, подземные переходы, и т. д.), 5 — видеозаписи, содержащие изображения лиц, запечатленных при помощи видеокамер мобильных телефонов, 6 — видеозаписи, полученные при помощи видеорегистраторов. Объектами 10 экспертиз — изображения лиц, запечатленные при помощи цифровых фотоаппаратов, 9 — изображения лиц, скопированных правоохранительными органами с профайлов социальных сетей. В остальных случаях в качестве объектов на экспертизу поступали паспорта, содержащие фотоснимки лиц, так же полученные при помощи цифровых технологий.

Появление «новых» средств фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы, обуславливает необходимость усовершенствования методических и практических рекомендаций по исследованию вышеуказанной информации как объекта портретной экспертизы, а также разработки теоретических основ в данной области.

Интерес к вопросам, касающимся использования цифровых средств фиксации, проявили А. В. Белоусов¹, В. В. Бирюков², Ю. А. Григорян³, Е. Н. Дмитриев⁴ [6] и т. д. Однако, предмет их исследований посвящен отдельным направлениям использования цифровых средств в процессе фиксации доказательственной информации и лишь поверхностной касается судебных экспертиз (в частности, портретной экспертизы). До сих пор многие практически важные вопросы остаются нерешенными, так, не сформирован понятийный аппарат цифровых средств фото- и видеофиксации, информации, являющейся объектом портретной экспертизы, не включены вновь появившиеся средства фиксации в имеющуюся классификацию, недостаточно освещены вопросы, касающиеся биометрических средств идентификации, как средств фиксации объектов портретной экспертизы и т. д.

Однако, прежде чем анализировать сущность вышеуказанных цифровых средств, предстоит определить, что следует понимать под научно-тех-

¹ Белоусов А. В. Проблема фиксации доказательств в досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. В. Белоусов. М., 2001.

² Бирюков В. В. Використання комп'ютерних технологій для фіксації криміналістично значимої інформації у процесі розслідування: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. В. Бірюков. Луганськ, 2000.

³ Григорян Е. А. Фиксация криминалистически значимой информации о происшествии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. А. Григорян; Юрид. ин-т Дальневост. гос. ун-та. Владивосток, 2010.

⁴ Дмитриев Е. Н. Проблемы применения цифровой фотографии при расследовании уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. Н. Дмитриев. М., 1998.

ническими (техническими в том числе) средствами криминалистической техники (в которую входят такие разделы как судебная фотография, судебная видеозапись, учение о внешнем облике человека и т. д.) уяснить место, которое среди них занимают цифровые средства фото- и видеofиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы.

В общем смысле термин «техника» (от греческого *tehnika* — искусство, мастерство, умение) истолковывается как совокупность средств человеческой деятельности, создаваемых для осуществления процессов производства и обслуживания непроектируемых потребностей общества¹. Под техникой также понимается совокупность механизмов, орудий труда, машин и других различных устройств, облегчающих труд человека и повышающих эффективность деятельного процесса². Важнейшая ценность техники заключается в том, что она позволяет с учетом знаний законов природы значительно повысить эффективность трудовых усилий человека.

Вышесказанное позволяет резюмировать, что из определения техники логически вытекает понятие «технические средства». Оно используется применительно к различным формам деятельности (технические средства обучения и т. д.) Это дает основание вести речь о технических средствах криминалистики и судебной экспертизы.

Наиболее полно раскрывающим сущность научно-технических средств, под которыми следует понимать «приборы, инструменты, приспособления, материалы и методы их применения, специально разработанные, приспособленные или взятые без изменения из других областей деятельности человека и используемые для обнаружения, фиксации, изъятия, исследования доказательств, а также осуществления иных действий по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений»³, является определение, предложенное Г. И. Грамовичем. Данное определение научно-технических средств позволяет использовать данную технику в целях фиксации доказательственной информации, адаптировав ее к решению задач уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы.

Что касается цифровых средств фиксации, то наиболее полной дефиницией является предложенная Г. А. Павловец⁴, в которой под

¹ Техника // БСЭ. 3-е изд. М., 1972. [Т.] 8. С. 522–523.

² Денисов С. Ф. Естественные и технические науки в мире культуры: учеб. пособие / С. Ф. Денисов, Л. М. Дмитриева. Омск: Изд-во Омск. гос. техн. ун-та, 1997. 446 с.

³ Грамович Г. И. К вопросу об улучшении технико-криминалистической подготовки юристов / Г. И. Грамович // Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью: тез. науч.-практ. конф. / Науч.-исслед. ин-т проблем криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы; редкол.: А. В. Дулов (отв. ред.) [и др.]. Минск, 1992. С. 56–57.

⁴ Павловец Г. А. Криминалистическая фиксация доказательственной информации с помощью цифровых средств: понятие и сущность / Г. А. Павловец // Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы. 2011. № 1. С. 104–109.

цифровыми средствами, применяемыми в процессе собирания доказательств по уголовному делу, следует понимать совокупность научно обоснованных средств и методов, основанных на цифровых технологиях, используемых в соответствии с уголовно-процессуальными нормами уполномоченными на то лицами для фиксации доказательственной информации в целях установления всех обстоятельств по уголовному делу при условии строгого соблюдения прав и интересов участников уголовного процесса, гарантированных законом.

Вышеизложенная дефиниция рассматривает цифровые средства применимо к процессу собирания доказательств по уголовному делу. Цифровые же средства фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом экспертизы входят в эту группу, однако имеют свою специфику, что обуславливает необходимость сформулировать собственное определение.

Таким образом, *под цифровыми средствами фото- и видеофиксации, информации, являющейся объектом портретной экспертизы* следует понимать совокупность средств и методов, основанных на цифровых технологиях, используемых для запечатления лиц, для последующей идентификации их по признакам внешности, а также для решения диагностических задач.

Сегодня в условиях развивающегося быстрыми темпами в области цифровых технологий научно-технического прогресса появилась реальная возможность применять в целях фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы, достаточное число различных цифровых устройств, что обуславливает необходимость их классификации. Как отмечали Р. С. Белкин и А. И. Винберг, «классификация служит одним из средств познания, помогая исследовать отдельные предметы и явления, выявить закономерности их развития, определить пути их использования».¹ Классификация способствует эффективно применению цифровых средств фото- и видеофиксации. Ведя речь о возможности их классификации, нужно исходить из того, что целью использования цифровых средств фото- и видеофиксации является запечатления с их помощью информации, являющейся объектом портретной экспертизы. В литературе уже рассматривались вопросы классификации научно-технических средств в силу их целевого назначения. Также предложена классификация цифровых средств фиксации Г. А. Павловец² по целевому назначению с которой можно согласиться. Однако поскольку, наука и техника не стоит на месте, появляются «новые» цифровые средства фото- и видеофиксации, вышеуказанную

¹ Белкин Р. С. Криминалистика и доказывание: методол. проблемы / Р. С. Белкин, А. И. Винберг. М.: Юрид. лит., 1969. 216 с.

² Павловец Г. А. Криминалистическая фиксация доказательственной информации с помощью цифровых средств: понятие и сущность / Г. А. Павловец // Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы. 2011. № 1. С. 104–109.

классификацию предлагается расширить. Таким образом, представляется, что все цифровые средства, фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы в зависимости от их *функционального потенциала* можно разделить на две группы:

- 1) основные — специально предназначенные для фиксации:
 - цифровой фотоаппарат;
 - цифровая видеокамера;
- 2) дополнительные — позволяющие осуществлять фиксацию:
 - мобильный телефон (смартфон);
 - сканер (3 «D» сканер, програмно-аппаратные комплексы, биометрические средства идентификации);
 - графический планшет;
 - компьютер;
 - видеорегистратор;

По форме носителя цифровой информации:

- 1) со встроенным носителем цифровой информации;
- 2) со съемным носителем цифровой информации;
- 3) с комбинированными носителями цифровой информации.

В специальной литературе имеется высказывание о целесообразности классификации научно-технических средств фиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы, по *способу фиксации*¹ [15, с. 55]. В связи с этим предлагается цифровые средства разделить на три группы:

фотографические средства:

- цифровой фотоаппарат;
- цифровая видеокамера;
- мобильный телефон со встроенной камерой (смартфон);

2) видеосредства:

- цифровая видеокамера;
- цифровой фотоаппарат;
- мобильный телефон со встроенной камерой (смартфон);
- видеорегистратор.

3) иные цифровые средства:

- сканер (3 «D» сканер, програмно-аппаратные комплексы, биометрические средства идентификации);
- компьютер;
- графический планшет.

Таким образом, можно констатировать, что цифровые средства фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портрет-

¹ Бахин В. П. Вопросы оценки криминалистических рекомендаций в процессе их разработки и внедрения / В. П. Бахин, А. В. Ищенко // Криминалистика и судебная экспертиза: респ. междуведомств. науч.-метод. сб. / Киев. науч.-исслед. ин-т судеб. экспертизы; редкол.: А. Е. Яворский (отв. ред.) [и др.]. Киев, 1982. Вып. 25. С. 8–13.

ной экспертизы, являются элементами системы научно-технических средств фиксации доказательственной информации.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что данная классификация не отражает все классификационные свойства отдельных цифровых средства фото- и видеofиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы. Так, к примеру, вышеупомянутые биометрические средства идентификации, могут быть подвергнуты самостоятельной классификации. Поскольку данный вопрос многогранен, обширен и требует самостоятельного развернутого изучения, классификация биометрических средств идентификации будет рассмотрена в последующих работах.

Лукомская А. С.

Значение судебно-генетической экспертизы в расследовании уголовных дел об экологических преступлениях

В процессе техногенного роста изменяется специфика и структура преступности во всем мире. С учетом актуальной для России конкуренции экономики и экологии, роста природоохранительных проблем, неэффективности государственного контроля в области охраны окружающей среды и природопользования, латентности экологических преступлений, потенциальными и конкретными жертвами которых становятся десятки миллионов человек, а материальный ущерб исчисляется миллиардами рублей, значимыми являются вопросы защиты прав потерпевших от преступлений, посягающих на экологический правопорядок и экологическую безопасность¹.

При проверке сообщения об экологическом преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативного-розыскных мероприятий, а также назначать судебную экспертизу.

¹ Лукомская А. С. Уголовно-правовая охрана экологического правопорядка и экологической безопасности: монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 17, 131.

Судебно-экспертная деятельность является особо значимой по делам об экологических преступлениях. Их особенности требуют использование на основе узкоспециальных знаний эффективных методов и новейших научно-технических средств, способных решить поставленные задачи, необходимые для выявления, раскрытия, расследования и предупреждения экологических преступлений.

Процессы интеграции и дифференциации судебных экспертиз являются отражением потребностей теории и правоприменительной практики борьбы с преступностью. Выделение новых видов экспертиз, решающих специфические задачи, явление естественное и закономерное.

В 1865 г. было установлено, что гены — это дискретные (от лат. «discretus» — разделенный, прерывистый) факторы, в 1871 г. были открыты нуклеиновые кислоты, в 1903 г. определено, что хромосомы являются единицами наследственности, в 1927 г. установлено, что мутации вызваны физическими изменениями генов, в 1944 г. сложилось понимание, что ДНК — это генетический материал, в 1977 г. ученые пришли к выводу, что геном можно отсеквенировать (от лат. «Sequentum» последовательность) и, наконец в 2001 г. отсеквенирован геном человека.¹ Выявление свойств генома, базовые представления о его молекулярной организации, свойство генома — содержание полной информации о признаках, передающихся по наследству, стали перспективными знаниями судебно-генетической экспертизы, проводимой методами ДНК-анализа, необходимого средства установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам об экологических преступлениях.

Появление судебно-генетической экспертизы, проводимой методами ДНК-анализа также явилось собой результатом развития науки, техники, а также объективной необходимости решения задач, стоящих в процессе выявления, раскрытия, расследования экологических преступлений. Использование генетического анализа значимо по делам об экологических преступлениях, посягающих на компоненты окружающей среды, природные и природно-антропогенные объекты.

Согласно Приказа Минюста России 2012 г № 237² по делам об экологических преступлениях могут проводиться: исследования: экологического состояния объектов почвенно-геологического происхождения,

¹ Льюин Б. Гены / Б. Льюин; пер. 9-го англ. изд. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. 896 с.: цв. ил. — (Лучший зарубежный учебник). С. 11.

² Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 (ред. от 19.09.2017) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.01.2013 № 26742).

экологического состояния естественных и искусственных биоценозов, экологического состояния объектов окружающей среды в целях определения стоимости восстановления, экологического состояния объектов городской среды, экологического состояния водных объектов, а также исследования объектов дикой флоры и дикой фауны и др., которые в том числе могут проводиться с использованием методов ДНК-анализа.

Генетическое исследование птиц (генетическая орнитологическая экспертиза), проводится с целью изучения популяций, определения родителей и потомков, установления пола определенной особи, необходимо для ответа на вопрос об изменении численности птиц, изучения их поведения и проведения работ после совершенного экологического преступления.

По делам, предусмотренным ч. 3 ст. 260 УК РФ, с учетом масштабов незаконно заготовленной древесины, сотрудники правоохранительных органов имеют возможность назначить и провести ДНК-исследование для идентификации сортиментов древесины, заготовленной в результате незаконных рубок¹.

По делам об экологических преступлениях, с причинением опосредованного физического вреда человеку, актуальным является установление лица, оставившего биологические следы, генетического тождества, информации, содержащейся в

Для России использование исследований ДНК для целей уголовного судопроизводства началось сравнительно недавно. В 1990 году в экспертную практику экспертно-криминалистических подразделений ОВД России активно внедрялся метод полимеразной цепной реакции (ПЦР), позволяющий исследовать малое число ДНК, выделенной практически из всех тканей и выделений человека, имеющих ядросо-державшие клетки.

Необходимо отметить, что несмотря на все достижения судебно-генетической экспертизы, медленное развитие института уголовной ответственности за преступления, посягающие на экологический правопорядок и экологическую безопасность, отсутствие возбужденных дел по факту опосредованного причинения эколого-экзогенного и эколого-эндогенного вреда здоровью человека², в гражданском судо-

¹ Департамент лесного хозяйства по Приволжскому федеральному округу провел заседание межведомственной комиссии по вопросам пресечения и предотвращения незаконных рубок на территории округа: Федеральное агентство лесного хозяйства Департаменты. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/dep/volga/press/310> (дата обращения 27.04.2015).

² Эколого-экзогенный вред — вред, опосредованно причиненный здоровью человека негативным результатом совершенного экологического преступления, а эколого-эндогенный вред — вред, опосредованно причиненный здоровью человека результатом совершенного экологического преступления. Эколого-эндогенный вред проявляется через внутреннее негативное воздействие на организм человека накопившихся в нем вредных веществ. (Лукомская А. С. Уголовно-правовая охрана экологической безопасности

производстве есть отдельные положительные примеры использования этого вида экспертиз в доказывании по делу.

Один из немногих примеров, событие, произошедшее 29.09.1957 г. в 16.22 ч. на химкомбинате «Маяк», расположенном в закрытом городе Челябинск-40 (Озерск), когда взорвалась одна из емкостей, в которой хранились высокоактивные отходы повлекло за собой выброс 80 тонн жидких радиоактивных отходов ил 20 миллионов юри радиоактивности, обусловленной стронцием-90, цезием-137, церием — 144, цирконием — 9, ниобием — 95, рутением — 106. 10% радиоактивных вещество было поднято в воздух на высоту до 1 км. и подхваченные сильным юго-западным ветром, разнесло по лесам, озерам, полям на площади более 20 тыс. кв. метров в Челябинской, Свердловской и Тюменской областях (Восточно-Уральский радиоактивный след). На площади в 23 тыс. квадратных километров в 1957 г. проживало 270 тыс. человек, из них почти 10 тыс. оказались на территории с высокой плотностью загрязнения, жители Челябинской области. Более половины людей погибла, остальная половина осталась с неизлечимыми заболеваниями: рак, лучевая болезнь, «белокровье» и другими.

Спустя сорок лет, в 1997 г. Озерский городской суд Челябинской области рассмотрел иск семьи Нажмутдиновых к ПО «Маяк» о возмещении морального вреда, причиненного неблагоприятным воздействием окружающей природной среды. В этой семье родился ребенок с тяжелыми врожденными пороками развития костной системы: без ноги и пальцев рук. Предположив генетическую обусловленность этого заболевания, а именно его связь с проживанием двух предшествующих поколений ребенка по материнской и по отцовской линиям на территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению со стороны ПО «Маяк», родители обратились в суд. В ведении процесса им активно помогали юристы общественных экологических объединений: «Эко-юрист», «В силу закона»¹.

Благодаря поддержке фонда ISAR, была проведена генетическая экспертиза в Институте общей генетики им. Н. И. Вавилова, подтвердившая, что тяжелейшая врожденная патология ребенка из этой семьи стала результатом радиационного загрязнения территории, на которой проживали Нажмутдиновы, вследствие деятельности ПО «Маяк». На момент рождения ребенка в 1992 г. действовали Основы гражданского законодательства, установившие ответственность за причинение мо-

и экологического правопорядка: монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2017. 184 с.).

¹ Васильева М. И., Яковлева О. А. Особенности компенсации морального вреда, причиненного радиационным загрязнением окружающей природной среды (по материалам судебного дела) // Государство и право. 1998. № 3. С. 38.

рального вреда. Суд удовлетворил иск, взыскав с ответчика 50 млн руб. за моральный вред, причиненный ребенку.

Данное решение, впоследствии подтвержденное кассационной инстанцией, стало знаменательным. Впервые в судебном порядке были удовлетворены исковые требования в интересах потомков жертв радиационного загрязнения. В зарубежных странах с развитой системой защиты общественных экологических интересов подобные иски давно уже не редкость, но в России это дело в своем роде стало первым.

Необходимо признать высокую эффективность, достоверность и перспективность судебно-генетической экспертизы по делам об экологических преступлениях. В связи с этим логичным становится вывод о том, что развивающиеся методики ДНК исследований требуют внимательного и поступательного пересмотра способов и подходов проведения судебно-генетических экспертиз в России, в том числе по делам об экологических преступлениях.

Люттов В. П., Стариков Е. В.

Вклад профессора Р. С. Белкина в становление и развитие судебно-технической экспертизы документов

Мы не погрешим против истины, если будем утверждать, что в XXI веке в области судебно-технической экспертизы документов преобладают объекты — документы, изготовленные квалифицированными способами с использованием полиграфической либо репрографической базы. Канули в Лету такие способы частичной подделки как дописка, дорисовка. Редко встречаются документы, которые подвергались травлению, смыванию или их комбинации. Действительно, зачем корпеть над подлинным документом, внося в него изменения, когда можно для подделки документов обратиться к печатной и копировально-множительной технике либо использовать полную конфигурацию персонального компьютера, размещенных, к примеру, в «домашней типографии», ибо контроль за приобретением и эксплуатацией этой техники с начала 90-х годов прошлого века не осуществляется.

Но на пути злоумышленников стоят правоохранительные органы, в том числе внушительная армия экспертов-криминалистов, досконально знающих технологии полиграфии, репрографии, материаловедения документов, поскольку эти знания предусмотрены Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки специалитета (специальность 40.05.03 Судебная экспертиза).

Таким образом, проблема судебного экспертного исследования печатной продукции на сегодняшний день остается весьма злобод-

невной, несмотря на широкое внедрение электронного документооборота.

Сразу возникает вопрос: а кому принадлежит приоритет в создании направления в судебно-технической экспертизе документов — исследовании полиграфической продукции?

Из истории Великой Отечественной войны мы знаем, что работники СМЕРШа выявляли немецко-фашистских шпионов и диверсантов при проверке документов, основываясь на качестве скоб, скрепляющих многостраничные документы. Наши скобы изготавливались из нелегированной стальной проволоки, поэтому под воздействием влаги (пот, атмосферные осадки) покрывались ржавчиной. Немецкие же скобы изготавливались из легированной стали и не ржавели.

По воспоминаниям работников СМЕРШа эти признаки, а также такие признаки подлинности наших документов, как, к примеру, умышленное отсутствие точки в конце предложения, отсутствие соединительного штриха в букве, указывались в ориентировках. Педантичные немцы, устраняли в поддельных документах эти «ошибки», списывая их на нашу «расхлябанность». Тем самым «засвечивали» свою агентуру. О признаках способов полиграфического воспроизведения реквизитов документов в то время речь не шла.

В 1969 году коллективом авторов — сотрудников ЦНИИСЭ и ленинградской НИЛСЭ была проведена колоссальная работа по составлению систематизированного перечня публикаций по судебной экспертизе¹. Анализ библиографических описаний публикаций, приведенных в этой и в иных библиографических указателях² свидетельствует о том, что до 1949 года в кабинетах судебной экспертизы, впоследствии — в научно-технических отделах и научно-исследовательских институтах судебной экспертизы учеными-криминалистами и практиками Е. Ф. Буринским, А. И. Винбергом, М. Козловским, В. П. Колмаковым, Н. В. Новиковой, В. П. Юдиным, В. Я. Павленко, С. М. Потаповым, Е. Ф. Развадовским, И. И. Сафроновым, Н. В. Терзиевым, В. И. Фаворским, О. Т. Чуриловой и другими в рамках «технического исследования документов» разрабатывались методы и исследовались документы, подвергнутые частичной подделке, а также сожженные и фрагментированные документы.

¹ Библиография по судебной экспертизе (1917–1967): Криминалистическое исследование документов / авт.-сост. Н. С. Коннова, Н. С. Полевой, Р. И. Тувова и др. М.: ЦНИИСЭ ЮК при СМ СССР, 1969. Вып. 1. 165 с.

² 1) *Степанова Т. С., Алексеева Н. Б.* Библиографический указатель литературы по советской криминалистике за 1956–1960 гг. / под ред. А. И. Винберга. М.: Юридическая литература, 1964. 148 с.; 2) *Штейнгауз М. С.* Библиографический указатель литературы по советской криминалистике и судебной экспертизе за 1961–1968 гг. / под ред. Н. А. Новоселовой. Минск: НИИСЭ МЮ БССР, 1970. Кн. 1. 212 с.

В 1949 году молодой исследователь Р. С. Белкин опубликовал статью, посвященную исследованию полиграфической продукции¹. Появление этой публикации не осталось незамеченным, хотя понадобилось целое десятилетие для того, чтобы ученый мир понял ее смысл. Тема судебно-экспертного исследования печатной продукции была впоследствии подхвачена и продолжена целым рядом ученых-криминалистов и практиков, среди которых В. А. Грачев (1961), Л. М. Гулякевич (1966), Е. И. Казаков (1966), И. М. Каплунов (1961, 1962, 1965), Г. Е. Макушкина (1966), Г. А. Мхитаров (1961), А. Ю. Штротас (1961) и др.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что профессор Р. С. Белкин является родоначальником важнейшего направления в судебно-технической экспертизе полиграфической продукции.

Некоторые исследователи пытались впоследствии выделить в самостоятельные виды «судебную полиграфию» и «судебное исследование защищенной печатной продукции»². Однако профессор Р. С. Белкин, будучи блестящим теоретиком в области криминалистики и философии, сформулировав новое направление в области судебно-технического исследования документов, никогда не ставил такой задачи, поскольку не считал, что созданное им направление в судебно-техническом исследовании документов является самостоятельной отраслью знаний и имеет свои предмет и метод. Достаточно вспомнить классические определения предмета и метода науки криминалистики, приведенные профессором Р. С. Белкиным в одноименном учебнике³, чтобы понять причину тому.

На самом деле судебно-экспертное исследование любой печатной продукции, как и любого документа, опирается на фундаментальные положения теории криминалистической идентификации и трасологии. Свойства документов, изготовленных полиграфическими способами, не образуют самостоятельной отрасли знаний, а почерпнуты из полиграфической отрасли промышленности, которая сама, не являясь наукой, базируется на физике, химии, теории машин и механизмов и прочих отраслях науки и не может претендовать на статус самостоятельной отрасли знаний. Посему термины «судебная полиграфия», «полиграфическая экспертиза» и им подобные следует признать некорректными и не имеющими право на существование.

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая экспертиза документов, выполненных типографским способом. // Всесоюзная конференция криминалистов, 15–20 ноября 1949 г.: Тезисы докладов. М.: ВИЮН, 1949. С. 24–25.

² Павленко С. Д. Понятие судебно-полиграфической экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1979. Вып. 19. С. 85–89; Полиграфическая экспертиза / [Электронный ресурс] URL: ngicexpert.ru/ekspertiza-tovarov/30-poligraficheskaya-ekspertiza-i-ekspertiza-pechatnoj-produksii-moskva.html (Обращение 03.10.2017).

³ Криминалистика: учебник для юридических вузов / под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. М.: Юридическая литература, 1968. 696 с. (§ 1, 3).

Лютынский А. М.

Криминалистическая характеристика преступления и ее значение: некоторые аспекты

Понятие «криминалистическая характеристика преступления» введено в научный оборот в отечественной криминалистике со второй половины 60-х годов прошлого века и с тех пор продолжают споры о его значении, сущности и содержании¹.

В криминалистике многих зарубежных стран аналогичная конструкция отсутствует и это можно назвать еще одним аргументом в череде многочисленных высказываний, отрицающих практическую и теоретическую ценность криминалистической характеристики преступления как части криминалистической методики и криминалистической теории вообще. Корифеей отечественной криминалистической науки, виднейший ученый-криминалист Р. С. Белкин обосновывал мнение, что рассматриваемая научная категория не оправдала возлагавшихся на нее надежд и изжила себя².

Анализ некоторых критических высказываний о криминалистической характеристике преступления позволяет признать их обоснованность. Действительно, в криминалистической науке до сих пор нет только общепринятого определения криминалистической характеристики преступления, но само существование этого понятия многими учеными ставится под сомнение. Весьма дискуссионным вопросом является структура и содержание отдельных элементов криминалистической характеристики. Не укрепляет позиции сторонников этого понятия и некоторая путаница в учебной и научной литературе, допускаемая авторами в силу дискуссионности этого понятия.

Авторы настоящей работы исходят из того, что криминалистическая характеристика преступления как научная категория, еще находится в стадии своего становления. Это неизбежно вызывает сложности в однозначном понимании ее содержания и единообразное использование в прикладных исследованиях. Позволим себе утверждать, что это не должно служить основанием для того, чтобы отказываться использования этого понятия в криминалистических исследованиях и на практике. Отсутствие единства взглядов на сущность и содержание криминалистической характеристики преступления говорит о том, что рассматриваемое понятие находится в стадии формирования и нуждается в дальнейшем серьезном анализе и развитии.

¹ Тщательный анализ различных точек зрения на содержание криминалистической характеристики проведен Р. С. Белкиным. См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3.

² *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 223.

На наш взгляд, для решения проблем научной обоснованности рассматриваемой научной категории необходимы:

- фундаментальное теоретическое обоснование задач, теоретического и прикладного назначения криминалистической характеристики;
- многоаспектный анализ и определение структуры криминалистической характеристики преступления;
- определение содержания отдельных элементов и системных взаимосвязей между ними;
- уточнение путей и критериев эмпирической основы криминалистической характеристики преступления
- По нашему мнению, эмпирическая основа криминалистической характеристики преступления состоит из нескольких частей:
- статистические данные о преступности вообще и отдельных видах и группах преступлений;
- результатах обобщения достаточно большой выборки расследованных уголовных дел и рассмотренных судами.

Вряд ли можно согласиться с тем, что описание криминалистически значимых элементов преступления, основанное на анализе практики, не нужно науке и практике. Криминалистическая характеристика преступления, как представляется, является исходным элементом частной методики и позволяет обобщить реальные данные о преступлении и обосновать рекомендации по применению криминалистических средств и методов, направленных на решение задач расследования.

Без этого невозможно должное совершенствование содержания частных методик расследования, а именно — криминалистических рекомендаций по производству предварительной проверки информации о преступлениях и тактике отдельных следственных действий, типичные следственные ситуации и алгоритмы действий в этих ситуациях. Критика многих частных методик за их «книжность» встречается у различных авторов в том числе и у Р. С. Белкина. Ранее нами уже поднимался вопрос о необходимости обоснования критериев выборки эмпирического материала¹.

Конечно, содержание криминалистической характеристики преступления имеют уголовно-правовые и криминологические аспекты, что не может, по нашему мнению, умалить ее практическое значение.

Криминалистическая характеристика, предворяя прочие элементы частной методики расследования, дает полную картину преступления,

¹ См. подробнее: *Лютынский А. М.* К вопросу о репрезентативности научных криминалистических исследований // Криминалистика в системе правоприменения: Материалы конференции. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 27–28 октября 2008 г. М., 2008. С. 473–475.

обобщенное видение наиболее значимых для организации расследования сторон.

Помимо практической значимости для потребителя-практика, она решает и методическую задачу, предоставляя информацию о конкретном виде или группе преступлений изучающему криминалистику будущему юристу. Некоторые авторы избегают употребления термина, используя для описания того же самого понятия другой термин, например, механизма преступления.

Представляется, что криминалистическая характеристика преступления является успешным примером применения теории криминалистического моделирования. Как научная категория, как система описания криминалистически значимых признаков преступления она нуждается в дальнейшем научном осмыслении и развитии.

Майлис Н. П.

Роль теории отражения при производстве экспертного эксперимента

Отражение — философская категория, сущностью которой является способность одних материальных объектов воспроизводить особенности других в процессе взаимодействия данных объектов друг с другом.

Важную роль в раскрытии сущности отражения в криминалистике, в том числе и в судебной экспертизе, сыграли многие известные работы Р. С. Белкина. Рассматривая понятие отражения с философской точки зрения, он отмечал, что «...отражение носит всеобщий и закономерный характер: в мире не существует принципиально не отражаемых объектов, процессов и явлений»¹. В ставшей уже эпохальной работе «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня» (2001). он выделяет три «кита» криминалистики — это: категория отражения, след и образ. При этом понятию след, он отводит одно из центральных мест в криминалистике. Относительно категории отражения, отмечает, что она является философским фундаментом криминалистической науки и лежит в основе возникновения следов, «отпечатков» преступного события. Достаточно подробно рассматривал Р. С. Белкин и понятие след и механизм следообразования, которые являются важными составляющими процесса отражения. Значимыми работами Р. С. Белкина являются работы, посвященные эксперименту. В них он подробно рассматривает сущность экспериментального метода исследования в следственной, судебной и экспертной практике и как научного метода, и как метода, используемого в деятельности процессуальных субъектов (следователя, судьи и эксперта). Детально исследуя сущность

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Норма, 2001. С. 50.

научного эксперимента, Р. С. Белкин отмечал, «...эксперимент в руках исследователя представляет собой более тонкий и эффективный метод познания, чем, например, наблюдение или другие методы исследования. ... Научный эксперимент представляет собой реальный процесс научной практики, позволяющий решить определенные теоретические или производственно-технические задачи».¹

Исходя из контекста обозначенной нами темы, более подробно остановимся на экспертном эксперименте, который играет важную роль при решении идентификационных, диагностических и ситуационных задач.

При производстве экспертного эксперимента преследуются специальные цели, отличающиеся от целей в следственном и судебном эксперименте. Так, следственный эксперимент предусматривает проверку версий, проверку собранных по делу доказательств, получение новых и другие. При следственном эксперименте использование специальных знаний не требуется, а при производстве экспертного эксперимента они необходимы. Проводя эксперимент при производстве экспертизы эксперт, исходя из поставленных перед ним задач, продумывает и осуществляет разные подходы при их решении.

При решении идентификационных задач, для получения наиболее адекватного отображения признаков проверяемого объекта, необходимо учитывать многие факторы. Среди них и условия, и следовоспринимающая поверхность, орудия и инструменты, если таковые не представлены в качестве сравниваемых объектов, насколько они адекватны тем, которыми оставлены следы в процессе произошедшего события. Если представлены, то необходимо установить, не изменились ли они за период после совершения преступления (умышленно или неумышленно) и т. п.

При решении диагностических задач решаются вопросы о способе, направлении, последовательности образования следов и многие другие. В таких случаях на условия отражения свойств и состояния объекта влияет правильное воспроизведение механизма образования следов и его возможности в конкретных условиях.

При решении ситуационных задач проводится более сложный экспертный эксперимент, т. к. при производстве ситуационной экспертизы устанавливается комплекс различных признаков, объектов частных ситуаций, из которых складывается целостная картина всего исследуемого события, установление механизма которого требует применения знаний интегрального характера.

Особую роль экспертный эксперимент играет при производстве трасологических экспертиз. Большое разнообразие объектов в трасологии,

¹ Белкин Р. С. Сущность экспериментального метода исследования в советском уголовном процессе и криминалистике. М., 1961.

требует в каждом случае подходить не только творчески, но и с хорошо продуманным планом его проведения.

Воспроизводя отображение признаков проверяемого того или иного объекта, определяя устойчивость отображения признаков в момент слеодообразования в зависимости от приложенной силы и свойств поверхности следовоспринимающего объекта, можно создать близкую картину слеодообразования с отображением исследуемых следов.

В ряде случаев невозможно воспроизвести точно такой же механизм образования следов в лабораторных условиях, тогда эксперту необходимо выехать на место происшествия и провести эксперимент в более сходных условиях. Полученные в равных или близких условиях признаки, позволяют в достаточно полном объеме осуществить идентификационное исследование благодаря методу сравнения.

Исходя из важности и необходимости проведения экспертного эксперимента, подтверждающего объективность и достоверность выводов, проверенных на многочисленных примерах из практики, нами было обоснованно и аргументировано предложение о выделении экспертного эксперимента в самостоятельную стадию при производстве экспертного исследования. Введенная в качестве самостоятельной стадия экспертного эксперимента является необходимой по ряду причин. Прежде всего, экспертный эксперимент позволяет не только расширять рамки наблюдателя, но и создать новые условия для изучения и выявления признаков. Благодаря тому, что эксперимент можно повторить множество раз, эксперт наблюдает за устойчивостью признаков в момент слеодообразования; отображения их в зависимости от приложенной силы и свойств поверхности слеодообразующего объекта. В процессе эксперимента эксперт может воспроизвести картину слеодообразования, учитывая характер отображения исследуемых следов. Анализ и синтез полученных в результате экспертного эксперимента признаков, позволяет в полном объеме провести сравнительное исследование.¹

Познавательным является и рассмотрение такого важного тактического приема, как реконструкция при проведении эксперимента. В рамках экспертного эксперимента реконструкция произошедшего события производится на основе решения ситуационных задач при комплексном изучении вещной обстановки места происшествия и ранее проведенных экспертиз.

В современных условиях достижений научно-технического прогресса, общим для проведения эффективной реконструкции

¹ Майлис Н. П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс. М.: ЮНИТИ. Закон и право, 2015. С. 106.

события преступления, осуществляемой следователем и экспертом, является компьютерное моделирование. Оно имеет широкие возможности при реконструкции события преступления, достоверного определения механизма его совершения и установления истины по делу.

Эксперт в условиях дефицита информации посредством проведения серии экспериментов пытается воссоздать новую модель, приближенную к исследуемому объекту, добываясь при этом воспроизведения отобразившихся, например, в экспериментальном следе тех же признаков слеодообразующего объекта, что и в исследуемом. Достижение аналогичной модели возможно при правильно построенной гипотезе, содержательная часть которой определяет цели и задачи эксперимента.

Важным и перспективным в настоящее время при производстве экспертного эксперимента является комплексный подход, дающий положительные результаты. Благодаря такому подходу в рамках экспертного эксперимента можно реконструировать произошедшее событие на основе решения ситуационных задач при комплексном изучении вещной обстановки места происшествия. В исследовании ситуации наряду со следами и иными объектами, составляющими вещную обстановку места происшествия, эксперты используют результаты анализа всех факторов, влияющих на механизм события происшествия (метеорологические условия, освещение, время суток, физическое состояние участников происшествия и др.).

Эксперт в заключении должен подробно описать условия проведения эксперимента. Так, например, при производстве трасологической экспертизы: на каком материале были получены следы, их количество и характеристики (форма, размеры, взаиморасположение, особенности и т. п.); на какой подложке, под каким углом были нанесены экспериментальные повреждения ножом при изучении колото-резаных повреждений и т. п. В баллистической экспертизе: сколько было произведено экспериментальных выстрелов, как отложилась копоть и порошинки в зависимости от расстояния до преграды и т. п. Эта стадия особенно важна при исследовании микро-трасс, которые всегда присутствуют, например, в следах взлома, на пулях и гильзах.

Выделенные Р. С. Белкиным направления производства эксперимента в криминалистике являются на сегодняшний день основополагающими и, безусловно, будут дополняться новыми данными при изучении новых видов преступлений и новых объектов преступной деятельности.

Изучая и опираясь на научное наследие Р. С. Белкина, следует и дальше совершенствовать имеющиеся теоретические и методические направления и развивать новые.

Майорова Е. И.

Р. С. Белкин о судебно-экологических исследованиях

Вспоминая Рафаила Самуиловича Белкина, нельзя ограничиться формальными фразами, принятыми в подобных обстоятельствах. Ученики, коллеги и друзья находят сердечные слова, которые в обычной жизни обычно не употребляются. В отношениях с людьми он не мерил чувства «мелкой меркой», всем сполна доставало его дружеского участия, сопереживания, конструктивных советов. Он буквально фонтанировал креативом, благодаря масштабному мышлению смело прокладывал новые пути развития науки. Его заслуги в области криминалистики и судебной экспертизы общеизвестны. Но Рафаил Самуилович никогда не был зашоренным кабинетным ученым, не замыкался в научных проблемах. Он живо откликнулся на все новации, обладал колоссальной начитанностью и сам создавал интереснейшие научно-художественные произведения, в которых наряду с профессиональной эрудицией, проявлялось присущее ему особое, тонкое чувство юмора.

Несмотря на приземленность бытия, хочется верить, что этот мощный ум продолжает витать среди нас, питать своими идеями. Рафаила Самуиловича уже больше шестнадцати лет нет с нами, но воспоминания о нем, его предвиденья продолжают его жизнь.

Одним из таких гениальных прогнозов являлось провозвестие большого будущего судебно-экологическим исследованиям. Это было тем более ценно, что юристы, с некоторым недоверием принявшие становление судебно-биологической экспертизы, не желали слышать о судебно-экологических исследованиях, как о чем-то непонятном и надуманном. Юристы, работающие в области судебной экспертизы, не осознавали всю масштабность экологии, а биологи наоборот, видели ее необъятность и страшились сложности.

Помощь пришла, откуда не ждали. Эксперты-химики Ташкентского НИИСЭ поддержали идею биологов ВНИИСЭ, хотя и в ограниченном виде. Судебно-экологические исследования рассматривались ими как выявление промышленных загрязнений — проблемы, весьма актуальной для данного региона. Обсуждение этого вопроса с профессорами Р. С. Белкиным и Б. И. Пинхасовым, в то время директором ТашНИИСЭ, выявляло широкие горизонты применения эколого-экспертных знаний. Примечательно, что ташкентские эксперты-биологи соглашались рассматривать наличие загрязнений только в качестве еще одного признака, «работающего» при решении диагностических и идентификационных задач СБЭ. Что касается представителей так называемой «украинской школы» экспертов-биологов, то украинцы остались при собственной точке зрения. Она заключалась в необходимости выявления как можно большего количества признаков, в том

числе, внутривидовых, на микрочастицах биологического объекта, и констатации или отрицании «одинаковости». Особенности объекта, обусловленные экологическими факторами, влиянием внешней среды, ими высокомерно игнорировались

Тем не менее, эксперты-биологи ВНИИСЭ продолжали создавать эмпирическую базу для возникновения и развития СЭЭ. По лабораторному плану проводились научно-исследовательские работы с целью выявления признаков влияния на окружающую среду таких опасных объектов, как транспортные магистрали и полигоны ТБО¹.

Так обстояло дело с весьма неопределенной возможностью создания нового раздела экспертиз — судебно-экологической, когда Р. С. Белкин был приглашен во ВНИИСЭ на должность заведующего отделом теории.

На протяжении всего времени его работы, к сожалению, весьма короткого, ежемесячно происходили «мозговые штурмы» актуальных теоретических проблем судебной экспертизы, в частности, относящихся к судебно-биологической тематике. Участие в обсуждении ведущих ученых-биологов из МГУ им Ломоносова, Института им. Северцова, МГУ Леса расширяло рамки рассматриваемой проблематики, углубляло проникновение в предметную область биологии, высвечивало новые возможности организации прикладной деятельности. С другой стороны, участие ученых, работающих в области теории судебной экспертизы, направляло дискуссию в русло осмысления возможностей биологии для решения задач криминалистики. Высокий профессиональный уровень обсуждения позволял всесторонне осветить различные аспекты рассматриваемой темы, по-новому взглянуть на устоявшиеся положения, найти компромисс между, казалось бы, несовместимыми постулатами различных наук.

Экологические проблемы занимают все большее место в жизни современного человека и всего общества — в промышленности, экономике, политике. Ведь человек — тоже часть природы, и если гибнут природные экосистемы, его ожидает печальное будущее: голод, болезни, мутации и в конце концов — гибель как вида. Поэтому роль предупреждения экологических правонарушений и борьбы с их последствиями возрастает. Возникновение рода или даже класса экспертиз, целью которого являлись исследования в экологической сфере, в связи с увеличением антропогенной нагрузки на окружающую среду представлялось весьма актуальным. Крепло убеждение в необходимости создания нового комплексного раздела экспертных исследований — судебно-эколо-

¹ Майорова Е. И., Быстрова О. Н. Некоторые особенности накопления тяжелых металлов тканями листовых пластинок различных древесных и кустарниковых пород. // Экспертная практика и новые методы исследования. М., 1994. С. 15–25; Майорова Е. И., Правдолюбов И. Г. О возможностях судебно-экологических исследований объектов окружающей среды // Экспертная практика и новые методы исследования. М., 1995. С. 23–30.

гической экспертизы (СЭЭ), в основе которого лежало исследование биологической системы — экосистемы, или био(гео)ценоза¹.

В силу широты мышления профессор Р. С. Белкин признавал перспективность судебно-экологических исследований. Вместе с тем он предвидел и трудности, возникающие при интеграции экономического, биологического, административного и хозяйственного аспектов природопользования с включением правовых норм, регулирующих отношения в сфере охраны окружающей среды. Еще в те времена, когда не было изжито советское представление о неисчерпаемости российских природных ресурсов, он высказал предположение о необходимости не только выявлять нанесенный экологический вред, но и рассчитывать его стоимость для последующего взыскания с нарушителя. Он рассматривал экологический вред как любое ухудшение состояния окружающей среды, произошедшее вследствие нарушения правовых экологических требований, и связанное с ним любое умаление охраняемого законом материального и нематериального блага, включая жизнь и здоровье человека, имущество физических и юридических лиц.

Уже после признания СЭЭ самостоятельным разделом экспертных исследований эксперты довольно долго ограничивались лишь констатацией факта нанесения экологического вреда и установления его значительности. В настоящее время согласно вопросам следствия и суда все чаще возникает необходимость определения стоимостного размера нанесенного ущерба. Тем самым профессор Р. С. Белкин предвосхитил формулу «загрязнитель платит» и как будто предвидел создание широко востребованного в настоящее время в рамках СЭЭ экспертного направления «Исследование экологического состояния объектов окружающей среды в целях определения стоимости восстановления».

Выделение СЭЭ в качестве самостоятельного раздела экспертных исследований явилось закономерным завершением широких и бурных обсуждений, имевших начало в отделе теории ВНИИСЭ с участием и под руководством Р. С. Белкина. В ходе дискуссий реализовывалась прогностическая функция судебной экспертизы — определялись более масштабные возможности ее применения.

Сейчас СЭЭ — широко востребованный раздел экспертных исследований, зарекомендовавший свою роль и значимость в современных реалиях. Такие ее подразделы, как «Исследование экологического состояния объектов почвенно-геологического происхождения», «Исследование экологического состояния естественных и искусственных биоценозов», «Исследование экологического состояния объектов городской среды», «Исследование экологического состояния водных объектов»,

¹ Биогеноз отличается от экосистемы определенностью своего объема. Экосистема может охватывать пространство любой протяженности, а биогеноз — определенный участок территории, что и является предпосылкой существования СЭЭ.

охватывают практически все основные элементы природной среды. Однако процесс формирования СЭЭ далеко не завершен. Возможно возникновение новых направлений экспертных исследований в рамках перечисленных видов, учитывающих спектр негативных антропогенных воздействий на природные элементы. Возможен и переход производства СЭЭ на новый уровень — геномный, молекулярный.

На этом пути существуют многочисленные трудности, обусловленные генетическими различиями комплекса естественных и юридических наук, сложностью их синтеза и комбинирования, организационными моментами. В такие моменты особенно остро ощущается отсутствие такого мощного генератора идей, как профессор Р. С. Белкин. Его величайшей заслугой в области создания нового класса экспертиз — СЭЭ — явилось умение, не отходя от основных постулатов криминалистики и судебной экспертизы, неожиданным образом расширить горизонты экспертной деятельности, приветствовать зарождение новых тенденций, отвечающих потребностям судебно-следственной практики и содействовать их воплощению.

Макаренко И. А., Арпентьева М. Р.

Контактная детекция идеальной следовой информации в судебной экспертизе

Детекция идеальной следовой информации — одна из наиболее интересных и перспективных областей работы вриикатора-полиграфолога. В этой работе, однако, множественные трудности создаются отсутствием разработанных и известных технологий. Целью данной работы, поэтому, является разработка технологии контактной детекции идеальной следовой информации в судебной экспертизе¹. Ведущим инструментом здесь является полиграф. Полиграф («lie detector») — техническое устройство, применяемое при осуществлении инструментальных психофизиологических исследований для синхронной регистрации параметров дыхания, сердечно-сосудистой активности, электрического сопротивления кожи, а также, при наличии необходимости и возможности, других физиологических параметров с по-

¹ Арпентьева М. Р. Адвокатское расследование и экспертный профайлинг // Адвокатская практика. 2017. № 1. С. 3–8.; Ищенко Е. П. Криминалистика: краткий курс. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»; ИНФРА-М, 2003. С. 10, 42; Мочагин П. В. Особенности лжи, обмана, неправды как отдельные критерии, формирующие идеальную криминалистическую следовую информацию, выявляемую в ходе полиграфных проверок // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 4. С. 151–156; Профайлинг и медиация: сферы, ценности, технологии, обучение. Коллективная монография. Серия «Актуальные проблемы практической психологии: кризис, развитие, поддержка». Вып. 2 / отв. ред. М. Р. Арпентьева. Калуга: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Эйдос, 2016. 290 с.

следующим представлением результатов регистрации этих параметров в аналоговом или цифровом виде, предназначенном для оценки достоверности сообщенной информации. Основные сферы применения полиграфа таковы: 1) расследования (выяснение к совершенному событию или выявление достоверности свидетельских показаний относительно совершенного противоправного действия); 2) скрининговые расследования (профилактические проверки трудоустраивающихся граждан, либо уже работающего персонала на выявление факторов риска, например, злоупотребление алкоголем, долги и кредиты, хищения и т. д., способных негативно отразиться на деятельности компании или служебного подразделения). Эффективность полиграфов активно дискутируется как в научном сообществе, так и в практике, однако, ведущим выводом дискуссии являются заключения о важности технологий работы с полиграфом верификатора. В обзоре Национального исследовательского совета отмечалось, что в популяциях, «не обученных контрмерам», тесты на полиграфе относительно конкретных происшествий позволяют отличать ложь от правды, однако, не вполне 100% точно. Этот обзор также отметил проблемность обобщения этих данных, ради того чтобы оправдать использование полиграфов — «точность полиграфии для целей скрининга всегда ниже, чем то, что может быть достигнуто с помощью конкретных испытаний на полиграфе на местах». Поэтому необходимо принимать контрмеры для формулировки обманчивых заключений и обобщений¹. Полиграфическое тестирование предназначено для анализа физиологических реакций субъектов. Тем не менее, многочисленные исследования показали, что не существует конкретной и единственной физиологической реакции, жестко связанной с ложью, и что активность мозга и механизмы, связанные с ложью, неизвестны, затрудняют, как и в случае неинструментальной верификации / профайлинга, однозначную идентификацию факторов, которые отделяют лжецов от говорящих правду. Эксперты по полиграфологии также обычно предпочитают использовать свой собственный индивидуальный метод оценки, в отличие от компьютеризированных методов, поскольку так они могут более легко оправдываться свои собственные умозаключения, а те, в свою очередь, могут более легко оказаться фикциями². Так, интересно, то как и в иных тестированиях, наблюдаются эффекты смещения: исследования вероятной лжи показали «предвзятость» полиграфа в отношении к невиновным субъектам: они могут быть просто не в состоянии даже подумать о лжи, связанной с тем или иным вопросом, и, потому, «автоматически» проваливают

¹ The polygraph and lie detection. Washington, D.C: National Academies Press. 2003. P. 4–5.

² Iacono W. G. Effective policing: Understanding how polygraph tests work and are used. Criminal Justice and Behavior. 2008. № 35 (10). P. 1295–1308.

тест. Более того, подозреваемые могут начать сомневаться в своей невиновности сами, настолько они иногда верят в миф о суперэффективности полиграфа и настолько границы правды и лжи часто размыты. В мире нормальных отношений все многозначно, а полиграф требует однозначности. При том вероятность неверных результатов растет тем больше, чем более общими становятся сами вопросы и задачи детекции. Ложь и правда — взаимоиключающие социальные понятия, появление которых было обусловлено необходимостью коллективного общения людей, однако, в отношениях людей правда и ложь часто неотличимы и взаимозаменяемы. Помимо предположений о возможной виновности испытуемых на результат проверки на полиграфе могут повлиять другие субъективные факторы, например, симпатия или сочувствие к подозреваемым, «эффект ореола» и иные влияния «профессиональной мудрости / компетентности» профайлера. Поэтому уже с самого начала, когда У. М. Марстон — талантливый американский ученый, юрист, психолог, разработал принципы «Детектора лжи», он создал и первые технологии детекции: например, классическую классификацию DISC (D-Dominance, I-Inducement, S — Submission, C-Compliance). В России интересны исследования А. Р. Лурии: он усовершенствовал распространенный в экспериментальной психологии в первой половине XX века ассоциативный метод и, работая в лаборатории при прокуратуре, применил метод для выявления скрываемой информации у лиц, совершивших тяжкие преступления. Однако, вскоре полиграф был объявлен ненаучным.

Разрабатывая данную методику, можно опереться на представление том, что преступное деяние всегда есть целостное социально-правовое явление, реализуемое в материальной среде и детерминирующие интегративную совокупность причинно- следственных изменений, следов преступления, имеющих материальную и нематериальную (идеальную) этиологию. В практике расследований криминалистические методы направлены преимущественно на обнаружение, фиксацию, изъятие и исследование различных видов материальных следов. В отношении же детекции идеальных следов, понимаемых как криминалистически значимая информация, воспринятая и запечатленная человеком в виде мысленных (памятных) образов в нейрональный след того или иного события в виде энграммы (т. е. следа памяти, как нейрофизиологического отражения информации конкретного внешнего события, представленного в сознании как образ этого события), объективная сложность обусловлена недоступностью идеальных следов для непосредственного восприятия и объективной фиксации, а также включением субъективных моделей надежности и мотивации носителя энграмм памяти. При отсутствии у следователя или судьи информации, поступившей из независимых источников, оценить надежность, полноту и качество воспроизведенной информации идеальных следов порой невозможно.

В отношении субъектных моделей надежности носителя идеальной следовой информации первостепенную значимость представляет детекция потенциальной способности к адекватному отображению окружающей действительности и передачи сведений, известных ему непосредственно или опосредованно. В отношении же субъектных моделей мотивации носителя идеальной следовой информации детекция необходима для обнаружения инсценировки (под инсценировкой автор понимает осознанную, намеренную симуляцию определенных обстоятельств, переживаний, поведенческих и речевых моделей, с диагностическим генезисом в определении поведенческих коррелят двух дихотомичных векторов: естественность-неестественность; конгруэнтность-неконгруэнтность поведенческого ряда событию и отреагированию на это событие) в виде утаивания (поведенческая реализация мотивационной запланированности на количественные и качественные границы подаваемой информации) и (или) фальсификации (искажение путем сообщение сведений или части сведений, заведомо не соответствующих действительности) уголовно-релевантной информации¹.

Решение задачи детекции идеальных следов преступления на современном этапе частично осуществляет судебно-психологическая экспертиза с применением полиграфа. Однако, отсутствие четко закрепленного методологического подхода к производству таких экспертиз, широкий спектр ограничений возможности использования инструментальной детекции к той или иной категории лиц, а также невозможность исследования инструментальными методами субъектных моделей надежности носителя идеальной следовой информации, с учетом отсутствия единой практики оценки судами заключений данного типа экспертизы как доказательства, делают остро актуальными требования к повышению объективности, всесторонности и полноты исследований в области детекции идеальной следовой информации.

Указанная проблематика логично решается вхождением в систему методов и средств криминалистики экспертных технологий, носящих комплексный, интегративный характер, отвечающих требованиям валидности и надежности, научной обоснованности, с возможностью эффективно и гибкого их применения в различных вариантах экспертных исследований в рамках первичных, дополнительных, повторных, единолично выполненных/комиссионных психологических, психофизиологических, комплексных психолого-психофизиологических, психолого-психиатрических, психолого-сексологических, психолого-лингвистических экспертных освидетельствований.

¹ Макаренко И. А. Технология контактной экспертной детекции идеальной следовой информации в судебной экспертизе // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2. С. 333–339.

В рамках профессиональной научно-исследовательской деятельности АНО ДПО «Академия Детекции Лжи», практической экспертной деятельности по уголовным, гражданским делам и материалам проверок, а также исследований в рамках оперативно-розыскных мероприятий по материалам оперативно-поисковых дел «Экспертного бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа» разработан и апробирован интегративный диагностический комплекс детекции идеальной следовой информации у лиц с различным процессуальным статусом методами комплексной психолого-психофизиологической контактной верификации¹. Данный комплекс методологически включает в себя последовательность из бесконтактных и контактных методов диагностики:

1) Бесконтактные методы представлены дистанционной диагностикой по материалам проверки, материалом оперативно-поисковых дел с целью составления ориентировочного профиля личности и ведущей мотивации к даче показаний по расследуемому событию, либо отказу от них, а также ориентировочного профиля степени и качества владения информационными, пространственными, статическими, динамическими и временными характеристиками излагаемых носителем следовой информации событий.

2) Контактная диагностика идеальной следовой информации эффективно решается следующим последовательным диагностическим комплексом:

1. Объективное нейропсихологическое обследование. Результаты данного анализа позволяют оценить уровень сформированности высших психических функций в соответствии с нормативными базами для выявления степени сохранности потенциальной способности обследуемого лица к адекватному восприятию и переработке полученной слухоречевой, кинестетической, визуальной (зрительной) и полимодальной информации.

2. Психопатологическое освидетельствование патогенеза личностной и эмоционально-волевой сфер. Результаты данного анализа позволяют сделать вывод о том, способно ли обследуемое лицо адекватно отображать окружающую действительность, запоминать воспринятое и пережитое, сохранять в памяти эти сведения; способно ли к узнаванию ранее воспринятого как в отношении предметов и явлений неживого мира, так и в отношении живых объектов, способно ли воспроизводить ранее воспринятый материал; способно ли в полном объеме понимать

¹ Макаренко И. А. Экспертный метод детекции идеальной следовой информации путем ретроспективной диагностики динамики психоэмоционального статуса личности // Академия Детекции Лжи. 2015. <http://akademy-dl.ru/section/press-centr1/publikacii-nashih-ekspertov/ekspertnyj-metod-detecii-idealnoj-sledovoj-informacii-putem-retrospektivnoj-diagnostiki-dinamiki-ps> (дата обращения 10.10.2017); Шитшин С. С. Ретроспективная диагностика психического состояния человека // Методы психологии: материалы II Всерос. науч. конф. по психологии РПО. Ростов-на-Дону, 1997. С. 281–283.

суть происходящего, адекватно воспринимать людей, события и время, в котором эти события происходили; ориентировано ли обследуемое лицо в реальности, способно ли понимать и сознательно отображать контекст (социальный и правовой) происходящих событий — то есть ответить на один из ключевых вопросов исследования: способно ли обследуемое лицо к даче адекватных (соответствующих воспринятому) показаний. Совокупный вывод по первому и второму этапу позволяет определить наличие либо отсутствие противопоказаний к внеинструментальной детекции информации и психофизиологическому исследованию с использованием полиграфа.

3. Диагностический личностный профайлинг (диагностическое обследование с целью построения индивидуально-специфического кластера личности обследуемого лица). Результаты данного анализа позволяют составить профиль индивидуально-специфического кластера личности обследуемого лица для анализа его статических индикаторов и их соотношения с профилем поведенческой активности лица, совершившего исследуемое преступление (для подозреваемых либо обвиняемых), либо лица, в отношении которого совершено преступление (для потерпевших), а также для анализа вероятности соответствия статических индикаторов с заявленной обследуемым лицом его поведенческой активностью. Для категории дел, связанных с расследованием преступлений против половой неприкосновенности, результаты данного метода дадут возможность диагностики специфики патогенеза посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и иных специфических синдромокомплексов. Для категорий дел с возрастным порогом, начиная со школьного возраста обследуемого лица вне зависимости от его процессуального статуса, результаты данного анализа в связи с применением специализированного метода ретроспективной диагностики динамики психоэмоционального статуса личности, дадут возможность диагностировать достоверность показаний обследуемого лица относительно наличия у него эмоциональных энграмм памяти, о которых он сообщает в рамках расследуемого события.

4. Контактная внеинструментальная верификация поведенческой инсценировки. Результаты данного этапа диагностируют наличие либо отсутствие специфических диссоциативных, деперсонализированных и дереализированных комплексов и поведенческих паттернов, барьеров коммуникации, возможные нарушения поведенческих векторов кластерной аутентичности, структуру зонной распределяемости сигналов глазного доступа, особенности осознанно выбранной коммуникативной позиции, структуру специфической нейропсихологической дефицитарности и психофизиологической заинтересованности орбитофронтальной коры головного мозга и иннервации нейронной зоны «детектора ошибок» передней поясной извилины лобовой части коры полушарий головного мозга в поведенческой реализации психического статуса

в рентном блоке, структуру кинезиологической (мимика и пантомимика) естественности и конгруэнтности, психолингвистическую распределяемость идентификационных критериев владения информационными, пространственными, статическими, динамическими, временными характеристиками расследуемого события.

5. Специальное психофизиологическое исследование идеальной следовой информации с применением полиграфа. Результаты данного этапа обследования позволяют объективно обнаружить наличие (или отсутствие) умышленных искажений при материализации основных, принципиально важных для раскрытия и расследования преступления обстоятельств, выявить наличие или отсутствие, структуру, наполненность и способ получения носителем идеальной следовой информации, уликовых знаний — частные признаки преступления, которые может доподлинно знать только лицо непосредственно имеющие отношение к данному событию, либо лицо имеющее точную осведомленность.

Контактная инструментальная и внеинструментальная детекция идеальной следовой информации эффективно реализуется следующими методами: верификация международного стандарта FAINT («Опросная беседа судебной оценки» Н. Гордона), CQT («Метод вопросов сравнения» Д. Рейда), мониторинг реальности Sporer S. L., прикладной анализ поведения (applied behavior analysis), критериальные методы анализа достоверности-недостоверности информации Белянина В. П., Закатова А. А., Гаврилова Н. И. Панкина А. И., Шаповалова В. А., психоэмоциональный анализ лицевой экспрессии с использованием FACS, EmFACS, FACSaid (системы кодирования лицевых движений международного стандарта); четырехэтапный психологический кластерный анализ кинезиологической и речевой вариативности по методологическому подходу С. Б. Уолтерса с расширенным комплексным клинико-лингвистическим анализом устной речи (паралингвистический анализ, прагматический анализ; психо-семантико-синтаксический анализ, трансформационистский анализ); метод «Оценки валидности утверждений», экспертный метод детекции идеальной следовой информации путем ретроспективной диагностики динамики психоэмоционального статуса личности, тесты СПФИ, построенные по методике контрольных вопросов (МКВ или «Comparative Question Test») и по методике скрываемой информации (МСИ), в конфигурациях на усмотрение эксперта или специалиста, руководствуясь требованиями методологических источников с обязательной оценкой всей диагностической базы с помощью методов математической статистик, в том числе с расчетом эмпирической вероятности события при независимых испытаниях¹. Описанный комплекс в полной мере отвечает

¹ Макаренко И. А. Методология комплексной экспертной детекции психолого-психофизиологических признаков достоверности/недостоверности показаний лиц

законодательным принципам полноты, всесторонности, объективности и научной обоснованности исследования в соответствии с требованиями Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса РФ: во-первых, решает задачи методологического уровня, так как опирается на признанные в научном мире теоретические и практические специальные познания в областях клинической психологии, физиологии центральной нервной системы, физиологии высшей нервной деятельности и сенсорных систем, психофизиологии, специальной психологии, юридической психологии, экспериментальной психологии и интегрирует их; во-вторых, позволяет при осуществлении исследования изучить все факторы, качества и свойства, влияющие на исследуемые параметры, синтезировать полученные результаты и получить категоричный вывод; в-третьих, увеличивает валидность и надежность экспертного исследования, что минимизирует возможность искажения результатов исследования и гипотетическую вероятность ошибки в выводах эксперта вплоть до ее исключения; в-четвертых, эффективно решает поставленные процессуальные задачи при обследовании лиц, имеющих противопоказания к процедуре тестирования на полиграфе, либо отказавшихся от этого исследования, а также при проведении судебных психологических исследований и экспертиз бесконтактными методами.

Макаренко И. А.

Нравственные основы воздействия следователя на участников вербальных следственных действий

Любое общение представляет собой процесс двустороннего воздействия общающихся людей. Методы и средства психологического воздействия многочисленны, однако, полагаю, что в рамках уголовного судопроизводства они должны быть допустимыми и правомерными.

Анализируя мнения ученых относительно допустимости и правомерности использования приемов психологического воздействия, с сожалением надо признать, что в конце двадцатого века к нравственным критериям производства предварительного следствия было более

с различным процессуальным статусом. Научные труды Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. 2015. Калуга: Издательство КГУ им. К. Э. Циолковского, 2015; *Холодный Ю. И., Орлов Ю. К.* Типовая методика производства психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. М.: Академия следственного комитета РФ, 2013; *Холодный Ю. И., Подшибякин А. С.* Криминалистическая полиграфология — новое направление в криминалистике, занимающееся исследованием «идеальных следов» // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всероссийский «круглый стол», 20–21.07.2002. Сборник материалов к 200-летию МВД России. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2002. С. 296.

трепетное отношение, нежели в настоящее время. Тот период ознаменован многочисленными теоретическими работами, посвященными этическим основам следственной тактики и критике профессиональной деформации работников правоохранительных органов. Сейчас к этим проблемам относятся несколько иначе. Объяснением этому служат многие факторы и, в первую очередь, падение нравственности в обществе в целом, обыденное отношение к обману и насилию, раскрытие преступления любым способом при отсутствии опыта работы и т. д.

И в этой связи возникает вопрос об установлении границы между правомерным психологическим воздействием и психическим насилием. Процессуальным решением этого вопроса является статья 164 УПК, запрещающая применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в следственных действиях лиц. Однако, по мнению Р. С. Белкина, внимательный анализ данного положения закона позволяет обнаружить его двусмысленность и неточность. И далее профессор Р. С. Белкин обосновал свой вывод следующим. Во-первых, насилие может быть не только противоправным, но и правомерным. Во-вторых, угроза есть форма насилия — психического, поэтому ее можно было специально не упоминать в законе наряду с насилием. В-третьих, и угроза может быть правомерной, даже специально предусмотренной законом. Подобной угрозой, причем, весьма реальной и достаточно серьезной, служит обязательное предупреждение при допросе свидетеля и потерпевшего об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний.

Упоминание в законе об «иных незаконных мерах» никак не раскрывается и не комментируется. Это и послужило причиной многочисленных дискуссий и разногласий по поводу допустимости ряда тактических приемов психического воздействия.¹

По мнению А. Р. Ратинова, «правомерное воздействие отличается от психического насилия наличием у подвергающегося воздействию лица свободы выбора той или иной позиции»,² то есть при правомерном воздействии существует свобода выбора между дачей правдивых или ложных показаний или отказа от дачи показаний. Между тем, как представляется, такой же выбор возможен и при психическом насилии. Разница заключается в том, что в этом случае для выбора желаемого поведения необходимо более сильное внутреннее сопротивление допрашиваемого воле следователя.

Психологическое воздействие на участника уголовного судопроизводства не должно создавать атмосферу сильной психической напряжен-

¹ См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Норма, 2001. С. 99–100.

² Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 164.

ности. По мнению психологов, состояние психической напряженности может быть двух видов — операциональное и эмоциональное. В основе операциональной психической напряженности лежит преобладание процессуальных мотивов деятельности, она оказывает мобилизующее влияние на индивида и способствует сохранению высокого уровня работоспособности. Развитие состояний эмоциональной психической напряженности характеризуется выраженной отрицательной эмоциональной окраской поведения, ломкой мотивационной структуры деятельности и приводит к снижению ее эффективности и дезорганизации.¹

Нельзя допускать и полное отсутствие психической напряженности в процессе производства вербальных следственных действий с некоторыми участниками уголовного судопроизводства. Оно должно иметь определенное место при допросе подозреваемых, обвиняемых, лжесвидетелей и некоторых других в зависимости от процессуального положения и возраста участника. Отсутствие такой напряженности может привести к возникновению чувства безнаказанности и безответственности, что также недопустимо. С другой стороны, нужно знать меру и не переходить границы, когда психическая напряженность перерастает в свою высшую степень и превращается в психическое насилие.

К созданию обстановки сильного психического напряжения может привести форсированный или замедленный темп допроса, разжигание конфликта, запугивание, например, некоторые оперативные работники начинают опрос с уточнения у опрашиваемого, не боится ли он, что его дети могут остаться без папы, и др. Созданию сильной эмоциональной психической напряженности может способствовать и поведение следователя в ходе допроса, например, повышенный тон, грубость, агрессивность и т. д.

К описываемому состоянию может привести и нарушение так называемого «персонального пространства». Психологами установлено, что каждый человек имеет вокруг себя такое пространство, в которое не должны вторгаться другие люди. Интимное пространство в радиусе от 0 до 45 см используется при общении самых близких людей; персональное пространство от 45 до 120 см используется при обыденном общении со знакомыми людьми. Социальное расстояние от 120 до 400 см предпочтительно в общении с чужими людьми или при официальном общении.²

Психолог Д. Фаст, анализируя данную проблему, определил, что «вторжение на личную территорию, когда полицейский офицер с каждым последующим вопросом все ближе надвигается на допрашиваемого, является чрезвычайно эффективным средством, помогающим сломить сопротивление. Когда ресурсы человека, направленные на

¹ См.: Психология. Словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. С. 230.

² См.: *Китаев-Смык Л. А.* Психология стресса. М.: Наука, 1983. С. 298.

защиту личной территории, слабеют либо подвергаются атаке извне, его уверенность в себе уменьшается».¹

Учитывая вышесказанное, необходимо отметить, что показания — не единственный источник доказательств, более того, «сопротивление» расследованию, например, таких участников как подозреваемый, обвиняемый не только законно, но и естественно с психологической точки зрения. В силу этого, пример с вторжением в личное пространство, которое может привести к сильной эмоциональной психической напряженности участника уголовного судопроизводства, можно рассматривать и как элемент психического насилия над ним.

Поскольку, как представляется, даже при психическом насилии у лиц с сильным характером все же остается свобода выбора того или иного поведения в процессе расследования, мы считаем более целесообразным охарактеризовать психическое насилие как такое воздействие, которое затрудняет выбор желаемого для участника уголовного судопроизводства поведения.

На основании изложенного, под психическим насилием следует понимать любое воздействие на психику допрашиваемого, если оно противозаконно и безнравственно, влечет за собой состояние сильной эмоциональной психической напряженности и затрудняет выбор желаемого для него поведения.

Мы согласны с О. В. Полстоваловым, что применение психического насилия при производстве процессуальных действий влечет за собой ряд негативных последствий: искажение объективной истины по делу, невозможность ее достижения; необоснованные нравственные и физические страдания участников следственных и судебных действий; перекладывание бремени доказывания на лиц, которые по закону не обязаны выступать в роли субъектов уголовно-процессуального доказывания; деморализация сотрудников правоохранительных органов.²

Отдельно хотелось бы остановиться на допустимости такого средства психического воздействия как обман. Рафаил Самуилович, рассуждая о допустимости обмана на следствии, отметил мнения ученых, у которых отношение к этой проблеме диаметрально противоположное, привел примеры опросов практических работников, которые в большинстве своем используют обман в своей работе. В завершении анализа этого вопроса Р. С. Белкин пришел к выводу, что пора отказаться от абстрактно-лицемерного утверждения о том, что всякий обман, к которому прибегает следователь или оперативный сотрудник, — аморален.³ Абсолютно солидарна с профессором в том, что и раньше, и в настоящее

¹ *Фаст Джулиус*. Знак чувства бессловесный: пер. с англ. С. И. Ананина. Минск: ООО «Попурри», 1996. С. 50.

² См.: Полстовалов О. В. Основы профессионального общения следователя. Уфа: Гилем, 2005. С. 19.

³ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 102–107.

время обман использовался следователями и оперативными работниками для раскрытия преступления, но полагаю, если вообще отказаться от утверждения о том, что всякий обман аморален, признать, что некоторые виды обмана моральны и допустимы с нравственной точки зрения, то мы сотрем еще сохранившиеся в какой-то степени сдерживающие границы между аморальным и допустимым поведением сотрудников правоохранительных органов и вынуждены будем вообще прекратить обсуждать моральные основы и нравственные принципы предварительного следствия.

Максимович А. Б.

Вопросы совершенствования методики расследования хищений средств сотовой связи

В данной статье изучена проблема расследования хищений средств сотовой связи. Предложено широкое понимание объекта преступного посягательства, и соответствующих следов, рассмотрен способ совершения деяния и новый порядок осмотра. Данное исследование позволяет модифицировать существующие научные положения, в целях совершенствования методики расследования преступлений, связанных с средствами сотовой связи.

Первая сотовая система начала свою работу в районе Чикаго (США) в 1981 году¹ [1] а в России данный вид радиосвязи используется с 1992 года. За короткий период существования сотовая связь получила быстрое развитие и массовое внедрение. Сегодня в нашей стране — 151 активный абонент на 100 человек населения². Развитие сотовой связи и расширение предоставляемых услуг повлекло возникновение новых видов преступлений — хищение абонентских устройств, незаконный доступ к компьютерной информации, различные мошеннические действия.

Проблемам расследования деяний, где абонентские устройства выступают предметом преступного посягательства посвящены публикации В. Б. Батоева, В. В. Бычкова, Г. В. Семенова, А. В. Шебалина, и др.

Не умаляя работ данных ученых, следует отметить, что любая криминалистическая теория, должна постоянно совершенствоваться, базируясь на динамике социально-политических условий, развитие

¹ Никитин Г. И. Применение функций Уолша в сотовых системах связи с кодовым разделением каналов / Г. И. Никитин. СПб.: 2003. 6 с.

² Сотовая связь — рынок в России // TADVISER. 2017 URL: [http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B2%D1%8F%D0%B7%D1%8C_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)#2015](http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B2%D1%8F%D0%B7%D1%8C_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8)#2015) (дата обращения 22.10.2017).

информационных технологий и модификации правовых норм. Так, в настоящее время наряду с сотовыми телефонами широко применяются смартфоны и планшетные компьютеры, планшеты-телефоны. Существенному развитию подверглись стандарты сотовой связи. Соответственно, необходимо обновление методики расследования хищений средств сотовой связи.

Касаемо криминалистической характеристики преступлений, предлагается более широкое понимание основного его элемента, объекта преступного посягательства, так как средствами сотовой связи являются не только телефоны, но и новые виды абонентских устройств (телефоны, телефоны-смартфоны, планшетные компьютеры, телефоны-планшеты) и обеспечивающее связь оборудование (базовые станции и их составляющие).

Развитие сотовых систем, обусловило расширение пользовательских возможностей абонентских устройств, и соответственно появлению новых категорий следов, которые представлены в форме фото-видео файлов, мультимедийных программ и Интернет-соединений.

Одновременно, 21% анкетированных сотрудников следственных подразделений указали, что в их производстве преобладали уголовные дела, где хищение средства связи совершено в совокупности с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Соответственно, можно предложить рассматривать сопряженность с другими категориями деяний, как разновидность способа совершения преступлений.

Важно отметить, необходимость внедрения в данную методику положения об обстоятельствах, подлежащих установлению — правовые и криминалистические. Последняя группа включает — индивидуальные особенности похищенного средства сотовой связи: IMEI абонентского устройства или серийный номер другого оборудования, абонентский номер SIM-карты, и на какое лицо он зарегистрирован, пути возможного сбыта похищенного, факт установки на абонентском устройстве дополнительного оборудования (карты памяти, гарнитуры, внешняя камера, зарядное устройство, защитная пленка, внешний аккумулятор и пр.), наличие документов на похищенное (гарантийный талон, инструкция по эксплуатации) и заводской упаковки.

Кроме того, целесообразно понимание следственных ситуаций первоначально этапа расследования по признакам нахождения похищенного, места его обнаружения а также источнику криминалистической информации.

Существенной доработке нуждаются тактики и методики проведения отдельных следственных действий. В частности предлагается выделить следующие этапы осмотра средств сотовой связи и обеспечивающего оборудования: определение типа и вида, внешний осмотр корпуса (оболочек), установления факта исправности и подключения к теле-

коммуникационным сетям, внутренний осмотр, осмотр SIM-карты, сведений абонентского устройства.

Таким образом, приведенные предложения и рекомендации, призваны усовершенствовать методику расследования данного вида преступления, а также обуславливают необходимость дальнейших исследований этой проблемы, и выработки более эффективных положений, направленных на оптимизацию расследования преступлений, связанных с средствами сотовой связи.

Малыхина Е. А.

К вопросу о построении следственных версий при расследовании хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта

Первоначальный этап расследования — неотъемлемая часть, фундамент для дальнейшего направления хода расследования. В связи с этим, данному этапу необходимо уделять особое внимание. Его структура охватывается периодом от момента получения сообщения о признаках преступления и доследственной проверки до проведения всего комплекса первоначальных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий [4, с. 83]. Следует отметить, что содержание первоначального этапа расследования определяется следственной ситуацией, сложившейся в зависимости от времени, прошедшего с момента совершения преступления либо обнаружения его следов, предмета преступления, поведения лиц, предположительно совершивших деяние, свидетелей и некоторых иных обстоятельств [7, с. 21].

Очевидно, первоначальные следственные действия можно определить как оптимально выбранные на основе анализа сложившейся следственной ситуации процессуальные действия, проводимые в целях раскрытия и расследования совершенного преступления. Для данного этапа характерно выстраивание следственных версий, которые можно охарактеризовать как организационное начало процесса расследования, построенное на обоснованном предположении следователя и других компетентных лиц, относительно обстоятельств, имеющих значение для раскрытия и расследования преступления [6, с. 48].

В зависимости от вида совершенного преступного деяния и основных особенностей криминалистической характеристики преступлений, следователем составляется план совместных следственно-оперативных мероприятий по уголовному делу, и выдвигаются следственные версии. Построение следственных версий имеет особое значение для процесса расследования, ведь на их основе осуществляется все дальнейшие процессуальные действия. Таким образом, важно на начальном уровне проводить четкий анализ криминалистической характеристики престу-

пления исходя из имеющейся информации по делу на реальный момент времени. На этот счет достаточно точно выразился А. С. Князков, отметив, что криминалистическая характеристика преступления, рассмотренная как теоретическая основа следственной версии, представляет собой основу модели поисково-познавательной деятельности и является формой криминалистических целей следственного действия, а также выступает в процессе производства следственного действия средством криминалистического анализа причинно-следственных и иных связей между элементами преступного события [5, с. 91].

Говоря о расследовании хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта, необходимо отметить, что из всех видов именно данная разновидность транспорта заслуживает особого внимания в деятельности правоохранительных органов, в силу того, что занимает лидирующее место, как по пассажирообороту, так и в сфере грузоперевозок [2, с. 59]. Так, по делам указанной категории также необходимо уделять должное внимание построению следственных версий и составлению плана дальнейших следственно-оперативных мероприятий. Отметим, что предметом хищений по делам рассматриваемой категории, могут являться различные комплектующие детали, к которым относится целый спектр металлосодержащих элементов, таких как надрессорные балки, колесные пары, боковые рамы, иные детали транспорта. Исследуя подобные преступления уместно отметить их определенную индивидуальность, накладывающую отпечаток на предмет хищения, особенности личности преступника и место совершения деяния.

Обращаясь к практике, можно сделать определенный вывод о том, что в большинстве случаев субъектами хищений по делам указанной категории являются непосредственные работники железнодорожного комплекса, которые по роду своей деятельности обладают необходимыми познаниями для совершения преступлений данного рода. Также целесообразно учитывать и некоторые особенности типичных мест совершения таких хищений, которыми зачастую являются различные железнодорожные тупики и станции, ремонтные депо, а также всевозможные ремонтные цеха и железнодорожные отделения.

Так, следователь, имея некую информацию о статистических данных совершения хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта в целом, и проводя анализ сведений, имеющихся на настоящий период времени о конкретном хищении, может должным образом составить план основных следственных версий и определенных мероприятий по ним.

По делам рассматриваемой категории зачастую выдвигаются примерно одинаковые следственные версии, варьирующиеся в зависимости от конкретной сложившейся ситуации. К таким версиям могут относиться следующие:

- хищение комплектующей детали совершили неустановленные лица, проводившие технический осмотр и текущий ремонт локомотива;
- хищение комплектующей детали совершено в пути следования локомотива по маршруту на одной из станций;
- преступление инсценировано организацией, которой принадлежало похищенное имущество;
- хищение совершено работниками железной дороги, на станции, где был произведен последний плановый ремонт вагона;
- преступное деяние совершено работниками железной дороги, на станции, где был произведен текущий ремонт вагона;
- хищение комплектующей детали совершено машинистами локомотива;
- преступление совершено лицами, ранее привлекавшимися за аналогичные преступления или живущими вблизи железнодорожного полотна.

При составлении следственных версий, следователем также определяются мероприятия, общие для всех ситуаций, к таким процессуальным действиям по делам о хищениях комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта относятся:

- признание и допрос в качестве потерпевшего представителя организации ОАО «РЖД»;
- допрос в качестве свидетелей лиц, обнаруживших факт совершения хищения;
- выемка документов на похищенное имущество с подтверждением балансовой принадлежности организации, и их наличие на вагоне;
- выемка нормативных документов, регламентирующих деятельность машинистов, ответственных лиц за имущество локомотива;
- установление, отработка и допрос лиц, осуществлявших подготовку локомотива к проведению технического осмотра (ремонта);
- установление, отработка на причастность и допрос всех машинистов, которые осуществляли маршрут на локомотиве, где произошло хищение;
- установление и допрос в качестве свидетелей возможных очевидцев преступления;
- установление, отработка на причастность и допрос лиц, ранее судимых за аналогичные преступления, а также склонных к совершению преступлений из числа сотрудников ремонтно-вагонных депо;
- установление, отработка на причастность и допрос в качестве свидетелей сотрудников организации, которым принадлежит похищенная деталь;

- отработка пунктов приема металла, с целью установления местонахождения похищенного имущества;
- установление лиц, совершивших преступление.

Очевидно, что выстраивание следственных версий и общего плана расследования преступлений устанавливают определенные рамки, сужающие границы тех процессуальных действий, которые необходимо производить на этапе расследования уголовного дела, что, безусловно, упрощает работу следственных и оперативных подразделений, а также помогает очертить примерную линию поведения, которой необходимо придерживаться в целях эффективного раскрытия преступного деяния. В этой связи нельзя не согласиться с А. В. Вардьяном и И. И. Варовым, указавшими тот факт, что все следственные и иные действия, которые осуществляются в рамках каждой следственной ситуации, производятся исключительно с учетом процессуальных условий и тактических рекомендаций, специально предусмотренных положениями конкретной частной криминалистической методики [1, с. 8].

Таким образом, можно отметить, что на процесс расследования преступлений влияет большое количество различных факторов. Бесспорное значение играет эффективное проведение первоначальных следственных действий, качественный сбор информации, следов, предметов и веществ преступной деятельности на месте преступления. Данные мероприятия в дальнейшем помогут наиболее точно составить план следственно-оперативных мероприятий, а также выстроить следственные версии. Чем больше собрано информации о совершенном преступлении, тем качественнее и ближе к реальности построен процесс раскрытия и расследования уголовного дела. Разработка следственных и розыскных версий, несомненно, способствует качественному, эффективному и планомерному установлению истинных обстоятельств преступного деяния, в связи с тем, что данный процесс служит средством для определения конкретных целей расследования преступления [3, с. 170].

Следственные версии, равно как и запланированные следственно-оперативные мероприятия, в процессе производства процесса расследования могут меняться, производиться какие-либо корректировки, при обнаружении новой информации по уголовному делу не исключены некоторые дополнения плана намеченных следственно-оперативных мероприятий. Отметим, что при расследовании хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта выдвижение следственных версий имеет неоспоримое значение, одним из факторов этому утверждению служит тот факт, что дела данной категории достаточно типичны и схожи между собой, субъектами по рассматриваемым преступлениям в основном выступают лица, имеющие непосредственную связь с железнодорожным комплексом, мотивы совершения деяний практически всегда одинаковы, а построение плана и версий по

уголовному делу помогает систематизировать ход предварительного следствия, выстроить некий алгоритм расследования.

Мамедов Б. Г.

Тактика задержания организованной преступной группы, совершающей вымогательство посредством шантажа

Задержание организованной преступной группы, совершающей вымогательства посредством шантажа, серьезный момент процесса раскрытия и расследования преступления, поскольку является неким финалом периода изучения задерживаемых членов организованной преступной группы. Именно поэтому, к такому задержанию нужно подойти предельно внимательно, ибо после него возможности изучения личностей таких вымогателей будут находиться исключительно в плоскости следственного инструментария гласного характера, который, конечно же, не способствует откровенности вымогателей-шантажистов. Более того, это означает, что начиная задержание, мы практически лишаемся большой доли возможностей по установлению прочих, ранее не установленных членов преступной группы посредством проведения негласных следственных действий. Принятие такого решения в условиях дефицита времени, конечно же, является непростым. Вместе с тем, в ряде случаев оно является безысходным, поскольку в большей части случаев, в ходе расследования вымогательства совершенного посредством шантажа организованной преступной группой, на первоначальном этапе, до задержания, инициатива в развитии ситуации все же принадлежит представителям организованной преступной группы, поскольку именно они назначают момент выполнения их требований жертве.

Элементы следственной ситуации на этапе задержания складываются из вероятностей, возникающих по результатам деятельности лица осуществляющего расследование. Познание им сущности расследуемого события, его особенностей является следствием его же работы, выдвижением и постоянной проверки все новых версий.

Перечисляя такие виды следственных ситуаций, сгенерированных нами в качестве типичных для этапа предшествующего задержанию вымогателей — шантажистов, следует обозначить векторы, определяющие развитие самих следственных ситуаций. Такими векторами во многом следует считать низкую латентность события, попытки маскировки своей деятельности как законной.

На основе изложенного и в этой связи эти виды следственных ситуаций имеют следующий вид:

- Имеет место полная определенность следственной ситуации предшествующей задержанию. Известно не только место и время,

но и иные данные имеющее отношение к алгоритму контакта, передаваемым предметам или совершаемым действиям, а также к:

- личности всех членов организованной преступной группы;
- организатора;
- лица предъявляющего требования;
- курьера;
- лица, обеспечивающего сохранение режима исполнения требований вымогателей;
- водителя;
- помощника (в том числе выполняющего нотариальные функции)
- наблюдателя;
- заказчика.

Используемому ими арсеналу сил и средств:

- автотранспорт;
- оружие;
- специальные средства
- связь.

Сопутствующей информацией, необходимой для анализа следственной ситуации лицом, осуществляющим расследование, является знание им следующих данных о механизме контакта:

1) Механизм выполнения условий связан с:

- передачей денежных средств или предметов;
- подписанием документов о сделках;
- оказанием услуг

2) присутствием в ходе контакта:

- организатора;
- лица предъявляющего требования;
- курьера;
- «защитника» лица осуществляющего требования — крепкого парня;
- помощника;
- водителя;
- заказчика;
- наблюдателя.

3) по своему состоянию:

- имеет усложненную форму
- упрощенную форму

4) вымогатели готовы к негативному исходу контакта и могут оказать сопротивление

Как видно, представленный комплекс элементов вероятностей отличается от комплекса характерного для задержания вымогателей. Что определяется как формой контактной встречи, так и ее содержанием, отсутствием всякого рода «живых щитов» функции которой призвана выполнять сама компрометирующая информация. Есть изменения

и в составе функциональных участников такой организованной преступной группы. Кроме того, рассматривая следственные ситуации, связанные с задержанием вымогателей шантажистов нужно учитывать, что в отличие от задержания вымогателей-рэкетиров имеет место персонаж заказчика, который обеспечивает маскировку вымогательства иногда могущий принимать участие в ходе финальной контактной встречи. Вместе с тем, количество этих минимально указанных нами элементов расчета следственной ситуации в любом случае остается слишком велико для того, что бы последовательно описать все подвиды связанные с наличием или отсутствием конкретного элемента в конкретной же ситуации. Поскольку быть в состоянии полной определенности в абсолюте невозможно, а допуски частичного отклонения от этой величины предполагают и вероятности неполной определенности относительно каждого из перечисленных элементов, что делает вариативность данных следственных ситуаций уже полной, но невозможной к перечислению в объемах нашей работы ввиду требований к ней предъявляемым.

Попробуем последовательно рассмотреть особенности планирования задержания с поличным в вариантах указанных выше. Заметим, что обязательным фактором здесь является знание времени, места и алгоритма встречи, сущности предъявляемых требований, поскольку эти данные априори определяются вымогателями, прочие данные будут учтены лишь в качестве предположительных.

Давая характеристику периоду времени, назначаемого вымогателями для встречи, следует обратить внимание на то, что в отличие от вымогателей-рэкетиров вымогатели-шантажисты не в меньшей мере связаны свободным временем жертвы, а учитывая, частоту требований вымогателей шантажистов связанных с совершением услуги, они также более привязаны к периоду, когда жертва завершила свой рабочий день и может «побеседовать с шантажистами в непринужденной обстановке» В целом, это все то же вечернее время в период с 20.00–22.00.

При этом местом встречи обычно являются несколько уединенные от посторонних глаз объекты, к которым можно отнести VIP-комнаты клубах, ресторанах, бильярдных салонах. Именно в таких комнатах можно осуществить просмотр передаваемого жертве компромата, для того, чтобы последняя убедилась в факте исчезновения угрозы.

Забегая вперед, хочется отметить, что такие условия практически нивелируют роль наблюдателя, как участника организованной преступной группы в данном случае. Единственным условием успешного выполнения им функций является нахождение его возле самого помещения, однако в таком случае, его роль тоже может оказаться заметной посторонним, ибо таковые места нельзя охарактеризовать возможностью смешаться с толпой. Кроме того, такое предупреждение уже мало что дает членам организованной преступной группы находящимся в помещении, ибо к моменту, когда они об этом узнают, скорее всего, он уже

будет заблокировано группой захвата. Этот же фактор практически также нивелирует и роль водителя как члена группы вымогателей. Впрочем обычно она совмещается с ролью кого-либо из других обязательных участников группы вымогателей-шантажистов.

Наконец алгоритм встречи, как правило, имеет простой открытый характер, что делает фигуру курьера малораспространенной среди участников организованной преступной группы осуществляющей шантаж.

С организационной стороны, которое представляет планирование нужно учесть, что в случае с задержанием вымогателей-шантажистов проблемным его моментом остается определение баланса между необходимым количеством организационных составляющих задержания, его участников и скоростью его проведения, в ходе которого ни один из участников не успеет оповестить о нем кого-либо. Даже отсутствие так называемого «живого щита» предполагает, что в помещении клуба, ресторана или гостиничного комплекса могут оказаться лица сочувствующие вымогателям, либо отрицательно относящиеся каким-либо формам вмешательства в их отдых. В общей свалке, потасовке в тесном пространстве вымогатели могут попытаться уничтожить предмет своих преступных требований и даже выскользнуть самим, даже не смотря на блокирование выхода клуба. В качестве примера можно привести случай из личной практики, когда проводимое задержание преступников, проходящее на территории бара, в условиях низкой подготовленности обусловленной краткими сроками выполнения требований вымогателей неожиданно натолкнулось на сопротивление группы нетрезвых спортсменов, для которых требование сотрудников группы захвата оставаться на своих местах, а возможно излишне резкие действия одного из оперативных сотрудников, показалось оскорбительным. В начавшейся потасовке немногочисленная группа захвата, не имевшая возможности применить оружие была выбита за пределы бара, не успев завершить задержание. В результате вымогатели избавились от прослушивающей аппаратуры у жертвы передающей маркированные деньги, а сами деньги раскидали по территории бара. Жертву, как можно догадаться, они избили. Конечным итогом такой ситуации был проваленный захват в ходе которого сотрудники не смогли досчитаться части суммы врученной жертве для передачи вымогателям.

В этой связи предложенная нами логика — двое сотрудников на одного задерживаемого должна подтверждаться четкими данными о количестве лиц, которые возможно могут оказать сопротивление группе захвата. Безусловно, что в условиях низкой информационной определенности это сделать весьма непросто, однако в этом случае нужно вновь вернуться к рассмотрению возможности задержания вымогателей сразу после окончания встречи, после покидания места встречи. Все преимущества такого способа мы уже обозначили выше.

При проведении такого задержания не следует забывать, что каждый задержанный четко знает о своей роли в совершении вымогательства и может принять логику действий соответствующую своему статусу в группе. Так действия «крепких парней», или «боевиков» несложно просчитать при задержании, поэтому было бы правильным блокировать их первыми, что имеет свой психологический эффект для прочих членов преступной группы. В случае наличия в группе задерживаемых заказчика по его поведению в момент захвата можно судить об особенностях его роли в ходе вымогательства. Выражения указывающие на то, что он тут не причем могут свидетельствовать о том, что роль такого заказчика сводится лишь к изображению «человека-дельца», к которому реально не переходило никакое имущество.

Следует обратить внимание, что такую же роль по делам о вымогательстве совершенном организованной преступной группой в виде шантажа зачастую играет лицо выдвигающее требования. Оно практически не проявляет агрессии, поскольку работает в амплу человека который знает о том, что в случае аудио фиксации их бесед может сформироваться мнение о защите им своих законных интересов и о признании такого способа со стороны жертвы (по крайней мере формального). В рамках этого же амплу, иным является его поведение в случае отказа как то решать вопрос в ключе им предложенном жертвой. Это предполагает, что в ходе задержания им могут высказываться угрозы в адрес жертвы и сотрудников осуществляющих задержание.

Описывая сущность задержания вымогателей — шантажистов следует обратить внимание на еще один момент отличающий его от задержания вымогателей — рэкетиров. Такой момент связан с тем, что в ходе встречи на которой осуществляется задержание происходит не только передача требуемых предметов, но и возвращение, передача, жертве компрометирующего материала, который жертва «имеет право» тут же рассмотреть и оценить его подлинность. Комментируя этот факт, который подлежит фиксации посредством аудио или видео записи жертва должна всячески попытаться разговорить вымогателей в части дачи гарантий о том, что больше никто не побеспокоит жертву и данный компрометирующий материал ни к кому больше не попал. С установлением подробностей механизма таких гарантий указывающих на предыдущее место хранения данной записи и ее хранителя.

Следует обратить внимание и на ситуации связанные с использованием вымогателями экипировки к которой можно отнести оружие и средства обнаружения маркеров на передаваемом предмете. И если проблема применения вымогателями оружия несколько отходит на второй план ввиду задержания в тесном пространстве помещений и отсутствия секторов обстрела, то проблема связанная с использованием вымогателями-шантажистами средства обнаружения маркеров на пере-

даваемом предмете остается актуальной и не может быть разрешена нами на уровне каких-либо рекомендаций.

Проблема, связанная с возможностями минимизации вымогателями контактов с участниками организованной преступной группы, не принимающей участия во встрече, также остается открытой. Таким образом, за исключением средств автотранспорта возможности по блокировке использования вымогателями специальных средств в виде оружия и прочих, указанных нами выше устройств, как и в случае с задержанием вымогателей-рэкетиров отсутствуют.

Поэтому мы полагаем, что минимизации всех данных проблем будет способствовать уже предложенный нами механизм задержания вне места встречи вымогателей с жертвой, сразу же после ее окончания.

Марьина Е. В., Дробинин Д. В.

Методика расследования коррупционных преступлений, совершаемых медицинскими работниками

Методика расследования коррупционных преступлений была бы неполной без определения понятия коррупционного преступления. Так, хотелось бы обратить внимание на то, что под коррупционными преступлениями мы понимаем более узкий набор противоправных деяний, нежели он закреплен в Федеральном законе «О противодействии коррупции». На наш взгляд, в основу разграничения коррупционных преступлений от иных служебных преступлений должно быть положено наличие двухсторонней обусловленной взаимным желанием сделки, когда обе стороны заинтересованы в ее заключении. Таким образом, под коррупционными преступлениями следует понимать получение и дачу взятки, коммерческий подкуп, а также подкуп спортивных судей, тренеров, руководителей спортивной команды. По этой же причине состав взятки, сопряженной с вымогательством, не может находиться с ними в одной группе, так как добровольный и взаимовыгодный характер действий взяткодателя и взяткополучателя отсутствует.

Под медицинскими работниками мы будем понимать лиц, получивших медицинское образование и имеющих свидетельство об аккредитации специалиста, которые осуществляют медицинскую деятельность в государственной или муниципальной медицинской организации (подразделении медицинской организации) или руководят ею.

Рассмотрим следующие коррупционные составы: получение взятки (ст. 290 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ).

Анализ изученной правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что первичная информация о преступлениях данной категории может быть получена при наличии следующих самостоятельных исходно-информационных ситуаций: (1) когда

заявление следователю (дознавателю) поступило от гражданина об уже совершенном преступлении (т. е. после передачи им денег); (2) когда заявление поступила от взяткодателя до фактического момента передачи денег должностному лицу и заявитель рассказывает в содержательном, добровольно сообщая об этом в органы расследования; (3) заявление о получении взятки должностным лицом поступило от третьих лиц (свидетелей); (4) информация о получении взятки стала известна при расследовании другого уголовного дела или информация о предстоящем получении взятки стала известна из оперативных источников.

Детально остановимся только на первых двух, как наиболее часто встречающихся ситуациях. Обратим внимание, что первая вышеописанная ситуация представляет наибольшую сложность с точки зрения получения доказательственной информации. В этом случае наиболее оптимальным алгоритмом последовательности действий следователя, направленных на проверку полученной информации, будет являться следующая их комбинация. Так, если в орган дознания поступило заявление об уже совершенном подкупе, то в первую очередь необходимо убедиться в том, действительно ли состоялась передача денег или осуществление иных имущественных выгод должностному лицу при обстоятельствах, указанных взяткодателем. Для этого производится опрос заявителя, а также возможных свидетелей преступления. При опросе заявителя необходимо установить, когда были переданы им деньги, в какой сумме, имелись ли очевидцы передачи денег, сообщал ли заявитель кому-либо из числа знакомых, родственников, иных должностных лиц организации о совершенном преступлении. Также следует выяснить за выполнение каких действий, связанных с оказанием медицинской помощи была получена взятка (дополнительно выясняется, сопровождалась ли действия взяткополучателя документальным оформлением, например, составлением договора); были ли эти действия связаны с нарушением должностных полномочий, инструкций (выписка рецепта, больничного листа при отсутствии диагностических подтверждений). В ходе опроса заявителя также необходимо выяснить в какой форме осуществлялся предварительный контакт с взяткополучателем (телефонные звонки, sms-сообщения, электронная переписка). Если этот контакт имел место, то в данных источниках информации могут содержаться сведения, касающиеся размера взятки, места и способа ее передачи. Заметим, что полученные первичные сведения могут получить дальнейшую проверку и подтверждение после возбуждения уголовного дела с помощью таких следственных действий как контроль и запись телефонных переговоров, а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В дальнейшем необходимо изъять и осмотреть следующие документы: медицинскую карту амбулаторного больного, подшивку талонов на вы-

писку листа нетрудоспособности, талон закрытия больничного листа, а также журнал регистрации листов нетрудоспособности.

Если предметом взятки выступала ценная вещь, то выясняются ее признаки, желательно стоимость с ее документальным подтверждением. Если предметом взятки выступали какие-либо услуги, то необходимо уточнить их стоимость и лицо, которое их осуществляло. Следовательно (оперативному сотруднику) также необходимо выяснить степень и характер должностных полномочий медицинского работника, который получил денежные средства, в целях установления признаков специального субъекта. Должен быть изучен приказ о назначении врача, его должностная инструкция.

В случае, если денежные средства были переданы медицинскому работнику, полномочия которого не характеризуются организационно-распорядительными функциями — например, медицинской сестре, то подобная ситуация не охватывается признаками получения взятки и требует иной квалификации. Не исключены случаи, что «недолжностной» медицинский работник может выступать посредником в получении взятки.

Необходимо также выяснить, известно ли заявителю о том, получал ли ранее проверяемый медицинский работник денежные средства от иных лиц (является ли это устойчивой практикой для данного медицинского учреждения), кто посоветовал ему обратиться к данному сотруднику. В дальнейшем при подтверждении подобных обстоятельств по ходу дальнейшего расследования, выявленные эпизоды преступной деятельности, усиливают доказательственную ценность фактических данных по рассматриваемому заявлению (эпизоду).

При наличии свидетелей и очевидцев, их также следует вызвать и опросить. В случае если свидетель-очевидец факта получения взятки относится к числу лиц, которые входят в численный состав лечебного учреждения, то ряд вопросов, выясняемых у свидетеля в подобных ситуациях вряд ли целесообразен. Например, не следует выяснять у медицинского работника (в том числе и младшего медицинского персонала) обстоятельства коррумпированной практики, сложившейся в данном медицинском учреждении. Кроме того с учетом необходимости обеспечения тайны следствия, следователь может принять решение о не проведении опроса данных лиц, так как не исключена возможность, что эти лица будут выступать в дальнейшем в качестве потенциальных участников преступной группы: исполнителей, пособников получения взятки, и до возбуждения уголовного дела сообщат заинтересованному лицу — взяткодателю информацию, которая повлечет уничтожение, повреждение доказательств: документации, предмета взятки, иных вещественных улик.

Также изучаются документы, указывающие на то, что заявитель получил от взяткополучателя какую-либо выгоду (услугу). В тех случаях,

когда на основании сведений, полученных от заявителя, следователю становится известно о какой-либо документации, подтверждающей оказанную медицинскую услугу либо действие, также необходимо провести их изъятие или истребование. При этом, если подобное изъятие или истребование проводится в медицинской организации, то желательно его проводить лично следователю или оперативному сотруднику не прибегая к услугам почтовой корреспонденции. Это, с одной стороны, укладывается в установленные для проверки заявления сроки, с другой стороны, обеспечивает конфиденциальность полученной информации. После проверки первичной информации, если она подтвердится, следователь должен возбудить уголовное дело. Далее следователь может произвести обыск в рабочем кабинете должностного лица и его жилище; изъять документы, которые свидетельствовали бы о совершенных действиях в интересах взяткодателя; осмотреть предмет взятки, а также предъявить его для опознания. Возможно производство экспертизы (почерковедческой, фоноскопической, лингвистической).

Если в орган предварительного расследования поступило заявление о еще не совершенном преступлении, т.е. до фактической передачи денежных средств взяткополучателю, то, как правило, наряду с вышеобозначенными способами проверки заявления: опроса заявителя, свидетелей, отдельное внимание уделяется разработке и подготовке оперативного эксперимента, направленного на задержание взяткополучателя с поличным. При подготовке подобного рода экспериментов важное значение приобретает инструктаж заявителя. При этом инструктаж включает в себя сведения о правилах обращения с фотофиксирующей аппаратурой, микрофоном, скрытой видеокамерой, объемом, сообщаемой взяткодателем информации (желательно чтобы взяткополучатель обозначил сумму, передаваемую взяткодателю, а также за что она была передана). Инструктаж также должен касаться способов оповещения сотрудников оперативных подразделений, а также момента задержания и действий в дальнейшем.

При разработке оперативного эксперимента также нужно помнить о технических правилах, направленных на индивидуализацию предмета взятки, который может осуществляться путем составления отдельного протокола с переписыванием номеров денежных купюр, их достоинства и вида валюты; использования криминалистических средств — маркеров (например, обработка поверхности купюр, а также упаковки химическими реактивами), которые в дальнейшем подтвердят факт наличия с ними тактильного контакта со стороны взяткополучателя.

При этом нужно помнить, что мелкое взяточничество — на сумму, не превышающую 10 тыс. рублей, отнесено законодателем к преступлению небольшой тяжести. Согласно ч. 8 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативный эксперимент может быть проведен только в целях выявления, предупреждения, пресечения

и раскрытия преступлений средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого, а также в целях выявления и установления лиц их подготавливающих, совершающих или совершивших. Потому если в случае с изблечением взяткодателя сотрудники органа дознания не могут знать размер взятки, который будет предложен должностному лицу, а значит категория преступления до последнего не ясна, то передача денег должностному лицу на сумму, не превышающую 10 тыс. рублей, под контролем сотрудников отдела по борьбе с экономическими преступлениями является незаконной. Это свидетельствует о необходимости совершенствования способов раскрытия данного вида преступлений, но на сегодняшний день мелкое взяточничество (получение взятки) можно раскрыть только после передачи взятки.

При раскрытии коррупционных преступлений сотрудники дознания не должны применять провокацию взятки, а также совершать подстрекательство к получению взятки. В п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях» говорится, сотрудники правоохранительных органов не должны совершать подстрекательские действия, которые могут спровоцировать должностное лицо на принятие взятки. Так, например, как показывает анализ правоприменительной практики, подстрекательство к получению взятки чаще всего сопровождается уговорами, просьбами взять денежные средства. Это лишний раз подчеркивает необходимость более детальной разработки и подготовки оперативного эксперимента с подробным инструктажем заявителя перед началом его производства. Вместе с тем в научной литературе высказано предложение о необходимости легализации, так называемого «легендированного эксперимента»¹, который заключается в передаче незаконного вознаграждения сотрудниками правоохранительных органов на основании информации о систематическом получении взятки определенным должностным лицом и при наличии дела оперативного учета. На сегодняшний день такие действия расцениваются как действия подстрекательские, способные спровоцировать преступление. Европейский Суд по правам человека² также неоднократно указывал, что провокация взятки недопустима и необходимы адекватные механизмы контроля и надзора за проведением оперативного эксперимента. Очевидно, что подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов нарушают права и свободы должностного лица, но приходится констатировать, что при отсутствии возможности рассле-

¹ Гармаев Ю. П. Методика уголовного преследования по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе / Специальный курс / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2006. С. 79.

² Постановление ЕСПЧ от 30.10.2014 «Дело «Носко и Нefeldов (Nosko and Nefedov) против Российской Федерации» (жалобы № 5753/09 и 11789/10).

дования коррупционных преступлений следственным путем, подобные действия на практике остаются единственно возможным способом раскрытия преступлений данной категории.

Меретуков Г. М.

Рафаил Самуилович Белкин и судебная экспертиза

Рафаил Самуилович Белкин одним из первых, на Всесоюзной конференции криминалистов в ноябре 1949 года (г. Москва) выступил с тезисом доклада на тему: «Криминалистическая экспертиза документов, исполненных типографским способом».¹ В этой научной статье Р. С. Белкин определил основные задачи, обозначил различие между дактилографией и экспертизой документов, исполненных типографским способом. Впоследствии, по этой проблематике в научной статье «Криминалистическая экспертиза документов, исполненных типографским способом», опубликованной в журнале «Вестник советской криминалистики» отметил природу и ее место в системе криминалистической экспертизы документов.²

Р. С. Белкин проанализировав точки зрения известных ученых криминалистов (А. Р. Шляхова, В. К. Лисиченко, Г. А. Цимакурдзе, И. Л. Петрухина, Л. Е. Аропкера, Ю. К. Орлова, Н. А. Селиванова и др.) пришел к выводу о том, что «предмет экспертизы и ее родовый объект играет существенную роль в классификации видов судебной экспертизы вообще и криминалистической экспертизы в частности».³ В этой работе он предложил новую классификацию видов криминалистической экспертизы и новые виды этой экспертизы, а также обратил внимание на предупреждение экспертных ошибок. Проблемы и перспективы развития судебной экспертизы, в частности криминалистической экспертизы и соотношение с криминалистической теорией вновь отразил в фундаментальной работе курса криминалистики.⁴

Рафаил Самуилович Белкин внес в криминалистическую науку существенный вклад в систематизацией методов криминалистики, в частности, методы формальной логики предложил считать частью диалектического метода, идентификацию, как метод в криминалистическом плане включить в специальные методы исследования, всеобщие и общенаучные методы должны составлять одну группу и различать их только по источникам происхождения и приро-

¹ Белкин Р. С. Избранные труды / Р. С. Белкин. М.: Норма, 2008. С. 13–15.

² Белкин Р. С. Указ. соч. С. 28–46.

³ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 63–67.

⁴ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юрист, 1997. С. 289–344.

дой, а эвристические методы признать, как методы общенаучного характера. Р. С. Белкин, одним из первых, выдвинул концепцию использования математических методов в криминалистической экспертизе и при анализе процесса доказывания в целом. Таким образом, Р. С. Белкин положил основу и выдвинул основополагающие идеи о возможности использования математических методов для разработки проблем теории криминалистической экспертизы, а в итоге и проблем судебной экспертизы в целом.¹

Рафаил Самуилович Белкин по-настоящему патриарх криминалистической науки. Он был известным и талантливым ученым, педагогом и публицистом, прекрасным руководителем и собеседником, беспредельно преданный любимому делу — таким он навсегда останется в памяти его учеников и всех, кто знал этого прекрасного человека, а его наследие настолько разнообразно, что, наверно, в течение XXI века ученым предстоит проанализировать и их совершенствовать. Рафаил Самуилович, по моим подсчетам, воспитал 110 учеников: 22 доктора наук, 2 кандидата наук- профессора ВАК, остальные кандидаты наук.

Среди его учеников немало достойных ученых в области судебной экспертизы, экспертологии и судебно-экспертной деятельности, доктора юридических наук, профессора: Аверьянова Татьяна Витальевна, Майлис Надежда Павловна, Россинская Елена Рафаиловна, Майорова Елена Ивановна и кандидаты юридических наук, внесшие значительный вклад в деятельности экспертных учреждений — Александрова Ирина Леонидовна, Сосенушкина Марина Николаевна и других.

Большой научный потенциал, огромная эрудиция, яркий талант педагога, ученого и публициста, наставник с большой буквы и воспитатель. Глубочайшая порядочность, такт в сочетании с остроумием, мудрость, доброжелательность, открытость в общении, уважительное отношение ко всем. Все эти черты личности, которые по праву связываются с именем Рафаила Самуиловича Белкина, снискали ему глубочайшее уважение и любовь всего юридического сообщества. Его личность всегда привлекала к себе внимание. Жизнелюб, патриот, оптимист, интеллигент, настоящий генерал. Это редкое сочетание, наряду с другими достоинствами, делает образ Рафаила Самуиловича Белкина незабываемым и еще раз напоминает мне о тяжести понесенной потери.

Светлая память о великом ученом — Рафаиле Самуиловиче Белкине навсегда сохранится в сердцах всех тех, кто его знал и помнит.

¹ Белкин Р. С., Викарук А. Я. Концептуальные основания применения математических методов и ЭВМ в криминалистике и судебной экспертизе // Проблемы автоматизации создания информационно-поисковых систем и применения математических методов в судебной экспертизе. М., 1987. С. 19–27; Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М.: Юристь, 1997. С. 330–378.

Мещеряков В. А.

Криминалистическая характеристика отдельных видов преступлений – фантом или реальность?

Категория «криминалистическая характеристика преступления» с самого своего появления в середине 60-х годов прошлого столетия¹ постоянно находилась в поле зрения отечественных криминалистов.

Несмотря на некоторые различия в понимании ее сущности, почти все ведущие криминалисты согласились с необходимостью ее существования и активно использовали данную категорию в своих исследованиях. Практически ни одна криминалистическая диссертация посвященная расследованию какого-либо вида преступлений не обходилась без параграфа или даже целой главы отражающей криминалистическую характеристику рассматриваемого вида преступления.

Определенным и весьма значимым этапом развития категории «криминалистическая характеристика» стало ее включение Р. С. Белкиным в один из наиболее значимых учебников криминалистики советского времени — трехтомник «Курс советской криминалистики», изданный в 1979 году в академии МВД СССР. В дальнейшем благодаря работам Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, И. А. Возгриня, К. В. Гавло, С. П. Митричева, И. Ф. Пантелеева, В. А. Образцова, В. Г. Танасевича, Н. П. Яблокова и ряда других ученых категория «криминалистическая характеристика» приобрела свой сегодняшний вид. Она определяется как научная абстракция, включающая в себя: «характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка)»².

На фоне сложившегося положения вещей громом среди ясного неба стала работа Р. С. Белкина — одного из активных сторонников данной категории, вышедшая в свет 2001 году, в которой он отмечал, что «криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом»³.

¹ *Сергеев Л. А.* Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966; *Колесниченко А. Н.* Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967.

² *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. С. 315–316.

³ *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, 2001.

Основная причина такого вывода виделась в том, что в теоретическом плане комплекс сведений, именуемых криминалистической характеристикой в основном сводился к давно известным и традиционно изучавшимся криминалистическим категориям — способу совершения и сокрытия преступления и оставляемым ими следам. В практическом смысле криминалистическая характеристика приобретала свое значение только лишь в том случае, когда между ее составляющими устанавливались взаимосвязи, носящие определенный закономерный характер. «Тогда, только тогда следователь получал обоснованный ориентир для выдвижения следственных версий. В противном случае криминалистическая характеристика лишалась всякого смысла, поскольку сводилась к повторению общеизвестных истин»¹.

Как нам представляется, для такого вывода в тот период времени у Р. С. Белкина были весомые основания.

Анализируя сущность и структуру криминалистической характеристики большинство исследователей выделяло два основных ее элемента: совокупность сведений (данных) о наиболее значимых аспектах преступления и взаимосвязи между ними. При этом основной упор, как правило, делался на совокупности сведений и лишь вскользь упоминались их взаимосвязи. В отличие от основной массы криминалистов О. Я. Баев, при анализе криминалистической характеристики, на первый план выводил взаимообусловленность и взаимозависимость между входящими в нее элементами. Так, в частности, он писал: «значимость криминалистической характеристики отдельного вида преступлений состоит не столько, может быть, в выделении самих этих элементов как таковых, сколько в установлении взаимосвязей между ними»².

К сожалению, значимых успехов в установлении взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики за весь период ее существования как самостоятельной криминалистической категории достигнуто не было. Даже традиционно отмечаемые в данном контексте результаты Л. Г. Видонова по выявлению корреляционных связей при исследовании уголовных дел связанных с расследованием умышленных убийств (причем, скорее всего, это единственный встречающийся в доступной специальной криминалистической литературе пример) уже в 1996 году были подвергнуты А. М. Лариным жесткой критике за их низкую репрезентативность³.

В результате к 2000 году несмотря на понимание всей значимости такого элемента криминалистической характеристики как взаимос-

¹ Белкин Р. С., Быховский И. Е., Дулов А. В. Модное увлечение или новое слово в науке? // Соц. законность. 1987. № 9.

² Баев О. Я. Методические основы расследования преступлений против личности // Расследование преступлений против личности. Воронеж, 1998. С. 12.

³ Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. Научно-практическое и учебное пособие. М.: БЕК, 1996.

вязи между сведениями (данными) о наиболее значимых аспектах преступления они так и не нашли своего практического воплощения. Отсутствие реально полученных взаимосвязей для какого-либо вида преступлений, а также отсутствие даже предпосылок к возможности их получения в ближайшем будущем, скорее всего и привело Р. С. Белкина к столь кардинальному выводу об иллюзорности криминалистической характеристики как самостоятельной категории.

При этом следует отметить, что столь решительное изменение Р. С. Белкиным своего мнения (не свойственное ему по другим не менее принципиальным вопросам отечественной криминалистики) относительно криминалистической категории, сторонником и активным проводником которой он являлся, на наш взгляд, лишь подчеркивает его талант организатора научных исследований. Решительный приговор криминалистической характеристике не только не поставил крест на исследованиях посвященных данной категории, наоборот, он лишь подстегнул интерес к этому научному направлению.

Так в 2006 году вышла работа А. В. Шмонина, в которой дан очень подробный анализ и проанализированы практически все вышедшие к этому времени сколь-нибудь значимые публикации, затрагивающие не только саму проблему существования криминалистической характеристики, но и отдельные ее аспекты. В качестве вывода автор работы утверждает, что «понятие криминалистическая характеристика преступлений имеет право на существование, хотя бы до тех пор, пока наукой не будет предложена обоснованная альтернатива, которая отразила бы наиболее адекватно криминалистическую сущность исследуемого объекта — определенной категории преступлений»¹.

Сегодня, в конце 2017 года необходимость существования криминалистической характеристики как самостоятельной категории не только не отрицается, но и представление о ней вырастает до уровня частной криминалистической теории, к сожалению по-прежнему оставаясь на уровне перечисления ее элементов и констатацией необходимости учета детерминированных и статистических взаимосвязей между ними².

Тем не менее, основная причина высказывания Р. С. Белкиным «вотума недоверия» криминалистической характеристике до настоящего времени остается без изменений. Предложить реально работающий подход (позволяющий получить какой-то практически полезный результат) к получению взаимосвязей закономерного характера или сформировать такую зависимость, работающую на практике (судя по доступным криминалистическим источникам) пока никому не удалось.

¹ Шмонин А. В. Методика расследования преступлений. Учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2006.

² Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений. Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.0012 / Алексей Александрович Бессонов. Элиста, 2017. 456 с.

Тем не менее ситуация совсем не безнадежная. Сама жизнь и практика расследования преступлений показывают, что есть надежда в ближайшее время получить серьезные и практически значимые результаты. Такой оптимизм связан в первую очередь с активным внедрением в повседневную человеческую жизнь компьютерных систем и информационно-коммуникационных технологий, а также формированием огромного массива данных о жизни и деятельности человеческого общества в виде пригодном для его автоматизированной обработки (технологии Больших данных).

Широкое внедрение компьютерных технологий и информационных систем приводит к тому, что по ходу своей жизни человек оставляет в кибернетическом пространстве виртуальных следов своей деятельности уже больше чем в окружающем традиционном материальном мире.

Современный человек уже неотделим от комплекса компьютерных систем и реализующихся с их помощью информационным технологиям:

- которые он носит с собой (мобильные компьютеры, смартфоны, планшеты, навигаторы, смарт-часы, смарт-браслеты и самого различного рода гаджеты);
- в сферу действия которых он постоянно попадает (камеры видеонаблюдения, базовые станции мобильной связи, сети глобального позиционирования GPS);
- к которым он регулярно обращается (социальные сети, Интернет-коммуникаторы, различного рода Интернет ресурсы).

Формирование виртуальных следов жестко (практически однозначно) связано с работой компьютерных и иных технических систем, которые в свою очередь работают в соответствии с теми алгоритмами и протоколами взаимодействия, которые в них заложили разработчики. Причем обязательным условием использования человеком этих компьютерных систем будет строгое исполнение ими этих алгоритмов. Никакая случайность в данном случае не приветствуется. Например, будильник, звонящий в произвольное время, а не в то которое ему установил владелец, вряд ли будет использоваться дольше одних суток.

Таким образом, изучая алгоритмы работы и основные возможности компьютерных систем активно используемых человеком, мы получаем набор детерминированных зависимостей, которые в большинстве случаев определяют основные элементы способа совершения, используемого орудия преступления, механизма слеодообразования — важнейших составляющих криминалистической характеристики.

Формирование и хранение огромного массива данных о жизни и деятельности человеческого общества в виде пригодном для его автоматизированной обработки практически уже реализуется около 10 лет¹.

¹ Boundless Informant // Википедия. [2017—2017]. Дата обновления: 28.09.2017. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=87911395> (дата обращения 01.11.2017).

Разработанные методы обработки Больших данных (добычи, интеллектуального анализа и глубинного анализа данных)¹ уже позволяют обнаруживать в них ранее неизвестные, нетривиальные, практически полезные и доступные для интерпретации знания. По меткому определению компании Forrester технологии Больших данных «извлекают смысл из данных на экстремальном пределе практичности».

Таким образом, формируются все необходимые предпосылки для получения закономерных зависимостей между элементами криминалистической характеристики — одной из основных причин ее недавней иллюзорности.

Криминалистическая характеристика сегодня уже никак не фантом, это — объективная реальность.

Мишин А. В.

Криминалистическая деятельность по исследованию доказательств в суде

Успешное решение задач, стоящих перед современным российским уголовным правосудием, может быть достигнуто в результате не только уголовно правовой и уголовно-процессуальной, но и криминалистической деятельности.

Криминалистическая деятельность в уголовном судопроизводстве осуществляется с целью выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)), и в конечном счете для установления истины по делу. Основным составляющим такой деятельности является криминалистическая деятельность, осуществляемая в судебном производстве по уголовному делу.

Как показывает анализ практики, качественное судебное производство по уголовному делу невозможно без умелого применения научно обоснованных криминалистических рекомендаций. Полагаем, что необходимость проекции криминалистических знаний на сферу судебно-уголовного процесса актуализирует дальнейшую разработку и формирование тактико-организационных и методико-криминалистических основ судебной деятельности по уголовным делам.

Криминалистическую деятельность в судебном производстве по уголовному делу можно охарактеризовать как совокупность целенаправленных и упорядоченных действий суда (судьи) и профессиональных участников процесса в лице государственного обвинителя и защитника по осуществлению доказывания (в порядке ст. 85 УПК РФ) с использо-

¹ Data mining // Википедия. [2017—2017]. Дата обновления: 24.10.2017. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=88526469> (дата обращения 01.11.2017).

ванием криминалистических средств, методов и технологий¹. Данный вид деятельности основывается на знании всех разделов системы криминалистики и осуществляется в обстановке гласности, непосредственности и иных условий судебного процесса компетентными субъектами с разными процессуальными интересами: стороной обвинения, стороной защиты, судом (судьей-председательствующим).

Активная деятельность по исследованию доказательств с применением криминалистических знаний осуществляется, помимо судьи, сторонами обвинения и защиты в рамках их равных процессуальных полномочий. Они участвуют в производстве судебных действий, прибегают к материалам уголовного дела различные документы, определяют очередность исследования доказательств, обнаруживают противоречия в доказательственном материале и предпринимают необходимые меры для их устранения.

Таким образом, можно говорить о том, что суд (судья), государственный обвинитель и защитник при судебном исследовании доказательств реализуют уголовно-процессуальные функции и полномочия, решают тактические задачи и, соответственно, выстраивают собственные аргументированные линии поведения (позиции). Представляется, что состязательные начала уголовного судопроизводства дают возможность рассматривать структуру тактики судебного производства по уголовному делу комплексно: в виде тактики суда, тактики стороны обвинения, тактики стороны защиты. При этом каждая из них отличается характером и объемом используемых тактико-криминалистических средств.

Тактические средства исследования доказательств эффективны благодаря согласованному взаимодействию суда с обеими сторонами. Это позволяет говорить о необходимости использования криминалистических рекомендаций, направленных на установление между судом и сторонами психологического контакта в форме делового сотрудничества, что в определенной мере предотвращает возникновение конфликтных ситуаций или облегчает процесс их разрешения.

Полагаем, в современных условиях криминалистическая тактика, как самостоятельная часть системы отечественной криминалистики, в целях эффективного решения задач уголовного судопроизводства должна содержать систему научных положений и разработанный на их основе комплекс практических рекомендаций по определению наиболее оптимальных способов действий, а также линии поведения компетентных лиц, осуществляющих не только предварительное расследование, но и судебное рассмотрение уголовных дел. Как справедливо указывал

¹ Криминалистическая деятельность в ходе рассмотрения уголовного дела в суде также может реализовываться экспертом и специалистом посредством их содействия в получении доказательств суду и сторонам в результате представления заключений и (или) дачи показаний (ст. 80 УПК РФ).

Р. С. Белкин, разработка тактики судебного следствия определяет одну из важных тенденций развития криминалистической тактики.¹ При этом, на наш взгляд, в криминалистической науке должны изучаться вопросы тактики исследования доказательств, используемой как судом, так и сторонами обвинения и защиты. В этой связи мы не можем согласиться с А. Ю. Головиным, который считает, что объектом тактики судебного следствия не является деятельность противостоящих сторон обвинения и защиты, поскольку их действия явно выходят за рамки объектно-предметной области криминалистики².

Криминалистическая деятельность при судебном рассмотрении уголовных дел в наибольшем объеме проводится в рамках судебного следствия, так как именно здесь оказываются наиболее востребованными криминалистические рекомендации по организации, планированию и производству судебных действий, направленных на исследование, проверку и оценку представленных сторонами и собранных судом доказательств, устранение имеющихся в них противоречий, а также по преодолению тактических ошибок в процессе доказывания. Считаем, что совершенствование организации и тактики проведения судом процессуальных действий, направленных на исследование и проверку доказательств по делу, — одно из необходимых условий оптимизации судебной деятельности.

При судебном рассмотрении уголовных дел методологической основой для криминалистической деятельности субъектов уголовно-процессуального доказывания является ситуационный подход. Он предполагает использование наиболее целесообразных тактико-криминалистических рекомендаций в соответствии с обстоятельствами судебного разбирательства, то есть судебной ситуацией. Последняя представляет собой состояние судебного разбирательства на определенный момент, характеризуется позицией сторон защиты и обвинения, а также совокупностью доказательственной и иной значимой информации, организационным обеспечением процесса ее исследования. На формирование судебной ситуации оказывают влияние различные субъективные и объективные факторы, учет которых позволяет выбирать наиболее предпочтительный вариант ее разрешения.

Криминалистический анализ особенностей судебной ситуации позволяет формировать тактические задачи исследования доказательств (в виде совокупности конкретных вопросов) и определять пути и средства их оптимального решения. По каждой такой задаче субъекты доказывания принимают состязательные тактические решения в виде

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. М.: Юристъ, 1997. Т. 1. С. 129.

² См.: Головин А. Ю. Системные средства и методы в криминалистической науке. Тула: Изд-во Тул. гос. ун-та, 2013. С. 144.

интеллектуально-волевого поступка, подкрепленного их криминалистическим мышлением, профессиональным опытом и интуицией.

Той или иной категории уголовных дел, рассматриваемых в суде, соответствуют типичные судебные ситуации. Знание о них может значительно помочь субъектам доказывания в поиске наиболее правильных тактических решений. Последние, в свою очередь, в судебном уголовном процессе реализуются посредством тактических средств, а именно тактических приемов и тактических комбинаций. Их выбор определяется уровнем и характером решаемой тактической задачи.

По нашему мнению, тактическое средство исследования доказательств в суде — это уголовно-процессуальная и организационно-тактическая форма осуществления субъектами доказывания целесообразных способов действий для решения тактических задач. Реализация тактических средств тем самым оказывает определенное воздействие на соответствующую судебную ситуацию (частично или в целом) с целью ее изменения либо использования для дальнейшего производства по делу. Формой существования тактических средств и их внедрения в судебную практику следует считать тактико-криминалистические рекомендации — научно обоснованные и апробированные практикой советы по избранию и применению оптимальных тактических средств для решения задач доказывания в той или иной типичной судебной ситуации.

Перспективным представляется совершенствование теоретически обоснованных криминалистических рекомендаций, направленных на разрешение в ходе уголовно-процессуального доказывания следующих типичных тактических задач:

- обеспечение безопасности судьи, присяжных заседателей и иных лиц, участвующих в отправлении правосудия, а также участников процесса, содействующих уголовному правосудию;
- защита доказательственной и иной значимой информации (в том числе электронной);
- преодоление противодействия судебному разбирательству.

В судебном производстве по уголовному делу также могут использоваться оперативно-тактические комбинации. По нашему мнению, они представляют собой тактический комплекс взаимосвязанных процессуальных и не процессуальных действий и мероприятий, проводимый компетентными субъектами в процессе исследования доказательств по решению конкретной тактической задачи. Оперативно-тактическая комбинация должна разрабатываться и осуществляться под общим руководством суда с участием сторон и согласовываться с правоохранительными органами (Министерством внутренних дел, Федеральной службой безопасности, Федеральной службой судебных приставов и др.), которые призваны оказывать им содействие. Так, оперативно-тактическая комбинация может быть проведена с целью

решения тактической задачи, направленной на выявление потерпевших и свидетелей, ранее не известных следствию; обеспечения безопасности участников процесса, содействующих правосудию; предотвращения захвата заложников и др.

Очевидно, что криминалистической деятельности по исследованию доказательств в суде свойственна цикличность, что связано с развитием (сменой) условно самостоятельных этапов судебного разбирательства, в рамках которых, в свою очередь, происходит трансформация судебных ситуаций. В этой связи актуализируется необходимость создания для судей альтернативных программ (алгоритмов) в виде комплексов тактических средств по оптимальному разрешению различных тактических задач, возникающих при исследовании доказательств в рамках типичных судебных ситуаций применительно к этапам судебного рассмотрения отдельных категорий уголовных дел. Алгоритмизированные программы по разрешению судебных ситуаций дают возможность суду (судье) прогнозировать примерный ход развития и возможные результаты судебного разбирательства, выбирать вариативное воздействие при возникновении конфликтных ситуаций, оценки их преобразования. Указанные программы должны входить в содержание формирующихся частных методик судебного разбирательства по уголовным делам, а также полно-структурных криминалистических методик расследования и судебного разбирательства по определенным категориям уголовных дел.

В заключение следует подчеркнуть, что осмысление современных представлений о сущности, задачах, методах и средствах криминалистической деятельности в судебном производстве по уголовным делам служит дальнейшему развитию теории криминалистической тактики и методики, способствует совершенствованию судебной практики.

Можаева И. П.

Вклад профессора Р. С. Белкина в становление и развитие организации расследования преступлений

Становление и развитие криминалистики и судебной экспертизы, их фундаментальных и прикладных знаний в XX веке происходило под влиянием выдающегося Ученого, Педагога, Публициста профессора Рафаила Самуиловича Белкина. 11 июля 2017 года исполнилось 95 лет со дня его рождения! Век криминалистики и ее достижений — это век неиссякаемого фундаментального творчества профессора Р. С. Белкина на благо науки, органов внутренних дел и государства!

И сегодня наследие и идеи, генерированные в трудах профессора Р. С. Белкина, продолжают свое успешное развитие в современных теоретико-прикладных исследованиях не только его учеников, но

и многих отечественных и зарубежных ученых. Р. С. Белкина заложил основу общей теории криминалистики и внес вклад в формирование частных криминалистических теорий и криминалистических учений. Не осталось без его внимания становление и развитие организации расследования преступлений. Он впервые выделил уровни организации расследования преступлений, обосновал, что организация расследования преступлений как совокупность теоретических положений с течением времени переросла в частную криминалистическую теорию «Общие принципы организации деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств»¹, тем самым заложив основу для дальнейший научных изысканий в этом направлении.

В процессе эволюции криминалистики сложился целый комплекс *предпосылок* возникновения *теоретических основ организации расследования преступлений*, связанных, с одной стороны, с задачами обеспечения эффективности организации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений (на основе изучения *практической деятельности* правоохранительных органов), с другой — с предметом исследования в рамках *научной деятельности* по формированию системы криминалистических знаний об организации расследования преступлений.

Становление и развитие организации расследования преступлений как области научного знания, в том числе в форме криминалистического учения, на наш взгляд, представляется возможным дифференцировать на несколько этапов.

Первый этап (середина XIX — середина 30-х гг. XX в.) характеризуется зарождением нового криминалистического знания об организации расследования преступлений. В связи с возникшими потребностями практики проблемы организации расследования преступлений стали предметом познания в работах основоположников отечественной криминалистики.

В 20-е гг. прошлого столетия ученые (И. Н. Якимов, В. И. Громов и другие) обратили внимание на то, что вместе с комплексом проблем криминалистика должна заниматься и наиболее правильным «организационным построением» всего процесса расследования. Таким образом, в данный период исторически сложилась совокупность предварительных условий, факторов, определяющих необходимость формирования нового криминалистического знания на основе использования достижений в области теории организации, теории управления и научной организации труда.

Основными тенденциями данного этапа являются: 1) осознание потребностей практики в обеспечении эффективной организации деятельности в сфере уголовного судопроизводства; 2) постановка практиче-

¹ Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1970. С. 54.

ской и научной проблемы; 3) формирование идеи; 4) формирование предпосылкового (прогнозируемого) криминалистического знания на основе имеющихся достижений других отраслей знаний; 5) получение первого опыта использования рекомендаций по организации деятельности при проведении отдельных следственных действий и расследовании отдельных видов преступлений.

Второй этап (40–60-е гг. XX в.) связан с рассмотрением практических проблем организации расследования преступлений и окончательным оформлением идеи о разработке в криминалистике организационных основ деятельности следователя.

Значимый вклад в развитие криминалистических аспектов организации расследования преступлений и НОТ следователя на данном этапе внесли работы Н. В. Терзиева, положившего начало дискуссии о необходимости выделения организационных вопросов в самостоятельный раздел криминалистики, предложив пятичленную структуру криминалистики и выделив в ней в самостоятельный раздел следственные версии и планирование расследования; С. С. Степичева, также отмечавшего необходимость выделять вопросы организации расследования преступлений в предмете и системе криминалистики и обосновавшего наименование данного раздела как «организационно-методические основы расследования»; В. П. Бахина, Н. И. Сапожникова, Л. А. Соя-Серко, которые в отечественной криминалистике одними из первых обратились к проблеме организации расследования преступлений и НОТ следователя; А. К. Кавалиериса, И. Б. Кагановича; Л. М. Карнеевой и В. И. Ключанского, которые рассматривали криминалистические проблемы организации расследования преступлений; А. М. Ларина, обозначившего проблемы деятельности следователя, требующие научной организации труда; Е. А. Курякова, Л. А. Кушнира, А. Р. Ратинова и А. М. Михайлова; В. Е. Любинского, определившего понятие и содержание НОТ в судебных органах; и других.

Практическая потребность в осуществлении разноаспектных исследований проблем организации расследования преступлений была обусловлена недостатками процесса организации в сфере раскрытия и расследования преступлений в целом, а также организации трудовой деятельности в частности.

Основными тенденциями формирования криминалистического знания в сфере организации расследования преступлений на данном этапе являются: 1) накопление эмпирической базы использования рекомендаций по организации расследования преступлений; 2) трансформация на криминалистическую основу базовых положений таких наук, как: теория организации, теория управления, общая теория научной организации труда и др.; 3) оформление и поступательное развитие нового криминалистического знания об организации расследования преступлений.

Третий этап (70-е гг. XX в. — 2001 г.) характеризуется активным развитием нового знания, поиском целенаправленных решений ряда проблем прикладного характера. В этот период происходит интенсивное становление основных теоретических положений организации расследования преступлений и их оформление в качестве *частной криминалистической теории*; разработка рекомендаций и их внедрение в практическую деятельность благодаря большому количеству фундаментальных научных трудов и методических разработок, имеющих актуальность и в настоящее время, а также подготовка и издание сборников научных статей по материалам конференций и семинаров.

Во многом возросший интерес к проблемам организации расследования преступлений связан с кафедрой организации расследования преступлений, которая была создана в 1975 г. путем объединения сотрудников кафедр криминалистики и уголовного процесса в один коллектив при очередной реорганизации в Академии МВД СССР. Известные ученые кафедры организации расследования преступлений Академии МВД СССР внесли значимый вклад в развитие криминалистической науки, ее общей и частных теорий. Основными направлениями научно-исследовательской деятельности кафедры являлись криминалистические, процессуальные и управленческие аспекты организации деятельности органов следствия и дознания, а также экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, разработка проблем совершенствования законодательства и т. п.

Вследствие этого в 1977 г. в учебный процесс Академии МВД СССР был введен новый курс «Организация расследования преступлений», в содержание которого вошли три группы тем: криминалистические, процессуальные и управленческие, в совокупности охватывающие основные проблемы организации расследования преступлений. Как справедливо отмечал профессор Р. С. Белкин, данный курс не дублирует курсы уголовного процесса и криминалистики, поскольку вопросы уголовного процесса рассматриваются в нем в управленческом аспекте, через призму задач управления следственным аппаратом, а проблемы криминалистики — с акцентом на вопросы организации¹.

Для познания сущности, понятия и разграничения предметов управленческой и криминалистической области научных знаний при исследовании межнаучной проблемы — организации расследования преступлений — Р. С. Белкин еще в 1978 г. выделил *уровни, характеризующие различные виды организационной деятельности*². «Первый, высший, уровень организации расследования имеет своим объектом

¹ Белкин Р. С. Содержание, система и задачи курса «Организация расследования преступлений» // Организация расследования преступлений органами внутренних дел: курс лекций. М.: Академия МВД СССР, 1977. Вып. 1. С. 6–10.

² Белкин Р. С. О понятии организации расследования преступлений // Организация расследования преступлений органами внутренних дел: сб. статей. М., 1978. С. 26–27, 31.

расследование как специфическую форму деятельности всех компетентных государственных органов (курсив наш — *И.М.*), то есть органов предварительного следствия и дознания всех ведомств. Это наиболее общий уровень организации, когда единство системы обусловлено лишь единством целей, процессуальных и криминалистических основ функционирования ее элементов. На этом уровне организацию расследования преступлений можно определить лишь в самой общей форме — как систему мер, обеспечивающих эффективность функционирования элементов системы и достижение поставленных перед ними целей»¹.

Второй уровень — организация расследования преступлений, «где *расследование выступает как основная функция следственного аппарата одного ведомства* (курсив авт. — *И.М.*). Организация расследования преступлений как основной функции следственного аппарата и подразделений дознания органов внутренних дел есть комплекс мер, обеспечивающих оптимальную структуру органов расследования, необходимый уровень управления ими, эффективность их деятельности и совершенствование ее средств и методов. Это, так сказать, «*управленческий*» уровень понятия, когда организация расследования преступлений *выступает как управление определенным родом деятельности* (курсив авт. — *И.М.*). Здесь — поле для приложения данных науки управления в сфере правопорядка. На этом уровне осуществляется и организация деятельности экспертных учреждений определенного ведомства по исследованию доказательств».

«Расследование преступлений, как деятельность, складывается из конкретных актов расследования. Строго говоря, *организация расследования есть именно организация конкретного акта расследования, расследования конкретного преступления* (курсив авт. — *И.М.*). Это третий уровень понятия организации расследования — уровень криминалистической методики».

И, наконец, четвертый уровень — «*это организация проведения отдельного следственного действия или организационно-технического мероприятия в рамках конкретного акта расследования* (курсив авт. — *И.М.*). Это — тактический уровень организации расследования».

Поддерживая изложенную конструкцию, в то же время отметим, что первый и второй уровни отражают *организационно-управленческие аспекты* расследования преступлений и непосредственно *управление* как специфическую целенаправленную деятельность, организующую и координирующую совместные усилия участников данного процесса, и поэтому являются предметом исследования управленческих наук.

Третий и четвертый уровни — организация конкретного акта расследования, осуществляемая как одним следователем (дознавателем), так и следственной группой (группой дознавателей); организация про-

¹ *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики в 3 т. Т. 2. С. 363–364.

ведения отдельного следственного действия, осуществляемая как одним следователем (дознавателем), так и следственной группой (группой дознавателей); организация проведения криминалистической комбинации в рамках отдельного следственного действия или их совокупности, организация проведения криминалистической операции в рамках расследования конкретного преступления и другие — должны рассматриваться в качестве элементов предмета исследования *криминалистики*.

Вопрос об аспектах и уровнях организации расследования преступлений впоследствии был также исследован и расширен В. П. Лавровым, С. В. Валовым, И. П. Можяевой, А. В. Шмониным и другими учеными.

Р. С. Белкин под организацией конкретного акта расследования понимал «комплекс мер по созданию оптимальных условий для определения и применения наиболее эффективных и целесообразных в конкретной следственной ситуации рекомендаций криминалистикой методики в целях достижения максимальных результатов при минимальных действиях времени, средств и сил»¹.

Организация проведения следственного действия, как отмечал Р. С. Белкин, «есть комплекс мер, обеспечивающих выбор и применение в конкретной ситуации расследования наиболее эффективных и целесообразных технико-криминалистических и тактических средств и приемов для достижения целей данного следственного действия. Средствами организации проведения следственного действия служат организационные и организационно-технические мероприятия, осуществляемые главным образом на стадии подготовки следственного действия. <...> Именно на стадии подготовки к следственному действию решаются такие организационные вопросы, как планирование производства следственного действия, привлечение и расстановка необходимых сил, определение форм взаимодействия между ними, выбор технических средств и т. п. Решение этих вопросов может иметь и тактическое значение для производства следственного действия, но сами они не носят характера тактических приемов. <...> Это — организационные или организационно-технические меры»², которые применяются в целях обеспечения эффективности производства следственного действия.

Вышеизложенное еще раз подтверждает тезис, что организационные элементы, сосредоточенные в криминалистической тактике, *имеют не тактической, а обеспечительный характер*.

Параллельно в данный период издаются наиболее значимые в области формирования криминалистических знаний об организации расследования преступлений и соответственно НОТ следователя научные статьи и работы монографического характера других известных

¹ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики в 3 т. Т. 2. С. 364–365.

² Белкин Р. С. О понятии организации расследования преступлений // Организация расследования преступлений органами внутренних дел: сб. статей. М., 1978. С. 31.

ученых: А. К. Кавалиериса, Г. А. Матусовского, Н. И. Порубова — основоположников научной организации труда следователя; В. Е. Коноваловой, впервые сформировавшей принципы научной организации труда следователя; совместный труд А. И. Михайлова, Л. А. Соя-Серко, А. Б. Соловьева, в котором исследованы многие проблемы научной организации труда следователя, в последующем Л. А. Соя-Серко в докторской диссертации поставил криминалистические вопросы организации труда следователя; А. М. Ларина, сформулировавшего в науке криминалистики одно из первых определений понятия «организация расследования преступлений»; В. П. Лаврова, который впервые исследовал организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет; С. И. Цветкова, обосновавшего возможности интеграции знаний науки управления в целях решения задач криминалистики; В. А. Михайлова, глубоко исследовавшего в научных трудах отдельные криминалистические, процессуальные и управленческие проблемы организации расследования преступлений; А. В. Дулова, высказавшего предложение о том, что организационные вопросы должны рассматриваться в разделе криминалистики «Организационные основы расследования»; В. Д. Зеленского, впервые системно исследовавшего криминалистические аспекты организации расследования преступлений, отдельные теоретические и прикладные положения организации расследования преступлений, поставившего на разрешение вопрос о месте организации расследования преступлений в системе криминалистики, а также иные концептуальные положения; совместный труд И. Ф. Крылова и А. И. Бастрыкина, которые в своих изысканиях рассматривали отдельные криминалистические проблемы организации расследования преступлений; В. В. Степанова, обосновавшего необходимость исследования вопросов организации расследования преступлений, в том числе и научной организации труда следователя, в качестве элемента предмета криминалистики, и других.

В этот период издаются фундаментальные монографии и другие научные работы, в которых обосновываются теоретические положения организации расследования преступлений и предлагается целенаправленное решение ряда взаимосвязанных проблем прикладного характера. Так, Г. А. Густовым были разработаны некоторые криминалистические методы организации расследования преступлений: программно-целевой, мыслительное моделирование, факторный анализ, комплексный подход.

Обоснование организации расследования преступлений как самостоятельного раздела криминалистики и разработка его структуры представлены в трудах А. Г. Филиппова. Данный подход получил развитие в работах многих ученых-криминалистов: В. В. Агафонова, Н. А. Бурнашева, А. В. Дулова, В. Д. Зеленского, В. Ф. Статкуса, В. В. Степанова и других.

Основными тенденциями данного этапа являются: 1) формирование понятия «организация расследования преступлений»; 2) выделение криминалистического и управленческого уровней организации расследования преступлений; 3) переход от организации расследования преступлений как совокупности теоретических построений к частной криминалистической теории; 4) систематизация криминалистических знаний в области организации расследования преступлений и практики их реализации; 5) постановка вопроса о месте организации расследования преступлений в системе криминалистики.

Для *современного этапа* (2002 г. — по настоящее время) характерно возобновление разноаспектного интереса к проблемам организации расследования преступлений; разработка теоретических положений и практических рекомендаций по организации расследования преступлений на основе накопленного эмпирического материала и творческого использования знаний базовых наук в данной области (теории организации, теории управления, общей теории НОТ, уголовного процесса и др.).

Принятый в 2001 г. УПК РФ концептуально изменил структуру и содержание досудебного и судебного производства и определил новые направления и формы организации применительно к различным видам деятельности, осуществляемой в сфере уголовного судопроизводства. Это породило множество трудно решаемых проблем и различных подходов к вопросам организации расследования преступлений и особенностям их разрешения. В условиях изменившегося законодательства организационные положения и рекомендации требовали уточнения и комплексного совершенствования с целью организационного обеспечения эффективности деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

Вышеизложенное позволяет заключить, что с *первого этапа по настоящее время* закономерное развитие криминалистических знаний об организации расследования преступлений предопределило возможность окончательного формирования *криминалистического учения об организации расследования преступлений*¹ и его реализацию при выявлении, раскрытии, расследовании, предупреждении преступлений, а также в судебном разбирательстве.

Реализация *криминалистического учения об организации расследования преступлений* должна: стимулировать общетеоретические и отраслевые научные исследования, связанные с изучением проблем организации деятельности ряда субъектов (следователя, дознавателя, оперативного

¹ *Можяева И. П.* Концепция криминалистического учения об организации расследования преступлений: монография / И. П. Можяева. М.: Юрлитинформ, 2014. 256 с.; *Яблоков Н. П.* Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 108.

сотрудника, специалиста, эксперта и других участников уголовного судопроизводства) на уровне непосредственного выявления, раскрытия и расследования преступлений, а также субъектов, обеспечивающих судебное разбирательство; совершенствовать организационное обеспечение деятельности субъектов уголовного судопроизводства в досудебном и судебном производстве по уголовным делам о преступлениях различных категории; обеспечить планомерное качественное реформирование законодательной и нормативной правовой базы в сфере организации деятельности правоохранительных органов; обеспечить совершенствование профессиональной подготовки, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Моисеев А. В.

Об этике судебного эксперта-психолога

Нравственные особенности производства судебно-психологической экспертизы имеют особое значение в экспертной этике. Судебный эксперт-психолог изучает психическую деятельность подэкспертного. Однако невозможно исследование индивидуально-психологических особенностей процессуального лица (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого) без оказания определенного воздействия на его психику. Любые методы и методики очного экспертно-психологического исследования сконструированы таким образом, что получаемая в ходе психодиагностики информация является ответом на определенное воздействие. Например, таким воздействием в экспертной беседе являются вопросы судебного эксперта-психолога, в тестах интеллекта — сформулированные в них задания, в проективных методиках — предъявляемый стимульный материал и т. п. Безусловно, деятельность судебного эксперта-психолога нуждается не только в процессуальной, но и в нравственной регуляции.

Несомненный вклад в развитие экспертной этики внес профессор Р. С. Белкин. Он определял ее как раздел общей этики, предметом изучения которого является реализация нравственных норм общей морали и правил поведения в экспертной деятельности.¹ Не смотря на закрепление в законе ряда принципов производства судебной экспертизы, Р. С. Белкин подчеркивал, что нормы этики не отождествляются с нормами права.² В своей деятельности судебный эксперт должен руководствоваться следующими нравственными принципами:

- осознание общественно-социальной значимости его деятельности;

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XX, 2000. 334 с.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики: криминалистические средства, приемы и рекомендации. В 3 томах. Т. 3. М.: Юрист, 1997. 480 с.

- овладение основами права и воспитание в себе надлежащего правосознания;
- безупречное, активное выполнение своих экспертных обязанностей, постоянное совершенствование своих профессиональных знаний, честность и высокая моральная ответственность за каждое проводимое экспертное исследование, за выбор путей и средств достижения цели — решения экспертной задачи;
- профессиональная мобильность, нацеленность на экспертную инициативу¹.

К сожалению, не все они нашли свое отражение в Этическом кодексе государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации.² Здесь основными принципами являются честность и объективность, порядочность, профессиональная компетентность, безупречное поведение, лояльность, конфиденциальность информации. Данные принципы в большей степени раскрывают нравственные аспекты деятельности судебного эксперта, заложенные в законодательстве (в частности, в Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), но не в полной мере отражают сугубо нравственные особенности экспертной деятельности.

Деятельность судебного эксперта-психолога специфична и нуждается в частных этических принципах. Судебно-психологическая экспертиза, по сути, является пересечением двух областей: правовой и психологической. Очевидным путем формирования частных этических принципов судебно-психологической экспертизы является обращение к этике психологов. Но здесь возникает ряд трудностей и противоречий. Акцентируем внимание на основных из них.

Одним из первых пунктов Этического кодекса психолога является конфиденциальность полученных данных³. Однако судебный эксперт-психолог отражает в своем заключении все полученные результаты. С данным заключением могут ознакомиться все участники судебного процесса, а также оно зачитывается в ходе судебного процесса. Таким образом, сохранение конфиденциальности становится невозможным, особенно в открытом заседании суда. В Этическом кодексе государ-

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XX, 2000. С. 266.

² Этический кодекс государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Минюста России, разработан федеральным бюджетным учреждением Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации и одобрен на Всероссийском совещании руководителей государственных судебно-экспертных учреждений Минюста России 26.03.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/ru/node/269945> (Дата обращения 01.11.2017).

³ Этический кодекс психолога // Российское психологическое общество [Электронный ресурс]. URL: <http://рпо.рф/рпо/documentation/ethics.php> (Дата обращения 01.11.2017).

ственных экспертов судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации в отношении данного принципа указано добавление: «исключая случаи, предусмотренные законом». С одной стороны, это позволяет решить возникающее противоречие с Этическим кодексом психолога, а с другой стороны, это не будет являться в полной мере конфиденциальностью в контексте принципов общей этики.

Деятельность судебного эксперта-психолога в ряде случаев нарушает этический принцип ненанесения вреда. Так, при производстве ряда экспертно-психологических исследований, где основной задачей является изучение динамики психического состояния (в уголовном процессе: СПЭ эмоциональных состояний, СПЭ потерпевших по фактам сексуального насилия; в гражданском процессе: СПЭ морального вреда), судебный эксперт-психолог вынужден актуализировать воспоминания травматической, юридически значимой ситуации, побуждая подэкспертного вновь переживать нравственные страдания, что, в свою очередь, наносит вред его психологическому здоровью.

Согласно п. 3.2. принципа честности Этического кодекса психолога, «психолог формулирует результаты исследования в терминах и понятиях, принятых в психологической науке». Но выводы в заключении судебного эксперта-психолога должны быть понятны не только носителю специальных знаний, но и другим участникам досудебного и судебного производства. Иначе возникает абсурдная потребность в специальных знаниях для понимания результатов специального познания.

Таким образом, в настоящее время существует необходимость в разработке и принятии Этического кодекса судебного эксперта-психолога, который должен ориентироваться не столько на правовую сторону производства судебных экспертиз, сколько учитывать всю специфику проведения экспертно-психологического исследования, а также распространяться как на государственных, так и негосударственных судебных экспертов-психологов.

Моисеева И. Г.

Современный взгляд на метод анализа материалов уголовного дела в судебно-психологической экспертизе

Традиционно применяемым в судебной экспертизе и сегодня остается метод психологического анализа материалов уголовного дела. Этот метод успешно применяется судебными экспертами при осуществлении психологического обеспечения следственной и оперативно-розыскной деятельности.

Говоря о методах криминалистики, выделяют всеобщий метод криминалистической науки и ее общенаучные методы¹. При исследовании их содержания выявляется, что ведущая роль отдается приемам логического мышления. Этот основополагающий принцип ложится и в основу деятельности судебного эксперта-психолога при изучении материалов уголовного дела. Целью психологического анализа материалов уголовного дела является выявление существенных для дела психологических феноменов посредством аналитико-синтетической деятельности при изучении и обработке документов, включенных в состав конкретного уголовного дела².

В этой связи, следует отметить, что техническое развитие следственной деятельности привело к серьезному видоизменению материалов уголовного дела, изучение которых становится крайне востребованными в новых видах судебно-психологической экспертизы. Ярким примером этого процесса является использование технических средств фиксации и хранения цифровой информации, что повсеместно внедрено в оперативно-следственную деятельность и распространено в гражданско-правовых отношениях. Также широко распространена практика предоставления аудиозаписи или видеозаписи в качестве самостоятельного доказательства.

Однако на сегодняшний день остро стоит вопрос о применении традиционного подхода к психологическому анализу аудио- или видеоматериалов, приобщенных к материалам уголовного дела. В данном случае возникает необходимость построения научной модели, в которой нужно заново определить значение психологического анализа этих материалов, содержание этого анализа, особенностей и способов его проведения.

Как указывает Ф. С. Сафуанов, психологический анализ материалов уголовного дела является разновидностью герменевтического подхода, который вполне возможно применить не только к приобщенным документам. Как текст можно рассматривать аудио- и видеозаписи допросов, следственного эксперимента, выхода на место происшествия и других следственных действий³. Таким образом, представляется возможным применить эту грань психологического анализа в производстве судебно-психологической экспертизы личности (свидетеля, потерпевшего, обвиняемого); эмоциональных состояний; по факту ДТП и аварий на производстве; по вопросам

¹ *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика. Учебник для вузов. М.: Норма, 2000.

² *Енгальчев В. Ф., Оселков А. А.* Психологический анализ материалов уголовного дела / Учебно-методическое пособие для студентов факультетов психологии. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005.

³ *Сафуанов Ф. С.* Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата / Ф. С. Сафуанов. М.: Юрайт, 2014.

определения места жительства ребенка; при выявлении признаков психологического воздействия, установлении признаков материалов порнографического характера; исследовании материалов по делам коррупционной направленности, о массовых беспорядках и противодействии экстремизму.

Учитывая необходимость осуществления психологического анализа материалов уголовного дела, как в традиционных, так и новых видах судебно-психологической экспертизы, необходимо отделить общие этапы применения метода, так и специфические особенности при наличии в материалах уголовного дела аудио- или видеозаписей. К общим этапам применения метода психологического анализа материалов уголовного дела относятся¹: 1) уяснение фабулы дела (фабула уголовного дела в описании следственных органов и фабула в описании экспертов-психологов имеют существенные различия); 2) психологический анализ особенностей личности подэкспертного или других участников следственных действий (выделяются материалы, в которых могут содержаться прямые и косвенные данные об особенностях личности); 3) психологический анализ юридически значимой ситуации (изучение особенностей психической деятельности человека в периоды времени совершения инкриминируемого деяния); 4) проработка и сопоставление противоречивых и противоположных данных (соотношение и взаимодействие данных, полученных из различных источников и заключительный анализ).

К специфическим особенностям применения данного метода при наличии в материалах уголовного дела аудио- или видеозаписей является учет их психологического содержания при анализе юридически значимой ситуации, так как зачастую изучение совокупности бумажных материалов дела и цифровых записей дает полноценную картину о контексте исследуемой ситуации. Это позволяет более точно и надежно осуществлять анализ взаимодействия личности с условиями юридически значимой ситуации, по результатам которого получить данные о смысловом восприятии подэкспертным или другими участниками следственных действий этой ситуации, об особенностях произвольной регуляции деятельности, процессах контроля поведения, эмоционального и функционального состояния в момент исследуемой ситуации².

Сюда же следует относить выявление общих социально-демографических данных, данных о семейно-родительских отношениях,

¹ *Енгальчев В. Ф., Оселков А. А. Психологический анализ материалов уголовного дела / Учебно-методическое пособие для студентов факультетов психологии. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005; Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе / Ф. С. Сафуанов. М.: Гардарика; Смысл, 1998.*

² *Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе / Ф. С. Сафуанов. М.: Гардарика; Смысл, 1998.*

микросреде и неформальных и производственных социальных связях, формулирование на основе них нравственно-правовой и социально-психологической характеристики личности подэкспертного или других участников следственных действий¹.

Психологический анализ юридически значимой ситуации необходим для решения конкретных задач судебно-психологической экспертизы, он направлен на изучение особенностей психической деятельности человека в периоды времени совершения инкриминируемого деяния². На основе аналитико-синтетической деятельности эксперт-психолог выделяет значимые для дела периоды времени, в которых разворачивается та или иная психическая деятельность подэкспертного лица, оцениваемая с позиции разных юридических критериев. В традиционных видах судебно-психологической экспертизы такой значимой ситуацией будет ситуация совершения инкриминируемого деяния либо предкриминальный, криминальный и посткриминальный этап этой ситуации. В новых же видах судебно-психологической экспертизы экспертные задачи касаются стадий предварительного следствия или судебного разбирательства.

При наличии в материалах уголовного дела аудио- или видеозаписей для установления содержания, контекста и особенностей юридически значимой ситуации судебный эксперт-психолог может применять метод их психологического анализа. Данный метод считается герменевтическим, и заключается в определении тематических фрагментов, выявлении логических взаимосвязей между ними, а также общего контекста, который сопряжен с конкретными действиями человека, внешними обстоятельствами, особенностями поведения, составляющими индивидуальный стиль его реагирования в напряженной или экстремальной ситуации³.

Таким образом, применение совокупности различных методических приемов при осуществлении психологического анализа материалов уголовного дела, соотнесении полученных в результате этого данных с диагностическими или иными объективными показателями, последующем анализе всех полученных в ходе исследования результатов позволяет решать большое количество современных экспертных задач.

¹ Криминальная психология: учеб. пособие / авт.-сост. А. И. Ушатиков, О. Г. Ковалев. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007.

² Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе / Ф. С. Сафуанов. М.: Гардарика; Смысл, 1998.

³ Моисеева И. Г. Психологический анализ видеозаписи как метод судебно-психологической экспертизы // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей: сб. научных статей. М.: РГУП, 2017. С. 113–115.

Моисеева Т. Ф.

Р. С. Белкин о природе криминалистики и судебной экспертизы

Чем больше проходит времени с момента, когда не стало Рафаила Самуиловича Белкина, тем мы все более осознаем, каков его колоссальный вклад в становление и развитие науки криминалистики.

Определяющим для формирования любой науки является определение ее предмета, и сформулированное Р. С. Белкиным почти 50 лет назад определение предмета криминалистики и сегодня, несмотря на многочисленные попытки его дополнения, уточнения или даже изменения, остается тем фундаментом, на котором построена наука криминалистика. Предмет криминалистики в определенной степени свидетельствует о природе криминалистики. Р. С. Белкин со временем изменил свою точку зрения на природу криминалистики. Он обладал ценным, особенно для ученого, качеством — способностью критически анализировать и пересматривать свои взгляды с учетом объективного развития научного знания.

Природа криминалистики в разные периоды ее развития определялась по-разному, что характеризовало уровень ее развития. В период становления как самостоятельного научного направления криминалистика рассматривалась как техническая прикладная наука, что в начале играло положительную прогрессивную роль и способствовало ее отмежеванию от процессуальной науки. Однако со временем криминалистика приобретает новые функции, связанные с правовыми аспектами деятельности, и концепция криминалистики как чисто технической науки начинает мешать ее дальнейшему развитию. Так разработка методов проведения процессуальных действий, востребованная практикой, не могла проводиться вне правового поля. В соответствии с этим в 50-х годах прошлого века появилась концепция двойственной природы криминалистики, выдвинутая П. И. Тарасовым-Родионовым, которая предусматривала наличие в рамках единой науки криминалистики двух частей: правовой и технической (естественнонаучной) части.¹

В этот же период в начале 50-х годов прошлого века рядом крупных ученых криминалистов (А. И. Винберг, С. П. Митричев, Н. В. Терзиев, С. А. Голунский и др.) была выдвинута и обоснована концепция криминалистики как юридической науки. Эта позиция имела ряд достаточно веских оснований, в том числе обосновывалась и тем, что ее предмет и объекты познания лежат в сфере правовых явлений, и несмотря на то, что криминалистика связана со многими естественными, техническими

¹ Тарасов-Родионов П. И. Советская криминалистика. Социалистическая законность. 1951. № 7. С. 10–11.

и общественными науками, основой криминалистики является право, правовые науки.

Этот взгляд на природу криминалистики разделял и Р. С. Белкин. Когда позже стали высказываться сомнения в чисто правовой природе криминалистики, и в 1963 году Эйсман А.А. писал о том, что криминалистика является пограничной наукой: одновременно как юридической, так и естественно-технической¹, Р. С. Белкин выступил решительно против такого понимания природы криминалистики. Интересно, что позже А. А. Эйсман отказался от своих взглядов и также принял концепцию юридической природы криминалистики. В то же время как Р. С. Белкин, будучи ярким сторонником правовой природы криминалистики, в 90-е годы пересмотрел свою позицию в свете изменившихся под влиянием научно-технического прогресса сущности и функций криминалистики. Критически проанализировав все доводы сторонников правовой природы криминалистики, он показал, что все разделы криминалистики имеют множественную природу, т. е. в них востребованы знания не только правовые, но и естественных, технических, общественных наук, и выдвинул концепцию о природе криминалистики как синтетической (гибридной) науки.² Р. С. Белкин писал: «Изменение представлений о природе криминалистики, признание ее синтетической наукой — объективное отражение происходящих в ней реальных процессов». Данная концепция представляется в настоящее время актуальной и отражающей современные реалии развития криминалистики. И хотя среди ученых еще достаточно приверженцев сторонников правовой природы криминалистики, концепция синтетической природы криминалистики является преобладающей. Р. С. Белкин также определял, как синтетическую и природу формирующейся науки о судебной экспертизе, что способствовало развитию ее общей теории.

Определяя место криминалистики в системе научного знания, Р. С. Белкин считал возможным отнести ее к правовым наукам из группы специальных юридических наук, поскольку в традиционной классификации наук отсутствуют гибридные междисциплинарные категории, однако это носит условный характер и не меняет концепции синтетической природы криминалистики. Скорее это свидетельствует о несовершенстве традиционной системы классификации наук, требующей ее совершенствования в свете современных реалий развития научного знания.

Хочется еще раз подчеркнуть актуальность и современность идей Р. С. Белкина, которые будут востребованы и в будущем.

¹ Эйсман А. А. Криминалистика в системе юридических и естественных наук. Сб. науч. работ Лит. НИИСЭ. Вильнюс, 1963. № 1. С. 29.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3-е изд. М., 2001. С. 105—112.

Рассмотрение сообщений о преступлениях экстремистской направленности, совершаемых в сети Интернет

Основной задачей правоохранительных органов является охрана прав и законных интересов человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности от преступных посягательств. В настоящее время все большее распространение получает идеология экстремизма. Затянувшийся экономический кризис, государственные преобразования и реформы, обострение отношений с иностранными государствами, ведущие к нагнетанию негативных настроений в обществе, являются благоприятной платформой для внедрения в целях дестабилизации государственной власти экстремистских взглядов.

В соответствии со статистическими данными **МВД РФ**, за 2014 год органами Следственного комитета и **МВД РФ** выявлено 1034 преступлений экстремистского характера, из которых раскрыто 879¹. В 2015 и 2016 году эти показатели выросли и составили — 1329 и 1125² преступлений и 1450 и 1207³ преступлений соответственно. В период с января по сентябрь 2017 года рассматриваемые показатели составили 1189 выявленных и 960 раскрытых преступлений⁴.

Особое место среди них занимают преступления экстремистского характера, совершаемые в сети Интернет. Высокий уровень развития и повсеместное распространение информационных технологий, транснациональность и анонимность в сети Интернет являются важнейшими инструментами злоумышленников для привлечения «соратников» и осуществления экстремистской деятельности.

Особенности хранения и управления компьютерными файлами, обусловленные недолговечностью некоторых из них и возможностью безвозвратного удаления, определяют необходимость оперативно, тактически продуманно и четко спланированно осуществлять все процессуальные действия в кратчайшие сроки. В связи с вышеизложенным, особое внимание важно уделить этапу рассмотрения сообщения о пре-

¹ См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 года. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/pxOrdPt4BF.pdf (дата обращения 31.10.2017).

² См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения 31.10.2017).

³ См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения 31.10.2017).

⁴ См.: Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2017 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/11341800> (дата обращения 31.10.2017).

ступлении экстремистского характера, совершенного в сети Интернет, в рамках которого уполномоченное лицо должно принять соответствующее процессуальное решение.

В юридической литературе данный этап именуется по-разному: «предварительная проверка», «проверка сообщения о преступлении», «рассмотрение сообщения», «доследственная проверка» и т. д. Наиболее верным для обозначения проверочных действий, совершаемых на данном этапе, представляется употребление словосочетания «рассмотрение сообщения о преступлении», которое используется и законодателем. В подтверждении данного мнения хотелось бы отметить, что термины «предварительная», «доследственная» означают предшествование чему-либо (а термин «доследственная» можно прямо трактовать как нечто, проводимое «до следствия»), предполагают наличие некоего продолжения по завершению данного этапа. Но не всегда такое продолжение имеет место, ведь по результатам проверочных действий может быть принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Рассмотрение сообщения о преступлении является отправной точкой, а информация, получаемая на данном этапе, становится фундаментом для всего дальнейшего расследования

В связи с вышеуказанным, видится необходимость определения такой категории, как «ситуация на этапе рассмотрения сообщения о преступлении». Данное понятие, исходя из этимологического значения слова «ситуация», а также из смысла ст. 144 УПК РФ, следует определить, как «совокупность условий и обстоятельств, оказавшись в которых дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, приняв сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, посредством совершения определенных процессуальных действий, обязан принять соответствующее процессуальное решение».

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ ряд статей посвящен вопросу возбуждения уголовного дела. Так, в соответствии со ст. 140 УПК РФ для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо наличие повода и основания. Поводами к возбуждению уголовного дела являются письменные и устные заявления граждан, явка с повинной (по делам данной категории встречается редко), сообщения о преступлении, полученные из иных источников, а также постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании¹.

Кроме повода для возбуждения уголовного дела о фальсификации доказательств, уголовно-процессуальный закон необходимым условием возбуждения уголовного дела также признает наличие основания. Осно-

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) / СПС «КонсультантПлюс». Ст. 140.

ванием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Данный признак является оценочным и законодателем он подробно не раскрывается, что может привести к затруднениям в правоприменительной практике. В юридической литературе большую поддержку получило мнение, согласно которому понятие «основание к возбуждению уголовного дела» включает данные об объекте и объективной стороне преступления¹. Анализ работы подразделений правоохранительных органов, занимающихся борьбой с экстремизмом, позволяет выделить ситуации этапа рассмотрения сообщения о преступлении, основываясь на объеме и характере той первичной, исходной информации, которую получает оперативный сотрудник, следователь, в зависимости от источника получения информации:

С заявлением в правоохранительные органы обратилось лицо, в отношении которого совершено преступление, а равно подготавливалось либо планировалось, или преступление совершено, а равно подготавливалось либо планировалось, в отношении его близких или знакомых.

С заявлением обратилось лицо, которое выявило в результате случайного или целенаправленного поиска в сети Интернет информацию, предположительно, свидетельствующую о планировании, подготовке, совершении преступления экстремистского характера.

Информация о планировании, подготовке, совершении преступления экстремистского характера обнаружена случайно или в результате целенаправленного поиска сотрудником подразделений по борьбе с экстремизмом либо сотрудниками специальных оперативных подразделений МВД России, а равно сотрудниками иных уполномоченных органов.

Информация о планировании, подготовке, совершении преступления опубликована в СМИ.

Информация о планировании, подготовке, совершении преступления получена в ходе расследования другого уголовного дела, как общеуголовной направленности, так и экстремистского характера.

В зависимости от объема располагаемой информации, ситуации на этапе рассмотрения сообщений о преступлении, можно подразделить на следующие типы:

Известен лишь факт совершения преступления, но неизвестны способ совершения преступления и лицо (или лица), причастное (причастные) к его совершению.

Известен факт совершения преступления, известен способ совершения, но неизвестно лицо, его совершившее.

¹ См.: Степанов В. В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлении. Саратов, 1972. С. 53.

Известны факт совершения преступления, способ совершения и лицо, его совершившее.

Таким образом, решение о возбуждении уголовного дела принимается в условиях одной из исходных ситуаций:

Установлен факт преступления экстремистского характера, совершенного в сети Интернет, о котором стало известно из заявления о преступлении.

Установлен факт преступления экстремистского характера, совершенного в сети Интернет, о котором стало известно из материалов расследования других преступлений либо по результатам оперативно-розыскных мероприятий.

Установлен факт преступления экстремистского характера, совершенного в сети Интернет, о котором стало известно из средств массовой информации.

Таким образом, первоначальный этап расследования может характеризоваться следующими ситуациями:

Преступление экстремистского характера, совершенное в сети Интернет, действительно имело место при обстоятельствах, указанных в заявлении.

Факт преступления экстремистского характера, совершенного в сети Интернет, установлен, но обстоятельства совершения преступления иные, чем указано в заявлении, сообщении.

Факт преступления экстремистского характера, совершенного в сети Интернет, не установлен или имел место заведомо ложный донос.

Подводя итог, следует подчеркнуть важность этапа рассмотрения сообщения о преступлении экстремистской направленности, совершенного в сети Интернет. Ведь зачастую к моменту возбуждения уголовного дела оперативными сотрудниками выявлены и установлены лица, причастные к совершению преступления, а также установлены иные источники получения доказательственной информации, что в дальнейшем облегчает и ускоряет процесс расследования.

Муратова Н. Г.

**Мастерство в судебной криминалистике
(по страницам книги профессора Рафаила Самуиловича
Белкина «Скучная» криминалистика: рассказ об известных,
малоизвестных и почти неизвестных средствах
и методах поиска истины в правосудии» — 1993 г.)**

Актуальность проблематики. Статья посвящена книге проф. Белкина Р. С. Эта книга — послание в будущее — тем потомкам, которые будут раскрывать преступления и будут делать это профессионально, точно

и с великим мастерством и уважением к великим криминалистам. Эпиграфом к этой книге известный ученый, криминалист, публицист и Мастер выбрал проникновенные слова Эдгара По — «Едва ли разуму человека дано загадать такую загадку, какую разум другого его собрата, направленный должным образом, не смог бы раскрыть». Да, раскрыть тайну преступления — это наука о поиске истины; и не учебник писал Профессор и не детективный роман: он говорил о мастерстве следователя. Этому можно научиться, а современный следователь, вооруженный современной техникой и информационными технологиями, проявляя мастерство, может заглянуть в потайные уголки стремительно развивающейся криминалистики. Это может и суд, рассматривающий дело по существу, что обязывает его попытаться понять и «прочитать» следы объективного мира, которые фиксируются криминалистическими средствами. Это ее — криминалистику — профессор Р. С. Белкин называл «заступом в руках следователя, оперативного работника, эксперта, которым они рыхлят тайну преступника, облегчая росткам истины дорогу к свету» (с. 3).¹ Действительно, разрабатывая и совершенствуя средства и методы раскрытия и расследования преступления, наука криминалистика ставит на службу правосудия — как отмечал Профессор — «всю мощь нашего атомного века и противопоставляет ухищрениям преступника безграничные возможности знания, точный расчет и научное предвидение». Профессор Е. П. Ищенко увидел «Криминальные джунгли интернета» (гл. первая) и предостерегает — давайте изучать Глобальную информационную сеть, так как именно она является прародительницей виртуального криминала². Да. Нужны профессионализм, мастерство следователя и суда, чтобы в совокупности оценить достоверность тех сведений, которые получены судебно-экспертными средствами. Обратим внимание, что традиционно производимые по делу экспертизы называются «судебными» — медицинские, баллистические, биологические и тд.³ Думается, что не это случайно, и именно с установлением истины в правосудии связывал Рафаил Самуилович цель криминалистики.

Обзор проблематики. Книга профессора Р. С. Белкина состоит из одиннадцати глав, которые проецируют научно-практические проблемы на современные возможности следователя и его мастерство. *Глава первая*, «в которой автор хоть и цитирует священные книги мусульман, повествующие фактически о криминалистических методах установле-

¹ Белкин Р. С. «Скучная» криминалистика. Ижевск: х/ц «Глобус»; Казань: типография Татарского газетно-журнального издательства, 1993. 352 с. (формат 70x108–1/32), тираж 20000 экз.

² Ищенко Е. П. Виртуальный криминал. М.: Проспект, 2015, С. 8 (232 с.) (формат 60x90 — 1/16), тираж — 50 экз.

³ Россинская Е. Р., Галышина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. 464 с.

ния истины, однако не рискует объявить криминалистику божественной наукой и ограничивается примерами того, как ее незнание приводит к дьявольским ошибкам» (с. 6–28).

Глава вторая, «повествующая о современном арсенале следователя, об его главном «логическом оружии» и предлагающая читателю решить, что важнее: лупа или логика» (с. 29–58). *Глава третья*, «описывающая искусство «чтения мыслей» преступника, рассказывающая о том, что такое рефлексивное управление его поведение и действиями и в чем заключается «дилемма заключенного» (с. 59–74). *Глава четвертая*, «предоставляющая читателю возможность поразмыслить над тем, какой вид могут иметь следы преступления и преступника, где хранится ключ к его тайне и как он выглядит и какое блюдо можно приготовить из консервированного запаха» (с. 75–110). *Глава пятая*, начинающаяся рассказом о незадачливом полковнике, повествующем о том, что можно было узнать по «Ньюгетскому календарю» и заканчивающаяся вопросом: знал ли Я.Гашек все способы кражи собак?» (с. 111–136). *Глава шестая*, «в которой впервые упоминается о королевской лилии, «игре на рояле», о работе без механизма и о том, какими красками рисуют словесный портрет» (с. 137–184). *Глава седьмая*, «в которой автор поет дифирамбы строчной букве, упоминает о дьяках-экспертах и чародеях-графологах и рассказывает о записях, возрожденных из пепла, как птица Феникс» (с. 185–222). *Глава восьмая*, «о том, что даже у новорожденных снимают отпечатки пальцев, что тайну можно открыть отверткой и что зубы интересуют не только дантиста, а также о других не менее занимательных вещах» (с. 223–254). *Глава девятая*, «в которой сначала речь пойдет о Наполеоне, потом о пыли и грязи, а в заключении об обрезках ногтей с места происшествия» (с. 253–283). *Глава десятая*, «повествующая о «бацилле лжи» и «сыворотке правды», о том, можно ли перевести корову в такси, какую помощь следователю может оказать маникюрша и как играют в игру «холодно-горячо» (с. 282–332). *Глава одиннадцатая*, «и последняя, повествующая о том, как можно было бы оставить криминалистов без работы при пустяковом условии, что в мире исчезнет преступность и восковая фигура последнего преступника будет выставлена в музее восковых фигур» (с. 333–350) Профессор Р.С. мечтатель и боевой криминалист убедительно доказал в этой книге, что во всех наших городах и селах, по всей нашей земле слово «преступление» может исчезнуть из лексикона и тогда криминалисты с радостью сменят свою специальность, найдя себе иное, «мирное» занятие. А пока.. — по спящему городу мчится криминалистическая машина и ее ждут взволнованные лица... (С. 350).

Эта работа уже много лет является настольной книгой следователей и криминалистов, которая поражает глубиной и легкостью преподнесения материала. Мы словно парим над земным шаром — практика из Европы, Китая, США, комментарии расследования сложнейших

преступлений и, самое главное, рекомендации, пожелания, формулирование методик следственных действий. И все это — хорошим литературным языком! Тем более она вышла в «лихие» 90-е XX века. Именно тогда нужны были слова Мастера, чтобы понять смысл борьбы с преступностью и неотвратимость уголовной ответственности. Рафаил Самуилович продолжил и развил Концепцию мастерства следователя, криминалиста, о котором много писал Юрген Торвальд, книга которого «100 лет криминалистики (1974 г.) воодушевила специалистов, показала всю мощь криминалистической науки. Современный перевод книги «Век криминалистики» (2015) « позволяет точнее передать пронизывающую всю книгу мысль автора о том, что только со второй половины XIX столетия начался период расцвета, век криминалистики».¹

Да, конечно профессор Белкин Р.С. знал, что наступит «новый век криминалистики», и самому широкому кругу читателей надо показать чудовищное коварство современной преступности и мощные методы противодействия ей. Новые труды профессора Ищенко Е.П. «Новый век криминалистики» продолжил идеи о следах, о происхождении преступности и преступника, о киберпространстве². И все таки совершенно прав был проф. Белкин Р.С. что поиск истины в правосудии — путь сложный и необходимый; он писал — «криминалистика так содержательна, в ней есть еще столько уголков, куда не заглядывал глаз популяризатора, да и развивается она так стремительно, что он (Белкин Р.С. - прим. автора) не боится повториться».

Выводы автора-процессуалиста. Действительно, популярность криминалистики велика — и среди ученых и практиков, и среди студентов юридических вузов и обычных граждан. Действительно, как раскрыть преступление, с его начитается это процесс? Судья видит пред собой материалы уголовного дела — процессуальные документы следователя, прокурора, руководителя следственного органа с многочисленными волевыми актами «согласен», «утверждаю», «возбудить..», «прекратить..». Массив протоколов следственных действий и массив вещественных доказательств исследует судом. Это модель — преступления? Или это — воспроизведение субъектами права своих ощущений при производстве процессуальных действий или отражение события преступления, которое было в прошлом? И здесь надо вспомнить профессора Шейфер Семена Абрамовича, который предвидел на шаг вперед — не источники надо изучать, а процесс познания истины через те сущностные свойства видов доказательств, которые в единстве составляют целостный процесс познания и формирования системы доказательств по уголовному делу.

¹ Решетников Ф. М. Вступительная статья // Тотваль Ю. Век криминалистики / пер. с нем. И. С. Власова, Л. А. Пэк. М.: Оригинал-макет, 2016. С. 3 (360 с).

² Ищенко Е. П. Новый век криминалистики. Ч. 1. М.: Проспект, 2017. 312 с.; Ищенко Е. П. Новый век криминалистики. Ч. 2. М.: Проспект, 2017. 304 с.; Ищенко Е. П. О криминалистике и не только: избранные труды. М.: Проспект, 2016. 384 с.

И, не случайно, видимо, в связи с таким философско-теоретическим подходом профессор предложил три уровня предмета доказывания: *первый* — обобщенная нормативная модель, *второй* — уголовно-правовая модель, *третий* — конкретно-фактическая модель. И чтобы осознать глубину предмета доказывания необходимо исследования логики доказывания, приемов доказывания, обеспечивающих «надежность выводов следователя и суда». Нельзя суживать пределы доказывания, упрощать процесс познания и объективные критерии пределов доказывания и этот вопрос также ждет своего исследователя¹.

Думается, что профессор Белкин Рафаил Самуилович создал Концепцию мастерства доказывания, он создал Судебную криминалистику, которая способна найти «истину в правосудии» и раскрыть тайны объективного мира.

Муратов К. Д.

Незаконная выемка и ее правовые последствия (или о том, можно ли полностью исключить выемку из системы следственных действий)

Актуальность постановки темы. Идеи профессора Белкина Рафаила Самуиловича о криминалистическом значении всей системы следственных действий позволили современным авторам обратиться к проблемам правовых последствий следственного действия. И это не случайно, так как ряд правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации связаны именно с правовыми последствиями, например, изъятия предметов и документов и признание их вещественными доказательствами², арестом вещественных доказательств³, защиты прав собственника изъятых имущества⁴ и другие позиции. Но, прежде всего, необходимо подумать о значении законности следственного действия. Существует ли терминологические в содержании статьи 7 УПК РФ «Законность при производстве по

¹ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. Гл. четвертая «О предмете и пределах доказывания». С. 81). М.: Норма, 2008. 240 с.

² В Постановлении Конституционного Суда РФ № 9 от 16.07.2008 «По делу о проверке конституционности положений ст. 82 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Костылева» // РГ. 01.08.2008. № 163 (4720).

³ Постановление Конституционного суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 188 УК РФ, ч. 4 ст. 4.5, ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 КоАП РФ в связи с жалобами граждан В. В. Баталова, Л. Н. Валусовой, Ганиевой, О. А. Красной и И. В. Эпова» // <http://www.garant.ru> — 06.11.2017.

⁴ Постановление Конституционного суда РФ от 31.01.2011—08—23 Г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой, третьей и девятой ст. 115, п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и абз. девятого п. 1 ст. 126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // <http://www.garant.ru> — 06.11.2017.

уголовному делу» слово «незаконное»? *Первая позиция данной статьи* — это запрет применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ; *вторая* — если суд установит в ходе производства по делу несоответствие федерального закона УПК РФ — принимает решение в соответствии с УПК РФ; *третья* — нарушение норм УПК РФ судом или компетентными органами государства, «влечет за собой признание *недопустимыми* полученных таким образом доказательств»; *четвертая* — все определения суда, постановление суда и компетентных органов государства должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Таким образом, содержание законности при производстве по уголовному делу непосредственно связано с *недопустимостью* доказательств — термином, генезис которого в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве связан с Законом Российской Федерации от 16 июля 1993 г.¹, которым ст. 69 УПК РСФСР «Доказательства» была дополнена частью третьей — «Доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 68 УПК РСФСР «Обстоятельства, подлежащие доказыванию». Критерий какой? — Нарушение закона. В современной статье 75 УПК РФ «Недопустимость доказательств» — критерий какой? — Нарушение требований УПК РФ. Это существенно, представляется, так как могут быть нарушены не только нормы Уголовного-процессуального кодекса Российской Федерации, но и другие федеральные и федеральные конституционные законы, а также международно-правовые акты. Например, при производстве выемки — что можно изъять? Спектр предметов, документов, имущества, ценностей, культурных ценностей, художественных ценностей, биологического материала, электронных носителей информации —огромен. Но в законе критерий один — «определенные предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 183 УПК РФ). Органы предварительного расследования точно должны знать и обосновать, что «необходимо изъять определенные» предметы, и в том числе и принудительно (ч. 5 ст. 183 УПК РФ), если получен отказ на выдачу определенных предметов (в унифицированной форме протокола подчеркивается линией — обыск (выемка). Только вот существует правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с Постановлением Конституционного Суда от 25 апреля 2001 г. № 6-П о том, что лицо может отказаться не только от дачи показаний, но и от предоставления органам дознания и следователю других доказательств, подтверждающих его виновность

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. М.: Издательство «СПАРК», 1966. С. 32.

в совершении преступления. Доказательства же, которые получены от него принудительно, не могут быть положены, как следует из статей 49 ч. 2, 50 ч. 2 и 51 ч. 1 Конституции РФ, в основу выводов и решений по уголовному делу¹. Следует ли из этого, что ч. 5 ст. 183 УПК РФ — не соответствует Конституции РФ и надо руководствоваться правовой позицией Конституционного Суда РФ и принуждение при следственных действиях — недопустимо? И выемка будет являться незаконной? И все предметы, документы и другие материальные вещи и электронные сведения не будут иметь юридической силы? На все эти вопросы закон уже ответил, но практика развивается по другому сценарию. Отмечалось, например, что при проведении экспертизы элементы принудительного, как правило, являются основными, а в ходе получения образцов для сравнительного исследования и в ходе проведения экспертизы могут быть нарушены права граждан, предусмотренные ст.ст. 21, 22, 23, 35, 38, 41 Конституции РФ². Назывались типичные нарушения норм УПК РФ: нет понятий, отсутствует запись о специалисте или отсутствует указание о разъяснении ему прав, принудительное изъятие у лица образцов для сравнительного исследования³. Отмечались также проблемы процессуальные и этические, возникающие при необходимости, например, при получения биологических образцов для сравнительного исследования в условиях отказа лица предоставить этот материал, когда вместо этого следственного действия, была произведена выемки нательного белья для его получения, в ходе которой лицо было предупреждено о возможном применении принуждения, если откажется добровольно выдать нательное белье⁴. О порядке исключения недопустимых доказательств подробно излагается в литературе⁵.

¹ Постановлении Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова» // Решения Конституционного Суда РФ по делам о проверке конституционности уголовного и уголовно-процессуального законодательства России. 1995–2001 гг. М.: Палестин, 2002. С. 27.

² Кудрявцева А. В. Актуальные вопросы назначения и проведения экспертизы в уголовном процессе России // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: Матер. междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 60.

³ Рагулин А. В. Типичные нарушения норм УПК РФ, допускаемые при назначении судебной экспертизы, и способы противодействия этим нарушениям со стороны адвоката // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: Матер. междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 169.

⁴ Муратова Н. Г. Процессуальные и этические проблемы получения образцов для сравнительного исследования // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И. М. Лузгина и к 80-летию со дня рождения профессора И. М. Зуева) // Сб. матер. 50-х Криминалистических чтений в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2009. Ч. 2. С. 114–120.

⁵ Сутягин К. И. Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.

Дискуссионность проблемы. Незаконной выемку как следственной действие, как систему процессуальных процедур может признать только суд в двух процессуальных процедурах. *Первая* — реализация принципа свободы обжалования процессуальных действий и решений (ст.ст. 19, 123, 125, 125.1 УПК РФ) — о признании действия (бездействия) или решения незаконным или необоснованным (п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ). *Вторая* — реализация известного правила из англосаксонского процесса «о плодах отравленного дерева» — после произведенного следственного действия в условиях исключительных и не терпящих отлагательства случаях суд проверяет законность произведенного следственного действия и если судья признает произведенное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признаются недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ (ч. 5 ст. 165 УПК РФ — в ред. ФЗ от 06.07.2016 № 375-ФЗ). Таким образом, например, выемка предметов, документов, ценностей, биологического материала, имущества, произведенная незаконно (само следственное действие — выемка) имеет ряд правовых последствий: во-первых, признаются недопустимыми полученные доказательства, перечень которых определен в ч. 2 ст. 74 УПК РФ — протокол следственного действия (в данном случае — протокол выемки) и вещественные доказательства, изъятые при незаконном следственном действии — выемке. Однако, например, признание судом незаконности выемки может произойти гораздо позже, чем само следственное действие и к моменту признания ее незаконной, следователь уже признал и приобщил в качестве вещественных доказательств ряд изъятых объектов материального мира, и кроме того, провел по ним судебную экспертизу. Мы можем представить себе масштаб процессуальных последствий? Исключаются и (признаются недопустимыми) все доказательства, полученные в результате незаконной выемки. Репрезентативные исследования, проводимые автором позволили выявить мнение судей, прокуроров, следователей по двум позициям: первая — нужно ли судебное решение на принудительную выемку в порядке ч. 5 ст. 183 УПК РФ или присутствие прокурора или руководителя следственного органа — правоприменители отвечают по разному — «да» (56- 63% судей), «нет» — 81–89% (прокуроров и следователей)¹.

В связи с этим, представляется, что выемка в современном уголовном судопроизводстве — это следственное действие, направленное на решение комплекса процессуально-правовых и материально-правовых вопросов — изъятие определенных предметов, документов, ценностей, имущества, биологических и других объектов, принадлежащих физическим или юридическим лицам, необходимых для признания

¹ Приложения № 3–11 — см. *Муратов К. Д.* Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 204–231.

их вещественными доказательствами с целью доказывания фактических обстоятельств дела, возмещения причиненного преступлением ущерба, обеспечения гражданского иска и возможной конфискации имущества¹. При очевидном доказательственном, правообеспечительном, правосоставляющем, международном и межотраслевом значении выемки в сфере уголовного судопроизводства необходимо сохранить в законодательстве данное следственное действие. Расценивание выемку как «познавательного приема, проводимых в целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» и поэтому ее «полное исключение из системы следственных действий»², представляется, несколько преждевременным и необоснованным, тем более например, интересно, что в современном информационном поле в настоящее время активно обсуждают вопрос о «сборе биологического материала» россиянами³. Можно отметить, что Федеральным законом от 11 июля 2011 г. № 191-ФЗ «О внесении изменения в ст. 13 ФЗ «О федеральной службе безопасности» был внесен п. «я»: «получать биологический материал и осуществлять обработку геномной информации по преступлениям, дознание и предварительное следствие по которым отнесено законодательством РФ к ведению федеральной службы безопасности»⁴. Поэтому в литературе обсуждают проблему процессуальной формы получения биологического материала и работы с геномной информацией (кровь, слюна, пот, сперма, волосы, запаховые следы)⁵. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ определяет «получение (сбор)» (п. 4 ч. 1 ст. 1), а правила получения, учета, хранения, использования, передачи и уничтожения биологического материала и обработки геномной информации устанавливаются в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации (ч. 4 ст. 10.)⁶. Репрезентативные исследования,

¹ Муратов К. Д. Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам. Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. С. 108.

² Россинский С. Б. Выемка: следственное действие ил процессуальная форма изъятия? // Российский следователь. 2017. № 19. С. 30.

³ О сборе биологического материала россиянами иностранцами <http://www.rbcru/rbcfreenews/06.11.2017>; Эксперт рассказал о целях сбора биологического материала россиянами иностранными агентами // <https://ru.rt.com/9j1c> — 06.11.2017; в Пентагоне объяснили сбор биологического материала россиянами <https://susanin.news/world/other/20171101-242829> — 06.11.2017.

⁴ РГ. 15.07.2011. № 153.

⁵ Семенов А. Ю. Возможности метода ДНК-анализа в раскрытии и расследовании преступлений // Предварительное следствие (журнал СК РФ). Вып. 4 (6). 2009. М., 2009. С. 78–91. Так, в частности, автор обращается к опыту других стран: в Великобритании процент раскрытия преступлений без использования метода ДНК-анализа составлял 13%, с использованием ДНК-анализа — 31%, а с использованием ДНК-анализа и базы данных ДНК — 60%. (С. 81).

⁶ Постановление Правительства РФ от 11.10.2011 № 828 «Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы» // <http://base.garant>.

проводимые автором, по вопросам сбора биологического материала выявили очень интересную картину: при ответе на вопрос «необходимо ли предусмотреть в законе решение суда или прокурора давать разрешение на производство выемки или изъятие человеческого биологического материала (живых лиц — пот, кровь слюна и др?» — прокуроры и судьи отвечали «да» (50–61%), следователи — «нет» (79–90%)¹.

Выводы автора. Незаконность выемки и ее правовые последствия должны быть облечены в четкие процессуальные правила. Прежде всего, представляется, что должно быть решение суда о том, что процедура выемки как следственного действия была нарушена и протокол выемки не соответствует действиям участников данного следственного действия, так как результаты выемки имеют процессуально-правовое значение и могут отвечать целям доказывания по уголовному делу. Кроме того, считаю, что должно быть решение суда о недопустимости доказательств, полученных в результате производства выемки, производство которой решением суда признано незаконной в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, ст. 75 УПК РФ. В условиях большой дискуссионности проблематики о выемке биоматериала у живого лица или с (из) тела живого лица, повторю изложенное в своей диссертационной работе мнение о том, что необходимо подставить под предварительный контроль суда ряд видов выемки: получения (сборе) биологического материала и обработке геномной информации и уничтожении этих объектов» (дополнить об этом ч. 2 ст. 29 УПК РФ п. 14).

Мухитдинов А. А.

Правовое положение следователя в уголовном процессе Таджикистана и России

В период формирования и строительства правового государства происходит бурное развитие и становление законодательства. Появляются новые правовые институты, совершенствуются уже имеющиеся. Наряду с этим идет творческое осмысление и заимствование с учетом отечественного опыта отдельных положений законодательства иностранных государств, международного законодательства².

гу/ — 07.11.2017. Постановление Правительства РФ от 08.05.2015 № 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам», утвердившее Правила хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам (<http://base.garant.ru> — Сборник нормативно-правовых актов по вопросам учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам: учебно-практическое пособие: автор-составитель Муратов К. Д. Казань: АМНЕИЮС, 2017. С. 14–19.

¹ Приложения № 3–11 — см. *Муратов К. Д.* Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 204–231.

² См.: *Аламурастов А. Т.* Иммуниеты в уголовном процессе Республики Узбекистан: Дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 2004. С. 13.

Каждый участник уголовного процесса согласно уголовно- процессуального законодательства наделен соответствующим правовым положением, исходя из свойственному ему роли в уголовном судопроизводстве. С момента появления в уголовном процессе фигуры следователя и до нашего времени проявляется большой интерес среди исследователей, процессуалистов и практиков к правовому положению следователя в уголовном судопроизводстве. Правовое положение следователя в любой стране напрямую зависит от того каким образом регламентировано круг его полномочий, прав и обязанностей и предоставления процессуальной самостоятельности в реализации своих правомочий.

Согласно уголовно-процессуального законодательства многих стран мира, в том числе Таджикистане и России в борьбе с преступностью следователь находится в первых ее рядах, ему принадлежит определяющая роль в раскрытии, расследовании и профилактике преступлений. Следователю приходится непосредственно сталкиваться с задержанным лицом, совершившим преступление и при установлении общественно опасного деяния возбуждать уголовное дело, признав данное лицо подозреваемым. С этого момента он несет полную ответственность за результаты расследования уголовного дела.

Как справедливо отмечает В. М. Быков: «на следователе лежат исключительно ответственные обязанности, от качественного выполнения которых во многом зависит эффективная борьба с преступностью»¹.

Несмотря на это, следует отметить парадоксальное положение, которое сложилось в процессе развития уголовно-процессуальной науки и законодательства, например в Таджикистане, в котором следователь оказался не самостоятельной фигурой в уголовном процессе, потому что большинство процессуальных действия он должен согласовывать с прокурором, начальником следственного отдела, судом, начальником органа дознания. Представляется, что такое положение со следователем необходимо пересмотреть таким образом, чтобы следователь был самостоятелен в выборе тех или иных процессуальных действий при расследовании уголовного дела. Справедливости ради надо сказать, что с теоретической и правовой точки зрения в своей деятельности следователь свободен в выборе процессуальных действий, определенных уголовно-процессуальным законодательством. В то же время, как свидетельствует практика его деятельности, он ограничен в реализации своих полномочий². Необходимо признать, что сложившееся положение представляет собой не маловажную проблему для обеспечения эффективной деятельности следователя, которая не решается десятилетиями.

¹ Быков В. М. Следователь в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 8.

² См.: Мухитдинов А. А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан). Душанбе, 2015. С. 10.

Для решения этой проблемы, на наш взгляд, необходимо проведение глубокого, всестороннего теоретического, правового и практического исследования и выработки научно обоснованных предложений по совершенствованию положения и деятельности следователя в уголовном процессе.

В настоящее время подавляющую часть работы уголовно-процессуального характера в уголовном судопроизводстве выполняет именно следователь. Справедливости ради надо сказать, что сегодняшняя ситуация, в которой находится следователь, на наш взгляд, нуждается в изменении. Прежде всего, это обусловливается потерей престижности этой профессии, недостаточным материально-техническим обеспечением, невысокой заработной платой, реальным не обеспечением процессуальной самостоятельности следователя и рядом других факторов.

Обратим внимание на некоторые нормы уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан и России. Так, согласно п. 9 ст. 6 УПК Республики Таджикистан следователь — государственное должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу в пределах компетенции, установленной УПК РТ. В п. 6 ч. 2 ст. 38 УПК Российской Федерации закреплено положения, что следователь осуществляет и «иные полномочия».

На наш взгляд, вполне будет логично п. 9 ст. 6 УПК Республики Таджикистан указать, что следователь — государственное должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, **а также иные полномочия**, в пределах компетенции, установленной УПК РТ.

Анализ норм УПК Республики Таджикистан позволяет прийти к выводу о том, что следователь осуществляет и «иные полномочия», которые закреплены в некоторых статьях УПК Республики Таджикистан. Например, установив, что данное дело ему не подследственно, следователь обязан произвести неотложные следственные действия, после чего передать дело прокурору для направления по подследственности. Вопрос о подследственности решается прокурором по месту, где следствие начато (ч. 3 ст. 162 УПК РТ); в отношении дел с множественностью эпизодов, с учетом положений закона о подсудности уголовного дела, прокурор, следователь, дознаватель, когда в отношении отдельного лица по некоторым эпизодам обвинения, собранные доказательства признаны достаточными для составления обвинительного заключения и направления дела в суд, по этим эпизодам вправе принять решение (приступить к следствию по возбужденному им или переданному ему делу, вынести обвинительное заключение и направить дела в суд, по этим эпизодам вправе принять решение о выделении уголовного дела или материалов). Постановление о выделении и расследовании дел о других преступлениях (эпизодах) принимается в соответствии с УПК РТ (ч. 2 ст. 167 УПК РТ). Выделения дела возможно, если оно не влияет

на всестороннее и объективное расследование, находящегося в производстве дела.

При получении уголовного дела следователь обязан немедленно принятия дела к своему производству и вынести постановление (ч. 2 ст. 163 УПК РТ); установив при производстве по делу обстоятельства, способствующие совершению преступления, следователь вправе внести в соответствующие организации, учреждения, независимо от организационно-правовых форм, или должностному лицу представление о принятии мер по устранению этих обстоятельств или других нарушений закона (ч. 1 ст. 178 УПК РТ); следователь, привлекая к участию в следствии предусмотренных УПК лиц, удостоверяется в их личности, разъясняет им права и обязанности, а также порядок производства следствия (ч. 1 ст. 171 УПК РТ); следователь обязан разъяснить подозреваемому, обвиняемому, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям, а также другим лицам, участвующим в проведении следственных действий, их права и обеспечить возможность осуществления этих прав в ходе расследования дела (ст. 174 УПК РТ); следователь обязан рассмотреть все заявленные по делу ходатайства. При этом он не вправе отказать подозреваемому, обвиняемому, их защитникам, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям в допросе свидетелей, производстве экспертиз и других следственных действиях, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела (ст. 174 УПК РТ); если у задержанного или заключенного под стражу в качестве меры пресечения подозреваемого и обвиняемого остались без присмотра и помощи несовершеннолетние дети, престарелые родители или другие иждивенцы, следователь обязан передать их на попечение родственников или других лиц, либо поместить их в учреждения для детей, оставшихся без попечения родителей (воспитательные учреждения, лечебные учреждения, учреждения социальной защиты населения и другие аналогичные учреждения (ч. 1 ст. 176 УПК РТ); следователь обязан принять меры в соответствии с законодательством к обеспечению сохранности имущества и жилища задержанных или заключенных под стражу подозреваемого или обвиняемого (ч. 2 ст. 176 УПК РТ).

В необходимых случаях лицо, ведущее уголовное преследование, предупреждает свидетелей, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика, понятых и других лиц, присутствующих при производстве следственных действий, о недопустимости разглашения без его разрешения данных предварительного следствия. У указанных лиц отбирается подписка с предупреждением об ответственности по статье 361 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 176 УПК РТ); следователь не вправе отказать в удовлетворении ходатайства об установлении

обстоятельств, имеющих значение для дела. В таких случаях следователь обязан дополнить предварительное следствие, при этом продолжение ознакомления с материалами уголовного дела другими участниками процесса не препятствует разрешению ходатайств и, в случае их удовлетворения, проведению следственных действий (ч. 3 ст. 243 УПК РФ); если сведения о задержании, заключении под стражу, временном отстранении от должности, помещении в медицинское учреждение, осуждении лица и иных, примененных в отношении его, незаконных действиях были опубликованы в печати, распространены по радио, телевидению или иными средствами массовой информации, то по требованию этого лица, а в случае его смерти — по требованию его родственников или указанию суда, прокурора, следователя или органа дознания соответствующие органы массовой информации обязаны в течение одного месяца сделать об этом необходимое сообщение (п. 1 ст. 466 УПК РФ).

Как мы видим, уголовно-процессуальным законодательством РФ на следователя возложены весьма ответственные полномочия, круг которых закреплен в ст. 39 УПК РФ.

Ведущий советский процессуалист профессор М. С. Строгович справедливо отмечал, что: «Роль следователя при ведении предварительного следствия определяется задачами успешной, эффективной борьбы с преступлениями. От следователя требуется быстрота и активность расследования и в то же время максимальная объективность расследования, выяснение всех обстоятельств, уличающих обвиняемого и отягчающих его ответственность, а равно обстоятельство оправдывающих обвиняемого и смягчающих его ответственность»¹.

Важно отметить, что после принятия Государственной Думой Российской Федерации уголовно-процессуального кодекса 22 ноября 2001 г. до настоящего времени правовое положение следователя претерпело кардинальные изменения. Основные изменения претерпели в связи с внесением изменений и дополнений в УПК РФ от 06.07.2007 за № 87-ФЗ; от 2 декабря 2008 г. за № 226; от 28 декабря 2010 г. за № 404; от 28 декабря 2013 г. за № 432 по вопросу прокурорского надзора и ведомственного контроля за уголовно-процессуальной деятельностью следователя. В результате чего, основная часть полномочий прокурора было передано начальнику следственного подразделения. Как справедливо отмечает С. А. Минаева: «... в свете произошедших законодательных изменений 2007–2014 гг. за счет наделения руководителя следственного органа полномочиями, ранее характерными для прокурора, произошло значительное усиление роли процессуальной деятельности руководи-

¹ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 224–225.

теля следственного органа по обеспечению законности в досудебном производстве»¹.

Особому изменению подвергся статус следователя в результате принятия 11 мая 2007 г. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и федеральный закон «О прокуратуре РФ»², предусматривающего образование Следственного комитета при Генеральной прокуратуре России. В дальнейшем был принят Федеральный закон РФ от 29 декабря 2010 г за № 403 «О следственном комитете Российской Федерации»³, в связи, с чем следственный комитет при Генеральной прокуратуре был образован в независимый Следственный комитет. Согласно ст. 1 Федерального закона РФ — следственный комитет РФ является федеральным государственным органом, осуществляющим в соответствии с законодательством РФ полномочия в сфере уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, образование следственного комитета в РФ является шаговым, поэтапным стадиями образования единого, централизованного следственного комитета.

С внесением изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 2 декабря 2008 г. № 226 появился новый участник уголовного процесса следователь-криминалист, процессуальное положение которого регламентировано в п. 40.1 ст. 5 УПК РФ. Согласно 40.1 ст. 5 УПК РФ следователь-криминалист — должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству⁴.

Непосредственной задачей следователя-криминалиста входит организация и осуществление криминалистической деятельности, связанной с проведением следственных и иных процессуальных действий с целью предварительного расследования преступлений.

Представляется, что поэтапное внесение в уголовно-процессуальное законодательство Таджикистана приведенные выше положения позволили бы уголовно-процессуальную деятельность следователя и следственную деятельность в Таджикистане развиваться в динамике, регулярно дополняя и изменяя законодательные уголовно-процессуаль-

¹ Минаева С. А. Процессуальная деятельность руководителя следственного органа по обеспечению законности в досудебном производстве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 3.

² См.: РГ. 08.06.2007.

³ См.: РГ. 30.12.2010.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РФ. М.: Проспект, 2013. С. 26.

ные нормы, оперативно реагируя на складывающиеся общественные отношения в стране и, тем самым, обеспечить эффективное профессиональное досудебное расследование.

Неретина Н. С.

Влияние взглядов Р. С. Белкина на формирование представлений о процессе генезиса новых родов и видов судебных экспертиз

Процесс возникновения и формирования новых родов и видов судебных экспертиз был не очень широко освещен в научной криминалистической литературе, но все же ряд известных ученых останавливались на этой теме в своих работах. Большой вклад в исследование этого вопроса внес Р. С. Белкин.

Профессор Р. С. Белкин полагал, что «процесс возникновения новых родов и видов криминалистической экспертизы может протекать двояким образом»¹.

Хотим отметить, что по нашему мнению, термин «криминалистические экспертизы», используемый ученым, следует трактовать расширительно, подразумевая все виды судебных экспертиз. На данном этапе развития судебной экспертологии, ввиду динамичного развития судебных экспертиз во всех видах судебного процесса, активного использования специальных знаний не только в уголовном, но и в административном, гражданском, арбитражном судопроизводстве, выделение криминалистических экспертиз уже не актуально.

В качестве первого пути Р. С. Белкин называл появление новых родов и видов судебных экспертиз «как результат дробления традиционных экспертиз в связи с появлением новых объектов, либо новых задач, либо новых методов исследования»². Именно так, по мнению ученого, автороведческая экспертиза выделилась из судебного почерковедения, экспертиза денежных знаков и ценных бумаг — из технической экспертизы документов.

В качестве второго пути формирования новых родов (видов) судебных экспертиз Р. С. Белкин выделял их возникновение в результате «поиска инструментальных средств и методов решения традиционных криминалистических задач»³, иллюстрируя это примером появления таких экспертиз, как фоноскопическая, одорологическая (одорографическая)⁴.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. С. 466.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Теперь: ольфакторная (экспертиза запаховых следов).

Сходную позицию занимал А. И. Алиев, который в своей работе сжато характеризовал появление новых родов и видов судебных экспертиз: «закономерным в общей теории судебной экспертизы является отражение такого процесса, как возникновение новых родов (видов): экспертиз путем «отпочковывания» от уже существующих (автороведческая, фототехническая, фоноскопическая и др.)»¹.

Продолжая идею Р. С. Белкина, профессор Е. Р. Россинская предлагает свою концепцию возникновения и направлений развития новых родов и видов судебных экспертиз. По ее мнению, процесс формирования и развития новых классов, родов и видов судебных экспертиз идет по двум направлениям:

Процесс укрупнения: из вида (подвида) в род, из рода — в класс.

Процесс разделения из класса в роды и виды².

Процесс укрупнения разделяется на несколько разновидностей:

«1.1. Появление нового вида экспертизы внутри уже существующего за счет актуализации ранее существующих или видоизменением (модификации) объектов, которые ранее редко исследовались.

Появление нового вида экспертизы при модификации или возникновении новых объектов.

Расширение возможностей экспертизы за счет интеграции и научного знания, внедрения новых методов исследования, современных информационных технологий приводит к формированию качественно новых экспертных технологий, и зачастую способствует выростанию вида экспертизы в род.

Появление новых объектов, видоизменение существующих может привести к укрупнению рода экспертизы и выделению его в отдельный класс»³.

Основной путь возникновения новых родов и видов судебных экспертиз, по мнению исследователей, это «дробление», «отпочковывание» от традиционных, уже существующих родов и видов судебных экспертиз, разделение из класса в роды и виды. С этим согласны все ученые-криминалисты и теоретики судебных экспертиз.

Думается, что выделение второго пути формирования новых родов и видов судебных экспертиз, указанного Р. С. Белкиным, на данном этапе развития судебной экспертологии является излишним. Закрепление экспертиз как самостоятельного рода (вида) в теории судебной экспертологии, предполагает наличие комплексного критерия: объекта

¹ Алиев И. А., Аверьянова Т. В. Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку: Гянджлик, 1992. С. 74.

² Россинская Е. Р. Новые роды и виды судебных экспертиз: генезис, проблемы, перспективы // Судебная экспертиза: Методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 15–16 января 2014 г.). М.: Проспект, 2014. С. 3.

³ Там же. С. 4.

экспертного исследования, решаемых задач, особых методов и методик исследования. Инструментальные средства и методы решения задач, о которых писал профессор Р. С. Белкин, органически входят в этот комплексный критерий.

Интеграция и дифференциация научного знания — две стороны единого процесса познания. Сущность дифференциации понимается в выделении отдельных областей научного знания, углублении и специализации знаний. В противоположность дифференциации, интеграция стимулирует процесс сближения и взаимодействия наук, объединения научного знания, агрегации наук друг с другом.

По этим же путям идут процессы формирования родов (видов) судебных экспертиз. Процесс разделения из класса судебных экспертиз — в роды и виды, из рода — в виды и подвиды; и процесс объединения из видов и подвидов судебных экспертиз в род, из родов — в класс.

Таким образом можно сделать вывод, что предпосылки формирования как одного, так и второго направления являются едиными: это и возникновение новых объектов, и необходимость решения новых экспертных задач, и внедрение новых экспертных методов исследования. Единые предпосылки основаны на единых, общих для всех судебных экспертиз положений судебной экспертологии¹.

Высказанные профессором Р. С. Белкиным идеи о путях генезиса новых родов и видов судебной экспертизы стали фундаментом дальнейших научных исследований, способствуя в настоящий момент не только развитию основ частной теории формирования и развития новых родов (видов) судебных экспертиз, но и развитию судебной экспертологии в целом.

Нестеров А. В.

О доказательственной информации

Рафаил Самуилович Белкин, отмечая приоритет С. М. Потапова при разработке учения о фиксации доказательственной информации², сам внес большой вклад в развитие этого учения. В частности, он сконцентрировал внимание на принципиальной отражаемости преступного деяния в окружающей среде.

Также важно то, что он под информацией понимал содержание криминалистически значимых (релевантных) сведений. К сожалению, многие авторы публикаций используют самые разнообразные

¹ *Неретина Н. С.* Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 59.

² *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Учебное пособие для вузов в 3 томах. 3-е изд., дополненное, 2001.

определения информации, которые сложились в различных областях деятельности. В частности, это объясняется тем, что в ФЗ-149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информацией понимают сведения, а под сведениями — информацию.

В этой связи необходимо остановиться на соотношении категорий документа, сведений, информации и данных. Сведения отображают юридически значимую фактическую жизнедеятельностную ситуацию, которые закрепляются с помощью юридически значимого документа. Отметим, что в рамках такой ситуации могут исследоваться криминалистически значимые следы, оставленные преступником, преступным деянием, событием и/или обстоятельствами, в рамках расследуемого дела.

Под документом понимается материально-вещественный носитель с закрепленными на нем сведениями, где сведения состоят из знаков и идей, отображающих рассматриваемую ситуацию. Содержание сведений, в котором отображена идея ситуации, представляет собой то, что называют информацией.

Категория содержания сведений может быть разложена на категории объективных (фактических) значений, субъективной значимости, а также прагматического смысла содержания сведений. Объективные значения содержания сведений представляют собой отображения количественных величин свойств вещественных носителей, обособленных (изъятых) с места ситуации (происшествия). Значимость содержания сведений представляет собой устные и/или письменные показания потерпевших, свидетелей, заинтересованных лиц, которые еще называют идеальными следами. Под прагматическим смыслом понимают смысл сведений, если сведения увеличивают вероятность достижения цели лицом, проводящим рассмотрение ситуации.

Кроме сведений используется категория данных, где данные — это сведения, пригодные для компьютерной обработки. Учитывая наличие электронных документов, возможность использования электронной подписи, категория данных стала тесно связана с электронными сведениями электронных документов.

Также в информационной сфере используется категория контента, где контент представляет собой наполнение сайта (знакоместа в памяти компьютера) в виде электронных сведений, и состоит из формы (дизайна) и содержания (информации) этих сведений.

Если сведения используются для передачи от одного адресата к другому, то их называют сообщениями. Иногда сообщения отождествляют с сигналами, что не верно, т. к. сигналы представляют собой динамические свойства знаковых элементов, с помощью которых воплощаются сведения. Отметим, что кроме иконических и/или лингвистических знаков известны естественные знаки, которые отображают сами себя, но могут быть использованы людьми в качестве знаковых элементов.

В этой связи, подчеркнем, что теория отражения рассматривает отражение как фундаментальное свойство материально-вещественных носителей действительного мира. Как только в действительном мире продуцируется индивид или изменение хотя бы одного его существенного свойства, так сразу возникает его отражение, которое может отобразиться в виде следов, как в нем самом, так и в иных индивидах и/или их окружении¹.

Часть таких отображений может не иметь явной и очевидной формы, поэтому процессуально изъятые носители, могут быть направлены на исследование в рамках назначенной экспертизы.

В результате проведения такой экспертизы, заключение эксперта рассматривается как экспертное доказательство. Как правило, заключение эксперта представляет собой юридически значимые сведения, представленные в виде языковых знаков (текста) и/или иконических знаков (фотографий, схем, распечаток исследований на приборах).

Необходимо отметить большой вклад, внесенный Е. Р. Россинской в теорию судебной экспертизы, связанную с вопросами информатизации и использованием доказательственной информатизации². В последнее время преступления в сфере информационных технологий требуют повышенного внимания, не только к информационным объектам как предмету посягательства, но и к экспертным инструментам, с помощью которых исследуются следы, оставленные в компьютерно-информационной среде.

Следующим важным понятием является прилагательное «доказательственная». Наличие слов «доказательный» и «доказательственный» подразумевает два значения этих слов. Как известно, в логике используется словосочетание «доказательная аргументация», но в различных видах практической деятельности в основном используют слова «доказывание» и «доказательственные сведения, доказательства».

Интерес представляет статистический лингвистический анализ, приведенный в ресурсе [URL:<http://www.reright.ru/analysis/878112~доказательственный.html>], где слово «доказательственный» используется в основном в юриспруденции (примерно 75%) и незначительно распределено еще в четырех предметных областях. Слово «доказательный» используется примерно 40% в юриспруденции, примерно по 18% в общей лексике и медицине и незначительно в двух других предметных областях. Например, известно следующее определение: «Доказательная информация — это информация, позволяющая с большой долей вероят-

¹ *Нестеров А. В.* Экспертика: Общая теория экспертизы. М.: Тип. НИУ ВШЭ, 2014. 261 с.

² *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. 656 с.

ности доказать связи между событиями, объектами и пр.» [URL:<http://licsecurity.ru/istochniki-polucheniya-informatsii>].

Эти статистические сведения показывают, что в практической юридически значимой деятельности используется слово «доказательственный», а то, что слово «доказательный» проникло в юриспруденцию можно объяснить законотворческой деятельностью неофитов, формирующих законопроекты в специфических отраслях права, например, в техническом праве.

В русском языке существуют слова «деятель», «деятельный» и «деятельность». Однако в нем не сформировалось слово «доказатель», хотя имеются слова «доказательный» и «доказывание». Очевидно, что слово «доказательный» характеризует не субъекта, а некоторое действие в логике, а слово «доказательственный» относится к доказательству как результату доказывания¹.

Таким образом, словосочетания «доказательная медицина», «доказательная аналитика», «доказательная база» и т.п. представляют неудачный перевод иностранных слов без учета истории теории доказывания и особенностей русского языка. Известно использование слова «доказательная» и в криминалистике, например, в публикации². Поэтому, на наш взгляд, необходимо использовать термин «доказательственная информация».

Словосочетание «доказательственная информация» не используется в уголовном законодательстве. Однако известна статья 12 ФЗ «Об оценочной деятельности» с названием «Достоверность отчета как документа, содержащего сведения доказательственного значения», которая появилась в 2016 г.

Как правило, юристы используют словосочетание «доказательственная база» для обозначения устных, письменных и/или вещественных, а также экспертных доказательств. Эти доказательства могут иметь юридическую силу (используются для принятия решения), если они получены правомерным путем и представляют собой фактические сведения.

Собирать (формировать) «доказательственную базу» может уполномоченное законом лицо или заинтересованное лицо в соответствии с установленными процедурами.

Словосочетание «доказательственная база» используется в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации». Или, например, в Определении Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1178-О «Об

¹ *Нестеров А. В.* Доказательная аналитика против экспертизы. М.: НИУ ВШЭ, препринт, декабрь 2014. 13 с.

² *Биленчук П. Д.* Криминалистическая одорология в раскрытии и расследовании преступлений. К.: 1994. 60 с.

отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шакурова Раиля Курбановича на нарушение его конституционных прав статьей 158.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Любые сведения и/или вещественные носители могут быть признаны доказательствами или опровергнуты (лишены юридической силы) после их изучения, оценки и/или проверки. Общепризнанным является юридическая оценка относимости, допустимости и достоверности доказательств. Обычно, под относимостью доказательства понимают возможность его идентифицируемости по отношению к рассматриваемой ситуации. Понятие допустимости доказательств подразумевает соответствие полномочий и действий должностных лиц, участвующих в выявлении и фиксации доказательств, установленным требованиям. Достоверность доказательства подразумевает то, что отображение, содержащееся в источнике доказательства, является подлинным, т.е. соответствует тому, что имело место в действительности.

Далее рассмотрим понятие «идеальные следы». Ни одно преступное деяние в действительном мире, непрерывном (аналоговом) по своей природе, не остается без отображения на материально-вещественных носителях, находящихся в вещной обстановке преступления. Особенностью отражения является то, что оно отражается в субъективной психике человека. В криминалистике на основании философского определения идеального отражения используется понятие идеальных следов, оставленных в сознании субъектов¹. Однако необходимо отличать категории идеи и идеала. То, что остается в памяти у потерпевшего или свидетелей представляет собой умственное отображение (идеи), которое кроме объективной (фактической) составляющей, содержит и субъективную, эмоциональную и/или иррациональную составляющие.

Важной категорией является источники криминалистически значимых сведений, т.к. эти сведения продуцируются элементами ситуации как источниками и отображаются в них. Это подразумевает, что такое лицо должно выявить всю совокупность источников, на которых отобразилась ситуация. Однако при этом возможно, что не все источники сведений (субъекты или объекты) были выявлены или обособлены компетентным лицом. Кроме того, возможно, что преступник мог инсценировать такие источники, например, изменить вещную обстановку на месте ситуации.

Таким образом, отображение ситуации, с одной стороны, является не полным под действием на нее естественных и/или искусственных воздействий во времени и в пространстве, а с другой стороны, преступник может исказить отображение ситуации.

Поэтому необходимо использовать словосочетание «криминалистически значимые сведения», т.к. важна не только информация (со-

¹ Суворова Л. А. Идеальные следы в криминалистике. М.: Юрлитинформ, 2006. 200 с.

держание), но и форма и/или носитель сведений, которые также могут иметь существенное доказательственное значение.

Низамов В. Ю.

Обстоятельства, подлежащие установлению и исследованию при расследовании фальсификации доказательств

В условиях формирования и развития правового государства, правосудие является важнейшим элементом, поскольку объединяет и реализует общеправовые принципы законности, справедливости, гуманности и равенства перед законом и судом. Именно поэтому, преступления против правосудия, наносят особенно значительный удар по репутации государства и, как следствие, формируют недоверие граждан ко всей правоохранительной системе.

Уязвимость государства в отправлении правосудия требует своевременного обнаружения и пресечения таких преступлений, неотвратимого наказания виновных. В этой связи криминалистические исследования в сфере расследования и раскрытия фальсификации доказательств имеют особое значение.

Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности нередко осуществляется лицом с использованием своего должностного положения путем составления ложных протоколов следственных действий и материалов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, внесения заведомо ложной информации в процессуальные документы, фабрикация ложных доказательств (к примеру, «подбрасывание» наркотических средств в одежду обыскиваемого лица). Несмотря на некоторую дискуссионность позиции Верховного Суда Российской Федерации, в качестве способа фальсификации доказательств может выступать, в том числе, и уничтожение доказательств¹. С позиции уголовно-правовой квалификации представляет интерес уничтожение доказательств, к примеру, защитником при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Методика расследования такого преступления также видится перспективным направлением в научном исследовании.

Преступным представлением информации, содержащей результаты оперативно-розыскной деятельности (постановления, справки, иные документы)², органу дознания следователю, в суд становится лишь при

¹ См.: Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2006 год // БВС РФ. 2007. № 9.

² Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

наличии цели уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления.

В качестве особенности механизма слеодообразования в криминалистической характеристике преступлений против правосудия, выделим следовоспринимающий объект. Таким объектом, как правило, становятся материалы дела об административном правонарушении, материалы уголовного дела (протоколы следственных и иных процессуальных действий, постановления следователя или дознавателя), материалы дела оперативного учета, заведенного в порядке ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Фальсификация доказательств может также иметь целью незаконную переквалификацию действий лица на другой состав преступления. Однако, фальсификация доказательств может совершаться следователями, дознавателями или оперативными сотрудниками без таких целей.

Характерным примером фальсификации доказательств является попытка следователя (дознвателя) «переписать» протоколы следственных или иных процессуальных действий. Данные незаконные действия совершаются для искусственного улучшения качества своей работы или в связи с обнаружением нарушения уголовно-процессуального закона в ранее составленном протоколе. Выявление такой фальсификации в уголовном деле может происходить неожиданно. К примеру, вызванные в качестве свидетелей в судебное разбирательство по уголовному делу понятые подтверждают факт участия в следственном действии, но при предъявлении им протокола данного следственного действия, вдруг уверенно отрицают свою подпись на нем. Судебная практика знает печальные примеры, когда привлекались к уголовной ответственности сотрудники следственных органов, которые «переписывали» до 70% материалов уголовных дел. Отношение уголовного закона к таким действиям весьма однозначно отражено в ст. 303 УК РФ. Что касается фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, то преступными такие действия становятся при вовлечении этих материалов в процесс доказывания по уголовному делу. Характеризуя типичные следственные ситуации на первоначальном этапе, в связи со спецификой и негласным характером ОРД, такая фальсификация может быть обнаружена:

- прокурором, надзирающим за деятельностью органов, осуществляющих ОРД при попытке представления сфальсифицированных материалов следователю, дознавателю или в суд,
- в ходе исследования доказательств по уголовному делу следователем (дознвателем), иными участниками уголовного судопроизводства;
- судом в ходе судебного разбирательства по уголовному делу;
- иными лицами, после окончания судебного разбирательства по уголовному делу.

Следственная ситуация может быть осложнена тем, что материалы уголовного дела могли неоднократно передаваться в производство от одного следователя (дознателя) другому.

При построении и отработке следственных версий уже на первоначальном этапе расследования, требуется уделить внимание не только изобличению лица в фальсификации доказательств, но и причинам совершения таких действий.

Обстоятельства, подлежащие установлению и исследованию при расследовании рассматриваемых преступлений, можно условно объединить в группы:

1. Относящиеся к субъекту и субъективной стороне преступления:
 - характеристика личности фальсификатора;
 - наличие и уровень специальной подготовки лица;
 - стаж и опыт работы в системе правоохранительных органов (если субъектом фальсификации доказательств является сотрудник данного органа);
 - авторитет лица в трудовом коллективе и связи с сослуживцами;
 - социальные связи и образ жизни лица вне трудовой деятельности;
 - возможность совершения лицом преступлений против правосудия ранее;
 - нахождение лица при исполнении своих служебных обязанностей или общественного долга, при совершении преступления против правосудия;
 - обстоятельства подтверждающие умысел на совершение преступления против правосудия;
 - мотивы и цель в действиях лица, осознанно нарушившего свой служебный или общественный долг.
2. Относящиеся к предмету преступного посягательства:
 - в чем выражена преступность действий, отличия совершенных действий фальсификатора от правомерных действий, которые он должен был совершить;
 - на что были направлены преступные действия лица.
3. Обстановка совершения фальсификации доказательств:
 - время и место совершения преступления;
 - способ совершения преступления;
 - обстоятельства, способствовавшие совершению преступления;
 - обстоятельства, свидетельствующие об осознании (заведомости) преступных действий по фальсификации доказательств;
 - обстоятельства, свидетельствующие о подготовке к совершению преступления против правосудия;
 - характер действий и поведения лица в момент совершения преступления фальсификации доказательств;
 - поведение потерпевшего (жертвы), предшествующее совершению преступления;

- лица, содействовавшие совершению преступления, в том числе, и возможное наличие негласного указания руководителя на совершение преступных действий;
- меры, предпринятые фальсификатором для сокрытия следов совершенного преступления;
- обстоятельства, относительно возникновения права на реабилитацию лица, пострадавшего в результате совершенного преступления.

Разумеется, перечень обстоятельств, подлежащих установлению и исследованию, не является исчерпывающим и определяется в зависимости от следственной ситуации по конкретному уголовному делу.

С развитием электронного документооборота и перспективности цифровизации как современного подхода к организации следственной работы, криминалистические разработки в направлении расследования и раскрытия фальсификации доказательств приобретают особую актуальность.

Никишин В. Д.

Правовое обеспечение и основания назначения судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности

В современном мире особо остро стоит проблема противодействия религиозному экстремизму, и у правоприменителя часто возникают проблемы в связи с квалификацией содержания речевых продуктов, относящихся к такой конфликтной сфере, как межконфессиональные взаимоотношения. В связи с этим существует насущная необходимость в применении специальных знаний при расследовании и рассмотрении дел о преступлениях, связанных с проявлениями словесного религиозного экстремизма.

Одной из процессуальных форм использования специальных знаний является судебная экспертиза. Правовое обеспечение судебной экспертизы религиозного дискурса берет свои истоки в Конституции РФ¹, которая гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина в том числе независимо от отношения к религии и убеждений и запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности (ст. 19). Ст. 28 Конституции РФ гарантирует свободу «вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 19.09.2015).

совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Конституция, гарантируя каждому свободу мысли и слова, запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие религиозную ненависть и вражду (ч. 1 и 2 ст. 29 Конституции РФ).

Среди правовых источников, регулирующих отношения, связанные со словесным религиозным экстремизмом, помимо Уголовного кодекса РФ (ст. ст. 148, 205.2, 280, 280.1, 282 УК РФ), хотелось бы обратиться к следующему.

Статьей 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹ гарантируются «свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, осуществлять обучение религии и религиозное воспитание, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, в том числе создавая религиозные объединения. <...> Установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается».

Важно отметить, что Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» был дополнен Федеральным законом от 23.11.2015 № 314-ФЗ статьей 3.1., имеющей название «Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов». Данной статьей устанавливается, что «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами».

Закон «О СМИ» в ст. 4 устанавливает недопустимость использования средств массовой информации «для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов»².

Закон «О противодействии экстремистской деятельности» предусматривает вынесение предупреждения либо, при неоднократных нарушениях, ликвидацию СМИ Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций и его территории-

¹ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/2fb31209f29e0fee531bafad8af983b99b030921/ (дата обращения 12.10.2015).

² Ст. 4 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения 14.10.2015).

альными органами, в компетенцию которых входит контроль за соблюдением СМИ ст. 4 закона «О СМИ», устанавливающей недопустимость использования СМИ в целях разжигания религиозной нетерпимости или розни.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ в статье 10 устанавливает запрет на распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание религиозной ненависти и вражды.

Кроме того, Кодексом РФ об административных правонарушениях² устанавливается административная ответственность за производство и хранение экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ), а также пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций (ст. 20.3 КоАП РФ).

ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»³ в ст. 9 устанавливает, что учредителями религиозной организации не могут быть религиозная организация, деятельность которой приостановлена в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; а также лицо, в отношении которого вступившим в законную силу решением суда установлено, что в его действиях содержатся признаки экстремистской деятельности.

В пункте 23 уже упомянутого Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее — Постановление)⁴ сказано, что «в необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы».

Бесспорно, речь идет о назначении и производстве судебной экспертизы, поэтому непосредственное применение имеет Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 14.10.2015).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/koap/> (дата обращения 04.09.2015).

³ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149069/?frame=1 (дата обращения 20.02.2015).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.referent.ru/7/181968> (дата обращения 20.02.2015).

деятельности в Российской Федерации»¹ (далее — Закон о ГСЭД). Особое внимание хотелось бы обратить на ст. 41 данного закона, которая закрепляет распространение действия настоящего Федерального закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами: «судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами»². Данное положение играет важную роль, т. к. значительное количество экспертиз по делам о словесном религиозном экстремизме производится в негосударственных судебно-экспертных учреждениях.

Стоит отметить на указание в п. 23 Постановления на то, что «к производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.)». Согласно ныне действующему Закону о ГСЭД комплексная экспертиза обязательно носит комиссионный характер, т. е. производится *несколькими лицами*, имеющими разные экспертные специальности. Следует отметить, что Проект Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»³ в ст. 27 предусматривает возможность проведения комплексной экспертизы *единолично* экспертом, владеющим разными экспертными специальностями, необходимыми для производства комплексной судебной экспертизы.

К источникам правового обеспечения можно отнести Федеральный закон «Об общественных объединениях»,⁴ который в статье 23 устанавливает, что общественному объединению может быть отказано в государственной регистрации, если название общественного объединения оскорбляет религиозные чувства граждан. В данном случае речь идет об отказе в государственной регистрации некоммерческой организации на основании экспертизы, проводимой Министерством юстиции (или его территориальными органами) и не являющейся судебной. Тем не менее, например, в случае обжалования решения об отказе в государственной

¹ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=31871> (дата обращения 21.02.2015).

² Там же. Ст. 41.

³ Проект Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 20.11.2013) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=112611> (дата посещения 05.10.2014).

⁴ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 31.01.2016) «Об общественных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения 21.02.2015).

регистрации у суда может возникнуть необходимость использования специальных знаний при исследовании наименования общественного объединения (нейма). Кроме того, аналогичное положение содержится в пункте 5 статьи 6 Федерального закона «О политических партиях»,¹ устанавливающей запрет на использование наименования политической партии, оскорбляющего религиозные чувства, а также в пункте 3 статьи 7, запрещающей символы, оскорбляющие религиозные чувства.

Также следует обратить внимание на положения статьи 12 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях», которая устанавливает, что религиозной организации может быть отказано в государственной регистрации, если ее цели и деятельность противоречат Конституции и законодательству РФ. Данное решение принимается на основании религиозно-экспертной экспертизы учредительных документов (главным образом, устава) религиозной организации, проводимой Министерством юстиции (или его территориальными органами) и тоже не являющейся судебной. Как и в предыдущем случае, при обжаловании указанного решения судом может быть назначена судебная экспертиза религиозного дискурса (лингвистическая, лингво-психологическая, лингво-религиоведческая или психолого-лингво-религиоведческая) для установления смысла речевого продукта — текста устава организации. Кроме того, статья 9 Федерального закона «О политических партиях» запрещает создание и деятельность политических партий, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности, а также создание политических партий по признакам религиозной принадлежности. Под признаками религиозной принадлежности в законе понимается указание в уставе и программе политической партии целей защиты религиозных интересов, а также отражение указанных целей в наименовании политической партии.

Назначение судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности (религиозного дискурса) целесообразно в случае, если имеются сомнения или спор относительно значения продукта речевой деятельности (текста). Несомненно, эксперты не вправе давать юридическую квалификацию деяниям, что является прерогативой суда, а устанавливают специальные (лингвистические, психологические и т. п.) признаки речевого продукта, значимые для дела. Что касается судебной экспертизы религиозного дискурса в уголовном процессе, она назначается не с целью детерминации какого-либо значения как «экстремистского», а для установления выраженности в речевом продукте того или иного значения.

¹ Федеральный закон от 11.07.2001 №95-ФЗ (ред. от 23.05.2015) «О политических партиях» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения 21.02.2015).

Огорелков И. В.

К вопросу о едином методическом подходе при проведении автороведческих и лингвистических экспертиз

Современное состояние и перспективы развития судебной экспертизы отражают в первую очередь потребности следственной и судебной практики, обусловленные в основном характером преступлений или спорами хозяйствующих субъектов, а также уровень профессионализма следователя, суда и степени развития института судебной экспертизы как профессиональной систематической деятельности экспертов. Реализация потенциальных возможностей судебно-экспертных учреждений напрямую зависит от подготовленности судебного эксперта и его опыта, условий работы, уровня научно-методического, информационного и технико-инструментального обеспечения.

Повышение качества судебной экспертизы как одной из основных форм использования специальных знаний в судопроизводстве неразрывно связано с совершенствованием судебно-экспертной деятельности, основанной на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Анализ деятельности судебных экспертов и поиск механизмов реализации единого научно-методического подхода к производству судебных экспертиз показал, что одним из основных организационных моментов, способствующих повышению качества производства судебной экспертизы, является совершенствование организации экспертного производства, а также повышение эффективности системы профессиональной подготовки экспертов и специалистов.

Важной особенностью современного судопроизводства является укрепление принципа достоверности экспертных заключений, более пристальное внимание к компетенции судебного эксперта, подтверждение ее соответствия определенной экспертной специальности. Особое внимание при комплексной оценке выводов эксперта уделяется надежности и эффективности использованных им методов и методик производства. Учитывая то, что судебно-экспертная деятельность не лицензируется в Российской Федерации, государственные экспертные учреждения и негосударственные экспертные организации, заинтересованные в повышении своего статуса, все активнее внедряют новые формы и методы подготовки экспертов, организуют их аттестацию (сертификацию) и выдают квалификационные свидетельства (сертификаты). Кроме того, в различных системах стандартизации утверждаются экспертные методики, разрабатываются и внедряются системы качества. В то же время централизованной работы по вопросам повышения

качества в области судебной экспертизы в силу нормативно-правовой, организационной и методической сложности до настоящего времени не проводилось.

Как показывает накопленный практический опыт, важное место сегодня отводится проблемам судебно-экспертной деятельности различных правовых систем и взаимодействию всех участников процесса при назначении, производстве экспертизы и использовании полученных результатов.

Все отмеченное выше свидетельствует об актуальности решения вопроса о внедрении механизма сертификации в судебно-экспертную деятельность, поскольку только при наличии единых требований к организации и производству судебных экспертиз и квалификационных требований к экспертам соответствующих специальностей во всех экспертных учреждениях, независимо от их ведомственной принадлежности, можно достичь контроля качества деятельности, функционирующих на основе единой нормативно-правовой базы, обеспеченной аттестацией государственных экспертов и добровольной сертификацией негосударственных экспертов.

Проведение автороведческих (диагностических и идентификационных) экспертиз в различных экспертных подразделениях начиная с 70-х гг. XX века базировалось на научно-методических изысканиях Вула, Выготского, Комиссарова, Горошко. Автороведческими исследованиями анонимных документов решаются задачи диагностики и идентификации авторов текстов.

Диагностика, то есть установление облика автора анонимного документа, призвана способствовать получению розыскной информации о половой принадлежности, возрасте, уровне образования, родном языке, национальности, профессии, психических отклонениях, месте жительства предполагаемого автора анонимного документа.

Идентификация, то есть установление автора анонимного документа или факта составления ряда документов одним автором, позволяет доказывать причастность к составлению анонимных документов конкретных лиц.

Активизирующаяся экспертная практика настоятельно требует от экспертов-автороведов формулировки целостной теории, интегрирующей знания различных наук (филологии, психологии, социологии и др.), и одновременно являющейся научной основой автороведческого исследования, абсолютно необходимой для достоверного установления фактов, служащих доказательствами в суде. Об актуальности решения и практической значимости этой проблематики свидетельствует отсутствие единого комплекса научных и практических знаний в виде работающей теории, которая не только описывала бы механизмы порождения и понимания единиц различных типов дискурса и методов их анализа, но имела бы и объяснительную силу.

Имеющиеся публикации по автороведческой тематике разрозненны, нет единой концепции производства комплексной автороведческой экспертизы. Существующий экспертный инструментарий не совершенен, не соответствует современным информационным и речевым технологиям, используемым для передачи текстовой информации по различным каналам связи.

Нельзя не отметить и насущную потребность в профессиональном сопровождении значительного числа судебных процессов (правонарушения посредством письменной и устной речи, документационные и информационно-правовые споры, установление авторства спорного, анонимного или псевдонимного текстов). Рост числа таких дел в экспертной практике вызван демократизацией судебной системы, усилением состязательности судебных процессов, открытостью филологических знаний для широкой аудитории, а также разнообразием каналов передачи вербальной информации, расширением количества и социального состава их пользователей.

Автороведческое исследование, понимаемое как многостадийный и многосубъектный процесс работы с текстами, имеющими статус документов и/или вещественных доказательств, занимает заметное место в современном уголовном, гражданском и административном судебном производстве. Тем не менее, до настоящего времени не была создана единая методика производства автороведческих исследований в аспекте его специального судебно-экспертного приложения. В научном плане не проработана концепция автороведческого исследования, система задач автороведческого исследования, соответствующие методические проблемы.

Методологической основой автороведческих экспертных исследований являются основные положения прикладной лингвистики. Работа эксперта-автороведа базируется на теоретических положениях и экспериментальных исследованиях в области криминалистики, судебной экспертизы, судебного автороведения, лингвистической статистики, физиологии, биомеханики, психолингвистики, психологии, кибернетики, а также на обширном фактографическом материале, основанном на изучении и обобщении экспертной практики.

Среди основных методик производства автороведческих экспертиз можно выделить следующие:

1) Рубцова И. И., Ермолова Е.И., Безрукова А. И., Огорелков И. В., Захаров М. П. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз. М., 2007.

2) Назарова Т. В., Ермолова Е. И., Ростовская А. В., Манянин П. А., Громова А. В. Диагностика индивидуально-личностных характеристик автора рукописного текста: Методические рекомендации. М., 2013.

3) Методические рекомендации по проведению автороведческих экспертиз по материалам интернет-переписки: пособие для экспертов /

Под редакцией кандидата филологических наук Т. И. Голощаповой. М.: ЭКУ 9 Департамента Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, 2014.

Анализируя современное состояние судебной лингвистической экспертизы можно констатировать, что данный род экспертизы уже прошел первый этап своего развития. Определена ее роль и место среди других родов экспертиз, четко выстроены границы ее компетенции. Нормативная основа в большинстве случаев позволяет избегать двойного толкования. Накоплена определенная методическая база выполнения экспертиз. Постепенно растет число подготовленных экспертов, работающих в данном направлении. Все это позволяет сделать вывод о том, что современная лингвистическая экспертиза все больше и больше соответствует потребностям юридической практики.

Основной задачей лингвистического исследования является толкование и разъяснение значений и происхождений слов, словосочетаний, устойчивых фразеологических выражений, анализ текста с целью выявления его смысловой направленности.

Проблема исследования экстремистских материалов в современном их понимании стоит перед учеными уже более 10 лет и затрагивалась во множестве научных работ. Однако, несмотря на ряд публикаций, посвященных данной теме, до настоящего времени не сформировано единого научно-методического подхода к судебной-экспертному исследованию экстремистских материалов.

Отметим, что лингвистические экспертизы часто выполняются на уровне искусства — мастерства отдельных наиболее опытных и квалифицированных ученых и часто вне стен экспертных учреждений. При этом многие авторитетные ученые филологи не всегда четко представляли круг своих обязанностей и ответственность за сформулированные выводы. Применялись непробированные лингвистические методы и методики, надежность которых требовала научного подтверждения. В результате такие заключения либо не получали положительной оценки в судебных постановлениях, либо вовсе не принимались судами в качестве доказательств.

Таким образом, необходимо перевести лингвистическую экспертизу на уровень отработанного технологического процесса, осуществляемого по единым, научно-обоснованным методикам.

Среди основных методик производства лингвистических экспертиз можно выделить следующие:

- 1) Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения / Под ред. М. В. Горбаневского. М.: СТЭНСИ, 2003;
- 2) Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2007;
- 3) Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Флинта, 2013;

4) Горбаневский М. В. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. М.: Медея, 2004;

5) Типовая методика лингвистической экспертизы. М.: ЭКЦ МВД России, 2009.

6) Кузнецов С. А. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основы и методическое руководство. СПб., 2012.

В 2015 году была разработана «Единая межведомственная методика по производству экспертиз и экспертных исследований материалов по делам, связанным с проявлением экстремизма» (А. П. Коршиков, Т. Н. Секераж, Т. В. Назарова, Ю. А. Сафонова). В этом методическом пособии имеется единая трактовка только стадий экспертного исследования, в остальном эксперты различных государственных экспертных учреждений (согласно Единой межведомственной методике) вправе решать вопросы лингвистической экспертизы в различных вариациях.

Таким образом, разработка единого методического подхода при проведении автороведческих и лингвистических экспертиз (в рамках государственных и негосударственных экспертных подразделений) является актуальной задачей, стоящей перед экспертным сообществом, решение которой позволит существенно повысить эффективность экспертной деятельности.

Олиндер Н. В.

Проблемы использования информации из социальных сетей при расследовании преступлений¹

Ежедневно растет количество пользователей Интернета, происходит виртуализация отношений, увеличивается динамика и объем коммуникаций в сети Интернет, что приводит к росту популярности социальных сетей в повседневной жизни. Некоторые люди переходят от прямого личного общения, к общению в сети Интернет. Рост количества пользователей социальных сетей и средств обмена сообщениями неоспорим². Несмотря на это, до настоящего времени отсутствует официальное определение такого понятия, нет правового регулирования отношений, возникающих в таких сетях, что может быть использовано

¹ Доклад выполнен в рамках реализации программы повышения конкурентоспособности федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» среди ведущих мировых научно-образовательных центров. Тема: «Создание и апробирование программного комплекса «Социальный эхолот» для многомерной обработки больших баз данных и формирования карты сетевых сообществ Рунета». Шифр темы: 05в-Р014—090.

² Global Digital Statshot: August 2015 // [Электронный ресурс]. Точка доступа: <http://wearesocial.com/uk/special-reports/global-statshot-august-2015>. Дата обращения 31.09.2017

и используется при совершении преступлений (например, при подготовке преступления за потенциальной жертвой могут наблюдать посредством социальных сетей).

При появлении новых видов отношений (или развитии уже существующих), видоизменяется и преступная деятельность, так например, при развитии компьютерных отношений — появились компьютерные преступления; с появлением электронных платежных систем — преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем¹ и т. д. Перечисленные виды преступлений, в настоящее время достаточно урегулированы, имеется достаточная практика по их расследованию и доведения дел до суда. Однако, остается достаточно много нерешенных вопросов, а недостаточное правовое регулирование, в т. ч. социальных систем порождает их использование преступниками.

Социальные сети в настоящее время рассматриваются как самостоятельная категория, они могут быть использованы как преступниками при² совершении или подготовке преступления, так и при расследовании преступлений. Социальные сети чаще всего представлены как вид массовой коммуникации посредством интернета³, либо как некий набор технологий, позволяющих общаться on-line. Формы такого общения: обмен информацией, переписка, обмен фотографиями, новости и прочее. В качестве особенностей социальных сетей можно отнести: оперативность, доступность информации, открытость.

Информация, размещаемая пользователями в социальных сетях накапливается, ее содержание изменяется в зависимости от изменений, которые происходят в жизни субъекта. Такая информация достаточно информативна для пользователей: без труда можно узнать где человек бывает, чем он интересуется, каков его род занятий, кто его друзья, его предпочтения и т. п. Следовательно, такая информация может быть использована при расследовании преступлений, что должно накладывать свой отпечаток на тактику раскрытия преступлений. Причем, эта информация может быть собрана и использована не только при расследовании «компьютерных» или связанных с ними преступлений, но и при расследовании иных категорий дел.

В качестве примера можно привести тактику расследования одной из квартирных краж в г. С. Субъект Х. сдал квартиру и уехал в командировку, за время которой эту квартиру обокрали, вывезли мебель, технику,

¹ См., напр.: Дикова Н. В., Цветков А. А. Предпосылки выделения преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем в самостоятельную категорию // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2010. № 2. С. 100–105.

² Гамбарова Е. А. Проблемы и перспективы применения социальных медиа и мессенджеров в расследовании преступлений // Юридический вестник Самарского университета. 2016. № 1. С. 145–151.

³ Социальные медиа // [Электронный ресурс]. Точка доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальные_медиа; Дата обращения 15.08.2017.

ценные вещи. В ходе первоначальных следственных действий арендатор был вне подозрений. Собственник квартиры подал объявление в одной из социальных сетей, в группе жилого микрорайона, в котором произошла кража. На объявление откликнулся свидетель, который располагал информацией о заказе грузовой Газели к указанному в объявлении дому, причем телефон заказчика машины совпадал с телефоном Арендатора. Собственник квартиры, проанализировал страничку арендатора в социальной сети, и нашел у него в друзьях лицо, на страничке которого были фото с украденным имуществом. Передав эту информацию органам расследования, собственник квартиры поспособствовал раскрытию преступления.

Следовательно, развитие социальных сетей открывает новые возможности в поиске, сборе и оценке информации для расследования преступлений, приводит к необходимости пересмотра подхода к использованию этой информации в криминалистической тактике и методике. Например, при подготовке к допросу или очной ставке может быть рекомендовано проанализировать профили социальных сетей, посмотреть места пребывания, род занятий и т. д.

Опыт зарубежных стран показывает, что социальные медиа, и в частности социальные сети, являются ценным инструментом в расследовании преступлений. Они используются для поиска и сбора доказательств, информации о людях, разыскиваемых лицах, лицах, осуществляющих вербовку и т. п. Большое количество информации о преступной деятельности доступно онлайн через видео, фотографии, и тексты, которые пишут и выкладывают в социальные медиа преступники и свидетели. В США в 86,1% случаях при расследовании преступлений используют социальные медиа¹. Так, например онлайн-опрос компании lexisnexis показал, что четыре из пяти сотрудников правоохранительных органов используют социальные медиа для сбора информации в ходе расследования. Наиболее распространенными источниками сбора информации являются сайты Facebook и YouTube².

К сожалению, в Российской Федерации до настоящего времени информация из социальных сетей не получило широкого распространения в расследовании преступлений. Активное использование такой информации может стать прорывом в криминалистике. Хотя, в оперативно-розыскной деятельности информация из социальных сетей используется. Иногда сведения из социальных сетей используют адвокаты. Например, в Самаре, в 2016 году адвокат по фотографиям в профилях социальной сети вывёл, что понятия по одному из дел — это

¹ Investigations // [Электронный ресурс]. Точка доступа: <http://www.iacpsocialmedia.org/Topics/Parent.aspx?termid=95>. Дата обращения 18.08.2017.

² 7 Ways Police Departments Use Social Media // [Электронный ресурс]. Точка доступа: <http://www.newsmax.com/FastFeatures/police-social-media/2015/07/02/id/653310/>. Дата обращения 31.01.2016.

бывшие работники полиции, более того, они знакомы между собой, а запрос переписки этих людей, показал сговор о подбросе наркотических средств подзащитному адвоката.

Скорость получения информации из социальных сетей гораздо выше, скорости получения информации путем опроса¹. Среди работников правоохранительных органов бытует мнение², что, например, сайт «Одноклассники» хорошо помогает при установлении, интересующих следствие лиц, так как данная платформа отображает не только «друзей», но и «Друзей друзей» — то есть полный спектр знакомств.

С точки зрения криминалистики, сравнительное исследование страниц человека в разных социальных сетях может способствовать поиску, обнаружению и выделению индивидуальной совокупности конкретного человека; позволяет выявить особенности его состояния, деятельности, круга интересов. Представляется возможным без прямого общения с человеком получить первичные данные о: его психотипе, убеждениях, увлечениях, интересах, манере поведения, ближайшем круге общения, материальном состоянии, и возможном участии в каких-либо группах, объединениях людей.

При работе с социальными сетями могут быть выявлены определенные параметры («маячки»), которые находятся в свободном доступе в социальных сетях и могут быть доступны любому пользователю. С одной стороны, это является негативным фактором, так как снижен уровень защиты персональных данных (хотя эти данные размещают сами субъекты). С другой стороны, такая «открытость» информации может помочь в работе следственных органов при расследовании преступлений. Например, при сборе информации о возможных участниках ОПГ, при подготовке к отдельным следственным действиям (например, допрос, очная ставка) или в целом, при планировании расследования отдельных видов преступлений.

Можно выделить некоторые положительные моменты и трудности при работе с социальными сетями по сбору, оценке и анализу информации о человеке. К положительному опыту можно отнести:

Время, затраченное на поиск информации значительно ниже, чем при опросе. На опрос 2–3 дня, на поиск информации в социальных сетях 2–3 часа.

Количество собранной информации и ее качество может быть значительно выше, чем информация, собранная путем опроса.

¹ Олиндер Н. В., Гамбарова Е. А. О результатах эксперимента «Поиск и восприятие информации о личности в сети интернет и ее использование при расследовании преступлений». Эксперт-криминалист. 2017. № 4. С. 29–31.

² Пару кликов мышкой — и дело раскрыто // [Электронный ресурс]. Точка доступа: <http://www.specletter.com/obcshestvo/2011-02-07/paru-klikov-myshkoi-i-delo-raskryto.html>. Дата обращения 31.01.2016.

Информацию можно найти не только из социальных сетей (которую лицо выкладывает самостоятельно), но и из других информационных ресурсов (кадастровые учеты, база штрафов, информация об участии в организациях., мероприятиях и прочее).

Можно отследить связи между людьми, проверить сообщества, выявить группировки.

Трудности, с которыми можно столкнуться при поиске, сборе и анализе информации о человеке в социальных сетях:

- 1) Отсутствие человека в социальных сетях
- 2) Закрытые аккаунты
- 3) Ложная информация, которую человек выкладывает о себе
- 4) Сложность процессуального оформления полученной информации.

Таким образом, информацию из социальных сетей можно и нужно использовать при расследовании преступлений, с ее помощью можно собирать информацию о человеке дистанционно, проверять определенные факты. В настоящее время в научно-образовательной лаборатории криминалистики и судебных экспертиз кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского университета, группа авторов готовит статью на тему «Доказательственное значение информации о личности из социальных сетей», в которой будут рассмотрены процессуальные аспекты поиска, сбора и анализа такой информации.

Орлова В. Ф.

Труды Р. С. Белкина всегда актуальны

Криминалистика — наука динамичная и ситуативная, зависящая от правовых условий и остро реагирующая на изменения в общественной жизни. Это юридическая дисциплина, постоянно аккумулирующая достижения науки и техники в самых различных областях знаний и ставящая их на службу борьбы с преступностью. Основа методологии криминалистики — объединение положений наук естественного, технического, социального профиля с правовыми и создание на этой базе новых прикладных знаний для применения в судопроизводстве.

Отечественная криминалистика прошла долгий путь развития прежде чем стала высоко развитой самостоятельной областью юридических знаний. Было время, когда криминалистика находилась на эмпирическом уровне развития и теоретические исследования носили частный и фрагментарный характер. Трудями советских и российских криминалистов — ученых и практиков была создана современная и перспективная область криминалистических знаний, занявшая достойное место в системе юридических наук.

В процессе формирования научных основ криминалистики ведущая роль принадлежит Рафаилу Самуиловичу Белкину, посвятившему этой науке и ее прикладным аспектам всю свою творческую жизнь. Вершиной творческой мысли Р. С. Белкина явились его труды о теоретических основах криминалистики. Общая теория криминалистики, разработанная Р. С. Белкиным, была настолько востребована криминалистической наукой и практикой, что предопределила методологию развития этой области знаний на многие последующие годы. Выход в свет его трудов в 60—70 годы породил небывалый интерес и пристальное внимание со стороны ученых-криминалистов и процессуалистов к теоретическим проблемам и сопровождался «всплеском» научных идей и исследований на основе и в развитие положений его работ.

Автор данной памятной статьи — современница Р. С. Белкина, которая благодарна судьбе за то, что ей довелось жить и работать рядом с такими ведущими криминалистами страны и интересными людьми, как: Л. Е. Ароцкер, Р. С. Белкин, А. И. Винберг, Д. Я. Мирский, М. Я. Сегай, Б. И. Шевченко, А. Р. Шляхов и многие другие. Это была мощная плеяда ученых-энтузиастов, выдвигавших новые концепции, теории и учения и претворявших их в жизнь. Они были активны, боеквиты, полемичны, в науке принципиальны; криминалистика была делом их жизни. Творческая деятельность ученых-криминалистов того времени была достойным образцом для подражания молодому поколению криминалистов.

Для меня, работавшей в то время над проблемой создания частной теории криминалистики — теории судебно-почерковедческой идентификации, исследования Р. С. Белкина в области общей теории криминалистики имели определяющее значение. Р. С. Белкин был официальным оппонентом на защите моей докторской диссертации на эту тему, и я очень благодарна ему за внимание к моей работе и ее поддержку. Несколько позднее мне довелось работать некоторое время вместе с Рафаилом Самуиловичем во ВНИИСЭ Минюста, где он возглавлял отдел теории судебной экспертизы. С присущими ему интересом и вниманием ученого к проблемам судебной экспертизы и незаурядными организаторскими данными, он много помог развитию теории этой области знаний. Под руководством Р. С. Белкина и других ведущих ученых того времени многие годы отдел теории ВНИИСЭ успешно функционировал в качестве организационного и научного центра теории судебной экспертизы в системе судебно-экспертных учреждений Минюста. Регулярно проводились теоретические семинары «Криминалистические чтения» — своего рода «трибуна» для обсуждения новых и спорных проблем с широким привлечением криминалистической общественности — ученых и практиков различных ведомств; постоянно пополнялись теоретическими исследованиями периодические издания в области

судебной экспертизы. Концептуально Р. С. Белкин признавал за общей теорией судебной экспертизы (судебной экспертологией) научную самостоятельность, оставляя между нею и криминалистической определенной область пересечения знаний и закономерностей. Своей работой в этом направлении Р. С. Белкин способствовал появлению новой криминалистической науки о судебной экспертизе, созданной творческими усилиями советских и российских криминалистов: Т. В. Аверьяновой, А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской, Ю. Г. Коруховым, В. Я. Колдиным, Д. Я. Мирским, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинской, А. Р. Шляховым и многими другими. В современных условиях большая роль в развитии и укреплении научных и организационных основ судебной экспертизы принадлежит дочери Р. С. Белкина — Елене Рафаиловне Россинской, которая с присущей ей семейной активностью ученого и преданностью делу, успешно трудится в этом сложном и важном для правосудия виде деятельности.

Теория криминалистики, созданная Р. С. Белкиным, настолько философски и гносеологически выверена, что остается действенной и актуальной и сейчас, в условиях резко изменившихся реалий общественных отношений. Как в предшествующее, так и в настоящее время ни одна серьезная научная работа в области теории и практики криминалистики не обходится без обращения к положениям общей теории криминалистики, созданной Р. С. Белкиным, и без опоры на них.

В юбилейные памятные дни, посвященные 95-летию со дня рождения Рафаила Самуиловича Белкина, невозможно думать и говорить о нем в прошедшем времени: он жив и будет жить среди настоящего и последующих поколений криминалистов в созданной им мощной методологии криминалистики — концепциях, теориях, учениях, практических рекомендациях, всем научном багаже, который он оставил благодарным потомкам.

Панина Н. А.

Концепт как признак языкового навыка автора текста

Сознание определяет речь, следовательно, исследуя речь автора, возможно установление демографических, психических и иных особенностей личности. Исходя из этого положения, судебная автороведческая экспертиза использует ряд методик и успешно решает поставленные перед ней задачи. В основе процесса диагностики лежит учение об общих и частных признаках языкового навыка письменной речи автора. Общие навыки характеризуются определенной степенью развития у конкретного автора; исключением являются лишь интеллектуаль-

ные навыки, чья специфика обуславливает невозможность оценки их степени развития — она не может быть низкой, средней или высокой. Интеллектуальные навыки отражают особенности восприятия действительности автором, его тип переработки информации, аргументации, акцентуации и оценки явлений¹. Помимо перечисленных, к интеллектуальным навыкам можно условно отнести темы, часто встречающиеся в текстах автора, набор определенных ассоциативных связей и стереотипов — характерных для конкретного автора или распространенных в какой-либо социальной группе². Поэтому закономерно появляется вопрос, может ли концепт, явление близкое к теме, идее и ассоциациям, быть рассмотрен в качестве признака языкового навыка письменной речи автора?

Термин «концепт» не имеет единого понимания среди ученых, появившись в рамках философии, он перешел в филологию, где обрел дополнительные значения и стал основой нового направления лингвистики — концептологии. Наиболее удачным к определению «концепта» представляется подход Ю. С. Степанова: «Концепт — идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия»³. Интересным представляется трактовка термина Е. С. Кубряковой, рассматривающей концепт как квант знания⁴. При значительной емкости и образности этому определению недостает определенности, что делает его использование в лингвистическом исследовании ограниченным и зачастую не целесообразным. Исследованием концепта занимались многие ученые, в том числе И. А. Стернин, З. Д. Попова, Ю. С. Степанов, Ю. Е. Прохоров, В. А. Ефремов, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. А. Маслова, М. В. Пименова, А. А. Залевская, Е. С. Кубрякова, Н. Ю. Шведова. Важно отметить, что в настоящее время концепты продолжают активно исследоваться, и в числе применяемых методов значительное место занимают анализ лексико-семантического поля концепта, сравнительный анализ дискурса культур, эпистемологический анализ, различные виды экспериментов.

Особая роль в процессе исследования концептов отведена изучению пословиц — кратких народных изречений, типизирующих

¹ Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы. Методическое пособие. Харьков: ХНИИСЭ, 2007. С. 16–17.

² Вывод сделан на основе анализа признаков письменной речи, свидетельствующих о намеренном искажении речи, приведенных Комиссаровым А. Ю. в работе «Криминалистическое исследование письменной речи: учебное пособие». М.: ЭКЦ МВД России, 1999. С. 54–77.

³ Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. С. 22.

⁴ Сурина В. Н. Понятие концепта и концептосферы // Молодой ученый. 2010. № 5. Т. 2. С. 43–46.

различные явления жизни, с назидательным содержанием¹. Здесь можно выделить три важнейших компонента: «народный» характер пословиц предполагает обезличенность автора — изначальный автор забыт, пословица становится достоянием социальной группы (народа), — и в то же время обезличенность адресата, его универсальность в рамках данной культуры. Вторым компонентом является типизация, обобщение явлений жизни. Стоит отметить, что обобщение явлений является не абсолютным, а производится в рамках одной культуры или нескольких схожих культур, что объясняется влиянием различных исторических, географических, экономических и иных факторов на возникновение и развитие этих явлений. Существуют реалии, универсальные для любой культуры, такие как «жизнь» и «время», однако понимание этих реалий, отношение к ним варьируется в каждой существующей культуре. И, наконец, третий компонент — назидательное содержание, транслирующее инструкцию поведения каждого члена этой социальной группы. Пословица может содержать совет, прогноз, предупреждение о негативных последствиях, краткую характеристику явления или иметь иное содержание. В любом из перечисленных случаев существование пословицы оправдано социальной потребностью в легкоусвояемых правилах, касающихся важнейших явлений и позволяющих членам общества выживать и сосуществовать друг с другом. Совокупность пословиц отражает культурные ценности общества, его реалии и менталитет.

Схожую функцию выполняют народные сказки и притчи, транслирующие через метафору надлежащую модель поведения представителя данной культуры и ее ценности. Посредством сказок в сознание человека вкладываются базовые концепты — в том числе, добра и зла, — специфическое отношение к тому или иному явлению, поощряются определенные личные качества через наделение ими героев народных сказок.

И. А. Стернин в рамках лингвокогнитивной концептологии выделяет несколько направлений, одним из которых является лингвокультурологическое, призванное исследовать «названные языковыми единицами концепты как элементы национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры: направление «от языка к культуре»². Проанализировав последние исследования концептов в их связи с национальной культурой по материалам статей, мы

¹ *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/b-16/id-79207/poslovitsa.html. Дата обращения 10.11.2017.

² *Стернин И. А.* Психоллингвистика и концептология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13105383>. Дата обращения 12.11.2017.

пришли к выводу, что наука успешно осваивает указанное направление, а научный интерес к этой теме не угасает. Например, исследование концепта «семья» в русской и китайской культуре¹, концепта «женщина» в различных культурах², «время», «любовь», «ненависть», «закон» в разных культурах и многие другие разработки формируют базу концептологического знания. Кроме того, стоит отдельно упомянуть создание «Русского идеографического словаря» в 2005 году под руководством Н. Ю. Шведовой, создание «Констант. Словаря русской культуры» Степановым Ю. С. в 2004 году и создание «Антологии концептов» под редакцией В. И. Карасика и И. А. Стернина как создание первых словарей концептов.

Однако национальность автора не единственное, о чем может поведать вербализованный концепт в письменной речи эксперту-автороведу. Так, предположение И. А. Стернина о социальном и гендерном своеобразии подтверждается исследованием А. В. Рудаковой, в котором исследовательница выделила особенности восприятия концепта «быт» людьми различного возраста и гендера³. Отношение большинства женщин, участвовавших в свободном ассоциативном эксперименте, не является положительным, будучи тесно связанным в сознании женщины с предметами, при помощи которых «быт» осуществляется как вид деятельности, с образами, непосредственно сопутствующими ей. В сознании мужчин «быт» чаще связан с уютом и чаще оценивается нейтрально или положительно. Исследователь отмечает, что заметные различия восприятия концепта участниками эксперимента различных возрастных групп проявляются именно в области оценки концепта «быт». Подростки в возрасте 13–15 лет оказались наиболее критичны в своей оценке, а в возрасте 16–20 лет люди проявляют наибольшее безразличие. Кроме того, А. В. Рудакова приводит данные, в соответствии с которыми дети до 12 лет не имеют понимания концепта «быт», в их сознании он только начинает свое формирование, и до 20 лет «быт» остается достаточно абстрактным, детализируясь в сознании носителя значительно позднее.

Концепт может быть вербализованным и невербализованным. В первом случае вербализация осуществляется через различные языковые средства, во втором — концепт остается за рамками речевой реализации и продолжает существовать в сознании носи-

¹ Ян Фан. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 250–255.

² Коногорова А. В. Стереотипы восприятия концепта «женщина» в разноязычных культурах // Вестник Забайкальского государственного университета. 2010. № 9 (66). С. 43–47.

³ Антология концептов. Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 35.

теля. Судебная автороведческая экспертиза исследует письменные тексты, что означает, что только вербализованные тем или иным способом концепты могут стать объектом исследования. И. А. Стернин в своей работе пишет о возможности «овнешнения» сознания при помощи слов и словосочетаний, фразеологизмов, паремий, текстов, ассоциативных полей¹. Анализ лексических (лексико-фразеологических), пунктуационных и грамматических навыков письменной речи активно используется в автороведении, однако сведение изучения концепта исключительно к исследованию его «овнешнения» означает отказ от возможности познания его внутренней структуры. Вербализация концепта может осуществляться при помощи любого из перечисленных навыков или их сочетания, однако исследование будет неполным, если ограничиться формой и не обратиться к тому, что составляет ее содержание. Таким образом, мы возвращаемся к тому, что концепт отражает культуру, картину мира, отдельные жизненные реалии и их восприятие носителями культуры. Перечисленные особенности свойственны признакам интеллектуальных навыков письменной речи² более, чем признакам иных навыков, перечисленных С. М. Вулом, следовательно, отнесение концептов к таким навыкам небезосновательно, однако, преждевременно относить их исключительно к данному типу. С. М. Вул утверждает, что, несмотря на разделение навыков письменной речи, их взаимопроникновение не редкость³. Полагаем, что при исследовании концепта необходимо комплексное рассмотрение навыков письменной речи для наиболее полного изучения концепта в сознании автора.

Исследователи отмечают, что концепт обладает национальной, социальной, групповой и индивидуальной спецификой, которая представляет интерес для судебной автороведческой экспертизы, так как изучение концепта, его связи с вербальным выражением и сознанием представителя социальной группы может выявить закономерности и конкретные признаки, позволяющие диагностировать принадлежность автора текста к определенной культуре, половозрастной группе, а также выявить индивидуальные особенности сознания автора. Исследование концептов и применение уже существующих знаний о них для нужд судебной автороведческой экспертизы представляется перспективным направлением ее развития.

¹ Стернин И. А. Психоллингвистика и концептология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13105383>. Дата обращения 12.11.2017.

² Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: Методическое пособие. Харьков: ХНИИСЭ, 2007. С. 15–17.

³ Там же.

Парамонова Л. Ф.

**Расширение круга субъектов назначения
судебной экспертизы: научные идеи
Р. С. Белкина и реалии сегодняшнего дня**

Р. С. Белкин в предисловии к «Курсу криминалистики», вышедшему в 1997 году, отмечал, что качественные и количественные изменения состояния преступности и неразрывно связанные с этими изменениями в оперативно-розыскной, следственной и экспертной практике потребовали новых взглядов на ряд узловых проблем, известной переоценки существовавших и оценки новых концепций и теорий, прослеживания новых результатов тенденций развития криминалистики¹. Одним из направлений, нуждающимся в аргументированной научной проработке, по мнению Р. С. Белкина, является практическая экспертная деятельность, а именно, те ее аспекты, которые требуют правовой регламентации и должны найти свое отражение в законе о судебной экспертизе².

Анализируя пробелы в законодательстве, регламентирующем судебно-экспертную деятельность, Р. С. Белкин выделил целый ряд проблемных вопросов, одним из которых был вопрос расширения круга субъектов назначения судебной экспертизы. Он отмечал, что «действующий закон ограничивает круг субъектов назначения экспертизы органом расследования и судом»³, в то время как право защитника обвиняемого предоставлять доказательства ничем законодательно не подкреплено. Для решения данной проблемы были предложены следующие организационно-правовые новеллы:

- предоставить право защитнику обвиняемого по собственной инициативе или по желанию обвиняемого назначать судебную экспертизу, поручая ее производство выбранному также по собственному усмотрению эксперту (экспертам);
- предоставить право защитнику обвиняемого назначать дополнительную и повторную экспертизы в тех случаях, когда не удовлетворено ходатайство защитника о проведении таких экспертиз по результатам оценки заключения первоначальной экспертизы, самостоятельно назначенной органом расследования;
- ввести обязательное производство экспертиз, назначенных защитником, в экспертных учреждениях всех ведомств, так и вне их путем самостоятельного (или с участием следователя) приглашения экспертов, не являющихся сотрудниками экспертных учреждений;

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 3.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 97.

³ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 114.

- предоставить право защитнику обвиняемого присутствовать при производстве экспертизы, назначенной по его инициативе;
- ввести институт присяжных судебных экспертов в целях упрощения выбора эксперта защитником;
- закрепить процедурные детали назначения и производства экспертизы по инициативе защиты в соответствующих ведомственных актах¹.

Все государства постсоветского пространства неизменно подчеркивали и подчеркивают свою приверженность идее построения правового государства, в том числе, развитию и совершенствованию принципа состязательности в уголовном процессе, обеспечению равных возможностей сторон в отстаивании своих и представляемых законных прав и интересов, и тем интересней проследить, насколько за последние двадцать лет были реализованы на практике вышеизложенные предложения Р. С. Белкина в части расширения круга субъектов назначения судебной экспертизы.

Сразу оговоримся, что в законах, регламентирующих судебно-экспертную деятельность (как предлагалось), данные новеллы не нашли отражения, наиболее полно эти положения изложены в Модельном Уголовно-процессуальном кодексе для государств-участников Содружества Независимых Государств (далее — МУПК). МУПК, носящий рекомендательный характер, имел своей целью сближение и гармонизацию уголовно-процессуальных законов государств-участников СНГ для выработки общих правовых подходов и единых правовых понятий в сфере уголовного судопроизводства. В части расширения круга субъектов назначения судебной экспертизы МУПК предлагал блок норм, регламентирующих порядок назначения и производства судебных экспертиз стороной защиты, а именно:

- стороны по своей инициативе и за свой счет вправе произвести экспертизу для установления обстоятельств, которые, по их мнению, могут служить защите их интересов (ч. 2 ст. 282 МУПК);
- заключения экспертов, производивших экспертизу по поручению сторон, будучи представленными следователю, приобщаются им к уголовному делу и подлежат оценке наряду с другими доказательствами. (ч. 2 ст. 282 МУПК);
- при проведении экспертизы по инициативе и за счет стороны эксперту передаются список вопросов и объекты исследования, имеющиеся в распоряжении стороны или предоставленные по ее ходатайству следователем, о чем составляется протокол (ч. 3 ст. 286 МУПК);
- если экспертиза проводится в экспертном учреждении по инициативе и за счет стороны, то последняя направляет руководителю

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 114–116.

экспертного учреждения перечень вопросов и объекты для исследования (ч. 2 ст. 290 МУПК);

- при производстве экспертизы вне экспертного учреждения по инициативе и за счет стороны между стороной и экспертом заключается соглашение; сторона передает эксперту перечень вопросов и объекты для исследования (ч. 4 ст. 291 МУПК);
- после производства необходимых исследований эксперт составляет письменное заключение и немедленно направляет его стороне, по инициативе и за счет которой она произведена (ч. 1 ст. 292 МУПК).

Необходимо отметить, что содержание принятых уголовно-процессуальных кодексов значительно отличается от МУПК, в том числе, в части расширения круга субъектов назначения судебной экспертизы: не во всех государствах постсоветского пространства сторона защиты наделена правом самостоятельно назначать экспертизы. В таблице приведены нормы уголовно-процессуальных кодексов тех государств, в которых предусмотрено проведение судебной экспертизы по инициативе сторон:

Наименование, год принятия НПА	Статья, часть НПА	Содержание
УПК Азербайджанской Республики, 2000	ст. 264, ч. 5	Если уголовное преследование осуществляется <i>в порядке частного обвинения</i> , то для установления обстоятельств, могущих служить интересам стороны защиты, <i>защитник вправе по собственной инициативе</i> официально обратиться о проведении экспертизы к одному или нескольким экспертам, в экспертное учреждение с условием оплаты экспертной работы по договору
УПК Республики Молдова, 2003	ст. 144, ч. 3	При производстве экспертизы <i>по инициативе и за счет сторон</i> эксперту передается перечень вопросов, предметы и материалы, которыми располагают стороны или которые представляются по их ходатайству органом уголовного преследования. Об этом составляется протокол согласно положениям статей 260 и 261
УПК Грузии, 2009	ст. 144, ч. 2	Экспертиза производится <i>по инициативе сторон</i>
УПК Украины, 2012	ст. 243, ч. 2	<i>Сторона защиты</i> имеет право самостоятельно привлекать экспертов <i>на договорных условиях</i> для проведения экспертизы, в том числе, и обязательной

УПК Республики Казахстан, 2014	ст. 122, ч. 3 ст. 272, ч. 7	Защитник, ... вправе ... получать сведения, необходимые для осуществления защиты, представления интересов потерпевшего, путем: 3) направления запроса в <i>экспертное учреждение</i> о проведении на договорной основе соответствующей экспертизы. Экспертиза в уголовном процессе ... <i>на основании адвокатского запроса</i> о даче экспертного заключения проводится <i>в случае отсутствия необходимости в истребовании объектов исследования из органа, ведущего уголовный процесс</i>
УПК Кыргызской Республики, 2016	ст. 172, ч. 12	В случае <i>отсутствия необходимости в истребовании объектов исследования из органа досудебного производства</i> , ..., участники процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы, <i>вправе самостоятельно обратиться в экспертную организацию о проведении экспертизы на договорной основе</i>

Как видно из приведенной таблицы, только в шести республиках законодательно закреплено право стороны защиты на самостоятельное назначение судебной экспертизы, однако и оно частично ограничено. Так, азербайджанский законодатель предоставил право назначения экспертизы стороне защиты только в том случае, если уголовное преследование осуществляется в порядке частного обвинения, а это, согласно ст. 37.2 УПК, четыре статьи Уголовного кодекса Азербайджанской Республики (ст. 147 «Клевета», ст. 148 «Оскорбление», ст. 165.1 «Нарушение исключительного права пользования топологией интегральной схемы» и ст. 166.1 «Нарушение изобретательских и патентных прав»).

В Казахстане и Кыргызстане сторона защиты вправе назначать экспертизы только в экспертную организацию и только в случае отсутствия необходимости в истребовании объектов исследования из органа, ведущего уголовный процесс. Таким образом, возможность реализации декларированного права на практике сведена к нулю.

В уголовном процессе Молдовы, Грузии и Украины производство судебной экспертизы по инициативе сторон, в том числе, стороны защиты, ничем не ограничено. Более того, украинский законодатель особо подчеркнул право стороны защиты проводить и обязательные экспертизы.

Однако в Молдове «судебно-экспертные учреждения не способны обеспечить потребности правоохранительных органов в необходимых

исследованиях»¹, а в Украине на практике «сторона защиты далеко не всегда имеет возможность реализовать предоставленное ей право назначать экспертизы по своему усмотрению, привлекая эксперта на договорных условиях», так как следователь не передает имеющиеся у него вещественные доказательства стороне защиты даже при наличии соответствующего ходатайства².

Действующий в настоящее время в Грузии Уголовно-процессуальный кодекс отличается от аналогичных кодифицированных актов тем, что права стороны защиты и стороны обвинения на инициирование экспертиз сбалансированы соответствующими обязанностями, а именно:

- и постановление следователя, и обращение стороны защиты о производстве экспертизы являются обязательными для экспертного учреждения, эксперта и лица, являющегося объектом экспертного исследования (ч. 4 ст. 144 УПК);
- если объект экспертного исследования хранится у другой стороны, она обязана передать объект эксперту стороны, являющейся инициатором экспертизы; в случае, если сторона добровольно не получает объект, она вправе обратиться с ходатайством о передаче эксперту объекта экспертного исследования в суд по месту производства следствия, при этом определение суда обжалованию не подлежит (ч. 3 ст. 144 УПК);
- при получении заключения эксперта сторона, являющаяся инициатором экспертизы, должна незамедлительно передать его по требованию другой стороне (ч. 4 ст. 146 УПК);
- в случае, если эксперт стороны, являющейся инициатором экспертизы, не смог обеспечить или не обеспечил сохранность объекта экспертного исследования, такое заключение признается недопустимым доказательством, и допрос эксперта в качестве свидетеля не допускается (ч. 3¹ ст. 144 УПК).

Однако согласиться с Г. Э. Бахтадзе в том, что вышеперечисленные нормы УПК Грузии позволяют «стороне защиты назначать судебные экспертизы на равных со стороной обвинения»³, нельзя, поскольку и в этом кодексе имеется ряд пробелов. Во-первых, в УПК Грузии отсутствуют такие понятия, как «комиссионная», «дополнительная» и «повторная» экспертиза, поэтому неясно, может ли сторона защиты

¹ *Манастырлы С.* Мимо Европы, или Где взять судэксперта? <http://www.vedomosti.md/news/Mimo_Evropy_Ili_Gde_Vzyat_Sudeksperta> (последнее посещение 25.07.2017).

² *Коваленко В. В.* Реализация права стороны защиты на назначение экспертизы в уголовном судопроизводстве Украины // Судебная экспертиза: методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: мат-лы Межд. науч.-практ. конф.-и. М., 2015. С. 126.

³ *Бахтадзе Г. Э.* Необходимость наделения стороны защиты правом назначения судебных экспертиз // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2 (122). С. 92.

назначить дополнительную или повторную экспертизу после проведения первичной экспертизы по постановлению следователя. Во-вторых, сторона защиты вправе участвовать в следственных действиях, производимых по ее требованию (ч. 1 ст. 111 УПК Грузии), но производство судебной экспертизы относится не к следственным действиям, а к другим процессуальным действиям, поэтому, вправе ли сторона защиты присутствовать при производстве экспертизы, также неясно. В-третьих, при полном расходе микроколичества вещества (в соответствии с методикой исследования) будет ли такое заключение эксперта признано недопустимым?

Отдельно хотелось бы остановиться на предложении Р. С. Белкина о введении института присяжных судебных экспертов в целях упрощения выбора эксперта защитником. Полагаем, что речь шла о наличии доступных для участников уголовного процесса списков судебных экспертов с указанием сведений, позволяющих оценить профессиональный уровень, компетентность последних. В ряде постсоветских государств такие реестры законодательно закреплены в отраслевых законах и доступны на официальных сайтах министерств юстиции, однако содержащиеся в них сведения носят формальный характер. Например, в Государственном реестре судебных экспертов, размещенном на официальном сайте Министерства юстиции РК, указаны только сведения об образовании, наличии ученой степени, наименовании экспертных специальностей эксперта и даты их получения, прохождении аттестации, месте работы либо номере и дате выдачи лицензии на занятие судебно-экспертной деятельностью. По этим данным определить профессиональный уровень эксперта не представляется возможным, поэтому выход из создавшейся ситуации видится в расширении сведений, размещаемых в реестре.

Обобщая изложенное, необходимо отметить, что предложения Р. С. Белкина в части расширения круга субъектов назначения судебной экспертизы в рамках уголовного процесса носили революционный характер и на сегодняшний день не утратили своей актуальности, так как отдельные положения либо не закреплены законодательно, либо носят формальный характер. «Закон должен предоставить защите не только фактически ничем не подкрепленное право представления доказательств, но и обеспечивающие реализацию этого права возможности собирания доказательств»¹. Их закрепление в полном объеме в рамках уголовного процесса позволит на деле реализовать принцип состязательности сторон и будет способствовать повышению качества и эффективности отправления правосудия.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 115.

Передерий В. А.

**Выявление и доказывание обстоятельств,
способствовавших совершению преступления,
как реализация идей профессора Р. С. Белкина**

В текущем году юридическая общественность России отметила 95-летие со дня рождения выдающегося ученого-криминалиста, доктора юридических наук, профессора Рафаила Самуиловича Белкина.

Труды в области криминалистики, созданные им, явились фундаментом для последующего развития криминалистики, а рекомендации по применению криминалистических знаний в сфере профилактики преступлений на предварительном следствии нашли практическое применение в следственной деятельности.

В своих работах профессор Р. С. Белкин указывал, что выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, также важно для следователя, как и раскрыть само преступление. Он отмечал, что истина по делу достигается лишь в том случае, когда полно и всесторонне установлены все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, к числу которых закон относит причины и условия, способствующие преступлению, которые также подлежат именно доказыванию, т. е. должны быть выявлены путем применения всех процедур, предусмотренных законом для этого процесса¹.

Более того, деятельность органов предварительного расследования по выявлению обстоятельств, способствовавших свершению преступления, профессор Белкин Р.С. рассматривает в рамках такой науки, как криминалистика, посвящая данному вопросу отдельные главы в учебной литературе по криминалистике.

В юридической литературе высказывалось мнение о том, что наступит время, когда необходимость в профессии следователя отпадет, так как будет искоренена сама преступность².

Профессором Р. С. Белкиным такое утверждение ставилось под сомнение и указывалось следующее: «Профилактическая деятельность следователя и других правоохранительных органов не может преследовать цель полного искоренения преступности в стране. Как показывает опыт истории, преступность присуща любому общественному строю, ее развитие — результат действия определенных социальных закономерностей. Задача профилактической деятельности — не полное искоренение преступности, а эффективное снижение ее количественных и качественных показателей, уменьшение ее воздействия на общество

¹ Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; под ред. Р. С. Белкина. М.: НОРМА (НОРМА—ИНФРА М), 2001. 990 с.

² *Иценко Е. П., Любарский М. Г.* В поисках истины. М.: Юрид. лит., 1986. С. 3.

и государство, повышение уровня личной безопасности граждан, защиты их законных прав и интересов. В достижении этих целей профилактической деятельности следователю, как представителю государственной власти, принадлежит заметная роль»¹.

Как мы видим, следователю принадлежит одна из основных функций в предупреждении преступлений.

В связи с этим, предлагается проанализировать полномочия следователя на указанном направлении деятельности в более широком смысле, опираясь на основные положения криминалистической профилактики преступлений.

Так, приступая к расследованию преступления, следователь одновременно с этим должен приступить к установлению обстоятельств, способствовавших его совершению (требование ч. 2 ст. 73 УПК РФ).

Таким образом, эта деятельность идет параллельно с расследованием уголовного дела, преследуя свои специфические цели для получения ответа на вопрос: что способствовало совершению преступления?

Если будет установлено, что ему способствовали действия, которые содержат признаки иного преступления, то следователь должен выделить материалы в соответствии с требованиями ст. 155 УПК РФ, с целью принятия решения в порядке ст. 144–145 УПК РФ. Если выявленные следователем нарушения (деяния) не подпадают под уголовную ответственность, то следователь имеет право составить соответствующий документ — представление в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

В указанном представлении следователь должен указать (доказав их наличие), обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, показать их связь с совершенным преступлением, установить, какие и кем допущены нарушения, которые способствовали совершению преступления, какие нормы права нарушены, что необходимо сделать для устранения данных обстоятельств, а также недопущения подобных преступлений вновь, имеющиеся пробелы в ведомственной нормативно-правовой базе, указать на недостатки в работе определенных лиц, потребовать применения к ним мер дисциплинарного воздействия, а также принятия эффективных и действенных мер по устранению выявленных нарушений.

На наш взгляд, представление — это мини-обвинительное заключение по выявленным нарушениям, не подпадающим под действие уголовного закона.

Считаем, что деятельность следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, должна также

¹ Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; под ред. Р. С. Белкина. М.: НОРМА (НОРМА–ИНФРА М), 2001. 990 с.

активно продолжаться и после направления представления в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, при осуществлении контроля своевременности и качества его рассмотрения.

Представление по существу рассматривается организацией или должностным лицом, которым оно адресовано, а поддерживает указанные в нем требования лицо, которое его внесло (полагаем, что одновременно со следователем участие в рассмотрении представления может также принимать руководитель следственного органа). Таким образом, следователь продолжает деятельность по доказыванию обстоятельств, способствовавших совершению преступления, уже непосредственно в ходе рассмотрения представления.

Следователь имеет право принимать участие в рассмотрении представления. Более того, в ходе его рассмотрения следователь может приводить доводы (доказательства), свидетельствующие о выявленных нарушениях и лицах, их допустивших. Следователь при этом становится своего рода «государственным обвинителем», поддерживая приведенные им в представлении доводы.

По результатам рассмотрения представления должно быть принято решение, о принятых мерах сообщено лицу, его направившему. Следователь имеет право выяснить сроки реализации принятых решений, а также убедиться в реальном устранении данных нарушений, принятии действенных мер по профилактике преступлений.

В случае несогласия с принятым решением (например, формальным отношением к его рассмотрению, не принятием мер по устранению выявленных нарушений и т. д.) следователь (как и государственный обвинитель, в случае несогласия с судебным актом) имеет право его обжаловать.

Формы обжалования могут быть самыми разнообразными: возможно направить требование (новое представление) в вышестоящий орган или должностному лицу, направить информацию прокурору (для принятия мер прокурорского реагирования по выявленным нарушениям), организовать обсуждение бездействия должностных лиц (руководителей) на собраниях трудовых коллективов (общественных организаций), направить в суд материалы для привлечения к административной ответственности (ст. 17.7 КоАП РФ) и т. д.

Необходимо отметить, что, даже получив положительный ответ на свое представление, следователь должен иметь возможность убедиться лично в полноте и эффективности принятых мер. Так, если ему сообщено о наказании виновного лица, то следует получить копию приказа о наказании, об увольнении за допущенные нарушения, а также (по возможности) лично убедиться, что нарушение устранено (например, если перекресток не был оборудован светофором, что в определенной степени повлияло на дорожно-транспортное происшествие, убедиться, что данный светофор действительно установлен и т. д.).

Признаем, что данная работа требует от следователя дополнительных времени и сил, но она чрезвычайно необходима. Кроме того, в осуществлении данной деятельности следователю могут помочь потерпевшие, заинтересованные в недопущении аналогичных преступлений, общественные организации, СМИ, лица с активной гражданской позицией, общественные помощники, практиканты следственных органов и т. д. Например, по уголовному делу, находившемуся в производстве Московского МСУТ СК России по факту смертельного травмирования трех несовершеннолетних железнодорожным транспортом, следователем было внесено представление в ОАО «РЖД», в котором, в частности, содержалось требование установить свето-звуковую сигнализацию на железнодорожном переходе. Несмотря на то, что из органов «РЖД» приходили ответы, что такая сигнализация будет установлена в ближайшее время, на деле это не исполнялось. Отец одной из погибших девочек (проживал недалеко от места происшествия) сообщал следователю о том, что указанная сигнализация не установлена. В связи с этим, следователем было направлено представление в вышестоящую структуру ОАО «РЖД» с указанием на бездействие при рассмотрении прежнего представления, после чего указанная сигнализация была установлена¹.

Таким образом, алгоритм действий следователя на данном направлении деятельности заключается в том, что следователь в ходе расследования преступления выявляет обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, доказывает их, выясняя, кто виновен в допущенных нарушениях и какие меры необходимо принять для устранения указанных обстоятельств, облекает полученные сведения в письменную форму (представление), которое направляет в орган (должностному лицу), правомочному принять меры по устранению выявленных нарушений, после чего контролирует рассмотрение данного представления (в том числе, соблюдение срока рассмотрения), сам принимает участие в его рассмотрении, в случае необходимости доказывает указанные в нем доводы, поддерживает заявленные требования, получает письменный ответ о результатах его рассмотрения и принятых мерах, в случае несогласия принимает меры к обжалованию полученного ответа, контролирует реализацию принятых решений, убеждается в реальном устранении выявленных нарушений.

Хотелось бы остановиться на вопросе своевременности внесения следователем представления, на что обращал внимание профессор Р. С. Белкин².

¹ Контрольное производство по уголовному делу, возбужденному по преступлению, предусмотренному ч. 3 ст. 263 УК РФ // Архив Московского МСУТ СК России.

² См.: Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; под ред. Р. С. Белкина. М.: НОРМА (НОРМА-ИНФРА М), 2001. 990 с.

Так, в ходе предварительного следствия следователь связан процессуальными сроками, за рамки которых он выйти не может.

Представление также должно быть составлено в рамках срока следствия.

Кроме того, его необходимо вносить не на завершающей стадии расследования (что чаще всего встречается в практике), а сразу же после того, как будут установлены и доказаны обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, или другие нарушения закона. При установлении в ходе следствия новых (дополнительных) обстоятельств, следователь может внести еще одно представление. Это в полной мере отвечает требованиям доказывания (чем раньше выявлены нарушения, тем эффективнее и легче процесс доказывания).

Таким образом, представление должно быть внесено незамедлительно после того, как будут установлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления или другие нарушения закона. В этой связи следователю необходимо знать сроки давности привлечения виновных лиц к дисциплинарной ответственности (установлены трудовым и иным законодательством). Эти сроки могут быть гораздо меньше срока следствия. От своевременности направления представления зависит и качество его рассмотрения, а личное участие следователя будет, несомненно, способствовать принятию справедливого и обоснованного решения.

Так, в 2016 году следователем Московского МСУТ СК России внесено в ОАО «РЖД» представление по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 143 УК РФ¹. В данном представлении были подробно указаны выявленные в ходе следствия нарушения нормативных актов, которые привели к причинению на рабочем месте тяжких телесных повреждений работнику, проведен тщательный анализ обстоятельств, которые способствовали совершению данного преступления.

По результатам рассмотрения представления с участием следователя три должностных лица привлечены к дисциплинарной ответственности, а одно — уволено (достоверно установлена вина 4-х работников в ненадлежащем исполнении своих должностных обязанностей), а также были приняты непосредственные меры, направленные на профилактику подобных нарушений (проведены внеплановый инструктаж работников, внеплановые технические занятия, внеочередная проверка знаний у лиц, ответственных за охрану труда, комплексные проверки правил охраны труда и т. д.).

Таким образом, полноценный эффект превентивного воздействия может быть достигнут только своевременным выявлением всех обстоя-

¹ Контрольное производство по уголовному делу, возбужденному по ч. 1 ст. 143 УК РФ // Архив Московского МСУТ СК России.

тельность, способствовавших совершению преступления, иных нарушений закона, и их устранением.

Порада Виктор

Теория и методология научных знаний и характеристика современного состояния развития криминалистики

1. Развитие взглядов на теорию, методологию и систему методов криминалистики

При изучении данных вопросов нельзя упустить из вида самые важные научные знания, приобретенные российской школой криминалистики во главе с по-видимому самым крупным теоретиком-криминалистом всех времен, профессором Р. С. Белкиным.¹ Об этом свидетельствует целый ряд его публикаций, а также лекций и выступлений на конференциях, в высших учебных заведениях со специализацией по праву и безопасности. Профессор Р. С. Белкин разработкой теоретических и методологических проблем криминалистики обогатил не только российскую школу криминалистики, которую я считаю лучшей в мире, но обогатил теорию и методологию криминалистики каждой посещенной им страны, заложив при этом основы дальнейшего важного этапа интеграции национальных криминалистик, сближения учебных программ высших учебных заведений, используемых для подготовки специалистов в сфере криминалистики, а также ведения следствия и сбора доказательств при расследовании уголовных дел. Кроме этого, в Чехословакии, а сегодня уже в Чешской и Словацкой республиках, при сотрудничестве Р. С. Белкина с другим выдающимся специалистом в данной области, профессором Яном Пьешчаком, возник синергический эффект их взаимодействия, и оба ученых навсегда вошли в историю нашей школы криминалистики.

Значимые с точки зрения уголовных действий события, процессы и факты (механизм уголовного преступления, способ его совершения, а также их элементы) исследуются в качестве предмета знаний. Механизм отражения данных событий и процессов в окружающей среде исследуется в качестве носителя информации, обуславливающего формирование знаний об исследуемых процессах. Процессы выделения, фиксации, передача и исследование с точки зрения уголовных действий информации исследуются в качестве объектов управления с целью

¹ In Charvátová, I., Víchová, H. Vystoupení jubilanta (V. Porady) na Mezinárodní vědecké konferenci „Trestní právo, kriminalistika, bezpečnostní vědy a forenzní disciplíny v kontextu kontroly kriminality« (Поcta Viktorovi Poradovi k 70. narozeninám). Karlovarská právní revue, č.1/2014, s. 82

оптимизации данных процессов¹. Правильный научный метод, образующий в своей совокупности методологию криминалистики, вытекает по существу только из достоверной теории, отражающей объективные законы и особенности предмета исследований.

Методологические проблемы криминалистики далеко не исчерпаны, как с точки зрения гносеологического существа ее методов, так и с точки зрения ее особенностей. Мы полагаем, что эти проблемы не могли быть исчерпаны в прошлом, они не могут быть исчерпаны в современности, а также не могут быть полностью исчерпаны в будущем. При оценке методов и методологии криминалистики необходимо различать методы научных криминалистических исследований в рамках предмета криминалистической науки, а также методы криминалистической практики процесса раскрытия и расследования уголовного преступления (см., например, Р. С. Белкин², Пьешчак, Порада и др.). Одной из актуальных методологических проблем является выяснение соотношения теоретического и эмпирического уровней методологии криминалистики, в частности при оценке задач теоретических и практических криминалистических исследований.

При общей характеристике методов криминалистики Р. С. Белкин³ констатирует, что знание является процессом перехода от незнания к неполному знанию, а от него — к знанию более полному. Это обусловлено целым рядом причин, заключающихся в особенностях процесса познания значимого с точки зрения криминалистики события. Данные особенности и некоторые другие факторы процесса познания уголовного преступления могут до определенной степени затруднять получение правдивой картины изучаемого уголовного преступления или его компонентов. Под криминалистическим исследованием понимается как чувственное, так и рациональное познание. Методики, правила и рекомендации по изучению объекта — это обобщенное выражение практики данных исследований, равно как и теоретические постулаты апробированной практики.

При рассмотрении методов криминалистических научных исследований Белкин⁴ сообщает, что основанием системы методологии криминалистики являются: а) научные методы общего характера, б) специальные научные методы. Одновременно он обосновывает по-

¹ Колдин В. Я. Предмет, методика и система криминалистики. In *Kriminalistika socialistických zemí*. Praha: UK, 1987, s. 11

² Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. I—III. М.: Академия МВД, 1978, 1979; Белкин Р. С. Методология научных криминалистических исследований. In: *Kriminalistika socialistických zemí*. Praha: UK, 1987.

³ Белкин Р. С. Методология научных криминалистических исследований. In: *Kriminalistika socialistických zemí*. Praha: UK, 1987, s.85.

⁴ Белкин Р. С. Методология научных криминалистических исследований. In: *Kriminalistika socialistických zemí*. Praha: UK, 1987, s. 89.

ложение о том, что необходимо различать (1) методы криминалистики как науки и (2) методы криминалистической практики в процессе раскрытия и расследования уголовных преступлений.

2. Методы криминалистической науки

Р. С. Белкин¹ различает общие и специальные научные методы криминалистики. Данные общие методы, которые в системе методов криминалистики по своему гносеологическому существу не отличаются от общих методов других наук, однако отличаются определенными особенностями, зависящими от закономерностей, образующих предмет криминалистической науки. Специальные методы криминалистической науки нацелены только на закономерности конкретной науки, т. е. на предмет криминалистической науки. Далее он указывает, что специальные методы криминалистической науки делятся на те, которые являются исключительным продуктом криминалистики для изучения ее собственных объектов объективной реальности (события уголовного преступления, его механизм, отдельные виды следов и т. п.), а также на специальные методы других наук, используемых криминалистикой.

3. Методы криминалистической практики

Прежде всего Р. С. Белкин² сообщает, что необходимо различать методы криминалистической науки и методы практики раскрытия и расследований уголовных преступлений. Причиной является тот факт, что практическая деятельность органов, занимающихся ведением уголовных дел, судей, экспертов и экспертных организаций, отличается по своему объему, целям, средствам, условиям и объектам от научных исследований в рамках криминалистики. Самую большую разницу между этими методами науки и практики можно наблюдать в соотношении специальных криминалистических методов познания.

4. Современные подходы к понятию теории, методам и методологии криминалистики

Процесс формирования и развития полицейских (связанных с безопасностью) наук на основе методологии практических наук осуществляется в том числе на основе методологии «криминалистики, также рассматриваемой в качестве практической, прикладной науки, призванной удовлетворять практические потребности». Р. С. Белкин³,

¹ Белкин Р. С. Методология научных криминалистических исследований. In: *Kriminalistika socialistických zemí*. Praha: UK, 1987, s. 90–91.

² Белкин Р. С. Методология научных криминалистических исследований. In: *Kriminalistika socialistických zemí*. Praha: UK, 1987, s. 90–91.

³ Белкин Р. С. Методология научных криминалистических исследований. In: *Kriminalistika socialistických zemí*. Praha: UK, 1987, s. 94.

например, в области практической криминалистической деятельности занимающихся расследованиями уголовных преступлений органов, при проведении криминалистических экспертиз и т. п. рекомендует по-новому изучать структуру, логику и форму научных знаний в сфере криминалистики, принимая во внимание также новые знания по методологии практических наук, с целью познания предмета науки и объектов исследований в криминалистической практике.

Поэтому в заключение дискуссии о развитии взглядов и подходов к понятию теории, методологии и системы методов криминалистической мы приводим собственную классификацию методов криминалистической науки криминалистической практики в соответствии с методологией полицейских (связанных с безопасностью) наук, которые, как и криминалистику, мы считаем практическими науками. Мы предварительно предлагаем и обосновываем следующее деление¹:

Методы криминалистики как научной сферы

Одним из обязательных компонентов криминалистики в качестве полноценной научной дисциплины является система методологии и методов, используемых криминалистикой для изучения своего предмета. При этом разнородность феноменов, изучаемых криминалистикой, предполагает использование методологии (и системы методов) фундаментальных наук, равно как и практических наук. Если в качестве критерия классификации методов криминалистики мы изберем ответ на вопрос «что является приоритетной целью исследований?», то эти методы мы можем классифицировать следующим образом:

- методы фундаментальных наук, используемые при получении новых теоретических и прикладных знаний, используемых при создании научных теорий;
- методы практических наук, используемые при получении новых практических знаний, новых правил практической деятельности и оптимизации уже существующих, равно как и разработка новых типовых проектов (методик) или оптимизация уже существующих.

Таким образом, методы криминалистики как научной дисциплины мы используем при получении новых теоретических знаний (в качестве компонентов теории, ее принципов, закономерностей и т. д.), прикладных (например, методов, применяемых в процессе криминалистической идентификации) и практических (например, новых методик обнаружения, расследований и профилактики уголовных преступлений). Миссия методов криминалистики в качестве научной специальности — получение научных знаний.

¹ Porada, V., Holcr, K. a kol. *Policejní vědy*. Plzeň: A. Čeněk, 2011, s. 186–216.

Методы криминалистической практики

Под методами криминалистической практики мы понимаем методы (порядки действий), используемые криминалистами в их ежедневной криминалистической работе. Таким образом, их миссия — не получение научных знаний, но наоборот, использование данных знаний при решении конкретных практических задач. Методы криминалистической практики:

мы их понимаем в качестве методов, используемых работниками криминалистической и юридической сфер, полицией в ходе ее работы, ведущими уголовные расследования органами, а также экспертами в процессе раскрытия и расследования уголовных преступлений, равно как и при изучении их следов.

Методы криминалистической практики служат прежде всего не для проведения научных исследований, но для решения задач этой практики (раскрытие, идентификация, расследование и использование следов). Научные знания здесь являются лишь средством, но не целью. Продуктом (результатом) криминалистической практической работы являются конкретные знания о предметном уголовном преступлении или о другом конкретном событии, значимом с точки зрения криминалистики.

5. Характеристика современного уровня развития криминалистической науки

При краткой характеристике современного уровня развития криминалистической науки можно без каких-либо глубоких обоснований следующих тезисов констатировать, что увеличивается потребность в новых научных знаниях, причем как в области теории, так и в сфере практической криминалистики. Новые условия криминалистической практики требуют эффективного трансфера научных знаний.

Трансфер актуализирован и динамизирован прежде всего следующими потребностями:

- необходимость адекватной и своевременной реакции на изменяющиеся условия развития криминалистической ситуации (расследования),
- необходимость идентификации и разрешения в реальном времени противоречий между динамично меняющейся криминалистической ситуацией и относительно стабильными подходами к ее решению,
- необходимость в более быстром и более тщательном преодолении гносеологических, методологических, кадровых, социальных, криминалистическо-полицейских и прочих профессиональных препятствий, возникающих в ходе трансфера научных знаний.

Трансфер научных знаний подвергается влиянию:

- общего уровня современного состояния и развития криминалистики на национальном и международном уровнях,
- уровня и степени институционального, т. е. материального, кадрового и финансового обеспечения криминалистики,
- степени готовности научной общественности в сфере криминалистики предоставлять научные знания для их использования на практике,
- степени готовности субъектов, работающих в практических сферах криминалистики, экспертизы и судебного производства использовать научные знания в процессе раскрытия и расследования уголовных преступлений.

Приведенная констатация укрепляет значение как теоретиков, так и субъектов трансформации научных знаний в практическую деятельность в сфере безопасности. С точки зрения функций криминалистических теорий можно подчеркнуть и сделать упор на то, что научные теории на являются самоцелью, но становятся содержанием научных методов, которые служат развитию самой теории, а также становятся концептуальными рамками разработки решений проблем в криминалистической практике.

Посельская Л. Н.

Криминалистическое обеспечение выявления и собирания доказательств при расследовании преступлений в сфере экономики

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере экономики выражаются в профессионально направленном стремлении криминалистики содействовать процессу совершенствования организации внедрения в практику современных методов и средств изучения объективной действительности.

Можно выделить два направления: использование криминалистических методов и средств на этапе выявления преступлений и реализация криминалистических методических рекомендаций на этапе расследования названной категории преступлений.

В криминалистической литературе активно исследуются результаты и возможности применения современных информационных технологий, средств вычислительной техники, в целом информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений. В этой связи возникает необходимость совершенствования методов и средств выявления и собирания и исследования доказательств, что особенно актуально для расследования преступлений в сфере экономической деятельности.

Криминалистические знания используются в разработке новых и модернизации имеющихся методов, средств и рекомендаций собира-

ния, исследования и использования розыскной и доказательственной информации; в содействии внедрению результатов таких разработок в практику раскрытия и расследования преступлений; в совершенствовании организации и правового регулирования осуществляемой в этих целях деятельности.

Эффективность решения задач обеспечения экономической безопасности в государстве определяется слаженностью деятельности системы специализированных правоохранительных органов, их профессиональной подготовкой и высокой степенью овладения криминалистическими знаниями, что позволит добиться успеха в борьбе с экономическими преступлениями.

Но что мы относим к криминалистическому обеспечению такого важного направления в расследовании преступлений в сфере экономики, как выявление и собирание доказательств.

В свое время Белкин Р.С. высказался по этому поводу, отнеся к понятию криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования систему криминалистических знаний, соответственно сформировавшихся навыков и умений сотрудников применять криминалистические методы и средства.¹

Но основное внимание в этой связи было направлено на организационное и тактическое обеспечение деятельности криминальной (в то время милиции) и органов предварительного расследования.

Эти тезисы как эстафету подхватили ряд авторов, которые в той или иной мере ясно изложили свои представления о содержательной части этого понятия.² В дальнейшем на эту тему было написано и защищено ряд диссертационных исследований.

Достаточно дискуссионным в настоящее время остается вопрос об организации расследования в целом. Однако, в настоящем вопросе, не вдаваясь в полемику по теории организации расследования, нас интересует криминалистическое обеспечение выявления и собирания доказательств в ходе расследования преступлений в сфере экономики.

Общезвестно, у следователя и дознавателя основными инструментами по выявлению и собиранию доказательств является подготовка и проведение следственных действий, назначение и производство экспертиз. Расследование включает в себя систему следственных действий или их сочетаний. Организация следственного действия предполагает определение целей и задач, планирование, создание условий, подбор

¹ Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. проф. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1977. С. 64.

² Информационный бюллетень по материалам Криминалистических чтений «Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью». 2001. № 13 / Академия управления МВД России.

и подготовку участников. Организовать следственное действие — это значит определить его цели, место, конкретное время, участников, создать условия.

Не всегда цели и задачи конкретного расследования достигаются производством конкретного следственного действия. И в этом случае необходимо формирование тактического решения.¹

Подготовка и проведение тактической комбинации или оперативно-тактической комбинации. Например, при расследовании таких преступлений как легализация и отмывание криминальных доходов, криминальное банкротство, незаконная банковская деятельности и других, не обходится без проведения оперативно-тактической комбинации по задержанию с поличным для получения и фиксации необходимых доказательств.

В этом смысле, необходимо подчеркнуть, что тактическое решение обусловлено этапом расследования, следственной ситуацией и исходной информацией о преступлении. Исходная информация о преступлении формируется на основе обобщенных фактических данных о наиболее типичных криминалистически значимых признаках преступлений, о чем неоднократно отмечал в своих трудах профессор И. А. Возгрин². С этим сложно не согласиться. Так как, криминалистическая характеристика — по сути своей является научной абстракцией, информационно-теоретической моделью преступного деяния, результат обобщения и типизации данных о преступлениях определенного рода или вида.

Отмечая способ преступления, как один из основных элементов криминалистической характеристики преступлений, Белкин Р.С. придавал этому элементу криминалистической характеристики одно из приоритетных значений в решении задач собирания информации о преступлении и доказывания³.

Определенную сложность в настоящее время представляет выявление и собирание доказательств при расследовании активно появляющихся преступлений в финансово-кредитной сфере, на фондовом рынке, в инвестиционной и внешнеэкономической деятельности. В экономической сфере все более активно стало использоваться мошенничество, поддельные кредитные пластиковые карты, преступления в области кредитования и страхования. Появились новые способы совершения преступлений в сфере экономики, обусловленные современными техническими возможностями взаимодействия в финансовой и экономической деятельности резидентов и нерезидентов, включая

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. С. 156, 176.

² Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 296–297.

³ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 2. М., 1997. С. 48.

зарубежных партнеров, актуальной стала и незаконная банковская деятельность.

Для рассматриваемых преступлений сложно говорить об устойчивости и повторяемости действий преступника в их классическом понимании. Тем более, что в части исполнения своего преступного умысла при легализации (отмывании) криминальных доходов, банкротстве, уклонении от уплаты налогов и других, преступники не используют одни и те же схемы действий.

Способ совершения преступлений в сфере экономики в большинстве случаев являются полноструктурным, включают подготовительный этап, реализацию преступного замысла, то есть совершение намеченных преступных действий, и отработку сокрытия следов и последствий преступных действий. Особенно это проявляется при подготовке к совершению преступления, например, связанного с легализацией незаконно полученных средств. Способ может быть связан с «движением» денежных средств или сокрытие доходов планируется без «движения». В первом случае следы преступления следует искать в инвестировании криминальных доходов в легальную экономику.

Кроме этого, в отличие от других преступлений в сфере экономики, легализация (отмывание) криминальных доходов может быть связана с использованием физического или психического воздействия на административно-управленческий аппарат и сотрудников названных организаций. Способ сокрытия не отличается большим разнообразием и нередко связан с подделкой бухгалтерских и финансовых документов, проведением незаконных финансово-хозяйственных операций.

Так, в сферу преступной деятельности могут вовлекаться, в зависимости от способа легализации, банковские и иные финансовые структуры, коммерческие и торговые предприятия, игорные и развлекательные заведения. Не исключены коррумпированные связи с банковскими работниками и отдельными сотрудниками правоохранительных органов.

Современные экономические условия позволяют криминальным структурам использовать в целях личного обогащения процедуру банкротства. Типичными для этого вида преступлений являются действия, направленные на искажение бухгалтерской отчетности. При этом используются современные технические возможности и программы бухгалтерского учета, либо осуществляется фальсификация, сокрытие или уничтожение финансово-плановой, бухгалтерской, отчетной и иной документации перед передачей активов внешнему или конкурсному управляющему и другие.

При совершении налоговых преступлений воздействие так же оказывается на бухгалтерскую, финансовую и иную документацию, сами объекты налогообложения, а также на лиц, осуществляющих деятельность по ее составлению и ведению. В основном это действия, направленные

на документальное против фактического увеличение затрат предприятия на осуществление хозяйственной и иной коммерческой деятельности; завышение налоговых вычетов; занижение налогооблагаемой базы; перевод доходов от деятельности предприятий или физических лиц, а также объектов из налогооблагаемых в льготные или не подлежащие налогообложению.

Способы совершения преступлений в сфере банковской деятельности имеют свои особенности, но и отражают типичные элементы способа преступлений в сфере экономики.

Изучение способа преступления дает возможность определения наиболее эффективных средств и методов раскрытия и расследования преступлений. При совершении преступлений в банковской сфере в основном реализуется полноструктурный способ совершения преступления. Способы совершения преступлений в банковской сфере постоянно совершенствуются, при этом разрабатываются и применяются все более новые и технически совершенные способы хищений и механизмы их сокрытия, привлекая для этого наиболее подготовленных специалистов при использовании банковских инструментов и продуктов. Типичными для преступлений в сфере банковской деятельности является наличие этапа подготовки к совершению преступления, иногда длительного по времени. Для этих целей устанавливается возможность проведения незаконной финансовой операции под видом легальной, с проведением последующей банковской операции по приданию ей видимости вполне легальной. В эту систему преступных действий включается: подбор или даже фальсификация документов, отражающих последовательность документооборота при осуществлении той или иной банковской операции, использование настоящих или подделка подписей и печатей банковской структуры или клиентов банка.

Строго формализованный нормативно-правовыми актами, приказами и распоряжениями документооборот в банковской системе неизбежно приводят к повторяемости способов, что позволяет, в свою очередь, определить наиболее типичные элементы способа преступлений, совершаемых одними и теми же лицами в рассматриваемом секторе экономических отношений. С другой стороны, особенностью способа реализации преступного умысла на совершение незаконных банковских операций является то обстоятельство, что преступная деятельность носит бессистемный характер, незаконные банковские операции совершаются по мере необходимости, возникающей у преступников или их заказчиков, что существенно осложняет их выявление и раскрытие.

Как нами было отмечено выше, большинство преступлений в сфере банковской деятельности совершается с использованием фиктивных документов, изготавливаемых как самими операционистами — со-

трудниками банков, так и физическими и юридическими лицами, являющимися пользователями банковских продуктов¹.

Таким образом, особенности проявления способа преступлений в сфере экономики определяются: специфической только для определенной финансово-экономической деятельности документооборота; создание непредусмотренных программ для формирования резерва неучтенных финансовых и иных средств, либо вывод их на определенный период времени из легального оборота; создание «помех» в программном обеспечении на время совершения незаконных банковских операций; использование поддельных или полностью фиктивных документов и др. При этом, как правило, осуществляются действия, направленные на сокрытие незаконных операций и лиц их совершающих, проводимые одновременно с осуществлением подготовки, или после совершения преступления.

Установление способа преступления, основных его элементов, позволяет планировать и производить следственные действия, тактические и оперативно-тактические комбинации, назначать соответствующие экспертизы для выявления и фиксации доказательств и доказательственной информации о преступной деятельности в сфере экономики.

Проскурина Т. Ю.

О роли судебно-психологической экспертизы в обеспечении достоверности показаний участников уголовного процесса

Показания участников уголовного процесса служат ценным источником информации об обстоятельствах, установление которых необходимо для разрешения уголовного дела. В то же время оценка достоверности этих видов доказательств представляет немалую сложность. Нередко именно неустранимые противоречия в показаниях участников судопроизводства, сомнения в правильности сообщаемых ими сведений, а также отказ лиц от первоначальных показаний становятся существенными препятствиями при расследовании и рассмотрении уголовного дела в суде.

Актуальность данной проблемы обусловлена и сложившейся в следственной практике тенденцией видео-фиксации допроса участников уголовного процесса с целью предотвращения в последующем возможности отказа или изменения этими лицами ранее данных ими показаний. Необходимость оценки представленных видеоматериалов и результатов непосредственного допроса участников процесса в ходе

¹ Из анализа уголовных дел, расследованных в Главном следственном управлении (ГСУ) ГУ МВД России по г. Москве. Обзор практики расследования (ГСУ) ГУ МВД России по г. Москве за 2008–2015 гг.

судебного следствия (особенно, в случае изменения их позиции) еще более осложняет задачу суда по обоснованию вывода о достоверности доказательств.

Комплексный подход к решению проблемы проверки и оценки доказательств с точки зрения их достоверности предполагает активное использование в процессуальной и криминалистической деятельности приемов и средств, разработанных в других отраслях научных знаний, в том числе в психологии. В последние годы в научной литературе все чаще говорится о необходимости использования специальных технологий выявления заведомо ложных показаний, и прежде всего судебно-психологической экспертизы¹.

Однако в науке и правоприменительной практике не утихают дискуссии о принципиальной возможности назначения и производства судебной экспертизы, направленной на выявление психологических признаков достоверности либо недостоверности показаний участников процесса. Обобщение различных, порой диаметрально противоположных, точек зрения позволяет выделить ряд проблем, связанных с использованием психологических знаний в ходе уголовного судопроизводства.

Прежде всего, необходимо разобраться, предполагает ли профессиональная компетенция эксперта-психолога исследование вопросов, связанных с достоверностью показаний. Традиционно, оценка достоверности показаний, причины изменения показаний, мотивы отказа от дачи показаний учеными не включаются в предмет судебно-психологической экспертизы, поскольку решение этих вопросов, по мнению авторов, составляет исключительную прерогативу следователя и суда, осуществляется в процессуальных формах на основе сопоставления между собой всех собранных по уголовному делу доказательств.²

Безусловно, эксперт-психолог не может сделать вывод о беспорочности показаний свидетеля, потерпевшего или обвиняемого и о соответствии действительности сообщаемых этими лицами сведений. И постановка подобной задачи вряд ли возможна. Но информация не может быть оценена следователем и судом в отрыве от ее источника. Качественная проверка и оценка показаний участников процесса предполагает, что будут учтены психологические особенности личности

¹ *Холопова Е. Н.* Актуальные проблемы доказательственного значения судебной экспертизы психологической достоверности показаний (по материалам оперативных мероприятий и следственных действий) // <https://advokatsidorov.ru/sudebnie-eksperitzy-dostovernosti-pokazaniy.html>

² См.: Психологическая энциклопедия wiki.1vc0.ru/; *Коченов М. М.* Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. Автореферат докт. дис. М., 1991. С. 25; *Коньшева Л. П., Коченов М. М.* Использование следователем психологических познаний при расследовании дел об изнасиловании несовершеннолетних. Методическое пособие. М., 1989. С. 36.

свидетеля или обвиняемого, объективные условия восприятия лицом события преступления, а также сложившаяся процессуальная ситуация допроса.

Сведения, сообщаемые участником процесса в ходе допроса, являются продуктом познавательной деятельности лица — результатом протекания перцептивных процессов, внимания, мышления, памяти. Психология занимается изучением основных закономерностей протекания этих психических процессов у человека, с учетом качественного своеобразия индивидуальных особенностей личности. В психологии наработан богатый научный инструментарий, позволяющий получать достоверные данные о личности (психологический тип личности, особенность восприятия и памяти и т. д.). Неслучайно, в ст. 196 УПК РФ, регламентирующей обязательное назначение экспертизы, указаны случаи, когда необходимо установить психическое состояние участника процесса, в том числе, когда возникают сомнения в способности потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания. В предмет доказывания по делам в отношении несовершеннолетних включается необходимость установить уровень психического развития и иные особенности личности обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ).

Таким образом, в рамках судебно-психологической экспертизы могут быть выявлены «психологические особенности личности, потенциально повышающие надежность показаний, или психологические факты, свидетельствующие в пользу или против достоверности показаний».¹

Тем не менее, вопрос о возможности анализа в рамках судебно-психологической экспертизы самих показаний с точки зрения наличия или отсутствия в них психологических признаков достоверности на современном этапе остается нерешенным.

Думается, что категорически отрицать возможность подобного исследования неконструктивно. Принципиальную возможность оценки достоверности сведений сообщаемых допрашиваемым лицом, ни законодатель, ни уголовно-процессуальная и криминалистическая наука не отрицают. Уголовно-процессуальный закон требует от судьи, следователя, прокурора и дознавателя оценивать доказательства, включая показания, с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности (ст. 88 УПК РФ).

В учебной литературе по юридической психологии и криминалистике авторы также ориентируют правоприменителей на использование

¹ Коченов М. М. Указ. соч. С. 25; См.: Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. О возможности производства судебной психологической экспертизы по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, получаемой участниками уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. 2017. № 3 (32). С. 237.

в следственной и судебной практике тактических приемов, направленных на диагностику и разоблачение лжи.¹

По результатам опроса 30 мировых судей, осуществляющих свою деятельность на территории Самарской области, 80% респондентов отметили, что способны в ходе судебного заседания выявить ложность показаний участников процесса. При этом далеко не во всех случаях судьями используются какие-либо специальные приемы, тем не менее, вывод судьи о недостоверности показаний ложится в основу его внутреннего убеждения. Но если внутреннее убеждение, при всей сложности, противоречивости и непредставленности вовне механизма его формирования, признается методом оценки доказательств, то почему же столько возражений вызывает проведение экспертом-психологом специального исследования с использованием соответствующего инструментария?

В последние годы активно проводятся научно-прикладные исследования, направленные на выявление факторов и критериев оценки полноты и качества информации, сообщаемой лицами при допросе.²

Представляется, что эксперт-психолог, используя свои специальные знания для решения задач по выявлению психологических признаков достоверности или недостоверности показаний участников уголовного судопроизводства, не выходит за рамки своей компетенции.³

Предметом анализа эксперта-психолога является не соответствие конкретных сведений действительности, а текст показаний, их форма, процесс производства высказываний в психолингвистическом смысле, контекст ситуации допроса и особенности личности самого допрашиваемого. При этом эксперт-психолог выявляет систему психологических признаков, устойчиво проявляющихся при сообщении данным лицом заведомо для него достоверных либо недостоверных сведений, подготовленности показаний, признаков вынужденной или несамостоятельной дачи показаний.

Заключение эксперта о наличии (отсутствии) таких признаков не предрешает вывода суда о доказанности тех или иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а служит обоснованием необ-

¹ См.: *Бондаренко Т. А.* Юридическая психология для следователей: учебное пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2007. С. 177–179.

² См.: *Енгальцев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебно-психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016; *Ситковская О. Д.* Психология свидетельских показаний. М., 2002 // <http://yurpsy.com/files/ucheb/sitkov/03.htm>.

³ *Горбунова Е. В.* Единство дискурсивного и нарративного анализа в рамках судебно-психологической экспертизы по выявлению психологических признаков достоверности-недостоверности показаний подэкспертного // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 1 (9). КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru>

ходимости более тщательной проверки соответствующих доказательств. Таким образом, эксперт-психолог помогает судье, присяжным, прокурору, следователю сформировать обоснованное внутреннее убеждение, являющееся необходимым условием свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ).

Анализ правоприменительной практики, в свою очередь, убедительно свидетельствует о востребованности технологий выявления достоверности/ недостоверности показаний. В этой связи остро встает вопрос о соответствии заключений судебно-психологической экспертизы основным требованиям производства судебных экспертиз, методологии применения специальных знаний и экспертной практики.

По мнению, некоторых ученых, установление достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы на строго научной основе в настоящий момент невозможно.¹ Действительно, даже существующие различия в названии назначаемых экспертиз и вопросах, которые ставятся на разрешение экспертов, показывают отсутствие единого подхода к разработке общего метода проведения соответствующих исследований.

Многочисленные публикации последних лет наглядно демонстрируют попытки правоприменителей использовать для решения актуальных задач проверки достоверности получаемых от участников уголовного процесса показаний самые разные, предлагаемые психологами технологии, не имеющие порой надлежащего научного обоснования и не апробированные практикой. Так, все более популярным становится «профайлинг». Однако, внедрение в уголовно-процессуальную деятельность подобных методик, не имеющих надежной теоретической основы и эмпирического обоснования, снижает ценность по-настоящему качественного исследования, которое может осуществить эксперт-психолог. Кроме того, отсутствие научно-обоснованной методики проведения экспертного исследования порождает сложности в оценке доказательственного значения выводов эксперта.

Назначение и проведение судебно-психологической экспертизы по выявлению психологических признаков достоверности или недостоверности показаний вызывает активную критику. Справедливо отмечается недопустимость использования в экспертной деятельности методов, не имеющих должного научного и экспериментального обоснования, а также невозможность исключить экспертные ошибки субъективного характера. Тем не менее, нельзя игнорировать растущий интерес следственных, судебных органов и адвокатов к данному виду экспертных исследований. Склады-

¹ Смирнова С. А., Макушкин Е. В., Аснис А. Я. и др. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 3. С. 61–78. doi:10.17759/psylaw.2016060306.

вающаяся правоприменительная практика настоятельно требует разработки научно-обоснованной методики производства судебно-психологических экспертиз, формирование единого подхода к использованию результатов научно-прикладных исследований в этой области.

Пушкарев В. В.

Использование специальных знаний при расследовании киберпреступлений, посягающих на системы и ресурсы банковского сектора

Процесс применения специальных знаний, направленных на выявление и пресечение киберпреступлений, посягающих на системы и ресурсы банковского сектора, инициируется, как правило, крупными банковскими учреждениями, испытывающими серьезные проблемы со своими клиентами, чьи денежные средства начинают «исчезать» со счетов.

Так, группа Покорских была выявлена по обращению службы безопасности Сбербанка специалистами компании Group-IB, работающей в области интернет-безопасности. В последующем их поиском занимались оперативные сотрудники МВД и ФСБ России. Именно сотрудники Group-IB оказали максимальное содействие в идентификации преступников, их ролей и связей внутри преступной группы. Последующие судебные экспертизы подтвердили причастность данных мошенников к конкретным случаям хищений денежных средств. Анализ вредоносных программ осуществляли сотрудники центра вирусных исследований ESET¹.

Дороговизна и долгосрочность проведения судебных компьютерно-технических экспертиз, их фактическая недоступность в регионах Российской Федерации, отсутствие экспертов и специалистов соответствующего профиля, вынуждает Следственный департамент МВД России транслировать такой положительный опыт расследования преступлений в сфере информационной безопасности, когда следователям предлагается привлекать специалистов местного Интернет-провайдера, которые могут оказать помощь в установлении IP-адреса и места, откуда был осуществлен несанкционированный доступ и блокировка охраняемой информации². Приведенный пример обнаруживает фактическую беспомощность, неспособность решить задачи подобного рода с привлечением собственных специалистов.

¹ См., напр.: обвинительный приговор по уголовному делу № 1–1/2014 (1–672/2013) по обвинению Покорского Н. Н. и др.

² Аналитическая справка СД МВД России за 2016 год.

Помимо общих выводов о необходимости подготовки специалистов соответствующего профиля; дальнейшего развития стратегического взаимодействия, направленного на борьбу и предупреждение киберпреступлений, посягающих на системы и ресурсы банковского сектора; совершенствования методов их выявления, раскрытия и расследования, следует остановиться на некоторых положениях тактики использования специальных знаний при расследовании киберпреступлений, посягающих на системы и ресурсы банковского сектора.

1. К обыскам, выемкам, осмотрам целесообразно, а в силу требований закона (ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ) и необходимо, привлекать специалистов. При этом нецелесообразно привлекать экспертов, что отвлекает их от производства компьютерно-технических судебных экспертиз и влечет увеличение сроков расследования по иным уголовным делам.

Так, например, в протоколе осмотра компакт-диска, содержащего информацию о соединениях абонентских устройств, может быть указано, что во время обналичивания денежных средств, похищенных с расчетного счета №***», обвиняемый А. по абонентскому номеру 7-903-*****, осуществлял соединения с подключением к ближайшим базовым станциям оператора сотовой связи по адресу: XXX

2. Результаты контроля и записи переговоров должны явно свидетельствовать о непосредственном участии в хищениях конкретных подозреваемых, обвиняемых. Из содержания телефонных переговоров может, например, следовать, что обвиняемый А. получает сведения от обвиняемого Б. (соучастника) о незаконно переведенных суммах, сообщает о конкретных размерах денежных средств, незаконно переведенных соучастниками со счетов юридических лиц, сообщает об обналичивании похищенных денежных средств через банкоматы лично либо с помощью иных соучастников.

3. Факт обналичивания должен быть подтвержден протоколом выемки и осмотра видеозаписи наблюдения за банкоматами, где соучастниками были обналичены похищенные у конкретного юридического лица денежные средства.

4. По пунктам 1–3 необходимо допросить специалиста, как правило, сотрудника банка, который в протоколе допроса подтвердит данные о движении похищенных у конкретного юридического лица денежных средств и их обналичивании в конкретных банкоматах.

5. По изъятому в ходе осмотров мест происшествия оборудованию и следам могут назначаться следующие судебные экспертизы: компьютерная, химическая, дактилоскопическая, портретная, бухгалтерская, фоноскопическая.

ЗаклЮчениями экспертов, проводивших судебно-фоноскопические экспертизы должно быть объективно подтверждено наличие на пред-

ставленных вышеуказанных фонограммах голоса и речи конкретных подозреваемых, обвиняемых.

Дактилоскопические судебные экспертизы назначаются при обнаружении следов рук на изымаемых объектах для определения их принадлежности. Задаваемые вопросы являются стандартными и не отличаются от других категорий уголовных дел.

Судебно-бухгалтерская экспертиза назначается для установления остатков денежных средств на счетах владельцев скомпрометированных карт и количества денежных средств, снятых со счетов их владельцев.

Судебная портретная экспертиза назначается для идентификации лиц, изображенных на видеозаписях с камер видеонаблюдения. Для производства экспертизы эксперту необходимо предоставить носитель с записями, а так же фотоизображения лиц, относительно которых проводится судебная экспертиза.

Судебная химическая экспертиза назначается в целях установления происхождения, идентификации, сравнения веществ, использовавшихся при монтировании на банкоматы внештатного оборудования.

Компьютерная экспертиза назначается по всей изъятной цифровой технике и оборудованию. Ниже приведен примерный перечень вопросов, задаваемых при назначении компьютерных экспертиз:

1. Возможно ли с помощью данных устройств, представленных на экспертизу, получать информацию, вводимую пользователем с клавиатуры банкомата, а также информацию с магнитных полос пластиковых карт?

2. Имеются ли на представленных на экспертизу устройствах машинные носители информации, если да, то каковы их технические параметры?

3. Содержатся ли на машинных носителях, представленных на экспертизу устройств, сведения о банковских картах, видеоизображения и другая информация?

4. Какая информация имеется на магнитных полосах, представленных на экспертизу пластиковых карт?

5. Могли ли представленные на исследование пластиковые карты быть восприняты в технологии функционирования платежных систем в качестве кредитных или расчетных (при условии использования информации, записанной на магнитную полосу данных карт)?

6. Имеется ли на представленных на экспертизу объектах программное обеспечение, предназначенное для работы с банковскими картами?

7. Содержатся ли на представленных на экспертизу объектах сведения о банковских картах, видеоизображения банкоматов и другая информация, имеющая отношение к обстоятельствам дела?

8. Имеется ли на представленном на экспертизу ноутбуке Интернет-переписка пользователей, каково ее содержание?

В заключении может быть отражено, что конкретные устройства, являются приспособлениями для получения информации с магнитных полос платежных пластиковых карт, а также информации, вводимой пользователем банкомата посредством клавиатуры, в том числе, ПИН-кодов пластиковых платежных карт. На машинных носителях данных приспособлений содержатся видеозаписи процессов ввода информации пользователями банкомата посредством клавиатуры, а также информация с магнитных полос платежных пластиковых карт.

Результаты компьютерно-технической судебной экспертизы в отношении жесткого диска (НМЖД), могут подтвердить факт воздействия на компьютер вредоносных программ, поскольку на жестком диске могут быть обнаружены программы, заведомо предназначенные для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Кроме того, экспертом на НМЖД может быть обнаружена электронная переписка пользователя, которая может содержать информацию о распространении программного обеспечения.

Несомненно, что заключение эксперта должно «корреспондировать» с протоколом его допроса. В показаниях эксперта надлежит отражать, например, техническую возможность использования вредоносных компьютерных программ, для хищения денежных средств, находящихся на счетах юридических и физических лиц, обслуживаемых по электронной платежной системе «клиент-банк» через сеть Интернет.

Проведенное исследование обращает внимание на системную взаимосвязь уголовного преследования и использования специальных знаний при расследовании киберпреступлений, посягающих на системы и ресурсы банковского сектора, которая выступает в роли ключевого условия для эффективной правоохранительной деятельности в обозначенной сфере экономических отношений. Необходимо констатировать, что успех в выявлении и расследовании киберпреступлений, посягающих на системы и ресурсы банковского сектора, возможен только в условиях всестороннего взаимодействия и использования специальных знаний, сопряженных с условием решения вопроса о подготовке специалистов соответствующего профиля.

Рахматуллин Р. Р.

Роль профессора Р. С. Белкина в становлении и развитии различных криминалистических характеристик

Противодействие раскрытию и расследованию преступлений в последние три десятилетия превратилось в опасное в социальном и правовом аспектах негативное явление, требующее пристального внимания

ученых и практиков. Изучение научной литературы, посвященной проблеме противодействия раскрытию и расследованию преступлений, показало, что это явление возможно и необходимо структурировать. В ряде работ можно встретить термин «криминалистическая характеристика противодействия»¹.

Безусловно, речь идет о заимствовании этого термина, ведь большинство элементов данной характеристики в целом совпадают с элементами криминалистической характеристики преступлений. Например, полностью совпадают способ сокрытия и личность преступника, активно противодействующего раскрытию и расследованию преступления. Могут совпадать и обстановка, когда место совершения преступления является одновременно и местом противодействия или орудие преступления, например, при психическом воздействии на потерпевшего оружием.

Таким образом, преступление и противодействие расследованию преступлений, как научные категории, имеют много общих признаков. В уголовном праве одним из признаков преступления является его противоправность, по мнению многих ученых-криминалистов, противодействие расследованию — это также система умышленных, противоправных действий (бездействия) определенных лиц².

Под криминалистической характеристикой преступлений большинство ученых-криминалистов понимают систему сведений о *криминалистически значимых признаках (чертах, особенностях)* преступлений определенного вида или категории, анализ которых позволяет делать выводы об оптимальных путях их раскрытия и расследования³. Иными словами, речь может идти о *криминалистически значимой информации*, под которой понимаются фактические данные, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления, а также сведения справочного характера, используемые в процессе расследования преступлений.

Наиболее ценной здесь представляется доказательственная информация, содержащаяся в доказательствах. Вместе с тем информация мо-

¹ См., напр.: *Лившиц Л. В.* Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних. Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1998. С. 54–56, 224–236; *Рубцов В. Г.* Противодействие расследованию деятельности преступных формирований, организованных на этнической основе, и криминалистические методы его преодоления / под ред. В. П. Лаврова. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 43; и др.

² См., напр.: *Тишутина И. В.* Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления: монография / под общ. ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации А. Ф. Вольнского. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 295; *Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Вольнского, В. П. Лаврова.* М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 47.

³ См., напр.: *Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Вольнского, В. П. Лаврова.* М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 29.

жет быть получена из непроцессуальных источников и доказательственного значения не имеющая. Такая информация нередко может иметь ориентирующее значение и может быть использована для определения направления расследования, выдвижения версий, планирования следственных действий, прогнозирования возможных действий отдельных участников уголовного процесса (обвиняемого, защитника, свидетеля, потерпевшего и др.).

Все изложенное позволяет подойти к определению криминалистической характеристики противодействия по аналогии, а именно, как системе сведений о типичных криминалистически значимых особенностях противодействия раскрытию и расследованию преступлений определенного вида или категории, анализ которых позволяет делать выводы об оптимальных путях упреждения, выявления и преодоления противодействия.

Анализ практики раскрытия и расследования преступлений в условиях противодействия и соответствующих теоретических разработок позволили нам представить содержательно структуру криминалистической характеристики противодействия раскрытию и расследованию в виде ее элементов:

- субъект противодействия раскрытию и расследованию преступления;
- цель, мотив противодействия;
- объект противодействия;
- обстановка противодействия;
- типичные способы противодействия;
- орудия и иные средства при осуществлении противодействия;
- типичные следы противодействия;
- признаки противодействия;
- факторы (детерминанты) противодействия;
- результат оказанного противодействия.

Данные об указанных элементах содержат существенную криминалистическую информацию и в целом они позволяют воссоздать картину процесса противодействия. Прежде всего, знания о криминалистической характеристике противодействия имеют глубокий, практический смысл. Обладание следователем информацией даже об отдельных ее элементах нередко позволяет своевременно распознать деятельность преступников, направленную на противодействие, и принять меры по упреждению, выявлению и преодолению противодействия.

На наш взгляд, к полноправным элементам криминалистической характеристики противодействия раскрытию и расследованию преступлений можно отнести *признаки* и *факторы* противодействия, ведь они отражаются в объективной действительности и в сознании людей — в виде материальных и идеальных следов. Например, следы побоев на теле свидетеля могут говорить о признаках воздействия, а наличие

родственных связей между обвиняемым и свидетелем — о факторе противодействия. Представляется, указанные категории являются криминалистически значимыми, так как сведения о них могут сыграть важную роль не только при упреждении, выявлении и преодолении противодействия, но и при раскрытии и расследовании преступлений.

Один из основателей современной советской и российской криминалистики Р. С. Белкин весьма осторожно признавал криминалистическую характеристику преступлений лишь абстрактным научным познанием, результатом научного анализа определенного вида преступной деятельности и имеющим сугубо поисковое, ориентирующее значение¹. В дальнейшем вследствие отсутствия во многих криминалистических характеристиках сведений о динамике развертывания и протекания события во всех его фазах он выразил сомнение в практической и научной состоятельности данной категории: «Криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом»².

С. Н. Чурилов также считает, что «криминалистическая характеристика преступления по мере развития теории уже не удовлетворяет полностью возрастающие потребности количественного и качественного повышения эффективности процесса накопления, обработки и передачи информации о преступлении, имеющей криминалистическое значение»³.

Столь резкие высказывания подняли названную проблему на высокий и качественно иной уровень дискуссии. Ее результатом стал ряд суждений, причем, не всегда всеми разделяемых. Так, А. В. Шмонин предлагает обсудить введение в терминологический ряд понятия «технология преступлений». Он указывает, что динамический характер общественно опасных деяний подразумевает «технологический аспект как характерный именно для криминалистических исследований преступлений»⁴.

Н. В. Козлов следующим образом выражает свое отношение к проблеме: «На наш взгляд, криминалистическая характеристика преступлений имеет право на существование, с тем лишь исключением, что называться она должна криминалистической системой преступлений. Именно в этом случае название научной категории будет отражать ее

¹ Криминалистика: краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 39.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики: монография / Р. С. Белкин. М.: Юристъ, 2001. С. 267.

³ Чурилов С. Н. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве и криминалистике: науч.- практ. пособие / С. Н. Чурилов. М.: Юстицинформ, 2010. 136 с.

⁴ Шмонин А. В. Методика расследования преступлений: учеб. пособие / А. В. Шмонин. М.: Юстицинформ, 2006. С. 178.

функцию криминалистической систематизации знаний о конкретной разновидности преступлений и, соответственно, приобретать практическое значение, так как ученый, разрабатывающий какую-либо систему, будет вынужден отразить и корреляционные связи, и зависимости между ее элементами»¹.

Однако вряд ли и сам Р. С. Белкин призывал к окончательному отказу от данной криминалистической категории. В определенной степени это был своеобразный сигнал к открытию дискуссии по данному вопросу, ведь многие научные рекомендации, основанные на устаревших криминалистических характеристиках, уже не отвечали потребностям практики. При этом новые рекомендации подготовки следователей подходили к разрешению проблемы формально, без учета новейших научных разработок по проблематике и без установления точных корреляционных взаимосвязей структурных элементов криминалистической характеристики.

Вместе с тем, как справедливо отмечал Р. С. Белкин, «...если бы каждый автор новой теории, монографии заключил свою работу набором алгоритмов действий с использованием предлагаемых новинок, их внедрение приобрело бы реальную почву... Выход — в разработке специальных криминалистических алгоритмов и программ»². Таким образом, Р. С. Белкин призывал к динамизму в ходе научных исследований и, в частности, насыщению криминалистических характеристик новыми данными на основе высокоточной (математической) обработки корреляционных взаимосвязей структурных элементов криминалистической характеристики. Именно такая криминалистическая характеристика преступления может представлять собой информационно-теоретическую и практическую базу для создания типовых программ (алгоритмов) на разных этапах раскрытия и расследования преступлений.

Как представляется, в ходе поиска способов устранения основного недостатка категории «криминалистическая характеристика преступления» наиболее правильным ответом научной мысли на вызов следственной практики явилось возникновение в науке понятий «механизм преступления», «механизм преступной деятельности»³. По аналогии с этим можно говорить о *механизме* противодействия раскрытия и расследованию преступлений. При этом криминалистическая характеристика противодействия является базовой структурой для определения механизма противодействия.

¹ Козлов В. А. Научные основы криминалистической характеристики налоговых преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Козлов. Владимир, 2006. С. 37.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 127–128.

³ Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Ф. Лубин. Н. Новгород, 1997. 440 с.

Конечно, криминалистическая характеристика противодействия расследованию как научно-практическая категория должна и в дальнейшем неуклонно развиваться, пополняться на основе изучения практики деятельности правоохранительных органов. На основе широкого научного обобщения данных практики можно смоделировать ту или иную типичную ситуацию противодействия, что, безусловно, поможет следователю воспользоваться адекватной типичной программой действий, разработанной криминалистами для эффективного разрешения подобной ситуации. Безусловно, это значительно повышает практическую значимость данной криминалистической категории. Таким образом, криминалистическая характеристика противодействия есть своеобразная матрица, которая требует приспособления к конкретной ситуации противодействия. Задачей следователя является внесение корректив в матрицу с учетом особенностей по конкретному делу.

Именно такая «приземленная» криминалистическая характеристика позволяет говорить о *механизме противодействия*, представляющую собой сложную динамическую систему с рядом последовательных процессов взаимодействия, следствием которых является появление следов — отражений, содержащих криминалистически значимую информацию о противодействии, его субъектах и объектах. Иными словами, следователь при расследовании конкретного преступления при выборе модели, алгоритма действий имеет дело с механизмом противодействия.

Анализ практики раскрытия преступлений в условиях противодействия и соответствующих теоретических разработок позволил нам представить содержательно структуру механизма противодействия раскрытию и расследованию преступлений в виде элементов его общей характеристики:

- субъект противодействия раскрытию и расследованию преступлений;
- цель, мотив противодействия;
- объект противодействия (непосредственный);
- обстановка противодействия;
- способ противодействия;
- орудия и иные средства при осуществлении противодействия;
- следы противодействия.

Отдельные элементы структуры спроецированы с криминалистической характеристики противодействия раскрытию и расследованию преступлений, другие детализированы или исключены. Так, исключены такие элементы, как результат оказанного противодействия, факторы и признаки противодействия. Также важно установить лишь непосредственный объект противодействия.

Изложенное выше позволяет нам сделать определенные выводы. Криминалистическая характеристика противодействия раскрытию и расследованию преступлений как научная категория, научная абстракт-

ция имеет сугубо поисковое, ориентирующее значение. Тщательный анализ всей поступающей в ходе раскрытия преступления информации обо всех элементах криминалистической характеристики позволяет следователю по конкретному уголовному делу хорошо представлять весь механизм противодействия и на этой основе принять своевременные и профессионально грамотные меры по упреждению, выявлению и преодолению противодействия раскрытию и расследованию преступления.

Романенко Н. В.

Оперативно-розыскные мероприятия в отношении судьи: проблемы проверки обусловленности позицией при осуществлении правосудия

Преступления могут совершаться различными лицами, и, к сожалению, судьи не являются здесь исключением. Анализ, проведенный по фактам привлечения их к уголовной ответственности¹, показал, что для раскрытия и расследования преступлений, совершаемых судьями, правоохранительным органам нередко приходится прибегать к проведению оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Как правило, их проведение необходимо при совершении преступлений, связанных с получением судьями незаконного вознаграждения — при взятке, а также мошенничестве в связи с использованием служебного положения. Наиболее эффективными в данных случаях являются такие ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров, наблюдение, оперативный эксперимент.

Как справедливо было отмечено Р. С. Белкиным, «Проведение ОРМ, затрагивающих охраняемые законом тайну переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных сообщений и право на неприкосновенность жилища, допускается в предусмотренных законом случаях и только на основании судебного решения»². Действующее сегодня законодательство предусматривает необходимость получения разрешения на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права на тайну личной жизни и неприкосновенность жилища, у суда в лице уполномоченного на то судьи. ФЗ об ОРД³ не конкретизирует, суд какого звена рассматривает такие ходатайства, ограничиваясь ука-

¹ Основу анализа составили материалы более 200 случаев уголовного преследования судей или его инициации в различных субъектах Российской Федерации за последние 15 лет (с момента вступления в силу действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ, далее — УПК РФ); более 600 решений квалификационных коллегий судей, свыше 800 решений судов различных звеньев и инстанций, в том числе 105 приговоров, вынесенных в отношении судей.

² Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия // М.: Мегатрон XXI, 2000.

³ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // РГ. 18.08.1995. № 160.

занием лишь на территориальную подсудность, и то не слишком четко («как правило, по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении»). В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1993 г. № 13¹ было рекомендовано принимать к своему рассмотрению материалы, подтверждающие необходимость ограничения права гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, верховным судам республик, краевым, областным судам, судам городов федерального значения, судам автономной области и автономных округов, окружным (флотским) военным судам. При этом также было отмечено, что если такие материалы будут представлены в районные суды и гарнизонные военные суды, последние не могут отказать в их рассмотрении. В военных судах такое полномочие в силу ч. 2 ст. 23 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» было отнесено к компетенции гарнизонного военного суда.

Осуществление оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) в отношении судей затруднено, что связано с их неприкосновенностью. ФЗ об ОРД не затрагивает перечня ОРМ, на осуществление которых в отношении судей необходимо получение согласия — по его смыслу это те же самые ОРМ, связанные с ограничением конституционных прав на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища. В свою очередь, Закон о статусе судей² регламентирует права судей, подлежащие дополнительной защите от оперативного вторжения. Определяя в ст. 16 понятие неприкосновенности, он защищает от него также личность судьи, занимаемые им служебные помещения, используемые им личные и служебные транспортные средства, принадлежащие ему документы, багаж и иное имущество, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений). Согласимся с мнением Ю. А. Цветкова, что «любое ОРМ в отношении судьи так или иначе нарушает его неприкосновенность в ее конституционно-правовом понимании, а значит, по каждому такому факту требуется предварительно получить разрешение суда»³. Отсюда можно сделать вывод, что на ОРМ, связанные с ограничением любых прав

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.1993 № 13 «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» // СПС «Гарант».

² Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // РГ. 29.07.1992.

³ *Цветков Ю. А. Особенности уголовного преследования судей // Уголовный процесс. 2017. № 3.*

судьи, тоже необходимо получение судебного разрешения, хотя ФЗ об ОРД прямо об этом не говорит.

Кроме того, законодатель «усиливает» гарантии независимости увеличением состава суда, рассматривающего ходатайства оперативных органов: если разрешение на проведение ОРМ в отношении «обычных» граждан дает судья единолично, то в отношении судей такие вопросы решает судебная коллегия из трех человек (для судей Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, областного и соответствующего ему суда — в составе трех судей Верховного Суда РФ, для иных судей — в составе трех судей областного и соответствующего ему суда).

При этом п. 8 ст. 16 Закона о статусе судей устанавливает, что суд, установив, что производство указанных мероприятий или действий обусловлено позицией, занимаемой судьей при осуществлении им судейских полномочий, отказывают в даче согласия на производство указанных мероприятий или действий. Однако неясно, каким образом могут реализоваться указанные нормы, если специфика судебной процедуры рассмотрения ходатайств о разрешении на ОРМ в условиях засекреченности не предполагает участия самого судьи (неясно, кто должен предоставлять доказательства обусловленности преследования позицией, занимаемой им при осуществлении им судейских полномочий), не предполагает участия представителей ККС (не определено, кто должен оценивать представленные доказательства обусловленности преследования).

Не содержатся ни в Законе о статусе судей, ни в ФЗ об ОРД критерии обусловленности ОРД позицией судьи по отправлению правосудия, т. е. правила, по которым должны оцениваться представленные доказательства обусловленности преследования позицией, занимаемой им при осуществлении им судейских полномочий, даже если они будут представлены. Полагаем, что ими могли бы быть следующие обстоятельства:

а) точно установленный круг лиц, заинтересованных в оказании на судью давления посредством оперативного вторжения;

б) четко определенные причины, по которым указанные выше лица заинтересованы в оказании давления (прятие судьей решений против их интересов, принципиально противоположные взгляды судьи на какие-либо вещи и явления и т. п.);

в) наличие в производстве судьи одного или нескольких дел с участием заинтересованных лиц, имеющих отношение к инициации ОРД;

г) факты принятия по указанным делам конкретных решений против интересов заинтересованных лиц, имеющих отношение к инициации ОРД;

д) инициация ОРМ оперативными сотрудниками, действия которых судья когда-то своим решением признал незаконными;

е) факты внепроцессуальных обращений к судье заинтересованных лиц, имеющих отношение к инициации ОРД, в том числе с целью ока-

зять давление на судью, зафиксированные в установленном законом порядке (ст. 10 Закона о статусе судей, ст. 8.1. УПК РФ, ст. 8 ГПК РФ, ст. 5 АПК РФ, ст. 24.3.1 КоАП РФ, ст. 7 КАС РФ);

ж) факты обращения судьи в правоохранительные органы в связи с оказанием на него давления со стороны каких-либо лиц, и т. п.

В отсутствие указанных критериев представляется затруднительным определить, что оперативное преследование обусловлено позицией судьи при осуществлении правосудия, а не его собственной противоправной деятельностью, в т. ч. подозрением в совершении преступления. В исследованных материалах не было обнаружено случаев, когда бы отказ в даче разрешения на проведение ОРМ в отношении судьи был бы обусловлен его позицией, занимаемой при осуществлении судейских полномочий, а также впоследствии обжалован.

Таким образом, гарантии неприкосновенности в данном случае не могут исключить оказание на судью давления осуществлением в отношении него ОРД, поскольку условия для исследования этого вопроса в ходе судебной процедуры рассмотрения ходатайства о разрешении на ОРМ не созданы. Справедливости ради стоит отметить, что и самих таких случаев, когда бы попытки оказать на судью давление осуществлялись путем проведения ОРМ, в исследованных материалах тоже установлено не было, но это уже совсем другой вопрос, касающийся добросовестности или недобросовестности сотрудников оперативных органов, а не эффективности гарантий судейской неприкосновенности.

Анализируя, насколько указанные особенности гарантируют, как отмечал Конституционный Суд РФ, «обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти, справедливости правосудия»¹, заметим, что как их количественно усиленная составляющая (более высокая родовая подсудность и коллегиальность), так и качественная (необходимость получения судебного разрешения на все ОРМ, а не только на сопряженные с личной тайной), при сохранении существующих для общей процедуры недостатков, не позволяющих проверяемому лицу своевременно обеспечить защиту своих прав (засекреченность, лаконичная правовая регламентация, невозможность обжаловать принятое решение и пр.), при наличии дополнительно возникающей невозможности выяснить вопрос об обусловленности оперативного преследования деятельностью судьи по отправлению правосудия, вряд ли свидетельствуют о действительно серьезной защите судей, обеспечивающей их независимость. Судьи при осуществлении ОРМ подвергаются тем же рискам, что и рядовые граждане в аналогичной ситуации. После

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.06.2011 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И. В. Аносова // СПС «Гарант».

возбуждения уголовного дела или привлечения в качестве обвиняемого законодатель в данной ситуации вообще приравнивает их к рядовым гражданам.

Для органов же, осуществляющих ОРД, гарантии судейской неприкосновенности при действительной необходимости проведения ОРМ оборачиваются лишь дополнительными препятствиями (необходимостью обращения в Верховный Суд РФ, потерей времени, повышенным риском разглашения конспиративной информации), ставящими под угрозу достижение намеченных ОРД целей.

Таким образом, полагаем, что есть необходимость в совершенствовании правовых норм, регулирующих данные отношения — в частности, в указании в законе обозначенных выше критериев обусловленности ОРД позицией при осуществлении правосудия, для более качественного обеспечения как независимости судей, так и неотвратимости их ответственности в случае совершения преступления.

Россинская Е. Р.

Памяти моего отца, выдающегося советского и российского криминалиста Р. С. Белкина

11 июля 2017 года исполнилось 95 лет со дня рождения заслуженного деятеля науки, доктора юридических наук, профессора, почетного академика Российской академии естественных наук, почетного члена Болгарского научного общества судебных медиков и криминалистов; лауреата премии Фонда Кангера (Германия), генерал-майора милиции Рафаила Самуиловича Белкина. Значение деятельности Р. С. Белкина для развития отечественной криминалистики, других юридических наук трудно переоценить, его вклад в теорию и практику, поистине огромен.

Рафаил Самуилович Белкин родился 11 июля 1922 года в г. Чернигове. Его отец — Белкин Самуил Рафаилович — 1885 г.р. был из бедной еврейской семьи, которая жила в городе Почипе. Он не имел возможности учиться и в графе образование всегда писал самообразование, хотя был очень умным и начитанным человеком. Самуил Рафаилович рано потерял мать, семья жила очень бедно, и он начал работать с малых лет, трепал пеньку в артели, где производили веревки и канаты. Впоследствии в советское время он был уже большим специалистом в своем деле и работал технологом на производстве пеньки, часто его привлекали и в качестве эксперта по этой продукции.

Мать Рафаила Самуиловича — Эскина Ида Хононовна происходила из более зажиточной семьи. Она родилась в г. Конотопе, где закончила гимназию и поступила на физико-математический факультет Высших женских курсов в Киеве. В 1919 г. она познакомилась с Самуилом Белкиным и через два года в 1921 г. вышла за него замуж. Семья пере-

ехала в г. Чернигов, где в то время работал Самуил Рафаилович Белкин, затем в Орел. В 1925 году Белкины переехали в Москву и поселились в доме 4/40 на Бахметьевской улице (сейчас улица Образцова).

Ида Хононовна опять пошла учиться и, получив высшее экономическое образование, работала в плановом отделе завода Красный металлист, а затем начальником планового отдела на заводе Борец.

Детство Рафаила Белкина прошло в Марьиной роще. В положенное время он поступил в среднюю 242 школу г. Москвы, где и познакомился со своей будущей женой Генриетой Тейтельбаум. Они оба окончили школу в 1940 г. с золотыми медалями и хотели вместе поступать в Московский энергетический институт, но Рафаила призвали в армию, а Генриетта поступила в МЭИ. В 1941 г., когда началась война, она была мобилизована и вместе с другими студентами рыла окопы, а потом работала на заводе Борец, В октябре 1941 г. институт был эвакуирован в Уфу. Генриетта училась там, а в марте 1943 г. вернулась в Москву вместе с институтом. Мать Рафаила Самуиловича всю войну была в Москве и работала на заводе.

Рафаил Самуилович, как уже отмечалось выше в 1940 г. был призван в армию. Поскольку он окончил 10 классов, то вскоре стал политруком, а потом и военным корреспондентом дивизионной газеты «В бой за родину» и других фронтовых газет, прошел в пехоте всю Великую отечественную войну с 1941 по 1945 гг. Рафаил Самуилович воевал под Москвой и Ржевом, на Смоленщине и Курской дуге, принимал участие в освобождении Белоруссии, Прибалтики, Варшавы, взятии Берлина, закончил войну на Эльбе. За боевые заслуги Рафаил Самуилович был награжден двумя орденами Великой отечественной войны, двумя орденами Красной звезды, медалями: «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и другими. Впоследствии был удостоен многих отечественных и иностранных государственных наград, в том числе ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

На войне он продолжал писать стихи и нередко посвящал их своей будущей жене Генриетте Лазаревне Белкиной. Она окончила МЭИ в 1946 г. и много лет занималась рентгеноспектральным анализом цветных металлов и разработкой рентгеновской аппаратуры в различных КБ и НИИ. 5 марта 1946 года они поженились, и Рафаил Самуилович увез молодую жену в Германию, где он тогда служил. Вместе они прожили 55 счастливых лет.

Вскоре Рафаил Самуилович поступил учиться в Военно-юридическую академию Советской Армии, которую окончил с золотой медалью. Именно там, по собственным словам Рафаила Самуиловича, в кружке криминалистики А. И. Винберга — его будущего научного руководителя — начался путь Р. С. Белкина путь в криминалистику.

По окончании Академии в 1951 г. Р. С. Белкин хотел продолжить заниматься наукой и поступить в адъюнктуру, но пресловутый 5 пункт и происходившая тогда сталинская компания «по борьбе с безродными космополитами» ему помешали. Он был направлен на службу в военную прокуратуру 42-й воздушной армии Бакинского округа ПВО, где служил следователем, а затем помощником Военного прокурора. Именно в те годы накапливался практический опыт, послуживший впоследствии основой его теоретических и методических построений. За 2,5 года, обучаясь в заочной адъюнктуре Академии под руководством профессора А. И. Винберга, он досрочно в начале 1954 года защитил кандидатскую диссертацию на тему «Осмотр места происшествия. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты». Его оппонентами были судебный медик, профессор Михаил Иванович Авдеев и известный криминалист Борис Максимович Комаринец.

В 1955 г. Р. С. Белкин переходит на службу в органы внутренних дел. С этого момента вся его жизнь неразрывно связана с Высшей школой, впоследствии Академией МВД СССР. Он долгие годы руководил кафедрой криминалистики, несколько лет был заместителем по научной работе начальника Московского филиала юридического заочного обучения, вновь руководил кафедрой уже специального факультета Академии. Выйдя в отставку в 1985 году, он до 1988 года заведовал отделом теории Всесоюзного НИИ судебных экспертиз МЮ СССР, но затем снова возвратился в Академию МВД СССР в качестве профессора кафедры.

Через семь лет после защиты кандидатской диссертации в 1961 году Рафаил Самуилович подготовил и защитил докторскую диссертацию на тему «Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике», где им было определено значение экспериментального метода исследования для судопроизводства и его место в системе методов криминалистики. Оппонировали ему на этот раз светила советской юридической науки Михаил Соломонович Строгович, Степан Петрович Митричев и Сергей Иванович Тихенко.

В 1963 году Р. С. Белкину было присвоено ученое звание профессора, а в 1976 году он стал заслуженным деятелем науки.

Рафаил Самуилович прошел большой путь, и каждый этап этого пути был ознаменован выходом фундаментальных монографических трудов. Так его монография «Теория и практика следственного эксперимента» вышла в 1959 году накануне принятия нового УПК РСФСР (1960), в который впервые вошло следственное действие — следственный эксперимент.

Занимаясь далее проблемами эксперимента в уголовном судопроизводстве, в монографии «Эксперимент в следственной судебной и экспертной практике — 1964 г.», Р. С. Белкин рассматривает эту тему в расширенном плане общей теории познания, что обусловило логический переход к проблемам познания, связанным с вопросами доказывания.

В 1966 году он пишет книгу «Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы», в которой было положено начало методологии отечественной криминалистики. С выходом этой работы изложение методов криминалистики в монографической и учебной литературе получило прочную научную основу и уже не ограничивалось главным и фактически единственным в те годы методом марксистско-ленинского диалектического материализма. Продолжением этой темы стал и следующий большой труд Р. С. Белкина (в соавторстве с его учителем профессором А. И. Винбергом) «Криминалистика и доказывание» (1969).

С конца 60-х годов XX века начала формироваться научная криминалистическая школа профессора Р. С. Белкина. В основе этого нового научного направления лежала философская концепция отражения как гносеологического фундамента криминалистической науки. Руководствуясь этим подходом, Рафаил Самуилович в 1967 г. сформулировал новое представление о предмете криминалистики, которое затем уточнил и конкретизировал в своих последующих работах.

Это определение легло в основу предложенной Р. С. Белкиным (в упомянутой работе 1970 г.) концепции общей теории криминалистики, полностью базирующейся на философском понятии отражения, поскольку, по его мысли, такая теория представляет собой именно научное отражение предмета криминалистической науки в его различных связях и опосредствованиях. Общая теория как система мировоззренческих принципов, теоретических концепций, категорий и понятий, методов и связей, определений и терминов, как научное отражение всего предмета криминалистики, служит методологической основой криминалистической науки.

В 1977–1979 годах вышел в свет первый в отечественной науке фундаментальный 3-х томный «Курс советской криминалистики», до сих пор не имеющий аналогов по глубине и широте охвата проблем. В курсе получили дальнейшее развитие положения общей теории криминалистики, такие ее разделы как учение о методах, систематике и языке криминалистики, учение о признаках и др. Формируются основные положения частных криминалистических теорий: теории причинности, розыска, механизма преступления, криминалистической регистрации, криминалистического прогнозирования, временных связей и отношений и т. п.

Идеи и концепции Курса получили дальнейшее развитие в работах Р. С. Белкина в 1986–1988 гг. (Общая теория советской криминалистики — 1986; Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы т. 1, т. 2. 1987, 1988). В этих трудах Р. С. Белкин детально разрабатывает общую теорию криминалистики, в особенности такие ее разделы, как учение о методах, систематике и языке криминалистики, а также формулирует основные положения ряда частных криминалистических

теорий: криминалистической теории причинности, розыска, механизма преступления, криминалистической регистрации, криминалистического прогнозирования, выдвигает идею разработки криминалистической теории временных связей и отношений и др. Им выявлены и описаны законы развития криминалистики в аспекте общих законов развития научного знания. Предложено пополнить структуру криминалистики еще одним, четвертым, разделом — общей теорией науки.

Серьезное внимание в трудах Р. С. Белкина уделено проблемам и тенденциям развития криминалистической техники. Многие годы он в печати отстаивал научность теперь уже признанного большинством криминалистов ольфакторного (одорологического) метода, боролся за возможность использования полиграфа в розыске преступников.

Но значительно большим был его вклад в разработку научных основ судебной экспертизы. Профессор Р. С. Белкин — один из создателей общей теории судебной экспертизы. Его ученики и последователи И. А. Алиев и Т. В. Аверьянова определили требования, которым должна удовлетворять общая теория судебной экспертизы и предложили собственную структуру этой теории, опираясь на фундаментальные труды Р. С. Белкина сформулировали свои концепции теории судебной экспертизы и учения о методах этой теории и практической экспертной деятельности И. А. Алиев, Н. П. Майлис, Т. В. Аверьянова, Е. Р. Россинская, С. Ф. Бычкова, Е. И. Майорова и многие другие.

Многие проблемы теории судебной экспертизы и судебно-экспертной деятельности, затронутые в трудах профессора Р. С. Белкина, получили в последние годы законодательное разрешение. Это, во-первых, процессуальная регламентация производства комплексных судебных экспертиз, определение статуса руководителя государственного судебно-экспертного учреждения и вообще разграничение на законодательном уровне судебных и прочих экспертиз.

В последующие годы Р. С. Белкин уделил большое внимание исследованиям концептуальных основ криминалистической тактики (Очерки криминалистической тактики — 1993 г.), таким ее категориям как тактический прием и тактическая комбинация, следственная ситуация, фактор внезапности и др. (Фактор внезапности, его учет и использование в расследовании преступлений — 1995 г.). Значительным событием в жизни юридической общественности явилось издание Р. С. Белкиным Криминалистических энциклопедий (1993, 1997, 2000 гг.), Словаря-справочника по криминалистике (1999 г.). Вышли в свет 2-ое и 3-е издание Курса криминалистики, дополнившие его новыми материалами, имеющими не только научную, но и практическую направленность. Уникален его труд «История отечественной криминалистики» (1999).

Разработка тактических комбинаций неразрывно связана с решением этических проблем криминалистики и уголовного судопроизводства в целом. В трудах Р. С. Белкина неоднократно поднимается вопрос

о допустимости обмана, как средства психического воздействия. Он полагал, что господствующая в профессиональной следственной этике официальная концепция аморальности обмана признается лишь на словах, но практические работники повсеместно прибегают к его использованию. Р. С. Белкин призывал открыто признать, что и государство считает допустимым обман в правоохранительной сфере, поскольку узаконило оперативно-розыскную деятельность, во многом основывающуюся на дезинформации, обмане, как средстве выявления и раскрытия преступлений. Однако, допуская возможность обмана Р. С. Белкин ограничивал его пределы строго определенными рамками (Криминалистика. Проблемы сегодняшнего дня, 2001).

Работы Р. С. Белкина послужили основой для формирования его научной школы. Многочисленные ученики Р. С. Белкина (116 человек под его научным руководством подготовили и защитили кандидатские и докторские диссертации), использовали его исходные гносеологические, методологические и практические идеи и конструкции в своих монографиях, пособиях и диссертациях. Научная криминалистическая школа Р. С. Белкина в наши дни — одна из ведущих научных школ криминалистической науки. Высок авторитет многочисленных предшественников этой школы и ее основателя

Р. С. Белкин был по натуре прирожденным педагогом, вдумчивым и знающим преподавателем, блестящим лектором, преподавателем, что называется, милостью божьей. За 45 лет педагогической деятельности он воспитал не одно поколение замечательных специалистов в области криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы, выступал в различных университетах, институтах и академиях страны, читал лекции в Берлинском, Софийском, Пражском и других зарубежных университетах, в Институте уголовной полиции Китая.

Р. С. Белкиным в соавторстве и под его редакцией написано 23 учебника по курсу «Криминалистика» для высших и средних специальных учебных заведений (последний учебник; пособия для следователей, экспертов и судей и более 200 научных статей. Многие работы Р. С. Белкина издавались на немецком, английском, венгерском, польском, чешском и болгарском языках.

Профессор Белкин оставил нам более 300 научных трудов, индекс цитирования которых один из самых высоких среди ученых-криминалистов. Причем сфера его интересов не ограничивалась только криминалистической наукой. В своих работах он уделял большое внимание проблемам доказывания по уголовным делам и другим проблемам уголовно-процессуального права. Ссылки на работы Р. С. Белкина можно найти практически в любой научной работе, посвященной оперативно-розыскной деятельности.

Но кроме всего прочего Рафаил Самуилович был талантливым публицистом, популяризатором своей любимой науки. Одной из сто-

рон его многогранного таланта был дар простым и понятным языком говорить о весьма сложных вещах. Несколько поколений будущих юристов узнали о криминалистике из таких его книг, как «Ведется расследование»; «Не преступи черту» (1976), «Репортаж из мастерской следователя» (1998). Он написал даже «Криминалистический букварь» (1997) для школьников младших классов.

Несомненно, богатое творческое наследие профессора Р. С. Белкина еще долго будет объектом пристального изучения российских и зарубежных криминалистов, и они в своих научных изысканиях будут идти по намеченным им путям.

Россинский С. Б.

Собирание, формирование и исследование доказательств как структурные элементы процесса доказывания по уголовному делу

В настоящее время законодатель регламентирует процесс доказывания по уголовному делу в виде своеобразной трехчленной формулы: «собрание—проверка—оценка доказательств» (ст. 85 УПК РФ); эта же точка зрения высказывается и в большинстве научных работ по теории доказывания и доказательственному праву¹. Причем объяснить подобную позицию достаточно просто. Ведь действующий Кодекс впитал в себя положения разработанной во второй половине XX века информационной (кибернетической) теории доказательств, понимающей под доказательствами сведения (информацию). Собрание, проверка и оценка доказательств — это технологии, сводящие доказывание именно к информационному процессу, но при этом не учитывающие роли доказательственных фактов, и, таким образом, обесценивающие возможности использования в доказывании потенциала формальной логики. На данную особенность как на один из ключевых недостатков информационной теории доказательств обращал внимание Ю. К. Орлов². Для справедливости следует обратить внимание, что отдельные процессуалисты все же пытались представить структуру процесса доказывания в несколько ином виде, например, дополнив ее закреплением доказательств³ или обоснованием выводов⁴.

¹ Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М.: Городец, 2008. С. 130; Зажичкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2015. С. 260; и многие другие работы.

² Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. С. 62.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 298.

⁴ Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский госуниверситет, 1976. С. 8; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы

Ввиду ограниченного объема настоящей публикации мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении всей структуры уголовно-процессуального доказывания, а заострим внимание лишь на тех его аспектах, которые имеют познавательную направленность и выражены в первом элементе предусмотренной ст. 85 УПК РФ трехчленной формулы — в собирании доказательств.

Итак, *собрание доказательств* — это начальный элемент доказывания, заключающийся в обнаружении, восприятии и фиксации в установленном законом порядке сведений, имеющих значение для уголовного дела. Собрание доказательств — достаточно устоявшаяся доктринальная категория, которая ввиду прямого законодательного закрепления в качестве одного из элементов процесса доказывания активно поддерживается большинством ученых—процессуалистов. Однако наряду с собиранием в теории выделяются и другие категории, связанные с познавательным-удостоверительным аспектом доказывания, а именно: формирование доказательств и исследование доказательств.

Формирование доказательств предполагает принципиально иной подход к первому этапу доказывания, связывающий появление доказательств не с их обнаружением или восприятием, а с приданием им надлежавшей процессуальной формы. В этой связи В. А. Семенцов даже предлагает внесение ряда коррективов в ст. 86 УПК РФ с изменением ее названия на «формирование доказательств»¹. В основе данного подхода лежит высказанный С. А. Шейфером в 1972 году научный тезис о том, что готовых доказательств, то есть показаний, заключений, протоколов и т. д., в природе не существует и существовать не может, что в объективной реальности имеет место лишь полезная информация, которой придается надлежущая процессуальная форма в ходе познавательной-удостоверительной деятельности субъектов доказывания, наделенных соответствующими полномочиями². Хотя при этом С. А. Шейфер и не может претендовать на введение термина «формирование доказательств» в оборот уголовно-процессуальной науки; некоторыми учеными он использовался и ранее³.

доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978. С. 208; и т. д.

¹ Семенцов В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сборник научных трудов / под ред. В. А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 239.

² Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П. А. Лупинская. М.: ВЮЗИ, 1972. С. 7, 15, 16.

³ Например: Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960. С. 78; Курьлев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Белорусский госуниверситет имени В. И. Ленина, 1969. С. 163; Дорохов В. Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. №9. С. 113.

В своих работах мы также неоднократно высказывались в поддержку категории «формирование доказательств» как более логичной и отвечающей современным подходам к методологии процессуального доказывания¹. Однако наши дальнейшие исследования и рассуждения по данному вопросу привели к убеждению о некоторой ошибочности ранее высказываемых нами позиций и о необходимости частичного пересмотра отношения к формированию доказательств как к единственному способу, обеспечивающему их появление в уголовном деле. Ведь позиция С. А. Шейфера и солидарных с ним ученых о необходимости преобразования полезной информации в форму доказательств вполне разумна, но лишь в части показаний, заключений эксперта и результатов «невербальных» следственных и судебных действий², то есть доказательств, обусловленных активным поведением органов предварительного расследования и суда. В ее обоснование ученный, собственно говоря, и приводит примеры таких показаний и протоколов³. Вместе с тем, уголовно-процессуальный закон предусматривает и другие виды доказательств: вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста. Они предстают перед дознавателем, следователем, судом уже в готовом, окончательном виде и никакому процессуальному формированию не подвергаются. В этой связи мы не можем согласиться с учеными, обосновывающими наличие специальных юрисдикционных процедур, направленных на формирование подобных доказательств и состоящих в их обнаружении, осмотре и приобщении к делу. Уважаемые авторы, видимо, просто не проводят методологического разграничения между вещественными доказательствами, иными документами и результатами следственных и судебных действий, направленных на их обнаружение, осмотр, исследование. Тем не менее, критерии для такого разграничения вполне очевидны и заключаются в их гносеологической сущности. Вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста — это всего лишь предметы или документы как фрагменты объективной реальности. Они существуют сами по себе независимо от факта их обнаружения, восприятия, осмотра и т. д. По крайней мере, предусмотренные ч. 3 ст. 80, ст.ст. 81 и 84 УПК РФ процессуальные гипотезы никоим образом не увязывают эти доказательства

¹ *Россинский С. Б.* Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 9. С. 86.

² Результаты «невербальных» следственных и судебных действий мы в своих работах называем доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ и традиционно именуемые протоколами следственных действий и судебного заседания.

³ *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам. М.: Норма, 2008. С. 33.

с какими-то специфическими местами их нахождения и т. д. Тогда как факты их обнаружения, осмотра и т. д. предполагают наличие пусть даже находящегося в тесной логической связи, но, тем не менее, другого доказательства — предусмотренного ст. 83 УПК РФ результата «невербального» следственного или судебного действия.

Рассматриваемые в процессуальной литературе процедуры по формированию вещественных доказательств, иных документов и т. д. представляются мнимыми, надуманными. Они являются не более чем «теоретическими фантомами» и этим мало чем отличаются от таких же мнимых механизмов формирования доказательств на основании результатов оперативно-розыскной или административной деятельности, о чем мы уже писали в других публикациях. В данном случае речь идет не столько о формировании доказательств, сколько об их процессуальной легализации, об их введении в уголовное дело посредством представления, истребования или изъятия как элемента некоторых следственных действий. Если подобные доказательства (например, иные документы, заключения специалиста) и «формируются», то за рамками уголовного судопроизводства вне установленного УПК РФ правового режима и без соответствующих процессуальных гарантий. И, следовательно, применительно к таким доказательствам более уместным является именно их собрание.

Исследование доказательств заключается в познании дознавателем, следователем, судом и другими участниками уголовного судопроизводства формы и содержания полученных доказательств в целях извлечения полезной информации, необходимой для их дальнейшей проверки, оценки и использования в процессе доказывания. Этот фрагмент познавательной деятельности, к великому сожалению, не нашел отражения в предусмотренной ст. 85 УПК РФ трехчленной структуре доказывания. Конечно во многих ситуациях, возникающих в следственной и судебной практике, исследование доказательств осуществляется как бы одновременно с их сбором (формированием), в том числе, в рамках какого-либо следственного или судебного действия. В ряде случаев (в особенности, в ходе досудебного производства) эти этапы сильно переплетены между собой. Например, при осмотре места происшествия наряду с исследованием соответствующих объектов, их признаков, свойств, состояния, взаиморасположения одновременно формируется и новое доказательство. Аналогичная ситуация складывается в ходе производства допроса, очной ставки, освидетельствования, следственного эксперимента, других следственных и судебных действий. Однако это вовсе не означает, что собрание (формирование) и исследование доказательств не делимы и на теоретическом уровне. В гносеологическом контексте они существенно отличаются друг от друга и выступают самостоятельными элементами уголовно-процессуального познания. Кстати, в этой связи необходимо обратить внимание, что процессы

проверки или оценки доказательств также нередко переплетены с механизмами их собирания (формирования) в единое целое, что не мешает законодателю признавать их отдельными этапами доказывания.

Анализируя вопросы исследования доказательств, Р. С. Белкин неоднократно отмечал, что оно (исследование) — частный случай познавательной деятельности¹. Он писал, что это — это познание следователем или судом содержания доказательств, проверка достоверности существования тех фактических данных, которые составляют содержание доказательств, установление согласованности данного доказательства со всеми остальными доказательствами². Близкие по смыслу позиции в своих работах выдвигают В. П. Василенко, А. А. Давлетов, А. В. Кудрявцева³ и другие авторы. Хотя для справедливости необходимо обратить внимание, что некоторые ученые вкладывают в эту категорию слишком узкий смысл, олицетворяя исследование доказательств лишь с познанием, проводимым посредством специальных криминалистических средств и методов⁴.

Исследование доказательств — это такой же необходимый атрибут доказывания, как их собирание (формирование), проверка или оценка. А процессуальное познание — гораздо более широкая категория, чем она видится законодателю. Помимо собирания (формирования) и проверки новых доказательств она охватывает и механизмы их полноценного исследования. В противном случае дознаватель, следователь и, в особенности, суд из полноценных субъектов доказывания превратились бы в неких «оформителей» представленных в их распоряжение материалов. Кстати, вполне возможно, что непризнание исследования доказательств самостоятельным структурным элементом доказывания является наследием советского уголовного процесса, который был ориентирован на приоритет досудебного производства и фактически делал из судей этих самых «оформителей». В этой связи весьма уместно предложение Н. И. Газетдинова о необходимости более конкретного закрепления в тексте закона положений, регламентирующих не только собирание и оценку доказательств, но и их исследование⁵. Кстати, подобные идеи

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. М.: Норма, 1997. С. 135.

² Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. С. 48; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М.: Юрид. лит., 1969. С. 195.

³ Василенко В. П. Исследование доказательств на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия МВД СССР, 1978. С. 8–9; Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997. С. 178; Кудрявцева А. В. Исследование доказательств в суде апелляционной инстанции в свете теории следственных (судебных) действий познавательного характера // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 67.

⁴ Например: Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1989. С. 83.

⁵ Газетдинов Н. И. Реализация принципов уголовного судопроизводства. М.: Издательская группа «Юрист», 2007. С. 367.

уже получили воплощение в некоторых государствах на постсоветском пространстве, в частности, в ст. 127 нового УПК Казахстана.

Российский законодатель вспоминает про исследование доказательств лишь применительно к судебным стадиям уголовного судопроизводства. По смыслу ст. 274, 291 и 389.13 УПК РФ именно оно (исследование), а не собирание или формирование доказательств является основным содержанием судебного следствия как в первой, так и в апелляционной инстанциях. И подобная позиция разработчиков УПК РФ хотя и неверна, но вполне объяснима. Дело в том, что в отличие от досудебного производства судебное познание осуществляется в условиях состязательности, гласности и устности. Поэтому исследуемые материалы уголовного дела не могут быть просто прочитаны судьей («про себя»), а подлежат обязательному оглашению в зале судебного заседания. А это, в свою очередь, требуют обязательной процессуальной регламентации и введения в предмет уголовно-процессуального регулирования соответствующих процедур, предусмотренных ст.ст. 276, 281 и 285 УПК РФ.

Тогда как в ходе досудебного производства исследование доказательств, напротив, зачастую происходит камерально (кабинетно) без участия сторон и других присутствующих лиц, следовательно, не требует каких-либо правовых гарантий и не нуждается в установленной УПК РФ законодательной формализации. Поэтому далеко не все используемые в досудебном производстве познавательные приемы имеют процессуальную регламентацию. Существует множество иных гносеологических способов установления следователем или дознавателем обстоятельств уголовного дела, объективная необходимость и очевидность которых обусловлена, как правоприменительной практикой, так и самим здравым смыслом. В частности, субъекты предварительного расследования обязательно должны исследовать путем личного ознакомления (прочтения) форму и содержание поступивших в их распоряжение заключений экспертов и специалистов, иных документов (справок, характеристик, выписок, актов ревизий, копий приговоров и т. д.), материалов оперативно-розыскной деятельности и других источников. Они же должны исследовать протоколы следственных действий, проведенных без их непосредственного участия (оперативными работниками или другими следователями и дознавателями). В противном случае они просто лишаются возможности оперирования данными доказательствами для установления обстоятельств, имеющих значения для уголовного дела. Кстати, в дальнейшем со всеми материалами уголовного дела должен ознакомиться и государственный обвинитель.

Но такие исследования не требуется связывать с каким-то следственным или иным процессуальным действием, сродни тому, как это происходит в судебном заседании. Законодательная формализация таких механизмов попросту лишена как высокого правового, так

и практического смысла. Вряд ли будет целесообразным устанавливать какие-то специфические механизмы личного прочтения дознавателем или следователем материалов уголовного дела. Подобные процедуры вполне могут осуществляться и в свободном порядке, при этом вовсе не лишаясь познавательной направленности и не будучи исключенными из структуры уголовно-процессуального доказывания.

Ну, и наконец, не стоит забывать о возможностях исследования доказательств заинтересованными участниками уголовного судопроизводства: подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и т.д. Такие формы процессуального познания осуществляются посредством ознакомления с протоколами следственных действий, а по окончании предварительного расследования — со всеми материалами уголовного дела. Они позволяют указанным лицам занимать активную позицию на последующих этапах доказывания, в частности, посредством изложения своих доводов и аргументов перед субъектом правоприменения.

Таким образом, познавательно-удостоверительный элемент доказывания могут осуществляться и посредством собирания, и посредством формирования, и посредством исследования доказательств. Каждая из этих процессуально-гносеологических технологий характеризуется разумной долей автономности, обусловленной различными познавательными приемами, заложенными в их содержание, что, в свою очередь, должно отражаться в уголовно-процессуальном законе и учитываться в правоприменительной практике.

Рубис А. С., Попов Р. М.

О необходимости формирования методологических основ оценки достоверности судебных экспертиз

Несмотря на процессуально равнозначный характер всех видов и источников доказательств, гносеологическая сущность заключения эксперта, использование в процессе экспертного исследования специальных знаний и криминалистической техники детерминируют особую его весомость в процессе установления истины. Именно выводы эксперта в ряде случаев являются едва ли не единственным основанием для разрешения уголовного дела по существу. Поэтому и следователь, и прокурор, и судья не только могут, но и должны с особой тщательностью оценивать экспертное заключение как с точки зрения его относимости и допустимости, так и достоверности. Однако природа заключения эксперта как источника доказательств такова, что для его оценки органу, ведущему уголовный процесс, часто приходится применять подходы, которые кардинальным образом отличаются от подходов, применяемых при оценке иных доказательств, что в свою очередь представляет для

лиц, не обладающих специальными экспертными знаниями, немалую сложность.

Вопросы проверки относимости полученных с помощью судебных экспертиз результатов к расследуемому событию и исследования процессуальных параметров их допустимости подробно освещены в научной литературе и на практике могут быть решены достаточно эффективно. Гораздо острее представляется проблема достоверности, обуславливаемая, прежде всего, научной обоснованностью проведенного экспертного исследования.

В данном отношении практически все ученые сходятся в одном: качественно и объективно оценить научную обоснованность заключения эксперта на должном уровне ни следователь, ни прокурор, ни судья не в состоянии. Популярно также мнение о том, что научная обоснованность экспертного заключения вообще не должна входить в круг оцениваемых следователем и судом составляющих экспертного исследования. Такое положение дел не может удовлетворять современным потребностям доказывания.

Следует признать, что проблема эта не нова. Многие специалисты предлагали различные способы и пути ее решения: осовременивание концепции неоспоримости заключения эксперта; обязательный допрос эксперта, проводившего экспертизу; привлечение на различных этапах доказывания стороннего специалиста в качестве консультанта; обязательное участие эксперта в судебном заседании; придание заключению эксперта на законодательном уровне особого доказательственного статуса; расширение практики обязательного проведения дополнительных и повторных экспертиз; внедрение в уголовный процесс так называемых проверочных (контрольных, конкурирующих) экспертиз и пр.

Не умаляя актуальности и перспективности некоторых из приведенных положений (отдельные представляются нам явно утопичными), следует отметить, что в большинстве своем они носят лишь декларативный характер, рассматриваются учеными разрозненно, применительно в разрешению конкретных ситуаций, что не может способствовать реальному повышению эффективности процесса оценки достоверности судебных экспертиз.

Мы вынуждены констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство, требуя от субъекта доказывания обязательной оценки достоверности заключения эксперта, не предлагает при этом конкретного алгоритма соответствующих процессуальных мер. Лаконичные и зачастую косвенные указания на подобные действия содержатся в отдельных уголовно-процессуальных нормах, однако вряд ли данные положения можно считать эффективным инструментом оценки достоверности выводов эксперта.

В рамках теории уголовного процесса найти решение обозначенных проблем сложно. Однако из нее можно почерпнуть сведения о том,

что нужно предпринять, поставив задачу по комплексной оценке экспертного заключения, которая может быть решена только с помощью криминалистических знаний. Именно криминалистика призвана ответить, как это сделать максимально эффективно, какие средства и методы должны быть использованы для достижения цели.

Мы убеждены, что достоверность заключения эксперта с точки зрения надлежащего порядка получения объективных искомых фактических данных предполагает, что судебная экспертиза, являющаяся способом их получения, должна быть проведена в строгом соответствии не только с нормами УПК, но и с учетом имеющихся криминалистических научных разработок, а также должным образом апробированных экспертных методов и методик. В силу этого возникает настоятельная необходимость обязательного интегрирования современных научных знаний не только в процесс судебно-экспертных исследований, но и в ход процессуальной реализации имеющихся или полученных научных результатов.

Требуется детерминировать искомый процессуальный результат по делу с обязательным, если нужно, использованием достижений науки в виде проведения судебно-экспертных исследований, что в свою очередь детерминирует обязанность субъекта доказывания каждый раз с достоверностью убеждаться в том, что эксперт соблюдает соответствующую технологию исследования, использует только должным образом апробированные и репрезентативные методы и методики. Именно это знание в значительной степени и делает судебную экспертизу инструментарием доказывания, именно оно поможет оценить содержательную сторону заключения эксперта, включая компетентность эксперта; научную обоснованность, полноту, всесторонность и объективность исследования; правильность сделанных выводов; логичность умозаключений эксперта; соответствие выводов промежуточным исследованиям и всему исследованию в целом; их непротиворечивость и т. д.

Однако методологическая проблема здесь состоит в том, что в уголовном процессе, криминалистике и судебной экспертологии вопросы оценки достоверности судебных экспертиз несогласованны, имеют по большей части прикладной характер, рассматриваются во многом исключительно через призму практической деятельности субъекта доказывания. По нашему мнению, такой подход в некоторой степени можно оправдать сложившейся практикой правоприменения, однако он не исчерпывает всех аспектов оценки достоверности судебных экспертиз и, тем более, не в состоянии решить проблему формального подхода к изучению экспертных исследований.

Как известно, в процессе решения какой-либо частной задачи, нередко можно столкнуться с проявлением в ней общего, познание и изучение которого несет большое научно-теоретическое и практическое значение. Данная мысль характеризует процесс понимания оценки

достоверности судебных экспертиз в широком (распространенном) аспекте.

Формирование практически любой области знаний проходит ряд стадий и этапов: накопление эмпирических данных; систематизация накопленных знаний и их трансформация; теоретизация эмпирического знания и синтез нового знания; формирование методологии и научных основ новой отрасли знания. Проблема оценки достоверности судебных экспертиз, пройдя определенный этап своего эмпирического развития и накопив значительный объем практического материала, по нашему мнению, уже выходит за пределы сущности задач доказывания как «производственного» элемента судебно-прокурорско-следственной деятельности и переходит на уровень формирования общенаучных теоретических положений, требующих соответствующего осмысления и обоснования. Данной тенденции активно способствуют процессы дифференциации и интеграции научного знания.

Дифференциация знаний возможна по различным основаниям: предмету, объекту, задачам, методам исследования. Дифференциация по предметному принципу непременно влечет за собой дифференциацию знаний субъекта доказывания, т. е. того комплекса знаний, которыми он должен обладать для решения задач, относящихся, например, к оценке достоверности судебных экспертиз.

При этом формирование отдельного направления научных знаний, изначально обусловленное законами дифференциации, неизбежно приводит к активизации интеграционных процессов, предусматривающих последующий синтез нового научного знания путем взаимопроникновения различных наук. Именно таким образом происходит создание базисного знания в каком-либо направлении, формирование комплексных, междисциплинарных направлений исследований.

По нашему мнению, одним из таких направлений являются знания в области оценки достоверности судебных экспертиз. Интеграция этих знаний, их взаимодействие при решении задач доказывания позволят получить качественно новое учение, основанное на объективной научной оценке выявляемых фактических данных, что, в свою очередь, должно предусматривать:

объединение методологических вопросов, отражающих сущность, статус и роль знаний о закономерностях исследования и использования судебных экспертиз в процессе доказывания;

формирование единой терминологии и выработку доступных и универсальных средств коммуникации между специалистами различных областей знаний;

систематизацию задач доказывания, обусловленных использованием института специальных знаний в уголовном процессе;

разработку системы междисциплинарных связей и конкретных действенных приемов, методов и методик оценки достоверности экс-

пертных заключений, что будет способствовать реализации единого научно-методического подхода при решении задач доказывания и позволит повысить эффективность использования института судебной экспертизы в уголовном процессе.

Интеграция научных знаний в области оценки достоверности судебных экспертиз охватывает не только знания, накопленные в теории и практике доказывания, но и содержит в себе положения криминалистики и теории судебной экспертизы, включающие информацию об экспертных ошибках и дефектах деятельности эксперта, психологии и алгоритмах принятия экспертных решений (формирования выводов), экспертной инициативы, пределах компетенции эксперта и пр., а также о закономерностях отражения этих обстоятельств в материалах экспертного заключения и закономерностях их анализа и использования в доказывании.

Создание межотраслевого интеграционного учения по оценке достоверности судебных экспертиз в обязательном порядке должно предусматривать наличие системы базисных отправных начал — тех реперных точек, которые будут определять механизм формирования и развития нового знания в рассматриваемой области. Такую систему можно представить в виде следующих элементов (направлений):

- совершенствование законодательной базы, регулирующей процессуальный механизм интегрирования и реализации результатов судебно-экспертной деятельности в ход осуществления доказывания;
- процедурная реализация криминалистических знаний, умений и навыков при актуализации и трансформации следовой картины преступления в процессуальные источники доказательств, как в ходе проведения судебных экспертиз, так и в ходе оценки относимости, допустимости и достоверности полученных результатов соответствующими субъектами доказывания;
- оптимизация и разработка адаптированных для потребностей правоприменителей новых криминалистических знаний, базирующихся на понимании закономерностей технологии проведения судебно-экспертных исследований, а также на знаниях психологии судебно-экспертной деятельности;
- разработка методологических основ и технологической системы судебно-экспертной характеристики преступления, представляющей собой информационную матрицу, которая должна включать в себя: характеристику типичной исходной экспертно-криминалистической информации; систему данных о типичных видах (подвидах) судебных экспертиз и типичных (возможных) результатах их проведения; данные о методах и методиках экспертного исследования, а также о типичных алгоритмах принятия экспертных решений; информацию о типичных экспертных

ошибках и дефектах деятельности эксперта; данные о возможных типовых алгоритмах действий субъекта доказывания по оценке научной обоснованности экспертного заключения и пр. При этом отметим, что наиболее эффективная реализация указанных мер возможна при условии использования специализированного программного обеспечения, основанного на применении технологий искусственного интеллекта.

Таким образом, только применение системного подхода к оценке доказательств в целом и оценке достоверности судебно-экспертных исследований в частности искоренит сложившуюся среди правоприменителей практику, когда субъекты доказывания при оценке достоверности заключения судебного эксперта перестанут брать его на веру, а начнут реально оценивать его в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Реализация такого подхода возможна только путем разработки междисциплинарного научного направления — учения, базирующегося на положениях теории доказывания, криминалистических знаниях о доказательствах и понимании достоверности экспертных исследований как неотъемлемой составляющей общеметодологических основ судебной экспертологии. Предлагаемый методологический императив будет способствовать реализации единого научно-методического подхода при решении задач доказывания и позволит повысить эффективность использования института судебной экспертизы в уголовном процессе.

Сааков Т.А.

К вопросу об установлении пола автора по признакам письменной речи

Исследования письменной речи как источника информации о личности автора и его психологических особенностях, выраженных в тех или иных формах текста, проводятся на стыках ряда наук: истории, литературоведения, математики, психологии, криминалистики.

Впервые вопрос авторства был поставлен в криминалистическом направлении идентификации письма, основоположником которого традиционно считается Ганс Гросс. Австрийский ученый предлагал рассматривать не только форму письма в чистом виде, что по своей сути является объектом почерковедческой экспертизы, а так же и содержательную составляющую письменной речи.¹

В России первый случай проведения судебной экспертизы по установлению автора по признакам письменной речи зафиксирован в 1886 г.

¹ См.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 280.

Начальный и последующие этапы изучения в данной области подробно изложены в соответствующей литературе.¹

Безусловно, огромное практическое значение установление личности анонимного автора имеет для правоохранительных органов, которым фальсифицированные тексты криминогенного содержания, анонимные письма, предсмертные записки, самооговоры служат не только источником информации о личности подозреваемого или свидетеля, но также их психического состояния в момент совершения правонарушения. Полученные на основе изучения текстов данные могут сыграть существенную роль в проведении розыска преступников.

Автороведческая экспертиза традиционно решает различные задачи, как идентификационные, например, установление автора спорного текста, так и диагностические, которые связаны с индивидуально-личностными характеристиками автора, его эмоциональным и психическим состоянием в момент создания текста и другими.

Одной из диагностических задач в криминалистическом автороведении является установление пола автора текста. Необходимо отметить, что данная диагностическая задача успешно решается в рамках почерковедческой экспертизы. Однако в судебном почерковедении исследуется только форма письма, тем самым оставляя «за бортом» содержательную составляющую текста. Как известно, объектом почерковедческих исследований выступают рукописные тексты различного содержания. В конце XX века наблюдается резкий скачок в области технического прогресса, который характеризуется внедрением в повседневную практику новых технологий, которые позволяют отражать письменную речь автора на различных электронных носителях (тексты, образованные на знакосинтезирующих устройствах, размещенные в сети Интернет и т. д.).²

В связи с вышесказанным Назарова Т. В., Ростовская А. В. справедливо отмечают: «в условиях современной действительности тексты, выполненные от руки, не утратили актуальности только в образовательной сфере, являясь частью индивидуального процесса обучения, и лишь в незначительной степени сохраняются в рамках бытового общения».³ Таким образом, актуальность автороведческих диагностических исследований в условиях современной модернизации общества не вызывает никаких сомнений, в частности при решении задачи установления пола автора по признакам письменной речи.

¹ Комиссаров А. Ю. Криминалистическое исследование письменной речи: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1999. С. 9.

² См.: *Иноземцев В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2000. 304 с.

³ Назарова Т. В., Ростовская А. В. О методических разработках по производству автороведческих экспертиз нерукописных текстов // *Речевые информационные технологии.* 2011. С. 387–392.

Более того, как показывает анализ оперативно — розыскной и следственной практики, который был проведен в работе О. И. Шахтарина,¹ потребности в решении автороведческих задач на основе исследований письменной речи возникают по составам таких серьезных преступлений как убийство, похищение человека с целью вымогательств, похищение несовершеннолетних и другие. Например, Состав преступления ст. 126 УК РФ часто бывает сопряжен с составом ст. 163 УК РФ², данные преступления, как правило, характеризуются полным отсутствием данных о субъекте преступления, что весьма затрудняет ход расследования. В большинстве случаев субъектом является неизвестное лицо, которое вступает в переговоры посредством телефонной связи или оставления анонимных записок с определенными требованиями. Такие ситуации, безусловно, требует исследования данного текста. В рамках неидентификационных исследований, одной из задач, которую может решить эксперт-авторовед — это установление пола автора, на основе данных исследований следователь может сузить круг подозреваемых лиц до 50% процентов, что значительно ускоряет ход расследования.

Стоит отметить, что классификационная диагностика — это относительно новый вид судебной-автороведческой экспертизы — письменной речи. На сегодняшний день существует единственная монография, посвященная проблематике классификационных исследований в судебном автороведении,³ в которой были теоретически обоснованы общие методические принципы проведения автороведческой диагностики. Наряду с этим, справедливо отметить, что данная работа является первым опытом в рассмотрении вопроса классификационных автороведческих исследований.

В настоящее время работы по созданию и внедрению методик личностных черт автора документа ведутся отечественными учеными-криминалистами.

Позднее был проведен ряд исследований, посвященных данной проблематике, в частности исследования русской письменной речи, относящейся к бытовому стилю письма.⁴ По результатам этих исследо-

¹ Шахтарина О. И. Криминалистическая диагностика в аспекте розыска автора анонимного текста // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Экономические и юридические науки. 2012. № 2–2. С. 296–305.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Вул С. М. Общие положения методики решения вопросов о социально-биографических характеристиках автора документа // Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью: Тезисы респ. науч. Конф. К.: НИИСЭ, 1983. С. 147–149.

⁴ См.: Вул С. М. Исследование статистических структур письменной речи в целях разработки методики установления пола автора документа / С. М. Вул, Е. И. Горюшко // Роль судебной экспертизы в раскрытии и профилактике преступлений: тез. науч.-практ. конф. / под ред. В. М. Палий. Одесса: Одесская ЛНИСЭ, 1994. С. 84–86.

ваний был составлен основной и дополнительный список диагностических характеристик мужской и женской письменной речи. Авторами была доказана возможность диагностирования письменной речи по соответствующим качественным и количественным характеристикам, и на основе этих исследований был сформулирован вывод о том, что в письменной речи мужчин чаще встречаются прилагательные, чем у женщин, а так же, что для письменной речи мужчин наименее характерна эмоционально-экспрессивная окраска.

В наши дни существуют работы, посвященные проблематике по установлению пола автора текста в блогах.¹

Однако, по нашему мнению, существенной проблемой является то, что все вышеперечисленные исследования базируются на разных качественных и количественных методах исследования, иными словами отсутствует единая лингвистическая теория. На этой почве В. П. Белянин справедливо отмечает: «техника анализа текста не разработана в такой степени, чтобы предоставить четкий алгоритм выявления дополнительной информации и информации о личности автора текста, в частности».²

Вместе с тем, на сегодняшний день в распоряжении эксперта-автооведа отсутствует типовая методика дифференциации половой принадлежности автора документа. Таким образом, при решении вопроса об установлении автора текста экспертами могут быть применены различные методы исследования, которые могут быть весьма противоречивы, а порой взаимоисключающими.

Более того, речь как устная, так и письменная по своей сути «подвижна» для нее характерны свои особенности в зависимости от определенного временного интервала. С момента появления первых работ по диагностике пола автора текста прошло больше половины века, их данные базировались на исследовании текстов, которые формировались в условиях отличных от нынешних.

В различные этапы становления общества (традиционный, индустриальный, постиндустриальный) у людей формируются свои психофизиологические особенности, характерные для данного периода развития. Как справедливо отмечает Е. П. Ильин: «Однако времена меняются, а вместе с ними нравы и ценности»³. Исследователи отмечают, что за последние 20 лет склонность к организаторским способностям

¹ См.: Дроздов Т. Н. Диагностические и классификационные задачи в автороведческой экспертизе блогов // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2 (15). С. 394–404.

² Белянин В. П. Психолингвистический анализ текста в целях идентификации личности // сб. науч. тр. конф. с междунар. участием. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2010. С. 67.

³ Ильин Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003. С. 119.

стала проявляться у женщин намного чаще, чем прежде и, возможно, меньше у мужчин.

Все вышесказанное, несомненно, оказывает влияние на письменную речь автора и ставит под сомнение возможность применения в современной экспертной практике научных трудов, связанных с решением диагностических задач, разработанных более полувека назад.

Анализ вышеперечисленного обуславливает несколько причин, порождающих в настоящее время проблему диагностики пола автора текста.

Во-первых, с каждым годом возрастает потребность в неидентификационных диагностических исследованиях, а эмпирический и теоретический материал для решения данной проблематики мал и противоречив, многие из трудов потеряли свою актуальность в связи с тем, что исследования проводились более чем полвека назад.

Во-вторых, на сегодняшний день в судебно-экспертной практике отсутствует апробированная методика по дифференциации половой принадлежности автора текста, что порождает противоречивость, а зачастую необоснованность в выводах экспертов.

По нашему мнению, требуется углубленное изучение теоретического и эмпирического материала по данной проблематике, последующий анализ и разработка научно обоснованной судебно-экспертной методики по дифференциации половой принадлежности автора текста, которая будет внедрена и апробирована в судебно-экспертной практике.

Савельев К. А.

Проблемы обеспечения достоверности результатов познавательной деятельности следователя

Необходимым условием правомерности уголовного преследования и вынесения обвинительного приговора по уголовному делу является правильное установление обстоятельств уголовного дела. Этому служит целый ряд предусмотренных уголовно-процессуальным законом средств, составляющих в своей совокупности процессуальную форму, которая в наибольшей степени обеспечивает достижение истины. Соответствие цели доказывания и средств ее достижения является безусловным требованием осуществления правосудия. Между тем, в последние годы обострились имеющие давнюю историю споры о природе истины по уголовному делу и объеме ее установления. От решения данного вопроса зависят и требования к достоверности доказательств.

Сторонники вероятностной истины обращали внимание на несовершенство способов человеческого познания, исключающих возможность точного установления фактов преступления. Как отмечал в 1913 году профессор В. К. Случевский «О полной несомненности не

может быть и речи в области судебного исследования, и в делах судебных судья вынужден, по несовершенству средств человеческого правосудия, удовлетворяться по необходимости более или менее высокой степенью вероятности»¹. С практической точки зрения, предлагалось считать истинными все выводы суда, полученные без существенного нарушения закона — даже если они противоречили действительным обстоятельствам дела.

Связанный с признанием вероятностного характера истины как результатов доказывания отказ от выяснения соответствия выводов органов уголовного судопроизводства фактическим обстоятельствам дела не мог не сказаться на требованиях к гарантиям достоверности результатов познавательной деятельности следователя.

Показательной является предусмотренная п. 1.1. ст. 170 УПК РФ возможность замены понятых при производстве ряда следственных действий использованием технических средств фиксации их хода и результатов. Смысл участия понятых — возможность на основании их показаний выяснить наличие нарушений и злоупотреблений следователя в следственных действиях. Вряд ли можно предположить, что следователь при помощи видеосъемки будет фиксировать свои собственные нарушения. Поэтому появление в уголовно-процессуальном законоп. 1.1. ст. 170 УПК РФ резко снизило достоверность результатов проведенных в этом порядке следственных действий.

Не менее отрицательно сказывается на достоверности результатов деятельности следователя и трудности признания доказательств недопустимыми. В настоящее время признание доказательств недопустимыми на стадии предварительного расследования осуществляется дознавателем и следователем (ч. 2 ст. 88 УПК РФ). Такое решение вопроса представляется ошибочным — оценка законности действий по собиранию доказательств возлагается на тех же лиц, которые допустили нарушение. Более того, в отдельных случаях речь идет о нарушениях, имеющих преступный характер (ст. 286, 299–303 УК РФ) — признание своих нарушений следователем в этих случаях равносильно явке с повинной. Не случайно факты признания доказательств недопустимыми весьма редки. В результате остаются без последствий дефекты познавательной деятельности, исключающие достоверность ее результатов.

Положение усугубляется и получившей практическое распространение концепцией «значительности нарушения» как основания признания доказательств недопустимыми. В рамках этой теории предполагается признание недопустимыми только таких доказательств, которые повлияли или могли повлиять на результаты доказывания. С этим согласиться нельзя — установление связи между нарушением и результатом

¹ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II. Судопроизводство. М. 2008. С. 108–109.

доказательственной деятельности всегда носит предположительный характер и зависит исключительно от усмотрения следователя, который к тому же не заинтересован в установлении такой связи. Поэтому более правильно связывать недопустимость доказательства не с влиянием нарушения на установление истины, а со значением нарушенной нормы закона. Только в этом случае институт недопустимости доказательств способен стать эффективным средством обеспечения достоверности результатов познавательной деятельности следователя.

Эффективность средств достоверности доказательств может быть обеспечена только при признании необходимости достижения объективной истины по уголовному делу. Не случайно большое количество известных дореволюционных ученых-процессуалистов (И. Я. Фойницкий, С. В. Познышев, К. К. Арсеньев, А. Квачевский, А. Ф. Кистяковский, В. К. Случевский, В. А. Рязановский, И. Г. Щегловитов) считали необходимым установление объективной (материальной истины), отмечая как принципиальную возможность выяснения юридически-значимых обстоятельств дела, так и недопустимость осуждения лица на основании фактов, неполноценно установленных судом. Эта позиция представляется наиболее соответствующей состязательному началу судопроизводства и принципу обеспечения прав обвиняемого. Даже самая высокая вероятность виновности включает в себя некоторую долю вероятности невинности. Признание возможности осуждения на основании вероятных выводов означает ограничение доказывания — вместо полноценного установления всех обстоятельств дела, следователь и суд останавливаются по достижении удобного для них рубежа «вероятностной» истины.

Требование установления объективной истины имело важное гуманистическое значение, так как исключало возможность применение суровых мер уголовной репрессии при отсутствии к этому фактических оснований. Однако вместе с прогрессивным принципом объективной истины в УПК имелись нормы, которые нивелировали его действие. В системе состязательного судопроизводства недостижение объективной истины означает недоказанность обвинения и влечет за собой постановление оправдательного приговора. В противоположность этому, УПК РСФСР предусматривал в случае неполноты дознания и предварительного следствия возвращение уголовного дела на дополнительное расследование. Тем самым обвинению предоставлялась дополнительная возможность исправить свои ошибки в доказывании. Количество таких возвратов дела законом не ограничивалась; тем самым закреплялось противоречащее состязательности «бесконечное обвинение». Вынесение оправдательных приговоров в связи с недоказанностью обвинения ограничивалось, так как альтернативой этому стало возвращение дела на дополнительное расследование. Нормы о возможности возвращения уголовного дела прокурору, в том числе с неограниченной возмож-

ностью последующего производства следственных и процессуальных действий, предусмотрена и действующим УПК РФ (ст. 237).

Такое положение привело к тому, что некоторыми авторами принцип объективной истины стал рассматриваться как инквизиционный. Согласиться с этим нельзя. Принцип объективной истины не предусматривает требования ее достижения любой ценой. Как условие вынесения обвинительного приговора, материальная истина должна быть достигнута в предусмотренные законом сроки судебного разбирательства. Если же сделать этого не удалось — должен быть вынесен оправдательный приговор. Инквизиционный характер имеет не принцип объективной истины, а институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование.

Следует отметить, что принцип объективной истины хорошо сочетается с системой состязательных принципов правосудия. Он является гарантией презумпции невиновности, которая закрепляет бремя доказывания обвинения и необходимость доказанности обвинения.

Несмотря на важное значение, принцип объективной истины не был включен законодателем в перечень принципов действующего УПК РФ. Тем не менее, закон сохранил ряд относящихся к нему положений: ч. 4 ст. 302 УПК РФ устанавливает, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Предусмотрен также перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу (ст. 73 УПК РФ). Их анализ позволяет сделать вывод о том, что выполнение этих требований закона ведет к установлению объективной истины.

Препятствием к обеспечению достоверности результатов познавательной деятельности следователя и установлению объективной истины является отнесение следователя и дознавателя к стороне обвинения (гл. 6 УПК РФ). Неся ответственность только за обвинение, следователь не заинтересован в выяснении обстоятельств, которые его опровергают. Сложно требовать от него и выяснения объективной истины — положительным результатом расследования для него является составление обвинительного заключения, а не выяснение действительных обстоятельств дела. Такая односторонность следственной деятельности может быть исправлена только изменением ее процессуального статуса.

Осознавая проблему обвинительного уклона, авторы Устава уголовного судопроизводства сделали предназначением следователя приведение в известность как обстоятельств, уличающих обвиняемого, так и обстоятельств, его оправдывающих (ст. 265 УУС). В этих целях статус судебного следователя приравнивался к членам окружного суда; они назначались в том же порядке, пользовались привилегиями судей и были несменяемы. В отношении судебного следователя полномочия

прокурора хотя и были широки, но ограничивались законом. Так, прокуроры были вправе присутствовать во всех следственных действиях, но не могли их останавливать (ст. 280 УСС); могли давать судебному следователю указания об исследовании преступлений и собирании доказательств, но следователь отмечал в протоколе о действиях, выполненных им по такому поручению (ст. 281 УСС) и мог обнаружить препятствия к исполнению поручения. Прокурор имел право предложить следователю задержать обвиняемого, но следователь мог не исполнять его и представлять о том суду (ст. 285 УСС). Таким образом, взаимоотношения следователя и прокурора носили сбалансированный характер.

Хотя исключение следователя из числа субъектов процесса со стороны обвинения, а также наделение его реальной процессуальной самостоятельностью, и не являются панацеей — эти меры способны улучшить положение с обеспечением достоверности результатов доказательственной деятельности органов предварительного расследования.

Савицкий А. А., Колотов С. М.

Актуальные вопросы современной классификации судебных экономических экспертиз

В современных условиях в связи с развитием финансово-экономической сферы России возрастает объем споров по экономическим вопросам между хозяйствующими субъектами. Причем имеет место увеличение не только количества, но и разнообразия спорных вопросов, рассматриваемых в судебном порядке. Для вынесения обоснованного и объективного решения по экономическим делам первостепенным является исследование информации о финансово-хозяйственных операциях, отраженной в документах бухгалтерского учета и бухгалтерской (финансовой) отчетности. Такая информация может быть получена при проведении судебной экономической экспертизы. Судебные экономические экспертизы являются одним из наиболее распространенных классов судебных экспертиз в современных процессуальных действиях (в том числе в уголовном, арбитражном и гражданском процессах).

Практические основы судебной экономической экспертизы находятся в непосредственной зависимости от современного экономического курса страны и особенностей организации бизнес-процессов, поэтому данный класс судебных экспертиз характеризуется динамичным развитием или даже трансформацией. Наиболее ярко трансформация судебной экономической экспертизы наблюдалась в период перехода от командно-административной к рыночной экономике: если до 1991 г. в рамках судебной экономической экспертизы рассматривались в большей степени вопросы сохранности имущества, целевого расходования бюджетных средств и т. п., то

после 1991 г., в связи с развитием финансово-экономической сферы, судебная экономическая экспертиза характеризуется широким спектром проводимых исследований, затрагивающим операции с ценными бумагами, финансово-кредитные операции, анализ финансового состояния предприятия и многие другие.

В настоящее время в области судебно-экономических экспертиз существует целый ряд проблемных вопросов, к которым можно отнести несогласованность методического аппарата, отсутствие единых методик и пр. Однако причиной практических проблем можно считать недостаточную нормативную и понятийную регламентацию судебных экономических экспертиз. В частности, отсутствие понятийного аппарата, а также отсутствие единой классификации судебных экономических экспертиз.

В рамках настоящей статьи предлагаются следующие авторские понятия:

Судебно-экономическая экспертиза представляет собой процессуальное действие, проводимое в установленном законом порядке, основывающееся на специализированном исследовании экономической деятельности организации на основании финансово-хозяйственной документации, которое осуществляется с использованием специальных знаний в области экономической науки с целью выявления фактических данных о совершении хозяйственных операций.

Целью судебных экономических экспертиз является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении фактических данных об экономических операциях, их финансовых результатах и о финансово-экономическом положении экономического субъекта, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области экономики, финансов, бухгалтерского учета др.

Наиболее значимой проблемой судебной экономической экспертизы, которая решается в рамках настоящей статьи является отсутствие единой классификации.

Современная теория судебной экономической экспертизы допускает различные классификации ее родов, о чем указывается в соответствующей научной и методической литературе¹. Каждый из родов экономических экспертиз подразделяется на виды в зависимости от характера исследуемой экономической информации. Виды экономических экспертиз в свою очередь подразделяются на подвиды в зависимости

¹ *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2009; *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М.* Теория судебной экспертизы. М.: Норма, 2009; *Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России.* Под ред. Т. П. Москвиной. М.: РФЦСЭ МЮ РФ, 2004; и др.

от специфики исследуемых объектов¹. Однако единая классификация судебных экономических экспертиз в настоящее время отсутствует. В практической деятельности наиболее часто применяются классификации, регламентированные локальными нормативными актами МВД РФ и Минюста РФ. Согласно Приказу Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» экономические экспертизы подразделяются на судебную бухгалтерскую и финансово-экономическую экспертизы. Бухгалтерская экспертиза представляет собой исследование записей бухгалтерского учета с целью установления наличия или отсутствия в них искаженных данных. Финансово-экономическая экспертиза представляет собой исследование показателей финансового состояния и финансово-экономической деятельности хозяйствующего субъекта.

Рассматривая представленные классификации можно отметить, что классификация судебных экономических экспертиз, предусмотренная Приказом Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 не отличается разнообразием. Однако наличие двух родов экономических экспертиз позволяет достаточно четко отнести назначенную экспертизу к тому или иному роду. Так, если перед экспертом поставлены вопросы исследования записей бухгалтерского учета с целью установления наличия или отсутствия в них искаженных данных, то такую экспертизу можно однозначно классифицировать как судебно-бухгалтерскую. Все остальные вопросы (в той или иной степени связанные с исследованием показателей финансового состояния и финансово-экономической деятельности хозяйствующего субъекта) относятся к финансово-экономической экспертизе.

Что касается классификации судебных экономических экспертиз согласно Приказу МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511, то в ней актуализированы наиболее значимые роды судебной экономической экспертизы. Данная классификация включает в себя бухгалтерскую (исследование содержания записей бухгалтерского учета), налоговую (исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов), финансово-аналитическую (исследование финансового состояния) и финансово-кредитную экспертизы (исследование соблюдения принципов кредитования). Таким образом, указанная классификация всецело ориентирована на расследование экономических преступлений (по

¹ Более подробно см.: *Росинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2009.

ст.ст. 196, 197, 199 УК РФ и пр.). Данные роды экспертиз на практике встречаются довольно часто, однако, судебная экономическая экспертиза, как и экономика, характеризуется динамичным развитием и в настоящее время можно отметить целый ряд актуальных экспертных вопросов, которые нельзя отнести ни к одному из представленных родов. К таким экспертизам можно отнести исследования по вопросам, связанным с операциями с ценными бумагами (в том числе обращающимися на открытом рынке), вопросы, связанные с лизинговыми операциями, с операциями факторинга, вопросы внешнеэкономической деятельности и другие.

Если согласно классификации, предусмотренной Приказом Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 вышеуказанные вопросы относятся к финансово-экономической экспертизе, то согласно классификации, представленной в Приказе МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 место подобных исследований не определено.

Поэтому необходимо предусмотреть единую классификацию судебных экономических экспертиз, которая может быть основана на единых принципах и подходах. За основу целесообразно принять Приказ Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. № 237, детализировав роды судебной экономической экспертизы на виды и подвиды.

В каждой из указанных классификаций в отдельный род выделяется бухгалтерская экспертиза в связи с тем, что все экономические исследования осуществляются на основе данных бухгалтерского учета. Поэтому в разработанной авторами классификации судебная бухгалтерская экспертиза выделена также в отдельный род. Согласно Приказу Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» бухгалтерская экспертиза представляет собой исследование записей бухгалтерского учета с целью установления наличия или отсутствия в них искаженных данных. Относительно представленного определения судебной бухгалтерской экспертизы на основании анализа практического опыта экспертной деятельности авторов можно отметить, что вопросы наличия или отсутствия искаженных данных встречаются в экспертной практике не часто (не более 5%), поэтому считать указанное определение в полной мере отражающим действительное состояние судебной бухгалтерской экспертизы не представляется возможным. Согласно Приложению № 2 «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» к приказу МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511

«Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» бухгалтерская экспертиза представляет собой исследование содержания записей бухгалтерского учета, что наиболее полно отражает сущность судебной бухгалтерской экспертизы. В рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть дальнейшую детализацию рода судебной бухгалтерской экспертизы по видам и подвидам. Оптимальным вариантом классификации рода судебно-бухгалтерской экспертизы по видам можно считать классификацию по особенностям учета в различных сферах экономической деятельности. Необходимость подобной детализации обоснована наличием существенных особенностей организации и ведения бухгалтерского учета в различных сферах экономической деятельности. Бухгалтерский учет в коммерческих предприятиях (организациях) регламентирован Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (с изменениями и дополнениями); учет в банках определен Положением Банка России от 16 июля 2012 г. № 385-П «О правилах ведения бухгалтерского учета в кредитных организациях, расположенных на территории Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями); учет в бюджетных организациях регламентирован Приказом Министерства Финансов Российской Федерации от 1 декабря 2010 г. № 157н «Об утверждении единого плана счетов бухгалтерского учета для органов государственной власти (государственных органов), органов местного самоуправления, органов управления государственными внебюджетными фондами, государственных академий наук, государственных (муниципальных) учреждений и инструкции по его применению». Также существенные особенности учета характерны для страховых организаций, в основе которых лежит Приказ Министерства Финансов Российской Федерации от 4 сентября 2001 г. № 69н «Об особенностях применения страховыми организациями плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и инструкции по его применению». Таким образом, для ответа на вопросы и проведения судебной бухгалтерской экспертизы по отдельным вопросам необходимо наличие специальных знаний в области коммерческого, банковского, бюджетного, страхового и других категорий бухгалтерского учета (управленческий учет, международные стандарты учета и финансовой отчетности). Как показывает практика, большинство экспертов-бухгалтеров специализируется на каком-либо одном виде бухгалтерского учета, не имея опыта работы в остальных. Следовательно, для обеспечения соответствия поставленных перед экспертом вопросов и специальных бухгалтерских знаний, необходимых для ответа на них целесообразно регламентировать соответствующие роды судебной бухгалтерской экспертизы. Подводя итог вышеизложенному, род судебной бухгалтерской экспертизы целесообразно классифицировать на следующие виды:

- судебно-бухгалтерская экспертиза данных учета коммерческих предприятий (организаций);
- судебно-бухгалтерская экспертиза данных учета банков;
- судебно-бухгалтерская экспертиза данных бюджетного учета;
- судебно-бухгалтерская экспертиза данных учета страховых организаций.
- судебно-бухгалтерская экспертиза, отражаемая в других категориях бухгалтерского учета (управленческий учет, международные стандарты учета и финансовой отчетности (IFRS, GAAP) и прочее).

С другой стороны, с учетом организации учетного процесса судебно-бухгалтерскую экспертизу можно в рамках вышеуказанных видов можно подразделить на подвиды в зависимости от объекта учета:

- экспертиза учета основных средств;
- экспертиза учета товарно-материальных ценностей;
- экспертиза формирования себестоимости;
- экспертиза учета операций с денежными средствами;
- экспертизы учета расчетов с персоналом по оплате труда;
- экспертиза учета формирования капитала предприятия;
- экспертиза расчетов с покупателями и заказчиками;
- экспертиза расчетов с поставщиками и подрядчиками;
- экспертиза формирования прибыли (убытка) от основной деятельности;
- экспертиза формирования прибыли (убытка) от прочей деятельности;
- и так далее в соответствии с Планом счетов бухгалтерского учета.

Вторым родом судебной экономической экспертизы целесообразно определить финансово-экономическую экспертизу.

Судебная финансово-экономическая экспертиза представляет собой процессуальное действие, проводимое в установленном законом порядке, основывающееся на специализированном исследовании финансово-экономических операций, на основании документации финансово-хозяйственной деятельности, осуществляемом с использованием специальных познаний в области экономики, финансов, с целью выявления фактических данных о финансово-хозяйственной деятельности организации.

Целью судебных экономических экспертиз является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении фактических данных об экономических операциях, их финансовых результатах и о финансово-экономическом положении экономического субъекта, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области экономики, финансов, бухгалтерского учета и др.

Исходя из вышеизложенного, род судебной финансово-экономической экспертизы можно подразделить на следующие виды (с учетом Приказа МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511):

- финансово-аналитическую (исследование финансового состояния и влияния на него отдельных операций);
- финансово-кредитную (исследование соблюдения принципов кредитования);
- налоговую (исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов);
- экспертизу операций с ценными бумагами (в том числе обращающимися на открытом рынке);
- экспертиза специальных операций (лизинг, факторинг и прочее);
- оценочную экспертизу;
- и другие.

Далее представлена общая характеристика указанных видов судебных финансово-экономических экспертиз.

1. В рамках судебной экономической экспертизы по различным вопросам необходимо проведение финансового анализа, который необходим при рассмотрении преднамеренных и фиктивных банкротств, а также неправомерных действий при банкротстве. В связи с тем, что обязательной экономической составляющей банкротства является утрата платежеспособности, в ходе финансово-аналитической экспертизы разрешаются вопросы, связанные именно с этим элементом финансового состояния хозяйствующего субъекта. Наиболее распространены финансово-аналитические (финансово-экономические) экспертизы, разрешающие вопросы по установлению динамики платежеспособности предприятий реального сектора экономики и влиянию конкурентных финансово-хозяйственных операций на данную динамику. Финансово-аналитическая (финансово-экономическая) экспертиза предполагает наличие многообразных методик, в том числе по исследованию вопросов, касающихся банкротства. Однако сертифицированных методик финансово-аналитической экспертизы по вопросам банкротства в настоящее время нет. В то же время при производстве судебной финансово-экономической экспертизы по вопросам, связанным с банкротством, могут быть использованы методики, опубликованные ведущими учеными-экономистами. Несмотря на то, что данные методики базируются на общепринятых экономических принципах и подходах, они могут иметь существенные расхождения, связанные с различными научными взглядами отдельных ученых, отраслевой спецификой финансовых показателей, различной степенью адаптации зарубежных методик к российской экономике и др. Поэтому в отсутствие единой сертифицированной методики по одним и тем же вопросам возможно получение различных выводов.

2. Судебная финансово-кредитная экспертиза. Причинами появления и развития судебной финансово-кредитной экспертизы можно считать следующие:

- развитие банковской сферы,
- интеграция российского банковского сектора в международную банковскую сферу,
- развитие отрасли кредитования, в рамках которой произошло резкое увеличение «предложения» на финансово-кредитном рынке.

При производстве судебных экономических экспертиз по делам, связанным со спорами в кредитно-финансовой сфере можно установить следующий круг обстоятельств, подлежащих доказыванию:

- необоснованность предоставления кредитных средств;
- невозврат кредита;
- нецелевое использование заемных средств;
- несоблюдение принципов кредитования при получении и использовании ссуд;
- представление заемщиком недостоверной экономической информации, характеризующей его финансовое состояние и имущественное положение путем внесения искажений в данные учета и отчетности;
- мошеннические действия при получении банковского кредита.

Предметом судебной финансово-экономической экспертизы кредитных операций является установление фактических обстоятельств получения и использования кредитных средств хозяйствующим субъектом.

3. Судебная налоговая экспертиза представляет собой процессуальное действие, проводимое в установленном законом порядке, основывающееся на специализированном исследовании вопросов налогообложения, на основании документации финансово-хозяйственной деятельности, осуществляемое с использованием специальных познаний в области налогообложения с целью выявления фактических данных о полноте и своевременности уплаты налогов и сборов в бюджеты всех уровней.

Судебная налоговая экспертиза решает следующие задачи:

- исследование полноты и своевременности расчетов по налогу на прибыль организаций;
- исследование полноты и своевременности расчетов по налогу на добавленную стоимость;
- исследование полноты и своевременности расчетов по налогу на имущество организаций;
- исследование полноты и своевременности расчетов по налогу на доходы физических лиц;
- исследование полноты и своевременности расчетов по страховым начислениям;
- и другие.

4. Судебная экспертиза операций с ценными бумагами представляет собой процессуальное действие, проводимое в установленном законом порядке, основывающееся на специализированном исследовании операций с ценными бумагами (в частности с акциями, облигациями, векселями), на основании подтверждающей документации и первичных учетных документов и сводных учетных регистров, осуществляемое с использованием специальных познаний в области рынка ценных бумаг и бухгалтерского учета, с целью выявления фактических данных об операциях с ценными бумагами.

Экспертиза операций с ценными бумагами решает следующие основные задачи:

- исследование операций с векселями;
- исследование операций с акциями (в том числе обращающимися на открытом рынке);
- исследование операций с облигациями;
- исследование операций с чеками;
- и другие.

5. В настоящее время в судопроизводстве регулярно назначаются судебные экспертизы по определению рыночной стоимости тех или иных активов (недвижимого имущества, транспортных средств, объектов интеллектуальной собственности, финансовых вложений, предприятия (бизнеса)). Подобные судебные экспертизы, как правило, именуется как судебные оценочные экспертизы, несмотря на то, что понятие «судебная оценочная экспертиза» не регламентировано законодательно. В данном случае необходимо отметить существенную экспертную проблему: одна из самых востребованных экспертиз не имеет никакой нормативно-правовой регламентации. Не определены понятийный аппарат, классификация, а также практические особенности судебной оценочной экспертизы. В рамках настоящей главы рассмотрены теоретические основы и практические особенности судебной оценочной экспертизы, а также проведен сравнительный анализ оценочной деятельности и судебной оценочной экспертизы.

Современные потребности в использовании специальных знаний в судебном процессе вносят соответствующие коррективы в классификацию судебных экспертиз. Так вопросы оценки рыночной стоимости тех или иных активов регулярно выносятся на рассмотрение судебной экспертизы. В то же время место таких экспертиз в современной классификации судебных экспертиз четко не определено. В настоящее время остается открытым вопрос: к какому из родов (и даже классов) судебных экспертиз следует отнести вопросы определения стоимости. Вопросы определения рыночной стоимости активов представлены в Приказе Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. Согласно Приказу Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 автотехническая экспертиза включает в себя «Исследование транспортных средств в целях определения стоимости

восстановительного ремонта и оценки»; строительно-техническая экспертиза включает в себя «Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью проведения их оценки»; товароведческая экспертиза предусматривает «Исследование промышленных (непродовольственных) и продовольственных товаров, в том числе с целью проведения их оценки». Однако целью подобных экспертиз является определение рыночной стоимости указанных активов (не ясно, почему в существующих классификациях не представлена экспертиза определения рыночной стоимости предприятия (бизнеса)). В то же время необходимо учитывать, что рыночная стоимость — это экономическое понятие, поэтому оценочные экспертизы целесообразно отнести к виду судебных финансово-экономических экспертиз.

Таким образом, в рамках перспективных научно-практических исследований в вопросах оценочной экспертизы можно выделить следующие:

- обеспечить судебную экономическую экспертизу единообразной классификацией, единой для всех экспертов, отвечающей современным экономическим реалиям;
- определить место судебной оценочной экспертизы в общей классификации судебных экспертиз с учетом современных особенностей, а также унифицировать понятийный аппарат судебной экономической экспертизы.

В современных экономических условиях любая хозяйственная операция представляет собой симбиоз финансов, учета и других экономических явлений. Это обуславливает взаимосвязь судебно-бухгалтерской и судебной финансово-экономической экспертиз, поэтому грань между рассмотренными родами (видами) судебных экономических экспертиз является весьма условной, поскольку для проведения исследования по тем или иным вопросам эксперты-экономисты нередко используют единые (одни и те же) элементы исследования.

Савченко О. А.

Криминалистически значимые признаки способа совершения мошенничества в сфере компьютерной информации

Р. С. Белкин внес значительный вклад в развитие содержания понятия криминалистической характеристики преступления¹. Среди

¹ Белкин Р. С. Избранные труды / Рафаил Самуилович Белкин. М.: Норма, 2016. С. 762.

элементов криминалистической характеристики преступлений обязательным элементом является способ преступления.

Именно способ преступления отличает мошенничество в сфере компьютерной информации от иных видов хищений чужого имущества и является основанием отнесения данного преступления к виду хищений, совершаемых с использованием информационных технологий.

Способ мошенничества в сфере компьютерной информации имеет ряд отличительных признаков, выявление и описание которых имеет значение для формирования криминалистической характеристики указанного преступления.

Мошенничество в сфере компьютерной информации представляет собой самостоятельное преступление, уголовная ответственность за совершение которого предусмотрена статьей 159.6 УК РФ.

На основании результатов проведенного исследования установлено, что способ мошенничества в сфере компьютерной информации характеризуется использованием информационных технологий и совершением действий в сфере компьютерной информации (см. Таблицу 1).

Действия, составляющие способ мошенничества в сфере компьютерной информации, указаны в части 1 статьи 159.6 УК РФ: ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей¹. Указанные действия могут быть совершены отдельно, или одновременно могут быть совершены несколько действий, например, ввод, копирование и модификация компьютерной информации.

Действия в сфере компьютерной информации и использование информационных технологий могут сопровождаться *обманом*. Обман не является способом мошенничества в сфере компьютерной информации. Тем не менее, путем обмана совершаются такие хищения в сфере информационных технологий как создание Интернет-пирамид, Интернет-аукционов, а также хищения чужого имущества в результате неисполнения обязательств по договору купли-продажи или предоставления услуги в сети Интернет. Так, в результате проведенного исследования установлено, что способом обмана совершены 10% преступлений указанного вида от общего числа мошенничеств в сфере компьютерной информации.

Обман как способ мошенничества обязательно характеризуется непосредственным взаимодействием преступника и потерпевшего. В случаях, когда преступник устанавливает дистанционный контакт с потерпевшим посредством информационных технологий, действия,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

составляющие способ хищения в сфере информационных технологий, также могут сопровождаться обманом. Например, при создании Интернет-пирамид преступник устанавливает дистанционный контакт с неограниченным количеством пользователей сети Интернет.

Таблица 1

Способы мошенничества в сфере компьютерной информации*

№	Способ мошенничества в сфере компьютерной информации	Про- центы
<i>Количество мошенничеств в сфере компьютерной информации от общего числа хищений в сфере информационных технологий</i>		35,3%
1.	<i>Мошенничество в сфере компьютерной информации совершено в виде действия**</i>	
	установление дистанционного контакта	5%
	ввод компьютерной информации	27%
	блокирование компьютерной информации	3%
	создание компьютерной информации	6%
	копирование компьютерной информации	17%
	модификация компьютерной информации	17%
	удаление компьютерной информации	5%
	передача компьютерной информации	15%
	иное вмешательство в функционирование средств обработки информации	5%
2.	<i>Мошенничество в сфере компьютерной информации совершено с использованием информационных технологий</i>	
	компьютерная программа	18%
	вредоносная компьютерная программа	24%
	приложение для мобильных устройств	2%
	служба, сервис, автоматизированная система	20%
	подложный электронный документ	12%
	средства доступа к компьютерной информации	20%
	технические устройства обработки компьютерной информации	4%

* В таблице представлены результаты исследования 250 приговоров, вынесенных судами первой инстанции в 19 субъектах РФ по уголовным делам о хищениях с использованием информационных технологий за период с 2012 по 2017 год.

** Проценты рассчитаны исходя из того, что в процессе реализации способа мошенничества в сфере компьютерной информации могут быть совершены несколько действий одновременно.

Согласно результатам проведенного исследования, чаще всего мошенничество в сфере компьютерной информации совершается путем

ввода компьютерной информации, копирования компьютерной информации и модификации компьютерной информации (см. Таблицу 1).

Следует различать понятия ввода компьютерной информации и внесения сведений заведомо ложного характера в форме компьютерной информации. Первый способ представляет собой ввод не модифицированной компьютерной информации, тогда как ввод заведомо ложных сведений, представленных в форме компьютерной информации, например, в электронный платежный документ, может являться составной частью способа мошенничества в сфере компьютерной информации путем обмана или хищения с использованием подложного электронного документа.

К *информационным технологиям*, используемым в качестве средства совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, относятся программные продукты и объекты в форме компьютерной информации. Технические устройства, как правило, не являются основным средством совершения мошенничества в сфере компьютерной информации и, как правило, используются при совершении кражи, например, с помощью скиммингового оборудования.

Чаще всего, в целях хищения используются: вредоносные компьютерные программы (24%), автоматизированные системы (20%), средства доступа к компьютерной информации (20%), лицензионное программное обеспечение (18%) и подложные электронные документы (12%).

Основываясь на изложенном, следует различать следующие группы криминалистически значимых признаков, характеризующих способ мошенничества в сфере компьютерной информации как вида хищения в сфере информационных технологий: 1) признаки, характеризующие информационно-техническую составляющую способа хищения (использование информационных технологий, совершение действий в сфере компьютерной информации); 2) признаки, характеризующие оборудование и иные средства преступления, используемые в процессе реализации способа хищения в сфере информационных технологий.

К первой группе признаков относятся: 1) использование в процессе реализации способа мошенничества информационных технологий в качестве оборудования и иных средств совершения преступления (технические устройства и программные продукты); 2) совершение действий в сфере компьютерной информации, сфере информационных технологий (ввод, копирование, модификация, создание, удаление, передача, перехват компьютерной информации и др.)

Ко второй группе признаков относятся признаки, характеризующие оборудование и иные средства совершения хищения (поддельные документы, банковские карты и др.), используемые в процессе реализации способа мошенничества наряду с информационными технологиями.

Самищенко С. С., Самищенко А. С.

Дактилоскопические формулы — новое направление в исследовании папиллярных узоров человека

Профессор Рафаил Самуилович Белкин, несомненно, обладал даром научного предвидения. Благодаря этому получили развитие многие новые направления в криминалистике и смежных науках. Так произошло и с современной дактилоскопией, в которой он обозначил необходимость научного осмысления тенденций ее развития. Этот момент стал отправной точкой наших исследований дактилоскопических формул человека.

Папиллярные узоры человека объект научных и практических исследований в криминалистике, судебной экспертизе и некоторых областях биологии и медицины. Особый интерес представляют узоры концевых фаланг пальцев рук, так как эти области узоров несут наибольшую тактильную нагрузку при выполнении тонких видов работ, в которых участие высших отделов коры головного мозга человека максимальное. С учетом теории совместного происхождения и совместного развития некоторых высших отделов коры головного мозга и его тактильного периферического органа — комплекса нервных окончаний, заложенных в разнообразных по форме папиллярных узорах, можно обоснованно предполагать, что папиллярные узоры, в определенной мере, маркируют особенности высших отделов центральной нервной системы, особенно ее коры.

Исследование истории развития систем дактилоскопической регистрации показало, что термин формула, применительно к оценке распределения папиллярных узоров на концевых фалангах пальцев рук человека использовался практически с конца XIX века, впервые он появился в работах Ф. Гальтона и Х. Вучетича¹.

В настоящее время дактилоскопическими формулами называют различные по форме варианты буквенного, цифрового и смешанного кода комбинаций папиллярных узоров на концевых фалангах пальцев рук, в то время как при идентификационном, диагностическом и прогностическом исследовании папиллярных узоров человека дактилоскопической формулой, по нашему мнению, следует называть непосредственно саму комбинацию папиллярных узоров, а многочисленные варианты ее кодирования буквами, цифрами, компьютерными знаками так и следует называть формы кодирования.

В связи со сказанным выше нами предложено сместить понятие дактилоскопической формулы с вариантов кодирования на сам объект кодирования, соответственно определение дактилоскопической формулы будет следующим: «Дактилоскопическая формула человека —

¹ Звягин В. Н. Дерматоглифика: энциклопедический словарь / В. Н. Звягин, В. А. Ракитин. Пермь: Пресстайм, 2012. С. 270, 272.

это комбинация папиллярных узоров на ладонной стороне концевых фаланг десяти пальцев, маркирующая свойства человека, которая может быть использована для идентификационных, диагностических и прогностических целей в криминалистике и смежных областях знаний»¹. Дактилоскопическую формулу можно кодировать различными способами от простого словесного описания до сложного буквенно-цифрового многоуровневого обозначения.

Дактилоскопическая формула принципиально отличается от такой характеристики папиллярных узоров концевых фаланг пальцев рук как дельтовый индекс. Дельтовый индекс характеризует совокупность узоров на всех десяти пальцах путем подсчета общего количества дельт. При этом, обобщенная информация о типах узорах не дает представления, на каком пальце, какой узор находится. В тоже время как групповая характеристика он вполне интересен и надежен.

В противоположность дельтовому индексу дактилоскопическая формула обозначает наличие конкретного типа узора на каждом из пальцев. Мы в своей работе использовали простое буквенное кодирование дактилоскопических формул: буквой «З» — обозначались завитковые узоры; «У» — ультрачные петли; «Р» — радиальные петли; «Д» — дуговые узоры. Дактилоскопическая формула выглядела как десятизначный ряд букв, в котором буквами обозначались папиллярные узоры на каждом из пальцев, начиная с большого пальца правой руки и заканчивая мизинцем левой. Например, дактилоскопическая формула маньяка Чикатило выглядит следующим образом — УРЗЗЗЗРЗЗУ.

На первом этапе исследования были изучены дактилоскопические формулы 2.849.318 человек. Это были мужчины в возрасте от 18 до 27 лет, относительно здоровые, без выраженных вредных привычек, не судимые. Расовый состав группы отражает расовую структуру молодого мужского населения России.

Фактически основным объектом исследования были комбинации буквенных обозначений четырех типов папиллярных узоров на пальцах рук каждого из индивидов, находившегося массиве — дактилоскопические формулы. Чисто математическое число дактилоскопических формул может составить 410, то есть 1 048 576 вариантов.

В результате обработки исходного массива материала получена информация об общем количестве и частоте встречаемости дактилоскопических формул в массиве 2 849 318 дактилокарт. Установлено, что в указанном объеме дактилокарт имеются 32 342 варианта дактилоскопических формул. Из теоретически возможной совокупности вариантов дактилоскопических формул на практике встретились только 3,084%. При этом частоты встречаемости формул значительно отличается друг

¹ Самецко А. С. Сравнительные исследования дактилоскопических формул человека // Закон и право. 2014. № 11. С. 136.

от друга, они колеблются в пределах от максимальной 4,31127% до 0. На первом месте формула — десять петель: УУУУУУУУУУ, частота встречаемости — 4,31127%. То есть, из миллиона человек такую формулу имеют 43 112 индивидуумов. Частота встречаемости уникальных (единичных) формул — 0,000035%.

Все встретившиеся формулы сведены в основной базовый список (в дальнейшем «база») и ранжированы по частоте встречаемости.

Весь базовый список формул разбит на десять интервалов. То есть, 2 849 318 исследованных дактилокарт (исследованных индивидуумов) разделены на десять групп примерно по десять процентов индивидуумов в каждой ($284\,932 \pm 28\,000$). Первые два интервала (1 и 2) включают в себя наиболее часто встречающиеся формулы. Таких формул всего 9, но они содержатся примерно в 20% дактилокарт. Последние два интервала (9 и 10) тоже содержат $\approx 20\%$ дактилокарт, но количество формул, входящих в эти два интервала — 31 892, что составляет 98,6% от всех формул.

В целях автоматизации процесса установления частоты встречаемости папиллярных узоров на концевых фалангах пальцев рук А. С. Самищенко была разработана специальная компьютерная программа, названная «Дактоформула»¹. Программа позволяет по любому набору узоров на пальцах установить частоту встречаемости этого сочетания узоров, количество дактилоскопических формул, которые содержат такое сочетание узоров и количество человек в исследованной базе, имеющих такое сочетание узоров на пальцах в абсолютных цифрах.

Если в системе запрошена информация о десятипальцевом наборе узоров, то система в дополнение к указанной выше информации выдает номер дактоформулы в основной базе данных.

Поисковая система «Дактоформула» предоставляет возможность решать разнообразные задачи при проведении научных исследований и практической работы.

Проведенный анализ показывает, что 90% исследованных индивидов имеют формулы входящие по частоте встречаемости в первую тысячу базового списка, с максимальным отклонением в 100–200 позиций в сторону уменьшения частоты встречаемости. Исследование случайно отобранной группы дактилокарт объемом 100 000 показало, что первая тысяча формул базового списка в этом объеме уже полностью присутствует и занимает практически те же позиции, что и в базовом списке. Следовательно, первые 1000–1200 дактилоскопических формул

¹ Самищенко А. С. Распределение основных типов папиллярных узоров на пальцах рук: программа «дактоформула» // «Актуальные проблемы приборостроения, информатики и социально-экономических наук»: сборник трудов научно-практической конференции. М.: Московский государственный университет приборостроения и информатики, 2014.

базового списка представляют собой устойчивые дактилоскопические фенотипы, присущие более 90% молодого мужского населения России, вероятно и остальных мужчин, за исключением долгожителей. Скорей всего эти же формулы будут характерны и для женщин с небольшими отклонениями по частоте встречаемости.

Количественные и качественные характеристики нормальных дактилоскопических формул являются не только новым знанием о папиллярных узорах человека, но и основанием для сравнительных исследований дактилоскопические формулы различных групп людей и даже отдельных индивидуумов.

Учеными, исследующими человека, еще до открытия генетических механизмов передачи наследственной информации, выдвигалась гипотеза о возможной врожденной предрасположенности части людей к зависимостям разной направленности.

Нами были проведены исследования дактилоскопических формул группы лиц, употребляющих наркотики. В качестве такой группы исследованы лица, осужденные по статьям 228 и 228.1 УК РФ. По данным литературы, около 80% этих граждан сами употребляют наркотики. Всего были изучены дактилоскопические формулы 804.894 человек, с некоторой долей условности отнесенных к лицам, употребляющим наркотики.

Анализ показал, что принципиальных отличий количественных показателей четырех основных типов узоров в группе «наркоманов» в сравнении с нормой не обнаружено.

Однако, обратил на себя внимание тот факт, что 95% дактилоскопических формул, в которых завитковых узоров было больше на левой руке, чем на правой встречались в группе «наркоманов» чаще, чем в норме. Такая же тенденция наблюдалась и в формулах с дуговыми узорами.

Например, дактилоскопическая формула УУУУУ3333У встречается в группе наркоманов в 1,7 раза чаще, чем в норме, формула УУУУ-УДДДДД встречается чаще у «наркоманов» в 2,64 раза.

Кроме того установлено, что 20,86% дактилоскопических формул, встречающихся в группе «наркоманы», в популяционной норме вообще не встречаются, например, формулы: УР3ЗДДЗУЗД и УУУУДЗУУДД.

Достоверно, на большом статистическом материале установлено, что количественные и качественные характеристики дактилоскопических формул в группе лиц, употребляющих наркотики, отличаются по некоторым параметрам от нормальных характеристик. Это свойство имеет врожденное происхождение.

По дактилоскопическим формулам граждан с той или иной степенью вероятности можно диагностировать или прогнозировать врожденную предрасположенность этих лиц к наркомании.

Дактилоскопическая диагностика и прогнозирование наркомании могут быть использованы с разными целями:

1) прогнозирование возможной врожденной предрасположенности к наркомании у детей младшего возраста (до 6 — 8 лет), что позволит проводить индивидуальную педагогическую работу по предотвращению развития наркомании.

2) социализацию и реабилитацию начинающих наркоманов и наркоманов со стажем, при прочих равных условиях, лучше организовывать с учетом степени их врожденной предрасположенности к наркомании.

С популяционной нормой распределения дактилоскопических формул можно сравнивать любые более или менее представительные группы дактилоскопических формул и даже единичные. Например, было проведено сравнение 35 дактилокарт серийных маньяков-убийц с «основной базой» и получены достоверные различия. Так 68,6% маньяков имеют формулы, располагающиеся на половине редких формул списка, а 28,6% маньяков имеют формулы, входящие в группу самых редких формул.

Предварительные исследования дактилоскопических формул детей и подростков с девиантным поведением (условное название — «плохие дети») выявили наличие в этой группе повышенного количества редких дактилоскопических формул и увеличенную встречаемость формул с дуговыми узорами. Специфические формулы, то есть формулы, не встречающиеся в норме и других группах, отмечены только в группе «плохие дети», таких формул 11%¹.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что дактилоскопические формулы человека в определенной степени являются маркером, который может быть использован для прогнозирования девиантного поведения человека. Это обусловлено тем, что дактилоскопические формулы, как часть строения папиллярных узоров человека, формируются внутриутробно совместно с головным мозгом.

Прогнозирование по дактилоскопической формуле может быть проведено: в случаях необычного и девиантного поведения детей и подростков, при совершении преступлений молодыми преступниками и других подобных ситуациях. В этих случаях обнаружение у субъекта девиантного поведения редкой дактилоскопической формулы позволит предположить дальнейшее развитие негативных тенденций в поведении исследуемой личности. На основании такого прогноза можно разработать индивидуальные меры предотвращения негативных тенденций в поведении конкретного субъекта.

По нашему мнению, методология использования дактилоскопической формулы человека для прогнозирования девиантного и иного

¹ *Самищенко С. С., Самищенко А. С., Шевелева К. В.* Дактилоскопическая формула человека: понятие и перспективы использования / С. С. Самищенко, А. С. Самищенко, К. В. Шевелева // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПб университета МВД России, 2015.

отклоняющегося поведения имеет большие перспективы и требует дальнейшего совершенствования.

Саньков В. И.

Программирование расследования преступлений — развитие идей профессора Р. С. Белкина

Одним из наиболее востребованных следственной практикой и перспективных направлений развития криминалистики в настоящее время является программирование процесса расследования, различным аспектам которого на протяжении последних десятилетий посвящены труды многих ученых¹.

Вопросам математизации криминалистики, с начала 1960-х гг. открывшей новые возможности для развития этой науки, уделил серьезное внимание и выдающийся ученый-криминалист Рафаил Самуилович Белкин, отметив четыре направления этого процесса: общетеоретическое; разработка проблем криминалистической идентификации и некоторых других частных криминалистических теорий и их практических приложений; решение задач судебной экспертизы; решение проблем криминалистической тактики и методики². Несмотря на то, что основной сферой применения математических методов в криминалистике ученый считал судебную экспертизу, им достаточно подробно рассмотрены вопросы применения криминалистических алгоритмов, программ, их соотношения с частными криминалистическими методиками. Этой теме посвящен, в частности, специальный раздел «О программировании расследования преступлений», размещенный в главе 10 «Проблема совершенствования техники и методики планирования расследования» его фундаментального 3-х томного Курса криминалистики³.

Проследив историю возникновения и развития криминалистической методики, Р. С. Белкин отмечал, что мысли о возможности и целесообразности программирования деятельности следователя при расследовании различных категорий преступлений высказывались еще пионерами отечественной криминалистики. Так, В. И. Громов в 1929 году предлагал

¹ См., напр.: *Густов Г. А.* Моделирование в работе следователя: учебное пособие. Архангельск, 1989; *Ищенко Е. П., Водянова Н. Б.* Алгоритмизация следственной деятельности: монография / под ред. Е. П. Ищенко. М.: Юрлитинформ, 2010; *Селиванов Н. А., Эйман А. А.* Проблемы программирования расследования и совершенствования криминалистических методик // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 46. М., 1988; *Шаталов А. С.* Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М.: Лига Разум, 2000; и др.

² *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, 2001. С. 18–19.

³ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. В 3 томах. Т. 3. М.: Юристъ, 1997.

«... дать образцы методики расследования отдельных видов общественно опасных деяний путем построения примерных планов расследования по этим делам»¹. Однако впоследствии эти краткие методики постепенно приобретали характер научных комментариев, содержащих дискуссионные положения, что затрудняло их непосредственное применение в практике расследования преступлений.

Впоследствии вопросам программирования и алгоритмизации расследования были посвящены труды многих известных ученых — Г. А. Густова, Л. Г. Видонова, Н. А. Селиванова, Л. А. Соя-Серко, сотрудников НИИ Генеральной прокуратуры РФ. Так, в свое время получили широкое распространение в практической следственной деятельности типовые программы раскрытия преступлений, в частности, умышленных убийств, разработанные Л. Г. Видоновым и Г. А. Густовым. Используемый этими учеными подход, основанный на установлении корреляционных зависимостей между элементами криминалистической характеристики преступлений определенных категорий, Р. С. Белкин считал методически верным, отмечая, что именно подобным образом должны выглядеть программы построения типичных версий.

Еще одним «прообразом эффективных следственных программ» Р. С. Белкин называл разработанные в 1970-х годах ВНИИ МВД СССР карточки программированных неотложных следственных действий с краткими комментариями, предназначенные для дежурной оперативной группы, выезжающей на место происшествия.

Рассматривая проблему программирования расследования, Р. С. Белкин сформулировал свою позицию по двум основным связанным с ней вопросам — о соотношении программ действий следователя с соответствующими частными криминалистическими методиками и о том, какая область следственной деятельности должна подлежать программированию. По мнению ученого, программы действий следователя не подменяют собой частные криминалистические методики и не должны в них включаться. «Это методические разработки прямого действия, рассчитанные на оперативное использование и максимально приспособленные к такому оперативному использованию. Их адаптация к условиям конкретного случая должна быть максимально проста — путем перебора зафиксированных в программе вариантов действий в зависимости от наличной информации»². Наиболее подходящим объектом программирования Р. С. Белкин считал неотложную часть первоначального этапа расследования, поскольку именно на этом этапе действия следователя могут быть формализованы ввиду относительно небольшого числа вариантов этих действий и исходной информации.

¹ Цит. по кн.: *Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 томах. Т. 3. ... С. 291.*

² *Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 томах. Т. 3. С. 295.*

Идеи алгоритмизации и программирования процесса расследования с использованием математических методов нашли своих последователей и получили дальнейшее развитие в трудах современных ученых¹. Так, вопросам программирования расследования с использованием математических теорий посвящены труды В. Ю. Толстоуцкого, принявшего участие в разработке компьютерной программы формирования следственных версий «ФОРВЕР», предназначенной для использования как в практической следственной деятельности, так и для повышения квалификации следователей СК России. Представляют интерес исследования, направленные на разработку криминалистических алгоритмов и программ установления личности преступника с учетом положений математической теории множеств, основанные на изучении материалов уголовных дел и создании электронной базы данных².

По вопросу о возможности программирования отдельных следственных действий Р. С. Белкин писал, что наиболее целесообразно применение этого метода к осмотру места происшествия. Программирование иных следственных действий, особенно допроса, может привести к их шаблонному проведению. Поэтому «здесь программа действий должна носить сугубо индивидуальный характер, общее же следует черпать из соответствующей частной криминалистической методики»³.

С учетом такого индивидуального подхода представляется оправданным и полезным использование программ допросов в типовых следственных ситуациях по наиболее распространенным или сложным для расследования категориям преступлений. Особенно актуальны такие программы для начинающих следователей, при повышении их квалификации в форме проведения практических занятий. По такому принципу строились первые отечественные методические рекомендации по производству допроса, сочетавшие общие вопросы (психологические особенности разных категорий допрашиваемых, тактические приемы, оформление протокола) и «особенную часть» — перечни вопросов, выясняемых при допросе по разным категориям преступлений⁴. Подобные типовые программы допроса разрабатываются и современными учеными⁵.

¹ См., напр.: Толстоуцкий В. Ю. Криминалистические алгоритмические поисковые процедуры. Ижевск: Детектив-информ, 2005; Фесик П. Ю. Технология использования криминалистической характеристики в раскрытии убийств: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

² Нелобин К. А. Программирование и алгоритмизация установления лица, совершившего убийство (по материалам Свердловской области): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.

³ Белкин Р. С. Курс криминалистики В 3 томах. Т. 3. С. 295–296.

⁴ Якимов И. Н. Искусство допроса. Практическое пособие для допрашивающих. М.: Издательство Народного комиссариата внутренних дел, 1928.

⁵ См., напр.: Печерский В. В. Типовые программы допроса на предварительном и судебном следствии. М.: Юрлитинформ, 2006.

Разумеется, алгоритмизация, программирование процесса расследования не должны подменять собой творческий, эвристический подход к следственной работе. Адаптация криминалистических алгоритмов и программ к конкретной следственной ситуации предполагает их осмысление и творческую переработку с учетом имеющейся у следователя информации. «Алгоритмические и эвристические подходы должны использоваться на данном этапе комплексно, взаимно дополнять и усиливать друг друга»¹.

Для современной правоприменительной практики и науки криминалистики чрезвычайно актуальны идеи Р. С. Белкина о необходимости конкретизации частных криминалистических методик, придания более прикладного характера научным исследованиям в этой области. «По замыслу пионеров концепции ЧКМ (Р. С. Белкина, И. А. Возгрина, Н. А. Селиванова и др.) такие методики должны были быть призваны научить следователей современным технологиям расследования отдельных видов преступлений»².

Научное наследие профессора Р. С. Белкина, в том числе в области криминалистической методики и тактики, программирования расследования, активно используется в научной и образовательной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, при подготовке учебно-методических пособий в виде конкретных алгоритмов, программ действий следователя в типичных ситуациях при рассмотрении сообщений и расследовании уголовных дел о преступлениях отдельных категорий³.

На практических занятиях в Институте повышения квалификации академии по планированию проверки сообщений или первоначального этапа расследования уголовных дел о преступлениях отдельных категорий (должностных, экономических, по невыплате заработной платы и др.), по заданной преподавателем фабуле слушателями составляются алгоритмы (программы) первоначальных следственных действий и проверочных мероприятий с учетом их оптимальной последовательности,

¹ *Ищенко Е. П., Водянова Н. Б.* Алгоритмизация следственной деятельности: монография / под ред. Е. П. Ищенко. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 5.

² *Россинский С. В.* Проблемы выбора следственного действия в уголовном судопроизводстве: от теории к практике // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 44–47.

³ См., напр.: *Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений: учебно-методическое пособие* / под ред. А. И. Бастрькиной, А. Ф. Вольнского, В. А. Прорвича. М.: Издательство «Спутник+», 2016; *Алгоритм работы следователя при рассмотрении сообщений о преступлениях* / М. С. Кузнецов, Т. Г. Кудрявцева, М. С. Кравченко и др.; под общ. ред. А. М. Багмета; Следственный комитет РФ. Институт повышения квалификации. М.: Юрлитинформ, 2012; *Ким Е. П., Киселев Е. А.* Порядок действий следователя при рассмотрении сообщений о преступлении, предусмотренном ст. 145.1 УК РФ (невыплата заработной платы, стипендий, пособий и иных выплат) // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. С. 53–56; и др.

которые корректируются в процессе занятия и затем могут быть непосредственно использованы в практической деятельности слушателей.

Изменения, произошедшие в российском обществе и законодательстве в течение последних полутора десятков лет, появление новых составов преступлений, реформирование следственного аппарата, важным этапом которого стало создание Следственного комитета РФ, широкое использование информационно-коммуникационных технологий как при совершении преступлений, так и в процессе их раскрытия, показали актуальность идей программирования процесса расследования, изложенных в трудах Р. С. Белкина и других ученых, их практическая реализация и развитие представляются одним из перспективных направлений дальнейших исследований в криминалистике, которые позволят максимально приблизить научные разработки к потребностям следственной практики.

Сейтенов К. К.

Значение стандартизации в системе судебно-экспертной деятельности

На сегодняшний день в Республике Казахстан и Российской Федерации проводится грандиозная работа по реформированию и обновлению нормативно-правовой базы, регламентирующей судебно-экспертную деятельность. В Казахстане принят новый Закон РК от 10 февраля 2017 года № 44-VI «О судебно-экспертной деятельности» (с изменениями и дополнениями на 18.04.2017 г.), в котором отражены некоторые изменения, содержание которых мы обсуждали на наших международных площадках в рамках евразийского сотрудничества. Цель данных новшеств — повышение качества и сокращение сроков судебно-экспертного производства.

В результате впервые систематизированы и уточнены определения многих базовых понятий судебной экспертизы, введены новые дефиниции (например, «специальные научные знания», «валидация» как оценка пригодности использования методов и методик судебно-экспертного исследования, проводимая в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан), систематизированы и сформулированы основные понятия судебной экспертизы (такие, как «метод» и «методика судебно-экспертного исследования», «квалификация» и «аттестация судебного эксперта» и др.).

Значимым достижением нового Закона Республики Казахстан является раскрытие содержания судебно-экспертной деятельности, включающей в себя не только производство судебной экспертизы по уголовным, гражданским делам, но и по делам об административных правонарушениях, в частности:

- организацию и проведение научных исследований в области судебной экспертизы;
- организацию и осуществление научно-методического и информационного обеспечения судебной экспертизы;
- подбор, подготовку, переподготовку и повышение квалификации лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность;
- международное сотрудничество в области судебной экспертизы.

Поэтому, говоря о стандартизации судебно-экспертной деятельности вообще, по нашему мнению, следует рассматривать стандартизацию каждой из ее составляющей, а именно:

- стандартизации организации и проведения судебно-экспертных исследований (здесь, в первую очередь речь идет о создании систем менеджмента качества, подтверждении технической компетентности лабораторий и прохождения ими аккредитации);
- стандартизации научных исследований и разработке методического обеспечения, в том числе стандартных операционных процедур;
- стандартизации обучения (стандарты высшего профессионального образования и дополнительного профессионального образования);

Особое место в судебно-экспертной деятельности должны занимать, на наш взгляд, стандарты профессионального поведения, судебно-экспертной морали и нравственности, которые составляют суть принципа соблюдения этики судебного эксперта: положения об этике судебного эксперта изложены в статье 5 Закона Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности».

Учитывая, что в новом постановке нормы о стандартизации экспертных методик и судебной экспертизы, в целом, не имеется (за исключением требований применения стандартов к помещениям и оборудованию), но, исходя из сложившихся на данный момент условий, при которых особенно актуальными являются проблемы методического обеспечения судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессе, хотелось бы отметить норму, определяющего «Допустимость использования при проведении судебно-экспертных исследований научно-технических средств, методов и методик». И особое значение в предложенной республиканской системе обеспечения высокого качества применяемых методических разработок отводится Государственному реестру методик судебно-экспертных исследований Министерства юстиции Республики Казахстан. На сегодняшний день в Республике Казахстан при проведении судебной экспертизы судебный эксперт применяет только те экспертные методики, которые включены в Государственный реестр методик судебно-экспертных исследований МЮ РК. Применение иных методик допускается только в тех отдельных случаях, когда они прямо

предусмотрены законом или не противоречат его нормам и принципам. При этом научное обоснование их применения должно быть приведено в заключении судебного эксперта.

Полагаем, что сделан серьезный шаг к переводу всего методического фонда судебной экспертизы к стандартным операционным процедурам, разрабатываемым по всем соответствующим правилам стандартизации.

Разработка и внедрение в практику механизмов валидации методического обеспечения судебной экспертизы, безусловно, усилит требования к технической компетентности, что является неотъемлемым условием прохождения аккредитации на соответствие стандарту согласно руководству ИЛАС G19 под названием «Модули в судебно-экспертной деятельности». Совершенно справедливым считаем мнение о том, что определение пригодности методик должно основываться не на прямом сравнении их результатов с уже ранее апробированными, а на комплексном сравнительно-статистическом подходе, использующем научно-обоснованные результаты испытаний и наблюдений¹.

Как известно, процедура валидации неразрывно связана с оценкой неопределенности, которая постепенно заменяет ранее используемую погрешность в измерениях. В судебной экспертизе к настоящему моменту осуществить полноценную статистическую оценку признаков удалось в сравнительно небольшой области экспертизы: молекулярно-генетическая экспертиза, почерковедческая, дактилоскопическая, трасологическая и некоторые другие, и даже в них формализация носит еще далеко не «сквозной» характер. До сих пор вопрос о возможном уровне формализации, а значит объективизации судебной экспертизы, решается неоднозначно. Господствует концепция, согласно которой исключается полная формализация экспертизы, но число формализуемых сторон деятельности судебного эксперта будет постоянно увеличиваться. Поэтому исследования в этой области, безусловно, должны продолжаться.

Необходимо также отметить, что для совершенствования судебно-экспертной деятельности в Казахстане с октября 2016 года Министерством юстиции Республики Казахстан и Университетом КАЗГЮУ при поддержке King's College London, Key Forensic Services и QPA Strategies реализуется проект Всемирного Банка «Усиление судебной экспертизы» (с индексом KZJSISP/QCBS-06).

Проект состоит из трех компонентов:

1) компонент «А» — менеджмент и показатели эффективности судебно-экспертной деятельности;

¹ *Иванова Е. В., Семикаленова А. И.* К вопросу стандартизации экспертных методик и объективизации полученных на ее основе данных // Теория и практика судебно-экспертизы в современных условиях: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Ю. К. Орлова (г. Москва, 19–20 января 2017 г.). М.: Проспект, 2017. С. 176.

2) компонент «В» — модернизация законодательной и институциональной базы судебной экспертизы;

3) компонент «С» — обучение и повышение квалификации судебных экспертов.

В рамках компонента «А» производится мониторинг всей текущей деятельности органов судебной экспертизы — это огромное количество разнообразной информации от анализа бизнес-процессов до модели финансирования.

Компонент «В» предусматривает изучение зарубежного опыта в части возможной модели демополизации судебно-экспертной деятельности, создания законодательной основы для развития частной судебно-экспертной деятельности, нормативного регулирования профессиональных стандартов всех судебных экспертов, а также их лицензирования. В идеале должны быть созданы условия для развития конкурентного рынка судебно-экспертных услуг, который будет стимулировать развитие и применение новейших технологических средств и методов исследований, обеспечивать состязательный характер использования возможностей судебной экспертизы в судопроизводстве.

В рамках компонента «С» будет проведена целая серия обучающих тренингов и программ для судебных экспертов и административно-управленческого персонала как на территории Казахстана, так и за рубежом.

С развитием науки стратегия решения задач усложняется и совершенствуется: благодаря появлению современных научно-технических средств, разработке и стандартизации систем признаков, посредством которых описываются свойства объектов, упорядочивается и объективизируется само решение, т. е. выводы судебной экспертизы.

Полагаем правильным, если и негосударственные судебно-экспертные учреждения будут проводить судебные экспертизы по тем же стандартизированным методикам, что государственные судебно-экспертные учреждения (СЭУ). Для этого, конечно же, необходимо решить проблему доступности для негосударственных судебно-экспертных учреждений баз данных судебно-экспертных методик, разрабатываемых в государственных СЭУ¹.

Следовательно, для создания единого научно-методического пространства необходимо предпринять следующие меры:

- создать Единый реестр стандартизированных экспертных методик для стран Евразийского союза;

¹ *Россинская Е. Р.* К вопросу о правовом обеспечении деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Ю. К. Орлова (г. Москва, 19–20 января 2017 г.). М.: Проспект, 2017. С. 377.

- обеспечить доступ всех судебных экспертов к Единому реестру стандартизированных экспертных методик (за исключением экспертных методик, разработанных для служебного пользования специальными службами);
- в целях объективизации результатов испытаний обеспечить проведение валидации экспертных методик как государственными, так и негосударственными судебно-экспертными учреждениями.

Новое законодательство о судебно-экспертной деятельности направлено на объективизацию судебной экспертизы, которая находит свое реальное выражение в изыскании и реализации путей, средств и методов всемерного и максимально возможного снижения уровня субъективности как в познавательной, так и оценочной деятельности всех субъектов судебной экспертизы. И этому будет способствовать стандартизация экспертных методик и их использование в повседневной судебно-экспертной деятельности.

Слепнева Л. И.

Особенности судебной трасологической экспертизы сигнальных устройств

В настоящее время в России, как и во всем мире, широко используются многочисленные виды сигнальных устройств (контрольные, индикаторные пломбы, запорно-пломбировочные устройства, электронные пломбы, сейф-пакеты, пломбы-наклейки, закрутки и др.), которые применяются в самых различных областях деятельности человека — для защиты грузов, перевозимых на различных видах транспорта, в том числе в железнодорожных вагонах, для осуществления контрольно-надзорных функций при проведении таможенных и фискально-налоговых процедур, в промышленности, в целях соблюдения таможенных и пограничных режимов, для решения вопросов о материальной и юридической ответственности субъектов международной торговли и др.

В отечественной и международной практике грузоперевозок сигнальные устройства широко применяются для обеспечения индикации вмешательства и защиты от несанкционированного доступа, в транспортной логистике для решения логистических задач, для контроля и учета транспортных средств и грузов (их нахождения и поиска) и т. д.¹ При этом использование сигнальных устройств регламентируется различными нормативными актами — законами, внутриведомственными приказами, инструкциями, стандартами.

¹ Пломбы механические: справочное пособие. Под общ. ред. В. В. Крылова. М., 2014. С. 6–7.

Сигнальные устройства — это одноразовые технические средства — специфические носители значимой для правильного разрешения дела информации, которая указывает на наличие подлинности и целостности механизма/системы установки на объект защиты. Обнаружение двух указанных групп признаков обеспечивает выявление несанкционированных действий в отношении сигнальных устройств.

Наряду с «сигнальной» функцией рассматриваемые устройства могут обладать и такими дополнительными функциями, как силовая преграда — замок, механическое стягивание, упаковка, специальная/дополнительная маркировка и др. Это, так называемые, комплексные устройства, например, сейф-пакет, в котором наблюдается соединение в единое техническое средство сигнального устройства и упаковки; запорно-пломбировочное устройство, в котором следует различать качество сигнального устройства и качество одноразового замка.

Современные сигнальные устройства могут быть выполнены в виде хрупкой фольги или наклеек с индикацией вскрытия; пластиковых изделий, комбинированных изделий, необратимых механических сборок; «запирающихся» металлических болтов и тросов; упаковок или мягких контейнеров с индикацией вмешательства; других устройств или материалов, необратимо повреждающихся или изменяющихся при манипуляциях с ними.

Современная *классификация сигнальных устройств* определяется нормативными документами, в частности, такими как международный стандарт по сигнальным устройствам ИСО 17712-2013, ГОСТ 31282-2004 «Устройства пломбировочные. Классификация». Кроме того, в литературных источниках (справочниках, учебных пособиях, научных трудах) предлагаются классификации сигнальных устройств по самым различным основаниям: по функциональному назначению, по материалам, по производителям, по технологиям установки и снятия, по технологиям производства, по конструкции¹.

По *функциональному назначению* сигнальные устройства делятся на четыре группы: простые сигнальные устройства (например, Альфа-М, SecureFlex, Фаст 150, КПП-4-2201), электронные сигнальные устройства, комбинированные сигнальные устройства (например, Блок-Гарант-М, Спрут-Универсал, Трос-5м, Интермодал) и комбинированные электронные сигнальные устройства (например, IntelleSeal I, СМ-2—04011).

¹ Меланич Е. В. Применение пломбировочных устройств в целях обеспечения безопасности. Современное состояние проблем. Приложение к журналу «Судебная экспертиза». Современные пломбировочные устройства как объекты криминалистического исследования: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. А. Г. Сухарева. Саратов: СЮИ МВД России, 2005. С. 35—42.

По *материалам изготовления* сигнальные устройства подразделяются на: свинцовые, восковые, сургучные, металлические, пластиковые, пленочные, оптоволоконные, комбинированные и др.

По *производителям* сигнальные устройства делятся в соответствии с предприятиями-изготовителями, например, Дебатин (Германия), Тайден-Брукс (США), Силтэк (Россия), Страж (Россия), Аспломб (Россия), ITW Envopak (Англия).

По *технологиям установки и снятия* выделяют сигнальные устройства ручной установки (это большинство устройств) и с помощью специального установочного инструмента, например, Ротосил I.

По *технологиям производства* сигнальные устройства подразделяются на сигнальные устройства индивидуального изготовления, кустарные, выпускаемые мелкими сериями, крупными сериями, выпускаемые по технологии массового автоматизированного производства.

По *конструкции* можно выделить следующие сигнальные устройства: моноблочные, с гибким элементом, с постоянным и переменным диаметром петли, составные устройства с гибким элементом нефиксированной длины, составные стержневые, составные корпусные, самоклеящиеся, электронные и др.

В случае обнаружения факта несанкционированного воздействия на сигнальное устройство может быть назначена судебная трасологическая или комплексная экспертиза указанного объекта в рамках уголовного, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

Судебная трасологическая экспертиза сигнальных устройств (далее — СТЭСУ) — это исследование, производимое по заданию дознавателя, следователя, суда, лица или органа, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, сведущим лицом — экспертом — предоставляемых в его распоряжение сигнальных устройств, образцов для сравнительного исследования, инструментов и приспособлений для воздействия на сигнальные устройства, пломбиров (пломбировочных тисков), а также различных документов с целью установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела, на основе использования специальных знаний в области трасологии.

Объектами трасологической экспертизы сигнальных устройств являются сигнальные устройства в различном состоянии до установки на объект, после штатного снятия с охраняемого объекта, после несанкционированного снятия или взлома, пломбир, части запорных узлов хранилищ, бечева, проволока для навешивании пломб, инструменты и случайные предметы, применявшиеся для взлома и вскрытия сигнальных устройств, материалы дела, содержащие необходимые для ответа на поставленные перед экспертом вопросы сведения и др.

В ходе трасологической экспертизы сигнальных устройств исследуются не только совокупности групп признаков подлинности и целостности, но и данные о технологии производства и применения.

При назначении трасологической экспертизы сигнальных устройств наиболее часто перед экспертом ставят следующие вопросы, связанные с решением диагностических задач:

1. Возможно ли вскрытие данных сигнальных устройств, установленных согласно инструкции по эксплуатации на различные объекты, без образования следов вскрытия?

2. Имело ли место несанкционированное вскрытие и повторное навешивание сигнального устройства?

3. Имеет ли сигнальное устройство какие-либо повреждения? Если оно их имеет, то каким способом повреждено сигнальное устройство?

4. Каким видом (типом) орудия оставлены следы (повреждения) на представленном сигнальном устройстве?

5. Какой матрицей и каким способом наносилась маркировка на сигнальном устройстве?

6. Является ли данное сигнальное устройство поддельным полностью или частично (отдельные его элементы)?

7. Имеются ли на представленном образце сигнального устройства какие-либо читаемые маркировочные обозначения, свидетельствующие об изготовителе, если да, то каково их содержание?

Вышеуказанный перечень вопросов не является исчерпывающим.

Перед экспертом могут быть поставлены также вопросы *идентификационного характера*:

Не оставлены ли повреждения на представленном сигнальном устройстве данным предметом или одним и тем же предметом на нескольких сигнальных устройствах?

Выполнена ли данная маркировка представленной на исследование матрицей (пломбирочными тисками)?

Составляли ли ранее объекты, представленные на исследование, единое сигнальное устройство и какое именно?

Ниже приводится пример решения идентификационных и диагностических задач в рамках трасологической экспертизы сигнальных устройств.

На экспертизу представлены два фрагмента запорно-пломбирочного устройства и слесарное зубило, обнаруженные около грузового контейнера, и образец нового запорно-пломбирочного устройства «ЛаВР» в контейнерном варианте. Перед экспертом были поставлены вопросы: «Не составляли ли ранее единое целое — запорно-пломбирочное устройство — фрагменты, представленные на исследование?» и «Если фрагменты составляли ранее единое целое, то каким способом устройство вскрыто и не вскрыто ли оно с помощью представленного слесарного зубила?»

Проведенным исследованием было установлено, что два поступивших на экспертизу фрагмента являются частями одного запорно-пломбировочного устройства «ЛаВР», которое было вскрыто путем разрубки стержень-пломбы с предохранительной втулкой с помощью слесарного зубила, поступившего на исследование¹.

Таким образом, при проведении трасологической экспертизы сигнальных устройств может решаться широкий перечень задач как идентификационного, так и диагностического характера. Причем, из диагностических задач чаще всего решаются такие, как определение работоспособности механического замка сигнального устройства, установление факта несанкционированного вскрытия и повторного навешивания, а также определение фактического состояния сигнального устройства (наличие всех частей сигнального устройства, наличие фальсифицированных частей или фальсификация всего устройства в целом, соответствие способа нанесения и содержания маркировочных обозначений).

Из диагностических задач одной из самых сложных и, в то же время, важных для установления обстоятельств рассматриваемого дела (иска) представляется установление факта несанкционированного вскрытия и повторного навешивания сигнального устройства. С этой целью используют методику исследования сигнальных устройств, свинцовых пломб, замков, а также следов производственного происхождения.

В процессе производства трасологической экспертизы может решаться вопрос о пригодности конкретного технического средства в качестве сигнального устройства². По сути, эксперт в таком случае должен определить всевозможные способы вскрытия сигнального устройства и его повторного навешивания и отметить появляющиеся при применении этих способов характерные следы. Сигнальное устройство тогда будет соответствовать своему главному назначению, то есть будет качественным, когда не найдется ни одного способа вскрытия и повторного навешивания сигнального устройства, установленного согласно инструкции, без оставления следов, в том числе видимых с помощью специальных методов.

Таким образом, разработка новых видов сигнальных устройств обуславливает необходимость совершенствования методики трасологического исследования этих объектов.

Актуальным на сегодняшний день остается вопрос о дальнейшем совершенствовании сигнальных устройств, в решении которого важную

¹ *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. С. 343–344.

² *Меланич Е. В.* Экспертные исследования сигнальных устройств: современное состояние и перспективы развития». Журнал «Актуальные проблемы российского права» № 1 (3). М., 2006. С. 388–397.

роль играет анализ и обобщение практики производства трасологических экспертиз данных устройств.

На наш взгляд, совершенствование сигнальных устройств должно осуществляться по следующим направлениям: усиление удобства и скорости установки, облегчение считывания информации о подделках и нарушениях целостности, дистанционное считывание информации, разработка комплексных устройств с широкими дополнительными функциями.

Некоторые крупные проекты по созданию сигнальных устройств будут носить национальный характер и могут потребовать существенных гарантий и довольно значительных капиталовложений. В этом направлении представляется рациональным и важным создание государственных программ, осуществляемых с использованием специальных знаний.

Соколова Т. П.

Роль нейминговой экспертизы в доказывании

Экспертное исследование по своей информационной сущности представляет собой, в известном смысле, перекодирование доказательственной информации.

Р. С. Белкин

В русле научной школы судебной экспертологии, сформировавшейся на кафедре судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина под руководством доктора юридических наук, профессора Е. Р. Россинской¹, разрабатываются частные судебно-экспертные теории, в том числе частная теория нейминговой экспертизы как особого вида судебной лингвистической экспертизы². На основе накопления эмпирического материала происходит отбор и заимствование из базовых наук (лингвистики и ономастики) методов анализа специфических объектов нейминговой экспертизы — речевых продуктов, представляющих собой не тексты, а неймы, а именно:

- именованя лиц, физических и юридических, общественных организаций и политических партий,
- авторское имя или псевдоним,
- наименования географических объектов,

¹ Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М.: Проспект, 2017.

² Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство. М.: Юрлитинформ, 2016.

- урбанонимы (внутригородские названия, в том числе названия улиц, площадей, станций метрополитена, парков, вокзалов, мостов, жилых комплексов),
- наименования средств индивидуализации (товарных знаков и знаков обслуживания, фирменных наименований, коммерческих обозначений),
- доменные имена, юридический статус которых до сих пор точно не определен¹.

Нейминговая экспертиза представляет собой особый вид судебной лингвистической экспертизы, формирующийся в настоящее время в соответствии с особенностями объектов (неймов), кругом решаемых задач и характером используемых специальных знаний². В ходе разработки частно-экспертной теории определены предмет, задачи, объекты нового вида лингвистической экспертизы. «Нейминговая экспертиза — процессуально регламентированное лингвистическое исследование нейма как речевого продукта, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний в лингвистике, ономастике, судебном речеведении и судебной экспертологии»³. «Предмет нейминговой экспертизы — установление фактических данных и обстоятельств функционирования неймов, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов на основе специальных знаний в области судебного речеведения, лингвистики, ономастики и судебной экспертологии»⁴.

Анализ судебно-экспертной практики дает основание утверждать, что нейминговая экспертиза может играть важную роль в доказывании в гражданском процессе, в арбитражном процессе и производстве по делам об административных правонарушениях.

Термин *доказывание* понимается в данной статье не в узком уголовно-процессуальном смысле, а в широком: «деятельность суда и участвующих в деле лиц, направленная на установление с помощью судебных доказательств фактов, от которых зависит разрешение спора по существу»⁵. Кроме того термин *доказывание* применим к деятельности **Федеральной антимонопольной службы**⁶. В любом случае неотъемле-

¹ См., напр.: *Серго А. Г.* Доменные имена. Правовое регулирование. М.: ГОУ ВПО РГАИС, 2013.

² *Соколова Т. П.* Нейминговая экспертиза: предмет, объекты, задачи, пределы компетенции // *Судебная экспертиза*. 2016. № 1 (45). Волгоград: ВА МВД России. С. 84–96.

³ *Соколова Т. П.* Нейминговая экспертиза // *Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход)* / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М.: Проспект, 2017. С. 96.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Большой юридический словарь Электронный ресурс. Режим доступа: <https://slovar.cc/pravo/slovar/2465033.html>. Дата обращения 01.11.2017.

⁶ См., напр.: Разъяснение № 3 Президиума ФАС России «Доказывание недопустимых соглашений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках,

мой составляющей доказывания является установление фактических данных, которые могут быть положены в основу решения суда или комиссии ФАС.

Доказательственным значением нейминговая экспертиза может обладать в гражданском судопроизводстве судов общей юрисдикции по делам, связанным с защитой личного имени гражданина, авторских и смежных прав. В частности, только нейминговая экспертиза может выявить ономастические и общелингвистические параметры личных имен, этимологию, системно-структурные связи, культурологические составляющие имени, отчества, фамилии, их буквенно-звуковой состав, закрепление в письменной традиции и установить фактические данные о вариативности личных имен при оформлении официальных документов¹.

Актуальна и востребована нейминговая экспертиза урбанонимов (названий ресторанов, кафе, баров, магазинов, салонов красоты, рекламных и туристических агентств, стоматологических и прочих медицинских клиник, жилых комплексов и т. д.) для установления фактических данных о городском названии на вывеске в целях отграничения наименования средств индивидуализации от рекламы. К сожалению, суды не всегда назначают экспертизу, и владельцы спорных вывесок («Красное & Белое», «Магазин «У дома» и др.) не могут без помощи специалистов доказать, что названия объектов их собственности не являются рекламой.

Скандальные урбанонимы часто попадают в сферу внимания Федеральной антимонопольной службы. Недовольные неприличными городскими названиями жители, подавая жалобу в региональные структуры ФАС, рассчитывают на профессионализм членов комиссий, выносящих решение о судьбе той или иной эпатажной городской вывески. Так, жители Нижнего Новгорода были возмущены появлением названия стриптиз-клуба «*Peshkov*» напротив музея детства писателя Максима Горького «Домик Каширина» и пожаловались в антимонопольную службу. «Эксперты» ФАС сначала вообще не увидели связи скандального названия с русским писателем: «Мало ли Пешковых в России!» Но под давлением общественного мнения все же порекомендовали руководству заведения сменить название. Подчеркнем, что члены комиссии антимонопольного органа не обладают специальными лингвистическими

в том числе на торгах» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 17.02.2016 № 3); Разъяснение № 6 Президиума ФАС России «Доказывание и расчет убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 25.05.2016. № 7). СПС «КонсультантПлюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194536/ Дата обращения 04.11.2017.

¹ См. подробнее: *Соколова Т. П.* Нейминговая экспертиза в гражданском судопроизводстве: организационные и методические проблемы // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 10. С. 22–27.

знаниями, по сути не являются экспертами и не проводят экспертизу названий и рекламного текста¹, таким образом, вынесенное решение не обладает доказательственным статусом. Разумеется, работники клуба продолжали использовать креолизованный урбаноним, в котором вербальный компонент «*Peshkov*» сопровождался невербальным (стилизованной под *стринги коктейльный бокал*), заявляя: «*А с чего вы взяли, что именно фамилия писателя стала названием нашего клуба?*» Ответить на этот вопрос могла бы нейминговая экспертиза, выявив все ономастические и лингвистические параметры названия в конкретном урбонимическом пространстве (городском ландшафте) и обосновав актуализацию ономастической семантики подлинной фамилии писателя в социокультурном контексте Нижнего Новгорода.

Часто авторы скандальных городских названий ссылаются на положения ст. 44 Конституции РФ: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом». Доказательно обосновать, в каких случаях спорное средство индивидуализации является действительно языковой реализацией права на свободу творчества, а в каких не соответствует критериям наименований фирм и других городских объектов, может только нейминговая экспертиза².

Отсутствие необходимой доказательственной базы при вынесении решений комиссиями ФАС приводит к ошибкам, следствием которых становится появление новых скандальных и непристойных словесных и комбинированных обозначений. Например, из-за *ошибочного решения ФАС*³, *нецензурное название красноярской доставки суши «Ебидоеби» стало легитимным, превратилось в хит Интернета, обрело непристойное доменное имя ебидоеби.рф* [<http://www.mk.ru/economics /2016/02/19/kompaniya-yobidoyobi -otstoyala-brend-pered-gosudarstvom.html>; <https://lenta.ru/news/2016/02/19/fas/>]. Следует отметить, что автоматические «антиматерные» фильтры, установленные на многих сайтах, оказались более «лингвистически грамотными», чем так называемые эксперты ФАС, и не пропускали рекламу и отзывы на услуги с таким ключевым словом, пришлось модераторам внести *ебидоеби* в список допустимых исключений. В результате авторы скандального названия развернули широкую рекламную кампанию в Интернете и гордятся своим «дети-

¹ Чубина Е. А. Эксперт или Экспертный совет: отголоски п. 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 58 // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М., 2015. С. 503–507.

² См. подробнее: Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза в аспекте обеспечения права на свободу творчества // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: материалы конференции: в 4 ч. Ч. 3. М.: Проспект, 2017. С. 368–372.

³ Там же.

шем», рожденным «на стыках двух величайших языков». В действительности, в сочетании с названием ресурса *mneohota.ru/* (мне охота) <http://mneohota.ru/yobidoyobi> изобретение выделяется своей непристойностью.

Таким образом, вышесказанное свидетельствует об актуальности тезисов Р. С. Белкина, которые следует отнести не только к криминалистике, но и к судебной экспертизе, в том числе в ее профилактическом аспекте: «Экспертное исследование неотделимо от процесса доказывания в целом. Выводы о результатах исследования обстоятельств дела опираются как на экспертную практику в ее обобщенном виде и соответствуют ей, так и на практику этого исследования, выступающую также критерием истинности полученных результатов»¹. Согласно положениям научной школы судебной экспертологии, в реалиях сегодняшнего дня все более осознается необходимость объективизации процесса доказывания, обеспечения защиты имущественных и неимущественных прав и законных интересов личности, а также необходимость использования в доказывании все новых и новых достижений современной науки, в данном случае ономастики и частной теории нейминговой экспертизы.

Сорокотягин И. Н., Сорокотягина Д. А.

Судебная экспертология — современный этап в развитии судебной экспертизы и экспертного права

Понятие теория судебной экспертизы появилось давно. Впервые научные исследования в этом направлении встречаются в трудах Б. Д. Сперанского (1925), В. М. Никифорова (1947), М. А. Чельцова и Н. В. Чельцовой (1954), А. И. Винберга (1956), А. В. Дулова (1959) и др.

1961 г. А. И. Винберг опубликовал статью о необходимости разработки общего учения о судебной экспертизе².

В 1962 г. А. Р. Шляхов развил идею А. И. Винберга о необходимости создания науки о судебной экспертизе. Особое внимание он уделял изучению процессуальных условий и методов исследования, а также методике и технике проведения различных видов судебных экспертиз³.

Р. С. Белкин постоянно доказывал важность «движения знаний от эмпирии к теории криминалистики»⁴.

¹ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Учебное пособие для вузов в 3 томах. М., 2001. Т. 1. С. 196.

² *Винберг А. И.* Насущные вопросы теории практики судебной экспертизы // Советское государство и право. 1961. № 6. С. 82.

³ *Шляхов А. Р.* О предмете судебной экспертизы // В кн: Вопросы судебной экспертизы. Ташкент. 1962. С. 13.

⁴ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. 3-е изд. М., 2001. С. 10–27.

Общетеоретическим проблемам судебной криминалистической экспертизы посвящали свои исследования многие ученые и практики.

Теоретики и практики в области криминалистики, раскрывая проблемы теории судебной экспертизы, основное внимание уделяли теории криминалистической экспертизы. Например, А. Н. Винберг отмечал, в рамках криминалистики существует самостоятельное направление — общая теория криминалистической экспертизы¹.

Изучение многочисленных публикаций о проблеме теории криминалистической экспертизы в 50—60 годах и современного подхода, необходимо отметить, что наиболее верным было утверждение А. Р. Шляхова «Теорию криминалистической экспертизы надо выделить из общего курса криминалистики. Методика криминалистической экспертизы должна отпочковаться, таким образом, от тактики следствия. Такое решение давно уже назрело, оно фактически уже существует»².

Н. А. Селиванов был категорически против существования науки о криминалистической экспертизе. Разработку теоретических положений и научно-технических средств, используемых экспертами-криминалистами целесообразно продолжить в рамках криминалистики³.

До 1973 г. ни о науке криминалистической экспертизы, ни о теории судебной экспертизы упоминаний в литературе не встречается⁴.

Р. С. Белкин, подводя итоги развития криминалистической мысли о судебной экспертизе в 50—60 годах, утверждал: «Закончился первый этап идеи о науке судебной экспертизы. После нескольких лет перерыва эта идея получила новое воплощение и дальнейшее развитие»⁵.

Общая теория судебной экспертизы освещалась в трудах И. А. Алиева, Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, С. Ф. Бычкова, Н. П. Майлис, Ю. К. Орлова, И. Н. Сорокотягина, Т. В. Сахновой, С. А. Смирновой, Е. Р. Россинской и др.

Т. В. Аверьянова справедливо утверждала, что «история развития теории судебной экспертизы во многом повторяет историю развития теоретических основ криминалистики»⁶.

В 1973 г. А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская опубликовали статью, в которой предложили общую теорию судебной экспертизы назвать «судебной экспертологией»⁷.

¹ Винберг А. И. Советское государство и право. 1955. № 8. С. 86.

² Шляхов А. Р. Предмет, метод и система советской науки криминалистической экспертизы // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Алмата. 1959. С. 12—13.

³ Селиванов Н. А. О понятии и системе криминалистической техники // Научные труды Ташкентского НИИСЭ. Вып. 8. Ташкент, 1969. С. 30.

⁴ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006. С. 17.

⁵ Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3-е изд. М., 2001. С. 10—27.

⁶ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма. 2006. С. 14.

⁷ Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология — новая отрасль науки // Социалистическая законность. 1973. № 11. С. 49.

В 1979 г. авторами было опубликовано учебное пособие «Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз), где термины «общая теория судебной экспертизы» и «общая теория судебной экспертологии» употреблялись как синонимы¹.

Идея судебной экспертологии была поддержана А. Р. Шляховым, В. С. Митричевым, М. А. Авдеевым, М. С. Брайниным, В. М. Никифоровым, Ф. Э. Давутовым, Б. И. Пинхасовым, З. М. Соколовским, Л. Е. Ароцкером, Н. В. Скорином и некоторыми другими учеными².

Слово экспертология состоит из двух понятий: «*expertos*» (опытный, сведущий) и «*logos*» (теория, учение, наука). Следовательно, экспертология теория (наука, учение) о лицах, обладающих специальными знаниями, которые применяются при исследовании объектов (практический опыт эксперта), т. е. экспертология это теория (наука, учение) и практика (опыт) производства судебных экспертиз).

Анализ определения «судебная экспертология», предложенного А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской, показывает, что авторы включили в его структуру элементы: законы и методики формирования и развития судебных экспертиз; использование экспертами приемов, методов, средств, методик с целью обеспечения доказательственного значения заключений судебных экспертов в уголовном и гражданском судопроизводстве. Позднее А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская внесли некоторые уточнения в свои исследования о судебной экспертологии.

Концепцию А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской активно поддержал известный криминалист И. М. Лузгин³.

Р. С. Белкин считал, что в определение «судебной экспертологии» (авторы А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская) не следует включать правовые и организационные основы экспертной деятельности, т. к. это относится к процессуальному праву и науке управления⁴.

Представляется, что современные теоретические исследования и практическое использование специальных знаний в производстве судебных экспертиз тесно связаны с правовыми вопросами. Поэтому в судебную экспертологию (в теорию) обязательно должны быть включены правовые, организационные, нравственные и психологические основы⁵.

¹ *Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебной экспертизы)*. Волгоград, 1979.

² *Белкин Р. С. Курс криминалистики. Частные криминалистические теории*. Т. 2. М., 1978. С. 247.

³ С трибуны читательской конференции / Теоретические вопросы судебной экспертизы. М., 1981. С. 179.

⁴ *Белкин Р. С. Курс криминалистики*. Т. 2. М., 1997. С. 306.

⁵ *Сорокотягина Д. А., Сорокотягин И. Н. Судебная экспертология*. Екатеринбург. УРГОА, 2008. С. 51–188.

Судебная экспертология применительно к юриспруденции — это теория и практика судебной экспертизы. Экспертология называется судебной, поскольку занимается проблемами, требующими специальных знаний в судопроизводстве.

Судебная экспертология подразделяется на две части:

Теория судебной экспертологии;

Практика судебной экспертологии.

В первой части раскрываются:

Судебная экспертология — теоретический и эмпирический фундамент судебной экспертизы;

Предмет, объект, задачи, структура судебной экспертологии;

Методологические аспекты судебной экспертологии;

История становления и развития судебной экспертологии;

Правовые основы судебной экспертологии (процессуальные);

Организационные основы (экспертная деятельность, профессиональная программа и др.)

Нравственные и тактические аспекты судебной экспертологии;

Кодекс профессиональной этики судебного эксперта;

Психологические основы судебной экспертологии (психология эксперта, психология экспертной деятельности);

Заключение эксперта и его оценка. Допрос эксперта (взаимоотношение юриста и эксперта, экспертные ошибки и их предупреждение и др.)

Во второй части «Практика судебной экспертологии» исследуются:

Классификационные основы судебной экспертологии (классы судебных экспертиз, основные направления классификации судебных экспертиз);

Классификация традиционных видов судебных экспертиз (криминалистических, психофизиологических, экологических и др.)

Классификация прочих видов судебных экспертиз (компьютерно-технических, одорологических и ольфакторных, литературоведческие, искусствоведческие, геммологические, микрообъекты и др.)

Анализ современного состояния теории и практики судебной экспертной деятельности, позволяет утверждать, что судебная экспертология является серьезной основой для создания и развития правового направления «экспертного права».

Старовойтов В. И.

«Запах» и «пахнущие» следы в криминалистике (терминология ольфакторных исследований)

Профессор Р. С. Белкин, чье 95-летие отмечаем в этом году, в своих трудах на протяжении многих лет неоднократно обращался к проблеме использования пахнущих следов человека в расследовании преступле-

ний, активно поддерживал это направление в криминалистике, в том числе и наши исследования¹. Становление экспертизы пахнувших следов человека как источника доказывания в уголовном процессе обуславливает внимание к ней со стороны многих практиков, производящих дознание и следствие, ученых, занимающихся теорией криминалистики и судебной экспертизы, преподавателей и обучающихся в учебных заведениях.

В связи с тем, что изучение пахнувших следов человека — сравнительно молодой вид криминалистических знаний, авторы в своих работах используют различную, порой противоречивую терминологию, что ведет за собой неизбежные разночтения и недоразумения, касающиеся таких понятий, как «запах», «запаховые следы», «одорология», «одорография». Рассмотрению этих понятийных дефиниций и посвящено это сообщение.

1. «Запах» — основополагающее понятие в исследовании пахнувших следов человека. Почти в любой работе, касающейся данной тематики, делаются попытки объяснить, что это такое. По определению «запах» — специфическое ощущение от присутствия пахнувших веществ, обнаруживаемых обонянием животных и людей². При этом для большинства людей это относительно слабо дифференцированное, интегральное ощущение, так как оно определяется не дискретным, как у псовых, а суммарным эффектом от раздражения обонятельных рецепторов.

Иногда, особенно не задумываясь, многие юристы без достаточных оснований отождествляют понятия «запах» (ощущение, возникающее под воздействием пахнувших веществ) и «запаховые следы» (следы образованные пахнувшими веществами), т. е. подразумевают под запахом вещество, которое пахнет. Такое смешение этих понятий характерно для времени создания «криминалистической одорологии». Вне сомнений, полвека назад работы авторитетных теоретиков от «одорологии» А. И. Винберга, Р. С. Белкина, М. В. Салтевского и других стали предвестниками практического использования ольфакторной информации³ в расследовании преступлений. Однако реального внедрения одорологического метода в период его становления в 60–80-тых годах прошлого века так и не состоялось. Другими исследователями затем были выдвинуты и проверены новые гипотезы, объясняющие ольфакторную индивидуальность, ее природу; откорректированы имевшиеся данные,

¹ См.: *Старовойтов В. И.* Реализация идей профессора Р. С. Белкина в области ольфакторных исследований пахнувших следов человека. Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 5 (34). М.: Юрлитинформ, 2017. С. 124–136.

² URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Запах> (дата обращения 21.11.2017).

³ Ольфакторный [лат. *olfactorius* — обонятельный] — слово, значение которого связано с ощущениями запаха. Ольфакторная информация — информация, полученная с использованием обоняния.

открыты новые факты, разработаны методические подходы, на которых базируется современная экспертиза пахнущих следов человека.

Однако в силу устоявшейся традиции до сих пор в публикациях, на сайтах Интернета касающихся рассматриваемой тематики, авторы нередко еще пользуются устаревшими бытовыми представлениями и понятиями в области ольфакторики. В ряде интернет-материалов, например, понятие «запах» разъясняется так: «этим термином определяют свойство материальных объектов — физических тел животного, растительного и минерального происхождения, заключающееся в непрерывном отделении (испарении) во внешнюю среду частиц — молекул данного объекта».¹ Отталкиваясь от несостоятельных рекомендаций одорологии, утверждается, что составляющие следы пахнущие вещества следует искать не на предметах-следоносителях, как поступают в экспертной практике, а в воздухе, т. к. их следы, якобы, образуются лишь при испарении или возгонке: «запаховый след образуется в том случае, если вещество непрерывно из твердого либо жидкого состояния переходит в газообразное»².

С подобным представлением сталкиваемся и на другом действующем сайте: «Под запахом понимается своеобразный невидимый след в виде частиц, выделяемых в окружающую среду предметами и веществами»³. Ощущение запаха вопреки логике представлено здесь уже материализовавшимся в неких частицах. В монографии А. А. Кириченко формулировка еще более непонятна, зато с претензией на редакцию перечня вещественных доказательств: «запах представляет собой особый вид газообразных веществ (ультраобъектов, точки-ультрасубстанций), которые в уголовно-процессуальном аспекте именуется нами ультравещественными доказательствами».⁴

Все эти и подобные частные представления находятся в явном диссонансе не только с используемой экспертами терминологией, но и с классическими формулировками из советских энциклопедий, где «запах» определяется как свойство материального объекта (свойство чего-нибудь пахнуть), либо обонятельной системы (свойство воспринимать пахнущие раздражители)⁵. Явление запаха, конечно, невозможно без пахнущих веществ, создающих у воспринимающих их человека и животных определенные обонятельные образы.

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Одорология> (дата обращения 21.11.2017). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/220876> (дата обращения 21.11.2017). URL: <http://crimlib.info/Одорология> (дата обращения 21.11.2017).

² Там же.

³ URL: <https://criminalistics-ed.ru/index.php?request=full&id=671> (дата обращения 21.11.2017).

⁴ Кириченко А. А. Проблемы судебной одорологии: монография. Харьков: Основа, 1997. 280 с.

⁵ Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 9. С. 349; Малая советская энциклопедия. М.: Гос. Научн. изд-во, 1959. Т. 3. С. 1007.

Конечно, работа с собаками-детекторами в исследовании пахнувших следов невозможна без способности этих животных фиксировать в памяти обонятельные образы пахнувших объектов. Причем сформированные психикой образы, могут существовать затем и без материального раздражителя. Это явление наблюдали еще французские энциклопедисты 18 века: «Ощущаемый... запах не исчезает полностью после того, как издающие запах тело перестает действовать на орган обоняния. Внимание... удерживает его и оно оставляет более или менее сильное впечатление»¹. В середине прошлого века Р. Х. Райт указывал на дуализм данного понятия: «Запах имеет два значения. Во-первых, этим термином определяют свойство материальных объектов... Во-вторых, термином «запах» определяют субъективное восприятие (отображение), возникающее... вследствие воздействия частиц пахнущего вещества на обонятельные рецепторы»² Двойственность понятия отмечали также А. И. Винберг и Малаховская Н. Т.: «Запах 1 — ощущения, возникающие при воздействии молекул некоторых органических и неорганических веществ на обонятельные рецепторы. Запах 2 — свойство испаряющихся на воздухе веществ вызывать у живых организмов — человека, собаки и других животных, насекомых и др. — специфическое раздражение нервных окончаний органов обоняния»³.

Представляется, что понятие «запах» стоит в одном ряду с чувственными понятиями «вкус», «звук», «цвет», которые сопряжены с другими сенсорными системами. При этом воздействующий раздражитель не следует приравнивать к вызываемому им ощущению. И то и другое требует, очевидно, отдельного осмысления, связанного с особенностями как воздействующих агентов, так и воспринимающих их систем.

Безосновательно также распространенное в криминалистике мнение о возможности исследования запахов с помощью хроматографа или иных приборов при физико-химическом анализе каких-либо веществ. Запах как и свет, звук — это все-таки ощущение, неотрывное от восприятия исключительно живых существ. Приборными же средствами такое биологическое свойство материи не может быть ни зафиксировано, ни проанализировано. Известный специалист в данной области *John E. Amoore* особо обращает внимание на то, что ощущение запаха формируется только мозгом⁴.

2. Запах как биологическое свойство недопустимо отождествлять с его материальным источником, но нельзя и ощутить без него. Весьма важным в исследовании пахнувших следов является понятие составля-

¹ *Кондильяк Э. Б.* Трактат об ощущениях. М.: Мысль, 1982. Т. 2. С. 197.

² Райт Р. Х. Наука о запахах: Монография. М.: Мир, 1966. 224 с.

³ *Винберг А. И., Малаховская Н. Т.* Словарь специальных терминов судебной одорологии. М.: ВНИСЭ МЮ СССР, 1983.

⁴ *Amoore J. E.* Odor Theory and Odor Classification: Fragrance chemistry Copyright 1982 by Academic Press, Inc. 76 P.

ющего их вещества. В принципе любое вещество, способное воздействовать на обонятельные рецепторы, обладает запахом, следовательно, может быть названо пахнущим. Но под пахнущими (запаховыми) следами¹ чаще всего подразумевают индивидуализирующие человека пахучие вещества, продуцируемые среди прочих метаболитов клетками организма в процессе его жизнедеятельности². Обусловленные особенностями конкретного генотипа, они строго индивидуальны для каждого, обнаруживаются даже в сложных смесях веществ и обладают биологически значимой информацией. Исследования, проведенные нашим авторским коллективом во ВНИИ МВД СССР, показывают, что пахнущие вещества в следах человека, на которые сориентированы собаки, это летучие компоненты исключительно его крови или пота, часть которых несет в себе индивидуализирующую субъекта ольфакторную информацию. Данные вещества, как показывали исследования, это комплекс свободных предельных кислот с длиной углеродной цепи от C 12 до C 26.³

3. Понятие «запаховые следы» также широко используется в криминалистической литературе. Под такими следами следует понимать порции пахучих веществ (молекулярные количества), достаточные для восприятия обонянием биодетектора. Эти следы обычно образуются на предметах в результате контактного взаимодействия с ними, имеют пространственные границы, очерченные достаточной для восприятия концентрацией образующих их пахнущих веществ. Однако в ряде публикаций мы встречаем ошибочное наименование запаховых следов (по сути своей — следов пахнущих веществ) — следами запаха (вспомним: запах — это ощущение). Такой термин использует, например, Н. П. Яблоков. Он пишет: «Под следом запаха в криминалистике понимается выделение в воздух (окружающую среду) пахучих частиц различными носителями запаха». Если верить уважаемому автору, запах (он называет его результатом испарения) находится на носителе и этот результат, в свою очередь, выделяет в воздух какие-то частицы. Как видим, отсутствие четкого понимания природы запаха приводит к трудностям логического восприятия.

По этой же причине представляется, строго говоря, не очень корректным и устоявшееся в настоящее время название самого исследо-

¹ В словаре русского языка нет прилагательного «запаховый», специалистами ГУ ЭКЦ МВД РФ определения «запаховый» и «пахнущий» используются как равнозначные.

² Старовойтов В. И., Моисеева Т. Ф. Словарь-справочник терминов и понятий судебной экспертизы пахучих (запаховых) следов человека: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. 111 с.

³ Сулимов К. Т., Старовойтов В. И. Метод криминалистической одорологии как составная часть комплексных исследований объектов биологического происхождения // Экспертная практика. 1989. № 27. С. 36–41; Моисеева Т. Ф. Комплексное исследование потожировых следов человека. М.: Городец-издат, 2000. 224 с.

вания — «экспертиза запаховых следов человека». Ведь исследование проводят эксперты, которые сами запаховые следы непосредственно не воспринимают; мы также никогда не узнаем какие именно ольфакторные образы формируются психикой применяемых собак-детекторов. Правильно ли в этом случае использовать понятие «запах» в названии такого исследования? В действительности же экспертами данной специализации анализируются не запаховые ощущения, а обусловленные соответствующими пахнущими веществами идентификационные и диагностические (биологический вид и т. д.) ольфакторные свойства представляемых на экспертизу предметов-следоносителей. Причем из тканей и выделений человека только кровь и пот оказались пригодными для диагностики и идентификации субъекта по обонятельным характеристикам¹. С учетом этого было бы более правильным называть проводимое ольфакторное исследование «экспертиза обонятельных свойств крови и пота человека».

4. И в заключение еще раз о недопустимости использования в ольфакторной экспертизе понятия «одорология» и ее установок. По значению слова и определению А. И. Винберга, это учение о запахах с целью установления личности с использованием служебных собак². По его мнению, оно основывается на индивидуальности «запахового букета» человека, обусловленного физиологическими процессами организма, производственной деятельностью и бытовыми условиями.

Анализируя содержание этого учения с позиции современных знаний, приходится констатировать несостоятельность многих декларированных его разработчиками представлений. Как обсудили выше, специалисты подвергают исследованию не запахи, а материальные субстанции — вызывающие запах следы. Изучением же запахов — того, что возникает в головах собак в виде неких психических откликов на химические раздражители — этими аспектами физиологии высшей нервной деятельности криминалисты не занимались и не занимаются. Термин «одорология» («odor» = запах) в этой связи представляется изначально выбранным неудачно. «Криминалистическая одорология» в целом соответствует уровню криминалистических знаний середины прошлого века. В настоящее время ее установки, отвергнутые исследовательской практикой, однако поддерживаемые авторитетом А. И. Винберга и Р. С. Белкина, по инерции все еще воспроизводятся на страницах учебной литературы. Однако следует иметь в виду, что установки «одорологии» противоречат сути ольфакторной индивидуальности субъекта, принципам сбора пахнущих следов и проведения

¹ Сулимов К. Т., Старовойтов В. И. Метод криминалистической одорологии как составная часть комплексных исследований объектов биологического происхождения // Экспертная практика. 1989. № 27. С. 36–41.

² Винберг А. И. Криминалистическая одорология: криминалистика на службе следствия. Вильнюс, 1967. С. 14–17.

ольфакторного исследования, выполняемого в рамках судебной экспертизы, которые состоят в том, что:

- индивидуальность субъекта не определяется комплексом случайных пахнущих ингредиентов с его тела и одежды, бытовых и производственных отдушек, как утверждали основоположники «одорологии». В основе ольфакторной индивидуальности лежит генотипическая особенность обмена веществ каждого организма;
- пробы воздуха, собранные «приборами отбора запахов» (ПОЗами) над следом человека непригодны для лабораторного ольфакторного исследования, а на этом основан «одорологический метод», зарегистрированный в 1965 году как изобретение. В настоящее время используются альтернативные ПОЗам средства, предложенные Г. Гроссом (стеклянные емкости), немецкими криминалистами (хлопковые салфетки, алюминированная фольга) и разработанные нашим авторским коллективом во ВНИИ МВД СССР термовакuumные испарители — сборники пахнущих веществ¹;
- процессуальное использование результатов исследования пахнущих следов возможно, по нашему убеждению, лишь при обеспечении реальной исследовательской роли специалистов (по представлениям А. И. Винберга, Р. С. Белкина, Н.А. Селиванова это лишь наблюдатели за работой собак). При этом должны допускаться внутренняя критика и перепроверка получаемых данных, с обеспечением должного контроля в процессе самого исследования — это предусматривают методики, разработанные специалистами Экспертно-криминалистического центра МВД России;²
- пахнущие следы человека можно успешно исследовать не только с собаками, но и с другими биодетекторами, крысами, например³;
- кроме идентификационного направления успешно разрабатываются диагностические направления ольфакторного исследования пахнущих следов человека (этого «одорология» не предусматривает);⁴

¹ Старовойтов В. И., Мухин В. М., Зинкевич Э. П., Сулимов К. Т. Устройство для извлечения летучих веществ. Адсорбенты: Авт. свид. № 1673176 от 01.05.1991 г., по заявке № 967431 с приоритетом 10.11.1990 г. // Открытия. Изобретения: Бюллетень. М., 1991. № 8. С. 86.

² Исследование запаховых следов человека: учеб. пособие / под ред. Т. Ф. Моисевой, В. Г. Савенко. М.: ЭКЦ МВД России, 2008. 168 с.

³ Крутова В. И. Идентификация особей по обонятельным сигналам у некоторых видов позвоночных: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: Институт эволюционной морфологии и экологии животных РАН, 1993. 24 с.

⁴ Стегнова Т. В., Сулимов К. Т., Старовойтов В. И., Гриценко В. В. Установление некоторых диагностических признаков человека по запаховым следам: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России. 1996. 16 с.

- «кинологическая выборка» — зоопсихологический прием выбора по образцу со специализированными собаками из созерцательного мероприятия, отданного на откуп животным в «одорологическом» исследовании, превратилась в действенный инструмент, используемый специалистами в различных тактических вариантах наряду с другими методическими приемами (разработано порядка 30 методик) и средствами (наборы тестирующих пахнущих проб) ольфакторного исследования.

5. Обобщая вышесказанное, нужно отметить, что объектом судебной экспертизы пахнущих следов человека служат не запахи индивида, представленные в ощущениях собак, а ольфакторные свойства, обусловленные пахнущими веществами в следах, воспринимаемых обонянием этих биодетекторов. В целом, терминология, применяемая в экспертизе пахнущих следов, еще находится на стадии формирования. Представляется, ее следует строить, опираясь на требования практики и достижения как криминалистики и экспертологии, так и естественных наук, таких как физическая химия, зоопсихология и других.

Степаненко Д. А., Прудникова А. Ю.

Особенности назначения, производства и использования результатов судебной экспертизы формы следов крови в расследовании преступлений

Значение следов крови при расследовании преступлений неизмеримо возрастает, если они не только своевременно обнаружены, правильно «прочитаны», надлежащим образом процессуально закреплены и изъяты, но и представлены на экспертизу.

При назначении и производстве любой судебной экспертизы необходимо решить ряд процессуальных и организационных вопросов: определить класс, вид экспертизы; при необходимости производства нескольких экспертиз решить вопрос последовательности их назначения; определить какое учреждение может провести требуемую судебную экспертизу и кому должно быть поручено ее производство; как обеспечить эксперта качественным материалом для экспертного исследования; какие вопросы поставить на экспертизу.

Под следами крови в судебной медицине и криминалистике понимают любое количество свежей или измененной крови вне живого организма без морфологической характеристики.

В зависимости от задач, стоящих перед следователем, исследование следов крови будет поручено судебно-медицинским экспертам иммунологического, цитологического, медико-криминалистического отделений и танатологического отдела бюро судебно-медицинской экспертизы.

Исследование следов крови может быть предпринято по двум направлениям: 1. Выявление биологических компонентов крови (судебно-биологическая экспертиза); 2. Изучение формы и других внешних особенностей и взаимного расположения следов (судебная экспертиза формы следов крови).

Последний вид экспертизы крови встречается в экспертной практике незаслуженно редко. Так, например, исследования следов крови в ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области составили всего 0,1% от всех проведенных в этом учреждении трасологических исследований (Ю. Г. Корухов, Я. М. Яковлев относят вопросы изучения формы следов крови к компетенции криминалистической экспертизы, утверждая, что эти исследования носят трасологический характер¹. В. И. Шиканов писал, что следы крови являются объектом исследования криминалистов в том случае, когда в них находят свое отражение размеры, конфигурация и другие особенности строения того или иного предмета или его части. В этих случаях кровь вызывает интерес у эксперта-криминалиста только как краситель, передающий информацию о признаках идентифицируемого предмета².

Следует отметить и другую точку зрения, в соответствии с которой такого рода исследования нужно относить к медицинским, так как именно они позволяют учесть свойства телесных повреждений, вызывающих кровотечение, сведения анатомического и физиологического характера, что относится к компетенции специалистов в области судебной медицины³).

Но как много лет назад, так и сейчас нераспространенность судебной экспертизы формы следов крови объясняется недостаточной осведомленностью широкого круга практических работников следствия относительно возможностей такого рода исследований в решении диагностических задач; отсутствием общепринятой методики; трудностями фиксации и изъятия следов крови для исследования, а также сложностью изучения морфологических свойств трудноразличимых пятен⁴.

Криминалистическое значение формы следов крови обусловлено положениями диалектической теории отражения: все явления, предметы в объективной реальности находятся в постоянном взаимодействии и движении. Контакты объектов сопровождаются их взаимными изменениями, в ряде случаев распространяющимися и на других участников взаимодействия. Названные изменения

¹ См.: Корухов Ю. Г. Практическое значение экспертизы следов крови на одежде. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1957; Яковлев Я. М. Расследование убийств. Душанбе, 1960.

² Шиканов В. И. Криминалистическое значение следов крови. Иркутск, 1974. 143 с.

³ См.: Рассейкин Д. П. Расследование преступлений против жизни. Саратов, 1965.

⁴ См.: Протасевич А. А., Степаненко Д. А., Шиканов В. И., 1998. С. 166; Золотенкова Г. В., Безпальный Ю. Б., Романько Н. А. Трасологические исследования следов крови в МКО: новые возможности диагностики // Судебная медицина, 2015. С. 95.

структуры, содержания и поверхности материальных объектов принято именовать следами. В то же время субъекты и объекты, являясь участниками постоянно возникающих и прекращающихся трансформирующихся взаимосвязей и взаимозависимостей, обладают совокупностью объединяющих и различающих свойств. Именно эти признаки отражаются на объектах — участниках совместного движения, оказывающих друг на друга различное воздействие¹. Форма следа крови находится в строго определенной зависимости от интенсивности кровоизлияния, взаимного расположения источника крови, следовоспринимающей поверхности и ряда других факторов и обстоятельств.

Как писал в свое время Р. Kirk «... никакой другой вид исследования крови не дает такую большую информацию, как изучение характера распространения ее пятен...»². По форме, положению следов крови, их взаиморасположению, площади, расстоянию между ними, группами и высотой их расположения, а также на основании механизма перемещения следов крови в пространстве, согласно законам физики, решают вопросы, связанные с образованием следов крови на одежде и теле потерпевших и подозреваемых, предметах окружающей обстановки, орудиях травмы, полу, стенах, потолке, дороге.

Оценка следов крови позволяет установить: место происшествия или место обнаружения трупа, источник кровотечения (носовое, легочное, геморроидальное, менструальное), высоту его нахождения, высказать мнение о поврежденном сосуде (артерии, вене, капилляре), поврежденной области тела (голова, шея или конечность), положении, позе, взаиморасположении нападавшего и пострадавшего в момент первого и последующих ранений, очередности их причинения, а также получить сведения о действиях участников на месте происшествия, их перемещениях во время случившегося, действиях лиц, транспортировавших труп, скорости передвижения и остановках лиц с имевшимися кровоточащими повреждениями, о возможном причинении повреждений собственной или посторонней рукой (правой или левой), орудиях травмы, траектории их движения и угле удара, дистанции выстрела, определить направленные движения пострадавшего или лиц, транспортировавших труп, транспорта, идентифицировать его по отпечаткам протектора и т. д. Кроме того, по следам крови иногда можно высказать мнение о продолжительности кровотечения, темпе и давности смерти, времени случившегося. Отсутствие кровоточащих ран, при наличии следов на месте происшествия, позволяет судить об источнике кровотечения

¹ Смахтин Е. В. Некоторые тенденции развития судебных экспертиз // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 23.

² См.: Kirk L. P. Beseitigung von Blutspuren durch Waschen. Kriminalistik, 1954. 327 s.

у преступника, его росте, характере и локализации повреждений. Получение такой информации сотрудниками уголовного розыска помогает задержать преступника и раскрыть преступление по «горячим» следам. Наличие на головном уборе, одежде, обуви и теле следов крови подозреваемого при отсутствии у него источника кровотечения дает основание для его задержания и подозрения в совершении преступления. Кровяные отпечатки конечностей, орудий травмы, одежды на предметах окружающей обстановки, полу, стенах, одежде позволяют проводить их индивидуальное отождествление. Эта информация способствует установлению неизвестного лица и обнаружению орудия травмы¹.

Установление механизма образования такого следа позволяет понять механизм события, подлежащего изучению. На необходимость установления механизма образования следов крови в контексте расследования преступлений в свое время указывали многие ученые криминалисты и судебные медики: Э. Гофман, Г. Гросс, Р. Рейс, Н. С. Бокариус, И. Ф. Крылов, Ю. Г. Корухов, Ю. М. Кубицкий, Н. В. Попов, Ю. И. Эдель, Я. М. Яковлев и другие. И сегодня очевидна актуальность таких исследований².

Интерпретация обнаруженных следов крови основана на результатах изучения протокола осмотра места происшествия, анализа обстановки места происшествия (или обнаружения трупа), фотографий, а также на данных исследований одежды, результатах СМЭ тела нападавшего и пострадавшего.

Установление обстоятельств происшествия по следам крови базируется на изучении и анализе механизма возникновения следа. Изучению и оценке вначале подлежат отдельные (элементарные) следы, а затем их сочетание.

¹ См.: Тагаев Н. Н. Следы крови в следственной и экспертной практике. Харьков: Консул, 2000. С. 128.

² Характеристика динамических следов капель крови в зависимости от высоты падения и свойств следовоспринимающей поверхности / Саркисян Б. А., Сидоренко Н. Н., Бадалян А. Ф. // Вестник судебной медицины. Новосибирск, 2016. № 1. С. 19–23;

Реконструкция обстоятельств происшествия по следам крови методом трехмерного моделирования / Пиголкин Ю. И., Леонов С. В., Леонова Е. Н. // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. № 4. С. 25–27;

Морфологические особенности динамических следов при падении капель крови из движущегося автомобиля на дорожное покрытие / Саркисян Б. А., Бадалян А. Ф. // Вестник судебной медицины. Новосибирск, 2017. № 1. С. 10–15;

Разработка классификации следов крови для решения экспертных вопросов судебно-медицинской практики / Пиголкин Ю. И., Дубровин И. А., Леонов С. В., Нагорнов М. Н., Леонова Е. Н., Дубровина И. А., Ломакин Ю. В., Сафронеева Ю. Л. // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. Хабаровск, 2016. № 15. С. 150–152;

Применение метода трехмерного компьютерного моделирования при решении вопроса о механизме образования следов крови / Леонов С. В., Леонова Е. Н. // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. Хабаровск, 2016. № 15. С. 146–149.

В литературе вопросы, разрешаемые экспертизой форм следов крови, делят на три группы¹:

а) установление вида следов крови и их классификация (например, какие следы имеются на представленных объектах),

б) определение условий и механизма их образования (например, с какой высоты упала капля, в каком направлении и под каким углом летели брызги крови, в каком направлении перемещался поток крови и т. д.),

в) сравнительный анализ характера следов и показаний обвиняемого, потерпевшего, свидетелей об условиях их образования.

При постановке вопросов соответствия механизма образования зависят следов крови показаниям субъектов происшествия целесообразно применение метода трехмерного компьютерного моделирования².

Методика проведения экспертизы форм следов крови предполагает решение не только диагностических, классификационных, но также ситуационных экспертных задач. В некоторых случаях (например, при наличии следов крови в виде отпечатков) могут решаться и идентификационные задачи. Такие исследования обычно выполняются в соответствии с методикой трасологической идентификации. Научная достоверность и эффективность экспертизы следов крови при расследовании преступлений против жизни и здоровья значительно повышается в том случае, когда механизм образования следов крови анализируют с учетом конкретной ситуации.

Ситуационный анализ места происшествия — анализ события по его отображениям в обстановке места происшествия, документированной в материалах дела. Это так называемая диагностика события³.

Наиболее полная информация о следах крови может быть получена только в результате исследования всей совокупности следов, образовавшихся на месте происшествия, на теле и одежде трупа, потерпевшего, подозреваемого, свидетелей.

Очередность проведения экспертизы по форме следов крови на предметах одежды потерпевших, подозреваемых (обвиняемых) и орудиях травмы определяют в каждом конкретном случае в зависимости

¹ Гедыгушев И. А. Указ. соч. С. 90.

² Пиголкин Ю. И., Леонов С. В., Леонова Е. Н., Нагорнов М. Н. Метод трехмерного моделирования при реконструкции обстоятельств происшествия с учетом следов крови // Судебно-медицинская экспертиза. 2014. С. 4–6.; Леонов С. В., Леонова Е. Н. Применение метода трехмерного компьютерного моделирования при решении вопроса о механизме образования следов крови // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. Хабаровск, 2016. С. 146–149.

³ Гринченко С. В., Бобовкин М. В. К вопросу о комплексном подходе решения ситуационных задач судебно-медицинских и судебно-баллистических экспертиз огнестрельных повреждений // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений. Материалы IV Всероссийской науч.-практ. конф. по криминалистике и судебной экспертизе. М., 2009. С. 165.

от количества и локализации следов на вещественных доказательствах, выраженности и характерных особенностей этих следов. Экспертиза должна обеспечивать сохранность следов крови для проведения биологических (в т. ч. ДНК) исследований, когда решаются не только вопросы о природе следов, но и о возможности происхождения крови от конкретного лица. В дальнейшем такие данные возможно использовать в ситуационном анализе.

В алгоритм исследования следов крови, предложенный отечественными исследователями¹, нами внесены некоторые уточнения. С учетом методических принципов проведения экспертной диагностики и в соответствии с общей теорией судебной экспертизы можно выделить четыре стадии экспертного исследования форм следов крови.

1. Предварительное исследование (подготовительная стадия).
2. Детальное исследование (аналитическая стадия), включающее три этапа: раздельное исследование, экспертный эксперимент, сравнительное исследование.
3. Оценка результатов исследования (синтезирование) и формулирование выводов.
4. Оформление результатов исследования (составление заключения эксперта).

1. Предварительное исследование. Основная задача — изучение материалов уголовного дела (материалов проверки сообщения о преступлении) и вещественных доказательств (предметов) для определения достаточности представленных материалов и пригодности их для проведения экспертизы (исследования).

На этом этапе производится:

- 1) ознакомление с обстоятельствами дела, изложенными в постановлении о назначении экспертизы, и уяснение вопросов, поставленных на ее разрешение;
- 2) оценка наличия и состояния упаковки, в которой предоставлены вещественные доказательства;
- 3) проверка соответствия представленных вещественных доказательств указанным в постановлении о назначении экспертизы;
- 4) определение достаточности представленных материалов дела (анализ исходной информации): протокола осмотра места происшествия, заключений экспертов (по судебно-медицинской экспертизе живого лица, трупа; по биологической экспертизе тканей человека и животных), протокола изъятия вещественных доказательств, протоколов допросов свидетелей, подозреваемого и других документов, в которых содержатся сведения о предполагаемом механизме образования следов крови.

¹ Гедыгушев И. А. Указ. соч. С. 119–122; Назаров Г. Н., Пашинян Г. А. Указ. соч. С. 150–196.

В случае, когда до экспертизы форм следов крови была проведена биологическая экспертиза и на одежде сделаны вырезки ткани из области следов крови, эксперт должен оценить, не препятствуют ли исследованию эти изменения, происшедшие со следами.

5) оформление запроса (ходатайства) в правоохранительный орган на недостающие материалы дела либо составление акта о невозможности дать заключение по представленным материалам;

6) фотографирование поступивших объектов.

2. Детальное исследование, основной задачей которого является выявление в следах диагностических признаков и их последующий анализ.

На этапе раздельного исследования объектов со следами крови происходит:

1) изучение формы, месторасположения, взаиморасположения и количества обнаруженных следов, их описание, измерение и фотографирование (в т. ч. масштабное);

2) определение классификационной принадлежности следов крови и механизма следообразования.

При изучении группы следов, локализующихся на одной и той же части или поверхности вещественного доказательства, нет необходимости излагать условия образования каждого следа в отдельности, если, судя по их виду и расположению, они имеют один и тот же источник следообразования. В таких случаях можно ограничиться указанием на условия образования для всей группы следов в целом.

3) составление схем или разметки признаков на фотографиях; следы крови ориентируют относительно друг друга и окружающих предметов обстановки с обозначением их на фотографиях, составляют схемы и графические изображения локализации следов крови на теле и одежде потерпевшего, на различных предметах.

Описание вещественных доказательств составляют подробно, чтобы по нему можно было убедиться, что эксперт исследовал именно те предметы, которые ему направил инициатор. Отмечают наименование предмета одежды, основные его размеры (длину, ширину и др.), форму, цвет, характер и качество материала, из которого он пошит, степень изношенности, имеющиеся особенности, дефекты и т. д. Осматривают не только наружную, но и изнаночную поверхность каждого предмета, а также края рукавов, карманы, внутреннюю поверхность воротника, пуговицы, низ брюк, швы обуви, внутреннюю поверхность шляп, шапок и перчаток¹. Перечисляют имеющиеся повреждения и загрязнения, приводят их локализацию, размерную характеристику, особенности.

Затем эксперт переходит к описанию следов, похожих на кровь, в определенной последовательности.

¹ Кисин М. В., Туманов А. К. Указ. соч. С. 54–61; Назаров Г. Н., Пашинян Г. А. Указ. соч. С. 181–186.

Во-первых, указывается точная локализация следов. Обозначают поверхность предмета (лицевая или изнаночная), сначала отмечая следы, расположенные на предмете одежды спереди, затем — сзади, сбоку и в последнюю очередь — с изнанки. Называют часть одежды, на которой они расположены, а также их координаты в двух взаимно перпендикулярных направлениях по отношению к опознавательным точкам, швам, линиям или свободным краям одежды (как это принято при описании повреждений на одежде).

При описании следов крови на простынях, носовых платках, полотенце, кусках бумаги и т. п. для уточнения их расположения вводят условные обозначения. Начинают с обозначения стороны (лицевая или изнаночная) предмета, пришивая в нем небольшие ярлычки с соответствующими надписями. Далее описывают расположение следа, для чего могут быть использованы различия в длине или форме краев предмета. Если же все края предмета равны или не имеют каких-либо отличающих особенностей, тогда условно обозначают края предмета цифрами. С этой целью по краям предмета пришивают кусочки ткани или бумаги с соответствующими обозначениями номеров.

Исследуемые следы маркируют в порядке очередности исследования.

Во-вторых, наименование следа (следов) производят в соответствии с общепринятой классификацией. Если на одежде имеется значительное число следов, но они поддаются группировке, то и описание их целесообразно производить также по группам.

В-третьих, форму следа (следов) обычно сравнивают с формой геометрических фигур, а в отдельных случаях с формой общеизвестных предметов (грушевидная и т. п.).

В-четвертых, общие размеры следа (длину, ширину) определяют по двум взаимно перпендикулярным линиям. Указывают размеры отдельных деталей (элементов), отмечают направление длинника следа по отношению к вертикальному и горизонтальному направлениям. Если следов очень много, то можно, не называя их число, ограничиться указанием на их множественный характер. В этом случае определяют размеры не каждого следа в отдельности, а лишь минимальную и максимальную величину описываемых следов, размеры участка, на котором они располагаются, перечисляют формы следов.

Аналогичным образом производят описание следов, похожих на кровь, выявленных на обуви, головных уборах, орудиях преступления и иных вещественных доказательствах.

Цвет следа (следов) описывают в соответствии с общепринятой шкалой цветов.

Отмечают характер краев следа: четкие и нечеткие, ровные и неровные, зазубренные, извилистые и др.

Указывают степень пропитывания предмета, на присутствие на поверхности предмета подсохших корочек крови. Обращают внимание, заметен ли след со стороны изнанки (оборотной стороны) предмета.

В ходе детального исследования осуществляют фотографирование общего вида вещественного доказательства со следами, похожими на кровь, отдельных участков вещественного доказательства со следами, единичных следов или их групп на вещественных доказательствах (детальная и масштабная съемка).

На основании исследования признаков следов, несущих в себе информацию об условиях следообразования, а также, исходя из месторасположения и количества следов, эксперт решает вопрос о механизме образования следов крови.

Основной задачей экспертного эксперимента является уточнение механизма следообразования и получение следов-образцов для сравнительного исследования. Например, для уточнения высоты падения капли крови, оставившей след, эксперт может получить ряд экспериментальных следов при различной высоте падения капель.

Необходимым условием проведения эксперимента является создание условий, максимально приближенных к тем, которые имели место в момент следообразования при совершении преступления.

Для проведения экспериментов не обязательно используется кровь. Ее может заменить жидкость, имеющая подобную вязкость (4,9 для обычной, 15,0 для загустевающей) и окрашенная для контраста в тот или иной цвет. Например, смесь воды с глицерином, окрашенная голубым метиловым. В качестве сосуда может использоваться пипетка, капельница¹.

В литературе приводятся примеры изготовления конструкций, имитирующих различные части тела человека для проведения экспертных экспериментов².

Для определения местоположения источника кровотечения возможно применение визирования радиусов длинников следов крови в обратном направлении к одной общей точке — точке схождения. Если угол, под которым отдельные капли крови контактируют с поверхностью (угол встречи), известен, то эта информация может оказаться полезной при оценке расстояния следов до точки их схождения.

На этапе сравнительного исследования производится сравнение подлинных и экспериментальных следов с соблюдением при этом алгоритма трасологической идентификации. В целях определения вида следов крови или установления условий следообразования эксперт мо-

¹ *Ананьева Л. Е.* Указ. соч. С. 84.

² Трасологическое исследование следов крови на одежде: методическое письмо / сост. Тахо-Годи Х. М. М., 1970. 24 с.; *Назаров П. Н., Пашиная Г. А.* Медико-криминалистическое исследование следов крови. Практическое руководство. Н. Новгород, 2003. С. 193–195 (258 с.);

жет сопоставить выявленные при этом признаки и полученные данные с описанным в литературе признаками различных следов с учетом разных условий следообразования. В качестве сравнительного материала эксперт может также использовать иллюстрации и сведения о следах крови, содержащиеся в специальной литературе. Если в ходе исследования были поставлены эксперименты, то эксперт для задач сравнения должен полученным им экспериментальный материал.

Сравнительное исследование осуществляют путем непосредственного сопоставления следов на вещественных доказательствах с экспериментально воспроизведенными следам или следами крови, изображенными на различного рода справочных таблицах. Результаты сопоставления эксперт фиксирует с помощью фотосъемки и демонстрирует также в заключении в форме фототаблицы.

Для установления возможности образования контактных следов от воздействия конкретных предметов при отображении в следах крови особенностей следообразующего объекта производят идентификационное исследование.

Производят ситуационный анализ — уточняют механизм образования следов крови, установленный при диагностическом исследовании с учетом конкретной обстановки (версии событий), определяют конкретное место нанесения ударов потерпевшему и его положение в момент травмы, а также последующее перемещение и др.

Иногда следователи ставят вопросы о позе потерпевшего в момент нанесения ему ранения. Отвечая на них, нужно помнить, что потеки крови на теле и одежде дают основания для определения положения последних лишь после начала наружного кровотечения — это должно с полной ясностью отражаться в заключении эксперта. Продолжительность периода времени до начала наружного кровотечения определяет судебно-медицинский эксперт, вскрывавший труп или изучавший историю болезни пострадавшего.

3. На стадии оценки результатов исследования и формулирования выводов обобщаются результаты проведенного исследования и создается модель происшествия в представлении эксперта, с учетом всех данных материалов расследуемого дела обосновывается возможность или невозможность образования следов крови при конкретных обстоятельствах.

В выводах необходимо указать: какие следы крови имеются на исследованных вещественных доказательствах (предметах), сгруппировав их по классификационным признакам или на основании единого механизма следообразования; каков механизм образования следов крови; в каких условиях образовались следы крови с учетом конкретной обстановки; могли ли образоваться следы крови при обстоятельствах, указанных в постановлении о назначении экспертизы и в материалах уголовного дела.

При формулировании выводов следует с осторожностью учитывать наличие ограниченного количества мелких следов крови, пригодных для экспертной оценки. Критически нужно оценивать следы от брызг в тех случаях, когда имеются значительные площади загрязнения кровью. Нередко малые участки со следами от брызг могут оказаться результатом падения капель крови с самого пострадавшего, или же когда лужа крови образует вторичные (сателлитные) следы, которые можно ошибочно расценить как самостоятельные.

4. По результатам исследований эксперт составляет заключение. Заключение эксперта в государственном судебно-экспертном учреждении оформляется в соответствии с требованиями УПК РФ, Федерального закона от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ и приказа МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в ОВД РФ».

Заключение эксперта оформляется в двух экземплярах. Каждая страница заключения, включая приложения, подписывается экспертом и заверяется оттиском печати ЭКП.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта (фототаблицы, схемы, графики и так далее), прилагаются к заключению эксперта и являются его составной частью. При оформлении иллюстративного материала допускается размещение иллюстраций по тексту заключения эксперта.

В криминалистике есть понятие комплексной экспертизы и комплекса экспертиз. Некоторые ученые указывают на необходимость в отдельных случаях назначения комплексной экспертизы для выяснения механизма образования следов крови, фактически имея в виду последовательно назначаемые самостоятельные экспертизы. Например, объекты со следами крови сначала направляются на криминалистическую экспертизу формы следов крови, а потом на судебно-биологическую экспертизу. Комплексная экспертиза должна назначаться тогда, когда возникающие у следователя вопросы, возможно решить только на основе кооперации знаний разных наук и относящихся к компетенции различных видов экспертизы. Например, когда задача может быть решена с помощью комплексной технической и судебно-медицинской экспертизы, судебно-медицинской и криминалистической экспертизы (например, сведения о механизме происхождения крови на месте происшествия и сведения относительно расположения потерпевшего и стрелявшего в момент выстрела позволят прийти к выводу о том, что убийство произошло в результате выстрела из ружья, совершенного по неосторожности)¹. В профессиональной литературе высказывается

¹ См.: Шиканов В. И. Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. Иркутск, 1976. 230 с.

мнение и о том, что проведением экспертизы пятен крови должен заниматься один человек, имеющий достаточную профессиональную подготовку, чтобы в полной мере оценить и соотнести форму исследуемых пятен с их групповой характеристикой, сделав, таким образом, обобщенное заключение об источниках и механизмах образования следов, подтвердив или опровергнув следственную версию¹.

При расследовании преступлений экспертное изучение формы следов крови, относящихся к объяснению механизма их образования, и биологическое исследование крови, образовавшей след, тесно связаны между собой. Но каждое из названных исследований выступает в качестве самостоятельной экспертизы и носит самостоятельный характер. Поэтому нужно серьезно отнестись к решению вопроса об очередности, помня, что биологическое исследование следов крови может быть связано с частичным или полным их уничтожением. Поэтому при осмотре места происхождения следы крови должны быть тщательно зафиксированы, в протоколе отражены их форма, размеры, взаиморасположение и другие особенности. Неквалифицированное и поверхностное описание похожих на кровь следов затрудняет расследование преступлений и проведение экспертиз².

Все вышесказанное свидетельствует об актуальности и перспективности судебно-медицинских исследований крови, особенно механизма образования ее следов. И эти исследования должны носить комплексный характер.

Стиеранка Й., Марко М.,

Изъятие и конфискация доходов, полученных от преступной деятельности, в Словацкой Республике

Введение

Получение прибыли в большинстве случаев является основным мотивом совершения, в первую очередь, экономических, финансовых, налоговых, имущественных преступлений, а также коррупции. Прибыль стала «двигателем» организованной преступности и одновременно ее главной целью. На первый план выходит погоня за прибылью любым путем, стремление максимально увеличить ее, невзирая на используемые средства. Случаи получения дохода от преступной деятельности

¹ *Ананьева Л. Е.* Судебно-медицинское значение морфологии механизма образования следов крови (обзор литературы) // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. Хабаровск, 2007. № 82. С. 77–85.

² *Ботвинник М. М.* Значение осмотра места происхождения для проведения экспертизы по следам крови // Материалы расширенной научно-практической конференции Белорусско-Смоленско-Брянского научных обществ судебных медиков: Тезисы докладов. Смоленск, 1977. С. 240–241.

организованными группами лиц отличаются от традиционных форм преступной деятельности некоторыми характерными особенностями, в первую очередь:

- огромным масштабом прибыли, несравнимым с прибылью от классических преступлений;
- необходимостью перевода дохода от организованной преступной деятельности (торговля наркотиками, оружием, проституция) в легальную финансовую систему — инвестирования в некие прибыльные области экономики или же некой иной капитализации. Задача состоит не в том, чтобы сразу же потратить полученный доход от преступной деятельности, а наоборот — с помощью одной из форм «отмывания» обеспечить его дальнейший рост;
- финансовыми операциями, при помощи которых «грязные средства» (доходы от преступной деятельности) переводятся в легальную финансовую систему и которые в большинстве случаев малозаметны и почти не отличаются от обычных банковских операций. Главными действующими лицами при этих транзакциях являются не «типичные преступники», а гораздо более «приличные» граждане из числа «белых воротничков»¹.

1. Необходимость отъема имущества, полученного в результате преступной деятельности

В случае если мы не будем изымать и конфисковывать доходы от преступной деятельности, а оставим полученные денежные средства в руках самих преступников, мы создадим условия для финансирования адвокатов, влияния на свидетелей, экспертов, коррумпирования государственных служащих и тому подобного. Одновременно существует и реальная опасность того, что значительная часть дохода, полученного в результате преступной деятельности, вновь будет инвестирована в «криминальную экономику», что может иметь серьезные негативные последствия для экономического пространства всего государства. Бесспорно, такая ситуация оказывает отрицательное воздействие и на правовое мышление граждан. Лица, совершающие преступления, а также потенциальные преступники будут иметь мотивацию для занятия преступной деятельностью, поскольку будут уверены в том, что после отбывания наказания в виде лишения свободы все доходы, полученные ими в результате преступной деятельности, останутся у них и они смогут их использовать для дальнейших инвестиций. Общеизвестно, что успешная борьба с преступностью, особенно, организованной, реальна лишь в том случае, если мы имеем возможность лишать лица, совершающие преступления, в первую очередь, преступные группировки, их доходов от преступной

¹ *Štieranka J.* Pranie špinavých peňazí. Bratislava: EPOS, 2001. 315 s. ISBN 80-8057-410-3.

деятельности. Поэтому все усилия полицейских органов и органов, участвующих в производстве уголовного дела, должны быть направлены, помимо доказательства вины, на принятие мер для изъятия имущества, полученного в результате преступной деятельности, причем как в рамках производства уголовного дела, так и за рамками этого производства. Однако подобная практика в странах Европейского Союза отсутствует. Эксперты из Европола предполагают, что доходы от преступной деятельности в Евросоюзе составляют порядка 160 млрд евро. Из них лишь 2,2 млрд евро временно изъяты, и лишь 1,1 млрд евро конфискованы.¹ По нашему мнению, в Словацкой Республике должно быть принято больше правовых институтов, которые бы позволили чаще использовать меры по изъятию имущества, полученного в результате преступной деятельности, уже на стадии раскрытия преступления. Меры, принимаемые органами полиции в Словацкой Республике, а также органами, участвующими в производстве уголовного дела, и оперативными подразделениями Полицейского Корпуса (криминальной и финансовой полицией), часто имеют целью лишь раскрытие самого преступления и личности преступника, а также описание и расследование дела. Имущество, полученное в результате преступной деятельности, в большинстве случаев остается без внимания и не изымается. Эту практику в Словацкой Республике доказывают и данные статистики Министерства внутренних дел, согласно которым размер изъятого имущества в 2015 году составил лишь 2 процента от общего зафиксированного размера ущерба от преступной деятельности, а в 2016 году — 6 процентов. Эти данные и данные за другие годы приводятся в следующей таблице.

Таблица

Размер изъятого имущества в отношении к общему зафиксированному размеру ущерба от преступной деятельности на территории Словацкой Республики, тыс. евро

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Сумма изъятого имущества, тыс. евро	14 822	10 303	8 644	15 402	12 722	7 183	24 618
Общий размер ущерба, тыс. евро	734 904	558 331	701 421	536 704	489 166	396 449	382 409
Доля изъятого имущества, %	2	2	1	3	3	2	6

Источник: Министерство внутренних дел Словацкой Республики. Полиция. Национальное криминальное агентство. Финансовое разведыватель-

¹ См. доклад Педро Сейксаса Фелицио (Pedro Seixas Felicio) (Европол) на международном специализированном семинаре «Финансовое расследование, управление изъятым и конфискованным имуществом», прошедшем 04.10.2016 г. в Братиславе (Словацкая Республика).

ное управление. Информация о деятельности и полицейская статистика в Словацкой Республике за период 2009–2016 гг.

2. Юридические возможности изъятия доходов от преступной деятельности в Словацкой Республике

Изъятие доходов (имущества), полученного от преступной деятельности, в Словацкой Республике понимается как временный отъем имущества. Изъятие имущества как временный отъем или же замораживание имущества — это «временный запрет на перемещение, изменение, передвижение или распоряжение имуществом, временное изъятие такого имущества на хранение или в целях осуществления его проверки на основании распоряжения суда или иного уполномоченного органа»¹. Целью такого изъятия имущества является реализация в дальнейшем санкции окончательного отъема имущества, полученного в результате преступной деятельности, называемой конфискацией.

С временной и предметной точки зрения в Словацкой Республике доход (имущество), полученный от преступной деятельности, может быть временно изъят как в рамках производства по уголовному делу, так и вне этих рамок. Изъять предмет до начала производства по уголовному делу возможно согласно нормам Уголовного Кодекса. Такие случаи изъятия являются предварительными мерами и не носят характер действий в рамках уголовного дела. Поэтому нет необходимости в этих случаях руководствоваться Уголовно-процессуальным Кодексом.

Речь идет о следующих правовых нормах:

- закон № 171/1993 Свода законов «О Полицейском Корпусе» с последующими дополнениями (§§ 21, 29a);
- закон № 652/2004 Свода законов «Об органах государственного управления в сфере таможи» с последующими изменениями и дополнениями (§ 22);
- закон № 124/1992 Свода законов «О военной полиции» с последующими дополнениями (§13a);
- закон № 297/2008 Свода законов «О защите от легализации доходов, полученных от преступной деятельности, и защите от финансирования терроризма» с последующими дополнениями (§16).

Учитывая то, что суды Словацкой Республики имеют право изымать доходы и прочее имущество, полученное от преступной деятельности, во время ведения производства по уголовному делу лишь в том случае, если на момент вынесения решения это имущество физически существует и принадлежит тому лицу, против которого ведется уголовное дело («преступнику»), или другим лицам, то преступники стараются предстать перед судами финансово абсолютно несостоятельными. Оттого необходимо заранее, то есть в начале производства по уголовному делу

¹ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10.2003.

изъять доходы и прочее имущество преступника, которым он владеет. Цель этой меры — воспрепятствовать тому, чтобы преступник имел какую-либо возможность манипулировать вещами и прочими материальными ценностями, полученными от самой преступной деятельности или в качестве вознаграждения за совершение преступления. Если не будет доказано, что конкретная вещь или иная материальная ценность была получена им в результате преступной деятельности, то суд отменяет изъятие. В настоящее время словацкое правовое урегулирование предусматривает ряд целей, с которыми могут быть изъяты доходы или имущество обвиняемого. Орган, участвующий в производстве уголовного дела, и суд имеют возможность изъять вещь, то есть временно ограничить владельца в распоряжении вещью с целью:

- возврата вещи потерпевшему;
- удовлетворения прав потерпевшего на возмещение ущерба;
- исполнения наказания (конфискация вещи, имущества);
- исполнения меры пресечения (арест имущества);
- международной правовой помощи.

Необходимое условие для изъятия дохода (имущества) в виде вещи состоит в том, что она является вещественным доказательством и на нее может распространяться положение § 60 Уголовного Кодекса о наказании в виде конфискации имущества или положение § 83 Уголовного Кодекса о мере пресечения в виде наложения ареста на имущество¹. С теоретической точки зрения все институты изъятия можно разделить на общие институты изъятия и особые институты изъятия. Общие институты изъятия в процессе производства по уголовному делу это:

- обязанность по выдаче подлежащей изъятию вещи (так называемая общая обязанность по выдаче вещей, § 89 Уголовно-процессуального Кодекса);
- изъятие вещи (§ 91 УПК);
- получение изъятой вещи (§ 92 УПК);
- обыски (жилища, иных помещений и территорий, личные — §§100, 101, 102 УПК).

Если в рамках уголовного дела было предъявлено обвинение конкретному физическому лицу, то после предъявления обвинения можно применить следующие институты изъятия:

- изъятие для удовлетворения требований потерпевшего (§ 50 УПК);
- исполнение наказания в виде конфискации имущества (§ 425 УПК).

Особые институты изъятия в процессе производства по уголовному делу это:

¹ *Ivor J. a kol. Trestné právo procesné. Druhé, doplnené a prepracované vydanie. Bratislava, 2010. S. 351 — 353.*

- изъятие денежных средств (§ 95 УПК);
- изъятие оприходованных ценных бумаг (§ 96 УПК).

3. Юридические возможности конфискации дохода (имущества), полученного от преступной деятельности

Нужно отметить, что словацкое законодательство не использует термин «конфискация». Конфискацию имущества нужно понимать как окончательный отъем, изъятие имущества. В Словацкой Республике окончательно изъять имущество возможно лишь по решению суда. В словацком Уголовном Кодексе — Законе № 300/2005 Св. зак. с последующими изменениями и дополнениями — сохраняется дуализм санкций, которыми являются собственно наказания и меры пресечения. Санкции представляют собой правовые последствия за совершенное преступление или иное противоправное действие.

В Словацкой Республике возможно назначить два типа наказаний, которые не могут быть применены одновременно (§ 34, ч. 7d), а именно:

- наказание в виде конфискации имущества (§§ 58, 59 УК);
- наказание в виде конфискации вещи (§ 60 УК).

Мера пресечения может быть назначена самостоятельно, т.е. без наказания, одновременно с наказанием, а также вместо наказания, если с ее помощью защита общества от преступника будет более эффективной, чем с помощью наказания, или же если это необходимо для защиты общества от новых преступлений (§ 33 ч. 1, 3 УК). В отличие от наказания, меру пресечения можно назначить и заинтересованному лицу (§ 45 ч. 1 УПК). В настоящее время Уголовный Кодекс позволяет назначить меру пресечения в виде ареста имущества (§ 83 УК).

В Словацкой Республике возможно окончательно изъять имущество, имеющее нелегальное происхождение, и вне рамок уголовного преследования. Этот «специфический» способ изъятия имущества регулируется специальным законодательным актом — законом № 101/2010 Св. зак. «О доказательстве происхождения имущества» с последующими изменениями и дополнениями, вступившим в силу 1 января 2011 года. Этот закон исходит из того, что каждый человек может достоверно доказать происхождение своего дохода и имущества. В противном случае государство имеет право инициировать процесс в гражданском суде и требовать от ответчика, чтобы тот доказал неверность предположений о незаконном происхождении его имущества.

Суденко В. Е.

Значение идей Р. С. Белкина о методологическом потенциале категорий диалектики в криминалистике

Окружающий нас мир осознается нами посредством категорий, являющихся формой отражения в мысли законов мира. Человек осознает

объективный мир с помощью понятий, а потому все категории — суть понятия (в то же время категориями являются далеко не все понятия). Знаниям об окружающем мире, окружающей действительности свойственны определенные категории. Есть категории общие для всех отраслей знания, для всех отраслей науки. Исследованием таких категорий, всеобщих законов, связей между ними занимается философия. Вопросы дальнейшего развития содержания категорий диалектики и их корреляция с другими науками имеют отношение и к криминалистической науке.

Криминалистика, относящаяся к общественным наукам, имеет непосредственную связь со многими из них, но прежде всего с философией. С философских позиций проведено немало количество научных исследований диалектических категорий, создан значительный потенциал подходов и идей, в которых довольно обстоятельно проанализированы философские проблемы категорий диалектики¹. В уголовно-правовой науке осуществлены научные исследования отдельных категорий диалектики, в том числе причины и следствия, сущности и явления и других². К сожалению, проблема методологического потенциала философских категорий в криминалистике относится к числу наименее разработанных, таких исследований с позиции криминалистики явно недостаточно³.

О значимости исследования философских категорий, в том числе категорий диалектики, применительно к науке криминалистики в свое время говорил профессор Р. С. Белкин⁴.

Рассмотрение диалектических категорий криминалистической наукой, применительно к ее предметному и познавательному своеобразию, продиктовано потребностью утвердиться в том, что особенности науки

¹ *Ивлев В. Ю.* Методологический анализ категорий необходимость, случайность и возможность. Дис. ... канд. философ. наук. М., 1997; *Колтышев А. Н.* Проблема причинности (История и теория). Дис. ... д-ра философ. наук. СПб., 1994; *Налетов И. З.* Причинность и теория познания. М., 1975; *Орлов Е. В.* Проблема особенного у Аристотеля. Дис. ... канд. философ. наук. М., 1997; *Перминов В. Я.* Проблема причинности в философии и естествознании. М., 1979; и др.

² См.: *Церетели Т. В.* Причинная связь в уголовном праве. М., 1963; *Малинин В. Б.* Философские, исторические и теоретические основы причинной связи в уголовном праве. СПб., 1999; *Векленко С. И.* Методологическое значение закона отрицания для познания вины в уголовном праве // Онтология и аксиология права. Материалы международной научной конференции, 27–28 сентября 2003 г. Омск: Изд-во Ом. Акад. МВД России, 2003. С. 189–192.

³ *Якубович Н. А.* Роль философских категорий в познании природы судебных доказательств. Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967. Вып. 5; *Колотушкин С. М.* Категории, принципы и законы криминалистики как критерии ее научности // Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности в Республике Калмыкия: материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию Декларации прав и свобод человека и гражданина и 15-летию Конституции РФ. Элиста: КГУ, 2009. С. 217–221.

⁴ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики в 3 томах. М., 1997.

криминалистики — это диалектика особенного и всеобщего, составная часть всеобщего, это не случайное в контексте всеобщего. Все парные категории диалектики, так или иначе, проявляются в криминалистике — причина и следствие в закономерных связях механизма преступления (причина) и его следов (следствие); необходимость и случайность в том, что следы преступления с необходимостью возникают в результате совершенного преступления, а вмешательство каких-то случайностей (обстоятельств) нередко приводит к их утрате, уничтожению. Сущность и явление проявляются в том, что явление существует, а сущность является. Иными словами, явление, в данном случае следы преступления, существенно, а сущность закономерно проявляется в объективном мире посредством механизма преступления, она является.

В свете сказанного отметим, что криминалистика, выходя за границы своей базовой сферы, постигает новую предметную область.

Наука криминалистики концентрирует свой познавательный интерес на исследовании философской стороны категорий, на обнаружении познавательных возможностей и эвристического потенциала конкретной диалектической категории в области криминалистики. Эвристический потенциал диалектических категорий в области криминалистики — это та их часть, которая отражает возможность продуктивной криминалистической деятельности, сопровождающейся созданием криминалистического продукта. Эвристический потенциал категорий диалектики включает в себя, с одной стороны, возможности философии, с другой — возможности криминалистики (криминалистической техники, тактики, методики).

Существенное значение при этом отдается содержательной детализации конкретной категории диалектики применительно к специфике криминалистики, осмысливанию и толкованию положений и закономерностей криминалистики в русле данной конкретной категории, в русле ее аксиологии и методологии. Анализируя конкретно исследуемое преступление сквозь призму таких категорий, как общее и особенное, нами выявляется как его тождество, так и различие с другими преступлениями. Осмысливая криминалистические закономерности механизма совершения преступления через призму категорий причинность и необходимость, мы улавливаем их причинную обусловленность, необходимые и случайные свойства и связи. Анализируя конкретное преступление в свете категорий качества и количества, мы уясняем качественные и количественные характеристики возможных и действительных следов данного деяния и при определенных условиях переход количественных характеристик в качественные, и взаимосвязи между ними. При этом всегда доминируют криминалистические мотивы, ориентиры и направления научного исследования.

Философский профиль криминалистики обусловлен потребностями самой этой науки в ее философском осмыслении. Познание философ-

ских категорий и их содержания способствует более плодотворному взаимному общению представителей различных конкретных наук, необходимому для целей раскрытия и расследования преступлений, а также общению с представителями различных отраслей и направлений одной и той же науки. Можно сказать, что система диалектических категорий представляет собой основу языка не только внутринаучного общения, но и, безусловно, межнаучного.

Диалектический метод исследования учитывает всеобщую связь явлений природы и общества в их постоянном развитии. Относительно криминалистики категории диалектики применяются при реализации положений криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики в следственной, а далее и в судебной практике.

Профессор Р. С. Белкин отмечал, что связь философии и криминалистики представляет собой частный случай взаимоотношения специально-научного и философского исследования¹. При этом необходимо сразу же отметить, что в современных условиях значительно возрастает роль философии как мировоззрения и как научной методологии, являющейся основой интеграции наук, комплексных исследований актуальных проблем современной практики и познания. Являясь наукой о всеобщих законах природы, общества и человеческого мышления, философия — суть база для разработки частнонаучной методологии, в том числе криминалистической техники, тактики, методики.

С этой точки зрения философия выполняет особую мировоззренческую функцию, не обладаемую криминалистикой, а также функцию философского метода познания. В то же время материалистическая диалектика лежит в основе всех не только отдельных методов криминалистики, но и всей системы ее методов.

Важнейшие проблемы конкретной частной науки, в данном случае мы имеем в виду криминалистику, приобретают философское значение, становясь философскими проблемами данной области знания. Задача заключается в том, чтобы на базе решения этих философских проблем показать диалектико-материалистическую сущность криминалистической науки, то есть исследовать ее философские основы, что возможно лишь с позиций материалистического мировоззрения, с позиций теории отражения.

Известно, что природе присуща универсальная закономерность вечного движения и развития. Раскрывая эту универсальную закономерность, показывая ее проявление в криминалистике, мы не переносим механически категории философии в эту науку, а раскрываем механизм их действия в данной отраслевой науке, решая криминалистические общетеоретические проблемы на базе материалистической диалектики.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 томах. Т. 1. М., 1997.

В условиях развития научного знания чрезвычайно актуальной становится надобность методологического использования философских категорий, представляющие наиболее общие отражения закономерностей объективного мира и процесса познания. Исследователь, для того чтобы раскрыть сложную систему явлений окружающей действительности, применяет в своей познавательной деятельности диалектические категории как средство познания¹.

Философские категории, являясь мыслительными формами выражения самых общих свойств и связей окружающего мира, отражают отношения и связи, присущие всем объектам, и потому любая наука опирается на них и исходит из них. Философские категории в своей всеобщности отражают наиболее существенные связи и стороны действительности, они устойчивы и незыблемы в бесконечных сменах и изменениях конкретных понятий и представлений отдельных наук². При этом следует учитывать, что и философские категории претерпевают изменения и развитие. Но никакие конкретные изменения, происходящие в специальных отраслях знания, не смогут отменить, сделать ненужными рассматриваемые философские понятия, поскольку они несравнимы с существующими в определенный момент частными научными представлениями об их конкретном содержании.

Предельная общность философских категорий и проявляется в их необходимой гибкости и, одновременно, незыблемости.

Методологическое значение диалектических категорий для частных наук заключается в том, что без них вряд ли можно сформировать и истолковать принципы и основные понятия конкретных областей знания. Построение методологии конкретной науки невозможно без анализа особенных для данной науки проявлений категорий диалектики, поскольку через методологию специальных наук на них влияет философия. Методологическое значение диалектических категорий для специальных наук заключается и в том, что они используются и на фундаментальном, и на любом ином уровне конкретной науки при решении любых задач³.

Итак, исследование и учет философских категорий позволяет определить место и роль научного факта в ходе познания истины (в том числе объективной истины по уголовному делу⁴), в указанных

¹ Суденко В. Е. К вопросу о реализации методологического потенциала философских категорий «сущность» и «явление» в уголовно-правовых исследованиях и судебно-следственной практике // Право и государство: теория и практика. 2012. № 3 (87).

² Розенталь М. М. Ленин и диалектика. М., 1963. С. 424.

³ Якубович Н. А. Роль философских категорий в познании природы судебных доказательств // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967. Вып. 5.

⁴ Суденко В. Е. Объективная истина как цель уголовного процесса при расследовании транспортных преступлений // Транспортное право и безопасность 2017. № (9) 21. ЭНИ Российского университета транспорта (РУТ (МИИТ)). С. 66–73.

категориях проявляются новые, пока не известные ни науке, ни практике связи и отношения между изучаемыми явлениями, событиями. Помимо этого, без обращения к категориям философии вряд ли возможно формулирование категорий частной науки, то есть наиболее общих понятий, которые как бы сосредоточивают основную сущность содержания отдельной отрасли научного знания. К таким категориям, помимо называемых выше, в науке криминалистики принято считать понятия криминалистической техники, криминалистической тактики, криминалистической методики, криминалистических приема и рекомендации и ряд других.

Татьянина Л. Г.

Назначение судебно-психиатрической экспертизы подозреваемым, обвиняемым в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков

Количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, постоянно увеличивается, все большее количество людей вовлекается в употребление наркотических средств, в связи с чем возникает необходимость поиска путей решения возникшей проблемы. Безусловно, что социальная составляющая является одним из основных факторов, который влияет на возникновение желания найти в наркотиках решение существующих проблем. Выход из сложных жизненных ситуаций в наркотиках находят, в основном, лица с неустойчивой психикой, либо социально неадаптированные личности. Указанные лица нуждаются в защите, не только как подозреваемые или обвиняемые по уголовному делу, но и как члены общества, попавшие в сложную ситуацию, из которой не могут выйти самостоятельно. В связи с чем в процессе производства по уголовному делу, связанному с незаконным оборотом наркотиков, возникает вопрос не только о привлечении лица к уголовной ответственности за совершение преступления, но и о принятии мер по оказании помощи указанному лицу.

Одним из наиболее актуальных по указанной категории дел является вопрос о производстве судебно-психиатрических экспертиз в целях исследования личности подозреваемого, обвиняемого. Полностью поддерживаю позицию, высказанную ранее К. Г. Бычковой о необходимости рассматривать наркоманию в любой ее форме при расследовании уголовных дел как психическое заболевание, в связи с чем в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за употребление наркотических средств назначать судебно-психиатрическую экспертизу, а также на лиц, страдающих наркоманией распространять правила, предусматривающие обязательное участие защитника по делам лиц,

которые в силу своих психических недостатков не могут осуществлять самостоятельно право на защиту¹.

Учитывая, что задержанное за незаконный оборот наркотических средств лицо может находиться в состоянии наркотического опьянения или абстиненции, то необходимо установить его психическое состояние, в этих целях следует провести медицинское освидетельствование врачом-наркологом или врачом-психиатром, если нет возможности провести наркологическую экспертизу.

Полагаю, что проведение следственного освидетельствования с участием врача-нарколога² проводить нецелесообразно, поскольку в указанном случае освидетельствование проводится следователем, который не обладает достаточными специальными познаниями, а врач-нарколог в указанном случае дает пояснения, но не проводит самостоятельного обследования задержанного.

Проведение врачом медицинского освидетельствования позволяет установить диагностику психического, неврологического состояния лица, дать соответствующие рекомендации. Следует учесть рекомендации специалиста о возможности и времени проведения следственных действий с испытуемым лицом³. При этом участие защитника при производстве всех следственных действий с участием лица, употребляющего наркотические средства должно быть обязательным.

Поскольку в предмет доказывания согласно п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ входит установление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, то при наличии задержания лица с наркотическими средствами необходимо назначать комплексную судебную нарколого-психолого-психиатрическую экспертизу (далее — экспертиза личности). Употребление наркотиков отражается на психическом состоянии личности, может вызвать необоснованную агрессию, привести к возникновению галлюцинаций и т.п., поэтому необходимо установить наличие (отсутствие) психического расстройства, а также психотический или непсихотический уровень поражения психики. Выяснение указанных обстоятельств обеспечит правильное восприятие поведения личности, как в момент совершения преступления, так и в процессе производства по уголовному делу в целом, поможет более обоснованно определиться с применением меры пресечения, а в последующем меры наказания.

¹ См.: *Бычкова К. Г.* Предварительное расследование уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1999. С. 9.

² См.: *Когосов А. П.* Формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 11.

³ См.: *Бычкова К. Г.* Предварительное расследование уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1999. С. 10.

В случае задержания лица в состоянии наркотического опьянения целесообразно помещать его в психиатрическую клинику для производства стационарной экспертизы, которая обеспечивает не формальное, а качественное установление наличие отклонений в психике лица. Заключение под стражу лица, которое окажется в состоянии наркотического голодания после окончания действий наркотика, может поставить в опасное состояние не только указанное лицо, но и окружающих. Учитывая физическую и психическую зависимость лица от наркотического средства, в период наркотического голодания с ним не должно проводиться никаких следственных или иных процессуальных действий. При установлении факта проведения следственных действий с лицом, которое находилось в состоянии наркотического опьянения или наркотического голодания, его результаты должны быть признаны недопустимыми доказательствами.

Проведения экспертизы личности позволит установить степень наркотической зависимости и необходимость лечения от наркомании либо от иных психических расстройств, которые могли возникнуть в связи с употреблением наркотиков либо вне связи с ними, но нуждаются в медицинском лечении. Проведение комплексной экспертизы позволит принять решение о целесообразности применения лечения, его виде.

Психологическое исследование позволит установить влияние наркотически средств на изменение характера лица и его поведение в конкретных ситуациях, определить особенности поведения личности, что позволит определить правильную линию поведения при установлении контакта с лицом и принятия в отношении него обоснованных процессуальных решений. В частности, связанных с применением мер уголовно-процессуального принуждения.

Назначение и проведение экспертизы личности по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков позволит обеспечить защиту больного лица, обеспечить его дальнейшую социализацию. Указанная экспертиза должна проводиться во всех случаях, когда будет установлен факт употребления наркотических средств. При установлении употребления лицом «тяжелых наркотиков» следует проводить стационарную экспертизу личности, что связано с необходимостью выявления различных сложных патологий, учитывая полисимптомность психических расстройств.

Назначение и проведение экспертиз должно осуществляться на первоначальном этапе производства предварительного расследования.

Полагаю, что пункт 3.2. ст. 196 УПК РФ следует изложить в следующей редакции: «При задержании лица за совершение преступления в состоянии наркотического опьянения следователь, дознаватель обязан назначить комплексную нарколого-психолого-психиатрическую экспертизу. При установлении употребления лицом тяжелых наркотиков

следователь, дознаватель назначает стационарную комплексную нарколо-психоло-психиатрическую экспертизу».

Тишутина И. В.

Научное наследие профессора Р. С. Белкина и его роль в становлении частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию преступлений

Система частных криминалистических теорий, как и любая система научного знания, находится в состоянии непрерывного развития и изменения как количественно, так и качественно. Тенденцией этого процесса является, в частности, пополнение системы, расширение круга ее элементов за счет возникновения новых частных криминалистических теорий.¹ Огромный вклад Рафаила Самуиловича Белкина в развитие теории криминалистики и практики раскрытия и расследования преступлений проявился, в частности и в отношении теории преодоления противодействия расследованию.

Так, рассуждая о следственной ситуации и ее тактическом значении, о концепции так называемого «бесконфликтного следствия», он весьма четко отметил, что в ходе раскрытия и расследования преступления, конфликт правонарушителя с законом может обрести форму конфликта со следователем. В этом случае — в конфликтной следственной ситуации, противодействие установлению истины со стороны заинтересованных лиц и меры следователя по его преодолению являются доминирующими факторами.²

В целом преимущественно с 60-х годов прошлого века в рамках изучения отдельных способов сокрытия преступлений, закладываются основы понятия уголовно-процессуального конфликта, уже тогда А. М. Ларин отмечал, что «наибольшую угрозу сохранности доказательств представляет *сознательное противодействие* лиц, заинтересованных в искажении результатов расследования»³.

В это время учеными-криминалистами, в том числе Р. С. Белкиным большое внимание уделяется дискуссии о способе сокрытия преступления и его соотношении со способом преступления на основе глубоко анализа объемного эмпирического материала.⁴ В определенном смысле

¹ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М., 1997. Т. 2. С. 29.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М., 1988. С. 97.

³ Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966. С. 45. Однако данный комментарий не основывался на изучении явления противодействия, а был умозрительным.

⁴ Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. С. 27; Лузгин И. М., Лавров В. П. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение. М., 1980; Лузгин И. М., Лавров В. П. Криминалистическая

итоги по этому вопросу подвел Г. Н. Мудьюгин, считавший, что если сокрытие не охватывается общим преступным умыслом и не являлось необходимым условием совершения преступления, то его можно считать *самостоятельным комплексом действий*.¹ Таким образом, *прослеживаются первые попытки выделения системы действий, направленных пока что на сокрытие преступления в самостоятельную криминалистическую категорию и углубленного ее изучения.*

*Впоследствии постепенно сформировалось общее представление о возможности существования самостоятельного комплекса действий по сокрытию преступления, не входящего в способ преступления.*² Это могут быть действия других лиц по сокрытию того же самого преступления или действия самого преступника, осуществляемые с разрывом во времени с преступлением и не входившие в осуществленный им замысел. Обязательным условием самостоятельности способа сокрытия, уточнял эту мысль Р. С. Белкин, является его нахождение за пределами единого умысла, охватывающего собой стадии преступной деятельности.³ Способ сокрытия, писал Г. Г. Зуйков, может реализовываться как в рамках способа совершения преступления, так и самостоятельно.⁴ Однако он предпочел именовать действия по сокрытию *способом уклонения от ответственности*.⁵ Причем действия, направленные на воспрепятствование установлению истины, заметил Н. П. Яблоков, могут быть совершены не только субъектом преступления, но и иными лицами и тогда они представляют самостоятельную криминалистическую категорию.⁶

Таким образом, выкристаллизовался основной подход, согласно которому сокрытие преступления есть один из трех элементов его полноструктурного способа.⁷ Однако на практике, все чаще стали проявляться ситуации, когда сокрытие преступлений выступало в виде самостоятельной системы действий, направленных на воспрепятствование

сущность, средства и методы установления способа сокрытия преступлений. М.: МФЮЗО при Академии МВД СССР, 1987.

¹ См.: Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. М., 1957. С. 66. Эту позицию поддержал В. Г. Танасевич. См. его: Проблемы борьбы с хищениями государственного и общественного имущества. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967.

² См.: Уткин М. С. Особенности расследования и предупреждения хищений в потребительской кооперации. Свердловск, 1975.

³ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М., 1979. Т. 3. С. 231.

⁴ Зуйков Г. Г. О способе совершения и способе сокрытия преступления. Оптимизация расследования преступлений. Иркутск, 1982. С. 56–64.

⁵ См.: Зуйков Г. Г. Исследование способов совершения преступлений и уклонения от ответственности как предпосылка повышения эффективности планирования расследования // Версии и планирование расследования. Свердловск, 1985. С. 104.

⁶ Яблоков Н. П. Структура способа совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики. Способы сокрытия следов преступлений и криминалистические методы их установления. М., 1984. С. 44.

⁷ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997. С. 364.

раскрытию и расследованию преступлений. Р. С. Белкин отмечал в тот период, что наличие элементов борьбы, соперничества в достижении целей при производстве расследования в условиях противодействия со стороны лиц, незаинтересованных в установлении истины, обычно не вызывало сомнений ни у криминалистов, ни у процессуалистов, следовательно должен быть готов к противодействию.¹ В трехтомном «Курсе криминалистики» Р. С. Белкина в рамках отдельной главы рассматривается сокрытие преступления уже как форма противодействия расследованию.

И к этому же времени относятся первые научные разработки проблем противодействия расследованию, его сущности, системы, а вместе с тем организационных, правовых, тактических мер по его выявлению и преодолению (В. Н. Карагодин, В. П. Лавров, И. М. Лузгин)².

С начала 90-х годов прошлого столетия теория преодоления противодействия расследованию стала предметом исследования ряда диссертаций, множества иных научных работ.³ Концепцию противодействия расследованию, как особого вида ситуационно повторяющейся деятельности, представляющей собой элемент конфликтного общения, возникающего в связи с возможным или осуществляющимся производством по уголовному делу, обосновал В. Н. Карагодин, констатируя при этом, что «система знаний, представлений, понятий, относящихся к преодолению противодействия предварительному расследованию, обладает всеми свойствами частной научной теории и образует самостоятельное криминалистическое учение»⁴.

Именно Рафаил Самуилович Белкин одним из первых среди ученых-криминалистов показал объективную обусловленность проблемы

¹ Белкин Р. С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. С. 462.

² См.: Лузгин И. М., Лавров В. П. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение. М., 1980; Карагодин В. Н. Соотношение сокрытия и способа совершения преступления // Государство и право в системе социального управления. Свердловск, 1981. С. 109–112; Лавров В. П. Криминалистические проблемы установления способа сокрытия тяжких преступлений против личности // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы по делам о тяжких преступлениях. Караганда, 1985; и др.

³ См., напр.: Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1992; Лубин А. Ф., Лавров В. П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Материалы научно-практической конференции «Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации», г. Руза — г. Москва, 29–30 октября 1996 г. М., 1997; Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997.

⁴ Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 10–11.

противодействия расследованию преступлений реалиями современной преступности, ее социальную сущность как элемента организованной преступной деятельности.¹ Однако не менее важно и то, что он инициировал активное участие в разработке этой проблемы многих других ученых, в том числе, обязанных ему как учителю. Рафаил Самуилович разделял точку зрения ученых (А. Ф. Волынский, Е. П. Ищенко, В. Н. Карагодин, А. М. Кустов, В. П. Лавров и многие их ученики — А. Б. Петрунина, С. М. Ремизов, А. Ю. Федоренко, М. В. Шеголева и др.), которые на этапе определения сущности понятия противодействия расследованию аргументировали позицию о том, что это *система умышленных, в основном противоправных с точки зрения закона действий (бездействий)*².

*Важно помнить, что значение изучения противодействия расследованию преступлений для криминалистической практики состоит не только в сведениях о видах, способах и приемах противодействия, его субъектах, но прежде всего в возможности прогнозировать противодействие и осуществлять меры по его нейтрализации как социального явления и преодолению в каждом случае расследования уголовных дел. Поэтому разработка последних стала важной задачей криминалистики уже на этапе зарождения этого явления, и нашла свое выражение в ряде работ.*³

*Методы и средства преодоления противодействия на этапе становления теории, развития научных представлений о сущности и рамках данной категории, рассматривались по аналогии с методами и средствами, используемыми традиционно для выявления и преодоления сокрытия преступления. Хотя, В. П. Лавров и И. М. Лузгин уже тогда прямо писали, что сокрытие надо понимать более широко, как умышленное воспрепятствование расследованию, как часть, элемент противодействия.*⁴

По мере изучения явления противодействия расследованию накапливался научный багаж и опыт его преодоления. И в 1997 году Р. С. Белкин разделил средства и методы преодоления противодействия расследованию на две группы:

— *средства и методы преодоления попыток сокрытия преступлений;*

¹ См.: Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997. С. 129–150.

² См.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 175.

³ См., напр.: Овечкин В. А. Расследование преступлений, скрываемых инсценировкой. Харьков, 1979; Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1981; Куликов В. И. Прикладное исследование социально-психологического воздействия // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983. С. 160–161.

⁴ См.: Лузгин И. М., Лавров В. П. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение. М., 1980; Лузгин И. М., Лавров В. П. Криминалистическая сущность, средства и методы установления способа сокрытия преступлений. М.: МФЮЗО при Академии МВД СССР, 1987.

— средства и методы преодоления иных форм противодействия расследованию, отметив, однако, что и те и другие могут носить следственный и оперативно-розыскной характер.¹

Конечно, выделение форм противодействия расследованию должно носить, прежде всего, системный характер, охватывать весь спектр действий, направленных на создание препятствий уголовному судопроизводству, четко разграничивать стратегическое и тактическое противодействие.² Большинство исследователей проблемы противодействия едины во мнении, что одной из форм противодействия является сокрытие, проявляющееся в непосредственном воздействии на криминалистически значимую информацию или ее источник.

Бесспорно, значимый шаг Р. С. Белкиным был сделан и в плане определения форм противодействия. Он предложил выделять «внутреннее» и «внешнее» противодействие.³ В основу такого деления был положен критерий причастности к расследованию субъекта, осуществляющего противодействие. В литературе по этому поводу высказывались разные суждения. На наш взгляд, в этом смысле корректнее вести речь о внутренних и внешних субъектах противодействия, а не самого противодействия, поскольку оно представляет собой единый процесс и делить его на части по субъектам не целесообразно, прежде всего, с позиции разработки рекомендаций по его преодолению, на что мы уже обращали внимание ранее⁴.

Будучи талантливейшим педагогом и преподавателем, он акцентировал внимание на том, что «следователь должен быть воспитан и обучен действовать в экстремальных условиях, в состоянии интеллектуального и эмоционального напряжения, ... наконец, при явном или скрытом противодействии заинтересованных, в исходе дела лиц.»⁵

Прозорливость и глубокая увлеченность «делом всей жизни» позволили Р. С. Белкину на долгие годы вперед определить не один вектор развития криминалистики.

¹ См.: Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. М.: Новый Юрист, 1997. С. 143–149.

² Головин А. Ю. Криминалистическая систематика. М.: ЛексЭст, 2002. С. 150.

³ См.: Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997. С. 129–150.

⁴ См.: Тишутина И. В. Противодействие в аспекте раскрытия и расследования бандализма // Известия Тульского государственного университета. Серия: Актуальные проблемы юридических наук. Вып. 16. Тула: Изд-во ТулГУ, 2006. С. 23.

⁵ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М., 1988. С. 88–103.

Трикоз Е. Н., Труш Д. Е.

Зарождение криминалистики в Британской Индии и преступность тугов в XIX веке

Криминалистическая тактика и особые методики расследования многоэпизодной групповой преступности зародились вовсе не в Европе, а в далекой колониальной Индии.

Здесь в первой трети XIX века британские колонизаторы столкнулись с незнакомым опасным феноменом — религиозно-ритуальной криминальной активностью местной секты разбойников-душителей (*тугов*)¹. Они получили дурную славу самых изощренных убийц, выходцев из средних каст индусской общины, дезертиров войск махарадж и султанов, мусульман и сикхов. Ежегодно на дорогах и ярмарках туги подстерегали и преследовали, а затем приносили в жертву путем удушения (бескровного ритуального убийства) тысячи людей: путешественников, купцов, миссионеров, курьеров-гонцов, бродяг и др. В своей групповой преступности они отличались от обычных грабителей тем, что всегда сначала убивали своих жертв по принципу «не щадя никого» (мужчин, женщин, детей, случайных свидетелей), и только потом завладевали их имуществом. Трагические цифры их криминальной деятельности достигли к началу XIX в. свыше миллиона человек убитыми с обеих сторон, а их жертвами все чаще становились британские служащие Ост-Индской компании, чиновники короны и христианские миссионеры².

Первый большой успех в распутывании могущественной преступной сети, напоминавшей сицилийскую мафию, пришел к британской администрации благодаря гениальным исследовательским догадкам и криминалистической тактике Уильяма Генри Слимана (*sir William Henry Sleeman*, 1788 — 1856). По его словам, туги были «самыми кровавыми бандитами в истории человечества». Только в 1812 году от их рук пали около 40 000 человек. Но придуманная Слиманом система тщательного розыска и особая метода сбора улики принесла свои плоды и впоследствии была позаимствована «Скотленд-Ярдом» (уголовной полицией Лондона).

В первой трети XIX в. полковник У. Слиман служил в должности окружного комиссионера Британской Ост-Индской компании в г. Джабалпуре (в центральной части Индостана, современный штат Мадхья-Прадеш). В этом регионе власти пытались контролировать плодородную долину реки Нармады, с ее прибыльными торговыми

¹ Туги (от хинди — или *hag* — пхасингар; англ. *thuggee*) — это изначально бенгальская секта, специализировавшаяся со времен Средневековья на ритуальных убийствах, грабежах и жертвоприношениях, посвящаемых грозной богине смерти и разрушения в индуизме — *Kali*. См.: *Rushby K.* «Children of Kali»: Through India in Search of Bandits, the Thug Cult and the British Raj. Walker & Company, 2003.

² См.: *Dash M.* Thug: the true story of India's murderous cult. Granta Books, 2005.

путями, на которых издревле промышляли банды тугов — профессиональных убийц и грабителей. Прибыв сюда по поручению колониальной администрации как ревностный сыщик Уильям Слимман задался целью уничтожить секту тугов на основе разработанной им криминалистической методики и эффективной тактики расследования. Он решил вести детальный криминалистический учет разветвленной сети бандформирований в разных округах и районах своей провинции, сформировал постепенную базу систематических данных («преступную картотеку тугов»), ставшую мощнейшим оружием в преследовании этих ритуальных разбойников-душителей.

Он обобщил свои наблюдения и показания причастных лиц, а затем вычленил особенный почерк и символические черты преступной активности тугов. Так, было установлено, что успех мрачного «промысла» зависел от умения сливаться с толпой, разыгрывая роли мирных попутчиков или щедрых купцов. Затем доказали, что туги всегда мастерски использовали специфическое смертельное оружие, которое превращалось в таковое только благодаря их филигранной технике набрасывания удушающих шелковых платков, закрученных жгутом вокруг шеи жертвы. Также криминалистическим путем удалось выяснить разный почерк и специализацию среди самих тугов: различались душители, отравители и речные пираты. Слимман пришел к заключению после исследования мест захоронения жертв тугов, что они скрывали следы преступления путем обязательно закапывания тела жертвы, полностью раздетого и с изъятими внутренностями, глубоко в землю, как правило, под камни, а также в особых сухих колодцах либо ямах, вырытых священным орудием тугов — киркой, прошедшей сложный обряд освящения и испытания жрецом в храмах богини Кали. Туги-пираты выбрасывали тела жертв в реку. Иногда, когда семья, на которую нападали была бедной, детей оставляли в живых и продавали, либо принимали в банду и начинали обучать профессиональным техникам тугов. В картотекке описаний внешних данных и модусов поведения этой экзотической секты находим записи Слиммана о том, что члены братства имели свои прозвища (ритуальные клички), пользовались особыми опознавательными знаками, у них был свой жаргон и даже ценз на количество ритуальных убийств, необходимых для перевоплощения после реинкарнации¹.

Лично и через своих подчиненных Слимман вел оперативный розыск скрытных членов туговских банд, тщательный сбор и опись на карточках вещественных доказательств и улик, орудий преступлений

¹ Например, осужденный в 1830-е годы туг Бухрам заявил, что собственноручно удушил традиционным шелковым платком 931 человека. Он официально занесен в книгу «Рекордов Гиннеса» как самый масштабный серийный убийца в истории человечества. См.: *Woerkens M., Tihanyi C. The Strangled Traveler: Colonial Imaginings and the Thugs of India.* Chicago, 2002.

(шелковые платки, священные кирки, удавки из жил животных, кинжалов), практика перекрестных допросов и др. Он завербовал целую сеть информаторов, внедряя их в индийские общины и кочевые племена у больших торговых трактов, чтобы те помогали отыскивать пути реализации ограбленного тугами имущества путников, по специальным приметам с помощью информации от третьих лиц раскрывать места их священных колодцев с массовыми захоронениями жертв и др. Впоследствии, как и пообещал Слимман, большая часть информаторов, которые изначально не служили в полиции, а являлись выходцами из индийских племен, была помещена вместе с семьями в специально построенной промышленно-исправительной школе в Джабалпуре, где быстро переквалифицировали их руки, приученные к криминальным манипуляциям и убийствам с шелковыми шарфами, на ткачество ковров и палантинов.

После длительных подготовительных мероприятий в руки к Слимману попался один из видных членов тайного братства тугов. Он стал давать показания под нажимом Слиммана после очных ставок с местными жителями и членами его клана, и заверений полковника о том, что близкие родственники главаря не будут подвергнуты наказанию за причастность к местному братству тугов. Впоследствии криминалистические методики Слиммана перешли на вооружение британского «Скотленд-Ярда».

Новость об успешном раскрытии и уничтожении сети мелких подразделений «душителers» в Джабалпуре быстро долетела до столицы Британской Индии в Бенгалии. Недавно назначенный генерал-губернатор распорядился Уильям Г. К. Бентинк распорядился поставить полковника Слиммана своим военным советником в Калькутте. Ему было также предложено возглавить специально созданный следственный орган с чрезвычайно широкими полномочиями, сотрудники которого стали успешно раскрывать преступления, связанные с тайными группировками тугов и с последующими их массовыми арестами¹. Обещая мягкие приговоры с краткосрочным лишением свободы или штрафом, Слимман смог завербовать целую сеть информаторов, заручался важными показаниями свидетелей, которые целенаправленно выдавали места дислокации тайных группировок тугов-душителers по всей стране. Из числа пойманных благодаря криминалистической методе Слиммана тугов специальные суды приговорили более полутора тысяч к высылке и каторге на Андаманских островах, около 900 подверглись пожизненному заключению и 466 были повешены².

¹ См. отчет: *Tornton E.* Illustrations of the History and Practices of the Thugs, and Notices of Some of the Proceedings of the Government of India, for the Suppression of the Crime of Thuggee. London, 1837.

² *Woerkens M. van, Tihanyi C.* The Strangled Traveler: Colonial Imaginings and the Thugs of India. Chicago, 2002. P. 263.

Криминалистическая тактика и новые методы следствия вдохновили администрацию Бентинка развернуть подобную репрессивную политику в общеиндийском масштабе. Как пояснял сам У. Слимман политику масштабного истребления тугов: «Если эти люди, ведомые жрецами Дурги, ожидают наград в этой и следующей жизни, мы должны противопоставить им еще больший страх немедленного наказания... Душители не были преступниками в обычном смысле, они были побуждаемы непреодолимым влечением к убийству. Эта их увлекательная игра — выслеживать и душить людей стала наркотиком, неистребимой привычкой..., и это беспокоило британских судей»¹. Кроме того, служащим Ост-Индской компании было дано право преследовать и арестовывать разбойников-душителей на всех подконтрольных территориях. Уголовные дела о соучастии в преступлениях тугов для большей оперативности поступали непосредственно в суды компании, которые не скупилась в выборе наказаний, назначая расстрелы, каторжные работы, пожизненную транспортировку (ссылку). И при этом под предлогом борьбы с тугами стали преследоваться обычные мобильные группы индийцев — странствующих торговцев и купцов, экономически независимых и потому неудобных для британского правительства (цыгане, «госаины», «саньясины», «факиры», бродячие монахи-«дервиши»). Они также преследовались как маргинальные, а нередко маркировались властями как «опасные грабители и рейдеры с большой дороги». Колониальные чиновники выдвигали против них обвинения в ужасных демонических ритуалах, умело манипулируя ксенофобскими и религиозными взглядами британского общества. В ситуации отсутствия единообразных уголовного и процессуального кодексов, которые появятся в Индии только в 1860 — 70-е гг., тщательные расследования и криминалистические наработки Слиммана были отброшены в сторону и легитимировалась практика чрезвычайных мер, не требующих долгих расследований и судебных процедур.

В современной Индии встречаются прецеденты ритуальных убийств тугами, и к ним продолжают применять ярлык «*вимукту джати*» («преступная каста»). Хотя они главным образом приносят в жертву петухов каждый день в шесть часов вечера².

В заключение приведем любопытный факт. Помимо методики полковника У. Слиммана по криминалистическому описанию преступного поведения тугов, в английский «Скотленд-Ярд» было позаимствовано и другое нововведение также из Британской Индии. В 1884 г. некто Джеймс Монро, офицер полиции, прослуживший в 1850—60-е гг. как окружной судья и генеральный инспектор в индийском президентстве

¹ Sleeman W. The Thugs // The Calcutta Magazine. 1832. No. XXXIII. September. P. 505.

² Молчанов А. В храме «черной» богини Кали совершено человеческое жертвоприношение // «РИА Новости». 30.04.2010.

Бомбея, получил назначение на пост начальника отдела криминалистического расследования «Скотленд-Ярда»¹. Он привез в метрополию многие криминалистические тактики и методики следствия своих предшественников, в том числе знаменитого полковника У. Г. Слимана и Уильяма Хершела. Последний проводил в Бенгалии свои первые эксперименты с отпечатками пальцев. Большинство выдающихся криминалистов и практикующих следователей начинали свою карьеру в Бенгалии — той же самой провинции, где в конце XIX в. офицер полиции по имени Генри, прочитав книгу Гальтона «Отпечатки пальцев» (1893 г.), смог решить проблему практической классификации отпечатков пальцев. Таким образом, борьба с религиозным бандитизмом в Индии на рубеже XIX—XX вв. лишь ускорила развитие криминалистики как в Британской империи, так и по всему миру.

Фадеев В. А.

Особенности тактики допроса эксперта в современном гражданском и арбитражном процессе как реализация идей Р. С. Белкина

Будучи выдающимся криминалистом, Р. С. Белкин многократно поднимал проблемы тактики проведения допроса на предварительном следствии, полагая, что указанная тактика эффективна и для использования в суде, а среди тактических особенностей выделял особенную тактику допроса эксперта². Положения Гражданского процессуального и Арбитражного процессуального кодексов Российской Федерации (далее — ГПК и АПК соответственно) не квалифицируют, в отличие от Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ст. 282), вопросы, заданные эксперту в судебном заседании при исследовании заключения эксперта в качестве его допроса.

Арбитражный процессуальный кодекс устанавливает, что вызов эксперта осуществляется по ходатайству лица, участвующего в деле, или по инициативе арбитражного суда (ч. 3 ст. 86). ГПК, напротив, правила о наделении сторон инициативой по вызову эксперта не содержит, однако обязанность явиться по вызову суда для личного участия в судебном заседании и ответить на вопросы, связанные с проведенным исследованием и данным им заключением, на эксперта возложена (ч. 1 ст. 85).

¹ Информация с веб-сайта: http://www.liquisearch.com/james_monro/assistant_comm.. (дата обращения 10.11.2017).

² См.: *Белкин Р. С.* Криминалистические версии и планирование расследования. Криминалистика: учебник. М., 1999. С. 38; *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 52; *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 57.

Судебная практика показывает, что указанным процессуальным правомочием суд пользуется довольно часто, привлекая эксперта к процессу исследования его заключения.

По мнению специалистов, цели допроса эксперта таковы: 1) устранение терминологических или стилистических неясностей; 2) дополнительная аргументация выводов; 3) сообщение общих положений из какой-либо отрасли знания; 4) установление новых конкретных обстоятельств дела¹.

В учебной литературе цели допроса эксперта определяются еще более обширно: разъяснить терминологию и отдельные формулировки; уточнить данные, характеризующие компетенцию эксперта и его отношение к делу; уяснить ход исследования представленных материалов и примененных экспертных методик; установить причины расхождения между объемом поставленных вопросов и ответов эксперта или между исследовательской частью заключения и сформулированными выводами; выяснить причины расхождения выводов членов экспертной комиссии; проверить полноту использования экспертом представленных ему материалов и др.².

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» определяет цель допроса эксперта в общем в качестве потребности разъяснения или дополнения его заключения³.

Традиционно ученые считают, что допрос эксперта в судебном заседании не имеет целью получение новых выводов и проведение новых исследований⁴.

Однако в допросе эксперта участвует не только суд, но и стороны, третьи лица. Анализируя права участников процесса ЕСПЧ, например, в Постановлении от 4 ноября 2008 г. по делу «Балсите-Лидейкиене против Литвы» [Balsyte-Lideikiene v. Lithuania] (№ 72596/01) установил нарушение ст. 6 Конвенции в связи с тем, что заявительнице не была предоставлена возможность допросить экспертов с целью оспаривания достоверности их заключений, которые играли ключевую роль в возбужденном против нее разбирательстве⁵.

¹ См.: Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1982. С. 41–42.

² См.: Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010. С. 398.

³ БВС РФ. 2008. № 10.

⁴ См.: Никулинская Н. Ф. Комментарий к главе 15 «Судебное разбирательство» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (постатейный) [Электронный документ] // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». 2017. Дата обращения 20.10.2017.

⁵ См.: Султанов А. Р. Защита свободы совести, распространения убеждений через призму постановлений Европейского суда по правам человека. М.: Статут, 2013. С. 122.

Следовательно, процессуальные цели и интересы лиц, участвующих в деле, довольно часто не совпадают, что бесспорно, будет отражаться на тактике указанного процессуального действия.

Особенности тактики судебного допроса эксперта заключаются в том, что он производится после оглашения эксперта и начинается не со свободного рассказа, а с постановки лицу конкретных вопросов.

Детально последовательность допроса эксперта регламентирована лишь ч. 1 ст. 187 ГПК. В соответствии с ГПК первыми задают вопросы лицо, по заявлению которого назначена экспертиза, его представитель, а затем задают вопросы другие лица, участвующие в деле, их представители. В случае если экспертиза назначена по инициативе суда, первым задает вопросы эксперту истец, его представитель. Судьи вправе задавать вопросы эксперту в любой момент его допроса.

Арбитражный процессуальный кодекс подобную очередность не устанавливает. В части 3 ст. 86 АПК РФ закреплена только обязанность эксперта ответить на дополнительные вопросы лиц, участвующих в деле, и суда. В то же время следует считать приведенные положения ГПК не просто целесообразными, но и соответствующими положениям о тактике допроса эксперта. Представляется, что указанную конструкцию следует включить в положения АПК, либо хотя бы закрепить в соответствующих разъяснениях высшего суда.

Выводы эксперта в состязательных гражданском и арбитражном процессе, как правило, не удовлетворяют какую-либо сторону, поскольку интересы лиц, участвующих в деле, противоположны. Следовательно, сторона, недовольная заключением эксперта, будет прилагать усилия, чтобы нивелировать его значение в качестве доказательства.

Каковы основные проблемные моменты, которые тактически должны быть изучены при допросе. Представляется, что при допросе эксперта подлежат выяснению: научная обоснованность методик, использованных экспертом при производстве данной экспертизы; правильность выбора и применения методик; степень достоверности выводов¹.

Общеизвестно, что методики судебных экспертиз традиционно были достоянием ведомственных судебно-экспертных учреждений, нередко имели гриф «Для служебного пользования», что делало их недоступными для участников процесса².

В условиях появления большого количества авторских методик особенно актуальным становится вопрос об их сертификации. В ином случае, не имея специальных познаний, суд и лица, участвующие в деле,

¹ См.: *Жижина М. В.* Основы криминалистической тактики судебного допроса в гражданском (арбитражном) процессе: научно-практическое пособие / под ред. Е. П. Ищенко. М.: Юстицинформ, 2012. С. 76.

² См.: *Москина Т. П., Усов А. И.* О сертификации методического обеспечения судебной экспертизы // Адвокат. 2005. № 10. С. 8.

вынуждены оценивать в первую очередь научную обоснованность примененной экспертом методики.

Указанная задача порой без владения специальными знаниями является непосильной. Видимо поэтому специалисты предлагают для исследования заключения эксперта как доказательства привлекать специалиста, что, безусловно, нивелирует ценность самого заключения эксперта.

Полагаем, что избранное Министерством юстиции России направление сертификации методик все же является более целесообразным, нежели изучение научных основ того или иного направления исследования в суде.

Вторая группа вопросов, традиционно задаваемых эксперту, — это вопросы, направленные на установление степени достоверности сделанных выводов. Традиционно при этом подлежат выяснению следующие обстоятельства: достоверность представленных эксперту сравнительных образцов, объекта исследования, в том числе с точки зрения упаковки и процедуры получения. Подтверждает степень достоверности и соответствие исследовательской части заключения эксперта сделанным выводам, логичность и последовательность его изложения, наличие иллюстраций.

Поскольку представителем в гражданском и арбитражном процессе на основании доверенности может быть любое лицо, суды постоянно сталкиваются с привлечением к допросу эксперта сторонами не просто представителей-юристов, а сведущих в определенных областях знаний лиц. Такие лица, как правило, не только владеют научными основами использованной экспертом методики, но и четко представляют критерии необходимости и достаточности (значимости) полученной в результате проведения исследования информации для принятия определенных решений.

Помимо этого, следует принять во внимание пассивную роль суда в арбитражном процессе при решении вопроса о назначении дополнительных экспертиз, что может привести к тому, что в случае отказа сторон от заявления соответствующих ходатайств, у суда возникнет необходимость самостоятельно исследовать результаты экспертиз, вторгаясь в подробности технических данных, несмотря на то, что это находится за пределами его компетенции, так как суд не обладает сугубо специальными познаниями.

Учитывая процессуальные цели допроса эксперта, следует все же считать, что отвечая на вопросы сторон и суда, эксперт своими показаниями-разъяснениями и дополнениями должен способствовать правильному пониманию сторонами и судом его заключения, надлежащей его оценке.

Эффективность примененной тактики допроса эксперта также имеет процессуальные последствия. В частности, может возникнуть

необходимость в назначении повторных или дополнительных экспертиз, в том числе для процессуального оформления новых результатов исследования, полученных при допросе.

По справедливому замечанию Р. С. Белкина, новые явления в науке, технике и общественной жизни связаны с лавинообразным процессом инноваций, материализованных научных идей, научных открытий, технических изобретений и разработок, с принципиально новыми технологическими процессами, которые в совокупности, в свою очередь, порождают стремительные, динамичные изменения в социальной структуре общества, а с изменением общества, изменением законодательства меняется правовой статус судебной экспертизы¹, которая вынуждена отвечать новым потребностям как уголовного, так и гражданского и арбитражного процессов.

Фролова Е. Ю.

Взаимодействие следственных и налоговых органов в процессе доказывания фактов умышленной неуплаты налогов

Успешное расследование преступлений в сфере налогообложения невозможно без активного взаимодействия следственных органов с органами налогового контроля. Принятый в последние годы в целях усиления борьбы с данным видом экономических преступлений ряд организационных и нормотворческих мер направлен, прежде всего, на укрепление и повышение эффективности межведомственного взаимодействия этих органов.

Основным документом, регламентирующим основы сотрудничества налоговых и следственных органов, является, прежде всего, Налоговый кодекс РФ, согласно которому (ст. 36 НК РФ) органы внутренних дел по запросу налоговых органов участвуют вместе с последними при проведении выездных налоговых проверок в следующих случаях:

При обнаружении обстоятельств, свидетельствующих о необоснованном возмещении налога на добавленную стоимость, акциза (зачета или возврата иного налога) или признаков необоснованного предъявления налога на добавленную стоимость, акциза к возмещению.

При выявлении схем уклонения от уплаты налогов, подпадающих под признаки совершения преступлений, предусмотренных статьями 198–199.2 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), в том числе:

- если после вынесения налоговым органом решения о проведении выездной налоговой проверки налогоплательщиком предприни-

¹ См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 3.

маются действия, направленные на уклонение от налогового контроля, на затруднение налогового контроля либо иные действия, имеющие признаки активного противодействия проведению выездной налоговой проверки («миграция» организации, смена учредителей и (или) руководителей организации, реорганизация, ликвидация организации и т. д.);

- при обнаружении в ходе проведения предпроверочного анализа или налоговой проверки наличия в цепочке приобретения (реализации) товаров (работ, услуг) фирм — «однодневок», используемых в целях уклонения от уплаты налогов, в том числе зарегистрированных на номинальных учредителей (имеющих номинальных руководителей), зарегистрированных по утерянным паспортам и пр.

При обнаружении признаков неправомерных действий при банкротстве, преднамеренного и фиктивного банкротства налогоплательщика.¹

К числу источников, регламентирующих сотрудничество вышеуказанных органов следует отнести и Соглашение о взаимодействии между СК России и ФНС России от 13.02.2012 № 101-162-12/ММВ-27-2/3, предметом которого является организация взаимодействия следственных органов Следственного комитета Российской Федерации и налоговых органов Российской Федерации в установленных сферах деятельности, в том числе, вопросах выявления, предупреждения, пресечения и расследования преступлений, а также в вопросах повышения налоговой дисциплины в сфере экономики и обеспечения своевременности и полноты уплаты налогов и сборов в бюджеты и государственные внебюджетные фонды. Этим же Соглашением определены основные формы взаимодействия: взаимный информационный обмен сведениями, в том числе в электронном виде; взаимные консультации и разработки нормативных правовых актов; обмен опытом в целях повышения квалификации кадров (совместные семинары, стажировки); проведение совместных исследований проблем, связанных с выявлением, предупреждением и пресечением налоговых правонарушений, и преступлений в сфере экономической деятельности.² Кроме этого, определены порядок и необходимый перечень документов, направляемых налоговыми органами в следственные подразделения для решения вопроса

¹ Письмо ФНС России от 25.07.2013 № АС-4-2/13622@ «О рекомендациях по проведению выездных налоговых проверок» [Электронный ресурс] : справочная информация подготовлена специалистами АО «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

² Соглашение о взаимодействии между Следственным комитетом Российской Федерации и Федеральной налоговой службой Российской Федерации от 13.02.2012 № 101-162-12/ММВ-27-2/3// СПС «Гарант». <http://www.garant.ru>.

о возбуждении уголовного дела. В сентябре 2013 года Следственным комитетом РФ, Федеральной налоговой службой и Министерством внутренних дел РФ подписан совместный приказ¹ о создании в регионах страны межведомственных рабочих групп, на которые возложены задачи по совместному оперативному решению сложных вопросов в сфере противодействия налоговым преступлениям.

Порядок взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов при возбуждении и расследовании уголовных дел о налоговых преступлениях определяется и Инструкцией по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями, утвержденной совместным Приказом Генеральной прокуратуры РФ, ФНС России, МВД России, Следственного комитета Российской Федерации², через определение последовательности проводимых оперативных, следственных и процессуальных действий. Основная роль в определении ориентиров взаимодействия на стадии проведения проверок отводится налоговым органам. Так, полученная налоговыми органами из правоохранительных органов информация по уже возбужденным уголовным делам или по материалам проверки, по которым принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, учитывается при разработке и утверждении плана выездных налоговых проверок на следующий квартал.

Следующим этапом алгоритма является утверждение плана выездных налоговых проверок на следующий квартал и согласование этого плана с органами внутренних дел для того, чтобы иметь возможность осуществить комплекс оперативно-розыскных мероприятий в отношении конкретных налогоплательщиков о возможном уклонении от уплаты налогов (сборов) на сумму, подпадающую под признаки налогового преступления. В случае если такие признаки будут выявлены налоговыми органами при проведении выездной проверки, в органы внутренних дел направляется запрос об участии в проведении проверки работников полиции.

Еще одним шагом на пути повышения эффективности взаимодействия налоговых и следственных органов по выявлению и расследованию преступлений в сфере налогообложения являются принятые в июле 2017 года Методические рекомендации по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика,

¹ Приказ МВД России, ФНС России, СК России от 03.09.2013 № ММВ-7-4/306/61/663@ «О создании межведомственных рабочих групп» // СПС «Гарант». <http://www.garant.ru>.

² Приказ Генпрокуратуры России № 286, ФНС России ММВ-7-2/232@, МВД России, СК России от 08.06.2015 «Об утверждении Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями» // СПС «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru>.

направленном на неуплату налогов (сборов).¹ Говоря об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной неуплаты сумм налога (сбора) следует обратить внимание на усиление тандема налоговиков со следователями, на сближение налогового правонарушения и уголовного преступления в виде уклонения от уплаты налогов. Согласно этим рекомендациям: «Обстоятельства, свидетельствующие об умысле налогоплательщика на неуплату налогов (сборов) являются общими как для налогового, так и для следственного органа. Разница заключается лишь в процедуре, характере и виде действий, совершаемых для закрепления этих обстоятельств».² Сотрудникам следственных органов Следственного комитета предписывается в рамках представленных им полномочий проводить проверочные, следственные и иные процессуальные действия, направленные не только на закрепление доказательств, полученных налоговыми органами, но и установление дополнительных доказательств. Налоговым органам при принятии по результатам налоговых проверок рекомендуется предварительно знакомить сотрудников следственных органов с материалами проверок и с учетом их рекомендаций квалифицировать действия налогоплательщиков по неуплате налога по п. 3 ст. 122 НК РФ как умышленные. Кроме того, налоговым органам в ходе проведения контрольных мероприятий рекомендуется тщательно исследовать вопрос о наличии умысла в действиях должностного лица проверяемой организации, и при его наличии отражать эту информацию в актах налоговых проверок.

Таким образом более характерное для уголовного права понятие «умысел» теперь будет активно использоваться и применительно к результатам налоговых проверок. Установление в ходе проверки и отражение налоговыми органами в материалах налогового контроля доказательств совершения умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора) влечет не только увеличение размера штрафа согласно пункту 3 статьи 122 Кодекса, но и улучшает уголовно-правовую перспективу материалов, отправляемых следственным органам для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

¹ Письмо ФНС России от 13.07.2017 № ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с Методическими рекомендациями «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК России, ФНС России) // СПС «Консультант Плюс». <http://www.consultant.ru>.

² Письмо ФНС России от 13.07.2017 № ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с Методическими рекомендациями «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК России, ФНС России) // СПС «Консультант Плюс». <http://www.consultant.ru>.

Основное место в указанных Рекомендациях отводится умыслу и его доказыванию (п. 4–12 Методических рекомендаций). Умысел может быть доказан совокупностью обстоятельств совершения налогового правонарушения в их единстве, взаимосвязи и взаимозависимости. Для того чтобы обосновать умышленность совершенного деяния, в акте налоговой проверки требуется в обязательном порядке сформулировать цели и мотивы, которые преследовались конкретным лицом при совершении противоправных действий. Обоснование виновности лица на предположениях, на соображениях вероятности тех или иных фактов недопустимо. Доказывание умысла, таким образом, состоит в выявлении и документальном закреплении обстоятельств, как прямо, так и косвенно указывающих на то, что лицо осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), желало либо сознательно допускало наступление вредных последствий таких действий (бездействия). Причем налоговым органам рекомендуется доказывать умысел также, когда отсутствуют основания для возбуждения уголовного дела в отношении должностных лиц компании. Для этого используются предусмотренные Кодексом мероприятия налогового контроля: получение пояснений налогоплательщика, допросы, истребование документов (информации), осмотры, выемка, направление запросов в банки. В качестве доказательств налоговые органы могут использовать вступившие в силу приговоры в отношении должностных лиц контрагентов.

Предлагаемый Рекомендациями алгоритм действий проверяющих лиц в зависимости от схем применяемых для уклонения от уплаты налогов направлен, прежде всего на сбор сведений, описывающих какие именно действия (бездействие) должностных лиц организации либо ее представителей обусловили совершение налогового правонарушения. Эти сведения необходимы для включения в акт налоговой проверки. При этом налоговым органам целесообразно ориентироваться на стиль изложения, принятый при составлении обвинительных заключений в рамках уголовного процесса. Изложение доказательств в акте налоговой проверки должно создавать устойчивое представление о том, что деяние налогоплательщика совершено не в результате тех или иных ошибок при ведении бухгалтерского или налогового учета, а в результате целенаправленных, осознанных действий налогоплательщика и его представителей.

С целью качественного сбора доказательств умысла налоговым органам целесообразно организовывать проведение выездных налоговых проверок с участием сотрудников внутренних дел, а также дополнительно консультироваться с сотрудниками органов внутренних дел, принимающими участие в проведении выездной налоговой проверки, и сотрудниками следственных органов в соответствии с заключенными соглашениями ФНС России с МВД России и Следственным комитетом, а также в рамках деятельности межведомственных рабочих групп.

К вопросам, по которым указанные консультации целесообразны, относятся вопросы тактики, приемов и методов проведения мероприятий налогового контроля, имеющих прямые аналоги в уголовном процессе, в частности, проведение допросов свидетелей, осмотра территорий, помещений, документов, предметов и производства выемки, изъятия документов и предметов, определение вопросов, которые могут быть поставлены перед экспертом при проведении экспертиз, связанных с возможной фальсификацией документов, подписей на документах, иных криминалистических экспертиз.

В заключение хотелось бы отметить, что эффективное взаимодействие налоговых и следственных органов позволяет определить перспективу уголовного преследования еще на стадии проведения налоговой проверки, что положительно скажется на своевременном и оперативном возбуждении уголовных дел и возможности уголовно-процессуальными средствами избежать сокрытия имущества от взыскания налоговой задолженности.

Халиков А. Н.

Нравственные и правовые требования объективности к расследованию уголовных дел в наследии Р. С. Белкина

Р. С. Белкин ушел из жизни в год принятия нового Уголовно-процессуального кодекса РФ (2001), который заменил действовавший ранее УПК РСФСР. И вместе со старым УПК ушли в прошлое ряд фундаментальных процессуальных положений, которыми руководствовались следователи при расследовании уголовных дел и которые творчески развивал в своих трудах Р. С. Белкин. Выступая за объективность расследования, ученый в первую очередь отталкивался от философских законов отражения действительности (информации) в сфере предварительного расследования преступлений, что по своей сущности не могло быть ни обвинением, ни защитой, а всегда было исключительно материальной реальностью. «Познание закономерностей образования судебных доказательств, — писал Р. Белкин, — становится возможным в силу тех характеристик, которые присущи процессам образования доказательств. Связи между преступлением и средой, а также внутри самих этих явлений могут быть необходимыми и случайными, причинно-следственными связями совпадения, сосуществования в пространстве и времени. Однако во всех случаях они носят объективный характер, поскольку не зависят от усилий субъекта познания и его личности. Их образование закономерно, ибо эти связи есть ни что иное, как проявление всеобщей связи и обусловленности всех явлений материального мира, проявление

действия категории более высокого порядка — закона развития природы и общества, носящего универсальный характер»¹.

Однако в отличие от старого УПК, в новом УПК РФ не стало основополагающих нормативных предписаний об истине, об объективном, полном и всестороннем исследовании обстоятельств дела, о требованиях к следователю и органам следствия, что они обязаны «принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства» (ст. 20 УПК РСФСР). Все эти правовые, а в общем то и нравственные категории уголовного процесса, заменили принципом состязательности, разделив участников уголовного судопроизводства на стороны обвинения и защиты. Соответственно следователь и следственные органы перешли на сторону обвинения, что, пусть иногда и формально, привело к тому, что следователи переключились только на поиск доказательств виновности человека в расследуемом преступлении, игнорируя доводы о его невиновности, возможности оправдания, когда лицо вообще может быть не причастно к совершению преступления.

Увлечшись принципом состязательности и принадлежности органов следствия к стороне обвинения, мы, вместе с водой выплеснули и ребенка, когда в УПК РФ не стало положений прямо указывающих, что следователь должен искать и оправдывающие доказательства при обвинении (подозрении) лица в совершении преступления. Более того, часть 2 ст. 15 УПК РФ прямо предписывает, что «Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо».

На наш взгляд такой подход к деятельности по расследованию уголовных дел, по результатам которых на сегодня выносятся 99,6% обвинительных приговоров, противоречит и здравому смыслу, и задачам правосудия и сущности науки и практики криминалистики. Целью любой науки, познания является истина, соответствие научных положений объективной действительности, максимальное сосредоточение усилий на поиске реальных фактов и их адекватного отражения в человеческом разуме и действующей практике. Особенно эти требования важны в уголовном процессе и неразрывно связанной с ней криминалистике, окончательной целью которых является определение виновности и невиновности человека в совершении преступлений, справедливом применении наказания, вплоть до лишения свободы, а иногда и жизни. В этой связи базовые основы криминалистического подхода к рассле-

¹ *Белкин Р. С.* Перспективы развития советской криминалистики // Труды высшей школы МОП СССР. Вып. 15. М., 1967. С. 4–6.

дованию преступлений были заложены еще на заре криминалистики и получили свое теоретическое и практическое закрепление в трудах и учениях Р. С. Белкина.

Заметим, что в трудах Белкина Р. С. и его учеников не было позиции, что следователь является стороной обвинения. Да это и не могло быть в то время согласно ст. 20 УПК РСФСР, которой следователю предписывалось искать и смягчающие и оправдывающие доказательства, и что стало фактически запрещено положениями ст. 15 УПК РФ. На наш взгляд это был шаг назад, который стал уходом от сущности расследования преступлений, в которой главным лицом в системе современного уголовного процесса, воплощением его центральной роли являлся и является следователь. Р. С. Белкин писал, что «представления и понятия субъекта, собирающего доказательства, будучи отражением объективной действительности, имеют объективное содержание и значение, т. е. доказательства как объективная реальность, в принципе, правильно отражаются в сознании субъекта, что и позволяет ему оценивать их именно как доказательства»¹.

Например, одним из негативных последствий отнесения следователя к стороне обвинения является типичный отказ им в удовлетворении ходатайств стороны защиты о проведении той или иной экспертизы в интересах установления обстоятельств преступления (ст. 73 УПК РФ). Нередко сторона защиты ходатайствует о необходимости проведения элементарных экспертных исследований в государственных учреждениях, у ученых, являющихся непрерываемым авторитетом в определенной области знаний. Однако следователь упорно не желает исследовать противоположные оправдывающие доказательства, причем, иногда даже при видимой абсурдности выводов экспертиз содержащихся в уголовном деле. Что стоит, допустим, всем известная экспертиза, согласно выводам которой отрывки из Корана были отнесены к экстремистской литературе... И таких примеров немало с тенденцией их увеличения.

Тем самым, принадлежность следователя к стороне обвинения это не просто слова или формальное определение роли следователя в сфере уголовной юстиции — вовсе нет. Данное обвинительное определение трансформируется в сущность следственной деятельности, проявляющееся в отношении с участниками уголовного процесса, с обвиняемыми, с адвокатами, иными лицами, являющимися участниками расследования дела. Принадлежность к стороне обвинения ведет к игнорированию следователем любых доводов защиты, к отказу в удовлетворении обоснованных ходатайств обвиняемого или подозреваемого по сбору или проверке дополнительных доказательств, а в конечном

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 75.

итоге к возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, в отношении которых отсутствуют доказательства их виновности.

В целом наличие принципа состязательности говорит о том, что объективная реальность невозможна только на стороне обвинения, к которой сейчас принадлежит следователь, а требует возрождения уголовно-процессуальной функции по независимому расследованию уголовных дел в отношении процессуального статуса следователя.

Об объективном и нравственном подходе в следственной деятельности говорят работы Р. С. Белкина и в плане применения тактических приемов в расследованиях преступлений, особенно когда речь идет о нестандартных ситуациях в условиях нераскрытых преступлений. Очень острожно, аналитически ученый относился к различным оперативным и следственным хитростям и ловушкам, которые всегда идут на грани морали и закона. И хотя Р. С. Белкин оптимально собрал и классифицировал различные активные и пассивные методы подобной тактики и борьбы с преступностью, однако заметил, что сказанное вовсе не свидетельствует о безоговорочной поддержке всех названных методов. Как писал ученый, они, бесспорно, нуждаются в серьезном правовом и этическом научном анализе, а те из них, которые выдержат эту проверку, — в целенаправленной апробации практикой¹.

Далее данная тема о возможностях применения методов обмана или введения в заблуждение при производстве предварительного расследования была Р. С. Белкиным была развита и в последующих его трудах. Да, ученый допускал различные приемы следственных хитростей в зависимости от следственной ситуации, однако всегда эти действия должны были измеряться этическими нормами морали законности. Кроме этого у следователя всегда должен быть выбор использовать различные неблагоприятные средства ведения следствия либо отказаться от них исходя из принципа «меньшего зла». В этом плане ученый, соглашаясь с В. А. Бабичем указывал, что вопрос об этической допустимости убеждения, принуждения, хитрости не может решаться лишь абстрактно-теоретически. Этическая оценка конкретного факта использования убеждения, принуждения, хитрости должна даваться с учетом всех конкретных обстоятельств оцениваемой следственной ситуации на основе системы критериев этической допустимости тактических средств².

Несомненно, требования к объективности предварительного следствия вне стороны обвинения и защиты, применение тактических приемов (операций, комбинаций) ведения следствия в рамках законных требований и свободы выбора идут в неразрывной связи

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988. С. 162–164.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 104–107.

с нравственными категориями человека и общества. Борьба с преступностью сама по себе не есть положительная деятельность, если она не учитывает интересы и ценности общества, если она идет вне моральных и этических устоев. Данной теме были посвящены последние работы Р. С. Белкина, когда он писал о злободневных задачах сегодняшней и будущей криминалистики. «Целесообразным признается лишь то в криминалистике, что законно, а законное всегда должно быть нравственным, моральным. Возможность различных (в рамках закона) вариантов действий, поведения следователя, оперативного работника, судьи обосновывается криминалистикой как выбор нравственно допустимого варианта»¹.

Завершая весьма краткий анализ трудов Р. С. Белкина о необходимости объективного ведения предварительного расследования, о нравственных основах теории и практики криминалистики хотелось бы еще раз подчеркнуть роль закона в определении сущности следственной деятельности. Если законодатель указал на два направления назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), то закономерно он должен те же цели поставить и перед органами следствия, которые являются основным субъектом по сбору доказательств и доказыванию виновности человека в совершении преступления. Пресловутые 99,6% обвинительных приговоров в судах — это 99,6% результатов работы органов следствия, то есть когда суд играет свою роль по рассмотрению уголовных дел только в 0,4%, а все остальное остается результатом труда следователей. И обвинительный уклон законодателя в отношении статуса следователей в данном случае весьма опасен, когда такое положение с весьма впечатляющей статистикой по обвинительным приговорам фактически приводит к противоречию с конституционным принципом презумпции невиновности.

Харламова О. А.

Портретная экспертиза на современном этапе: проблемы и пути решения

Из всех видов судебных экспертиз «старейшей» является идентификация человека по внешнему облику. Фактически с нее началась наука криминалистика.

Сейчас портретная экспертиза представляет собой род судебных экспертиз, проводимый в целях установления личности по признакам внешности, запечатленным в объективных материальных отображениях, с помощью специально разработанных методов исследования.

¹ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 91–92.

Значение ее состоит в том, что при указанной форме идентификации личности устанавливается тождество не вещественных доказательств, а непосредственно конкретного человека. Это, в свою очередь, способствует получению более ценной дополнительной информации для оперативных работников и успешному установлению истины по делу. Разработкой проблем теории и практики отождествления личности по признакам внешности занимались многие ученые-криминалисты: И. Н. Якимов, Н. В. Терзиев, А. Ю. Пересункин, З. Г. Самошина, А. А. Гусев, З. И. Кирсанов, П. Г. Орлов, В. А. Снетков, А. М. Зинин, И. Ф. Виниченко, М. Н. Овсянникова и другие. Поэтому, за период своего существования криминалистическое учение о внешнем облике человека или, в современной интерпретации — габитоскопия, достигли значительных результатов. В частности, на данном этапе развития: усовершенствована система описания признаков внешности европеоидов и разработана система описания признаков внешности лиц монголоидной расы, используемые при производстве портретных экспертиз; достаточно глубоко изучены некоторые факторы, влияющие как на достоверность отображения признаков внешности на фотоснимках, так и безвозвратно изменяющих внешний облик человека; разработана методика проведения портретных экспертиз с применением математических методов сравнения и оценки признаков внешности.

Однако, теоретический и методический потенциал габитоскопии и портретной экспертизы еще далек от совершенства.

С одной стороны, это объясняется чрезвычайной сложностью данного рода исследования, которая заключается в:

- тщательном изучении большого количества элементов (более 40) и признаков внешности (около 150), имеющих только на голове и лице человека;
- необходимости оценки множества факторов, влияющих на достоверное отображение на фотоснимках признаков внешности изображенного на нем лица, или изменяющих внешний облик человека безвозвратно;
- трудоемкости сравнительного исследования, при проведении которого, в зависимости от конкретных объектов, рекомендуется применять до 8–10 традиционных методов сравнения с обязательным иллюстрированием их результатов в фототаблице;
- особенностях оценки выявленных при исследовании признаков внешности, при которой надо учитывать влияние наследственности на передачу тех или иных признаков от одних родственников другим (от родителей к нескольким детям), а также наличие такого феномена человеческого общества, как существование близнецов.

С другой стороны, проблемы портретной идентификации связаны со сложностью и трудоемкостью экспериментальных исследований

признаков внешности человека. Поэтому, до настоящего времени разработано только две системы описания признаков внешности, используемые при производстве криминалистических портретных экспертиз: одна — в целом, для всех европеоидов, другая — для лиц монголоидной расы. На территории же России проживают еще представители смешанной (европеоидной и монголоидной) расы. К ним относятся татары, башкиры, казахи и др..

Кроме того, для объективного исследования внешности человека необходимо иметь комплексы признаков внешности, с учетом частоты встречаемости и идентификационной значимости, отдельно для мужчин и женщин, для лиц разных морфологических периодов жизни человека (хотя бы 1) подросткового, 2) юного и молодого, 3) зрелого, 4) пожилого и старческого возраста), а также для представителей не только больших, но и малых рас человечества.

На настоящий момент недостаточно разработаны в габитоскопии и некоторые теоретические вопросы исследуемой отрасли знания, например, не дано четкого определения и разграничения таких понятий как предмет, объекты и задачи габитоскопии и портретной экспертизы; имеются многочисленные (порой противоречивые) точки зрения на понятия свойств и признаков внешности; в существующих классификациях элементов и признаков внешности не указаны принципы (основания) их систематизации.

Последние успехи в области медицины ставят перед габитоскопией новые задачи. В частности, при проведении портретной экспертизы необходимо учитывать современные достижения методов челюстно-лицевой хирургии, с помощью которых возможно изменить лицо человека до неузнаваемости.

Постоянное усовершенствование науки и техники способствует периодическому появлению новых объектов портретной идентификации: в 80-х годах — голографических снимков, в 90-х — видеоизображений. В настоящее время остро стоит проблема разработки методики проведения портретной экспертизы по цифровым фотографиям, полученным с помощью компьютерной техники.

Развитие науки судебной экспертизы на современном этапе требует переосмысления процесса проведения идентификационных исследований различных криминалистических объектов, в том числе и внешности человека, и перехода (возможно, всех) методик идентификационных экспертиз со стадийного (как было ранее) на уровневый (соответствующий мыслительной деятельности человека) принцип решения экспертных задач.¹

¹ Котова О. А. Усовершенствование теоретических и методических основ идентификационной криминалистической экспертизы. Автореф. дис. ... на соис. уч. степ. канд. юрид. наук. Волгоград: ВА МВД РФ, 2004. 23 с.

Как видно, существует целый ряд проблем теории и практики криминалистического учения о внешнем облике человека (габитоскопии) и портретной экспертизы. Представляется возможным решение одной из них, а именно: разработки методических основ проведения портретной экспертизы с учетом уровневого принципа решения экспертных задач.

Исходя из общепринятых требований методики проведения идентификационных экспертиз, портретная экспертиза, как и другие идентификационные исследования, проводится постадийно.

При стадийном принципе:

- все экспертное исследование проводится в один прием, цикл, т. е. представляет собой один виток исследования;
- предварительная стадия состоит, в основном из ознакомления с материалами экспертизы и осмотра объектов;
- исследование любого признака внешности проводится только на одной глубине в несколько абсолютно автономных приемов и оказывается «разорванным» по стадиям.

С точки зрения автора статьи, процесс производства любой, в том числе и портретной экспертизы, носит несколько иной характер.

Во-первых, он проводится в несколько циклов, точнее — уровней, так как все производство экспертизы можно представить в виде спирали, каждый виток которой представляет полное законченное экспертное исследование объектов только с разной степенью глубины изучения признаков и приближения к конечному результату. Процесс экспертного исследования проходит по спирали несколько уровней, чаще всего их два. Однако в зависимости от специфики решаемых задач и сложности объектов число их может быть увеличено.

Во-вторых, первоначальное исследование объектов (в отличие от предусмотренной методикой предварительной стадии, которая ранее состояла, как правило, только из ознакомления с материалами экспертизы и осмотра объектов) представляет собой первый уровень решения задачи экспертизы, обязательно включающий этап сравнения и оценки признаков и заканчивающийся выдвижением экспертных версий и планированием дальнейшего хода исследования.

В-третьих, исследование любого признака «не разрывается» по стадиям, а проводится сразу, от начала до конца (от отдельного до оценочного исследования) на соответствующем этапе каждого уровня.

Таким образом, происходит процесс мыслительной деятельности эксперта при проведении всех идентификационных, в том числе и портретных экспертиз.

Хейфец Л. С.

Использование вероятного (вероятностного) заключения эксперта в процессе доказывания

Дискуссия об использовании в процессе доказывания вероятного (вероятностного) заключения эксперта длится давно.

Одни авторы считают, что вероятный (вероятностный) вывод судебного эксперта не может быть использован в процессе доказывания. Если установленных экспертом данных недостаточно для категорического вывода по поставленному перед ним вопросу, то эксперт должен дать заключение о невозможности решить вопрос.¹

При этом эти авторы ссылаются на положения уголовно-процессуального закона о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Существенным подспорьем к такому выводу послужило ранее действовавшее Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам», в котором было прямо указано о том, что вероятное заключение эксперта не может быть положено в основу приговора.

Другие авторы полагают вполне допустимым использование в процессе доказывания вероятного (вероятностного) заключения судебного эксперта. При этом они исходят из того, что доказательственное значение вероятного (вероятностного) вывода оспоримо, он сам по себе не может быть положен в основу обвинения или утверждения о фактических обстоятельствах дела, и только в совокупности с другими доказательствами вероятный (вероятностный) вывод эксперта может использоваться в доказывании по делу.²

Сторонники этой точки зрения исходят из положений ст. 17 УПК РФ (свобода оценки доказательств) и ст. 88 УПК РФ (правила оценки доказательств), в соответствии с которыми судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, **основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств**, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства **не имеют заранее установленной силы**. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства **в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела**.

¹ См., напр.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 451–452; Комментарий к ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации под ред. Безлепкина Б. Т. М.: Проспект, 2017.

² См., напр.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1. Постатейный научно-практический комментарий, отв. ред. Л. А. Воскобитова. Редакция «Российской газеты». 2015. СПС «КонсультантПлюс».

1. Вопрос об использовании в процессе доказывания вероятного (вероятностного) заключения судебного эксперта был освещен и в работах Р. С. Белкина и его учеников.

В разделе «Заключение эксперта» фундаментального труда «Теория доказательств в советском уголовном процессе» под редакцией первого заместителя Генерального прокурора СССР Н. В. Жогина, изданного в 1966 году и переизданного в 1973 году, Р. С. Белкин выступил против необоснованного отрицания доказательственного значения всех данных, установленных экспертом в ходе исследования и изложенных в описательной части вероятного (вероятностного) заключения. По мнению Р. С. Белкина, нельзя забывать, что заключение эксперта отнюдь не сводится только к формулированию вероятного вывода. Оно содержит данные и о достоверно установленных в ходе экспертного исследования фактах, оказавшихся, однако, недостаточными для разрешения поставленных вопросов. Вместе с тем, находясь в рамках Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 года «О судебной экспертизе по уголовным делам», Р. С. Белкин указывал, что вероятный вывод судебного эксперта не может быть признан доказательством.¹

Тем не менее, Р. С. Белкин провел мысль о том, что заключение эксперта должно оцениваться **в совокупности с другими доказательствами во всех случаях.**²

2. В период 1998–2001 годов Р. С. Белкин выступил **Научным консультантом диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук И. В. Овсянникова**, ныне доктора юридических наук, профессора кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, защищенной в Академии управления МВД России. Тема диссертации «Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам» как раз и касалась реабилитации вероятного (вероятностного) вывода эксперта в процессе доказывания.³

По теме диссертации И. В. Овсянниковым был опубликован ряд работ, представляющих научный и практический интерес.⁴

Под руководством Р. С. Белкина И. В. Овсянников обосновал возможность использования вероятностного заключения эксперта в процессе доказывания.

¹ «Теория доказательств в советском уголовном процессе» под ред. первого заместителя Генерального прокурора СССР Н. В. Жогина, Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Изд. «Юридическая литература», 1973. С. 714–715.

² См.: там же. С. 726.

³ Овсянников И. В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам. Дис. ... д-ра юрид. наук, 12.00.09. М., 2001.

⁴ См., напр.: Овсянников И. В. О допустимости вероятностного заключения эксперта. Российская юстиция. 1998. № 6. С. 29–30.

По мнению И. В. Овсянникова понятия «вероятность» и «предположение» — это различные понятия, смешивать их не следует.

Не следует именовать предположением и вероятный вывод эксперта, то есть выводное знание, являющееся, по мнению эксперта, не достоверным, а вероятным. **Под предположением понимают догадку, предварительную мысль.** Для выдвижения предположения не нужны какие-либо исследования на основе специальных знаний. Предположение не является логическим следствием каких-то посылок, не является выводным знанием.

Вероятность с точки зрения логики, — это характеристика знания, описывающая степень его обоснованности, доказанности. Если из имеющихся посылок можно сделать несколько различных выводов, то наиболее обоснованный из них называют наиболее вероятным, наименее обоснованный — наименее вероятным. При увеличении степени обоснованности (доказанности) знания его вероятность увеличивается и может превратиться в достоверность.¹

Лишение Пленумом Верховного Суда СССР вероятного заключения эксперта доказательственного значения долгие десятилетия способствовало тому, что на практике, отвечая на вопросы идентификационного характера, эксперты стремились формировать свои выводы в категорической форме. Например, в пункте 8.19.2. ранее действовавших Правил судебно-медицинской экспертизы трупа, утвержденных приказом Минздрава РФ от 10.12.1996 г. № 407 (в ред. от 05.03.1997 г.) «О введении в практику Правил производства судебно-медицинских экспертиз», прямо указывалось, что «если возможности судебно-медицинской науки и практики или характер исследуемых объектов не позволяют дать **категорический, обоснованный ответ**, судебно-медицинский эксперт вправе отказаться от дачи заключения по этому вопросу».

Поэтому стремление экспертов к категоричности создавало опасность введения в заблуждение властных участников уголовного судопроизводства. Отказ же от дачи заключения (вместо формулирования вероятного вывода) лишал следователя, прокурора и суд важнейшей доказательственной информации.

На наш взгляд следует согласиться с мнением И. В. Овсянникова о том, что форма экспертного вывода (категорическая или вероятная) сама по себе не имеет решающего значения и при оценке заключения эксперта с точки зрения достоверности. **Если вывод эксперта категоричен, но противоречит другим доказательствам, то субъект оценки доказательств может усомниться в достоверности такого заключения эксперта. Если же вывод эксперта дан в вероятной форме и согласуется с другими**

¹ Овсянников И. В. К вопросу о вероятном заключении эксперта. Российская юстиция. 2014. № 11. С. 56–59.

доказательствами, то такое заключение эксперта может быть признано достоверным.¹

Изложенные докторантом Р. С. Белкина И. В. Овсянниковым соображения позволяют утверждать, что первоначальные взгляды самого Р. С. Белкина по вопросу использования вероятного (вероятностного) заключения судебного эксперта в процессе доказывания изменились и он стал сторонником такого использования.

3. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» признано не действующим на территории Российской Федерации. При этом в новом Постановлении Пленума уже не содержится каких-либо утверждений дискриминационного характера в отношении вероятного заключения эксперта, а само вероятное заключение эксперта не смешивается с предположением. В этом смысле можно говорить о реабилитации Пленумом Верховного Суда Российской Федерации вероятного заключения эксперта, о возвращении ему права служить доказательством по уголовному делу.

4. В настоящее время следует констатировать, что **Конституционный Суд Российской Федерации стоит на твердой позиции** возможности использования вероятного (вероятностного) заключения судебного эксперта в процессе доказывания.

Так, в Определении от **21.10.2008 г. за № 566-О-О** Конституционный Суд Российской Федерации указал, что **«Требование же о недопустимости основывать обвинительный приговор на предположениях, к которому апеллирует заявитель, обосновывая свою позицию, не тождественно запрету на использование в процессе доказывания отдельных доказательств, имеющих вероятностный характер.** Кроме того, в соответствии с закрепленным в части первой статьи 88 УПК Российской Федерации правилом, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела».²

Аналогичную позицию занял Конституционный Суд Российской Федерации и в Определении от **21.12.2011 г. № 1682-О-О**, где отмечено, что «Статья 204 УПК Российской Федерации, определяя содержание заключения эксперта, не регламентирует использование такого заключения в качестве доказательства. **Требование же о недопустимости**

¹ Овсянников И. В. Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России. Современное право. 2004. № 7. С. 35–41.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.10.2008 № 566-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав положениями статей 14, 75, 302, 335, 336, 340 и 350 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

основывать обвинительный приговор на предположениях не тождественно запрету на использование в процессе доказывания отдельных доказательств, имеющих вероятностный характер. При этом в соответствии с закрепленным в части первой статьи 88 УПК Российской Федерации правилом каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела».¹

В принятом в 2017 году Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26.01.2017 г. № 63-О содержится практически тождественное толкование ««Статья 204 УПК Российской Федерации, определяя содержание заключения эксперта, не регламентирует использование такого заключения в качестве доказательства. **Требование же о недопустимости основывать обвинительный приговор на предположениях не тождественно запрету на использование в процессе доказывания отдельных доказательств, имеющих вероятностный характер.** При этом в соответствии с закрепленным в части первой статьи 88 УПК Российской Федерации правилом каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела».²

Таким образом, Конституционным Судом Российской Федерации уже на протяжении длительного времени проводится линия на возможность использования вероятного (вероятностного) заключения эксперта в процессе доказывания по уголовным делам. При этом Конституционный Суд ставит четкие различия между нормативным регулированием **содержания заключения** эксперта (ст. 204 УПК РФ) и нормативным регулированием его **использования и оценки** в качестве доказательства (ст.ст. 17 и 88 УПК РФ).

5. На такой же позиции твердо стоит и судебная практика Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам.

Так, например, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2007 г. по делу № 55–007–4 отмечено, что «То обстоятельство, что в заключении эксперта указано на вероятность выполнения Зауэром подписи в судебных документах, не свидетельствует о его недопустимости как доказательства, поскольку заключение эксперта полу-

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 1682-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дудченко Александра Афанасьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 2 и 3 части первой статьи 81 и статьи 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.01.2017 № 63-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филотина Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

чено с соблюдением уголовно-процессуального закона, соответствует требованиям ст. 204 УПК РФ и **правильно оценено судом в совокупности с иными приведенными в приговоре доказательствами».**

В определении Верховного Суда Российской Федерации от 21.02.2012 г. № 5-Д12–8 указано, что «Доводы жалобы относительно того, что выводы почерковедческой экспертизы не могут быть использованы в качестве доказательства, поскольку носят вероятностный характер, являются несостоятельными, **так как заключения экспертиз оценены судом в совокупности с другими доказательствами».**

В апелляционном определении Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2017 г. № 11-АПУ17–7 проводится мысль о том, что «В силу ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. В связи с чем вероятностные выводы экспертов сами по себе не могут служить неопровержимыми доказательствами чего-либо, однако **в совокупности с другими согласующимися с ними фактическими данными** они выступают в качестве важных сведений для обоснования виновности лица, которому предъявлено обвинение».¹

6. Представляется, что аналогичным образом должен быть разрешен исследуемый нами вопрос и в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве.

Нормы соответствующих кодексов, касающиеся оценки доказательств, аналогичны нормам УПК РФ. В связи с этим при рассмотрении гражданских, арбитражных или административных дел никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы, а суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности.

В учебной и научной литературе по гражданскому процессу вероятное (вероятностное) заключение эксперта наиболее часто рассматривают, как косвенное доказательство. Косвенные доказательства могут использоваться для установления обстоятельств дела наряду с прямыми доказательствами и **подлежат оценке в совокупности** наряду с другими имеющимися в деле доказательствами. Поэтому полностью исключать из процесса доказывания информацию, содержащуюся в вероятном заключении эксперта, не придавая ей никакого доказательственного значения, нецелесообразно.²

Следует отметить, что заключения молекулярно-генетической экспертизы, например, проводимой по делам об установлении отцовства, носят, **как правило**, вероятный (вероятностный) характер.

¹ См. также определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2012 № 70-012-5сп, апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.02.2017 № 47-АПУ17-1 и др.

² См., напр.: Гражданский процесс. Учебник / под ред. проф. М. К. Треушниковой, М.: Статут, 2014. СПС «КонсультантПлюс».

В утвержденном Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 г. за № 346н «Порядке организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» (зарегистрирован в Минюсте РФ 10.08.2010 г. № 18111) приведены **математические значения доказательности экспертного исследования в случае неисключения отцовства.**

Однако и в этом случае, в соответствии с п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», судам следует учитывать, что заключение эксперта (экспертов) по вопросу о происхождении ребенка **является одним из доказательств**, оно не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке **в совокупности** с другими имеющимися в деле доказательствами (ч. 2 ст. 67, ч. 3 ст. 86 ГПК РФ).

7. Дискуссия об использовании в процессе доказывания вероятного (вероятностного) заключения эксперта длится давно.

Однако в практической деятельности следует иметь в виду, что **этот вопрос разрешен в пользу такого использования**, о чем свидетельствуют приведенное толкование Конституционного Суда и судебная практика Верховного Суда Российской Федерации.

Хлус А. М.

Влияние идей Р. С. Белкина на формирование методик расследования преступлений коррупционной направленности

Результативность следственной деятельности во многом зависит от уровня разработанности частных криминалистических методик, которые служат для следователя рабочим инструментарием.

Существующие методики расследования преступлений не достаточно эффективны. Они имеют традиционное построение и содержат две основные части, в которых отражаются теоретические (информационные) и практические (методические) основы процесса раскрытия и расследования преступлений. В качестве теоретической основы этого процесса выступают «информационные модели преступлений отдельных видов и групп»¹. Сведения, составляющие теоретическую часть методики, как правило, имеют вид криминалистических характеристик преступлений. Практические основы

¹ Криминалистика: учебник: в 3 ч. Ч. 3. Криминалистическая методика / под ред. Г. Н. Мухина; М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь». 2-е изд., испр. Минск: Акад. МВД, 2010. С. 3–4.

процесса расследования образуют систему определенных рекомендаций, оптимизирующих деятельность при производстве конкретных следственных действий.

Учение о криминалистической характеристике преступлений, на основе которого до настоящего времени формируются частные методики расследования, прочно вошло в научный арсенал криминалистики. Вместе с тем, ученые и практики давно обратили внимание на несущественную значимость для расследования криминалистической характеристики преступлений. На ее недостатки впервые указали Р. С. Белкин, И. Е. Быховский и А. В. Дулов, которые в научной статье отметили, что комплекс сведений, составляющих содержание криминалистической характеристики преступления, ничего нового для науки и практики не даст¹.

Несмотря на этот вывод, сделанный 30 лет назад авторитетными учеными, многие их коллеги, а в ряде случаев ученики попросту не вникают суть обозначенной проблемы. Они твердо придерживаются учения о криминалистической характеристике преступления, которую понимают как «систему научно обоснованной, обобщенной, криминалистически значимой информации о наиболее типичных, взаимосвязанных признаках, свойствах общественно опасных деяний определенного вида (группы), способствующую обоснованному выдвижению версий по уголовным делам, выбору наиболее эффективных методов, приемов и средств раскрытия и расследования преступлений»².

Несомненным наследием для будущих поколений криминалистов является одна из последних работ Р. С. Белкина под названием: «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики». В этой работе видный российский ученый сказал, что: «Есть и еще одна проблема, о которой до сих пор упоминалось лишь вскользь, но которая требует сейчас обстоятельного обсуждения. Дело в том, что в криминалистической науке к настоящему времени накопилось значительное число различных умозрительных конструкций и «открытий», которые не имеют ни теоретических, ни практических обоснований. Их авторы, одержимые либо беспочвенными иллюзиями, либо амбициями, настойчиво пропагандируют свои идеи и, что особенно тревожно, находят сочувственный отклик у недостаточно компетентных или простодушных читателей и участ-

¹ *Белкин Р. С.* Модное увлечение или новое слово в науке? / Р. С. Белкин, И. Е. Быховский, А. В. Дулов // *Соц. законность*. 1987. №9. С. 34–43.

² *Габа А. И.* Проблемные вопросы преподавания курса криминалистики в юридических вузах Республики Беларусь / *Проблемы криминалистики. Сборник научных тр. / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД; редкол.: Г. Н. Мухин (отв. ред.) [и др.]. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. Вып. 7. С. 25.*

ников конференций, загипнотизированных подчас громкими именами «первооткрывателей»¹.

Но что же имел в виду Р. С. Белкин, говоря об умозрительных конструкциях и «открытиях», которые не имеют, ни теоретических, ни практических обоснований? Дальнейшее ознакомление с работой позволяет узнать истинное значение слов Р. С. Белкина. Но, в начале, следует продолжить начатую цитату Р. С. Белкина, который сказал: «Думаю, что наступил момент серьезно разобраться с этими криминалистическими «фантамами», наносящими явный ущерб и науке, и практике борьбы с преступностью». О каких же криминалистических «фантамах» говорит ученый? О них речь идет в заключительной, одиннадцатой, главе названной работы. С содержанием этой части работы Р. С. Белкина многие либо не знакомы, либо стыдливо о ней умалчивают. До сих пор никто не смог объективно, научно грамотно возразить тому, на что указал Р. С. Белкин в своей работе.

Большие заслуги Р. С. Белкина перед криминалистической наукой, но, несомненно, существенным для будущего развития криминалистики является признание собственной ошибки и указание на ошибки других. Названная выше работа, одна из последних Р. С. Белкина, содержит своеобразное раскаянье ученого за допущенную ошибку и предостережение других ученых от совершения подобного².

На что же обращает внимание Р. С. Белкин в своей работе? С начала 1980-х гг. проявилась опасная тенденция: некоторые открытия в области криминалистики представляли собой фантамы (иллюзии). Одни из них уходили в небытие, а другие поддерживались многочисленными сторонниками, активно разрабатывались в научном плане, рождали иллюзии широкого практического использования. В числе таких «открытий» Р. С. Белкин назвал *криминалистическую характеристику преступления* (курсив мой — А. Х.). Она, по мнению Р. С. Белкина, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом. Последователей учения о криминалистической характеристике преступлений Р. С. Белкин называет как «недостаточно компетентных или простодушных читателей»³.

Мнение Р. С. Белкина о криминалистической характеристике преступления как абстрактном понятии, а также понимание низкого уровня ее практической значимости определило необходимость осуществления познания преступлений на иной основе. В качестве такой основы было

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. М.: Норма (Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М), 2001. С. 7–8.

² Белкин Р. С. Указ. соч. С. 223.

³ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 7–8.

предложено рассматривать материальные элементы криминалистической структуры преступления.

Построение данной информационной модели отдельного вида или группы преступлений, а затем ее использование в процессе раскрытия и расследования конкретного криминального события, необходимо осуществлять на основе знаний о его уголовно-правовом составе.

Эффективные методы, приемы и средства ретроспективного познания расследуемого события, прогнозирования и пресечения продолжаемой преступной деятельности, по мнению В. В. Тищенко, могут быть разработаны только при условии правильного представления о структуре такой деятельности, ее криминалистически значимых элементах и связях между ними¹.

Кроме теоретической значимости рассмотрение элементов криминалистической структуры преступлений определяют целенаправленность и последовательность следственной работы.

Каждая из упомянутых концепций, следует заметить, имеет право на существование. Но, в тоже время, они требуют развития и совершенствования в сочетании друг с другом. Подтверждая это, Г. Н. Мухин заметил, что категории криминалистической характеристики и криминалистической структуры преступлений выполняют, по существу, аналогичные служебные функции информационных моделей преступлений и теоретической базы, которая наряду с базой фактической, т. е. исходной информацией о конкретном преступлении, служит основанием для выдвижения версий и верной оценки следственных ситуаций².

Типичная структура каждого вида преступлений имеет отличительные особенности. Также и в преступлениях одного вида может различаться количественный состав элементов.

Рассматривая структуру коррупционных преступлений в ней можно выделить такие элементы как субъект, объект, предмет и средства преступного посягательства. Для некоторых преступлений рассматриваемой группы характерно наличие и такого элемента как предмет преступления. Материальный характер этих элементов является их общим признаком, отличающим от одноименных элементов состава преступления.

Общим элементом криминалистической структуры любого коррупционного преступления является субъект, его совершающий и характеризующийся признаками должностного лица.

¹ Тищенко В. В. Корыстно-насильственные преступления: криминалистический анализ / В. В. Тищенко. Одесса: Юрид. лит., 2002. С. 39.

² Мухин Г. Н. Служебная роль некоторых дискуссионных понятий криминалистики / Проблемы криминалистики: сб. науч. тр. / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД; редкол.: Г. Н. Мухин (отв. ред.) [и др.]. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. Вып. 6. 234 с. С. 28–31.

Субъект коррупционного преступления характеризуется следующими чертами, имеющими важное криминалистическое значение:

- имеет возможность осуществлять преступную деятельность в ходе выполнения своих должностных функций;
- наделен специальными должностными полномочиями.

Субъекты коррупционных деяний из числа должностных лиц имеют достаточно высокий образовательный уровень, обладают знаниями, позволяющими скрывать истинный характер своей деятельности в течение довольно продолжительного времени.

Поэтому, криминалистический анализ субъекта предполагает изучение его личностных свойств во взаимосвязи с криминогенными признаками объекта коррупционных преступлений. Одним из важнейших условий результативности борьбы с коррупцией является своевременный сбор и реализация достаточно полной информации о коррумпированной деятельности должностных лиц. Анализ субъекта конкретного коррупционного преступления необходимо основывать на общей информации о нем, содержащейся в криминалистической характеристике данного вида преступлений. Следовательно, изучая в процессе расследования уголовного дела материальные элементы структуры преступления, нужно использовать обобщенные сведения о них из криминалистической характеристики. Тем самым, мы утверждаем, что сведения из криминалистической характеристики целесообразно использовать при изучении материальных элементов структуры преступления.

Объект преступного посягательства рассматривается в криминалистике как комплексное понятие, отличающееся от соответствующего уголовно-правового элемента состава преступления. В криминалистической структуре преступления объект как один из ее элементов представляет собой материальную систему, на которую направлено преступное посягательство¹.

Критерием выделения объектов в качестве элементов криминалистической структуры преступления является их свойство неизбежно и закономерно формировать следы при совершении любого преступления, которые могут быть обнаружены, зафиксированы, исследованы и изъяты и по которым может быть получена информация о субъектах, оставивших данные следы.

Криминалистическое понятие средств совершения преступления включает все предметы и явления материального мира, которые так или иначе взаимодействовали при совершении преступления и несут о нем информацию. Данный элемент в структуре преступления обеспечивает достижение его результата.

¹ Гучок А. Е. Криминалистическая структура преступления / А. Е. Гучок. Минск, БГУ, 2007. С. 51.

Наиболее распространенным средством совершения коррупционных преступлений являются различного рода документы, в которые вносятся изменения либо которые специально оформляются в ходе преступной деятельности. Так, например, при злоупотреблении должностное лицо совершает действия по службе, не выходящие за пределы полномочий, но не в интересах службы, где должностное лицо вправе премировать работников, но принимает решение о премировании того, кто это не заслуживает.

Предметом преступного посягательства является тот материальный объект, которым преступник завладевает противоправным путем. Знание о предмете преступного посягательства указывает на целевую направленность противоправных действий. Например, при совершении хищения путем злоупотребления служебными полномочиями предметом преступного посягательства выступают похищаемые деньги либо иные ценности.

Анализ имеющих место критических замечаний, высказанных в связи с новыми подходами к построению информационной модели преступления, позволяет сделать вывод о нежелании отдельных ученых уходить от давно сложившихся стереотипов на некоторые криминалистические проблемы. Значительно проще отстаивать раз и навсегда занятую позицию, при этом критиковать всех, кто пытается искать новые пути решения научных и практических проблем.

В заключение следует отметить, что методика расследования отдельных видов преступлений не является окончательно сформировавшейся частью науки криминалистики. Однако ее дальнейшее развитие зависит от консолидации усилий ученых-криминалистов.

Хмелева А. В.

Проблемные вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений (по результатам обобщения следственной практики подразделений Следственного комитета Российской Федерации)

У практических работников следствия не вызывает сомнения, что существенную помощь в раскрытии и расследовании преступлений играет судебная экспертиза. Хотя закон устанавливает равенство в процессуальном плане всех доказательств (ст. 74 УПК РФ), следует признать, что такие доказательства, как заключение эксперта и заключение специалиста носят более объективный характер, чем, например, показания иных участников уголовного судопроизводства. Экспертное сопровождение следствия происходит на всем его протяжении: от осмотра места происшествия и изъятия объектов различной природы, содержащих признаки преступника и его действий, до помощи сле-

дователю в оценке экспертных заключений и использования их для создания и расширения доказательственной базы по уголовному делу.

Однако, как показывает практика, во взаимодействии следователей и судебных экспертов существует ряд нерешенных проблем, касающихся назначения и производства судебных экспертиз. Следует отметить, например, сложности при получении следователями заключений судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз.

Так, во многих субъектах Российской Федерации отсутствуют стационары для производства стационарных судебно-психиатрических экспертиз в отношении подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей. Следователи следственных управлений этих субъектов вынуждены назначать такие экспертизы в другие регионы, что связано с большими временными, организационными и финансовыми затратами (только срок этапирования подэкспертного в среднем составляет 1,5 месяца). В ряде областей стационары построили, имеется подготовленный медицинский персонал, но учреждения не вступают в действие, так как не решен давно обозначенный вопрос с охраной таких стационаров, поскольку ни один ведомственный закон не предусматривает ведомство, в обязанности которого входила бы охрана стационаров для подэкспертных, находящихся под стражей (а их охрана требует специфические полномочия, например, в случае побега или подготовки к нему).

Требует разрешения проблема производства таких экспертиз в отношении лиц, страдающих открытой формы туберкулеза. Фактически в стране нет ни одного такого специализированного стационара или отделения. Следователь вынужден искать возможность назначить подобную экспертизу, подключая, как говорится, личные, административные резервы. Ответы руководства Центра им. Сербского содержат предложения подключить подозреваемого или обвиняемого, дожидаться, когда открытая форма его заболевания перейдет в закрытую и тогда назначить экспертизу. Но ведь речь идет о туберкулезе, лечение которого может длиться от полугода до года!

Серьезная проблема для следствия — назначение судебно-медицинской экспертизы по ятрогенным преступлениям, т.е. преступлениям, связанным с ошибками врачей и оказанием некачественной медицинской помощи и услуг. Не секрет, что местные Бюро СМЭ под всяческими предлогами (нехватки специалистов, расходных материалов, большой загруженности и др.) стараются направить следователя для назначения такой экспертизы в другую область или регион, и если и дают ответы, то сроки экспертизы превышают несколько месяцев. (К слову сказать, только очередь до начала такой экспертизы в Центральных экспертных учреждениях — например, Российский центр судебно-медицинской экспертизы, составляет 1 — 1,5 года), длительность экспертизы тоже около полугода. Выводы по таким экспертизам

зачастую не конкретны, их трудно понять не только потерпевшему, его представителю, но и следователю, который вынужден назначать в связи с этим дополнительную или повторную экспертизу.

Эти вопросы нельзя назвать новыми, они уже обсуждались и на коллегии СК России с приглашением представителей судебно-экспертных учреждений и Минздрава, и на совместных межведомственных совещаниях. Предлагалось для решения обозначенной проблемы создать в России несколько (до 8) региональных центров, за которыми бы закреплялись определенные обслуживаемые по этому направлению области. В таких случаях следователь знал, куда ему назначать экспертизу, где у него примут материалы, окажут консультативную помощь без каких-либо уговоров. Другой путь, фактически не требующий каких-либо затрат — закрепить области и другие регионы России попарно: следователи двух соседних областей назначают такие экспертизы в Бюро СМЭ соседней области. Но и такой вариант решения проблемы не реализован.

Количество преступлений, связанных с врачебными ошибками, к сожалению, растет. Для установления полной и объективной картины происшедшего, безусловно, необходимо использование специальных знаний сведущих лиц — судебных экспертов и специалистов. Поэтому СК России пошел по пути включения в штат подразделений ведомственной экспертной службы судебных медиков: пионерами явились судебные медики СУ СК России по Республике Татарстан. Там трудятся трое судебно-медицинских экспертов — проводят экспертизы самостоятельно, входят в состав экспертных комиссий Бюро СМЭ, дают заключения специалистов, оказывают следователям квалифицированную помощь. Планируется увеличение количества судебных медиков в составе СК России. Но чтобы работа их была более плодотворной, не ставились вопросы о допустимости экспертиз судебных медиков, да и экспертов СК России других специальностей, как доказательств, необходимо внести дополнения в законодательные акты, прежде всего Закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ФЗ-73 от 31 мая 2001 года). В статью о субъектах государственной судебно-экспертной деятельности внести дополнения, и указать, что одним из таких субъектов является Следственный комитет, работа в этом направлении ведется. Можно заметить, что в проекте нового закона — «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», это учтено, но закон еще не принят, и в ближайшее время его принятие не планируется. Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ в ряде решений (см., например, Определение от 15 сентября 2015 года № 1827) подтвердил законность наличия в СК России экспертной службы и допустимость заключений экспертов СК России как доказательств в уголовном процессе).

Ежегодный мониторинг следственных потребностей в судебных экспертизах различных видов показывает, что мы нуждаемся в развитии судебно-строительной экспертизы, оценочной экспертизы, в том числе — кадастровой. К сожалению, таких специалистов в государственных судебно-экспертных учреждениях явно недостаточно, следственные органы для получения ответов на вопросы следствия вынуждены в таких случаях обращаться к специалистам, обладающим специальными знаниями и подготовкой, но не являющимся сотрудниками государственных экспертных учреждений — так называемым экспертам-внештатникам (например, сотрудникам НИИ, различных ВУЗов). А это связано с существенными финансовыми затратами.

Определенные недостатки имеют нормы действующего УПК, которые регулируют взаимодействие следователя и эксперта при назначении и производстве судебных экспертиз.

Уже отмечалось, что во многих случаях следователь при расследовании преступлений, прежде всего — особо тяжких преступлений против жизни, здоровья, половой неприкосновенности человека, назначает судебно-психиатрические и психолого-психиатрические экспертизы. И хотя внесенные не так давно изменения в ст. 144 УПК РФ позволяют назначать судебные экспертизы на стадии доследственной процессуальной проверки, такие экспертизы до возбуждения уголовного дела назначить нельзя, т. к. в соответствии с законом они проводятся только в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, а таких участников уголовного производства на стадии проверки сообщения о преступлении еще не имеется, они появляются только в ходе следствия.

Кроме того, согласно ч. 1.2 этой статьи, которой УПК был дополнен Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ, если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Фактически законодатель этим дополнил основания назначения дополнительной или повторной экспертизы, не внося соответствующие изменения в специальную норму — ст. 207 «Дополнительная и повторная экспертиза». Кроме того, императивное указание на обязательность удовлетворения такого ходатайства приводит к тому, что в отдельных случаях, сторона защиты, злоупотребляя этим правом, в целях затягивания сроков следствия заявляет ходатайства на завершающей стадии расследования, либо эти ходатайства недостаточно обоснованы.

Не урегулирован в должном объеме вопрос о заключении и показаниях специалиста, которые в соответствии со ст. 74 УПК РФ являются полноценными доказательствами, наряду с заключением и показаниями эксперта. Несмотря на это обстоятельство, уголовная ответственность за дачу заведомо ложного заключения специалиста не предусмотрена. Не

урегулирован вопрос, на основании какого документа, в какой форме должен специалист составить свое заключение. Нет отдельной статьи в главе 10 УПК РФ «Доказательства в уголовном судопроизводстве», посвященной такому доказательству как «Показания специалиста», и следователь вынужден применять в данном случае аналогию — допрашивать специалиста как свидетеля. Но у свидетеля иной процессуальный статус, права и обязанности.

УПК РФ не предусмотрена возможность получения и использования заключения специалиста как квалифицированного суждения по поставленным вопросам до возбуждения уголовного дела, а почему бы и нет?

Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении следователь вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов. Представляется, что к объектам, которые могут быть исследованы до возбуждения уголовного дела, следует добавить — «следы, вещества», так как они не могут быть отнесены к «предметам и документам», а их исследования довольно часто проводятся специалистами в процессе проверки в порядке ст. 144–145 УПК (например, следы биологической природы и др.).

Отсутствует достаточная ясность по вопросу, каким документом должны быть оформлены предусмотренные ч. 1 ст. 144 УПК РФ исследования документов, предметов, трупов. На практике данные исследования оформляются и как «Акт исследования», и как «Заключение специалиста». В последнем случае это вступает в противоречие с положением Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» о том, что заключение специалиста не включает в себя проведение исследования тех или иных объектов. В этом же постановлении Пленума предусмотрена возможность выполнения комплексной экспертизы одним экспертом, в то время как УПК РФ устанавливает, что комплексные экспертизы проводятся комиссионно.

Имеются и иные пробелы в законодательстве, несоответствия в различных законодательных актах, регулирующих назначение и производство судебных экспертиз, и следственные органы, говоря языком менеджмента, как потребители такого продукта — «заключение судебного эксперта, «заключение специалиста», ждут от законодателя разрешения этих вопросов.

Насущные вопросы, требующие решения, связаны с необходимостью унификации и стандартизации методик экспертных исследований. Это нонсенс, когда, направляя одни и те же объекты и ставя одни и те же вопросы, следователи получают принципиально разные ответы экспертов разных ведомств (здесь не имеются в виду ошибки экспертов). Например, малокалиберные патроны экспертами МВД признаются

боеприпасами, а экспертами Минюста, работающих по иной, своей методике — нет. А ведь от ответа на этот вопрос зачастую зависит правомерность возбуждения уголовного дела.

Необходимо отметить и следующее. В СК России в рамках реализации концепции развития криминалистической службы планируется создание Криминалистического центра, что явится в какой-то степени переломным этапом в развитии ведомственной криминалистики. В структуре центра будет создан единый лабораторный комплекс, который позволит существенно повысить эффективность экспертной работы, будет усилен технический потенциал центра путем оснащения входящих в его состав подразделений передовым криминалистическим и экспертным оборудованием.

Но уже в настоящее время НИИ криминалистики Московской академии СК России реализует несколько перспективных направлений исследований в области научного и методологического обеспечения следственной и экспертно-криминалистической деятельности. Например, учитывая повышенную опасность террористических и экстремистских проявлений, и то обстоятельство, что преступления экстремистского и террористического характера нередко сопряжены с оборотом и применением оружия, в институте ведутся разработки новых методов исследования оружия и следов его применения.

Так, сотрудниками НИИ криминалистики на основе экспериментальных исследований разработаны новые признаки определения дистанции выстрела из охотничьих ружей по осypям дроби, которые незаменимы при осмотре места происшествия и помогают выяснить местоположение стрелявшего и обнаружить затем его следы. Ряд исследований посвящен использованию следов применения огнестрельного оружия ограниченного поражения и разного рода средств самообороны, получивших в настоящее время широкое распространение, для выяснения обстоятельств происшедшего события. Активно ведется разработка расчетных методов определения расстояния выстрела, позволяющих получить вывод о дистанции с заданной вероятностью. К числу новаторских работ относятся также разработка фотометрического способа определения количества выстрелов, а также методических рекомендаций по использованию следов рикошета для реконструкции направления полета снаряда.

Ряд исследований направлен на создание рекомендаций по исследованию самодельных стреляющих устройств, в частности, сотрудниками НИИ разработана формула для расчета навески порохового заряда для проведения экспериментов с дульнозарядными устройствами, что ранее вызывало трудности у экспертов. Новаторский характер исследований подтверждается патентами Российской Федерации, доведен до сведения экспертов других ведомств, отражен в специальных изданиях.

Хмыз А. И.

Проблема использования нетрадиционных методов при раскрытии и расследовании преступлений на примере гипноза

Использование гипноза, особенно так называемого эриксоновского (не связанного с погружением гипнотизируемого в сон), в преступных целях признают многие ученые и практики.¹

Под гипнозом понимается техника воздействия на индивида посредством концентрации его внимания с целью сужения поля его сознания и подчинения влиянию и контролю внешнего агента.² В результате этого воздействия возникает состояние специфического сна или зауженного осознания реальности с отключением критического восприятия и повышенной чувствительностью к внешнему внушению.³

В. Д. Хабалев рассматривает следующие цели использования гипноза при совершении преступлений: 1) причинение вреда здоровью загипнотизированного субъекта вплоть до смертельного исхода; 2) причинение имущественного ущерба загипнотизированному лицу; 3) использование гипнотехник для совершения человеком противоправных деяний в гипнотическом и/или постгипнотическом состоянии⁴.

Анализ судебной практики⁵ показывает, что гипноз, как психологическое воздействие на личность, рассматривается в основном по гражданским делам, при этом, как правило, оспариваются кредитные и иные финансовые обязательства, вытекающие из подписанных сторонами документов⁶.

Возникает необходимость решения соответствующих вопросов и при рассмотрении уголовных дел.⁷

¹ Векленко С. В., Петров С. А. Внушение при гипнозе как средство мошеннического обмана // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 11; Круковский В. Е., Мосечкин И. Н. Нефизическое насилие в уголовном праве: понятие и признаки // Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 92.

² Табаксорова А. В., Расходчикова М. С., Рыжова О. А. Некоторые аспекты уголовной ответственности лиц, использующих гипноз как способ совершения преступления // Надежность и качество. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-ugolovnoy-otvetstvennost-lits-ispolzuyuschih-gipnoz-kak-sposob-soversheniya-prestupleniya> (дата обращения 10.11.2017).

³ Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. М.: Юнити-Дана, Закон и Право, 2002. С. 273.

⁴ Хабалев В. Д. Исторические аспекты криминального гипноза // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 11. С. 84–87.

⁵ Изучались судебные акты, размещенные в государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие».

⁶ Например, гражданские дела: № 2–744/2017 (рассмотрено Заводским районным судом г. Новокузнецка), № 2–6134/2016 ~ М-5035/2016 (рассмотрено Ногинским городским судом) и т. д.

⁷ Например, уголовные дела: № 1-306/12 (рассмотрено Нижнекамским городским судом Республики Татарстан), № 1-16/2012 (рассмотрено Калужским гарнизонным военным судом) и т. д.

Результаты проведенного эксперимента, в котором участвовали гипнолог и 6 гипнотиков, свидетельствуют о различной степени влияния гипноза на человека — один из испытуемых быстро впал в глубокий гипнотический транс, что позволило далее внушать ему различные состояния (возвращать в различные периоды жизни) и контролировать при этом процесс выполнения им рукописных записей. После вывода из контролируемого состояния гипнотик смутно (при относительно неглубоком воздействии) помнил обстоятельства, связанные с выполнением рукописной записи.

По вопросам применения нетрадиционных методов, в частности гипноза, в рамках уголовно-процессуальной деятельности имеются два диаметрально противоположных мнения. Такие ученые, как Л. П. Гримак, В. Н. Иваненко, Д. А. Натура, В. А. Образцов, Н. А. Селиванов, П. А. Стерхов, В. Д. Хабалев и др., считают правомерным применение гипноза при проведении следственных действий. А. М. Ларин, О. А. Пучков, А. Р. Ратинов, Г. Г. Черепанов, С. А. Шейфер, А. А. Шмидт и др. полагают, что использование гипноза недопустимо в связи с тем, что он является одной из форм психического воздействия на участников уголовного судопроизводства.

Не вызывает сомнений, что при наличии обоснованных предположений о применении при совершении преступлений гипноза (не важно, в отношении потерпевшего или подозреваемого) в ходе расследования необходимо отрабатывать наравне с другими данную следственную версию.

В настоящее время это осуществляется, как правило, путем назначения и производства судебных экспертиз. Так, по уголовному делу № 1-16/2012 в ходе комплексной психолого-психиатрической экспертизы экспертами не выявлено склонности подозреваемой гр. Х. к повышенной внушаемости или подчиняемости. Основанием назначения экспертизы явилось утверждение гр. Х., что при совершении преступления она находилась под гипнотическим воздействием.

При рассмотрении уголовного дела № 22-2778/2016 доводы осужденной гр. А. о том, что преступление она совершила под влиянием гипнотического воздействия со стороны гр. Б., отвергнуты Ульяновским областным судом как необоснованные, в виду того, что они опровергаются выводами заключения судебной психиатрической экспертизы.

Заслуживает внимания неоднозначное отношение судейского сообщества к результатам подобных экспертных исследований.

Так, по делу № 2-3749/16 Фрунзенский районный суд г. Саратова признал заключение эксперта ООО «Саратовский Департамент Судебных Экспертиз» допустимым доказательством по делу, от-

метив, что оснований не доверять экспертному заключению у суда не имеется¹.

По делу № 2-63/17 этот же суд подверг критической оценке заключение эксперта той же организации и отверг его в качестве доказательства, ссылаясь на нарушения требований законодательства, а также на информацию, представленную из учреждений здравоохранения, о том, что выявление «гипнотического воздействия», «нейролингвистического программирования» выходит за пределы специальных познаний судебно-психиатрических экспертов и экспертов-психологов и в рамках амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы решить эти вопросы не представляется возможным.

Рассмотренные виды судебной экспертизы подразумевают определенное воздействие на живое лицо, в отношении которого проводится исследование. Однако противники использования гипноза в уголовно-процессуальной деятельности, как отмечалось ранее, считают это неприемлемым. Тем не менее, они допускают применение гипноза при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Так, по мнению Г. Г. Черепанова, А. А. Шмидта, использование гипноза следует признать эффективным средством получения ориентирующей информации в ходе осуществления опроса при обязательном соблюдении следующих требований:

1) Добровольное предварительное согласие испытуемого (что подтверждается письменным заявлением) на опрос с использованием гипноза;

2) Специалист, который проводит опрос при помощи гипноза, должен быть высшей квалификации и обладать знаниями не только в области медицины, гипнологии, но и в области юриспруденции;

3) Сведения, полученные под гипнозом, не могут быть признаны доказательствами по делу, а выступают лишь как ориентирующая информация;

4) Ход опроса с применением гипноза должен фиксироваться посредством видеозаписи;

5) Применение гипноза в ходе опроса может касаться только психически здоровых лиц, и методы гипноза не должны ставить под угрозу жизнь и здоровье опрашиваемого;

6) Применение гипноза должно носить исключительный характер (например, применяться только при расследовании особо тяжких преступлений)².

¹ Здесь и далее рассматриваются примеры из гражданского судопроизводства, так как оно взаимосвязано с уголовным. Как мы полагаем, при установлении факта недействительности сделки в силу психологического воздействия на одну из сторон необходимо рассматривать вопрос о возбуждении уголовного дела по соответствующей статье УК РФ.

² Черепанов Г. Г., Шмидт А. А. Гипноз как нетрадиционный способ проведения оперативно-розыскного мероприятия «Опрос» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3. С. 86.

Фактически те же условия использования гипноза при проведении следственных действий выдвигают сторонники данного метода. Так, Л. П. Гримак сформулировал следующие условия, которые должны соблюдаться в случае применения гипноза в российском уголовном процессе:

Испытуемый должен быть настроен безусловно положительно к сотрудничеству с органами расследования и к факту его гипнотизирования;

Во всех случаях необходимо быть уверенным в психологическом благополучии допрашиваемого под гипнозом;

Сеансы следственного гипноза должны проводиться опытными психиатрами или психологами, имеющими специальную подготовку;

Специалист, который выполняет гипнологическую операцию, должен занимать и сохранять беспристрастную позицию в отношении получаемой им информации от загипнотизированного.¹

П. А. Стерхов предлагает следующие критерии и порядок проведения необходимых действий — фактически тактику проведения следственного действия:

- сеанс гипноза должен быть нацелен не на обвинение конкретного лица, а на поиск сведений, способствующих сбору доказательств по делу;
- процедура должна проходить в непринужденной, благоприятной обстановке;
- специалист погружает допрашиваемого в транс и задает ему ранее согласованные вопросы, при этом постановка иных вопросов не допускается;
- аудио-, видеозаписи могут быть прикреплены к делу с согласия допрашиваемой стороны;
- при допросе лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, вопросы, которые могут быть им заданы, согласовываются также с учетом мнения их законного представителя, присутствующего при производстве данного следственного действия либо же без присутствия, если несовершеннолетний не желает разглашать информацию в присутствии законных представителей;
- применение гипноза при допросе подозреваемого, обвиняемого должно применяться лишь при их желании доказать свою невиновность;
- протокол допроса должен быть удостоверен подписями всех участников следственного действия².

¹ Образцов В. А. Криминалистика: курс лекций. М., 1996. С. 197–210.

² Стерхов П. А. К вопросу о целесообразности законодательной регламентации оснований применения гипноза в целях повышения эффективности правоохранительной деятельности полиции // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 3 (25). С. 136.

Чтобы избежать «наговоров» на себя и других лиц, во время сеанса в обязательном порядке должен присутствовать, на чем настаивает Д. А. Натура, адвокат¹.

Мы придерживаемся мнения сторонников использования гипноза в рамках уголовно-процессуальной деятельности на том основании, что без его применения решить некоторые вопросы при расследовании преступлений невозможно, например, получить экспериментальные образцы почерка лица, в отношении которого установлен факт гипнотического воздействия при выполнении им рукописной записи (подписи).

Экспериментальные образцы почерка должны быть выполнены в условиях, максимально приближенных к условиям выполнения исследуемого почеркового объекта. В рассматриваемой ситуации это возможно только при выполнении данных образцов в состоянии гипноза, поэтому полагаем допустимым проведение следственного действия «Получение образцов для сравнительного исследования» с привлечением гипнолога.

Также следует отметить, что имеется необходимость разработки и апробации экспертной методики установления факта выполнения рукописи под воздействием гипноза.

Существующие методики позволяют диагностировать необычное состояние исполнителя рукописи, однако не позволяют установить конкретный сбивающий фактор. Поэтому на данном этапе вопрос о выполнении рукописи под действием гипноза должен решаться комплексно.

Использование принципа комплексности необходимо для преодоления дефицита информации при решении экспертных² и иных задач³.

Так, в рамках почерковедческого исследования может быть установлен факт необычного выполнения рукописи. Наряду с результатами психофизиологического исследования, допроса, в том числе под действием гипноза, на наш взгляд, возможно с большей вероятностью установить конкретный сбивающий фактор.

Отдельные обстоятельства совершенного преступления возможно установить в ходе следственного эксперимента, например, проверить устойчивость личности к гипнотическому воздействию, поэтому считаем возможным проведение следственного действия «Следственный эксперимент» с использованием нетрадиционных методов.

¹ *Натура Д. А.* К вопросу об альтернативных источниках получения криминалистически значимой информации // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 329.

² *Четвергов М. А.* Комплексное исследование защитных элементов документов // Сборник материалов 50-х Криминалистических чтений «Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений»: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2009. Ч. 2. С. 582.

³ *Демин К. Е.* К вопросу об установлении личности исполнителя заказного убийства на основе комплексного анализа следовой картины места происшествия // Судебная экспертиза: дидактика, теория, практика: сборник. Вып. 7. Сборник научных трудов. М.: Московский университет МВД России, 2012. С. 94–103.

При проведении следственных действий с привлечением гипнолога, необходимо руководствоваться общими принципами проведения следственного действия, но в первую очередь принципом безопасности участвующих в нем лиц. В связи с этим, необходим непосредственный контроль за действиями специалиста, оперативное осуществление процедуры вывода лица из зависимого состояния.

Как известно, ничего не стоит на месте, развиваются научные представления, меняется законодательство, оперативно-розыскная, следственная, экспертная и судебная практика. Настанет тот момент, когда возникнет необходимость изменения устоявшихся, незыблемых в настоящее время положений, и, возможно, рассматриваемые идеи будут приносить пользу науке и практике борьбы с преступностью.

Холопов А. В.

Синтетичность криминалистики как причина кризиса

В среде ученых-криминалистов разворачивается дискуссия о кризисных явлениях в криминалистике, их причинах и значении — не знаменуют ли они переход к новому этапу развития.

По нашему мнению, основной причиной развивающегося кризиса в криминалистике, о котором в среде ученых-криминалистов разворачивается дискуссия,¹ является природа криминалистики как научного знания. Как отмечал Р. С. Белкин, криминалистика является наукой синтетической², представляющей собой сплав гуманитарных и естественно-научных знаний, сфокусированных на решении проблем расследования преступлений. Фактически, можно сказать, что криминалистика развивается методом интеграции знаний гуманитарных и естественно-технических наук.

Как представляется, главным условием успешности процесса интеграции знаний с целью совершенствования системы научных методов и технических средств криминалистики является его непрерывность.

Иными словами, в интересах развития криминалистики как науки исследователю необходимо стремиться к целостному представлению о научной картине мира, а не ограничиваться отдельными знаниями в сфере криминалистики и юриспруденции в целом. В данном случае, можно констатировать, что криминалистика изолировалась от фундаментальных наук-доноров и «законсервировалась» в рамках собственных

¹ См.: Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики: монография / В. Ю. Сокол. Краснодар, 2017. 332 с.; Шутемова Т. В. Криминалистика: кризис и (или) переход к новому этапу? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3 (26). С. 253–259.

² Белкин Р. С. Природа науки. Криминалистика в системе научного знания (глава из кн. 2001 г.) // Белкин Р. С. Избранные труды. М.: Норма, 2009. С. 696.

теоретических исследований, при этом практически отказываясь от своих же «родовых», базовых общенаучных принципов, «унаследованных» ею при рождении, а именно, — принципов синтетичности (обобщенность, собирательность) и интегративности (объединение, соединение из отдельных частей в единое целое). Во многом, это относится к теоретико-методологическим исследованиям в криминалистике.

По нашему мнению, именно с этой позиции следует оценивать высказывание Р. С. Белкина о том, что теоретические разработки в криминалистике «представляют собой своеобразные криминалистические фантомы, игру ума амбициозного автора, пытающегося таким путем оставить свой след в науке»¹.

Если говорить об исследованиях прикладного характера в области криминалистической техники и тактики, то здесь мы наблюдаем практически только инерционный процесс интегрирования в криминалистику новых научно-технических средств и методов. Но это касается прикладных отраслей криминалистики, где кризисные явления стали следствием теоретико-методологических проблем.

Полагаем, можно говорить, что кризис в криминалистике является результатом инфицирования кризисом современного научного знания вообще, вызванного «...распадом целостного мировосприятия, переходом к осколочной, мозаичной системе мировоззрения, когда целостность мира признается, ощущается, декларируется, но не обеспечивается доминирующей в сознании научной картиной мира»².

В этом смысле, распад целостного мировосприятия и научной картины мира можно назвать одной из главных причин развивающегося кризиса в криминалистике.

Исходя из синтетической природы криминалистики, необходимо учитывать роль субъекта развития, т.е. ученого-криминалиста. Для разработки новых научных методов и технических средств в криминалистике представляется целесообразным задействовать достижения фундаментальных наук. С точки зрения теории познания, подобное заимствование требует от исследователя качественно нового, объемного представления о научном знании, включающего образ криминалистики как системы, вписанной в целостную и сложную структуру науки.

Отметим, что криминалистику можно назвать уникальной системой научных знаний, т.к. она объединяет в себе достижения как естественно-технических, так и гуманитарных наук. С точки зрения интеграции в криминалистику достижений гуманитарных и естественных наук, мы сталкиваемся с явлением, описанным писателем-фантастом С. Лемом

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Норма, 2001. С. 219.

² Смотрицкий Е. Ю. Становление системного мышления в первой половине XX века // Гуманитарный журнал. Днепропетровск, 2002. № 3–4. С. 98–108. URL: <http://www.metodolog.ru/00510/00510.html> (дата обращения 23.11.2017).

как мегабитовая бомба¹, т.е. с ситуацией, связанной со скоростью роста количества и сложности научной информации в гуманитарных и естественных науках.

Возникает вопрос поиска информации, ее обработки и адаптации для нужд криминалистики. Закономерен вопрос — как найти необходимое научное знание для развития криминалистики? Тем более, что генерирование новой научной информации и открытий совершается на стыке наук — в рамках междисциплинарных исследований. А в условиях противоречия парадигм гуманитарных и естественных наук ситуация еще более усложняется. Кроме того, сама криминалистика накопила огромное количество собственных результатов научных исследований, как технического, так и гуманитарного характера, и, соответственно, научной информации.

Полагаем, что фундаментальная причина кризиса в криминалистике кроется в отсутствии внутренней системной и целостной картины научных знаний, составляющих криминалистику. Увеличение скорости роста количества и сложности научных знаний в криминалистике и в фундаментальных науках в конечном результате приводят к кризису управления, — будь то организацией или системой знаний, т.е. наблюдается закономерность, описываемая как «барьер Питерса и парадокс Питерса»².

Иными словами, кризис управления есть результат кризиса познания.

В криминалистике сложилась достаточно парадоксальная ситуация. Для того чтобы сформировать новое знание, у ученого-криминалиста просто не хватает времени на изучение «внешних» знаний, т.е. фундаментальных наук, обеспечивающих синтетичность криминалистики и, соответственно, не хватает времени на изучение «критической» массы «внутренних» знаний, составляющих, так сказать, сумму знаний криминалистики.

Здесь следует учитывать, что в настоящее время практически все научные открытия совершаются в области междисциплинарных ис-

¹ См.: Лем С. Сумма технологий. М.: Издательство «Мир», 1968.

² Суть названных явлений заключается в том, что по мере развития и усложнения организации (системы) наступает ситуация, когда субъекты управления достигают пределов своей компетенции, т.е. достигают некоего барьера (барьер Питерса), свидетельствующего о необходимости повышения компетентности. Причем ситуация может осложняться тем, что субъекты управления могут не осознавать наступления предела компетентности. Далее наступает парадоксальная ситуация (парадокс Питерса), так как субъекты управления не в состоянии определить и осознать степень сложности развития организации, соответственно, они не в состоянии определить степень сложности необходимых знаний (несознание степени незнания) для повышения компетентности. В результате принимаются неверные управленческие решения, снижается эффективность функционирования организации (системы), совершаются стратегические ошибки, приводящие систему в свою очередь к кризису и к катастрофе. См.: Питерс Т., Уотерман Мл. Р. В поисках совершенства. Уроки самых успешных компаний Америки. М.: «Альпина Паблишер», 2011. 528 с.

следований, т. е. на стыке не просто двух, но и большего количества наук. Для создания нового необходим синтез «внешних» и «внутренних» знаний. Уместно задаться вопросом — сколько криминалисту потребуется времени для изучения фундаментальных наук, чтобы создать новое, необходимое и актуальное, научное знание в криминалистике?

Если не принимать во внимание описанную закономерность развития науки, то ученый-криминалист, проводя свои научные исследования исключительно в рамках какой-либо отрасли криминалистики, как бы это странно не выглядело, работает только на увеличение мощности «мегабитовой бомбы» в криминалистике.

В этом смысле, кризис криминалистики является результатом процесса детонации, так сказать, локальной (криминалистической) и глобальной (фундаментальные науки) «мегабитовых бомб». Здесь можно задаться вопросом — в какой стадии процесса «детонации» мы находимся?

По нашему мнению, проблема кризиса в криминалистике не является проблемой внутреннего характера, и для ее преодоления необходим глубокий анализ — прежде всего, теоретико-методологической части криминалистики, для определения степени сложности необходимых знаний (для осознания степени незнания) и организации их поиска в фундаментальных науках.

Исходя из синтетичности и интегративности криминалистики можно констатировать, что одним из вариантов выхода из кризиса может быть инициирование междисциплинарных научных исследований теоретического характера. Причем, междисциплинарность исследований должна обеспечиваться в большей степени не внутренней (локальной, т. е. криминалистической) системой накопленных научных знаний, но подкрепляться обращением к внешней (глобальной) системе фундаментальных научных знаний.

В качестве иллюстрации приведем логический принцип познания, сформулированный логиком и математиком Куртом Геделем: «...Система не может познать саму себя, а лишь систему более простую, находящуюся на предыдущей ступени развития»¹, или, другими словами, — «простая система не может познать более сложную».

Можно сказать так, что решение любой сложной проблемы, возникшей в какой-либо системе, не может быть осуществлено в рамках накопленного ей опыта, т. к. он привел систему к состоянию кризиса и возникновению проблем системного характера. Для определения степени сложности решаемой проблемы необходимы знания, превышающие сложность описываемых проблем. Иными словами, нужно

¹ См.: *Нагель Э., Ньюмен Дж. Р.* Теорема Геделя / пер. с англ. Ю. Гастева. М.: КРА-САНД, 2010. 120 с.; *Гуревич И. М.* Законы информатики — основа строения и познания сложных систем. 2-е изд., уточн. и дополн. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2007. 400 с.

сформировать систему знаний, превосходящую по сложности систему знаний криминалистики. Таким образом, современный кризис в криминалистике невозможно разрешить, обращаясь только к внутренним (локальным) ресурсам знаний.

По нашему мнению, одним из наиболее оптимальных вариантов решения проблемы «мегабитовой бомбы», равно как и «барьера Питерса и парадокса Питерса», является ориентирование криминалистики как учебной дисциплины и науки не на накопление информации, а на развитие когнитивных (познавательных) способностей человека. Кстати, С. Лем также как на один из вариантов решения проблемы «мегабитовой бомбы» указывал на развитие мышления человека. Т.е., человека надо учить мыслить.

Совершенно справедливо М. К. Каминский определил сложившуюся ситуацию в современной криминалистике как господство вульгарного материализма¹.

Таким образом, полагаем, что современный кризис в криминалистике можно назвать кризисом познания. Соответственно, для его преодоления необходимо решать проблемы, связанные с развитием мышления субъекта познания.

По нашему мнению, для отражения смысла описываемых вопросов и проблем целесообразно использовать термин «когнитивность (когнитивный)» (производное от латинских терминов — *cognitio* и *cogitation*, означающих, соответственно, «познание» и «познавание»).

Когнитивность является не просто методом выхода из кризиса, но определяет сущность нового этапа в развитии криминалистики, в рамках которого необходимо развивать следующие теоретические научные направления: 1) **Теория познания в криминалистике.** Исследование положений теории познания и интегрирование в методологический раздел криминалистики системы научных знаний об особенностях процесса познания в криминалистике. 2) **Теория систем и системного анализа в криминалистике.** Необходимо полноценное развитие системной методологии (системного подхода) в криминалистике, которое практически не было реализовано. 3) **Теория мышления в криминалистике.** Исследование проблем формирования профессионального мышления субъектов, использующих криминалистические знания. 4) **Криминалистическая и общая теория преступления**². Представляется важным в рамках юри-

¹ Каминский М. К. Вульгарный материализм и его пагубность для криминалистики и криминалистического образования // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vulgarnyy-materializm-i-ego-pagubnost-dlya-kriminalistiki-i-kriminalisticheskogo-obrazovaniya> (дата обращения 14.11.2017).

² См.: Холопов А. В. К вопросу о формировании общей теории преступления // Российский журнал правовых исследований / Russian journal of legal studies. 2016. № 2 (7). С. 193–201.

спруденции разработать общую теорию преступления, состоящую из частных теорий, например, криминологической, уголовно-правовой и криминалистической теорий преступления. Как общая, так и частная теории преступления должны строиться на положениях системного подхода. 5) **Теория информации и ее фиксации.** Вопросы фиксации информации требуют полноценного теоретического описания и должны быть представлены в первом разделе (Методология криминалистики), предвзявая главу, посвященную теории криминалистической идентификации. Другими словами, перед тем как идентифицировать объект, его нужно зафиксировать. 6) **Теория организации и управления в криминалистике.** Основой эффективности организации любой сложной деятельности (процесса), в том числе и предварительного расследования преступлений, является наличие теоретических знаний и практических навыков управления процессами познания сложных системных объектов, к которым относится, например, преступление и деятельность по его расследованию.

Таким образом, вхождение криминалистики в фазу кризиса можно назвать атрибутом эволюционного процесса криминалистики как системы научных знаний. И на этом этапе криминалистика как синтетическая и интегративная наука испытывает все негативные и позитивные явления, характерные для любой науки, переходящей в когнитивную стадию развития.

Хорошева А. Е.

Некоторые теоретические аспекты развития методики и тактики судебного разбирательства уголовных дел

Многие годы интерес ученых-криминалистов вращается вокруг дискуссии о необходимости расширения предметной области криминалистики за счет включения в нее закономерностей, складывающихся в ходе судебного разбирательства уголовных дел, разделив научное сообщество на две группы — поддерживающих данные идеи¹ и отрицающих их целесообразность².

¹ См.: *Ароцкер Л. Е.* Криминалистические методы в судебном разбирательстве уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965; Он же. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964; Он же. Тактика и этика судебного допроса. М., 1969; *Егоров К. С.* Проблемы криминалистического обеспечения судебного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994; *Корчагин А. Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2007.

² См.: *Васильев А. Н., Яблоков Н. П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984; *Корма В. Д., Образцов В. А.* Проблемы совершенствования парадигмы криминалистики как теории здравого смысла // Вестник криминалистики. 2013. Вып. 2 (46). С. 7–18.

В этой связи М. В. Жижина, разделяющая мнение сторонников распространения предметной области криминалистики на судебное разбирательство, указывает, что «оппоненты этой позиции недостаточно учитывают объективные, также изначальные связи криминалистики со своей правовой природой, что приводит к абсолютизации главного, но отнюдь не единственного ее объекта — предварительного расследования»¹.

Признавая вклад уважаемых ученых в формирование общей методологии криминалистики, отметим, что подобные научные споры в некоторой степени «затормозили» процессы развития самой криминалистики и не позволили выделить самое пристальное внимание данному направлению. Но если вопрос о распространении криминалистики на сферу судебного рассмотрения уголовных дел более или менее решен, то его содержательная сторона, бесспорно, нуждается в развитии. Хотя это направление формировалось не сегодня и не вчера, а берет свое начало еще с середины прошлого столетия, и имена тех, кто призывал ученых-криминалистов не ограничиваться только лишь разработкой методов расследования, содержатся в каждом более или менее добротном диссертационном исследовании. Наставления же мэтров криминалистики тем более не должны оставаться без внимания, а долгие годы бездействия действительно указывают на затянувшийся кризис. Так, Р. С. Белкин отмечал, что «исследование возможностей и пределов применения данных криминалистики судом в ряде случаев выявило необходимость разработки таких криминалистических рекомендаций, которые предназначались бы для суда, учитывая специфику судебного следствия и его отличия от предварительного расследования. Задача заключалась в разработке тактики именно судебного следствия, и эта задача определяет в настоящее время одну из важных тенденций развития криминалистической тактики»². Остается только добавить, что данное высказывание вполне применимо и к методике судебного разбирательства, которая все еще находится в зачаточном состоянии, несмотря на уже имеющиеся наработки в этой области. Отсутствует главное — методологический инструментарий, позволяющий по-иному взглянуть на сложные проблемы, исключить идеологию и сформулировать общий набор рекомендаций для проведения качественной верификации доказательств профессиональными участниками судопроизводства.

Анализируя имеющиеся сегодня в криминалистике разрозненные позиции, посвященные данной проблематике, мы попытались выделить ряд первостепенных задач, требующих своего скорейшего решения, без которого сложно сформировать будущий вектор развития направления

¹ Жижина М. В. Теория и практика применения современной криминалистики в цивилистическом процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 30.

² Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики. Волгоград, 1993. С. 19.

по созданию целостного учения о криминалистической методике и тактике судебного разбирательства уголовных дел:

1. Важна надлежащая постановка проблемы, позволяющая в будущем на вопрос об адресате криминалистических рекомендаций ответить: «не для кого», а «для чего», признавая под этим адресатов высшего порядка — законность, справедливость, истину. Автор полагает, что обоснование этого вопроса имеет значение для выработки надлежащей концепции осуществления криминалистической деятельности в судебном разбирательстве уголовных дел. Представляется, что общий методологический подход к пониманию того, что является конечной целью криминалистической деятельности участников судебного разбирательства и составляет решение проблемы. В этой связи видится немаловажным очерчивание границ целеполагания профессиональных субъектов доказывания, а также их мотивационной активности;

2. На основе существующей традиционной структуры криминалистики как науки и учебной дисциплины необходимо обозначить место для такого учения с тем, чтобы не нарушить ее классическую структуру. Тем более что в научной парадигме данная тема уже закрепились, однако дальнейшего своего развития не получила. Подтверждением сказанного является понятие предмета криминалистики, сформулированное профессором Р. С. Белкиным, который определял ее, в том числе, как науку о закономерностях «судебного исследования преступлений»¹;

3. Требуется выработать комплексный подход, позволяющий определиться с набором научного инструментария и обеспечить его оптимальное применение в ходе разработки методологических основ криминалистической методики и тактики судебного разбирательства;

4. Необходимо совершенствовать понятийный аппарат науки криминалистики и, главное, добиться единообразия в его применении. Однако не стоит забывать, что «новый язык криминалистики» должен не выбиваться из общепринятой парадигмы, а в определенной мере следовать принципам исторической необходимости и преемственности.

Судебное доказывание является одной из наиболее важных предметных областей, нуждающихся в обеспечении криминалистическими рекомендациями. В связи с этим возникает несколько вопросов. Во-первых, есть ли доказывание единое и неделимое понятие для всех наук уголовно-правового цикла и можно ли вести речь об отдельных аспектах доказательственного процесса: процессуальных, криминалистических? Во-вторых, существуют ли предпосылки и условия для существования и развития самостоятельной теории криминалистического доказывания? Для ответа на данные вопросы обратимся к уяснению того, что есть судебное доказывание с позиции науки криминалистики.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юрист, 1997. С. 112.

Среди работ ученых, в которых рассматриваются вопросы доказывания в его криминалистическом аспекте, можно выделить исследования Н. Н. Егорова¹ и В. В. Новика². Оба автора, по сути, рассматривают доказывание через призму элементов, закрепленных уголовно-процессуальным законодательством: собрание, проверка и оценка доказательств, дополняя данный перечень действиями, имеющими криминалистическую природу и специфическую сущность, направленную на познание материальной стороны объекта.

Так, Н. Н. Егоров, рассматривая такой общий для процессуалистов и криминалистов элемент доказывания как собрание доказательств, наполняет его содержанием, которое, по его мнению, присуще именно криминалистическому аспекту. Речь идет о действиях по сохранению доказательств, которые, по мнению Н. Н. Егорова, «в качестве одного из этапов их собирания рассматривают только криминалисты, поскольку в некоторых случаях условия хранения могут сказаться на результатах исследования. Процессуалисты в основном говорят о хранении вещественных доказательств, сводя его к организационным и техническим операциям, исключающим их утрату»³.

Поддерживая данную точку зрения, мы не можем не признать, что сведение доказывания в его криминалистическом аспекте лишь к закреплению и сохранению материального объекта не позволяет в полной мере раскрыть содержание криминалистической деятельности. В этой связи термин «криминалистическая деятельность», а не «доказательственная» представляется нам более удачным. Однако при этом мы не исключаем в дальнейшем использование таких понятий как «механизм судебного доказывания», позволяющих отразить специфику криминалистической деятельности в судебном разбирательстве уголовных дел. Так, уже упомянутое выше понятие «сохранение доказательств» может употребляться в контексте не только следственного, но и судебного доказывания. В этой связи фраза «сохранение доказательств» может быть истолкована не только исходя из своего этимологического значения и включать связанные с этим действия по контролю за соблюдением условий надлежащей транспортировки и хранения вещественных доказательств, например, со следами биологического происхождения. Подобная деятельность имеет и тактическую составляющую, что подразумевает усилия государственного обвинителя и защитника, направленные

¹ См.: *Егоров Н. Н. Криминалистические аспекты доказывания / в кн. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития. М., 2016.*

² См.: *Новик В. В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам. СПб., 2005.*

³ *Егоров Н. Н. Криминалистические аспекты доказывания / в кн. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития. М., 2016. С. 96.*

на когнитивную и эмоциональную фиксацию доказательственного ресурса. В этой связи мы стоим на позиции признания двух форм фиксации доказательств, одна из которых имеет овеществленную форму и выражается в создании материального результата фиксации, другая же форма фиксации, по нашему мнению, является мысленной, навязываемой одним субъектом другому. Эта форма фиксации зависит от психологических особенностей субъекта, на которого оказывается воздействие, от разнообразней мыслительных процессов, а также от иных факторов, включая обстановку, в которой происходит воздействие на сознание. В криминалистике такая обстановка получила название «судебная ситуация». Результатом такой фиксации является не только возможность запечатлеть в сознании конкретный образ доказательства, но и встроить это доказательство в иерархию ценностей субъекта его оценки.

Соотношение процессуального и криминалистического аспектов доказывания представляет собой задачу, лежащую в русле взаимодействия наук уголовного процесса и криминалистики. Процессуальное доказывание закреплено формально, в нормативных предписаниях, установленных УПК РФ. Обязательность соблюдения правовых предписаний в процессе осуществления доказывания обуславливает легальность деятельности сторон в судебном разбирательстве. Внедрение усложненных форм производства по уголовным делам с их процессуальными особенностями неизбежно влечет и придание усложненного характера криминалистическому доказыванию. Рассматривая доказывание в двух ипостасях — процессуальной и криминалистической, мы сталкиваемся с понятиями формы и содержания, что свидетельствует о взаимосвязи первого и второго. Анализ двух представленных аспектов доказывания позволяет затронуть проблему формирования истинного знания, разрешение которой невозможно без совершенствования методико-криминалистических основ судебного разбирательства уголовных дел. Приходится констатировать, что познанием одних лишь закономерностей осуществления доказательственной деятельности в суде данные вопросы не ограничиваются. Их круг значительно шире и включает в себя такие направления, как создание ситуационных моделей судебного разбирательства; выявление негативных тенденций, препятствующих установлению истины в той или иной информационной системе; разработка эффективного инструментария; совершенствование понятия «механизм судебного доказывания».

Таким образом, криминалистический аспект доказывания предполагает не только выявление и анализ закономерностей судебно-познавательной деятельности, но и создание моделей, учитывающих ситуационный характер судебного исследования и обуславливающих разработку эффективного механизма судебного доказывания.

Хох А. Н., Кузменков Д. Е.

Возможность использования травянистых растений-биоиндикаторов в судебно-экологических экспертных исследованиях

По сведениям Единого государственного банка данных о правонарушениях МВД, только в 2016 году в Республике Беларусь материальный ущерб от преступлений, квалифицированных по статьям главы 26 раздела IX «Преступления против экологической безопасности и природной среды» Уголовного Кодекса Республики Беларусь, составил около 1 500 000 белорусских рублей. Именно по этой причине среди приоритетных государственных задач — противодействие нарушениям экологического законодательства.

Выявление фактических обстоятельств, а также установление причинно-следственных связей между нанесением экологического ущерба и наступившими отрицательными последствиями подразумевает оперативное и объективное проведение судебных экспертиз, а также применение при проведении судебно-экологических экспертных исследований новых, более эффективных, методик. Это связано с тем, что для привлечения виновных к ответственности, прежде всего, следует доказать, что экологическое правонарушение было действительно совершено.

Изменения природной среды наиболее остро отражаются на биотических компонентах, и в первую очередь на растительном мире, поэтому растения все чаще становятся объектом экспертных исследований по делам об экологических правонарушениях.

Растительные организмы чувствительны к флуктуациям внешней среды своего местообитания, что позволяет получать достоверную информацию об экологическом состоянии природно-антропогенных сред. Все это открывает широкие перспективы для использования растений-биоиндикаторов при проведении судебно-экологических экспертных исследований, связанных, к примеру, с локализацией конкретного участка местности с негативным антропогенным воздействием.

В Беларуси биоиндикационные исследования растительных организмов проводятся в учреждениях, занимающихся вопросами охраны окружающей среды — научно-исследовательских институтах, отраслевых институтах Национальной Академии наук. В ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз», а также в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь такие исследования пока не проводятся, что не позволяет в полной мере устанавливать фактические обстоятельства значительной части экологических правонарушений. Поэтому представляется целесообразным положить в основу экспертных исследований научно-методический

инструментарий, созданный вне судебно-экспертных учреждений. В данной работе мы рассмотрим некоторые существующие методики для исследования травянистых растений-биоиндикаторов применительно к потребностям судебно-экспертной практики.

Травянистая растительность лучше иных видов характеризует определенные участки местности и может быть использована как весьма информативный объект при производстве судебно-экологической экспертизы. Негативное антропогенное воздействие на нее может быть выражено либо в явной, либо, в подавляющем большинстве случаев, в скрытой форме. Например, скручивание и почернение листовых пластинок — это пример явной формы, а накопление тяжелых металлов или радионуклидов — скрытой, которая станет явной только на последней стадии развития.

В настоящее время в Республике Беларусь вопросы трансформации видового и химического состава травянистых растительных сообществ (преимущественно сеgetальных, т. е. приспособившихся к произрастанию в посевах сельскохозяйственных культур) на условно чистых территориях и в зонах промышленного воздействия наиболее активно изучают белорусские ученые С. С. Позняк и Ю. В. Жильцова из УО «Международный государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета»¹²³. Данное учреждение не является субъектом судебно-экспертной деятельности, однако в соответствии с процессуальным законодательством Республики Беларусь (ст. 231 УПК РБ, ст. 225 ГПК РБ, ст. 10.16 ПИКоАП РБ) его специалисты могут привлекаться в качестве экспертов.

В ходе проведенных указанными специалистами исследований, аргументированно доказано, что виды травянистых сеgetальных растений различаются по степени накопления тяжелых металлов на относительно чистых территориях и в условиях техногенного загрязнения. Это накопление в зоне воздействия промышленных предприятий по сравнению с фоновой территорией увеличивается от 1,1 до 19,3 раза (в зависимости от вида растения и элемента). Значения коэффициентов биологического накопления тяжелых металлов в растениях фоновой территории возрастают в ряду цирконий < свинец < марганец < кобальт <

¹ Позняк С. С. Антропогенная трансформация химического состава культурных и сеgetальных растений агрофитоценозов / С. С. Позняк // Вес. Нац. акад. Навук Беларусі. Сер. аграрн. Навук. 2013. № 2. С. 77–83.

² Позняк С. С. Биологическая аккумуляция тяжелых металлов растениями на условно загрязненных почвах Республики Беларусь / С. С. Позняк // Весн. Гродзенскага дзярж. ун-та імя Я. Купалы Навук Беларусі. Сер. 5. 2011. № 1 (112). С. 147–151.

³ Жильцова Ю. В. Высшие водные растения как тест-объекты при проведении биогеохимического мониторинга экосистем / Ю. В. Жильцова // Экология человека и окружающей среды в постчернобыльский период: материалы Респ. науч. конф. молодых ученых, аспирантов, студентов. Минск, 27–28 нояб. 2008 г. / МГУ им. А. Д. Сахарова; под общ. ред. С. Б. Мельнова. Минск, 2008. С. 74–75.

хром<олово<никель<медь<цинк, а в растениях техногенно загрязненной территории — цирконий<свинец <кобальт<марганец<хром<медь<никель<олово<цинк. Установлена средняя положительная связь между содержанием цинка ($r = 0,515^{**}$) и меди ($r = 0,499^{**}$) в почве и растениях фоновой территории¹.

Также получены экспериментальные результаты по исследованию высших водных растений, в результате чего были выявлены наиболее специфические растения, служащие индикаторами загрязнения водной среды химическими элементами: роголистник погруженный (*Ceratophyllum demersum* L.) — для титана, марганца, никеля, цинка, свинца; ряска малая (*Lemna minor* L.) — для хрома, железа, меди; спиродела многокорневая (*Spirodela polyrhiza* (L.) Schleid.) — для титана, хрома, железа, свинца; элодея канадская (*Elodea Canadensis* Michx.) — для меди; рдест пронзеннолистный (*Potamogeton perfoliatus* L.) — для никеля; рдест блестящий (*Potamogeton lucens* L.) — для свинца^{2, 3}.

Выявленные закономерности по накоплению тяжелых металлов в отдельных видах травянистых растений позволяют использовать их в качестве диагностических тестовых систем для оценки степени загрязненности фитоценозов тяжелыми металлами⁴. Разработанные С. С. Позняком и Ю. В. Жильцовой методики в силу своей методологической ориентации и специфики возможностей могут применяться в судебно-экспертных исследованиях для:

- определения содержания химических элементов в растительном сырье и грунте рентгенофлуоресцентным методом;
- определения показателя антиоксидантной активности экстрактов растений фото-хемилуминесцентным методом;
- определения малонового диальдегида в растениях спектрофотометрическим методом;
- определения антиоксидантно-прооксидантного равновесия растений;
- расчета коэффициентов накопления, коэффициентов концентрации и коэффициентов корреляции, индексов содержания

¹ Позняк С. С. Возможности составления прогноза загрязнения тяжелыми металлами сеgetальной флоры агрофитоценозов / С. С. Позняк // Наука на службі сільського господарства: матеріали Міжнар. наук.-практ. інтернет-конф. / Миколаївська ДСДС ІЗЗ, 5 березня 2013 р.: в 2 т.; редкол.: В. М. Ганганов [и ін.]. Миколаїв, 2013. Т. 1. С. 180–181.

² Позняк С. С. Сеgetальные растения Беларуси — биоиндикаторы экологического состояния экосистем: монография / С. С. Позняк, Ю. В. Жильцова. Минск: ИВЦ Минфина, 2017. 136 с.

³ Жильцова Ю. В. Влияние экологических факторов на оксидантно-пероксидантное равновесие и накопление химических элементов в высших водных растениях Республики Беларусь / Ю. В. Жильцова, С. С. Позняк // Экологический вестник. Науч.-практ. журн. 2013. №4 (26). С. 95–102.

⁴ Позняк С. С. Содержание тяжелых металлов в растительности агрофитоценозов в зоне воздействия крупных промышленных центров / С. С. Позняк // Экологический вестник. Науч.-практ. журн. 2010. №3 (13). С. 5–14.

тяжелых металлов, коэффициентов специфического относительного накопления и др.

В каждом конкретном случае использование той или иной методики будет зависеть от поставленной на разрешение задачи.

На наш взгляд, полученные учеными результаты с успехом можно рассматривать в качестве научно-методического фундамента для нового направления в судебно-экологической экспертизе. Однако необходимо помнить, что их использование при проведении судебно-экспертных исследований возможно только в трансформированном (превращенном) виде, что обусловлено специфичностью задач и особенностями объектов экспертизы.

Заметим, что в специализированной научной и судебно-экспертной литературе имеются лишь единичные сведения о применении травянистой флоры при производстве экологических экспертиз. Поэтому мы считаем важным восполнить данный пробел и информировать экспертное сообщество о возможности использования растительных биоиндикаторов в процессе доказывания.

Перечисленные выше методики по исследованию травянистых растений-биоиндикаторов позволят решать вопросы экологического характера, основную часть которых составляют сложные диагностические и идентификационные задачи.

Собственно процесс исследования экологического состояния травянистой растительности можно разделить на несколько этапов:

- а) изучение представленных материалов;
- б) проведение экспертного осмотра места происшествия (ОМП) с отбором почвенных и растительных образцов;
- в) аналитические исследования образцов, изъятых при проведении ОМП, т. е. помимо отбора сравнительных образцов травянистых растений-биоиндикаторов с загрязненных участков, аналогичным образом требуется провести отбор контрольных образцов за пределами загрязненной территории.
- г) оценка полученных результатов и формулирование выводов.

Мы считаем, что исследование травянистых растений-биоиндикаторов при производстве судебно-экологических экспертиз позволит сформировать качественную доказательственную базу при расследовании таких распространенных экологических правонарушений, как:

- загрязнение почвенных объектов, в том числе сельскохозяйственных угодий, тяжелыми металлами, пестицидами, нефтью и нефтепродуктами;
- нарушение состояния почвы в результате строительных работ, незаконного захоронения отходов;
- загрязнение водных объектов сточными водами, органическими отходами, нефтепродуктами, ядохимикатами, минеральными удобрениями и др.;

- нарушение правил транспортировки, хранения и применения средств защиты растений и др. препаратов.

Таким образом, внедрение результатов исследования травянистой флоры в экспертную практику будет способствовать установлению существенных обстоятельств (например, виновность/невиновность субъекта, размер материального ущерба, нанесенного окружающей среде), имеющих отношение к фактам экологических правонарушений и призванных способствовать всестороннему, полному и объективному исследованию и разрешению дела, а также позволит значительно расширить возможности судебно-экологической экспертизы и повысить ее эффективность.

Хрусталеv В. Н.

Роль Р. С. Белкина в модернизации российской академической подготовки судебных экспертов

Налицо возрастающая потребность общества в производстве все большего числа судебных экспертиз, поэтому очевидна необходимость в расширении экспертной подготовки. Судебных экспертов в настоящее время в основном готовят:

- в рамках ученической формы — по принципу наставничества непосредственно в судебно-экспертных учреждениях;
- в рамках академической формы — на базе высших образовательных учреждений при получении первого высшего образования, в том числе по специальности «Судебная экспертиза»;
- на поствузовском уровне — в аспирантуре, в рамках повышения квалификации либо получения дополнительной квалификации.

Академическая подготовка судебных экспертов зародилась в СССР в середине прошлого столетия, и длительное время осуществлялась только в образовательных учреждениях Министерства внутренних дел¹. С 1949 до 1973 г. функционировало отделение экспертов-криминалистов Московской средней специальной школы милиции, выпускавшей экспертов-криминалистов со средним юридическим образованием (с 2-го-годичным сроком обучения). Подготовка экспертов на базе среднего образования не могла обеспечить соответствие подготавливаемых экспертов все возрастающим требованиям практики, поэтому в 1961 году в Высшей школе МВД РСФСР, преобразованной позже в Академию МВД СССР, был создан факультет подготовки экспертов. Эта профессиональная подготовка была свернута в связи с созданием в 1973 г. в Высшей следственной школе МВД СССР (Волгоград) факультета по подготовке экспертов-криминалистов с высшим юриди-

¹ В данной статье подготовка судебно-медицинских экспертов не рассматривается.

ческим образованием: специальность «Правоведение», квалификация «эксперт-криминалист».

Академическая подготовка судебных экспертов в нашей стране изначально в течение 45 лет была жестко связана с юридическим образованием, и это, с нашей точки зрения, было вызвано следующими причинами. Первые 50 лет в ее рамках велась подготовка только экспертов-криминалистов — для производства традиционных криминалистических экспертиз. Кроме ВШ МВД СССР, преобразованной в Волгоградскую академию МВД СССР, с 1991 г. экспертов-криминалистов готовили в Саратовской высшей школе МВД РСФСР, преобразованной в СЮИ МВД РФ, с 1999 г. — в Московской академии МВД РФ, преобразованной в Московский университет МВД РФ, а с 2004 г. — и в Санкт-Петербургском университете МВД РФ. А наука криминалистика, зародившись (и на Западе, и в России) как естественно-техническая наука прикладного характера, к указанному времени в нашей стране (в отличие от развитых стран Запада и Востока) стала трактоваться как наука юридическая. В соответствии с этим и эксперты-криминалисты по образованию становились юристами. Следует признать, что первоначальный этап академической подготовки судебных экспертов, связавший экспертную специальность с юридическим образованием, прямо противоречил опыту подготовки экспертов-криминалистов в развитых западных странах, при котором химия, физика, биология и математика занимают главное место в обучении: в зависимости от конкретной экспертной специальности и конкретного высшего учебного заведения удельный вес преподавания естественных наук составляет от 53 до 92% учебного времени¹. Данное решение противоречило и здравому смыслу, поскольку судебный эксперт, в том числе эксперт-криминалист, интересен юристу (следователю, дознавателю, прокурору, судье, адвокату) лишь как носитель специальных *неюридических* знаний, которыми указанные лица не обладают². Это изначально определило существенные ограничения в качестве подготовки экспертов. Представляется, что и западный, и отечественный подходы того времени являются крайностями, одинаково отдаленными от оптимального соотношения естественнонаучных и юридических знаний.

Показательно, что патриарх отечественной криминалистики — профессор Р. С. Белкин, один из самых последовательных сторонников юридической природы криминалистики, позднее

¹ Подробнее об этом см.: Хрусталева В. Н. Опыт подготовки экспертов-криминалистов (по материалам зарубежной печати) / Экспертная практика. М.: ЭКЦ МВД РФ. 1995. № 38. С. 57–65.

² Сам феномен судебной экспертизы появился именно потому, что лица, проводящие расследование, все чаще попадали в ситуацию, когда для принятия обоснованного решения по делу необходимы были знания, которыми сами они, юристы по образованию, не обладали — неюридические знания.

пересмотрел свои взгляды и пришел к выводу, что криминалистику нельзя рассматривать как чисто юридическую науку. Ее трансформированное содержание — это сплав данных самых различных наук: общественных, естественных и технических, поэтому Р. С. Белкин констатировал синтетическую природу науки криминалистики¹. На международном симпозиуме «Актуальные проблемы криминалистических исследований и использование их результатов в практике борьбы с преступностью», организованном ЭКЦ МВД РФ в 1994 г., Р. С. Белкин выступил с блестящим докладом «Криминалистика и теория судебной экспертизы: природа и связи», в котором последовательно доказал ошибочность аргументов, с которыми сам же ранее отстаивал юридическую природу криминалистики. На такой шаг способен лишь по-настоящему большой Ученый, каким и был Рафаил Самуилович! Довольно быстро научная позиция Р. С. Белкина, авторитет которого среди криминалистов был, да и остается до настоящего времени, непререкаем, стала общепринятой, тем самым вышеуказанное существенное препятствие для отделения экспертной подготовки от Юриспруденции было преодолено.

Самостоятельная образовательная специальность для подготовки экспертов — «Судебная экспертиза» — образовалась, оторвав российскую академическую экспертную подготовку от юридического образования. Одной из причин, подтолкнувших на этот шаг, была невозможность не только повысить качество подготовки экспертов-криминалистов, но даже и сохранить его на прежнем уровне в рамках юридического образования. В ведомственных вузах МВД, в которых велась подготовка экспертов-криминалистов, ужесточались требования к объему учебного времени, отводимого на изучение базовых юридических дисциплин, поскольку качество юристов, подготовленных в их стенах, подвергалось справедливой критике. А особенностью данной ведомственной подготовки было и остается то, что в ее рамках преподаются не только учебные дисциплины, обычные для юридического образования; значительное учебное время затрачивается на дисциплины, формирующие будущего офицера МВД. Выполнение данных требований приводило к тому, что на преподавание собственно экспертных дисциплин времени попросту не оставалось. Инициатором создания самостоятельной экспертной специальности стал Учебно-методический центр Министерства внутренних дел под руководством Ю. С. Морозова. Указанная идея обсуждалась многократно и в различных инстанциях, но можно выделить два наиболее значимых обсуждения, состоявшихся в 1993 г.

¹ См.: Белкин Р. С. Криминалистика и теория судебной экспертизы: природа и связи // Актуальные проблемы криминалистических исследований и использование их результатов в практике борьбы с преступностью // Тез. докл. Международного симпозиума. М., 1994; *Он же*. О природе криминалистической науки // Тр. Академии МВД РФ. М., 1996.

Первое проходило на расширенном заседании в Саратовской высшей школе МВД России, руководимой в то время Ф. А. Григорьевым, с приглашением руководителей экспертной службы МВД России — действующих и бывших (И. П. Карлина, С. С. Панкратова, В. А. Снеткова, П. Т. Скорченко) и многих известных ученых-криминалистов, таких как Р. С. Белкин, В. С. Митричев, Н. П. Яблоков, Т. В. Аверьянова, А. Г. Филиппов, А. Ф. Волынский, В. В. Борисов, В. В. Степанов, А. С. Подшибякин и др. Действующие руководители экспертной службы на обсуждении заняли выжидательную позицию, мнение же подавляющего большинства выступивших ученых было единым: отрывать подготовку экспертов-криминалистов от специальности «Юриспруденция» нельзя. И только двое маститых криминалистов — профессор Р. С. Белкин и профессор В. С. Митричев, которые регулярно оппонировали друг другу на научных криминалистических конференциях, а также сотрудники СВШ МВД РФ Б. А. Евстигнеев и В. Н. Хрусталеv, при обсуждении вопроса о необходимости отрыва отечественной академической подготовки судебных экспертов от специальности «Юриспруденция» безоговорочно поддержали идею введения самостоятельной образовательной специальности «Судебная экспертиза» и предсказали ее успешное будущее. Именно профессор Р. С. Белкин в дальнейшем сыграл ключевую роль в становлении новой специальности.

Второе обсуждение проходило на заседании Методического совета Экспертно-криминалистического центра МВД России под руководством И. П. Карлина. Членам Методического совета были представлены альтернативные проекты стандартов по новой специальности: первый, предусматривающий, как и ранее, предоставление выпускникам диплома о высшем юридическом образовании, был разработан А. Г. Егоровым, в то время заместителем начальника СВШ МВД России по учебной работе. Второй же, определяющий создание самостоятельной экспертной специальности, был разработан сотрудниками кафедры криминалистической техники СВШ МВД России Б. А. Евстигнеевым, В. Н. Хрусталевым и А. И. Натурой. Впоследствии экспертизу данных проектов провел профессор В. С. Митричев, который в своем развернутом заключении представил и обосновал собственное видение организации подготовки экспертов-криминалистов в образовательных учреждениях в рамках самостоятельной образовательной неюридической специальности. На указанном заседании ученые-криминалисты В. А. Снетков и В. Ф. Статкус также отстаивали необходимость сохранения подготовки экспертов в рамках специальности «Юриспруденция». Только руководители ведущих экспертных подразделений Министерства внутренних дел и на данном заседании Методического совета, и на совещании руководителей экспертной службы страны, проходившем позднее на базе СВШ МВД России (когда была предпри-

нята безуспешная попытка получить у руководителей отрицательный отзыв о новой неюридической учебной экспертной специальности), решительно поддержали самостоятельную экспертную специальность и отказ от высшего юридического образования будущих экспертов. Поэтому можно уверенно утверждать, что новая экспертная специальность появилась именно в соответствии с потребностями экспертной практики и потребностями практики борьбы с преступностью в целом¹.

С целью повышения качества подготовки экспертов приказом Госкомвуза России от 05.03.94 № 180 специальность 022400 «Судебная экспертиза» была введена. Приказом МВД России от 10 марта 1995 года № 92 базе СВШ МВД России по данной специальности был создан Межвузовский учебно-методический совет (позднее преобразованный в УМО), рабочая группа которого под руководством именно Р. С. Белкина (в состав которой входили Т. В. Аверьянова, В. Я. Семенов, Б. А. Евстигнеев, Е. А. Комкова и В. Н. Хрусталеv) разработала проект ГОС ВПО, предусматривавший подготовку экспертов-криминалистов за 4 года, предоставление выпускникам диплома о высшем профессиональном экспертном образовании, диплома о среднем юридическом образовании и свидетельства на право производства семи традиционных криминалистических экспертиз. Этот проект, доброкачественность которого была проверена временем, в скором времени был утвержден. Высокому качеству стандарта по «Судебной экспертизе» первого поколения в значительной степени мы обязаны именно Р. С. Белкину.

Создатели образовательной специальности «Судебная экспертиза» исходили из того, что она предназначена для подготовки специалистов в области экспертиз конкретных родов и видов, поэтому полученное выпускниками образование должно быть настолько прикладным, чтобы сразу после окончания вуза обеспечить высокую степень их готовности к производству указанных экспертиз, и одновременно настолько фундаментальным, чтобы гарантировать творческое отношение к работе, способность и потребность к самосовершенствованию на протяжении всей трудовой деятельности.

Позднее в соответствии с приказом Министерства образования России от 14 сентября 1999 года № 286 был разработан ГОС ВПО по специальности 350600 «Судебная экспертиза» второго поколения с экспертно-криминалистической специализацией, предусматривающий пятилетний срок обучения и, как и ранее, предоставление выпускникам второго диплома о среднем юридическом образовании. Позднее Министерством образования страны предоставление второго диплома было признано незаконным и прекращено. Затем

¹ Хрусталеv В. Н. Специальность «Судебная экспертиза»: прошлое, настоящее и будущее / Судебная экспертиза: Научно-практический журнал. 2004. № 1. С. 59–65.

в данный стандарт были внесены изменения в феврале 2004 г. в соответствии с решением Президиума Совета УМО, при этом в рамках специальности «Судебная экспертиза» с квалификацией выпускника «Судебный эксперт» стали реализовываться четыре специализации: «Криминалистические экспертизы», «Экспертизы веществ, материалов и изделий», «Инженерно-технические экспертизы» и «Судебно-экономические экспертизы».

Важно отметить, что на втором позитивном этапе существования в рамках специальности «Судебная экспертиза» и стандартов 1 и 2 поколений академическая система подготовки судебных экспертов сделала ощутимый шаг вперед. Главным результатом этого этапа стал скачкообразный рост качества подготовки экспертов-криминалистов, который констатировали руководители экспертно-криминалистических подразделений, куда пришли работать молодые специалисты. Роль профессора Р. С. Белкина в этом убедительном результате модернизации академической подготовки судебных экспертов в России трудно переоценить!

Цурбанов С. А.

**Реализация идей профессора Р. С. Белкина при
разработке системы методико-криминалистического
обеспечения установления состояния
необходимой обороны и эксцесса обороны**

Эффективное решение комплекса задач предварительного расследования, направленных на установление состояния необходимой обороны, преодоление противодействию выявлению и доказыванию ключевых условий правомерности такой обороны зависит от знаний и умений следователя использовать разрабатываемые в криминалистике научно-информационные системы, описывающие основные элементы познаваемых действий и процессов, корреляционные взаимосвязи и зависимости между ними.

Как справедливо было указано Р. С. Белкиным, частные криминалистические методики являются конечным продуктом криминалистики, направленным на повышение эффективности следственной практики¹.

В понимании И. А. Возгина, частные криминалистические методики представляют собой типизированные системы методических рекомендаций по организации и осуществлению раскрытия, расследования и предотвращения отдельных видов преступлений. Автор при этом подчеркивал, что такие методики требуют творческого применения

¹ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. В 3 т. Т. 3. М.: Академия МВД СССР, 1979. С. 176.

в ходе расследования и не должны восприниматься как категорический императив¹.

В современной криминалистической литературе предложено немало формулировок дефиниции частных криминалистических методик. При этом имеют место и предельно общие подходы к их пониманию как научно-практических рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений², и более сложные определения, в которых предлагаемые системы рекомендаций по расследованию предлагается базировать на результатах познания различных закономерностей (их системы) как преступной деятельности, так деятельности по ее раскрытию, расследованию и предупреждению³. Встречаются и более сложные подходы к определению рассматриваемого понятия, например, как системы тактических задач и операций, порождаемой «противоречивым отношением исходных ситуаций расследования с предметом преступного посягательства»⁴.

Не ставя задачу анализа всех научных взглядов на сущность частной криминалистической методики, но основываясь при этом на представленных точках зрения, предложим определение методико-криминалистических положений установления состояния необходимой обороны (экспесса обороны) дефиниция как комплекса разрабатываемых криминалистической и апробируемых следственной практикой методических рекомендаций используемых в ходе предварительного расследования и предназначенных для повышения эффективности и оптимизации работы субъектов предварительного расследования по решению задач установления, проверки и доказывания такого рода состояний.

Комплекс предлагаемых методических рекомендаций по установлению состояния необходимой обороны, а также экспесса обороны, основан на общих для всех частных криминалистических методик требованиям. Систему таких требований сформулировал Р. С. Белкин⁵ еще в 70-х годах прошлого столетия. Опираясь на данную позицию, отметим, что в основе методических рекомендаций по установлению состояния необходимой обороны (экспесса обороны) в ходе предвари-

¹ См.: *Возгрин И. А.* Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск: Вышэйш. шк., 1983. С. 186, 190.

² См., напр.: *Зеленский В. Д., Меретуков Г. М. и др.* Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2013. С. 8.

³ См., напр.: *Яблоков Н. П., Юсупкадиева С. Н.* Частные криминалистические методики: понятие, роль и значение в процессе раскрытия и расследования преступлений // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 2 (6). С. 15.

⁴ *Корноухов В. Е.* Методика расследования преступлений: теоретические основы. М., 2008. С. 148.

⁵ См.: *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. Т. 3. М.: Академия МВД СССР, 1979. С. 180.

тельного расследования лежат те же постулаты, что и частных методик расследования преступлений в целом. В их числе, например:

- комплексный характер решаемых в процессе расследования задач;
- необходимость разработки комплекса действий, которые необходимо предпринять для их решения;
- комплексное участие в решении таких задач, кроме следователя, сотрудников органов дознания, лиц, обладающих специальными знаниями, представителей общественности;
- реально существующие связи и зависимости между рекомендациями.

Учитывая, что установление состояния необходимой обороны (эксцесса обороны) при наличии информационных оснований выступает одной из ключевых задач предварительного расследования указанных выше отдельных видов преступлений, комплекс рекомендаций по установлению рассматриваемого состояния может входить составной частью в частные криминалистические методики их расследования. Возможность практического применения указанных рекомендаций должна быть ориентирована на типичные следственные ситуации, информационный компонент которых содержит криминалистически значимые сведения (как доказательства, так и непроцессуальную ориентирующую информацию, включая данные, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности) о действиях, совершенных в состоянии необходимой обороны или эксцессе обороны.

Реализация рекомендаций по установлению состояния необходимой обороны должно предполагать всестороннюю оценку следственных ситуаций, в том числе на предмет выявления оказываемого, совершаемого или планируемого противодействия достижению указанных задач предварительного расследования.

Таким, образом, рассматриваемый комплекс методикокриминалистического обеспечения установления состояния необходимой обороны (эксцесса обороны) в ходе предварительного расследования, помимо его криминалистической характеристики, на наш взгляд, включает в себя:

- систему типичных следственных ситуаций установления состояния необходимой обороны в ходе предварительного расследования и алгоритмы разрешения типичных следственных ситуаций, в том числе в условиях противодействия расследованию, и возможности разрешения таких ситуаций следователем;
- систему типовых версий о необходимой обороне, эксцессе обороны, а также особенности планирования их проверки;
- рекомендации по организации взаимодействия следователя с органами дознания и использования специальных знаний в процессе установления состояния необходимой обороны;

- рекомендации по производству отдельных следственных действий, направленных на установление и проверку состояния необходимой обороны, в том числе в условиях противодействия расследованию.

Цурлуй О. Ю.

Суд как субъект доказывания по уголовному делу

Роль суда в доказывании при производстве по уголовному делу является вопросом достаточно дискуссионным¹. Однако толкование действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет на наш взгляд заключить, что суд является субъектом доказывания по уголовному делу. Согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ суд, на основе доказательств устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу и иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ суд наряду с другими участниками производства по уголовному делу наделен правом осуществлять собирание доказательств в ходе уголовного судопроизводства. Ввиду положения ч. 1 ст. 87 УПК РФ суд осуществляет проверку доказательств путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. На основании ст. 17 и ст. 88 УПК РФ суд вправе производить оценку доказательств, а также признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном законом.

В качестве способов собирания должностными лицами и органами, осуществляющими уголовное судопроизводство, доказательств закон определил производство следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (ч. 1 ст. 86 УПК РФ). Согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ процессуальное действие это следственное, судебное или иное действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законом. Действия суда, осуществляемые в ходе рассмотрения дела по существу, основания и процессуальный порядок производства которых регламентирован уголовно-процессу-

¹ *Баев М. О., Баев О. Я.* Роль суда в уголовно-процессуальном исследовании преступлений на этапе судебного следствия // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. трудов. Вып. 10 / под ред. О. Я. Баева. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2008. С. 40–55; *Газетдинов Н. И.* Роль суда в состязательном процессе // Российский судья. 2007. № 11; *Леонова Т. В.* Активность суда при проверке доказательств в судебном разбирательстве // Общество и право. 2009. № 5. С. 236–239; *Махова Т.* О роли суда в доказывании по уголовным делам // Мировой судья. 2009. № 7.

альным кодексом, являются процессуальными, а, следовательно, выступают в качестве способов собирания судом доказательств.

Доказывания в ходе судебного разбирательства по уголовному делу наиболее активно осуществляется в судебном следствии путем производства судебных действий следственного характера, оглашения показаний подсудимого, потерпевшего или свидетеля, оглашения протоколов следственных действий и иных документов, приобщения к материалам уголовного дела документов, представленных сторонами или истребованных судом.

Положения норм, регламентирующих процессуальный порядок производства судебных действий следственного характера, предоставляют судье право инициировать их производство, непосредственно производить указанные процессуальные действия и руководить ходом их проведения.

Перечень судебных действий следственного характера на этапе судебного следствия достаточно широк: допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта, судебная экспертиза, осмотр вещественных доказательств, осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование.

В соответствии со ст. 275, 277, 278, 282 УПК РФ суд уполномочен задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства, т. е. осуществлять их допрос. Производя допрос, суд получает показания подсудимого, потерпевшего, свидетеля или эксперта, которые согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ являются доказательствами по уголовному делу. Посредством указанного судебного действия суд осуществляет доказывание в рамках судебного следствия. Кроме того, в ходе допроса суд вправе отклонять наводящие вопросы участников судебного разбирательства и вопросы, не имеющие отношения к уголовному делу.

В рамках назначения судебной экспертизы суд корректирует вопросы, задаваемые сторонами эксперту, отклоняет те из них, которые не относятся к делу или компетенции эксперта. Суд также обладает полномочием назначить повторную либо дополнительную судебную экспертизу при наличии оснований, предусмотренных ч. 4 ст. 283 УПК РФ. В свою очередь экспертиза позволяет получить достаточно значимые для уголовного дела сведения, отражающиеся в заключении эксперта, которое приобщается к материалам дела в качестве доказательства. Корректируя вопросы сторон, адресованные эксперту, а также назначая повторную или дополнительную экспертизу, суд, поскольку он не относится ни к одной из сторон процесса, получает объективную доказательственную информацию, позволяющую в итоге принять обоснованное и мотивированное решение по делу.

Регламентированный УПК РФ процесс собирания судом доказательств в ходе судебного следствия позволяет суду производить осмотр вещественных доказательств, а также местности или помещения. Соот-

ветствующие положения ст. 284, 287 УПК РФ устанавливают основания и процессуальный порядок производства названных видов осмотра, из которых следует, что данные судебные действия производятся также при активной роли суда. Проводя осмотр местности или помещения суд вправе привлекать для участия в данном процессуальном действии свидетелей, эксперта и специалиста и задавать данным лицам, а также сторонам вопросы, связанные с производимым осмотром. Результатом осуществления данного процессуального действия может стать получение новых доказательств по делу, которые кроме того, могут подтвердить либо опровергнуть доказательства уже имеющиеся в материалах дела.

Аналогично регламентирована роль суда при производстве следственного эксперимента, предъявления для опознания и освидетельствования. Сведения, полученные в ходе производства указанных судебных действий следственного характера, отражаются в протоколе судебного заседания, который в свою очередь является доказательством по уголовному делу.

Осуществляя доказывание, суд, в случаях, предусмотренных законом вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении в судебном заседании ранее данных подсудимым, потерпевшим или свидетелем показаний (ст. 276, 281 УПК РФ). Также в судебном заседании, в случаях и порядке, установленных ст. 285 УПК РФ могут быть оглашены протоколы следственных действий и иные документы.

Суд производит сбор доказательств путем исследования и приобщения к материалам дела представленных сторонами или истребованных по собственной инициативе документов в соответствие со ст. 286 УПК РФ. Указанные действия являются процессуальными, судебными действиями, предусмотренными уголовно-процессуальным законом (п. 32 ст. 5 УПК РФ), а соответственно законными способами собирания доказательств (ч. 1 ст. 86 УПК РФ).

Как отмечает Ю. К. Орлов «под субъектами доказывания понимаются любые органы и лица, которые принимают какое-то участие в доказательственной деятельности и обладают определенными правами и обязанностями»¹. Роль суда в доказывании состоит в том, что «он самостоятельно собирает и исследует имеющиеся в деле и дополнительно представленные доказательства»².

Изложенное позволяет констатировать тот факт, что, суд обладает достаточно обширными средствами доказывания в ходе судебного разбирательства по уголовному делу. Это приводит к однозначному

¹ Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. С. 37.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 497.

выводу о том, что суд является полноценным субъектом доказывания при рассмотрении дела по существу.

Как известно понятием доказывания в уголовном судопроизводстве охватывается процессуальная деятельность уполномоченных субъектов по собиранию, закреплению, проверке и оценке доказательств.

Осуществление судом доказывания при рассмотрении уголовного дела по существу, в том числе путем собирания новых доказательств, необходимо для проверки имеющихся доказательств, а также для полной и объективной их оценки и в результате — вынесения мотивированного и обоснованного итогового решения по делу.

Собирание доказательств это «осуществление уполномоченными органами и лицами деятельности по обнаружению, истребованию, получению и фиксации в установленном законом порядке доказательств»¹.

Как отмечает С. А. Шейфер, «право суда собирать новые доказательства является несомненным. Это необходимо для проверки уже имеющихся в уголовном деле доказательств, для устранения пробелов в доказательственном материале, касающемся существенных обстоятельств дела, для того, чтобы мотивировать итоговое решение по делу, привести доказательства, на которых основан вывод суда»².

Суд не вправе уклониться от проверки представляемых сторонами доказательств, т. к. обвинительный приговор может быть основан только на достаточной совокупности доказательств, отвечающих требованиям достоверности и допустимости. В связи с чем, собирание судом доказательств служит целям «проверки обоснованности обвинения или доводов, приводимых стороной защиты»³.

Осуществление судом доказывания по уголовному делу необходимо, как отмечалось, для вынесения обоснованного итогового решения по делу. Постановление по каждому уголовному делу «законного, обоснованного и справедливого приговора, основанного на правильной проверке и оценке судом доказательств, представленных сторонами, не позволяет устранить суд от участия в исследовании материалов уголовного дела, поскольку позиция стороннего наблюдателя для суда не гарантирует реализацию назначения уголовного судопроизводства»⁴.

Уголовно-процессуальное доказывание «носит исследовательский характер, оно направлено на выяснение имевших место событий, на

¹ Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: Учебное пособие. М.: Издательский Дом «Городец», 2008. С. 133.

² Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. С. 30–31.

³ Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практич. пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 51.

⁴ Аширбекова М. Роль суда в доказывании в призма правоприменения // Мировой судья. 2009. № 5; Махова Т. О роли суда в доказывании по уголовным делам // Мировой судья. 2009. № 7; Моисеева Т. В. Объективность и беспристрастность суда первой инстанции. М., 2006. С. 132.

познание фактов реальной действительности, на установление объективной истины»¹. Главной целью доказывания является установление истины в уголовном судопроизводстве.

Следует согласиться с тем, что «устранение суда из числа субъектов доказывания резко снизит шансы на достижение указанной цели, уменьшит число гарантий ее достижения, и поэтому за судом должна оставаться обязанность принять все возможные меры к ее установлению»². В связи с этим, позволим себе высказать мнение о том, что суд, осуществляя доказывание, не нарушает принцип состязательности, не доказывает ни вину, ни невиновность подсудимого. Деятельность суда при собирании, проверке и оценке доказательств в рамках судебного разбирательства направлена именно на объективное установление всех обстоятельств уголовного дела.

Черепенько Г. В.

Методическое обеспечение производства судебно-почерковедческой экспертизы по копиям документов

В рамках производства судебно-почерковедческой экспертизы многие эксперты нередко сталкиваются с ситуацией, когда на исследование предоставляются копии документов, выполненные тем или иным способом (электрофотографические, в виде цифровых фото и скан изображений, напечатанные посредством электрофотографической печати). При этом в ответ на ходатайство о предоставлении в распоряжение эксперта оригинала исследуемого документа со стороны органа, назначившего производство экспертизы, поступает сообщение о невозможности предоставления оригинала документа эксперту. Причиной, зачастую, указывается отсутствие оригинала документа в материалах дела, или у сторон, утеря документа, уничтожение документа и т. д.

В данном случае эксперт сталкивается с определенными особенностями в рамках производства почерковедческой экспертизы по копии документа. К наиболее значимым следует отнести качество представленной на исследование копии документа. Данный фактор имеет решающее значение в связи с отображением общих и частных признаков почерка, потому как сама суть почерковедческого исследования в описании, оценке и охарактеризовании признаков почерка, которые характеризуют письменно-двигательный навык определенного лица или лиц. Нередки случаи мотивированного отказа от производства исследований по копиям рукописных реквизитов в силу крайне низкого их качества.

¹ Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерки развития науки советского уголовного процесса // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В. А. Паношкина. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. С. 180.

² Орлов Ю. К. Указ. соч. С. 38–39.

Вопросы актуальности некоторых проблемных позиций исследования копий рукописных реквизитов поднимались и раньше. Так, видный английский правовед, социолог, юрист Иеремиа (Джеремия) Бентам еще в XIX веке отмечал: «Мнимая копия может быть не имела оригинала, или может отличаться от него больше или меньше, по случайности или вследствие подлога», «...В оригинале документа можно открыть черты подделки, которые не будут видны в копии. Особенно если оригинал подложный или подложно измененный...», «...копия может дать повод к характеристическому обману, т.е. кто-нибудь искажает настоящий оригинал или фабрикует подложный для того, чтобы с помощью копии, которая будет снята с него произвести такие же действия как и с сфабрикованным оригиналом, уничтожение ложного или сфабрикованного оригинала позволит обману пройти незамеченным...»¹. Русский ученый-криминалист, один из основоположников криминалистики и основатель почерковедения в России (Российской Империи) Е. Ф. Буринский также отмечал: «При споре о подлоге сходство почерков никоим образом нельзя считать доказательством подлинности документа, а несходство доказательством подложности; это было бы очевидным и опасным заблуждением. Не говоря уже о химических светопечатных и др. сложных способах подделки подписей, достаточно упомянуть, что простой перерисовкой по бензину, легко достичь полного наружного сходства почерков»².

В современных условиях документооборота перед экспертами-почерковедами ставится все больше задач по производству судебных экспертиз и внесудебных исследований по различного вида копиям документов. Анализ практики производства судебно-почерковедческих экспертиз и внесудебных почерковедческих исследований произведенных автором (прим.: штатным экспертом негосударственного экспертного учреждения) за период с 2015 по 2017 год показывает следующие результаты: из 128 проведенных почерковедческих экспертиз и исследований 81 исследование производилось по копии (изображению) рукописных реквизитов (почерка или подписи), при этом количество судебных экспертиз от общего числа составило 58, а внесудебных исследований — 70.

Данный анализ не может отражать точную статистику производства экспертиз и исследований копий и оригиналов документов, однако общая картина в данном вопросе наглядна. По мнению А. Н. Першина³ с копиями рукописных реализаций столкнулось 63,4% опрошенных экспертов, при этом 31,7% респондентов отметили необходимость

¹ О судебных доказательствах. Трактат Иеремии Бентама по изданию Дюмона, пер. с франц. И. Гороновича. К., 1876.

² Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов производство ее и пользование ею. М.: ЛексЭст, 2002. С. 464

³ Першин А. Н. Актуальные вопросы судебного почерковедения // Библиотека криминалиста. 2015. № 4. С. 296

пересмотра методики отождествления исполнителя по электрофотографическим изображениям почерковых объектов.

По результатам теоретических, экспериментальных и практических исследований было выработано две основные позиции по отношению к производству судебно-почерковедческих экспертиз по копиям рукописных реквизитов.

Ссылаясь на экспериментальные исследования проведенные группой ученых¹, специалисты и ученые РФЦСЭ МЮ РФ отмечают, что было установлено, что к устойчивым общим признакам следует отнести признаки, отражающие пространственную ориентацию движений (топографические), транскрипцию подписи, степень выработанности почерка, степень сложности движений, преобладающую форму движений, преобладающее направление движений, преобладающую протяженность движений по вертикали и горизонтали (размер, разгон), наклон, форму и направление линии подписи — то есть абсолютное большинство общих признаков, за исключением признаков динамического характера, таких как нажим, координация движений, темп. К устойчивым частным признакам относятся следующие группы: строение (по конструкции и степени сложности), форму движений при выполнении элементов подписи, букв, относительное направление сгибаемых движений, протяженность движений по вертикали и горизонтали, размещение точек пересечения движений. Таким образом к менее устойчивым частным признакам относятся прочие группы частных признаков, такие как форма движений при выполнении соединения, вид связи при выполнении соединения, относительное размещение движений (в целом) при выполнении отдельных элементов подписи.

Резюмируя изложенное выше и многие другие аспекты ученые и специалисты приходят к выводу о том, что производство идентификационных и диагностических исследований по копиям допустимо, при реализации определенных обстоятельств, более того — не исключается, что эксперт может получать категорические (как положительные, так и отрицательные) выводы, а руководствоваться эксперт должен общепринятой методикой исследования почерка и подписи в общем, и информационным письмом² в частности.

¹ Соколов С. В., Куранова Е. А., Розанкова Е. В. Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов: информационное письмо МВД ГУ ЭКЦ МВД России. М., 2000; *Гайдамакина Д. И.* Исследование подписей на документах, представленных в виде электрофотокопии / Теория и практика судебной экспертизы і криміналістики. Вып. 3. Харьков, 2003; *Дроздова Т. А., Логвина Г. В.* Об особенностях заключений экспертиз рукописных записей и подписей, представленных в виде электрофотографических копий (изображений) // Криміналістика і судєбна експертиза. Киев, 2003. № 51.

² *Ефремова М. В., Орлова В. Ф., Старосельская А. Д.* Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям / Информационное письмо // Теория и практика судебной экспертизы. 2006. № 1 (1). С. 157–165.

Напротив, с критикой исследования копий почерковедческих объектов выступает коллектив ученых и специалистов МВД ЭКЦ РФ. Специалистами данного ведомства было подготовлено информационное письмо¹, в котором, по результатам обширной экспериментальной и практической работы указано: «С учетом изложенного производство почерковедческих экспертиз в отношении изображений документов недопустимо», при этом также не исключается производство почерковедческого исследования по копии в крайних, исключительных случаях (например, для получения оперативно-розыскной информации), однако в данном случае рекомендуется формировать вывод о совпадении (в случае положительного вывода) только общекофигурационных характеристик, а результаты проведенного исследования оформлять в виде справки об исследовании.

Несмотря на такие существенные различия в указанных выше Информационных письмах РФЦСЭ МЮ РФ и ЭКЦ МВД РФ также следует отметить и обстоятельства, в которых ученые и специалисты приходят к единому мнению: при производстве почерковедческой экспертизы, объектом которой является копия исследуемого реквизита эксперт не может достоверно установить (кроме отдельных, частных случаев) наличие или отсутствие факта монтажа данного объекта, вследствие чего такой объект рассматривается исключительно как носитель информации о письменно-двигательном навыке лица (лиц). РФЦСЭ МЮ РФ рекомендует закреплять данное обстоятельство следующей формулировкой: «Вопрос о процессе получения этого изображения на исследуемом документе не решался, т. к. установление факта монтажа и др. способов переноса изображения подписи или ее частей с других документов выходит за пределы компетенции эксперта-почерковеда²». В Информационном письме ФГКУ ЭКЦ МВД России данное обстоятельство также отражено: «по электрофотографическому изображению невозможно доказать факт существования рукописных записей, поскольку они могут быть сымитированы с применением технических средств; невозможно установить, были ли исследуемые записи (подписи) выполнены в оригинале документа, копия которого представлена на экспертизу, либо внесены в данную копию документа путем монтажа»³.

Позиция РФЦСЭ Минюста России имеет своих сторонников. Например, С. И. Мотря (действительный член Международной Ассоци-

¹ Информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД Российской Федерации / Современные подходы к исследованию копий документов. 2015.

² *Ефремова М. В., Орлова В. Ф., Старосельская А. Д.* Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям / Информационное письмо // Теория и практика судебной экспертизы. 2006. № 1 (1). С. 164.

³ Информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД Российской Федерации / Современные подходы к исследованию копий документов. 2015. С. 2.

ации по Идентификации, заслуженный юрист Московской области) в методических рекомендациях к производству диагностических экспертиз и исследований, обосновывая актуальность данной работы указывает: «Во-первых, для их применения (прим.: физико-химических методик установления давности выполнения документа) необходимы только оригиналы документов с проверяемыми подписями...»¹ — иными словами указывая на возможность производства диагностического почерковедческого исследования по копиям документов. При этом концепция данной работы опирается на научные исследования и практические разработки таких ученых, как Г. Л. Грановский, Л. Е. Ароцкер, А. И. Винберг, В. Ф. Орлова, М. В. Шванкова и других².

Позиции РФЦСЭ Минюста России также придерживается большинство негосударственных экспертных учреждений, принимая к производству судебных экспертиз и внесудебных исследований объекты, содержащие в себе изображения рукописных реквизитов и руководствуясь при производстве исследований, соответственно, методикой РФЦСЭ Минюста России.

Также разделяет точку зрения РФЦСЭ Минюста России и преподаватель кафедры судебных экспертиз МГЮА им. О. Е. Кутафина, доцент Подволоцкий И. Н.: «Практика судебной почерковедческой экспертизы свидетельствует о том, что принятие категорических идентификационных решений в отношении исполнителя оригинальных подписей по копиям возможно, причем в категорической как положительной, так и отрицательной форме. Неверно ограничивать эксперта требованиями дачи только вероятных выводов на том основании, что изображение подписи — ограниченно пригодный объект и нахождение изображения подписи на документе может быть результатом монтажа»³.

Признается ограниченно пригодным, однако, все же допускается исследование копий рукописных реквизитов авторским коллективом Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя: «При поступлении на экспертизу дубликата — копии документа, содержащего спорную подпись, нужно заявить ходатайство о предоставлении его оригинала — подлинника. В противном случае затрудняется или утрачивается возможность объективного решения частных задач по установлению выполнения подписи с использованием технических средств, условий письма и др.»⁴.

¹ Мотря С. И. Установление давности (времени) выполнения подписей с применением традиционных криминалистических методов. Методические рекомендации. М.: «Карпов», 2005. С. 3.

² Там же.

³ Подволоцкий И. Н. Судебная почерковедческая экспертиза: учеб. пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 141.

⁴ Криминалистика. Исследование документов: учеб. пособие для вузов / отв. ред. М. В. Бобовкин, П. Л. Гришин, А. А. Проткин. М.: Юрайт, 2017. С. 85.

Несмотря на достаточно однозначную позицию МВД России, изложенную в Информационном письме, касательно возможности производства почерковедческих экспертиз по копиям документов, о возможности установления признаков монтажа в таких документах, специалистами данного ведомства ведется работа в данном направлении. В частности, преподавательским составом ведомственного вуза МВД России была подготовлена статья¹, посвященная совершенствованию методики исследования копий документов с рукописными реквизитами. В работе сделан вывод о том, что этап диагностического исследования на предмет применения технических средств и приемов должен войти в качестве обязательного в методику проведения почерковедческих экспертиз копий почерковых объектов любого объема.

К настоящему времени технические средства (и их объем) с использованием которых изготавливаются копии и изображения претерпели существенные качественные-количественные изменения, при этом экспериментальные исследования, на которых базируется Информационное письмо РФЦСЭ Минюста России датируются приблизительно 2003 годом. Представляется, что для преодоления изложенных выше разногласий необходимо более глубокое теоретическое изучение данного вопроса, а также проведение комплекса экспериментов, направленных на выработку уточненной классификации копий документов, содержащих в себе рукописные реквизиты, определения четких требований к таким объектам, а также обновления методического обеспечения решения данной экспертной задачи.

Чубина Е. А.

Возможно ли «обезличенное сравнение»: в вопросе об экспертной терминологии

Появление судебной лингвистической экспертизы в России пришлось на последнее десятилетие двадцатого века, время смены исследовательских парадигм в лингвистике, когда на место лингвоцентрического подхода к языку пришел антропоцентрический, сконцентрировавший исследовательский интерес не на языке как системе, а на носителе языка — языковой личности. Это не могло не отразиться на понимании методологии лингвистического исследования и создало полифонию научных (а иногда — квазинаучных) мнений.

Те тенденции, которые отмечены в области методологии языкознания — отказ от исключительности общего метода, стремление со-

¹ *Исмацова Т. И.* Особенности диагностического исследования копий рукописных текстов, изготовленных способом цифрового монтажа // Судебная экспертиза. 2013. № 4 (36). Волгоградская Академия МВД РФ.

четать и комбинировать метафизику, диалектику, феноменологию, герменевтику, синергетику — переносятся в методологию судебной лингвистической экспертизы.

Под влиянием философии постмодернизма, пропагандирующего, что объективная сущность — это иллюзия, а человеческое познание не отражает мир, а интерпретирует его, поэтому истина неоднозначна и ни одна интерпретация не имеет преимуществ перед другой, в филологической науке активизировались теории, согласно которым число «смыслов» текста оказывается бесконечным, а сам текст — неисчерпаем.

Вызывает опасение то, что возведенный в статус аксиомы лозунг эпохи постмодернизма «Факта нет, есть лишь наша интерпретация этого факта», активно реализующий себя в глобальном медийном пространстве и часто являющийся причиной двойных стандартов в СМИ, переносится в практику судебной лингвистической экспертизы, предметом которой являются строго факты и обстоятельства, подлежащие доказыванию по конкретному делу.

«Факта нет, есть лишь наша интерпретация этого факта», причем понятие «интерпретация» начинает использоваться не в привычном значении «истолкование, объяснение, разъяснение смысла, значения чего-л.», направленное на постижение текста, а расширительно, в значении «раскрытие (прочтение) текста, *определяющееся индивидуальными особенностями толкователя* (выделено мною — Е. Ч.), его миропониманием»¹.

Интерпретации стала подвергаться терминологическая система. Не только в текстах статей, но и в текстах заключений можно встретить подобные примеры: «В рамках настоящего исследования под Правоприменителем подразумевается субъект, оценивающий событие коммуникации как свершившийся факт, спровоцировавший (в результате своего совершения) нарушение действующего законодательства, нарушение чьих-либо прав и законных интересов. <...> В качестве правоприменителя может выступать суд, где слушается дело о защите чести и достоинства, незаконной рекламе, оскорблении или клевете; следствие; истец, интересы которого задеты в результате опубликования каких-либо текстов и т. п.». То, что правоприменение — активно-властная форма реализации права, осуществляемая уполномоченным на то субъектами, к которым истец-то, конечно, не относится, автора, как видим, не смущает, достаточно сделать оговорку на индивидуальное видение толкователя — и «все позволено».

¹ Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М.: «Азбуковник», 2003. Электронный ресурс: <https://www.slovari.ru> (дата обращения 24.09.2016).

К числу злокачественных терминологических «новообразований» можно отнести, к сожалению, достаточно сейчас распространенное выражение «обезличенное сравнение».

Сравнение уже по определению не может быть обезличенным. Сравнение — «операция познания, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов, с помощью сравнения выявляются количественные и качественные характеристики предметов»¹. У слова «обезличенный» в функции прилагательного словаря фиксируют следующие значения: «1. Лишенный отличительных черт, индивидуальных особенностей, похожий на других; 2. Такой, за который никто не несет личной ответственности. Обезличенная работа»². Получается алогизм: суждение о различии или сходстве того, что не имеет отличительных черт, лишено индивидуальных особенностей.

Как общенаучный метод и криминалистики, и судебной экспертизы сравнение определяется как «сопоставление свойств или признаков двух или нескольких объектов<...>. При этом содержание и значение сравниваемых объектов познаются путем их сопоставления. Следовательно, объекты сравнения должны быть сопоставимы, т.е. обладать общими признаками»³.

Конечно, сравнение — как операция познания — в зависимости от сферы, в которой это познание происходит, может несколько видоизменяться, оставаясь неизменной в общих свойствах: например, образное сравнение, характерное для стиля художественного (и художественно-публицистического) утрачивает некоторые свойства логического сравнения, используемого в научном дискурсе, и приобретает нехарактерную для иных дискурсов метафоричность, например, любовь можно сравнить с гробом, молодых чиновников — с мухами (у Гоголя), паспорт — с бомбой и прочее. Здесь снижение роли логической составляющей сравнения ведет к созданию большей образности, читатель активно постигает и домысливает основание сравнения. Поэтому сравнение понимается в теории литературы как троп — перенос смысла, «слово или выражение, употребляемое в переносном значении для создания художественного образа и достижения большей образности»⁴.

Язык рекламы не является языком художественным, возможности тропеизации здесь ограничены, поскольку конструкции, построенные

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. 1983.

² <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068>

³ Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 63 (944).

⁴ Елисеев И. А., Полякова Л. Г. Словарь литературоведческих терминов. Ростов-н/Д: Феникс, 2002. С. 261. (320 с.).

на переносе смысла, могут быть расценены правоприменителем как ненадлежащие, нарушающие требования, предъявляемые к языку рекламы.

Методически верно при проведении исследования опираться на логическую модель сравнения, включающую в себя четыре компонента: объект сравнения (то, что сравнивают), эталон сравнения (с чем сравнивают), модуль сравнения (общий признак сравнения, компаративная константа), показатель сравнительного отношения.

Необходимо определить наличие всех указанных компонентов. В случае несоответствия модели исследуемого текста логической модели сравнения — определить отсутствующий компонент. Далее проанализировать, меняется ли и как меняется смысл текста из-за того, что компонент опущен, затемняется ли общий смысл высказывания, возможно ли ошибочное, неверное понимание адресатом смысла высказывания.

Особо следует обращать внимание на такие нарушения логической модели, в результате которых: 1) достоверность сравнения объективно не может быть ни подтверждена, ни опровергнута, 2) создается сравнение, основанное на незначительных или несопоставимых основаниях, 3) создается иллюзия сравнения.

Чаще всего опускается модуль сравнения: *«Вот это флагман. Не то что глюк фруктовой компании. Реально крутой. Абсолютно новый Galaxy S6 Edge с объемом памяти 64 Гб. Он как из будущего. Продается только в Евросети. Можно в кредит за 5800 в месяц. Без переплат. Евро сеточка, люблю я ее»*. Сравнение Galaxy S6 Edge с моделями компании Apple дано здесь без указания конкретного критерия, по которому осуществлено сравнение.

«Устали бегать по магазинам в поисках подарков? Только в ТЦ «Х» лучшие предложения к Новому году!» Что является основанием сравнения: цена, качество, ассортимент, новизна этих товаров?

При проведении исследования необходимо учитывать системообразующие признаки сравнения и их отражение в конкретной конструкции, синтаксическую синонимию сравнительных конструкций, коммуникативный потенциал отдельных сравнительных конструкций и многое другое.

«Покупаете косметику L'Occitane? А в Yves Rocher только натуральная косметика и парфюмерия». Такого рода конструкции любят создатели рекламы, в первой части — в вопросе — чаще всего содержится отрицание (*«Не нашли материалы? Приходите к нам. Строительный супермаркет «Х»*) или содержится указание на некое негативное явление и его причину (*«Раздражение после бритья? Я нашел решение!» Михаил Южный, теннисист. Инновация после бритья. 1-й бальзам, который охлаждает кожу на 1,5 °»*), а во второй — искомое, то, что наконец избавит от проблемы, устранил негатив.

Полноценные сравнения (когда ясно, какой объект с каким сравнивается, какие параметры принимаются во внимание) встречаются в рекламе не так часто, поэтому и известные грамматические способы выражения сравнения (сравнительный оборот с союзами как, точно, словно, будто, как будто; сравнительная конструкция со словами похожий, подобный, походит, напоминает, вроде; существительное в творительном падеже) не являются частотными в рекламном тексте.

Иногда лишь создается иллюзия настоящего сравнения. Не секрет, что отсутствие реальных отличительных характеристик товара, выгодно выделяющих его среди товаров-конкурентов, заставляет рекламистов создавать искусственные сравнения. Используются приемы речевой игры с классом сравнения и параметрами сравнения. Исследователями рекламного текста эти приемы описаны¹, однако не со всем можно согласиться. Так, например, выявление приемов манипуляции в спорных текстах выходит за рамки компетенции только лингвиста и требует проведения комплексных психолого-лингвистических исследований.

К числу искусственных классов сравнения относят:

Создание расширенного класса сравнения — сравнение проводится не с аналогами, а с товарами предыдущего поколения: «*Duracell. Заменит семь обычных батареек*», речь идет о батарейках этого же производителя, но сделанным по технологиям уже не новым, при этом восприниматься слово «обычных» может как указание на продукцию конкурентов, как это происходит в этом тексте: «*Эту скатерть мы постирали обычным средством, а эту — порошком Tide*». Существует реальная опасность понимания слова «обычный» в качестве эвфемизма конкурирующих брендов.

Создание суженного класса сравнения — часто создается с помощью сравнительных конструкций, в которых опущен эталон сравнения: *Е — отстирывает лучше*.

Создание смещенного класса сравнения. Представлен в тех случаях, когда марка сравнивается с товарами совершенно иной (нередко смежной) товарной категории, пример рекламирования M&M's, который назван шоколадом, а не драже.

Создание неопределенного класса сравнения — случаи информационно «пустых» сравнений, сравнений ни с чем.

Создание вырожденного класса сравнения — вырожденный класс образует единственный товар конкретной торговой марки.

¹ Пирогова Ю. К., Баранов А. Н., Паршин П. Б. и др. Рекламный текст: семиотика и лингвистика (под ред. Ю. К. Пироговой и П. Б. Паршина). М.: Издательский дом Гребенникова, 2000. 268 с.

Активно используются возможности слова первый, эксплуатируется его многозначность, в одном из значений первый — «первый по порядку» (порядковое значение), в другом — «лучший» (оценочное значение). Два разных значения задают и два разных параметра сравнения — порядок следования и качество, но в иных контекстах возникает их слияние: «*Дневной крем для борьбы с первыми возрастными изменениями ХХХ — ваше первое антивозрастное средство*».

Используются «ложные» противопоставления (характеристика, общая для всех членов товарной категории, но неизвестная адресатам, подается на контрасте, то есть как специфическая особенность одного из членов: «*ХХХ. У нас только натуральное молоко*») или «сопоставление несопоставимого» с использованием применимых практически к любым объектам параметров «меняется/не меняется», «знаю/ не знаю», «хорошо/плохо», «ценно/неценно».

Используются конструкции, имеющие в своем составе выделительно-ограничительные частицы (*только, лишь, почти, исключительно, единственно, просто, хотя бы*): «*Если за мебелью, то только в Триумф*», «*Если евроокно, то только «Гарант»* и др. Несмотря на то, что частица *только* может иметь различные семантические оттенки (в зависимости от контекста), ее ядерное значение «ограничительности, исключительности» является, по мнению исследователя¹, инвариантным. В «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» предлагается следующая трактовка слова «*только*»: «Только X означает, что выделение X в области, связанной с положением вещи Р, сопровождается двойным ограничением: не больше и не меньше, чем X»².

Таким образом, способы некорректного сравнения, к которым прибегают рекламодатели, достаточно разнообразны и зачастую не отвечают требованиям сопоставимости характеристик. В исследовании эксперту необходимо опираться на логическую модель сравнения, включающую в себя четыре компонента: объект сравнения, эталон сравнения, модуль сравнения, показатель сравнительного отношения.

Если модель сравнения представлена не всеми компонентами, методически верно указать на отсутствующий компонент (например, конструкция сравнения с опущенным основанием сравнения, конструкция сравнения с опущенным эталоном сравнения), но не следует говорить об «обезличенном сравнении».

¹ Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 168 с.; Терских М. В. Цена слова в рекламе: «опасные» частицы // Речевая коммуникация в современной России. Материалы III Международной конференции: в 2 томах. Под ред. О. С. Иссерс. Омск, 2013. С. 493–498.

² Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. 207 с.

Чулахов В. Н.

О систематизации научных криминалистических знаний в свете идей Р. С. Белкина

В этом году исполнилось 95 лет со дня рождения Рафаила Самуиловича Белкина — выдающегося ученого, заложившего своими работами фундаментальные основы в современную криминалистическую науку. По сути, его научный вклад неопределим. Это все более становится понятным по истечении времени, ведь его основные научные достижения касаются концептуальных основ построения криминалистики, которые используются сегодня нашими современниками и будут, несомненно, использоваться в будущем.

Одной из фундаментальных научных разработок Р. С. Белкина является формулирование основ криминалистической систематики. Определяя структуру общей теории криминалистики, он выделил в ней этот специальный раздел, содержание которого определил как отражение потребности криминалистической науки в систематизации и упорядочении накопленных знаний с целью облегчения и удобства использования их практикой. Ученый писал «...Криминалистическая систематика, как раздел общей теории криминалистики, помогает разрешить проблему упорядочения всего содержания науки, построения ее системы...»¹.

По мнению Р. С. Белкина, содержание указанного раздела составляют различные криминалистические системы как форма организации научного знания высокого уровня и криминалистические классификации как средство накопленных и особым образом систематизированных научных криминалистических знаний для практики борьбы с преступностью.

Основу криминалистической систематики ученый видел в системно-структурном подходе к изучению явлений действительности, в числе основных положений которого выделил следующие²:

1. Исходным принципом системного исследования служит представление о целостности изучаемой системы.

2. Каждая исследуемая система может расчленяться самыми различными способами, поэтому элемент в соответствующих случаях рассматривается как нечто сложное, например, как подсистема. В свою очередь, система как нечто целое может рассматриваться как подсистема по отношению к системе более высокого уровня.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. С. 253.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. С. 250.

3. Представление о целостности системы конкретизируется через понятие связи. В системах особое место занимают связи, которые могут быть выявлены лишь на системном уровне рассмотрения объекта. Такие связи называют системообразующими. Совокупность связей и их типологическая характеристика приводит к понятию структуры системы.

4. Структура системы (или ее организация) может строиться как по «горизонтали» (связь между однопорядковыми компонентами системы), так и по «вертикали» (связь между разнопорядковыми компонентами в зависимости от уровней систем). «Вертикальная» структура позволяет говорить о понятии уровней системы и их иерархии.

В свое время системно-структурный подход в полной мере был использован Р. С. Белкиным при формировании представления о системе криминалистической науки и структурах ее подсистем — общей теории, криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методик. Но время не стоит на месте, появляются и формируются новые криминалистические знания, требующие своего упорядочения и распределения. В частности речь пойдет о системе криминалистической техники, а именно об объединении криминалистических знаний о навыках как криминалистически значимых свойствах человека и выделении на этой основе самостоятельной отрасли «Криминалистическое исследование навыков человека и их отображений».

Формирование данной отрасли следует рассматривать как отражение логики развития криминалистической науки, как проявление интеграции научных знаний, которая обеспечивает совершенствование и развитие их на более высоком уровне. Исторически сложилось, что в структуре криминалистической техники было сформировано несколько отраслей (судебное почерковедение, судебное автороведение, судебная фоноскопия), посвященных исследованию следов преступлений, образуемых в результате проявления человеком своих навыков: письма, письменной и устной речи. Отображения других навыков, в частности походки, рассматриваются в других отраслях криминалистической техники, например в трасологии. Данная система строилась в зависимости от вида и особенностей следов, используемых при расследовании преступлений, а не от следообразующих свойств человека, что привело к тому, что отображения навыков изучаются отдельно друг от друга.

Выявление и уяснение закономерностей влияния навыков человека на развитие преступления, использование данных о них в процессе расследования может быть успешным лишь при выделении этих свойств личности в качестве самостоятельного объекта исследования, что приводит к необходимости обособления, консолидации всех теоретических и фактических знаний в этой области. Системную основу этому составляет то, что все навыки, какими бы они ни были и в каком бы виде деятельности ни сформировались, имеют одну и ту же психофизи-

ологическую природу, что обуславливает комплексность исследования этих свойств человека вместе с их отображениями.

Именно такое целостное представление о навыках как криминалистически значимых свойствах человека является существенной предпосылкой дальнейшего развития криминалистики, поскольку обеспечивает более углубленный подход при рассмотрении существующих теоретических концепций и практических положений, способствуя появлению новых нетрадиционных подходов в криминалистических исследованиях.

Криминалистическое исследование навыков человека и их отображений предлагается определить как отрасль криминалистической техники, изучающую закономерности формирования и проявления навыков человека при совершении преступлений, обусловленные ими признаки деятельности участников преступного события, закономерности собирания, исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации о данных свойствах личности и разрабатывающую на основе познания этих закономерностей практические рекомендации, специальные методы и средства раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Объектом криминалистического исследования навыков человека и их отображений является практика собирания, исследования, оценки и использования данных об этих свойствах личности дознавателем, следователем, специалистом, экспертом и судом, а также сами навыки лиц-участников преступного события, значимые для раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, и их материально фиксированные и идеальные отображения в следах преступления и памяти потерпевших и свидетелей.

Предметом криминалистического исследования навыков человека и их отображений является группа объективных закономерностей, определяющих сущность, содержание и механизм проявления данных свойств личности при совершении преступлений, формирования и реализации соответствующей доказательственной и диагностической информации в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Данная отрасль криминалистической техники рассматривается как следующая ступень в исследовании значимых для следствия и суда свойств человека вслед за изучаемыми в криминалистике анатомическими, физическими, морфологическими и биологическими особенностями личности. Значение отрасли состоит в том, что она расширяет традиционные границы криминалистических исследований психофизиологических свойств человека, выдвигая новые аспекты и специфические направления изучения навыков и их отображений, позволяет выявить наиболее эффективные пути исследования. Вскрываемые закономерности и разрабатываемые методы непосредственно реализуются в практической правоохранительной деятельности.

Систему отрасли логично построить из общей и особенной частей. В общей части рассматриваются общенаучные положения, имеющие значение для всех видов и форм проявления навыков. В ее содержание входят: предмет, объект, понятие, задачи, система отрасли, ее место в системе научного знания и, прежде всего, в системе криминалистики. К общим положениям относятся также понятия навыков в криминалистическом аспекте, их классификация и свойства, значение и основные направления исследования.

В качестве разделов особенной части криминалистического исследования навыков человека и их отображений выступают криминалистически значимые навыки, получившие распространение в практике расследования преступлений:

1. Криминалистическое исследование функциональных навыков:
 - а) криминалистическое исследование навыка письма (судебное почерковедение);
 - б) криминалистическое исследование навыка письменной речи (судебное автороведение);
 - в) криминалистическое исследование навыка устной речи (судебная фоноскопия);
 - г) криминалистическое исследование навыка ходьбы (походки);
2. Криминалистическое исследование преступных навыков.
3. Криминалистическое исследование трудовых (профессиональных) навыков.
4. Криминалистическое исследование поведенческих и бытовых навыков.
5. Криминалистическое исследование привычек (как особого вида навыков).

На сегодняшний день перечисленные разделы особенной части неравнозначны по степени разработанности для целей расследования. Первые три из них являются наиболее изученными как в теоретическом, так и в практическом отношении и представляют собой самостоятельные отрасли криминалистической техники. Остальные же менее исследованы и требуют основательного криминалистического разрешения. По мере развития отрасли и вовлечения в область уголовного судебного исследования все более новых видов навыков система особенной части, безусловно, будет усложняться, что может в дальнейшем привести к выделению новых самостоятельных элементов.

Перспективность криминалистического исследования навыков определяется во многом возможностями в решении ряда принципиальных задач, возникающих при расследовании преступлений, а именно: при выдвижении розыскных и следственных версий; определении и сужении круга подозреваемых по делу лиц; идентификации личности; выявлении серии преступлений, совершаемых одним лицом (лицами);

определении вероятности совершения преступником аналогичных преступлений в будущем и др.

В заключение хотелось вновь привести слова Р. С. Белкина: «Система не является самоцелью, она выступает средством решения каких-то задач; в науке она строится с несколькими целями: 1) достигнутые результаты познания выявить во всей полноте; 2) использовать полученное знание для движения к новым результатам»¹. Сказанное полностью относится к системе криминалистических знаний о навыках, в которых должно найти свое отражение все то, что накопила теория науки, а также результаты этого познания — рекомендуемые наукой средства, приемы и методы раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, при совершении которых проявляются навыковые свойства личности.

Структура новой отрасли «выдерживает» проверку и с позиций системно-структурного подхода, о котором говорилось в начале:

- указанная система образует единое целое, поскольку представляет собой единую область научных знаний, однородную по своей природе;
- свойства и функции каждого элемента системы взаимоопределены свойствами и функциями всей системы в целом;
- все элементы данной системы неразрывно связаны друг с другом;
- каждый из элементов системы в свою очередь может рассматриваться как нечто сложное, как подсистема, причем подсистемы состоят из элементов и образуют своеобразные множества.

Шалкарова И. А.

Значение интеграции психологических знаний в оптимизации системы криминалистического обеспечения субъектов оперативно-следственной деятельности

В настоящее время значительное расширение использования разнообразных научно обоснованных методов, позволяет не только выделить тактико-психологические аспекты раскрытия и расследования преступлений, но и определить поиск путей совершенствования рассматриваемого вида деятельности. Исходя из того, что «основным объектом криминалистики является человеческая деятельность, определяющее значение в ее методологии приобретает деятельностный, системно-структурный и вероятностно-статистический подходы»².

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. С. 257.

² Криминалистика: учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 82–83.

В силу аксиоматичности того, что многие методы научного познания уже оказываются все менее эффективными, это, в свою очередь, стимулирует более широкое использование комплексов методов в рамках системного подхода.

При рассмотрении посредством системного подхода к применению методов научного познания процесса деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, мы стремимся к максимальному охвату всех элементов в их совокупности и взаимозависимости, с учетом, как внутренних связей изучаемого явления, так и внешних условий, сопровождающих его¹.

Анализ теоретических разработок, следственной и оперативно-розыскной практики дает основание полагать, что в современных социально-экономических условиях повышение эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений требует значительной реорганизации научно-теоретического, технического и психологического обеспечения, как непосредственно самой деятельности правоохранительных органов, так и процесса подготовки сотрудников органов внутренних дел. Что и обуславливает соответствующие научные изыскания, касающиеся новых криминалистических методов и средств, анализ которых свидетельствует о необходимости организации и эффективного функционирования системы криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел².

Сегодня внедрение результатов научно-технического прогресса является одним из главных направлений в совершенствовании теории и практики борьбы с преступностью. Преступная деятельность становится более организованной и профессиональной, при этом, она находится в непрерывном развитии, совершенствуя свою организацию, способы, средства и формы деятельности³. С появлением новых видов преступлений (медицинские, в кредитно-банковской сфере, террористической направленности, в сфере информатизации и связи, секс-индустрия и т. д.), перед сотрудниками органов внутренних дел ставится задача адекватного возрастающим трудностям осуществления деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, что находится в прямой зависимости от их профессиональной подготовлен-

¹ Шалкарова (Ким) И. А. Совершенствование криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений (тактико-психологические аспекты): монография / Шалкарова (Ким) И. А. Алматы: Алматинская академия МВД Республики Казахстан, 2017. 160 с.

² Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. Авторский коллектив / под ред. проф. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1997. С. 64.

³ Еркенов С. Е. Расследование преступлений, совершаемых транснациональными преступными сообществами. Алматы: ТОО «Баспа», 1998. 192 с.

ности, знаний, умений, опыта, и, что немаловажно — психологической подготовленности.

Реализация функций субъектами оперативно-следственной деятельности предполагает осуществление поисково-познавательной деятельности, «там, где находится передовая битва с преступностью за информацию. Вот та сфера, в рамках которой реализуются в первую очередь криминалистические научные средства, методы, методики и технологии, вот откуда берет свое начало практическое следствие или практическая криминалистическая деятельность. На всех своих этапах она остро нуждается в психологическом обеспечении, ..., в использовании возможностей психологов при решении поисковых и познавательных задач»¹. Совершенно прав А. М. Каминский, говоря об осуществлении криминалистического анализа и моделирования в тупиковых ситуациях деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, что «в практике раскрытия преступлений часто встречаются ситуации, определенный парадокс которых заключается в том, что с одной стороны — как будто бы сделано все возможное (причем, сделано правильно), для раскрытия конкретного преступления, с другой — прироста знаний о раскрываемом событии преступлений не происходит... Реальное содержание практики раскрытия преступлений дает основания утверждать, что сложился новый, криминалистический по своей природе феномен, требующий научно-криминалистического анализа»².

Из сказанного следует необходимость постоянного совершенствования системы криминалистического обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. В этом аспекте Р. С. Белкин различает три подсистемы в рамках системы криминалистического обеспечения: криминалистические знания; криминалистическое образование; криминалистическая техника³.

Первая подсистема «криминалистические знания» является составляющей содержания криминалистической науки. Указанные знания воплощаются в форме фундаментальных и прикладных знаний и становятся доступными с приобретением соответствующего информационного выражения в виде статей, монографий, диссертационных исследований, докладов и т. п. Далее Р. С. Белкин, заключает, что «фундаментальные криминалистические знания составляют содержание общей теории

¹ Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. С. 4.

² Каминский А. М. Криминалистическое содержание рефлексивного анализа и моделирования в тупиковых ситуациях деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород, 1997. С. 16.

³ Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. Авторский коллектив / под ред. проф. Т. В. Аврьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1997. С. 64.

криминалистики и частных криминалистических теорий и учений. Прикладные криминалистические знания выступают в форме научных рекомендаций практике, криминалистических приемов, тактических комбинаций, технико-криминалистических операций и процедур, частных криминалистических методик расследования преступлений, технико-криминалистических средств и технологий»¹.

При этом принципиально важным является вопрос внедрения криминалистических рекомендаций в практическую деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Особенно, если учесть постоянное поступательное развитие процессов дифференциации и интеграции научного знания, проявляющихся в криминалистической науке с момента ее зарождения и определяющих ее содержательную сторону. Изначально, «наряду с дифференциацией, отделением криминалистических знаний от процессуальной науки шел процесс интеграции, консолидации этих знаний, их накопления и систематизации. Но если дифференциация носила внешний характер, то интеграция выступала как внутринаучный процесс...»².

Так, Т. В. Аверьянова выделяет следующие формы интеграции знаний, тесно и органично переплетающиеся между собой:

«1. Перенос идей и представлений из одной области знаний в другую;
Использование понятийно-концептуального аппарата, методов и иных познавательных средств других областей науки;

Формирование комплексных проблем и направлений исследований;

Формирование новых научных дисциплин «пограничного» типа на стыках известных отраслей знания;

Сближение, усиление взаимосвязи и взаимодействия наук, различающихся своими предметными областями;

Сближение наук различных типов — фундаментальных и прикладных, эмпирических и теоретических, высокоформализованных и описательных и т. д.;

Универсализация средств языка и науки;

Выработка региональных и общенаучных форм и средств познания;

Усиление взаимодействия между философским и нефилософским знаниями;

Усиление интегративной роли философии»³.

¹ Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. Авторский коллектив / под ред. проф. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1997. С. 65.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма (Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М), 2001. С. 24.

³ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма (Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М), 2001. С. 23.

Р. С. Белкин, в числе барьеров, стоящих на пути внедрения достижений криминалистики в практическую деятельность по раскрытию и расследованию преступлений выделил следующее:

- консервативные стереотипы практической деятельности, проявляющиеся в нежелании и боязни всего нового, непривычного. Такое негативное отношение зачастую является результатом: профессиональной деформации, конформизмом, низкими качественными показателями образовательного и профессионального уровня — что зачастую выражается в демагогических заявлениях об отрыве теории от практики;
- неконкретность, высокая усложненность, трудность восприятия самих научных рекомендаций, их излишнее теоретизирование, сопровождающееся, зачастую, отсутствием разработок специальных криминалистических алгоритмов и программ¹.

И здесь на первый план выступает вторая подсистема — «криминалистическое образование»: «Для того чтобы криминалистические знания стали орудием практики, они должны пройти стадию криминалистического образования, в результате чего криминалистические знания трансформируются в элемент профессиональных знаний и умений сотрудников органов внутренних дел... Криминалистическое образование представляет собой тот канал, по которому криминалистические знания внедряются в практику органов внутренних дел»².

Учитывая основные принципы развития кадрового обеспечения правоохранительных органов, определенные Концепцией кадровой политики правоохранительных органов Республики Казахстан³, в настоящий период времени процесс пересмотра ведомственной системы подготовки кадров еще не завершен полностью. Активизирована работа по обеспечению строгой ориентации образовательных программ на запросы практики, обновлению содержания обучения, внедрения системы определения потребности в специалистах.

В соответствии с утвержденным Перечнем специальностей для удовлетворения потребностей в кадрах с учетом кадрового планирования в органах внутренних дел, высшие специальные учебные заведения МВД Республики Казахстан, реализующие образовательные программы по специальности «5В030300 — Правоохранительная деятельность», должны обеспечить 91,8% (45 из 49 подразделений) подразделений

¹ Там же. С. 124–128.

² Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. Авторский коллектив / под ред. проф. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1997. С. 66.

³ Концепция кадровой политики правоохранительных органов Республики Казахстан. Одобрена Указом Президента Республики Казахстан от 31.12.2013 № 720 (с изменением, внесенным Указом Президента РК от 18.07.2016 № 300) // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/>

органов внутренних дел (исключение составляют подразделения дорожной и технической инспекции, автоматизации и электронных услуг, внутреннего контроля, финансового обеспечения)¹.

Однозначно, что при выработке направлений по совершенствованию ведомственной системы подготовки кадров для органов внутренних дел, с учетом необходимости интеграции психологических знаний в криминалистическую науку (подсистема «криминалистическое образование»), можно сформулировать в качестве рекомендации — необходимость обеспечения при усилении специализированности их подготовки мотива деятельности, профессиональной направленности.

Также, актуализация проводимых нами исследований по изучению индивидуальных черт характера сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, позволяет сделать вывод о:

1) наличии зависимости между личностными свойствами и уровнем профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих деятельность по раскрытию и расследованию преступлений;

2) необходимости выявления наиболее актуальных профессионально важных качеств личности субъектов оперативно-следственных подразделений с целью их развития путем самовоспитания;

3) необходимости оптимизации психологического обеспечения процесса раскрытия и расследования преступлений в части, непосредственно связанной с протеканием процесса деятельности его субъектов.

Шахбазов Р. Ф., Сизов А. А.

Доказательственное значение криминалистической методики на примере расследования преступлений, совершаемых индивидуальными предпринимателями

На современном этапе развития отечественного государства особое место в комплексе общественных отношений занимают различного рода деятельность, связанная с предпринимательством.

Важность малого бизнеса для государственной экономики подразумевает особое внимание к данной области со стороны законодателя. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России на данном этапе по сути находится в стадии формирования, что в свою очередь порождает целый комплекс проблем, связанных с государ-

¹ Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 19.11.2015 №941 «Об утверждении Перечня специальностей для удовлетворения потребностей в кадрах с учетом кадрового планирования в органах внутренних дел» // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/>

ственной реакцией на ведение предпринимательской деятельности незаконными методами.

Преступность в исследуемой области обуславливается совокупностью различного рода факторов юридического, экономического и социального характера¹. В настоящее время в уголовно-правовом законодательстве преступления в сфере экономической деятельности выделены в самостоятельный вид преступлений и регламентируются главой 22 Уголовного кодекса Российской Федерации — «Преступления в сфере экономической деятельности».

Одним из распространенных видов преступлений в данной сфере деятельности является — незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ). Согласно ст. 2 Гражданского кодекса РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном порядке. Эту деятельность можно осуществлять как с образованием юридического лица, так и без такового, но она должна быть зарегистрированной. А на занятие определенными видами деятельности требуется получение специального разрешения (лицензии) — юридическая, фармацевтическая и др.

Несоблюдение требований закона превращает предпринимательство в незаконную деятельность. Итак, незаконное предпринимательство может проявляться:

1) в осуществлении предпринимательской деятельности без законной регистрации, т. е. без получения в установленном законом порядке свидетельства о регистрации в качестве юридического лица, частного предпринимателя, предпринимателя без образования юридического лица и т. д.;

2) в осуществлении предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), когда такое разрешение (лицензия) обязательно;

3) в осуществлении такой предпринимательской деятельности с нарушением условий лицензирования, это может быть: занятие деятельностью, не обусловленной лицензией; осуществление деятельности по лицензии, выданной на имя другого лица; нарушение специальных условий лицензирования, устанавливаемых для отдельных видов деятельности, и т. д.

Для осуществления незаконного предпринимательства характерна серьезная подготовка к его совершению. На этой стадии избирается механизм, необходимый для реализации преступного замысла и со-

¹ Сизов А. А. Стадии совершения преступления: учебно-методическое пособие. Курск. 2008. С. 99.

ответствующий заданным параметрам. В понятие такого механизма включают: выявление пробелов в действующем нормативном регулировании конкретных операций при осуществлении планируемой предпринимательской деятельности, позволяющих легализовать важнейшие элементы криминальной операции или придать им видимость легальности; сбор образцов бланков, печатей подписей или изготовление необходимых документов, отражающих аналогичные легальные операции; определение наиболее рациональной последовательности предстоящего документооборота; подбор или создание конкретных юридических лиц, обеспечивающих осуществление незаконной предпринимательской деятельности; изготовление или получение документов, отражающих содержание будущей деятельности; подбор или наем исполнителей отдельных операций, приобретение технических средств и др.

После совершения преступления осуществляются активные действия по его сокрытию, часто связанные с ликвидацией предприятий, их фиктивным или преднамеренным банкротством, уничтожением документов, искажением бухгалтерской, статистической и иной отчетности предприятия (предпринимателя), переводом на другие должности или увольнением лиц, которым было что-либо известно о ходе незаконной деятельности.

Обстановка, складывающаяся или создаваемая преступниками для возможности совершения преступления, прежде всего, формируется под влиянием различного рода нестыковок, противоречивых, неразвитых положений, имеющихся в законодательстве, регулирующем сферу осуществляемой деятельности; непродуманностью отдельных решений и механизма их реализации в действиях соответствующих должностных лиц и др. Если такого рода преступления совершаются организованной преступной группой, то к числу элементов установки их совершения целесообразно отнести данные о специфике того региона, и которым действует данная организованная преступная группа.

Указанные особенности влияют на выбор наиболее доступных и эффективных способов их совершения. Например, в более мелких промышленных городах чаще преступления связаны с незаконным предпринимательством, потому как в таких городах легче действовать фирмам без лицензии, с нарушением лицензии и т.д.¹

Для организованных преступных групп, совершающих такие преступления, характерна небольшая численность (2–10 человек), сравнительно простая организационная структура построения с достаточно высоким обще- профессиональным и преступным профессионализмом членов ее руководящего и даже исполнительского звена. Лица, осуществляющие техническую работу в группе, далеко не всегда бывают осведомлены о ее преступном характере.

¹ Там же. С. 102.

Обстоятельства, подлежащие выяснению в процессе расследования, во многом определяются на основе их криминалистической характеристики¹.

Первая группа обстоятельств связана с установлением основных обстоятельств события преступления (предмет посягательства, способ, механизм и обстановка совершения преступления). При этом важно установить период, в течение которого совершалось преступление, место совершения и все условия, характеризующие обстановку, в которой совершалось деяние. Все это помогает выявить особенности способа совершения преступления и его механизма, и создать гарантию конкретности обвинения.

Вторая группа обстоятельств связана с фактами, подтверждающими виновность обвиняемого и мотивы совершения преступления, в том числе и обстоятельства, влияющие на степень и характер его ответственности.

Третья группа обстоятельств — условия, способствовавшие совершению преступления (недостатки и нарушения соответствующих правил, относящихся к осуществлению предпринимательской деятельности и др.).

Четвертая группа обстоятельств носит криминалистический характер и имеет своей целью выявление данных, позволяющих определить источники необходимой информации, проверять возникшие следственные версии, проверять и оценивать фактические данные (размер причиненного ущерба, способы реализации преступления, способ получения дохода и др.). Расследование незаконного предпринимательства начинается с возбуждения уголовного дела по различным основаниям.

В начале расследования обычно возникает ряд типовых следственных ситуаций. Их содержание определяется источником, видом и объемом поступившей информации, характером и интенсивностью помех в получении первоочередной информации. Все действия следователя после возбуждения уголовного дела на всех этапах его расследования должны быть тщательно спланированы².

При расследовании незаконного предпринимательства большое значение имеет установление эффективного взаимодействия следователей с оперативно-розыскными органами в рамках следственно-оперативной группы или в форме выполнения отдельных следственных поручений.

Важную роль при расследовании незаконного предпринимательства играют экспертизы — криминалистические экспертизы (почерковед-

¹ Герасимов В. Н., Сизов А. А. Международно-правовое сотрудничество в борьбе с терроризмом. Курск, 2007. С. 112.

² Сизов А. А. Особенности досудебного производства по делам о преступлениях, совершаемых иностранными гражданами: дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 104.

ческая), полиграфическая, судебно-бухгалтерская, судебно-экономическая.

Швед А. И.

Применение уровневого подхода при разработке проекта Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности»

Сформированный в последние десятилетия теоретический базис и опыт работы практических экспертных служб Республики Беларусь позволяет говорить о необходимости разработки и скорейшего принятия системных правовых актов в сфере судебной экспертизы.

Еще в 2003 г. в Беларуси была начата работа над законом о судебно-экспертной деятельности, которая в скором времени была свернута в связи с отсутствием завершенных теоретических разработок о комплексном и системном регулировании правоотношений в данной области¹. Однако с образованием в 2013 г. Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее — Государственный комитет) ситуация изменилась коренным образом, так как сформировалась и эффективно работает централизованная система государственных судебно-экспертных органов, регулирование деятельности которых подталкивает к необходимости единого правового поля для всех категорий судебных экспертов, в том числе частных, как равных участников судопроизводства. В связи с этим необходимо разработать и принять Закон Республики Беларусь о судебно-экспертной деятельности (далее — Закон о СЭД).

В первую очередь требуется определить понятие судебно-экспертной деятельности, а вместе с ним и круг общественных отношений в составе предмета правового регулирования закона. Любая деятельность человека представляет собой, как правило, сложное явление, которое раскрывается в рамках так называемого деятельностного подхода. Его применение предполагает также и системный подход, конкретизируемый применительно к социальным системам различного уровня. Деятельность как социальная активность имеет свойства развивающихся систем со сложной структурой, для которых специфична самоорганизация. Деятельностный подход позволяет учитывать психологические факторы судебно-экспертного доказывания, что немаловажно для построения не только эффективных судебно-экспертных технологий, но и эффективной правовой формы судебно-экспертной деятельности. Можно в полной мере согласиться с Я. В. Комиссаровой, которая видит

¹ Клинчук А. В., Занимон Л. О. Концептуальные основы регулирования судебно-экспертной деятельности // Судебная экспертиза Беларуси. 2016. № 1 (2). С. 12.

деятельностный подход в качестве методологической основы правового, в том числе процессуального, регулирования судебно-экспертной деятельности¹.

Судебно-экспертная деятельность в узком смысле часто рассматривается как исследование, непосредственно проводимое экспертом. В более широком смысле она включает деятельность не только эксперта, но и экспертной лаборатории, организации, системы регулирования и обеспечения судебно-экспертной деятельности. Широкое определение в большей степени соответствует комплексному характеру теории судебной экспертизы и отвечает задачам комплексного правового регулирования.

Чем сложнее и объемнее представлен объект исследования, тем совершеннее прикладные разработки, поскольку они учитывают различные его стороны. При этом особую значимость приобретает вопрос структурирования объекта для целей формирования его теоретической, а затем и правовой модели. Учение о структуре судебно-экспертной деятельности является важной частью общей теории судебной экспертизы. Данное учение имеет главный признак частной теории, сформулированный Р. С. Белкиным — сквозной методологический характер, имеющий отношение ко всем элементам теории².

Наиболее распространенным традиционным видом структуры судебно-экспертной деятельности является структура экспертизы с выделением предмета, объекта, задач, методов (методики) и средств экспертного исследования, а также субъекта — судебного эксперта. Данная структура является эффективной в построении модели экспертного исследования. Вместе с тем, такая структура не является универсальной, применимой ко всем уровням судебно-экспертной деятельности. То же самое мы можем сказать относительно структуры этапов исследования (предварительное исследование, раздельное исследование, сравнительное исследование, эксперимент, оценка результатов, оформление заключения), которые не применимы на других уровнях судебно-экспертной деятельности помимо конкретной экспертизы.

Представляется, что структуру судебно-экспертной деятельности целесообразно рассматривать на следующих уровнях³:

¹ *Комиссарова Я. В.* Деятельностный подход к определению правового положения эксперта в уголовном судопроизводстве // Актуальные тенденции в теории и практике судебной экспертизы. Ч. 3. Вильнюс, 2011. С. 22–35.

² *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. М., 2001. С. 456.

³ *Швед А. И.* Анализ проблем системы теории судебной экспертизы в свете учения о судебно-экспертной деятельности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр./ Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. Прокуратуры Респ. Беларусь. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. Вып. 9. Т. 2. С. 329.

- прием (техническая операция);
- судебные экспертизы (судебно-экспертные исследования) и их комплексы;
- деятельность судебно-экспертного учреждения (подразделения);
- деятельность системы государственных судебных экспертных органов;
- реализация единой государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности.

Соответственно, правовое регулирование судебно-экспертной деятельности в современных условиях должно учитывать указанную специфику. Уровневый подход позволяет достичь комплексности и системности, избежать пробелов в регулировании судебно-экспертной деятельности.

И в правовом регулировании, и в методическом обеспечении исключительно важным является определение операций в составе действий, процедур, этапов исследования, методов, технологий и т. д. Дефекты, которые порой обнаруживаются в судебно-экспертной деятельности, всегда можно отнести к конкретным операциям. Понимание этого является ключевым в оценке заключения эксперта, обеспечении ведомственного контроля, совершенствовании правового регулирования судебно-экспертной деятельности и т. д.

Уровень отдельных операций имеет потребность в техническом регулировании, которое обычно реализуется посредством технических нормативных правовых актов. В современных условиях речь идет о полноценной стандартизации судебно-экспертной деятельности.

Пока не удастся в полной мере распространить на судебно-экспертную деятельность в Беларуси международные технические правовые акты. Результаты анализа проекта межгосударственного стандарта «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению «Модулей для судебно-экспертных лабораторий», проведенного в Государственном комитете, свидетельствуют, что многие положения документов ИАС, в том числе ИАС G19:08/2014. *Modules in a Forensic Science Process*, противоречат требованиям отечественного процессуального законодательства. В этой связи задача разработки собственной национальной системы технического нормирования судебно-экспертной деятельности остается приоритетной.

С целью разработки соответствующих технических нормативных правовых актов в республике создан технический комитет по направлению судебно-экспертной деятельности¹. Однако в полном объеме

¹ Крицкая С. В. Научный подход к экспертным проблемам (государственное учреждение «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь») / С. В. Крицкая // Судебная экспертиза Беларуси. 2015. № 1. С. 21–22.

возможности технического нормирования могут быть реализованы только путем законодательного закрепления механизма принятия и применения технических нормативных правовых актов в сфере судебно-экспертной деятельности. По нашему мнению, одним из возможных решений данной проблемы может быть наделение экспертных методик статусом технических нормативных правовых актов.

На необходимость наличия общих требований к проведению экспертиз независимо от вида судопроизводства, сближения процессуальных институтов экспертизы в уголовном, гражданском, административном и хозяйственном процессе указывали разработчики концепции судебного права¹. Поэтому представляется обоснованным законодательное закрепление единого порядка проведения судебной экспертизы независимо от вида судебного процесса. Такой подход позволит устранить несоответствия между различными процессуальными кодексами в части регламентации порядка проведения судебных экспертиз, часть из которых в настоящее время не поддаются логическому объяснению.

Требует дополнительного изучения вопрос унификации процессуальных и непроцессуальных форм исследования, проводимого судебным экспертом, в том числе в процессуальном статусе специалиста. Как известно, к профессиональной деятельности судебного эксперта относится также и его участие в качестве специалиста в процессуальных действиях. При этом специалист в ходе их проведения не признается самостоятельным субъектом. Вместе с тем, практика указывает на то, что именно инициатива судебного эксперта является главным условием повышения эффективности процессуального действия с его участием². Вряд ли сегодня можно решать данный вопрос на уровне отраслевого Закона о СЭД. Прежде всего, он должен быть проработан на уровне актов процессуального законодательства.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения необходимость возложения обязанности по контролю качества экспертиз и исследований на руководство экспертной организации. Такой подход к указанной проблематике является типовым для теории судебной экспертизы. В частности, С. А. Смирнова высказала предложение о включении в общую теорию судебной экспертологии теорию менеджмента качества судебной экспертизы и теорию стандартизации судебно-экспертной деятельности³. И с этим предложением сложно не согласиться. Если

¹ Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. М., 1983. С. 215.

² Shved A. Credentials of the specialist in the process of the Republic of Belarus: problems and perspectives of improvement // Annals of Scientific Association Institute of Economy and Market, Szczecin, 2017. P. 172–174.

³ Смирнова С. А. Перспективы стандартизации на современном этапе развития судебно-экспертной деятельности // «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе.

ранее теория только поднимала эти проблемы и предлагала решения, то современная экспертная практика требует полноценного правового регулирования данного вопроса.

В Республике Беларусь имеется определенный опыт регулирования коммерческой деятельности негосударственных судебно-экспертных учреждений¹. Однако необходима разработка полноценной и комплексной регламентации деятельности государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений в целях систематизации разрозненных предписаний в данной сфере с учетом особенностей и ограничений, предъявляемых к отдельным субъектам экспертной деятельности, что может быть осуществлено только в рамках Закона о СЭД.

Деятельность системы государственных судебно-экспертных органов является новым объектом теоретического анализа и правового регулирования. Безусловно, для белорусской модели организации судебно-экспертной деятельности данный объект имеет исключительное значение. Органы Государственного комитета наряду с реализацией функций государственного судебно-экспертного учреждения организуют и непосредственно осуществляют обеспечение судебно-экспертной деятельности.

К сожалению, теорией судебной экспертизы вопросы реализации государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности недостаточно разработаны. Вместе с тем за неполные пять лет функционирования Государственного комитета накоплен опыт регулирования в данной сфере. Имеется комплекс правовых актов, определяющий порядок открытия подготовки по соответствующим специальностям, порядок разработки и принятия методик, аттестации судебных экспертов, лицензирования и контроля за осуществлением лицензируемой деятельности. Эти положения с учетом практики их применения могут составить основу для особого раздела Закона о СЭД.

Обобщив вышеизложенное, следует признать преимущества структурирования уровней судебно-экспертной деятельности. Уровневый подход позволяет обеспечить системность и полноту правового регулирования сложной многоаспектной судебно-экспертной деятельности, что является актуальным в ходе подготовки проекта Закона о СЭД.

Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы»: материалы международной научно-практической конференции (г. Алматы, 15 октября 2015 г.). Астана, 2015. С. 299.

¹ 14.09.2003 был принят Указ Президента Республики Беларусь № 407 «О некоторых мерах по совершенствованию судебно-экспертной деятельности», которым предусматривалось лицензирование судебно-экспертной деятельности организаций, не являющихся государственными судебно-экспертными учреждениями. С этого момента и по настоящее время судебно-экспертная деятельность является лицензируемым видом экономической деятельности в Республике Беларусь.

Шведова Н. Н.

Экспертные ошибки: история с продолжением

Проблемные вопросы возникновения и предупреждения экспертных ошибок неоднократно рассматривались различными авторами¹, однако наиболее полно это понятие удалось раскрыть выдающемуся отечественному ученому-криминалисту Рафаилу Самуиловичу Белкину, который выявил не только объективные и субъективные составляющие распространенного в практике явления², но и определил природу происхождения различных экспертных ошибок (процессуальные, гносеологические, деятельностьные ошибки), что остается актуальным и для сегодняшней судебно-экспертной деятельности.

Обозначенные классиком теоретические и прикладные указанной проблемы позже рассматривались в работах Т. В. Аверьяновой³, А. А. Аубакировой⁴, А. Ю. Краснобаевой⁵, а обширному и детальному анализу ошибок судебных экспертов при выполнении наиболее распространенных видов экспертиз в уголовном, гражданском и арбитражном процессе посвящены труды Е. Р. Россинской⁶, в которых на примерах из судебной практики показаны наиболее типичные ошибки в различных экспертных ситуациях.

В других специальных литературных источниках нашли отражение обзоры экспертной практики, обобщающие наиболее распространенные недостатки экспертных исследований⁷, причем разные авторы

¹ Грановский Г. Л. Природа, причины экспертных ошибок и пути их устранения // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. Экспресс-информация. Вып. 2. М., ВНИИСЭ МЮ СССР, 1983. С. 1–8. См. также: Каплунов И. М. К вопросу о причинах экспертных ошибок // 40 лет Ташкентскому научно-исследовательскому институту судебной экспертизы МЮ Узбекской ССР. Ташкент, 1991. С. 96–97.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции перспективы. От теории — к практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 83–85.

³ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2006. С. 473–475.

⁴ Аубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2010. 512 с.

⁵ Краснобаева А. Ю. Экспертные ошибки: причины, последствия, профилактика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 1997. 150 с.

⁶ Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика: науч.-практич. пособие / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Юрайт, 2011. 535 с.; См. также: Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2016. 544 с.

⁷ Ванков С. В. Экспертные ошибки при производстве трасологической экспертизы следов обуви и их предупреждение // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: Материалы международной научно-практической конференции. Волгоград: ВА МВД России, 2012. С. 307–313; См. также: Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. Анализ практики производства судебно-портретных экспертиз по цифровым видеозаписям // Судебная экспертиза. 2012. № 4 (32). С. 36–45.

отмечают одни и те же «слабые места» заключений экспертов¹, что свидетельствует о нерешенной проблеме предупреждения экспертных ошибок.

Основываясь на собственном многолетнем экспертном опыте и немалом стаже педагогической деятельности по подготовке кадров для экспертно-криминалистической службы МВД России, автор настоящей статьи имеет основания предполагать, что в ближайшем будущем данная проблема вряд ли будет преодолена. Это объясняется не только усложнением самих объектов экспертизы и методов их исследования, но и отсутствием какой-либо системы действенных мер, направленных на предупреждение экспертных ошибок.

Так, например, несовершенство используемой экспертной методики, а также отсутствие полных данных, характеризующих идентификационную ценность признаков объекта, отображающегося в следах, на что указывал Р. С. Белкин еще три десятилетия назад², до сих пор являются одними из объективных причин ошибок, допускаемых экспертами. Примером того, что данный тезис является ключевым до настоящего времени, служит практика производства технико-криминалистических экспертиз реквизитов документов, которые составляют значительную долю экспертных исследований как в государственных, так и в негосударственных судебно-экспертных учреждениях. Так, зачастую выводы по результатам идентификационных исследований отпечатков удостоверительных печатных форм, а также текстов, выполненных на цифровых печатающих устройствах, являются недостаточно обоснованными и содержат экспертные ошибки именно по вышеназванным причинам³.

Анализируя сегодняшнюю практику производства судебных экспертиз, необходимо согласиться с мнением Р. С. Белкина, который одной из основных субъективных причин экспертных ошибок называл профессиональную некомпетентность эксперта⁴. Особенно это заметно в практике негосударственных судебно-экспертной деятельности, которая переживает сегодня непростой период своего развития. Имеют место случаи, когда судебные экспертизы назначаются лицам, в реальности не обладающими необходимыми специальными знаниями, но кото-

¹ Подволоцкий И. Н., Бодров Н. Ф., Подкатилина М. Л. Типичные недостатки исследовательской части заключения эксперта-почерковеда // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: Материалы II международной научно-практической конференции. Волгоград: ВА МВД России, 2014. С. 225–232; См. также: Шкоронат Е. А. Отдельные виды экспертных ошибок при проведении почерковедческих исследований // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: Сборник научных трудов I Международного форума. М.: МосУ МВД России, 2017. С. 389–392.

² Белкин Р. С. Указ. соч. С. 86.

³ Шведова Н. Н. Криминалистическое исследование документов: исторический очерк и современные проблемы: моногр. Волгоград: ВА МВД России, 2016. С. 76–90.

⁴ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 86.

рым удается ввести в заблуждение субъект доказывания относительно своей компетенции посредством предоставления различных юридически несостоятельных свидетельств и сертификатов. В результате при производстве экспертизы такой «эксперт», манипулируя терминами и несуществующими методиками, не в состоянии объективно выявить в ходе исследования существенные признаки объекта или достоверно их интерпретировать, что влечет за собой формулирование ошибочного вывода¹.

Вопросы профессиональной компетенции как одного из условий недопущения экспертных ошибок достаточно остро стоят и в государственной судебно-экспертной деятельности. Особенности подготовки экспертов по различным видам криминалистических экспертиз в рамках программ повышения квалификации в образовательных организациях системы МВД России, свидетельствуют о том, что в настоящее время сложилась не совсем удачная практика обучения по одинаковым дополнительным профессиональным программам лиц с весьма неоднородным исходным уровнем профессиональной подготовки. Кроме сотрудников, имеющих высшее образование по одному из юридических направлений подготовки, на обучение направляются и те, кто имеет диплом о высшем образовании в области педагогики, биологии, является специалистом в области технологии различных промышленных производств, агрономии, лесного дела и пр., а нередко и без опыта работы в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел.

Очевидно, что формирование профессиональной компетенции у данной категории обучаемых затруднено, так как отсутствуют базовые знания о роли и значении судебного эксперта как участника уголовного процесса, сущности заключения эксперта и его место в системе доказательств, процессуальных требованиях к нему. Кроме того, возникают серьезные трудности в освоении конкретных экспертных специальностей, что связано с недостаточными теоретическими знаниями в области криминалистики и криминалистической техники, в частности, положений криминалистической диагностики и идентификации, основ теории судебной экспертизы. Указанные пробелы в организации обучения подтверждаются результатами рецензирования заключений экспертов, прибывающих на обучение по программам повышения квалификации в форме стажировки, необходимой для подтверждения права самостоятельного производства криминалистических экспертиз в соответствии с существующей нормативной правовой базой.

Анализ содержания таких заключений показывает, что как правило, экспертами допускаются ошибки, обусловленные нарушением

¹ Архив арбитражного суда Волгоградской области, заключение эксперта № 1548/17 по делу № А12–414.../2015.

логической последовательности проводимого экспертного исследования, неверной оценкой выявляемых признаков исследуемых объектов, недостаточной обоснованностью выводов, что на наш взгляд, является весьма существенной проблемой и влечет за собой снижение доказательственной ценности экспертизы в уголовном судопроизводстве.

На наш взгляд, сложившаяся ситуация требует принятия некоторых организационных мер, направленных на оптимизацию получения первичных специальных знаний и профессиональных компетенций в рамках дополнительного профессионального образования сотрудников экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России, с целью недопущения ими экспертных ошибок в дальнейшей работе. Среди таких мероприятий хотелось бы предложить разработку примерной дополнительной профессиональной программы «Основы экспертно-криминалистической деятельности в Российской Федерации», в которой предусмотреть изучение правовых, теоретических, научных, методических и организационных положений, необходимых для формирования у сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, не имеющих профильного образования, базовых общепрофессиональных знаний для дальнейшей специализации по какому-либо виду экспертиз.

Не менее важным представляется пересмотр порядка и последовательности прохождения обучения по программам дополнительного профессионального образования сотрудников экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России. Например, в качестве первоначально изучаемых экспертных специальностей (из видов криминалистических экспертиз) следует определить программы по трасологической и дактилоскопической экспертизам, далее — в зависимости от планируемой специализации: баллистическая, почерковедческая экспертиза, технико-криминалистическая экспертиза документов, портретная. При этом считаем недопустимой практику «механического» накопления количества «допусков», так как только глубокие знания в узких областях науки формируют настоящего профессионала. Экспертов — «универсалов», обладающими всеми существующими навыками производства криминалистических экспертиз фактически подготовить невозможно.

Очевидно, что для реализации предлагаемых мер необходимо пересмотреть объемы учебного времени, выделяемые на освоение дополнительных профессиональных программ, с целью приведения в соответствие с аналогичными параметрами, предусмотренными ФГОС ВО «Судебная экспертиза».

В рамках настоящей статьи нами были рассмотрены лишь некоторые вопросы, связанные с возникновением и предупреждением экспертных ошибок, которые остаются проблемными, несмотря на то, что много

лет назад были обозначены Р. С. Белкиным. Представляется, что без кардинальных изменений в системе профессиональной подготовки государственных судебных экспертов вообще, и сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России в частности, невозможно достичь соответствующего уровня профессиональной компетентности судебного эксперта, необходимого для недопущения им экспертных ошибок в сложных условиях современной судебно-экспертной деятельности.

Шелегов Ю. В.

Система косвенных доказательств как основа достоверного установления фактических обстоятельств уголовного дела

Установление фактических обстоятельств уголовного дела — это сложный многогранный процесс, имеющий гносеологическую природу. Для того чтобы достоверно их установить необходим всесторонний, полный и объективный подход к исследованию. Поэтому следователю не достаточно знаний только в области права, он должен хорошо ориентироваться в психологии, логике и теории познания.

Для обеспечения достоверного установления фактических обстоятельств уголовного дела считаем крайне важным обладать навыками систематизации косвенных доказательств, выявления системообразующих связей между уликами и с обстоятельствами, подлежащими доказыванию.

Кроме того правильное использование отдельных косвенных доказательств при допросе может обеспечить выявление существенных для уголовного дела обстоятельств. Подозреваемый (обвиняемый) может запутаться в показаниях, сказать то, что собирался скрыть от следствия или даст признательные показания.

Структурированная система косвенных доказательств должна формироваться и после получения признательных показаний, достаточной совокупности свидетельских показаний.

Важным в признательных показаниях является преступная осведомленность, которая даже при отказа обвиняемого от показаний обеспечит надежность системы улик. Особое значение в доказывание имеют редкие и специфичные улики¹.

При недооценке доказательственного значения улик вероятность судебных и следственных ошибок значительно увеличивается. Доказывание в таком случае зачастую сводится к получению любым способом признательных показаний обвиняемого, в том числе и с использованием запрещенных методов.

¹ Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 99.

Если признательным показаниям, прямым свидетельским показаниям придавать большое доказательственное значение — это вернет современное уголовное судопроизводство в средневековый инквизиционный процесс, когда косвенные доказательства являлись основанием для применения пытки с целью получения лучшего «полноценного» доказательства — «своевольного признания»¹. Полагаем, что всесторонний, полный и объективный подход к установлению фактических обстоятельств уголовного дела с активным системным использованием косвенных доказательств ведет к гуманизации уголовного судопроизводства с одной стороны и к достоверному установлению фактических обстоятельств уголовного дела с другой.

Система косвенных доказательств должна быть сформулирована таким образом, чтоб не одна противоилика не смогла ослабить ее. Косвенные доказательства должны всесторонне устанавливать промежуточные факты, на основе которых уже будет возможным достоверно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу.

При таком подходе будет обеспечена надежность системы улик, по этому даже отказ обвиняемого от своих показаний, признание каких либо доказательств недопустимыми не сможет ослабить всю систему доказательств и позволит субъекту правоприменения принять обоснованное справедливое решение.

Считаем, что опровергнуть систему косвенных доказательств намного сложнее, чем отдельно взятые прямые доказательства или даже их совокупность. Например, обвиняемый может дать признательные показания на допросе и в последующем отказаться от них, ссылаясь на то, что он дал их под давлением следователя, что на него оказывалось психологическое и физическое воздействие. По ряду причин свидетели могут дать ложные показания. Для проверки, оценки достоверности прямых доказательств незаменимы косвенные доказательства.

Считаем, что правильно сформированная система улик позволяет достоверно установить фактические обстоятельства уголовного дела. Если сфальсифицировать показания, в которых содержится информация прямо указывающая на главный факт, возможно. Но вот сфальсифицировать целую совокупность косвенных доказательств крайне затруднительно, что говорит о надежности, правильно сформированной системе улик.

Все элементы системы косвенных доказательств связаны между собой объективными формами связей, которые являются системообразующими².

¹ Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1945. С. 20.

² Хмыров А. А. Косвенные доказательства в уголовных делах. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 40–98.

Благодаря этой взаимосвязанности косвенные доказательства пре-вращаются из частей в целое — в структурированную систему улик устанавливающую, обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу.

В системе доказательств есть несколько уровней. Например, для формирования подсистемы доказательств события преступления должны быть сформированы частные подсистемы устанавливающие время, место, способ совершения преступления.

Для того чтобы при помощи косвенных доказательств установить виновность лица в совершении убийства необходимо сформировать частную систему доказательств, устанавливающую пребывание подозреваемого на месте происшествия, мотив совершения преступления, систему доказательств обладания этим лицом вещами потерпевшего, если, например убийство было совершено из корыстных побуждений и другие.

Сформировав частные улики, следователь может эффективно воспользоваться ими при допросе обвиняемого или свидетелей. Получив необходимую информацию следователь в обязательном порядке должен проверить их проведя определенные следственные действия, такие как проверка показаний на месте, следственный эксперимент, предъявление для опознания и др. Именно таким образом, по нашему мнению, должен устанавливаться главный факт уголовного дела¹.

Особенность косвенных доказательств в том, что они устанавливают непосредственно промежуточные факты, не имеющие юридического значения. Соответственно улики формируют на первом этапе систему, устанавливающую промежуточные факты. Но косвенные доказательства всегда имеют и опосредованную связь с предметом доказывания через указанные факты. Связь отдельно взятого косвенного доказательства с предметом доказывания можно определить как внешнюю.

Например, если на месте преступления зафиксированы следы рук обвиняемого — это свидетельствует о том, что он был там. Значит, предположительно, мог совершить убийство. Отдельное косвенное доказательство опосредованно, предположительно указывает на причастность подозреваемого, дает основания для построения версии произошедшего преступления, ориентирует следователя на поиск других доказательств, но достоверно не устанавливает главный факт.

Следы крови, обнаруженные на куртке подозреваемого косвенно указывают на причастность лица к убийству. Результаты заключения экспертизы, подтверждающие совпадение группы крови, обнаруженной

¹ См.: *Лазарева В. А.* Доказывание в уголовном процессе. М.: Юрайт, 2010. С. 114–127; См.: *Орлов Ю. К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. М.: Проспект, 2000. С. 32.; См.: *Горский Г. Ф.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькин. Воронеж: ВГУ, 1978. С. 83.; См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 363.

на куртке подозреваемого, с группой крови потерпевшего усиливает, выбранную версию, но достоверно совокупность этих доказательств даже не устанавливает контакт потерпевшего и подозреваемого. Существенным будет являться распространенность группы крови потерпевшего. Если это редкая группа, то вероятность причастности увеличивается¹.

С каждым косвенным доказательством вероятность усиливается и в конечном результате формируется достоверная картина произошедшего преступления.

Важным является то факт, что улики, имеющие объективные формы связей с обстоятельствами, подлежащими доказыванию в обязательном порядке имеют внутренние связи, то есть связаны между всеми доказательствами системы.

Зачастую косвенные доказательства значительно удалены от предмета доказывания и связаны с ним через несколько промежуточных фактов. Это, безусловно, усложняет процесс установления связей такого доказательства с предметом доказывания, но зачастую такие улики имеют важное криминалистическое и доказательственное значение после.

Например, подозреваемый в своих показаниях сообщил, что во время произошедшего преступления он находился за городом с друзьями, которые подтвердили его алиби. Но при всесторонней проверке показаний было установлено, что подозреваемый в течении двух с половиной часов находился один в лесу, что позволяет сделать вывод о возможности подозреваемого доехать до места преступления и вернуться обратно. При допросе свидетелей было установлено, что подозреваемого видели в городе в это день.

Эта совокупность косвенных доказательств свидетельствует о причастности подозреваемого к преступлению и попытке ввести следствие в заблуждение. Такая совокупность улик может сыграть важную ориентирующую функцию, либо быть использована на допросе с целью получения признательных показаний.

Всесторонне, полно и объективно сформированная система улик позволяет логично и главное достоверно установить главный факт, а также остальные элементы предмета доказывания.

Мы полностью солидарны с профессором А. А. Хмыровым, в том что «отдельные доказательства и их частные системы должны объединяться по признаку их связи с конкретными элементами предмета доказывания»². Например, подсистема доказательств события преступления, или виновности, формы вины и мотивов и т. д.

¹ См.: Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 99.

² Хмыров А. А. Косвенные доказательства в уголовных делах. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 151.

Кроме того система косвенных доказательств должна обладать определенными свойствами. Такими как согласованность (взаимосвязанность всех элементов системы), однозначность (на основе совокупности улик можно сделать только один вывод), полнота (установление при помощи улик всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу) и надежность (обеспечивается достаточным количеством улик из разных процессуальных источников, когда признание недопустимым или недостоверным одного доказательства не ослабит всей системы улик)¹. Эти свойства системы, по нашему мнению, и обеспечивают в конечном итоге достоверность установленных фактических обстоятельств уголовного дела.

Таким образом, мы приходим к выводу, что система косвенных доказательств, сформированная на основе всестороннего, полного и объективного подхода позволяет достоверно установить фактические обстоятельства уголовного дела. Однако эта система должна быть сформирована: 1) с учетом объективных форм связей, 2) на основе всестороннего полного и объективного подхода, 3) обладать необходимыми свойствами, описанными выше.

Шестак В. А.

Криминалистическое и доказательственное значение судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения в современных условиях

Ни для кого не является секретом, что совершение преступления в условиях неочевидности, является обстоятельством, нередко осложняющим процесс доказывания по уголовному делу. В таких ситуациях неоценимую помощь дознавателю (следователю) могут оказать, среди прочих доказательств, и следы биологического происхождения, из которых наиболее часто в следственной и экспертной практике встречаются следы крови, спермы, а также волосы.

Рассматриваемые источники доказательственной информации имеют подчас исключительное значение для раскрытия преступления, для изобличения виновного либо, напротив, реабилитации непричастного. В то же время доказательственное значение такие следы приобретают, в том числе и в результате проведения таких судебно-медицинских экспертиз как медико-криминалистические, судебно-биологические и молекулярно-генетические, результаты которых во многом зависят

¹ См.: Ларин А. М. От следственной версии к истине. С. 195–196. См.: Хмыров А. А. Косвенные доказательства в уголовных делах. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 152–161.

от соблюдения правил их обнаружения, фиксации и изъятия на месте происшествия с учетом того обстоятельства, что вещественные доказательства биологического происхождения уникальны: подвержены изменениям под влиянием времени и внешних факторов, а также воздействию со стороны заинтересованных лиц с целью их уничтожения.

Нельзя не отметить, что в современных условиях доказательственное значение объектов биологического происхождения значительно повысилось, в том числе в связи с внедрением в производство судебно-медицинской экспертизы методов генной идентификации (генетической дактилоскопии). Хотя до недавнего времени в судебно-медицинской практике для решения идентификационных задач о видовой, половой и групповой принадлежности материала биологического происхождения судили только на основе результатов изучения входящих в его состав белков. И это при том, что традиционно используемое ограниченное количество белковых систем и присущий им относительно невысокий полиморфизм не дает достаточной информации для однозначной идентификации личности. Но в настоящее время теория и практика проведения судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения бурно развивается, благодаря успехам генетики, иммунологии, биохимии, молекулярной биологии и других наук. Так, предложенный в 1985 году Джефферсом метод геномной «дактилоскопии» дал принципиально новые возможности идентификации личности, определения спорного отцовства, материнства и замены детей на уровне аналогичных структур ДНК.

Да и демонстрация в ходе публичного уголовного процесса предметов материального мира со следами преступления оказывает на присяжных заседателей, активно используемых системой российского правосудия в настоящее время, значительное воздействие, способствующее принятию окончательного решения, поскольку следообразующие сведения «рассказывают» о событии преступления объективно, без эмоциональной окраски и искажений, как это нередко бывает в показаниях участников уголовного судопроизводства.

В этой связи поиск следов преступления, т. е. любых изменений в материальной обстановке, которые произошли в процессе его подготовки, совершения или сокрытия, к которым также относятся вещественные доказательства биологического происхождения, является основной целью ряда следственных действий. Наиболее часто они обнаруживаются при осмотрах места происшествия, орудий совершения преступления, а также одежды подозреваемого и потерпевшего. Такие следы по форме могут быть различными, что в целом зависит от механизма их образования. К примеру, только следов крови различают несколько разновидностей: лужи, пропитывания, затеки, потеки, капли, брызги, мазки, отпечатки.

В частности, при расследовании уголовных дел о половых преступлениях нередко возникают вопросы, которые для своего разрешения

требуют специальных познаний, когда возникает необходимость в привлечении специалистов в области судебной медицины. Наиболее часто в таких случаях в качестве вещественных доказательств исследуются пятна спермы, которые могут быть обнаружены на одежде, теле потерпевшей или подозреваемого. Как свидетельствует практика, далеко не всегда пятна спермы имеют отчетливый вид, так как подвергаются внешним воздействиям, а также могут быть подвергнуты механическим или химическим способам уничтожения.

Весьма важным вещественным доказательством являются волосы. Их обнаружение на месте происшествия возможно на различных предметах: орудиях преступления, руках, одежде потерпевшего или подозреваемого. При половых преступлениях или насильственных действиях сексуального характера обнаружение волос возможно на теле, в области половых органов, на белье и одежде как потерпевшей, так и подозреваемого.

В последнее время биологической наукой разработан и успешно внедряется в повседневную практику для идентификационных целей метод генотипоскопической идентификации человека, в основе которого лежит анализ дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), находящейся в ядрах любых клеток организма человека¹. Но все же наиболее часто продолжает использоваться медико-криминалистическое исследование следов крови, чье значение основывается на исследовании биологических свойств крови и на анализе всей совокупности следов крови на месте происшествия, как и по их виду, так и по локализации.

Так, как объект исследования медико-криминалистической экспертизы следы крови выступают, когда в них находят свое отражение размеры, конфигурация и другие особенности внешнего строения того или иного предмета или его частей. Как правило, это пригодные для идентификации следы контактного взаимодействия предметов, один из которых предварительно оказался окровавленным — отпечатки, оставленные рукой или стопой преступника, следы орудия убийства и т. д.

Наиболее тесно с источником кровотечения связаны следы крови на предметах одежды. Количество следов крови с учетом их локализации и направления позволяет судить о характере причиненных повреждений. Так, следы обильного кровотечения в виде множественных потеков, располагающихся спереди и сзади на рубашке или верхней одежде, могут свидетельствовать об обширных повреждениях головы или крупных сосудов шеи. Наличие на одежде множественных брызг, расходящихся веером, может быть использовано для установления месторасположения источника их образования. Если продолжить про-

¹ Золотенкова Г. В., Безналый Ю. Б., Романько Н. А. Трасологические исследования следов крови в МКО: новые возможности диагностики // Судебная медицина. 2015. № 2. С. 95–96.

дольные оси таких брызг, то они сойдутся приблизительно все к одному и тому же месту — их источнику¹.

По расположению, количеству и размерам следов крови (их отсутствию) можно сделать вывод о характере и месте совершения преступления. Отсутствие крови или ее малое количество при обширных повреждениях может свидетельствовать о несовпадении места обнаружения трупа и места совершения преступления. По направлению потеков крови можно определить положение потерпевшего в момент преступления. Цвет крови может указывать на давность преступления. Он меняется в следующей последовательности (от короткого промежутка к более отдаленным): красный, коричневато-бурый, грязно-серый, зеленоватый и, наконец, черный. По отпечаткам крови, оставленным на различных предметах можно сделать вывод о поведении преступника на месте преступления, например, о путях его отхода².

Нередко человек, получивший повреждение, сопровождающееся наружным кровотечением, перемещается на определенное расстояние. По следам крови можно установить начало и путь его движения. Сопоставляя локализацию источника кровотечения, потеки крови на теле и одежде, форму капель на предметах, на земле, можно судить об особенностях передвижения потерпевшего.

По свойствам помарок, брызг и потеков можно получить представление о динамике причинения повреждений, изменениях как положения тела в момент травмы, так и позы трупа и т. д. Да и особенности формы следов крови напрямую связаны с их происхождением.

Таким образом, в современных условиях исследование вещественных доказательств биологического происхождения преследует цель получить информацию об условиях их возникновения, местоположении человека, его перемещениях и других действиях, имеющих криминалистическое значение, т. е. восстановить динамику происшествя с учетом механизма образования их следов. Методология проведения такой судебно-медицинской экспертизы в современном понимании предполагает решение не только диагностических, классификационных, но и непременно экспертных задач, связанных с реконструкцией конкретных событий преступления, поэтому трасологическая экспертиза следов биологического происхождения практически всегда является комплексной³. Решение трасологических вопросов о происхождении рассматриваемых следов, часто связано с анализом судебно-медицинских данных и требует знаний именно в этой области. Медико-

¹ *Тахо-Годи Х. М.* Криминалистическое исследование одежды (пособие) // М., 1971. 151 с.

² *Назаров Г. Н., Пашина Г. А.* Медико-криминалистическое исследование следов крови: практическое руководство // Н. Новгород: изд-во НГМА, 2003. 258 с.

³ *Гевыгуев И. А.* Судебно-медицинская экспертиза при реконструкции обстоятельств и условий повреждений (методика и практика) // М., 1999. 215 с.

криминалистический анализ следов биологического происхождения на месте происшествия, их обнаружение и оценка при исследовании одежды и тела трупа позволяют в подавляющем большинстве случаев с определенной степенью достоверности оценивать ситуацию событий в момент происшествия.

Подводя итоги, отметим, что криминалистическое и доказательственное значение комплексной экспертной оценки следов биологического происхождения на месте происшествия, заключается: во-первых, в выявлении возможности их попадания на одежду и тела подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), потерпевшего, а также орудия травмы; во-вторых, в установлении их наличия на предметах, побывавших в неблагоприятных атмосферных условиях, в том числе подвергнувшихся чистке, стирке, кипячению; в-третьих, в возможности проведения ситуационного анализа происшествия, что предоставляет возможность судить не только о механизме образования отдельных следов крови, но и прийти к выводам о: взаимоположении потерпевшего и нападающего в момент их действий, вызывающих образование следов крови на них и на окружающей обстановке; конкретном месте, где наносились удары; положении тела потерпевшего после получения повреждений; возможных последующих перемещениях тела (передвижениях человека); возможной борьбе и самообороне; виде орудия травмы, количестве и направлении наносимых ударов; принадлежности следов конкретным участникам событий; возможной последовательности нанесения ударов и иных повреждений; в-четвертых, в оказании допустимого психологического воздействия на виновное лицо с целью получения от него правдивых показаний.

Шишкина Е. В.

Актуальность идей профессора Р. С. Белкина по вопросам профессиональной следственной этики

Профессор Р. Ф. Белкин, 95-летие которого отмечает в эти дни криминалистическое сообщество, начинал свой профессиональный путь следователем военной прокуратуры. Как пишет в воспоминаниях о своем отце профессор Е. Р. Россинская: «Именно в те годы накопился практический опыт, послуживший впоследствии основой теоретических и методических построений Р. С. Белкина».¹ Считая криминалистику одним из «инструментов» в деятельности следователя, который помогает ему в решении стоящих перед ним задач, ученый оставил богатое научное наследие в своих трудах, посвященных разным сторонам след-

¹ Рафаил Самуилович Белкин. Воспоминания друзей, учеников и коллег (к 90-летию со дня рождения) / сост. Е. Р. Россинская. М., 2012. С. 8.

ственной деятельности. К одним из наиболее спорных, и по сей день актуальных вопросов, которые исследуются в трудах Р. С. Белкина, относятся проблемы профессиональной следственной этики.

Профессия следователя — особая в ряду юридических. В числе многих ее особенностей выделяют не только сложность решаемых задач, связанных с необходимостью разрешения проблемных ситуаций, поиском, истребованием и закреплением информации, но и повышенные требования к следователю как субъекту этой деятельности. Среди этих требований — не только сугубо профессиональные, такие, как ответственность, организованность, исполнительность, высокий уровень правовых знаний, но и достаточно высокие запросы в части личностных качеств следователя. Полагаем, что трудно поспорить со следующим заявлением: «Следователь должен быть объективен, беспристрастен, справедлив, гуманен, бдителен. В своем служебном общении следователь должен соблюдать выдержку, уравновешенность и корректность»¹

Звучит несколько пафосно, однако по сути, автор, конечно, прав. Специфика следственной деятельности, связанной с правоохранительной функцией и функцией защиты прав личности, предполагает наличие у следователя высоких морально-нравственных качеств. В силу особого характера следственной деятельности, которая предусматривает постоянное взаимодействие следователя с различными участниками расследования с целью получения доказательств и выявления их источников, и протекает, как правило, в условиях противодействия, реализуемого в различных формах, потребности следователя в эффективных «инструментах» решения этих задач очевидны.

Проблема этичности применяемых следователем средств не имеет однозначной трактовки. Споры по поводу допустимости отдельных тактических приемов не затихают и по сей день. На наш взгляд, это обстоятельство лишний раз свидетельствует не только о степени сложности проблемы, что очевидно, но и о том, что вопросы нравственности применительно к профессиональной деятельности следователя остаются актуальными, а со временем приобретают и новые оттенки. В 2001 г. Р. С. Белкин, рассуждая на тему допустимости обмана, как наиболее спорного с точки зрения этики тактического средства, писал об особых экстраординарных условиях деятельности следователя, к числу которых относил перегрузки, дефицит времени, изощренное противодействие преступников, и их широкие возможности воспрепятствования установлению истины. По его мнению, все это не позволяет лишать следователя любого тактического средства борьбы с преступностью только на

¹ Захарова В. О. Нравственные требования к деятельности следователя // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. М., 2017. С.

основании сомнений в его абстрактной моральной чистоте.¹ Таким образом была высказана принципиальная и довольно смелая по тем временам позиция ученого по поводу допустимости обмана. Условия, в которых работает современный следователь, к сожалению, не стали более простыми. Противодействие заинтересованной стороны остается актуальной проблемой, приобретая новые формы. Кроме того, с сожалением приходится констатировать тот факт, что современное общество в целом за прошедшие годы приобрело множество нравственных болезней, среди которых правовой нигилизм, в том числе в молодежной среде, утрата ценностных ориентаций, разрушение традиционных семейных ценностей. В связи с этим, с одной стороны, в этих условиях еще более возрастает уровень требований к представителям юридической профессии. «Основные нормы профессиональной этики юриста: честность, ответственность, бескорыстность, беспристрастность, — приобретают в условиях возрастания противоправного поведения, нарушения норм правосудия, падения нравственной и правовой культуры, особую ценность для формирования «духовных скреп», которых не хватает современному российскому обществу: гражданственности, верховенства закона, справедливости, гуманизма, терпимости и др.»² Однако, с другой стороны, нельзя забывать, что будущий юрист (следователь, в том числе) формируется как личность в этой же среде. Воспитание будущего юриста дело непростое. В одночасье из среднестатистического выпускника общеобразовательной школы, который в течение 17–18 лет формировался в определенных условиях, даже за 5 лет обучения сложно сотворить специалиста, который бы отвечал всем вышеперечисленным моральным требованиям. В связи с этим в современных условиях наиболее остро встают вопросы подготовки юридических кадров, которые бы соответствовали запросу общества и государства, и в полной мере соответствовали предъявляемым к ним требованиям. Криминалистика, являясь обязательной профессиональной дисциплиной программ подготовки юристов, в силу уникальности своего предмета, напрямую участвует в формировании будущего следователя не только с профессиональной стороны, но и со стороны его личностных нравственных качеств. Огромная ответственность ложится на преподавателя, который должен иметь свою собственную, профессионально и личностно обоснованную позицию по неоднозначным с точки зрения моральной оценки, вопросам, которую он сможет отстаивать в дискуссии, в разборе кон-

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 115.

² Камалетдинов Э. С. Нравственные аспекты деятельности юриста: современное измерение // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 218.

кретных ситуаций. Чтобы быть убедительным, он должен иметь авторитет у студентов, в том числе, заработанный собственным примером общения с учениками, с коллегами, личной культурой поведения. Огромным подспорьем в этом является научное наследие признанных авторитетов в области криминалистики.

В позиции Р. С. Белкина по поводу допустимости отдельных спорных с точки зрения тактических средств, к которым он прежде всего относил обман, весьма показательны два момента. Во-первых, профессор выделяет несколько ситуаций, в которых обман, по его мнению, категорически недопустим. В число факторов, которые не могут оправдывать обман, в основном включены те, которые касаются свойств личности допрашиваемого лица: правовая безграмотность, дефекты психики, религиозные и прочие предрассудки.¹ На наш взгляд, этот перечень следует дополнить несовершеннолетними лицами, которые в силу возраста могут быть не только не осведомлены в должной мере о своих правах, обязанностях и последствиях своих действий, но еще и потому, что они еще не готовы к полноценному участию в «тактических играх», не способны всесторонне оценивать передаваемую им информацию, а также подвержены влиянию и более внушаемы, чем взрослые.

Во-вторых, Р. С. Белкин предупреждает следователя о возможных последствиях применения обмана, которые он называет «опасными» и к числу которых относит унижение чести и достоинства, признание несуществующей вины, самооговор, оговор невиновных и др.²

Последнее, на наш взгляд, является особо ценным в позиции ученого, поэтому считаем необходимым остановиться на этом особо. Любое тактическое средство, применяемое следователем, должно пройти проверку на «пригодность» через прогнозирование возможных последствий его применения. Если исходить из того, что основной целью допроса является получение достоверной информации о событии, то необходимо каждый раз просчитывать, насколько тот или иной прием, который собирается применить следователь, способствует реализации этой цели. Как показывает опыт общения со студентами, при обсуждении дискуссионных вопросов допустимости обмана (или иных сомнительных с точки зрения морали тактических средств), аргументы, находящиеся в плоскости их оценки с позиции общепринятых норм этики и морали, срываются не очень хорошо. Нравственные наставления, не подкрепленные серьезными доводами и обоснованиями, воспринимаются современным поколением с трудом. Обращение же к интеллектуально-волевой сфере мышления, через анализ связки «цель-средства-результат», дает лучший эффект. Надо научить студентов, которым вскоре предстоит решать проблему выбора средств

¹ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 113–114.

² Там же. С. 114.

и приемов в профессиональной деятельности, оценивать допустимость применения любого тактического средства, в том числе через прогнозирование результата.

Здесь мы сталкиваемся еще с одной проблемой. Если положительный результат применения того же обмана, студенту представляется более или менее ясно, то прогноз отрицательных вариантов развития ситуации дается с трудом. Не всегда молодые люди могут просчитать последствия, к которым может привести, например, сообщение жене обвиняемого ложных или правдивых (что не снимает проблему выбора) сведений о наличии у ее мужа любовницы. В лучшем случае называют такие варианты ее поведения, как оговор из мести, реже прогнозируют, что она останется на прежней позиции, еще реже предвидят, что под воздействием переданной ей информации она может получить моральную травму, у нее возникнут проблемы со здоровьем, или в худшем случае, она может совершить суицид. Это объясняется недостатком жизненного опыта. Задача преподавателя, который более подготовлен профессионально, имеет практический и жизненный опыт, научить студента на этапе тактической разработки следственного действия, собирать необходимую информацию, которая бы позволила ему принять правильное решение о допустимости применения средств тактического воздействия.

Еще одним из аргументов, который заставляет задуматься о силе тактического обмана является тот, что голословный обман, как правило, не воспринимается адресатом без подтверждения. Таким образом, создается благоприятная почва для злоупотреблений, которые уже однозначно могут быть расценены как противоправные, а значит, недопустимые. Например, ложно заявляя подозреваемому по делу о групповом преступлении, что его соучастники сознались в содеянном, следовательно вынужден будет предъявить допрашиваемому подтверждение своих слов — протокол допроса, то есть его фальсифицированный вариант.

Возвращаясь к вопросу о допустимости обмана, позволим себе не согласиться с Р. С. Белкиным в части возможных последствий этих действий. Уважаемый профессор подвергает сомнению то обстоятельство, что обман может повлечь нарушение контакта между следователем и лицом, по отношению к которому он применяет это средство.¹ Нам представляется, что в ситуации с несовершеннолетними, эти последствия все же могут иметь место и они действительно могут негативно сказаться на последующем общении следователя с подростком. Нельзя сбрасывать со счетов, что при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, следователь, помимо процессуальной, выполняет важнейшую воспитательную функцию по отношению к оступившемуся подростку. Поскольку его личность сформирована

¹ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 114–115.

еще не в полной мере, то роль следователя в этом процессе может стать действительно особой. Обман или иные неэтичные варианты поведения со стороны следователя могут задеть самолюбие подростка, усилить его негативное отношение к обществу и установленным в нем правилам, снизить шансы на перевоспитание.

Р. С. Белкин предупреждал, что несмотря на допустимость обмана в принципе, условия, при которых он может быть применен, весьма жесткие, в связи с чем сфера применения обмана крайне ограничена¹. При всей смелости и принципиальности заявленной позиции, профессор Р. С. Белкин в полной мере осознавал, что бездумная реализация неоднозначных в своей оценке приемов может привести к разного рода негативным последствиям, и потому рассчитывал прежде всего на профессионализм и мудрость правоприменителя, его умение всесторонне оценивать ситуацию и избирать соответствующие ей средства тактического воздействия.

Шруб М. П.

Научная школа кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь — развитие идей профессора Р. С. Белкина

В мае 2016 года исполнилось 40 лет одному из старейших структурных подразделений Академии МВД Республики Беларусь — кафедре криминалистики. История ее развития берет свое начало с создания Минской высшей школы МВД СССР, когда приказом от 6 мая 1976 года была образована кафедра криминалистики и специальной техники. Именно здесь возникла и получила развитие научная школа криминалистики современной Академии МВД Беларуси, истоки которой берут свое начало из научных идей выдающегося советского и российского криминалиста — профессора Рафаила Самуиловича Белкина. В настоящей публикации мы тезисно рассмотрим историю и современный этап деятельности этого научно-педагогического коллектива.

С первых дней работы кафедра стала играть важнейшую роль в подготовке высококвалифицированных юристов для органов внутренних дел. Профессорско-преподавательский состав кафедры обеспечивал преподавание ряда базовых для системы ведомственного вузовского образования учебных дисциплин, таких как «Судебная медицина», «Судебная психиатрия», «Специальная техника», центральное место среди которых заняла «Криминалистика».

В разные годы на кафедре криминалистики работали многие видные ученые и опытные практики, чей кропотливый труд позволил научной

¹ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 114.

школе криминалистики Академии МВД получить заслуженный авторитет и известность далеко за пределами Беларуси. Среди них профессора Г. И. Грамович, Н. И. Николайчик, В. К. Стешиц, В. Ф. Ермолович, Г. Н. Мухин и другие преподаватели кафедры.

Вместе с тем, научная основа школы была заложена благодаря ученым и педагогам, стоявшим у истоков создания кафедры. Среди них первый начальник кафедры — доктор юридических наук (1978 г.), профессор (1978 г.) Николай Иванович Порубов (1932–2013 гг.). Во многом благодаря его активной деятельности был создан и получил свое развитие научно-педагогический коллектив, которым он руководил с мая 1977 г. по апрель 1990 г.

Николай Иванович в 1955 г. окончил юридический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Свою научную деятельность он начал в 1958 году в качестве адъюнкта высшей школы МВД СССР под руководством выдающегося ученого-криминалиста Р. С. Белкина. Именно под его влиянием происходило развитие творческих качеств Н. И. Порубова как исследователя.

Успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук в 1961 году по теме «Дознание по делам о насильственной смерти на железнодорожном транспорте» послужила точкой отсчета для Николая Ивановича в научной карьере. После защиты он был откомандирован для укрепления преподавательского состава Минского отделения факультета заочного обучения высшей школы МВД СССР, на базе которого в последствии и была создана Минская высшая школа МВД СССР. Научные идеи профессора Р. С. Белкина получили развитие во многих трудах профессора Н. И. Порубова и его последователей на кафедре, продолжающей заложенные традиции.

Н. И. Порубов опубликовал более 300 научных работ по криминалистической тактике и методике, риторике, юридической этике. Длительное время являлся членом экспертного совета ВАК Республики Беларусь, председателем и членом совета по защите диссертаций при Академии МВД Беларуси. В 1998 г. указом Президента Республики Беларусь за многолетнюю успешную научно-педагогическую деятельность профессор Н. И. Порубов удостоен звания «Заслуженный деятель науки Республики Беларусь». До последних дней своей жизни Николай Иванович продолжал трудиться на благо родной кафедры, передавая свой богатый научный и педагогический опыт молодым коллегам.

С сентября 1990 г. по май 2000 г. руководство кафедрой криминалистики осуществлял доктор юридических наук (1990 г.), профессор (1991 г.) Гарольд Иванович Грамович (1938–2009 гг.). Будучи умелым руководителем, в непростых условиях перестройки и становления белорусского государства он смог не только сохранить основной костяк профессорско-преподавательского состава кафедры, но и значительно приумножить ее научно-педагогический потенциал.

Г. И. Грамович в 1961 году окончил юридический факультет Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. С 1962 по 1971 г. работал экспертом научно-технического отдела Управления милиции МВД БССР. Дальнейшую свою деятельность посвятил научно-педагогической работе в Минской высшей школе МВД СССР (Академии МВД Республики Беларусь). Опубликовал более 100 научных работ, большинство из которых посвящено проблемам криминалистической техники и использования специальных знаний в расследовании преступлений; подготовил пять кандидатов наук. В 1998 г. Указом Президента Республики Беларусь за многолетнюю успешную научно-педагогическую деятельность профессор Г. И. Грамович удостоен звания «Заслуженный юрист Республики Беларусь». В 2005 г. его имя занесено в Книгу почета Академии МВД Республики Беларусь. Практически до последних дней своей жизни Гарольд Иванович продолжал трудиться на благо родной кафедры, передавая свой богатый научный и жизненный опыт коллегам и ученикам.

С июня 2000 г. по май 2006 г. кафедру возглавлял доктор юридических наук (2003 г.), профессор (2004 г.) Геннадий Николаевич Мухин, в прошлом — опытный работник экспертно-криминалистических и оперативно-розыскных подразделений. За непродолжительный период времени он сумел в значительной степени укрепить профессорско-преподавательский состав кафедры научными кадрами высшей квалификации, развил его научный потенциал, а также обеспечить соответствие требованиям времени материально-технической базы кафедры.

Г. Н. Мухин в 1979 г. окончил Минский радиотехнический институт, в 1989 г. — Минскую высшую школу МВД СССР. С 1980 по 1989 г. работал в экспертно-криминалистическом отделе, отделе уголовного розыска Белорусского УВД на транспорте МВД СССР. В 1992 г. закончил адъюнктуру Московской высшей школы МВД СССР и после защиты кандидатской диссертации работал преподавателем, старшим преподавателем, доцентом, заместителем начальника кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями Академии МВД Республики Беларусь. С 1998 г. до назначения начальником кафедры криминалистики проходил обучение в докторантуре Академии МВД Республики Беларусь. В 2007 г. Решением Президента Республики Беларусь профессору Г. Н. Мухину установлена специальная надбавка «За выдающийся вклад в социально-экономическое развитие Республики Беларусь». Опубликовал более 100 научных работ, посвященных проблемам отклоняющегося преступного поведения, информационно-методического обеспечения раскрытия и расследования преступлений; подготовил четырех кандидатов наук.

С августа 2006 г. по февраль 2014 г. кафедрой руководил кандидат юридических наук (1999 г.), доцент (2009 г.) Вячеслав Михайлович Логвин — опытный следственный работник, прошедший путь от ря-

дового сотрудника милиции до руководителя одного из ведущих научно-педагогических коллективов в отечественной криминалистике. Укрепляя заложенные предшественниками традиции, осуществлял поступательное развитие кафедры в направлении усиления ее научного потенциала с учетом современных потребностей практики.

В. М. Логвин начал службу милиционером строевого подразделения Копыльского РОВД. После окончания в 1990 г. Минской высшей школы МВД СССР на протяжении шести лет работал следователем, старшим следователем, начальником следственного отделения Минского РОВД. С 1996 г. — адъюнкт Академии МВД Республики Беларусь. С 1999 г. — на преподавательской работе в Академии в должностях преподавателя, старшего преподавателя, доцента, заместителя начальника и начальника кафедры криминалистической техники и тактики следственно-экспертного факультета, а с 2006 г. — начальника кафедры криминалистики. Опубликовал более 70 научных работ по проблемам криминалистической техники и тактики; подготовил двоих кандидатов наук. В настоящее время В. М. Логвин продолжает трудиться на кафедре в должности профессора.

На современном этапе развития кафедра обладает значительным научно-педагогическим потенциалом. Успешно решать стоящие перед ней задачи позволяет сплоченный коллектив, который составляют 14 сотрудников. На сегодняшний день на кафедре криминалистики трудятся: начальник кафедры М. П. Шруб; заместитель начальника кафедры Гусенцов А.О.; профессора В. М. Логвин и Г. В. Мережко; доценты М. В. Савич, Г. Б. Дергай, А. П. Пацкевич, И. В. Пашута; старшие преподаватели В. А. Вольский, Р. В. Костевич; преподаватели В. И. Елетнов, Е. В. Лемешко, Н. А. Марцынкевич; заведующий учебно-методическим кабинетом Т. К. Хомич.

Из числа основного состава кафедры восемь преподавателей имеют ученую степень кандидата наук (шесть — юридических, два — медицинских наук), шесть — ученое звание доцента. Фактически все преподаватели, не имеющие ученой степени, проводят диссертационные исследования. Большинство педагогов имеют богатый опыт практической работы на различных должностях структурных подразделениях правоохранительных органов.

В настоящее время на кафедре преподаются такие учебные дисциплины, как «Криминалистика», «Криминалистика: современные проблемы, история и методология», «Практикум по криминалистике», «Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений», «Организация применения криминалистической и специальной техники», «Судебная медицина и судебная психиатрия», «Основы медицинских знаний» и др.

В условиях обретения современной преступностью транснационального характера, распространения таких преступлений, как незаконный

оборот наркотиков, торговля людьми и др., кафедрой наряду с традиционными разрабатываются новые направления криминалистической науки и подготовки кадров для правоохранительных органов. В этих целях установлены и развиваются тесные связи с компетентными международными организациями, такими как Программа развития ООН, Представительство Международной организации по миграции в Беларуси, Программа «Ла Страда Беларусь», ТАЙЕКС. В 2007 г. кафедра приняла активное участие в создании Международного учебного центра подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми, заложив основу его научной и учебно-методической базы.

Подготовка высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов страны и зарубежных государств реализуется кафедрой на всех факультетах Академии и всех ступенях получения образования. Очевидно, что решение данной сложной задачи невозможно без плодотворного взаимодействия с научно-педагогическими и иными компетентными организациями — как в стране, так и за рубежом.

Одной из традиционных форм межведомственного и международного научного сотрудничества для кафедры стала организация и проведение симпозиумов, посвященных актуальным проблемам криминалистики, судебной медицины и смежных отраслей научного знания. В разные годы в рамках международных научно-практических конференций на кафедре выступали такие видные ученые-криминалисты, как профессора Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. А. Возгрин, И. Ф. Крылов, а также другие иностранные ученые и эксперты.

Знаковыми научными событиями последних лет стали I-ые — памяти профессора Г. И. Грамовича (2012 г.) и II-ые — памяти профессора Н.И. Порубова (2015 г.) криминалистические чтения, а также научно-практическая конференция к 40-летию кафедры (2016 г.). Данные международные симпозиумы вызвали научный интерес не только ученых-криминалистов, но и всей юридической общественности, собрав практически весь цвет белорусской правовой науки, а также видных зарубежных ученых. В их работе приняли участие доктора наук, профессора В. А. Ананич, И. И. Басецкий, Г. А. Василевич, А. Ф. Вишневский, А. Е. Гучок, А. В. Дулов, В. Ф. Ермолович, С. Н. Князев, Н. И. Порубов, А. С. Рубис, Л. М. Рябцев, В. М. Хомич, В. Б. Шабанов, В. П. Шиенок (Беларусь), Е. П. Ищенко, С. М. Колотушкин, В. П. Лавров, Д. Н. Лозовский, Е. Р. Россинская (Россия) и другие известные ученые.

Коллектив кафедры поддерживает тесные научные связи с родственными кафедрами других учебных заведений Беларуси и иностранных государств: Белорусского государственного университета, Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины, Полоцкого государственного университета, Московского государственного юридическо-

го университета имени О. Е. Кутафина, Академии управления МВД России, Московского университета МВД России, Академии ФСИН России, Национальной академии внутренних дел Украины, Академии криминальной полиции Сербии и другими.

Учитывая ярко выраженный прикладной характер преподаваемых дисциплин, кафедра значительное внимание уделяет взаимодействию с правоохранительными органами страны. Узы конструктивного сотрудничества связывают кафедру со Следственным комитетом Республики Беларусь, Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь, Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Тесные рабочие связи кафедра поддерживает с практическими подразделениями МВД и иных правоохранительных органов.

Щербаковский М. Г.

Цели использования судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве

Во многих нормах КПК Украины (ст.ст. 85, 86, 98, 99 и др.) и Российской Федерации (ст.ст. 11, 42, 44, 46, 56, 144 и др.) фигурирует термин «использование в качестве доказательств», однако законодатель не раскрывает содержание этого понятия, а также не выделяет в структуре процесса доказывания отдельным элементом (стадией, этапом, фазой) использование доказательств (ст. 91 КПК Украины, ст. 85 КПК РФ). Развивая теорию доказательств, А. Р. Белкин, Т. С. Дегтярь, Н. П. Кузнецов, А. Г. Меретуков, А. Н. Погорецкий обосновывают тезис о том, что процесс доказывания составляют не только этапы собирания (формирования), исследования и оценки доказательств, но и их использование для обоснования процессуальных решений в уголовном производстве. Соглашаясь с этим мнением, следует добавить, что полученная во время проведения процессуальных действий информация может превращаться не только в доказательства и быть основанием процессуальных решений, но применяться в иных целях. Отмеченное обстоятельство полностью относится к судебным экспертизам, использованию которых в расследовании преступлений посвящены многочисленные публикации. Анализ специальной литературы показывает, что выводы экспертов имеют разновекторные направления использования, которые требуют их обобщения и упорядочения.

В определении сущности использования доказательств наиболее удачным, на наш взгляд, является предложенный Р. С. Белкиным термин «оперирование», поскольку он в полной мере отражает всю широту возможностей, которая открывается следователю, суду, иным уполномоченным участникам процесса относительно применения

доказательств, которые имеются в их распоряжении¹. Необходимо уточнить, что в процессе расследования преступлений полученная процессуальными средствами информация превращается не только в доказательства, но имеет и ориентирующее значение. Таким образом, под использованием понимается как логическая, так и практическая деятельность, которая заключается в оперировании доказательственной и ориентирующей информацией. Можно указать следующие цели использования заключений экспертов в процессе расследования преступлений.

Использование экспертиз в уголовно-правовом аспекте. Экспертному исследованию подлежит не только обстановка места происшествия и его составные элементы, следы и т. п., но также субъект, который действовал в этой обстановке, и механизм его поведения. Материальная обстановка преступления, взятая в системно-структурном отношении позволяет рассмотреть происшедшее событие, как целостную картину и ее отдельные элементы. Совершенно очевидна значимость экспертных исследований для установления признаков состава преступления. Как показала В. К. Степуненкова исследование экспертами отдельных составляющих вещественной обстановки места происшествия, а также личности преступника позволяет квалифицировать преступление, установить в определенных случаях объект, предмет, объективную сторону, субъекта и субъективную сторону состава совершенных преступлений.²

Использование экспертиз в уголовно-процессуальном аспекте. Заключения экспертов используются, чаще всего, для получения новых, прежде неизвестных доказательств об обстоятельствах преступления. Кроме того, на основе полученных экспертом данных осуществляется проверка имеющихся доказательств: показаний подозреваемого, потерпевшего, свидетеля, результатов следственного эксперимента и др. Важную роль играет экспертиза в проверке материалов, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, с целью их дальнейшего использования в уголовно-процессуальном доказывании. Еще одной целью использования заключений экспертов является формирование комплекса однородных (несколько экспертиз,) или разнородных (заключения экспертов, протоколы допросов, осмотров и пр.) доказательств, устанавливающих один и тот же факт.

Важной целью использования заключения эксперта является обоснование процессуальных решений, которое проявляется в отображении в соответствующих правовых актах оцененной и проверенной информации, установленной экспертом. В процессуальном документе

¹ Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: ВШ МВД РСФСР, 1970. С. 65.

² Степуненкова В. К. Судебная экспертиза и исследование обстоятельств, образующих состав преступления / Теоретические вопросы судебной экспертизы. Сб. научн. тр. ВНИИСЭ. М., 1975. № 20.

должно быть не только указано на проведение экспертизы, но и приведены оцененные, проверенные и принятые как доказательство установленные экспертом факты, которые касаются уголовного дела и которые обосновывают принятое уполномоченным лицом (органом) процессуальное решение.

Использование экспертиз в криминалистическом аспекте. Одна из целей использования экспертиз при расследовании преступлений состоит в выдвижении и проверке версий по результатам экспертных исследований. На основе доказательственной и ориентирующей информации, полученной в результате проведения экспертизы, выдвигаются версии относительно физических, социальных, профессиональных свойств неизвестного преступника, субъективной и объективной стороне преступления, в частности о таких элементах механизма преступного события, как место, время, обстоятельства, орудие, способ совершения преступления и т.п. Ориентирующая информация отражается в розыскных версиях, направленных на поиск преступника и орудия совершения преступления. Кроме того, экспертиза — эффективный способ проверки версий, т.к. исследованиями экспертов подтверждаются или опровергаются следствия, которые вытекают из выдвинутых предположений.

Одной из целей использования результатов судебных экспертиз является моделирование и реконструкция отдельных объектов, предметов, процессов, явлений, связанных с событием преступления. Информация, установленная экспертным исследованием модели, используется с целью: воспроизведения обстановки места происшествия, которая существовала до, в момент или после события преступления и претерпела изменения; реконструкции предметов, которые были подвергнуты полному или частичному уничтожению; моделирования внешности человека, вида, типа обуви, транспортного средства, орудия преступления и других предметов по оставленным следам-отображениям; моделирования психологических свойств преступников; установления прижизненной внешности потерпевшего; восстановления криминальной ситуации, которая существовала в момент совершения преступления; установления механизма преступлений техногенного характера, связанных с профессиональной деятельностью, экономических преступлений и др.

Важнейшая цель использования экспертных заключений — идентификация людей и предметов, связанных с преступлением. В процессе расследования преступлений особое значение приобретают обстоятельства, которые указывают на связь конкретного лица или предмета с расследованным событием. Установление такой связи, выявление неизвестных лиц, причастных к преступлению, а также применяемых ими орудий и средств совершения преступления осуществляется разными способами, среди которых — экспертная идентификация. Как подчер-

квивает В. Я. Колдин экспертная идентификация является элементом, составной частью судебной (судебно-следственной) идентификации, которая имеет своей конечной целью отождествление конкретного лица.¹ Акт экспертной идентификации выступает по обыкновению в общем процессе судебной идентификации в качестве промежуточного этапа.

Заключения экспертов используются с целью преодоления противодействия расследованию, которое происходит путем уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и их носителей. Можно говорить о двух способах выявления с помощью экспертизы исчезновения следов преступлений: а) непосредственный, когда экспертным исследованием устанавливаются уничтоженные следы преступления; б) опосредствованный, когда устанавливаемые экспертом обстоятельства опровергают иные доказательства.

В пределах криминалистического аспекта следует выделить возможность использования результатов экспертизы для планирования расследования в целом или отдельного следственного действия. Результаты экспертных исследований выступают в процессе планирования как исходные данные, основания этой деятельности, с помощью которых определяется цель проведения отдельного следственного действия или последовательно осуществляемых нескольких следственных действий, которые составляют тактическую операцию.

Использование экспертиз в криминологическом аспекте. И. Я. Фридман показал, что экспертно-профилактическая работа включает две составляющие: 1) предоставление экспертной помощи правоохранительным органам в выявлении на основе специальных знаний фактов, которые имеют криминогенное значение, то есть таких, которые содействовали или могли содействовать совершению преступлений; 2) разработка рекомендаций по устранению установленных криминогенных фактов.² Очевидно, что на основе использования специальных знаний эксперта можно установить криминогенные факторы, которые касаются объективной стороны преступлений. Особой социальной ценности экспертной профилактике придает прогностическое направление, поскольку с целью эффективного противодействия преступлениям необходимо изучать и прогнозировать появление новых их разновидностей. В перечне задач профилактического характера, которые могут решаться экспертами, важное место занимают разработки, направленные на прогнозирование в криминологическом аспекте обстоятельств, которые содействуют совершению преступлений.

¹ Колдин В. Я. Судебная идентификация. М.: ЛексЭст, 2002. С. 427.

² Фридман И. Я. Использование данных судебной экспертизы для предупреждения правонарушений. Киев: РИО МВД УССР, 1972. 167 с.

Рассмотренные цели использования судебных экспертиз не являются исчерпывающими, а расширение спектра судебных экспертиз, усовершенствование их научных и методических основ неизбежно приведет к увеличению и разнообразию направлений их использования в процессе расследования преступлений.

Студенческая секция

Абдыканова А. Е.

Причины и условия, способствующие совершению преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних

Половая неприкосновенность личности является составной частью конституционного права личности, она устанавливается, охраняется и гарантируется Конституцией Республики Казахстан. Говоря о половой неприкосновенности несовершеннолетних, имеют в виду половую неприкосновенность несовершеннолетних, их нормальное половое здоровое развитие, нормальное физическое и морально-нравственное развитие.

Вопросы защиты детства являются одним из приоритетных право-защитных вопросов, об этом свидетельствует и ужесточение мер ответственности за преступления против половой неприкосновенности в Уголовном кодексе Республики Казахстан. Преступления, посягающие на нравственность, половую неприкосновенность личности имеют высокую степень общественной опасности.

Насилие над несовершеннолетними как социальное явление имеет далеко идущие последствия, оно оказывает негативное влияние не только на психическое здоровье ребенка, его развитие, но также во многом предопределяет жизнь будущих поколений.

В соответствии с Уголовным кодексом Республики Казахстан, преступления, посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних, предусмотрены ст. 120 ч. 3, 4 «Изнасилование», ст. 121 ч. 3, 4 «Насильственные действия сексуального характера», ст. 122 «Половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», ст. 124 «Развращение малолетних».

За прошедший 2016 год, на всей территории Республики Казахстан правоохранительными и специальными органами велось производство по 408 775 уголовным правонарушениям, 2605 из которых были

совершены в отношении несовершеннолетних¹. От общего числа уголовных правонарушений в отношении несовершеннолетних 851 было совершено против половой неприкосновенности, что составляет 0,2 процентов от общего числа уголовных правонарушений и 32,7 процента от количества преступлений в отношении несовершеннолетних. Таким образом, одну третью часть уголовных правонарушений в отношении несовершеннолетних составили преступления против половой неприкосновенности, что заставляет задуматься о недостаточной защищенности лиц, не достигших 16-летнего возраста, а также о причинах и условиях, способствовавших совершению данного вида преступлений. Не следует также забывать о том, что в официальной статистике представлены неполные данные, так как речь идет только о зарегистрированных уголовных правонарушениях, и не учитывается то обстоятельство, что большая часть данного вида преступлений является латентной.

Устранение причин, порождающих преступность против половой неприкосновенности, является основным направлением борьбы с этим видом преступлений, так как меры предупреждения направлены на устранение или нейтрализацию причин и условий, которые весьма многочисленны.

М. Д. Шаргородский писал, что «причинами преступности в широком смысле слова можно считать все те обстоятельства, без которых она не могла возникнуть и не могла существовать. Но все эти обстоятельства не играют одинаковой роли. Одни из них создают лишь реальную возможность преступных мотивов, а другие превращают эту возможность в действительность»².

Огромная общественная опасность преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних состоит в том, что дети и подростки в силу своего возраста, незащитности, любопытства, развития, непонимания характера совершенных с ними сексуальных действий легко становятся жертвами преступника. Сексуальные преступления оказывают негативное влияние на психику детей и подростков, их нормальное физическое и психическое развитие, могут отрицательно сказаться на их дальнейшей жизни. Угроза состоит также в моральном развращении, пробуждении у лиц, не достигших 16-летнего возраста, раннего полового влечения, в развитии у них неправильной нравственной точки зрения на половые отношения.

Исследования психологов свидетельствуют о том, что насилие над детьми совершают неудачники, обиженные и обделенные вниманием семьи люди. На этой почве у них возникает и культивируется желание

¹ УКПС и СУ Генеральной Прокуратуры РК.

² Шаргородский М. Д. Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе. Л., 1966. С. 30.

отыграться за все свои неудачи. Несовершеннолетний зачастую от них зависим, слаб и не может оказать сопротивления.

Несовершеннолетние подвергаются насилию как внутри семьи, так и за ее пределами. 30% женщин и 10% мужчин — жителей США, Канады, Великобритании заявили, что неоднократно подвергались в детстве различным сексуальным посягательствам, причем у некоторых из них наблюдались первичные и отдаленные последствия сексуального насилия в виде посттравматических стрессовых расстройств, сексуальной девиации, суицидальных тенденций, алкоголизма, наркомании¹. В юридической литературе существует такое понятие, как «цикл насилия», который проявляется в том, что у жестоких и агрессивных родителей дети перенимают деструктивные формы поведения, а большинство насильственных преступников в детском возрасте сами являлись жертвами издевательств, сексуального насилия². Большинство из числа опрошенных сексуальных преступников вспоминали о своем детстве как о периоде грубого насилия и жестокости над ними со стороны родителей, родственников и сверстников.

Когда речь идет о причинах преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, основную роль занимает мотивация преступного поведения, которую можно подразделить на две большие группы:

- 1) мотивация, которая не является собственно сексуальной, а отражающая, прежде всего, межличностные конфликты;
- 2) собственно сексуальная мотивация, отражающая, прежде всего, внутриличностные конфликты³.

Преобладающим мотивом преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних являются побуждения, входящие во вторую группу, то есть отражающие внутриличностные конфликты. Чаще всего в качестве мотива выступает склонность восполнить свою внутреннюю сексуальную «несостоятельность», то есть таким образом самоутвердиться и самореализоваться. Почему мотив является одним из основных факторов совершения данного вида преступлений? Как правило, парафилии (различные формы отклоняющегося сексуального влечения), хотя и связаны с социальными условиями, в большой степени обуславливаются биологическими факторами.

Среди основных мотивов преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности можно выделить, во-первых, устране-

¹ Агрессия и психическое здоровье / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Б. В. Шостаковича. СПб., 2005. С. 49.

² Старович З. Судебная сексология. М.: Юридическая литература, 1991. С. 97–100.

³ Кесаева Ю. Г. К вопросу о причинах и условиях, способствующих совершению половых преступлений против несовершеннолетних // Государство и право. 2009. № 6. С. 20–28.

ние сексуального напряжения, достижения сексуального удовлетворения, а соответственно, достижение оргазма.

Во-вторых, — желание подчинить, и таким образом унижить жертву с применением угроз и насилия. В основном данный мотив присутствует у личностей, которые обладают определенным количеством комплексов, приобретенных в возрасте полового созревания. Среди мотивов можно также отметить стремление к самоутверждению или самоактуализации, как способам компенсации собственной несостоятельности.

В уголовном законодательстве термин «угроза» отражает типичную и наиболее распространенную форму психического насилия — устрашение («воздействие страхом»), как способ подавления сопротивления потерпевшего (ей), запугивание его (ее) такими высказываниями, жестами, демонстрацией оружия и т. п., из которых вытекает намерение виновного немедленно применить насилие, если потерпевшая (ий) не выполнит требование насильника (при этом оно должно быть противоправным, непосредственным, серьезным, интенсивным и реальным)¹.

В-третьих, — познавательный и развлекательный мотивы, которые присутствуют у асоциальных личностей, не обладающих особыми психическими проблемами, однако не отличающих (в силу своего умственного развития, неправильного нравственного воспитания, внешних условий среды их взросления и социализации) преступление от развлечения. Таким образом, здесь присутствуют проблемы морально-нравственного характера. К данной группе относятся несовершеннолетние преступники из неблагополучных семей с наличием обостренных психофизиологических и психиатрических характеристик.

Очень правильно отметил Ю. М. Антонян: «Сексуальные преступления вызывают у жертв самые тяжкие переживания, последствия которых могут сохраниться на всю жизнь, влияя на самопринятие и мироощущение, на отношения с другими людьми, в том числе, что особенно важно, с представителями противоположного пола, на семейные отношения. Такие посягательства, вызывая глубокие душевные травмы, способны привести к самоубийствам, в других случаях — к опасным соматическим и психическим заболеваниям»².

В настоящее время имеется достаточно много подходов к изучению явлений и процессов, определяющих возникновение и существование преступности в целом. Данное многообразие обуславливает тот факт, что не имеется какой-то общей или конкретной причины, которая

¹ *Нубаева Г. Г.* Криминалистическое обеспечение расследования насильственных действий сексуального характера (по ст. 121 УК Республики Казахстан): учебно-практическое пособие. Алматы, 2011. С. 12.

² *Антонян Ю. М.* Насильственная преступность в России / ИНИОН и др. (Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом) / ред. кол. сер.: Л. Л. Ананиан (отв. ред. сер.) и др. М., 2001. 104 с.

исчерпывающе объясняла бы происхождение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Изучение причин и условий совершения преступлений, посягающих на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, является необходимой предпосылкой разработки мер борьбы с этими посягательствами. Знание факторов, способствующих совершению данного вида преступлений, важно для обеспечения эффективности их профилактики, предупреждения и нейтрализации.

Необходимо не только познать систему факторов, из-за которых совершаются преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, но и раскрыть механизм их воздействия на развитие преступного посягательства. Кроме того, необходимо выявить условия, которые благоприятствуют совершению данного вида преступлений, и постараться искоренить их, к числу которых можно отнести ухудшение социально-экономического положения семей, выражающееся в безработице, низком уровне доходов, бытовой неустроенности. Особенно трудности в плане контроля и регулирования поведения вызывают маргинальные социальные группы («бомжи», беспризорные, наркоманы, алкоголики, криминальные элементы), семьи, в которых нередко совершаются насильственные преступления различного вида.

Когда речь идет о причинах преступлений против половой неприкосновенности, основу факторов, детерминирующих преступное поведение, составляют не чисто социальные, а социально-психологические факторы, прежде всего мотивация преступного поведения. На повышение уровня криминальной активности преступников оказывают влияние такие социально-негативные явления, как пьянство и алкоголизм среди несовершеннолетних. Несмотря на то, что в настоящее время существует запрет на распространение алкогольной продукции среди лиц, не достигших 21-летнего возраста, во многих магазинах пренебрегают этим запретом. Существует необходимость более строгого контроля за распространением алкогольной продукции: проведение постоянных проверок в местах продажи данных товаров, лишение лицензий и т. д.

Современные процессы развития половых преступлений, и прежде всего, совершенных в отношении несовершеннолетних, требуют улучшения профилактической работы в образовательных учреждениях, постоянного разъяснения детям правил поведения на улице и в иных местах их нахождения. На родительских собраниях воспитатели и преподаватели должны указывать на недопустимость обстоятельств, которые могут привести к совершению преступлений против половой неприкосновенности в отношении детей. Среди таких обстоятельств можно выделить отсутствие родительского контроля, должного внимания со стороны родителей или лиц, их заменяющих, к психологическому состоянию ребенка, так как большинство преступлений остаются безнаказанными по той причине, что дети не сразу рассказывают родителям

или вовсе не рассказывают о произошедшем из-за недоверия, а также из-за страха или стыда, что говорит о внутреннем психологическом климате семьи.

В целом, если говорить о причинах, побуждающих к совершению преступлений против половой свободы и неприкосновенности, в том числе в отношении несовершеннолетних лиц, следует подчеркнуть, что они не всегда заключаются в удовлетворении сексуального желания; часто эти преступления совершаются, например, из хулиганских побуждений.

В целом, причины отклонения от сексуального поведения, считающегося нормальным, многообразны. Они имеют отношение к личной истории человека: являются результатом детских психологических травм, особенностей полового созревания и психических деформаций в сознательном возрасте.

Алехина А. Е.

Выявление лжи как важнейшая тактическая задача при допросе обвиняемого. Тактические приемы и решения

В процессе расследования большинства уголовных дел следователю по роду профессиональной деятельности приходится сталкиваться с упорным противостоянием лиц, совершивших преступления. Данное противостояние зачастую выражается в даче обвиняемым заведомо ложных показаний при проведении допроса. Как отмечает О. Я. Баев, «допрос есть следственное действие, заключающееся в получении от лица и фиксации в установленной процессуальной форме показаний о фактах и обстоятельствах, имеющих или могущих иметь значение для установления истины по расследуемому или рассматриваемому судом уголовному делу»¹. Однако даже при наличии значительного опыта у производящего допрос лица зачастую это процессуальное действие представляет значительные сложности, в большинстве случаев вызванные заведомо ложными показаниями допрашиваемого.

Мотивами дачи заведомо ложных показаний обвиняемым являются: желание избежать уголовной ответственности за содеянное или преуменьшить свою вину, либо понести наказание не за совершенное, а за менее тяжкое преступление; желание выгородить или смягчить вину соучастников в силу дружеских или родственных связей, либо из корыстных побуждений; желание оговорить соучастников или иных лиц из мести или в целях обеспечения собственной безопасности в будущем; желание оговорить себя.

¹ Баев О. Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: НПО «Модэк», 1995. С. 94.

Ложь — это намеренное искажение реальных фактов. Ложные показания в ходе предварительного расследования являются достаточно распространенным явлением как со стороны потерпевших, свидетелей, так и со стороны подозреваемых и обвиняемых. Выделяются два вида лжи: а) пассивная ложь, что выражается в непередаче сведений, которые заведомо известны (умолчание); б) активная ложь, т. е. сообщение заведомо ложных сведений. Пассивная ложь бывает полной, частичной, а также тем, что называется заpiresательством. Активная ложь подразделяется на: а) ложь, целиком состоящую из вымысла; б) частичную ложь (соединение элементов правды с элементами лжи). Ложь, базирующаяся на подтасовке фактов, формируется путем: исключения отдельных элементов события; дополнения реального события вымышленными элементами; перестановкой отдельных элементов события во времени и пространстве¹.

Чтобы изобличить обвиняемого в даче ложных показаний, следователю необходимо использовать следующие тактические приемы:

1. Убеждение. Этот прием заключается в обращении следователя к здравому смыслу допрашиваемого, побуждении его к раскаянию и чистосердечному признанию путем разъяснения как вредных последствий заpiresательства и лжи, так и благоприятных последствий признания своей вины и активного содействия расследованию совершенного преступления, а также преступлений прошлых лет, оставшихся нераскрытыми.

2. Использование положительных свойств личности допрашиваемого. Обращение следователя к положительным качествам собеседника во многих случаях приносит пользу. Каждому человеку свойственно стремление к самоуважению, и поэтому, апеллируя к честности, порядочности допрашиваемого, к его заслугам в прошлом, авторитету в коллективе, его личному и социальному статусу, его можно убедить быть откровенным, правдивым.

3. Пресечение лжи. Данный прием применяется тогда, когда нет необходимости давать возможность обвиняемому преподнести ложь, когда у следователя имеется достоверная информация относительно обстоятельств, выясняемых во время допроса. «В этом случае лживые показания допрашиваемого немедленно отклоняются, ложь пресекается в «зародыше» путем предъявления имеющихся доказательств или других средств воздействия. Потеряв надежду на возможность дезинформировать следователя, изобличенный фактами допрашиваемый часто переходит от лжи к правде»².

¹ *Закатов А. А.* Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1984; Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. М., 1997. С. 504.

² *Достулов Г. Г.* Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976. С. 77.

4. Выжидание. Этот прием применяется к лицам, у которых происходит борьба мотивов, один из которых побуждает к даче ложных показаний или отказу от дачи показаний, а другой — к признанию своей вины, раскаянию в содеянном. Такая борьба мотивов не затухает и может проявиться достаточно сильно при умелом тактическом воздействии следователя и в процессе допроса. Учитывая колебания допрашиваемого, следователь, сообщая определенные сведения, умышленно закладывает в его сознание такую информацию, которая должна обеспечить победу позитивных мотивов, и затем делает перерыв в допросе, выжидая, когда допрашиваемый сам откажется от мотивов, побуждающих его к даче ложных показаний.

5. Допущение легенды. Нередко следователь, зная либо догадываясь о том, что подозреваемый или обвиняемый дает ложные показания — легенду, предоставляет ему возможность изложить ее. Вступив в своего рода игру с допрашиваемым, он исходит из намерения выудить у того как можно больше деталей, конкретики, подробностей и как можно точнее и обстоятельнее зафиксировать рассказ в протоколе допроса. Дав возможность допрашиваемому высказать все, что ему вздумается, следователь предъявляет весомые доказательства, опровергающие, развенчивающие легенду. Застигнутый врасплох и не подготовленный к созданию новой лжи, допрашиваемый может дать правдивые показания.

6. Внезапность. Данный прием заключается в неожиданном для допрашиваемого решении следователя провести после допроса то или иное следственное действие, в то время как допрашиваемый, убежденный в неосведомленности следователя о тех или иных обстоятельствах дела, считает это действие не возможным.

7. Неожиданное предъявление доказательств — разновидность фактора внезапности на допросе. Эффективность этого приема зависит также от того, допускает ли обвиняемый, что данные доказательства могут оказаться у следователя. А. В. Дулов назвал такой прием «эмоциональным экспериментом», утверждая: «Это действие является экспериментом по той причине, что следователь специально создает условия, при которых резко изменяется эмоциональное состояние допрашиваемого, часто влекущее за собой и определенные физиологические реакции. Эмоциональным же эксперимент именуется в связи с тем, что цель его — выявление изменений в эмоциональном состоянии, последующий анализ и использование в допросе этого выявленного изменения. Чем больше событие преступления переживается, сохраняется в памяти обвиняемого (в силу раскаяния или в силу страха перед разоблачением), тем большее эмоциональное воздействие на него будет оказывать информация, напоминающая об этом событии, особенно в том случае, если он не знает о наличии ее в распоряжении следователя,

если считает, что эта информация начисто разрушает его линию защиты от предъявленного обвинения».

В качестве примера можно привести одно из уголовных дел из практики американского Федерального бюро расследования преступлений.

Безжизненное тело Мэри Стоунер, 12 лет, было обнаружено в 16 километрах от ее дома в пригородных зарослях. В последний раз ее видели за несколько дней до исчезновения, когда она вышла из школьного автобуса возле своего дома. Причиной смерти стал удар камнем, расколовший череп. Окровавленное орудие убийства обнаружили и изъяли полицейские, производившие осмотр места происшествия. Подозрение пало на Даурела Девьера, 24 лет. Проверка его на полиграфе не дала никакого результата. О том, как развивались события дальше, рассказал сотрудник ФБР Джон Дуглас, консультировавший местных сыщиков. Он сказал полицейским, что теперь, когда Девьер понимает, что детектор лжи ему не страшен, остается лишь один путь уличить его — допрос. Прежде всего, его следует провести ночью. Поначалу преступник будет ощущать себя более комфортно, поскольку ночной допрос будет означать, что он не станет добычей прессы. Однако допрос после окончания рабочего дня также будет свидетельствовать о серьезных намерениях полиции. В допросе должны участвовать как агенты ФБР, так и местная полиция. Девьер поймет, что против него обращена вся мощь правительственных структур. Кроме того, сотрудник ФБР советовал оборудовать комнату для допросов. Использовать нижнее освещение, создающее атмосферу таинственности. Сложить на виду стопку папок с именем Девьера. Самое главное, нужно положить на стол окровавленный камень с места происшествия, но так, чтобы Девьер увидеть его мог, только повернув голову. Ничего не говорить об этом камне, но внимательно наблюдать за мимикой Девьера. Если он и есть убийца, то он не сможет не обратить на него внимания, так как Джон Дуглас знал из своего опыта, что на преступника, наносящего удар тупым предметом, неизменно попадает кровь жертвы. Сценарий Дугласа был выполнен в точности. Когда полицейские ввели Девьера в комнату, подготовленную для допроса, он сразу же посмотрел на камень, покрылся испариной и начал тяжело дышать. Он вел себя нервно и настороженно и явно был подавлен при упоминании о крови. В конце допроса он признался не только в убийстве Мэри Стоунер, но также и в совершении другого изнасилования¹. Даурел Джин Девьер был обвинен в изнасиловании и убийстве Мэри Стоунер и приговорен к смертной казни. Он был казнен на электрическом стуле 17 мая 1995 г.

8. Последовательность. Этот прием по своему характеру противоположен предыдущему. Считается, что иногда бывает целесообразно

¹ Шиханцов Г. Г. Юридическая психология. Учебник для вузов. М.: Зерцало, 1998. С. 79.

предъявлять доказательства последовательно и систематически, подробно останавливаясь на каждом из них, чтобы дать обвиняемому почувствовать всю силу отдельного доказательства и всего их комплекса.

9. Снятие напряжения. Нередко во время допроса обвиняемый не отказывается от разговора, но и не может его вести, так как чувствует себя скованным, чрезмерно напряженным. В этом случае следователь, воздействуя на допрашиваемого определенным образом, иногда только интонациями голоса, отдельными фразами старается снять эту напряженность. Успешное снятие напряжения довольно часто влечет за собой откровенное признание.

10. Использование «слабых мест» личности обвиняемого. Под «слабым местом» личности следует понимать такие ее особенности, используя которые можно добиться правильных, правдивых показаний на допросе. «Слабым местом» допрашиваемого может быть склонность к меланхолическим переживаниям, вспыльчивость, тщеславие и т. д. Так, в запальчивости и гневе обвиняемый расскажет то, чего не высказал бы в обычном состоянии (например, выдаст своих соучастников). В то же время следственная этика запрещает апеллировать к низменным качествам допрашиваемого (жадность, стяжательство и др.).

11. Инерция. Сущность приема сводится к тому, что следователь, беседуя с обвиняемым, незаметно переводит разговор из сферы отвлеченного, постороннего разговора в сферу разговора по существу. При этом обвиняемый, говоря о постороннем, по инерции проговаривается о том, о чем не хотел бы говорить.

12. Отвлечение внимания. Обвиняемый всегда чутко и пристально следит за ходом допроса с целью уловить, что для следователя важно и что представляется ему второстепенным. В связи с этим допрашиваемый стремится сосредоточить свое внимание на чем-то одном, по его мнению, главном. «Учитывая это обстоятельство, — отмечают Л. Б. Филонов и В. И. Давыдов, — следователи искусственно переводят внимание допрашиваемого на участки, не имеющие первенствующего значения, и тем самым отвлекают его внимание от более важных участков. Все это предпринимается в расчете на то, что допрашиваемый будет относиться с меньшей осторожностью, небрежнее к тем обстоятельствам, о которых следователю было бы желательно получить более детальную информацию»¹.

13. Создание впечатления хорошей осведомленности следователя. Сущность этого приема заключается в том, что следователь, не обманывая допрашиваемого, в то же время убеждает его в своей осведомленности. Это может достигаться, во-первых, умением вести себя определенным образом, во-вторых, с помощью достоверной информа-

¹ Шиханцов Г. Г. Юридическая психология. Учебник для вузов. М.: Зерцало, 1998. С. 80.

ции, в то время как обвиняемый не предполагает, что это за сведения. В результате у допрашиваемого создается впечатление, что следователь знает не только отдельные подробности дела, но и все остальное. Это в итоге может заставить обвиняемого прекратить заpiresательство.

14. Создание «незаполненности». Этот прием применяется в тех случаях, когда при отсутствии достаточного количества доказательств следователь ведет свои рассуждения, опираясь на ряд достоверных фактов. Он только показывает обвиняемому незаполненные места в деле. В то же время, рисуя в основном достаточно ясную и полную картину события, он вместе с допрашиваемым прослеживает логику отдельных фактов и предлагает ему заполнить неясные места. Эти незаполненные места и неясности, отмеченные следователем, вызывают у допрашиваемого беспокойство и естественную потребность освободиться от нелогичности, привести все сказанное в соответствие с логикой.

15. Форсированный темп допроса. Этот прием состоит в том, что следователь, используя активную позицию, берет инициативу в свои руки и опережает мысль «противника» заранее заготовленными ходами в форме вопросов или суждений.

Значение рассмотренных тактических приемов с целью решения тактической задачи по выявлению лжи в ходе допроса обвиняемого невозможно переоценить, так как без их применения невозможно получить достоверные показания. Данные приемы основаны на обобщении практики действия следователей, анализе процесса допросов, использовании психологических механизмов и закономерностей взаимодействия следователя с обвиняемым. В связи с этим следователю необходимо на практике применять данные приемы для получения достоверной информации в ходе допроса с целью расследования преступлений.

Берегова А. Л.

Место и роль юридической психологии в расследовании киберпреступлений

В современном мире в связи с быстрыми темпами роста информационных технологий можно отметить не только ускоренное развитие и применение информационных сетей в повседневной жизни, но и значительный рост новых угроз, связанных с этим. Вместе со снижением порога входа в интернет-пространство туда хлынули потоки информации в печатной форме самого различного происхождения¹,

¹ *Костомаров К. В.* К вопросу об использовании интернет-пространства с целью внушения противоправных намерений: материалы научно-практического семинара-совещания (Екатеринбург, март 2017 г.) / отв. ред. В. Н. Карагодин. Екатеринбург, 2017. С. 13.

а с ростом количества пользователей значительно увеличивается число потенциальных «жертв» киберпреступников и возможностей для совершения преступных деяний.

Исходя из этого, методика расследования киберпреступлений занимает особое место в криминалистическом обеспечении деятельности правоохранительных органов. Важнейшей особенностью киберпреступлений является использование сетей компьютера для совершения преступления в виртуальном пространстве¹.

Основной целью работы стало изучение психологии киберпреступников для разработки стратегии расследования киберпреступлений, а также тактики ведения процессуальной деятельности.

Понятие «киберпреступность» охватывает любые преступления, совершенные с помощью компьютерной системы или сети; в рамках компьютерной системы или сети; против компьютерной системы или сети². Компьютерная преступность — это термин, обозначающий преступления, совершаемые с использованием компьютерной техники, т. е. характеризующий специфику способа совершения и сокрытия преступления³.

В свою очередь, киберпреступлением можно считать любое преступление, совершенное в электронной среде, направленное против компьютерных систем, сетей и данных. Российское законодательство к киберпреступлениям относит следующие преступления, указанные в Уголовном кодексе Российской Федерации⁴, а именно: неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ; нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, мошенничество в сфере компьютерной информации. Рассматривая использование информационных технологий для совершения преступлений, нельзя не сказать о «скимминге», конечной задачей которого является создание дубликата банковской карты. В Смоленской области было зафиксировано 8 случаев скимминга, общий ущерб от которого составил 300 тыс. рублей⁵.

¹ Информационное право: учебник для бакалавров / отв. ред. И. М. Рассолов. М.: Проспект, 2013. С. 339.

² Двенадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями: сборник документов / сост. А. Г. Воловодз. М.: ООО «Юрлитинформ», 2010. 496 с.

³ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд. доп. 334 с.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ Электронные носители информации в криминалистике: монография / под ред. О. С. Кучина. М.: Юрлитинформ, 2017. 304 с.

В зависимости от цели выделяют три типа киберпреступлений:

- криминальные посягательства, когда компьютер используется как предмет преступления;
- преступления, в которых компьютер выступает в роли орудия преступления;
- деяния, при совершении которых компьютеры выполняют роль интеллектуальных средств¹.

Важность применения юридической психологии в расследовании киберпреступлений заключается в следующем: во-первых, отсутствует достаточное количество материальных следов преступника, во-вторых, вред, который может нанести киберпреступник, является потенциально большим, в-третьих, реакция преступника на предпринятые меры может наступать быстро и быть непропорционально резкой. Следует также отметить многообразие возможных мотивов некоторых категорий киберпреступлений и неограниченный круг лиц, которые имеют возможность совершить преступление.

Киберпространство производит на человека определенный эффект. Для обозначения данного эффекта профессор Университета Райдер Джон Шулер (John Suler) ввел понятие «disinhibition effect» («эффект растормаживания в сети»)². Данный эффект сводится к тому, что в киберпространстве люди чувствуют себя более раскованными. Джон Шулер говорит о некоторых факторах, которые способствуют данному эффекту:

«*Вы не знаете меня*» или диссассоциативная анонимность (скрытие своей личности, отделение своих действий в киберпространстве от реальности, когда человек начинает полагать, что может не брать на себя ответственность за свои действия).

«*Вы не можете видеть меня*» или невидимость (желание избегать психологического контакта, возможность следить за пользователями, оставаясь незаметными).

«*Увидимся позже*» или асинхронность (отсутствие взаимодействия в режиме реального времени, немедленной реакции на действия собеседника).

«*Это все в моей голове*» или солиптическая интроекция (своеобразное слияние ума с умом онлайн-компаньона, возникновение ощущения, что все лишь предмет нашего воображения).

¹ См.: Петрова Н. А. Обеспечение государственного контроля в сети Интернет как фактор противодействия экстремизму // Проблемы законодательного регулирования интернет-ресурсов и правового разрешения конфликтов с участием субъектов интернет-сообщества: материалы Международной науч.-практич. конференции. Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 188.

² John Suler. The Psychology of Cyberspace. The Online Disinhibition Effect. URL: <http://users.rider.edu/~suler/psy cyber/disinhibit.html> (дата обращения 27.10.2017).

«*Это просто игра*» или диссоциативное воображение (отсутствие осознания обязанности нести ответственность за то, что происходит в игровом мире, в связи с тем, что пользователь не имеет ничего общего с реальностью).

«*Мы равны*» или минимизация полномочий (каждый имеет равную возможность озвучивать себя, все находятся на равных условиях).

Определим основные вопросы расследования киберпреступлений в рамках криминалистики, в решении которых может применяться юридическая психология. К таким вопросам можно отнести: проблемы тактики расследования киберпреступлений, применения криминалистической техники относительно нематериальных следов.

Говоря о тактике расследования киберпреступлений, необходимо отметить ее специфические особенности, связанные с характером следов и обстоятельств, которые необходимо установить по делу, со сложностью доказывания отдельных элементов преступления, а также сложностью восприятия технической информации. Все эти особенности влияют на применение следователем специальных тактических приемов.

В связи со специфическим характером следов киберпреступления они могут быть повреждены, уничтожены или вовсе не обнаружены, например, во время проведения осмотра места происшествия или предметов без предшествующего допроса подозреваемого. Однако, если провести предварительную оценку личности преступника, его психологических качеств и деяний, то можно уменьшить риск наступления неблагоприятного результата осмотра. То же касается и понятых. В случае если они не будут обладать определенным уровнем знаний в сфере информационных технологий, осмотр, следственный эксперимент, проведенные при их участии, будут носить весьма сомнительный характер. Например, можно прийти к большему результату путем демонстрации и использования электронных устройств на допросе.

Ориентируясь на личность киберпреступника, взятого под стражу, следователь должен спланировать, как действовать: какие следственные действия лучше провести незамедлительно, а какие позже. Рассмотрим всемирно известное дело Альберта Гонсалеса, который до сих пор считается «хакером века». Гонсалес вместе с группой единомышленников создал сообщество Shadowcrew и стал активным его участником. На сайте Shadowcrew кардеры, т.е. люди, которые оплачивают свои покупки чужой банковской картой, в уютной обстановке обменивались секретами успеха, договаривались о купле-продаже крупных партий ворованных данных о кредитных картах и их владельцах. Федеральное бюро расследований (далее — ФБР) начало расследование через год после открытия Shadowcrew и, несмотря на недостаточное количество улик, вышло на Гонсалеса. Путем психологического анализа личности

преступника, его отношения к деньгам, **ФБР** пришло к следующему: Альберт Гонсалес согласился на сотрудничество с властями и стал одним из осведомителей. В свою очередь, за работу он получал от правительства США определенную сумму денег, а также избежал уголовного преследования. Как итог: 26.10.2004 года было арестовано большинство самых активных участников Shadowcrew, и само сообщество прекратило свое существование.

Криминалистическая литература содержит множество рекомендаций по привлечению ИТ-специалистов к участию в следственных действиях. Однако указания на то, как следователь должен себя вести при общении с подозреваемым через специалиста, отсутствуют.

В сфере психиатрической и психологической экспертиз также необходимы тщательные исследования. В средствах массовой информации часто можно встретить сведения о том, что киберпреступники страдают синдромом Аспергера. Так что необходимо изучить, насколько данный синдром и иные расстройства влияют на поведение преступников.

Профилирование преступников можно считать крайне важным приемом расследования киберпреступлений, так как составление психологического портрета преступника часто дает положительные результаты. Совокупность действий эксперта в отношении преступников и жертв киберпреступления, их взаимоотношений, мотивов к совершению преступления и действий до, во время или после совершения преступления помогает выделить особо криминалистически значимые признаки личности киберпреступника.

К причинам, по которым криминалистическая техника должна быть взаимосвязана с юридической психологией при расследовании киберпреступлений, можно отнести следующие: во-первых, существует тесная зависимость между механизмом совершения преступления, умыслом и следами преступления. Во-вторых, при совершении киберпреступлений имеется большое количество способов сокрытия следов или других путей противодействия их обнаружению. Контркриминалистика (т.е. противодействие методам поиска, обнаружения и закрепления доказательств в виде компьютерной информации) стала следствием распространения киберпреступности, ведь с развитием общества киберпреступники все тщательнее скрывают информацию, имеющую доказательственное значение.

При расследовании киберпреступлений почти не помогут средства и методы работы с материальными средствами, а средства и приемы обращения с так называемыми виртуальными следами до сих пор не нашли отражения в Уголовно-процессуальном кодексе **РФ**. Информацию о применении таких средств и методов можно найти только в виде криминалистических рекомендаций. Так, под виртуальными следами предлагается понимать «следы, сохраняющиеся в памяти технических устройств, в электромагнитном поле, на носителях машиночитаемой

информации, занимающие промежуточное положение между материальными и идеальными»¹.

При анализе кибер-атак и вредоносного программного обеспечения могут быть выявлены новые, так называемые, психологические следы, которые довольно перспективны для исследований. Однако выявить психологические следы, которые связаны с механизмом атаки или функционированием вредоносного программного обеспечения (далее — ПО), сложно. Данная проблема изучается экспертами для определения уровня знаний автора вредоносного ПО и идентификации взломщика, установившего вредоносное ПО. Навыки работы с психологическими следами необходимы, если пользователь не может точно сказать, каким образом или после каких его действий электронное устройство было заражено или подверглось атаке.

Итак, необходимо разрабатывать и создавать новые методики исследования киберпреступлений, оптимальные тактические приемы при помощи юридической психологии. В борьбе с киберпреступностью необходим мультидисциплинарный подход, создание эффективной системы противодействия киберпреступлениям требует активизации исследований психологии киберпреступников и подготовки кадров в данном направлении.

Борисова В. Н.

Проблемные аспекты определения предмета, объектов и задач судебной экспертизы на основе теоретических положений, сформулированных профессором Р. С. Белкиным

В своей криминалистической энциклопедии профессор Белкин Р. С. приводит определение предмета судебной экспертизы: это — «фактические данные (факты, обстоятельства), устанавливаемые на основе специальных познаний и исследования материалов уголовного либо гражданского дела»². Это определение дает базу для формулирования предметов различных родов экспертиз.

В статье А. Н. Гаджиева и Н. Г. Гаджиева³ приводится следующее определение предмета судебной бухгалтерской экспертизы: «Предмет судебно — бухгалтерской экспертизы составляют исследуемый экспертом способ ведения бухгалтерского учета, установление необычных условий и приемов совершения учетных операций и записей

¹ *Мещеряков В. А.* Преступления в сфере компьютерной информации. Воронеж, 2002. С. 102.

² *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд. доп. 334 с.

³ *Гаджиев Н. Г., Гаджиев А. Н.* Бухгалтерская экспертиза в системе экспертных исследований // Аудиторские ведомости. 2001. С. 8.

с одновременным определением места, времени, механизма, способа, качественной и количественной характеристик искажения учетных данных». Данное определение не совсем точно отражает суть предмета экспертизы, т. к. эксперт исследует не способ ведения бухгалтерского учета, а хозяйственные операции, которые были совершены в организации за определенный период времени, и устанавливает тем самым конкретные обстоятельства дела. Кроме того, эксперт не всегда устанавливает искажение учетных данных, т. к. их может не быть или об этом не поставлен вопрос эксперту.

Определенный интерес представляет позиция Вержбицкой И. В., которая предлагает два подхода к определению предмета судебной бухгалтерской экспертизы: научный и практический¹. При научном подходе, по ее мнению, предметом судебной бухгалтерской экспертизы следует рассматривать закономерности формирования свойств ее объектов и их изменения в связи с совершением экономического преступления. С другой стороны, практической, предметом судебной бухгалтерской экспертизы являются фактические данные (обстоятельства дела), устанавливаемые на основе специальных научных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и исследования материалов уголовного либо гражданского дела. Объединив научный и практический подход, И. В. Вержбицкая определяет предмет судебно-бухгалтерской экспертизы как факты хозяйственной деятельности, характеризующиеся связанностью с текущей, финансовой и (или) инвестиционной деятельностью организации, и нашедшие отражение в финансовой отчетности организации. При этом пределы исследования определяются вопросами, поставленными следователем (судом), а заключение дается специалистом в области бухгалтерского учета для установления истины по делу. Следует дать комментарий к вышеизложенному мнению автора статьи. Во-первых, правильным, с точки зрения науки судебной экспертологии, является определение предмета рода судебной экспертизы с научной и практической точки зрения, т. к. обозначается комплексный характер бухгалтерского исследования хозяйственных операций. Во-вторых, автор противоречит себе, когда дает полное определение предмета судебной бухгалтерской экспертизы через исследование фактов хозяйственной деятельности предприятия, тогда как изначально говорит о том, что с практической точки зрения предметом являются именно обстоятельства конкретного дела. В-третьих, по мнению автора статьи, заключение дается именно специалистом в области бухгалтерского учета. В процессуальном законодательстве наличествует четкое разделение понятий «эксперт»

¹ Вержбицкая И. В. Становление судебно-бухгалтерской экспертизы. Ее предмет и объекты // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2011. № 1 (26).

и «специалист». Эксперт и специалист имеют разное процессуальное положение в различных видах процесса, разные права, обязанности и ответственность согласно правовой регламентации их деятельности. В определении недопустимо смешение указанных понятий, т. к. это противоречит процессуальному законодательству и вводит в заблуждение несведущих лиц. Кроме того, в определении предмета автор статьи указал цель исследования — установление истины по делу. Следует отметить, что эксперт не устанавливает истинность, он исследует представленные ему материалы и дает свои суждения (выводы) по поставленным вопросам. Далее, оценку заключения эксперта и его выводов проводит суд, и только суд, на основе своего внутреннего убеждения и в совокупности с иными доказательствами по делу, может установить достоверность и доказанность каких-либо фактов. В компетенцию суда не входит установление истины по делу. Также в данном определении отсутствует указание на наличие специальных знаний у эксперта в области бухгалтерского учета.

К определению предмета судебной бухгалтерской экспертизы нельзя подходить поверхностно, так как он является фундаментом, необходимым для развития теоретических и методологических основ судебной бухгалтерской экспертизы.

Таким образом, предмет судебной бухгалтерской экспертизы — это обстоятельства дела, исследуемые и устанавливаемые в судопроизводстве с использованием сочетания специальных знаний в области бухгалтерского учета и норм различных отраслей законодательства на основе исследования закономерностей финансово-хозяйственных операций о состоянии имущества и обязательств организации и соответствия их правильности отражения и документального оформления требованиям, предъявляемым к бухгалтерскому учету нормативно-правовыми актами.

Далее рассмотрим объекты судебной бухгалтерской экспертизы.

Объекты экспертного исследования, согласно исследованиям профессора Белкина Р. С., составляют «материальные объекты, содержащие информацию, которая необходима для разрешения экспертной задачи: вещественные доказательства, труп, вещная обстановка места происшествия, образцы для сравнительного исследования, иные материалы дела»¹.

Спецификой рода судебной бухгалтерской экспертизы и класса экономических экспертиз в целом является то, что объектами исследования выступают только документы и эксперт-бухгалтер проводит анализ их содержания, а не внешнего состояния (в компетенцию эксперта не входит установление давности представленного объекта, следов подделки на нем и т. д.).

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд. доп. 334 с.

Объектами судебной бухгалтерской экспертизы являются материальные объекты, содержащие учетную информацию о финансово-хозяйственных операциях предприятия, необходимые для решения экспертных задач. Объекты данного рода экспертизы следует подразделять на основные и вспомогательные. К основным объектам следует отнести: 1) первичные учетные документы, составленные по унифицированным формам¹ или по формам, разработанным самой организацией², т. к. они несут первоначальные исходные данные о совершенных операциях в организации, ее контрагентах, поставках, принятии к учету и т. д.; 2) регистры бухгалтерского учета, которые являются «вторичными» документами (оборотно-сальдовые ведомости, карточки по счетам и т. д.); 3) бухгалтерская отчетность организации (отчеты кассиров, авансовые отчеты, товарные отчеты материально-ответственных лиц и т. д.).

К вспомогательным объектам относятся: 1) договоры, акты проверки (это внеучетные документы, которые исследуются во взаимосвязи с другими документами); 2) учетная политика организации, в которой она может устанавливать принятые ей формы документов; в учетной политике³ отражен рабочий план счетов, правила и порядок документооборота, порядок проведения инвентаризации и другие важные сведения, которые отражают особенности организации и специфику ведения бухгалтерского учета; 3) организационно-распорядительные документы (приказы и распоряжения руководителя организации).

Следует отметить, что исследование при производстве судебной бухгалтерской экспертизы только регистров бухгалтерского учета не является правильным, т. к. они содержат вторичную информацию, которая вносится в базу бухгалтерского учета бухгалтером организации и может иметь случайные или намеренные искажения. Так, обязательными к исследованию являются первичные учетные документы, они являются основными, и такие ученые в области теории и практики судебной экспертизы, как: Белов А. А., Белов А. Н., Толкаченко А. А., Бондарь Н. Н., Виноградова М. М., Банникова И. В., Мирашкина Е. В., подчеркивают их значимость для исследования и говорят об их главенствующей роли.

Далее рассмотрим задачи судебной бухгалтерской экспертизы.

Особенностью судебной бухгалтерской экспертизы является то, что с ее помощью решаются только диагностические задачи, т. к. спец-

¹ Постановление Правительства РФ от 08.07.1997 № 835 «О первичных учетных документах».

² Информация Минфина России № ПЗ-10/2012 г. «О вступлении в силу с 1 января 2013 г. Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете».

³ Приказ Минфина России от 06.10.2008 № 106н (ред. от 28.04.2017) «Об утверждении положений по бухгалтерскому учету» (вместе с «Положением по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008)», «Положением по бухгалтерскому учету «Изменения оценочных значений» (ПБУ 21/2008)») (Зарегистрировано в Минюсте России 27.10.2008 № 12522).

ифика данного рода экспертизы не может предполагать установление ждества объекта, т. е. его идентификацию.

Диагностические задачи, разрешаемые экспертом, по своему содержанию направлены на:

Выявление учетных несоответствий в данных о хозяйственных операциях, отраженных в первичных документах учета, регистрах и отчетности, величины учетных расхождений, механизма их образования и влияния на количественные и стоимостные показатели, характеризующие финансово-хозяйственную деятельность организации.

Установление обстоятельств, связанных с исследованием документального оформления и отражения на счетах бухгалтерского учета операций приема, хранения, реализации товарно-материальных ценностей (ТМЦ), поступления и выбытия денежных средств.

Определение соответствия (несоответствия) порядка учета хозяйственных средств и операций требованиям специальных правил (норм).

Частным случаем диагностических задач являются классификационные и ситуационные задачи.

Классификационные задачи направлены на установление соответствия качественных и количественных характеристик объекта, механизма действий определенным заранее заданным характеристикам, которые могут быть выражены в вопросах, ставящихся на разрешение судебной бухгалтерской экспертизы. Например, вопрос: «Соответствует ли правилам ведения бухгалтерского учета оформление операций по расходованию денежных средств ООО «Маэстро», произведенным по специальным платежным поручениям № 3 от 17.04.2015 г. и 16.05.2015 г.?» будет направлен на решение классификационной задачи.

Ситуационные задачи или, как их еще называют, ситуалогические связаны с анализом ситуации. Такие вопросы, как: «Отражена ли в учете задолженность перед контрагентом ООО «Меркурий»? Если нет, то изменятся ли показатели бухгалтерского баланса?» или «Изменится ли результат взаиморасчетов фирмы ООО «Меркурий» с предприятием «Маэстро» согласно представленным накладным?» направлены на решение ситуационных задач, т. к. предполагают моделирование конкретной ситуации.

По степени общности экспертные задачи делятся на общие, типичные и конкретные¹.

Под общей задачей судебной бухгалтерской экспертизы понимается исследование закономерностей финансово-хозяйственных операций о состоянии имущества и обязательств организации и соответствия их документального отражения требованиям законодательства.

¹ Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 88 с.

Типичной задачей является установление достоверности и правильности отражения хозяйственных операций по видам экспертиз, входящих в род судебной бухгалтерской экспертизы.

Профессор Р. С. Белкин в своей криминалистической энциклопедии приводит понятие конкретной экспертной задачи: «задание эксперту (вопрос), сформулированное в постановлении (определении) о назначении экспертизы»¹.

Конкретные же задачи судебной бухгалтерской экспертизы реализуются путем постановки определенных вопросов эксперту в зависимости от решаемой им типичной задачи и имеющихся объектов.

Таким образом, только полное и правильное понимание сущности предмета, объекта и задач судебной бухгалтерской экспертизы может способствовать качественному проведению исследования и даче обоснованных объективных выводов по поставленным вопросам.

Бучко А. В.

Значение привлечения педагогов и психологов для реализации тактических приемов допроса несовершеннолетних

Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении них, характеризуется рядом специфичных особенностей. Допрос является не только самым распространенным и необходимым источником получения знаний о произошедших событиях, но и, бесспорно, одним из самых результативных следственных действий, его проведение требует наличия определенных навыков и подходов. От правильно избранной тактики, знаний психологии и этики во многом зависит успех расследования уголовного дела.

Для обеспечения эффективного производства процессуальных действий следователю следует обладать глубокими знаниями в области детской и подростковой психологии и педагогики, ведь получение необходимой информации должно проходить в особом режиме защиты законных прав и интересов несовершеннолетних. Осуществление производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних предполагает использование дополнительных гарантий их защищенности, наличие которых обусловлено особенностями психологического развития несовершеннолетних.

Участие педагога и психолога при производстве допроса несовершеннолетнего является одной из гарантий защищенности их прав и законных интересов. «Значение участия педагога и психолога в допросе

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд. доп. 334 с.

несовершеннолетнего выходит за рамки оказания помощи следователю. Его участие здесь, что еще более важно, является средством обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего, ограждая от возможного отрицательного влияния допроса на психику, на воспитание. Характер процессуальных полномочий педагога подтверждает этот вывод»¹. Кроме того, привлечение этих участников уголовного процесса позволяет компенсировать, с одной стороны, возрастную недостаточность несовершеннолетнего, которая в силу незначительного опыта последнего не позволяет ему полностью правильно воспринимать происходящие события, что делает несовершеннолетнего незащищенным, а с другой — компенсировать отсутствие педагогических навыков у следователя.

Процессуальные правила привлечения к допросу педагогов и психологов носят общий характер, ими не устанавливаются конкретные приемы и методы, которые следователь в каждом отдельном случае применяет к допрашиваемым несовершеннолетним лицам. Этот недостаток восполняют тактические приемы, разрабатываемые следственной практикой и криминалистической наукой. Игнорирование либо неправильное применение тактических приемов ведет к искажению объективной картины происшедшего, неполучению доказательственной информации, тактическим и иным следственным ошибкам.

Тактические приемы допроса — это разработанные криминалистической и апробированные следственной практикой оптимальные способы установления с допрашиваемым психологического контакта, нейтрализации его негативного настроения к расследованию и оказания на него психического воздействия с целью получить полные и достоверные показания². В отношении несовершеннолетних важной составляющей работы по выработке тактических действий является своевременное привлечение специалиста в области педагогики и психологии, так как в зависимости от индивидуальных особенностей участников допроса, степени их внушаемости, готовности идти на контакт и других факторов меняются способы взаимодействия и воздействия на них. Правила допроса совместно с тактическими приемами помогают успешно осуществлять расследование по уголовному делу.

Допросу должна предшествовать тщательная подготовка, направленная на обеспечение оптимальных условий его производства.

Целесообразно привлекать для участия в допросе практикующего специалиста в области возрастной или педагогической психологии, который сможет оказать неопенимую помощь в установлении психоло-

¹ Участие в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями: дис. ... на соиск. ... юрид. наук / Калинин Ю. А. М., 1981. С. 13.

² Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; ИНФРА-М, 2007. С. 410.

гического контакта с допрашиваемым и получении криминалистически значимой информации. Психолог, работающий с детьми и подростками, с помощью определенных методик всегда способен расположить к себе несовершеннолетнего. Так, иногда ребенку проще нарисовать интересующую следователя информацию, нежели произнести слово (фразу) вслух; в таком случае рисунок прилагается к протоколу допроса несовершеннолетнего (малолетнего) потерпевшего, свидетеля, о чем обязательно делается соответствующая запись в самом протоколе допроса.

При подготовке к допросу, прежде всего, необходимо определиться с местом его производства. В каждом конкретном случае следует исходить из характера совершенного преступления, информации о личности допрашиваемого и следственной ситуации. Именно педагог и психолог могут дать оценку психическому состоянию и помочь сориентировать следователя относительно эффективности осуществления допроса в более привычной для несовершеннолетних обстановке, например, по месту жительства, в школе или дошкольном воспитательном учреждении) или же в официальной обстановке, что будет способствовать его дисциплинированности.

В научной литературе высказываются различные мнения по вопросу выбора времени допроса несовершеннолетних. Известно, что чем больший срок отделяет момент восприятия какого-либо события от его воспроизведения на допросе, тем меньшее количество информации сохраняется в памяти человека. Это положение подчеркивает необходимость допроса свидетелей и потерпевших в наиболее короткие сроки. Однако и в данном случае могут быть некоторые исключения. Так, если потерпевший, а иногда и свидетели в результате совершенного преступления находятся в состоянии душевного потрясения, очень сильного волнения, напряженности, растерянности, следователю бывает сложно определить наиболее подходящий момент для допроса, ему необходимо учитывать мнение педагога и психолога.

Получение информации о личности допрашиваемого для установления психологического контакта и определения тактики допроса является одним из ключевых моментов для достижения результата. Выяснение черт и темперамента, характера несовершеннолетнего потерпевшего, круга интересов и увлечений, жизненных принципов и позиции, стиля привычного поведения, жизненных ценностей и иных характеристик будет преимуществом следователя, осуществляющего допрос. Получить все эти характеристики не представляется возможным без привлечения специалиста в рассматриваемой области.

Вопрос, который также нельзя обойти стороной, — это определение круга лиц, в чьем присутствии будет производиться допрос, а также обеспечение их явки. Допрос малолетнего потерпевшего проводится с обязательным участием педагога или психолога. В каждом конкрет-

ном случае круг привлекаемых участников индивидуален, и специалист способен определить будет ли их присутствие способствовать расположенности несовершеннолетнего к рассказу или, наоборот, будет его сковывать.

Кроме того, при необходимости для участия в допросе может быть приглашен специалист в области психиатрии, либо любой другой узкий специалист.

Таким образом, мы видим, что своевременное привлечение специалистов в области педагогики и психологии при применении тактических приемов проведения допроса несовершеннолетних (малолетних) участников уголовного процесса позволяет получить доказательства — показания, соответствующие требованиям закона, которые впоследствии помогут максимально точно установить обстоятельства совершенного преступления.

Однако нужно отметить, что ряд вопросов привлечения педагогов и психологов к проведению рассматриваемого процессуального действия остаются неразрешенными ни в законодательных актах, ни в методических рекомендациях. Так, некоторые вопросы их участия прямо урегулированы нормами Уголовно-процессуального кодекса, часть же остается на усмотрение следователя.

Допрос потерпевшего или свидетеля в возрасте до 16 лет, а также подростков, страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии, проводится с обязательным участием педагога или психолога. В остальных случаях «следователь, дознаватель обеспечивают участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого по ходатайству защитника либо по собственной инициативе»¹, что не позволяет детально определить, какими именно факторами следует руководствоваться при определении необходимости привлечения соответствующего специалиста.

Законодатель не выделил специальной нормы, регламентирующей участие педагога или психолога в следственных действиях или судебном разбирательстве, а возможность их участия регламентирована только в одном следственном действии — допросе несовершеннолетнего (ст. 191, 280, 425 УПК РФ). Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит понятий «педагог» и «психолог», не определены требования, которые к ним должны предъявляться, а о правах и обязанностях указано в ст. 425 УПК РФ только применительно к допросу несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого; об этих же правах и обязанностях при участии в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля не упоминается. Все это в совокупности позволяет сделать

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.05.2017 г.), ч. 4 ст. 425.

вывод о том, что вопросы организации и тактики участия педагога полностью решаются следователем.

В большинстве случаев под понятием «педагог» подразумеваются лица, имеющие профессиональное педагогическое образование и занимающиеся педагогической или воспитательной работой. Аналогичный подход к определению психолога, как лица, обладающего специальными знаниями в области психологии. Размытый подход к определению указанных лиц позволяет привлекать учителей (в большинстве случаев), воспитателей, тренеров или даже студентов, обучающихся по специальности педагога или психолога. Тем не менее, при выборе и приглашении специалистов для участия в допросе несовершеннолетнего необходимо как минимум учитывать личность, психическое состояние допрашиваемого, его отношение к приглашаемому специалисту. Исходя из этого, можно сформулировать критерии, которыми следует руководствоваться следователю:

Наличие у специалиста практического опыта. Педагоги и психологи с опытом работы с определенной возрастной категорией детей способны компенсировать возрастное или интеллектуальное недоразвитие несовершеннолетних при общении со следователем.

Незаинтересованность в исходе дела. Преподаватели той же школы, в которой учился несовершеннолетний и неоднократно совершал правонарушения, был недисциплинированным в школе, могут быть заинтересованы в его дальнейшей изоляции, что может стать причиной конфликтной ситуации во время допроса.

Межличностные отношения привлекаемого специалиста и несовершеннолетнего. Одних допрашиваемых может смущать присутствие знакомых психологов и педагогов, другие, напротив, легко вступают в контакт с ними. При расследовании половых преступлений участие знакомого несовершеннолетнему психолога может оказаться нецелесообразным.

Соответствие пола педагога полу несовершеннолетнего. При расследовании преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, совершенных несовершеннолетними или против несовершеннолетних необходимо принять меры к тому, чтобы психолог был того же пола, что и допрашиваемый. Стеснение, которое испытывают несовершеннолетние в ходе такого допроса в присутствии лиц другого пола, не только может отрицательно сказаться на полноте показаний, но и причинить моральную травму допрашиваемым.

Указанные требования не являются исчерпывающими, и в настоящий момент существует необходимость обобщения практики применения и создания единых методических рекомендаций, направленных на определение критериев, по которым станет возможно приглашение компетентного педагога или психолога для участия в проведении допроса несовершеннолетнего.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правильная организация работы, участие педагога и психолога в допросе несовершеннолетнего обеспечивают получение более качественных и значимых показаний, имеющих значение для разрешения дела по существу. Однако для достижения максимальной эффективности работы следователей остается актуальным вопрос о разработке алгоритмов привлечения специалистов для осуществления данного процессуального действия.

Геггардт А. А.

Жертва ятрогенных преступлений: криминалистический аспект

Использование в современной медицине лечебно-диагностической аппаратуры и средств интенсивной терапии не только привело к расширению возможностей диагностики и лечения болезней, но и вызвало значительный рост неблагоприятных последствий врачебных действий, называемых ятрогениями (от греч. *iatros* — врач и *gennao* — создавать).

По данным специалистов, только один из 12 медицинских работников (8,3%), в действиях которых усматриваются признаки преступления, реально подвергается уголовному преследованию. Еще большее количество правонарушений со стороны медицинских работников не влечет даже дисциплинарной ответственности¹.

Безусловно, активная роль медицинского работника по данному виду преступления неоспорима, но нельзя обойти стороной и весьма значимую фигуру жертвы ятрогенного преступления.

Изучение жертвы таких преступлений имеет весомое значение, так как это один из участников процесса оказания медицинской помощи, и именно от этого лица может зависеть результат лечения.

Как об одном из элементов криминалистической характеристики ятрогенных преступлений, о жертве ятрогении писал В. Д. Пристанков в монографии «Ятрогенные преступления: понятия, подходы к исследованию»². Жертва, по мнению В. Д. Пристанкова, это физическое лицо, обратившиеся в соответствующее лечебно-профилактическое учреждение или к медику за медицинской помощью, получение которой ему гарантировано Конституцией РФ³.

¹ Тузлукова М. В. Использование специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М. В. Тузлукова. Казань, 2015. С. 3.

² Пристанков В. Д. Ятрогенные преступления: понятия, подходы к исследованию: монография. СПб., 2005. С. 77.

³ См.: там же.

Также о жертве ятрогении, о признаках, характеризующих жертву ятрогенного посягательства, писали В. М. Бахарев, Э. О. Самитов¹, М. В. Тузлукова².

Исходя из положений криминалистической виктимологии как частной криминалистической теории понятие жертвы довольно широкое по смыслу. Жертва — это целая система индивидуальных физических и психологических черт.

Необходимо выделить криминалистически значимые признаки жертвы ятрогении. Вопрос о том, на какие признаки следует обращать внимание при расследовании данной категории преступлений, в науке не имеется однозначного ответа. Так, Э. О. Самитов указывает в качестве признаков жертвы, имеющих значение для расследования ятрогений, возраст пациента, характер заболевания, соблюдение пациентом предписанного режима, состояние здоровья на момент поступления в лечебно-профилактическое учреждение (далее — ЛПУ), степень поражения организма болезнью или травмой, физиологические особенности, степень информированности о медицинских средствах и лекарственных препаратах, не занимался ли пациент самолечением, отношение пациента к причиненному ему вреду, лечащему врачу³.

Признаки, характеризующие жертву ятрогенных преступлений, могут привести к неблагоприятным последствиям при оказании специалистом медицинской помощи. Данные признаки В. Д. Пристанков назвал определенными качествами (состояниями), которые могли повлиять на исход лечения, или факторы риска⁴.

О. Н. Коршунова выделяет следующие признаки жертвы ятрогенных преступлений: возраст, характер патологии, генетические особенности, наличие хронических заболеваний и их проявление, индивидуальные особенности организма и его функций, подверженность экологическим воздействиям и другим климатическим явлениям⁵.

¹ Бахарев В. М. Роль криминалистической характеристики в расследовании преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи / Бахарев В. М., Самитов Э. О. ЧОУ ВО «Академия социального образования». Казань, 2015. С. 128.

² Тузлукова М. В. Использование специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М. В. Тузлукова. Казань, 2015. С. 30.

³ Самитов Э. О. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи / Э. О. Самитов, Р. Г. Амиров. Закон и право. Казань, 2015. С. 3.

⁴ Пристанков В. Д. Особенности расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи: учебное пособие / В. Д. Пристанков. СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2007. С. 34.

⁵ Курс криминалистики: учебник в 3 т. / О. Н. Коршунова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. Т. 2. Частные криминалистические теории. С. 615.

Рассматривая личность потерпевшего от преступлений как один из элементов криминалистической характеристики, в науке выделяют следующие признаки: демографические данные, физические, биологические признаки человека, состояние здоровья, психологические данные, а также особенности поведения потерпевшего¹.

Как указывает О. Н. Коршунова, необходимо исследовать следующие элементы жертвы преступления при расследовании: пол, возраст, семейное положение, образование (профессия), судимость, нравственно-психологический облик (интеллект, ценностные ориентиры, принципы поведения в конфликтных ситуациях), отношение к алкоголю².

По нашему мнению, при установлении жертвы ятрогении будут иметь значение такие признаки, как пол, возраст, вес, состояние психики, физическое состояние (например, реактивность организма, тяжесть патологии и др.), поведенческие реакции (например, поведенческие акты, связанные с несоблюдением больничного режима, приема лекарств, диеты и др.). Данные признаки не являются исчерпывающими.

Признаки жертвы преступлений можно использовать в качестве критериев типологии жертв. Единого подхода к типологии жертв в науке не существует. В классификациях выделяют различные от степени виктимности жертвы до степени виновности жертвы. Например, Б. Мендельсон предлагал следующую типологию жертв: жертва невинная, жертва с незначительной виной, жертва в равной степени виновная, как и преступник, жертва более виновная, чем преступник, и наиболее виновная жертва. Критерием такой классификации послужила степень вины³.

Д. В. Ривман в основу типологии жертв включал характер поведения жертвы. Он выделял такие типы жертв, как агрессивные, активные, инициативные, некритичные, нейтральные⁴.

С учетом множества типологий жертв в науке, вопрос о типологии жертв ятрогенных преступлений остается неразработанным.

Изучение личностных, поведенческих особенностей жертв, их физических особенностей, может не только существенно оптимизировать процесс расследования, но и позволит предотвратить преступления, совершаемые медицинскими работниками.

¹ Скоротягина Д. А. Собираание и использование данных о личности потерпевшего с целью расследования преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д. А. Скоротягина. Свердловск, 1978. С. 33.

² Курс криминалистики: учебник в 3 т. / О. Н. Коршунова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. Т. 1. Частные криминалистические теории. С. 154.

³ Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе: Ирфон, 1978. С. 42.

⁴ Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений: учеб. пособие / Д. В. Ривман. Л.: Изд.-во ЛГУ, 1975. С. 64.

Гусельникова О. В.

Особенности взаимодействия Следственного комитета и МЧС России

Авиационное происшествие на открытой местности, повлекшее за собой гибель людей, является масштабным событием. Обломки воздушного судна распадаются на несколько частей и на большие расстояния. Поэтому для проведения осмотра места авиационного происшествия требуется большое количество людей и техники.

В связи с этим, следователи для оказания им помощи привлекают сотрудников других органов и подразделений для участия в следственном действии. Так, в 2016 году было принято решение о взаимодействии Следственного комитета (далее — СК России) и Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее — МЧС России) при ликвидации чрезвычайных ситуаций, расследовании аварий и катастроф, а также других преступлений, повлекших человеческие жертвы и нарушения условий жизнедеятельности между¹.

Главной формой взаимодействия является совместная работа на месте авиационного происшествия. МЧС России оказывает содействие в доставке следственной группы и криминалистического оборудования на место происшествия, его охране, оборудовании мобильных лагерей, поиске и извлечении как пострадавших, так и предметов, имеющих доказательственное значение.

В качестве примера совместной эффективной работы СК России и МЧС России можно привести авиационное происшествие, произошедшее в августе 2015 года над акваторией Истринского водохранилища в Московской области с вертолетом «Robinson — R44» с гидропланом «Cessna 206 F», в результате которого погибли пилоты и пассажиры обоих воздушных судов (всего 9 человек).

Сотрудники МЧС России прибыли на место события раньше следователей, произвели оцепление территории места крушения и примыкающий к воде участок суши, организовали поисковые мероприятия с применением средств фиксации. Они также произвели действия по фиксации и сохранности возможных следов события. Сразу же на месте был организован межведомственный штаб, который планировал и корректировал поисково-спасательные работы и действия следственно-оперативной группы.

¹ Решение коллегий от 30.03.2016 № 7/1/2 «О развитии взаимодействия МЧС России и Следственного комитета Российской Федерации при ликвидации чрезвычайных ситуаций, расследовании аварий и катастроф, а также других преступлений, повлекших человеческие жертвы и нарушения условий жизнеобеспечения».

Для осмотра территории авиационного происшествия было задействовано сотрудниками ГУ МЧС России 122 единицы техники, в том числе вертолет для осмотра и фиксации воздушного судна.

В связи с тем, что воздушное судно упало вблизи воды, при помощи водолазов, состоящих в штате МЧС, производились поисковые мероприятия, направленные на установление и извлечение из воды тел погибших и фрагментов воздушных судов. Так как крушение самолета — это всегда трагическое событие и в нем погибают чьи-то близкие люди, сотрудниками МЧС России была организована работа психологов с родственниками погибших и очевидцами столкновения¹.

Помимо вышеописанного случая можно привести пример крушения самолета Боинг «737–505» в городе Перми, произошедшего 14 сентября 2008 года. Сотрудники МЧС России совместно со следователями участвовали в собирании деталей и обломков самолета, погрузке их в транспортные средства для передачи МАК. Органами МЧС было организовано своевременное питание, оборудованы места для отдыха, следователям предоставили необходимую одежду и обувь².

Кроме совместной работы на месте авиационного происшествия также осуществляется оперативный обмен информацией о произошедших катастрофах, авариях или иных чрезвычайных ситуациях техногенного характера; организация и проведение совместных учебно-практических занятий, в том числе по вопросам использования помощи специалистов и специальной техники подразделений МЧС и др.; получение сведений из различных баз данных и информационных систем МЧС России, привлечение сотрудников ведомства к проведению судебных экспертиз и исследований.

Эффективной формой взаимодействия СК России с подразделениями МЧС России является организация и проведение совместных учебных мероприятий, направленных на повышение согласованности работы на местах авиационных происшествий и на формирование у следователей устойчивых теоретических знаний и практических навыков, необходимых при проведении неотложных следственных действий по фактам различного вида происшествий.

Так, в июле 2015 года на базе учебного полигона 40-го Российского центра подготовки спасателей МЧС России проведено учебно-практическое занятие на тему: «Осмотр места авиационного происшествия». В ходе учебного занятия с использованием макетов воздушного судна Ту-134 и вертолета МИ-8 проведены осмотры мест происшествий с имитацией их жесткой посадки с применением всех стоящих на во-

¹ Уголовное дело № 2/1971 // Архив московского следственного отдела на воздушном и водном транспорте Московского межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации за 2015 г.

² *Елинский В. И., Коткин П. Н.* Специфика организации и производства осмотра места авиационного происшествия // Российский следователь. 2009. № 20. С. 4–10.

оружии специальных средств и криминалистической техники. Данное мероприятие проводилось с участием специалиста МАК, который на практике разъяснил следователям методики осмотра места авиационных происшествий. Указанное учебное мероприятие зафиксировано с помощью видеозаписи и используется в качестве учебного пособия.

Исходя из вышеизложенного следует отметить, что взаимодействие Следственного комитета РФ и МЧС России приносит положительный результат в расследовании, особенно при проведении осмотра места авиационного происшествия. Сотрудники МЧС России играют огромную роль в оказании помощи на месте происшествия при помощи людей, техники, а также знаний и навыков при спасательных работах. Поэтому сотрудничество с МЧС России следует дальше развивать и привлекать иные органы для оказания помощи в расследовании.

Евсюков П. В.

Особенности тактики допроса по делам о преступлениях, совершаемых организованными преступными группами

Как известно, при расследовании преступлений процессуальное действие в виде допроса встречается наиболее част; практически невозможно встретить уголовное дело, по которому бы не проводились допросы. Показания, полученные при грамотном проведении допроса могут существенно повлиять на исход уголовного судопроизводства в каждом конкретном случае. Однако, проведение допроса при расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами (далее — ОПГ), имеет свои существенные особенности, которые необходимо учитывать. В частности, при допросе подозреваемых и обвиняемых следует учитывать взаимоотношения между участниками ОПГ, положение каждого из них в ее иерархии, исходя из роли каждого из них. При допросе свидетелей и потерпевших, а также иных лиц стоит учитывать возможность влияния заинтересованных лиц на них посредством подкупа, а нередко и угроз. Актуальным остается выбор индивидуального подхода при допросе обвиняемого, исходя из «специализации» ОПГ (бандитизм, разбой, мошенничество, экстремизм, терроризм и т. д.). В виду указанной специфики было решено выбрать именно эту тему для исследования.

Само по себе проведение допроса при расследовании преступления, совершенного ОПГ, весьма проблематично независимо от того, какой статус у допрашиваемого лица. Так, достаточно распространенной проблемой при допросе свидетелей и потерпевших является оказание влияния на них различного характера членами ОПГ. Чаще всего свидетелей и потерпевших просто принуждают не давать показания против преступников под угрозой применения насилия в от-

ношении них самих, а также их родных и близких. Однако на практике имеют место быть случаи, когда свидетели вступают в сговор с обвиняемыми и подозреваемыми за материальное вознаграждение. В первом случае следователь должен донести до потерпевшего или свидетеля, что чем активнее они будут содействовать проведению предварительного следствия по делу, тем быстрее они избавятся от тревоги, возникающей из-за угроз со стороны членов ОПГ, а также дать допрашиваемым уверенность в защищенности от дальнейших посягательств преступных элементов. В случае же, когда свидетель или даже изредка потерпевший дают ложные показания, следует обращать внимание непосредственно на термины употребляемые на стадии свободного рассказа. Немаловажно при этом иметь представление о допрашиваемом в целом: образование, происхождение, национальность, профессиональная принадлежность и т.д. Если при допросе он активно использует какую-то не характерную для него лексику, то имеются основания полагать, что показания он буквально заучил со слов заинтересованных в исходе дела лиц. При несовпадении показаний свидетелей также целесообразно провести очную ставку. При этом необходимо предупредить допрашиваемых об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо за отказ от дачи показаний. В ряде случаев целесообразно провести повторный допрос, направленный на изобличение допрашиваемого во лжи посредством предъявления доказательств.

Допрос подозреваемых и обвиняемых, на наш взгляд, является темой многоаспектной и, с научной точки зрения, достаточно разработанной. Серьезной проблемой, упоминаемой большинством исследователей данной темы, является коллективная установка членов ОПГ, направленная, в первую очередь, на противодействие деятельности правоохранительных органов, и, в частности, органов предварительного следствия. Нередко встречается также преобладание коллективного над личностным началом; особенно это характерно для экстремистских сообществ, а также этнических преступных группировок. Причем подготовка к противодействию органам предварительного следствия осуществляется на всем протяжении деятельности ОПГ, а не только после задержания ее участников, и нередко эта подготовка проводится с участием бывших, а в ряде случаев и действующих сотрудников правоохранительных органов. В отличие от преступников-одиночек или менее квалифицированных преступных объединений с более низким, или зачаточным уровнем внутренней организации, у ОПГ нередко вырабатывается своеобразная «идеологическая» составляющая. Вместе с организационной сплоченностью под крылом сильного лидера данные факторы могут создать ряд проблем при допросе, особенно у неопытного следователя, и в конце концов порождают возникновение конфликтной ситуации при проведении этого следственного действия.

Исходя из сказанного, следует считать приоритетной задачей следователя при допросе является устранение уверенности участников ОПГ в своих идеалах, и, что не менее важно, уверенности в надежности соучастников в совершенном преступлении. С этой целью работник следственного органа при подготовке к проведению допроса и сборе информации о допрашиваемых может обратиться за помощью к оперативным уполномоченным работникам органа дознания для выявления противоречий, возможных конфликтов интересов участников ОПГ. Установлению в приоритетном порядке подлежит роль допрашиваемого в совершенном преступлении и в деятельности ОПГ в целом, установление наличия судимости. Кроме того, выявляются черты характера допрашиваемого, его семейное положение, образование, взаимоотношения с родственниками и другими лицами. При разработке плана допроса следует также учитывать «специализацию» ОПГ, так как в ней легко могут проявляться мировоззрения и интересы ее участников.

При задержании преступника следует провести его допрос как можно раньше. Это обусловлено своего рода шоковым состоянием, в котором он находится, его дезориентацией и замешательством. В таком состоянии преступник обычно быстро начинает давать показания, однако проблема в том, что, как правило, потом он от этих показаний отказывается, чаще всего аргументируя это тем, что давались они «под давлением». С целью сведения возможности изменения показаний и их неблагоприятного воздействия на ход расследования дела в кратчайшие сроки рекомендуется провести неотложные следственные действия с опорой на сведения, полученные при допросе подозреваемого. В первую очередь, при допросе стремятся получить сведения о субъектах преступного посягательства, во взаимодействии и по отдельности. Также ставится цель выявить неустановленных членов ОПГ и ее руководителя.

Следует учитывать и особенности расследования преступлений этнических ОПГ, когда возникает необходимость участия переводчика в допросе подозреваемого или обвиняемого. Допрос при участии переводчика, на наш взгляд, следует проводить только при наличии средств аудио- или видеозаписи, т. к. чаще всего переводчик той же национальной принадлежности, что и допрашиваемый, а значит есть вероятность ложного перевода. Для получения правильного перевода у следователя должна иметься его запись.

С целью дестабилизации коллективной оборонительной доминанты между подозреваемыми либо обвиняемыми, как сказано выше, имеет смысл использовать возможный конфликт интересов участников ОПГ, исходя из наличия каких-либо противоречий в организованной группе между ее членами, либо факторы, которые могут поспособствовать обострению таковых. В зависимости от характера совершаемых преступлений у каждого вида ОПГ можно выявить свои специфические внутренние конфликты. Наиболее классический, распространенный

в большинстве ОПГ — это подозрительность в отношении ее участников, что кто-то из них может пойти на сотрудничество со следствием. Поэтому получая показания, по фактам о которых может знать только ограниченный круг лиц (например, источники финансирования, обстоятельства подготовки совершенных или готовящихся преступлений), целесообразно дать понять об этом другим подозреваемым, что может сильно поколебать конфликтный настрой. Также можно предпринять более специфические примеры. Например, в случае с ОПГ, осуществляющими экстремистскую деятельность, можно сыграть на внутренних идеологических противоречиях или же бессмысленности и абсурдности идей, например, если действия экстремистов не находят поддержки у граждан. Вызванные сомнения должны побудить подозреваемых дать показания, вплоть до вершины иерархии организации. Возвращаясь к более классическим группам, где в первую очередь стоит вопрос об извлечении выгоды, можно намекнуть при допросе, на «несправедливое» распределение добытого преступным путем имущества, неуважительное отношение со стороны руководителей ОПГ к остальным участникам. Для получения подобных сведений следователь должен тесно сотрудничать с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

В целом при проведении допроса активно используется косвенный метод, который особенно важен при предъявлении доказательств. С учетом настроения преступника на противодействие органам следствия косвенный метод не позволяет понять допрашиваемому, в связи с чем задаются те или иные вопросы.

Кроме вышеуказанного не следует исключать возможность самооговора допрашиваемым. Делать он это может с самыми разными целями и мотивацией, например, чтобы выгородить руководителя ОПГ или иных соучастников, повысить свой престиж в криминальной среде путем получения срока за преступление, избавиться от алкогольной или наркотической зависимости за время отбывания наказания, получить менее серьезный срок за соответствующее преступление и т. д. Признаки самооговора достаточно общие — создается впечатление заученности текста, имеется много нехарактерных терминов и словосочетаний, банальное несоответствие «признавательных» показаний действительности. Правила выявления самооговора тоже можно назвать общими: проведение повторных допросов, максимальная детализация показаний, проведение очных ставок и т. д.

На основании сказанного, можно сделать вывод о том, что основным средством получения и удостоверения сведений в ходе проведения допроса при расследовании преступлений, совершаемых ОПГ, является убеждение следователем потерпевших и свидетелей, что дача показаний против участников преступной группы в их интересах, ведь чем раньше они понесут наказание, тем быстрее они могут жить без страха опасения мести с их стороны. Относительно допросов подозреваемых

и обвиняемых можно утверждать, что следователь на основании имеющихся у него сведений должен установить психологический контакт, найти подход к участникам ОПГ, исходя из имеющихся или возможных в ОПГ конфликтов интересов.

Елисеева М. Г., Катагощина У. В.

Получение информации о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами. Криминалистические возможности

Ни для кого не секрет, что в современном мире сложно представить жизнь без мобильного телефона, который имеется у каждого человека, в том числе и у преступников. Российское законодательство идет в ногу с техническим прогрессом, поэтому в 2010 году Уголовно-процессуальный кодекс РФ был дополнен новой статьей 186.1 «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». Данное следственное действие получило широкое распространение на практике, и оно в значительной степени помогает раскрытию и расследованию преступлений.

Согласно действующему процессуальному законодательству под получением информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами понимается получение сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций¹.

В своем докладе мы рассмотрим технические возможности, а также методы получения информации между абонентами и абонентскими соединениями. Современные возможности криминалистической техники в данном вопросе поистине безграничны.

1. Большой популярностью пользуется устройство криминалистического исследования сотовых телефонов «UFED». На основании анализа практики применения этого устройства, который был проведен Институтом повышения квалификации Следственного комитета России в территориальных подразделениях СК РФ, из общего количества применения UFED в 87% была получена информация, способствующая раскрытию преступления². Система извлечения судебной информации

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции (1–2 ноября 2013 г.). Вып. 10. Ч. 2. Тюмень: ТГАМЭУП, 2013.

Cellebrite UFED позволяет извлекать важнейшие криминалистические данные из мобильных телефонов, смартфонов и КПК даже в полевых условиях, что очень важно для следователя. Устройство поддерживает примерно 95% всех моделей мобильных телефонов, это примерно 1700 устройств. С его помощью возможно извлечь данные телефонной книги, текстовых сообщений, журнала звонков (исходящих, входящих, пропущенных) и многое другое. Программа-администратор отчетов UFED Report Manager позволяет сохранять, распечатывать и анализировать извлеченные данные. При этом генерируются компактные и легко анализируемые отчеты в формате HTML или XML, которые дают возможность получить распечатки для судебных справок. Отчеты содержат сведения о времени и дате извлечения, фамилию сотрудника, выполнявшего извлечение, название ведомства и номер дела. Cellebrite UFED поддерживает функцию клонирования идентификатора SIM-карты, которая позволяет извлекать данные без подключения телефона к сети, то есть он остается невидимым. Если отсутствует подлинная SIM-карта, можно запрограммировать вручную в клонированный идентификатор SIM-карты, что позволит создать ее точную копию. Данная функция особенно необходима, так как многие телефоны удаляют журналы звонков и текстовых сообщений после того, как пользователь вставляет новую SIM-карту.

2. Криминалистическая система считывания и анализа информации с мобильных телефонов и SIM-карт «ХRY» успешно используется Экспертно-криминалистическим центром МВД России и в его территориальных органах. К базовым функциям относят: считывание и клонирование SIM-карт; логические и физические исследования мобильных телефонов; логические и физические исследования карт памяти; импорт и декодирование резервных файлов. Преимуществом данной программы является то, что процедура загрузки данных в компьютер занимает всего 5–10 минут, что позволяет сэкономить значительное время для проведения расследований.

3. Относительно недавно было выпущено еще одно устройство — CSI STICK, которое также позволяет копировать информацию с телефона. Программа предусматривает несколько режимов копирования, в частности: text filter, который копирует всю текстовую информацию, включая СМС, телефонную книгу, логи звонков (файл с записями о событиях в хронологическом порядке); logical copy — копируется вся доступная активная информация (включая тексты), а также существует режим полного копирования. Преимуществом устройства является его портативность: можно скачивать информацию из мобильного телефона, а также анализировать и исследовать ее в любой удобное время. К недостаткам относится ограниченный круг мобильных телефонов, который поддерживает данная система: в настоящий момент это Motorola и Samsung, но планируется освоение

для телефонов LG и Nokia. В настоящее время отсутствует официальная информация об апробации и использовании данного устройства правоохранительными органами Российской Федерации при расследовании преступлений.

Методы снятия дампа памяти (содержимого рабочей памяти одного процесса, ядра или всей операционной системы) из мобильных устройств.

Количество преступлений в сфере информационной безопасности и информационных технологий в отношении и с использованием средств мобильной связи неуклонно растет. В этой связи стоит заметить, что большая часть современных мобильных устройств работает под управлением операционной системы Android. Для выяснения причин и последствий инцидентов возникает необходимость изучения хранящейся на них информации.

1. Метод снятия дампа памяти с помощью программного обеспечения Android Debug Bridge — это программный продукт для отладки, выявления ошибок в приложениях, разблокировки устройств на операционной системе Android, а также изъятия из них при необходимости интересующей лица информации.

2. Программный комплекс «Мобильный Криминалист».

«Мобильный Криминалист» — это программа для производства судебно-технической экспертизы сотовых телефонов, смартфонов, планшетов и других мобильных устройств. Применение низкоуровневых протоколов доступа к данным позволяет с помощью «Мобильного Криминалиста» извлекать намного больше информации, чем с использованием других программ аналогичного назначения, особенно это касается данных, хранящихся в смартфонах. Получение прав суперпользователя (root-права) к устройствам позволяет специалистам полностью извлечь все данные пользователя, в том числе информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Получение прав суперпользователя — одна из основных функций Мастера извлечения данных. Важное преимущество этого метода заключается в том, что root-права являются временными и после перезагрузки мобильного устройства отменяются. Поэтому методика полностью соответствует принципам криминалистического исследования. «Мобильный Криминалист» также обладает возможностью анализировать и компоновать уже извлеченную иными средствами информацию, что значительно сокращает время поиска интересующих специалиста данных.

Указанные методы исследования возможно использовать только при условии беспрепятственного доступа к устройству (например, если устройство не заблокировано паролем, или операционная система устройства работает корректно). При наличии же определенных затруднений с доступом к устройству следует использовать другие методы получения информации.

Получение данных из мобильных устройств с помощью интерфейса отладки JTAG.

Одно из возможных решений проблемы — использовать сервисные разъемы на материнской плате мобильного устройства. JTAG — аппаратный интерфейс для прямой связи компьютера с материнской платой с помощью программаторов RIFF Vox, Ostorus и т. п. Проще говоря, данный метод заключается в извлечении и перепрограммировании микросхем, расположенных на материнской плате устройства, а после — в выведении интересующей специалиста информации через специальное устройство (программатор) на компьютер. Данный метод имеет как преимущества, так и недостатки. К первым можно отнести то, что с помощью JTAG можно извлечь информацию из устройства даже при условии некорректной работы операционной системы или наличия блокировки. Недостатком же является долгая обработка данных, полученных с устройства. Она занимает от 24 часов и больше в зависимости от объема накопленной на устройстве информации. Кроме того, данный метод не позволяет сортировать полученную информацию и быстро отбирать интересующие специалиста сведения (в нашем случае — сведения о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами). В общем и целом, данный метод вполне удобен и несложен, однако не учитывает всех трудностей, которые могут возникнуть у специалиста при получении интересующей его информации. В этом случае следует обратиться к следующему методу.

Метод Chip-off.

Суть данного метода вытекает из его названия. Он основан на выпайивании чипа памяти из мобильного устройства, после чего с помощью специального оборудования (программатора) и программного обеспечения считываются данные. Полученные данные в последующем нужно обработать.

Chip-off является самым сложным методом извлечения данных из мобильных устройств и требует от специалиста наличия определенных навыков. Но с его помощью возможно извлечь данные даже из таких устройств, откуда это сделать, казалось бы, невозможно.

Плюсы данного метода заключаются в возможности восстановления данных при сильном повреждении мобильного устройства. При этом стоит отметить, что у данного метода есть и минусы:

- для извлечения чипа требуется полная разборка устройства: это занимает много времени, а также зачастую приводит к потере работоспособности устройства;
- требуется дорогостоящее оборудование и достаточно дорогое ПО;
- отечественная практика показывает, что должностные лица, осуществляющие следствие в рамках уголовного дела или проверки, скептически относятся к методу Chip-Off и редко идут на разрешение эксперту подобных мер.

Существует также схожий, но более простой способ извлечения информации из устройства — метод Donator.

Метод заключается в том, что из поврежденного мобильного устройства извлекается чип памяти и устанавливается в точно такое же исправное мобильное устройство. При этом решается сразу несколько сложных задач, с которыми пришлось бы столкнуться при использовании метода Chip-off.

Перепайка чипа — а именно в этом заключается метод Chip-off — очень сложная и трудоемкая работа. Существует вероятность стирания данных из-за воздействия высоких температур на чип или его механического повреждения. Также нельзя исключать, что производитель мобильного устройства использует аппаратную защиту, которая при замене чипа памяти в устройстве сотрет все данные.

Таким образом, приходим к выводу, что применение двух указанных выше методов позволит специалисту получать информацию с мобильного устройства в случае, если использование интерфейса отладки JTAG не дало нужного результата.

Ермошкин Д. А.

О необходимости изъятия контрольных образцов при обнаружении следов, похожих на кровь

Как отмечал Рафаил Самуилович Белкин в своих научных трудах — работа со следами при осмотре места происшествий и в ходе других следственных действий носит основополагающий характер в раскрытии и расследовании преступлений¹. От того, насколько качественно и в полном объеме будут изъяты следы преступления, зависит дальнейший ход расследования.

Благодаря квалифицированной работе специалиста, обнаруженные следы могут передать информацию непосредственно о событии преступления, о его механизме совершения и, что очень важно, могут указать конкретно на личность человека, имеющего отношение к совершенному деянию, а в некоторых случаях косвенно указать на его специальность, место проживания, пол, возраст, хронические заболевания и т. д.

В связи с изменением методов экспертного исследования биологических объектов, когда на смену серологии (исследование по системе АВ0) пришел метод ДНК-типирования, отпала необходимость производить контрольные смывы при обнаружении биологических следов на месте происшествия. Это обуславливается тем, что, согласно разработанной методике, контрольные образцы также подлежат исследованию, опи-

¹ *Белкин Р. С.* Избранные труды. М.: Норма, 2008. 768 с.

санию при том, что, они никакой полезной информации для биологов не несут, а лишь увеличивают объем работы.

На практике многие специалисты-криминалисты и иные участники осмотра восприняли эту рекомендацию как отсутствие необходимости изъятия контрольных образцов (смывов, соскобов и др.) и в отношении иных видов следов. На наш взгляд, данная рекомендация не применима к работе со следами, похожими на кровь, как минимум до момента установления факта наличия крови. Это обусловлено тем, что обнаруженное на месте происшествия вещество может быть ошибочно отнесено к группе биологических следов, а именно, к следам крови. Следы, похожие на кровь, обнаруженные в ходе осмотра могут являться как веществом биологического происхождения, так и веществом химического происхождения. В случае, если обнаруженные следы действительно являются кровью, работа специалиста-криминалиста упрощается — нет необходимости уделять время на изготовление контрольных смывов. Но если данные следы не являются кровью? Если эти следы относятся к веществам химического происхождения? А если данные следы относятся к веществам химического происхождения, то к каким?

В ситуации, когда работающий на месте происшествия специалист, придерживающийся данной рекомендации, ошибочно принимает обнаруженные следы за кровь, последующее их исследование по иным направлениям будет затруднено и не предоставит важной и необходимой следствию информации, способствующей раскрытию и расследованию преступления. В качестве примера можно рассмотреть исследование в рамках криминалистической экспертизы веществ, материалов и изделий, например, чернил красного цвета, которые по своей консистенции похожи на кровь. Или имитатор крови, применяемый в качестве реквизита. Например, в ходе осмотра места происшествия были обнаружены следы-вещества, похожие на кровь; специалист произвел смыв данных веществ, а также сделал смыв с пола рядом с веществом, т. е. контрольный смыв. По заключению биологической экспертизы данное вещество не являлось кровью. Тогда, для установления природы данного вещества следователь направил изъятый объект и контрольные смывы на экспертизу веществ, материалов и изделий. При исследовании представленного объекта была установлена смесь нескольких видов различных химических продуктов. Только после исследования контрольного смыва эксперту удалось исключить из смеси вещества, присутствующие в контрольном смыве, и установить природу продукта, изъятую с места происшествия.

Таким образом, оправдывающий себя десятки лет метод изъятия следов, похожих на кровь, с одновременным изъятием контрольных образцов является наиболее объективным и полным. Это, в первую очередь, необходимо для выяснения всех обстоятельств совершенного деяния.

Мы можем согласиться с тем, чтобы не изымать контрольные смы-
вы, но это должно происходить тогда, когда специалист-криминалист
уверен, что изымает именно кровь в ходе следственных действий.

Заблоцкая О. А.

Механизм противодействия киберпреступлениям в отношении несовершеннолетних

В информационном обществе использование Интернета для ос-
новной части населения является обыденным явлением. Однако стоит
отметить, что результаты современного технологического прогресса
и развитие современной коммуникационной среды используются не
только в мирных целях, но и становятся дополнительным пространством
и средством для распространения преступных деяний, что представляет
собой актуальную проблему для правоохранительных органов. При этом
наиболее уязвимыми пользователями являются дети; захваченные без-
граничными возможностями мировой паутины они зачастую не могут
разглядеть встречающихся в ней рисков и угроз. В сложившихся услови-
ях информационного общества в правовом государстве целесообразно
обеспечить гарантии защиты и реализации прав, свобод и законных
интересов уже не только в реальном, но и виртуальном пространстве.
В этой связи, по нашему мнению, необходимо выработать механизм
противодействия киберпреступлениям, уделив особое внимание наи-
более подверженной угрозам в указанной сфере категории — несо-
вершеннолетним.

Как заявил Генеральный прокурор Российской Федерации Юрий
Чайка на III встрече руководителей прокурорских служб государств
БРИКС, посвященной вопросам противодействия киберпреступности,
«число преступлений, совершаемых с использованием современных
информационно-коммуникационных технологий, с 2013 по 2016 год
увеличилось в 6 раз (с 11 тыс. до 66 тыс.). Значительный их рост наблю-
дается и в текущем году (+26%, 40 тыс.)»¹. По данным Генпрокуратуры
в 2016 году в России 2/3 преступлений экстремистской направленности
и каждое девятое преступление террористического характера соверше-
ны с использованием сети Интернет. Значительное число преступле-
ний, совершаемых с использованием современных информационных
технологий, связано с незаконным оборотом наркотических средств
и психотропных веществ. Разнообразные противоправные деяния,
совершаемые с использованием Интернета и коммуникационных
устройств, причиняют значительный имущественный вред, посягают

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Дата раз-
мещения 24.08.2017 // URL: <http://genproc.gov.ru>.

на национальную безопасность. По данным официальной статистики, в России за первое полугодие 2017 года ущерб составил более 18 млн. долларов США. Столь тревожные показатели диктуют необходимость повышения эффективности работы правоохранительных органов в сфере противодействия киберпреступности.

По нашему мнению, основные интернет-угрозы безопасности для обычных пользователей можно условно разделить на три группы:

1) связанные с общением в виртуальном пространстве, включая интернет-террор, распространение идей экстремизма, расовой и национальной ненависти, сетевую педофилию, интернет-мошенничество, кибербуллинг, пропаганду суицидального поведения и т. п.;

2) нежелательный контент, представляющий собой фото-, видеоматериалы, тексты, содержащие насилие, порнографию, пропаганду наркотических средств, азартных игр и прочую информацию, негативно воздействующую на психику и нравственные ориентиры, что особенно касается молодого поколения. Сюда же относят сайты, запрещенные законодательством;

3) вредоносные программы, т.е. сетевые вирусы, шпионские программы, задача которых получить доступ к данным пользователя компьютерного устройства или иного средства выхода в интернет, фишинговые атаки, спамы и прочие опасные сетевые явления.

В свою очередь, деятельность правоохранительных органов и применяемые ими средства для пресечения и борьбы с преступностью должны соответствовать современным реалиям, иметь возможность противостоять преступности в нынешних условиях. В связи с этим, использование возможностей криминалистики при расследовании преступлений в сети Интернет представляет собой особое значение для механизма противодействия киберпреступлениям против несовершеннолетних в целом.

Обратим внимание, что в настоящее время общегосударственный механизм противодействия киберпреступлениям как таковой, не обозначен в законодательстве Российской Федерации; можно выделить только отдельные правовые нормы, регулирующие информационное и сетевое пространство и общественные отношения в этой среде, а также соответствующие полномочия органов власти. Полагаем, основными составляющими механизма противодействия киберпреступлениям, совершенным в отношении несовершеннолетних, являются:

- правовая основа (регулирующая информационное пространство и, в частности, сеть Интернет, а также нормы, устанавливающие ответственность за преступления в указанной сфере);
- конкретные средства и способы, применяемые правоохранительными органами для противодействия преступности, распространяемой посредством виртуальной сети (в числе которых особое

значение имеют современные криминалистические технологии, достижения, знания и методические материалы по рассматриваемому вопросу).

В рамках данной работы опустим вопрос правового регулирования, составляющего механизм противодействия преступлениям, совершенным против несовершеннолетних, и уделим внимание именно криминалистическим средствам.

При наличии достаточных данных о совершении посредством сети Интернет действий, представляющих угрозу обществу, компетентным должностным лицам правоохранительных органов необходимо достоверно установить все обстоятельства происшедшего, выявить причины, которые повлекли (могут повлечь) преступный результат. Кроме того, необходимо обеспечить сохранность данных, которые могут содержать следы противоправных деяний или иную информацию об их совершении, а также предпринять меры по предупреждению дальнейшего распространения преступных действий (блокировка сетевых ресурсов, закрытие определенных сообществ администрацией сайта и т.п.). Однако стоит учитывать, что блокировка сетевых ресурсов, использованных в преступных целях, еще не лишает злоумышленников возможности осуществления противоправной деятельности в сети посредством вновь созданных по другому адресу аккаунтов, сайтов, профилей и т.д.

Основной задачей на стадии выявления и первоначальном этапе расследования преступлений, совершенных посредством сети Интернет, как правило, является установление электронного устройства пользователя социальных сетей, «администрирующего» соответствующие сообщества и непосредственно занимающегося противоправной деятельностью в отношении пользователей. Расследование часто осложняется тем, что виновные выступают в сети под подложными именами и создают «закрытые» сообщества, где обмениваться информацией могут лишь лица, присутствие которых одобрит сам администратор группы. Для маскировки истинного IP-адреса используются прокси-серверы, VPN-серверы, иные программно-аппаратные средства, затрудняющие установление источника информации.

Современные криминалистические знания в области построения, принципов действия и функционирования компьютеров и интернет сетей, а также доступные технологические разработки дают возможность с большой степенью вероятности определять не только IP-адрес и соответствующее ему электронное устройство, но и его достоверное местонахождение и принадлежность.

Так, в настоящее время криминалисты оснащены мобильными комплексами по сбору и анализу цифровых данных «UFED». Эти приборы позволяют считывать информацию с мобильных устройств и восстанавливать удаленные пользователем файлы.

Большую помощь криминалистам оказывает аппаратно-программный комплекс для исследования мобильных устройств и устройств глобального позиционирования UFED TouchN. Его применение позволяет извлекать, декодировать и анализировать доказательственные данные, полученные из разных моделей мобильных устройств, GPS/ГЛОНАСС-приемников, и использовать эти данные в суде. Как отметил председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин, с помощью данного средства «в общей сложности в следственных органах выявлены и изъяты десятки тысяч информационных следов, имеющих доказательственное значение»¹, что подтверждает использование технологических достижений криминалистики на практике.

Тем не менее, обнаружение электронного источника поступающей в сеть противоправной информации само по себе не предполагает виновность его номинального владельца. Точно установить реальное физическое лицо, осуществлявшее непосредственную преступную деятельность, позволит лишь тактически грамотное, основанное на постулатах криминалистики построение дальнейших следственных действий (обысков по месту жительства и месту нахождения компьютерной и сетевой техники, ее осмотров, получения информации от провайдеров, допросов свидетелей, подозреваемых и иных).

Подводя итог, отметим, что развитие высоких технологий и легкодоступность интернет-сетей являются не только благом, но и демонстрируют угрозы безопасности граждан. Современные достижения и технологические средства криминалистики способны противодействовать преступности в интернет-пространстве. Отметим также, что на общегосударственном уровне механизм противодействия киберпреступности не обозначен четко, а криминалистические наработки, направленные на решение данной проблемы, достойно отвечают современным тенденциям преступности. Однако эффективность механизма противодействия совершаемым при помощи Интернета действиям, представляющим угрозу для общества, зависит не только от профессионализма сотрудников правоохранительных органов и от наличия соответствующих правовых предписаний, механизмов и средств, но и от сознательности самих пользователей, их способности адекватно реагировать на противоправные явления, как в виртуальном, так и в реальном пространстве.

¹ Козлова Н. След в след: текст интервью Александра Бастрыкина — О секретной технике для расследования нераскрытых преступлений // ПГ. Федеральный выпуск. № 7104 (236) // URL: <https://rg.ru>.

Зильмухамедова А. Н.

Криминалистические аспекты противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов при проведении финансовых операций с использованием офшорных зон

На современном этапе развития цивилизации процесс интеграции, либерализации и увеличения степени открытости национальных экономик способствовал активному перемещению капитала с территории одного государства на территорию другого, что отразилось в становлении и развитии офшорных зон. Офшорная зона — это государство или территория, предусматривающие льготный режим налогообложения и (или) не предусматривающие раскрытия и представления информации при проведении финансовых операций¹. Большинство стран, не имеющих природных или каких-либо иных ресурсов, объявляют о своем офшорном статусе с целью привлечения иностранных инвестиций в национальную экономику. На сегодняшний день офшорный бизнес представляет из себя четко сформированную, налаженную систему, имеющую свой механизм ведения предпринимательской деятельности. Однако активное развитие офшоров все чаще свидетельствует о правонарушениях в данной сфере.

В большинстве случаев офшорные зоны используются для легализации (отмывания) незаконно полученных денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем. По оценкам экспертов Международного валютного фонда, преступные организации ежегодно легализуют от 0,5 до 1,5 трлн долларов, что составляет до 5% валового мирового продукта². По данным МВД РФ, преступные доходы все больше проникают в правомерную финансово-экономическую деятельность государства, так как, согласно статистике, в стране ежегодно легализуется 250–300 млрд руб., добытых незаконным путем³.

Изучение вопросов, связанных с использованием офшорных центров в схемах по легализации преступных доходов, является особо актуальным, так как общественная опасность данного деяния возрастает из-за появления все новых, наиболее изощренных способов совершения рассматриваемых деликтов, которые подрывают безопасность не только национальной экономики, но и всей международной финансово-экономической системы в целом.

¹ Приказ Министерства финансов России от 13.11.2007 № 108 (Зарегистрировано в Минюсте России 03.12.2007 № 10598) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 10.12.2007. № 50.

² *Жубрин Р. В.* Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты. М.: Волтерс Клувер, 2011. 339 с.

³ Легализация денежных средств, добытых незаконным путем // [Электронный ресурс] URL: http://sartacc.ru/print.php?print_file=Press/legaliz.htm (Дата обращения 28.10.2017).

Исходя из этого, противодействие отмыванию преступных доходов, возрастающие масштабы которого напрямую связаны с использованием оффшорных зон, входит в число первостепенных задач, которые ставятся перед государством.

Проанализировав имеющуюся литературу по рассматриваемой тематике, мы пришли к выводу о наличии работ, которые носят исключительно криминологический и уголовно-правовой характер. Вследствие этого считаем наиболее важным изучение криминалистических аспектов противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем.

В первую очередь отметим особенность уголовных дел о легализации незаконных доходов. Она состоит в том, что правоохранительные органы борются с данным видом преступлений по двум направлениям. Во-первых, им необходимо пресечь деяние, являющееся источником получения незаконного дохода, а, во-вторых, расследовать преступление, которое непосредственно связано с легализацией, имевшей место после совершения деяния.

Статистика показывает, что в таких регионах России, как Ленинградская и Московская область, количество зарегистрированных преступлений этой категории минимально, чего нельзя сказать о таких субъектах, как Новосибирская, Курская, Тюменская и Ивановская области¹. На наш взгляд, такое неравномерное распределение по регионам фактов выявления легализации преступных доходов свидетельствует об отсутствии единого подхода к пониманию не только признаков указанного состава преступления, но и его криминалистической системы.

Таким образом, одним из факторов, затрудняющих выявление и расследование легализации преступных доходов, является *отсутствие криминалистических рекомендаций*. К их числу можно отнести следующие:

1. Активное и своевременное использование следователем специальных знаний в конкретной области. Следует отметить: при осуществлении расследования легализации преступных доходов с использованием оффшорных зон актуальными являются знания в области регламентации деятельности оффшорных компаний, бухгалтерского и налогового учета. Качественное расследование рассматриваемого вида преступлений во многом обусловливается наличием у следователей определенного уровня компетенции в области экономической теории и бухгалтерского учета, так как использование собственных знаний в непроцессуальной форме позволяет своевременно и грамотно произвести оценку заключений и показаний экспертов и специалистов, актов проверок, а также иной криминалистически значимой инфор-

¹ *Лавроненко Р. А.* К вопросу о необходимости дальнейшего совершенствования механизма противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 864–869.

мации по делу. Такие знания могут быть получены, например, путем специализированной подготовки, а также с помощью различных форм повышения квалификации.

2. Наличие достоверных сведений об информационной модели легализации незаконных доходов при использовании оффшорных компаний. Они напрямую влияют на планирование следственных действий, определение типов следственных ситуаций, а главное — на моделирование механизма совершения преступления. По мнению Л. Я. Драпкина, путем разработки системы тактических операций обеспечивается решение новых идей декомпозиционного планирования, заключающегося в расчленении основной задачи на ряд составляющих ее частных вопросов, решение которых преследуется при разработке и проведении тактических операций¹. При расследовании данной категории преступлений можно выделить две наиболее общие типичные следственные ситуации: 1) информация о факте легализации поступила от финансовых организаций (налоговых органов); 2) материалы поступили в результате осуществления оперативно-розыскных мероприятий².

3. Соблюдение порядка установления оснований к возбуждению уголовного дела. Определенной спецификой по делам о легализации доходов, полученных преступным путем при использовании оффшорных схем, является наличие документов различного характера, имеющих юридическое значение для дела. Конечно, в первую очередь, обилие всевозможного вида задокументированной информации затрудняет выявление и расследование подобного рода преступлений, требует необходимых знаний специфического вида документооборота, а также правил распознавания фиктивности документов. Зачастую, когда существует необходимость закрепления, изъятия и оценки следов финансовых операций и сделок, совершенных с использованием сети Интернет, нарастает потребность в обращении за квалифицированной помощью к соответствующим специалистам. Однако основная проблема заключается в отсутствии свободного доступа к необходимым сведениям, содержащимся в банковских, налоговых, таможенных и других документах. Это связано, прежде всего, с трудоемкой процедурой их

¹ Драпкин Л. Я. Первоначальные следственные действия в методике расследования преступлений и проблема повышения их эффективности // Вопросы методики расследования преступлений: Научные труды Свердловского юридического института. Свердловск, 1976. Вып. 50. С. 54.

² Проблемные аспекты расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем // [Электронный ресурс] URL: <http://izron.ru/articles/problemny-i-perspektivy-yurisprudentsii-v-sovremennykh-usloviyakh-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-sektsiya-7-ugolovnyy-protsess-kriminalistika-operativno-rozysknaya-deyatelnost-spetsialnost-12-00-09/problemnye-aspekty-rassledovaniya-prestupleniy-svyazannykh-s-legalizatsiey-otmyvaniem-denezhnykh-sre/> (дата обращения 27.10.2017).

получения (например, из-за местонахождения их в организациях под юрисдикцией оффшорных финансовых центров). Именно поэтому, исходя из правовой природы понятия оффшорных зон, ввиду ограниченного доступа к банковской и иной охраняемой законом тайне, схема легализации доходов с помощью оффшорных финансовых центров пользуется наибольшей популярностью.

4. Тщательное изучение способа совершения преступления. Эффективное выявление, расследование и предупреждение легализации (отмывания) полученных преступным путем доходов, также как и других преступлений, обеспечивается путем тщательного изучения способов их совершения. Известно, что одна из важных задач процесса доказывания — правильное установление способа совершения преступления. По мнению Р. С. Белкина, способ совершения и сокрытия преступления, точнее — знание о нем, определяет путь познания истины по делу, т. е. метод раскрытия и расследования¹. Тщательное изучение способа совершения преступления позволит овладеть наиболее полными сведениями о совершенном преступлении и его субъектах, выдвинуть криминалистические версии и определить эффективные методы его расследования. А главное — установление способа совершения уголовно наказуемого деяния дает возможность следователю сформировать определенную устоявшуюся модель механизма преступного события.

5. Активное взаимодействие правоохранительных и контролирующих органов. В сложившейся правовой действительности в процессе выявления легализации преступных доходов недостаточно четко налажено взаимодействие правоохранительных и контролирующих органов по обмену информацией между собой. Правоохранительные органы не всегда обращаются в Росфинмониторинг с запросами о сделках и финансовых операциях, а правоохранительные органы, в свою очередь, зачастую не реагируют на поступившую от Росфинмониторинга информацию, которая может послужить основанием для возбуждения уголовного дела. Если учесть зарубежный опыт в рассматриваемой нами сфере, то заметим, что субъектами расследования рассматриваемой категории преступлений в США выступают те правоохранительные органы, к подследственности которых относятся уголовно наказуемые деяния, от совершения которых получены преступные доходы. Например, Служба внутренних доходов расследует дела, связанные с налогами и Законом о банковской тайне, Таможенная служба — с контрабандой и экспортно-импортными операциями и т. д.² По нашему мнению, такое

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М., 1988. С. 258.

² Лавроненко Р. А. К вопросу о необходимости дальнейшего совершенствования механизма противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 864–869.

функциональное распределение является эффективным и вполне возможным для внедрения в отечественную практику, поскольку доходы, полученные преступным путем, зачастую образуются за счет сбыта наркотических средств, реализации мошеннических схем, взяточничества и т.д. Все это является в каждом единичном случае отдельным составом преступления, к которому впоследствии добавляется еще один — легализация преступных доходов. Деятельность сотрудников правоохранительных органов, к подследственности которых относятся уголовно наказуемые деяния, от совершения которых получены преступные доходы, при внедрении функционального распределения будет иметь наиболее рациональный и последовательный характер. Формирование необходимых данных, их анализ и эффективное использование позволяет своевременно пресекать и предотвращать готовящиеся преступные деяния, а также профессионально использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания. Все вышеперечисленное окажет положительное влияние на противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов, полученных при проведении финансовых операций с использованием оффшорных компаний.

Таким образом, при исследовании особенностей тактики проведения следственных действий необходимо учитывать тактические, психологические и организационные приемы, повышающие их эффективность. Совершенствование механизма противодействия легализации преступных доходов с использованием оффшоров возможно благодаря усовершенствованию криминалистических мер противодействия легализации преступных доходов. Все это напрямую связано с разработкой соответствующих рекомендаций, которые были рассмотрены нами ранее, по выявлению и расследованию данной категории преступлений. В заключение следует отметить, что проблема противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов имеет комплексный характер и включает не только криминалистические, но и правовые, политические, экономические аспекты.

Капоченя В. В.

Проблемы профессиональной подготовки эксперта-бухгалтера

В процессуальном законодательстве Российской Федерации и юридической литературе термин «эксперт» используется в сочетании с термином «специальные знания». Институт использования специальных знаний получил определенное развитие в российском законодательстве и отечественной литературе. Однако некоторые проблемы, имеющие приоритетное значение для теории и практики, продолжают оставаться

нерешенными¹. Одна из них связана с отсутствием в процессуальном законодательстве и Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»² разъяснения сущности специальных знаний, что обуславливает различное толкование учеными и практиками как определения этого понятия, так и его содержания.

В научной литературе определение специальных знаний подвергалось исследованию. Одно из первых определений понятия «специальные знания» было дано А. А. Эйсмано в 1967 г. — это «знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения, которыми располагает ограниченный круг специалистов»³.

Наиболее полное определение специальных знаний, на наш взгляд, предложено Р. С. Белкиным. Он акцентирует внимание на профессиональном характере специальных знаний. Так, по мнению профессора Р. С. Белкина, «специальными являются знания, приобретенные субъектом в процессе практической деятельности путем специальной подготовки или профессионального опыта, основанные на системе теоретических знаний в соответствующей области»⁴.

При рассмотрении проблемы компетенции эксперта-бухгалтера возникает вопрос о том, из каких областей науки и какими именно знаниями должен обладать эксперт-бухгалтер. В рамках этого вопроса целесообразно говорить об объективной компетенции эксперта-бухгалтера. Под объективной компетенцией следует понимать комплекс знаний в области теории, методики и практики судебной экспертизы определенного рода, вида⁵.

Мы считаем, что эксперт-бухгалтер должен обладать знаниями в области бухгалтерского учета и тесно с ним связанного законодательства, например, трудового законодательства. Специальные знания в данном случае имеют двойственный характер. Подобное определение круга специальных знаний зависит от специфики объектов, предоставленных лицу, которое впоследствии будет их исследовать. Помимо бухгалтерских документов при расследовании преступлений исследуются и документы кадрового учета, например, трудовые договоры, штатное расписание, приказы руководителя организации, положение об оплате

¹ *Петрова Т. В.* Понятие специальных знаний и субъекты использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // «Черные дыры» в российском законодательстве. М., 2006. № 2. С. 422.

² Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в действующей редакции).

³ *Эйсман А. А.* Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М.: Юрид. лит., 1967. С. 91.

⁴ *Белкин Р. С.* Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд. перераб. и доп., М.: Норма, 2003. С. 399.

⁵ *Зинин А. М.* Научные и правовые основы судебной экспертизы / А. М. Зинин, Н. П. Майлис. М.: Юрист, 2007. 26 с.

труда, премировании и материальном стимулировании, что и расширяет понятие специальных знаний, добавляя к бухгалтерским документам документы кадрового учета.

Совершенно логично возникает вопрос о субъективной компетенции эксперта-бухгалтера. Субъективная компетенция — качество и степень специальных знаний, которыми обладает конкретный эксперт. Субъективная компетенция зависит от подготовки эксперта, его образования, стажа работы, личных способностей, наличия дополнительного или специального образования.

В статье 13 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ перечислены требования, предъявляемые к субъективной компетенции эксперта, являющегося работником государственного экспертного учреждения:

- определенный образовательный уровень;
- прохождение последующей специальной подготовки по конкретной экспертной специальности;
- прохождение определения квалификационного уровня и аттестации.

Государственный судебный эксперт, по общему правилу, должен иметь высшее профессиональное образование.

Согласно Федеральному закону РФ «Об образовании»², высшее профессиональное образование имеет целью подготовку и переподготовку специалистов соответствующего уровня, удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования на базе среднего (полного) общего, среднего профессионального образования.

Следует отметить, что криминалистическая экспертиза предусмотрена в Перечне специальностей³, обучение по которым в очно-заочной (вечерней), заочной форме и в форме экстерната в образовательных учреждениях среднего профессионального образования не допускается, следовательно получение образования будущим экспертом допустимо только в очной форме.

Направление профессионального образования эксперта должно соответствовать видам экспертиз, которыми эксперт в дальнейшем должен будет заниматься. В отношении эксперта-бухгалтера идеальной представляется модель, согласно которой лицо получило высшее образование по специальности «Судебная экспертиза» по профилю

¹ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в действующей редакции).

² Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в действующей редакции).

³ Перечень специальностей, получение которых в очно-заочной (вечерней), заочной форме и в форме экстерната в образовательных учреждениях среднего профессионального образования не допускается (утв. постановлением Правительства РФ от 22.04.1997 № 463).

«Экономическая экспертиза». Программа данного курса включает в себя изучение как юридических наук, так и бухгалтерского учета. Знание правовых вопросов определяет знание экспертом не только своих прав и обязанностей, но и норм закона, который регулирует назначение и проведение судебной экспертизы. Знание бухгалтерского учета предполагает понимание экспертом упорядоченной системы сбора, регистрации и обобщения информации в денежном выражении о состоянии имущества, обязательствах и капитале исследуемой организации и их изменениях путем сплошного, непрерывного и документального отражения всех хозяйственных операций этой организации.

Однако подобное встречается редко, а наиболее распространенным вариантом является наличие у лица высшего образования по специальностям: «Бухгалтер», «Экономика и бухгалтерский учет», «Аудит», «Бухгалтерия предприятия», что, по нашему мнению, допустимо, так как программа данных курсов включает в себя приобретение специальных знаний в области бухгалтерского учета. Однако в таком случае у лица возникает обязанность дополнительно получить знания трудового и процессуального законодательства, ведь без них производство экспертизы будет неполным и с нарушением правовых норм.

Поскольку существует несколько систем экспертных учреждений, то и нормативные акты, регламентирующие порядок прохождения специальной подготовки (переподготовки) или повышения квалификации экспертов, принимаются в отношении каждой системы соответствующими министерствами и ведомствами, в структуру которых входят экспертные учреждения.

Например, согласно Положению об аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы экспертов федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации, регламентирующему специальную подготовку экспертов в системе Минюста, аттестация на право самостоятельного производства судебной экспертизы по экспертной специальности проводится для экспертов, имеющих высшее образование и получивших дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности¹.

Каждые 5 лет экспертно-квалификационная комиссия пересматривает уровень квалификации и проводит аттестацию экспертов на право самостоятельного производства судебной экспертизы.

Таким образом, уровень профессиональной подготовки, то есть субъективная компетенция будущего эксперта, определяется при

¹ Положение об аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы экспертов федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации (утв. приказом Министерства юстиции Российской Федерации (Минюст России) от 07.10.2014 № 207 г. Москва).

прохождении аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы. Для обеспечения надлежащего уровня производства экспертиз проведение подобной процедуры предусмотрено в последующем каждые 5 лет.

Канадскому ученому и педагогу Лоуренсу Джонстону Питеру принадлежат замечательные слова: «Чтобы компетентно работать, группе способных людей нужны всего-навсего общие ориентиры и четко определенные цели. Для неспособных работников должны быть введены правила, ограничивающие их действия». Так, наличие в законе требований, предъявляемых к образованию эксперта, существование в министерствах и ведомствах, в структуру которых входят экспертные учреждения, собственных нормативных актов, регламентирующих эти вопросы, и есть те самые ориентиры для способных, и те самые ограничения для неспособных. Их наличие обеспечивает надежность полученного в ходе проведения исследования доказательства — заключения эксперта.

Коробов Д. И.

Тактико-криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в суде с участием присяжных заседателей

Институт присяжных заседателей является одной из важнейших форм участия граждан в отправлении правосудия. Данный институт постепенно вводился на территории Российской Федерации, в ходе его работы усматривались и разрешались многочисленное процессуальные, а порой даже и организационные проблемы. Сегодня суд присяжных продолжает развиваться. Примером тому может быть Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 6-П¹, в котором указаНО, что федеральному законодателю надлежит внести в УПК РФ поправки, которые обеспечат реализацию права женщин на рассмотрение уголовных дел судом с участием присяжных заседателей на основе принципов юридического равенства и равноправия и без какой бы то ни было дискриминации. Последующие поправки в УПК РФ уравнивали права женщин и мужчин в отношении их доступа к суду присяжных заседателей и, что немало важно, распространили применение института Суда присяжных заседателей на районные суды к 2018 году. В связи с этим считаем данную тему важной и особенно актуальной, так как к 2018 году с присяжными заседателями начнут работать не только прокуратуры субъектов РФ, но и районных прокуратур. В свою очередь,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Лымарь А. С.».

работа с присяжными значительно отличается от работы только с профессиональным судьей ввиду множества законодательных ограничений для государственного обвинителя, а также ввиду непрофессионализма коллегии присяжных заседателей в правовой сфере.

Остановимся на законодательных особенностях и ограничениях, характерных для судебного заседания с участием присяжных заседателей.

Ч. 2 ст. 335 УПК РФ гласит: «Во вступительном заявлении государственного обвинителя излагается существо предъявленного обвинения и предлагает порядок исследования представленных им доказательств». При этом прокурору необходимо выполнить две тактические задачи. Во-первых, государственный обвинитель должен преобразить свое вступительное заявление в свободный связанный рассказ о событиях, которые он и будет доказывать на протяжении всего процесса. Этот рассказ ни в коем случае не должен пестрить юридическими терминами и сложными формулировками, которые присяжным будут непонятны. Интонацией, паузами, мимикой государственный обвинитель должен обратить внимание на важные обстоятельства. Во-вторых, порядок исследования доказательств, предлагаемый прокурором, в идеале должен быть выстроен так, чтобы и они представили единую картину событий, без нарушения логики изложения, что может запутать коллегую. В то же время, государственный обвинитель всегда должен быть готов к допросам лиц, ранее не участвовавших в процессе на досудебных стадиях (ч. 4 ст. 271 УПК РФ), к разрывам порядка изложения событий допросами подсудимого (ч. 3 ст. 274 УПК РФ).

Продолжает сохранять актуальность и проблема исследования шокирующих доказательств — вещественных доказательств, фотографий и т. п., способных оказать на присяжных заседателей чрезмерное эмоциональное воздействие и сформировать негативное отношение к подсудимому до вынесения в отношении него вердикта¹. Исходя из правовой позиции Верховного суда РФ, необходимо сделать несколько выводов. Во-первых, эти доказательства необходимо проанализировать на наличие сведений, которые действительно могли бы негативно воздействовать на присяжных и, при их отсутствии, подобрать аргументацию к необоснованным возражениям защиты². Во-вторых, демонстрация шокирующих доказательств невозможна в случае, если они не имеют особого доказательственного значения³. Таким образом, применение такого тактического приема, как демонстрация шокирующих доказательств возможно, если это обоснованно и не противоречит

¹ Насонов С. А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория и практика: научно-практическое пособие. М., 2001. С. 173–179.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.07.2013 № 41-АПУ13–23сп.

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 01.11.2006 № 41-о06-67сп.

правовой позиции Верховного суда РФ. Тем не менее, необходимо законодательно закрепить условия исследования указанных доказательств с участием присяжных на основе подходов, сформировавшихся в судебной практике¹.

В ходе судебного заседания может появиться необходимость заявить ходатайство, обсуждение которого при присяжных законом запрещается. В данном случае прокурору необходимо придерживаться позиции Верховного суда РФ и, не оглашая сути, заявить, что у него имеется ходатайство юридического характера². При этом нужно иметь в виду то, что постоянное заявление ходатайств во время рассмотрения дела по существу, после которых коллегия будет удаляться, вызовет недоверие присяжных заседателей по отношению к заявляющей стороне.

Практически ни одно судебное разбирательство по уголовному делу не обходится без проведения допроса. Допрос — это получение устных показаний от допрашиваемого лица об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела в установленном процессуальным законом порядке³. Допрос является наиболее распространенным следственным действием. Допросы наиболее легко воспринимаются присяжными заседателями, сведения, полученные с помощью допроса, либо опровергнутые им, производят на них наибольшее впечатление. В российском законодательстве отсутствует легальная классификация допросов. Однако в науке практически применимые классификации разработаны учеными-криминалистами⁴. Наше внимание привлекла проблема тактики проведения допроса именно в суде с участием присяжных заседателей, так как в данных условиях необходимо руководствоваться особыми тактическими приемами.

Необходимо начать с прямого допроса свидетелей стороны обвинения. Не следует забывать, что допрос проводится, в первую очередь, для присяжных заседателей, они должны получить картину произошедшего, т. к. ни уголовного дела, ни других материалов у них нет. Допрос производится в особых условиях. Например, традиционно, в допросе свидетеля выделяются три стадии: подготовительная, свободный рассказ и ответы на вопросы⁵. В силу специфики допроса в рамках судебного

¹ *Насонов С. А.* Формирование коллегии присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики: ж. «Актуальные проблемы российского права». 2014. № 7. С. 147.

² Пункт 24 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 22.12.2015 г.) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей».

³ *Воскобитова Л. А.* Уголовный процесс: учебник для бакалавров, 2014. С. 279.

⁴ *Криминалистика: учебник для бакалавров / отв. ред. Е. П. Ищенко.* М.: Проспект, 2015. С. 220.

⁵ *Ищенко Е. П., Топорков А. А.* Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М.: Юридическая фирма «Контракт»: ИНФРА-М, 2003. С. 416.

следствия подготовительная стадия отпадает. Целесообразно начать допрос со стадии свободного рассказа. Далее следует перейти к третьей стадии и, используя метод воронки, начинать с общих вопросов о событии, постепенно сужая рамки более конкретными вопросами и выводя свидетеля на необходимые сведения. Путем прямого допроса прокурор, по сути, готовит свидетеля к последующему допросу со стороны защиты. «Именно в это время обвинителю необходимо сформировать доверие присяжных к своему свидетелю, показав его положительные качества»¹. В дальнейшем адвокат будет не только подвергать показания такого свидетеля сомнению, но и постарается подорвать доверие коллегии к нему самому. В таком случае, если государственный обвинитель показал положительные черты своего свидетеля, но и располагает информацией о каких-либо негативных характеристиках, целесообразно прибегнуть к тактике «кражи грома», которой пользуются американские юристы. Суть этой тактики заключается в том, чтобы признать неблагоприятные для данной стороны факты, информацию раньше, чем это сделает процессуальный противник².

Говоря о допросе свидетелей стороны защиты государственным обвинителем, также важно выделить несколько тактических аспектов. Такой допрос в теории справедливо относят к перекрестным допросам. «По мнению некоторых ученых, при ведении перекрестного допроса свидетеля процессуального противника прокурор и адвокат, прежде всего, стремятся дискредитировать результаты прямого допроса этого свидетеля, подорвать доверие к неблагоприятным показаниям, нейтрализовать произведенное ими впечатление, уменьшить их убедительность, зародить сомнение в их правдоподобии у присяжных заседателей и судьи»³. Таким образом, чтобы результативно провести допрос перекрестный, необходимо обратить тщательное внимание на первый прямой допрос этого свидетеля стороной защиты, выявляя неточности в показаниях, предположения, противоречия с другими доказательствами по делу. Прокурор должен показать противоречия присяжным, которые уже сделают вывод. В этом случае государственным обвинителям следует использовать совет Франсиса Веллмана, который он дает адвокатам: «При допросе необходимо следить за интонацией и выражением лица адвоката, ведущего перекрестный допрос, которые могут сильно подействовать на присяжных и дать им возможность

¹ Хорошева А. Е. Новый взгляд на систему тактических приемов, используемых государственным обвинителем в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей по уголовным делам об убийствах. 2011.

² Трунов И. Л. Искусство речи в суде присяжных. М., 2009. С. 216.

³ Осодоева Н. В. Перекрестный и шахматный допрос в российском уголовном процессе, 2011.

полностью оценить какой-то вопрос, который они могли бы иначе пропустить мимо своих ушей»¹.

На практике при осуществлении перекрестного допроса возникает ситуация, когда свидетелю необходимо сообщить показания, данные им ранее на прямом допросе, с целью их опровержения либо дополнения. К тому же присяжные могли вовсе забыть эти показания. В свою очередь, судьи прерывают повторение обвинителем показаний данных ранее свидетелем. Актуальные советы дает выдающийся адвокат Рубинштейн Е. А. Первый прием заключается в том, что перед проведением допроса необходимо обратиться к судье и поставить его в известность, по какому предмету (какой части показаний свидетеля) будет задан вопрос. Например, «Ваша честь, могу я задать уточняющий вопрос свидетелю об указанных им ранее обстоятельствах обнаружения трупа»? Второй прием заключается в том, что перед проведением допроса свидетелю ему необходимо сообщить об обстоятельствах, которые будут далее выясняться. Например, «Уважаемый свидетель, я хочу выяснить некоторые обстоятельства, связанные с обнаружением трупа, о котором вы говорили ранее». Таким образом, суду объясняют, какое именно обстоятельство, имеющее значение для дела, нас интересует, а присяжным напоминают часть показаний свидетеля, которые в дальнейшем будут опровергать, дополнять либо подтверждать.

Одной из целей перекрестного допроса является опровержение показаний, данных свидетелем на прямом допросе. Это особенно важно при выявлении лжесвидетельства. Еще один эффективный тактический метод описан Франсисом Веллманом: «Испытайте его — верните его в середину истории, а затем быстро вернитесь в начало и в конец. Если он говорит по зубрежке, он не сможет выдержать этого испытания. У него нет фактов, ассоциируемых с рассказом, он помнит его лишь как единое целое, а не по частям. Обратите его внимание на другие факты, не имеющие отношения к главному повествованию, рассказанному им. Он будет совершенно не готов к этим новым вопросам и обратится к своему воображению в поисках ответов. Отвлеките его снова на какую-то новую часть его главного рассказа и потом неожиданно, пока он думает о другом, вернитесь к тем вопросам, которые вы задали ему в начале, и задайте их еще раз. Он опять начнет фантазировать и, скорее всего, ответит не так, как в первый раз — и вот он пойман в вашу сеть»².

Определенные трудности вызывает ситуация выяснения в ходе судебного заседания с участием присяжных заседателей данных о личности подсудимого, способных вызвать предубеждение присяжных в отноше-

¹ Франсис Льюис Веллман. Искусство перекрестного допроса / пер. с англ. К. Адамович. М.: Американская ассоциация юристов, 2011. С. 30.

² Франсис Льюис Веллман. Искусство перекрестного допроса / пер. с англ. К. Адамович. М.: Американская ассоциация юристов, 2011. С. 69.

нии него. В силу ч. 8 ст. 335 УПК РФ, выяснение таких данных в присутствии присяжных прямо запрещено. Правовая позиция Верховного суда также однозначна в этом вопросе¹. Однако, встречаются ситуации, когда сторона защиты пренебрегает данными нормами с целью повлиять на решение коллегии присяжных. В таком случае прокурору следует выбирать тактику действий по ситуации. Если государственный обвинитель действительно видит возможность влияния данной информации на решение коллегии присяжных, необходимо обратить внимание председательствующего на данное нарушение с целью принятия им законных мер². Если данные нарушения имели многократный характер, суд не предпринимал либо предпринимал недостаточно действий для пресечения данных нарушений, то прокурору следует акцентировать внимание на занесение всех вышеназванных обстоятельств в протокол судебного заседания. Дальнейшее ознакомление с протоколом, подбор правовой позиции помогут в следующей инстанции, т. к. подобные нарушения являются бесспорным основанием для отмены решения суда.

Можно сделать вывод о том, что прокурорским работникам, участвующим в таком особом судебном процессе, необходимо постоянно заниматься самосовершенствованием, изучением как судебной практики, так и научных трудов. Они должны быть разносторонними специалистами в области юриспруденции, а обновление института присяжных заседателей в России дает мощный толчок к их развитию в данной области.

Коробов Д. И., Корякова В. В.

Назначение судебной экспертизы в уголовном процессе

На сегодняшний день вопрос о назначении экспертизы в уголовном судопроизводстве остается дискуссионным, так как, несмотря на законодательное урегулирование этого вопроса в УПК РФ, судебная практика неоднозначна. Поэтому мы считаем необходимым проанализировать ряд решений Конституционного суда РФ с целью выяснения его правовой позиции по данной проблеме.

В определении Конституционного суда РФ от 18 июня 2004 года № 206-О Конституционный суд Российской Федерации указал, что ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы

¹ Пункт 22 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 22.12.2015) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей».

² Пункт 2.1 Определения Конституционного суда РФ от 13.10.2009 № 1112-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голубева Николая Рудольфовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

подозреваемого, обвиняемого, его защитника должно быть осуществлено до начала производства экспертизы, в противном случае названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с назначением экспертизы и вытекающие из конституционных принципов состязательности и равноправия сторон права, закрепленные статьей 198 УПК Российской Федерации, и что соответствующее требование части третьей статьи 195 данного Кодекса распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях.

Опираясь на приведенные правовые позиции, Конституционный суд Российской Федерации в ряде решений сформулировал следующие выводы:

- часть первая статьи 198 УПК Российской Федерации, как следует из ее содержания, имеет целью обеспечение права подозреваемого, обвиняемого на защиту и предполагает — в системной связи со статьей 45 Конституции Российской Федерации, а также статьями 19 и частью третьей статьи 195 данного Кодекса — обязанность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, разъяснить предусмотренные в ней права и обеспечить их реализацию, а потому не может рассматриваться как нарушающая права заявителя, гарантированные статьями 24 (часть 2) и 45 Конституции Российской Федерации;
- часть первая статьи 198 данного Кодекса, предусматривая право подозреваемого, обвиняемого и его защитника знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, тем самым обеспечивает участникам уголовного судопроизводства условия для защиты своих или представляемых интересов как при производстве данного процессуального действия, так и при проведении предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу в целом; данная норма в единстве с другими положениями этой статьи, а также статьями 47, 159, 195, 204 и 206 того же Кодекса, регламентирующими порядок производства судебной экспертизы и права участников судопроизводства, предполагает обязанность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, предъявить обвиняемому и его защитнику постановление о назначении экспертизы и разъяснить связанные с ее проведением права до начала производства экспертизы, обеспечивая тем самым их реализацию на началах состязательности и равноправия сторон;

ознакомление подозреваемого, обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы после ее производства должно расцениваться как недопустимое нарушение права на защиту, принципа состязательности

и равноправия сторон (определения Конституционного суда Российской Федерации от 18.07.2006 № 288-О, от 20.02.2007 № 154-О-О и от 15.11.2007 № 762-О-О)¹.

Полную солидарность с данной позицией мы можем наблюдать и в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», в котором разъясняется, что подозреваемый, обвиняемый и их защитники, равно как и потерпевший, должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы до ее производства; в том случае, если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы, оно должно быть ознакомлено с этим постановлением одновременно с признанием его таковым, о чем составляется соответствующий протокол (пункт 9)².

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что позиции двух высших судов РФ сходятся в необходимости ознакомления подозреваемого/обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы до ее проведения, но, несмотря на это практика Верховного суда сложилась иным образом. В своих определениях Верховный суд РФ считает, что этот вопрос должен решаться иначе, например, в Кассационном определении Верховного суда РФ от 05.04.2012 № 67-О11-103 мы встречаем такую формулировку: «Из материалов дела видно, что осужденный Сахновский С.В. с постановлениями о назначении экспертиз ознакомлен несвоевременно. Вместе с тем, при ознакомлении с заключениями указанных экспертиз Сахновскому С. В. была предоставлена возможность заявлять ходатайства, которой он не воспользовался. При таких данных оснований считать, что указанное обстоятельство нарушило права осужденного на защиту, не имеется»³.

Аналогичную формулировку можем встретить и в определении от 18.06.2014 года № 53-О14-9С: «Из материалов дела видно, что во время предварительного следствия в нарушение ст. 195 УПК РФ обвиняемые ознакомились с постановлениями о назначении экспертиз после их проведения. При этом отводы экспертам, заявления и ходатайства, в том числе о выяснении дополнительных вопросов, по проведенным во время предварительного следствия экспертизам обвиняемые не подали. Указанные обстоятельства не лишили их возможности заявлять в суде ходатайства о проведении повторной или дополнительной экспертизы,

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 № 206-О «По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 05.04.2012 № 67-О11-103 // СПС «КонсультантПлюс».

а также о признании недопустимыми доказательствами заключений экспертов»¹.

Таким образом, мы видим, что Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда при пересмотре уголовных дел в вопросе назначения экспертизы принимает решения, которые противоречат правовой позиции не только Конституционного суда РФ, но и даже позиции Пленума самого Верховного суда РФ.

Мы считаем, что данная ситуация негативно сказывается на практике нижестоящих судов, которые выносят разные решения, ссылаясь то на позицию Конституционного суда РФ, то на позицию Верховного суда РФ. Естественно, это порождает ряд проблем в области правоприменения и неблагоприятно влияет на единство правового пространства РФ.

Следует также обратить внимание на то, что суды, принимая решения, ссылаются и на правовую позицию Европейского суда по правам человека, высказанную в Постановлении от 16.11.2006 по делу «Климентьев против России (Klimentyev v. Russia)». В жалобах осужденного и его защитников отмечалось, что он несвоевременно ознакомлен с постановлениями о назначении судебных экспертиз, вынесенными следователем. Европейский суд рассматривал данное дело с точки зрения соблюдения положений ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод² (закл. в Риме 4 ноября 1950 г.). Часть 2 ст. 6 указанной Конвенции устанавливает следующее:

«3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения; б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; в) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия; г) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него; д) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Следует отметить, что в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдик-

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18.06.2014 № 53-О14–9СП // СПС «КонсультантПлюс».

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (закл. в Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс».

ции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснено, что применение судами Конвенции о защите прав человека и основных свобод должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции (п. 10). Если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конвенцией, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер (п. 11)¹.

Таким образом, результаты анализа решений судов, которыми не установлено нарушений прав обвиняемых на защиту и справедливое судебное разбирательство в результате несвоевременного их ознакомления с постановлениями о назначении экспертиз и заключениями экспертов, дают основания для вывода, что эти решения не противоречат правовой позиции Европейского суда по правам человека и практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ.² Однако, при этом противоречат правовой позиции Конституционного суда РФ и позиции Пленума Верховного суда РФ.

Мы считаем, что расхождение в позициях высших судов в вопросе ознакомления подозреваемого/обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы при пересмотре уголовных дел порождает не столько нарушение их прав, сколько дает лишь формальное основание для отмены судебного решения. Однако, по нашему мнению, позиция Конституционного суда РФ и Пленума Верховного суда РФ дает большие гарантии защиты прав граждан. Используя ее, законодателю необходимо внести изменения в УПК РФ и ввести обязательное требование об ознакомлении подозреваемого/обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы до ее проведения, что позволит участникам уголовного судопроизводства своевременно заявлять ходатайства, ставить перед экспертом вопросы, заявлять отводы. Кроме того, данное положение лишит суд формального основания для отмены решения в связи с тем, что заключение эксперта, положенное в основу приговора как доказательство, является недопустимым.

¹ БВС РФ. 2003. № 12.

² *Исаенко В. Н.* «Об ознакомлении обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://отрасли-права.рф> (дата обращения 15.06.2017).

Корякова В. В.

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств по административным делам

С 28 апреля 2017 года в российском уголовном законодательстве появилась ответственность за фальсификацию доказательств по административному делу и по делу об административном правонарушении.

Изменения в статью 303 УК РФ (фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности) внесены Федеральным законом от 17.04.2017 № 71-ФЗ и вступили в силу 28.04.2017 года.

В настоящее время часть первая статьи 303 УК РФ устанавливает, что фальсификация доказательств по административному делу лицом, участвующим в деле, или его представителем, фальсификация доказательств по делу об административном правонарушении участником производства по делу об административном правонарушении или его представителем, фальсификация доказательств должностным лицом, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях предусматривает наказание в виде штрафа в размере от 100 тысяч до 300 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо обязательных работ на срок до 480 часов, либо исправительных работ на срок до двух лет, либо ареста на срок до четырех месяцев.

Ранее редакция части первой статьи 303 УК РФ предусматривала наступление уголовной ответственности только за фальсификацию доказательств по гражданскому или уголовному делу, а также фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности.

В связи с этим считаем необходимым рассмотрение вопроса о включении новых составов преступлений в статью 303 УК РФ, а также о способах и методах их расследования.

В целях раскрытия содержания криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств по административным делам, следует привести данное понятие. В научной литературе подчеркивается, что задача криминалистики заключается в оказании содействия в раскрытии и расследовании преступлений своими положениями и рекомендациями.

Профессор, доктор юридических наук Рафаил Самуилович Белкин сформулировал сущность и содержание криминалистического

обеспечения в виде трех подсистем: 1) криминалистические знания; 2) криминалистическое образование; 3) криминалистическая техника¹.

С этим определением трудно не согласиться. Рассматривая его с разных сторон, можно сказать, что оно полностью раскрывает значение криминалистического обеспечения. И, несмотря на то, что определение сформулировано достаточно давно, оно до сих пор актуально, что обусловлено тем, что при расследовании преступлений, связанных с фальсификацией, следовательно необходимо: 1) знать, что такое фальсификация доказательств, особенности данного вида преступлений; 2) ориентироваться в законодательстве, в частности, КАС РФ, КоАП РФ, УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, знать отличия и специфику каждой области, иметь представление о характеристике преступления; 3) иметь необходимый набор технических средств, приемов и методик, предназначенных для осуществления мер, связанных с раскрытием и предупреждением преступлений именно этого вида преступлений.

В таком ключе и будет рассмотрена данная проблема.

Говоря о фальсификации, следует указать на то, что законодательного определения данного понятия нет. В Уголовном кодексе РФ отсутствует даже указание на способы фальсификации доказательств, что существенно осложняет деятельность практических работников. В научной литературе предлагаются разные варианты этого определения.

Под криминалистически значимой фальсификацией следует понимать «активную, умышленную, противоправную, связанную с преступлением деятельность людей, направленную на искажение материальных, информационных объектов»². Иными словами, это умышленное деяние, направленное на искажение только материальных доказательств. Фальсификация может проявляться в разных формах, например, внесение ложных сведений в документы, подделка документов, подчистка, пометка другим числом. Фальсификация может выражаться и в том, что лицом, участвующим в деле, составляются письменные доказательства, ложные по своему содержанию.

Для эффективного расследования уголовных дел большое значение имеет выявление способов совершения и сокрытия преступлений, нахождение лиц, причастных к преступлению, определение роли каждого из них в преступлении. Однако установить такую уголовно-релевантную информацию и изобличить лиц, причастных к нему, удастся не всегда, поскольку преступники предпринимают меры для сокрытия преступления и своего участия в нем. Как следствие, большое количество совершаемых преступлений остаются латентными. Помимо этого

¹ Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. Учебник // под ред. Аверьяновой Т. В., Белкина Р. С. М.: Новый юрист, 1997.

² Холевчук А. Фальсификация как объект криминалистического исследования: дис. ... на соиск. канд. юр. наук.

отмечается рост «изошренности» совершения преступлений, особенно связанных с фальсификацией доказательств. Кроме того, нужно отметить, что данный вид преступлений крайне сложно выявить. Это обусловлено тем, что с одной стороны, органы расследования не обладают комплексными знаниями о методах и приемах, направленных на выявление и разоблачение фальсификации, а с другой стороны, фальсификация не подвергалась комплексному криминалистическому анализу, результатом которого стала бы разработка системных знаний, способствующих формулированию рекомендаций по ее выявлению и разоблачению.

Для расследования данных преступлений нужно разграничить процессы по КАС РФ и КоАП РФ. Процесс по КАС РФ, по существу, аналогичен процессу по ГПК РФ и АПК РФ. То есть, согласно КАС РФ, стороны должны сами доказывать свою точку зрения и представлять доказательства и, таким образом, сами выявляют доказательства фальсификации и представляют их на решение суда. В свою очередь суд, как и по ГПК РФ, при выявлении случаев нарушения законности выносит частное определение и направляет копии в соответствующие органы, которые должны отреагировать на это определение. В случае, если при рассмотрении административного дела суд обнаружит в действиях лиц, участвующих в деле, иных участников судебного разбирательства, должностных лиц или иных лиц признаки преступления, суд сообщает об этом в органы дознания или предварительного следствия. Таким образом, для своевременного пресечения преступлений и дальнейшего расследования суд должен сообщить соответствующим органам о фальсификации доказательств, а уже органы расследования должны проверить эту информацию. Но, анализируя гражданско-правовой процесс, статистику, можно сказать о том, что нередко судьи этого не делают. Следовательно, в административном процессе наблюдается аналогичная ситуация.

Говоря о процессе по КоАП РФ, нужно сказать о том, что сам этот процесс отличается от какого-либо другого (как минимум, расширяется круг субъектов). КоАП РФ предполагает возбуждение дела об административном правонарушении с момента вынесения протокола, который в течение 3 дней направляется судьей, органу или должностному лицу, полномочному рассматривать данное дело. И при этом ст. 28.8 КоАП РФ предусмотрено, что в случае, если протокол об административном правонарушении составлен неправомочным лицом, а также в иных случаях, предусмотренных пунктом 4 части 1 статьи 29.4 Кодекса (...неправильное составление протокола и оформление других материалов дела либо неполнота представленных материалов, которая не может быть восполнена при рассмотрении дела), недостатки протокола и других материалов дела об административном правонарушении устраняются в срок не более трех суток со дня их поступления (получения)

от судьи, органа, должностного лица, рассматривающих дело об административном правонарушении. Материалы дела об административном правонарушении с внесенными в них изменениями и дополнениями возвращаются указанному судье, органу, должностному лицу в течение суток со дня устранения соответствующих недостатков.

Данная норма определяет существенную проблему, так как при выявлении признаков неправильного внесения каких-либо сведений в протокол они могут быть изменены в течение 3 суток, и лицо, допустившее данную ошибку, может избежать уголовной ответственности за фальсификацию доказательств, по крайней мере, если это выяснится при подготовке дела к рассмотрению. Иными словами, с учетом данного положения и реальной обстановки, можно сделать вывод о том, что ч. 1 ст. 303 УК РФ, с учетом внесенных изменений, «работать» не будет.

Чтобы разобраться в специфике административных дел и дел об административных правонарушениях, предлагаем рассмотреть субъектов, объекты, субъективную и объективную стороны данного преступления. Считаем это необходимым, так как следователь при расследовании преступлений данной категории несомненно должен знать отличия существенных признаков фальсификации доказательств от похожих на нее (например, ст. 292 УК РФ «Служебный подлог», ст. 327 УК РФ «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков»).

Субъекты. В ч. 1 ст. 303 УК РФ указано, что наказание накладывается на всех участников административного процесса и процесса по делам об административных правонарушениях, что нельзя сказать о ч. 2 ст. 303 УК РФ, касающейся фальсификации доказательств по уголовным делам (установлен конкретный перечень).

Предметом преступления выступают доказательства по административным делам и по делам об административных правонарушениях.

Основной непосредственный *объект* преступления — общественные отношения, обеспечивающие нормальное осуществление правосудия. Дополнительный непосредственный объект — общественные отношения, содержанием которых являются права и законные интересы участника судопроизводства.

Объективная сторона преступления заключается в преднамеренном искажении доказательств по административным делам и по делам об административных правонарушениях путем их подделки, подчистки, внесения исправлений, искажающих действительный смысл доказательств.

Не образует данного состава подделка документов, которые не являются доказательствами. Такие действия могут быть квалифицированы как служебный подлог либо подделка документов по ст. 292 или ст. 327 УК РФ. По своей конструкции состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 303 УК РФ, формальный, поскольку наступления юридически

значимых последствий не требуется. Указанное преступление считается оконченным с момента приобщения к делу фальсифицированного доказательства в порядке, установленном процессуальным законодательством, независимо от того, какую роль оно сыграло при рассмотрении дела.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает общественно опасный характер совершаемой им подделки доказательства по административному делу и по делу об административном правонарушении (интеллектуальный момент) и желает ее осуществить (волевой момент). Мотивы и цели поведения субъекта преступления значения для квалификации не имеют.

3. Перечислить все методы борьбы с фальсификацией невозможно в силу того, что способы ее совершения с течением времени изменяются (об этом уже было сказано выше). Тем не менее, наиболее необходимые и общие рекомендации мы представляем ниже.

Успешное расследование данных преступлений зависит, прежде всего, от продуманного планирования и тактики проведения процессуальных действий, а также их своевременности. Прежде всего, главную роль играет суд при обнаружении признаков фальсификации; судья должен сообщить об этом в соответствующий орган. Далее, при непосредственном расследовании, следователем должна быть тщательно изучена данная информация (откуда получена, кем была представлена на рассмотрение, если факт фальсификации выявил один из участников процесс), а также назначена экспертиза. Для того, чтобы выявить именно фальсификацию (конкретный умысел на приобщение фальсифицированного доказательства), следователю необходимо грамотно провести допрос участников (если имеет место фальсификация протокола об административном правонарушении), внимательно выслушать участников, свидетелей, допросить понятых (если они были задействованы), так как чаще всего именно понятые указывают на злоумышленников.

Левченко С. Г.

Всеобщая дактилоскопическая и геномная регистрация в контексте конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации

Дактилоскопический и геномный учеты — важная составляющая информационного обеспечения предварительного расследования, но их использование, даже когда на месте преступления обнаружены и изъяты пригодные для экспертного исследования объекты, не всегда позволяет установить лиц, причастных к совершению преступления.

Одна из основных причин этого — сравнительно узкий круг лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической либо геномной регистрации. И теоретики, и практики предлагают два пути решения указанной проблемы: расширить перечень лиц, подлежащих обязательной регистрации, и ввести всеобщую, то есть, общегражданскую дактилоскопическую либо геномную регистрацию. Не вдаваясь в аргументы сторонников и противников всеобщей дактилоскопической либо геномной регистрации, касающиеся фактической стороны проблемы, рассмотрим другую ее сторону — правовую — и ответим на главный вопрос: как всеобщая дактилоскопическая и геномная регистрация соотносятся с конституционными правами граждан. Предметом рассмотрения являются именно конституционные права граждан, так как Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, а федеральные законы, законы субъектов федерации, а также подзаконные акты не подлежат применению в случае, если они противоречат Конституции РФ.

На конституционном уровне закреплён достаточно широкий круг прав человека и гражданина. Так, закреплены естественные права, политические, социальные и иные, но дактилоскопическая и геномная регистрация связаны лишь со сравнительно небольшой группой прав, которые и будут предметом рассмотрения.

Согласно ст. 21 Конституции РФ, достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

В свете регистрации это положение означает, что способы ее осуществления и цели не должны умалять человеческое достоинство. Но что же представляет собой человеческое достоинство?

Нормативно понятие «достоинство личности» или «достоинство человека» не закреплено. Единого подхода к его определению и содержанию в науке нет, так как оно представляет собой многогранное явление, имеющее в равной мере философский, социологический, этический, нравственный и правовой характер¹.

Подход к понятию и его содержанию во многом определяется тем, через призму какой отрасли права его рассматривать. Так, большинство конституционалистов рассматривают достоинство человека в широком смысле, соглашаясь с этическим содержанием понятия, а цивилисты и криминалисты — в узком смысле, то есть как одно из личных неимущественных прав, направленных на защиту личности от оскорбляющих

¹ См.: Барсукова В. Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика // Современное право. 2014. № 12. С. 20–25.

и унижающих действий¹. С точки зрения этики, достоинство личности представляет собой особое моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества, в котором признается ценность личности².

Таким образом, «достоинство человека», с одной стороны, означает признание самого человека ценностью, уважение к нему, с другой стороны — это право на защиту от оскорбляющих и унижающих действий. Способы регистрации не должны умалять ценность и значение человека как личности.

Процесс регистрации состоит из ряда стадий: сбор информации, учет, хранение и классификация информации, выдача информации; установление или подтверждение личности человека, внесение изменений в дактилоскопическую информацию, уничтожение дактилоскопической информации³.

Сбор дактилоскопической информации на данный момент осуществляется двумя способами: с использованием типографской краски и современных технологий — «живых сканеров».

Процесс дактилоскопирования с применением типографский краски следующий: типографская краска раскатывается валиком по двум стеклянным или металлическим гладким пластинам, по второй пластине прокатываются пальцы дактилоскопируемого, затем покрытые краской пальцы прокатываются на отведенном для него месте бланка дактилоскопической карты для получения отпечатка⁴. Такой способ дактилоскопирования применяется уже длительное время, и за весь период его существования жалобы на нарушение права человека на

¹ См., напр.: *Хованская А. В.* Достоинство человека: Международный опыт правового понимания // Государство и право, 2002. № 3. С. 48–54; *Кутафин О. Е.* Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004. С. 220; *Пелипенко Р. С.* Честь, достоинство, репутация и доброе имя как объекты судебной защиты // Труды Института государства и права Российской академии наук, 2011. № 2. С. 131–140; *Вертепова Т. А.* Честь, достоинство и репутация как объекты уголовно-правовой охраны // Общество и право. 2015. № 1. С. 85–88.

² Словарь по этике. М.: Политиздат. Под ред. И. Кона. URL: <https://ethics.academic.ru/90/%D0%94%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%98%D0%9D%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E> (дата обращения 21.10.2017).

³ См.: Приказ МВД РФ от 31.08.2007 № 769 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации проведения государственной дактилоскопической регистрации» URL: <http://www.garant.ru/products/ipro/prime/doc/12058478/> (дата обращения 22. 10. 2017).

⁴ См.: Приказ МВД РФ № 688, МЧС РФ № 472, министра обороны РФ № 1214, Минфина РФ № 110н, Минюста РФ № 235, Минтранса РФ № 205, СВР РФ № 36, ФТС РФ № 1785, ФСБ РФ № 456, ФСО РФ № 468, ФСКН РФ № 402, ФМС РФ № 299 от 27.09.2010 «Об утверждении Положения о порядке формирования и ведения информационного массива, создаваемого в процессе проведения государственной дактилоскопической регистрации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 24.01.2011. № 4.

достоинство личности в части именно метода получения отпечатков пальцев ни в России, ни в странах Европы не подавались.

Дактилоскопирование с использованием типографской краски — процедура малоприятная, но достоинство человека не нарушает, а действия сотрудника, проводящего дактилоскопирование, не имеют своей целью унижение или оскорбление человека. Перечень и порядок его действий установлен в Основных правилах дактилоскопирования и заполнения дактилоскопических карт: по большому счету, они сводятся к подготовке оборудования для дактилоскопирования, откатке пальцев человека по краске и бумаге, заполнению бланка дактилоскопической карты¹.

Дактилоскопирование с использованием «живых сканеров» — процедура более простая и вызывает намного меньше негативных эмоций у дактилоскопируемых.

В России используются сканеры системы ПАПИЛОН. Они позволяют получить четкое изображение, определить, пригоден ли отпечаток для исследования. Некоторые модели (ДС-22Н, ДС-21С) осуществляют экспресс-идентификацию личности по БД АДИС, кроме того, размер устройств и их вес (ДС-22Н: 80 × 190 × 65 мм (Ш × Г × В), 0,95 кг.; ДС-21С: 62 × 120 × 42мм, 0,2 кг) позволяют использовать их при проведении оперативно- розыскных мероприятий вне помещений правоохранительных органов и без привлечения специалиста-криминалиста².

Эти сканеры — одни из самых современных, сертифицированы в 2015–2016 годах. Процедура дактилоскопирования с применением таких сканеров сводится к прокатке пальцев по сканирующему устройству; унижения и оскорбления дактилоскопируемого не происходит, ощущение дискомфорта минимально, особенно по сравнению с регистрацией с использованием типографской краски.

Таким образом, дактилоскопическая регистрация (в частности, способ ее осуществления) право человека на достоинство личности не нарушает.

Рассмотрим соотношение геномной регистрации с правом на достоинство личности.

В законе «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» содержится легальное определение биологического материала — это содержащие геномную информацию ткани и выделения

¹ См.: Приказ МВД РФ № 688, МЧС РФ № 472, Министра обороны РФ № 1214, Минфина РФ № 110н, Минюста РФ № 235, Минтранса РФ № 205, СВР РФ № 36, ФТС РФ № 1785, ФСБ РФ № 456, ФСО РФ № 468, ФСКН РФ № 402, ФМС РФ № 299 от 27.09.2010 «Об утверждении Положения о порядке формирования и ведения информационного массива, создаваемого в процессе проведения государственной дактилоскопической регистрации»// Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти». 24.01.2011. № 4.

² См.: URL: <https://www.papillon.ru/rus/17/> (Дата обращения 22.10.2017).

человека или тела (останков) умершего человека¹, конкретный же вид биологического материала, используемого для регистрации граждан не определен.

Отчасти, такая неопределенность является обоснованной, так как этим законом регулируется и регистрация живых лиц, и регистрация трупов (их частей), и регистрация изъятого на месте преступления биологического материала, но целесообразным представляется дополнить закон указанием на конкретный вид материала, получаемого у живых лиц в целях их регистрации.

В ч. 4 ст. 10 ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» указано, что порядок получения, учета, использования, передачи и уничтожения биологического материала определяется Правительством Российской Федерации. В Положении о порядке проведения обязательной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы² Правительство РФ отсылает к многочисленным ведомственным актам МВД России, ЭКЦ МВД России, Министерства юстиции Российской Федерации.

Неопределенность в объекте сбора порождает возможность получения государственными органами любых биологических материалов человека, не позволяет четко регламентировать порядок сбора материала, может повлечь за собой нарушение достоинства человека.

Таким образом, в сфере геномной регистрации представляется важным на уровне федерального законодательства закрепить, какой именно биологический материал надлежит использовать при осуществлении геномной регистрации живых лиц и порядок получения такого материала. Такая мера послужит важной гарантией защиты достоинства личности.

Что же касается цели регистрации, на данный момент, согласно федеральному законодательству, целью дактилоскопической и геномной регистрации признается идентификация личности человека. Такая цель достоинство личности не умаляет. В контексте этого права и цели регистрации следует рассмотреть и орган, обрабатывающий геномные и дактилоскопические данные.

На данный момент наибольшие по объему массивы таких данных обрабатываются в Министерстве внутренних дел России. В случае

¹ Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (в ред. от 17.12.2009), п. 2 ст. 1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82263/ (Дата обращения 22.10.2017).

² См.: Положение о порядке проведения обязательной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы, утверждено Постановлением Правительства РФ от 11.10.2011 № 828 «Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12090618/> (Дата обращения 22.10.2017).

введения всеобщей дактилоскопической либо геномной регистрации обработка полученных в результате такой регистрации данных МВД РФ может быть расценена обществом как отношение государства к гражданам либо как к потенциальным преступникам, либо — жертвам преступлений. Поэтому представляется важным поручить обработку персональных данных иному государственному органу, не правоохранительному.

Осуществление регистрации не правоохранительным органом и четкая, не допускающая исключений, процедура предоставления сведений поможет снизить вероятность злоупотреблений при обработке персональных данных.

Еще один важный аспект в части предотвращения злоупотреблений — запрет на получение дактилоскопических либо геномных сведений о конкретном лице и на хранение объектов — носителей ДНК зарегистрированных лиц.

В статье 24 Конституции РФ установлен запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Частная жизнь — это область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит не противоправный характер¹.

Рассматриваемое конституционное право, применительно к геномной и дактилоскопической информации, находит выражение в Федеральном законе «О персональных данных», в котором конституционный запрет на сбор, использование и распространение информации о частной жизни лица (в данном случае — геномной и дактилоскопической информации) продублирован, но в этом же законе содержатся исключения из указанного правила: осуществление правосудия и исполнение судебных актов, случаи, предусмотренные законодательством об оперативно-розыскной деятельности, о противодействии терроризму, уголовно-исполнительным законодательством, законодательством о гражданстве и т. д.²

В самой Конституции РФ возможность ограничения конституционных прав и свобод человека предусмотрена ч. 3 ст. 55, ограничение допускается в пределах, необходимых для защиты основ конституци-

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом 6 части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33746.pdf> (Дата обращения 27.10.2017).

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 29.07.2017), ч. 2 ст. 11. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (Дата обращения 28.10.2017).

онного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Но возможно ли провести общегражданскую дактилоскопическую либо геномную регистрацию, не ограничивая право на неприкосновенность частной жизни?

Сегодня любой гражданин вправе пройти регистрацию добровольно¹, но желающих немного.

В случае изменения паспортной системы в РФ, перехода к биометрическим паспортам лица, получающие паспорт, фактически будут обязаны предоставить свои персональные данные (дактилоскопические, геномные данные), но, как минимум, их согласие на обработку персональных данных будет условным, а, в целом, такие изменения могут попросту повлечь массовые недовольства и тотальный отказ от замены документа.

Макарова А. В.

Предмет, объект и задачи судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения

Необходимость в проведении судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения (далее по тексту — УСН) возникает, в основном, в уголовном судопроизводстве при расследовании дел, связанных с установлением соответствия требованиям налогового законодательства порядка исчисления и уплаты налогов в бюджет.

В целях наиболее полного и всестороннего выяснения всех обстоятельств налоговых преступлений суды могут привлекать к участию в судебном разбирательстве специалистов, а в необходимых случаях проводить соответствующие экспертизы², в том числе судебные налоговые экспертизы. Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов, то есть умышленное невыполнение конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, заключа-

¹ Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2017), ст. 7. URL: http://base.garant.ru/179140/1/#block_100 (Дата обращения 29.10.2017); Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (в ред. от 17.12.2009), ст. 6. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82263/ (Дата обращения 29.10.2017).

² Пункт 1 постановления пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // БВС РФ. 2007. № 3. С. 5–8.

ется в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации¹. Следовательно, при расследовании налоговых преступлений необходимо достоверно установить обстоятельства, свидетельствующие о неисполнении или ненадлежащем исполнении указанной конституционной обязанности, а также размер ущерба государственной казне, выразившегося в неполучении бюджетом денежных средств в виде налогов.

Способами уклонения от уплаты налогов и (или) сборов могут быть как действия в виде умышленного включения в налоговую декларацию или иные документы, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным для налогоплательщиков УСН, заведомо ложных сведений, так и бездействие, выражающееся в умышленном непредставлении налоговой декларации или иных указанных документов. В целях выявления нарушения налогового законодательства и установления правильности исчисления и полноты уплаты налогов (сборов) назначается судебная налоговая экспертиза, которая представляет собой исследование первичных учетных документов, используемых при определении элементов налогообложения, регистров учета и отчетности, основанное на использовании специальных знаний в области бухгалтерского учета и налогового законодательства².

Специфика вопросов, которые возникают у следователя в данной области в процессе расследования налоговых преступлений, а также особенности экспертных исследований, позволяющих ответить на них, побуждает вести речь о самостоятельном роде экономических экспертиз — налоговой экспертизе, которая, в свою очередь, требует разработки понятийного аппарата. Для выделения рода судебной налоговой экспертизы из класса судебных экономических экспертиз, а затем — вида судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу, уплачиваемому в связи с применением УСН, необходимо определить конкретный предмет, объекты и задачи этого класса экспертиз.

Чтобы дать понятие предмета судебной налоговой экспертизы, обратимся к истории. Дискуссии по поводу определения предмета судебной экспертизы среди ученых-криминалистов велись довольно долгое время. Некоторые ученые (Г. М. Надгорный, Н. П. Яблоков)³ предмет

¹ Там же.

² Голикова В. В. Судебная налоговая экспертиза как основная процессуальная форма использования специальных знаний при расследовании налоговых преступлений // *Материалы Международной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные аспекты использования новейших научных достижений в сфере борьбы с преступностью»*. 2009. С. 94–98.

³ См.: *Надгорный Г. М.* Предмет судебной автотехнической экспертизы // *Криминалистика и судебная экспертиза*. Киев, 1971. Вып. 8. С. 320; *Яблоков Н. П.* К вопросу об

судебной экспертизы приравнивают к предмету соответствующей судебно-экспертной отрасли знания. Другие авторы (например, М. Я. Сегай)¹ считают, что предмет и объекты экспертизы — идентичные понятия. Сторонники третьей точки зрения (В. В. Аксенова, И. Л. Петрухин)² под предметом судебной экспертизы понимают совокупность решаемых экспертизой задач или вопросов. Ученые, придерживающиеся четвертой точки зрения (В. Д. Арсеньев, В. Г. Заблочкий), предмет судебной экспертизы рассматривают с позиции теории познания; под предметом судебной экспертизы они понимают «стороны, свойства и отношения объектов, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах». Пятой точки зрения придерживаются Р. С. Белкин³, Ю. К. Орлов, А. Р. Шляхов⁴, которые отождествляют предмет экспертизы с ее результатом, целью. Именно формулировка Р. С. Белкина представляется нам наиболее правильной: «Предмет судебной экспертизы определяют как фактические данные (факты, обстоятельства), устанавливаемые на основе специальных научных познаний и исследования материалов уголовного либо гражданского дела»⁵.

Представляется, что предмет судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу, уплачиваемому в связи с применением УСН, — это фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые в уголовном судопроизводстве с использованием специальных знаний в области налогового законодательства и бухгалтерского учета на основе исследования закономерностей субъектов и элементов налогообложения, суммы исчисленного, уплаченного и подлежащего уплате налога, уплачиваемого в связи с применением УСН и налога при применении совмещенного с УСН налогового режима, и соответствия их правильности и полноты исчисления требованиям налогового законодательства⁶.

экспертизе по технике безопасности // Экспертиза при расследовании преступлений. Вильнюс, 1969. Вып. 7. С. 54.

¹ Сегай М. Я. Некоторые вопросы судебной экспертизы вещественных доказательств // Теоретические и процессуальные вопросы судебной экспертизы. М., 1961. Вып. 1. С. 75.

² Аксенова В. В. Предмет технико-криминалистической экспертизы документов, подвергшихся естественному изменению // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1972. Вып. 9. С. 380.

³ Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. М.: Норма, 2000. С. 448.

⁴ Шляхов А. Р. Предмет и система криминалистической экспертизы // Тр. ВНИИСЭ. М., 1971. Вып. 3. С. 14.

⁵ Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. С. 448.

⁶ Голикова В. В. Предмет, задачи и объекты судебной налоговой экспертизы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 6. С. 73–76.

К объектам данного вида налоговых экспертиз относятся составленные по унифицированной и неунифицированной формам учетные документы, содержащие информацию об элементах налога, уплачиваемого в связи с применением УСН, подтверждающие доходы и расходы, определяемые в соответствии со ст. 346.15 и ст. 346.16 Налогового кодекса РФ, подтверждающие дату получения доходов налогоплательщика (что является важным, так как при УСН используется кассовый метод признания доходов и расходов¹), а также подтверждающие оплату затрат налогоплательщика. К таким документам относятся: первичные учетные документы бухгалтерского и налогового учета (товарные накладные, платежные поручения, приходные кассовые ордера); регистры бухгалтерского и налогового учета (оборотные-сальдовые ведомости по счетам: 68.12 «Налог при упрощенной системе налогообложения», 69 «Расчеты по социальному страхованию и обеспечению», 10 «Материалы», 70 «Расчеты с персоналом по оплате труда», 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» и др.; книга учетов доходов и расходов); бухгалтерская и налоговая отчетность (налоговые декларации); организационно-распорядительные документы (договоры, акты выполненных работ и иные документы).

В общей теории судебной экспертизы экспертные задачи определяются возможностями исследования объекта экспертизы и ее предметом. В задачи налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу, уплачиваемому в связи с применением УСН, входит анализ:

- систем синтетического и аналитического учета расчетов по налогу, уплачиваемому в связи с применением УСН;
- отражения налоговых обязательств перед бюджетом в бухгалтерской и налоговой отчетности;
- данных первичного учета, подтверждающих доходы и расходы (либо доходы, в зависимости от объекта, выбранного организацией при
- нарушениях (если таковые выявлены) требований налогового законодательства при определении налогооблагаемой базы, при исчислении суммы налога;
- полноты и своевременности уплаты налога, уплачиваемого в связи с применением УСН, в бюджет.

Подводя итог изложенному, следует сказать, что выделение вида судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения, является более чем обоснованным, что подтверждается приведенными понятиями предмета, объекта и задач данного вида судебных налоговых экспертиз.

¹ Пункт 2 ст. 346.17 Налогового кодекса Российской Федерации (ч. 1) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 18.07.2017).

Мартынович М. С., Мыскина К. М.

Криминалистическая регистрация: современное состояние и тенденции развития

Рафаил Самуилович Белкин, советский и российский криминалист, крупнейший специалист в этой области, в своих трудах затрагивал самые разнообразные вопросы теории и практики криминалистики. В их числе — проблемы и перспективы развития криминалистической регистрации, важность которой трудно переоценить, ведь в настоящее время практически ни одно преступление не расследуется без информационной поддержки служб, осуществляющих ведение криминалистической регистрации.

Если проследить процесс развития научных представлений о криминалистической регистрации, то на начальном этапе она определялась как учет преступного элемента страны и сведений о лицах, совершивших преступления, которые используются для отыскания наиболее эффективных средств и способов борьбы с преступностью, а также в целях расследования и профилактики. Такую точку зрения излагали в своих работах И. Н. Якимов и Б. И. Шевченко. Во втором томе своего фундаментального труда «Курс криминалистики» профессор Белкин Р. С. отмечает, что наиболее предпочтительное определение криминалистической регистрации дано А. Ю. Пересункиным, который понимает под ней «совокупность различных видов учета определенных, попавших в сферу уголовного процесса... объектов, осуществляемых путем фиксации и сосредоточения характеризующих эти объекты данных¹. Р. С. Белкин подчеркивает, что криминалистическая регистрация есть, прежде всего, система криминалистических учетов, которые наука рассматривает как в материальном, так и в вещественном функциональном выражении, то есть имеются в виду не только совокупность зафиксированных данных, но еще и процедуры учета — действия по их собиранию, регистрации, хранению, систематизации и передаче.

Как и всякой системе, криминалистической регистрации присущи единые функциональные цели, в числе которых Р. С. Белкин называет следующие: накопление данных, имеющих значение при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений; обеспечение условий идентификации объектов; содействие розыску учтенных объектов; обмен ориентирующей информацией². Исходя из названных целей, криминалистическую регистрацию можно считать своеобразной информационной системой, обеспечивающей борьбу с преступностью.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. 3-е изд., доп. М.: Норма, 2001. С. 109.

² См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. 3-е изд., доп. М.: Норма, 2001. С. 109.

Профессор Белкин Р. С. не только разрабатывал теорию криминалистической регистрации, некоторые наиболее значимые аспекты которой изложены выше, но и обозначил перспективы ее дальнейшего развития. Нам представляется важным рассмотреть эти положения и сопоставить их с современным состоянием системы криминалистических учетов¹.

1. Разработка и совершенствование научных основ отдельных видов учетов. На современном этапе научную основу криминалистической регистрации составляют положения об относительной устойчивости и индивидуальности объектов материального мира, а также теория отражения. С повышением уровня научно-технического прогресса большое значение начинают приобретать положения таких наук, как теория информации, кибернетика и информатика. С их помощью современные ученые разрабатывают научные методы, повышающие эффективность раскрытия и расследования преступлений, и более совершенные методы формирования и использования данных криминалистических учетов².

В качестве наиболее актуальной проблемы в этой сфере Р. С. Белкин выделял создание научно обоснованной классификации способов совершения преступлений. В настоящее время в нашей стране такой учет ведется. Он представляет собой специальную систему регистрации преступлений по устойчиво проявляющимся признакам механизма преступления и характеристикам лица, их совершившего. В ряде зарубежных стран эта система называется «MODUS OPERANDI SISTEM» (MOS). Данный учет включает две картотеки (сведения о преступлениях, совершенных известными и неизвестными лицами)³.

2. Совершенствование правовых основ криминалистической регистрации. Профессор Белкин Р. Ф. отмечал, что о криминалистической регистрации упоминает лишь российский закон «О милиции» и — косвенно — УПК РФ, чего явно недостаточно для детального урегулирования этого вопроса. Данная проблема нашла свое решение. На современном этапе правовую основу криминалистической регистрации составляет федеральное законодательство, постановления Правительства, ведомственные (в том числе и межведомственные) акты правоохранительных органов, а также межгосударственные и международные соглашения. Помимо указанного Р. С. Белкиным УПК РФ, наиболее значимыми актами являются: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором изложены основные понятия, касающиеся информации и информационного обеспечения; Федеральный закон РФ от 3 дека-

¹ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. 3-е изд., доп. М.: Норма, 2001. С. 116–126.

² Белов О. А. Криминалистическая регистрация: история, современное состояние и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 18–19.

³ Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 314.

бря 2008 г. «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», который регламентирует вопросы обязательной геномной регистрации отдельных категорий подозреваемых, обвиняемых и осужденных за совершение преступлений; Федеральный закон РФ от 25 июля 1998 г. «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», который возлагает на МВД РФ основные обязанности по организации и ведению дактилоскопического учета.

Большое значение для решения основных вопросов криминалистической регистрации имеют межведомственные и внутриведомственные правовые акты. В основном это приказы, инструкции МВД, МЧС, Минюста РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития и торговли РФ. В межведомственных и ведомственных подзаконных актах детально изложены порядок и условия получения криминалистически значимой информации по международным каналам.

3. Унификация и централизация системы криминалистической регистрации. Р. С. Белкин полагал, что для повышения эффективности использования содержащихся в учетах данных необходимо не только унифицировать местные учеты, но и превратить некоторые из них в централизованные, а также усовершенствовать обмен информацией между местными учетными органами. Приказом МВД РФ от 20.07.2009 г. № 577 в новую редакцию Программы МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел» были внесены изменения, предусматривающие комплексный подход к решению проблем совершенствования информационно-телекоммуникационного обеспечения органов внутренних дел. Так, например, информация, полученная от государственных органов, включается в единый информационный контур, в пределах которого возможен поиск взаимосвязей между событием преступления и преступником.

Однако сведения, поступающие в систему учета, не всегда являются объективными и актуальными, а их соответствие первоисточникам бывает неполным. Наиболее рациональным и перспективным способом решения проблемы представляется совершенствование единой системы криминалистической регистрации, позволяющей автоматизировать процессы накопления, обработки и предоставления информации за счет использования возможностей информационно-коммуникационных систем¹.

4. Совершенствование технической базы и использование новых прогрессивных методов сбора, хранения, поиска и обработки информации. Р. С. Белкин выделил исторические этапы «технизации» криминалистической регистрации. Так, для передачи учетной инфор-

¹ Логвиненко Е. А. К вопросу совершенствования единой системы криминалистической регистрации // Концепт. 2015. № 7. ART 1524 4. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15244.htm>. — ISSN 2304 — 120 X.

мации на расстояние использовались сначала телеграф и телефон, затем фототелеграф и, наконец, факс. Для анализа и поиска информации применялись перфокарты, а для автоматизации дактилоскопических учетов был разработан дактилоскопический аппарат. Современный этап Р. С. Белкин характеризовал, выделяя такие черты, как широкая компьютеризация учетов, разработка различных информационно-поисковых систем, поиск новых методов фиксации регистрационной информации, появление новых видов криминалистических учетов, разработка и внедрение более совершенных методов информационного обеспечения органов дознания и следствия.

Использование средств автоматизации и вычислительной техники действительно открыло новые возможности для ведения учетов. На современном этапе развития криминалистической регистрации большинство правоохранительных органов используют компьютерные технологии обработки криминалистически значимой информации. Сегодня ЭВМ могут хранить огромные массивы такой информации, а разрабатываемые и внедряемые средства управления базами данных (СУБД) и иное программно-техническое обеспечение позволяют не только существенно уменьшить время обработки запросов, но и устанавливать определенные взаимосвязи между объектами регистрации¹.

5. Повышение качества и уровня своевременности информационного обеспечения. Данное направление является одним наиболее перспективным. На сегодняшний день разработаны автоматизированные учеты, которые способствуют устранению многих проблем прошлых лет, хотя решены пока далеко не все. Наименее разработанными как в научном, так и в практическом плане являются вопросы использования геоинформационных, навигационных, спутниковых технологий, технологий радиочастотной идентификации и информационно-телекоммуникационных технологий. Перечисленные выше направления обладают большим потенциалом и возможностями получения объективной информации. Они позволяют быстро получать достоверные сведения об объектах, подлежащих криминалистической регистрации, а также осуществлять контроль объектов, выведенных из гражданского оборота².

Кроме того, информация подвержена устареванию. В связи с этим необходимо производить мониторинг содержания информационных ресурсов на предмет актуальности. Р. С. Белкин также обозначал эту проблему, однако должного решения не найдено до сих пор, хотя определенные шаги в этом направлении предпринимаются. Создание тех же самых автоматизированных учетов позволяет отслеживать информацию,

¹ Белов О. А. Криминалистическая регистрация: история, современное состояние и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 18.

² Курин А. А. Систематика криминалистической регистрации на современном этапе. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. С. 103.

которая утрачивает свое значение, и быстро удалять ее. Однако рост числа объектов, подвергающихся криминалистической регистрации, затрудняет этот процесс. Переход от локальных систем учета к глобальным минимизирует, насколько это возможно, дублирование информации в локальных сетях.

6. Повышение эффективности использования криминалистической регистрации.

В настоящее время существует более 30 различных видов учетов. В данной сфере создаются базы данных, тем самым совершенствуется процесс использования криминалистически значимой информации, содержащейся в учетах. Но даже если этот огромный массив информации будет полностью представлен в виде электронных баз данных, работа с ними останется весьма трудоемкой. В литературе высказывается точка зрения о необходимости введения в МВД должности специалиста по учетам — эксперта-координатора, в обязанности которого будет входить не только непосредственная работа с криминалистическими учетами, но информирование сотрудников различных правоохранительных органов о новых видах учетов, о порядке работы с ними и о том, какую информацию и как можно получить, используя криминалистические учеты¹.

Таким образом, многие из вопросов, поставленных Р. С. Белкиным, сегодня находят ответ. Нельзя сказать, что указанные проблемы решены полностью, однако развитие и совершенствование системы криминалистической регистрации идет в рамках именно тех перспектив, которые обозначил в своих работах профессор Белкин Р. С.

Надбитова А. С.

Проблемы законодательного регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации

В современных условиях гуманизации и состязательности гражданского, уголовного и административного судопроизводства в Российской Федерации все большие требования предъявляются к судебно-экспертной деятельности — как деятельности, обеспечивающей стороны и суд объективными доказательствами. И тем понятнее становится обеспокоенность всех слоев общества недостатками в правовой, научно-методической и организационной регламентации судебно-экспертной деятельности².

¹ *Аминев Ф. Г.* Комплексное использование экспертно-криминалистических учетов в информационном обеспечении расследования и раскрытия преступлений: Автореф. дис. ... на соискание степени канд. юрид. наук / Ф. Г. Аминев. Уфа, 2009. С. 8.

² *Аминев Ф. Г.* О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / Российский судья. 2016. № 6. С. 12–16. // СПС «КонсультантПлюс».

Развитие научно-технического прогресса, экономической и социально-политической жизни страны обусловило появление новых способов совершения и сокрытия преступлений, что вызывает необходимость расширения правовой, научно-методической и технической базы экспертной деятельности.

Принятый впервые в истории отечественного законодательства **Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹** (далее — **ФЗ «О ГСЭД»**) обозначил лишь некоторые принципы организации этой работы. За его рамками оставлены многие вопросы, связанные с производством судебных экспертиз. Прежде всего, это касается производства судебных экспертиз негосударственными судебными экспертами, так как на них не распространяются профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к экспертам, работающим в государственных учреждениях. Помимо этого они не обязаны использовать соответствующие методики при проведении экспертных исследований, что в конечном итоге приводит к назначению дополнительных и (или) повторных экспертиз, их удорожанию, принятию незаконных решений, вынесению несправедливых приговоров, а также нарушению разумного срока уголовного судопроизводства.

Согласно ст. 41 **ФЗ «О ГСЭД»** на негосударственных экспертов не распространено общее требование соблюдения законности при осуществлении судебно-экспертной деятельности, заключающееся в точном исполнении положений нормативных правовых актов, составляющих правовую основу этой деятельности (ст. 5 **ФЗ «О ГСЭД»**). Законодательная неурегулированность создает условия для нарушения прав участников уголовного судопроизводства, в том числе на доступ к правосудию в разумный срок².

В связи с вышеуказанным, как в научной среде, так и на законодательном уровне активно обсуждаются вопросы, связанные с реформированием законодательства о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Из-за большой загруженности государственных экспертных учреждений судьи и следователи, чтобы не затягивать судебный процесс, назначают производство судебной экспертизы в негосударственные экспертные учреждения или частным экспертам. В настоящее время судебно-экспертная деятельность негосударственных экспертных учреждений не подлежит лицензированию, а сертификация негосу-

¹ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

² *Парфенова М. В., Янчуркин О. В.* К вопросу о реформировании судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 7 С. 85–88 / СПС «КонсультантПлюс».

дарственных экспертов не является обязательной, что часто вызывает вопросы относительно компетентности таких экспертов.

В отношении негосударственной экспертной деятельности нормативно-правовое регулирование механизма получения и подтверждения права самостоятельного производства экспертиз, контроля качества производства исследований, порядка повышения квалификации экспертов отсутствует. Законодательство не предъявляет никаких требований к подтверждению наличия специальных знаний негосударственных экспертов. Сертификация их компетенции производится лишь на условиях добровольности¹.

В ноябре 2013 года Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении был принят законопроект № 306504-6 «О судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации»², который, в отличие от действующего ФЗ «О ГСЭД», призван регулировать не только деятельность государственных экспертных учреждений, но также и деятельность негосударственных судебно-экспертных учреждений. Данный законопроект направлен на совершенствование судебной-экспертной деятельности, в том числе в целях установления профессиональных и квалификационных требований к лицам, осуществляющим производство судебных экспертиз вне государственных судебно-экспертных учреждений, а также устанавливает меры государственного контроля за организацией деятельности указанных лиц³.

Анализ состояния законности в ряде государственных экспертных учреждений свидетельствует о наличии ряда системных проблем, негативно влияющих на обеспечение прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Одной из главных проблем являются длительные сроки проведения ряда экспертных исследований, что в свою очередь, влечет нарушение требований закона о разумном сроке уголовного судопроизводства. Так, в ряде случаев по судебно-психологическим, психиатрическим, компьютерно-техническим, фоноскопическим, лингвистическим и бухгалтерским экспертизам срок проведения составляет более 6 месяцев. Особенно остро стоит вопрос в отношении сроков проведения строительно-технических экспертиз; «очередь» на производство таких экспертиз и исследований составляет два и более года.

¹ Николаева Ж. А. Проблемы законодательной регламентации судебной-экспертной деятельности / Российская юстиция. 2015. № 6. С. 54–56 // СПС «КонсультантПлюс».

² Проект Федерального закона № 306504–6 «О судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в 1 чтении 20.11.2013).

³ Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации / Стенограммы обсуждения законопроекта № 306504–6 // URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/306504–6>.

Негативное влияние на соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства оказывает тот факт, что на территории многих субъектов Российской Федерации не проводятся некоторые важнейшие судебные экспертизы и экспертные исследования, такие как генотипоскопические, одорологические, фоноскопические, криминалистические экспертизы волокон и волокнистых материалов в связи с отсутствием специальных материалов в указанных сферах и необходимого оборудования в ведомствах экспертных учреждений¹.

Еще одной проблемой является отсутствие законодательной регламентации создания и внедрения методик производства экспертных исследований, разработка которых производится методическими отделами разных государственных экспертных учреждений. При этом не проводится независимая оценка научной обоснованности данных методик, что ведет к неодинаковому подходу при проведении экспертиз различными ведомствами. Как следствие, в течение последних двух с половиной лет судами и органами, осуществляющими предварительное расследование преступлений, получено свыше 600² экспертных заключений, содержащих противоречивые выводы по одним и тем же вопросам, подлежащим разрешению при наличии тех же объектов исследования, что обусловило назначение повторных экспертиз и продление срока предварительного следствия. Способом решения данной проблемы будет являться унификация методик проведения судебных экспертиз.

Ст. 7 ФЗ «О ГСЭД» содержит требование о независимости эксперта от органа или лица, назначившего судебную экспертизу, и от других лиц, заинтересованных в исходе дела. Однако, не смотря на это, государственные экспертные службы не полностью вышли из подчинения руководителей своих ведомств.

Процесс вывода из подчинения ограничился образованием экспертно-криминалистических центров МВД России с соответствующими подразделениями на местах, тем самым устранив прямое подчинение экспертов-криминалистов начальникам горрайорганов. Однако, как известно, все следователи, дознаватели, а также экспертно-криминалистические службы на уровне субъекта Российской Федерации подчинены одному должностному лицу — начальнику органа внутренних дел региона, то есть влияние на эксперта ведомственных интересов не исключено.

¹ Парфенова М. В., Янчуркин О. В. К вопросу о реформировании судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 85–88 / СПС «КонсультантПлюс».

² Николаева Ж. А. Проблемы законодательной регламентации судебно-экспертной деятельности / Российская юстиция. 2015. № 6. С. 54–56 // СПС «КонсультантПлюс».

Такое же положение и у экспертных подразделений в других ведомствах, где наряду с экспертной деятельностью осуществляется уголовное преследование¹.

Таким образом, действующее законодательство не в полной мере отвечает сложившейся в обществе действительности, в связи с чем встает острая необходимость его совершенствования, так как из-за пробелов в правовом регулировании судебно-экспертной деятельности, а также допускаемых нарушений при ее осуществлении не только снижается качество предварительного расследования преступлений, значительно увеличиваются финансовое обеспечение следствия и судебные издержки, но и создаются условия для необоснованного уголовного преследования².

Озерова Н. Д.

Психологические аспекты проведения обыска

При расследовании преступлений следователю зачастую приходится осуществлять принудительные поисковые действия для обнаружения орудий преступления, похищенных ценностей и иных предметов, имеющих значение для уголовного дела. Для реализации данных функций прибегают к такому следственному действию, как обыск.

Несомненно, можно сказать, что существует ряд общих положений по проведению обыска, однако при расследовании конкретного преступления нужен индивидуальный подход, это связано, в первую очередь, с особенностями дела, характером отыскиваемых предметов, личностью обыскиваемого и других внешних факторов.

Первое и самое важное тактическое правило обыска — внезапность. Следование данному правилу минимизирует риски уничтожения вещественных доказательств заинтересованными лицами.

Если затрагивать психологические аспекты проведения обыска, то можно проследить сочетание двух совершенно противоположных форм. Во-первых, это работа следователя по обнаружению, поиску искомого объекта, во-вторых, это действия обыскиваемого и его родственников, направленные на препятствование проведению следственных действий.

Еще на стадии подготовки к проведению обыска следователь должен изучить характеристику обыскиваемого и сформировать его психологический портрет, что позволит в дальнейшем спрогнозировать поведение лица в различных ситуациях, которые могут сложиться во время производства следственного действия. Ключевое значение имеет способность обыскиваемого к самообладанию, поскольку именно

¹ Николаева Ж. А. Указ. соч. С. 54–56.

² Там же.

на этот аспект обращает внимание следователь при передвижении по квартире или комнате, если говорить об обыске в помещении. Этот же фактор помогает определить, за кем следует установить тщательное наблюдение при проведении обыска. Особое внимание концентрируется на взаимоотношениях и уровне доверия обыскиваемого и соседей, так как именно у этих лиц стараются скрывать вещественные и иные доказательства, имеющие значение для дела.

Интересной, даже в какой-то степени творческой задачей для следователя оказывается обнаружение тайника. Чаще всего преступник избирает для тайника такое место, которое кажется ему надежным с позиции его жизненного опыта или профессии. Способы изготовления тайников тоже различаются в зависимости от профессиональных навыков либо бытового представления о надежности. Зачастую преступники, надеясь на брезгливость, прячут орудия совершения преступлений, ценности в помойках, грязном белье, предварительно упаковав в целлофановые пакеты, чтобы обеспечить их сохранность.

Особо смелые граждане руководствуются принципом «если хочешь что-то спрятать, положи на самое видное место», а именно, упаковывают ценности, деньги, полученные преступным путем, в полиэтиленовые водонепроницаемые пакеты и прячут в банки с вареньем, консервированными овощами, стоящими на полках.

Профессиональные преступники любят «изводить» следователей бутафорией, надеясь, что череда неудач сможет переключить внимание на сфабрикованные внешние признаки тайников либо утомит.

Еще один важный психологический прием должен учитываться при проведении обысков у членов организованной преступной группировки. Зачастую преступники создают однообразные тайники, в которых и прячут деньги, драгоценности, добытые преступным путем.

Таким образом, первая психологическая конструкция, с учетом которой создается система поиска, — это способность следователя смоделировать психологические портреты обыскиваемых и умение совмещать поиск с анализом их поведения. Вторая психологическая конструкция основывается на неослабном наблюдении, как следователя, так и его помощников за обыскиваемыми¹. Целью наблюдения, прежде всего, является предотвращение уничтожения объектов, имеющих значение для расследуемого преступления.

Многолетняя практика показывает, что при производстве обыска поведение присутствующих в помещении лиц меняется именно в момент приближения следователя к месту, где располагается тайник. Однако

¹ Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. Под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА М), 2001. 990 с.

реакция может быть самой разной: в одних случаях наблюдается оцепенение, попытки принять «закрытую позу», в других — непроизвольно проявляется реакция вегетативной нервной системы, например, бледность, выступание пота, постукивание ногой по полу.

Существует и другой психотип людей, которые прекрасно владеют собой и умеют управлять своими эмоциями. Однако не всегда это проходит успешно, например, лицо, которое своим поведением показывало полную отстраненность от происходящих в его квартире событий, внезапно начинает всем своим видом проявлять раздражительность, объясняя это своей усталостью.

Нередко преступники пытаются сбить следователя с «верного пути». Проявления такого поведения могут быть самыми разными — неожиданные вопросы следователю и его помощникам, стремление поговорить на отвлеченные темы, даже слишком навязчивое стремление помочь в проведении обыска, например, открытие шкафа, извлечение вещей с высокорасположенных ящиков и т. д.

Обыскиваемыми могут предприниматься попытки вывести следователя из душевного равновесия. Для достижения данной цели применяются такие приемы, как оскорбления, отталкивание от детской кроватки или постели больного, вырывание из рук следователя документов.

Как уже указывалось выше, на протяжении всего следственного действия должно быть установлено тщательное, но, в то же время, незаметное наблюдение за присутствующими в помещении лицами. Основная задача — заметить резкие изменения настроения, изменение жестикуляции и мимики и, руководствуясь этим, обнаружить то место, приближение к которому вызывает беспокойство обыскиваемого. При этом нельзя исключать версию о симуляции тревоги с целью запутывания следователя и его помощников.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что обыск относится к числу следственных действий, требующих особого внимания, он производится в достаточно напряженной обстановке, в которой не исключается и возникновение конфликтных ситуаций. Для достижения поставленных целей следователь ни на секунду не должен сомневаться в успехе осуществляемого обыска, а, наоборот, концентрировать все свое внимание на отыскании объектов. Необходимо продумывать свои действия на несколько шагов вперед, наблюдать за реакцией обыскиваемого лица, подстраиваться под его поведение. Проанализировав литературу, мы пришли к выводу о том, что следователю нужно быть отличным психологом во время проведения данного следственного действия. Обыск необходимо проводить крайне тщательно, поскольку в настоящее время преступники прибегают к очень изощренным способам изготовления тайников, стремятся дезориентировать своим поведением следователей и их помощников.

Погосян К. Г.

Судебная бухгалтерская экспертиза операций по учету товарно-материальных ценностей: предмет, объект и задачи

Рафаил Самуилович Белкин стоял у истоков развития и формирования науки криминалистики и, благодаря ему, многие поколения юристов знакомы с криминалистикой именно в том виде, в каком она есть сегодня. Огромное значение его трудов заключается в том, что они актуальны и в наше время, несмотря на прогресс и на скоротечность времени, так как Р. С. Белкину удалось заложить такие фундаментальные основы науки криминалистики и осветить такие проблемы, которые с течением времени лишь могут дополняться, но не терять свою актуальность. Большой вклад Рафаил Самуилович Белкин внес и в развитие судебной экспертизы.

Судебную экспертизу Р. С. Белкин определял, как институт процессуального права. Задачей данной науки он считал исследование тех закономерностей, которые определяют правовые основы и формы функционирования этого института, тенденции их развития, цели и пределы использования специальных знаний в судопроизводстве¹. Кроме того, Р. С. Белкин представил свою классификацию судебных экспертиз. Он классифицирует судебные экспертизы по родовому и конкретному объекту, утверждая, что под родовым объектом необходимо понимать класс и категорию объектов, обладающих общими признаками, а под конкретным объектом — определенный объект, подлежащий экспертному исследованию.

В современной теории судебных экспертиз принято классифицировать судебную экспертизу по классам, родам и видам.

Род судебной экспертизы должен обладать отличительными свойствами в виде объекта, предмета и метода деятельности. Род судебной экспертизы можно разделить на виды. Деление рода на виды должно происходить путем выделения общего свойства с родом, специфического свойства вида при наличии основания, по которому осуществляется классификация. Роды и виды судебных экспертиз можно объединить в классы. Классы судебных экспертиз представляют собой наиболее общее и широкое понятие, они являются ориентирами в выборе направлений и специализации в рамках единой специальности судебной экспертизы.

Таким образом, со временем классификация судебных экспертиз стала более конкретизирована, однако основная концепция классификации, предложенная Р. С. Белкиным, осталась неизменной.

¹ *Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: Юрист, 1997.*

Судебная бухгалтерская экспертиза представляет собой процессуальное действие, экспертное исследование первичных и сводных документов бухгалтерского учета, бухгалтерских регистров и отчетности, которые содержат фактические данные, необходимые для дачи ответов экспертом на вопросы, разрешение которых требует специальных знаний в области бухгалтерского учета, по результатам которого составляется заключение рамках уголовного, гражданского, арбитражного и административного дела в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Определение предмета судебной бухгалтерской экспертизы предлагают многие авторы. Рассмотрим определение, предложенное Е. Р. Россинской: «Предмет судебно-бухгалтерской экспертизы составляют факты и обстоятельства (фактические данные) уголовного, гражданского или административного дела, устанавливаемые в соответствии с определенным процессуальным законодательством порядком экспертом, сведущим в теории и практике бухучета, контроля и анализа финансово-хозяйственной деятельности путем анализа документов первичного учета, записей в учетных регистрах и отчетности»¹.

Целью судебной бухгалтерской экспертизы является установление правильности организации бухгалтерского учета и отчетности, достоверности отражения фактов хозяйственной деятельности для дачи обоснованного заключения по поставленным вопросам.

Прежде чем дать определение судебной бухгалтерской экспертизы следует указать, что необходимо понимать под товарно-материальными ценностями. Товарно-материальные ценности (далее — ТМЦ) представляют собой оборотные средства, предметы труда, используемые для хозяйственных нужд и потребляемые в процессе производства, с целью увеличения стоимости выпускаемой продукции.

Предметом судебной бухгалтерской экспертизы учета ТМЦ является установление фактических обстоятельств дела, исследуемых и устанавливаемых в судопроизводстве, с использованием экспертом специальных знаний в области бухгалтерского учета на основе исследования закономерностей финансово-хозяйственных операций по учету ТМЦ и их правильному документальному отражению в бухгалтерском учете в соответствии с действующим законодательством.

Многие авторы предлагают классификацию объектов данного вида экспертизы. Так, М. Ф. Сафонова приводит классификацию подлежащих исследованию товарных операций, в которой в качестве объектов выделяет: издержки торговли; сохранность товаров и закрепление

¹ Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебное пособие под редакцией Е. Р. Россинской, Н. Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.

материальной ответственности; первичные документы; бухгалтерский учет и отчетность; недостачу МПЗ¹.

С такими объектами, как «бухгалтерский учет и отчетность», а также «недостача МПЗ и другие правонарушения, причинившие материальный ущерб» мы не можем согласиться.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 ФЗ от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» бухгалтерский учет — формирование документированной систематизированной информации об объектах, предусмотренных настоящим Федеральным законом, в соответствии с требованиями, установленными настоящим Федеральным законом, и составление на ее основе бухгалтерской (финансовой) отчетности и другие правонарушения, причинившие материальный ущерб². Бухгалтерский учет представляет собой упорядоченную систему сбора, обобщения и регистрации информации о хозяйственно-финансовых операциях и деятельности организации. Бухгалтерский учет, как система, не может являться объектом экспертного исследования; на разрешение эксперта в качестве объектов могут быть предоставлены конкретные данные, содержащиеся в бухгалтерском учете организации, например, регистры бухгалтерского учета, но не сама система в целом.

Следует также конкретизировать, какая именно отчетность будет являться объектом данного вида экспертизы. Само по себе указание бухгалтерской отчетности в качестве объекта экспертизы, на наш взгляд, допустимо, однако в дальнейшем данное указание может вводить в заблуждение лиц, назначающих экспертизу и предоставляющих объекты на исследование эксперту, например, следователей, решивших, что в качестве объектов допустимо предоставить всю бухгалтерскую отчетность и документацию, находящиеся в их распоряжении. Однако для разрешения конкретного вопроса, поставленного перед экспертом, необходимо предоставлять определенные документы, входящие в бухгалтерскую отчетность. Например, отвечая на вопрос «Соответствуют ли представленные документы по учету результатов инвентаризации требованиям российского бухгалтерского законодательства, регламентирующего порядок ведения бухгалтерской документации?», в качестве объектов на экспертизу следует предоставить: инвентаризационную опись ТМЦ по форме ИНВ-3; акт инвентаризации ТМЦ, отгруженных по форме ИНВ-4; инвентаризационную опись ТМЦ, принятых на ответственное хранение по форме ИНВ-5; акт инвентаризации ТМЦ, находящихся в пути по форме ИНВ-6; сличительную ведомость результатов

¹ Экспертное исследование товарных операций в торговле и общественном питании / М. Ф. Сафонова // Все для бухгалтера. № 7. 2008.

² ФЗ от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О бухгалтерском учете».

инвентаризации ТМЦ по форме ИНВ-19; приказ о проведении инвентаризации ТМЦ по форме ИНВ-22; журнал учета контрольных проверок правильности проведения инвентаризации по форме ИНВ-25; ведомость учета результатов, выявленных инвентаризаций, утвержденную нормативно-правовыми актами по форме ИНВ-26. Помимо указанных отчетных документов необходимо предоставить данные бухгалтерского учета, а именно оборотно-сальдовое ведомости, карточки и регистры по счетам: 10, 41, 43. Таким образом, на наш взгляд, в классификации объектов необходимо конкретизировать объекты, объединять их в группы.

М. Ф. Сафонова выделяет в своей классификации такой объект, как недостача МПЗ и другие правонарушения, причинившие материальный ущерб. Рассмотрим данный объект детально.

Недостача представляет собой физическую нехватку товарно-материальных ценностей, зафиксированную в установленном порядке, выявляемую после проведения инвентаризации имущества и обязательств организации, в ходе которой можно выявить физическое наличие или отсутствие соответствующих объектов, сопоставляя их с регистром бухгалтерского учета.

Таким образом, для того, чтобы эксперту установить недостачу МПЗ или ТМЦ ему необходимо будет лично выехать на объект (в организацию) и провести инвентаризацию, то есть самостоятельно собрать материалы для производства экспертизы. В соответствии со ст. 16 ФЗ от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы. Исходя из закона, эксперт вправе работать с объектами, предоставленными ему на исследование лицом, назначившим экспертизу. Согласно закону, объект «недостача», выделяемый М. Ф. Сафоновой, является недопустимым.

Правонарушение представляет собой неправомерное поведение, противоправное общественно-опасное деяние лица, противоречащее правовым нормам российского законодательства, совершенное дееспособным лицом. Понятие правонарушения является правовым вопросом, не входящим в компетенцию эксперта и ставящимся перед судом, органом и должностным лицом, рассматривающими дело об административном и ином правонарушении. Эксперт, исходя из своего процессуального статуса, не вправе разрешать правовые вопросы. Эксперт лишь проводит исследование по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний, в целях установления фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Принимая заключение эксперта в качестве допустимого доказательства и исследуя все доказательства по делу в совокупности, судья, орган или должностное лицо само-

стоятельно будут устанавливать факт присутствия или отсутствия правонарушения.

Имущественный ущерб (материальный ущерб, имущественный вред) — ущерб, нанесенный имущественному положению юридического или физического лица вследствие причинения ему вреда или неисполнения условий договора¹. Понятие «имущественный ущерб» относится к вопросам права и правовых последствий оценки действий физических и юридических лиц. Исходя из вышесказанного, вопросы права и правовых последствий оценки доказательств не могут быть поставлены перед экспертом.

На основании рассмотренных объектов, приведем свою классификацию объектов. В соответствии со ст. 10 ФЗ «О государственной судебной экспертной деятельности в Российской Федерации», при проведении судебной бухгалтерской экспертизы по учету товарно-материальных ценностей объектами исследований можно считать вещественные доказательства, документы, предметы, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела, по которому проводится судебная экспертиза. Однако выделим основные объекты, подлежащие исследованию при производстве судебной бухгалтерской экспертизы по учету ТМЦ: документы, оформляющие поступление ТМЦ; документы, оформляющие хранение ТМЦ; документы, оформляющие движение, реализацию и отпуск ТМЦ; документы, оформляющие проведение инвентаризации ТМЦ; товарораспорядительные документы.

Задачи экспертного исследования операций с товарно-материальными ценностями можно определить, исходя из предмета и объекта судебно-бухгалтерской экспертизы по учету ТМЦ.

Задачами судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету ТМЦ являются: определение правильности оформления результатов проведения инвентаризации; определение количества и стоимости ТМЦ; выявление несоответствия сведений, отраженных в бухгалтерских документах по приходу и расходу данных ТМЦ, данным, содержащимся в инвентаризационной описи; определение правильности документального оформления операций по приемке, хранению и списанию ТМЦ, а также соответствия оформления хозяйственных операций по учету ТМЦ действующему законодательству.

Таким образом, мы пришли к выводу, что целью данной экспертизы является проверка сохранности товарно-материальных ценностей в организации, а также выявление соответствия документального оформления операций, проводимых с ТМЦ, требованиям бухгалтерского законодательства.

¹ Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. 1969–1978.

Попова Е. В.

Взгляды Р. С. Белкина на проблему предмета и объекта отдельного вида судебной экспертизы (на примере судебной бухгалтерской экспертизы денежных средств при расчетно-кассовых операциях и безналичных платежах)

Рафаил Самуилович Белкин — доктор юридических наук, профессор и заслуженный деятель науки. Он внес огромный вклад в формирование и развитие криминалистики, создал огромную теоретическую базу и практические основы для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Помимо того, что профессор Белкин Р. С. оставил впечатляющее научное наследие, он также принадлежал к числу тех ученых, которые начали развивать идею отделения от криминалистики науки об экспертизе и формирования ее как самостоятельной системы знаний. Сегодня эта наука называется теорией судебной экспертизы или судебной экспертологией, и ее право на автономное существование признано и неоспоримо.

Быстрое развитие общества приводит к усложнению всех областей его жизнедеятельности, что является предпосылкой формирования новых родов и видов экспертиз. Каждая экспертиза имеет свой предмет. Многие ученые занимались вопросом определения предмета судебной экспертизы. Некоторые понимали под предметом судебной экспертизы совокупность вопросов, решаемых экспертизой. Таким было первоначальное мнение А. Р. Шляхова, а также Г. А. Цимакурдзе, который говорил, что предмет экспертизы составляет совокупность вопросов, которые может разрешить эксперт на основании своих специальных знаний.

Распространенной была и точка зрения, согласно которой предметом судебной экспертизы является круг решаемых экспертом задач. Ее придерживались И. Л. Петрухин, В. В. Аксенова, Л. Е. Ароцкер и другие.

Часто под предметом понималось исследование конкретной группы вещественных доказательств. Таким какое-то время было мнение А. Р. Шляхова, которое позже изменилось. В. К. Лисиченко, говоря о предмете экспертизы, называл различные вещественные доказательства¹. Таким образом, имела место подмена предмета судебной экспертизы ее объектом.

Известно и мнение, согласно которому предмет судебной экспертизы — это то же самое, что и объект науки, знаниями которой пользуется эксперт. И если предметом какой-либо науки является какой-то аспект

¹ Лисиченко В. К. К вопросу о предмете и системе криминалистической экспертизы. В кн.: Материалы 4-й расширенной научной конференции. Киев, 1959. С. 329.

объективной действительности, то и предметом экспертизы, согласно данной позиции, является то же самое.

В. Д. Арсеньев полагал, что «предмет судебной экспертизы — те стороны, свойства и отношения ее объектов (основного и вспомогательных), которые исследуются (подлежат исследованию) средствами (методами, методиками) данной экспертизы с целью решения вопросов, имеющих значение для дела и находящихся в границах специальной компетенции данной отрасли знания»¹. Это определение уже приближено к существующему на сегодняшний день, но тем не менее, центральное место, по мнению автора, все же принадлежит проявлению различных качеств объекта исследования, а также его методам и средствам.

Наиболее корректное, на наш взгляд, определение предмета судебной экспертизы дал Р. Ф. Белкин: «предмет судебной экспертизы определяют как фактические данные (факты, обстоятельства), устанавливаемые на основе специальных научных познаний и исследования материалов уголовного или гражданского дела»². В итоге большинство авторов и ученых согласилось с тем, что предметом судебной экспертизы все же являются фактические данные. Сегодня понятие предмета судебной экспертизы дополнено фактическими данными, устанавливаемыми в административном и конституционном судопроизводстве.

Несмотря на то, что дискуссии изначально велись относительно традиционных криминалистических экспертиз, к которым относятся, например, трасологическая, баллистическая, почерковедческая и другие, предмет других существующих сегодня родов и видов экспертиз определяется аналогично.

Например, одним из видов рода судебных бухгалтерских экспертиз является судебная бухгалтерская экспертиза денежных средств при расчетно-кассовых операциях и безналичных платежах.

Предмет судебной бухгалтерской экспертизы денежных средств при расчетно-кассовых операциях и безналичных платежах — это фактические данные, исследуемые и устанавливаемые в судопроизводстве с использованием специальных знаний в области бухгалтерского учета и законодательства, регулирующего осуществление расчетно-кассовых операций и безналичных платежей, на основе исследования закономерностей хозяйственных операций с наличными и безналичными денежными средствами организации и соответствия правильности их отражения и документального оформления требованиям законодательства.

¹ Арсеньев В. Д. Соотношение понятия предмета и объекта в теории судебной экспертизы. В кн.: Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре — криминалистических чтениях. Вып. 26. М., 1979. С. 4–5.

² Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика: учебник для вузов. Под ред. заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Белкина Р. С. М.: Норма, 2000. С. 448.

Объектами экспертного исследования являются материалы дела, материальные носители, которые могут содержать информацию об обстоятельствах дела, источники фактических данных или иные носители информации. Несмотря на широкий спектр наименований, объекты экспертизы определяются всеми авторами примерно одинаково.

Спорным являлся лишь вопрос о том, можно ли относить к объектам экспертизы процессы, то есть, могут ли объекты исследования быть нематериальными.

Р. С. Белкин полагал, что процессы выступают объектами экспертизы наряду с материальными объектами и в обоснование своей точки зрения говорил: «Разумеется, при исследовании процессов, явлений эксперт имеет дело с материальными объектами, в которых или с которыми протекали эти процессы. Однако в этом случае материальные объекты могут являться средством воспроизведения исследуемых процессов, элементами той вещной обстановки, в которой они протекают. Для познания сущности процесса может не потребоваться непосредственного исследования этих объектов, достаточным окажется лишь их наличие»¹. То есть, пускай косвенно, но процессы подлежат исследованию в процессе производства экспертизы и, таким образом, относятся к объектам исследования.

К объектам рассматриваемого нами вида судебной экспертизы относятся документы в которых нашли свое отражение:

- операции с использованием контрольно-кассовой техники;
- операции по осуществлению наличных и безналичных расчетов с персоналом по оплате труда;
- операции по сдаче денег из кассы в банк и др.

Таким образом, непосредственными объектами данного вида экспертизы являются документы, содержащие экономически значимую информацию о фактических данных и обстоятельствах, важных для разрешения дела. Однако, за этими объектами стоят процессы в форме хозяйственных операций, осуществляемых организацией в данной области. Этот пример наглядно иллюстрирует справедливость позиции профессора Белкина Р.С. относительно причисления процессов и явлений к объектам экспертного исследования.

Теория судебной экспертизы — относительно молодая наука. Это говорит о том, что существует еще много дискуссионных вопросов, которые ученым и практикам предстоит разрешить. Более того, необходимость в разработке новых научных положений обусловлена подвижностью и динамичностью общества и процессов, происходящих в нем. Возникновение новых явлений и процессов, усложнение уже существующих областей жизни, научно-технический прогресс, новые виды и способы совершения преступлений диктуют необходимость

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 303.

использования специальных знаний в более узких областях. Это расширит существующую сегодня классификацию судебных экспертиз и, без сомнения, приведет к постановке новых спорных вопросов. Но уже существующая, заложенная несколько десятилетий назад теоретическая база, основа экспертологии, пережившая десятки дискуссий и научных споров, останется неизменной.

Опыт ученых, среди которых одна из основополагающих ролей принадлежит Р. С. Белкину, а также тот комплекс знаний, которым они поделились, невозможно переоценить. Еще десятки и сотни лет он будет служить на благо следующих поколений.

Саркисян А. А.

Профессор Р. С. Белкин об экспертном эксперименте

Эксперимент лежит в основе познания. Он представляет собой искусственное систематическое изменение условий наблюдаемого явления и связей его с другими явлениями, выяснение природы, сущности и происхождения которых является целью эксперимента. Эксперимент позволяет исследователю выделить необходимое явление из множества и изучить его в чистом виде¹.

Р. С. Белкин отмечал, что в связи с возможностью вмешательства и преобразования эксперимент гораздо более тонкий и эффективный метод познания, чем наблюдение, на базе которого он возник. В связи с тем, что воспроизведение предмета исследования, а именно преступления, невозможно в процессе проведения эксперимента, эксперимент не может являться способом познания преступления в целом². Однако, он позволяет установить истинность отдельных фактов, обстоятельств и признаков исследуемого события, а также убедиться в правильности представлений о фактах, имеющих значение для дела³.

Особое место эксперимент занимает в судебно-экспертной практике. Результаты экспериментов, которые ставятся в естественно-научных и технических исследованиях, могут применяться для разработки и усовершенствования экспертных методик. Например, при проведении лингвистической экспертизы товарных знаков может применяться лингвистический ассоциативный эксперимент, который является методом психолингвистики⁴. Некоторые ученые выделяют экспертный

¹ Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М.: Юридическая литература, 1964. С. 5.

² Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: изд-во АН СССР, 1955. С. 81.

³ Белкин Р. С. Там же. С. 10.

⁴ Новичихина М. Е. О месте и роли ассоциативного эксперимента в лингвистической экспертизе товарных знаков // Вестник ТГУ. 2015. № 5 (145). URL: <http://cyberleninka.ru/>

эксперимент как отдельную стадию процесса исследования¹. Однако, в связи с тем, что экспертный эксперимент применяется не во всех родах и видах судебных экспертиз, выделение его в отдельную стадию нецелесообразно.

Цели экспертного эксперимента можно подразделить на общую и специальные. Первая определяется задачей всего исследования и устанавливает взаимосвязи, причины и следствия определенных явлений. Вторые зависят от задач и особенностей исследования. Р. С. Белкин в качестве специальных целей экспертного эксперимента выделял²:

- а) установление конкретного факта и причинной связи между фактами, явлениями;
- б) выяснение механизма слеодообразования;
- в) получение образцов для сравнительного исследования;
- г) установление подлежащих учету при экспертизе дефектов исследуемых объектов;
- д) исследование свойств следа;
- е) установление причин и условий технического характера, способствовавших совершению преступлений.

Разграничение целей довольно условное, так как в ходе практического применения экспертного эксперимента возможно одновременное существование сразу нескольких целей. Однако независимо от содержания целей экспертного эксперимента, очень важно применение разработанной методики и соблюдение максимально приближенных к ситуации слеодообразования условий.

Эксперимент занимает особое место в трасологических и баллистических экспертизах, что обусловлено такой целью экспертного эксперимента, как исследование свойств следа. Часто экспертные эксперименты проводятся при исследовании отпечатков пальцев, боеприпасов.

Экспертный эксперимент по своей природе схож со следственным экспериментом. Для следственного и экспертного экспериментов важно получение данных, которые в итоге смогут послужить для выдвижения новых версий³. Однако для решения задачи экспертного эксперимента необходимо наличие специальных знаний у исследователя. Эксперт, в отличие от следователя, опирается исключительно на объективные

article/n/o-meste-i-rol-i-assotsiativnogo-eksperimenta-v-lingvisticheskoy-ekspertize-tovarnykh-znakov (дата обращения 08.11.2017).

¹ Майлис Н. П. Трасология и трасологическая экспертиза: курс лекций. М.: РГУП, 2015. С. 92.

² Белкин Р. С. Там же. С. 187–188.

³ Майлис Н. П. О соотношении судебной экспертизы, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 4–2. С. 83. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-sudebnoy-ekspertizy-kriminalistiki-i-operativno-rozysknoy-deyatelnosti> (дата обращения 08.11.2017).

данные, воздерживаясь от использования показаний процессуальных субъектов.

В связи с необходимостью получения информации, эксперт в ходе экспертного эксперимента воссоздает модель, которая наиболее приближена к объекту исследования. С этой целью строится экспертная гипотеза, содержание которой определяется целями и задачами эксперимента. Гипотеза выражается в форме научного предположения, объясняющего исследуемое событие или факт.

В качестве элемента методики экспериментирования выделяются условия экспертного эксперимента. Сами условия подразделяются на условия материального обеспечения и условия динамики эксперимента. Под первым понимается оснащенность эксперта необходимым для проведения эксперимента лабораторным оборудованием. В качестве методики экспериментирования при необходимости возможно использование компьютерных программ, например, моделирование распространения пожара в закрытом помещении и определение очага возгорания. Проведение экспертного эксперимента иным способом в данной ситуации может оказаться небезопасным.

Под условиями экспериментирования также понимается полнота необходимых для исследования объектов. При решении идентификационных задач то, что мы выделяем как объект, с процессуальной точки зрения, начинает выступать как средство экспериментирования, то есть как объект, с которым осуществляются опытные действия¹. Следовательно, в идентификационной экспертизе проведение экспертного эксперимента при наличии идентифицирующих объектов, но при отсутствии идентифицируемого объекта невозможно. Если же экспертиза не является идентификационной, то задача установления сходства возможна без идентифицируемого объекта.

В качестве самой сложной задачи экспертного эксперимента Р. С. Белкин выделял решение вопроса о динамике эксперимента. Под динамикой эксперимента понимается система самих экспериментальных действий эксперта, осуществляемых в строго определенных условиях². К таким условиям, например, относятся сила воздействия следообразующего объекта на следовоспринимающий, направление движения воздействия.

При определении условий эксперимента эксперту следует ориентироваться на цели и экспертные версии, которые необходимо проверить. Несоблюдение динамических условий может привести к искажению результатов эксперимента в связи с изменением механизма следообразования.

¹ Белкин Р. С. Там же. С. 194.

² Белкин Р. С. Там же. С. 204.

Следует отметить, что, как правило, наличие положительного результата эксперимента носит вероятностный характер, а отрицательный результат носит категорический характер. Сами по себе результаты экспертного эксперимента не имеют самостоятельного доказательственного значения без заключения эксперта, так как его содержания самого по себе недостаточно для отражения всей сущности исследования.

Комплексный подход является основополагающим фактором, обеспечивающим правильность результатов экспертного эксперимента. Эффективность и достоверность полученных результатов зависит одновременно от технического, теоретического базиса, от правильной подготовки и определения условий проведения эксперимента, последовательности проведения исследования, правильного анализа полученных данных и формулировки корректных выводов.

Возможности применения экспертного применения неисчерпаемы — от лингвистики до баллистики. При этом экспертный эксперимент может выступать не только в качестве элемента конкретного экспертного исследования, но и как способ разработки новых методик, как научный способ получения информации, что в свою очередь вносит существенный вклад в развитие научного знания.

Сформулированная Р. С. Белкиным концепция экспертного эксперимента, с точки зрения теории познания, нашла свое отражение в современной теории криминалистики и судебной экспертологии. Творческий вклад Р. С. Белкина в развитие этих наук, несомненно, еще долгие годы будет источником вдохновения для деятелей науки всех поколений.

Тараскаева А. О.

Формирование внутреннего убеждения эксперта и его влияние на экспертные ошибки

Рассматривая вопрос мыслительной деятельности эксперта, особое внимание нужно обратить на основную составляющую его интеллектуальной деятельности — процесс формирования его внутреннего убеждения. Внутреннее убеждение эксперта обосновывает принятие решений, совершение им конкретных практических действий при проведении экспертного исследования, то есть выступает в качестве определенной нравственно-психологической гарантии.

Выводы эксперта, сформулированные им на основании экспертного исследования, проведенного посредством применения им специальных знаний, и внутреннего убеждения эксперта в их правильности лежат в основе экспертного заключения.

Внутреннее убеждение многими авторами трактуется похожим образом. Внутреннее убеждение эксперта, по определению Р. С. Белкина,

есть результат его уверенности в безошибочности его действий и выводов¹. В. П. Колмаков считал, что внутреннее убеждение эксперта — это не инстинкт, не безотчетная интуиция; это сознательное и свободно сложившееся убеждение, имеющее объективные основания, позволяющие сделать только один истинный вывод². По мнению В. В. Бушуева внутреннее убеждение эксперта представляет собой «результат его мыслительной деятельности, проводимой способом умственного сопоставления свойств исследуемого со свойствами другого объекта (объектов) на основе данных науки, с использованием апробированных научно обоснованных методик с целью выявления фактических данных, имеющих значение для уголовного дела»³.

Авторы, говоря о сущности внутреннего убеждения эксперта, отмечают двойственность этого термина. Во-первых, убеждение — это воздействие на кого-либо, имеющее целью побудить лицо прийти к какому-то определенному выводу. Во-вторых, убеждение представляет собой внутреннюю убежденность субъекта в своих знаниях. По мнению А. А. Аубакировой, убежденность как внутреннее убеждение субъекта уголовного процесса подразумевает в некоторой мере и его стремление убедить и других участников процесса в правильности своего внутреннего убеждения, реализуемого в осуществляемых им процессуальных действиях и принимаемых решениях⁴.

Так, можно сделать вывод о том, что большинство авторов считают, что внутреннее убеждение эксперта есть определенное психологическое состояние уверенности лица в чем-либо. Важным в данных понятиях является также то, что ключевой фигурой в них является эксперт, а именно, лицо, обладающее специальными знаниями, применяющее эти знания и делающее на их основе определенные выводы. Как отмечает А. А. Аубакирова, необходим особый подход при определении внутреннего убеждения эксперта, так как при его формировании доминирующее значение имеет когнитивная составляющая его личности, то есть то, что он обладает специальными знаниями⁵.

Рассматривая внутреннее убеждение как итог оценки, выделяют три аспекта: гносеологический, психологический и логический. Гносеологический аспект — истинность отражения в сознании эксперта предмета исследования в соответствии с характеризующими его свойствами,

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: в 3 т. М.: Юристъ, 1997. Т. 2. С. 321.

² Колмаков В. П. О внутреннем убеждении советского судебного эксперта // Вопросы советской криминалистики. М., 1951. С. 28.

³ Бушуев В. В. О понятии, формировании, значении внутреннего убеждения судебного эксперта в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза. М., 2007. № 4. С. 82.

⁴ Аубакирова А. А. Интеллектуальные ошибки эксперта при формировании его внутреннего убеждения: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 10.

⁵ Аубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 32.

выявленными им в результате исследования объектов, представленных на экспертизу. Психологический аспект внутреннего убеждения связывают с эмоциями и сомнениями при его формировании, то есть приобретаемые экспертом новые знания «проходят сложный процесс эмоционально-интеллектуальной оценки, в результате которого выясняется соответствие их объективной действительности, то есть устанавливается их достоверность»¹. Логический аспект представляет собой знание, содержание которого составляют суждения и умозаключения, которые эксперт формирует в результате исследования свойств и признаков объекта.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что внутреннее убеждение эксперта представляет собой динамичное, эмоционально окрашенное явление, имеющее гносеологическую, психологическую и логическую составляющие, и формирующееся экспертом на основании конкретных научных положений в соответствии с его собственным мнением.

Заключение эксперта является доказательством по делу, а выводы, содержащиеся в нем, имеют доказательственное значение. Заключение представляет собой процессуальный документ, который содержит не только описание хода и результатов проведенного исследования, но и отражает процесс формирования внутреннего убеждения эксперта. Именно при его оценке может быть изучена объективная сторона внутреннего убеждения эксперта и некоторые компоненты субъективной стороны².

В структуру экспертного заключения входят четыре части: вводная, исследовательская, синтезирующая и выводы. Формирование внутреннего убеждения эксперта начинается уже на начальном этапе исследования, когда эксперт производит предварительный осмотр объектов исследования и сравнительных образцов, устанавливает их пригодность и достаточность для решения вопросов, намечает план экспертного исследования и осуществляет выбор методики, необходимой для осуществления судебной экспертизы. От того, насколько правильно экспертом будут оценены материалы, представленные на исследование, и выбранная им методика проведения исследования, во многом зависят результаты проведенной экспертизы.

Особенность формирования внутреннего убеждения на стадии раздельного исследования заключается в следующем. Если экспертом были неправильно выбраны методика исследования, технические средства исследования или исследование было проведено в неполном объеме либо у эксперта отсутствуют соответствующие

¹ Бохан В. Ф. Формирование убеждений суда. Минск, 1973. С. 15.

² Аубакирова А. А. Интеллектуальные ошибки эксперта при формировании его внутреннего убеждения: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 52.

знания, которые позволили бы ему ответить на поставленные перед ним вопросы, то это может негативно повлиять на формирование внутреннего убеждения эксперта и как результат — на выводы эксперта. Стадия сравнительного исследования характерна, в первую очередь, для процесса идентификации. Именно на данной стадии происходит выявление совпадающих или различающихся признаков сравниваемых между собой объектов. Особенности формирования внутреннего убеждения зависят от результатов проведения экспертом раздельного исследования и от его умения применять метод сравнения, который играет существенную роль в оценочной деятельности эксперта.

На заключительной стадии исследования — стадии оценки результатов исследования — экспертом подводятся итоги и формулируются выводы о проведенной экспертизе. Построение выводов — сложный мыслительный процесс, в ходе которого эксперт, опираясь на приемы логического обобщения и абстрактного мышления, может проводить экспертный эксперимент, возвращаться к результатам проведенного исследования в целях дополнительной проверки правильности сформулированных им выводов. Именно на этой стадии в полной мере проявляются особенности формирования внутреннего убеждения эксперта, поскольку убежденность в правильности суждений эксперта зависит не только от гносеологических и логических, но и от психологических факторов. По мнению А. А. Аубакировой, на этой стадии экспертного исследования наиболее ярко проявляются знания, умения и профессиональный экспертный опыт¹. Ею также выделены особенности формирования внутреннего убеждения эксперта в различных его аспектах². Особенность его формирования в гносеологическом аспекте заключается в переходе от вероятного знания к знанию достоверному (обоснованному). На логическом этапе особенностью является то, что эксперт, как бы опуская все промежуточные ступени логического рассуждения, но держа под контролем всю цепочку действий, приходит к одному логически правильному выводу. Особенности оценочного процесса как отражение психологического процесса в своей работе отметила Т. В. Аверьянова. По ее мнению, к таковым следует отнести: 1) разумно-критическое отношение к своим знаниям; 2) критическое отношение к результатам и выводам из них, полученных лично экспертом; 3) контроль моральной требовательности к себе; 4) осознание экспертом возможного отрицательного влияния ряда факторов на формирование внутреннего убеждения³.

¹ Аубакирова А. А. Интеллектуальные ошибки эксперта при формировании его внутреннего убеждения: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 68.

² Аубакирова А. А. Указ. соч. С. 69.

³ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2006. С. 433–439.

Внутреннее убеждение эксперта отражает уверенность эксперта в безошибочности его действий и выводов. Однако это убеждение, как и его основания, может быть следствием экспертной ошибки, т. е. добросовестного заблуждения эксперта. Р. С. Белкин в своей работе «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня» писал, что одним из отличительных признаков ошибки, наряду с тем, что она является результатом не умысла или неосторожности, а лишь добросовестного заблуждения, является то, что «ошибка не является упущением, поскольку при упущении лицо не выполняет должное не в силу добросовестного заблуждения, а по причине того, что игнорирует, пренебрегает должным, легкомысленно или самонадеянно относится к требованиям»¹.

Экспертную ошибку можно определить как суждение или действия эксперта, не соответствующие объективной действительности, которые приводят к искажению результатов исследования и являются при этом результатом добросовестного заблуждения. Экспертные ошибки принято разделять на три класса: ошибки процессуального характера; гносеологические ошибки; деятельностные (операционные) ошибки².

Ошибки процессуального характера заключаются в нарушении экспертом процессуальных норм и процедуры экспертного исследования. К их числу относятся, в частности: выход эксперта за пределы своей компетенции, в частности, вторжение его в сферу вопросов правового характера; обоснование выводов не результатами исследования, а материалами дела; самостоятельный сбор материалов для проведения исследования; несоблюдение процессуальных требований к заключению эксперта.

Гносеологические ошибки связаны со сложностью процесса экспертного познания. Они могут быть допущены при познании сущности, свойств, признаков объектов экспертизы, отношений между ними, а также при оценке результатов познания, итогов экспертного исследования, их интерпретации³.

Гносеологические ошибки можно подразделить на логические и фактические (предметные). Логические ошибки заключаются в неправильном применении законов и правил логики. Фактические (предметные) экспертные ошибки связаны с тем, что эксперт искажает представление о предмете исследования от того, что не знает фактического положения дел.

Деятельностные (операционные) ошибки связаны с операциями и процедурами, осуществляемыми экспертом при проведении исследова-

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. С. 167.

² Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Изд-во БЭК, 1997. С. 157.

³ Россинская Е. Р. Современная классификация экспертных ошибок: материалы круглого стола «Ошибки судебной экспертизы: причины, выявление, предупреждение» (МГЮА, г. Москва, 26 января 2012 г.). М.: Проспект, 2012. С. 6.

дования. В частности, такими ошибками могут являться: выдвижение ошибочной гипотезы, нарушение последовательности использования методов и средств; неполнота проведенного исследования; неправильный выбор методики; нарушение условий проведения экспертного эксперимента; несовершенство используемого метода, который не обеспечивает извлечения нужной информации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что экспертной деятельности присущ процесс познания, который сопровождается мыслительной деятельностью эксперта. На протяжении всего этого процесса экспертом оцениваются суждения, мнения, которые формируются им при решении экспертной задачи. В ходе этого процесса возникает оценочное суждение, в результате которого и формируется внутреннее убеждение эксперта. Внутреннее убеждение эксперта формируется постепенно, складываясь на протяжении всего исследования. Оно является результатом познавательной деятельности эксперта, основывается на имеющихся у него специальных знаниях и предопределяется получаемыми результатами. Итак, внутреннее убеждение эксперта является результатом его познавательной деятельности.

Томилин Д. О.

Особенности методики расследования серийных убийств

Методика расследования серийных убийств относится к числу частных криминалистических методик. Появлением термина «серийное убийство» человечество обязано спецагенту ФБР Роберту Ресслеру, который предложил этот термин в 1976 году в связи с расследованием убийств, совершенных Т. Банди.

В отечественной криминалистической литературе данный термин был сформулирован в 1991 году Ю. М. Самойловым.

Внимание к проблеме серийных убийств в отечественной криминалистической литературе возникло в 60-е годы прошлого столетия в связи с совершением В. Ионесяном серии убийств в Москве («Мосгаз»). Серьезно исследоваться эта проблема стала с начала 70-х годов в связи с серией убийств, совершенных Г. Михасевичем и А. Чикатило.

Большинство правоведов сходятся во мнении, что серийные убийства — это два и более неохваченных одним умыслом факта лишения жизни человека, совершаемые одновременно одним и тем же лицом или группой лиц, являющиеся тождественными, поскольку схожи мотивы и однотипен механизм их совершения.

Рассматривая вопрос о характерных особенностях методики расследования серийных убийств, необходимо отметить, прежде всего, что наличие современной, научно разработанной и продуктивной частной криминалистической методики является одним из решающих факто-

ров, влияющих на эффективность расследования таких преступлений. Поскольку любая частная криминалистическая методика включает в себя информационный и методический компоненты, представляется необходимым рассмотреть их составляющие более подробно.

Информационная модель серийного убийства представляет собой его криминалистическую характеристику. Криминалистическая характеристика серийных убийств является специфической криминалистической категорией. Она представляет собой совокупность сведений об обстоятельствах его совершения, содержащихся в материалах предварительного расследования, оперативно-розыскной деятельности и в иных источниках информации. Криминалистическая методика состоит, как правило, из двух групп элементов.

В первую группу входят общие элементы: место, время, механизм совершения и данные о личности преступника по каждому входящему в серию эпизоду убийства. Вторую группу составляют элементы, свойственные лишь отдельным эпизодам, составляющих серию убийств, но дополняющие общие признаки и также имеющие значение для раскрытия данной серии.

Общий состав характеристики серий убийств отличается повышенной степенью конкретности. В качестве субъекта, как элемента криминалистической характеристики серийных убийств, всегда выступает человек. В числе значимых для расследования общих свойств субъекта рассматриваются физические, социально-демографические, биологические, психофизиологические, психологические свойства. Например, социально-демографические данные о личности (пол, возраст, образование, национальность и др.) позволяют определить круг лиц, с точки зрения их вероятного участия в совершении преступления.

Для субъекта, совершающего убийство, характерно наличие не только указанных свойств, но и профессиональных умений, способностей, навыков. В большинстве случаев познание указанных свойств субъекта возможно на основе изучения следов, оставленных им на объектах, относящихся к иным элементам преступной структуры. Одним из наиболее важных, по мнению большинства ученых, элементов криминалистической характеристики является способ и механизм совершения преступления (убийства).

Проблемным при расследовании серийных убийств является установление в обстоятельствах совершенных преступлений «почерка» одного и того же лица, что, соответственно, свидетельствует о признаке серийности преступлений. «Ключ» к раскрытию таких преступлений состоит в умении заметить что-то, пусть даже незаметное, неброское, незначительное, но общее в серии убийств, увидеть «почерк» одного человека в деталях обстановки мест происшествий, исходя из которого составить психологический портрет преступника и проводить его целенаправленный поиск.

Так, при совершении серийных сексуально-садистских убийств «почерк» преступника устойчиво проявляется в способе и механизме их совершения, что позволяет судить о действиях по подготовке и совершению преступления. Это по большей части выражается в наличии следов на теле жертв, которые свидетельствуют об определенных навыках, привычках, наклонностях и некоторых других свойствах личности преступника.

Особенности посткриминального поведения серийного убийцы находятся в неразрывной связи с его предкриминальной и криминальной деятельностью, ведь способ совершения преступления связан со способом его сокрытия. Важным фактором в изучении способа и механизма совершения убийства является тот факт, что большинство серийных убийц в своей преступной деятельности опираются на накопленный своими предшественниками опыт, что позволяет им длительное время оставаться безнаказанными и совершенствовать способы совершения своих убийств. Однако, вместе с тем личный опыт, накопленный преступником, имеет огромное значение в процессе расследования серийных убийств, поскольку позволяет по признакам предыдущих эпизодов установить исполнителей новых преступлений. Это, в свою очередь, позволяет решить не только задачу выявления и изобличения виновного лица, но и задачу пресечения и предотвращения совершения новых преступлений.

Объектом преступного посягательства при совершении убийства в его криминалистическом понимании является материальная система, на которую оказано непосредственное либо опосредованное воздействие, т.е. человек. Для серийных убийств не характерно наличие связей между преступником и его жертвами, по крайней мере, видимой, очевидной. Их отсутствие делает неэффективным использование обычной методики расследования убийств и использование типичных версий.

Серийные убийцы — маньяки, как правило, выбирают жертвы, руководствуясь своими собственными соображениями. Тщательное изучение объекта преступного посягательства, анализ его поведения, а также анализ его поведения в социальной группе, к которой он относится, позволяет определить пространственно-временные параметры поиска преступника и изучения его свойств.

В качестве средств совершения преступления признаются материальные объекты, обеспечивающие наступление преступного результата, а также являющиеся связующим звеном между иными элементами преступной структуры. В качестве средства совершения убийства могут быть использованы различные предметы: нож, удавка, камень и др. Детальное изучение средств совершения убийства, в ряде случаев, обеспечивает возможность определения пространственных границ поиска лица, совершившего преступление.

Для отдельных серийных убийств характерно наличие в их структуре дополнительного элемента. Им является предмет преступного посягательства. В качестве данного элемента системы преступления выступают материальные ценности (деньги, драгоценности, личные вещи жертвы и др.), которыми завладевает преступник, совершая убийство. Сведения об отдельных элементах системы преступления и их параметрах позволяют получать достоверные результаты при восстановлении картины конкретного преступного события, связанного с серийным убийством. На первоначальном этапе расследования особое значение приобретает материально-фиксированная информация, отраженная в следах. Основываясь на ней, следователь получает наиболее важные сведения о личности преступника, формируя и пополняя тем самым компоненты следственной ситуации. На основании исходной следственной ситуации выдвигаются версии происшедшего и планируется алгоритм (тактика и стратегия) последующих следственных действий.

Профайлинг (составление психологического профиля неизвестного преступника) возник в США и со второй половины XX в. стал входить в следственную практику. Метод психологического профиля (психологический, психолого-криминалистический, поисковый, перспективный метод, розыскной портрет неизвестного преступника, модель неизвестного преступника и т. д.) при расследовании серийных убийств в последние годы привлекает к себе пристальное внимание криминалистов России и стран СНГ. Тем не менее, в США подошли к решению данной проблемы первыми — во второй половине XX в. специальный агент Роберт Ресслер стал одним из основателей научного Отдела поведенческого анализа ФБР. Основное направление деятельности Отдела — анализ и построение психологического портрета предполагаемого преступника.

Методика построения психологического портрета базируется на принципах психоанализа и бихевиористики и заключается в том, что на основании представленных данных (о способе совершения преступления, следовой картине, информации о личности жертвы и т. п.) профессиональный психолог (профайлер) составляет вероятностное описание психологически значимых характеристик неизвестного лица, совершившего преступление, в котором указывается предполагаемый возраст, пол, раса, семейное положение, служебный статус, уровень развития и сексуальной зрелости, вероятность совершения преступления в будущем, возможное криминальное прошлое, взаимоотношения с жертвой и другая информация.

В США на основе накопления и систематизации *modus operandi* (способа преступления) преступника и его «почерка» в базах данных разработана компьютерная программа (VICAP) — она основывается на накапливаемых годами обширных базах данных, наличие которых и позволяет устанавливать статистические связи между признаками крими-

нального события и признаками лица. Система классификации *modus operandi* преступников была разработана Американским институтом прикладной науки и состояла из десяти первичных факторов, каждый из которых подразделялся на ряд субфакторов. К числу первичных факторов относятся тип совершенного преступления, тип личности пострадавшего, особенности времени, места совершения преступления и т. д. Аналогичные компьютерные программы были созданы в Великобритании (CATCHEM) и Канаде (VIGLAS).

К отечественным ученым, занимавшимся вопросами исследования поведения, можно отнести А. О. Бухановского, который составил проспективный портрет (профиль) личности преступника, с учетом которого сотрудники следствия смогли изобличить известнейшего серийного сексуального убийцу Чикатило. Его профиль содержал вероятностный комплекс данных, относящихся как к биометрическим данным Чикатило, так и к особенностям протекания психических процессов.

При составлении психологического портрета серийного убийцы большое внимание должно уделяться освещению следующих вопросов:

- Изучал ли серийный убийца образ жизни, привычки и личность жертвы?
- Использовал ли он при вступлении в контакт с жертвой «легенды» и соответствующие ей атрибуты?
- Использовали ли он вспомогательные средства, маскирующие его действия при подготовке к совершению преступления?
- Использовал ли он какие-либо наркотические или иные вещества для приведения жертвы в беспомощное состояние, и имеются ли на теле жертвы следы такого действия?
- Совершал ли он какие-либо совместные действия с жертвой, предшествующие нападению (прогулка, совместное распитие спиртных напитков и пр.)
- Совершал ли он сексуальные действия (изнасилования) или половой акт в извращенной форме, и имеются ли на теле жертвы следы таких действий?
- Совершал ли он действия направленные на уничтожение, сокрытие, фальсификацию или маскировку следов совершения преступления?

Вышеприведенный список не является исчерпывающим, поскольку в процессе расследования выявляются и другие вопросы, которые относятся к объективной стороне убийства. Для более полной картины о способе и механизме совершения убийства следует изучить информацию, которая может свидетельствовать об определенной разновидности серийного убийства. Это позволит более точно судить о личности серийного убийцы, что является неотъемлемым действием на пути раскрытия преступления. Так, для достижения этой цели оперативно-

следственной группе необходимо установить признаки, указывающие на характер особенностей способа совершения сексуально-садистского убийства, включающих в себя:

- сложные сочетания многочисленных телесных повреждений на трупe. Особое внимание в данном случае следует уделять областям половых органов, молочных желез, ягодиц и пр.;
- единичные раны, нанесенные колющим, колюще-режущим, рубящим холодным оружием в вышеуказанные области, которые могут иметь для серийного убийцы фетишистское значение;
- телесные повреждения свидетельствующие об истязаниях или пытках жертвы;
- извлечение, отчленение органов (в том числе половых) или частей тел жертвы;
- следы, связанные с обезображиванием жертвы, с целью усложнения идентификации тела сотрудниками правоохранительных органов. Также необходимо выяснить, не проявлял ли преступник, кроме садизма, иные формы сексуального извращения и сколько времени он провел на месте совершения преступления, не связана ли длительность его нахождения там с действиями, направленными на удовлетворение своих сексуальных потребностей.

В процессе расследования серийных убийств на первоначальном этапе можно выделить следующие типичные следственные ситуации:

1. Убийство неочевидное: личность потерпевшего неизвестна, однако есть возможность опознать труп, преступник неизвестен.
2. Убийство неочевидное: личность потерпевшего известна (имеется заявление об исчезновении человека), данных о преступнике нет («без трупа»).
3. Убийство неочевидное: личность потерпевшего неизвестна, труп опознать невозможно в связи с обезображиванием лица трупа или обнаружения частей расчлененного трупа («неопознанный труп»); данных о преступнике тоже нет.

Для разрешения типичных следственных ситуаций следователь строит версии и составляет план расследования.

Особенность планирования при расследовании серийных убийств носит наиболее широкий характер, состоит в криминалистическом подходе и заключается в следующем:

- изучение фактов аналогичных преступлений, совершенных до и после расследуемого преступного события;
- определение состава следственно-оперативной группы — не менее 7–8 человек.

План составляется развернутый, подробный, с участием всех членов следственно-оперативной группы, что позволяет детализировать следственные действия и оперативные мероприятия.

В комплекс первоначальных следственных и розыскных действий каждой из ситуаций чаще всего входят следующие:

- осмотр места происшествия, основными блоками которого являются: характер места обнаружения трупа (однотипность); примерная версия совершения убийств (совпадения), следы преступника на месте происшествия (однородность, иногда идентичность); способ совершения преступления и оружие (орудия) убийства (аналогичность), а также данные, характеризующие потерпевших (типовые сходства); мотивы (совпадающие); детальный осмотр трупа: наружный осмотр трупа, который чаще всего производится на месте происшествия. При этом в протокол осмотра включается описание обстановки места происшествия и трупа. В том случае, если осмотр трупа производится в ином месте (на месте обнаружения или в морге), составляется отдельный протокол, а также:
- назначение судебно-медицинских и криминалистических экспертиз;
- проверка по криминалистическим и розыскным учетам;
- предъявление трупа для опознания родственникам, знакомым, соседям;
- подворно-поквартирный обход с целью установления свидетелей (при совершении убийства в жилище). Для этого привлекаются несколько оперативных сотрудников; при этом желательно охватить все квартиры с фиксацией в рапорте не только зарегистрированных и фактически проживающих лиц, но и посетителей.

Особое внимание следует обратить на ранее судимых лиц, состоящих на учете в органах МВД РФ, злоупотребляющих спиртными напитками, употребляющих наркотики.

При совершении убийства в нежилом помещении также проводится поэтапный обход здания, опрос работников. При совершении убийства на открытой местности целесообразно обследовать близлежащую территорию с целью нахождения различных учреждений и видеокамер наружного наблюдения, а также «прочесать» местность, желательно в сторону ухода убийцы, с целью изъятия следов преступления и вещественных доказательств: вещей и предметов жертвы или преступника.

- осмотр видеокамер (в случае их обнаружения) и изъятие содержащейся в них информации;
- получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (в порядке ст. 186.1 УПК РФ);
- задержание и личный обыск подозреваемого;
- освидетельствование, изъятие одежды и вещей подозреваемого;
- допрос подозреваемого и получение образцов для сравнительного исследования (слюны, крови, волос и т. д.);
- проведение обыска по месту жительства, работы и в иных местах (гаражи, дачи) подозреваемого.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на наличие, казалось бы, достаточных признаков, нельзя оказаться в плену одной версии, которая может быть ошибочной. Только органическая интеграция всех выдвигаемых версий позволит совершить информационный скачок для преодоления неопределенности по уголовному делу и существенно повысить эффективность расследования.

Ульянова М. А.

Проблема назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела: история вопроса и его актуальное состояние

Для отечественного уголовно-процессуального законодательства нехарактерна статичность, оно находится в постоянном движении, развитии. Меняются взгляды на спорные вопросы, и, тем не менее, зачастую прийти к решению проблемы, подвергнутой полемике, не удастся, а законодательные изменения нередко так же не дают удовлетворительных результатов.

Тема неполноценности предварительных исследований, представляющих собой оперативное исследование следов и иных объектов, разрабатывалась профессором Р. С. Белкиным и многими другими учеными, аргументами которых были несовпадение их результатов с проведенной уже в рамках возбужденного уголовного дела судебной экспертизой, а также возможность утраты объектов исследований по причине специфики применяемых методов их изучения¹.

Одним из главных изъянов модели, включающей в себя проведение предварительных исследований, является факт осуществления двойной работы по изучению одного и того же объекта на разных стадиях производства по делу ввиду отсутствия доказательственного значения у результатов рассматриваемых исследований. К тому же, как следует из сказанного ранее, при утрате объекта в процессе предварительного исследования эксперт, формируя заключение по поставленным перед ним вопросам, будет невольно делать выводы на основе оценки результатов проведенного на стадии проверки сообщения о преступлении исследования и ссылаться на них². В случае решения указанного лица о правильности методического выполнения такого исследования и обоснованности его результатов происходит присвоение экспертом процессуального статуса следователя, что объективно не может до-

¹ Белкин Р. С. Судебная экспертиза: вопросы, требующие решения // Советская юстиция. М., 1988. № 1. С. 21.

² Грачев С. А. Реально ли в настоящее время производство экспертизы до возбуждения уголовного дела? // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 10–13.

пускаться¹. В пользу судебной экспертизы говорит и то, что сложный порядок процессуальных действий по ее назначению можно считать обеспечением равноправия сторон и гарантией состязательности процесса в дальнейшем.

Решением описанных проблем, по мнению Р. С. Белкина, и могло быт проведение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Данное предложение долгое время не имело какой-либо реализации в российском законодательстве, хотя законодательством некоторых бывших союзных республик (Узбекистан, Казахстан, Беларусь) оно было реализовано на законодательном уровне. Тем не менее, впоследствии принятым в 2001 году Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее — УПК РФ) закреплена экспертиза до возбуждения дела, что повлекло за собой ряд новых вопросов².

Причиной этого было отсутствие реальной возможности производства экспертизы, так как по смыслу норм закона следователь и дознаватель были уполномочены лишь на вынесение постановления о ее назначении, в то время как дальнейшая деятельность эксперта не закреплялась. Реакцией законодателя на сложившуюся проблему стало изъятие из УПК РФ нормы, уполномочивающей должностных лиц на назначение судебной экспертизы на стадии предварительной проверки. Однако впоследствии в 2013 году законодательно была вновь закреплена возможность назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения дела³.

Практика вновь столкнулась с проблемами применения вновь принятых норм. Основная суть упущений заключается в том, что, принимая поправки к УПК РФ, законодатель не учел необходимость соответствующей корреляции иных нормативных правовых актов.

В итоге проблема по-прежнему не решена: законодательная база, в соответствии с которой эксперт осуществляет свою профессиональную деятельность, фактически не дает ему возможности осуществлять производство экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела, в то время как УПК РФ предусматривает ее осуществление на указанной стадии⁴.

Возможно, причиной всего описанного выше является то, что Р. С. Белкиным и иными авторами внимание обращалось больше на саму необходимость производства судебной экспертизы до возбужде-

¹ Туленев А. И. Понятие форм использования специальных знаний и их классификация // Вестник КГУ, 2013. № 4. С. 166–171.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // РГ. 22.12.2001. № 249.

³ Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // РГ. 06.03.2013. № 48.

⁴ Бахтадзе Г. Э. К вопросу о назначении и производстве судебных экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция, 2003. № 6. С. 142–147.

ния дела, а разработка отдельных аспектов реализации данной идеи осталась в стороне. С целью развития рассматриваемой научной мысли профессора следует устранить определенные изъяны законодательства в области настоящего вопроса.

Так, нарушение права на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы ведет к признанию заключения эксперта недопустимым доказательством¹. Данный изъян следует устранить путем закрепления статуса заявителя, лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Необходимо так же отметить, что закон не указывает объекты судебной экспертизы на этапе возбуждения дела. Следует внести отсылочную норму на использование общих положений об экспертизе.

Другой проблемой является обязательный характер немотивированного ходатайства о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы стороны защиты или потерпевшего. Описанные факты определенным образом говорят о том, что доказательственный статус произведенной до возбуждения дела экспертизы подвергается сомнению.

Еще одним нюансом является отсутствие самой возможности проведения дополнительной или повторной экспертизы, если объект был полностью израсходован при производстве первичной экспертизы, что может привести к прекращению дела.

Так, при всей целесообразности идеи оптимизации дублирующейся исследовательской работы в ходе уголовного судопроизводства ее реализация далека от первоначального замысла, так как применение вышеприведенных изменений представляется затруднительным. До момента устранения описанных ранее противоречий доказательственный статус произведенных до возбуждения уголовного дела судебных экспертиз, даже при соответствии нормам УПК РФ, будет вызывать сомнения.

Чернова Д. В., Чернова К. В.

Взгляд профессора Р. С. Белкина на проблему экспертных ошибок

В соответствии со статьей 25 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» известно, что на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают письменное заключение и подписывают его.

¹ *Бобринев Р. В., Червинский А. С.* Использование в уголовном судопроизводстве права на назначение и производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Вестник КемГУ, 2015. № 2–2 (62). С. 126–130.

В российском судопроизводстве роль и значение заключения эксперта, бесспорно, велика, так как оно является одним из доказательств по делу и способствует вынесению справедливого и обоснованного решения (приговора) судом.

Законодательно закреплено, что эксперт проводит исследование объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме¹. Однако, несмотря на это, никакой эксперт не застрахован от ошибок при производстве судебной экспертизы. Более того, ошибки, допущенные экспертом, могут повлиять на выводы по результатам исследования и сделать это доказательство ничтожным.

На сегодняшний день процесс доказывания требует своевременного выявления и предупреждения экспертных ошибок, что является важным препятствием для вынесения правильного и справедливого решения по делу.

Безусловно, рассматриваемая проблема нашла отражение во многих работах и исследованиях различных ученых и специалистов в области судебно-экспертных исследований, но особый вклад в решение данного вопроса внесли фундаментальные работы Рафаила Самуиловича Белкина, в которых он подробно рассматривал содержание и причины возникновения экспертных ошибок.

Выдающийся советский и российский криминалист Белкин Р. С. совершенно точно и правильно указывал в своих трудах, что «экспертное заключение должно быть безошибочным, что требует своевременного распознавания предупреждения экспертных ошибок, а в конечном счете — искоренения причин, их порождающих»².

Действительно, обзоры экспертной практики производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях свидетельствуют о том, что в процессе назначения и при производстве экспертных исследований ошибки допускаются как экспертами, так и следователями или судьями. Поэтому данная проблема остается актуальной и по сей день, что породило множество точек зрения ученых по этому поводу.

Тем не менее, общепринятой в теории судебных экспертиз и основополагающей до сих пор остается позиция Р. С. Белкина об экспертных ошибках. Так, он понимал под экспертными ошибками «не соответствующие объективной действительности суждения эксперта или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования и являющиеся результатом добросовестного заблуждения»³.

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов в 3 томах. 3-е изд. доп. М., 2001. С. 470.

³ *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. Т. 3. М., 1997. С. 157.

Особо следует отметить, что в качестве самого главного признака любой экспертной ошибки Р. С. Белкин выделяет добросовестное заблуждение. «Именно этот признак отличает экспертную ошибку от совершаемого экспертом преступления против правосудия — заведомо ложного заключения»¹. И это не случайно, ведь за дачу заведомо ложного заключения предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со статьей 307 УК РФ, что предполагает умышленный характер действий эксперта.

Кроме того, Р. С. Белкин довольно подробно описал, в чем именно заключается ложность экспертного заключения. Так, по его мнению, «заведомая ложность заключения эксперта может выражаться в сознательном игнорировании или умалчивании при исследовании существенных фактов и признаков объектов экспертизы, в искаженном описании этих фактов и признаков, заведомо неправильной их оценке или заведомо неверных действиях и операциях по их исследованию, умышленно неверному выбору экспертной методики или ее применению. Осознание ложности своих выводов или неправильности действий исключают заблуждение как такое психическое состояние, при котором субъект не осознает неправильности своих суждений или действий, искренне полагает, что он мыслит и действует правильно»².

Немаловажным аспектом является тесная связь экспертных ошибок и нарушения методик проведения экспертиз. Так, например, Р. С. Белкин признает, что ошибка может быть следствием сознательного нарушения экспертом требований методики исследования, но в этом случае имеет место заблуждение, когда эксперт отступает от методики, искренне полагая, что он действует для пользы самого дела. При этом он осознает свои действия, однако не осознает их ошибочный характер³.

Что касается классификации экспертных ошибок, то в науке существует достаточно большое количество точек зрения ученых относительно критериев их выделения. Например, Г. Л. Грановский разработал классификацию с выделением общих и частных экспертных ошибок. Общие ошибки, по его мнению, относятся к правильности решения общей задачи экспертного исследования, а частные же — к решению подзадач. Более того, им предложена также вторая классификация ошибок, построенная с учетом психологических составляющих деятельности эксперта⁴.

Тем не менее, наиболее устоявшейся и признаваемой большинством специалистов считается разработанная Р. С. Белкиным классифика-

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 186.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 186–187.

³ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 187.

⁴ Грановский Г. Л. Природа, причины экспертных ошибок и пути их устранения. В кн.: Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. М., 1983. С. 53.

ция экспертных ошибок, согласно которой выделяются следующие их виды, а именно: ошибки процессуального характера; гносеологические ошибки; деятельностные (операционные) ошибки¹.

Что касается экспертных ошибок процессуального характера, то не трудно догадаться, что они заключаются, прежде всего, в нарушении экспертом правил процессуальной процедуры производства экспертизы.

Гносеологические ошибки могут быть допущены в процессе экспертного познания, в частности, при познании сущности, свойств, признаков объектов экспертизы, при оценке итогов экспертного исследования. Ошибки гносеологического характера, в свою очередь, подразделяются на логические и предметные.

Деятельностные (операционные) ошибки связаны с осуществлением экспертом операций или процедур при производстве исследований. Они могут выражаться в нарушении заданной последовательности этих процедур, в неправильном использовании или применении непригодных для исследований средств, получении некачественного сравнительного материала и др.²

Определенный интерес представляет вопрос о том, чем же могут быть вызваны экспертные ошибки, в чем кроются причины их возникновения?

В науке выделяют два рода экспертных ошибок: субъективные и объективные. Объективные ошибки не зависят от эксперта как такового, а субъективные заключаются именно в содержании действий эксперта. Профессор Р. С. Белкин, в свою очередь, утверждает, что такое деление носит условный характер, так как субъективные ошибки сами имеют объективное основание³. Поскольку дать исчерпывающий перечень причин экспертных ошибок весьма сложно, Р. С. Белкин выделяет основные типичные объективные причины их совершения:

«1) отсутствие разработанной методики экспертного исследования данного рода, вида объектов;

2) несовершенство используемой экспертной методики;

3) применение ошибочно рекомендованных методов;

4) отсутствие полных данных, характеризующих идентификационную или диагностическую ценность признаков, устойчивость их отображений в следах;

5) использование приборов и инструментов, неисправных или не обладающих достаточной разрешающей способностью;

б) использование неадекватных математических моделей и компьютерных программ»⁴.

¹ См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 186–187.

² См.: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 187–188.

³ См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 188.

⁴ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 189.

Субъективные причины экспертных ошибок, в основном, обусловлены профессиональной некомпетентностью эксперта, дефектами органов чувств эксперта и его неординарными психическими состояниями (стресс, конфликт в коллективе, усталость и т. п.), а также чертами личности эксперта. Более того, свое влияние могут оказать материалы дела, например, заключение предшествующей экспертизы или авторитет проводившего ее эксперта, поведение следователя, руководителя экспертного учреждения, а также сам план исследования может быть составлен некорректно. Немаловажно также и то, что эксперт может проявить свою инициативу без достаточных для того оснований, а само умозаключение эксперта может быть логически неточным¹.

Подводя итог, можно сказать, что ошибкой следует считать лишь непреднамеренное, неосознанное действие, при котором эксперт не осознает ошибочности своих суждений, искренне полагая, что он поступает правильно. Другими словами, экспертная ошибка — это результат добросовестного заблуждения.

Вклад профессора Белкина Р. С. в развитие теории экспертных ошибок имеет важное значение в науке, так как именно он заложил основные общетеоретические основы судебной экспертизы, в частности, дал наиболее точное определение экспертных ошибок, а также объяснил главные причины их возникновения.

Чернышова А. С.

К вопросу о необходимости судебно-экспертного исследования письменной речи учащихся общеобразовательных учреждений

В ходе судебно-экспертного исследования письменной речи могут быть установлены индивидуальные характеристики автора речевого продукта:

- обликотипические (пол, возраст, образование и др.);
- степень владения орфографическими, пунктуационными, лексическими, синтаксическими и стилистическими речевыми навыками.

Такое исследование проводится в рамках судебной автороведческой экспертизы.

Необходимость установления автора текста возникает, «когда он (текст) выполнен под диктовку или переписан с текста иного документа, когда автор и исполнитель текста — разные лица, когда оспаривается авторство текста, когда необходимо установить факт наличия в тексте

¹ Там же.

творческой индивидуальности создавшего его автора, разделить результаты творческого труда в произведении, созданном в соавторстве».¹

Под *учащимися* понимаются лица, осваивающие образовательные программы начального общего, основного общего или среднего общего образования, дополнительные общеобразовательные программы².

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в последние годы при проведении единого государственного экзамена были выявлены случаи, когда «в школу вызывались учителя по предмету, который в этот день сдавали; наблюдатели выносили из аудитории нужную работу, а потом приносили с уже готовыми ответами»³. Поэтому может возникнуть необходимость в установлении авторства сочинений, выполненных учащимися при сдаче единого государственного экзамена или обязательного государственного экзамена.

Возрастная категория выпускников общеобразовательных учреждений при сдаче ЕГЭ (учащимися 11 классов) и ОГЭ (учащимися 9 классов) — подростковый возраст: 14–18 лет.

Поскольку заниматься педагогической деятельностью могут только лица, имеющие среднее профессиональное или высшее образование⁴, учителей⁵ следует отнести к средневозрастной категории (22–65 лет).

Степень выработанности речевых навыков учащихся и педагогических работников будет значительно отличаться, так как они относятся к разным возрастным категориям, имеют разный уровень образования. Выявление обличковых характеристик автора речевого продукта позволит определить его возрастную категорию и уровень образования, а это, в свою очередь, поможет установить, выполнен ли текст учащимся общеобразовательного учреждения.

В этом случае будет решаться диагностическая задача, так как объектом является «совокупность свойств объекта (человека) и его отображений, исследования которых осуществляются с учетом механизма

¹ *Росинская Е. Р., Галаяшина Е. И.* Настольная книга судьи: судебная экспертиза: URL: http://nashaucheba.ru/v37653/росинская_е.р.,_галаяшина_е.и._настольная_книга_судьи_судебная_экспертиза?page=26 (дата обращения 31.10.2017).

² Статья 33 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об образовании в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 31.10.2017).

³ Мошенники на ЕГЭ: За учеников задания решали учителя. URL: <https://www.samaa.kp.ru/daily/24316.4/508927/> (дата обращения 31.10.2017).

⁴ Пункт 1 ст. 46 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об образовании в Российской Федерации»/ URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 31.10.2017).

⁵ Термин «учителя» закреплен в п. 2 ч. I Номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 08.08.2013 № 678. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 31.10.2017).

взаимодействия и соотношения различных связей, возникающих в процессе события преступления»¹.

Помимо этого, судебно-экспертное исследование письменной речи учащихся целесообразно в том случае, если при ознакомлении с протоколом допроса несовершеннолетнего возникают сомнения в самостоятельности записанных показаний. В этом случае (при наличии образцов письменной речи учащегося) будет решаться идентификационная задача.

Кроме того, актуальность исследования письменной речи учащихся обусловлена использованием подростками Интернет-ресурсов, поскольку, стремясь преодолеть установленные законом ограничения, подростки прибегают к имитации речи взрослого. В этом случае могут решаться как диагностические, так и идентификационные задачи.

Среди диагностических признаков, присущих подростковому возрасту, можно выделить особенности:

- лексических признаков;
- архитектоники, структуры текста;
- психолого-семантические особенности;
- большое количество орфографических и пунктуационных ошибок.

При написании данной работы было проведено экспериментальное исследование: учащимся общеобразовательных учреждений было предложено написать эссе на тему «Зачем нам нужно знать историю своей Родины?» в свободной форме с единственным условием: объем эссе должен быть не менее двухсот слов, поскольку в соответствии с методикой С. М. Вула «общие признаки на количественном уровне выделяются на основе объективных критериев, исходя из количества ошибок при выполнении текста, содержащего 200 слов»².

Для качественной обработки экспериментальных образцов был изучен теоретический материал, изложенный в работах таких ученых, как С. М. Вул, Е. И. Галяшина, А. Ю. Комиссаров, Е. И. Горошко, который стал базой экспериментального исследования.

В соответствии с методикой С. М. Вула:

А. Пунктуационные навыки: высокая степень развития — до 8 пунктуационных ошибок, средняя — от 9 до 16, низкая — от 17 до 25, «нулевая» — 36 и более.

Б. Орфографические навыки: высокая степень развития — до 9 орфографических ошибок, средняя — от 10 до 20, низкая — от 21 до 35, «нулевая» — 56 и более.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. М.: Юристъ, 1997. С. 228.

² Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: методическое пособие. Х.: ХНИИСЭ, 2007. С. 9.

В. Грамматические навыки: высокая степень развития — до 3 грамматических ошибок, средняя — от 4 до 6, низкая — 7 и более.

Г. Лексические навыки: высокая степень развития — до 3 лексико-фразеологических ошибок, средняя — от 4 до 6, низкая — 7 и более.

Всего для участия в эксперименте было собрано 27 сочинений.

В основном вербальный объем экспериментальных образцов варьируется в пределах 203–256 слов, что свидетельствует о наличии затруднений в создании подростками текстов большого объема, а также о лаконичности повествования. В большинстве сочинений присутствует деление на абзацы (как правило, в эссе выделено 2–3 абзаца), во всех текстах преобладают повествовательные предложения. Несмотря на обозначенную в задании тему, в 16 из 27 текстов заголовков отсутствует.

В экспериментальных образцах были выявлены следующие диагностические признаки¹ подросткового возраста.

Лексические признаки:

- несформировавшиеся навыки владения деловым, научным и публицистическим стилями речи (*«Историю нужно знать не только для каких-то целей, но и просто для себя...»*);
- несформированность лексических навыков (речевые ошибки: *«Эта информация содержится в живой памяти людей...», «... вояночальников умерших эпох...»*);
- выбор из синонимических рядов наиболее простых, обыденных, просторечных форм (*«... у них все есть и еда, деньги, работа и многое другое...»*).

Архитектоника, структура текста:

- лаконичность повествования (*«Без прошлого нет будущего.»*);
- употребление вводной конструкции «я считаю» (в 9 из 27 сочинений);
- непоследовательность, разнородность описания и изложения фактов, событий (*«гибель Сталина, развал Союза Советских Социалистических Республик, развитие технологий и многое другое» «Дворяни² — это наглые люди, которые могут только тратить деньги и есть. Теперь переходим во дни Великой Отечественной Войны»; «С глубокой древности существует наука археология. С появлением письменности, археологи находили глиняные дощечки с письменностью...»; «... мы узнаем о войнах, которые когда-то были: Великая Отечественная, Отечественная, Первая и Вторая Мировые войны...»*).

¹ Перечень признаков составлен на основе следующих работ: Комиссаров А. Ю. Криминалистическое исследование письменной речи. М.: ЭКЦ МВД России, 1999; Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: методическое пособие. Х.: ХНИИСЭ, 2007.

² Орфография и пунктуация учащихся сохранена.

Стилистические признаки:

- частое цитирование («*Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего*» Михаил Ломоносов»);
- ссылака на авторитетное мнение («*Один человек сказал мне: «Русский человек, не зная своей истории не может называть себя русским»*»);
- частое использование риторических вопросов («*Надо ли мне знать историю своего Отечества?*», «*Что такое история Отечества?*», «*Зачем же человеку знать историю своего Отечества?*»);
- неправильное употребление фразеологизмов («*Проблема изучения истории в современном мире стоит боком*»).

Ошибки:

- количество выявленных орфографических ошибок варьируется от 1 до 16, что свидетельствует о средней степени развития орфографических навыков¹ («...можно учиться на ошибках других...», «*знание или не знание*»);
- большое количество пунктуационных ошибок (от 5 до 32 ошибок), что говорит о средней или низкой степени развития пунктуационных навыков («*Я считаю что каждый человек должен знать историю своего Отечества...*»);
- количество выявленных грамматических ошибок варьируется от 1 до 6 ошибок, что свидетельствует о средней степени развития грамматических навыков² («*будующих*», «*крестьянины*», «*благодаря ней*»);
- количество стилистических ошибок от 4 до 15, что говорит о средней или низкой степени выработанности стилистических навыков («*Я очень люблю историю она мне очень нравится и я думаю что я ей тоже нравлюсь я очень щаслев что есть история я узнал много интересного спасибо*»).

В речи данной возрастной группы встречаются маркеры возраста:

«... если ты хочешь стать юристом или пойти в военное заведение. В этой сфере без истории куда...», «Во всех школах преподают историю. На истории мы изучаем правления и завоевания царей и правителей, зарождение древней Руси...».

Такие признаки, как:

- грубый характер речи в целом;
- употребление жаргонизмов, сленга, возникших в относительно недавний период времени;

¹ При установлении степени развития навыка возможны колебания в количестве ошибок в пределах +/-4 (см.: Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: методическое пособие. Х.: ХНИИСЭ, 2007. С. 9).

² При установлении степени развития навыка возможны колебания в количестве ошибок в пределах +/-2 (см.: Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: методическое пособие. Х.: ХНИИСЭ, 2007. С. 9).

- использование кличек, а также сравнений, образов, взятых из мультфильмов, популярных молодежных книг;
- использование нарочито неправильно орфографически написанных слов (Интернет-мемов);
- жаргонно-фамильярный характер речи;
- грубовато-фамильярное обращение к адресату;
- использование нецензурных слов как вводных;
- преобладание нецензурных слов, грубых, бранных слов и конструкций, обозначающих действие и процессы,

не были выявлены, поскольку экспериментальный материал для исследования — эссе, написанные учащимися в общеобразовательном учреждении, ввиду чего участники эксперимента соблюдали этические основы поведения в общеобразовательном учреждении.

Таким образом, на основе собранного экспериментального материала был проведен анализ письменно-речевых навыков учащихся общеобразовательных учреждений и выявлены признаки речи, характерные для подросткового возраста.

Чернявская М. С.

Значение идей Р. С. Белкина для родовой классификации судебных экспертиз

Вопросы родовой классификации судебных экспертиз до сих пор вызывают дискуссии. При этом, данная тема занимает важное место в общей теории судебной экспертологии и имеет большое значение и при решении вопросов, возникающих на практике. Например, это касается создания образовательных программ для подготовки экспертов, выдачи свидетельства на право производства экспертиз и решения вопроса о компетенции эксперта и назначения судебной экспертизы.

Вопросам родовой классификации уделял внимание и Р. С. Белкин — выдающийся советский и российский ученый-криминалист, которому принадлежит, в том числе, существенный вклад в формирование общей теории судебной экспертизы.

В отношении классификации судебных экспертиз Р. С. Белкиным было предложено «триединое основание» выделения класса экспертиз: предмет, объект и методы. При этом методы указывали на «характер специальных знаний, имеющих доминирующую роль при решении задач данного вида экспертиз»¹. Исходя из этого, данная классификация предполагала существование класса криминалистических экспертиз, в которых доминирующую роль играла бы криминалистика. При этом класс криминалистических экспертиз включал три рода: традиционные

¹ *Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2. М., 1997. С. 324.*

криминалистические экспертизы, новые виды экспертиз и род различных видов исследований материалов, веществ и изделий¹. Однако такое деление не является объективным и целесообразным. Во-первых, отсутствует критерий, позволяющий определять, когда вид экспертизы должен переходить из новых в традиционные. Непонятно, предусматривает ли эта классификация такой переход в принципе. Во-вторых, сам факт деления экспертиз на роды, исходя просто из времени их возникновения, никак не способствует пониманию требуемой компетенции эксперта. В-третьих, несмотря на то, что в классификации используется «триединое основание», в результате в качестве основания выступают только методы исследования, которые подразумевают определенную область знаний. В связи со всем вышеизложенным классификация, предложенная Р. С. Белкиным, была подвергнута критике. Криминалистика не является базовой наукой по отношению к каким-то определенным экспертизам. В ней сформированы общие положения, относящиеся ко всем судебным экспертизам вообще: возможности исследования объектов, допустимость использования того или иного метода в доказывании и др. Но в рамках криминалистики не создаются конкретные методики экспертного исследования. Кроме того криминалистика является наукой о расследовании преступлений, т. е. выделение класса криминалистических экспертиз означало бы их направленность на уголовный процесс, однако судебная экспертиза не имеет такой привязки².

В связи с указанными недостатками в настоящий момент классификация экспертиз осуществляется следующим образом. Род экспертиз выделяется на основе исследуемых объектов в совокупности с решаемыми задачами, которые определяют необходимые специальные знания. В классы же объединяются роды судебных экспертиз, относящиеся к одной или близким отраслям специальных знаний, которые к тому же используют сходный инструментарий³. Это происходит в связи с тем, что, как правило, изначально формируется новый род экспертизы, возникающий по причине появления новых объектов и новых задач. В дальнейшем в данном роде экспертиз могут возникать виды, которые, развиваясь, могут образовать роды экспертиз. Несколько же родов могут быть объединены в класс, исходя из того, что они базируются на одной отрасли или нескольких смежных областях знаний. Однако, в этом случае возникает проблема, связанная с интеграционными и дифференциальными процессами в науке: многие области становятся предметом смежного изучения

¹ Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М.: НОРМА, 2001. С. 416.

² Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) / под ред. Е. Р. Россинской. М.: НОРМА-Инфра-М., 2016. С. 170.

³ Там же. С. 170.

несколькими науками, методы становятся применимы в нескольких отраслях, из частных они становятся общими и, одновременно с этим, развитие науки приводит к формированию в ней отдельных отраслей, со своими собственными методами и самостоятельным предметом. В связи с этим общая область знаний является спорным основанием для деления экспертиз на классы. Разумеется, можно утверждать, что наибольшее практическое значение имеет род экспертиз, т.к. в отношении него выдаются свидетельства на право производства судебных экспертиз и его указывают в определениях и постановлениях о назначении судебной экспертизы. Но нельзя отрицать практическое значение класса экспертиз, который необходим для формирования образовательных программ подготовки и переподготовки экспертов. Проблема выделения классов экспертиз на основе области знаний усиливается тем, что нет однозначного научного и законодательного определения, что под ней понимается. При этом в ст. 23 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ ГСЭД) указано, что комплексная экспертиза назначается при необходимости проведения исследования экспертами разных специальностей. Если изучить комментарии к ФЗ ГСЭД, то можно обнаружить, что понятия «специальность» и «область знаний» (иногда «отрасль знаний») не различаются¹. Если это так, то, исходя из того, что класс определяется областью знаний, комплексная экспертиза – это экспертиза, которая включает в себя исследования с использованием специальных знаний из разных областей. Но если взять, например, экспертизу материалов, веществ и изделий, то можно понять, что отдельная специальность потребуется для исследования практически каждой категории объектов. То же самое можно сказать и о биологической экспертизе, в которой происходит разделение исследований объектов растительного и животного происхождения. Таким образом, можно утверждать, что «специальность» и «область знаний» – разные понятия. Известно, что специальные знания могут относиться к науке и технике, а также к искусству и ремеслу. Однако эксперт проводит исследование, которое в соответствии с требованиями ФЗ ГСЭД должно отвечать требованиям научности, поэтому,

¹ Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / под редакцией Кашепова В. П., 2003; *Смушкин А. Б.* Комментарий к Федеральному закону от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (постатейный). 2-е издание / А. Б. Смушкин // «КонсультантПлюс»: комп. справ.-правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>; Комментарий к Федеральному закону «О Государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / авт. кол. А. И. Каледин, В. В. Колкутин, Ю. Г. Корухов. Отв. ред. Ю. Г. Корухов и др. Под общ. ред. В. И. Илюхина и Г. Н. Колбая. Науч. изд. М.: Проспект, 2002.

если говорить об области знаний эксперта, то речь идет об области знаний, имеющих научный характер. Наука образует единую, взаимосвязанную, развивающуюся систему знаний о его законах. Эта система разделяется на множество отраслей знания, которые различаются между собой тем, какую сторону действительности, форму движения материи они изучают¹. Таким образом, область научного знания — это сложившаяся в результате разделения труда в науке система научного знания, имеющая свое собственное, отличающееся от других областей, предметное основание. Выделяются такие области как математика, логика, естествознание, технические науки, социальные науки, гуманитарные науки. Но развитие науки неминуемо приводит к появлению более узких областей. В целом, исходя из того, что критерием разграничения областей науки является предметное основание, можно прийти к выводу, что каждая отдельная наука является и отдельной областью знаний. Более того, отдельные разделы науки могут представлять собой область знаний. Например, при производстве экологической экспертизы возможно привлечение в качестве эксперта специалиста-орнитолога, при том, что орнитология — раздел зоологии. Поэтому основным ориентиром для выделения области знаний будет являться предметное основание. Специальность можно определить как комплекс приобретаемых путем специальной теоретической и практической подготовки знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для определенной деятельности в рамках соответствующей области профессиональной деятельности². Следует учесть, что понятие «специальность» указано в статье о комплексной экспертизе, которая проводится в случаях, когда решение вопроса невозможно без экспертов различных родов (видов) судебных экспертиз. В этом случае специальность является более удобным основанием для назначения комплексной экспертизы, т. к. она более строго привязана к конкретному виду деятельности и уже включает и владение определенными умениями и навыками, что и подтверждает компетентность эксперта. Понятия «специальность» и «область знаний» можно использовать в качестве синонимов только, если речь идет о достаточно узкой области (например, уже упомянутая орнитология). Таким образом, рассмотрение соотношений понятий «специальность» и «область знаний» также показывает, что область знаний — недостаточно точное основание для родовой классификации судебных экспертиз.

¹ Основы философских знаний (материал к семинарским занятиям) (М. А. Дедюлина, В. А. Ивлиев, Е. В. Папченко). Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. 272 с.

² Письмо Минобрнауки РФ от 13.05.2010 № 03–956 «О разработке вузами основных образовательных программ» (вместе с «Разъяснениями разработчикам основных образовательных программ для реализации федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования»).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что идея Р. С. Белкина о «триедином основании» выделения класса — предмет, объекты, методы — по своей сути является верной. Нелогичным было при этом выделять класс криминалистических экспертиз, который, как уже было сказано, предполагает исследование разных объектов, применение методов из разных наук, т. к. в процессе развития в криминалистических экспертизах переставали использоваться только те методы, которые были выработаны самой криминалистикой. Учитывая, что взаимопроникновение методов происходит и сейчас, методы в качестве основания выделения классов действительно следует исключить. При этом именно их может заменить область знаний, которая будет использоваться при производстве экспертизы. Предмет класса экспертиз характеризуется общим направлением задач, которые решаются в рамках родов. Так, например, предметом биологических экспертиз будут являться обстоятельства дела, связанные с установлением природы исследуемого объекта растительного или животного происхождения или его групповой принадлежности; установлением тождества или единого источника происхождения объектов, а также причинно-следственных и временных связей объекта с событием. Предметом же экономических экспертиз будут являться фактические данные (обстоятельства дела), на основании которых выдвигается предположение о возможности внесения искажения каким-либо образом в те или иные экономические показатели осуществления тех или иных хозяйственных операций в ходе подготовки, совершения либо сокрытия преступления (правонарушения). Класс также должен характеризоваться единым типом исследуемых объектов. Если рассматривать уже упомянутые экспертизы, то следует сказать, что в ходе производства биологической экспертизы исследуют объекты предполагаемого животного и растительного происхождения, а также продукты их жизнедеятельности. В рамках класса экономических экспертиз исследуются бухгалтерские документы и в некоторых случаях иные, содержащие данные о проводимых хозяйственных операциях. Т. е. речь идет о тех объектах, которые предположительно могут содержать информацию о предмете данного класса экспертиз. Подобная классификация по трем основаниям позволяет обоснованно проводить родовую классификацию судебных экспертиз.

Таким образом, идеи Р. С. Белкина следует изучать даже, если они подвергались обоснованной критике. При их повторном рассмотрении обнаруживается, что они могут представлять возможное решение ряда проблем судебной экспертизы на современном этапе ее развития. Ведь не стоит забывать о том, что именно Р. С. Белкин стоял у истоков формирования общей теории судебной экспертизы, тем самым определив ее развитие на многие годы вперед.

Шаймарданов Т. Р.

Упрощенные производства в уголовном процессе России: реалии и тенденции в свете взглядов и прогнозов Р. С. Белкина

Упрощенные формы производства в уголовном процессе всегда являются объектом пристального внимания и дискуссии, так как затрагивают широчайший спектр вопросов — от экономических до криминалистических. Потому не удивительно, что Р. С. Белкин в своем курсе криминалистики высказывался о дифференциации уголовного судопроизводства и показал ее важность для криминалистики на примере дискуссии об упрощении производств, имевшей место в середине 70-х годов в журнале «Социалистическая законность»¹.

Более того, Р. С. Белкин высказал свое мнение относительно данного явления и сделал определенный прогноз. По прошествии более пятнадцати лет можно оглянуться назад и проанализировать — оказались ли верны эти прогнозы и как можно использовать накопленные Р. С. Белкиным знания для усовершенствования существующих упрощенных форм.

Так, Рафаил Самуилович Белкин говорил, что процесс дифференциации уголовного судопроизводства представляется реальным и необходимым². Он допускал упрощение как досудебного расследования, так и судебного следствия, хотя в отношении последнего оценка такой возможности была менее категоричной. Тем не менее, судебное следствие предполагалось Р. С. Белкиным присутствующим.

Анализируя нынешнее положение дел, можно с уверенностью сказать, что предполагаемый подход с присутствием судебного следствия оказался ошибочным, так как на стадии судебного производства упрощение пошло именно за счет отказа от судебного следствия при условии признания обвиняемым предъявленного обвинения, то есть введения диспозитивного начала. Также обстоит дело на стадии досудебного производства — сокращенная форма дознания также в своей основе имеет инициативу обвиняемого, признание им вины и иных важных аспектов преступного деяния.

Законодатель, исходя из принципа состязательности уголовного процесса, начал искать пути установления баланса публичных и частных интересов, добываясь процессуальной экономии за счет увеличения диспозитивного начала, приводящего к фактическому исчерпанию конфликта между сторонами посредством признания вины и иных

¹ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учебное пособие для вузов в 3 томах. 3-е изд. Доп. Т. 3. 2001. С. 250–251.

² *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 251.

имеющих значение обстоятельств, что означает отсутствие спора относительно материальных аспектов уголовного дела.

Таким образом, безусловно, можно сказать, что в части предварительного расследования Рафаил Самуилович Белкин оказался прав, говоря о том, что существенно изменятся частные криминалистические методики. На данный момент относительно сокращенной формы дознания криминалистических рекомендаций практически нет, однако таковые имеют место в отношении предварительного расследования с учетом дальнейшего применения упрощенного производства¹.

Однако следует заметить, что нынешняя сокращенная форма дознания имеет ряд пороков, затрудняющих использование данной формы по процессуальным основаниям. Одним из главных является, как и предполагалось, отсутствие согласия со стороны потерпевшего². Подобное правило есть и в норме об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

Вопрос согласия потерпевшего исследователями ставится как один из пороков существующей сокращенной формы дознания³. Особое внимание в этом вопросе привлекает тот факт, что при досудебном соглашении о сотрудничестве согласие потерпевшего игнорируется. Подобный подход при сокращенной форме дознания, если опираться на приведенную статистику⁴, уменьшил бы нагрузку на органы дознания более чем в два раза.

Еще большим эффектом, безусловно, для органов дознания, отозвался бы отказ от действующего правила о том, что сокращенная форма дознания применяется по ходатайству обвиняемого, однако в данном случае речь уже шла бы о смене парадигмы сокращенного дознания с состязательной на инквизиционную.

В данной ситуации следует обратить внимание на содержание сравниваемых форм. При рассмотрении этой ситуации в глаза бросается тот факт, что если в случае сокращенной формы дознания, исходя из формулировки закона, требуется лишь признание своей вины, то досудебное соглашение о сотрудничестве требует от обвиняемого активных действий в части доказывания. Таким образом, можно утверждать, что пренебрежение волей потерпевшего в случае досудебного соглашения

¹ *Потапова Е. И., Гармаев Ю. П.* Использование в ходе предварительного расследования норм об особом порядке судебного разбирательства (криминалистический комментарий к нормам главы 40 УПК РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

² *Александров А. С., Лапатников М. В.* Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 2013. № 22. С. 26.

³ *Александров А. С., Лапатников М. В.* Об итогах реализации идеи сокращенной формы дознания в уголовном судопроизводстве России // *Журнал российского права*, 2017. № 3. С. 140.

⁴ *Ларкина Е. В.* Дознание в сокращенной форме: практика применения в Санкт-Петербурге и Ленинградской области // *КриминалистЪ*, 2014. № 1 (14). С. 107.

о сотрудничестве обусловлено не просто задачей борьбы с организованной преступностью, но и необходимостью обвиняемого активно содействовать в процессе доказывания.

В такой ситуации хочется вспомнить упомянутые ранее Р. С. Белкиным частные криминалистические методики. Как отмечал Рафаил Самуилович, уголовно-процессуальное законодательство есть определяющий фактор и источник методологических рекомендаций¹. Представляется, что наиболее эффективным действием со стороны законодателя было бы введение в обязанность обвиняемому при сокращенной форме дознания активно сотрудничать с органами дознания для собственного изобличения. При этом частная криминалистическая методика явно диктовала бы проведение таких следственных действий, как допрос и хорошо зарекомендовавшая себя на практике проверка показаний на месте.

Эти следственные действия позволили бы не только обусловить процессуальное безразличие к несогласию потерпевшего на проведение расследования в сокращенной форме дознания, но и в большей степени удостовериться в отсутствии самоговора со стороны обвиняемого, что повысит качество доказывания и позволит избежать необходимости судебного следствия. О необходимости последнего при упрощенной форме досудебного производства говорил и Рафаил Самуилович, и сотрудники МВД РФ.

Однако представляется, что процессуальная экономия должна полноценно разгружать государственный аппарат, а не перераспределять нагрузку между разными органами. Поэтому изыскания должны направляться на увеличение процессуальной экономии не на отдельном этапе уголовного судопроизводства, а в целом, тем более что существующее законодательство отнюдь не исчерпало возможностей для развития в этом направлении.

Подытоживая, отметим, что как показывает история, если в правоприменительной практике есть потребность в чем-либо, то рано или поздно она будет удовлетворена как в теории, так и на законодательном уровне, насколько бы это не казалось невероятным и какие бы видные ученые этим изменениям не противились. Потому упрощенные производства требуют всестороннего анализа как в отношении достижения поставленных задач и соответствия основополагающим положениям уголовного процесса, так и возможности использования достижения своих аналогов и криминалистики для улучшения качества доказывания, что обеспечит, как писал Рафаил Самуилович, реализацию всех принципов уголовного процесса, незыблемость демократических начал отправления правосудия.

¹ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 249.

Шикакова А. М.

Проблемы психофизиологического исследования (экспертизы) как основной формы полиграфных проверок в уголовном судопроизводстве

В последнее десятилетие происходит активное внедрение полиграфных проверок в деятельность следственных и судебных органов в форме производства психофизиологических исследований (экспертиз) с применением полиграфа (далее — ПФИ (Э)). Новый вид исследования (экспертизы) оказался востребованным судебно-следственной практикой, и результаты многих десятков ПФИ (Э) принимались судами различных инстанций в качестве доказательств. Однако, это сопряжено с рядом организационных и процессуальных проблем как в теории, так и в практике судебной экспертизы.

Профессор Белкин Р.С. предлагал рассматривать проблему использования полиграфа в четырех аспектах: техническом, тактическом, этическом, процессуальном. Подобная схема может считаться оптимальной применительно к использованию научно-технических средств в уголовном процессе, поэтому мы воспользуемся ею, но с некоторыми коррективами.

Начнем с того, что психофизиологический метод «детекции лжи» на сегодняшний день включает в себя опрос с использованием полиграфа (далее — ОИП). Он применяется, в основном, органами дознания, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Психофизиологическое исследование (экспертиза) с использованием полиграфа ПФИ (Э) используется и в системе Следственного комитета РФ, МВД РФ, специалистами различных учреждений, негосударственных организаций, а криминалистическое исследование с использованием полиграфа — в институте криминалистики ФСБ России. Вместе с тем, следует отметить, что технология и практика производства ПФИ (Э) находится еще в стадии становления. Многие вопросы методического, организационного, технического и иного характера продолжают оставаться не урегулированными, что неизбежно влияет на качество исследований и экспертиз данного вида, и естественно, в ходе их производства возникают трудности различного характера.

В Российской Федерации на законодательном уровне не принят какой-либо нормативный правовой документ об использовании полиграфа и результатов полиграфных проверок. Каждое ведомство, использующее полиграф, регулирует деятельность специалистов, отношения с участниками ПФИ (Э) с помощью принятых инструкций. Так, например, в настоящее время в системе Следственного комитета Российской Федерации действует Инструкция «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением поли-

графа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации»¹, в которой закреплены права и полномочия участников, предъявляемые к проведению ПФИ требования. Как и любая инструкция, она является сугубо внутриведомственным актом, и как бы четко и в ней не излагались порядок процедуры проведения ПФИ (Э), права и обязанности лиц, терминология, ее содержание будет распространяться только на правоотношения, осуществляемые в ходе проведения психофизиологического исследования (далее — ПФИ) внутри соответствующей системы. Однако, несмотря на это, требования, предъявляемые к подготовке и проведению исследований или экспертиз, остаются практически одинаковыми для всех субъектов.

Целью проведения ПФИ является проверка достоверности информации, сообщаемой обследуемым лицом, при решении задач в уголовном судопроизводстве. Проведение ПФИ основывается на *принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, добровольности, объективности, всесторонности и полноты проводимых исследований*. Запрещается осуществление действий, унижающих честь обследуемого лица², его человеческое достоинство, либо создающих опасность для его жизни и здоровья. Недопустимо применение обмана, угроз, насилия или иных незаконных мер с целью принуждения лица к даче согласия на проведение в отношении него ПФИ. Отказ от участия в ПФИ *не может служить основанием* для принятия каких-либо мер, ущемляющих законные права обследуемого, и не является свидетельством сокрытия лицом запрашиваемой информации.

В целях решения задач уголовного судопроизводства ПФИ назначается следователем, в производстве которого находится уголовное дело, материал доследственной проверки, и только в отношении лица, обладающего по данному уголовному делу процессуальным статусом свидетеля, подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего. Назначение ПФИ осуществляется путем направления инициатором ПФИ³ в соответствующее подразделение поручения, вынесения постановления в порядке ст. 57, 58 УПК РФ о назначении ПФИ (Э). На каждое лицо, направляемое для прохождения ПФИ, составляется отдельное поручение, постановление о назначении экспертизы. Наиболее сложные, повторные либо дополнительные ПФИ могут проводиться *комиссионно*

¹ Инструкция «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» утв. Приказом председателя Следственного комитета Российской Федерации № 64 от 09.12.2010.

² Обследуемое лицо (обследуемый) — физическое дееспособное лицо, добровольно выразившее письменное согласие на проведение в отношении него ПФИ и достигшее 14-летнего возраста.

³ Инициатор ПФИ — должностное лицо, уполномоченное назначать проведение ПФИ (следователь, дознаватель, прокурор или суд).

по решению инициатора ПФИ. При проведении психофизиологической экспертизы (далее ПФЭ) должен быть соблюден процессуальный порядок ее назначения. Инициатору ПФЭ экспертизы необходимо качественно подготовить материалы, направляемые на исследование или экспертизу, и произвести все необходимые предварительные процессуальные действия, предусмотренные законом — ознакомить участников уголовного судопроизводства с постановлением о ее назначении, разъяснить им их права, разрешить их ходатайства (если таковые были заявлены). ПФЭ имеет существенную специфику: она может быть проведена только с согласия лица, в отношении которого она проводится (обследуемого или подэкспертного), и такое согласие должно быть получено следователем *до назначения экспертизы.* В противном случае назначение исследование может оказаться необоснованным (если подэкспертный не даст согласия) и означает пустую трату времени и средств. Согласие должно быть процессуально оформлено, то есть оно должно быть дано в письменном виде и направлено эксперту вместе с постановлением, в котором указано, что подэкспертный такое согласие выразил. В начале предтестовой беседы, с которой начинается исследование, необходимо, чтобы эксперт получил от подэкспертного устное подтверждение, что ранее данное согласие остается в силе (в противном случае — производство ПФЭ не осуществляется). В последующем, полиграфолог¹ обязан отразить в своем заключении, что получил устное подтверждение ранее данного письменного согласия подэкспертного на проведение ПФЭ. На практике следователи нередко возлагают функцию получения добровольного согласия на проведение ПФЭ на сотрудников полиции или эксперта, что является процессуальным нарушением: как уже отмечалось, в таком случае *назначение экспертизы может оказаться необоснованным.*

Срок производства ПФИ определяется полиграфологом с учетом очередности, о чем информируется инициатор ПФИ. В любом случае срок производства ПФИ не должен превышать 30 суток с даты поступления поручения/обращения. При недостаточности предоставленных материалов полиграфолог направляет инициатору ПФИ мотивированное ходатайство о предоставлении дополнительных материалов. Срок производства ПФИ при этом приостанавлива-

¹ Полиграфолог (специалист) — сотрудник подразделения криминалистики следственного управления Следственного комитета по субъекту Российской Федерации или приравненного к нему специализированного, в том числе военного, следственного управления (отдела), имеющий высшее образование и прошедший профессиональную подготовку по производству ПФИ, подтвержденную документом государственного образца, в должностные обязанности которого входит проведение ПФИ (понятие содержится в Инструкции «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе СК при прокуратуре РФ», утв. приказом председателя СК России № 64 от 09.12.2010.

ется и возобновляется после удовлетворения инициатором ПФИ ходатайства полиграфолога. В случае отказа или невозможности предоставления дополнительных материалов, а также при отсутствии ответа на заявленное ходатайство в течение 30 суток со дня его направления, материалы возвращаются инициатору ПФИ без исполнения. Независимо от количества вынесенных на разрешение вопросов, полиграфологу не рекомендуется тестировать на полиграфе более двух человек в сутки, также не рекомендуется проводить исследование после 18 часов. Проводить тестирование на полиграфе в ночное время суток (с 22 до 6 часов) запрещается. Помещение, предназначенное для проведения ПФИ, должно соответствовать требованиям техники безопасности и санитарно-гигиенических норм. При проведении ПФИ следует обеспечить в нем нахождение минимального количества лиц. Решение о присутствии в помещении, в котором проводится ПФИ, третьих лиц, кроме полиграфолога и обследуемого лица, принимается полиграфологом совместно с инициатором ПФИ. В случае возникновения обстоятельств, препятствующих проведению ПФИ, исследование приостанавливается. Вопрос о возобновлении ПФИ решается полиграфологом совместно с инициатором ПФИ в зависимости от возможности устранения условий, препятствующих проведению ПФИ. При наличии условий, исключающих проведение ПФИ, полиграфолог направляет инициатору ПФИ мотивированное сообщение о невозможности дачи заключения.

Если при проведении ПФИ полиграфолог получит сведения, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то ему следует указать их в заключении по результатам ПФИ. Сведения о поведении обследуемого лица во время проведения ПФИ; информация, полученная полиграфологом в ходе беседы с обследуемым лицом; заявления, сделанные в письменной форме обследуемым, а также иными участниками ПФИ; данные, полученные при использовании не относящихся к ПФИ методов (психологии, прикладной психофизиологии или иных наук), которыми профессионально владеет полиграфолог, могут быть указаны непосредственно в заключении по результатам ПФИ либо представлены в виде приложения к нему. Заключение по результатам ПФИ¹ с приложениями и представленными на исследование материалами² направляется по действующим маршрутам Федеральной фельдъегер-

¹ Заключение по результатам ПФИ — подготовленное по результатам проведения ПФИ описание содержания исследования и выводов полиграфолога по вопросам, поставленным инициатором ПФИ.

² Материалы ПФИ — заключение по результатам ПФИ, перечень вопросов, заданных обследуемому лицу в процессе тестирования на полиграфе, полиграммы, аудио- и видеозаписи, сделанные в ходе ПФИ, иные приложения к заключению полиграфолога.

ской связи либо выдаются инициатору ПФИ (его представителю) под расписку. Запрещается передача заключения по результатам ПФИ и материалов ПФИ, а также разглашение сведений, полученных в результате ПФИ, третьим лицам, за исключением случаев, установленных законодательством. Инициатор ПФИ и полиграфолог *несут ответственность* в соответствии с законодательством Российской Федерации. Если же по результатам ПФИ специалист (эксперт) не смог прийти к однозначно трактуемым выводам или же исследование было прервано по каким-либо причинам, допускается проведение в отношении того же лица повторного ПФИ, производство которого поручается тому же или другому полиграфологу. В случае возникновения сомнений в обоснованности выводов, сделанных полиграфологом по результатам ПФИ, проведение повторного ПФИ по тем же вопросам, что и первое, тоже возможно, однако производство исследования желательно поручить другому полиграфологу, не менее опытному, или комиссии специалистов-полиграфологов. Чтобы повторное ПФИ оказалось не менее результативным, чем первоначально проведенное, необходимо учитывать, что повторное ПФИ нельзя проводить в тот же день, что и первое; если оба исследования проводятся одним специалистом, в предтестовой беседе практически нет необходимости, достаточно напомнить обследуемому основные инструкции о том, как надо вести себя во время тестирования на полиграфе, и обсудить с ним подготовленные тесты. Если при проведении ПФИ повторно снова не удастся прийти к однозначно трактуемым выводам, то проводить последующие исследования не рекомендуется. При проведении ПФИ в отношении группы лиц никому из обследуемых не сообщаются его результаты, пока ПФИ в отношении всех лиц, включенных в число обследуемых, не будет завершено. При возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств, послуживших поводом для проведения ПФИ, инициатором ПФИ по согласованию со специалистом назначается *дополнительное исследование*.

Как следует из всего вышесказанного, для применения полиграфа в уголовном процессе нет правовых запретов. Следовательно, он может применяться по инициативе должностных лиц, по ходатайству подозреваемого, обвиняемого, их защитника. В любых случаях проведение ПФИ должно носить добровольный характер¹. С этических позиций применение ПФИ не унижает ни чести, ни достоинства лица, не создает опасности для его жизни и здоровья.

¹ Подозреваемый (обвиняемый) имеет право отказаться от ОИП на основании ст. 46 (п. 2 ч. 3) или ст. 47 (п. 3 ч. 4) УПК РФ, предоставляющих им право отказаться давать показания. Тем более добровольным должно быть использование ОИП применительно к потерпевшему или свидетелю.

Необходимость использования специальных знаний при расследовании компьютерных преступлений

На сегодняшний день, компьютерные технологии прочно вошли во все сферы деятельности общества. При этом эффективность борьбы с преступлениями на современном этапе во многом определяется уровнем использования специальных знаний как в процессуальной, так и в непроцессуальной формах в ходе производства расследования.

При этом деятельность по расследованию преступлений осуществляется не только на основе юридических знаний, но также на основе и других знаний, которые принято называть единым термином «специальные». Следует отметить, что эти знания не могут являться общеизвестными или общедоступными. Они основываются на более глубоком и полном познании соответствующей области человеческой деятельности.

До середины 90-х годов прошлого века существовало мнение, что, помимо общеизвестных, к специальным знаниям не относятся и юридические знания. В п. 4 Постановления Пленума Верховного суда № 28 указано, что «постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда, как не входящих в его компетенцию, не допускается». Под правовыми вопросами в данном случае следует понимать вопросы, которые влияют на юридическую квалификацию преступления (убийство, самоубийство, причинение смерти по неосторожности).

Таким образом, можно сформулировать следующее определение: специальные знания — это система теоретических знаний и практических навыков в конкретной области науки, техники, искусства и ремесла приобретенных путем профессионального опыта или специального образования и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства.

С точки зрения правовой регламентации, в настоящее время различают две формы использования специальных знаний:

Процессуальная форма, когда порядок их использования регламентируется соответствующими нормативными правовыми актами, а результаты их применения имеют доказательственное значение. Уголовно-процессуальная форма применения специальных знаний — это закрепленная в уголовно-процессуальном законе система случаев и правил применения в расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел специальных знаний сведущих лиц.

Непроцессуальная форма, когда результаты применения специальных знаний не имеют статус доказательств. К процессуальной форме использования специальных знаний относятся:

1. Производство судебной экспертизы. Сюда же можно отнести и дачу показаний экспертом по вопросам, входящим в компетенцию судебного эксперта.

2. Привлечение специалиста к участию в следственных действиях.

В свою очередь, непроцессуальная форма использования специальных знаний не включает четкую систему случаев и правил использования специальных знаний. Данная форма может выражаться в следующем:

1. Консультативная деятельность специалиста — это научно обоснованный совет, даваемый специалистом, как лицом, обладающим специальными знаниями в определенной области.

2. Предварительные исследования — проводимые специалистом исследования, результаты которых не имеют доказательственного значения.

3. Участие специалиста в оперативно-розыскных мероприятиях.

4. Проведение аудиторских и ревизионных проверок.

5. Профилактическая деятельность.

Непроцессуальная форма использования специальных знаний имеет большое значение, поскольку результаты такого применения используются для выбора наиболее результативного способа раскрытия и расследования преступления.

Сущность использования специальных знаний заключается в том, что специалист использует такие знания для обнаружения, фиксации и изъятия предметов и документов, применения технических средств, а также для оказания помощи в постановке вопросов перед экспертом и дает разъяснение сторонам и суду по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию.

Следует отметить, что в УК РФ законодательно лишь в 2011 году был закреплен круг преступлений в сфере компьютерной информации. В частности, непосредственно к данной категории относятся следующие преступления:

Статья 272. Неправомерный доступ к компьютерной информации. Под доступом к информации понимают возможность получения информации для ее последующего использования.

Статья 273. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. Под термином «распространение» следует понимать действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц.

Статья 274. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и инфор-

мационно-телекоммуникационных сетей¹. Информационно-телекоммуникационная сеть — это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Что касается специальных знаний в сфере компьютерных технологий, то для начала следует дать определение понятия «информационно-компьютерная технология».

Согласно определению ФЗ № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», информационная технология — это комплекс процессов, методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

Для примера рассмотрим требования, предъявляемые в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ к экспертной специальности «Исследование информационных компьютерных средств». Согласно данной программе профессиональной подготовки, при работе по указанной экспертной специальности необходимы знания в области математики и механики, информационной безопасности телекоммуникационных и автоматизированных систем, электроники, радиотехники и систем связи, управления в технических системах, а также юриспруденции. Таким образом, можно определить широкий круг знаний, включающих такие дисциплины, как электроника, электротехника, программирование, информационные сети, системный анализ и другие. Из этого следует вывод, что компьютерная (информационная) технология — это целостная техническая система, обеспечивающая хранение, передачу, обработку и отображение информационного продукта с использованием средств вычислительной техники.

А. Н. Яковлев в своей диссертационной работе приводит следующие критерии, которым должны отвечать специалисты в области информационно-компьютерных технологий:

- обладать необходимым объемом программно-технических знаний, необходимых для обнаружения, фиксации и изъятия «компьютерных следов»;
- иметь надлежащие документы, подтверждающие квалификацию лица, привлекаемого в качестве специалиста;
- проходить периодическую профессиональную переподготовку и повышение квалификации;

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

- состоять в штатах соответствующей федеральной службы и на постоянной основе участвовать в следственных действиях в качестве специалиста в области компьютерных технологий¹.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что специальные знания в области компьютерных технологий — это система теоретических знаний и практических навыков в области информатики и информационно-телекоммуникационных технологий, а также знаний особенностей информационных систем и технико-криминалистических средств, приобретаемых путем специальной подготовки и профессионального опыта, необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства.

Обязанность по выбору специалиста и последующему его привлечению возлагается на следователя. Именно он в конкретной ситуации должен принять решение, когда, кого и каким образом необходимо пригласить для оказания помощи. Это позволяет сделать вывод о том, что следователь также должен обладать некоторым объемом знаний в данной области. Наличие определенных знаний у следователя, с одной стороны, является недостаточным для самостоятельного исследования компьютерной техники, а, с другой стороны, обладание следователем специальными знаниями в указанной области будет полезно для правильного определения круга специалистов, помощь которых необходима для решения конкретных вопросов². Так, например, при изъятии какой-либо компьютерной техники необходим специалист в области аппаратного устройства.

Для примера необходимо рассмотреть участие специалиста в области компьютерной техники в производстве осмотра места происшествия (ст. 176 УПК РФ). Осмотр места происшествия — это следственное действие, заключающееся в непосредственном выявлении и изучении следователем различных объектов и следов на них, выяснении других обстоятельств, которые имеют отношение к совершенному преступлению. Состав следственно-оперативной группы следующий:

- специалист криминалист, знающий особенности работы со следами преступлений данной категории;
- специалист в области информационных технологий;
- специалист по сетевым технологиям и/или системам электро-связи;
- другие специалисты.

¹ Яковлев А. Н. Теоретические и методические основы экспертного исследования документов на машинных носителях информации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 123–124.

² Шаевич А. А. Особенности использования специальных знаний в сфере компьютерных технологий при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 22.

Следует выделить два места совершения компьютерного преступления: компьютер лица, совершающего неправомерное действие, и компьютер потерпевшего. Осмотру должны подлежать оба компьютера. Существует мнение, что местом совершения преступления в сфере компьютерных технологий следует считать именно место расположения компьютера потерпевшего.

Этапы осмотра места преступления:

- общий осмотр помещений с компьютерной техникой и рабочих мест;
- осмотр компьютерных систем на рабочем месте;
- заключительный этап осмотра места происшествия

Основными объектами, подлежащими осмотру, являются помещения, в которых расположена компьютерная техника, отдельные компьютеры, не присоединенные к сети, периферийные телекоммуникационные устройства, магнитные и оптические носители информации, распечатки, выполненные на принтере, техническая и иная документация.

Рабочий этап обыска (осмотра) включает обзорную и детальную стадии. На обзорной стадии следователь корректирует и пополняет данные об объекте, фиксирует участки, требующие особого внимания. Необходимо выявлять места, где находились компьютеры или подключались портативные устройства, которые могут находиться в другом месте или могут быть спрятаны.

На детальной стадии осуществляется непосредственно поиск, обнаружение и изъятие объектов обыска (осмотра), т. е. компьютерных средств, и поиск криминалистически значимой компьютерной информации. Большое значение при выборе очередности осмотра имеют подозрительные действия обыскиваемого (неубедительные объяснения; несоответствие обнаруженных программ личности обыскиваемого).

Завершающим этапом осмотра, обыска и выемки по делам, сопряженным с использованием информационных технологий, являются фиксация и изъятие компьютерных средств.

Таким образом, привлечение специалиста в сфере компьютерных технологий к участию в производстве следственных действий на сегодняшний день достаточно распространенное явление в связи с широким распространением компьютерных технологий. Однако на данный момент участие специалиста в следственных действиях по данной категории дел носит лишь рекомендательный характер. Поэтому иногда возникают нежелательные ситуации, связанные с тем, что следователи пренебрегают вызовом специалиста и наносят вред объектам компьютерной техники, восстановить которые иногда не представляется возможным. Для недопущения данных ситуаций участие специалиста в сфере компьютерной информации необходимо внести в список действий с обязательным участием специалиста. Это связано, прежде

всего, с уровнем знаний и умений, которыми обладает преступник и которыми следователь, как правило, не обладает.

Яготинцева Т. Ю.

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании: современное законодательство и позиция Р. С. Белкина

Доказывание является самой значимой и сложной частью уголовного процесса. Доказывание представляет собой осуществляемую в установленном законом порядке деятельность уполномоченных субъектов по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления истины по уголовному делу и решения задач уголовного процесса.

В соответствии со ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹ (далее — УПК РФ), доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых орган дознания в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Нормами УПК РФ устанавливается перечень допустимых доказательств. Результаты оперативно-розыскной деятельности не включены в этот перечень. Однако на сегодняшний день вопрос о возможности использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в процессе доказывания по уголовному делу является достаточно спорным.

Согласно ст. 89 УПК РФ, в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ. С другой стороны, ни одно доказательство из приведенного в ст. 74 УПК РФ перечня не может быть использовано в процессе доказывания, если оно не соответствует предъявляемым к нему требованиям. Поэтому такая формулировка нормы ст. 89 УПК РФ позволяет говорить о допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств.

В современной юридической доктрине широкую поддержку получила позиция, согласно которой результаты оперативно-розыскной деятельности могут самостоятельно использоваться в качестве доказательств. Некоторые ученые утверждают, что полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий сведения уже являются сформированными без участия органов расследования доказательствами, и приобретают свойство допустимости для доказывания по уголовному

¹ Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс: Федеральный закон от 18.12.2001 (ред. от 29.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

делу, если получены с соблюдением установленных специальным законом требований проведения оперативно-розыскных мероприятий¹.

Исследуя вопрос о том, какую роль в доказывании играют результаты оперативно-розыскной деятельности, Р. С. Белкин отмечал, что под оперативно-розыскными мерами следует понимать такие действия уполномоченных субъектов, которые, «не будучи процессуальными, направлены на выявление готовящихся или совершенных преступлений, на собирание сведений о личности и местонахождении преступника, его связях, на установление и обеспечение сохранности объектов — возможных носителей доказательственной информации»².

Р. С. Белкин подчеркивает, что «оперативно-розыскные меры применительно к процессу доказывания играют роль средства получения информации. Содержанием этой информации может быть:

а) указание на объекты — возможные носители доказательственной информации: их характер, местонахождение, способы получения от них источников доказательств, наиболее целесообразные приемы процессуального использования;

б) сведения о возможном поведении участников процесса доказывания на следствии и в суде;

в) ориентирующие данные об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, позволяющие решить вопрос о выборе наиболее эффективных средств доказывания, тактических и технических приемов собирания доказательств;

г) сведения, позволяющие правильно оценить собранные по делу доказательства»³.

Таким образом, позиция ученого сводится к приданию оперативно-розыскной деятельности ориентирующей, способствующей доказыванию роли. Однако рассматривать такую деятельность в качестве одного из этапов процесса доказывания, составной частью собирания доказательств, а ее результаты — в качестве допустимого доказательства нельзя. За подтверждением данного тезиса обратимся к нормам уголовно-процессуального законодательства.

В соответствии со ст. 75 УПК РФ недопустимыми являются доказательства, полученные с нарушением установленных уголовно-процессуальным законом требований. Однако нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ не регламентируют порядок производства оперативно-

¹ См., напр.: *Лазарева В. А.* Концепция формирования доказательств в свете состязательности уголовного судопроизводства // Военно-юридический вестник Поволжского региона. Самара, 2006. С. 117; *Балакиш В. С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 44; *Будников В. Л., Зверев И. В.* Субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2006. С. 90.

² *Белкин Р. С.* Избранные труды. М.: Норма, 2010. С. 215.

³ *Белкин Р. С.* Избранные труды. М.: Норма, 2010. С. 218.

розыскных мероприятий и оформления полученной оперативной информации. Данные положения содержатся в нормах специального правового акта — Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹.

Данный аспект является особенно важным в рамках реализации назначения уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальным законодательством устанавливается ряд процессуальных гарантий, направленных, прежде всего, на защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. К таким гарантиям, например, относится право подозреваемого иметь защитника с момента фактического задержания и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса. Законодательством об оперативно-розыскной деятельности подобного рода гарантии не предусмотрены. Таким образом, процедура получения результатов оперативно-розыскных мероприятий не отвечает принципам уголовного судопроизводства и может повлечь нарушение прав и свобод личности, поэтому использование таких результатов в доказывании по уголовным делам недопустимо.

Собирание доказательств, согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ, осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. В круг субъектов, наделенных УПК РФ полномочиями по собиранию доказательств, не входят должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Таким образом, предполагаемое доказательство в виде результатов оперативно-розыскной деятельности будет добыто не уполномоченным на это лицом, что означает нарушение установленного порядка собирания доказательств и, как следствие, признание полученного доказательства недопустимым.

Согласно положениям Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд², результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для

¹ Российская Федерация. Законы. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

² Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской от 17.04.2007 № 368/185/164/481/32/184/97/147 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» // СПС «КонсультантПлюс».

установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе. Данная норма также указывает на невозможность самостоятельного использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания; в то же время они являются источниками доказательств по уголовным делам.

На основании вышеизложенного, можно однозначно заключить, что использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам недопустимо, такие материалы не могут быть признаны самостоятельными доказательствами. Еще Р. С. Белкин указывал на вспомогательный характер оперативно-розыскных мер для доказывания, но не отводил им роли обнаружения и собирания доказательств.

Однако современная редакция ст. 89 УПК РФ вносит неопределенность и вызывает в юридическом сообществе бурные споры. Положения данной статьи могут быть неверно истолкованы как непосредственное право на использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовному делу при наличии определенных условий. Однако это невозможно в принципе, исходя из смысла и назначения уголовно-процессуального законодательства. Поэтому, на наш взгляд, норма ст. 89 УПК РФ является излишней и создает лишь путаницу, в связи с чем должна быть исключена из текста УПК РФ. Таким образом, российское уголовно-процессуальное законодательство обретет лаконичность и необходимую точность формулировок, что позволит избежать неверного толкования и, как следствие, неправильного правоприменения.

Яковлева А. В.

Использование биометрических технологий в криминалистической регистрации

Биометрические технологии были разработаны относительно недавно, но, несмотря на это, уже активно применяются в различных сферах общественной жизни. Изначально они использовались лишь в сфере обеспечения национальной безопасности и поэтому находились в рамках строгой секретности, однако после событий 11 сентября 2001 года стали известны широким массам населения. Именно тогда необходимость поиска новых способов защиты информации и данных предстала перед человеческим обществом особенно ярко.

На сегодняшний день биометрия применяется в сфере защиты информации от несанкционированного доступа, получения некоторых

документов (виз, паспортов и т. п.), идентификации граждан, беженцев и т. д.

Под биометрией принято понимать научно обоснованную систему знаний об идентификационной совокупности биологических, физиологических (полученные от рождения — ДНК, отпечатки пальцев и т. п.) и поведенческих (полученные в течение жизни — почерк, походка и т. п.) признаков и свойств человека¹.

Область применения биометрии продолжает расширяться в силу насущных потребностей человечества. В частности, это относится и к сфере борьбы с преступностью. Именно идентификация человека, совершившего преступление, — одна из задач при расследовании преступлений. По данным Р. Е. Деминой, на сегодняшний день в Российской Федерации с использованием информации криминалистических и оперативн-справочных учетов раскрывается от 19 до 30% совершаемых преступлений².

Идентификация с использованием биометрических параметров личности — не новое явление для экспертной и криминалистической деятельности. Еще А. Бертильон обнаружил в свое время, что размеры тела одного человека всегда отличаются от размеров тела другого. На сегодняшний день широко используются достижения дактилоскопии, в основе которой лежит идентификация по уникальным для каждого человека отпечаткам пальцев.

Существует несколько нормативных правовых актов, регламентирующих процедуру использования биометрических автоматизированных систем для идентификации личности, например, «Концепция создания государственной системы изготовления, оформления и контроля паспортно-визовых документов нового поколения», Постановление Правительства РФ от 6 июля 2008 г. № 512 «Об утверждении требований к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных» и некоторые другие.

Особый интерес представляет Федеральный закон от 25.07.1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», согласно которому предусмотрено проведение государственной дактилоскопической регистрации в добровольном или обязательном порядке.

Стремительное развитие информационных технологий способствует внедрению в практику правоохранительных органов современных методов идентификации человека.

¹ Бол Р. М., Коннел Дж. Х., Панканти Ш. и др. Руководство по биометрии. М.: Техносфера, 2007. 368 с.

² Демина Р. Е. К вопросу о расширении объектов криминалистического учета следов рук с мест нераскрытых преступлений // Вестник криминалистики, 2009. Вып. 1 (29). С. 124.

Главным направлением использования биометрии в криминалистике является ведение криминалистических учетов. В данный момент такие правоохранительные органы, как ФСБ РФ, МВД РФ, ФСИН РФ и другие имеют в своем арсенале автоматизированные компьютерные системы хранения и обработки данных. Одной из таких программ является автоматизированная дактилоскопическая информационная система (далее — АДИС) «Папилон», основным предназначением которой является ввод и хранение дактилокарт, следов, изъятых с мест совершения преступлений, автоматический поиск дактилокарт, следов пальцев рук и многое другое.

Однако эта программа не способна полностью удовлетворить потребности органов следствия и дознания в раскрытии и расследовании преступлений. Некачественные, размытые отпечатки пальцев не позволяют идентифицировать субъекта. Рост преступности, увеличение количества террористических актов, совершение преступлений удаленным доступом с помощью информационных технологий также ставят перед обществом задачу по разработке новых способов идентификации, основанных на применении биометрических методов.

За последнее время появились новые виды учетов, содержащие биометрическую информацию (ДНК, краниологический учет и др.).

Обязательной постановке на криминалистический учет подлежат: следы рук неустановленных лиц, изъятые с мест преступлений; данные ДНК биологических объектов, изъятых с мест преступлений; данные ДНК неопознанных трупов, установить личность которых иными методами не представилось возможным; фонограммы речи (голоса) неустановленных лиц; субъективные портреты устанавливаемых и (или) разыскиваемых лиц; черепа неопознанных трупов, установить личность которых иными способами не представляется возможным, и др.¹

Ученые по-разному предлагают решить эту проблему. Например, Т. В. Патрушева предлагает использовать не только дактилоскопические, но и дерматоглифические (узор вен, структура ладони в целом, длина пальцев и т. д.) особенности ладоней человека²; А. Б. Смушкин высказывает мнение о создании общей дактилоскопической регистрации³.

Использование биометрических технологий может быть расширено по нескольким направлениям:

¹ Барковская Е. Г. Совершенствование системы криминалистических учетов в контексте новых биометрических технологий. Юристъ — Правовед., 2011. № 1. С. 5–8.

² Патрушева Т. В. Теория и практика применения цифровой фотографии при обнаружении и исследовании папиллярных узоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005.

³ Смушкин А. Б. Комментарий к Федеральному закону от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

Во-первых, увеличение количества параметров для идентификации. Например, в тюрьмах США каждый заключенный регистрируется в системе идентификации, содержащей анкетные данные, кодированное цифровое изображение руки, сетчатки глаза и сканированный отпечаток пальцев¹.

В Российской Федерации наиболее распространенным способом идентификации является дактилоскопия. Однако в европейских странах и в США с недавнего времени стали применяться другие методы, в частности, «геометрия лица», «геометрия внешней стороны ладони», «геометрия сетчатки глаза» и некоторые другие.

В настоящее время все методы идентификации следует делить на статические и динамические. Первые отражают физиологические особенности человека (отпечатки пальцев, ДНК, радужная оболочка глаза и т. п.), вторые — поведенческие характеристики лица (голос, походка, клавиатурный почерк). Если применение первой группы методов происходит более менее активно, то в отношении второй группы существуют трудности. Именно динамические признаки представляют особый интерес сегодня, когда на каждом углу человека поджидают видекамеры и снимают каждое его движение.

Немаловажным также представляется суждение о комплексной идентификации личности — она должна осуществляться на основании всей совокупности признаков, которые отличают конкретного человека от других людей².

Во-вторых, перед тем, как расширить используемое количество параметров человека необходимо разработать методическую базу по выбору наиболее оптимальных параметров для идентификации, их систематизации, по способам идентификации, по методу отбора и фиксации признаков человека.

В-третьих, необходима унификация биометрического материала и методологии работы с ним в рамках различных правоохранительных органах. На данный момент в разных ведомствах существуют разный порядок и механизм работы с биометрическими данными.

В-четвертых, особый интерес представляет собой создание единой базы биометрических данных граждан. Однако в данный момент для этого нет ни правовой, ни материальной базы. На практике создание подобного рода базы столкнулось с проблемой вторжения в частную жизнь граждан, что недопустимо. Но нельзя отрицать тот факт, что создание такого рода массива информации о гражданах значительно

¹ Бочкарев В. В. Совершенствование использования в исправительных учреждениях инженерно-технических средств // Актуальные проблемы российского права, 2016. № 4. С. 168.

² Руководство по расследованию преступлений: учеб. пособие / А. В. Гриненко и др. Под общ. ред. А. В. Гриненко. М.: НОРМА, 2002. С. 109.

бы расширило возможности правоохранительных органов по расследованию преступлений.

В итоге, биометрия в криминалистике является эффективным средством криминалистической идентификации лиц. Последующее внедрение биометрических технологий в практическую деятельность правоохранительных органов, в частности, в сферу криминалистического учета, позволит повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений.

Список участников Международной научно-практической конференции «Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина. К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста»

1. **Абдурагимова Татьяна Иосифовна**, доцент кафедры ТКОЭИ УНК СЭ Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, к. ю. н.
2. **Абдыканова Айжан Ерлановна**, магистрант 1 курса Алматинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. М. Есбулатова.
3. **Аверьянова Татьяна Витальевна**, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, заслуженный деятель науки РФ, д. ю. н.
4. **Акопджанова Марианна Олеговна**, соискатель Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, к. ю. н.
5. **Александров Алексей Иванович**, первый заместитель председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации Федерального Собрания РФ, заслуженный юрист РФ, д. ю. н., профессор.
6. **Алехина Анастасия Евгеньевна**, студентка Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).
7. **Алимова Эльвира Абдикапбаровна**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова, магистр юриспруденции.
8. **Аминев Фарит Гизарович**, доцент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, исполнительный директор Урало-Поволжского объединения судебных экспертов (г. Уфа), член Президиума Союза «Палата судебных экспертов им. Ю. Г. Корухова (СУДЭКС)», д. ю. н.
9. **Ангелески Методия**, профессор Университета ФОН (Македония), доктор наук.
10. **Антилевская Юлия Александровна**, государственный судебный эксперт отдела исследования оружия управления дактилоскопии,

баллистики и портретной идентификации Главного управления криминалистических экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

11. **Антонов Олег Юрьевич**, декан факультета магистерской подготовки юридического института ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», д. ю. н., доцент.

12. **Арпентьева Мариям Равильевна**, профессор кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, д. психол. н., доцент.

13. **Архипова Ирина Александровна**, заместитель начальника кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, к. ю. н., доцент.

14. **Аубакирова Анна Александровна**, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова, д. ю. н., доцент.

15. **Ахрамович Ирина Петровна**, ГУ «Научно-практический центр государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

16. **Ахундов Мурад Вагиф оглы**, доктор философии по юридическим наукам.

17. **Багмет Анатолий Михайлович**, исполняющий обязанности ректора Московской академии Следственного комитета РФ, генерал-майор юстиции, к. ю. н., доцент.

18. **Баев Максим Олегович**, заведующий кафедрой криминалистики Воронежского государственного университета, д. ю. н., профессор.

19. **Балко Владимир Иванович**, преподаватель колледжа «Кайнар».

20. **Бардаченко Алексей Николаевич**, старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, к. ю. н.

21. **Бастрыкин Александр Иванович**, председатель Следственного комитета РФ, заслуженный юрист РФ, д. ю. н., профессор, генерал юстиции РФ.

22. **Баянов Александр Иванович**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, к. ю. н.

23. **Бекишев Асхат Кенжебекович**, докторант Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова.

24. **Белкин Анатолий Рафаилович**, и. о. заведующего кафедрой «Уголовно-правовое обеспечение национальной безопасности» Московского Технологического университета, д. ю. н., канд. физ-мат. наук, профессор.

25. **Беляев Михаил Вячеславович**, старший преподаватель Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, к. ю. н.

26. **Белякова Инна Михайловна**, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, к. ю. н.

27. **Берегова Александра Леонидовна**, студентка Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

28. **Бертовский Лев Владимирович**, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, д. ю. н.

29. **Бессонов Алексей Александрович**, первый заместитель руководителя Следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Калмыкия, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Астраханского филиала ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», к. ю. н.

30. **Блажеев Виктор Владимирович**, ректор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, профессор.

31. **Бобовкин Михаил Викторович**, профессор кафедры исследования документов Московского университета МВД России, д. ю. н.

32. **Бодров Николай Филиппович**, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н.

33. **Бозров Владимир Маирович**, заведующий кафедрой судебной деятельности Уральского государственного юридического университета, д. ю. н., профессор.

34. **Бок Алексей Алексеевич**, старший научный сотрудник отдела по исследованию стратегических проблем управления научно-исследовательского центра.

35. **Бондаренко Роза Ватановна**, доцент кафедры исследования документов Московского университета МВД России, к. ю. н.

36. **Бондаренко Татьяна Алексеевна**, судебный эксперт-психолог АНО Консультационный центр «Поверенный», канд. психол. наук, доцент.

37. **Бордюгов Леонид Григорьевич**, профессор кафедры криминалистики Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия», к. ю. н.

38. **Борисова Валерия Николаевна**, студентка Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина.

39. **Боровских Роман Николаевич**, доцент кафедры уголовного права Новосибирского юридического института (филиала) Национального исследовательского Томского государственного университета, к. ю. н.

40. **Бочарова Ольга Станиславовна**, доцент кафедры правовых дисциплин РГСУ, Минский филиал, ведущий специалист-эксперт ООО «Регула», к. ю. н.

41. **Будевич Владислав Александрович**, ГУ «Научно-практический центр государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

42. **Булгакова Елена Валерьевна**, доцент кафедры правовой информатики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, к. ю. н.

43. **Бурносова Юлия Львовна**, помощник судьи Смоленского областного суда.

44. **Бучко Анастасия Витальевна**, студентка Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина.

45. **Быков Виктор Михайлович**, профессор кафедры уголовного права Тамбовского государственного технического университета, д. ю. н.

46. **Бычков Василий Васильевич**, проректор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции, к. ю. н., доцент.

47. **Валов Сергей Владимирович**, начальник кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, к. ю. н., доцент.

48. **Васильева Мария Александровна**, старший научный сотрудник отдела по исследованию стратегических проблем управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, к. ю. н.

49. **Вашко Адриан**, преподаватель кафедры криминальной полиции Академии полицейского корпуса в Братиславе (Словакия), факультет права Паневропейской высшей школы в Братиславе, JUDr.

50. **Вехов Виталий Борисович**, профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), заслуженный деятель науки и образования РАЕ, д. ю. н.

51. **Виницкий Лев Витальевич**, профессор кафедры Смоленского государственного университета, д. ю. н.

52. **Владимиров Владимир Юрьевич**, главный научный сотрудник научно-организационного отдела ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, д. ю. н.

53. **Волеводз Александр Григорьевич**, и. о. заведующего кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО, д. ю. н.

54. **Волчецкая Татьяна Станиславовна**, заведующая кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского

федерального университета им. И. Канта, заслуженный работник высшей школы РФ, д. ю. н., профессор.

55. **Волинский Александр Фомич**, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, д. ю. н.

56. **Воронков Илья Михайлович**, старший научный сотрудник Федерального государственного автономного научного учреждения «Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти» (ФГАНУ ЦИТиС), приглашенный преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), преподаватель Московского физико-технического института (государственный университет) (МФТИ (ГУ)).

57. **Гаврилин Юрий Викторович**, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии Управления МВД России, д. ю. н., доцент.

58. **Гаврилов Борис Яковлевич**, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии Управления МВД России, д. ю. н.

59. **Гаврилов Евгений Александрович**, адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД РФ.

60. **Газизов Вячеслав Абдуллович**, доцент кафедры экспертно-криминалистической деятельности Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя.

61. **Галяшина Елена Игоревна**, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз, профессор кафедры судебных экспертиз Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н., д-р филол. наук.

62. **Гармаев Юрий Петрович**, профессор кафедры криминалистики Кубанского государственного аграрного университета, д. ю. н.

63. **Гебгардт Анастасия Анатольевна**, магистрант 2 курса Байкальского государственного университета.

64. **Голикова Виктория Владимировна**, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н.

65. **Головин Александр Юрьевич**, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области, профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета, д. ю. н.

66. **Головина Елена Витальевна**, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета.

67. **Горбулинская Ирина Николаевна**, доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертной деятельности Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, к. ю. н.

68. **Горский Максим Вадимович**, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета, к. ю. н.

69. **Гребенкин Петр Иванович**, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Пятигорского филиала Северо-Кавказского федерального университета, к. ю. н., доцент.

70. **Грибунов Олег Павлович**, начальник кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, д. ю. н., доцент.

71. **Грибунов Сергей Павлович**, адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России.

72. **Григоревич Василий Леонидович**, доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, к. ю. н.

73. **Григорьев Виктор Николаевич**, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, профессор кафедры ВИПК МВД России, д. ю. н.

74. **Гусельникова Ольга Владимировна**, магистрант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

75. **Давыдов Владимир Олегович**, Тульский государственный университет, Институт права и управления, доцент кафедры «Правосудие и правоохранительная деятельность», к. ю. н.

76. **Деменчук Алексей Владимирович**, Федеральное государственное автономное научное учреждение «Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти» (ФГАНУ ЦИТиС), инженер-проектировщик.

77. **Демин Константин Евгеньевич**, доцент кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, к. ю. н.

78. **Донцова Юлия Анатольевна**, ЭКЦ МВД России, старший научный сотрудник отдела научных исследований по криминалистическим видам экспертиз управления научных исследований.

79. **Дробинин Дмитрий Владимирович**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАОУВО «Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева», к. ю. н.

80. **Дульская Елизавета Геннадьевна**, специалист экспертного центра АНО «СОДЭКС МГЮА им. О. Е. Кутафина», аспирант Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

81. **Дульцев Михаил Викторович**, ведущий научный сотрудник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности научно-исследовательского центра, к. ю. н.

82. **Дьяконова Оксана Геннадьевна**, доцент кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности Тульского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, к. ю. н.

83. **Евсюков Павел Владимирович**, студент Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

84. **Елисеева Мария Геннадьевна**, студентка Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

85. **Ермошкин Дмитрий Александрович**, слушатель Института судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, младший лейтенант полиции.

86. **Ерофеев Андрей Владимирович**, специалист по анализу информации, магистр права.

87. **Ефименко Александр Владимирович**, начальник кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, к. ю. н.

88. **Ефремова Елена Александровна**, доцент кафедры управления органами расследования преступлений Академии Управления МВД РФ, к. ю. н.

89. **Жбанков Виктор Андреевич**, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии, заслуженный юрист России, д. ю. н.

90. **Жижина Марина Владимировна**, доцент кафедры криминалистики Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н.

91. **Жукова Оксана Викторовна**, Федеральный судья Истринского городского суда Московской области.

92. **Журавлева Оксана Сергеевна**, старший преподаватель кафедры криминалистики и уголовного процесса ГОУ ВО МО «ГСГУ».

93. **Заблоцкая Ольга Алексеевна**, магистрант ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».

94. **Завьялова Дарья Владимировна**, аспирант кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

95. **Зайцев Роман Викторович**, заведующий кафедрой судебных экспертиз ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», к. ю. н.

96. **Зиебоева Мавзунахон Нарзуллохоновна**, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики юридического факультета Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики.

97. **Зильмухамедова Анара Нагашибаевна**, студентка Уральского института управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ.

98. **Зинин Александр Михайлович**, профессор кафедры судебных экспертиз Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, д. ю. н.

99. **Зинкевич Евгений Иванович**, доцент кафедры ОРД Алматинской академии МВД РК им. М. Есбулатова, к. ю. н.

100. **Зыков Вячеслав Валерьевич**, доцент кафедры судебных экспертиз ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», канд. мед. наук.

101. **Иванов Вячеслав Васильевич**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева», к. ю. н. 102. **Иванова Елена Вячеславовна**, заведующая кафедрой криминалистики и уголовного процесса ГОУ ВО МО «ГСГУ», д. ю. н., доцент.

103. **Ивашкова Анна Владимировна**, старший научный сотрудник отдела научных исследований по криминалистическим видам экспертиз управления научных исследований ЭКЦ МВД России.

104. **Игошин Виктор Викторович**, доцент ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», прокурор отдела по надзору за исполнением законов в сфере экономики прокуратуры Удмуртской Республики, к. ю. н.

105. **Ильин Николай Николаевич**, доцент кафедры криминалистики ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», к. ю. н.

106. **Ильяш Алексей Владимирович**, старший преподаватель кафедры управления органами расследования преступлений Академии Управления МВД РФ, к. ю. н.

107. **Исаев Александр Владимирович**, генеральный директор ООО «Регион Транспорт Групп», член НП «Палата судебных экспертов им. Ю. Г. Корухова», канд. техн. наук.

108. **Исаенко Вячеслав Николаевич**, профессор Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н., доцент.

109. **Исютин-Федотков Дмитрий Владимирович**, начальник юридического отдела ООО «ЛигаХолдинг», к. ю. н. (PhD), доцент.

110. **Ишигеев Владимир Степанович**, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, д. ю. н.

111. **Кабирзода Гавхарой Касими**, ассистент Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики Республики Таджикистан.

112. **Каминский Александр Маратович**, заведующий кафедрой криминалистики и судебных экспертиз Удмуртского государственного университета, д. ю. н., профессор.

113. **Каминский Марат Константинович**, профессор кафедры криминалистики и судебных экспертиз Удмуртского государственного университета, д. ю. н.

114. **Капоченя Виктория Владимировна**, студентка Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина.

115. **Карепанов Николай Васильевич**, доцент Уральского государственного юридического университета, к. ю. н.

116. **Катагощина Ульяна Владиславовна**, студентка Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина.

117. **Ким Дмитрий Владимирович**, заместитель начальника института по учебной работе Барнаульского юридического института МВД России, д. ю. н., профессор.

118. **Кирвель Виталий Казимирович**, доцент кафедры конституционного и административного права факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, к. ю. н.

119. **Кирков Александр**, руководитель научно-исследовательской лаборатории кибербезопасности Государственного университета библиотечных наук и информационных технологий (Болгария), доктор.

120. **Киселев Сергей Евгеньевич**, генеральный директор Палаты судебных экспертов им. Ю. Г. Корухова, канд. техн. наук.

121. **Клименко Нина Ивановна**, профессор Европейского университета, г. Киев (Украина), д. ю. н.

122. **Ключников Валерий Юрьевич**, заместитель начальника отдела взрыво- и пожарно-технических экспертиз управления инженерно-технических экспертиз ФГКУ «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации».

123. **Ковалев Андрей Валентинович**, директор ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России, главный внештатный специалист по судебно-медицинской экспертизе Минздрава России, д-р мед. наук.

124. **Ковалева Анастасия Валерьевна**, ассистент кафедры «Уголовное право и криминалистика» ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет».

125. **Кожанова Бану Каримбердиевна**, главный эксперт Института судебной экспертизы по Павлодарской области.

126. **Козырева Ирина Евгеньевна**, доцент кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», к. ю. н.

127. **Колесникова Наталья Сергеевна**, аспирант кафедры судебных экспертиз Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

128. **Колотов Сергей Михайлович**, генеральный директор ООО «Аудиторская компания «Град».

129. **Колотушкин Сергей Михайлович**, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, д. ю. н.

130. **Комаров Игорь Михайлович**, профессор кафедры криминалистики МГУ им. М. В. Ломоносова, д. ю. н.

131. **Комиссаров Владимир Иванович**, ведущий научный сотрудник НИРИО в/ч 2462 (г. Москва), заслуженный юрист Российской Федерации, д. ю. н., профессор.

132. **Комиссарова Ярослава Владимировна**, доцент кафедры криминалистики Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н.

133. **Конев Андрей Николаевич**, начальник Академии управления МВД России, генерал-лейтенант полиции, д-р техн. наук, к. ю. н., доцент.

134. **Конин Владимир Владимирович**, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), к. ю. н.

135. **Коновалова Зинаида Алексеевна**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Коми республиканской академии государственной службы и управления.

136. **Корж Валентина Павловна**, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел, д. ю. н.

137. **Коробов Денис Игоревич**, студент Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

138. **Коровкин Дмитрий Сергеевич**, начальник кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России, к. ю. н., доцент.

139. **Коршунов Алексей Валерьевич**, офицер группы 6 научного отдела Научного центра стратегических исследований Росгвардии.

140. **Корякова Виктория Владимировна**, студентка Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

141. **Котязов Андрей Валерьевич**, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления Академии Управления МВД России.

142. **Красильников Алексей Владимирович**, заместитель начальника кафедры управления органами расследования преступлений Академии Управления МВД России, к. ю. н.

143. **Крестовников Олег Анатольевич**, заведующий отделом организационно-правового и информационного обеспечения производства экспертиз РФЦСЭ при Минюсте России, к. ю. н.

144. **Крюкова Евгения Сергеевна**, ассистент кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

145. **Крюченко Максим Сергеевич**, адъюнкт Академии Управления МВД России.

146. **Кубитович Сергей Николаевич**, преподаватель кафедры оружейведения и трасологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя.

147. **Кудряшов Дмитрий Александрович**, адъюнкт ФПНП и НК по кафедре оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя.

148. **Кузменков Дмитрий Евгеньевич**, заведующий лабораторией исследования материалов, веществ и изделий научного отдела технических и специальных исследований Государственного учреждения «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

149. **Кузьмин Сергей Анатольевич**, ведущий научный сотрудник отдела научно-методического производства экспертиз РФЦСЭ при Минюсте России, к. ю. н.

150. **Курьянова Ирина Владимировна**, заместитель начальника отдела лингвистических исследований ГБУ г. Москвы «МИЦ».

151. **Кустов Анатолий Михайлович**, главный научный сотрудник отдела по исследованию стратегических проблем управления Научно-исследовательского Центра Академии Управления МВД, заведующий кафедрой криминалистики и уголовного права Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева, заслуженный юрист РФ, д. ю. н., профессор.

152. **Кучерков Иван Александрович**, старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», к. ю. н., доцент.

153. **Лавров Владимир Петрович**, главный научный сотрудник Научно-исследовательского Центра Академии Управления МВД, заслуженный деятель науки РФ, д. ю. н., профессор.

154. **Лазарева Лариса Владимировна**, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Владимирского юридического института ФСИН России, д. ю. н.

155. **Лантух Эдуард Владимирович**, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, к. ю. н.

156. **Лапин Вячеслав Олегович**, начальник отдела по исследованию стратегических проблем управления научно-исследовательского центра, к. ю. н.

157. **Лапина Ирена Александровна**, ректор ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», к. ю. н., доцент.

158. **Лебедева Антонина Константиновна**, преподаватель кафедры судебных экспертиз Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

159. **Левченко Софья Геннадьевна**, магистрант Южного Федерального Университета.

160. **Лисовецкий Александр Леонидович**, аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

161. **Лисонь Мирослав**, заведующий кафедрой криминальной полиции Академии полицейского корпуса в Братиславе (Словакия), профессор, Ing., PhD.

162. **Лобушев Дмитрий Владимирович**, председатель Совета ветеранов ЭКЦ МВД России.
163. **Ложкова Ирина Андреевна**, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
164. **Лозовский Денис Николаевич**, профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, д. ю. н.
165. **Лужинская Елена Леонидовна**, старший эксперт отдела дактилоскопических и портретных экспертиз управления дактилоскопии, баллистики и портретной идентификации главного управления криминалистических экспертиз Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, магистр права.
166. **Лукомская Анастасия Сергеевна**, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ ФГБОУ «Удмуртский государственный университет», к. ю. н.
167. **Лысов Николай Николаевич**, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пятигорского филиала Северо-Кавказского федерального университета, д. ю. н.
168. **Львов Сергей Артурович**, дознаватель ГД по МВД России в аэропорту Ростов-на-Дону, аспирант.
169. **Лютков Владимир Павлович**, главный эксперт Центра консалтинга и сертификации, старший научный сотрудник, канд. техн. наук.
170. **Лютынский Антон Мечиславович**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н.
171. **Майлис Надежда Павловна**, профессор кафедры оружейведения и трасологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор Университета правоохранительных органов Монголии, д. ю. н.
172. **Майорова Елена Ивановна**, заведующая секцией кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы МФ МВТУ им. Н. Э. Баумана, д. ю. н., профессор.
173. **Макаренко Илона Анатольевна**, директор Института права Башкирского государственного университета, д. ю. н., профессор.
174. **Макаренко Ирина Александровна**, директор, эксперт «Экспертного бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа» г. Калуги, руководитель департамента судебных экспертиз Академии детекции лжи, канд. психол. наук.
175. **Макарова Анна Владимировна**, студентка Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина.
176. **Максимович Анна Борисовна**, соискатель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГФОРУ ВО «Российский университет дружбы народов».

177. **Малинникова Алла Захарьевна**, ГУ «Научно-практический центр государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», канд. хим. наук.

178. **Мальхина Екатерина Анатольевна**, адъюнкт ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

179. **Мамедов Бахтияр Гамзали-оглы**, докторант Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова, м. ю. н.

180. **Марко М.**, старший преподаватель кафедры криминальной полиции Академии полицейского корпуса в Братиславе, JUDr., PhD.

181. **Мартынович Мария Сергеевна**, студентка Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

182. **Марьина Евгения Владимировна**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева», к. ю. н.

183. **Масько Игорь Игоревич**, инженер-проектировщик Федерального государственного автономного научного учреждения «Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти» (ФГАНУ ЦИТиС).

184. **Меланич Елена Валентиновна**, президент ООО «СИЛТЭК», к. ю. н.

185. **Меньшиков Павел Валентинович**, генеральный директор ООО «Экспертное агентство «ВИТТА».

186. **Меретуков Гайса Мосович**, заведующий кафедрой криминалистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет им. И. Т. Трубилина», д. ю. н., профессор.

187. **Мешков Владимир Михайлович**, профессор кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, заслуженный юрист РФ, д. ю. н.

188. **Мещеряков Владимир Алексеевич**, профессор кафедры криминалистики Воронежского государственного университета, д. ю. н.

189. **Микляева Ольга Васильевна**, ученый секретарь РФЦСЭ при Минюсте России, к. ю. н.

190. **Милованова Марина Михайловна**, доцент Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н.

191. **Мишин Андрей Викторович**, доцент Казанского Федерального Университета, к. ю. н.

192. **Можаева Ирина Павловна**, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, полковник полиции, д. ю. н.

193. **Моисеев Артем Валерьевич**, преподаватель кафедры общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского.

194. **Моисеева Ирина Геннадьевна**, старший преподаватель кафедры общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского.

195. **Моисеева Татьяна Федоровна**, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, д. ю. н., канд. биол. наук, профессор.

196. **Молодых Максим Евгеньевич**, ЭКЦ МВД России, старший научный сотрудник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистическому обеспечению противодействия наркопреступности управления научных исследований, к. ю. н.

197. **Мошкунова Оксана Юрьевна**, специалист ЦСН ИТ МВД России.

198. **Муратов Константин Дмитриевич**, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, к. ю. н.

199. **Муратова Надежда Георгиевна**, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань), заслуженный юрист Республики Татарстан, д. ю. н.

200. **Мухитдинов Алишер Абдувахидович**, доцент кафедры судебного права и прокурорского надзора Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики (Таджикистан, г. Худжанд), к. ю. н.

201. **Мыскина Ксения Михайловна**, студентка Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

202. **Надбитова Ангелина Сергеевна**, студентка Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

203. **Надеина Татьяна Михайловна**, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д-р филол. наук.

204. **Неретина Надежда Сергеевна**, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н.

205. **Нестеров Анатолий Васильевич**, профессор РУДН, д. ю. н.

206. **Нечаев Александр Анатольевич**, доцент кафедры управления органами расследования преступлений Академии Управления МВД РФ, к. ю. н.

207. **Низамов Вячеслав Юрьевич**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, к. ю. н.

208. **Никитина Ирина Эдуардовна**, заведующий отделом научно-методического производства экспертиз РФЦСЭ при Минюсте России, к. ю. н.

209. **Никишин Владимир Дмитриевич**, заместитель председателя ООД «Всероссийский межнациональный союз молодежи».

210. **Образцов Александр Викторович**, доцент кафедры управления органами расследования преступлений Академии Управления МВД РФ, к. ю. н.

211. **Огорелков Игорь Витальевич**, начальник отдела лингвистических исследований ГБУ г. Москвы «МИЦ».

212. **Озерова Наталья Дмитриевна**, студентка Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

213. **Олиндер Нина Владимировна**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, заведующая лабораторией криминалистики и судебных экспертиз, к. ю. н.

214. **Омельянок Георгий Георгиевич**, заместитель директора РФЦСЭ при Минюсте России, д. ю. н., доцент.

215. **Орлова Валерия Федоровна**, д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный юрист РФ.

216. **Павличенко Николай Владимирович**, заместитель начальника Академии управления МВД России, полковник полиции, д. ю. н., профессор.

217. **Панина Наталия Алексеевна**, аспирант кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

218. **Панкратова Наталья Александровна**, ведущий эксперт отдела лингвистических исследований ГБУ г. Москвы «МИЦ».

219. **Панфилова Зинаида Юрьевна**, старший научный сотрудник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований ЭКЦ МВД России, канд. биол. наук.

220. **Парамонова Лада Федоровна**, главный эксперт Института судебных экспертиз по Павлодарской области ЦСЭ МЮ Республики Казахстан, к. ю. н.

221. **Передерий Виктор Анатольевич**, ведущий научный сотрудник НИИ криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

222. **Погосян Кристина Григорьевна**, студентка Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

223. **Погребной Алексей Анатольевич**, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела судебных экспертиз Научно-исследовательского института криминалистики Московской академии Следственного комитета РФ, полковник юстиции, к. ю. н.

224. **Подволоцкий Игорь Николаевич**, доцент кафедры судебных экспертиз Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н.

225. **Полосина Анастасия Михайловна**, главный эксперт отдела лингвистических исследований ГБУ г. Москвы «МИЦ».

226. **Полянова Жанна Анатольевна**, начальник управления научных исследований ЭКЦ МВД России, к. ю. н.

227. **Попова Елизавета Владимировна**, студентка Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

228. **Порада Виктор**, профессор Университета финансов и администрации (Прага, Чешская Республика), prof. JUDr. Ing., DrSc., dr. h. c. mult.

229. **Посельская Людмила Николаевна**, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, к. ю. н., доцент.

230. **Прищемихин Олег Игоревич**, аспирант НОУ ВО «Московская академия экономики и права».

231. **Проскурина Татьяна Юрьевна**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева», к. ю. н.

232. **Прудникова Антонина Юрьевна**, начальник отдела ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области, подполковник полиции, канд. биол. наук.

233. **Пушкарев Виктор Викторович**, Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, к. ю. н.

234. **Рахматуллин Рамиль Рашитович**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань), к. ю. н.

235. **Романенко Гульнара Хамидуллаевна**, заведующая учебной частью отдела последипломного образования ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России, канд. мед. наук, доцент.

236. **Романенко Наталья Валерьевна**, доцент кафедры судебной деятельности ФГБОУ ВО «УрГЮУ», к. ю. н.

237. **Ропот Руслан Михайлович**, старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к. ю. н.

238. **Россинская Елена Рафаиловна**, директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина

(МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, президент ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», д. ю. н., профессор.

239. **Росинский Сергей Борисович**, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н., доцент.

240. **Рубис Александр Сергеевич**, профессор кафедры уголовного процесса учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», д. ю. н., доцент.

241. **Ручкин Виталий Анатольевич**, заведующий кафедрой судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, д. ю. н., профессор.

242. **Рыжак Юлия Феодосьевна**, главный эксперт Института судебной экспертизы по Павлодарской области.

243. **Сааков Тигран Артемович**, заведующий экспертно-учебной лабораторией, аспирант кафедры судебных экспертиз Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

244. **Савельев Константин Анатольевич**, и. о. заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева», к. ю. н., доцент.

245. **Савинов Владимир Сергеевич**, директор (руководитель) АНО «Бюро научных экспертиз».

246. **Савицкий Алексей Анатольевич**, доцент кафедры судебных экспертиз Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), канд. экон. наук.

247. **Савченко Оксана Александровна**, аспирант кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции.

248. **Савчук Сергей Александрович**, главный научный сотрудник отдела специальных лабораторных исследований ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России, д-р хим. наук.

249. **Самищенко Алексей Сергеевич**, программист Mail.Ru Group, к. ю. н.

250. **Самищенко Сергей Степанович**, главный научный сотрудник РФЦСЭ при Минюсте России, профессор кафедры судебных экспертиз Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н., канд. мед. наук.

251. **Саньков Валерий Иванович**, заместитель директора НИИ криминалистики ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», к. ю. н.

252. **Саркисян Анна Ашотовна**, студентка Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

253. **Сейтенов Калиолла Кабаевич**, руководитель научно-исследовательских проектов и повышения квалификации по вопросам судебной экспертизы Университета КАЗГПОУ, координатор компонента «В» проекта Всемирного Банка «Усиление судебной экспертизы в Республике Казахстан», д. ю. н., профессор.

254. **Семикаленова Анастасия Игоревна**, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, к. ю. н.

255. **Сиделев Виктор Владимирович**, доцент криминалистической лаборатории ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации».

256. **Сизов Александр Александрович**, ФГБОУ ВО «РГСУ», к. ю. н., доцент.

257. **Синюк Вадим Дмитриевич**, эксперт отдела взрыво- и пожарнотехнических экспертиз управления инженерно-технических экспертиз ФГКУ «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации».

258. **Скобелин Сергей Юрьевич**, заведующий криминалистической лабораторией ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», к. ю. н., доцент.

259. **Слепнева Лилия Имамахметовна**, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н.

260. **Смирнова Светлана Аркадьевна**, директор Российского федерального центра судебных экспертиз при Минюсте России, заслуженный юрист РФ, д. ю. н., профессор.

261. **Смоляков Петр Павлович**, заведующий кафедрой «Философия, политология и право» ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ, к. ю. н., доцент.

262. **Соколова Татьяна Петровна**, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), канд. филол. наук.

263. **Сорокотягин Игорь Николаевич**, заведующий кафедрой, преподаватель кафедры правовой психологии и судебных экспертиз Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ), д. ю. н., профессор.

264. **Сорокотягина Джуалета Александровна**, преподаватель кафедры правовой психологии и судебных экспертиз Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ), к. ю. н., доцент.

265. **Стариков Евгений Васильевич**, эксперт Министерства по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации.

266. **Старовойтов Василий Иванович**, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н.

267. **Степаненко Диана Аркадьевна**, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», д. ю. н.

268. **Стиеранка Й.**, профессор кафедры криминальной полиции Академии полицейского корпуса в Братиславе (Словацкая Республика), профессор, Ing., PhD.

269. **Сугуров Алексей Юрьевич**, директор ООО «Экспертное агентство «Витта»».

270. **Суденко Владимир Егорович**, доцент Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), к. ю. н.

271. **Суханкина Людмила Ивановна**, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), заслуженный юрист РФ.

272. **Сухов Илья Валерьевич**, инженер-проектировщик Федерального государственного автономного научного учреждения «Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти» (ФГАНУ ЦИТиС).

273. **Тараскаева Анира Олеговна**, студентка Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина.

274. **Татьянина Лариса Геннадьевна**, профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», д. ю. н.

275. **Тишутина Инна Валериевна**, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, полковник полиции, д. ю. н.

276. **Толстухина Татьяна Викторовна**, зав. кафедрой судебной экспертизы и таможенного дела Тульского государственного университета, д. ю. н., профессор.

277. **Томилин Дмитрий Олегович**, студент Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

278. **Тончева Росица**, судья при Апелляционном суде г. Варны (Болгария), доктор.

279. **Торопова Марина Владимировна**, заведующая учебно-методическим отделом РФЦСЭ при Минюсте России, к. ю. н.

280. **Трикоз Елена Николаевна**, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО (У) МИД России, к. ю. н.

281. **Труш Дария Евгеньевна**, студентка Юридического института РУДН.

282. **Тюткало Владимир Борисович**, заместитель председателя Совета ветеранов ЭКЦ МВД России.

283. **Ульянова Мирослава Андреевна**, студентка МГТУ им. Н. Э. Баумана.
284. **Усков Игорь Николаевич**, доцент кафедры исследования документов Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, к. ю. н.
285. **Усов Александр Иванович**, заместитель директора РФЦСЭ при Минюсте России, д. ю. н., профессор.
286. **Фадеев Виктор Александрович**, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина.
287. **Федоров Александр Вячеславович**, заместитель председателя Следственного комитета РФ, заслуженный юрист России, к. ю. н., генерал-полковник юстиции.
288. **Фролова Елена Юрьевна**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Южного федерального университета, к. ю. н.
289. **Халиков Аслям Наилевич**, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, д. ю. н.
290. **Харламова Ольга Александровна**, начальник кафедры Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, к. ю. н., доцент.
291. **Хатунцев Николай Александрович**, заместитель директора РФЦСЭ при Минюсте России.
292. **Хейфец Леонид Самуилович**, адвокат, председатель президиума коллегии адвокатов г. Москвы «Чаадаев, Хейфец и партнеры».
293. **Химичева Ольга Викторовна**, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, почетный сотрудник МВД России, полковник полиции.
294. **Хитрова Ольга Викторовна**, доцент кафедры управления органами расследования преступлений Академии Управления МВД РФ, к. ю. н.
295. **Хлус Александр Михайлович**, докторант, доцент Белорусского государственного университета (г. Минск), к. ю. н.
296. **Хмелева Алла Владимировна**, директор НИИ криминалистики ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», к. ю. н.
297. **Хмыз Алексей Иванович**, старший преподаватель Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, к. ю. н.
298. **Холопов Алексей Васильевич**, заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, к. ю. н., доцент.
299. **Хорошева Анна Евгеньевна**, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», к. ю. н.

300. **Хох Анна Николаевна**, научный сотрудник лаборатории исследования материалов, веществ и изделий научного отдела технических и специальных исследований ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

301. **Хрусталеv Виталий Николаевич**, профессор кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), д. ю. н.

302. **Цаплин Алексей Сергеевич**, адвокат Адвокатской конторы «Аснис и партнеры», к. ю. н.

303. **Цурбанов Сергей Александрович**, прокурор Тепло-Огаревского района Тульской области, аспирант Тульского государственного университета.

304. **Цурлуй Олеся Юрьевна**, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики ЦФ РГУП г. Воронежа, к. ю. н.

305. **Чепрасов Михаил Геннадьевич**, доцент ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», к. ю. н.

306. **Черепенько Георгий Васильевич**, аспирант кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

307. **Чернова Диана Владимировна**, студентка Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

308. **Чернова Кристина Владимировна**, студентка Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

309. **Чернышова Анастасия Сергеевна**, студентка Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

310. **Чернявская Мария Станиславовна**, студентка Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

311. **Чеснокова Елена Владимировна**, заместитель заведующего отделом научно-методического производства экспертиз РФЦСЭ при Минюсте России, к. ю. н.

312. **Четвергов Михаил Александрович**, преподаватель Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя.

313. **Четверкин Павел Алексеевич**, заместитель начальника отдела почерковедческих экспертиз и технико-криминалистического исследования документов Экспертно-криминалистического центра МВД России, к. ю. н.

314. **Чубина Елена Александровна**, заместитель директора Института судебных экспертиз, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), канд. пед. наук, магистр юриспруденции.

315. **Чулахов Владислав Николаевич**, начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, д. ю. н., доцент.

316. **Шаймарданов Тимур Ринатович**, магистрант 2 курса Волгоградского государственного университета.

317. **Шалкарова Ирина Александровна**, начальник Учебно-методического центра Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова, к. ю. н.

318. **Шахбазов Рамиз Физулиевич**, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».

319. **Швед Андрей Иванович**, председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, к. ю. н., доцент.

320. **Шведова Наталья Николаевна**, доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России», к. ю. н.

321. **Шелегов Юрий Владимирович**, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России», к. ю. н.

322. **Шестак Виктор Анатольевич**, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО (У) МИД России, д. ю. н., доцент.

323. **Шикакова Айару Михайловна**, студентка Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

324. **Шишкина Елена Викторовна**, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, почетный работник высшего профессионального образования РФ, к. ю. н.

325. **Шмонин Андрей Владимирович**, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии Управления МВД РФ, д. ю. н.

326. **Шруб Максим Павлович**, начальник кафедры криминалистики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к. ю. н., доцент.

327. **Шувалова Екатерина Владимировна**, студентка МГТУ им. Баумана

328. **Щербаковский Михаил Григорьевич**, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел, д. ю. н., доцент.

329. **Яблоков Николай Павлович**, профессор кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ, д. ю. н.

330. **Яготинцева Татьяна Юрьевна**, магистрант 2 курса Института права Волгоградского государственного университета.

331. **Яковлева Анастасия Викторовна**, студентка Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

332. **Яльшев Станислав Алимович**, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), д. ю. н., профессор.

333. **Ян Елена Игоревна**, доцент кафедры криминалистики МГУ им. М. В. Ломоносова, к. ю. н.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдурагимова Т. И.</i> Некоторые проблемные вопросы системы следственных действий в УПК РФ и их решение как реализация идей Р. С. Белкина	3
<i>Акопджанова М. О.</i> Значение судебно-экологической экспертизы для защиты биосферы и научное наследие профессора Р. С. Белкина	6
<i>Алимова Э. А.</i> Правовой статус специалиста-криминалиста по уголовно- процессуальному законодательству Республики Казахстан	11
<i>Аминев Ф. Г.</i> Рафаил Самуилович Белкин и современный понятийный аппарат судебно-экспертной деятельности	15
<i>Ангелески Методия</i> Криминалистические лаборатории (краткое историческое развитие)	20
<i>Антилевская Ю. А.</i> О некоторых вопросах создания и деятельности технических комитетов по стандартизации в сфере судебно-экспертной деятельности. . .	27
<i>Антонов О. Ю.</i> Современное развитие категорий «криминалистическая характеристика преступлений» и «механизм преступления» как реализация идей Р. С. Белкина	33
<i>Архипова И. А.</i> Р. С. Белкин: О предмете криминалистики.	38
<i>Аубакирова А. А.</i> Применение фотографирования и видеозаписи в досудебном производстве	41
<i>Ахундов Мурад Вагиф оглы</i> Криминалистическая характеристика должностных преступлений в таможенных органах	44

<i>Багмет А. М.</i> Труды Белкина Рафаила Самуиловича как основной источник знаний в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.	51
<i>Баев М. О.</i> Отдельные проблемы участия адвоката-защитника в производстве следственных действий.	54
<i>Балко В. И.</i> Система направлений дактилоскопической «технологической цепочки» криминалистического аспекта процесса доказывания	60
<i>Бардаченко А. Н., Смольяков П. П.</i> Актуальные вопросы теории криминалистической идентификации и криминалистической диагностики	65
<i>Баянов А. И.</i> Интегративный подход при определении степени риска при принятии решений, направленных на выбор криминалистических средств допроса	67
<i>Бекишев А. К.</i> Криминалистическая характеристика укрытия уголовных правонарушений	73
<i>Белкин А. Р.</i> Процессуальные и криминалистические проблемы использования доказательств	78
<i>Беляев М. В., Четвергов М. А.</i> Электронный блок управления транспортного средства как источник криминалистически значимой информации.	84
<i>Белякова И. М., Ложкова И. А.</i> Использование специальных знаний при расследовании правонарушений как реализация идей профессора Р. С. Белкина.	88
<i>Бертовский Л. В., Кучерков И. А., Лисовецкий А. Л.</i> Криминалистический рендеринг как технология виртуальной визуализации материальной обстановки	93
<i>Бессонов А. А.</i> Криминалистическая характеристика преступлений в трудах Рафаила Самуиловича Белкина.	96
<i>Бобовкин М. В., Ручкин В. А.</i> К вопросу о «несостоятельности» криминалистической характеристики преступлений.	100
<i>Бондаренко Р. В.</i> История возникновения и развития арабской письменности	105
<i>Бондаренко Т. А.</i> Жертва своей неосведомленности в сделке с пороком воли (о возможностях судебно-психологической экспертизы)	110

<i>Бордюгов Л. Г.</i> Концепция развития правового института судебной экспертизы в Донецкой Народной Республике	113
<i>Боровских Р. Н.</i> Концепция базовых криминалистических методик как методологическая основа формирования методики расследования преступлений в сфере страхования	117
<i>Бочарова О. С.</i> Идентификация и приборный контроль подлинности документов со специальной защитой от подделки в Республике Беларусь	124
<i>Малинникова А. З., Ахрамович И. П., Будевич В. А., Кузменков Д. Е.</i> Криминалистическое исследование новых образцов естественно окрашенных хлопковых волокон	128
<i>Быков В. М.</i> О связях криминалистики с уголовным процессом	129
<i>Бычков В. В.</i> Тактика допроса при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности.	133
<i>Валов С. В.</i> Организация расследования преступлений: отражение в криминалистике и теории управления органами предварительного следствия	138
<i>Васильева М. А.</i> О природе криминалистики и криминалистика о природе	143
<i>Вехов В. Б.</i> Становление криминалистического исследования компьютерной информации и средств ее обработки на основе научных воззрений Р. С. Белкина	147
<i>Виницкий Л. В., Бурносова Ю. Л.</i> Научное наследие профессора Р. С. Белкина и современные проблемы доказывания	152
<i>Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н., Коршунов А. В.</i> О необходимости теоретического переосмысления предмета научного познания в криминалистической одорологии	160
<i>Волчецкая Т. С.</i> Роль идей профессора Р. С. Белкина в развитии научной школы криминалистической ситуалогии	166
<i>Волынский А. Ф.</i> Дифференциация криминалистических знаний и современные проблемы криминалистики	171

<i>Воронков И. М., Деменчук А. В., Масько И. И., Сухов И. В.</i> Модульная платформа для автоматизации лингвистических, психолого-лингвистических и автороведческих исследований и экспертиз	177
<i>Гаврилов Б. Я.</i> О вкладе профессора Р. С. Белкина в формирование в российском уголовно-процессуальном законодательстве следственных действий.	180
<i>Газизов В. А., Подволоцкий И. Н.</i> Современные подходы к описанию внешности человека.	185
<i>Галяшина Е. И.</i> Речевые следы как объекты судебных экспертиз (в свете идей Р. С. Белкина)	189
<i>Гармаев Ю. П.</i> Инновации криминалистической методики в трудах профессора Р. С. Белкина: развитие идеи.	194
<i>Голикова В. В.</i> Методическое обеспечение судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу на прибыль	199
<i>Голикова В. В., Капоченя В. В.</i> Методическое обеспечение судебной бухгалтерской экспертизы операций по учету труда и заработной платы	205
<i>Головин А. Ю.</i> Криминалистика: идеи кризиса или развития?	209
<i>Головина Е. В.</i> Влияние взглядов Р. С. Белкина на систематизацию противодействия расследованию должностных преступлений	214
<i>Горский М. В.</i> Криминалистические знания в России XIX века: исторические штрихи	219
<i>Гребенкин П. И., Лысов Н. Н., Мешков В. М.</i> Становление и развитие Нижегородской школы криминалистов в идеях Р. С. Белкина	224
<i>Грибунов О. П.</i> Концептуальные идеи Р. С. Белкина в криминалистике	228
<i>Грибунов С. П.</i> Тактические особенности проведения допроса свидетелей при расследовании незаконного приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыт незаконно заготовленной древесины	234
<i>Григорович В. Л.</i> Соотношение криминалистической фотографии и криминалистической голографии	238

<i>Григорьев В. Н.</i> О роли профессора Р. С. Белкина в современном становлении и развитии концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях	243
<i>Демин К. Е.</i> Нейтрализация противодействия расследованию преступлений как частная криминалистическая теория	248
<i>Дробинин Д. В.</i> Криминалистические критерии разграничения понятий «осмотр места происшествия» и «осмотр жилища»	253
<i>Дульская Е. Г.</i> К вопросу о судебной финансово-экономической экспертизе по делам о преднамеренном банкротстве	257
<i>Дьяконова О. Г.</i> Подходы к определению объекта и предмета науки «судебная экспертология»	261
<i>Ерофеев А. В.</i> Электронная валюта: некоторые правовые аспекты при исследовании инцидентов в сфере компьютерных финансов	266
<i>Ефименко А. В., Четверкин П. А.</i> Методические особенности определения давности (хронологии) нанесения оттисков удостоверительных печатных форм	269
<i>Жбанков В. А.</i> О роли профессора Р. С. Белкина в развитии общей теории криминалистики	272
<i>Жижина М. В.</i> Доказывание в уголовном и гражданском процессах и криминалистическая деятельность	276
<i>Жукова О. В.</i> Влияние изменения земельного законодательства на деятельность эксперта-землеустроителя	281
<i>Завьялова Д. В.</i> Порядок получения образцов для сравнительного исследования при отсутствии добровольного согласия лица на их предоставление	285
<i>Зайцев Р. В., Зыков В. В.</i> Особенности осмотра места происшествия при электротравме	289
<i>Зиебоева М. Н.</i> Испытательный срок при отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет	292
<i>Зинин А. М.</i> Задачи, решаемые при установлении личности	298

<i>Зинкевич Е. И.</i> Ретроспективное исследование субъектов сферы раскрытия и расследования преступлений.....	301
<i>Иванова Е. В., Журавлева О. С.</i> Следы-вещества как источники криминалистически значимой и доказательственной информации.....	307
<i>Игошин В. В.</i> Современные представления о природе науки криминалистики в свете концепции профессора Р. С. Белкина о ее синтетической сущности	311
<i>Ильин Н. Н.</i> О вероятных выводах эксперта при производстве судебных экспертиз....	316
<i>Исаев А. В.</i> Особенности проведения судебных инженерно-технических экспертиз объектов железнодорожного транспорта	320
<i>Исютин-Федотков Д. В.</i> Экспертное заключение как способ предотвращения хищений в государственных закупках	323
<i>Ишигеев В. С.</i> Некоторые аспекты повышения эффективности методик расследования отдельных видов преступлений	326
<i>Кабирзода Г. К.</i> Методика расследования насилия в отношении женщин.....	328
<i>Каминский М. К., Каминский А. М.</i> О синтетической природе криминалистики в свете идей профессора Р. С. Белкина	333
<i>Карепанов Н. В.</i> Философские категории в обозначении понятия следов как достойное наследие Р. С. Белкина.....	336
<i>Ким Д. В.</i> Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства уголовных дел как реализация идей Р. С. Белкина	340
<i>Кирвель В. К.</i> Проведение судебно-психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в Республике Беларусь: проблемы теории и практики	345
<i>Тончева Росица, Кирков Александр</i> Преимущества и проблемы при управлении электронными доказательствами в судебном процессе.....	354
<i>Клименко Н. И.</i> Светлой памяти патриарха криминалистики Р. С. Белкина	359

<i>Ковалев А. В., Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н., Романенко Г. Х.</i> Оптимизация правовых знаний судебного эксперта – основа объективизации судебно-экспертных исследований	361
<i>Ковалев А. В., Владимиров В. Ю., Савчук С. А.</i> Криминалистическая характеристика преступления – эффективный инструмент ситуационного анализа многокомпонентных процессов в современном мире	366
<i>Ковалева А. В.</i> О некоторых аспектах невербальной коммуникации	371
<i>Рыжак Ю. Ф., Кожанова Б. К.</i> Проблемные вопросы контроля оборота синтетических наркотиков в Республике Казахстан	374
<i>Козырева И. Е.</i> Психологические аспекты расследования самоубийств	379
<i>Колесникова Н. С.</i> Вклад профессора Р. С. Белкина в профессиональную этику судебного эксперта	383
<i>Колотов С. М., Савицкий А. А.</i> Актуальные проблемы проведения судебной финансово- экономической экспертизы операций с цифровыми активами, созданными на основе технологии blockchain	386
<i>Комаров И. М., Ян Е. И.</i> Заметки о ситуационном подходе в криминалистике	392
<i>Комиссаров В. И., Комиссарова Я. В.</i> О доказательственном значении выводов эксперта по уголовному делу	400
<i>Конин В. В., Суханкина Л. И.</i> Криминалистическая характеристика ситуации противодействия в уголовном судопроизводстве: тезисы.	405
<i>Коновалова З. А.</i> Экспертная деятельность в системе государственных закупок	409
<i>Корж В. П.</i> Тактика судебного следствия: вопросы теории и практики.	412
<i>Котяжов А. В.</i> Использование информационных систем государственных органов – операторов обработки персональных данных – в качестве средств розыскной деятельности следователя	416
<i>Крюкова Е. С.</i> Развитие идей профессора Р. С. Белкина об изучаемых криминалистической наукой закономерностях.	421
<i>Крюченко М. С.</i> Проблемные вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве	425

<i>Кубитович С. Н.</i>	
К понятию образцов для сравнительного исследования, полученных оперативным путем	431
<i>Кудряшов Д. А.</i>	
О концептуальных вопросах комплексной экспертизы в научных трудах Р. С. Белкина	438
<i>Кустов А. М.</i>	
Современное развитие частной теории механизма преступления	443
<i>Лавров В. П.</i>	
Р. С. Белкин о криминалистической характеристике и обстоятельствах, подлежащих доказыванию	447
<i>Лазарева Л. В.</i>	
Взгляды Р. С. Белкина на институт судебной экспертизы и их реализация на современном этапе	451
<i>Лапина И. А.</i>	
Социологические методы в криминалистике и судебной экспертизе	455
<i>Лебедева А. К.</i>	
К вопросу об установлении обликовых характеристик личности в судебной фоноскопической экспертизе.	457
<i>Лисовецкий А. Л.</i>	
К вопросу о формировании методики расследования смертельных случаев.	459
<i>Лисонь Мирослав, Вашко Адриан</i>	
Теории в системе наук о полиции. Вклад профессора Р. С. Белкина	461
<i>Лужинская Е. Л.</i>	
Классификация цифровых средств фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы	467
<i>Лукомская А. С.</i>	
Значение судебно-генетической экспертизы в расследовании уголовных дел об экологических преступлениях	472
<i>Лютов В. П., Стариков Е. В.</i>	
Вклад профессора Р. С. Белкина в становление и развитие судебно-технической экспертизы документов.	476
<i>Лютынский А. М.</i>	
Криминалистическая характеристика преступления и ее значение: некоторые аспекты	479
<i>Майлис Н. П.</i>	
Роль теории отражения при производстве экспертного эксперимента	481
<i>Майорова Е. И.</i>	
Р. С. Белкин о судебно-экологических исследованиях	485

<i>Макаренко И. А., Арпентьева М. Р.</i> Контактная детекция идеальной следовой информации в судебной экспертизе	488
<i>Макаренко И. А.</i> Нравственные основы воздействия следователя на участников вербальных следственных действий	495
<i>Максимович А. Б.</i> Вопросы совершенствования методики расследования хищений средств сотовой связи	499
<i>Малыхина Е. А.</i> К вопросу о построении следственных версий при расследовании хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта	501
<i>Мамедов Б. Г.</i> Тактика задержания организованной преступной группы, совершающей вымогательство посредством шантажа	505
<i>Марьина Е. В., Дробинин Д. В.</i> Методика расследования коррупционных преступлений, совершаемых медицинскими работниками	510
<i>Меретуков Г. М.</i> Рафаил Самуилович Белкин и судебная экспертиза	515
<i>Мещеряков В. А.</i> Криминалистическая характеристика отдельных видов преступлений – фантом или реальность?	517
<i>Мишин А. В.</i> Криминалистическая деятельность по исследованию доказательств в суде	521
<i>Можаева И. П.</i> Вклад профессора Р. С. Белкина в становление и развитие организации расследования преступлений	525
<i>Моисеев А. В.</i> Об этике судебного эксперта-психолога	533
<i>Моисеева И. Г.</i> Современный взгляд на метод анализа материалов уголовного дела в судебно-психологической экспертизе	535
<i>Моисеева Т. Ф.</i> Р. С. Белкин о природе криминалистики и судебной экспертизы	539
<i>Мошкунова О. Ю.</i> Рассмотрение сообщений о преступлениях экстремистской направленности, совершаемых в сети Интернет	541

<i>Муратова Н. Г.</i> Мастерство в судебной криминалистике (по страницам книги профессора Рафаила Самуиловича Белкина «Скучная» криминалистика: рассказ об известных, малоизвестных и почти неизвестных средствах и методах поиска истины в правосудии» – 1993 г.)	544
<i>Муратов К. Д.</i> Незаконная выемка и ее правовые последствия (или о том, можно ли полностью исключить выемку из системы следственных действий)	548
<i>Мухитдинов А. А.</i> Правовое положение следователя в уголовном процессе Таджикистана и России	553
<i>Неретина Н. С.</i> Влияние взглядов Р. С. Белкина на формирование представлений о процессе генезиса новых родов и видов судебных экспертиз	559
<i>Нестеров А. В.</i> О доказательственной информации	561
<i>Низамов В. Ю.</i> Обстоятельства, подлежащие установлению и исследованию при расследовании фальсификации доказательств	566
<i>Никишин В. Д.</i> Правовое обеспечение и основания назначения судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистско- террористической направленности	569
<i>Огорелков И. В.</i> К вопросу о едином методическом подходе при проведении автороведческих и лингвистических экспертиз	574
<i>Олиндер Н. В.</i> Проблемы использования информации из социальных сетей при расследовании преступлений	578
<i>Орлова В. Ф.</i> Труды Р. С. Белкина всегда актуальны	582
<i>Панина Н. А.</i> Концепт как признак языкового навыка автора текста	584
<i>Парамонова Л. Ф.</i> Расширение круга субъектов назначения судебной экспертизы: научные идеи Р. С. Белкина и реалии сегодняшнего дня	589
<i>Передерий В. А.</i> Выявление и доказывание обстоятельств, способствовавших совершению преступления, как реализация идей профессора Р. С. Белкина	595

Порада Виктор

Теория и методология научных знаний и характеристика
современного состояния развития криминалистики 600

Посельская Л. Н.

Криминалистическое обеспечение выявления
и собирания доказательств при расследовании преступлений
в сфере экономики 605

Проскурина Т. Ю.

О роли судебно-психологической экспертизы в обеспечении
достоверности показаний участников уголовного процесса 610

Пушкарев В. В.

Использование специальных знаний при расследовании киберпреступлений,
посягающих на системы и ресурсы банковского сектора 615

Рахматуллин Р. Р.

Роль профессора Р. С. Белкина в становлении и развитии различных
криминалистических характеристик 618

Романенко Н. В.

Оперативно-розыскные мероприятия в отношении судьи:
проблемы проверки обусловленности позицией при осуществлении
правосудия. 624

Россинская Е. Р.

Памяти моего отца, выдающегося советского и российского
криминалиста Р. С. Белкина 628

Россинский С. Б.

Собирание, формирование и исследование доказательств как
структурные элементы процесса доказывания по уголовному делу. 634

Рубис А. С., Ронот Р. М.

О необходимости формирования методологических основ оценки
достоверности судебных экспертиз 640

Сааков Т. А.

К вопросу об установлении пола автора по признакам письменной речи . . . 645

Савельев К. А.

Проблемы обеспечения достоверности результатов познавательной
деятельности следователя 649

Савицкий А. А., Колотов С. М.

Актуальные вопросы современной классификации судебных
экономических экспертиз 653

Савченко О. А.

Криминалистически значимые признаки способа совершения
мошенничества в сфере компьютерной информации 662

Самищенко С. С., Самищенко А. С.

Дактилоскопические формулы – новое направление
в исследовании папиллярных узоров человека 666

<i>Саньков В. И.</i> Программирование расследования преступлений – развитие идей профессора Р. С. Белкина	671
<i>Сейтенов К. К.</i> Значение стандартизации в системе судебно-экспертной деятельности . . .	675
<i>Слепнева Л. И.</i> Особенности судебной трасологической экспертизы сигнальных устройств	679
<i>Соколова Т. П.</i> Роль нейминговой экспертизы в доказывании	684
<i>Сорокотягин И. Н., Сорокотягина Д. А.</i> Судебная экспертология – современный этап в развитии судебной экспертизы и экспертного права.	688
<i>Старовойтов В. И.</i> «Запах» и «пахнущие» следы в криминалистике (терминология ольфакторных исследований)	691
<i>Степаненко Д. А., Прудникова А. Ю.</i> Особенности назначения, производства и использования результатов судебной экспертизы формы следов крови в расследовании преступлений.	698
<i>Стиеранка Й., Марко М.,</i> Изъятие и конфискация доходов, полученных от преступной деятельности, в Словацкой Республике	709
<i>Суденко В. Е.</i> Значение идей Р. С. Белкина о методологическом потенциале категорий диалектики в криминалистике	714
<i>Татьянина Л. Г.</i> Назначение судебно-психиатрической экспертизы подозреваемым, обвиняемым в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	719
<i>Тишутина И. В.</i> Научное наследие профессора Р. С. Белкина и его роль в становлении частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию преступлений.	722
<i>Трикоз Е. Н., Труш Д. Е.</i> Зарождение криминалистики в Британской Индии и преступность тугов в XIX веке.	727
<i>Фадеев В. А.</i> Особенности тактики допроса эксперта в современном гражданском и арбитражном процессе как реализация идей Р. С. Белкина.	731
<i>Фролова Е. Ю.</i> Взаимодействие следственных и налоговых органов в процессе доказывания фактов умышленной неуплаты налогов	735

<i>Халиков А. Н.</i> Нравственные и правовые требования объективности к расследованию уголовных дел в наследии Р. С. Белкина	740
<i>Харламова О. А.</i> Портретная экспертиза на современном этапе: проблемы и пути решения	744
<i>Хейфец Л. С.</i> Использование вероятного (вероятностного) заключения эксперта в процессе доказывания	748
<i>Хлус А. М.</i> Влияние идей Р. С. Белкина на формирование методик расследования преступлений коррупционной направленности	754
<i>Хмелева А. В.</i> Проблемные вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений (по результатам обобщения следственной практики подразделений Следственного комитета Российской Федерации)	759
<i>Хмыз А. И.</i> Проблема использования нетрадиционных методов при раскрытии и расследовании преступлений на примере гипноза	765
<i>Холопов А. В.</i> Синтетичность криминалистики как причина кризиса	770
<i>Хорошева А. Е.</i> Некоторые теоретические аспекты развития методики и тактики судебного разбирательства уголовных дел	775
<i>Хох А. Н., Кузменков Д. Е.</i> Возможность использования травянистых растений-биоиндикаторов в судебно-экологических экспертных исследованиях	780
<i>Хрусталеv В. Н.</i> Роль Р. С. Белкина в модернизации российской академической подготовки судебных экспертов	784
<i>Цурбанов С. А.</i> Реализация идей профессора Р. С. Белкина при разработке системы методико-криминалистического обеспечения установления состояния необходимой обороны и эксцесса обороны	789
<i>Цурлуй О. Ю.</i> Суд как субъект доказывания по уголовному делу	792
<i>Черепенько Г. В.</i> Методическое обеспечение производства судебно- почерковедческой экспертизы по копиям документов	796

<i>Чубина Е. А.</i> Возможно ли «обезличенное сравнение»: к вопросу об экспертной терминологии	801
<i>Чулахов В. Н.</i> О систематизации научных криминалистических знаний в свете идей Р. С. Белкина	807
<i>Шалкарова И. А.</i> Значение интеграции психологических знаний в оптимизации системы криминалистического обеспечения субъектов оперативно-следственной деятельности.	811
<i>Шахбазов Р. Ф., Сизов А. А.</i> Доказательственное значение криминалистической методики на примере расследования преступлений, совершаемых индивидуальными предпринимателями	816
<i>Швед А. И.</i> Применение уровневого подхода при разработке проекта Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности»	820
<i>Шведова Н. Н.</i> Экспертные ошибки: история с продолжением	825
<i>Шелегов Ю. В.</i> Система косвенных доказательств как основа достоверного установления фактических обстоятельств уголовного дела	829
<i>Шестак В. А.</i> Криминалистическое и доказательственное значение судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения в современных условиях.	833
<i>Шишкина Е. В.</i> Актуальность идей профессора Р. С. Белкина по вопросам профессиональной следственной этики	837
<i>Шруб М. П.</i> Научная школа кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь – развитие идей профессора Р. С. Белкина	842
<i>Щербаковский М. Г.</i> Цели использования судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве ...	847

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

<i>Абдыканова А. Е.</i> Причины и условия, способствующие совершению преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних	852
<i>Алехина А. Е.</i> Выявление лжи как важнейшая тактическая задача при допросе обвиняемого. Тактические приемы и решения	857

<i>Берегова А. Л.</i> Место и роль юридической психологии в расследовании киберпреступлений	862
<i>Борисова В. Н.</i> Проблемные аспекты определения предмета, объектов и задач судебной экспертизы на основе теоретических положений, сформулированных профессором Р. С. Белкиным	867
<i>Бучко А. В.</i> Значение привлечения педагогов и психологов для реализации тактических приемов допроса несовершеннолетних	872
<i>Гегбардт А. А.</i> Жертва ятрогенных преступлений: криминалистический аспект.	877
<i>Гусельникова О. В.</i> Особенности взаимодействия Следственного комитета и МЧС России	880
<i>Евсюков П. В.</i> Особенности тактики допроса по делам о преступлениях, совершаемых организованными преступными группами.	882
<i>Елисеева М. Г., Катагощина У. В.</i> Получение информации о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами. Криминалистические возможности.	886
<i>Ермошкин Д. А.</i> О необходимости изъятия контрольных образцов при обнаружении следов, похожих на кровь.	890
<i>Заблоцкая О. А.</i> Механизм противодействия киберпреступлениям в отношении несовершеннолетних.	892
<i>Зильмухамедова А. Н.</i> Криминалистические аспекты противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов при проведении финансовых операций с использованием офшорных зон	896
<i>Капоченя В. В.</i> Проблемы профессиональной подготовки эксперта-бухгалтера.	900
<i>Коробов Д. И.</i> Тактико-криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в суде с участием присяжных заседателей.	904
<i>Коробов Д. И., Корякова В. В.</i> Назначение судебной экспертизы в уголовном процессе.	909
<i>Корякова В. В.</i> Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств по административным делам.	914

<i>Левченко С. Г.</i> Всеобщая дактилоскопическая и геномная регистрация в контексте конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации.	918
<i>Макарова А. В.</i> Предмет, объект и задачи судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения.	924
<i>Мартынович М. С., Мыскина К. М.</i> Криминалистическая регистрация: современное состояние и тенденции развития.	928
<i>Надбитова А. С.</i> Проблемы законодательного регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.	932
<i>Озерова Н. Д.</i> Психологические аспекты проведения обыска.	936
<i>Погосян К. Г.</i> Судебная бухгалтерская экспертиза операций по учету товарно-материальных ценностей: предмет, объект и задачи.	939
<i>Попова Е. В.</i> Взгляды Р. С. Белкина на проблему предмета и объекта отдельного вида судебной экспертизы (на примере судебной бухгалтерской экспертизы денежных средств при расчетно-кассовых операциях и безналичных платежах).	944
<i>Саркисян А. А.</i> Профессор Р. С. Белкин об экспертном эксперименте.	947
<i>Тараскаева А. О.</i> Формирование внутреннего убеждения эксперта и его влияние на экспертные ошибки.	950
<i>Томилин Д. О.</i> Особенности методики расследования серийных убийств.	955
<i>Ульянова М. А.</i> Проблема назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела: история вопроса и его актуальное состояние.	962
<i>Чернова Д. В., Чернова К. В.</i> Взгляд профессора Р. С. Белкина на проблему экспертных ошибок.	964
<i>Чернышова А. С.</i> К вопросу о необходимости судебно-экспертного исследования письменной речи учащихся общеобразовательных учреждений.	968
<i>Чернявская М. С.</i> Значение идей Р. С. Белкина для родовой классификации судебных экспертиз.	973

<i>Шаймарданов Т. Р.</i>	
Упрощенные производства в уголовном процессе России: реалии и тенденции в свете взглядов и прогнозов Р. С. Белкина	978
<i>Шицакова А. М.</i>	
Проблемы психофизиологического исследования (экспертизы) как основной формы полиграфных проверок в уголовном судопроизводстве	981
<i>Шувалова Е. В.</i>	
Необходимость использования специальных знаний при расследовании компьютерных преступлений	986
<i>Яготинцева Т. Ю.</i>	
Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании: современное законодательство и позиция Р. С. Белкина . . .	991
<i>Яковлева А. В.</i>	
Использование биометрических технологий в криминалистической регистрации.	994
Список участников Международной научно-практической конференции «Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина. К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста»	999